NEW DIRECTIONS IN SLAVIC STUDIES

LANGUAGE, LITERATURE, AND POLITICAL DISCOURSE

Tatjana Portnova,
Inés de los Ángeles González-Hidalgo,
María del Pilar Peña-Molina
(eds.)

UNIVERSIDAD DE GRANADA | eug EDITORIAL UNIVERSIDAD DE GRANADA

T. Portnova, I. A. González-Hidalgo, M. P. Peña-Molina (eds.).

NEW DIRECTIONS IN SLAVIC STUDIES
LANGUAGE, LITERATURE, AND POLITICAL DISCOURSE

GRANADA 2026

© THE AUTHORS
© UNIVERSIDAD DE GRANADA
New Directions in Slavic Studies: Language, Literature, and Political Discourse / T. Portnova, I. A. González-Hidalgo, M. P. Peña-Molina (eds.).
ISBN: 978-84-338-7814-4

Editorial Universidad de Granada
Campus Universitario de Cartuja. Granada

Cover design: María del Pilar Peña-Molina
Interior layout: Aurora Campillo González

Any form of reproduction, distribution, public communication, or transformation of this work may only be carried out with the authorization of its rights holders, except where otherwise provided by law.

All chapters included in this volume have undergone a rigorous, independent peer-review process. Each contribution was evaluated by at least two external experts in the field to ensure academic integrity, scientific quality, and relevance to the scope of this book. The editors gratefully acknowledge the invaluable support and expertise of the reviewers who contributed to the refinement and acceptance of these works.

ÍNDICE

INTRODUCCIÓN 10
Abdyusheva Minnibaeva, Gulnaz; Arsentieva Antonova, Natalia. LA PROSA JUVENIL DE FEDERICO GARCÍA LORCA EN RUSIA: ESTADO DE CUESTIÓN 12
Anastasyeva, Irina. К ПРОБЛЕМЕ КОММЕМОРАТИВНОГО ДИСКУРСА: МИФЫ И ТРАДИЦИИ 21
Artemova, Liudmyla; Lukashenko, Nataliia. LOS RETOS DE TRADUCCIÓN DEL DISCURSO PUBLICITARIO AL UCRANIANO: LOS ASPECTOS APELATIVO Y PERSUASIVO 31
Бородін, Ксенія; Лазаренко, Олеся. ЛЕКСИЧНИЙ МІНІМУМ РІВНІВ А1 ТА А2 ДЛЯ ВИВЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: МЕТОДОЛОГІЯ СТВОРЕННЯ ТА ПРАКТИЧНІ ВИКЛИКИ 41
Bradić, Stevan. FROM SUPPLEMENT TO EXCLUSION: THE SHIFTING AUTONOMY OF LITERATURE IN SOCIALIST YUGOSLAVIA AND POST-SOCIALIST SERBIA 53
Dohnal, Josef. УЧЁНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА МЕДВЕЖИЙ ОСТРОВ О. И. СЕНКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ 64
Durić, Dejan; Marot Kiš, Danijela. IS THERE CLIMATE FICTION IN POST-YUGOSLAV LITERATURE? 75
Ermolaeva, Oksana. SELECTIVE FRONTIERS: THE LOGIC OF BORDER FILTERING IN THE RUSSIAN EMPIRE 86
Evtushenko, Olga. СЛОМ ОГРАНИЧЕНИЙ: НОВЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ВКУС РОССИИ 100
Filipek, Malgorzata. PÓŁWYSEP IBERYJSKI W RELACJACH Z PODRÓŻY STANISLAVA KRAKOVA 111
Fras, Ana. VERBO SOPORTE DAR EN LAS COLOCACIONES ESPAÑOLAS Y SUS CORRESPONDENCIAS EN ESLOVENO (DENTRO DEL CAMPO SEMÁNTICO DE LA MENTE) 121
García Andrés, César. EL INTENTO DE RECONOCIMIENTO DE LA REPÚBLICA POPULAR DE UCRANIA 131
García Brunelli, Florencia; Brasca, Érica. IMPORTADORAS DE MAIAKOVSKI Y DE PUSHKIN EN LA ARGENTINA DE LA DÉCADA DE 1940: LILA GUERRERO Y OLGA VOLKÓNSKAIA 142
Gavurová, Miroslava. SHAPING MINDS: PROPAGANDA STRATEGIES IN DIALECT LEAFLETS FROM EASTERN SLOVAKIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY 153
Gigli, Rebecca. LIFE WRITING IN 18TH-CENTURY RUSSIA AND THE «FORGOTTEN» AUTOBIOGRAPHY OF G. I. DOBRYNIN (1752–1827) 163
Goñi, Inés. NABÓKOV COMO AUTOTRADUCTOR DE SU AUTOBIOGRAFÍA 172
Grominová, Andrea. СВОБОДА КАК ВАЖНЕЙШАЯ ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА (О ПОЭЗИИ И ПОЭТИКЕ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ) 184
Hadžihalilović, Sandra. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОГАНОВ СБОРНЫХ КОМАНД – УЧАСТНИЦ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018 ГОДА 192
Horváth, Miloš. INCLUSIVE STYLISTICS IN TEACHING SLOVAK: THE CONCEPT OF

OPTIMAL COMFORTABLE STYLISTICS 205
Hradilová, Darina. CZECH AS A FOREIGN LANGUAGE: MEDIATION AS A TEACHING STRATEGY AND A TARGET COMPETENCE 213
Hristovsky, Gueorgui; Radkova, Antonia. VOWEL E–ZERO ALTERNATIONS IN BULGARIAN ADJECTIVES WITH SUFFIX -EN: LINGUISTIC GENERALIZATIONS AND TEACHING APPLICATIONS 223
Hušková, Liudmila. ЧЕРТЫ ПИСЬМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В СЕТИ «ИНСТАГРАМ» 237
Ivanová, Martina; Hrubaničová, Ingrid. EXPLORING ACCEPTABILITY OF MARGINAL ADJECTIVE COMPOUNDS IN SLOVAK BY NATIVE AND NON-NATIVE SPEAKERS 246
Jirsa, David. COLONIALISM WITHOUT COLONIES – THE CZECH CASE 259
Канделаки, Дали. МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И РОЗНЬЮ: ВЗГЛЯД ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ НА КАВКАЗ 1905 ГОДА 269
Karanović, Vladimir. LA RELECTURA NEOHISTORICISTA DEL CUENTO ALEGÓRICO-SATÍRICO «LA MARCA» DE RADOJE DOMANOVIĆ 283
Klimenok, Aleksandr. «КРЫЛЬЯ» МИХАИЛА КУЗМИНА: ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ РОМАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИФОЛОГИИ 292
Komorowska, Ewa; Stanulewicz, Danuta. «ПОЖЕЛАНИЕ» КАК РЕЧЕВОЙ АКТ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ИЗБРАННЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 299
Kopečková, Michaela. PRONUNCIATION DEVIATIONS IN CZECH READ-ALOUD PERFORMANCE BY NON-NATIVE SPEAKERS OF CZECH – SLAVS AND NONSLAVS 309
Kulagina, Daria. КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ ВЫХОДНОЙ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ 323
Кузьминых, Ксения. ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКОБОГА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. КАМЮ 331
Lanin, Boris. СТРАХ КАК ЖАНРОВЫЙ СТЕРЖЕНЬ РУССКОЙ ДИСТОПИИ 343
Linde-Usiekniewicz, Jadwiga; Łaziński, Marek. STRUCTURAL AND SOCIETAL CHALLENGES TO INCLUSIVE USE OF GRAMMATICAL GENDER IN POLISH 352
Magda, Dorota. MITYCZNE KOSOWO BRANISLAVA NUŠICIA: DZIENNIK JAKO ŚWIADECTWO KULTUROWE 364
Маринова, Мария. ФЕНТЪЗИ РОМАНИТЕ С ФОЛКЛОРНИ МОТИВИ В СЪВРЕМЕННАТА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА – ТРАДИЦИОННИ ЕЛЕМЕНТИ И СЪВРЕМЕННИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 375
Měsíc, Jiří. LAS CORRIDAS DE TOROS EN LA LITERATURA DE LOS VIAJEROS CHECOS DEL SIGLO XIX 385
Mikhailov, Mikhail. ЛЕНИН ПО-ИСПАНСКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИМИНУТИВОВ 397
Moreno-Szypowska, Jadwiga Clea. JACOB FRANK ¿ESPURIO REVOLUCIONARIO O HIJO DE SU ÉPOCA? ALGUNAS OBSERVACIONES SOBRE EL PROTAGONISTA DE LA

NOVELA *LOS LIBROS DE JACOB* DE OLGA TOKARCZUK....413
Movchan ,Yana. ФОРМАЛЬНІ ЗАСОВИ ВИРАЖЕННЯ МАЙБУТНЬОЇ ДІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ....422
Muñoz Macías, Ana. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОССИИ В CHARLIE HEBDO ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ В УКРАИНУ В 2022 ГОДУ....436
Navtanovich, Liudmila. «ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД» НА ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)....452
Padsasonny, Siarhei. ИДЕИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В «КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ»....462
Pejović, Anđelka. FRASEOLOGISMOS COMO REFERENTES CULTURALES EN LA NOVELA TVRĐAVA DE MEŠA SELIMOVIĆ Y SU TRADUCCIÓN AL ESPAÑOL....474
Petrovska, Lesia; Diklić, Tanja. JEZIČNA ODSTUPANJA U OVLADAVANJU HRVATSKIM JEZIKOM KOD POLAZNIKA S UKRAJINSKOGA GOVORNOG PODRUČJA: KOMUNIKACIJSKI ASPEKTI....488
Pirozhenko, Olga. LA PROYECCIÓN DE LA IDENTIDAD CULTURAL RUSA Y ESPAÑOLA A TRAVÉS DE LOS ELEMENTOS LINGÜÍSTICOS Y EXTRALINGÜÍSTICOS....500
Pukan, Miron. PODOBY PERFORMATIVITY A DIVADELNEJ TVORBY V NEZÁVISLÝCH KULTÚRNYCH CENTRÁCH NA SLOVENSKU NOVÉHO MILÉNIA....508
Рабреновић, Милица. КО СУ МИ, А КО СУ ОНИ? ИСПИТИВАЊЕ СТАВОВА РЕЦИПИЈЕНАТА О ДИХОТОМИЈИ ТОКОМ ПРЕДИЗБОРНЕ КАМПАЊЕ НА ПРИМЕРИМА ИЗ СРПСКИХ МЕДИЈА....519
Разумовская, Вероника А. СИБИРЬ, ОТРАЖЕННАЯ В АСТАФЬЕВСКИХ ТЕКСТАХ И ПЕРЕВОДАХ: СИБИРЕВЕДЧЕСКИЙ И ЭТНОПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ527
Robles Menéndez, Iván. EL PROCESO DE ESLAVIZACIÓN EN GAGAUZIA: UN TESTIMONIO DE IDENTIDADES, ASIMILACIÓN Y RESILIENCIA....541
Romaniszyn-Ziomek, Lidia. OPOWIEŚCI O CZŁOWIEKU W PROZIE WIESŁAWA MYŚLIWSKIEGO – TRAKTAT O ŁUSKANIU FASOLI ORAZ UCHO IGIELNE....550
Roshu, Zinaida. LA SINESTESIA LINGÜÍSTICA EN RUSO....558
Ruseva, Maria. ЛИТЕРАТУРНИ РЕФЛЕКСИИ ВЪРХУ ИСПАНСКИТЕ КУЛТУРА И ИЗКУСТВО В РАЗКАЗА «ЗАДУШНА НОЩ В СЕВИЛЯ» (1949) НА ДИМИТЪР ДИМОВ....566
Ryko, Anastasiia. ПЕРЕПИСКА П.И. ТОРЧАКОВА КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ XVII ВЕКА....574
Schwarzl, Natalia. NAVIGATING DIGITAL TRANSFORMATION IN TEACHER EDUCATION: DEVELOPING OPEN EDUCATIONAL VIDEOS FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE....587
Šeatović, Svetlana; Terzić, Marija. SPAIN IN JOVAN DUČIĆ'S TRAVELOGUES AND DIPLOMATIC AFFAIRS....598
Славкова, Светлана. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ В СССР (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ)....606
Sosnovtseva, Elizaveta. «КРАСНЫЕ РЫБЫ С ПУШИСТЫМ ХВОСТОМ»: НА КАКОМ

РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПИШУТ ШКОЛЬНИКИ В ЭСТОНИИ? 620
Součková, Marta. K TEMATIZÁCII CUDZINY V SLOVENSKEJ PONOVEMBROVEJ PRÓZE ... 632
Stefanov, Martin. RESTRICTIVE PARTICLES AS DISCOURSE MARKERS IN SOUTH SLAVIC LANGUAGES (CONTRASTIVE STUDY ON THE AT LEAST PARTICLES IN BULGARIAN, SERBIAN, CROATIAN, AND SLOVENE) 640
Stupak, Inna V.; Baayen, R. Harald. SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL DIMENSIONS OF THE NUMBER CATEGORY IN UKRAINIAN NOUNS: A CORPUS-BASED ANALYSIS . 650
Тарасенко, Татьяна В. «ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ» КАК ЯВЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ПЕРЕВОДА «ЗОНЫ» С. ДОВЛАТОВА 660
Tarpomanova, Ekaterina. BULGARIAN ADVERSATIVE CONNECTIVES IN GENEALOGICAL AND TYPOLOGICAL PERSPECTIVE 673
Tobiasz, Aleksandra. EUROPE SEEN FROM ITS FRINGES (ANDRZEJ STASIUK, YURI ANDRUKHOVYCH) 681
Todorović, Jovana B. ENERACIJSKA RAZLIKA I LJUBAV KAO PROSTOR REDEFINISANJA IDENTITETA U ROMANU OTKAKO SAM KUPILA LABUDA TANJE STUPAR TRIFUNOVIĆ 692
Trivić, Aneta. POTENCIAL SIMBÓLICO Y TRADUCTOLÓGICO DE FRASEOLOGISMOS QUE REFLEJAN LA IDEA DE HONOR EN EL PLANO SERBIO-ESPAÑOL 699
Ulašin, Bohdan. TRADUCCIÓN DE TÍTULOS DE OBRAS LITERARIAS Y CINEMATOGRÁFICAS ESLOVACAS Y CHECAS AL ESPAÑOL 709
Уразбекова, Алина. КАК НЕ ПУТАТЬ КРУГЛОЕ С ЗЕЛЕНЫМ? АНТИПОСЛОВИЦЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ YOUTUBE 720
Vančo, Ildikó; Oros Bugár, Anna; Kozmács, István. RETHINKING SLOVAK LANGUAGE EDUCATION FOR MINORITIES: ATTITUDES AND PROFICIENCY GAPS AMONG HUNGARIAN-MEDIUM PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN SLOVAKIA 728
Vasilev, Venislav. УЧИТЕЛЯТ. ФИГУРАТА НА МЕНТОРА У ТРИМА СЛАВЯНСКИ ДРАМАТУРЗИ В КРАЯ НА XIX И НАЧАЛОТО НА XX ВЕК С ПРЕПРАТКИ КЪМ ШЕКСПИР (УИЛЯМ ШЕКСПИР, «УКРОТЯВАНЕ НА ОПЪРНИЧАВАТА» – ИВАН ЦАНКАР – «СЛУГИ», – ПЕТКО ТОДОРОВ – «ПЪРВИТЕ», – АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ – «ЧАЙКА» – «ТРИ СЕСТРИ») 739
Vidosavljević, Milena. EL DESARROLLO DE LA ENSEÑANZA DEL IDIOMA SERBIO COMO LENGUA EXTRANJERA 747
Villegas Cara, Francisco Manuel. STRATEGIC NARRATIVES AND MEDIA: RUSSIA'S DISCOURSE IN THE UKRAINIAN CONFLICT 755
Vukićević, Dragana; Milosavljević Milić, Snežana. СЛОВЕНСКИ ОРИЈЕНТ КАО КЊИЖЕВНИ ТОПОНИМ БАЛКАНА 769
Weigl, Anna. УСПЕХ И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ УРОВНЕВОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ В ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА) 780
Yanev, Kristiyan. ЕКЗОТИЧНИ ОБИЧАИ И ТРАВМАТИЧНО МИНАЛО: ПОЛСКИТЕ ПРЕДСТАВИ ЗА ИСПАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНИТЕ РЕПОРТАЖИ НА КАТАЖИНА

КОБИЛЯРЧИК 788
Young, Sarah J. COLLECTIVE VOICES AS CULTURAL MEMORY IN GULAG NARRATIVES ... 801
Zaynuldinov Tiarenkov, Andrey. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ОБЩИХ НАИМЕНОВАНИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ (ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД) 811
Zdravkovska-Adamova, Blagojka.; Džogović, Suada A.; Taneska, Aleksandra P. ИНОВАТИВНИ МЕТОДОЛОГИИ ЗА СТИМУЛИРАЊЕ НА КРИТИЧКОТО МИСЛЕЊЕ: АНАЛИЗА НА ПРЕДАВАЊЕТО НА ПРЕДМЕТОТ «МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК – СРЕДНО НИВО» 823
Zhelev, Nedyalko. СБЛЪСЪК С НОВАТА РЕАЛНОСТ – СТРАТЕГИИ НА ГРАФИЧНИЯ РОМАН В БАЛКАНАЛИЯ НА САМИРА КЕНТРИЧ 846
Zlatanovič, Lukáš. LAS SALAMANDRAS (NO) CENSURADAS: ANÁLISIS DE CENSURA EN LA PRIMERA EDICIÓN ESPAÑOLA DE LA GUERRA CON LAS SALAMANDRAS DE KAREL ČAPEK 855
Żukowska, Kamila. WOMEN AND FRIENDSHIP: THE POETIC WORKS OF ELŻBIETA GLAIZE (CA. 1772-1840) IN THE CONTEXT OF THE SENTIMENTAL FASCINATION WITH FRIENDSHIP 866
Zvekić-Dušanović, Dušanka; Ajdžanović, Jelena. POLIFUNKCIONALNOST POETSKOG TEKSTA U NASTAVI SRPSKOG KAO NEMATERNJEG/STRANOG/ZAVIČAJNOG JEZIKA 881

INTRODUCTION

The present volume, titled *New Directions in Slavic Studies: Language, Literature, and Political Discourse*, presents selected research on contemporary issues and themes within the scope of Slavic studies. The volume includes studies in several Slavic languages, English and Spanish that encompass a wide variety of themes like Contrastive Linguistics and Translation; Didactics of Slavic Languages as Foreign Language; Comparative Literature and Travel Narratives; Discourse, Media and Propaganda; Identity, Cultural Memory and Gender in Slavic Literature; History of Literature and Analysis of Classic and Modern Slavic Writers; and others. The large territory of the origin of the authors gives a possibility to cover these key themes from the perspective of different languages and countries. Several chapters draw a connection with the Spanish-speaking world.

In the field of Contrastive Linguistics and Translation, the main problematics applied to several languages are addressed. The studies on publicity translation, translation difficulties among different languages and phraseology translation are some of the problems that arise in the volume. Literary translation issues are also treated in the present volume, dealing with translation tendencies between Slavic languages and Slavic and Spanish languages. The actual problems propose solutions from a pragmatic, semantic-cognitive and corpus-based perspective.

Didactics of the Slavic Languages as a Foreign Language brings out different proposals and research on the newest methods of language learning. The proposals are primarily of an applied and didactic nature. The chapters in this section address the modern challenges of teaching Slavic languages in a world of globalisation and digitalisation. They cover current issues such as linguistic changes influenced by social media and the development of a core vocabulary in Slavic languages. The teaching approaches implemented by various authors in the classroom highlight the need to develop new methodologies that respond to an increasingly globalised classroom environment. The language combinations addressed in these studies range from the teaching and learning of Slavic languages within the Slavic world to the learning of Slavic languages by non-Slavic speakers.

Comparative Literature and Travel Narratives presents studies focusing primarily on imagology, mostly concerning the image of Spain as constructed by travellers from various Slavic countries in the 19th and 20th centuries. It explores fascination, stereotypes and culture shock, as well as the transfer of cultural reception through travel. The volume also includes studies dealing with aesthetic reception and influence between Spanish-speaking and Slavic-speaking countries, analysing the reception of literature from different countries and its influence.

The chapters related to Discourse, Media and Propaganda analyse language as an instrument of power, ideology and social control. Some of the chapters in this volume analyse media and historical texts with the aim of identifying how political narratives are constructed and public opinion is manipulated in contexts of geopolitical change. The studies cover different political and historical realities, all with the common aim of understanding the processes of linguistic manipulation.

The chapters on Identity, Cultural Memory and Gender in Slavic Literature combine literary theory with sociology and the politics of identity. The essays analyse how various works of Slavic literature have served as a space for processing historical traumas, debating the autonomy of art under political regimes, or challenging social norms. For example, chapters are dealing with social marginalisation and diversity: gay

literature, the challenges of inclusive linguistics, and the problematic nature of concepts such as 'border' or 'exclusion'.

Finally, the studies in History of Literature and Analysis of Classic and Modern Slavic Writers present analyses based on hermeneutic methodology, formal analysis and historical poetics. The volume features various studies of classical and contemporary literature, addressing topics such as the evolution of poetic and narrative genres and the influence of major figures on the thought of different Slavic cultures. The classics are re-evaluated through the prism of new literary theories or in the light of their reinterpretation within contemporary thought. A wide range of authors from different Slavic literatures is analysed.

Taken together, the contributions gathered in this volume bear witness to the vitality and broadness of contemporary Slavic studies. The thematic diversity on display, from corpus linguistics and pedagogical innovation to trauma studies and political discourse analysis, far from fragmenting the collection, reveals the interconnected nature of language, literature, culture and society in the Slavic world and beyond. A publication of this scope is, above all, a collective achievement. The editors wish to extend their sincere gratitude to all the scholars who entrusted their research to this publication, to the peer reviewers whose careful reading strengthened each contribution, and to the institutions whose support made this volume possible. It is our hope that *New Directions in Slavic Studies: Language, Literature, and Political Discourse* will serve as a stimulus for the cross-disciplinary and cross-cultural dialogues that remain at the heart of Slavic philology, and that will, no doubt, continue to flourish in the years ahead.

Tatjana Portnova
Inés de los Ángeles González-Hidalgo
María del Pilar Peña-Molina

LA PROSA JUVENIL DE FEDERICO GARCÍA LORCA EN RUSIA: ESTADO DE CUESTIÓN

Gulnaz Abdyusheva Minnibaeva
Natalia Arsentieva Antonova
Universidad de Granada

1. Introducción

Cuando nos referimos a la obra inédita de juventud de García Lorca es fundamental precisar qué entendemos por «inédito», ya que no todo lo que pertenece a su *juvenalia* permaneció necesariamente desconocido durante su vida.

Bien es sabido que la primera obra de Federico García Lorca que vio la luz fue *Impresiones y paisajes*, una edición financiada por su padre y publicada en 1918, presentada en el Centro Artístico de Granada (Mora, 1958: 90-98). Este libro recoge textos de sus viajes por Castilla, Galicia y León, realizados con su profesor y mentor literario, Martín Domínguez Berrueta, quien desempeñó un papel fundamental en la formación literaria y estética de Lorca durante su juventud (García, 1980: 92-93).

Aunque cabe señalar que el primer mentor literario de García Lorca no fue Domínguez Berrueta, sino don Antonio Rodríguez Espinosa, testigo de su bautizo y antiguo compañero de doña Vicenta, madre del poeta, en la escuela de Fuente Vaqueros. En 1903, Rodríguez Espinosa fue trasladado a la Escuela del Hospicio de Almería, situada en el edificio del Hospital Provincial. Allí residió con su esposa y sus cuatro hijas Carmen, Trinidad Mercedes, Ana y Angustias en la casa de la calle Balmes que hoy lleva su nombre. Durante su estancia en Almería, Rodríguez Espinosa preparó a varios niños para el examen de ingreso al Bachillerato, alojando a seis de ellos en su casa, entre ellos a Federico (Ruiz-Baena, 2017: 73-82).

Fue en este ambiente donde Federico García Lorca escribió los dos primeros documentos firmados que se conservan: la solicitud para presentarse al examen de ingreso en el Instituto General y Técnico**,** y el texto del examen mismo que consistía en un fragmento del capítulo XIII de la primera parte de *Don Quijote de la Mancha* la escena en que los pastores entierran a Crisóstomo, muerto de amor por el desdén de la hermosa Marcela**,** además de ejercicios matemáticos de división y multiplicación (Ceba, 2013: 1).

Posteriormente, ya instalado en Granada, Lorca decidió abandonar su formación musical para centrarse en la literatura, bajo la influencia directa de Martín Domínguez Berrueta, su profesor en la Universidad de Granada y su mentor literario durante los años universitarios. Berrueta acompañó a Lorca en sus primeros viajes por la península, donde el joven poeta recogió impresiones que posteriormente conformarían *Impresiones y paisajes* (Maurer, 1986: 13). Este profesor fue clave en la orientación académica y literaria de Lorca, alentándolo a cultivar un estilo propio y explorando juntos las tradiciones literarias españolas, así como el modernismo y el simbolismo contemporáneo.

Así, la obra juvenil de Lorca se construyó entre la tutela pedagógica de don Antonio Rodríguez Espinosa, que le proporcionó la primera base académica, y el acompañamiento cultural y literario de Martín Domínguez Berrueta, que fue su primer verdadero mentor literario, con quien viajó y para quien escribió textos decisivos en la formación de su poética (Vicent, 1969: 46). El 16 de enero de 1909, según el acuerdo de la Junta Local de primera enseñanza, se trasladaría a D. Antonio a la escuela del Barrio Alto de Almería

para cubrir una vacante por jubilación. Esto motivaría la mudanza de toda la familia de D. Antonio y de los seis niños que tenía a su cargo a la mencionada casa-escuela. En esta segunda residencia almeriense es donde el mismo Federico relata haber escrito su primer poema:

> A los siete años fui a Almería, donde estuve en un colegio de escolapios (sic) y donde comencé el estudio de la música. Allí hice el examen de ingreso, y allí tuve una enfermedad en la boca y en la garganta que me impedía hablar y me puso a las puertas de la muerte. Sin embargo, pedí un espejo y me vi el rostro hinchado, y como no podía hablar, escribí mi primer poema humorístico, en el cual me comparaba con el gordo sultán de Marruecos Muley Hafid (García-Posada, III, 2017: 306)

La mencionada enfermedad sería la causa del abandono de la ciudad de Almería a Asquerosa donde residía la familia, que adoptó la decisión de trasladarse permanentemente a Granada para que Federico y sus hermanos pudieran continuar sus estudios.

Desde la muerte de la madre de don Federico García Rodríguez en 1898 (año en que nace su hijo Federico), su hermana Isabel convivía con él. La tía Isabel había heredado el talento musical, al igual que su hermano Luis o el tío Baldomero, muy censurado por sus libertinajes por don Federico, quien no veía con buenos ojos su vida de farándula (Gibson, 2019: 23). Esta pasión y habilidad musical se la transmite Isabel poco a poco a su sobrino Federico, enseñándole música y regalándole su primera guitarra. La mudanza a Granada propició la compra de un piano y contrataron a un profesor para que les enseñara a tocarlo. El hermano de Federico, Francisco, renunció, porque no le gustaba el solfeo y no aprendió a interpretar las partituras; Federico y su hermana Concha sí progresaron. Este primer profesor de piano fue Eduardo Orense Talavera, segundo organista de la catedral de Granada y pianista del Casino.

Posteriormente seguirían estudiando piano y armonía con Antonio Segura Mesa, que había sido discípulo de Verdi. Entre sus alumnos más prestigiosos figuraron el guitarrista Ángel Barrios y el compositor de zarzuelas Francisco Alonso. Años más tarde el maestro tenía 70 años y Lorca, con 17, ya era un pianista con un futuro prometedor; tenía una gran facilidad para tocar el piano don Antonio, intentó sin éxito persuadir a don Federico para que su hijo continuara sus estudios de piano a un nivel superior en el Gran Conservatorio de París. El padre del poeta no quería otro tío Baldomero en la familia (Ruiz-Baena, 2017: 103). Resignado a no ser músico, empezó a asistir a las clases de la universidad. En la facultad conocería al profesor que sería su segundo mentor en las letras: don Martín Domínguez Berrueta, quien supo trasmitirle, además del conocimiento, la pasión por la literatura. Un año más tarde se dieron dos circunstancias que serían trascendentales en la vida de Federico: la muerte de D. Antonio Segura y los dos viajes de estudios efectuados con Martín Domínguez Berrueta. En el transcurso de los viajes iría publicando algunos relatos en la prensa local y enriqueciendo el epistolario familiar, como siempre que viajó, contando sus experiencias (Maurer, 1986: 14).

Fruto de la recopilación de estos escritos sería *Impresiones y paisajes* cuya dedicatoria a su profesor de música supondrá la ruptura con el docente de literatura. No obstante, Federico en el transcurso de esos viajes ya le había comunicado a su hermano Francisco su decisión de abrazar las letras después de la segunda expedición de octubre (Stainton, 1999: 47). La confianza en su prosa se la daría el Diario de Burgos, que en el verano de 1917 le publicó algunos artículos relativos a sus sensaciones experimentadas en los viajes.

El mismo Federico afirmaría su transición hacia la literatura en una cita en sus *prosas místicas;* es la anotación final con la que rubrica y fecha este escrito:

Noche de 15 de octubre, 1917

Federico. Primer año que salí hacia el bien de la literatura

> Isabel, la hermana menor de Federico, relata en sus memorias: «Escribía mucho en las primeras horas de la tarde». Isabel rememora que su hermano, tras la siesta y su «café iluminado», se iba al río Cubillas con papel y lápiz a seguir escribiendo. «En aquel paraíso entre las alamedas del río discreto, que es el Cubillas, se pasaba horas escribiendo. De allí procede casi toda su poesía juvenil» (Gurruchaga, 2002: 56).

Nos encontramos con un joven poeta que va creando poesía en el entorno del pueblo de Asquerosa, donde pasaban las vacaciones, textos que se acumulan en sus bolsillos y colman los cajones y la superficie de su escritorio. Publicó sus primeros poemas en la revista Renovación. Aunque ya tenía escritas casi todas las poesías que constituirían su *Libro de Poemas,* tardó aún un par de años en recopilar, ordenar y seleccionarlas con la ayuda y apoyo de su hermano Francisco (García, 1982: 162).

Más juglar que editor, a Federico le gusta leer por sí mismo sus creaciones y es reacio a que otros lo intenten (su letra era ilegible). Llegada la hora de poner en negro sobre blanco, sería su hermano Francisco, quien obraría el milagro de recopilar, seleccionar y corregir los versos que compondrían la primera edición poética de su hermano. Tarea que continuaría después de su asesinato. En la vida de Federico se publican gran parte de sus obras, quedando otras inconclusas o pendientes de recopilar. Con el paso de los años se van publicando estas y Francisco, en primer lugar, y la Fundación García Lorca, creada por los herederos, continuaría con esta labor (Maurer,1986: 21-30). En 1954, Miguel García-Posada publicaría *Las obras completas* con los textos más conocidos de Lorca y en 1996 incluirá el epistolario completo y la prosa, teatro y poesía inédita de juventud que anteriormente, en 1994, publicaron en la editorial Cátedra: Christian De Paepe (1994), *Poesía inédita de juventud*; Christopher Maurer (1994), *Prosa inédita de juventud* y *Teatro inédito de juventud,* editado por Andrés Soria Olmedo (1994).

2. Objetivos

Ante el creciente interés académico por el estudio de la recepción de la obra de Federico García Lorca en la Unión Soviética y la Rusia contemporánea, este trabajo se propone establecer con precisión dos objetivos fundamentales:

1. Determinar y delimitar el corpus de obras lorquianas que han sido traducidas al ruso, prestando especial atención a las diferentes épocas, géneros y modalidades de traducción, con el fin de comprender la extensión y características de su presencia en el ámbito literario ruso.
2. Analizar la presencia, recepción e influencia de la *juvenalia* de Lorca, sus primeras composiciones en verso y prosa, dentro de la literatura rusa contemporánea, explorando no solo su disponibilidad editorial sino también su reconocimiento crítico y académico.

Estos objetivos buscan ofrecer un panorama integral que permita identificar vacíos de investigación, patrones de recepción y las potencialidades de estudio para futuras investigaciones en el campo de la traducción literaria y los estudios comparados entre la literatura española y rusa.

3. Metodología

Para obtener información sobre la recepción general de Lorca en el ámbito ruso y soviético, se ha aplicado una metodología cualitativa, bibliográfica y de análisis documental con enfoque comparado e internacional en historia cultural y estudios de traducción y recepción literaria. Con la consulta de las siguientes líneas de investigación y fuentes:

1. Monografías elaboradas por hispanistas y especialistas en literatura española de origen ruso y soviético. La búsqueda se ha realizado en bases de datos académicas tanto rusas (como eLIBRARY.RU y *CyberLeninka*, *Russian state library*) como internacionales (*Web of Science* y *Scopus*).

2. Revistas literarias y académicas soviéticas y rusas: se han examinado publicaciones periódicas especializadas como *Voprosy Literatury*, *Inostrannaya Literatura* y *Filologicheskie Nauki*, que han sido plataformas para la difusión y debate sobre literatura extranjera, buscando artículos que mencionen directa o indirectamente la obra de Lorca y su impacto en la cultura literaria soviética y rusa.

3. Historia de la traducción literaria en la URSS: se ha investigado el marco político y cultural que regulaba la selección y traducción de obras extranjeras en la Unión Soviética, para comprender las razones que determinaron la priorización de ciertos autores y géneros, y el consecuente impacto en la circulación de la obra lorquiana, especialmente su prosa juvenil.

4. Archivos y bibliotecas: se han consultado catálogos y fondos documentales en instituciones rusas, incluidos archivos literarios, bibliotecas nacionales y universitarias, con el propósito de localizar correspondencia, contratos de traducción, registros editoriales o documentos oficiales que puedan evidenciar el interés o el trabajo de traducción de la obra de Lorca, aunque esta tarea requiere una investigación de carácter más profundo y prolongada.

Se han analizado estudios de referencia sobre la recepción de Lorca en diferentes contextos culturales, como los de Ian Gibson, Mario Hernández y Christopher Maurer.Estos trabajos ofrecen un panorama amplio de la circulación internacional del autor, pero no se detienen en el caso soviético y ruso. Por esta razón, se han contrastado sus enfoques con investigaciones más específicas sobre el hispanismo en la URSS, con el fin de delimitar los alcances y limitaciones de la bibliografía general respecto a la obra lorquiana menos conocida, como su juvenilia.

Para complementar la revisión bibliográfica y el análisis de traducciones, se llevó a cabo una búsqueda en archivos literarios y catálogos de bibliotecas tanto en Rusia como en España, así como publicaciones de otros países con colecciones relevantes. Para lograr una evidencia documental sobre la circulación y recepción de la obra de Lorca en el ámbito ruso, así como sobre la mediación de traductores e investigadores.

La búsqueda se realizó utilizando el nombre de Federico García Lorca y combinándolo con palabras clave en ruso para abarcar distintos tipos de textos y ediciones. Entre los términos utilizados se incluyen: «перевод» - traducción (translation) «стихи» - poemas (poetry), «пьесы» - obras de teatro (plays) «избранное» - selecciones o antologías, «собрание сочинений» - obras completas/selected collections (aunque en este contexto se refería principalmente a selecciones de textos), con las siguientes combinaciones para cada concepto: «Федерико Гарсия Лорка AND перевод AND пьесы».

4. Estado de cuestión: resultados

La recepción de la obra de Federico García Lorca en la Unión Soviética y en Rusia ha sido compleja y ha experimentado diversas transformaciones a lo largo del tiempo, influenciada por factores políticos, ideológicos y culturales.

Durante la vida de Lorca, su obra no estuvo bien focalizada en la Unión Soviética. La crítica soviética de la época, centrada en promover autores que encajaran con los ideales comunistas y el realismo socialista, no encontró en Lorca un perfil adecuado. Su nombre apenas apareció en publicaciones oficiales, y su obra no fue traducida ni difundida ampliamente. Todo cambia tras su asesinato en 1936, en este momento Lorca se consolida como un autor importante y comienza a ser presentado en la URSS como un símbolo

antifascista y mártir revolucionario **(**Purkey, 2017:3). Sin embargo, esta recepción fue más propagandística que literaria. Se enfatizaban aspectos de su biografía que podían alinearse con la narrativa soviética, mientras que se omitían o reinterpretaban otros elementos de su obra y vida personal, como es el caso del estatus burgués de su familia.

Con la llegada de la era de Jruschov y el período conocido como el *Deshielo*, se produjo una apertura cultural que permitió una reevaluación de la obra de Lorca. Sus poemas y obras teatrales comenzaron a ser traducidas y publicadas con mayor libertad, y su estilo lírico y simbólico empezó a ser apreciado por poetas y lectores soviéticos. Además de la poesía y el teatro, se realizaron esfuerzos por dar a conocer su prosa juvenil, a través de traducciones críticas realizadas por figuras destacadas como Geleskul, Kelyin, la poetisa rusa Marina Zvetaeva, y otros escritores y hispanistas soviéticos que contribuyeron a una comprensión más profunda de su obra. (Cheveleva, 2019: 3-8 y 11).

Después de la caída de la Unión Soviética, la obra de Lorca continuó siendo muy bien valorada en Rusia. En 1997, Moscú celebró el centenario de su nacimiento con un festival que incluyó representaciones teatrales, recitales y conciertos, evidenciando su perdurable influencia en la cultura rusa (López,1997: 1).

La investigación sobre la recepción de Lorca en el mundo ruso y soviético se ha centrado principalmente en sus obras publicadas y reconocidas durante su vida o poco después de su muerte. Los estudios suelen abordar las traducciones de sus poemas y obras de teatro más famosas, el impacto de su figura y su trágica muerte en la intelectualidad soviética, y el análisis de temas lorquianos en relación con la cultura rusa.

4.1. Estudios y académicos sobre Lorca en Rusia

La investigación sobre Lorca en el ámbito ruso se ha centrado principalmente en su poesía y teatro más difundidos. Entre los investigadores rusos que han aportado estudios significativos sobre la recepción de Lorca destacan Belousova, quien analiza la introducción y circulación de sus obras en Rusia entre 1936 y 1969, proporcionando un marco histórico sobre cómo la política editorial soviética condiciona la selección de textos y autores; Musaeva, que ha examinado la presencia de Lorca en la prensa soviética, señalando cómo ciertos artículos y reseñas contribuyeron a la formación de una recepción crítica selectiva; Sitnikova, cuyo trabajo se centra en la traducción teatral de Lorca, particularmente la adaptación rusa de Yerma, ofreciendo perspectivas sobre las dificultades lingüísticas y culturales en la trasposición de la obra. El artículo de Kutieva (2011, 17:47) titulado *La lírica de Lorca en español y ruso: intención del autor y ficción traductora (aspecto pragmático-semántico*) analiza las diferencias semánticas y estéticas entre las metáforas florales en los poemas de Federico García Lorca en su versión original en español y sus traducciones al ruso.

Asimismo, el estudio de Obolenskaya (2015: 2-11) examina cómo Tsvetaeva tradujo una selección de poemas lorquianos, poniendo especial atención en las decisiones traductológicas, la adaptación cultural de metáforas y simbolismo y la fidelidad estética al texto original. Esta investigación analiza las dificultades lingüísticas implicadas en la transferencia del español al ruso, así como la manera en que estas traducciones condicionaron la recepción de Lorca en la Unión Soviética, ofreciendo un marco para evaluar cómo su obra fue percibida por los lectores y críticos rusos antes de la apertura cultural del *Deshielo.*

Estudios como el de Kuchinsky (2020) titulado «*S. Yesenin and F. Garcia Lorca*» comparan a Lorca con poetas rusos (Yesenin), ofreciendo una perspectiva intercultural. Esto ayuda a entender qué elementos de la poesía lorquiana resuenan en la tradición poética rusa y cómo se perciben sus símbolos y temáticas.

Los estudios de esta tipología permiten identificar patrones en la selección de textos, los criterios de adaptación cultural y los límites de difusión de la obra lorquiana en la literatura rusa, particularmente en relación con su producción menos conocida y en el contexto transacional.

Este patrón se observa tanto en Japón como en Grecia y Hungría, donde la traducción y publicación de su obra se centraron en títulos emblemáticos, dejando su *juvenalia* prácticamente marginal.

La obra de Federico García Lorca ha sido objeto de una recepción diversa y profunda en múltiples países, adaptándose a contextos culturales y políticos variados**. S**in embargo, las primeras obras de Lorca en distintos lugares del mundo no han sido traducidas. Por ejemplo, en las investigaciones de Vassileva Kojouharova (1970: 2), Nagafuchi (2014: 417-419), López (2006:284) y Szlcsanyi (2017: 53) en torno a la recepción de la obra de F. García Lorca realizadas en diferentes países como Japón, Grecia o Hungría, la traducción y difusión de sus textos se centraron en las obras emblemáticas más que en su poesía temprana.

4.2. ¿Qué obras se han traducido al ruso?

Como se ha documentado en diversos estudios, una parte significativa de la obra de Federico García Lorca ha sido traducida al ruso a lo largo del siglo XX, especialmente sus libros más representativos de poesía y teatro.

Entre las obras poéticas más difundidas se encuentra el *Romancero gitano*, que gozó de gran popularidad en la Unión Soviética, sobre todo por establecer el paralelismo comparado con la representación del tema de los gitanos en la literatura rusa. Una de las traducciones más destacadas de esta obra es la del poeta Anatoli Gueleskul, quien supo mantener el ritmo lírico del original y adaptar su simbolismo a los parámetros estéticos del lector soviético (Cheveleva, 2019: 610).

Según afirma Musaeva (2011: 36-37), la colección de obras de F. García Lorca, publicada en ruso en 1944 titulada *Izbrannoye* (Obras selectas), incluía las obras como *Libro de poemas*, *Canciones*, *Poemas del Cante Hondo*, *Romancero gitano*, *Llanto por Ignacio Sánchez Mejías*, *Mariana Pineda*, así como las obras del ámbito teatral: *Bodas de sangre*, *Yerma* y *La zapatera Prodigiosa,* traducidas la gran parte de ellas por F. Kelyin.

Cheveleva (2019: 614) señala que la mencionada edición desde 1944 hasta 1957, fue el único libro de poesía de Federico García Lorca disponible para un lector ruso hablante.

Es evidente que, en el ámbito teatral, la recepción fue aún más amplia. Obras como, *Yerma*, *La casa de Bernarda Alba* y *Mariana Pineda***,** fueron no solo traducidas sino representadas en escenarios rusos, especialmente a partir del año de 1960, cuando el deshielo cultural soviético permitió una mayor circulación de dramaturgia extranjera sin un enfoque puramente político.

Según Belousova y Orekhov (2024: 276), estas obras eran vistas no solo como ejemplos de la riqueza estética del teatro español contemporáneo, sino también como manifestaciones de resistencia simbólica frente a los valores opresivos, lo cual facilitó su recepción en un contexto ideológicamente controlado.

En cuanto a la prosa juvenil, se han traducido parcialmente conferencias y artículos, como *Juego y teoría del duende y Conferencia sobre la canción española*, incluidos en compilaciones bilingües editadas por instituciones rusas. Sin embargo, textos clave de su juventud, como *Impresiones y paisajes*, aún no cuentan con una edición completa en ruso, lo que limita su conocimiento y estudio dentro del ámbito ruso. Son algunas investigaciones las que nos acercan al corpus de la totalidad de la obra lorquiana traducida. (Cheveleva, 2019: 613-617). Las revistas literarias y académicas soviéticas y rusas (Voprosy Literatury, Inostrannaya Literatura, Filologicheskie Nauki) no muestran referencias a la *juvenalia* lorquiana, evidenciando la marginalidad de estos textos en la recepción rusa.

5. Conclusiones

El presente estudio ha conseguido determinar el corpus de las obras lorquianas traducidas a la lengua rusa; en cuanto al estado de la cuestión referente a la prosa juvenil de García Lorca, se puede afirmar que en la literatura rusa contemporánea aún no se ha abordado la traducción de *juvenalia* lorquiana en su totalidad.

Si bien no existe una traducción al ruso de las obras completas de Lorca editadas por Miguel García-Posada, Ariel Alonso del Álamo o cualquier otro editor español, una parte significativa de su producción literaria, sí ha sido traducida y publicada en Rusia a lo largo del tiempo en diversas ediciones y antologías. Sin embargo, la *juvenalia* de García Lorca no figura entre ellas atendiendo a varios motivos. En primer lugar, existen unas consideraciones editoriales que, en Rusia, al igual que en otros países, dependen de factores como el interés del público, las prioridades culturales y las políticas editoriales en diferentes momentos históricos que influyen a la hora de decidir sobre qué obras traducir y publicar. En segundo lugar, existe una palmaria problemática a la hora de abordar las obras de un autor como Lorca, dificultades que son extensas y complejas, lo que requiere un esfuerzo considerable de traducción. La riqueza lingüística, el simbolismo y los elementos culturales específicos de la obra de Lorca presentan desafíos significativos para la traducción. Diferentes traductores pueden abordar estos desafíos de maneras distintas, lo que lleva a la publicación de diversas versiones de las mismas obras como históricamente ha sucedido en Rusia. Por este motivo, la atención de los traductores y editores rusos se ha centrado en las obras más emblemáticas y representativas de Lorca, como el *Romancero gitano*, *Poeta en Nueva York*, *Bodas de sangre*, *Yerma* y *La casa de Bernarda Alba*. En tercer, y último lugar, la naturaleza de la obra inédita ha condicionado a que la obra de juventud, por definición, en su momento no estaba destinada a la publicación. Incluso en España, su difusión ha sido posterior y gradual, a medida que se han ido descubriendo y estudiando sus manuscritos. Con certeza, los manuscritos de juventud no eran fácilmente accesibles para traductores o estudiosos soviéticos en las décadas iniciales de la recepción de Lorca e igualmente en la reinterpretación contemporánea de la obra lorquiana en Rusia.

Como hemos visto anteriormente, las investigaciones sobre García Lorca en el ámbito de las lenguas eslavas siguen siendo protagonistas y muestran una pujanza tanto por aquellos amantes de la literatura española como los seguidores en Rusia del poeta granadino.

6. Futuras líneas de investigación

La propuesta de futuras líneas de investigación se centraría en subsanar la carencia de la *juvenalia* de García Lorca en el sistema literario ruso. Se propone, prioritariamente, la traducción integral de *Impresiones y paisajes* y la *Prosa inédita de juventud* para ofrecer una visión completa de su evolución estética. Asimismo, se sugiere realizar estudios comparados sobre la marginalidad editorial de estas obras en otros contextos internacionales y profundizar en la investigación de archivos históricos para identificar las causas ideológicas o técnicas de su omisión en la era soviética. Finalmente, resulta esencial analizar los retos filológicos de traducir su simbología temprana y evaluar la recepción del hispanismo ruso actual ante estos nuevos textos, superando así el enfoque puramente canónico y propagandístico del pasado.

Bibliografía

Belousova, A. S., & Orekhov, B. V. (2024). La retraducción poética desde una perspectiva bibliométrica: Federico García Lorca in Russia (1936-1969). *Cuadernos De Rusística española, 20*, 271-292. https://doi.org/10.30827/cre.v20.30708

Ceba, J. J. (2013). Federico García Lorca en Almería. Algunos datos y fechas. *Archivo Histórico Provincial de Almería*.
https://www.juntadeandalucia.es/organismos/culturaydeporte/areas/cultura/archivos/archivos-consejeria/archivo-historico-provincial-almeria/ahpa-recomienda/paginas/documento-ahpa-sep-2013.html
Cheveleva Dergacheva, A. (2019). La recepción y evolución de la imagen de Federico García Lorca en la Unión Soviética. *Revista de Literatura, 81*(162), 607-621. https://doi.org/10.3989/revliteratura.2019.02.025
De Paepe, C. (1994). *Poesía inédita de Juventud.* Cátedra.
Gallego Morell, A. (1998). *Sobre García Lorca.* Editorial Universidad de Granada.
García Lorca, F. (1980). *Federico y su mundo.* Alianza Editorial.
García-Posada, M. (2017). *Obras Completa de Federico García Lorca.* Galaxia Gutenberg.
Gibson, I. (2019). *Vida, pasión y muerte de Federico García Lorca 1998-1936*. Penguin Random House Grupo Editorial.
Gurruchaga A. (2002). *Recuerdos Míos*. Herederos de Isabel García Lorca. Tusquets Editores.
Kuchinsky, R. Yu.(2020). S. Yesenin y F. García Lorca: Búsquedas creativas comunes en la poesía rusa y española. *Boletín Científico de Amur, 1, 42-46*. https://elibrary.ru/item.asp?id=43168713
Kutieva, V. K.(2011). La lírica de Lorca en español y ruso: intención del autor y ficción traductora (aspecto pragmático-semántico). *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole*, *4*, 17-27.
https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/125899/
López, L. M. (29 NOV 1997). Moscú celebra el centenario de Lorca. *El País*. https://elpais.com/diario/1997/11/29/cultura/880758005_850215.html
López Recio, V. (2006). *La recepción de Federico García Lorca en Grecia: el caso de Bodas de sangre.* Tesis doctoral. Universidad de Granada.
https://digibug.ugr.es/bitstream/handle/10481/1717/17242496.pdf?sequence=1&isAllowed=y
Maurer, C. (1986). Sobre la prosa temprana de García Lorca: 1916-1918. *Cuadernos Hispanoamericanos. Homenaje a García Lorca. Volumen I*, *433-434*, 13-30. https://www.cervantesvirtual.com/obra/sobre-la-prosa-temprana-de-garcia-lorca-1916-1918/
Maurer, C. (1994). *Prosa Inédita de Juventud F. García Lorca.* Cátedra.
Mora Guarnido, J. (1958). *Federico García Lorca y su Mundo.* Editorial Losada S.A.
Musaeva, O. (2011). *La recepción de la obra de Federico García Lorca en la cultura rusa (1930–1960).* Tesis doctoral, Universidad de Tartu.
Nagafuchi Hirai, U. (2014). *La recepción de la obra de Federico García Lorca en Japón.* Tesis doctoral. Universidad de Granada. https://dialnet.unirioja.es/servlet/tesis?codigo=58077
Obolenskaya, Y. (2015). Federico García Lorca en las traducciones de Marina Ivanovna Tsvetaeva. *Boletín de la Universidad de Moscú*, *5*. https://cyberleninka.ru/article/n/federiko-garsia-lorka-v-perevodah-mariny-ivanovny-tsvetaevoy
Purkey, L. (2017). A popular death: Russia's reception of Federico Garcia Lorca. *Anales de la literatura española contemporánea*, *42*(4), 1151-1170. https://www.jstor.org/stable/26637154
Pym, A., & Ayvazyan, N. (2014). The case of the missing Russian translation theories. *Translation Studies*, *8*(3), 321-341. https://doi.org/10.1080/14781700.2014.964300
Ruiz-Baena, E. (2017). El amor a la Tierra. Federico García Lorca en Valderrubio. El vado de los sonidos, crónica de una inspiración. Carpe Diem.

Sitnikova, I. A., (2025). La poética de la primera traducción rusa de la obra de teatro Yerma de F. G. Lorca. *Boletín de la Universidad de Sarátov. Nueva serie. Serie: Filología. Periodismo, 25*(3), 306-315. https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-306-315

Soria Olmedo, A. (1994). *Teatro inédito de juventud.* Cátedra.

Stainton, L. (1999). *A Dream of Life*. Bloomsbury Publishing Plc.

Szlcsanyi, Á. (2017). *La recepción de Federico García Lorca en Hungría*. Tesis doctoral. Universidad de Salamanca. https://gredos.usal.es/bitstream/10366/137165/1/DLEH_SzlcsanyiA_Lorca.pdf

Vassileva Kojouharova, S. (1970). Introducción a las traducciones de Federico García Lorca en Bulgaria (Obra Poética). *Anuario de la Facultad de Filosofía de Novi Sad*, *45*(2), 131-141. https://doi.org/10.19090/gff.2020.2.131-141

Vicent, M. (1969). *García Lorca.* Editorial Espesa.

К ПРОБЛЕМЕ КОММЕМОРАТИВНОГО ДИСКУРСА: МИФЫ И ТРАДИЦИИ

Irina Anastasyeva
Moscow State University

1. Роль изобретенных традиций в конструировании национальной идентичности

Социокультурная динамика в условиях глобализации и цифровой геймификации инициировала процессы унификации национальных культур, а также трансформации этнической идентичности в сторону мультикультурности. В этой связи закономерно возникает вопрос о необходимости запуска механизмов воспитания молодежи, способных не только содействовать культурной интеграции, но и обеспечивать сохранение уникальных этнических традиций, обычаев, устоев и ценностей. Возвращению традиционных практик в поле национальных культур может способствовать целенаправленная актуализация исторической памяти в контексте коммеморативных дискурсов, играющих ключевую роль в конструировании современного историко-культурного сознания.

Иначе говоря, в рамках данного направления особое внимание уделяется феноменологически сопряжённым аспектам, таким как вопросы национальных традиций; хотя концепты исторической и коллективной памяти были сформулированы уже на рубеже XIX-XX веков. В частности, как отмечается современными исследователями проблемы мемориализации, «<...> в начале XIX века, благодаря усилиям историков и при поддержке государства, формируется принципиально новый тип историографии — национально-государственная» (Савельева и Полетаев, 2006: 18), ключевая функция которой заключается в формировании «образа нации». В связи с этим на протяжении XIX века понятие «национальная историография» не носит отрицательной смысловой окраски и воспринимается в контексте легитимного научного конструирования идентичности.

Как известно, каждое государственное образование стремится к культивации национальных традиций, что представляется вполне обоснованным, поскольку способствует конструированию уникального этнокультурного облика и формированию устойчивой коллективной идентичности. Однако в условиях современности не менее значимым становится навык «изобретения традиций», изучение которого было инициировано британским историком-марксистом Эриком Хобсбаумом. Исследователь подчёркивает, что ««традиции», которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко — изобретёнными» (2000: 47). В этом контексте примечательно, что локальные традиции, берущие начало в рамках отдельных социальных институтов — таких как учебные заведения или общественные объединения, — способны трансформироваться в практики общенационального масштаба в случае их последующей формальной институционализации. Подобный процесс демонстрирует развитие гражданской инициативы «Бессмертный полк», впервые реализованной в 2011 году журналистами из Томска, которая, пройдя этап официальной поддержки, приобрела статус государственной традиции, прочно укоренившись в общественном сознании как форма коллективной коммеморации жертв Великой Отечественной войны.

По убеждению Э. Хобсбаума, изобретение новых традиций представляет собой целенаправленный социокультурный акт, преследующий конкретные идеологические и нормативные задачи.

В частности, он отмечает, что основной целью подобных процессов является «внедрение определённых ценностей и норм поведения, а средством достижения цели <является> повторение» (2000: 48). Хобсбаум подчёркивает, что новосозданные традиции лишь условно соотносятся с историческим прошлым, поскольку они ориентированы, прежде всего, на актуальные социальные запросы и служат механизмом легитимации настоящего через символическое воспроизводство прошлого. В этом контексте данные практики близки к феномену мифологизации, осмысленному в культурологической перспективе Роланом Бартом, который интерпретирует миф как форму вторичного семиозиса, призванную придать обыденному или искусственно сконструированному содержанию статус «естественного».

Если принять допущение о том, что формирование новых традиций коррелирует с процессом рождения мифологического нарратива, то это, в сущности, отражает экзистенциальную потребность человека воспринимать себя не столько объектом исторического процесса, сколько его субъектом, демиургом. Такая установка созвучна философской концепции О. Финка, который акцентировал «игровую неизбежность мира» как фундаментальное условие бытия, в котором человек стремится обрести активную творческую роль в символическом пространстве культуры.

Однако при таком подходе возникает вопрос: какова граница между конструированием коллективной памяти и искажением исторической достоверности? Является ли использование не вполне верифицированной исторической информации сознательной попыткой фальсификации источников или элементом мифотворчества, направленного на удовлетворение социокультурного запроса? Отвечая на этот вопрос, в 1990 году американский историк Энтони Томас Графтон опубликовал труд «Forgery and Critics», который считается одним из наиболее значимых исследований подделок в европейской культуре. Он рассматривает фальсификацию не только как нарушение истины, но и как важное историческое явление, позволяющее понять, как в разные эпохи воспринимались прошлое и коллективная память. При этом первые влиятельные подходы к осмыслению данной проблемы были сформулированы ещё медиевистами первой половины XX века, прежде всего Марком Блоком в работе «Апология истории, или Ремесло историка». В современной медиевистике также используется понятие pia fraus — «благочестивый обман». Оно обозначает создание подложных документов или житий святых, которое могло восприниматься как допустимое, если служило интересам церкви.

История Древней Руси знает примеры ложного атрибутирования и мистификаций. Одним из наиболее известных является так называемый «дар», якобы преподнесённый великой княгине Ольге во время её крещения в Византии. Алексей Фёдорович Малиновский полагал, что княгиня, не обладая царскими инсигниями, внешними знаками статуса, необходимыми для проведения обряда, использовала в качестве символа власти особый головной убор — Шапку Мономаха Второго наряда, которую считал более архаичной, чем собственно Мономахова шапка, и приписывал ей принадлежность княгине Ольге. К числу подобных исторических мифов можно отнести и рассказ о сватовстве византийского императора к Ольге, и о легендарном «Константиновом даре» — подложном документе, на века повлиявшем на церковно-политическое мировоззрение Европы.

Классическим примером культурной мистификации в славянском контексте является также «Велесова книга», якобы созданная новгородскими волхвами в IX веке, но в действительности представляющая собой более позднюю подделку. К высококачественным историческим фальсификациям относятся также «песни Оссиана», представленные Джеймсом Макферсоном как древнекельтский

эпос, и чешские рукописи, сыгравшие важную роль в формировании национального самосознания. Таким образом, историческая подделка, будучи лишённой внутренней научной критики, может рассматриваться как элемент процесса изобретения традиций — средство коллективного символического конструирования, претендующее на легитимацию через обращение к «условному» прошлому.

2. Факторы эрозии традиций и практики их актуализации

Коммеморативные практики выступают не только механизмом формирования новых традиций, но и инструментом забвения тех, которые утрачивают актуальность или оказываются несоответствующими духу времени. Отказ от определённых традиционных форм может быть обусловлен различными причинами: некоторые из недавно сконструированных практик не смогли укорениться в общественном сознании или оказались неустойчивыми в условиях символической конкуренции с более мощными культурными нарративами.

Иногда потеря коллективной памяти имеет более широкое цивилизационное измерение. Как отмечает американский историк Патрик Хаттон (2004), память целого этноса может ослабевать по аналогии с индивидуальной; в некоторых случаях процесс забвения инициируется по цензурным соображениям. В подтверждение этой мысли он обращается к наследию английской исследовательницы культуры Ренессанса Фрэнсис Амелии Йейтс, занимавшейся анализом мнемонических техник в контексте интеллектуальной истории. Йейтс выявила, что определённые космологические концепты — такие как алхимия, астрология, каббала и иные эзотерические учения — сохранялись в культурной памяти неявным образом: посредством намеренного сокрытия, криптографических схем и символического кодирования (Хаттон, 2004: 6, 9, 10). Таким образом, искусство памяти, служившее инструментом консервации ренессансных магических традиций, одновременно выполняло функцию их сокрытия от широкой аудитории. Конспирология в этом контексте оказывается не маргинальным феноменом, а специфическим механизмом историко-культурного функционирования, позволяющим отвести определённые традиции на периферию исторического сознания, трансформировав их в скрытые, забытые или полузабытые элементы культурного наследия.

Существенной гранью коммеморации выступает процесс восстановления — то есть актуализация ранее утраченных или маргинализованных элементов культурной памяти. Это включает в себя возвращение из забвения прежних ценностных ориентиров, исторического опыта, обрядово-ритуальных практик, эстетических канонов, социальных норм, а также конкретных фигур прошлого. Подобное «воскрешение» может рассматриваться в контексте концепции «разрыва преемственности», предложенной Эриком Хобсбаумом, согласно которой традиции, утратившие свой непрерывный характер передачи, нередко возрождаются в новом контексте. Ярким примером служит реинтерпретация гимнов как жанра британского песенного фольклора, воспринятая в качестве знаковой практики культурного возрождения.

Важным прецедентом в отечественной коммеморативной политике стало воссоединение зарубежной и метропольной ветвей русской литературы в период перестройки — событие, обозначившее сдвиг в стратегии национального самоосмысления. В этот же период наблюдалось краткосрочное, но плодотворное сотрудничество между Московской патриархией и Русской православной церковью за границей, ознаменовавшее попытку символического восстановления единства.

На уровне исторических источников акт восстановления можно проиллюстрировать примером признания подлинности «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, длительное время рассматривавшейся как сомнительный или даже фальсифицированный текст. Принятие этого сочинения в

научном обороте стало важным этапом в переосмыслении византийского наследия и иллюстрацией того, как артефакты, находившиеся на периферии исторического внимания, возвращаются в центр дискурса.

Поль Рикёр, анализируя связь воспоминания и забвения, подчёркивает их глубокую взаимозависимость и влияние на формирование исторического нарратива. Он отмечает, что

> идеологизация памяти становится возможной благодаря средствам варьирования, предоставляемым работой нарративной конфигурации. Стратегии забывания непосредственно соотносятся с такой работой конфигурации: всегда можно рассказать по-другому, о чём-то умалчивая, смещая акценты, различными способами рефигурируя участников действия, как и контуры самого действия (2004: 619).

Тем самым нарратив становится не только формой передачи памяти, но и инструментом её трансформации, допускающим множественность трактовок.

3. Цифровая медиасреда и национальные традиции: конструирование, закрепление, трансформация

Современные стратегии воздействия на реципиента в рамках культурологического дискурса, ориентированного на создание новых традиций или модификацию существующих, демонстрируют возрастающую сложность и вариативность коммеморативных процессов, что обусловлено экспансией цифровой реальности. Трансформация механизмов социокультурной передачи информации обусловлена развитием цифровых медиа, в рамках которых формируются новые вкусовые предпочтения, экзистенциальные установки и традиции — в первую очередь, в пространствах интернет-сообществ, блогов, мессенджеров и иных сетевых форматов.

Особое значение в этом контексте приобретают видеоигры, вовлекающие большое количество пользователей в иммерсивные цифровые среды. Подобная вовлечённость позволяет с высокой степенью вероятности прогнозировать рост объёма игрового контента, обладающего ярко выраженной идеологической, социальной и культурологической направленностью. Несмотря на это, в современной академической литературе представлено сравнительно малое количество исследований, посвящённых анализу видеоигр в аспекте историко-культурной репрезентации. Между тем, влияние цифрового контента на формирование общественных представлений и коллективной памяти неуклонно возрастает, что обусловливает необходимость серьёзного осмысления феномена «геймификации истории» в рамках культурологических и историографических исследований.

Один из составителей сборника «Память в сети: Цифровой поворот в Memory Studies» Алексей Павловский (2023) обращается к аргументации европейских исследователей медиа — Вульфа Канстайнера и Уильяма Уриккьо, — полемизировавших о значимости видеоигр как самостоятельного направления в рамках Digital Memory Studies. Исследователи подчеркивают, что игра предоставляет пользователю уникальную возможность ощутить себя творцом истории; в процессе игрового взаимодействия субъект может либо сконструировать альтернативный исторический нарратив, либо включиться в уже заданную сюжетную линию, выполняющую функции коллективной памяти.

Цифровая геймифицированная коммеморация, безусловно, не может претендовать на полную замену традиционных эвристических источников, однако заслуживает рассмотрения как легитимный «посредник памяти», способный транслировать определённые историко-культурные смыслы в доступной и популярной форме. Павловский подчёркивает:

> Тотальная «геймификация прошлого» <...> заставляет исследователей изучать видеоигры как влиятельный инструмент публичной и популярной истории, а как максимум — задуматься о возможности симулятивных игровых систем, которые бы реконструировали «мультивселенные» прошлого настолько, что в них можно было бы проживать жизнь и черпать из них политический и социальный смысл (2023: 31).

Одним из действенных инструментов популяризации национальной культуры посредством видеоигр является оформление игрового сеттинга, визуального ряда, формирующего особую культурно-знаковую среду. О важности индивидуального подхода к дизайну видеоигр размышляет группа британских исследователей, занимающихся изучением влияния игровых подходов к обучению. Они пишут: «Game-based learning has been shown to be effective in a wide range of contexts, including cultural learning. However, as with any instructional medium, differences in audience, context, and representational medium each demand individual design considerations» (Dunwell et al. интернет-ресурс). Дизайн цифрового пространства включает в себя внешние матрицы культурной идентичности: традиционные костюмы, элементы этнографического быта, фольклорно-сказочные интерьеры и иные визуальные маркеры, опосредованно транслирующие представления о национальном. Однако, несмотря на высокую потенциальную значимость этих элементов, наряды персонажей, их поведенческие установки и ролевая модель нередко утрачивают этническую определённость, особенно в контексте фольклорного контента. Национальная идентификация персонажей в таких случаях оказывается неочевидной или даже намеренно размывается.

Так, в видеоигре *«Black Book»* (студия «Мортёшка»), действие которой разворачивается в пространстве, насыщенном фольклорными аллюзиями, герои используют защитный магический круг при столкновении с потусторонними силами. Данный элемент игрового ритуала восходит к солярной символике, традиционно ассоциируемой с языческой культурой. Тем не менее, данный символ встречается в различных культурных традициях и не является исключительно славянским, что затрудняет его однозначную этнокультурную атрибуцию. Главная героиня игры — Василиса — позиционируется как ведьма, что обусловливает включение в игровую механику большого количества мифологических сюжетов и персонажей, преимущественно заимствованных из славянского фольклора: Леший, Домовой, Водяной и другие. Эти фигуры, знакомые носителям славянской традиции, несомненно, способствуют усилению эффекта культурной узнаваемости, однако степень их аутентичности часто варьируется в зависимости от художественной интерпретации разработчиков. С культурологической точки зрения, значительный интерес представляют попытки реконструкции локализованных, исторически аутентичных пространств — даже если они ограничены рамками одного княжества или небольшой территории. Присутствие в таких играх героических персонажей, заимствованных из славянских былин, сказок и легенд, может существенно повысить как культурную ценность продукта, так и его потенциал в деле формирования и поддержания национальной идентичности. В данном случае речь идёт не о механическом воссоздании фольклорного материала, а о его культурно значимой репрезентации в цифровой среде.

Стилистическая репрезентация былинных образов в ряде современных видеоигр зачастую носит условный, эклектичный характер, демонстрируя разрыв между исходным мифологическим или фольклорным архетипом и его актуализацией в цифровом нарративе. Так, в игре *Slavania* (FrostLeaf Games LLC), несмотря на заявленное присутствие персонажей, восходящих к славянской былинной традиции, поведенческие модели героев скорее соответствуют образам персонажей американской массовой культуры — в частности, супергероев из комиксов, — нежели аутентичным

характеристикам древнерусских богатырей. Подобная трансформация мифологического материала может быть объяснена стремлением к интернационализации визуального и поведенческого кода, однако при этом происходит нивелирование глубинных культурных смыслов.

Интересный, но также амбивалентный пример демонстрирует игра *«Лихо одноглазое»* (Morteshka), в центре которой находится персонаж, отсылающий к славянскому образу Лиха — персонификации несчастья, беды и потери в восточнославянской мифологии. Однако образ героя, как отмечается критиками, в большей степени визуально и поведенчески напоминает Вия из гоголевской повести, с той оговоркой, что у Вия — два глаза, а не один. Более того, интерпретация Лиха в данном случае значительно отходит от этнографически зафиксированного мифологического прототипа — «чудовищной тощей старухи или великанши без одного глаза, которая способна лишить человека руки или жизни» (Адамчик, 2006: 388). Вместо этого в игре образ Лиха приближается к фигуре древнегреческого циклопа Полифема, что демонстрирует синкретизм культурных кодов и эстетическую глобализацию мифологических мотивов.

Заметно более глубокий и аккуратный подход к работе с историческим материалом демонстрирует студия *Cyberia Nova* в проекте *«Смута»,* выполненном в формате исторического квеста. Авторы игры реконструировали культурно-историческое пространство России XVI века с высокой степенью визуальной и контекстуальной достоверности: воссозданы архитектурные элементы (деревянные дома, кремлёвские постройки, православные церкви), одежда персонажей стилизована в соответствии с модой эпохи Ивана IV, а вооружение и поведенческие характеристики героев соответствуют заявленному историческому контексту.

Графическое оформление отличается высокой степенью анимационной точности, порой создавая иллюзию кинематографического погружения, хотя крупные планы лиц персонажей несколько утрачивают реалистичность. Литературной основой проекта стал роман Михаила Николаевича Загоскина *«Князь Юрий Милославский»* (1829), что само по себе подчёркивает стремление разработчиков ориентироваться на каноническое национальное повествование. Особенно удачным элементом квеста является внедрение закадрового комментирования, поясняющего сюжет и раскрывающего ключевые аспекты исторического контекста, в частности — жестокую политику опричнины и фигуру противостоящего ей князя Милославского. Благодаря выразительности визуального ряда, нарративной структуре и образовательному потенциалу, *«Смута»* может быть рассмотрена как перспективный инструмент для преподавания российской истории и культуры в интерактивной форме. Игра вызвала большое количество положительных отзывов, авторы которых восхищались возможностью прогуляться по колоритным древним городам, наличием качественного справочного материала, атмосферой, музыкальным сопровождением и т.д.

Таким образом, при взаимодействии с игровым продуктом игроки, помимо геймплейной составляющей, обращают внимание на совокупность культурно маркированных элементов, формирующих общее восприятие мира игры и определяющих степень её аутентичности и погружения. Среди ключевых аспектов восприятия — визуальные, аудиальные и текстовые компоненты, несущие на себе национальный код. Это, в частности, костюмы персонажей, способные отсылать к конкретным этнокультурным традициям; художественное оформление и графический стиль; музыкальное сопровождение, включающее национальные мотивы или фольклорные интонации; элементы языка (в том числе — наличие родной речи или локализации); кулинарные практики, представленные в игровом пространстве; обряды и праздники, сюжетно или фоново встроенные в нарратив. Особую

роль играют архитектура и интерьер, репрезентирующие традиционные типы жилья, а также природный ландшафт, стилизованный под узнаваемые географические и климатические зоны. Игроки фиксируют наличие или отсутствие элементов самоидентификации — символов, через которые возможно соотнести своё культурное «я» с внутренним миром персонажей. Национальные праздники, устоявшиеся обычаи, традиционные ремёсла, фольклорные сюжеты, мифологические фигуры, исторические реалии, — всё это становится значимым не только с точки зрения эстетики, но и как носитель просветительской функции. Именно комплексное включение таких элементов способствует формированию у пользователя устойчивого ощущения культурной принадлежности, делает игру каналом трансляции культурного наследия и средством мягкой силы — в том числе на международной арене.

Среди видеоигр, условно апеллирующих к исторической тематике, важное место занимает серия графических квестов о Василии Ивановиче Чапаеве и Петьке, выпускавшаяся в период с 2014 по 2017 годы (всего девять оригинальных игр и три перезапуска), созданная российской компанией «Бука». Эти игры представляют собой своеобразную интерпретацию популярных комиксов, перенесённых в цифровую интерактивную форму. Несмотря на отсутствие строго выстроенного исторического нарратива, они, несомненно, выполняют просветительскую функцию, знакомя игроков с персонажами и реалиями Гражданской войны, пусть и в сатирико-фантастической интерпретации.

К числу условно исторических игр также можно отнести серию о Штырлице — адаптацию образа советского разведчика в духе комедийной переработки штампов шпионского жанра. Своеобразным феноменом в контексте российской массовой культуры является и игра *«Падал прошлогодний снег»,* основанная на одноимённом мультипликационном фильме. Хотя центральный персонаж — «мужичок» — не имеет исторического прототипа, он наделён архетипическими чертами «русского характера», что делает его узнаваемым как для отечественной, так и для зарубежной аудитории, открытой к знакомству с национально маркированными сюжетами.

В числе более репрезентативных проектов, затрагивающих историческую тематику в традиционном ключе, следует выделить стратегические и симуляторные игры: *«XIII Век: Русич»* (2007), *«Казаки: Европейские войны»* (2000), *«Ил-2 Штурмовик»* (2001). Эти проекты демонстрируют более серьёзный подход к реконструкции военных событий, геополитических реалий и исторического антуража, выступая в качестве потенциальных медиаторов памяти в игровой форме.

Что касается европейского контекста, то интересной попыткой мемориализации Второй мировой войны в формате интерактивного продукта может считаться игра *«Побег из курятника»* (*Chicken Run),* основанная на одноимённом анимационном фильме 2000 года. Несмотря на выразительный аллюзивный ряд, отсылающий к тематике лагерей для военнопленных, игра, по мнению критиков, существенно уступает оригинальной мультипликационной версии по уровню визуальной выразительности, художественному качеству и драматургической глубине. Тем не менее, она представляет собой пример адаптации военного нарратива в формат массовой анимационной культуры и свидетельствует о возможности конвертации памяти о травматических исторических событиях в игровые формы.

Анализ визуального и сюжетного ряда анимационного фильма *«Побег из курятника»* (реж. Питер Лорд и Ник Парк) позволяет говорить о структуре произведения, в котором реализуются элементы драматургии, отсылающей к военной кинематографической классике, в частности, к фильму Джона Стерджиса *«Большой побег»* (1963). Уже с первых кадров зрителю предлагается объёмная

3D-картинка, имитирующая пространство лагеря: колючая проволока, острые лучи прожекторов, тень бегущего между бараками заключённого — всё это вызывает устойчивые ассоциации с концентрационным лагерем. Камера, как бы смонтированная с «точки зрения» беглеца, лежащего в траве, фиксирует сапоги хозяина фермы — Уилларда Твиди. Такой «взгляд снизу» создаёт эффект присутствия, усиливая у зрителя ощущение тревоги, уязвимости и страха. Подобный же визуальный приём используется при демонстрации сапог хозяйки, как бы надвигающихся сверху на кур, между которыми (сапогами) — в композиционном центре — видны испуганные «лица» кур. Доминирование вертикали в кадре подчёркивает физическое и символическое превосходство хозяйки фермы над курами-жертвами, и постоянно повторяется в сценах, в которых присутствует Мелисса Твиди. Ее изображение дается через нижнюю камеру: она как бы нависает над фермой, символизируя тоталитарная силу. Детализация визуального ряда заслуживает особого внимания. Так, Мелисса Твиди надевает резиновые перчатки — реалистичная бытовая деталь, одновременно приобретающая символическое значение: резиновые перчатки, безусловно, надела бы любая хозяйка, собирающаяся убить курицу, здесь эта деталь подчеркивает присущую хозяйке жестокость. Примечательно, что именно она, а не муж, готовится совершить насилие.

Героиня фильма, Курочка Джинджер, агитирует остальных кур бежать с фермы, она пытается понять, получится ли это проделать незаметно, и мы видим потрясающе точную фактурную картинку барачных досок. Когда за ней бегут овчарки, то вместо одной, обычно сопровождавшей хозяина, появляются сразу две — для усиления ужаса, испытываемого героиней. Примечательно, что собаки — единственные животные, лишённые речи. Вероятно, это не случайно, т.к. в генетической памяти людей, переживших войну, и тех, кто познакомился с ней из художественных фильмов, образы немецких овчарок связаны с темой жестокости, ужаса, страха и боли. Но даже эти собаки боятся хозяйки. Курочку Джинджер кидают в ящик с углем, изображающим карцер, этот эпизод сопровождается барабанной дробью, напоминающей немецкие марши.

Авторы фильма, Питер Лорд и Ник Парк, не скрывали, что сюжет *«Побега из курятника»* апеллирует к знаменитому фильму Джона Стерджиса «Большой побег». Общие сюжетные мотивы включают, помимо трагических, юмористические сценки — например, в конфликте между британским петухом-ветераном Фаулером и харизматичным американским петухом Рокки. Сопоставление перспективной картинки куриной фермы в видеоигре и мультфильме — и аналогичных кадров с видом на концлагерь в кинофильме Стерджиса указывает на стилистическую и идеологическую перекличку между анимационным фильмом, видеоигрой и приёмами репрезентации травматического опыта в игровом кино.

Особое место в визуально-игровой меморализации занимает и французский полнометражный анимационный фильм *«Персеполис»,* основанный на автобиографической новелле Моржан Сатрапи. В этом произведении, представляющем собой синтез комикса и анимационного кинематографа, воспроизводится история жизни писательницы в условиях исламского фундаменталистского режима в Иране. Несмотря на отсутствие игровой составляющей, *«Персеполис»* может быть отнесён к категории медиапамяти — как значимый визуальный документ эпохи и одновременно инструмент формирования критического восприятия исторической реальности. Современная исследовательница сетевых блогов Маргарита Снегур резюмирует:

> Национальная идентичность в случае перехода в цифровое пространство также является одной из социальных идентичностей, которая может целенаправленно конструироваться с помощью различных

технологий, а может неосознанно для автора проговариваться, привлекать к себе внимание пользователей, считывающих определенные символы и по-своему интерпретирующих их. Конструирование национальной идентичности в сети представляется своего рода виртуальным перфомансом, в котором социальные ситуации определяют интенсивность использования национальных символов и образов. Понимание специфики ситуаций, актуализирующих национальную идентичность в сети, позволит углубить понимание особенностей формирования индивидуальной национальной идентичности (2023: 101).

Таким образом, цифровое пространство формирует уникальную среду, в которой традиции обретают динамический характер: они могут зарождаться заново, претерпевать трансформации, вытесняться или целенаправленно забываться, реконструироваться или переосмысляться в новых социокультурных контекстах. Эта медиасреда выступает не просто каналом трансляции культурных паттернов, но и активным агентом их производства и редактирования. Основной исследовательский фокус в данном контексте должен быть направлен на выявление смыслов изучения традиций — будь то «изобретённые», восстановленные или вытесненные практики. Как подчёркивал Эрик Хобсбаум, традиции обладают диагностическим потенциалом: они представляют собой «существенные симптомы и индикаторы» (2000: 59) актуальных процессов, кризисов и тенденций, переживаемых обществом. Через них можно прочитывать структуру общественного сознания, а также те символические формы, в которых социум стремится артикулировать свои новые ценности, идентичности и идеологические установки. Анализ характера изобретённых традиций, особенно в условиях цифровой реальности, позволяет судить о типе общественного запроса, о способах коллективного взаимодействия с историческим наследием и культурной памятью. Таким образом, изучение этих традиций — не просто акт культурной ретроспекции, но способ постижения ментальных и идеологических изменений в современном мире, отражённых в языке символов, медиа и игровых репрезентаций.

Цифровая эпоха радикально трансформировала способы производства и трансляции культурной памяти, придав коммеморативным практикам новую медиатизированную форму. Видеоигры как самостоятельный феномен современной культуры выступают в данном контексте не просто объектом развлечения, но и важным инструментом культурной и исторической медиации. Они становятся пространством, в котором традиции — как подлинные, так и изобретённые — обретают новую жизнь, где возможно не только их восстановление, но и стирание, трансформация, и даже переосмысление в соответствии с запросами современного общества.

Игры, ориентированные на национально-историческую тематику, демонстрируют как потенциал культурной репрезентации, так и риски мифологизации и искажения исторического нарратива. Особый интерес представляет феномен «геймификации памяти», предполагающий не пассивное воспроизведение событий, а активное участие игрока в создании собственного нарратива — нередко альтернативного и полемического по отношению к устоявшейся исторической версии. Цифровые игры становятся «посредниками памяти» — не в смысле замены академического знания, а как формы популярной культуры, способной вовлекать широкую аудиторию в процесс соотнесения себя с историческим и культурным наследием. Именно в этом заключается их эвристическая и педагогическая ценность: видеоигры могут служить не только объектом культурологического анализа, но и инструментом формирования критического исторического сознания.

Литература

Dunwell, I., Petridis, P., Lameras, P., Hendrix, M., Doukianou, S., & Gaved, M. (n.d.). *Assessing the reach and impact of game-based learning approaches to cultural competency and behavioural change*. https://www.researchgate.net/publication/260295400_Assessing_the_Reach_and_Impact_of_Game-Based_Learning_Approaches_to_Cultural_Competency_and_Behavioural_Change

Адамчик, М. В. (сост.). (2006). *Мифы народов мира: Энциклопедический словарь*. АСТ; Харвест.

Павловский, А. Ф. (2023). Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: Куда ведет цифровой поворот в Memory Studies? В А. Ф. Павловский & А. И. Миллер (ред.), *Память в сети: цифровой поворот в Memory Studies*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение* (Пер. с франц.). Издательство гуманитарной литературы.

Савельева, И. М., & Полетаев, А. В. (2006). Национальная история и национализм. *Вестник РУДН. Серия «История России»*, 2, 18-30.

Снегур, М. Р. (2023). Репрезентация национальной идентичности в сети. *Социология ДИСКУРС*, 9(4), 99–113.

Хаттон, П. Х. (2004). *История как искусство памяти*. Владимир Даль.

Хобсбаум, Э. (2000). Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, *1,* 47-62.

LOS RETOS DE TRADUCCIÓN DEL DISCURSO PUBLICITARIO AL UCRANIANO: LOS ASPECTOS APELATIVO Y PERSUASIVO

Liudmyla Artemova
Universidad Nacional Taras Shevchenko de Kyiv
Nataliia Lukashenko
Universidad Nacional Taras Shevchenko de Kyiv

La publicidad es la poesía
contemporánea del mundo capitalista.
(Liudmyla Pavliuk)

1. Introducción

Según G. Pocheptsov, «aunque vivamos en un mundo real, éste en la mayoría de los casos no cumple nuestras expectativas. Entonces, comenzamos a ver en él aquello que más deseamos, o bien lo que nos sugieren» (2022: 47). La publicidad construye para nosotros un mundo atractivo, sugestivo y lleno de placeres y deleites que, en ocasiones, no tenemos en la vida real. Para elaborar este espacio irreal pero tan anhelado, el discurso publicitario debe ser altamente funcional, fusionando una multitud de funciones entre las cuales predominan la informativa, la creativa, la diferenciativa, la argumentativa, la apelativa y la persuasiva. En esta investigación nos centraremos únicamente en las dos últimas, por considerarlas las más relevantes a la hora de analizar los retos de la traducción al ucraniano.

La función apelativa tiene como objetivo captar la atención e incitar a la acción (Jakobson, 1960). El discurso publicitario influye en el comportamiento del consumidor mediante mecanismos lingüísticos presentes en todos los niveles de la lengua (fonético, morfológico, léxico-semántico y sintáctico, principalmente). A ello se suman los contextos sociocultural y comercial contemporáneos, igualmente determinantes.

Para cumplir con un nivel tan elevado de exigencia, el discurso publicitario se configura como un texto híbrido, al igual que gran parte de los discursos periodísticos: es informativo, creativo y argumentativo. Este último rasgo se manifiesta en la función persuasiva, es decir, en el uso de recursos retóricos, emocionales y culturales destinados a convencer al consumidor. La persuasión es una actividad consciente e intencionada que busca inducir a un auditorio a pensar o actuar de una determinada manera mediante estrategias basadas en la palabra, complementadas con técnicas lingüísticas o extralingüísticas —en muchos casos de carácter psicológico— como la apelación al gregarismo o la disonancia cognitiva, con el fin de orientar la decisión hacia los intereses del emisor (Escandell, 2020: 483).

Nuestro estudio se centrará principalmente en el análisis del discurso publicitario del anuncio de la cerveza Voll-Damm titulado *«El arrepentido»*. La metodología se basa en el análisis de las traducciones realizadas por estudiantes de la Universidad Nacional Taras Shevchenko de Kyiv. La publicidad española difiere de los patrones ucranianos, ya que puede ser más lúdica, emocional, agresiva o provocativa. Pero sigue siendo un discurso *ideológico*, tal como lo define J.M. Arribas Macho:

> un discurso que interpela a los sujetos humanos con la intención consciente o inconsciente de imponerles un determinado sistema de representaciones del mundo y, lo que no es menos importante, de adscribirlos a pautas especializadas de comportamiento que vienen condicionadas por las leyes de reproducción de la estructura social subyacente a ese mismo sistema de representaciones (2013: 148).

En la publicidad analizada, podemos apreciar claramente una apelación directa a los espectadores y/o posibles consumidores de esta marca de cerveza, que busca imponer una imagen idealizada del proceso de elaboración del plato estrella de la gastronomía española. El objetivo es trasladar esta actitud al producto promovido, estableciendo pautas de comportamiento (respeto, apreciación positiva, arraigo) y vinculándolas con la estructura social de la sociedad española.

Según Göran Therborn, el texto ideológico nos intenta llevar a elegir entre lo que existe y no existe, lo que es bueno o malo, lo que es posible e imposible (Arribas, 2013: 149). En este sentido, el texto publicitario despliega ante los espectadores una determinada configuración del mundo, mostrando una faceta de la sociedad y de la naturaleza que impacta por representar el mundo rural real, existente pero alejado del modo de vivir de la mayoría del público actual. Esta representación resulta ser impresionante y memorable. La distinción entre lo bueno y lo malo se basa en la sugerencia marcada de que lo correcto sería aprender a apreciar el trabajo duro de la gente de campo, mientras que lo incorrecto se asocia con la actitud, a veces superficial y vanidosa, de las nuevas generaciones que poco saben sobre cómo se ganaban el pan sus antepasados no tan lejanos. De ahí surge un desprecio al esfuerzo físico y el trabajo duro cotidiano. De lo posible e imposible surgen las proyecciones de nuestras esperanzas y nuestras ambiciones, así como de nuestros temores y nuestras renuncias. Estas proyecciones, según nuestro entendimiento, surgen como la interpretación individual y personalizada de la idea por parte de cada usuario.

Los ingredientes fundamentales en la creación del discurso publicitario forman el orden, los tópicos, cómo se abordan, el tono, el formato, etc., además de encajar una selección lingüística adecuada a los objetivos de persuasión (léxico, sintaxis, etc.) y adobarlo con una puesta en escena adaptada a los ideales del auditorio (el vestido, la actitud, el tono, el gesto, el contexto, el ethos, las imágenes) (Escandell, 2020: 444). Y la puesta en escena de este anuncio publicitario es original e impactante. En primer término, es su arquitectónica del cortometraje, que empieza por la culminación (el desenlace) y luego muestra la introducción de la historia. Esta estructura se llama *in medias res* (latín: «en medio de la acción») y es un instrumento narrativo muy poderoso por cumplir diversos objetivos:

a) captar la atención inmediata: ya que comienza con el momento más impactante, el espectador queda intrigado y emocionalmente involucrado desde el primer instante.

b) generar curiosidad: el espectador quiere entender cómo se llegó a esa situación, lo que mantiene el interés vivo mientras avanza el cortometraje.

c) enfatizar las diferentes emociones del vídeo: la intensidad del desenlace inicial hace que los elementos de culpa, arrepentimiento o tensión sobresalgan aún más.

d) resaltar la moral o reflexión**:** al mostrar primero las consecuencias, el espectador recibe un mensaje más directo sobre el tema central (culpa, responsabilidad social, injusticia, etc.).

En conjunto, este orden inverso permite que los anuncios no solo sean memorables, sino también que transmitan un impacto emocional y social muy fuerte, reforzando el mensaje que quieren comunicar (1977: 40). Este objetivo se cumple haciendo referencia al canal visual perfectamente elaborado con una verbalización muy concisa y breve. Tal como lo indica J. M. Arribas Macho: «La tarea del publicitario consiste,

en términos generales, en transponer este mensaje a un orden sensorial, en el que predominan las imágenes visuales» (Arribas Macho, 2013: 151; Vega Moreno, 2020: 176).

Últimamente, la publicidad, especialmente en sus variantes televisivas, recurre con frecuencia a dramatizaciones, en las que la distribución de los papeles resulta evidente: suele presentarse como una relación entre «comprador y cliente» (Pavliuk, 2008: 71). Sin embargo, en nuestro caso la originalidad abarca toda una historia creada como un pequeño «filme» elaborado, emotivo, tenso y vibrante.

2. Análisis

La narrativa se desarrolla en torno al encuentro entre el consumidor fiel («Una alegría inconmensurable, señor, tenerle de nuevo aquí») y un joven camarero. En la historia narrada, un joven camarero inexperto comete un error al servir una Voll-Damm, lo que desencadena una serie de acciones interpretadas por Luis Tosar. Este lleva al camarero a un recorrido por diversos entornos rurales para que él conozca de primera mano el arduo trabajo de productores locales: una avicultora, un salinero y varios recolectores de patatas y cebollas. El objetivo es que el inexperto camarero comprenda el valor y la dedicación que hay detrás de cada ingrediente que compone una tortilla de patatas («este pequeño milagro de nuestra gastronomía»), y por extensión y extrapolación, la calidad de la cerveza Voll-Damm. Esta se presenta como una cerveza de calidad superior, haciendo hincapié en su elaboración cuidadosa y los ingredientes selectos que la componen. La campaña se presenta como una pieza cinematográfica de alta calidad, lo que eleva la percepción de la marca y la distingue de otras campañas publicitarias convencionales. Adopta un tono serio y reflexivo combinado con humor e ironía para transmitir la importancia de la calidad y el respeto por la gastronomía.

Los protagonistas son tres y representan diferentes generaciones y tipos sociales:

1. Luis el cliente: es el prototipo del «amante de lo bueno». Es exigente, dramático («pequeño milagro de nuestra gastronomía») y tiene autoridad (el trato servicial por parte del tío, la obediencia por parte del camarero). Su eslogan «¡Una Voll-Damm!» es una orden llena de convicción y desdén hacia la cerveza inferior que le han servido. El personaje de Luis Tosar infunde autoridad: su figura imponente y conocedora actúa como guía y mentor, otorgando credibilidad al mensaje y persuadiendo al espectador sobre la importancia de valorar la calidad y el esfuerzo detrás de los productos.

2. El camarero joven (el sobrino): representa la ignorancia y la despreocupación. Su comentario «todas las cervezas son iguales» es el mayor pecado posible en este universo de cerveza perfecta. Sus prioridades (pilates) chocan con la seriedad que el tío y el cliente le dan al acto de servir cerveza. Este personaje apela directamente al espectador: el público se identifica con la falta de conocimiento sobre la calidad y el origen de los productos, lo que facilita la recepción del mensaje persuasivo.

3. El tío (el camarero jefe): actúa como un servidor solícito ante el cliente exigente. Sus réplicas son exageradamente corteses y aduladoras («*alegría inconmensurable* alegría inconmensurable»). «La elección de los vocablos decide la construcción significativa del discurso, la verdad discursiva» (Escandell, 2020: 444). Se disculpa de forma exagerada para tranquilizar al cliente y salvar la situación, dejando claro que el error de su sobrino constituye una auténtica herejía («no sabe lo que sirve»).

La publicidad, como ningún otro género, posee un indiscutible don de crear intriga, lo cual se manifiesta en el vídeo analizado mediante el orden inverso de presentar los hechos: primero vemos el desenlace y, en la segunda parte, la razón de los acontecimientos. Con este método eficaz se logra crear una atmósfera de expectación que se ve reforzada por la segmentación o presentación por partes de la información (Lucía – María – Juan – Pepe – el bar).

Este cortometraje publicitario está marcado por un alto grado de emocionalidad (que es el componente primordial del discurso persuasivo), creada a través de diferentes recursos tanto lingüísticos como extralingüísticos. Nos gustaría adentrarnos en las técnicas utilizadas para reflejar las emociones que representan los protagonistas, en especial la evolución en la comprensión de las cosas por parte del sobrino. Desde los primeros momentos se transmite un arrepentimiento por algo que se acaba de hacer, que es muy simple y casi automático; el espectador no sabe qué ha ocurrido, porque la trama comienza por el final de la historia. El tartamudeo al principio de la frase («Lo…lo siento») puede traducirse al ucraniano mediante puntos suspensivos o ampliando la estructura («*Ну... перепрошую*»), lo cual imita un habla confusa, nerviosa e insegura. Al mismo tiempo, esa frase retrata perfectamente la imagen de un camarero joven, quizá inexperto, que realmente no se preocupa por su error.

El diálogo que acompaña la escena en el patatal remarca la extraordinaria laboriosidad, la resistencia y la humildad de María. La mención «desde los doce años» evoca una infancia dura, marcada quizá por la falta de elección, o toda la vida dedicada a las labores en el campo. La expresión «siempre con una sonrisa» se convierte en un cliché con el que los demás romantizan y dulcifican la pesada carga de las faenas de los campesinos.

María no responde. En general, en todos los lugares visitados guarda un silencio hermético, porque son las imágenes las que hablan (miradas, gestos, etc.). El silencio de María, más que cualquier discurso, se impone como el argumento más fuerte y verdadero: el peso de una vida entera contenida en su presencia muda. Mientras que la respuesta del camarero transmite varias emociones: a) confusión porque él no sabe cómo responder ante esta demostración de injusticia social; b) culpa: puede sentirse parte de un sistema que permite la existencia de un trabajo tan duro y mal remunerado para niños y mujeres ; c) vergüenza: por su inacción.

Este diálogo constituye una incisiva advertencia social sobre el trabajo duro, la explotación en la agricultura y la desigualdad social y la de género. La reacción del camarero es la de alguien que, de pronto, se enfrenta al reconocimiento de esa cruel realidad.

Luis enfatiza la singularidad y la calidad de otro chico del pueblo, Juan, un simple agricultor («no existen en el planeta», que es una exageración). A lo que el camarero ya reacciona con el doble de perdones «Juan, lo siento mucho, Juan, perdóname», que constituye la culminación de la culpa y el arrepentimiento. La repetición del nombre propio evidencia un profundo estado emocional y conmoción. El «perdóname» es mucho más intenso que un simple «lo siento». No se trata solo de disculparse, sino que ya es un reconocimiento de culpa de no haberlo entendido antes. Y el contacto físico, el abrazo, muestra un auténtico arrepentimiento donde lo verbal ya no basta y se intenta restablecer un vínculo humano, posiblemente roto por barreras sociales o económicas.

Luis, con sus palabras «El trabajo de salinero ha sido considerado históricamente uno de los más duros» y quizás señalando las duras condiciones laborales de Juan, fuerza al interlocutor a tomar plena conciencia de su culpa. Él muestra la realidad sin ceremonias ni romantización: «uno de los pocos que quedan ». Esta frase evidencia la decadencia de una profesión importante pero extremadamente dura, debido a su inviabilidad económica. El camarero finalmente comprende su absoluta ignorancia sobre la realidad de la vida campesina y la explotación o sobreexplotación en el mundo contemporáneo. Su disculpa se convierte en un sentido arrepentimiento ya que se pone de rodillas, un gesto humillante y poco común en nuestros tiempos actuales. Su pregunta «¿Te queda claro?» es acusatoria; aparte de la respuesta, se exige el reconocimiento de la culpa.

El contraste evidente entre la reacción del camarero en la primera parte del video (el desenlace) y la segunda parte puede interpretarse como un proceso de arrepentimiento paulatino y gradual: al principio, automático y banal, al final del «viaje», sincero y profundo (la gradación ascendente en términos emocionales).

Su primer «perdón» es todavía tímido, casi automático, un intento inicial de disculparse. Pero tras la pregunta aclaratoria − irónica, burlona − de Luis, se derrumba por completo. Su respuesta «Clarito, clarísimo» no es solo palabras: es un reconocimiento pleno y consciente. Finalmente comprende en profundidad todo el problema que le han estado mostrando durante la «visita». El doble perdón al final «Perdón, lo siento» ya no es formalidad, sino un auténtico acto de arrepentimiento y compasión; pide perdón y expresa su pesar al mismo tiempo.

El análisis confirma que la explotación de sentimientos llega a formar uno de los principios de la psicología social usados en el anuncio publicitario (Pérez Rodríguez, 2010: 19).

Según las bases de la pragmática, «el aprovechamiento de los términos *positivos* puede llevar a una matización interesada que se articula con una adjetivación contradictoria con la propia definición con el fin de aprovechar su prestigio social que busca la respuesta emocional del receptor» (Escandell, 2020, 440). La parte de la información pragmática y la cantidad de información redundante alcanzan un 5-10% en la publicidad, según L. Pavliuk, lo que convierte a este ámbito en un «campo de pasiones exageradas». En este contexto, la exageración o hipérbole se manifiesta a través del uso de «palabras-condensadores» de la máxima expresión de emoción (Pavliuk, 2009:70). La exageración publicitaria es «la práctica publicitaria habitual y legítima de efectuar afirmaciones exageradas o respecto de las que no se pretenda una interpretación literal» (Vilajoana, 2011: 119).

En el cortometraje lo vemos en múltiples ocasiones, como en el recién citado «*clarito, clarísimo* clarito, clarísimo», en el cual con el uso del sufijo apreciativo diminutivo y el grado absoluto superlativo se transmite la idea de la realización máxima de la cualidad (en este caso puede considerarse también un rasgo propio del estilo coloquial). Para reflejarlo en la traducción al ucraniano, preservando el componente emotivo-evaluativo, hemos recurrido a la transformación y a la amplificación: «*Тобі все ясно? – Ясніше не буває.»* або *«Тепер ти второпав? – Ясно мені, як божий день.»* En general, en este pequeño fragmento hay otros dos casos del uso del diminutivo en el sintagma nominal: 1. Esta gente hace el aceite del mismo modo que lo hacía su tatarabuelo hace más de 150 años, de ahí que no tengan unas manitas tan suaves como las tuyas. − *Ці люди виробляють олію так само, як це робили їхні прапрадіди понад 150 років тому. Ось чому в них не такі ніжні ручки, як твої.*

2. Con un «lo siento» no basta. Vamos a dar un <u>paseíto</u> − *Одного вибачення тут буде замало. А ходімо трохи пройдемося.* Según la Nueva gramática de la lengua española, «los diminutivos no lexicalizados expresan matices afectivos, especialmente familiaridad o cercanía, pero también ironía, cortesía e incluso menosprecio» (Nueva Gramática, 2009: 651). En ambos ejemplos se expresa la idea de ironizar, o sea, «la percepción del mundo en su dualidad» (Bravo, 1997: 87). En el primer ejemplo, el contexto nos sugiere que el objetivo es hacer énfasis en el contraste entre las manos endurecidas por el trabajo de la gente campesina y las suaves y cuidadas del camarero. Y se lleva a cabo «la primera fuerza de la ironía, la fuerza negativa» (Bravo, 1997: 137). La traducción es casi literal, ya que la lengua ucraniana posee una equivalencia que conserva los matices pragmáticos del sufijo diminutivo. En el segundo ejemplo, en la traducción hemos recurrido a la transposición dar un <u>paseíto</u> − *трохи пройдемося.* La ironía subyace en el contraste entre entender el «paseíto» como un paseo breve y corto, y su duración real de dos días. El viaje del camarero sirve como metáfora del proceso de aprendizaje y apreciación de la calidad, apelando a las emociones del espectador y generando una conexión más profunda con la marca. La pregunta sobre el paraguas («¿has traído paraguas ?») es el auge ya

que, a primera vista, está fuera del contexto, pero a la vez sugiere que el «*paseíto*» no será agradable, añadiendo un toque de humor siniestro y cómico. La ironía subyace en la idea del cortometraje: la situación cotidiana de servir la cerveza equivocada se trata con la seriedad de un drama épico.

La parecida función de realce de ciertos segmentos la cumplen los adverbios terminados en *-mente* de reafirmación: *realmente;* o de cantidad: *enormemente.* Según Pérez Rodríguez, uno de los rasgos relevantes del discurso publicitario es la exageración «cuando la información es relevante y significativa, no suele ofrecerse nunca en bruto, ni objetivada, sino cargada de contenido político, ideológico o comercial» (2010: 19).

Las diferentes formas en las que el camarero llega a formular su disculpa también representan una repetición orquestada de ideas. Toda persuasión eficaz utiliza en algún grado la repetición de juicios de valor, ideas del emisor sobre acontecimientos de actualidad, o sobre aspectos totalizadores (Pérez Rodríguez, 2010: 19). Sus «lo siento mucho», «perdón», «perdóname», ampliados por expresiones como «No sé cómo ha podido pasar», «Me esforzaré» cierran cada fragmento dialogado, a modo de epífora, intensificando la idea de arrepentimiento del Camarero.

Por otro lado, este cortometraje publicitario está pensado como un diálogo, en el que se distinguen las preguntas al camarero y las respuestas, que interpretamos como distintas formas de dirigirse al público y de modelar su reacción (Pavliuk, 2008: 71). Visto el orden invertido de la arquitectónica del anuncio, la *pregunta introductoria* aparece en su segunda parte, en la fase de familiarización con el producto y de despertar el interés*: ¿Realmente estás convencido de que el mejor acompañamiento para este pequeño milagro de nuestra gastronomía es…esto? (Ти справді (дійсно) переконаний, що це … найкраще, що може доповнювати це маленьке диво нашої кухні??*) Y esta frase nos ofrece un potencial triplemente realzado: por el grado superior de *mejor* y por el uso hiperbolizado de *milagro,* lo que se refleja en la modulación en la traducción al ucraniano. El último corresponde a unos de los rasgos distintivos de la carga persuasiva del mensaje publicitario, expresado por el uso de cuantificadores de exclusividad o nominaciones y atributos expresivos (Pavliuk, 2008: 67). Hay múltiples ejemplos en el discurso estudiado: «los huevos son tan buenos», «me esforzaré más de verdad», «No existen en el planeta», «uno de los más duros», «uno de los pocos que quedan», «una alegría inconmensurable», «lo siente enormemente.» Y se completa con una historia: «la gente no compra productos, sino las historias que esos productos representan, así como tampoco compra marcas, sino los mitos y arquetipos que estas simbolizan. Ya no se habla de los productos; los productos se asocian con personajes o valores sociales en una publicidad que cada vez está más lejos de la información» (Escandell, 2020: 438).

El principio de contraste está realizado por el paralelismo estructural y sintáctico, lo que sirve para destacar el eslogan. Los paralelismos contribuyen al ritmo del texto, enfatizan diferentes aspectos de la acción y categorizan la información. También transmiten un significado de oposición completa y forman una antítesis (Pavliuk, 2008: 68). El paralelismo en este caso no se manifiesta por escrito, sino que se realiza en la primera parte de la publicidad y se representa mediante la afirmación de Luis – y la disculpa del camarero. Se recurre así al método de extrapolar los principios utilizados para comprender un fenómeno como vía para explicar otro: *los huevos tan buenos → la cerveza Voll-Damm, el aceite de mucha tradición familiar → la cerveza Voll-Damm; la patata cuidada con una sonrisa → la cerveza Voll-Damm; unas cebollas únicas en el planeta → la cerveza Voll-Damm; el pequeño milagro de nuestra gastronomía → la cerveza Voll-Damm*. Esta propuesta de exponer el contenido con las estructuras bimembres, la forma lacónica, breve y parca en expresar el mensaje verbal (cierta simplificación) logra subrayar la riqueza de la imagen visual y el contexto altamente emotivo (Pérez Rodríguez, 2010: 19).

Otro tipo de contraste del alcance apelativo es el uso de la oposición entre «tú (el camarero) – ellos (Lucía, Pepe, María, Juan, las gallinas incluidas)»: *Esta gente hace el aceite del mismo modo que lo hacía su tatarabuelo hace más de 150 años, de ahí que no tengan unas manitas tan suaves como las tuyas. ... uno de los pocos que quedan.*

La intensidad de las emociones (y por consiguiente, su valor persuasivo) se manifiesta en el uso eficaz de diversos recursos sintácticos (Pavliuk, 2008: 68), en particular, de las figuras sintácticas de inversión, la parcelación o la segmentación y las reticencias. Según Pérez Rodríguez, «la explotación de emociones se consigue técnicamente parcelando los contenidos» (Pérez Rodríguez, 2010: 19). En el cortometraje encontramos varios ejemplos de parcelación, como los siguientes:

1) María lleva desde los 12 años bajando cada día para cuidar su patatal. Y siempre con una sonrisa. 2) Yo voy, pero a las 9 tengo que estar aquí. Que tengo pilates. 3)¡Una Vol-Damn!¡Cómo no! Doble malta. Esta figura crea un ritmo particular, marcado por un componente emocional distintivo, ya que cada parte segmentada ofrece una porción de información nueva, enfatizada por esta estructura estilística. En el segundo ejemplo se amplía el sentido general de la última réplica del joven sobre el pilates: muestra que sigue sin comprender la gravedad de su error, contrastando su vida cotidiana con el mundo *gourmet* de los otros personajes. Asimismo, en el tercer ejemplo se selecciona el tecnicismo «*doble malta* doble malta» para que «el receptor responda emocionalmente sometiéndose a la autoridad del cliente que lo emite y que infiere un valor positivo que mejora el producto» (Escandell, 2020: 442). De hecho, Voll-Damm se posiciona como una cerveza premium y la presenta como la única elección aceptable para acompañar una comida exquisita.

La reticencia tiene el mismo carácter marcado de intensidad emocional, como en estos casos: 1) *Lo .... lo siento, me esforzaré más.* 2) *¿Realmente estás convencido de que el mejor acompañamiento para este pequeño milagro de nuestra gastronomía es…esto?* 3) *Es mi sobrino, es su primer día de trabajo y… No sabe lo que sirve.* Son muchos los valores pragmáticos que cumple la reticencia en el discurso. Suele ser una figura altamente presente en el estilo coloquial. La interrupción brusca del enunciado puede mostrar una excitación, la alta emocionalidad detrás de la cual se esconde una fila de emociones desde la admiración hasta la indignación, las dudas que asaltan al hablante o el deseo de dejar la frase sin terminar para sugerir que el interlocutor la puede completar según su propio entendimiento.

3. ESTRATEGIAS ESTILÍSTICAS Y DE TRADUCCIÓN

Para sintetizar lo antes expresado, en este spot publicitario abundan los medios estilísticamente marcados: tropos y figuras semánticas y sintácticas, en su totalidad el corpus engloba más de 45 ejemplos. Son parcelación, reticencia, antítesis, paralelismo, epítetos con valor apreciativo, repeticiones léxicas, comparaciones, perífrasis, ironía, sarcasmo, quiasmo entre otros que aportan al conjunto expresivo del mensaje publicitario, su emotividad. Lo que justifica su elección como el objeto de traducción para buscar las vías de transferir estos significados emocionales que son vitales para establecer vínculos con la audiencia, demostrando entusiasmo, pasión, empatía para ganar corazones (Pérez-Latre, 2015: 14)

Como bien afirma Bueno García, «la retórica es un digno instrumento del mensaje publicitario, un instrumento de persuasión». No es nada raro que se use casi toda su variedad de las figuras ya que añaden la riqueza a la expresión publicitaria, pretenden sacar el máximo partido a la expresión, confieren al texto la mayor energía y belleza (2000: 152-154). Lo mismo subraya Valdés Rodríguez, indicando que el mensaje publicitario «se inclina hacia su naturaleza artística dado el peso que los elementos creativos tienen en el mensaje publicitario» (2025: 28), mientras que los publicistas concentran sus esfuerzos en reforzar la memorabilidad del mensaje por medio de técnicas retóricas que logren maximizar el impacto del mensaje (2025: 141).

Bueno García afirma que «publicidad es *per se* traducción». Se perciben muchos paralelismos en estos dos fenómenos, por su grado de creatividad, por ser ambas «formas poéticas del nuevo siglo», originales e improvisadas (2000: 21). Por consiguiente, la traducción publicitaria es compleja, requiere la adaptación de diferentes estrategias en función de búsqueda de adecuación cultural, la aproximación al receptor de una cultura distinta, la descodificación verbal y no verbal del mensaje persuasivo y apelativo. Según Valdés Rodríguez, el traductor tiene que «explorar de qué forma y hasta qué punto la traducción de un anuncio puede producir efectos equivalentes a los creados en la lengua de origen sobre los receptores de origen» (2025, 187).

Uno de los objetivos primordiales de la traducción del texto publicitario es «preservar la carga emocional original de la publicidad en el receptor meta, algo que se alcanza mediante la adaptación de conceptos culturales, cambios estilísticos e ideológicos. En este caso, una traducción adecuada no solo favorece el traslado de la información, sino que también contribuye a formar la percepción de la marca, lo cual influye en la elección del consumidor» (Kovalenko, 2024: 101). Así que el traductor interviene como mediador intercultural, aplicando diferentes procedimientos técnicos de transposiciones o modulaciones, adaptaciones creativas (transcreación), transferencias, equivalentes culturales o funcionales, etc. (Verba, 2013: 106-128).

Pueden percibirse las siguientes diferencias pragmáticas: por ejemplo, el español publicitario utiliza con frecuencia la segunda persona del singular («tú»), que suena directa y cercana, mientras que en ucraniano hay una mayor sensibilidad hacia el uso del «*ви*» (usted) o «*ти*» (tú) según el contexto, edad o tipo de producto. En este caso la tarea del traductor es encontrar el equilibrio entre cercanía y cortesía sin perder efecto apelativo. En el cortometraje analizado es bien notable la diferencia en el trato: Luis – *usted* siempre, el camarero – *tú*, lo que se preservará sin cambios en la traducción al ucraniano:

> «Una alegría inconmensurable, señor, tenerle de nuevo aquí. Discúlpele, discúlpele». – «Це безмежна радість, пане, знову Вас бачити у нас. Вибачте його, вибачте!» « ... unas manitas tan suaves como las tuyas. – не такі ніжні ручки, як твої. ¿Te ha quedado clarito? – Тобі все ясно? Realmente estás convencido de que ...» – *«Ти справді переконаний, що ... ¿Has traído paraguas, sobrino? – Ти взяв парасольку, племінничку?»*

Visto que el ucraniano posee estructuras distintas y no siempre permite una equivalencia literal, también la estructura morfosintáctica puede requerir más palabras o cambios gramaticales, de ahí que la posible solución sea aplicar transcreación, es decir, recrear el sentido y efecto con nuevas formas lingüísticas. Podemos citar casos de amplificación: «Lucía podría cuidar de muchas más gallinas, pero las tiene justas y en libertad.*» – «Люсія могла б доглядати набагато більше курей, але вона має їх рівно стільки, скільки треба, і тримає на волі». «No sé como ha podido pasar». – «Не знаю, як це могло статися». «Vamos, no tenemos todo el día». – «У нас немає у запасі цілого дня». «*Este es Pepe, uno de los pocos que quedan*». – Це Пепе, один з тих небагатьох, хто ще залишився». «*Con un lo siento no basta*». – *«Одного вибачення тут буде замало».* El desafío a la hora de traducir sería conservar la economía verbal sin sacrificar la naturalidad o el ritmo del original. Para evitar la simplificación y la banalización en la traducción, los profesionales recurren a la adaptación pragmática con el fin de lograr la equivalencia más adecuada (Kovalenko, 2024: 101).

En la mayoría de los casos, el ucraniano publicitario tiende a una emocionalidad más moderada o culturalmente matizada. La tarea del traductor es adaptar el tono, no solo el léxico, para que el mensaje sea igual de persuasivo y adecuado al mercado meta. Podemos aquí hablar de la inversión como técnica traductora: «»María lleva desde los 12 años bajando cada día para cuidar su patatal. – *З дванадцяти років Марія щодня працює на своїй ділянці, де вирощує картоплю*.

También observamos transposición de cambio de número, en el caso de «del mismo modo que lo hacía su tatarabuelo hace más de 150 años» – *«як це робили їхні прапрадіди понад 150 років тому»; «*No existen en el planeta unas cebollas*» – «Немає в цьому світі такої цибулі».*

El caso de la adaptación o la transcreación la vemos en el siguiente ejemplo: «Lo .... lo siento, me esforzaré más de verdad que lo siento». *«Я... я перепрошую! Я направду буду краще старатися, чесно, мені так шкода.»* Aquí no se busca la equivalencia literal de cada palabra, sino transmitir la timidez, el nerviosismo y el arrepentimiento del camarero. El tartamudeo y el énfasis se adaptan a la fonética y sintaxis ucranianas, manteniendo el efecto emocional.

De ahí que la traducción publicitaria del español al ucraniano implique mucho más que traducir palabras, ya que exige percibir intenciones, respetar matices culturales y cuidar el impacto emocional del mensaje original.

4. Conclusiones

Tras analizar el discurso publicitario y el ejemplo de «El arrepentido», se observa que esta campaña publicitaria va más allá de la promoción de un producto; busca educar y concienciar al espectador sobre el valor del trabajo artesanal campesino y la calidad en la gastronomía. A través de una narrativa envolvente y personajes bien construidos, Voll-Damm logra posicionarse como una marca que valora la excelencia y el esfuerzo detrás de cada ingrediente. En conjunto, se trata de un anuncio con humor que refuerza el estatus de Voll-Damm como una cerveza para paladares exigentes que saben distinguir lo excelente de lo mediocre, y se burla de quienes no son capaces de hacerlo. Este tipo de publicidad es denominado de tono excluyente: «a través del mensaje publicitario se manifiesta que la empresa, producto o servicio anunciados ocupan la posición preeminente en el mercado, posición que no es alcanzada por ningún competidor o, en su caso, por un círculo limitado de competidores (Vilajoana, 2011: 119).

La función persuasiva y apelativa del discurso publicitario sirve para captar la atención del espectador, generar emociones y orientar su comportamiento. La narrativa estructurada en orden inverso potencia la sorpresa, el impacto emocional y la curiosidad del espectador, facilitando la transmisión de valores ideológicos y culturales.

La combinación de recursos lingüísticos y extralingüísticos refuerza la credibilidad del mensaje y la conexión emocional con el público, demostrando la eficacia de la persuasión audiovisual. El análisis evidencia que la parcelación del discurso y el uso de figuras como reticencias, paralelismo y repetición de expresiones («perdón», «lo siento», «me esforzaré») incrementan la intensidad emocional del mensaje, facilitando la internalización de la narrativa y del valor del producto. Estas estrategias generan un ritmo dramático que mantiene la atención del espectador. El estudio demuestra que la traducción de discursos publicitarios requiere no solo equivalencia lingüística, sino también adaptación pragmática y cultural. La transcreación, la amplificación y la modulación son herramientas esenciales para trasladar la carga emocional, el tono persuasivo y las referencias culturales al idioma meta, en este caso al ucraniano, preservando el impacto original del anuncio.

El presente artículo abre las puertas a futuras investigaciones sobre la traducción del discurso publicitario a otras lenguas eslavas, permitiendo un análisis comparativo sobre cómo se conservan o modifican las funciones persuasiva y apelativa en diferentes contextos culturales y lingüísticos. Esto podría contribuir a establecer estrategias de adaptación más efectivas y a comprender mejor la interacción entre lenguaje, cultura y marketing en diversos mercados.

Así, el análisis confirma que la publicidad no solo transmite información sobre un producto, sino que también construye un relato ideológico y emocional que refleja valores sociales y culturales específicos. Comprender estos mecanismos resulta fundamental para la traducción especializada y para la formación de traductores en contextos multiculturales.

Bibliografía

Arribas Macho, J. M. (2013). *Sociología del consumo e investigación de mercados: Una guía didáctica*. UNED. https://elibro.net/es/ereader/ugr/48608?page=148

Balemans, P. (2016). *Transcreation: Translating and recreating*. American Translators Association. https://www.atanet.org/client-assistance/transcreation-translating-and-recreating

Bravo, V. (1997). *Figuraciones del poder y la ironía*. Monte Ávila Editores Latinoamericana.

Bueno García, A. (2000). *Publicidad y traducción*. Universidad de Valladolid.

Feliu García, E. (1977). Retórica y lenguaje publicitario. *Item: Revista de Ciencias Humanas, 2*, 39-51.

Jakobson, R. (1960). Closing Statement: Linguistics and Poetics. En T. A. Sebeok (ed.), *Style in Language* (pp. 350-377). MIT Press.

Pavliuk L.S. (2009). Tekst i communikaisuya: osnovy discursyvnoho analizu. PAIS.

Pérez-Latre, F. J. (2015). *La publicidad y los medios: Ensayos de introducción a la publicidad* (2.ª ed.). EUNSA.

Pérez Rodríguez, M. D. (Coord.). (2010). *Técnicas publicitarias* (2.ª ed.). Editorial ICB. https://elibro.net/es/ereader/ugr/117575?page=12

Pocheptsov G.G. (2022). Toksychnyi infoprostir. Yak zberegty yasnist myslennya i svobodu dii. Vivat.

Real Academia Española. (2009). *Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis I*. Espasa Libros.

Valdés Rodríguez, M. C. (2025). *La traducción publicitaria: Comunicación y cultura* (1.ª ed.). Publicacions de la Universitat de València.

Vilajoana Alejandre, S. (2011). *Las leyes de la publicidad: Límites jurídicos de la actividad publicitaria*. Editorial UOC.

Vega Moreno, E. (2020). Empleo de las creaciones léxicas en el lenguaje de la publicidad y su impacto en el destinatario. En R. M. Lavale-Ortiz (ed.), *Cognitivismo y neología: Estudios teóricos y aplicados* (pp. 173-199). Editorial Iberoamericana / Vervuert.

Verba, G., & Guetman, Z. (2013). *Manual de traductología (español-ucraniano)*. Nova Knyha.

Voll-Damm. (2023, 6 febrero). *El arrepentido – Cortometraje publicitario [Video]*. YouTube. Voll-Damm con Luis Tosar. «El arrepentido» 2021

ЛЕКСИЧНИЙ МІНІМУМ РІВНІВ A1 ТА A2 ДЛЯ ВИВЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: МЕТОДОЛОГІЯ СТВОРЕННЯ ТА ПРАКТИЧНІ ВИКЛИКИ

Ксенія Бородін
Український католицький університет / Вроцлавський університет
Олеся Лазаренко
Європейський університет Віадріна у Франкфурті-на-Одері

1. Вступ

Концепція базової лексики або мовних мінімумів виникла на початку XX століття через потребу у створенні ефективних матеріалів для викладання другої мови. Едвард Лі Торндайк представив *The Teacher's Word Book* (Thorndike, 1921), який містив список частовживаних слів для допомоги викладачам у визначенні пріоритетної лексики, а Майкл Вест розробив *General Service List* (West, 1953) – перелік із 2000 англійських слів, важливих для розуміння широкого спектра текстів. Проте, частотні словники, зокрема список Торндайка, швидко виявилися недостатніми для вивчення мови, оскільки вони не враховували такі важливі аспекти, як корисність слова на певному етапі навчання. Як зазначали Роберт де Бугранд і Вольфганг Дресслер, інформаційна цінність слова не завжди прямо корелює з його абсолютною частотою: ефект слова залежить від контексту, тому сама частота не є ані достатньою, ані надійною ознакою (De Beaugrande, R., & Dressler, W., 1981). Тож було запропоновано впровадити додаткові критерії і як приклад радикального відходу від частотного підходу можна навести *Basic English* Ч. К. Оґдена (Ogden, 1930), де було відібрано 850 слів не за частотністю, а на основі логічних і філософських міркувань. Натомість М. Вест у своєму *General Service List* (1953) додав до критеріїв відбору якісні ознаки: легкість засвоєння, охоплення (cover), а також стилістичну й емоційну нейтральність. Однак, і ці підходи невдовзі було піддано критиці, зокрема лінгвістами-корпусниками та дослідниками прикладної лексикології (наприклад, Leech, 1992; Sinclair, 1991), через велику суб'єктивність. І хоча ці дослідження не були напряму пов'язані із викладанням мов як іноземних, однак у майбутньому стали основою для встановлення кількісних особливостей функціонування лексичних одиниць, придатних для успішного опанування мов іноземцями.

Актуальність і практичне застосування лексичного мінімуму – ретельно відібраного набору слів (частовживаних, статистично репрезентативних, стилістично нейтральних, семантично значущих та корисних для повсякденного спілкування), які вважаються необхідними для вивчення на певному рівні володіння мовою – досить широке. Цільовий лексичний мінімум стає універсальним довідковим інструментом, який має на меті як безпосередньо (керівництво для самостійного вивчення), так і опосередковано (джерело для підручників, навчальних матеріалів тощо) підвищити комунікативну компетентність користувачів (Бородін і Туркевич, 2023). Для студентів він є інструментом для самонавчання: ознайомлення з лексикою, перевірки засвоєння форм, побудови речень і практики перекладу. Для викладачів і науковців у галузі лінгводидактики словник стає основою для розробки підручників, навчальних матеріалів, тестових завдань і стандартизованих оцінювань.

Статистичний опис лексики слов'янських мов як у загальному мовознавчому, так і в лінгводидактичному аспекті також має свою традицію. Зокрема, дослідження в польській лінгвістиці сто-

совно найчастотніших слів розпочалися у 60-х рр. XX ст. і були опубліковані у 1974-1977 рр. (Kurcz et al.), що згодом стало основою для опрацювання *Słownik minimum języka poslkiego* в рамках програми «Польська мова як іноземна» Галіни Згулкової (Zgółkowa, 2013). Потреба у публікації такого типу словника була пов'язана з кількома причинами, як-от: зростом кількості осіб, що бажають вивчати польську мову; допомогою у вивченні польської мови як рідної при укладанні шкільних підручників; сертифікації рівня володіння польської мови саме як іноземної. Щодо формування списків необхідної лексики для опанування інших слов'янських мов (наприклад, болгарської, словацької чи словенської), то лінгводидакти орієнтуються передусім на *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR).*

Сучасні дослідники, зокрема Ганна Качмарек, пропонують поєднувати такі критерії: частотність, стилістичну нейтральність, комунікативну цінність і словотворчу продуктивність (Kaczmarek, 2006). Водночас вона наголошує, що використання лише частотного критерію є спірним, адже кожне слово відображає лише той корпус, з якого його було взято. Тому варто також враховувати інформативну, прагматичну та комунікативну релевантність.

Отже, створення лексичного мінімуму передбачає балансування між статистичною частотністю та якісною оцінкою, забезпечуючи відповідність лексики цілям навчання та культурним контекстам. У цьому контексті важливо пам'ятати, що будь-який лексичний мінімум є результатом кількісного та якісного аналізу багатьох текстів і не може бути встановлений в абсолютному значенні.

В українській лінгвістиці інтерес до статистичного обстеження лексичного фонду був також історично зумовлений бажанням глибше дослідити закони функціонування мовних одиниць як у текстах, так і у мовленні. Одні з перших частотних словників сучасної української мови укладали Зіновій Партико (Партико, 2004), пізніше Соломія Бук (Бук, 2006a, 2006b, 2006c). Однак ці словники не були орієнтовані на потреби УМІ. Щодо саме лінгводидактичного напрямку в українському мовознавстві, то він активно почав розвиватися на початку 90-х рр. XX століття, і саме тоді також постало питання розробки певного списку лексичних одиниць для різних рівнів навчання української мови як іноземної (УМІ) – тобто *лексичного мінімуму*, що було тісно пов'язане з формуванням терміносистеми методики викладання УМІ. Дослідниця Оксана Туркевич зафіксувала понад 20 термінів на позначення процесу вивчення іноземцями української лексики: *лексична компетенція, лексичні знання, лексичні навички, лексико-граматичний матеріал* та інші (Туркевич, 2015), натомість дослідниця С. Бук представила та описала значення таких термінів, як *мінімалізований словник, редукований словник, словник-мінімум, базовий словник* тощо (Бук, 2006).

У 2006 році була спроба сформувати реєстр слів для «Словника-мінімуму української мови» на основі двох частотних словників і чотирьох словників із наявних підручників української мови для іноземців (Партико, 2004). Праця містить 3000 слів, що охоплюють різні тематичні групи, але переважно в алфавітному порядку. Також представлені антропонімічні та топонімічні словники-мінімуми. Цікавим аспектом є формування так званих порівневих списків від першого рівня до п'ятого рівнів, що більш або менш відповідає класифікації мовних компетенцій відповідно до «Загальноєвропейських рекомендацій з мовної освіти».

У 2020 році були опубліковані «Стандартизовані вимоги до рівнів володіння української мовою як іноземною», де міститься чіткий перелік комунікативних умінь та навичок для різних рівнів від A1 до C2. Відповідно до цього прописана кількість лексики, яку потрібно опанувати: рівень A1 – 800-1000 слів; A2- близько 2000 слів; B1 – 3000-4000 слів; B2 – 5000-6000 слів. Ця кількість слів може

бути варіативною в залежності від цілей вивчення УМІ та сфери її застосування іноземцями, а також від їхнього фаху.

В українській лінгводидактиці до цього часу не було уніфікованого та узгодженого із *CEFR* словникового мінімуму, хоч усі підручники з УМІ зазвичай мають словнички слів, якими послуговується підручник. Однак у 2023 році світ побачив перший в історії української лінгводидактики універсалізований навчальний посібник з вивчення лексики української мови як іноземної, який поставив за мету зібрати і укласти список найнеобхідніших слів для опанування іноземцями української мови на початковому рівні А1 – «1000 й 1 слово. Лексичний мінімум з української мови (А1)» авторства Ксенії Бородін та Оксани Туркевич (Бородін і Туркевич, 2023). Тут містяться мовні одиниці (слова та словосполуки), які подано за алфавітом та погруповано за темами, представлено відповідний граматичний коментар і типові приклади вживання. Ця праця є важливою та актуальною, вона може допомогти усім зацікавленим в опануванні української мови якнайшвидше і сформувати в структурований спосіб лексичні навики, необхідні для реалізації комунікативної діяльності. Початок серії лексичних мінімумів з вивчення української мови як іноземної покладено, і нині авторки цієї статті працюють над укладанням такого мінімуму вже для рівня А2.

2. Теоретико-методологічне підґрунтя

Для укладання лексичного мінімуму було застосовано багаторівневу методику (Рис. 1). В її основу покладено частотні списки лексичних одиниць, згенеровані на основі «Генерального регіонально анотованого корпусу української мови» (ГРАК-18) та на основі Ukrainian Web corpus from the Internet (корпус текстів української мови). Зокрема, вихідним матеріалом слугували перші дві тисячі найчастотніших слів для рівня А1 і перші п'ять тисяч — для рівня А2. Додатково було сформовано окремі частотні списки за частинами мови, а для дієслів — окремі списки для доконаного й недоконаного видів. Подальша робота з лексичним матеріалом здійснювалася у кілька послідовних етапів.

Рис. 1. Експертний процес ухвалення рішень

Аналіз контекстів уживання слів. Використання конкордансів дало змогу простежити функціонування лексем у реальних комунікативних ситуаціях. Було перевірено, чи вживається слово в зрозумілих і простих ситуаціях, характерних для рівнів А1-А2. Якщо контексти виявлялися надмірно абстрактними або спеціалізованими, лексему відкладали для вищих рівнів (Табл. 1).

Слово	Комунікативна ситуація	Приклади у ГРАКу-18	Рішення
вітати	Привітання при зустрічі	… *ласкаво вітаємо всіх гостей*…	A1
	Привітання з досягненням	… *вітати спортсменів із перемогою*…	
	Привітання зі святом	… *вітати один одного зі святами*…	
заряджати-зарядити	Побутова дія	… *зарядити телефон / батарею / акумулятор*…	A2
	Опис емоційного впливу	… зарядити енергією / гарним настроєм…	B1

Табл. 1. Розподіл лексем за комунікативними ситуаціями та рівнями володіння

Фільтрація за граматичними параметрами. Здійснювалася перевірка на відповідність граматичній складності рівнів A1–A2, зокрема щодо керування, формотворення та регулярності словозміни (приклад, Табл. 2).

Семантичне доповнення. Корпус ГРАК-18 має семантичну розмітку, що дозволило при складанні списків слів орієнтуватися не лише на загальну частотність, але й на частотність у межах семантичних полів. Відновлення необхідних лексем в межах тематичних груп (наприклад, дні тижня (Рис. 2), антонімічні пари тощо).

Рис. 2. Частотність уживання назв днів тижня в корпусі ГРАК-18 із зафіксованою нерівномірністю їх розподілу

Слово	Частота	Рішення
займатися	висока	вимагає орудного відмінка → A2
шкарпетка	середня	потрібне для теми «одяг» → A1
ніж (ім.)	висока	складна словозміна → A2

Табл. 2. Приклад семантичного доповнення та фільтрації за граматичними параметрами

Аналіз колокацій. Враховуючи важливість сталих словосполучень у реальному мовленні, було проаналізовано колокаційні зв'язки найуживаніших слів (приклад у Рис. 3). До списку були додані слова, що найчастіше вживаються у стійких сполученнях, характерних для базового рівня спілкування.

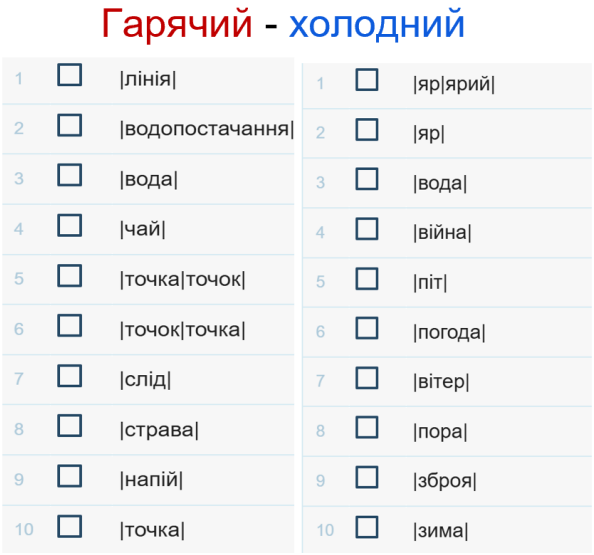

Рис. 3. Найпоширеніші колокації з антонімічною парою гарячий — холодний у корпусі ГРАК-18, що відображають відмінності їх уживання в сучасному мовленні

Розподіл слів у текстах корпусу. Ми звертали увагу на розподіл слів у різних текстах, відбираючи лише ті, які мали широку присутність у різних типах текстів (розмовних, побутових, публіцистичних), щоб лексика була універсальною для комунікації. На цьому етапі особливо усвідомлювалися обмеження корпусного підходу, зокрема недостатня репрезентованість усного розмовного стилю в ГРАКу.

Частотні n-грами. З метою максимально забезпечити реалістичне мовлення ми аналізували частотні n-грами (двох-, трьох- та чотирислівні послідовності) для виявлення типових мовних зворотів. Якщо певні сталі фрази чи вирази траплялися дуже часто (наприклад, «як справи», «займатися спортом», «ласкаво просимо»), то така ціла фраза додавалися в список, навіть якщо окремо слово могло мати нижчу частотність або не відповідати граматичним очікуванням щодо відповідного рівня (Табл. 3).

N-грам	**Частота**	**Примітка**
БУДЬ ЛАСКА	1890	ФОРМУЛА ВВІЧЛИВОСТІ
ЯК СПРАВИ	1240	СТЕРЕОТИПНА ФОРМУЛА ПРИВІТАННЯ
ЛАСКАВО ПРОСИМО	860	ФОРМУЛА ВВІЧЛИВОСТІ
ЗАЙМАТИСЯ СПОРТОМ	540	ТИПОВЕ ДІЄСЛІВНЕ СПОЛУЧЕННЯ

Табл. 3. Частотні двокомпонентні N-грами та їхні комунікативні характеристики за ГРАКом-18

Синтаксичні та прагматичні шаблони. Враховано типовість синтаксичних конструкцій (наприклад, типові речення «я хочу…», «тут можна…», «нічого…»). Також важливе було прагматичне застосування слів (прохання, запити, вибачення, подяки тощо). До мінімуму включали слова, що легко комбінуються у базові функціональні конструкції (Табл. 4).

Комунікативна одиниця	**Прагматичне застосування**	**Приклад вживання**
нічого	Питання-відповідь	Що ти хочеш? – Нічого. Як справи? – Нічого, нормально.
	Вибачення-відповідь	Вибач. – Нічого.

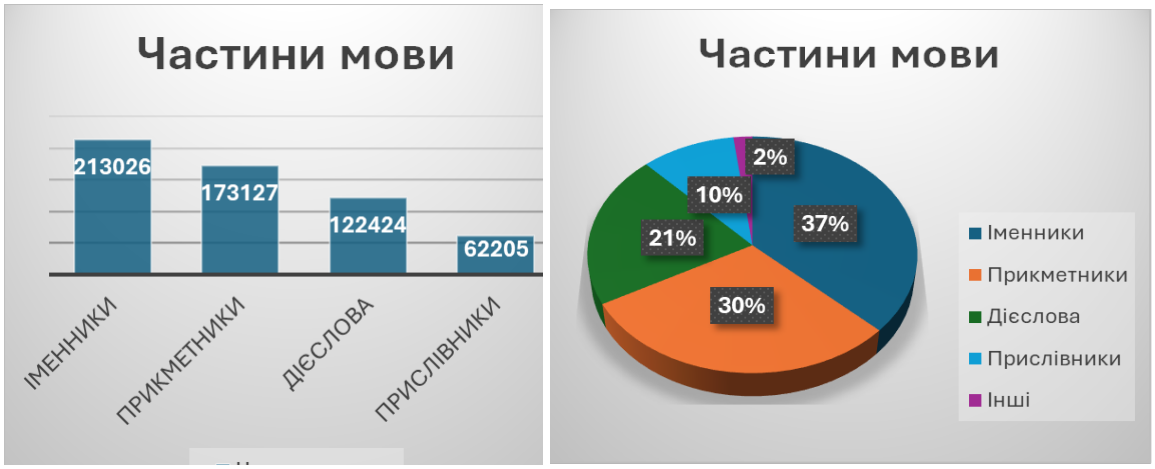
Табл. 4. Функціонально-прагматичні вживання розмовних комунікативних одиниць

Стилістичні характеристики. На рівнях А1-А2 перевага віддавалася нейтральним словам, які підходять для широкого кола комунікативних ситуацій: і на роботі, і на вулиці, і вдома. Стилістично забарвлені слова включали лише там, де вони справді є потрібними для типових ситуацій (наприклад, привітання *привіт* або шанобливе звернення *пані*, *пане*).

Після первинного відбору лексичний матеріал було впорядковано за тематичними групами відповідно до «життєвих потреб студента» початкового рівня, визначених у «Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume» (2001), «Стандартизованих вимогах до рівнів володіння українською мовою як іноземною» (2018) та «Стандартах державної мови. Українська мова як іноземна. Рівні загального володіння А1–С2» (2024). Частина лексем була дубльована у кількох тематичних групах, якщо це виправдовувалося семантикою чи комунікативною доцільністю.

3. Додаткові механізми перевірки

Пропорційне представлення частин мови. З метою зберегти природне співвідношення частотності основних частин мови в українській мові. Відповідно до даних корпусу ГРАК-18, іменники (разом із займенниками та субстантивованими прикметниками) складають приблизно 37%, прикметники — 30%, дієслова — 21%, прислівники — 10% (Графік 1). На цій основі були створені окремі частотні списки для кожної частини мови, що дозволило зберегти збалансованість. У підсумку до мінімуму А1 було включено приблизно 630 іменників, 150 прикметників, 140 дієслів, 50 прислівників, 40 числівників тощо. До мінімуму А2 – приблизно 640 іменників, 165 прикметників, 220 дієслівних пар, 60 прислівників, 10 числівників тощо (Табл. 5). Точна цифра залежить від того, чи рахувати складені іменники окремо, наприклад, *дитячий майданчик* — як два слова чи як одне поняття, чи рахувати фемінітиви як один іменник, чи як два, чи рахувати форми доконаного і недоконаного виду як одне дієслово чи як два, чи рахувати субстантивовані прикметники (*ведучий, поліцейський*, *ванна*) як іменники чи як прикметники тощо.

Графік 1. Частиномовне представлення української мови за ГРАКом-18

Частини мови	A1	A2
Іменники	~50%	~56%
Прикметники та дієприкметники	~15%	~15%
Дієслова	~20%	~19%
Прислівники	~5%	~5%
Інші частини мови (числівники, займенники, прийменники, сполучники тощо)	~10%	~8%

Табл. 5. Процентне співвідношення частин мови у пропонованих лексичних мінімумах

\

На рівнях A1 та A2 пропорція частин мови дійсно зміщується на користь іменників. Причини цього такі:

- Комунікативна доцільність. На початкових етапах мовного навчання важливо забезпечити базову здатність називати предмети, явища, людей, тварин, місця тощо. Іменники є основними носіями лексичного значення й допомагають будувати мінімальні смислові одиниці.
- Простота структурування лексики. Іменники легше класифікувати та подавати за темами (їжа, одяг, сім'я, школа, місто тощо), що відповідає типовим навчальним програмам для рівнів A1–A2.
- Частотність у початковому мовленні. У реальних комунікативних ситуаціях початкового рівня (представлення себе, опис довкілля, купівля речей тощо) іменники трапляються частіше за інші частини мови.
- Обмежене використання абстракцій. На початковому рівні рідше вживають абстрактні поняття чи складні граматичні конструкції, у яких частіше з'являються дієслова, прислівники, службові слова. Натомість переважає номінативний стиль мовлення (називання об'єктів), де домінують іменники.
- Підготовка до граматичних структур. Іменники виступають основою для відпрацювання базових синтаксичних конструкцій (наприклад, простих речень типу *Це мій брат, У мене є книга, Я люблю каву*).

Критичне використання матеріалів підручників. На фінальному етапі ми порівняли наші списки зі словничками до підручників для початкового рівня з української мови як іноземної, розмовниками та аналогічними лексичними мінімумами інших мов. Водночас було враховано застереження щодо

обмеженості такого підходу: словники підручників є вторинними вибірками, і не можуть повністю відтворити природне функціонування мови. Особливо ті, що орієнтовані на вивчення української мови носіями конкретних мов, ґрунтуються на різних методологічних підходах і принципах добору лексики. Так, наприклад, у підручниках для німецькомовних студентів на початковому етапі може раніше вводитися слово *фах*, тоді як у матеріалах для англомовних — *професія*, що зумовлено особливостями міжмовної інтерференції та навчальних стратегій. Тому вони використовувалися лише як допоміжне джерело для перевірки повноти та актуальності списків.

Практичний досвід і врахування типових помилок. Хоча ми не мали окремого корпусу текстів іноземних студентів для аналізу типових помилок, у доборі лексики ми спиралися на власний багаторічний досвід викладання української мови як іноземної. Це допомогло нам уникнути занадто складних або полісемантичних одиниць на базовому рівні та приділити увагу словам, які створюють труднощі у вивченні.

4. Виклики та стратегічні рішення

Оптимальний обсяг. До списку увійшло приблизно 1000 мовних одиниць (повнозначних і неповнозначних слів та стійких словосполук)[1]. Така кількість відповідає міжнародним практикам створення лексичних мінімумів для рівнів A1–A2, згідно з якими активний словник початкового рівня зазвичай охоплює близько 500–1000 одиниць1 (Табл. 6). Це дозволяє забезпечити елементарну комунікативну компетентність у типових ситуаціях повсякденного спілкування. Обмеження кількості допомагає уникнути когнітивного перевантаження на початковому етапі навчання, забезпечуючи краще засвоєння та активне оперування відібраною лексикою. Це важливо як з дидактичного, так і з психолінгвістичного погляду. Крім цього, 1000 одиниць — це оптимальний обсяг для побудови навчальних програм.

Мова	**A1**	**A2**	**Джерело**
Англійська	**~1000–1200 слів** (з яких 500–800 активних слів)	**~2000–2500 слів** (з яких 1000–1500 активних слів)	CEFR, *General Service List*, Cambridge English
Німецька	**~1200–1600 слів** ~600–800 слів	**~2500–3000 слів** ~1300–1600 слів	Goethe-Institut, telc
Французька	**~1300 слів** ~700 слів	**~2500–3000 слів** ~1200–1500 слів	DELF стандарт, Alliance Française
Іспанська	**~1000–1500 слів** ~500–900 слів	**~2500 слів** ~1500 слів	Instituto Cervantes, DELE

Табл. 6. Порівняльні лексичні мінімальні вимоги для рівнів A1–A2 у різних європейських мовах

[1] Для слов'янських мов наразі практично не існує стандартизованих лексичних мінімумів для рівнів A1–A2, подібних до тих, що розроблено для англійської, німецької чи французької. Наявні частотні списки та корпусні словники не виконують функції рівневих мінімумів і не можуть бути безпосередньо використані для порівняльної таблиці.

Таким чином, ухвалення цього стратегічного рішення було зумовлене як лінгводидактичними міркуваннями, так і практичною доцільністю з огляду на обсяг навчального матеріалу, який реально засвоїти на початковому рівні володіння українською мовою як іноземною.

Нормативність та стилістична нейтральність. Відбір лексики здійснювався відповідно до норм літературної української мови, з урахуванням стилістичної нейтральності. Ми свідомо уникали лексем із маркуванням «пестливе», «розмовне», «діалектне» тощо. Водночас, ураховувалась сучасна мовна практика: деякі слова функціонують переважно або виключно в демінутивній формі (наприклад, для слів *донька* або *дочка* початкова форма повністю витіснена з ужитку; аналогічно – рідко вживається початкова форма до слів *річка*, *книжка* тощо). Також враховано випадки, коли демінутив і нейтральна форма мають різне семантичне значення (наприклад, *дівчина* vs. *дівчинка*, *хлопець* vs. *хлопчик*).

Омонімія. Омоніми подано як окремі лексичні одиниці (наприклад, *ніж*, *мати*).

Полісемія. Багатозначні слова наведено лише один раз з прикладом, що відповідає рівню, інші значення можуть бути використані лише в ілюстративних реченнях на інших рівнях.

Синонімія. У деяких випадках до списку було включено синоніми — якщо обидва слова мали високу частотність (наприклад, *машина* – А1, *автомобіль* – А2).

Фемінітиви були внесені до реєстру як окремі лексичні одиниці в списку А1 та паралельно з чоловічою формою у списку А2. У випадках, коли жіноча форма ще не усталена, у списку є позначка * (наприклад, *мер / **).

Онімія. До списку А1 включено добірку власних географічних назв: континенти, країни «Великої сімки», більшість країн-сусідів України, а також важливі географічні об'єкти України (*Київ, Крим, Дніпро, Карпати, Азовське та Чорне моря*) та кілька власних імен, потрібних для формування прикладів. До списку А2 увійшли назви океанів та країн-членів ЄС. Ми намагалися знайти баланс у представленні назв національностей та прикметників від назв країн (національностей).

Дієслівний вид. Більшість дієслів було подано в недоконаному виді, лише окремі, комунікативно важливі, у доконаному для А1. На рівні А2 більшість дієслів подано у двох видах.

Порядкові числівники. Перелік порядкових числівників для рівня А1 було обмежено числом *дванадцятий*, що є достатнім для базової комунікації, зокрема для позначення часу. Для рівня А2 перелік розширено до *сотого*.

Граматичні підказки та наголос. З бажання максимально підтримати іноземців, які вчать українську, ми доповнили словникові статті граматичними коментарями. На рівні А1 ми передбачаємо, що студент самостійно має вміти творити форми знахідного і місцевого відмінків однини і множини та називний множини іменників, тому ми включили в коментар чергування у місцевому відмінку або менш поширене закінчення -у, закінчення називного відмінка множини для мішаної групи (чоловічий і жіночий роди). Студент має утворювати всі три часи недоконаного виду дієслів, тому для всіх дієслів ми подали парадигму теперішнього часу однини. Передбачається, що студент буде ознайомлений з окремими формами наказового способу, тож для окремих дієслів ми також подаємо форми імперативу. Щодо особових займенників важливо, щоб студент міг говорити про себе, тому у граматичному коментарі подано форми знахідного і давального відмінків, необхідних для фраз *мене звати* і *мені … років*.

банк (М.в. одн. у ба́нку)	Банк є ду́же бли́зько.
баце́йн	Ви бу́дете пла́вати в баце́йні?
баскетбо́л	Воні́ гра́ють у баскетбо́л.
батьки́ (множ.)	Це ва́ші батьки́?
ба́чити (я ба́чу, ти ба́чиш, він / вона́ / воно́ ба́чить)	Ти мене́ ба́чиш?
бе́резень (М.в. одн. у бе́резні)	Мій день наро́дження в бе́резні.

Рис. 4. Приклад оформлення алфавітного списку А1 з граматичними підказками

На рівні А2 студент має знати всі відмінки, тому окрім граматичних підказок, які було подано у списку А1, ми завжди подаємо родовий відмінок однини для іменників чоловічого роду.

На завершальному етапі список А1 пройшов зовнішню рецензію провідних фахівців у галузі УМІ та української лексикографії України та Німеччини, зокрема викладачок Львівського національного університету імені Івана Франка, Українського католицького університету та Університету Гумбольдтів у Берліні.

5. Результати дослідження

Таким чином ми отримали переліки лексичних одиниць, що можуть слугувати основою для формування лексичної компетенції на рівнях А1 та А2. Лексичний мінімум рівня А1 охоплює такі тематичні категорії:

- Людина і соціальне середовище (особиста інформація, країна і мова, зовнішність і характер, частини тіла, професії, сім'я та родинні зв'язки, інші особи);
- Побут і повсякденне життя (дім, меблі та предмети в домі, технології, щоденні дії, одяг, взуття, аксесуари, покупки, ресторан, здоров'я);
- Простір, пересування і довкілля (місто й село, об'єкти інфраструктури, транспорт, подорожі, географічні назви, природа, погода, рослини, домашні тварини, природні об'єкти);
- Навчання, праця і дозвілля (робочий день, навчання, вільний час і відпочинок, спорт).
- Час і кількісні характеристики (час, числа, одиниці вимірювання, кольори);
- Комунікація і мовні засоби (комунікативні фрази, прикметники, прислівники, займенники, питальні слова, назви частин мови, службові частини мови, відмінки).

На рівні А2 більшість зазначених надкатегорій було кількісно та якісно розширено за рахунок нових лексичних одиниць, а також додано окремі тематичні блоки, зокрема туристичні об'єкти, українську культуру і суспільство та лінгвістичну термінологію. Сукупно ці надкатегорії охоплюють ключові сфери повсякденного життя, з якими стикається мовець на початковому етапі вивчення української мови як іноземної. Однак, у порівнянні з рекомендаціями CEFR він більш детальний і адаптований до потреб УМІ: враховано лінгвістичну обробку мови, є спрямування на людей, які вивчають українську як іноземну (назви відмінків, частин мови тощо), також цей перелік містить український культурний компонент, необхідний для мінімальної соціокультурної компетентності (теми свят і традицій, перетин кордону).

До кожної одиниці, упорядкованої за алфавітом, ми навели окремі граматичні форми, релевантні для початкового етапу навчання української як іноземної, та подали типовий контекст уживання – речення, що охоплюють слова лише із запропонованого списку. Приклади часто узагальнені та дають змогу використовувати їх у різних комунікативних ситуаціях.

Словник А1 було опубліковано і він є у вільному доступі (Бородін і Туркевич, 2023), словник А2 вже готовий до друку.

6. Висновки

Створення лексичного мінімуму рівня А1 є важливим кроком у напрямку стандартизації навчального матеріалу для викладання української мови як іноземної. Запропонований перелік охоплює основне лексичне ядро, необхідне для реалізації типових комунікативних ситуацій на початковому етапі навчання. Він базується на актуальних корпусних даних, нормативних граматичних вимогах і методичних принципах сучасної лінгводидактики.

Незважаючи на виклики, пов'язані з відбором та представленням мовних одиниць, результатом є гнучкий та адаптований до потреб інструмент, що може використовуватися як студентами для самонавчання, так і викладачами – для створення підручників, курсів і тестових матеріалів. У перспективі можливе розширення цього мінімуму до рівня А2, створення цифрової версії ресурсу та апробація в реальних умовах навчання з подальшим коригуванням і доповненням.

Бібліографія

Beaugrande, R. de, & Dressler, W. (1981). *Introduction to text linguistics*. Longman.

Borodin, K., & Turkevych, O. (2023). *1000 її 1 слово. Лексичний мінімум з української мови (A1). Slavic Language Education, 3.* https://edoc.hu-berlin.de/items/18e9e857-3b84-47fe-8c75-ccf2d65824df

Buk, S. (2006a). *3 000 naychastotnishykh sliv naukovoho styliu suchasnoyi ukrayinskoyi movy.* Lviv National University.

Buk, S. (2006b). *3 000 naychastotnishykh sliv rozmovno-pobutovoho styliu suchasnoyi ukrainskoyi movy.* Lviv National University.

Buk, S. (2006c). Chastotnyi slovnyk ofitsiino-dilovoho styliu: pryntsypy ukladannia ta statystychni kharakterystyky. *Linhvistychni studii, 14*, 184-188.

CEFR; General Service List; Cambridge English; Goethe-Institut; telc; DELF standard (Alliance Française); Instituto Cervantes (DELE). (n.d.).

HRAK / Shvedova, M., von Waldenfels, R., Yaryhin, S., Rysin, A., Starko, V., Nikolenko, T., Lukashevskyi, A., et al. (2017–2025). *Heneralnyi rehionalno anotovanyi korpus ukrainskoi movy (HRAK).* https://uacorpus.org

Kaczmarek, H. (2006). Minimum leksykalne a orientacja komunikacyjna w nauczaniu języka obcego: Kilka uwag na przykładzie niemieckiego jako języka obcego. *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Studia Neofilologiczne, 5.*

Kurcz, I., Lewicki, A., Sambor, J., & Woronczak, J. (1974-1977). *Słownictwo współczesnego języka polskiego: Listy frekwencyjne* (Vols. 1-5). Instytut Języka Polskiego PAN.

Leech, G. (1992). *Corpora and theories of linguistic performance*. In J. Svartvik (Ed.), *Directions in corpus linguistics* (pp. 105-122). Mouton de Gruyter.

Mazuryk, D., Antoniv, O., Synchak, O., & Boiko, H. (2020). *Standartyzovani vymohy: Rivni volodinnia ukrainskoiu movoiu yak inozemnoiu A1–C2. Zrazky sertyfikatsiinykh zavdan* (Posibnyk).

Ogden, C. K. (1930). *Basic English: A general introduction with rules and grammar*. Kegan Paul, Trench, Trubner.

Partyko, Z. V. (2004). *Slovnyk-minimum ukrainskoi movy* [A minimum dictionary of Ukrainian]. Publishing Center of the Institute of Journalism, Taras Shevchenko National University of Kyiv.

Sinclair, J. (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford University Press.

Thorndike, E. L. (1921). *The teacher's word book*. Teachers College, Columbia University.

Turkevych, O. (2015). *Stanovlennia terminosystemy metodyky vykladannia ukrainskoi movy yak inozemnoi*. Lviv National University.

Ukrainian Web 2022 (ukTenTen22). Ukrainian Web corpus from the Internet (корпус текстів української мови). Sketch Engine / TenTen corpora. ~7.5 млрд токенів. https://www.sketchengine.eu/corpora-and-languages/corpus-list/

West, M. (1953). *A general service list of English words*. Longman.

Zgólkowa, H. (2013). *Słownik minimum języka polskiego*.

FROM SUPPLEMENT TO EXCLUSION: THE SHIFTING AUTONOMY OF LITERATURE IN SOCIALIST YUGOSLAVIA AND POST-SOCIALIST SERBIA

Stevan Bradić
University of Novi Sad

1. Introduction: Autonomy, Supplement and Exclusion

The starting point of this paper is the autonomy of literature, a concept that was repeatedly contested throughout the 20th century by various critical frameworks: avant-garde projects, socialist realism, postmodernism, and, more recently, the cultural economy. These debates clearly indicate that autonomy cannot be understood as a metaphysical attribute of the essence of art, but must be grasped as historically and materially conditioned, theoretically and ideologically grounded alongside the emergence of the modern conception of art (Bradić, 2024a: 28-31). This should be noted before addressing the question of literary autonomy in socialist Yugoslavia and post-socialist Serbia, as only within this broader historical and conceptual framework can we adequately trace the transformation of this social form from the mid-twentieth to the early twenty-first century. As Rancière (2002) has argued more generally with regard to modern literature and art, such transformations occur through an unavoidable «knot binding together autonomy and heteronomy» (134), a dynamic that also shaped the Yugoslav and post-Yugoslav trajectories. These shifts have, it must be emphasized, largely remained undertheorized locally, both in scholarly literature and in literary production itself. Consequently, the analysis presented here has implications not only for the social form of literature, but also for its aesthetic content.

In order to approach the historical transformation of autonomy as a series of shifting relations within society this paper introduces two conceptual tools: Derrida's notion of the «supplement» and Agamben's concept of «inclusive exclusion.» In *Of Grammatology* (1997), Derrida describes the supplement as a substitute, but: «It adds only to replace. It intervenes or insinuates itself *in the-place-of;* if it fills, it is as if one fills a void... As substitute, it is not simply added to the positivity of a presence, it produces no relief, its place is assigned in the structure by the mark of an emptiness» (146). In this sense, the supplement is not an addition to presence but its constitutive condition. I employ this logic to examine the literary and cultural field in socialist Yugoslavia, which, as I aim to show, operated supplementarily in relation to the absence of (bourgeois) politics.

Agamben's notion of «inclusive exclusion», developed in *Homo Sacer* (1998), similarly describes the phenomenon whereby «something is included solely through its exclusion» (18). This takes place through what he terms the «relation of exception,» where «the rule, suspending itself, gives rise to the exception and, maintaining itself in relation to the exception, first constitutes itself as a rule» (p. 18). As I will demonstrate, this conceptual structure helps elucidate how the autonomy of art in the post-socialist period becomes a domain of internalized exception, no longer defined in relation to political authority, but increasingly subordinated to the logic of economic governance.

2. Nationalization of Private Property: Socialist Realism

In the immediate postwar period, between 1945 and the Yugoslav–Soviet split (1948–1952), literature and culture in Yugoslavia was not positioned as a supplement to the political order, but was instead subjected to an attempted heteronomization modeled after the Soviet paradigm (Peković, 1986: 23). On the official level, this meant the promotion of a specific artistic form and content, socialist realism, which had already been established in the interwar period. At the same time, with regard to its social form, a significant and far-reaching transformation takes place: as in other sectors of the economy, through legal reforms of 1946, cultural institutions, including those responsible for the reproduction, distribution, and evaluation of texts, were nationalized and brought under state ownership (Lilly, 2001: 44). As C.S. Lilly shows, although no explicit censorship laws were in place, indirect control over discourse was exercised through various informal but binding mechanisms. The central institution overseeing this control was department for Agitprop, which disseminated directives through a network of party officials and cultural workers. Publishing houses, literary journals, bookstores, and printing presses received stable state funding, and the state pursued a policy of full employment, including in spheres of literature and culture. While there were laws concerning the preservation of public morality (to which newspapers, especially weeklies, were subject), literature was not bound by this form of preemptive oversight. As a result, works could be published even if they contradicted official guidelines or legislation, although legal procedures existed for their removal from circulation if they were deemed unlawful (2001: 40-44). Nevertheless, literary journals regularly pressured writers to conform to socialist realism by criticizing their work for surrealism, existentialism, sentimentality, or neo-romanticism, all of which were seen as expressions of bourgeois decadence, whether because of solipsistic individualism or the irrationality symptomatic for «declining capitalist societies.» (Peković, 1986: 29)[1]

3. Workers' Self-Management: Autonomy of Socialist Modernism

The period following Yugoslavia's break with the Soviet Union in 1948 was of decisive importance, laying the foundation for the country's distinct path of socialist development and its increasingly vocal critique of Soviet «revisionism.» (Peković, 1986, p. 67) The first key moment in this phase involved a non-literary reform: the adoption of the Basic Law on the Management of State Economic Enterprises in 1950, which introduced the model of workers' self-management and social ownership as the economic basis of Yugoslav socialism (see Ilić, 2021; Lilly, 2001). This reform had a profound impact on the cultural sphere. From this point onward, cultural institutions, including publishers, printers, bookstores, and journals, ceased to be state-owned and became socially owned (although state ownership was not entirely abolished; it persisted in strategic sectors, but was no longer upheld as the ideological model, instead seen as a lower, transitional form of ownership). Social ownership was not defined as state property, but as the collective property of all members of society. In practice, this meant that workers' collectives had a legal basis to manage their institutions independently from the state and the Party (Unkovski-Korica, 2015: 50-51). While in reality these collectives were often led by Party officials who maintained control over decision making process, those same officials were now accountable to workers' councils.

Another major reform during this period was the transformation of the Communist Party of Yugoslavia into the League of Communists of Yugoslavia in the autumn of 1952. This marked a transition from a monolithic party into a federation of six republican-level parties with a unified leadership. As a result, a complex and decentralized network of decision-making emerged, one that opened space for diverse artis-

[1] My translation.

tic content and forms to be published and circulated within the sphere of literature and the arts (Peković, 1986: 153).

Parallel to the formal legal processes described above, a decision was reached within the Party apparatus, through years of internal debate, that society would not be governed by the imposition of doctrinaire solutions. In the domain of culture, as well as in the public sphere more broadly, pluralism of opinion would not be prohibited; instead, communist ideology was to be defended through free and open polemics, an approach documented in various Party meeting proceedings, form 1949 onwards (see Ilić, 2021; Lilly, 2001; Peković, 1986).

This period was therefore more turbulent than the preceding one, marked on the one hand by political persecution of the interparty pro-Soviet opposition, and on the other by the opening of space for aesthetic expressions that did not conform to the Soviet doctrinal model. Socialist realism continued to be promoted as a preferred poetics for emerging writers, but was increasingly contested by articulations rooted in alternative poetic horizons, which can be broadly subsumed under the label of modernism. Key figures in this context include Vasko Popa, Miodrag Pavlović, Jure Kaštelan, Vesna Parun, and Branko V. Radičević, as well as older authors such as Oskar Davičo, Miroslav Krleža, and Marko Ristić, who had been central to interwar communist avant-garde and modernist movements. While the latter authors had been marginalized artistically, they remained politically highly influential. The culmination of this cultural liberalization, especially in literature, is often identified with Krleža's speech at the 1952 Congress of the Writers' Union of Yugoslavia in Ljubljana, in which he explicitly affirmed «the principle of freely expressing one's opinion, according to the line of one's independent moral and political conviction» (239).[2] This confirmed prior decisions, thereby legitimizing artistic autonomy both ideologically and politically, an autonomy made materially possible through nationalization and the establishment of social ownership.

In this way, a space was constituted for what might be called «socialist modernism» (see Šuvaković, 2017; Denegri, 2017), a sphere of autonomous artistic production occurring outside the official structures of power, that is, beyond the Party and state demands, even though these remained closely interlinked. Precisely due to this constructed exteriority, literature and art assumed a *supplementary* position in relation to politics within Yugoslav society. In other words, politics, as a form of political pluralism, could exist only through this excess, an element not fully encompassed by the regular channels, yet one that allowed politics to legitimize itself as politics, particularly in relation to both the Soviet Union and the capitalist West. This pluralism of styles and perspectives distinguished Yugoslav art from the party-state sponsored aesthetics of socialist realism, while social ownership and workers' self-management of cultural institutions differentiated it from the private ownership model typical of cultural institutions in capitalist countries. Precisely due to this supplementary status, literature (as well as some other disciplines such as the humanities) acquired an unexpectedly prominent social role.

Among the many literary polemics initiated during that period, I will focus on one that may be understood as paradigmatic. It centers on the poetry of Vasko Popa, whose poems were published alongside those of his contemporaries in the journal *Mladost* [*Youth*] in 1952 and subsequently collected in the volume *Kora* [*Bark*] in 1953. The form and content of these poems sparked years of polemics. One of his principal critics, Milan Bogdanović, identified in them the same elements previously condemned: irrationalism, absurdity, existentialism, and surrealism, all seen as signs of bourgeois decadence. He regarded the entire poetic movement, with Popa as its central figure, as potentially aligned against socialist principles. While it missed

[2] My translation.

the mark on Popa in particular, who was generally considered a socialist poet throughout his career, this criticism should not be dismissed lightly, as it reflected an actual awareness of the cultural and political officials of the threat posed by literary autonomy to a socialist society, particularly the risk that counterrevolutionary, reactionary, or chauvinistic ideas might circulate freely under the banner of artistic independence. Popa was vigorously defended by number of future major critics and theorists (Mišić, Džadžić, Milošević, Makavejev, etc.). Mišić's rebuttal was especially significant, as he turned the accusation around, by arguing that Bogdanović's version of socialist realism revealed an undialectical, vulgar understanding of art, one aligned with positivism and romanticism, and therefore with petty-bourgeois ideology cloaked in socialist rhetoric (Mišić, 1997: 48). In other words, Mišić warned that the true anti-socialists were those who refused to accept that progressive art could be articulated in non-doctrinaire ways. In his subsequent poetry, Popa would respond to many of these criticisms through his creative work, opening up space for new generations and styles. This space served as a site where future forms of community could be freely articulated through artistic means.

4. The Neo-Avant-Garde Sequence

The second sequence in the development of the supplementary character of literature and art unfolds during the 1960s and lasts until the second half of the 1970s. This period marks a phase of continued reform within the Yugoslav socialist project, characterized by «a shift from an extensive to an intensive economic model» (Klasić, 2018: 6),[3] gradually introducing increasingly deeper market mechanisms. As the state began to «withdraw from direct intervention in enterprise policy», «public subsidies to firms were phased out», compelling enterprises to «compete for favorable positions in the market» (7-15).[4] With the retreat of the state, banks «began to play a dominant role in financing and investment», leading to a concentration of capital that, while still formally under social ownership, was managed by what sociologist Mladen Lazić refers to as the «collectively owning class.» (Lazić, 2011: 59)[5] This transition also brought about increased class stratification compared to the earlier period.

These economic reforms were accompanied by political ones, most notably the legislative changes of 1965, which further deepened the federalization of the country. In addition to the previous transformation of the Party into a League of Communists, substantial autonomy was granted to the republics (see Klasić, 2018; Unkovski-Korica, 2015; Ilić, 2021). This development would later prove significant, especially during the 1980s, for the autonomy of literature, as it enabled varied treatment of authors and texts depending on the dominant policies of each republic's Party and leadership.

This analysis must also take into account the political upheavals that significantly shaped Yugoslavia's subsequent development, above all the student protests of 1968 in Belgrade, Zagreb, and Ljubljana. These protests embodied a socialist critique directed at the contradictions of Yugoslav socialism itself, particularly the tension between the abstract and concrete dimensions of its stated political agency. While the system claimed that governance was exercised democratically through self-managed labor collectives, thus positing the working class as the political subject of society, it became clear that, in practice, the model of a party-state still prevailed, with the collectively owning class maintaining a monopoly over political decision-making (Klasić, 2018: 53).

It is precisely during this period, around 1965, shortly before the student protests, that the «Nova umetnička praksa» [New Art Practice] emerged within literature and the visual arts, characterized by its

[3] My translation.

[4] My translation.

[5] My translation.

neo-avant-garde orientation (Ilić, 2021: 1-3). This meant that the supplementary character of the literary institution, which had previously played a significant role in the outward politicization of Yugoslav socialism, now turned inward. These practices first appeared in Slovenia and subsequently spread through Zagreb and Novi Sad to Belgrade, where they were most strongly present in the visual arts (with Marina Abramović and Raša Todosijević amog its most famos representatives). Unlike the historical avant-gardes, the critique of artistic institutions in Yugoslavia could not follow the same trajectory, since these institutions, under social ownership and nominally managed by workers' collectives, were already defined in abstraction as democratic, thus the demand was for them to function accordingly in practice. In this sense, these artists anticipated the political critique later expressed by the student protests.

This condition is explicitly addressed in the «Open Letter to the Yugoslav Public» written by *Grupa Februar* [*February Group*], associated with the *Tribina mladih* [*Youth Tribune*] in Novi Sad, in 1971. Their critical stance was directed against «the monopoly of groups and individuals in positions of responsibility,» which served to maintain «a hierarchical relationship among cultural workers and the a priori disqualification of young creators and contemporary tendencies in art» (2).[6] As a consequence, representatives of New Art Practice saw the emergence of social stratification, reflected in the division between high and low culture, between artistic and mass literature. According to their theoretical and political positions, these were viewed as symptoms of consumer society and the encroachment of capitalism into Yugoslav reality (Ilić, 2021: 27).

Art, then, was called upon to preserve the presumed socialist character (i.e. self-managed, democratic) of artistic institutions in order to be able to act materially and socially, beyond the apparent stratifications, and produce the forms of future community. In this sense, New Art Practice can be seen as an attempt to abolish the supplementary character of art in Yugoslav society by overcoming its autonomy and reviving its political dimension without submitting to Party dictate, an effort that, by implicitly demanding a reorganization of the existing social order, was taken seriously by state authorities. As a result, contrary to earlier promises of persuasion over repression, some artists lost their jobs, faced prosecution, and were even sentenced to short prison terms.

A revealing case of this dynamic is the group of poets linked to the Youth Tribune and the journal *Polja* [*Fields*] in Novi Sad, including J. Šalgo, V. R. Tucić, V. Despotov, S. Bogdanović, S. Tišma, and M. Radojčić. Several were involved in forming the KÔD group (1970–1971), which staged numerous artistic interventions. As Radojčić put it: «What we were doing was meant to be our life . . . life as art and art as life.» (as cited in Pekić, 2018: 46)[7] After KÔD dissolved, successor groups *January* and *February* (1971) provoked strong backlash with performances in Novi Sad and Belgrade. Authorities responded by removing Šalgo and Hohnjec from Youth Tribune and ousting Tucić from *Fields*. Soon afterward, legal prosecutions followed: Mandić was sentenced to nine months in prison for his «Poem About a Film,» published in issue 77 of *Új Symposion*, which satirized media portrayals of J.B. Tito. Bogdanović received an eight-month sentence for his «Poem of the Underground Youth Tribune Novi Sad,» published in *Student* magazine in December 1971, which called for anarchist revolt. Tucić was brought to trial after his performance *Displayed Reality* at the Youth Center in Zrenjanin in 1972 and was sentenced to two months in prison «for insulting the socialist-patriotic feelings of citizens.» (Milenković, 2010: 61) He was ultimately spared further prosecution after personal intervention by poet Oskar Davičo, a member of the Central Committee of the League of

[6] My translation.

[7] My translation.

Communists of Yugoslavia. All this aligns them with the 1968 protest generation, many of whom were also prosecuted and imprisoned in the early 1970s.

5. Postmodernism: Content Against Form

Parallel to the leftist critiques articulated in literature, visual arts, and student protests, Yugoslav society, due to the cumulative effects of its economic and political reforms, increasingly exhibited the very elements those critiques had warned about: capitalism and nationalism. In other words, the growing federalization of the country (culminating in the 1974 Constitution), coupled with the decentralization of the Party and accompanied by the aforementioned market reforms, led not only to economic competition among individual firms, but also to competitive relations among the republics' markets and, consequently, their leaderships (Unkovski-Korica, 2015: 72–73). Despite the overarching socialist framework, these processes deepened the divisions within the collectively owning class, aligning them along the lines of the constituent republics, and thus along national lines, as material interests began to conflict. As a result, national narratives gained increasing political traction.

The first major sign of this dynamic was the *Croatian Spring* of 1971, which primarily sought «the establishment of a Croatian state within a Yugoslav confederation» (Soso, 2002: 31). Its initial spark was the 1967 «Declaration on the Status and Name of the Croatian Literary Language», issued by *Matica hrvatska*, a key cultural institution that rejected the 1954 Novi Sad Agreement on the unified Serbo-Croatian language and demanded linguistic separation. Like other cultural bodies, Matica enjoyed significant autonomy. The state and Party responded swiftly, purging not only the Croatian Communist Party but also its cultural institutions. This repression deepened the belief among some Croatian intellectuals that the «Croatian question» was irresolvable within Yugoslavia (47).

The subsequent wave of repression throughout the 1970s and early 1980s, especially after Tito's death, led to a redefinition of cultural and literary autonomy. Many writers, drawing on their cultural capital, participated in public life by offering alternative (often reactionary) political interpretations of current and historical social developments. While this underscores the political supplementarity of literature, it also reveals a shift: its role became less one of mediated artistic engagement and more one of direct political action, for which the institution of literature merely provided an acceptable social form. This development pointed not toward an avant-garde merging of art and life, but toward a demand to restructure the political sphere in accordance with bourgeois parliamentary principles.

Consequently, a number of literary works in the Serbian context, from the 1980s, critically reassessed the foundational myths of socialist Yugoslavia. These included reinterpreting the revolutionary struggle as civil war (e.g., Ljubomir Simović's *Istočnice* [*East Stars*], 1983), rehabilitating wartime collaboration (e.g., Vuk Drašković's *Nož* [*Knife*], 1982, and other works), and revisiting the repression of Cominformists, with the Goli Otok internment camp portrayed as a foundational trauma of the regime (e.g., Antonije Isaković's *Tren 2* [*Moment 2*], 1982). Other works addressed unresolved interethnic tensions (e.g., Jovan Radulović's play *Golubnjača* [*Pidgeon Pit*], 1980; Slobodan Selenić's *Timor mortis*, 1989), or portrayed Josip Broz Tito in a highly critical register, as in Gojko Đogo's *Vunena vremena* [*Woolen Times*] (1981).

Alongside these direct engagements with the socialist legacy, a range of counter-narratives emerged, rooted in ethnic identity, myth and folklore, and a metaphysical reading of the Byzantine heritage (e.g., Miodrag Pavlović's *Ulazak u Kremonu* [*Entrance to Cremona*], 1989, and subsequent collections, Ivan V. Lalić, especially *Četiri kanona* [*Four Canons*], 1996, and Ljubomir Simović's *Boj na Kosovu* [*Battle of Kosovo*], 1989). Some authors faced repression: Gojko Đogo was sentenced to two years in prison, though a group of

writers and intellectuals rallied around his case and successfully drew public attention, resulting in a reduced sentence (Soso, 2002: 55). Ljubomir Simović was expelled from the Communist Party of Serbia due to his poetry collection *Istočnice*, which was also withdrawn from circulation (100). Isaković, however, achieved what had previously been impossible: he published work dealing openly with the topic of Goli Otok, and even won the prestigious NIN award (81).

These authors wrote in diverse literary registers that can broadly be understood through the lens of late modernism. However, the most significant literary shift of this period was the rise of postmodernism. Like socialist modernism, postmodernism carried distinct implications in socialist contexts. As Fredric Jameson has argued, postmodernism may be understood as the *cultural logic of late capitalism*; thus, in socialist societies, it could only function as a critique of socialism itself. This critique emerged through rejection of the «grand narratives» underpinning Yugoslav society, privileging fragmentation over totality, incorporating political allegory through fantasy, emphasizing particular identities, and legitimizing pastiche of historically obsolete, and often reactionary, styles and discourses. Take, for example, Milorad Pavić's *Dictionary of the Khazars* (1984), a global bestseller in the 1980s: despite its textual playfulness, fragmentation, polyphony, fantastical allegory, nonlinear structure, and decentralization, what is entirely absent from its historical framing are the questions of class and relations of production, while the national identity of the mythical Khazars becomes the obsessive theme of the narrative across historical epochs. This omission is foundational, as it allows the other elements of the worldview it constructs to coalesce.

In the literary and cultural fields, where autonomy was affirmed, liberal demands for civil rights, especially freedom of speech in opposition to «verbal offense» laws, gained prominence (Soso, 2001: 55). These appeals often lacked awareness of how such rights function materially in capitalism, where access to discourse is limited by access to private media platforms. They also overlooked the socialist institutional frameworks that had enabled cultural autonomy. Whether presented as universal or ethnic claims, these demands aimed to dismantle the Party's monopoly and introduce a system based on private property. What remained largely unacknowledged was that, in such a system, literature and the arts would likely lose their privileged institutional visibility, even if nominal autonomy persisted.

6. Autonomy under Capitalism, or Inclusive Exclusion

The consequences of the dissolution of socialist Yugoslavia were comprehensive and far-reaching for all communities that emerged from this process. The first and most obvious was, of course, the outbreak of civil war in 1991 fought along ethnic lines, which resulted in irreparable human and material losses. My paper cannot address this topic, but it is clear that the ideological narratives constructed within the autonomous sphere of literature played a role in shaping collective imaginaries that helped make such conflict conceivable. However, as has been shown, the transformations within the literary field were themselves consequences of broader and long-term political and economic processes, and it would be mistaken to locate direct responsibility for the war within this domain—as, for example, Slavoj Žižek or David Damrosh have suggested (Žižek, 2008; Damrosch, 2003, pp. 260-280).

In Serbia this period marks a notable transformation in the nature of literary autonomy compared to the socialist era. Several historically significant structural changes shaped this shift. The first was the abolition of workers' self-management, formalized by the 1990 Constitution, which laid the foundation for a transition to a market-based economy. The 1991 «Law on the Conditions and Procedures for Transforming Social Property into Other Forms of Ownership» enabled the transformation of socially owned capital

into private property, initiating the broader process of privatization and restructuring of property relations, though social ownership was only formally abolished with the 2011 «Public Property Act.»

However, during the regime of Slobodan Milošević, a period that Lazić refers to as one of «blocked transformation» (2011: 59),[8] privatization remained selective and functioned as a mechanism of political control over the economy. Systemic privatization laws were not yet implemented. In contrast, after the regime's collapse in 2000, the transition toward capitalism gained full momentum. This is evident in the 2001 «Law on Privatization,» which formalized the process of selling off state and socially owned capital and established the Privatization Agency, a process of legal reform and privatization that continues to this day (see Novaković, 2017). This law facilitated the privatization of major publishing houses, printing presses, and media outlets, without any guarantees for the continuation of cultural production (Dunđerin, 2008). For example, publishing giant BIGZ was privatized in 2007, Nolit in 2005, while the privatizations of Prosveta and Rad began in 2004 and 2003, respectively, and remain incomplete.

Equally significant was the introduction of parliamentary democracy through the 1990 Constitution, which fundamentally reshaped Serbia's political landscape. The rise of political actors from literary and intellectual circles, such as Dobrica Ćosić, Borislav Pekić, Vuk Drašković, Dragoljub Mićunović, Mihailo Marković, and Zoran Đinđić, illustrates the sigificance of literary autonomy and its earlier supplementary position. These figures drew legitimacy from their cultural backgrounds, and played influential roles in shaping Serbia's parliamentary politics. At the same time, political ideas, once mediated through literature, could now be directly expressed through formal political mechanisms. As a result, literature's supplementary political role became largely obsolete, and the significance of literary autonomy was fundamentally redefined.

Despite this, during the transitional period of the 1990s, marked by numerous political contradictions, literature and art retained a certain degree of social and political visibility. This visibility was due both to their role as the point of origin for many of the actors and discourses that entered the political scene, and to the opportunistic strategy of the regime itself, which incorporated liberalizing demands, such as parliamentarism, the market, anti-bureaucratic reforms, and politics of national identity, that had been articulated within the cultural field just a decade earlier. In doing so, the regime was able to present itself as the authentic continuation of those very demands (Soso, 2001: 307).

However, with the conclusion of this phase in 2000, and Serbia's full incorporation into the liberal-democratic model, as a structurally semi-peripheral component in global capitalism, previous forms of cultural legitimacy lost their significance. Writers were now confronted with the material consequences of their own ideological demands from just a few decades earlier. From this point on, literature and culture increasingly oriented themselves around two dominant frameworks: the commodity form and the project form (see Bradić, 2024b). Bourgeois demands from earlier periods effectively equated general freedom with the free market, an equation that, once realized, stood in direct opposition to the «creative» logic of literature, just as before the institutionalization of its autonomy. To preserve any distance from market imperatives, literary and artistic production now begins to rely heavily on project-based funding, typically allocated through competitive grants with shifting criteria and short-term budgets.

This structural transformation has introduced a series of contemporary problems, including the precarization of literary and cultural labor, the absence of stable income in these fields, and a lack of systematic valuation of writing, editing, and criticism. The collapse of distribution networks has been especially acute: the privatization process led to the closure of numerous bookstores, while those that emerged in

8 My translation.

their place belong to a handful of commercial chains (e.g., Laguna, Vulkan) that now occupy a monopolistic position in Serbia's book market (Bradić, 2024b: 42). A visible trend in this context is the emergence of so-called 'hyperproduction,' a simultaneous increase in the number of published titles and a dramatic decline in print runs, accompanied by severely limited distribution, in comparison to the Yugoslav period (37-40). As a result, literature has been materially displaced from the public sphere. The emergence of the internet, along with literary portals, podcasts, and social media, partially compensates for this loss, but only in limited ways. Moreover, these new forms of circulation remain under-researched, and reliable data on their reach and impact is still lacking.

Consequently, the primary question concerning both literature's social form and artistic content today pertains to its subsumption, not under politics, as in the era of socialist realism, but under capital. At the same time the existence of official mechanisms (project funding) aimed at the protection of literature and art from capital suggests a lingering conviction that it is, in some essential sense, incompatible with its logic. This is not to deny that literature, in its final instance, is commodified, as it has to reach its readership by passing through the mechanisms of the market. This relation is defined by a structural paradox: literature must be excluded from the logic of capitalist production in order to retain its immanently purposive character as art. Yet to reach an audience it must inevitably enter the marketplace and assume a commodity form. The very autonomy that necessitates its initial exclusion becomes the basis for its reintegration into the economic sphere. I refer to this structure, by relying on Agamben's framework, as *inclusive exclusion*, which now becomes its dominant social form.

Awareness of the transformation in the material conditions of literary production began to be articulated in Serbian literature the early 2000s, at the moment of full integration into capitalism. A new generation of poets emerged whose poetics were shaped by post-metaphysical, postmodern, and experimental principles (e.g., Vladimir Stojnić, Bojan Vasić, Maja Solar, Ivana Maksić, Ana Seferović, Uroš Kotlajić, Jelena Anđelovska, among others). These poets revived interest in poetry's social function, in particular, its capacity for «social critique» directed toward economic relations of power and exploitation, while also engaging in «artistic critique» concerned with questions of authenticity, freedom, and creativity. Because their work politicizes poetry in a post-metaphysical mode, it has been the target of ongoing criticism, which frames it as an expression of broader global trends that are seen as problematic both in terms of «tradition», with which these authors enter into various forms of contestation, and the national narrative, whose perennialist claims they explicitly reject. These criticisms can be followed in the edited volume *Srpska poezija u doba tranzicije* [*Serbian Poetry in the Age of Transition*] (2023), where several critics, such as Dragan Hamović, Milomir Gavrilović, Milica Ćuković, Jana M. Aleksić, and Nenad Milosavljević, debate the poets' orientation. Nevertheless, such criticism largely overlooks the material conditions within which poetry is articulated, typically interpreting their consequences as causes (e.g. Gavrilović, 133). On the other hand, the essays collected in the volume *U dugom smeru* [*In a Different Direction*] (2024), offer a measured response to the aforementioned criticisms, as well as to others that have emerged within recent debates. Contributors to this volume include such scholars as Vladimir Gvozden, Hrvoje Tutek, Sonja Veselinović, Luka Rudić, Aleksa Nikolić, Žarka Svirčev, and myself, addressing various aspects of contemporary Serbian poetry from a range of critical and theoretical perspectives. What these authors show is that the reason the younger generation of poets displays little engagement with metaphysics lies in the fact that it no longer functions as critique, but rather as the «cultural logic» of our present economic and social reality as a whole (Bradić, 2024b: 55), and therefore cannot constitute its viable criticism.

7. Conclusion

In sum, the historical arc traced here, from the socialist configuration of literary autonomy as a politically significant yet supplementary institution, to its post-socialist inclusive exclusion under the logic of capital, illuminates the profound transformation of the conditions of literary production, reception, and distribution. What once operated as a space of ideological negotiation within a socialist framework has now been reconstituted as a marginal practice within a liberal-capitalist order, reliant on precarious project-based funding and market logic. This transformation not only reconfigures the material foundations of literature but also necessitates a renewed interrogation of the concept of autonomy itself. Rather than a stable or inherited category, autonomy must be understood as historically contingent, a form whose meaning and function shift in accordance with the broader socio-economic order and material conditions. In this light, the contemporary literary field in Serbia offers a symptomatic terrain in which to observe the broader contradictions of post-socialist transition, particularly the unresolved tension between the promise of artistic freedom and the structural constraints imposed by commodification, institutional fragmentation, and ideological recuperation. Any future project aiming to restore the relevance of literature and culture must begin with an uncompromising analysis of these structural conditions, and a rearticulation of artistic autonomy not as a retreat from the world, but as a critical engagement with its dominant forms.

Bibliography

Agamben, G. (1998). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford University Press.

Bradić, S. (2024a). *Art's Refusal: Labor Conditions in Literature and the Visual Arts*. Aisthesis Verlag.

Bradić, S. (2024b). Između Scile i Haribde: Savremena srpska poezija u procesu rekonstituisanja društvene forme i sadržine. In S. Bradić & Ž. Svirčev (Eds.). *U drugom smeru* (33-58). Institut za književnost i umetnost.

Damrosch, D. (2003). *What Is World Literature?* Princeton University Press.

Derrida, J. (1997). *Of Grammatology*. Johns Hopkins University Press.

Denegri J. (2017). Jugoslovenski umetnički prostor, *Sarajevske Sveske*, *51*. http://sveske.ba/en/content/jugoslovenski-umetnicki-prostor

Dunđerin, A. (2008, November 27). Nekulturna mafija. *Pečat*. https://www.pecat.co.rs/2008/11/nekulturna-mafija/

Grupa Februar. (1971, February 25). Otvoreno pismo jugoslovenskoj javnosti. *Tribuna (Ljubljana), 2*.

Klasić, H. (2018). *Jugoslavija i svijet 1968*. Heliks.

Krleža, M. (1952). Govor na kongresu književnika u Ljubljani, *Republika*, *God. VIII, Knj. II (listopad-studeni)*, 205-243.

Lazić, M. (2011). *Čekajući kapitalizam: nastanak novih klasnih odnosa u Srbiji*. Službeni glasnik.

Lilly C.S. (2001). *Power and Persuasion: Ideology and Rhetoric in Communist Yugoslavia 1944-1953*. Westview Press.

Milenković, N. (2011). *Vujica Rešin Tucić: tradicija avangarde*, Muzej savremene umetnosti Vojvodine.

Mišić, Z. (1997) Poezija Vaska Pope. In Gojko Tešić (Ed.). *«Kora» Vaska Pope: kritike i polemike: (1951-1955)* (40-52). KOV

Novaković, N.G. (2017). *Radnički štrajkovi i tranzicija u Srbiji od 1990. do 2015. godine* Institut društvenih nauka.

Pekić, M.V. (2018). *Umetnost u Srbiji od 1968. do 2000. godine – politike konfrontacija* [Unpublished doctoral dissertation]. University of Belgrade.

Peković, P. (1986). *Ni rat ni mir: panorama književnih polemika 1945–1965*. Zavod za izdavačku delatnost «Filip Višnjić».

Rancière, J. (2002). The Aesthetic Revolution and its Outcomes. *New Left Review, 14*, 133-151. https://doi.org/10.64590/jwi

Soso J.D. (2002) *Saviours of the Nation: Serbia's Intellectual Opposition and the Revival of Nationalism*, McGill-Queen's University Press.

Šuvaković, M. (2017). Kulturalna politika i moderna umetnost od socijalističkog realizma do socijalističkog modernizma – slučaj socijalističke Jugoslavije 1945-1991. *Sarajevske Sveske*, *51*. http://sveske.ba/en/content/kulturalna-politika-i-moderna-umetnost-od-socijalistickog-realizma-do-socijalistickog-modern

Unkovski-Korica, V. (2015) Samoupravljanje, razvoj i dug: uspon i pad «jugoslavenskog eksperimenta.» In S. Horvat & I. Štiks (Eds.). *Dobro došli u pustinju postsocijalizma* (25-74). Fraktura.

Žižek, S. (2008, August 14). The MilitaryPoetic Complex. *London Review of Books, 30*(16). https://www.lrb.co.uk/the-paper/v30/n16/slavoj-zizek/the-military-poetic-complex

УЧЁНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА МЕДВЕЖИЙ ОСТРОВ О. И. СЕНКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ

Josef Dohnal
Katedra rusistiky, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave

1. Введение

Когда А. В. Каверин в своей фундаментальной монографии (впервые опубликованной в 1929 г.) посвященной творчеству Сенковского утверждает, что Сенковский является «плохо прочитанным» (1929: 8), и поэтому несправедливо отрицательно оцениваемым автором, то с этим утверждением трудно не согласиться. Закрепившаяся за Сенковским негативная оценка (см., напр., обзорную статью Г. З. Гиляжевой или анализ Ю. И. Табакаря[1]) представляется обусловленной, по-видимому, прежде всего его язвительными комментариями и резкими отзывами о творчестве других писателей, включая Н. В. Гоголя (см. отзыв Сенковского о *Мёртвых душах*), а также тем обстоятельством, что он был фигурой «внутренне своей», то есть искал новые художественные формы, не вписывавшиеся в основное русло современной ему литературы. Это, в частности, привело и к сдержанно-негативной оценке его произведений В. Г. Белинским, который, однако, не оспаривал ни наличия у Сенковского таланта, ни значимости издаваемого им журнала *Библиотека для чтения*:

> … журнал, насквозь проникнутый петербургским гением, совершенно противоположным московскому. Как в московских журналах царствовал энтузиазм и идеальность, так в «Библиотеке для чтения» явился дух положительности, иронии и насмешки, конечно, над такими предметами, над которыми шутить никому не запрещено, но которые тем не менее заслуживают уважения (1845).

Творчество Сенковского до настоящего времени остается недостаточно исследованным, собрание его сочинений было напечатано А. Смирдиным более полутора веков назад. В настоящем исследовании внимание будет сосредоточено лишь на повести У*чёное путешествие на Медвежий остров*, входящей в цикл *Путешествия Барона Брамбеуса*. Будут обозначены некоторые особенности данного произведения, сближающие его, с одной стороны, с жанровой традицией «приятного с полезным» русской прозы 18 века, а с другой – с сатирическим направлением литературы первой половины 19 века. Для достижения этой цели необходимо обратиться к ряду примет эпохи возникновения повести, к отдельным фактам ее содержания, а также к особенностям творческого метода писателя, включая определенное раздвоение авторской маски.

Все четыре курьезных брамбеусовских путешествия цикла были изданы в 1833 году, что представляется симптоматичным. В литературном процессе 1830-х годов наблюдается ускоряющийся уход романтизма со сцены и активное соперничество новых направлений (в том числе зарожда-

[1] См.: Гиляжева, Г. З. (2011). Осип Иванович Сенковский в оценке критиков и литературоведов. Проблемы истории, филологии, культуры, 323–334. Табакарь, Ю. И. (2008). Н. А. Полевой и О. И. Сенковский: о чем молчат историки? Вестник ТГУ, 6(62), 95–100.

ющегося реализма), приходящих ему на смену. Это по-прежнему «постнаполеоновская» и «постдекабристская» эпоха – время, насыщенное памятью о драматических исторических событиях первых десятилетий 19 века, но одновременно связанное с надеждами на более устойчивое и спокойное существование как государства, так и отдельного индивида. Подобные настроения находят отражение в различных видах искусства, в том числе и в России, где заявляют о себе ценности и приметы бидермейера как относительно уравновешенной и уютной модели бытия личности и ее семьи, позволяющей, по наблюдению К. Першина, фиксировать «[…] kult rodiny a dítěte, postupné jakési 'změšťanštění' společnosti a hodnot» (2025: 131).

В подобных условиях закономерно формируется спрос на литературные произведения, в определенной мере возрождающие тенденцию к соединению «приятного с полезным», характерную для русской литературной жизни второй половины 18 века. Вместо развернутого эпического компонента, типичного для литературы «приятного с полезным»[2], начинает доминировать установка на эстетическое наслаждение, развлечение, пробуждение или удовлетворение интереса к новому, что предполагает определенный уход от сложных этических и социальных проблем. Такая тенденция предполагает повышенное внимание к читателю как к индивиду, не ожидающему прямого вовлечения в «дела мира», а склонному к созерцанию и сопереживанию занимательного сюжета, относящегося к внешнему по отношению к читателю действию и воспринимаемого им с позиции дистанцированного, но заинтересованного наблюдателя, находящегося в комфортной среде.

В связи с брамбеусовским циклом Сенковского необходимо также учитывать и обострившийся в это время интерес к позитивистски понимаемой науке и познанию в целом. Именно в этот период, наряду с другими открытиями, Жаном-Франсуа Шампольоном (Jean-François Champollion) в 1822 г. была осуществлена расшифровка египетских иероглифов, что вызвало значительный интерес к древнеегипетской истории и культуре и способствовало дальнейшему развитию интереса к историческим памятникам вообще. Внимание публики было обращено не только в прошлое, но и в космос: согласно расчетам французского ученого Филипа Гюстава Дульсе, графа де Понтекулана (Philippe Gustave Doulcet de Pontécoulant), уточнившим в 1829 году более ранние предположения, ожидалось возвращение кометы Галлея. Оба этих научных контекста, наряду с обширной географической и исторической фактографией, находят отражение в *Учёном путешествии на Медвежий остров*.

Осип Сенковский одним из первых уловил смену читательских интересов и вкусов. Выходец из виленского *Towarzystwa szubrawców – Общества плутов/бродяг*, принял по В. Каверину от них (и от Л. Стерна, которым, по его мнению, они вдохновлялись) основы своего стиля: «Очевидно, стерниановская свобода от композиции давала наибольшие возможности, с одной стороны, писать о чем угодно, с другой – воспользоваться тем «забавным» шубравским стилем, писать которым вменялось в обязанность самым кодексом 'Towarzystwa'» (1929: 161). Включение в уже освоенный Сенковским стиль критической ноты и превращение самой критики в приемлемую и даже занимательную форму, то есть активное использование принципа «приятного с полезным» (ср., напр., пример популярного *Пересмешника* М. Д. Чулкова), представляло собой творческую задачу, с которой молодой

[2] О сближении русской и западноевропейской литератур и об интересе читателей к соединению эстетического наслаждения с моральным или познавательным аспектом на рубеже 18–19 веков см. подробнее, напр.: Никитина, И. Н. (2016). Взаимодействие русской и западноевропейских литератур конца XVIII – начала XIX веков. *Вестник Брянского государственного университета. Литературоведение.* 1(27), 189–190.; Пашкуров, А. Н. и Р. А. Бакиров. (2016). Диалог документального и художественного в зеркале литературных направлений русской словесности XVIII века. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Филология и культура.* 3(45), 141–145.

ученый, ожидавший блестящую карьеру, справился весьма искусно. В данном случае он обратился к жанру путешествия, традиционно связанному, с одной стороны, с творчеством Эмина и Карамзина в русской литературе, а с другой – с произведениями Стерна, Гумбольдта, Гёте, Кука и других авторов зарубежной традиции. Так возникают *Путешествия барона Брамбеуса*: *Осенняя скука*, *Поэтическое путешествие по белу свету*, *Сентиментальное путешествие на гору Этну* (само название прямо отсылает к произведению Л. Стерна *Сентиментальное путешествие по Франции и Италии*) и *Учёное путешествие на Медвежий остров*.

2. Анализ

Барон Брамбеус – одна из нарративных масок, к которым Сенковский прибегал в своем творчестве. Е. А. Тозыякова в диссертационном исследовании 2007 г., рассматривая Сенковского как автора, использующего фигуру барона Брамбеуса для формирования специфической авторской перспективы восприятия действительности, утверждает:

> Барон Брамбеус, сочетающий в себе архетипические черты плута с чертами наивного простака, не понимающий глупой или лживой действительности, выполняет роль зеркала, в котором отражаются дурацкие черты этого мира. Однако глупость барона Брамбеуса в итоге оборачивается мудростью, так как он является смеховым двойником Сенковского, выражением авторской сверхиронии (2007).

Характеристика Брамбеуса как «глупого» в контексте *Учёного путешествия на Медвежий остров* представляется, однако, не вполне адекватной, тогда как сам факт функционирования нарративной маски не вызывает сомнений. Нарративная маска в художественной прозе, по определению М. Дрозды, позволяет «[…] poznání její významové výstavby jako určitého interpretačního dění uvnitř textu» (1990: 34). Признание Брамбеуса «глупым» неизбежно привело бы к смещению интерпретационного фокуса; более продуктивным представляется рассматривать его как плута, трикстера, что Тозыякова, по сути, признает косвенно, обозначая его как смехового двойника самого Сенковского.

В *Учёном путешествии на Медвежий остров* описание путешествия образует основную рамочную конструкцию текста. В ее пределах, с одной стороны, разворачивается описание природы и населенных пунктов, а с другой – уже антиципируется то, что составит ядро фиктивно «документального» описания потопа, включенного в повествование. Само путешествие, по-видимому, служит прежде всего формой, позволяющей актуализировать определенные теоретические представления о прошлом северных территорий России. Свидетельством того, что путешествие не является единственным смысловым центром текста, может служить внутренняя противоречивость уже на уровне антиципации. В то время как основные географические и этнографические сведения приводятся в полном соответствии с реальным положением дел (рассказчик апеллирует к научной литературе, а темпоральные маркеры согласуются с предполагаемыми историческими данными), характеристики участников экспедиции лишены подобной точности и однозначности.

О персонажах экспедиции в рамках прямой характеристики сообщается крайне немного. Организатором выступает обербергпробирмейстер 7-го класса Иван Антонович Страбинских; к нему присоединяются немецкий ученый доктор Шпурцманн и барон Брамбеус, чья перспектива восприятия, реализованная посредством так называемой *ich-Form* (повествование от первого лица), структурирует весь текст повести Сенковского. Доктор Шпурцманн представлен, с одной стороны, в соответствии со стереотипным представлением о «немецком характере» как носителе точности и

рациональности, а с другой – как амбициозный и односторонне интерпретирующий факты первооткрыватель, стремящийся любой ценой подтвердить выдвинутые им тезисы, и одновременно как наивный «незнайка» в отношениях с местным населением. Его фамилия допускает амбивалентную игру значений: она может быть соотнесена либо с немецким словом *die Spur* («след»), либо – при замене согласного *r* на *t* – с *der Sturz* («падение», «крушение»). Эта семантическая игра указывает либо на фигуру «идущего по следам», либо на «человека падения»; оба значения находят подтверждение в тексте. Барон Брамбеус, выступающий в роли «всезнайки», в действительности ищет прежде всего приятного времяпрепровождения и не преследует в путешествии какой-либо строго определенной цели. Именно это позволяет ему стать не только комментирующим субъектом, но и активным, а в ряде моментов – даже определяющим участником «научной» деятельности на Медвежьем острове.

Дискуссия доктора Шпурцманна с сопровождающим его бароном Брамбеусом о потопе и иероглифах, в ходе которой Брамбеус убеждает Шпурцманна в широте своих знаний и в специфических навыках, связанных с чтением иероглифов, насыщена фактами, соответствующими реальному состоянию науки 1820–1830-х годов. Барон оперирует конкретными именами ученых и путешественников, демонстрирует осведомленность о том, что Шампольон-младший наделил иероглифы значением не только букв, но и звуков; река Лена ассоциируется у него с Нилом, который он якобы видел собственными глазами. Он также знаком с теоретическими гипотезами о потопах и потому сходится с доктором Шпурцманном в представлении о четырех потопах и их роли в климатических изменениях. О местности, по которой они проезжают, барон заявляет, что трудно поверить, будто она всегда была только Сибирью, и т. д.

Посредством подобной фактологической насыщенности Брамбеус как рассказчик постепенно смещает внимание читателя от собственно путешествия и связанных с ним наблюдений к теоретическим вопросам древней истории Сибири, причем именно в этих рассуждениях артикулируется убежденность в резком переломе, произошедшем в далеком прошлом. Значительное количество точных данных (описание местности, географические названия, имена ученых, перечни их работ и результаты научной деятельности) формирует компонент «полезного», который, однако, получает отчетливо субъективированную окраску. Диалоги барона с доктором, выдержанные в ироническом ключе, демонстрируют преднамеренную установку Шпурцманна во что бы то ни стало находить подтверждения собственной теории. Наряду с научными устремлениями он преследует и сугубо личные цели: стремится опередить конкурентов, добиться признания, получить награды и занять значимое место в истории науки. Самопрезентация барона, в свою очередь, указывает не только на его начитанность и осведомленность, но и на его тщеславие и склонность к самодовольству.

Таким образом, между персонажами рассказа формируется комплементарное отношение: барон Брамбеус завоевывает доверие Шпурцманна, выступая в роли образованного и осведомленного партнера, тогда как Шпурцманн находит в нем человека, способного помочь ему в подтверждении его гипотез и в достижении славы. Тем самым основные параметры нарративной ситуации оказываются заданы. Комизм поведения доктора (например, в его общении с якутами), иронические намеки на его научные притязания, а также самолюбие и гипертрофированная самоуверенность Брамбеуса уже на раннем этапе антиципируют их возможное взаимодействие, которое в итоге приводит к разоблачению обоих персонажей и к их осмеянию как частично рабов, а частично жертв собственных представлений.

Вся последующая история открытия, расшифровки и фиксации мнимых иероглифов, которая оттесняет на второй план собственно приметы путешествия, превращая их в необходимый, но второстепенный фон, подтверждает, что жанр путешествия выполняет в тексте прежде всего структурирующую функцию, не являясь его содержательным стержнем. Достаточно убедительным в этом отношении представляется и количественное соотношение: объем текста, передаваемого посредством «иероглифов», примерно вдвое превышает объем описаний самого путешествия, включая диалоги двух основных протагонистов.

Это соотношение подтверждается и в процессе «чтения» того, что оба путешественника якобы обнаруживают в пещере на Медвежьем острове. Если в первой и заключительной частях повести, то есть в ее рамочной структуре, приводится сравнительно достоверная информация, то в «записанной» истории она редуцируется. По существу, перед читателем разворачивается полностью вымышленный рассказ о любовной истории на фоне мировой катастрофы, возведенный в игровую фантасмагорию. В этом повествовании присутствуют гиперболы, ирония и элементы абсурда. История непостоянной любви и сомнений, вплетенная в декорации всемирного потопа, вызванного падением кометы на Землю, лишена каких бы то ни было эмпирически проверяемых оснований. Именно мнимая мировая катастрофа, развертывающаяся в «историческом» повествовании, как будто полностью подтверждает теоретическую концепцию доктора Шпурцманна. Барон Брамбеус, в свою очередь, приспосабливает к ней авантюрную историю неустойчивой любви барабийцев Саяны и Шабахубосаара, конструируя ее как цепь случайных приключений молодых людей, любящих друг друга, но постоянно разлучаемых обстоятельствами судьбы. Эта линия очевидно соотносится с традицией авантюрной прозы 18 века, прежде всего с произведениями Федора Эмина, такими как *Похождения Мирамоинда*, *Любовный вертоград* или *Непреоборимое постоянство Камбера и Арисены*, где, в отличие от повести Сенковского, читателя ожидает счастливый финал.

Хотя вымышленная история, якобы содержащаяся в «иероглифах», может восприниматься как чистая мистификация, в ней обнаруживаются и элементы, соотносимые с рамочным повествованием. Брамбеус придерживается реальных географических данных, в которые вписаны судьбы героев и самой барабийской цивилизации; он не допускает ошибок в наименовании животных, относимых к допотопному времени (упоминаются, в частности, лошади, мастодонты, мамонты, а также аноплотерий). Центральным событием и причиной гибели Барабии становится комета, которая в конечном счете сталкивается с Землей. Именно это событие и механизм его воздействия описываются Брамбеусом с множеством подробностей, которые, несмотря на фантастический характер «прочитываемой» истории, поражают сходством с тем, что в действительности могло бы сопровождать подобную катастрофу с точки зрения научных представлений: землетрясения, пожары, разливы вод, смещение земной оси, повлекшее за собой климатические изменения, и т. п.

Очевидно, что фабула Брамбеуса выстраивается не исключительно на фантастической основе. Комета Галлея, согласно расчетам де Понтекулана, должна была появиться в 1835 г.; таким образом, в период создания повести ее возвращение активно ожидалось. Сенковский, по-видимому, сознательно использует этот факт, соединяя его и с религиозными и культурными представлениями, согласно которым появление кометы предвещает чуму, войну или смерть. Писатель, сам проявлявший устойчивый интерес к научному познанию, мог опираться и на труд П. С. Лапласа ((Pierre Simon de Laplace) *Traité de mécanique céleste*, первое издание которого началось еще в конце 18 века, а второе издание вышло именно в 1829 г. Тем самым можно считать достаточно правдоподобным

совпадение актуальной научной дискуссии с сюжетной основой повести Сенковского, что вновь подтверждает ее близость к модели «приятного с полезным»: научное вдохновение и стремление транслировать отдельные факты и гипотезы широкой публике соединяются в «чтении иероглифов» с напряженным действием и историей проблематичной любви, направленной на усиление читательского интереса.

На связь цикла путешествий барона Брамбеуса с определенной просветительской установкой автора указывает и Е. А. Тозыякова, подчеркивающая присутствие в тексте элементов ярмарочной балаганности (2007), способствующих активному вовлечению читателя. С утверждением исследовательницы о «театральности» путешествий можно и не соглашаться, однако несомненен факт высокой динамики действия и обилия неожиданных перипетий, которыми Сенковский сознательно насыщает повествование. Наделяя Брамбеуса способностью выстраивать «чтение» в виде почти непрерывного потока сюжетных сдвигов, автор одинаково активно эксплуатирует как динамическое изображение последствий стихийной катастрофы, так и эмоциональные колебания Шабахубосаара, вынужденного справляться с противоречивым поведением Саяны.

Представляется, что некоторые черты дистопии возникают в тексте не как осознанный жанровый выбор Сенковского, а скорее как удобный способ тематизации актуально ожидаемого события, способного заинтересовать потенциального читателя как в момент публикации *Путешествий*, так и – в еще большей степени – в 1835 г., когда комета действительно стала видимой. Вместе с тем катастрофические события в повести Сенковского не связаны ни с разработкой социально-экономических концепций, ни с критикой технологического прогресса и его последствий, что является характерным признаком дистопии как жанра (ср., напр., *Город без имени* В. Ф. Одоевского, 1839). В этом контексте представляется затруднительным рассматривать *Учёное путешествие на Медвежий остров* как дистопическое произведение.

3. Дуальный сатирический фокус

В любовную и катастрофическую интригу Сенковский вводит два основных направления сатирического осмысления, которые, по-видимому, составляют ядро его повествовательной стратегии. Первое из них связано с наукой и ее представителями. Апелляции к научному познанию присутствуют как в характеристике целей доктора Шпурцманна, так и в самоописании Брамбеуса: обе фигуры декларируют стремление к расширению научного знания, однако эти устремления тесно переплетаются с их личными амбициями. Результаты экспедиции Шпурцманн намерен использовать для увековечивания собственного имени как ученого, доказавшего теорию потопов, которая ранее существовала лишь на уровне гипотезы и не получила всеобщего признания. Аналогичными соображениями движим и барон Брамбеус, размышляющий о поездке на Медвежий остров и соблазняемый перспективой прославиться: «… стоило только отыскать эту прославленную пещеру, видеть ее, сделать список с надписи и привезти его в Европу, чтоб попасть в великие люди» (Сенковский, 1989: 70). Когда Брамбеус и доктор Шпурцманн оказываются в пещере и находят первые кости, сопряжение научных и сугубо личных целей проявляется с особой наглядностью: «Четыре ляжки разных предпотопных собак – *canis antediluvianus*… И все новых, неизвестных пород!.. Вот, барон, избирайте любую: которую породу хотите вы удостоить вашего имени?.. Эту, например, собаку наречем вашею фамилиею; эту – моею…» (Сенковский, 1989: 74). Именно тщеславие, неразрывно связанное с научной деятельностью, предрасполагает доктора Шпурцманна к доверию брамбеусовскому «чтению», несмотря на возникающие у него сомнения. Сам факт того, что ученый полагается

на интерпретацию дилетанта, обладающего лишь фрагментарными и несистемными знаниями, ставит под вопрос не только его профессиональную компетентность, но и устойчивость умозрительных теоретических конструкций, которые он отстаивает.

Подобно обоим протагонистам рамочного повествования, и астроном Шимшик во включенной в «иероглифы» вымышленной истории в своем споре с его конкурентом Бурубухом продвигает не только собственные представления о неизбежном столкновении кометы с Землей, но и самого себя – преимущества своих взглядов, свое общественное положение, а также ожидаемые материальные выгоды. Он рассчитывает на то, что подтверждение его гипотезы обеспечит ему признание и карьерный рост: «Как скоро это случится, я подам царю прошение, обнаружу невежество Бурубуха и буду просить о назначении меня на его место царским астрономом, с оставлением и при настоящей должности» (Сенковский, 1989: 96). Тем самым обе части текста сходятся в критике представителей науки, указывая на то, что за внешне благородной целью познания нередко скрываются личные амбиции, стремление превзойти соперника, дискредитировать носителей альтернативных взглядов, а также желание получить награды и материальные преимущества.

В противовес подобному подходу к научной деятельности фигура обербергпробирмейстера Страбинских выстраивается как носитель принципиально иного типа знания. Он опирается исключительно на проверяемые факты, не ищет личной выгоды и умеет применять теоретические знания на практике, не подменяя их умозрительными построениями. Осматривая «иероглифы», Страбинских прибегает к простому, но действенному инструменту – молотку, тщательно исследует «материал» и формулирует свое заключение с предельной ясностью, даже тогда, когда оно разрушает надежды и ожидания его спутников.

Выбор трех представителей знаний и науки выстраивается в обрамлении повести, т. е., в ее начале и конце, в определенном порядке. Исходя из инципита текста, на наиболее почетном месте находится немецкий ученый, «муж науки», доктор Шпурцманн, действующий на деньги ганноверского короля и отправленный в экспедицию Геттингенским университетом, что подкрепляет его авторитет ученого. На условном втором месте стоит барон Брамбеус, который много путешествовал, досточно много читал и многому научился, так что способен быть почти равноправным партнером доктора Шпурцманна в их умозрительных дискуссиях. Последнее, третье место занимает «по делам службы» путешествующий обербергпробирмейстер 7-го класса Иван Антонович Страбинских, который в их дискуссии не вмешивается:

> Он не верил ни сравнительной анатомии, ни нашему изнеможению и все это называл пустою теориею. В целой Сибири не видал я ума холоднее: доказанной истины для него было недовольно; он еще желал знать, которой она пробы. Его сердце, составленное из негорючих ископаемых веществ, было совершенно непреступно воспламенению» (Сенковский, 1989: 66).

Однако эта мнимая иерархия подвергается последовательному разрушению в эксплиците текста. Именно Страбинских оказывается прав, установив отсутствие каких бы то ни было иероглифов и, следовательно, какого-либо достоверного свидетельства потопа. Барон Брамбеус, в свою очередь, легкомысленно снимает с себя ответственность за мистификацию, заявляя: «Не моя же вина, ежели природа играет так, что из ее глупых шуток выходит, по грамматике Шампольона, очень порядочный смысл!» (Сенковский, 1989: 138). Более того, он принимает решение не уничтожать

записанную доктором историю, намереваясь опубликовать ее самостоятельно, чем фактически подтверждает ее подлинную природу: это не исторический документ, а *fiction*, художественный вымысел.

Обманутым и одновременно разоблаченным в своей наивной вере в мнимое доказательство справедливости умозрительных концепций оказывается доктор Шпурцманн. В его образе высмеиваются псевдонаучные построения, не опирающиеся на твердую эмпирическую основу. Повесть Сенковского, таким образом, полемически направлена против романтического видения прошлого и утверждает поворот к прагматизму и реальной науке, что вновь отсылает к просветительской функции «полезного». В этом контексте показателен и эпизод с астрономом Шимшиком в вымышленной истории: он оказывается прав, однако непросвещенная толпа направляет свой гнев именно против него, не осознавая, что движение небесных тел не поддается человеческому контролю.

Вторым объектом сатирического осмысления в повести становятся эмоциональные амплитуды молодой пары – Саяны и Шабахубосаара. Их взаимоотношения до катастрофы и после нее выстраиваются как цепь резких эмоциональных колебаний: герои то демонстрируют безусловную взаимную любовь, то начинают сомневаться в искренности чувств партнера, то обвиняют друг друга в непостоянстве и неверности, то погружаются в размышления о мелочах, которые воспринимаются ими как почти решающие для их судьбы.

Подобная гиперболизация эмоциональной сферы становится объектом иронического и сатирического изображения. Характерным примером служит сцена, описывающая один из эмоциональных срывов сразу после первых видимых последствий катастрофы, когда в самом начале первой брачной ночи в спальне молодоженов неожиданно оказывается астроном Шимшик, скрывающийся от разъяренной толпы. Реакция героев на это событие обнажает крайнюю неустойчивость их чувств:

> Я взял ее руку; она вырвала ее и не хотела говорить со мною. Я упал на колени, молил прощения, клялся в своей беспредельной любви, клялся в преданности, в послушании... Ничто не могло смягчить ее гнева. Она даже произнесла ужасное в супружестве слово – мщение!.. Холодная дрожь пробежала по моим членам, ибо я знал, чем у нас <…> женщины мстили своим мужьям и любовникам. Эта угроза взбесила меня до крайности. Мы поссорились, и я бледный, с расстроенным лицом, с пылающими глазами выбежал опрометью из ее комнаты (Сенковский, 1989: 102)

Сатирическое острие в этих эпизодах направлено преимущественно на женский образ, что, по-видимому, обусловлено выбранной нарративной перспективой: мнимым автором «иероглифических записей» выступает мужской персонаж. Такая перспектива позволяет более детально реконструировать его внутренние переживания, тогда как эмоциональный мир Саяны представлен преимущественно через внешние проявления – в том виде, в каком они воспринимаются и интерпретируются эмоционально неуравновешенным Шабахубосааром. Подобная асимметрия усиливает эффект субъективизации и иронической деформации изображаемых чувств.

Своеобразная динамика «любви-вражды» завершается гиперболически трагическим поступком. В пещере, где пара оказывается окруженной водой и обреченной на гибель, Шабахубосаар буквально реализует то, что в обыденной речи функционирует как идиоматическое выражение любви («я тебя съем»): согласно «чтению» Брамбеуса, он действительно поедает Саяну. Эта сцена, доводящая эмоциональную экзальтацию до предела, очевидно направлена против чрезмерной чувствительности сентиментализма. Вместе с тем ее трудно рассматривать как пародию на конкретное

литературное произведение, поскольку Сенковский не дает ни прямых, ни косвенных указаний на какой-либо определенный текст-источник.

Сатирическому переосмыслению в повести подвергаются и нравы современного Сенковскому общества: покровительство и кумовство, интриги, сплетни, пренебрежение «другими», корысть, погоня за модными пустяками и внешними эффектами. На возможность усматривать в «чтении иероглифов» параллель с современностью прямо указывают пояснительные примечания доктора Шпурцманна, который неоднократно подчеркивает, что описываемые события относятся не к настоящему времени, а к предпотопной эпохе. Так, например, его уточнение «перед потопом» сопровождает и приведенную выше сцену ссоры героев: «<…> чем у нас <…> женщины мстили своим мужьям и любовникам» (Сенковский, 1989: 102). О степени, с которой доктор Шпурцманн осознает и воспринимает эту параллель, свидетельствует и его последующее рассуждение о браке, в котором ирония приобретает откровенно сатирический характер:

> Теперь мы с вами знаем, что нет ничего опаснее... <…> Как быть влюбленным в предпотопную, или ископаемую, жену, uxor fossilis, seu antediluviana. Это удивительный род женщин!... Какие неслыханные кокетки!... Признаюсь вам, что по возвращении в Германию я имел намерение жениться на одной молодой, прекрасной девице, которую давно люблю; но теперь – сохрани, господи! – и думать о том не стану (Сенковский, 1989: 132).

Тем самым сатирический модус повествования, на котором основывается «чтение» иероглифов, оказывается тесно связан не с мифическим предпотопным временем, а с актуальной современностью путешествия. «Предпотопное» функционирует здесь, с одной стороны, как маска, а с другой – как эффективный способ использования писателем устойчивого интереса публики к космической и утопической тематике, актуализированной, в частности, в произведениях В. А. Лёвшина (*Новейшее путешествие, сочинённое в городе Белёве*, 1784) или В. К. Кюхельбекера (*Земля безглавцев*, 1824). В отличие от последнего, однако, Сенковский избегает резкого и политически заостренного тона. Отсутствие политической заостренности, характерной, например, для кюхельбекеровской сатиры, не означает, однако, снижения критического потенциала текста. Напротив, Сенковский выстраивает многоуровневую стратегию иронии, в рамках которой социальная и нравственная критика оказывается рассеянной и тем самым менее уязвимой для прямого цензурного вмешательства. Перенос действия в мифическое допотопное прошлое, маскируемое под «прочтение» древних знаков, позволяет автору говорить о современности опосредованно, используя фантастическую и псевдонаучную оболочку как защитный экран.

В этом контексте особую роль играет фигура повествователя, чья ненадежность становится одним из ключевых композиционных приемов. Барон Брамбеус не только интерпретирует несуществующие иероглифы, но и демонстративно подчеркивает произвольность собственного «чтения», тем самым заранее снимая с себя ответственность за достоверность излагаемого. Такая позиция позволяет Сенковскому одновременно вовлекать читателя в процесс интерпретации и дистанцироваться от возможных обвинений в прямом высказывании. Читатель оказывается в ситуации двойного кодирования: с одной стороны, ему предлагается увлекательный фантастический сюжет, с другой – намек на необходимость критического восприятия как самого текста, так и той информации о персонажах и устройстве общества, которая в нем представлена.

4. Заключение

Жанровая неоднородность Учёного путешествия на Медвежий остров в этом смысле выступает не как недостаток, а как осознанная стратегия. В пределах одного произведения сочетаются элементы травелога, фантастического повествования, сатирического романа, любовной истории и псевдонаучного трактата[3]. Подобный синтез позволяет Сенковскому адресоваться к различным читательским ожиданиям и одновременно реализовывать просветительскую задачу, не прибегая к прямой дидактике. «Полезное» здесь растворяется в «приятном», а научные и философские вопросы подаются в форме игры, мистификации и иронии.

Особенно показательно в этом отношении финальное смещение акцентов: разоблачение мистификации не приводит к торжеству «чистой» науки в лице доктора Шпурцманна, но, напротив, утверждает приоритет эмпирического, практического знания, представленного Страбинских. Тем самым Сенковский дистанцируется как от наивного рационализма, так и от романтического умозрения, предлагая модель умеренного скепсиса, основанного на проверке фактов и отказе от грандиозных, но плохо обоснованных теорий.

В итоге Учёное путешествие на Медвежий остров может быть рассмотрено как характерный пример переходного текста, в котором просветительская установка конца 18 – начала 19 века сосуществует с ироническим отношением к ее собственным методам и претензиям. Сенковский не отвергает науку как таковую, но подвергает критике формы ее институционализации, карьерные и амбициозные мотивации ее представителей, а также доверчивость публики, готовой принимать эффектную гипотезу за доказанную истину. С рецептивной точки зрения можно, кроме того, предположить, что именно многослойность текста способствовала его читабельности и более устойчивому присутствию в литературном сознании. Сенковский конструирует своё повествование таким образом, чтобы его можно было воспринимать одновременно на нескольких уровнях: как приключенческий и экзотический сюжет, как ироническую игру с научным дискурсом, а также как сатирический комментарий к современным ему интеллектуальным и социальным практикам. Подобная открытость интерпретационных уровней одновременно позволяет тексту ускользать от однозначной жанровой классификации, помещая его на пограничье между популярной и «высокой» литературой. Именно в этом напряжении между знанием и его пародией, между серьезностью и игрой, между «допотопным» и современным и заключается художественная и интеллектуальная продуктивность текста.

Литература

Белинский, В. Г. (1845). *Петербургская литература.* http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3250.shtml

Каверин, В. (1929). *Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения».* Издательство писателей в Ленинграде.

Сенковский, О. И. (1989). *Сочинения Барона Брамбеуса.* Советская Россия.

Тозыякова, Е. А. (2007). О. И. Сенковский – барон Брамбеус: принципы художественного миро-моделирования [Диссертация, Горно-Алтайский государственный университет]. https://cheloveknauka.com/o-i-senkovskiy-baron-brambeus

3 На гибридный характер прозы Сенковского указывает и Е. А. Тозыякова: «Гибридизация научного и художественного дискурсов в беллетристике Сенковского связана со стремлением к универсализму, с попыткой придать тексту, при внешней развлекательности, аналитический характер, а на уровне картины миры мира – объемность, всеохватность» (2007).

Drozda, M. (1990). *Narativní masky ruské prózy: Od Puškina k Bělému.* Univerzita Karlova.

Peršín. K. (2025). *Biedermeier a ruská literatura – jedna z možných podob ruské literatury první poloviny XIX. století.* Filozofická fakulta Masarykovy univerzity. https://is.muni.cz/auth/th/j3pwy/ disertacni_prace_Persin.pdf

IS THERE CLIMATE FICTION IN POST-YUGOSLAV LIS THERE CLIMATE FICTION IN POST-YUGOSLAV LITERATURE?

Dejan Durić
Danijela Marot Kiš
University of Rijeka

1. Post-Yugoslav Literature: Frameworks and Themes

Boris Postnikov, author of the sole scholarly monograph[1] dedicated to the phenomenon of post-Yugoslav literature, conceptualizes the post-Yugoslav literary field in contrast to the national literary domains of the former Yugoslav republics and their respective nationalist articulations. According to Postnikov, this field encompasses authors whose creative output is rooted in Yugoslav cultural foundations, yet marked by pronounced poetic, political, and ideological divergences. He defines the post-Yugoslav literary space as follows:

> …the post-Yugoslav literary field is not merely the sum of individual national literary fields within the territory of the former Yugoslavia, but, following the premises of the new theory of world literature, entails a shift in research perspective: as an analytical construct, the post-Yugoslav field 'unites' precisely those actors who elude the national framework, articulating their relationships in a synchronic cross-section and tracing their trajectories in a diachronic arc, all the way to the level of reading literary texts within a newly established shared context (2024: 13)[2].

Boris Postnikov conceptualizes post-Yugoslav literature as a shared regional literary space that continues to function after the dissolution of Yugoslavia. Shaped by the cultural legacy of the former state, this space brings together authors who adopt nonnational and antinationalist orientations and operate within newly established capitalist social relations. According to Postnikov, this literary field not only persists but gradually becomes more integrated over time (2024: 16). Defined by both historical inheritance and contemporary sociopolitical dynamics, it has generated several thematic clusters despite significant divergences in poetic approaches. Although early post-Yugoslav literature was predominantly concerned with war and political conflict, later developments have shifted toward new thematic interests that nonetheless remain connected to the legacy of upheaval.Central motifs include exile and trauma, which frame inquiries into memory, language, fragmented identity, and narrative temporality. These narratives frequently reinterpret collective memory through mythic storytelling, in which history reemerges as myth—seemingly stripped of ideology yet still reproducing ideological structures.

[1] Boris Postnikov is the author of the book of literary-critical texts and essays *Post-Yugoslav Literature*? (2012) and the doctoral dissertation *Post-Yugoslav Literature – The Construction of the Field* (2024). In his study, Postnikov analyses and interprets selected literary texts, primarily through an ideological lens, exploring how patterns of social and cultural-political reality are inscribed in literature—both in terms of form and content. His dissertation is an outstanding contribution to the understanding of the post-Yugoslav literary field, examining its relationship to Yugoslavism and Yugoslav literature, as well as offering a contemporary perspective.

[2] All translations of excerpts from the original literary work in this paper are the author's own translations

Tensions between past and present, old and new homelands, and differing cultural and linguistic frameworks challenge protagonists' sense of self. Fragmented subjectivity reflects both historical trauma—particularly war and the collapse of the Yugoslav state—and the broader condition of the modern subject. Exile produces a tension between linear historical time and the suspended temporality of displacement (McClennen, 2004: 5–6), resulting in relativized notions of duration and simultaneity. Spatial experience likewise oscillates between the freedom afforded by the erosion of national boundaries and the confinement associated with nonbelonging. Protagonists navigate between past and present, continually reactivating memory and resignifying experience. These thematic concerns situate post-Yugoslav prose within postmodern explorations of identity, while its relationship to historical reality remains a structuring force. Although largely free of overt nationalism, the field continues to be shaped by dominant ideological practices that delimit its narrative possibilities.

2. Post-Yugoslav Literature and the Thematic Engagement with Climate Change

The representation of nature and the human relationship to it—particularly the tension between urban and rural environments—constitutes a recurring motif in post-Yugoslav prose, yet it is seldom approached through an ecological or ecocritical framework. As a result, climate change remains largely absent from contemporary literary production, and no distinct body of climate fiction can be identified. This absence underscores the need for more sustained ecocritical engagement. The lack of climate-related themes is unlikely to stem from reception contexts, since narratives of planetary threat are broadly adaptable and can engage diverse audiences. Although prevailing literary trends, sociohistorical conditions, and media environments could support the development of ecological awareness, post-Yugoslav literature continues to privilege ideologically inflected explorations of historical reality. This orientation constrains its capacity to address climate issues, limiting literary production to reflections on the past and the formation of personal and collective identity.

The scarcity of climate fiction emerges from a complex interplay of historical, cultural, and aesthetic factors. Regional narratives remain dominated by war, nationalism, displacement, and trauma, including within speculative genres (Mijatović and Willems, 2022). Realism and autobiographical modes prevail, while speculative climate fiction does not align with dominant literary aesthetics. When dystopian elements appear, they typically critique authoritarianism or corruption rather than environmental collapse. Moreover, public discourse on climate change in the Balkans is comparatively muted, reducing the impetus for literary engagement. Nonetheless, emerging posthumanist and ecological approaches may foster future developments.

Climate projections for the Western Balkans (Study on Climate Change in the Western Balkans Region, 2018) indicate temperature increases exceeding global averages, intensified heatwaves, droughts, floods, forest degradation, reduced crop quality, declining river discharge, water supply challenges, and heightened health risks (Vuković and Vujadinović Mandić, 2018: 11). Despite the urgency of these findings, literary responses remain limited.

Recent Croatian initiatives, such as the Zelena akcija and Booksa literary competition, have produced three *Homo Climaticum* anthologies (2017, 2018, 2021). The first two volumes foreground speculative and dystopian engagements with environmental degradation, while the third—authored by secondary school students—suggests increasing cultural receptivity to ecological themes.

Environmental concerns also appear indirectly in several post-Yugoslav works. In Edo Popović's *Mjesečev meridijan* (2015), ecological collapse functions as an allegory for fractured social relations, contrasting the utopian «Forgotten» with the environmentally destructive «Poisoned». Andrej Nikolaidis's *Odlazak*

(2009) challenges idealized conceptions of nature, presenting it as oppressive from a rural perspective. Faruk Šehić's *Knjiga o Uni* (2011) depicts nature as a metaphysical refuge amid war, offering continuity and transcendence. Collectively, these works illustrate how environmental motifs intersect with trauma, memory, and identity, even as climate change itself remains peripheral within postYugoslav literature.

Although they touch on these issues only briefly, the novels mentioned belong to the genre of eco-fiction because, rather than exploring the impact of anthropogenic climate change on social and interpersonal relationships, they focus on the relationship between humans and nature. Representative examples of climate fiction within post-Yugoslav literature include Josip Mlakić's novel *Planet Friedman* (2012) and Asja Bakić's short story *1740*, published in her collection *Sladostrašće* (*Voluptuousness*, 2020). In both texts, climate change is not merely a narrative backdrop but functions as a central thematic and structural element. This aligns with Mehnert's definition of climate fiction, which asserts that «meteorological phenomena do not just provide the background setting against which the story unfolds; climate change significantly alters and is a prevalent issue for characters, plot, and setting. The climatically changed planet itself thus becomes an indispensable part of the narration» (Mehnert, 2016: 38).

The two works offer contrasting experiential frameworks – one global and abstract, the other local and concretized. Mlakić's *Planet Friedman* is set in a dystopian future and presents a speculative projection of planetary processes disrupted by environmental collapse, emphasizing the systemic and transnational dimensions of climate change. Conversely, Bakić's *1740* constructs a localized narrative situated in a future Croatia profoundly affected by climate change. The story engages with the socio-political and economic consequences of environmental disruption, illustrating how these changes reshape the fabric of everyday life.

Together, these texts exemplify the emerging potential of climate fiction within post-Yugoslav literature, illustrating how ecological concerns can be articulated through both global and local narrative frameworks. Climate change functions as a structural catalyst for reimagining narrative space, identity, and socio-political configurations. In both cases, the stories are situated in speculative futures and employ recognizable genre conventions, reflecting the observation that «futurist history is a commonly encountered structural device borrowed from sci-fi» (Goodbody & Johns-Putra, 2019a: 13).

Mlakić's *Planet Friedman* adheres closely to the dystopian genre, presenting a post-national world divided into zones, thereby abstracting spatial and temporal categories and projecting a globalized future shaped by climate-induced transformations. Bakić's *1740*, by contrast, utilizes the science fiction trope of time travel to construct a localized narrative set in a future Croatia affected by climate change. To enhance local recognizability, the narrative incorporates specific spatial and cultural references, including the city of Zagreb and its surroundings, the Adriatic Sea, the Ruđer Bošković Institute, and regional cultural markers such as rakija, a traditional Balkan alcoholic beverage. These elements evoke a distinct but familiar cultural and geographic context, embedding the narrative within a recognizable Balkan framework.

Applying Caracciolo's typology of climate fiction, both works align with the «dystopian mode of cli-fi» by situating their narratives in future scenarios and exploring the adverse consequences of anthropogenic climate change. The alternative «realist mode of cli-fi,» which engages with climate disruptions observable in lived experience and incorporates political and scientific dimensions (Caracciolo, 2022: 10)[3], has yet to be meaningfully developed within post-Yugoslav literary production.

[3] A similar classification is offered by Goodbody and Johns-Putra: «the first type tends to be set in a recognisable, realist present (or very near future) and the second in a futuristic climate-changed world, which one could characterise as apocalyptic, post-apocalyptic, or dystopian, depending on just how much this is premised on sudden disaster, its aftermath, or a prolonged state of decline»

As Goodbody and Johns-Putra note, citing Adam Traxler, contemporary climate narratives are increasingly shifting away from apocalyptic visions toward more reflective and mimetic approaches. These works suggest that climate change is not a distant possibility but an unfolding reality embedded in everyday experience, varying across geographic and cultural contexts (Goodbody and Johns-Putra, 2019b: 239). This narrative shift is not yet evident in the two analyzed texts, although Bakić's short story introduces a subtle parodic tone and elements of humor in its depiction of future climate catastrophe – an innovative gesture within the regional literary engagement with ecological themes.

3. Josip Mlakić: *Planet Friedman*

Planet Friedman is a genre-specific dystopian novel that adheres closely to established conventions rather than interrogating or subverting them, as evidenced on both formal and thematic levels. The fictional Earth is renamed Friedman[4], in homage to a benefactor figure, reflecting a common dystopian trope in which societies revolve around a paternalistic icon – such as Mustapha Mond in *Brave New World* or Big Brother in *1984* – who becomes the object of a personality cult. In *Planet Friedman*, this role is embodied by Steven Yobs, the current incarnation of the ideological figurehead.

The novel further engages with a central motif of contemporary dystopian fiction: the ascendancy of corporate power and corporatism as the ultimate manifestation of late capitalism. In this imagined future, nation-states have ceased to exist as political entities, and governance has been fully transferred to corporate structures. Society is rigidly stratified, with individuals assigned to residential zones based on their access to resources – a metric that simultaneously determines their social status. The world depicted is governed by the logic of capital and profoundly shaped by the consequences of climate change.

Zone A houses the societal elite, while Zones B and C are designated for the marginalized and economically disenfranchised. Within Zone A, emotional expression and access to literature are strictly prohibited, and the elite class is subjected to the regulatory mechanisms of science, technology, and capitalist doctrine. The foundational criterion for evaluating individual worth – both in terms of success and existential legitimacy – is solvency, positioning economic viability as the principal determinant of human value:

> Each individual, within the system, is an archive of data composed of blood test results, motor skills, athletic activities, emotional restraint, and intelligence quotient. Together, these elements constitute the so-called solvency threshold, which every individual in the system strives to increase, as doing so earns them advancement within the hierarchy. To facilitate this, the system provides access to a wide array of pharmaceuticals and steroids, offered en masse by corporations. (Lujanović and Nedić, 2024: 145)

Planet Friedman envisions a speculative future governed entirely by the logic of corporate capitalism. The novel constructs a dystopian world in which the names of key figures in Zone A, as well as the corporations that dominate society, are thinly veiled references to real-world individuals and entities (Steven Yobs, Macrosoft, Netto, eFord) thereby reinforcing the satirical dimension of the narrative. This strategy reflects a broader convention within dystopian literature, wherein contemporary socio-political issues are isolated and projected into an imagined future: «dystopias as a mode of writing and thinking isolate one of

(Goodbody and Johns-Putra, 2019b: 234).

[4] As Lujanović and Nedić state, «the world depicted in Josip Mlakić's novel *Planet Friedman* is one governed by the dictates of specific economic principles, which, by no means coincidentally, are evoked by the very title through its association with economist Milton Friedman» (2024: 145).

the problems of the present, amplify it to its extremes, project it into the future, and cloak it in an imaginary world» (Lujanović and Nedić, 2024: 151).

By adhering to this model, Mlakić's novel does not seek to deconstruct dystopian tropes but rather deliberately and systematically employs them. Within this framework, solvency emerges as the principal measure of human worth, encapsulating the novel's critique of neoliberal ideology and its implications for both environmental degradation and social stratification.

The question arises: can *Planet Friedman* be classified as climate fiction? In her analysis of the novel, Miranda Levanat-Peričić addresses the anthropogenic impact of human activity on the environment, suggesting that the text lends itself to ecocritical interpretation: «the world is in a profoundly diseased state, barren areas are expanding <…>, the sea is polluted with tar <…>. Moreover, animal and plant species are becoming extinct, fireflies have disappeared, cranes are mercilessly slaughtered, and rabid animals roam the Free Zone» (2024: 253). Despite these ecological motifs, Levanat-Peričić contends that the novel does not function as a warning against human-induced climate change. Instead, she interprets it through an anthropocentric lens, viewing the depicted collapse as a consequence of humanity's loss of spiritual grounding and belief in being created in the image of God: «a world that is deteriorating because it has lost its foundation in Man and the belief that he was created in the image of God» (2024: 253).

According to Durić (2025: 74), for a work to be considered climate fiction, climate change and its anthropogenic causes must directly influence character motivation and narrative development; they must constitute the foundational premise from which both plot and character emerge. In *Planet Friedman*, however, climate and its consequences are not integrally linked to the emergence of the dystopian regime. Rather, they appear as one among several contributing factors – a pattern frequently observed in dystopian literature, where «climate change is often encountered <…> as one of a panoply of dystopian effects» (Goodbody and Johns-Putra, 2019b: 233).

Nevertheless, existing analyses of the novel have largely overlooked a significant motif introduced in the fourth chapter, which suggests that the rational dystopian order has not mitigated ecological and climatic devastation but has, in fact, exacerbated it. This narrative development invites a reconsideration of the novel's thematic orientation and its potential alignment with the broader framework of climate fiction. The leaders of Zone A's attempt to suppress a suspected resistance movement emerging in Zones B and C serves as a pivotal narrative trigger in *Planet Friedman*, articulated through a botanical metaphor with implicit climactic significance. This metaphor materializes when, due to sabotage, urban screens in Zone A begin displaying the image of a withered tree entwined with mistletoe, replacing the usual capitalist slogans. The mistletoe, defined as a «hemiparasitic plant that attaches to its host via haustoria – specialized root-like structures – extracts water and nutrients while conducting photosynthesis in its own leaves, gradually depleting and ultimately desiccating the host tree»[5]. In the novel, this image is symbolically encoded on two levels. Explicitly, mistletoe is identified with Zone A, while the withered tree represents Zones B and C, thereby illustrating the exploitative dynamic by which the elite´s prosperity is sustained through systemic deprivation of the marginalized. This metaphor underscores the socio-economic asymmetry inherent in the dystopian order, wherein resource extraction and hierarchical segmentation reinforce capitalist domination.

Implicitly, however, the metaphor also gestures toward ecological critique. Zone A not only exhausts subordinate zones but also contributes to broader planetary degradation, prompting reflection on

[5] Vrbetić, G. (2020, January 20). Imela – moćna biljka za zdravlje. *Gospodarski list*. https://gospodarski.hr/rubrike/ljekovito-bilje-rubrike/imela-mocna-biljka-za-zdravlje/

the environmental consequences of capitalist consumption. This thematic layer aligns the novel with the conceptual framework of the Capitalocene, which foregrounds the ecological devastation precipitated by global capitalism and its exploitative logic. The image of the mistletoe and the dying tree thus becomes a potent emblem of both socio-political exploitation and environmental collapse, reinforcing the novel's critical engagement with the interdependence of ecological and economic systems. „the Capitalocene does not stand for capitalism as an economic and social system <…> rather, the Capitalocene signifies capitalism as a way of organizing nature – as a multispecies, situated, capitalist world-ecology» (Moore, 2016: 6).

The novel *Planet Friedman* is permeated by recurring references to dying flora and fauna, positioning the human relationship with nature as a central axis for interpreting the text. Within this framework, capitalism is portrayed as fundamentally inhumane, privileging profit over empathy, emotional expression, and ethical restraint. It demands calculative rationality and emotional austerity, sacrificing all other values in pursuit of economic gain. As the narrator asserts: «<…> profit is a carcinoma, mistletoe. The planet is this tree. And measure, it has been lost in everything. It does not exist» (Mlakić, 2012: 118). This metaphor encapsulates the novel's ecological and ethical critique, aligning profit-driven logic with parasitic destruction. The mistletoe, previously established as a hemiparasitic plant, becomes a symbol of uncontrolled capitalist extraction, draining the planet of its vitality. Miranda Levanat-Peričić thus concludes that the motif of illness permeates every dimension of the narrative – afflicting the protagonists, society, and nature alike – and locates its origin in the voracity of capitalist ideology (Levanat-Peričić, 2024: 248).

Although the novel does not explicitly reference climate change, its influence can be discerned in the unfolding of political, social, economic, and existential processes. These elements correspond to several thematic clusters commonly found in climate fiction. The narrative engages with issues such as ecosystem degradation and unpredictable weather phenomena, which in turn affect human lives – manifesting in the rise of autocratic regimes and the struggle for control over scarce resources. Environmental and climatic disruptions point to anthropogenic impacts on the climate, leading to socio-political transformations and systemic disintegration: planetary destruction and the emergence of totalitarian societies thus go hand in hand. Within the novel, five distinct groups of references appear, each bearing witness to anthropogenic environmental devastation.

The narrative never explicitly defines the concept of the «dead land» other than indicating its expansion and association with infertility. However, the motif implicitly suggests the gradual collapse of planetary ecosystems, framed as a consequence of human activity. Humanity is portrayed as an invasive species – analogous to mistletoe – a hemiparasitic organism that extracts life from its host. By disrupting the planet's natural equilibrium, the human species acts as a parasitic force, accelerating ecological degradation and undermining the biosphere's viability. This metaphor reinforces the novel's broader critique of anthropogenic environmental disruption and positions the human-nature relationship at the centre of its thematic architecture.

> They were passing through the interzone. On both sides of the road lay the "dead land." It had once been part of Zone A. He remembered that time. It used to be vineyards—an endless forest of grapevines slowly consumed by the «dead land.» (Mlakić, 2012: 99)

Barren land is also linked to the availability of essential life agents, primarily food, upon which the survival of both human and non-human animals depends.

Water is one of the fundamental elements that sustain life on our planet, and the death of the oceans is underscored by polluted waters in which life has become extinct. The narrative suggests contamination by tar, rendering the water greasy, black, and reeking of petroleum – an implicit reference to human reliance on fossil fuels and the ecological consequences of their consumption. Human society is depicted as excessively dependent on fossil fuel usage, implying that any disruption in supply would jeopardize the functioning of economic, social, and political systems:

> The restaurant smelled like the «ocean.» They stood at the entrance of one of the terraces.
> «What a lovely scent,» Paula said.
> «They say that once,» he replied, «the sea air used to smell like this.»
> «Before the tar?»
> «Probably» (Mlakić, 2012: 95).
> <…>
> «Snow used to be white,» Paula said. «In all the books, they describe it that way: white.»
> He tried to remember what snow had looked like twenty or thirty years ago—whether it had been brighter. Even then, it had been gray. It seemed to him there was no difference. It was just like this: greasy gray sludge that smelled of tar (Mlakić, 2012: 164).

Other bodies of water – seas, lakes, rivers – are of vital importance for sustaining and regulating life, and climate change poses a direct threat to their stability, with potentially devastating consequences for the planet. According to *Planet Friedman*, these aquatic ecosystems have been completely destroyed and no longer support life:

> «Are there any fish in that river?» she asked.
> «I don't think so,» he replied. «There's not enough oxygen in the water.»
> «There's nothing,» one of the young men said (Mlakić, 2012: 188).

A decline in biodiversity – affecting both plant and animal species – is closely tied to the previously discussed ecological and climatic disruptions. In *Planet Friedman*, the natural world is rapidly deteriorating, with references to numerous extinct creatures such as cranes, fireflies, and fish. This evident extinction is accentuated through bleak, stripped-down, and almost post-apocalyptic imagery of dying vegetation.

> He observed the dead trees. There were thousands of them. Before them lay a vast, dark-gray forest that resembled an ocean covered in thick layers of tar. The branches reaching toward the sky looked like the bones of fingers (Mlakić, 2012: 159).
> <…>
> «All of them are extinct? The birds, the sheep, the dogs?»
> «All of them. The same will happen to us.»
> «It's already happening,» she said (Mlakić, 2012: 164).

The emergence of zoonoses – diseases transmitted from animals to humans with the potential to cause epidemics and pandemics – is increasingly recognized as a global challenge, particularly in the context of climate change and habitat destruction. In the novel, this issue is illustrated by a deadly superflu pandemic, transmitted by cranes or by a mutated strain of rabies that has become resistant to medical treatment.

Human nutrition in Zone A is synthetic, and due to the extinction of animal species, plant-based substitutes for meat – such as soy-based fish fillets – have emerged. Genuine fish meat is rare and obtained through artificial cultivation in controlled pools. In the other zones, food scarcity is evident, particularly in Zone C. Climate change, driven by extreme weather events, pollution of water bodies, and rapid biodiversity loss, disrupts food supply chains. These conditions foster the emergence of social inequalities and conflict, as power becomes concentrated in the hands of those with access to essential resources.

The emergence of ecological dead zones, the decline in biodiversity – echoing scientific claims that a sixth mass extinction is underway – the warming and acidification of oceans, drug-resistant infectious diseases, and shortages of food and water are all realities faced by specific regions of our planet. In *Planet Friedman*, the narrator projects these phenomena onto a global future. Mlakić's novel suggests that we inhabit a globalized world in which no area remains untouched by the direct influence of the Capitalocene, whose ultimate outcome is a society of extreme inequality. Yet even such a system has a finite lifespan: «The world was dying; the mistletoe was consuming the last particles of water. He wondered how long the mistletoe could outlive the dying tree» (Mlakić, 2012: 110).

4. Asja Bakić: *1740*

Trexler argues that climate change remains a largely abstract phenomenon for the average person, primarily because it is situated within a scientific framework that requires an educated recipient capable of understanding and analyzing scientific data. He also characterizes it as a «global phenomenon,» noting that in order to discuss shifts in climate patterns, one must observe them over several decades and across vast geographical areas – an undertaking that exceeds the spatial and temporal scope of individual human experience (Trexler, 2015: 75). Consequently, a number of literary works turn toward exploring localized experiences, linking climate change to regional traditions and concerns: «fictionalizing climate change is not about falsifying it, or making it imaginary, but rather about using narrative to heighten its reality. The vast majority of novelists have responded to this challenge by rendering climate change as an immediate, local disaster (Trexler, 2015: 75).

Such a scenario is depicted in Asja Bakić's short story *1740*. From the very beginning, the autodiegetic narrator contextualizes the climatic backdrop of the narrative, which unfolds in the future (2040), yet within a geographically recognizable space for readers from the former Yugoslavia. The heat and humidity are unbearable, floods caused by rising sea levels have become a daily occurrence, numerous plant and animal species have gone extinct, waste is omnipresent, and nutrition has been reduced to monocultures. The rise in global temperatures, unpredictable weather patterns in the form of flooding, and the elevation of sea levels have disrupted the supply of essential life agents such as food and water, fundamentally altering human ways of life:

> For example, I used to think about how I never liked going to the sea before, and now it has come right up to my house. I couldn't even fish. There were hardly any fish left. <…> I no longer threw anything away because I knew that whatever I discarded would be carried back to my front door by the water. There was nowhere left for a person to hide from their own mistakes (Bakić, 2020: 113).

The narrator is a programmer who assists her colleagues Vilko, Višnja, Finko, and Gmaz in activating a time machine constructed from parts stolen from the artworks of Croatian modernist sculptor Vojin Bakić, renowned for his monumental, futuristically inflected memorials to the anti-fascist struggle during

the Second World War. Bakić is significant for his approach to monumental sculpture, «which liberates ideological purpose from narrative and elevates the form to a universal symbol through purified modernist abstraction <…> His *Monument to the Victory of the People of Slavonia* is considered the highest achievement of memorial sculpture in postwar Yugoslav art and the largest abstract monument on European soil.»[6]

The goal of the time-travel mission is to return to communist Yugoslavia in the year 1964 and persuade Edvard Kardelj and Miroslav Krleža to take future climate change seriously. The choice of these figures is highly symbolic: Kardelj was one of the principal ideologues of Yugoslav society, author of the constitution and the *Program of the League of Communists of Yugoslavia*, while Krleža was a key left-oriented writer and cultural figure of the state. It is crucial to arrive before the *8th Congress of the League of Communists of Yugoslavia* in Belgrade, during which the Five-Year Plan for 1961-1965 was adopted, initiating economic reforms that opened the Socialist Federal Republic of Yugoslavia to a market economy and capitalism – now widely recognized as a primary driver of climate change.

The narrator, however, considers the plan absurd and decides to sabotage the mission, resulting in the protagonists being transported to France in the 1740s, during the most decadent period of Louis XV's reign (Bakić, 2020: 128).

As Milner and Burgmann note, «both climate fiction's texts and its practitioners articulate a structure of feeling that accords centrality to science and technology» (2020: 26), so in that case, «SF ideally functions as an adjunct to 'futurology'» (2020: 27), except that Asja Bakić approaches it in a parodic manner. The thematic circles of climate fiction are intertwined with the concerns of science fiction, particularly its popular motifs of time travel and the construction of time machines. However, these elements are situated within a recognizable post-Yugoslav geographical and cultural context, thereby grounding the narrative and linking it to a specific interrogation of Yugoslav ideological heritage in the form of Yugo-futurism, which the author explores in her essay *Yugo-futurism as a Trap*.[7] As Adam Trexler states, „creating a connection between the reader and characters immersed in disastrous global warming, readers could immediately experience climate change as a threat to their centers of felt value» (Trexler, 2015: 76).

In *1740*, it is noticeable that «displacing the dominant apocalyptic narrative by framing or satirising it» (Goodbody and Johns-Putra, 2019b: 243). Instead of arriving in the «Yugoslav avant-garde,» as Vilko and his team refer to the 1960s, the protagonists find themselves in a frenzied age of indulgence and decadence, several centuries removed from the reality of climate change. Thus, in *1740*, there is no confrontation with a world sinking under the weight of environmental collapse; rather, solace is sought in oblivion and escape, through the inner experiences of a consciousness grappling with climate trauma. In this context, rakija – a drink characteristic of the former Yugoslav region – and the time machine serve as instruments for achieving such escape. According to Goodbody (2020: 136), the satirical model of climate fiction is primarily determined by humour and irony[8].

In science fiction, the time machine typically symbolizes human scientific vision and achievement, a trait shared by the narrator's scientifically enlightened and rational team, from whom she stands in contrast. The story is structured around a series of parallels and oppositions: the return to eighteenth-century France

[6] Bakić, V. (n.d.). Hrvatska enciklopedija (mrežno izdanje). Leksikografski zavod Miroslav Krleža. Retrieved September 22, 2025, from https://www.enciklopedija.hr/clanak/bakic-vojin

[7] Bakić, A. (2023, June 6). Jugofuturizam kao zamka. Asjaba. Retrieved September 22, 2025, from https://asjaba.com/2023/06/06/jugofuturizam-kao-zamka/

[8] According to Goodbody, «three broad modes of cli-fi writing have been identified in the secondary literature: apocalyptic, pastoral and satirical» (Goodbody 2020: 135).

in the conclusion is foreshadowed at the beginning, when Vilko brings the narrator a copy of Nina Epton's *Love and the French* (1959), noting that he knows she loves that century (Bakić, 2020: 111).

The motif of cherry appears in multiple contexts: it is the name of the narrator's colleague, the name of Vilko's ship, a rakija-based liqueur offering the narrator forgetfulness, and a reference to «cherry picking» in the decadent eighteenth century. The rational, activist-minded scientific intellect of Višnja, who fights against climate change, stands in opposition to the forgetfulness offered by the cherry liqueur to the narrator, who is, however, more pragmatic than her colleague. Her psychological state is vividly portrayed through three emotional registers: guilt over earning money that contributed to global warming; unresolved issues with her parents – especially her mother – with Višnja representing a contemporary incarnation of the maternal figure, leading the narrator to claim that sabotaging Višnja's plan brought her the same joy as her mother's death; and finally, a disagreement with the group's political ideals, which she views as naïve.

Through this, the text compellingly imagines how an individual might feel in a world fundamentally altered by climate change, while boldly linking the climate future to the Yugoslav past, examining its legacy.

5. Conclusion

Analysed texts – novel *Planet Friedman* by Josip Mlakić and short story *1740* by Asja Bakić – offer compelling literary explorations of climate change through post-Yugoslav cultural lenses. By merging speculative elements and time travel motifs with recognizable regional contexts and ideological legacies, these works challenge readers to confront ecological collapse not as a distant abstraction but as a lived, politicized reality. They highlight the emotional, social, and historical dimensions of environmental trauma, suggesting that climate fiction can serve both as critique and as imaginative resistance.

Literary works

Bakić, A. (2020). *1740*. In *Sladostrašće* (pp. 108-128). Sandorf.

Benini, M, Kučinac, D. i Sivka, D. (2017) *Homo Climaticum*. Zelena akcija i Booksa.

Benini, M, Kučinac, D. i Sivka, D. (2018) *Homo Climaticum*. Zelena akcija i Booksa.

Mlakić, J. (2012). *Planet Friedman*. Fraktura.

Nikolaidis, A. (2020). *Odlazak*. BuyBook.

Popović, E. (2015). *Mjesečev meridijan*. OceanMore.

Sivka, D. (2021) *Homo Climaticum*. Zelena akcija.

Šehić, F. (2011) *Knjiga o Uni*. Aloritam.

Bibliography

Caracciolo, M. (2022). *Contemporary fiction and climate uncertainty: Narrating unstable futures*. Bloomsbury Academic.

Durić, D. (2025). Roman *Green Rising* Lauren James kao didaktična klimatska fikcija. *Detinjstvo: Časopis o književnosti za decu*, *51*(1), 72-83.

Goodbody, A. (2020). Cli-Fi – Genre of the twenty-first century? Narrative strategies in contemporary climate fiction and film. In M. Löschnigg & M. Braunecker (Eds.), *Green matters: Ecocultural functions of literature* (pp. 131-153). Brill-Rodopi.

Goodbody, A., & Johns-Putra, A. (2019). The rise of the climate change novel. In A. Johns-Putra (Ed.), Climate and literature (pp. 229-245). Cambridge University Press.

Levanat-Peričić, M. (2024). *Avatari posthumanizma: Povijest književne i kritičke imaginacije neljudskog, poslijeljudskog i nadljudskog*. FF Press & Sveučilište u Zadru.

Lujanović, N., & Nedić, T. (2024). Na sjecištima prava i književnosti: Sužavanje privatnoga u distopijskim romanima Georgea Orwella, Josipa Mlakića i Juli Zeh. *Croatica et Slavica Iadertina*, *20*(1), 137-155.

McClennen, S. (2004). *The dialectics of exile: Nation, time, language, and space in Hispanic literatures*. Purdue University Press.

Mehnert, A. (2016). *Climate change fictions: Representations of global warming in American literature*. Palgrave Macmillan.

Mijatović, A., & Willems, B. (Eds.). (2022). *Reconsidering (Post-)Yugoslav time: Towards the temporal turn in the critical study of (Post-)Yugoslav literatures*. Brill.

Milner, A., & Burgmann, J. R. (2020). *Science fiction and climate change: A sociological approach*. Liverpool University Press.

Moore, J. W. (2016). Anthropocene or Capitalocene? Nature, history, and the crisis of capitalism. In J. W. Moore (Ed.), *Anthropocene or Capitalocene? Nature, history, and the crisis of capitalism* (pp. 1-11). PM Press.

Postnikov, B. (2012). *Postjugoslavenska književnost?* Sandorf.

Postnikov, B. (2024). *Postjugoslavenska književnost – konstrukcija polja* (Doctoral dissertation). Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet. https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:060479

Trexler, A. (2015). *Anthropocene fictions*. University of Virginia Press.

INTERNET SOURCES

Bakić, A. (2023, June 6). Jugofuturizam kao zamka. Asjaba. https://asjaba.com/2023/06/06/jugofuturizam-kao-zamka/

Bakić, V. (n.d.). Hrvatska enciklopedija (mrežno izdanje). Leksikografski zavod Miroslav Krleža. https://www.enciklopedija.hr/clanak/bakic-vojin

Vrbetić, G. (2020, January 20). Imela – moćna biljka za zdravlje. *Gospodarski list*. https://gospodarski.hr/rubrike/ljekovito-bilje-rubrike/imela-mocna-biljka-za-zdravlje/

Vuković, A., & Vujadinović Mandić, M. (n.d.). Study on climate change in the Western Balkans region. *Regional Cooperation Council Secretariat*. https://www.rcc.int/pages/143/study-on-climate-change-in-the-western-balkans-region

SELECTIVE FRONTIERS: THE LOGIC OF BORDER FILTERING IN THE RUSSIAN EMPIRE[1]

Oksana Ermolaeva
Visiting researcher, Complutense University

1. Introduction: Political Unrest in Europe and Russian Imperial Border Controls

Currently, as both Eastern and Western Europe increasingly resemble «fortresses,» with their external borders heavily guarded along a geopolitical fault line, the origins of the so-called *Eastern system of border controls* take on heightened significance. This system is most frequently linked to practices characteristic of the so-called «Soviet» model of border policing, which, after 1945, was extended throughout the entire Eastern Bloc (Bencsik, 2022: 4). Although, at the turn of the twentieth century, Russian migration and border control policies were not exceptional,[2] excessive exit restrictions and stringent internal controls over foreigners, unlike the more liberal practices prevailing in most European countries and the United States, became embedded in an autarchic tradition that was fully consolidated by the end of the nineteenth century (Lohr, 2012: 12; Fahrmeir, 2012: 963).

Within this context, the passport regime, border-crossing regulations, and entry bans emerged as key instruments of state security, but also of social engineering and migration policy. The latter was contradictory, oscillating between economic state interests and persistent political anxieties. On the one hand, it developed mechanisms to stimulate immigration; on the other hand, it instituted far-reaching systems of control and entry restrictions, often targeting entire nationality groups over the long-term[3] and short-term[4] perspectives, both for political and non-political reasons. (Glebov, 2017: 86–130; Lohr, 2013: 12).

The numerous lists of entry bans circulating at Russian international but also administrative borders represented the empire's response to a range of regime security challenges: the threat posed by political émigrés seeking to return and engage in subversive activities; equally destabilizing religious preaching; rising levels of uncontrolled border crossings; and the smuggling of political contraband and arms.

The Russian Empire's restrictions and prohibitions on cross-border transactions were shaped by two factors: external and internal. The emergence of rebellious émigré communities in European capitals compelled imperial governments to tighten their border regimes. According to some scholars, the scale of political exile reached virtually unprecedented levels in the 1850s, a peak preceded by earlier upheavals such

[1] This article was written with the support of the research grant from the Gerda Henkel Foundation, Düsseldorf, Germany (№ AZ 29/FI/24) and also within the framework of the project *Transnational Encounters in a Global Campus: Academic Displacement (20th–21st Centuries)*. Ministry of Science, Innovation and Universities: PID2024-159800NB-I00 (Madrid, Spain).

[2] On the contrary, the Russian empire's policy of actively attracting immigrants and encouraging their naturalization was considered as a pan-European phenomenon, interrupted later by the severe Soviet autarky (Lohr, 2012; Lohr, 2013: 12).

[3] The Pale of Settlement in the Russian Empire, established in 1791 and lasting until 1917 (though largely dissolved a bit earlier), marked the territory outside of which Jews, except for certain specified groups, were generally forbidden to reside permanently (Rosenthal, 2002-2021).

[4] For example, in 1806 Alexander I enacted a decree ordering the removal from Russia of all French nationals and individuals from certain German territories who refused to accept Russian citizenship, while also prohibiting their entry into the empire without passports issued by the Minister of Foreign Affairs (Teslenko, 2000: 12).

as the revolutions in Piedmont and Naples (1821), the Polish uprising of 1831, and the wave of revolutions in 1848 (Brice, 2020: 1-2).[5]

From the 1830s, and particularly in the 1850s, reports of the circulation of political contraband in the Russian Empire's western borderlands—namely, anti-government and revolutionary publications urging the local population to armed resistance—became increasingly frequent. London emerged as the most important center of the revolutionary press, where exiles who arrived there typically obtained British «immigration passports»[6]. For example, in July 1856, the Viceroy of the Kingdom of Poland reported to the Vilna Military Governor that Alexander Herzen and the Democratic Committee in London had published an appeal to the Russian people, along with a protest written in Polish (Simakov and Borodkina, 2013: 162). Another prominent center of revolutionary activity was Paris, which also hosted a significant community of Polish political émigrés.[7] Internally, shifts in the political course of each particular ruler played a decisive role in shaping border control policies.

This chapter examines how the function of «border filtering» operated at a specific administrative border of the Russian Empire: the Kemskaya distantsia («Kem District») of the Arkhangelsk Customs Directorate, which separated Russia's Arkhangelsk guberniya from the Grand Duchy of Finland (established in 1812 in Helsingfors)—a territory that, while still part of the Russian Empire, enjoyed both political and economic autonomy. In particular, I focus on how the «political» dimension of border filtering intersected with the eviction of «socially» or «ethnically» undesirable groups — of common criminals, but also of gypsies and vagabonds, from the empire's territory. How did the imperial authorities distinguish between and manage these two tasks? To address this question, I analyze the social composition of individuals listed in the entry bans and arrest orders that were sent to border authorities during the years 1855-1856.[8] These two years represent a unique period between major waves of Polish emigration: following the November Rising of 1830-1831, which had generated a new stream of émigrés in the aftermath of the 1848-1849 revolutions, but preceding the next wave triggered by the January Uprising of 1863-1864. Second, this period coincided with the final stage of the Crimean War (1853-1856). The international instruments for the extradition of deserters, fugitives, and political rebels, which had been evolving since the Congress of Vienna (Dullin, 2019: 4),[9] temporarily remained dysfunctional, trapped in collisions between rival national legal traditions (Aliprantis, 2020: 423), and in the war hostilities. Finally, these years marked the end of the so called the so-

[5] Scholarly assessments of the total number of nineteenth-century European political refugees, based on available police, economic, and diplomatic sources, range from «tens of thousands» to several millions. They show that quantitative analysis of political exile remains an extremely complicated task due to the difficulties of distinguishing between political exiles and other groups of migrants, for example, impoverished workers (Goldstein, 2023: 167-168). For the historiography of the exile in 19th century Europe see Brice, 2020: 3.

[6] National Archives of the Republic of Karelia (NARK). F. 589. Op. 1. D. 1/1. L. 66.

[7] This emigration consisted of several waves. The émigrés of 1831 played a major role in preparations for the 1846 and 1848 revolutions in Poland and also supported, and frequently fought, in revolutions of 1848-1849 in France, German and Italian lands, Austria, Hungary, and the Danube principalities. Until 1863, at least 20 thousand Poles were in exile. The scholars claim that the social roots of most post-November émigrés were in the nobility which subsequently transformed into «intelligentsia.» (Kalembka, 2004).

[8] The current paper is based on an analysis of 370 profiles and the circulars and the correspondence that accompanied these lists. F. 589 . Op. 1. D. 1/1; 1/2. NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/1; 1/ 2.

[9] In particular, after 1848 several European countries, such as France, Russia, and many German states, adopted similar norms and introduced strict border controls and passport-granting processes to limit revolutionary mobility and to banish groups of political dissenters and potential troublemakers beyond their state borders (Aliprantis, 2020: 427).

called «Gloomy Seven Years» (1848-1855) of Nicolas the First reign, which turned out the most restrictive in terms of inward[10] as well as outward mobility. [11]

2. Who are you, rebels of Europe?

After Nicholas I's coronation in 1826, the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, the empire's first institutionalized political surveillance body, along with the gendarmerie corps subordinate to it, gradually expanded its influence over the political monitoring of foreigners (Tikhonova, 2015; Khlobustov, 2005). By the 1850s, it played a crucial role not only in identifying and tracking the «enemies» of the empire but also in preventing potential «foreign threats.» Nevertheless, in the provinces, supervision of foreigners, including their border crossings, remained largely the prerogative of local governors (Tikhonova, 2015: 39), who maintained close coordination with the Ministry of Finance, responsible for customs oversight. Counterintelligence officers stationed at border posts, in cooperation with customs authorities, police, governorate administrations, and the gendarmerie, were tasked with curbing the activities of «foreign agents» (Agamirzoev, 2003).

In the Arkhangelsk guberniya, lists of exiles were first dispatched to the Arkhangelsk civil governor, who then transmitted them to the chief of the Arkhangelsk Customs District. From there, they were further sent to particular border sectors. Usually it took them between ten days and two weeks to arrive, though in some seasons the journey could take nearly a month.

The blacklists under consideration were based on citizenship (or, in the case of Russian exiles, their former place of residence), political grounds, or evidence of vagrancy. The number of citizens from Russia's adversaries in the Crimean War, France and Great Britain, was extremely small, while no Ottoman citizens were present at all. Circulars accompanying these lists contained detailed descriptions of the exiles' appearance to prevent them from crossing the border using false or borrowed passports. Particular attention was given to certain «identification marks.» For instance, this is how the latter were described in the case of the Prussian subject Julius Preig, who was featured in the exiles list in February 1855: «…a quick gait. While walking, tilts head slightly to the right. Has a growth the size of a small nut on the forehead. Has a small scar on the upper right lip. Wears glasses. Speaks Polish and German.»[12] The chief of gendarmes also provided the customs border watch with more detailed information about the exiles, including their biographies, details of their fake passports, descriptions of their crimes, and the supposed time of arrival at the border.[13]

Exile lists made a motley social collection. They included policemen, mid- and high-ranking state officials, as well as individuals classified as their «dependents.»[14] Many exiles spoke several languages, and, ac-

[10] The circular of the Ministry of Foreign Affairs circular dated November 26, 1851, № 51, directed to the governors, barred foreign «apprentices and workers» from entering the Empire. These inward mobility limitations remained in force until 1856, when Alexander II yet again again allowed Russian foreign missions and consulates to issue passports for foreign apprentices and workers to come to Russia but restored the precautionary rules contained in the 1847 Decree of the Governing Senate according to which the Russian factory owners and artisans were responsible for their invitees, and the invitation itself had to be approved by the police authorities. NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 47.

[11] Already Chapter Seven, «On the Unauthorized Abandonment of the Fatherland,» of the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments established the status of «exiles» from the Fatherland for those who entered foreign service or simply failed to return home on time, with the latter subject to confiscation of property. Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh. Sankt-Peterburg, 1845. (An excerpt). The stay abroad permit as such was reduced from five years to two years for nobles and to one year from three for other estates.

[12] NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/1. L. 2.

[13] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 47.

[14] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 7.

cording to reports, quite well. Surprisingly, students were remarkably underrepresented in the blacklists, with only exception of a «native of Poland and a fugitive» Geronim Ostrowski, a former student of the Lomza gymnasium who «after his flight in 1848 participated in the criminal activities of the democratic party in France.»[15] Many exiles were repeatedly caught attempting to cross the Russian Empire's border illegally, and these incidents were recorded and reported to the Arkhangelsk customs.[16]

The lists included a considerable number of women. Along with adolescents, they could be subjected not only to bans but also to preventive repressions, searches, and arrests directly at the border. In many cases, the failure to return in time was equated to political suspicion or even treason, with self-explanatory formulas used, like «s/he has not returned to the homeland, thus arousing suspicions of political activity.» For instance, Pelagia Beauvair-de-Saint-Clair, née Countess Kossakowska, the wife of a British subject, drew upon herself the status of an exile only because «upon receiving from our ambassador in Berlin her passport for transit to Russia (…), instead of arriving in the Empire, went from Berlin to London without returning the passport.»[17]

> Adolescents were treated no less stringently. For example, on April 29, 1856, the overseer of the Kem border guard received an intruction to to detain, search, interrogate, and, if necessary, arrest the 13-year-old Elena Matsevich whose mother, an Austrian subject, was banned from entering the Russian Empire in 1841.[18]

It seems probable that the ascent to the throne of Alexander II, and the signing of the Treaty of Paris in March 1856 affected the quantitative and qualitative composition of the lists dispatched to the empire's northern periphery. First of all, in the course of just one year, from 1855 to 1856, the numbers had dropped sharply, in all categories. The overall number of exiles was reduced by half, while the number of exiles belonging to the Polish emigration had decreased by two-thirds. It is likely that the armistice of March 18, 1856, following the signing the Treaty of Paris, also cased the decrease in the number of «servicemen» compared to the previous year (from 13 to 3), as well as in the corresponding numbers of banned «peasants» (from 23 to 2) and «vagabonds» (from 100 to 7). At the same time, in 1856 the number of exiles under 18 doubled, while the forty-plus group was more than halved.[19]

These dynamics reflected broader changes in the Russian migration policies and relaxing of «filtering» functions of the Russian borders after the end of the war. As early as July 7, 1856, for example, Alexander II lifted most restrictions on most foreigners entering the empire, with the exception of those marked as «unreliable,» the «idlers,» and the Jesuits (Tikhonova, 2015: 44). However, a number of restrictions against the «anti- social» elements remained in place and were codified in law shortly after the Crimean War. According to the *Code of Statutes on Passports and Runaways* of 1857, passports required for entry into Russia were not issued to the «unreliable,» to Roma, or to «dealers in potions and dope.»[20] Other restrictions concerned Jews, while the priests had to sign up the paper that they did not belong to the Jesuits Order.[21]

---

[15] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 6.

[16] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 57.

[17] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 34.

[18] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 23.

[19] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1.

[20] Since 1845, vagrancy in Russia was classified as a criminal offense and was punishable by exile to Siberia « for settlement.» «O brodiazhestve : st. 1176-1180.» *Ulozhenie o nakazaniiakh ugolovnykh i ispravitel'nykh*. Sankt-Peterburg, 1845, 486–488.

[21] *Svod zakonov Rossiyskoi Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyi: izdanie 1857 goda,* (St. Peterburg: Tip. Vtorogo otdelenia Sobstv. e.i.v. kanstelyarii). https://bigenc.ru/b/o-brodiazhestve-st-1176-1180-365e4e?page=1, 1857-1876). Vol. 14:

It appears that, alongside the usual flow of political rebels and outcasts entering the empire, transit passports—whether lost, stolen, or confiscated by enemy forces—became a significant concern for the authorities, at least during the period of the Crimean War. For example, the cases of «capturing» the passports by the enemy (read: British battleships) on the Baltic Sea were frequent.[22] Any information of their loss, obtained by the Russian Ministry of Foreign Affairs, entailed immediate measures to inform the border guard and to give them the passport details. For example, on August 1, 1855, the superintendent of the border guard of the Kem distance received from the chief of the Arkhangelsk customs district a list of 8 passports issued for one year to the peasants of the village of Orslax (Vederlax parish) by the Vyborg governor for trips to St. Petersburg and «taken away by the enemy» on May 27 from coaster skipper Daniel Madison Hurt. The receiver was instructed, in the case of apprehending individuals with these passports in his border zone, to «immediately detain them and hand them over to local authorities» and to inform the sender urgently.[23] According to the circulars sent to the border guard, most of the fake passports were made out in the name of traders and merchants as representatives of the most mobile profession.[24] Several bans were imposed on individuals solely because of their occupation—for example, innkeepers of foreign origin living near the Russian frontier. They were denied entry without any further explanation, their profession alone deemed sufficient grounds for exclusion. [25]

3. Distinguishing between «Political» and «Social» Border Policing

The representatives of Polish nobility, the so-called «Great» Polish political emigration (1831-1870), predominated numerically in the «political» part of the lists. They raised the most painful concerns of the authorities and were the subject of voluminous correspondence. [26] The next large group consisted of the members of various political societies based in European cities. Finally, numerous category of exiles «repressed in absentia» (resembling the present-day Russian political emigrants or so-called «defectors») were banned from entry with the standard formula: «failure to return to the homeland, punishable by stripping [the offender] of all his rights and fortunes and considering him exiled from the Russian State forever.»[27] Some of them returned to Russia voluntarily and were taken off the lists, as it later happened to Dzhunkosvky. Some of such cancellations were ordered by the Administrator of the Foreign Trade Department.[28] After that border watch received lists of individuals who were «most graciously permitted to return to the homeland» and whose names had to be struck off the lists.[29] This exclusion often happened on a case-by-case basis.[30]

But the largest number of entry bans in 1855-1856 in the northern periphery of the Russian Empire were imposed against the «anti-social» contingent: vagabonds, gypsies, persons without a specific occupation, and impoverished peasants – all representatives of the lowest orders of society who significantly

---

Ustavy «O pasportakh;» «O preduprezhdenii perstuplenyi;»« «O tsenzure,» «O soderzhaschikhsya pod strazhey,» «O ssylnykh».

[22] The end of hostilities almost put an end to this problem, leading to a dramatic plummeting of the number of «captured» passports: from 53 in 1955 to 5 in 1856. NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. C.63.

[23] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 36.

[24] NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/1. L. 47.

[25] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 84.

[26] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 39.

[27] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 12.

[28] NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/1. L. 55.

[29] NARK. F. 589. Op. 1. D. ½. L. 81.

[30] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/2. L. 26.

outnumbered the «political» émigrés. All this was a part of an imperial policy of the «political» protection of the borders, of the imperial state and of its public order. Border watch regularly noted in their correspondence that revolutionairies and foreign agents, often fitted with someone else's or fake foreign passports, commuted en masse between Europe and the Russian Empire. Serving as intermediaries between local committees and the rebel centres in European capitals.[31] A fair share of them turned out to be clergymen.[32] They crossed the border even at its northernmost segments, despite their remoteness, and penetrated, inter alia, the Kem uezd disguised as merchants, vagabonds, and foreign workers, bringing forbidden political and revolutionary literature. At the same time, vagrants, smugglers, and Roma gladly earned money on «political» missions and political smuggling.

Apart from their conscious exploitation of the murky crossborder flows, the hardships endured by many «political» exiles often drew them perilously close to the condition of vagabonds, gypsies, and common criminals. Participation in uprisings—or even minor political activity—could relegate individuals to the category of the «unreliable,» stripping them of their profession, social standing, and permanent residence.

There was a substantial number of exiles, who had «tainted» political past but nevertheless were excluded from entry as «vagabonds,» and vice versa. For instance, a report to the district chief of April 1, 1856, tells the story of one Aleksander Grabianski, a Polish native residing in the Radom Governorate, who «upon his recruitment in 1848, successfully escaped supervision, after which he wandered for a long time and, besides, was accused of joining political wrongdoers.»[33] Grabianski's name was entered on the list of vagabonds and common criminals, although the precise grounds for his exclusion from entry remain unclear. The same goes for fraudsters. For instance, the Prussian subject Karl Ludwig Greger who served as a sales manager for the Taurage merchant Gerke, was suspected of assisting former insurgents. However, he became an exile after, «without his master's knowledge, he went to Prussia, to the town of Memel [now Klaipeda] and, using a wax mold, ordered a handstamp of the 1856 Taurage Customs from a seal engraver for false stamping of goods slated for illegal export to the Empire, and has not returned since.»[34]

The sources for bans' imposition differed in cases of a «common criminal» or a «political» ban. Among the first category, an expulsion for theft, vagrancy and such felonies as illegal border-crossing or «violation of the rules of the customs statute» resulted from court orders or decisions of local police authority upon prior notification.[35] In the cases of political exiles, for instance, apart from reports of the political police on politically unreliable behavior, the interception of private correspondence played a great role in putting one on the list. A typical pretext for blacklisting is found in the circular regarding the former resident of the Podolsk Governorate Julian Danich who «fled abroad in 1848 and sent letters to his kin that expose his criminal way of thinking and his relations with foreign malefactors.» [36]

4. Long Term Legacies of Russian Border Filtering

Entry bans evolved as an inherent part of the protective barrier that the Russian Empire actively constructed against the emerging cosmopolitan European stratum, whose members operated within an «inter-imperial space» and were perceived as dedicated to undermining the empire's foundations.

[31] NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/1. L. 13.

[32] NARK. F. 589. Op. 1. D. 2.L. 44- 45.

[33] NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/ 2. L. 10.

[34] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 63.

[35] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 81.

[36] NARK. F. 589 . Op. 1. D. 1/1. L. 53.

In addition to the meticulously elaborated «alphabetical lists» of all persons under covert surveillance by the political police, as well as those «to be detained in case of an attempt to enter Russia,» annually distributed by the Third Section to gendarmerie administrations (Khlobustov, 2005) and customs offices, printed and regularly updated lists of smugglers were already in circulation in all customs districts from 1891 onward. [37]

But at the end these, as well as all other measures against the revolutionary contamination proved ineffective. Focusing on the operative adjustments, and enhanced workings of the political police (Third Section, and later, from the 1880s, *Okhranka*), Russian elites overlooked systemic changes in its borderlands. While throughout most of the nineteenth century, the imperial authorities considered the Grand Duchy of Finland as «a totally trustworthy country,» (Dameshek, 2003: 156-175) in just a matter of several years, under Governor-General Nikolai Bobrikov (1898-1904), the duchy turned into a «revolutionary nest,» as the governor's aggressive Russification policies provoked national mobilization and rising political opposition. As a result, at the turn of the century, the decades around 1890–1910 marked a turbulent period of political unrest and growing revolutionary violence inside the Russian Empire as well as an upsurge in all kinds of «political» smuggling. Although the major part of political contraband flowed to the Russian empire from Prussia and Austria,[38] there also occurred a rapid and powerful upsurge in smuggling of political literature, arms, and the revolutionaries via Grand Duchy of Finland (Geifman, 1993; Doronin, 2012: 2-3; Lähteenmäki and Katajala, 2012: 119; Doronin, October 4, 2004; Simakov and Borodkina, 2013: 162). Despite the countermeasures taken by the authorities, in the early twentieth century this situation only got worse. Thus, a dispatch of the White Sea division of the border guard to the commander of the Special Border Guard Corps reported in 1915 on confiscations of large consignment of revolutionary literature, which obviously was a drop of water in the ocean of illegal transactions (Agamirzoev, 2003). Finally, in 1917, Vladimir Lenin, along with other revolutionaries, arrived via the Russian-Finnish border, all the gendarme institutions collapsed, and the empire was swept away.

With the restauration of the empire in its much more brutal, «Soviet,» form, decades later, entry bans became a powerful political tool of the regime, fueled by the concept of the country as a «besieged fortress,» in its struggling against the subversion and political dissent.[39] During periods of military conflict or political instability, most of the states adjust their legislation and impose entry bans not only on real or alleged political opponents but also on socially and ethnically «alien» groups.[40] In Russia the legislative changes following its war in Ukraine,[41] resulted in the rapid expansion of entry bans. Most of them were imposed on either national or political grounds and can be divided into three distinct categories: those targeting

---

[37] The List of Smugglers along the European Border was published by the Department of Customs Duties in St. Petersburg. (Lobych, 2015: 236).

[38] Godovoy otchet po Otdel'nomu korpusu pogranichnoy strazhi za 1905 g., 1906: 61.

[39] Or instance, according to the order of the Presdium of the Supreme Council of the USSR in spring 1978 Mstislav Rostropovich and his wife Galina Vishenvskaya were stripped of the Soviet citizenship while officially on tour abroad. N.I. Rotova, and Iu.V. Sigachev, « 'Ne priznaem vashego prava na akt nasiliia nad nami': k istorii lisheniia sovetskogo grazhdanstva g. P. Vishnevskoi i M.L. Rostropovicha» («We Will Not Recognize Your Right to Enact Violence Against Us»: On the History of P. Vishnevskaia and M.L. Rostropovich's Deprivation of Soviet Citizenship), *Istoricheskii arkhiv 5* (1993), 167.

[40] The Western European countries, and the US also widely referred to this practice in history. In 2022, for instance, several European countries banned Russians from travelling to their respective countries; but also their own citizens from visiting Russia.

[41] For example, the Articles 26 and 27 of the Federal Law of August 15, 1996, No. 114 of the Federal Law «On the Procedure for Exiting and Entering the Russian Federation,» - the major basis for entry bans imposition, were amply complemented after the Russian war on Ukraine.

Ukrainian nationals (usually lasting 20-50 years), foreign diplomats, politicians, and journalists accused of an «anti-Russian» stance, and, finally, the largest group—migrants, particularly citizens of specific CIS countries (especially after the terrorist attack in Moscow Crocus City in March 2024) (*Asia Plus,* July 12, 2024). An increasing number of bans have been applied by the FSB border guards simply refusing entry without explanation or formal documentation.[42]

5. Conclusion

While the Russian entry bans policy evolved into a long-term strategic tool, its distinct features prevailed. First, the inseparability of social (and ethnic) deviance from political danger, which was present already by mid nineteenth century. Although the blacklists attempted to distinguish vagrancy and criminality from «political» motives for banishment, in many cases they remained blurred. This seamless overlap of individuals across categories in the lists not only poses a significant challenge for any quantitative analysis of exiles, but—more importantly—reveals how, in the collective imagination of the imperial law-enforcement agencies, the political concerns became increasingly intertwined with ethnic and social considerations. The final fusion of the concepts of «political» danger, «ethnic» unreliability, and social deviance in Russian border security occurred in the 1920s, culminating in Soviet mass scale repressions and deportations of the 1930s (Ermolaeva, 2022: 1-32). Second, the imposition of entry bans in Russia, evolved into a non-transparent procedure with limited avenues for appeal. This was related to the historically high level of involvement and low accountability of the Russian political police in border controls. Their «political cleansing» role now extends further, yet again transforming into bans and expulsions directed at socially and ethnically vulnerable groups, as seen in the case of migrants from Central Asia.

Bibliography

Archives

Fond 589 — Nachal'nik pogranichnoy okhrany Kemskogo pogranichnogo rayona. (Nadziratel' pogranichnoy strazhi Kemskoy dal'ney. distanzii 1854-1856 gg. [Chief of the Border Guard of the Kem Border District, 1854-1856].

NARK (National Archives of the Republic of Karelia).

Published sources

Godovoy otchet po Otdel'nomu korpusu pogranichnoy strazhi za 1905 g. (St. Petersburg, 1906).

O brodiazhestve: st. 1176-1180. 2003. Ulozhenie o nakazaniiakh ugolovnykh i ispravitel'nykh. Sankt-Peterburg, 1845, 486-488. https://bigenc.ru/b/o-brodiazhestve-st-1176-1180-365e4e?page=1

Svod zakonov Rossiyskoi Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyi: izdanie 1857 goda. St. Peterburg: Tip. Vtorogo otdelenia Sobstv. e.i.v. kanstelyarii, 1857-1876). Vol. 14: Ustavy «O pasportakh;» «O preduprezhdenii perstuplenyi;» «O tsenzure;» «O soderzhaschikhsya pod strazhey;» «O ssylnykh.»

Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh, 1845. Sankt-Peterburg. Izvlechenie. https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845

[42] See entries in Telegram channel *Otkazniki Sheremetyevo,* March 8, 2025; *Moscow Times,* March 10, 2025.

ACADEMIC LITERATURE

Agamirzoev, K. (2003). *Neizvestnye stranitsy tamozhennogo dela na Severo-Zapade Rossii i v Karelii v 1918-1945 godakh*. Kostomuksha.

Aliprantis, C. (2020). *The origins of transnational political policing in Europe, 1830-1870*. University of Cambridge.

Bencsik, P. (2022). *Border regimes in twentieth-century Europe*. Routledge.

Brice, C. (Ed.). (2020). *Exile and the circulation of political practices*. Cambridge Scholars Publishing.

Dameshek, I. (2003). Upravlenie okrainami v Rossiiskoi imperii (Zakavkaz'e i Finliandiia v pervoi polovine XIX veka). *Vestnik Evrazii*, *1*, 156-175.

Doronin, M. (2004). Kontrabanda i nelegal'nyi perekhod granitsy v dorevoliutsionnoi Rossii. *Mezhdunarodnik, October 4*. https://mezhdunarodnik.ru/magazin/112.html

Doronin, M. (2012). *The historical aspects of arms smuggling and human trafficking in political terror systems: The case of the Russian Empire at the turn of the twentieth century*. GRIN Verlag.

Dullin, S. (2019). *Uplotnenie granits: K istokam sovetskoi politiki, 1920-1940-e gody*. Novoe literaturnoe obozrenie.

Ermolaeva, O. (2022). Border control and early Soviet statehood: The case of the Russian–Finnish frontier in the 1920s. *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space, 4*, 1-32.

Fahrmeir, A. (2013). Review of *Russian citizenship: From empire to Soviet Union*, by E. Lohr. *The American Historical Review*, *118*(3), 963.

Geifman, A. (1993). *Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894-1917*. Princeton University Press.

Glebov, S. (2017). Between foreigners and subjects: Imperial subjecthood, governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s. *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space, 1*, 86-130.

Goldstein, R. J. (2023). Review of *Banished: Traveling the roads of exile in nineteenth-century Europe*, edited by D. Diaz and S. Aprile. *European History Quarterly*, *53*(4), 167-168.

Kalembka, S. (2004). «Great» Polish political emigration (1831-1870). In *Encyclopedia of the 1848 revolutions*. https://sites.ohio.edu/chastain/dh/emigpol.htm

Khlobustov, O. (2005). *Gosudarstvennaia bezopasnost' ot Aleksandra I do Putina: 200 let tainoi voiny*. https://sam-lib.ru/h/hlobustow_o_m/gbdoputina.shtml

Lähteenmäki, M., and Katajala, K. (2012). Cows, guns and Bolsheviks: Smuggling in the borderland between south-east Finland and St. Petersburg. In K. Katajala (Ed.), *Imagined, negotiated, remembered: Constructing European borders and borderlands,* 119-140. LIT Verlag. https://archive.org/details/isbn_9783643902573/page/118

Lobych, T. (2015). Istoriia razvitiia i stanovleniia iavleniia kontrabandy v dorevoliutsionnoi Rossii. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala RTA*, *(4[56])*, 230-238.

Lohr, E. (2012). *Russian citizenship: From empire to Soviet Union*. Harvard University Press.

Lohr, E. (2013). Russian citizenship modernization and population policy in historical perspective. *Problems of Post-Communism*, *60*(6), 3-15.

Rosenthal, H. (2002–2021). Pale of settlement. In *Jewish encyclopedia* (1906 ed., unedited full text). https://www.jewishencyclopedia.com/articles/11862

Rotova, N. I., and Sigachev, Iu. V. (1993). «Ne priznaem vashego prava na akt nasiliia nad nami»: Istoria lisheniia sovetskogo grazhdanstva G. P. Vishnevskoi i M. L. Rostropovicha. *Istoricheskii arkhiv*, *5*, 161-186.

Simakov, G. N., and Borodkina, N. A. (2013). Voennaia i politicheskaia kontrabanda v Tsarstve Pol'skom i Litve v kontse 1850-kh – nachale 1860-kh godov. In *Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii.*Vol. 15, *The Polish Uprising of 1863*, 155-165. Modest Kolerov.

Teslenko, A. M. (2000). *Pravovoi status inostrantsev v Rossii: Vtoraia polovina XVII – nachalo XX vv.* (Doctoral dissertation abstract). https://www.dissercat.com/content/pravovoi-status-inostrantsev-v-rossii-vtoraya-polovina-xvii-nachalo-xx-vv

Tikhonova, A. (2015). *Nadzor za inostrantsami v Rossiiskoi imperii (1801-1861 gg.)* (Doctoral dissertation abstract). Bryansk.

SOCIAL MEDIA

«*U menia zhena s det'mi v Moskve.*» *Ocherednaia istoriia otkaza vo v"ezde v Rossiiu migranta iz Tadzhikistana.* (2024, July 12). *Asia-Plus.* https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20240712/u-menya-zhena-s-detmi-v-moskve-ocherednaya-istoriya-otkaza-vo-vezde-v-rossiyu-migranta-iz-tadzhikistana/

FSB nachala massovo zapreshchat' ukraintsam v"ezd v Rossiiu na desiatki let. (2025, March 10). *The Moscow Times.* https://storage.googleapis.com/rdrct/mt#/2025/03/10/ukraintsam-massovo-ustanavlivayut-50-letnii-zapret-na-vezd-v-rossiyu-a157536

Otkazniki Sheremetyevo. (2023-2025). *Telegram channel.* https://t.me/otkazniki_svo

APPENDIX

A quantitative analysis of the «Lists of announced exiles (barred from entering the Russian Empire)» from December 30, 1854 to December 22, 1855:[43]

Number of persons declared exiles.

Total: 267
Sex: 243 males, 24 females
Age:
Under 18…….11
18-40……..48
Over 40……..49
Age not specified……..159
Citizenship:
Polish……..80
Austrian……..30
Prussian……..37
English…….6
Swedish……1
French……..2
Danish……..1
Not specified……110

Social status/occupation:
Nobles…….3

[43] NARK. F. 589. Op. 1. D. 1/1. L. 1-107.

Civil servants……..4
Military …...……..13
Intelligentsia (physicians, professors)……2
Artisans……...…3
Gymnasium students ……..1
Clergymen……...1
Merchants……1
Innkeepers……...2
Peasants…….23
Vagabonds……...100
Not specified……109

Causes for exile (ban on entry):
Political (service in rebel troops, participation in insurgencies: Polish, Hungarian, Italian, etc., and in secret rebel societies)…….83
Including:
Service in the ranks of Italian insurgents……..7
Service with French insurgents (with subsequent participation in the Polish democratic society in France)……..4
Service in the Hungarian insurgent troops……..…18
Polish rebellious émigrés ……...……21
No specified location or society affiliation («participation in insurgencies»)…..33

Failure to return to Russia……...3
Expired passports……...…6
Fake passports……6
Vagrancy and theft……..……...95
No cause for exile given……...74
Excluded from the exiles list:
Number of persons……46
Causes:
Death of the exile……..40
Not specified……..6
Passports and visas captured by enemy:
Total number……53
Including passports of:
Ship captains……..2
Peasants…….15
Workers……..5
Not specified…….31

Declared wanted:

Total number……11
Sex:
Male……..…….10
Female……1
Causes:
Political activity…….5
Fake passport…….1
Failure to return passport……...1
Illegal migration……1
Not specified…….3

Citizenship:
Polish…….5
English……...2
Not specified……..4

Quantitative analysis of the lists of persons declared exiles from January 1, 1856 to January 1, 1857.[44]

Number of persons declared exiles (barred from entry):

Total……..103
Sex: 82 men and 21 women
Age:
Under 18…….23
18-40……...43
Over 40……...17
Not specified……..20
Citizenship:
Polish……..28
Austrian……..20
Prussian……..24
English…….4
French……..2
Danish……..1
Turkish…….1
Not specified……...23

Social status:
Nobles……..1
Civil servants……...1
Military……3

[44] NARK. F. 589. Op. 1/2. L. 1-88.

Intelligentsia (physicians, educators)……..4
Artisans……3
Students……1
Clergymen……2
Merchants……..1
Peasants……2
Vagabonds……7
Not specified……76

Causes for exile (ban on entry):
Political activity (service in rebel troops, participation in insurgencies: Polish, Hungarian, Italian, etc., and in secret rebel societies)……..61
Including:
Service in the ranks of Italian insurgents…….1
Service with French insurgents (with subsequent participation in the Polish democratic society in France)……24
Service in the Hungarian insurgent troops…….…..2
Participation in Polish uprisings ……16
Political activity not specified……..…..18

Failure to return to Russia……3
Absence of passport…….5
Contraband trafficking…….2
Vagrancy and theft…….12
Cause for exile not specified……..20

Excluded from the exiles list:
Number of persons…….61
Causes:
Permission to return……..51
Death of the exiled…….6
Not specified……..4

Passports and visas captured by enemy:
Total……..5
Including passports of:
Ship captains…….2
Not specified…….3

Declared wanted:
Total……..2
Causes:

Political activity……1
Fraud……1

СЛОМ ОГРАНИЧЕНИЙ: НОВЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ВКУС РОССИИ

Olga Evtushenko
Moscow State Linguistic University

1. Введение. Определение основных понятий

Мониторинг изменений в современном русском языке относится к числу наиболее заметных направлений русистики и по количеству публикаций, и по значимости научных имен. Теоретическую базу нашего исследования составляют работы, нацеленные на выявление тенденций саморазвития системы русского языка, проявляющихся в частных изменениях (Кронгауз, 2017; Кустова, 2022; Левонтина, 2021; Стернин, 2021), на осмысление новых дискурсивных практик (Иссерс, 2021; Мишанкина, 2023) и норм коммуникативного поведения (Шаронов, 2018; Иссерс, 2024), в том числе складывающихся под влиянием цифровизации (Желтухина, 2020; Радбиль, 2024). Работая над научно-исследовательскими проектами «Актуальные проблемы изучения текста и дискурса на русском языке» (НИОКТР АААА-А19-119072590045-3, МГЛУ, 2020-2023 гг.) и «Дискурсивные практики современной России» (НИОКТР 124061800025-3, МГЛУ, 2024-2025 гг.), мы собрали богатый материал, заставивший нас углубиться в еще одно формирующееся направление русистики – в исследования поколенческого, прежде всего молодежного, дискурса (Бекжанова, 2017; Карасик & Слышкин, 2021; Садовская, 2023). Однако изученные нами работы по данной тематике не дали ответа на вопрос, почему человек, принадлежащий к поколению «бумеров», испытывает в общении с «миллениалами» и «зумерами»[1] если не коммуникативный шок, то постоянное «коммуникативное удивление». Попытки разобраться в этом показали, что за последние годы сложились межпоколенческие различия в системе коммуникативных норм, ценностных ориентиров, прагматических значений целых групп слов и выражений. Пока исследователи описали лишь отдельные отклонения в речи российской молодежи как от традиции, так и от нормативных предписаний, связав их с изменениями языкового вкуса (Иссерс, 2018). Необходим всесторонний комплексный анализ сдвигов и трансформаций, затрагивающих совокупность, или, по выражению М. Фуко, плеяду (1996) дискурсивных практик. Для решения этой задачи нам понадобится разграничить два базовых для данной работы понятия: «дискурсивная формация» и «языковой вкус эпохи».

М. Фуко определяет дискурсивную формацию как «систему дискурсивности, устанавливаемые ею возможность или невозможность высказывания» (1996: 130). Основанием для выделения дискурсивной формации он считает выявление закономерностей между «субъектами, типами высказываний, концептами, тематическим выбором» (1996: 39), которые систематически проявляются в одновременно сосуществующих и так или иначе связанных между собой дискурсивных практиках. Эти закономерности представляют собой обычно неосознаваемые «правила формации», которые диктуют субъекту возможность или невозможность связывать группы высказываний – что, в свою очередь, определяет архитектонику текстов, – трактовать имена, систематизировать данные, актуализировать и деактуализировать те или иные концепты. Введенный М. Фуко «принцип обуслов-

[1] Сложившееся в русскоязычной практике обозначение поколений подробно рассмотрено в статье Л. Ждановой и Ш. Ван (2023). Деление соответствует индексации поколений с помощью букв X, Y, Z, предложенной N. Howe и W. Strauss (1991).

ленности» «допускает или исключает внутри данного дискурса определенное число высказываний <…> которые существовали бы в потенции <…> но исключались дискурсивными плеядами более высокого уровня и более широкого распространения» (1996: 68).

Для нашего исследования важно найти «точки несовместимости – несовместимости двух объектов, двух типов высказываний, двух концептов» (Фуко, 1996: 66), которые не могут войти в один ряд в процессе речепорождения. Обнаружение говорящим, принадлежащим к старшему поколению, таких точек в процессе коммуникативного взаимодействия с представителем младшего поколения и вызывает у него «коммуникативное удивление». Будем считать, что выявление точек несовместимости в отношении всех указанных М. Фуко аспектов – объекты, субъекты, прагматические стратегии, концепты – при условии, что такую несовместимость можно объяснить общим для дискурсивной плеяды правилом формации, свидетельствует о смене прежде существовавшей дискурсивной формации новой.

Закономерно возникает вопрос: что провоцирует переход от одной дискурсивной формации к другой. В. Тюпа считает, что дискурсивная формация должна отвечать «исторически актуальному состоянию общественного сознания, его культурообразующей ментальности» (2010: 97). Такой взгляд позволяет говорить о совокупном влиянии изменений в сфере технологий и в социальной сфере, с одной стороны, и изменений в общественном сознании, в том числе и под влиянием распространения новой базовой метастратегии общения – с другой. При этом важно понимать, что, независимо от степени строгости правил формации, дискурсивные события характеризуются рассеянностью и потому дискурсивная практика может включать в себя «коммуникативные фрагменты», характерные для более ранних формаций (Тюпа, 2010: 98).

Широко используемое российскими лингвистами при описании актуальных изменений в речи носителей русского языка понятие «языковой вкус» было введено В. Костомаровым в середине 1990-х гг. Под «языковым вкусом» ученый предложил понимать систему «идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке» (1999: 29). И далее В. Костомаров добавлял: «…вкус – это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» (1999: 32). Хотя понятие «языковой вкус» давно получило терминологическую фиксацию (Иванов & Сковородников, 2003: 812-813), оно, как считает В. Карасик, остается недоопределенным (2024б: 38). Мы хотим привлечь внимание к неясности его разграничения с понятием «дискурсивная формация». Оба термина характеризуют неосознаваемую систему, которая определяет нормы речепорождения в конкретную историческую эпоху. Вместе с тем из словарного определения *вкуса* – «способность», «умение», «интерес» (Кузнецов, 2004) – и характеристик, приписываемых языковому вкусу разными учеными, следует, что это понятие социально-психологическое, тогда как «дискурсивная формация» – понятие социально-историческое. Языковой вкус связан с системой оценки не только нормативной (идеал – норма – девиантность), но и эстетической. Под «языковым вкусом» понимают «моментальный и часто помимовольный выбор» (Карасик, 2024б: 39) языковых средств и способов общения, но не исторически обусловленный выбор объектов (тем) или приоритизацию и трансформацию концептов. Можно прийти к выводу, что языковой вкус – это фактор становления правил формации, а в дальнейшем и узуса. В переходный период от одной дискурсивной формации к другой языковой вкус может разделять индивидов, принадлежащих к одному поколению, заставляя одних хранить верность традициям, а других – эти традиции ломать.

Наша гипотеза состоит в том, что обобщение новаций в институциональной и неинституциональной коммуникации на русском языке, т. е. в плеяде дискурсивных практик, даст доказательства становления новой дискурсивной формации.

2. Методы и материал исследования

Для решения поставленных задач был использован корпус маркированных по поколенческому признаку «дискурсивных событий», собранный автором в процессе выполнения указанных выше НИР. Источником материала послужили наблюдения за речью студентов в учебной аудитории (учебно-педагогический дискурс), за общением врачей с пациентами (медицинский дискурс), работников сферы услуг с клиентами (дискурс сферы услуг), а также различные медиаресурсы (медийный дискурс) и рекламные ролики (рекламный дискурс). В корпус включались прежде всего те «дискурсивные события», неединичность которых подтверждалась публикациями других ученых и/или данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). К собранному материалу был применен метод семантической кластеризации. С его помощью были выявлены следующие домены, в которых наблюдаются межпоколенческие различия коммуникативных норм: возраст, время, игра, комическое, социальные отношения, ценности, цифровая среда, эмоции, этика, этикет, я. На следующем этапе к материалу был применен метод систематизации на основе лингвопрагматических характеристик. Полученные результаты изложены в работе. Видение зумерами причин изменения коммуникативных норм выяснялось путем анкетирования студентов МГЛУ, устного обсуждения в учебных группах и учитывалось при обобщении результатов, которые, в свою очередь, сопоставлялись с результатами социолингвистических экспериментов, представленными в научных публикациях последних лет.

3. Анализ

3.1. Прагматические стратегии

По мнению М. Фуко, «дискурсивная формация окажется индивидуализированной, если нам удастся определить систему формации различных стратегий, которые там разворачиваются» (1996: 70). Важно понять, какое общее «правило» предопределяет особенности «рассеянных», как их характеризует французский философ, дискурсивных событий, почему порожденные этим правилом высказывания не могут быть встроены в дискурс, принадлежащий к предыдущей формации, каков набор этих правил и как они взаимодействуют, какую совокупность дискурсивных практик охватывают и какая часть социума им следует.

Анализ материала показал, что одним из правил новой дискурсивной формации, преобразующих или порождающих целый ряд частных прагматических стратегий, является горизонтальное общение. Своим становлением это правило обязано интернет-коммуникации. Ее анонимность и шаблонность зачастую не позволяют определить возраст и социальное положение адресата, и потому адресант выбирает немаркированное в социально-иерархическом отношении общение. Если правила прежней дискурсивной формации предписывали выбирать в деловой переписке обращение, маркированное по признаку большей или меньшей социальной дистанции (*Уважаемый Сергей Петрович!* при формальном общении, *Дорогие коллеги!* при менее формальном), то по новым, часто неосознаваемым правилам молодежь выбирает уравнивающее обезличенное обращение: *Здравствуйте!* Так может обратиться аспирант в письме к научному руководителю, имя которого он хорошо знает. Этот прием, сложившийся в соцсетях, переносится и в другие сферы опосредованной ком-

муникации (Северская & Селезнева, 2020). Встает вопрос, почему пишущие не ощущают при этом снижения уровни вежливости. В рамках прежней дискурсивной формации вежливость обращению придавал маркер почтительности (*Уважаемый*) или высокой ценности (*Дорогой*). При общении с лишенным индивидуальных черт анонимом его высокая оценка противоречит правилу искренности, а потому исключается. Маркирование вежливости ограничивается модальным словом *Здравствуйте* и формой 2 лица множественного числа (*Вы*-общением).

Другим следствием реализации правила горизонтального общения является экспансия нового дискурсивного маркера *смотрите*, подробно рассмотренная Т. Скребцовой (2020), в, казалось бы, закрытые для него сферы. Стандартно он употребляется в профессиональном дискурсе сферы услуг и в медиадискурсе, где маркирует начало объяснения в ситуации институционального неравноправия, а именно «представитель сферы услуг – клиенту» или «эксперт – интервьюеру». Поскольку цифровая среда развивает привычку к горизонтальным отношениям в коммуникации, молодежь становится нечувствительной к прагматическому значению «институциональное неравноправие», имеющемуся, в частности, у дискурсивного слова *смотрите*. Его активно используют студенты при начале ответа на вопрос преподавателя. В результате одна коммуникативная ситуация (проверка знаний) конструируется по схеме другой (изложение компетентного мнения), а иерархические отношения «преподаватель – студент» трансформируются в равноправные.

Правила формации, в соответствии с их пониманием М. Фуко, должны иметь глубину, т. е. пронизывать всю систему дискурсивных связей – объекты (темы), субъекты, концепты, стратегии. Правило горизонтального общения концептуально соответствует такой ценности современной российской молодежи, как СВОБОДА (отсутствие ОГРАНИЧЕНИЙ). Высокий ранг этой ценности подтвержден экспериментально (Бутакова, 2022). Немаловажным основанием для узуализации этого правила, как и следующего, о котором пойдет речь далее, служит такая ценность, как КОМФОРТ – свой и чужой.

В представление о комфортном общении входит, в частности, забота о сохранении лица собеседника. С этой целью субъект речи может сглаживать преимущества молодости перед старостью, проявлять толерантность по отношению к старикам. Так, нам пришлось наблюдать, как молодой врач в разговоре с пациентами – пожилой супружеской парой – использовала обращение *ребят(а)*, характерное для неформального общения ровесников. С точки зрения поколения бумеров, в такой ситуации следовало посмотреть имена пациентов в их медкарте и обратиться по имени и отчеству, т. е. следовать правилам персонализированного общения; с точки зрения миллениалов, следовало бы избегать обращения или употреблять упоминавшееся ранее *смотрите*, т. е. применять обезличенное общение. В нашем же случае была продемонстрирована свобода от ограничений, позволившая выбрать наиболее комфортный горизонтальный вариант.

При указании на представителей поколения бумеров в институциональных дискурсах (в сфере услуг, социального обеспечения) получили распространение эвфемизмы *взрослая женщина* (в значении 45+)[2], *женщина продвинутого возраста* (60+), *старшие* (старики)[3]. Эти номинации не кодифицированы, поэтому их избегают центральные СМИ, но они встречаются в региональных и сетевых СМИ (Ананьева, 2025; Смирнов, 2025) и в экспертно-аналитических изданиях (Дроздова, 2022). Ис-

[2] Популярная песня в исполнении М. Шифутинского на стихи Л. Рубальской по третьей строке называется «Вы мне нравитесь, взрослая женщина», при этом четвертая строка уточняет понятие «взрослая женщина»: «Со следами от прожитых лет».

[3] Название «Наши старшие» носит благотворительный фонд (https://нашистаршие.рф).

пользование стратегии эвфемизации в отношении возраста, здоровья, национальности – результат воплощения правила комфортного, или позитивного, общения.

Внимание исследователей привлекает также диминутивизация, которую включают в ряд наиболее заметных динамических процессов современной русской речи. Выходящее за пределы правил прежней дискурсивной формации использование диминутивов объясняют «демонстрацией эмоциональной вовлеченности» (Редькина, 2016: 123). Однако функций у стратегии диминутивизации значительно больше, несмотря на то что она подчиняется единому правилу комфортного общения. Важно подчеркнуть, что слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами в русском языке могут нести как положительные, так и отрицательные коннотации. Благодаря такой амбивалентности они могут служить сохранению лица как адресата, так и адресанта. Диминутивы могут использоваться для создания дружественной коммуникативной среды (поддержка другим – важный ценностный ориентир молодежи), сглаживать демонстративность самопрезентации, маскировать смущение, снимать остроту негативной оценки – например, *Эксцентричненько* в комментарии на сайте Стихи.ру (Сут, 2016), *Эпатажненько* в отзыве на фильм (Innesa1092, 2016), – служить языковой игре или выражению иронии: *Работочка не страшно, а вот ШКОЛОЧКА это уже серьезно* (Егорова, 2021).

Постоянно наращивая активность в новых медиа, включая вполне официальные ресурсы (городские, университетские, хозяйственных служб), диминутивы проникли и в официальные СМИ. Так, в подкорпусе центральных СМИ в НКРЯ на 10 528 употреблений слова *ступень* в значении «3. Этап, стадия в развитии, осуществлении чего-л.» (Кузнецов, 2004) приходится 3 445, т. е. треть, употреблений диминутива *ступенька*, например: *Разработанный ведомством законопроект полностью переформатирует процесс обучения в аспирантуре. Теперь это не послевузовская ступенька, а полноценное обучение молодого ученого* (Заверняева, 2020). Поскольку уменьшительно-ласкательные суффиксы снижают стилистическое значение слова до разговорного, использование его в соседстве с терминологической и прочей книжной лексикой в рамках до сих пор существовавшей дискурсивной формации считалось нарушением литературной нормы, однако 5 из 25 студентов-лингвистов, обучающихся в МГЛУ, которые прошли тест, составленный и валидизированный автором, отступлений от нормы в этом предложении не увидели.

Отношение к диминутивам отличает поколение миллениалов от зумеров. Миллениалы указывают на гендерную маркированность диминутивов (мужчины в большинстве своем их избегают) и неприятие образований от отвлеченных имен существительных и заимствованных слов. Среди зумеров диминутивы употребляют как девушки, так и юноши, при этом образования от отвлеченных имен существительных, например гиф *Пора на работочку,* воспринимают скорее положительно. С расчетом на их языковой вкус открываются магазины товаров для здоровья с названием «Здоровушка» (поколение бумеров считает такие новообразования безвкусицей). В рекламном дискурсе снимаются прежние ограничения на образование диминутивов от аббревиатур – *Защита детишек от ОРВИшек* (Rutube, 2023); *IIIшка для локальной работы с документами* (Докучаев, 2024), а также от новых заимствований – *медиапроект «Подкастик»* (Алексашина, 2021). Еще больше свободы наблюдается в соцсетях: там диминутивы создают от семантических калек и их производных – *атмосферненько* (Ефимова, 2022), от наречий всех разрядов, например *пешочечком* (Савельзон, 2020), а не только от качественных, как было прежде, и даже от словосочетаний – *С днюшечкой!,* т. е. *С днем рождения!* (yandex.ru/images).

Результатом осуществления правила комфортного общения является также ослабление перформативности высказываний. Миллениалы и зумеры стараются не брать на себя ответственность за утверждения, обещания или просьбы. Этим объясняется употребление разнообразных хеджей, в том числе в контекстах, где в прежние времена они показались бы неуместными. В частности, исследователи обращают внимание на ставшее модным устойчивое сочетание *как-то так*. Оно является маркером коммуникативной границы «в особом «неконфликтном» варианте» (Милованова, 2023: 46), например, на вопрос журналиста о тематических предпочтениях интервьюируемый отвечает: … *всегда находишь что-то новое в себе. И то, что трогает более, пытаешься перенести на экран, в сценарий, как-то так* (Ланская, 2020). Пользователи интернета в своих металингвистических комментариях говорят об «улыбающемся», дипломатичном характере этого выражения (Бобылев, 2017), об употреблении его как знака того, что субъект не претендует на абсолютную истину. В полуофициальном медиадискурсе *как-то так* может иметь и другое значение – убежденности в высказанном мнении и одновременно извинения, что оно не отвечает позитивным ожиданиям слушающих, например: *«Ну,* как-то так*», — заключила представитель российского внешнеполитического ведомства* (Казаков, 2019). Подытожим: независимо от интенции это устойчивое сочетание так удачно воплощает правило новой формации, что не вызывает удивления его превращение в прецедентный феномен, причем двойной благодаря фильму и песне.

Еще одно правило формации можно сформулировать как игнорирование ограничений, накладываемых обществом на «карнавально-игровое поведение» (Карасик & Слышкин, 2021: 19). В. Карасик и Г. Слышкин назвали это «людоманией» и отнесли к доминантам современной коммуникативной культуры. В этой связи нельзя не отметить «стремительный рост употребительности» (Глазкова, 2017: 17) слов *прикол*, *прикольный, прикольно, приколист* и наречного выражения *по приколу*, которые заменили широко распространенные в XIX в. и постепенно ушедшие из употребления в советское время слова *забава, забавник* и выражение *ради забавы*. Изначально слово *прикол* имело арготический характер, но постепенно проникло в сферы бытования литературного языка, и сейчас оно и его производные входят в мемы, подкасты, названия книжных серий: на Rutube есть канал «По приколу», разошлись на цитаты слова популярной песни «Жить по приколу», ей в ответ появился клип «Не по приколу», на маркетплейсе OZON есть рубрика «Подарки с приколами», в каталоге Российской государственной библиотеки можно найти книги из серий «Школьные прикольные истории», «Прикольный научпоп», «Самый прикольный детектив». *Жить по приколу,* т. е. порывом, без долгих раздумий, легко, стало квинтэссенцией философии современной российской молодежи. «Надо всегда жить по приколу! – говорит в интервью популярный актер М. Хлебников. – Если все время переходить на рациональное мышление, пропадает самая важная вещь – просто сделать» (Комаровская, 2023). Поскольку в единицах словообразовательного гнезда с вершиной *прикол* развилась аксиологическая амбивалентность, они начали маскировать под безобидную шутку противоправные или аморальные действия, например *разрисовать подземный переход по приколу* (Добрый, 2025*), голосовать по приколу* (Родионов, 2008). В этом тоже проявляется ценностный ориентир СВОБОДА от ограничений.

3.2. Объекты, субъекты, концепты

М. Фуко характеризует дискурсы как практику, «которая систематически формирует объекты» (1996: 50). «Объекты» ученый понимает широко – как новые реалии, которые оказываются в центре обсуждения. Их языковым воплощением служат тематические группы и лексико-семантиче-

ские поля, складывающиеся вокруг «ключевых слов эпохи», а также «модные слова». Для решения поставленных в нашей работе задач важно найти объекты, появление которых спровоцировало переход к новой формации, а также объекты, переосмысленные и заново поименованные в результате включения в новые «пучки связей» (Фуко, 1996: 47), порожденные новыми дискурсивными практиками.

Мы уже не раз отмечали, что правила новой формации продиктованы особенностями цифровой коммуникации, поэтому логично обратить внимание на слово *цифра* и его лексико-семантическое поле. Это универбат, произведенный от словосочетаний *цифровой формат, цифровые технологии* в конце 1990-х гг. (Буцева, 2014: 1263-1264). *Цифра* обладает всеми признаками «модного слова»: оно достаточно частотно в последнее десятилетие в медийном и рекламном дискурсах, имеет характерную «прагматическую ауру» (Вепрева, 2020: 278), связанную с амбивалентной оценочностью: «перспективный», «удобный», «быстрый», с одной стороны, и «оглупляющий» – с другой. Его связь с границей между прошлым и настоящим закреплена в рекламном слогане *Переходи на цифру!* В его обширное семантическое поле входят слова, без которых современный носитель языка не может обойтись ни дня: *компьютер, мобильный телефон, умные часы, чат-бот*. Опосредованно оно связано со «словами года» *нейросеть* (2023), *искусственный интеллект* (шорт-лист, 2024), *промпт* и *брейнрот* (шорт-лист, 2025). Цифровые технологии изменили сочетаемость и смысловое наполнение немалого количества привычных слов: *сеть (социальная сеть), экосистема (банковская экосистема), магазин (интернет-магазин), мышь (беспроводная мышь), платформа (онлайн-платформа).*

Интересно в этой связи рассмотреть «модные слова»: они, как правило, являются новым именем, вытеснившим прежнее название в силу семантических сдвигов или необходимости передать новые коннотации. Так, слово *хайп*, пришедшее на смену своему близкому синониму *шумиха*, отличается от него ассоциацией с цифровыми медиа и прагматической коннотацией «демонстративность», что проявляется в подборе контекстуальных синонимов: *за хайпом, за популярностью; ради хайпа, ради промо* (НКРЯ, 2025). Ниже мы покажем, что демонстративность является важной характеристикой субъекта новой дискурсивной формации, здесь же хотим обратить внимание на системность этого признака. Примечательно, что другое модное слово – *прокрастинация* и его производное *прокрастинатор* тоже отличаются от потесненных ими лексем *лень* и *лентяй* коннотацией «демонстративность». Об этом свидетельствуют надписи на худи и футболках *Почетный прокрастинатор России, Прокрастинаторы, объединяйтесь* и просто *Прокрастинатор*. Для зумеров лень стала темой, пригодной, чтобы письменно заявить о своей свободе от ограничений предшествующей эпохи. Как видим, правило формации, действующее на уровне прагматических стратегий, актуально и для объектов.

Если говорить о субъекте новой дискурсивной формации, то, по мнению В. Карасика и Г. Слышкина, его отличает демонстративность, т. е. «подчеркнутое продвижение себя» (2021: 17). Рассмотренное выше неуместное использование дискурсивного слова *смотрите* в ответах студентов на занятиях – одно из проявлений демонстративности. Зумеры наблюдают, как уверенно ведут себя перед камерой блогеры независимо от степени своей экспертности и перенимают этот стиль как путь к успеху.

Цифровые технологии породили еще один тип субъекта – искусственный интеллект. Мы не будем здесь ставить вопрос, является ли ИИ самостоятельным субъектом коммуникации, а лишь приведем выводы В. Карасика о том, что голосовой помощник Алиса запрограммирован на «демон-

страцию вежливого доброго отношения к партнеру по общению» (2024а: 34), т. е. создан с учетом правила комфортного общения.

Отметим, что новые дискурсивные правила формируют не только нового субъекта, но и нового адресата. Его характерной чертой тоже становится своего рода демонстративность, или лучше назвать «реактивность», поскольку он не может отмолчаться в силу возложенных на него социальных ожиданий по поводу выражения одобрения и поддержки в адрес субъекта. В письменной интернет-коммуникации это правило реализуется с помощью лайков или позитивных комментариев, в учебной аудитории – с помощью аплодисментов после лекции, в сфере услуг – в виде рейтинговых звездочек, на постановку которых недостаточно реактивный клиент получает специальный запрос по электронной почте.

Если говорить о концептуальной составляющей новой формации, то ее граница с прежней формацией проходит, в частности, по оси «личные ценности» – «высшие ценности». Ответы зумеров при опросе, какой им видится идеальная личность сверстника, оказались интересными еще и потому, что заставили исследователей, воспитанных в системе ценностей уходящей дискурсивной формации, раскрыть свои обманутые ожидания: «в списке достоинств нет качеств личности, для которой приоритетом является служение высокой идее» (Карасик & Китанина, 2024: 11). Вместе с тем ответы полностью удовлетворяют правилам новой формации: идеал должен быть доброжелательным, открытым, выражать симпатию «в виде знаков одобрения» (там же), т. е. обеспечивать комфортное общение. Исследователи также отмечают, что «в современной картине мира российской молодежи получение удовольствий рассматривается как одна из ключевых ценностей жизни. Соответственно, любые ограничения в этом плане воспринимаются весьма болезненно» (там же). Иными словами, правило свободы от ограничений получает экспериментально подтвержденное концептуальное основание.

Доказана и значимость такой ценности, как комфорт (Бутакова, 2022), которая оказалась в одном ряду со стабильностью и свободой. Результаты опросов показали, что стимулом для перехода к новой дискурсивной формации стало не только появление цифровых технологий, изменивших условия и правила коммуникации, но и рост уровня жизни, обретение возможности обустроить личное пространство, формирование нового стиля жизни.

4. Выводы

Наше исследование позволило выявить систему правил, пронизывающих все составляющие дискурсивной формации, но, что еще важнее, – осмыслить саму эту систему. Правила могут быть порождены внедискурсивными факторами – мы будем называть их первичными. Так, правило горизонтального общения сформировано цифровыми технологиями, а правило комфортного общения – новым стилем жизни. Другие же правила являются следствием действия первичных правил, т. е. рождены внутри дискурса, – мы будем называть их вторичными. Таковой является некатегоричность – порождение правила комфортного общения, или реактивность адресата, без которой не смогла бы полноценно реализоваться демонстративность субъекта. Правила могут быть сквозными, охватывающими объекты, субъекты, концепты и стратегии формации, но могут быть и производными от сквозных, а потому реализующимися на одном-двух уровнях, т. е. локальными. Так, например, правило свободы от ограничений является сквозным, а выход за пределы нормы – производным от него. Правила могут менять только речевое поведение или прагматические коннотации, т. е. не выходить за рамки дискурса (будем называть их «слаботрансформирующими»), а могут затрагивать

систему языка и картину мира (назовем их «сильнотрансформирующими»). К первым отнесем демонстративность, ко вторым – правило комфортного общения, распространение которого сняло ограничения на образование диминутивов.

Некоторые правила, как в любой другой системе, могут вступать в противоречие. Так, горизонтальное общение предполагает равенство и комфорт, которые коммуниканты должны обеспечивать друг другу, и это ожидание вступает в противоречие с демонстративностью, т. е. продвижением своей экспертности. Правило свободы от ограничений само по себе внутренне противоречиво, поскольку, с одной стороны, обеспечивает комфорт, а с другой – рождает выход за пределы нормы, карнавальное перевертывание и прочие факторы разрушения стабильности. Таким образом, правила формации несут в себе не только устойчивость и рекуррентность, но и противоречия, которые неизбежно готовят переход к следующей формации.

Литература

Алексашина, О. (2021). *Подкастик*. https://podcastic.ru

Ананьева, М. (2025.05.25). А почему нет?! В Новороссийске вырос спрос на тату у женщин за 50. *Новороссийский рабочий*. https://novorab.ru/2025/05/25/tatu-vse-vozrasty-pokorny/

Бекжанова, Ж. (2017). *Молодежный дискурс: сущность, функции, форматы*. Флинта: Наука.

Бобылев, Б. (2017.10.22). Комментарий. *Stack Exchange*. https://rus.stackexchange.com/questions/434958/

Бутакова, Л. (2022). Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 13*(4), 937-955. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-937-955

Буцева Т. (ред.) (2014). *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века, том 3*. Дмитрий Буланин.

Вепрева, И. (2020). Лингвосоциопсихологические аспекты модного слова. В Т. Гридина (ред.), *Лингвистика креатива-5* (сс. 276-297). Уральский государственный педагогический университет.

Глазкова, С. (2017) Лексический портрет слова «прикол». *Омский научный вестник. Общество. История. Современность, 4*, 14-18. https://journals.omgtu.ru/index.php/onv_ois/issue/view/40/14

Добрый, Ф. (2025.02.05) В Саранске ищут вандала, который «по приколу» разрисовал подземный переход. *Известия Мордовии*. https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/

Докучаев, К. (2024). Обзор Elephas, ИИшка для локальной работы с документами. *Ten Chat*. https://tenchat.ru/media/2946748-obzor-elephas-iishka-dlya-lokalnoy-raboty-s-dokumentami

Дроздова, Т. (2022.06.03). Эйджизм в коммуникации: медиа, тексты, повседневное общение. *Социодигер, том 3, 5-6(18)*. https://sociodigger.ru/articles/articles-page/ehidzhizm-v-kommunikacii-media-teksty-povsednevnoe-obshchenie

Егорова, В. (2021.01.11). Комментарий. *ВКонтакте*. https://vk.com/wall-53594871_436886?ysclid=mjk9ci99sg379027107

Ефимова, Б. (2022.10.20). «Атмосферненько». *Мой мир*. https://my.mail.ru/community/blog_efimovab/2520C575BE7C0369.html

Жданова, Л. & Ван, Ш. (2023). Термины «теории поколений» в современном российском медиадискурсе и в молодежной речи. *Мир русского слова, 3*, 30-41. https://doi.org/10.21638/spbu30.2023.304

Желтухина М. (ред.) (2020). *Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик*. ПринТерра-Дизайн.

Заверняева, С. (2020.02.04). Аспирантов хотят заставить защищаться. *Парламентская газета.* https://www.pnp.ru/social/aspirantov-khotyat-zastavit-zashhishhatsya.html?ysclid=mjml6e0co0227436740

Иванов Л. & Сковородников А. (ред.) (2003). *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник.* Флинта: Наука.

Иссерс, О. (2018). Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента). *Коммуникативные исследования, 4*(18), 95-111. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.4.95-111

Иссерс, О. (2021). *Дискурсивные практики нашего времени.* Ленанд.

Иссерс, О. (2024). Представления о границах личного пространства и такте в русской коммуникативной культуре (по данным социолингвистического эксперимента). *Слово.ру: балтийский акцент*, *15*(3), 150-171. https://journals.kantiana.ru/slovo/current/79417/?ysclid=mjq6c9njwt56747065

Казаков, А. (2019.01.29). Захарова отреагировала на запись Болтона о войсках США в Колумбии. *Известия.* https://iz.ru/839358/2019-01-29/zakharova-otreagirovala-na-zapis-boltona-ob-voiskakh-ssha-v-kolumbii

Карасик, В. (2024а). Диалог с искусственным интеллектом: функциональные характеристики и нормы поведения. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 3*, 34-45. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-3-34-45

Карасик, В. *(2024б).* Языковой вкус как категория коммуникации. В Л. Гончарова, Т. Нестерова, Э. Китанина (ред.), *Гуманитарные технологии в современном мире* (сс. 38-43). Ра Полиграфычъ.

Карасик, В. & Китанина, Э. (2024). Оценочные приоритеты в языковом сознании современных российских студентов. *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика, 13*(6), 7-13. https://naukaru.ru/ru/nauka/article/92552/view

Карасик, В. & Слышкин, Г. (2021). Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1, 14-31. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.

Комаровская, Е. *(19.06.2023).* Актер Макар Хлебников: о работе с отцом, чистке рыбы и жизни «по приколу». Кино *Mail.* https://kino.mail.ru/news/57750-makar-hlebnikov-ya-priuchil-sebya-chto-muzhchina-ne-mozhet-plakat/

Костомаров, В. (1999). *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа.* Златоуст.

Кронгауз, М. (2017). *Русский язык на грани нервного срыва.* Corpus.

Кузнецов С. (ред.) (2004). Вкус. Ступень. *Большой толковый словарь русского языка.* Норинт.

Кустова, Г. (2022) Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки, 2*(109), 27-36. https://doi.org/10.22204/2587-8956-2022-109-02-27-36

Ланская, Т. (2020.08.05). Несломленные: четыре человеческие истории. *Мордовия.* https://www.mordovia-news.ru/news-7-11563.htm?ysclid=mjmme5rgk6197119318

Левонтина, И. (2021). *Честное слово.* Corpus.

Милованова, М. (2023). Мысль о коммуникативной границе: актуальные формы реализации. *Русский язык за рубежом*, *2*(297), 45-52. https://doi.org/10.37632/PI.2023.297.2.009.

Мишанкина, Н. (2023). Русские профессиональные дискурсы: границы и гомогенность. *Когнитивные исследования языка*, *1*(52), 75-84. https://cognitiveres.ralk.info/issues/vypusk-1-52/

Национальный корпус русского языка. (2003-2025). https://www.ruscorpora.ru.

Радбиль, Т. (2024). «Язык ценностей» в отечественных интернет-СМИ: когнитивно-дискурсивный аспект. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание, 23*(3), 55-64. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5

Редькина, Т. (2016). Деминутивизация как динамический процесс в современной русской речи. В В. Никульшина (ред.) *Тамбов на карте Генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона* (сс. 122-127). Мичуринский государственный аграрный университет.

Савельзон, И. (2020.08.04). На своих двоих. *Орен 1*. https://oren1.ru/news/14518?ysclid=mjpmnl1u5r371880217

Садовская, Е. (2023). Общение поколений: виды дискурсов и их сущностные признаки. *Филология и культура, 4*(74), 71-78. https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-74-4-71-78

Северская, О. & Селезнева, Л. (2022) (Не)эффективная бизнес-коммуникация: все ли слова «монетизируются»? *Общественные науки и современность, 3, 179-190.* https://doi.org/10.31857/S086904990010079-8

Скребцова, Т. (2020). «Смотрите» и «слушайте» как маркеры власти и солидарности. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, *64,* 109-119. https://doi.org/10.17223/19986645/64/8

Смирнов, М. (2025.09.12). Драгоценная зрелость: почему с годами женщины становятся смелее в выборе украшений. *Forbes.* https://www.forbes.ru/forbes-woman/545700

Стернин И. (ред.) (2021). *Очерк современной речевой практики.* Ритм.

Сут, Е. (2016.01.16). Рецензия. *Стихи.ру*. https://stihi.ru/2016/01/16/7585?ysclid=mjk8jndjd72755480

Тюпа, В. (2010). *Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике.* Языки славянской культуры.

Фуко, М. (1996). *Археология знания.* С. Митина & Д. Стасова (пер.). Ника-Центр.

Шаронов И. (ред.) (2018). *Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации.* Политическая энциклопедия.

Howe, N. & Strauss, W. (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. William Morrow & Company.

Innesa1092 (2016.08.21). Отзыв: Фильм «Отряд самоубийц». *Отзовик*. https://otzovik.com/review_3675649.html?ysclid=mjk90jxfni218155577

Rutube (2023). Реклама Анаферон *ОРВИ Ишки.* https://yandex.ru/video/preview/8259799357983336590

PÓŁWYSEP IBERYJSKI W RELACJACH Z PODRÓŻY STANISLAVA KRAKOVA

Małgorzata Filipek
Uniwersytet Wrocławski

1. Wstęp. Miejsce gatunku podróżniczego w literaturze serbskiej

Relacje z podróży nigdy nie stanowiły głównego gatunku literatury serbskiej. Za początek gatunku można uznać przewodniki dla uczestników pielgrzymek do Ziemi Świętej (Jaćimović, 2005: 8-9). Wyprawy mające na celu odkrywanie nowych obszarów geograficznych i kulturowych rozwinęły się w okresie oświecenia[1]. Klasyczne dzieła tego gatunku powstały dopiero w czasach romantyzmu[2]. Dla pisarzy epoki modernizmu podróż oznaczała nie tylko przemierzanie przestrzeni, ale także eksplorowanie obszarów kultury i sztuki oraz zgłębianie zakamarków ludzkiej duszy.

Po I wojnie światowej młode pokolenie twórców zainteresowane było przede wszystkim przewartościowaniami artystycznymi i społecznymi, odrzuceniem tradycji i norm obyczajowych w imię budowania innego, lepszego świata. Młodzi artyści nie widzieli powrotu do biernego estetyzmu, który charakteryzował twórczość ich poprzedników. Pragnienie działania i potrzeba ciągłego przemieszczania się sprawiły, że podróże stały się jednym z głównych motywów w twórczości młodych autorów (Czapik-Lityńska, 1996: 26). Dążenie do rozwoju i pragnienie zmian najlepiej odpowiadało wrażliwości twórców awangardowych, dla których «ojczyzna, świat, kula ziemska, kosmos stawały się <...> zaproszeniem do <...> podróży, do <...> do swobodnej gry wyobraźni w przestrzeni» (Wierzbicki, 1992: 23). Młodzi artyści kierowani potrzebą odkrywania nieznanych terenów i nowych kierunków, w tym geograficznych w wyniku swoich działań literackich stworzyli tak wiele udanych utworów podróżniczych, jak żadna wcześniejsza epoka.

2. Stanislav Krakov, przedstawiciel serbskiej awangardy

Do pokolenia serbskiej awangardy należał Stanislav Krakov (1895-1968), którego ojciec, Zygmunt Krakow, po upadku powstania styczniowego (1863-1864) wyemigrował z Polski do Paryża, w 1885 r., podczas wojny serbsko-bułgarskiej przybył do Serbii, gdzie służył jako lekarz wojskowy (Krakov, 1997: 29). Matką Stanislava była Persida Nedić, siostra dwóch generałów, Milutina i Milana Nediciów, którzy jako dowódcy armii w czasie działań obronnych odegrali istotną rolę po napaści Niemiec na Królestwo Jugosławii w kwietniu 1941. Krakov jako uczeń szkoły średniej uczestniczył w wojnach bałkańskich (1912 i 1913) oraz w I wojnie światowej, a po jej zakończeniu pracował jako dziennikarz i redaktor gazet[3]. W lipcu 1940 r. został dyrektorem Radia Belgrad, a od stycznia 1941 r. przygotowywał codzienne audycje pt. «Głos Narodu». W czasach okupacji nazistowskiej dołączył do ruchu kolaboracyjnego pod przywództwem wuja, generała

[1] *Życie i przygody (Život i prikljućenija*, 1783) stworzył Dositej Obradović, którego następcy długo nie potrafili osiągnąć podobnego poziomu artystycznego.

[2] Ljubomir Nenadović napisał *Listy z Greifswaldu* (*Pisma iz Grajfsvalda*, 1850), *Listy ze Szwajcarii* (*Pisma iz Švajcarske*, 1852), *Listy z Włoch* (*Pisma iz Italije*, 1869), *Listy z Niemiec* (*Pisma iz Nemačke*, 1874) i *Listy z Cetinje lub o Czarnogórcach* (*Pisma sa Cetinja ili O Crnogorcima*, 1889).

[3] S. Krakov był jednym z redaktorów czasopisma «Nasze Skrzydła» («Naša krila», 1924-1939), organu prasowego Aeroklubu Królestwa Jugosławii, redaktorem gazet «Politika» i «Vreme», 1932-1936), współpracował z redakcją «Wojownika» («Borac», 1936-1939), Vide: Škodrić: 2020, 360.

Milana Nedicia, był też redaktorem gazet «Odnowa» («Obnova», 1941-1943) i «Nowy Czas» («Novo vreme», 1943-1944), które oskarżały przywódców Wielkiej Brytanii, Stanów Zjednoczonych, Związku Radzieckiego oraz rząd jugosłowiański na uchodźstwie o wciągnięcie Królestwa Jugosławii do wojny. We wrześniu 1944 r. Krakov uciekł do Austrii, a po zakończeniu działań wojennych znalazł się we Francji. Działalność podczas okupacji oraz emigracja przyczyniły się do wyeliminowania dzieł Krakova z obiegu literackiego i ze świadomości czytelników w socjalistycznej Jugosławii (Škodrić, 2020: 369-370).

Najważniejsze utwory Krakova to powieści *Przez burzę* (*Kroz buru,* 1921) i *Skrzydła* (*Krila*, 1922), oparte na jego doświadczeniach wojennych[4]. W trzeciej dekadzie XX w. Krakov zaczął kierować zainteresowania w stronę kina[5] i prasy. Wiele jego artykułów dotyczyło podróży po Królestwie Jugosławii, po Afryce Północnej i państwach europejskich, takich jak Polska, Rumunia, Bułgaria, Holandia, Włochy, Francja oraz kraje Półwyspu Iberyjskiego. Większość relacji pozostała w międzywojennych gazetach i czasopismach (Demić, 2017: 6). Dopiero w latach dziewięćdziesiątych XX w. twórczość tego autora powróciła do świadomości serbskich odbiorców literatury. Książkowe wydanie jego prozy podróżniczej ukazało się dopiero w roku 2017.

3. Utwory Stanislava Krakova o Półwyspie Iberyjskim

Półwysep Iberyjski stał się celem podróży Serbów dopiero w XX wieku[6]. Krakov odwiedził kraje Półwyspu w lutym i marcu 1931 r. w charakterze korespondenta gazet «Czas» («Vreme») i «Nowiny» («Novosti»). Jego relacje[7] z tych krajów publikowano od 15 marca do 10 kwietnia 1931 r. Portugalii poświęcił

[4] Oprócz dwóch powieści Krakov opublikował dzienniki podróży *Przez południową Serbię* (*Kroz južnu Srbiju*, 1926) i pamiętniki *Nasze ostatnie zwycięstwa* (*Naše poslednje pobede*, 1928). Historyczna i dziennikarska część jego twórczości obejmuje książki *Płomień czetnictwa* (*Plamen četništva*, 1930), *Następca tronu Piotr* (*Prestonaslednik Petar*, 1933) oraz monografię *General Milan Nedić* I-II (1963 i 1968). Autobiograficzna powieść *Życie człowieka na Bałkanach* (*Život čoveka na Balkanu*, 1997), scenariusz filmowy *Ku chwale ojczyzny - Ogień na Bałkanach* (*Za* čast *otadžbine - Požar na Balkanu*, 2000) oraz *Dzienniki wojenne 1912-1916* (*Ratni dnevnici 1912-1916*), napisane podczas wojen bałkańskich i I wojny światowej, zostały opublikowane dopiero w 2019 r.

[5] W 1930 r. Krakov nakręcił film *Ku chwale ojczyzny* (*Za čast otadžbine*) o losach Serbii podczas I wojny światowej. W 1938 r. niemą wersję udźwiękowiono i nadano jej tytuł *Serbska Golgota*. W 1932 r. Krakov nakręcił dokument *Przez kraj naszych carów i królów* (*Kroz zemlju naših careva i kraljeva*).

[6] W 1905 r. Svetozar Zorić (1854-1931), współzałożyciel Katedry Inżynierii Mechanicznej na Wydziale Technicznym, a także profesor historii sztuki w szkole malarstwa w Belgradzie, opublikował w «Serbskim Posłańcu Literackim» («Srpski književni glasnik») wrażenia z Sewilli i Alicante. W latach dwudziestych i trzydziestych XX w. swoje impresje publikowało wielu pisarzy. Jelena Dimitrijević (1862-1945) odwiedziła Hiszpanię jako turystka w 1926 r., opisując wrażenia w książce «*Siedem mórz i trzy oceany*». *W drodze dookoła świata* (*Sedam mora i tri okeana. Putem oko sveta,* 1940), Rastko Petrović (1898-1949) jest autorem utworów: *Wielka Hiszpania przed korridą* (*Velika* Španija *pred koridama*) oraz *Kulisy misterium Toledo* (*Iza misterije Toleda*). Ivo Andrić (1892-1975), wicekonsul w Madrycie w latach 1928-1929, odwiedził również Portugalię, czemu dał świadectwo w utworach *Portugalia, zielony kraj* (*Portugal, zelena zemlja,* 1931), *Hiszpańska rzeczywistość i pierwsze kroki w niej* (Španska *stvarnost i prvi koraci u njoj,* 1934) oraz w opowiadaniu *Byron w Sintrze* (*Bajron u Sintri,* 1935). Miloš Crnjanski (1893-1977) podróżował na Półwysep Iberyjski jako korespondent gazety «Vreme», we wczesnych dniach Republiki, w roku 1933 oraz w 1937 podczas wojny domowej. Rezultatem podróży są reportaże, obecnie zebrane w dwóch seriach: *W krainie torreadorów i słońca* oraz *W Hiszpanii 1937*. Oto Bihalji-Merin opublikował w czasie wojny domowej książkę *Hiszpania między śmiercią a narodzinami* (Španija *između smrti i rađanja*) po niemiecku i angielsku w Zurychu i Londynie, a po serbsku dopiero w 1946, gdy treść stała się zgodna z ideologią socjalistycznego państwa jugosłowiańskiego. Mihailo Petrović Alas (1868-1943), matematyk, profesor Uniwersytetu Belgradzkiego, opisał w trzech utworach pt. *Wokół Wysp Azorskich* (*Oko Azorskih ostrva*) podróż, którą odbył na wyspy portugalskie w 1939 r. Jovan Dučić (1872-1943), w latach 1918-1922 oraz na przełomie lat 30. i 40. ambasador Królestwa SHS i Królestwa Jugosławii w Hiszpanii i Portugalii, jest autorem *Listu z Hiszpanii* (*Pismo iz* Španije), opublikowanego pierwotnie w czasopiśmie „Zora» oraz w książce *Miasta i chimery* (*Gradovi i himere*, 1940).

[7] Na potrzeby niniejszego artykułu cytuję fragmenty tekstów Krakova z tomów zredagowanych przez Mirko Demicia: *Putopisi* (Krakov, 2017: 178-226) oraz *Putopisi III* (Krakov, 2020: 157-207). W artykule podaję numer strony, zaś cytaty z języka serbskiego

jedynie *Czar Sintry* (*Čar Sintre*), drukowany przez «Vreme» od 11 do 14 kwietnia 1931 r. Pozostałe dziesięć utworów odnosi się do Hiszpanii. Są to: *Alhambra, ucieczka do innego życia* (*Alhambra, bekstvo ka drugom* životu); *Izabela Katolicka towarzyszy nam w Grenadzie* (*Izabela Katolikinja prati nas kroz Granadu*); *Przy grobie Don Juana* (*Na grobu don* Žuanovom); *Podziemne łaźnie pięknej Marii Padilli* (*Podzemna kupatila lepe Marije Padile*); *Karnawałowy spacer p. Sancheza Guerry w cylindrze* (*Jedna karnevalska* šetnja *g. Sančec Gera u cilindru*); *Dwa skandale nagiej Mai* (*Dva skandala Gole Maje*); *Eskurial* (*El Eskorijal*); *Toledo*; *Przez Andaluzję* (*Kroz Andaluziju*) oraz *Smętny karnawał w Kordobie* (*Sumorni karneval u Kordobi*)].

Dziennikarz serbski odwiedził Lizbonę, Sintrę, Granadę, Sewillę, Kadyks, Kordobę, Algeciras i Ceutę na kontynencie afrykańskim oraz Madryt i okolice hiszpańskiej stolicy (Eskurial i Toledo). Wiadomości w nocie wydawniczej odnośnie relacji z podróży Krakova (*Putopisi,* 2017) nie stanowią chronologicznego zapisu wyprawy. Redaktor książki rozpoczął prezentację wrażeń pisarza od wizyty w Sintrze, do której Krakov dotarł z Lizbony, następnie zamieścił relacje z Grenady, Sewilli i Madrytu, skąd Krakov udał się do San Lorenzo de El Escorial. Wydawca przedstawił też wrażenia Krakova z Toledo, by powrócić do Sewilli, Kadyksu i Kordoby. Z kolejności, w jakiej teksty Krakowa można było przeczytać w jugosłowiańskiej prasie międzywojennej, wynika, że Toledo i Sintra były ostatnimi miejscami na mapie podróży pisarza.

3. A. Stanislav Krakov o sytuacji politycznej na Półwyspie Iberyjskim

Autor odwiedził Półwysep Iberyjski tuż przed proklamowaniem w Hiszpanii II Republiki, której istnienie obwieszczono 14 kwietnia 1931 r. Dwa dni wcześniej wybory ogłoszone przez admirała Juana Bautistę Aznara-Cabañasa (1860-1933), następcę Dámaso Berenguera y Fusté (1873-1953), wygrały partie republikańskie, które zwłaszcza w największych miastach, pokonały zwolenników monarchii. Po ustanowieniu Drugiej Republiki król Alfons XIII (1886-1941) udał się na wygnanie (Barton, 2011: 262-263).

Na kilka dni przed ogłoszeniem II Republiki, w tekście opublikowanym 24 marca 1931 r. w tygodniku «Vreme», Krakov, zwiedzając madrycką Zbrojownię, wspomina o ówczesnym królu Alfonsie XIII. Imię władcy pojawia się również podczas zwiedzania Panteonu z sarkofagami przygotowanymi dla «Króla Alfonasa Trzynastego» (Krakov, 2017: 214) oraz dla jego małżonki Wiktorii Eugenii (1887-1969).

Krakov dostrzegał ślady niedawnych wydarzeń politycznych, widoczne nawet w świątyniach, gdzie na ścianach wisiały plakaty wyborcze i hasła. Pisarz wspomniał o pewnym dziennikarzu hiszpańskim, świadku wydarzeń z «14 listopada, gdy strzelano» (Krakov, 2017: 201). Na madryckiej ulicy Velázqueza spotkał starszego pana, którym okazał się José Sánchez Guerra y Martínez (1859-1935), były konserwatywny premier, sprawujący tę funkcję od marca do grudnia 1922 r. (Miłkowski & Machcewicz, 1998: 324). Pisarz wspomniał, że w roku 1928, «jeszcze za życia Primo de Rivery» (Krakov, 2017: 202), Sánchez Guerra, jako przeciwnik polityczny dyktatora, próbował wywołać bunt w garnizonie w Walencji, a po jego stłumieniu został skazany na śmierć. Ułaskawiony przez Alfonsa XIII znowu otrzymał misję utworzenia rządu. Tego samego popołudnia Krakov obserwował lewicową opozycję, która zasłaniając się dymisją rządu, chorobą generała Berenguera i wierząc, że Sánchez Guerra dojdzie do władzy, zgromadziła się z czerwonymi sztandarami na ulicy Gran Vía. Przed hotelem, w którym zatrzymał się Krakov zaatakowano samochód i pobito syna generała Primo de Rivery. Krakov zaznaczył, iż tego samego wieczoru kryzys został zażegnany, a nowy rząd utworzył admirał Juan Bautista Aznar-Cabañas, co następnego dnia spowodowało wzrost kursu pesety, która «ku wielkiej radości i korzyści wszystkich turystów <...> - skoczyła nagle następnego dnia» (Krakov,

przytaczam we własnym przekładzie [M.F].

2017: 205) oraz spadek zainteresowania dziennikarzy zagranicznych, którzy opuścili Madryt, podejrzewając, że nie wydarzy się już nic interesującego, o czym mogliby poinformować czytelników w swoich krajach.

3. B. Mieszkańcy półwyspu iberyjskiego

Integralną częścią relacji Krakova są ludzie, z którymi dziennikarz miał styczność podczas podróży. Byli to zwykli mieszkańcy: bezrobotni na placach Lizbony, kupcy w Las Palmas, przewodnicy muzealni, bileterzy, sprzedawcy gazet, taksówkarze, muzycy uliczni, żebracy, chłopi z płodami rolnymi, zakonnice i księża, żołnierze, demonstranci na madryckiej ulicy - Gran Vía, inwalidzi bez rąk i nóg «w strojach arlekinów» (Krakov, 2017: 203), ludzie zarażeni jaglicą, która nieleczona «kończy się ślepotą» (Krakov, 2017: 204). Krakov przyglądał się zmianie warty na Plaza de Armas, obserwował dziennikarzy usiłujących przeprowadzić wywiad z byłym premierem, przyglądał się młodzieży na paradzie karnawałowej, słuchał ubranych w czarne stroje studentów, śpiewających w barach andaluzyjskie piosenki, prosił agentów celnych w Kadyksie i Algeciras o pozwolenie na przewóz pamiątek z Maroka. Oprócz spotkań z nieznanymi ludźmi widywał też przyjaciół – sekretarza ambasady jugosłowiańskiej w Madrycie Alberta Ilicia i jego małżonkę, Cacę, którzy towarzyszyli mu w podróży do Eskurialu oraz niewymienionego z nazwiska, dziennikarza hiszpańskiego, który opowiedział o wydarzeniach politycznych.

3. C. Spotkanie z bohaterami przeszłości

Dla autora zwiedzanie zabytków i atrakcji turystycznych wiąże się ze stycznością z postaciami historycznymi. Figura Izabeli Katolickiej towarzyszy mu w katedrze w Grenadzie, gdzie podziwia jej wizerunek, koronę, wyszywane złotem szaty. Podkreśla rolę władczyni w pokonaniu Maurów i zdobyciu Grenady, dostrzega jej uprzywilejowaną pozycję wobec małżonka. Pisarz przywołuje postać Izabeli I także w Toledo, gdzie w tamtejszej katedrze podziwia sceny jej wjazdu do Granady. W Sewilli Krakov wyróżnia trzy znane postaci: Krzysztofa Kolumba, króla Piotra Okrutnego i Don Juana. O Kolumbie wspomina w kontekście jego relacji z królem Ferdynandem Aragońskim, który pozbawił odkrywcę wszelkich zaszczytów, odebrał mu «wszystko, nawet nazwę nowego kontynentu, który <...> żeglarz z Genui podarował światu» (Krakov, 2017: 198)]. Odwiedzając sewilski Alcázar Krakov koncentruje się na postaciach Piotra Okrutnego i jego wybranki. Gdy María Padilla pływała naga w obecności królewskiej świty, król rozkazał dworzanom pić wodę, w której faworyta zażywała kąpieli. Na uwagę Krakova zasłużył Don Juan, a właściwie Don Miguel de Mañara (1627-1679), «największy uwodziciel i rozpustnik wszechczasów» (Krakov, 2017: 193), który rozdał swój majątek i sfinansował budowę jednego z sewilskich klasztorów. Przed odwiedzeniem miejsca pochówku Don Juana Krakov uważał go raczej za archetyp uwodziciela niż za człowieka z krwi i kości, co wynikało z lektury dzieł Tirso de Moliny, Moliera i Byrona, którzy tak właśnie ukazywali tę postać. Związany z Sewillą i Kadyksem był malarz Bartolomé Esteban Murillo, którego prace *Święta Justyna i Święta Rufina* kontemplował Krakov w jednym z sewilskich muzeów. Obraz *Mistyczny ślub*, który pisarz widział w kościele Santa Catalina w Kadyksie dokończył uczeń Murilla po śmierci mistrza, spowodowanej upadkiem z rusztowania. Podróż do San Lorenzo de El Escorial stała się okazją do spotkania z Filipa II i jego projektem architektonicznym, w którym król znalazł «upragnioną scenografię dla swojego życia i śmierci» (Krakov, 2017: 211).

W Madrycie, poza wydarzeniami politycznymi, uwagę pisarza przyciągnęły biografia i twórczość Francisco Goi, którego uznawał za największą osobowość współczesnej hiszpańskiej historii. Wizyta w Muzeum Prado stała się pretekstem do upamiętnienia setnej rocznicy śmierci artysty[8], naznaczonej skandalem

[8] Obchody setnej rocznicy śmierci Goi w 1928 roku zainspirowały Ivo Andricia, przyszłego laureata Nagrody Nobla w dziedzinie

wywołanym w związku z emisją znaczków ukazujących «jedyny akt kobiecy w całym malarstwie hiszpańskim» (Krakov, 2017: 206). Ów skandal ożywił pamięć o okolicznościach powstania najlepszych, zdaniem Krakova, dzieł Goi: dyptyku *Maja naga i Maja ubrana*. W muzeum Prado i w Toledo Krakov kontempluje również obrazy El Greka, podziwiając ich kolorystykę oraz «wydłużone, nerwowe ciała o małych głowach, wyraz bólu, który przenika całą kompozycję» (Krakov, 2017: 207). Wrażenie, jakie wywarło na pisarzu dzieło *Pogrzeb hrabiego Orgaza*, skłoniło go do konstatacji, iż warto byłoby przyjechać do Hiszpanii, nawet jeśli obraz byłby tu jedyną rzeczą wartą uwagi. Podczas przechadzek ulicami Kordoby, pisarzowi towarzyszyła także myśl o losach Gonzalo Fernándeza de Córdoba (1453-1515), zwanego El Gran Capitán, któremu po śmierci Izabeli, król Ferdynand Aragoński nie potrafił odwdzięczyć się należycie za zasługi dla ojczyzny.

3. D. Przyroda Półwyspu Iberyjskiego

Podczas pobytu na Półwyspie Iberyjskim Krakov podziwiał piękno i różnorodność tamtejszej przyrody. Wokół Sintry jego zachwyt wzbudziła «najcudowniejsza tropikalna roślinność i północne skały zielone od mchów, <...>, strome zbocza wzgórz <...>, doliny miękkiej, wilgotnej trawy» (Krakov, 2017: 179), podziwiał przyrodnicze zróżnicowanie Andaluzji z kwitnącymi śliwami i brzoskwiniami, z gajami pomarańczy, z żywopłotami z agaw i kaktusów, ze wzgórzami, «na których <...> oliwki ustawiono dokładnie w rzędzie <...> pod gorącym słońcem» (Krakov, 2017: 185). W krajobrazie tej części Półwyspu oczarowały go «spalone skały i nagie polany» (Krakov, 2017: 185), w Andaluzji podziwiał «wysoki, biały, niemal niebieski grzbiet Sierra Nevada pod śniegiem» (Krakov, 2017: 185), w drodze do Eskurialu «szare chmury śniegu nad Sierra de Guadarrama» (Krakov, 2017: 210), w okolicach Toledo zaintrygował «nagi, dziki, spieczony słońcem» (Krakov, 2017: 216) pejzaż.

3. E. Sposób opisywania przestrzeni

Pisarzowi serbskiemu nie brakuje wrażliwości i subtelności w opisywaniu przestrzeni. Z podziwem ogląda pałac Peña i ruiny mauretańskiego zamku w Sintrze «w ekstazie zieleni» (Krakov, 2017: 180). Przyroda Las Palmas stanowi dla niego «objawienie» (Krakov, 2020: 204), wnętrze kordobańskiego meczetu-katedry jawi się jako «mistyczny las z marmuru» (Krakov, 2017: 223), dojrzałe owoce w Patio de los Naranjos porównuje do leżących na ziemi kropel złotego deszczu; kolumny pałacu w Alhambrze kojarzą mu się z ciepłem młodych kobiecych ciał; oplatająca Toledo rzeka Tag przypomina «spazm ranionego węża» (Krakov, 2017; 216); obrazy El Greco wypełniają «barwy wiosennej zieleni i ciepłej czerwieni», przeniknięte «żółtym, słabym światłem otwartego nieba, niesionym przez świetlny wir» (Krakov, 017: 207). Z czułością i delikatnością opisuje Krakov stado byków, napotkane w drodze z rezydencji Filipa II: «młode byki o lśniącej sierści i mokrych pyskach, z których buchała para <...>, patrzyły na nas swoimi pięknymi, inteligentnymi oczami» (Krakov, 2017: 215).

4. Fascynacja nowoczesnością w relacjach Stanislava Krakova

Po I wojnie światowej jednym z motywów literackich stały się zmiany cywilizacyjne, poprzez które wyrażano nowoczesną wrażliwość. Postęp w niemal wszystkich dziedzinach, uwidocznił się dzięki maszynom a osiągnięcia technologiczne zrelatywizowały odległości (Jaćimović, 2005: 57). Symptomy rozwoju odnotował Krakov podróżując taksówkami po Madrycie, gdzie w czasach dyktatury Primo de Rivery powstało

literatury (1961), który w latach 1928-1929 przebywał w Madrycie jako wicekonsul Królestwa Serbów, Chorwatów i Słoweńców, by napisać esej *Goya* (*Goja*, 1929) i opowiadanie *Rozmowa z Goyą* (*Razgovor s Gojom*, 1935).

wiele nowych, imponujących gmachów. Naprzeciwko hotelu, w którym pisarz nocował, dostrzegł piętnastopiętrowy budynek, jeden z pierwszych europejskich drapaczy chmur, będący siedzibą Hiszpańskiej Narodowej Spółki Telefonicznej (CTNE). Zainteresowanie nowoczesnością zobowiązywało pisarza do tego, by nie pozostawać obojętnym na sytuację kraju za rządów Primo de Rivery, co wiązało się m. in. z budową dróg, które umożliwiały przejazd z Madrytu do Eskurialu w ciągu godziny, podczas gdy w czasach Filipa II, pokonanie tego dystansu zajmowało aż sześć dni.

Nowe możliwości postrzegania świata stworzyły symbolizujące prędkość samoloty, wytrącające ludzi z ich statycznej pozycji. Maszyna, która uwalnia od zwykłej ziemskiej perspektywy, staje się dla twórców okresu awangardy symbolem nowoczesnego romantyzmu, urzeczywistniającego odwieczne marzenie ludzkości o lataniu (Jaćimović, 2005: 63). Zafascynowanie tym sposobem eksplorowania świata potwierdził Krakov jako autor powieści *Skrzydła* (*Krila*) oraz jako założyciel magazynu klubu lotniczego o tej samej nazwie.

Przykładem podziwu Krakova dla lotnictwa jest uwaga poświęcona tablicy w katedrze w Granadzie, przedstawiającej Izabelę I, galerę Kolumba oraz samolot pilota majora Ramona Franco. Trzecie z największych wydarzeń w historii Hiszpanii (obok zdobycia Grenady i dokonań Kolumba) to przelot z Hiszpani do Argentyny. Celem podróży było pobicie światowego rekordu odległości z międzylądowaniem oraz otwarcie szybkiej linii pocztowej przez Atlantyk. Ramón Franco stał się ekspertem w lataniu hydroplanem i wykonał ponad 150 lotów podczas wojny marokańskiej. 26. I. 1926 r. o godzinie 7.55 pilot Ramón Franco, obserwatorzy Ruiz de Alda i Juan Manuel Durán oraz mechanik Rada opuścili Palos de Moguer. Lot z miejsca, skąd przed wiekami odpłynął Kolumb w poszukiwaniu Nowego Świata, obejmował trasę 10 270 kilometrów, którą zamierzano pokonać w 59 godzin i 30 minut. Choć inicjatywę przelotu do Argentyny poparli król Hiszpanii Alfons XIII i dyktator Primo de Rivera, zakup samolotu sfinansował Ramón Franco[9]. Dla Krakova, uznającego ten lot za niezwykłe osiągnięcie, prorokiem lotnictwa, zaraz po Leonardo da Vincim, był Francisco Goya, który w swoich dziełach ukazywał «latających ludzi z mechanicznymi skrzydłami» (Krakov, 2017: 210).

Pisarz często spoglądał z góry na odwiedzaną przestrzeń. Niezwykle cenił ten sposób oglądu rzeczywistości, możliwy dzięki topografii terenu i ulokowaniu na wzniesieniach wielu zwiedzanych przez niego obiektów - w Portugalii były to Pałac Peña oraz zamek Maurów, w Hiszpanii – Alhambra i toledański Alkazar. Panoramę centrum Madrytu obserwował z wysokości siódmego piętra hotelu, na którym mieścił się jego pokój. Krakova zauroczyło położenie Lizbony, odczuwał silne emocje podczas zwiedzania ruin arabskiego zamku«na górze nad Lizboną» (Krakov: 2017: 181), w Sintrze interesowały go pałace «z perspektywą nieba» (Krakov, 2017: 178). Zwiedzając obiekty Sintry i Alhambry wędrował «ponad chmurami» (Krakov, 2017: 181), wspinał się na schody, mury i tarasy Grenady, która z ogrodów Generalife, wydawała się usytuowana «na dnie otchłani» (Krakov, 2017: 192). Przemierzając mury Alcazaby pisarz odniósł wrażenie, iż unosi się ponad miastem, zaś na słonecznym niebie nie mógł nie dostrzec symbolu współczesnej cywilizacji w postaci «pięciu metalowych ptaków, pięciu samolotów» (Krakov, 2017: 192).

5. Negatywne oblicza współczesności

Krakov w trakcie podróży po Półwyspie Iberyjskim dostrzegł, prócz postępu technicznego, także inne wymiary współczesnej cywilizacji. Rozwój nauki i technologii w XX w. nie zmniejszył nieszczęść i tragedii, których doświadcza człowiek. Pisarz przytacza kilka dramatycznych wydarzeń, jak demonstracje

[9] P.Z, Plus Ultra: noventa años de una hazaña irrepetible, https://www.inclusion.gob.es/web/cartaespana/-/plus-ultra-noventa-anos-de-una-hazana-irrepetible.

bezrobotnych w Lizbonie, zamieszki w centrum Madrytu, gdy zaatakowano syna byłego dyktatora, rzesze niewidomych ludzi, których ślepotę spowodował brak należytej opieki medycznej, grupy niepełnosprawnych ruchowo osób, które, jak przypuszczał, stały się ofiarami wypadków w fabrykach. Autor był także świadkiem samobójstwa bezrobotnego pracownika kolei, wyciągniętego spod kół pociągu na madryckim dworcu przez kolegów oraz śmierci głodowej staruszka, którego zwłoki znaleziono w parku. Wydarzenia, które obserwował dziennikarz stanowiły dramatyczne dowody na istnienie nierówności społecznych, o których wcześniej słyszał.

6. Rola stereotypów w postrzeganiu iberyjskiej rzeczywistości

Sposoby reagowania na świat wynikają ze stereotypów, czyli spontanicznie tworzonych ogólników, które raz ugruntowane, stają się niemożliwe do skorygowania przez dalsze doświadczenia (Kołakowski, 2008: 199). Pojęcie stereotypu, które ma zasięg interdyscyplinarny, wprowadzone zostało przez Waltera Lippmanna w roku 1922, a rozwinięte na gruncie socjologii i psychologii społecznej, doczekało się analiz z punktu widzenia komunikacji, historii literatury, kultury oraz filozofii języka (Bartmiński, 2007: 53). Stereotyp jako pewien uproszczony, jednostronny obraz ludzi służy ułatwieniu diagnozowania zjawisk, uzgadnianiu wspólnych ocen, a tym samym tworzeniu więzi społecznych. Stereotyp niekoniecznie musi stanowić negatywny schemat wartościujący, przede wszystkim powinien pełnić funkcję poznawczą (Bartmiński, 2007: 106).

Krakov miał okazję skonfrontować stereotypowe wyobrażenia o tej części Europy w zderzeniu z iberyjską rzeczywistością. Rozpowszechniony obraz Półwyspu Iberyjskiego, a zwłaszcza Hiszpanii, jako kraju słońca, wina, kastanietów, flamenco i korridy powstał w XIX wieku. Na ukształtowanie się takiej reprezentacji miały wpływ m. in. *Opowieści z Alhambry* Washingtona Irvinga (1829), *Zinkali. Historia Cyganów w Hiszpanii* (1841) George'a Barrowa, poematy George'a Byrona *Don Juan* (1819-1823) oraz *Dziewczyna z Kadyksu* (1832), a także *Podróż do Hiszpanii* (1843) Teofila Gautiera. Dzięki kapryśnej *femme fatale* z opowiadania *Carmen* (1846) Prospera Mérimée' go, Europa poznała hiszpańską kulturę popularną (Tremlet, 2007: 246).

W Sewilli Krakov zmierzył się z mitem spopularyzowanym przez autora opowiadania *Carmen*. W pobliżu fabryki, w której bohaterka kroiła tytoń i «policzki rywalek» (Krakov, 2017: 220), dziennikarz serbski przekonał się, że«przepełniony romantycznymi emocjami» (Krakov, 2017: 220) cudzoziemiec czekający na wyjście robotnic z fabryki, spotka tam «tylko brzydkie i stare kobiety, chociaż wszystkie z kwiatami we włosach» (Krakov, 2017: 220). Obserwując (dość powierzchownie) życie mieszkańców, autor zauważył problemy, które zwykle umykają uwadze turystów. Zebrawszy swoje obserwacje i wrażenia, doszedł do wniosku, że «w tej szczęśliwej krainie zarzueli i sevillany» (Krakov, 2017: 196), którą odwiedzają turyści, codzienne życie mieszkańców wygląda zupełnie inaczej. Słuchając piosenek, muzyki i obserwując tańce na ulicach, pisarz zdał sobie sprawę, że pewne zachowania i działania mieszkańców wymuszone zostały przez oczekiwania cudzoziemców, pragnących doświadczyć Hiszpanii znanej im z lektur oraz opery Bizeta. Tym samym stało się jasne, dlaczego oglądany przez niego karnawał w Kordobie pozbawiony był spontaniczności i autentycznej radości – pisarz dostrzegł bowiem w zachowaniu mieszkańców przymus ekonomiczny.

7. Świat iberyjski a świat bałkański. Poszukiwanie analogii

Krakov przygląda się iberyjskiej rzeczywistości z dystansem, powodowanym świadomością przynależności do innej kultury. Odnajduje jednak w tej przestrzeni znane mu elementy. Dotyczy to pewnych powierzchownych podobieństw – np. krajobraz wokół Toledo przypomina Macedonię, opisaną przez niego w cyklu podróżniczym *Przez południową Serbię* (*Kroz južnu Srbiju*), napisanym w wyniku wyprawy po nowo

powstałym w 1918 r. Królestwie Serbów Chorwatów i Słoweńców. Widok na otaczający Toledo Tag wywołał obrazy dwóch miast macedońskich, Kratova i Prizrenu; posąg świętego Rafała, «od którego każdy mężczyzna w Kordobie nosi imię Rafael» (Krakov, 2017: 224), kojarzy mu się z macedońską Ochrydą, gdzie chłopców chrzci się imionami Kliment i Naum «aby <...> zachować <...> pamięć o tych dwóch obrońcach Ochrydy" (Krakov, 2017: 224).

Potrzebę doszukiwania się pewnych cech wspólnych można dostrzec w stosunku pisarza do dzieł sztuki. Specyficzną bliskość, «niejasne podejrzenie pokrewieństwa» (Krakov, 2017: 207), odnalazł Krakov w obrazach El Greca. Kreteńczyk, wychowany w tym samym kręgu wschodniego chrześcijaństwa, co i Krakov, wniósł do sztuki hiszpańskiej dziedzictwo Bizancjum. Krakov przywołał też postać artysty z Dalmacji, Julije Klovica (Giulio Clovio de Croatia,1498-1578). To właśnie on, «jeden z naszych ludzi, dalmatyńczyk Julije Klovno» (Krakov, 2017: 219), sprawił, że El Greco znalazł się w Hiszpanii. Podobnego odczucia pokrewieństwa i bliskości doświadczył Krakov w sewilskim muzeum za sprawą zdeponowanej tam emaliowanej tabliczki wykonanej przez anonimowego «człowieka z Bałkanów» (Krakov, 2017: 197). Wbrew komentarzowi przewodnika na temat prymitywizmu tego artefaktu, Krakov dostrzegł w nim piękno Wschodu. Porównując wizerunki Chrystusa na obrazach artystów hiszpańskich, zauważył kontrast pomiędzy nimi a dziełem nieznanego bałkańskiego artysty, którym potrafił ukazać ludzki wymiar postaci Syna Bożego:

Pośród tego triumfującego katolicyzmu, w chórach aniołów, ascetów, Niepokalanych Madonn, jakże mi była droga i bliska cudowna, mała emaliowana tabliczka, bizantyjska – taka niemal nasza – przywieziona z Wenecji, na której doża z flagą św. Marka w ręku klęczy przed Chrystusem <...>, poważnym, mrocznym, ale <...> tak ludzkim» (Krakov, 2017: 197).

8. Katolicyzm i islam

Oglądając materialne ślady ingerencji w architekturę islamską na ziemiach zdobytych w wyniku rekonkwisty przez władców chrześcijańskich, pisarz wielokrotnie podkreślał ich destrukcyjny udział w niszczeniu pozostałości kultury arabskiej, piętnował sposób traktowania przez zwycięskich chrześcijan osiągnięć islamu, np. król Ferdynand III Kastylijski (1199-1252), władca zjednoczonych w 1230 r. Kastylii i Leonu, kanonizowany w 1671 r. za pobożność i męstwo w walce z Maurami oraz zasługi dla Kościoła, «meczet <…> przekształcił w katedrę» (Krakov, 2017: 223); Królowie Katoliccy utrwalili w Alhambrze «swoją dewizę <...> *Plus ultra*» (Krakov, 2017: 186), ich wnuk Karol V do dzieła arabskich architektów dodał pozbawioną dachu budowlę, przypominającą «plaza de toros» (Krakov, 2017: 186) a pałac Karola V do dziś uważany jest za symbol walki:

> prymitywnego, lekkomyślnego chrześcijaństwa, które zniszczyło wielką kulturę materialną w imię racji moralnej i unicestwiło <...> finezyjność islamu, który wyrażał swoje przekonania moralne poprzez piękno formy materialnej» (Krakov, 2017: 186-187).

9. Duch turystyki w utworach podróżniczych Stanislava Krakova

Dawne utwory podróżnicze z wykazem miejsc, które warto byłoby odwiedzić, często stanowią atrakcyjne zaproszenie do podróży. W XX w., zamiast pielgrzymować do zabytków kultury, pisarz konfrontuje się z duchem turystyki. Sprawia to, że przeszłość zostaje zdesakralizowana, a nawet strywializowana, co koresponduje z naturą turystyki (Jaćimović, 2005: 77).

Zwiedzając zabytki i obcując z dziełami sztuki, Krakov wchodzi w kontakt z przeszłością. Jednak odnosząc się do postaci historycznych (takich jak ostatni król Portugalii, Manuel II, obalony podczas re-

wolucji republikańskiej; hiszpańscy władcy - Piotr Okrutny, Izabela Katolicka, Ferdynand Aragoński, Karol V, Filip II; «uwodziciel z Sewilli» Mañara; artyści - Murillo, Cervantes, El Greco, Goya; arystokraci- książę i księżna Alby, itd.) pisarz nie podaje konkretnych dat ani nie wyjaśnia kontekstu związanych z nimi wydarzeń. Postaci z przeszłości przywoływane są często w anegdotach lub za pośrednictwem legend (np. dworzanie zmuszeni przez Piotra Okrutnego do podziwiania nagości jego kochanki; uśmiercenie przedstawicieli rodu Abencerrajów przez ostatniego króla Grenady; niewdzięczność króla Ferdynanda Aragońskiego wobec Kolumba i Wielkiego Kapitana; duchowa przemiana Mañary; fanatyzm religijny Filipa II; skandal związany z tworzeniem obrazu nagiej księżnej Alby i wystawą w setną rocznicę śmierci Goi), itp.

10. Sposób prezentacji iberyjskiej rzeczywistości

W przeciwieństwie do syntezy, typowej dla klasycznych utworów podróżniczych, Krakov unika rozbudowanych analiz i interpretacji, a opisywaną przestrzeń sprowadza do serii odrębnych segmentów. Ukazywany przez niego obszar wpisuje się w opowieść o minionych stuleciach. Na stworzoną przez pisarza narrację składają się zarówno szczegółowo opisane zabytki i miejsca (pałac Peña, katedry w Grenadzie i Toledo, kordobańska Mezquita, madrycka Armería, klasztor w San Lorenzo del Escorial), jak i zabytki lub miejsca jedynie wspomniane przez autora (Torre del Oro, La Giralda, Casita del Principe, Posada de la Hermandad, Alcázar w Toledo, Plaza Zacodóver, Torre de Calahorra, Plaza del Potro, itp.).

Krakov zawarł w swoich utworach znaczny ładunek emocjonalny. Okazał podziw dla oglądanych i zwiedzanych obiektów, często nie umiejąc wyrazić go przy pomocy słów. «Ogarnęła mnie gorączka zachwytu. Nie wiedziałem, czy śmiać się, czy krzyczeć z radości, czy śpiewać, nie wiem czy potrafię okazać sobie, murom zamku i lasowi moją ekscytację» (Krakov, 2017: 181). W utworach, oprócz uczuć pozytywnych, znalazły się zjawiska i zdarzenia wywołujące zgoła odmienne reakcje, nie brakuje scen szokujących i wstrząsających (jak opis obrażeń samobójcy na dworcu kolejowym, znalezienie zwłok starszego mężczyzny w parku, atak na syna generała Primo de Rivery itp.)

11. Podsumowanie

Literatura podróżnicza tworzona przez wybitnych serbskich pisarzy awangardowych (m. in. S. Krakova, Rastka Petrovicia, Stanislava Vinavera, Miloša Crnjanskiego) jest zróżnicowana, składają się za nią zarówno reportaże, notatki z podróży, jak i stylizowana proza powieściowa. W prasie lat dwudziestych i trzydziestych (zwłaszcza w gazetach «Vreme» i «Politika») popularne były reportaże, stanowiące najbardziej wyraziste przykłady literatury podróżniczej, która w okresie międzywojennym stała się gatunkiem, budującym nowoczesny obraz świata i losu ludzkiego w oparciu o doświadczenia autora/ narratora.

Krakov, przedstawiając wrażenia z podróży po Półwyspie Iberyjskim, bardziej koncentrował się na obszarze Hiszpanii niż sąsiedniej Portugalii. Odwiedzając miasta interesował się zarówno wydarzeniami z przeszłości, jak i współczesną sytuacją społeczno-polityczną. Zwiedzając zabytki architektury sakralnej i świeckiej, podziwiając dzieła sztuki w muzeach i świątyniach, przywołując postacie historyczne oraz osobistości współczesnego życia politycznego, nie pomijał codzienności zwykłych ludzi, walczących o byt w czasach światowego kryzysu ekonomicznego.

Celem pisarza było nie tylko udokumentowanie i zapisanie tego, co widział i czego doświadczył w trakcie podróży, lecz także utrwalenie subiektywnego i artystycznego obrazu tamtejszej rzeczywistości, ukazywanej z wrażliwością i empatią. Wybrany sposób prezentacji przyrody, miejsc i ludzi czyni utwory Krakova wartościową i zajmującą lekturą nawet po niemal stu latach od ich powstania.

Bibliografia

Bartmiński, J. (2009). *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne.* Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Barton, S. (2011). *Historia Hiszpanii,* z angielskiego przełożyli Agnieszka Mścichowska i Marcin Mścichowski. Książka i Wiedza.

Czapik-Lityńska, B. (1996). *»Jeszcze-nie«. Utopicum jugosłowiańskiej awangardy.* Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Demić, M. (2017). Uvodna reč priređivača. W: M.Demić (Red.). *Putopisi.* (s. 5-7). Dereta.

Jaćimović, S. (2005). *Putopisi srpske avangarde. Miloš Crnjanski, Rastko Petrović, Stanislav Krakov, Stanislav Vinaver.* Srpska književna zadruga.

Kołakowski, Leszek. (2008), *Mini wykłady o maxi sprawach.* Wydawnictwo Znak.

Krakov, S. (1997). *Život čoveka na Balkanu,* Naš dom, L'Age d' Homme.

Miłkowski, T. & Machcewicz, P. (1998). *Historia Hiszpanii.* Ossolineum.

Krakov, S. (2017). *Putopisi.* Dereta.

Krakov, S. (2020). *Putopisi III.* Dereta.

Škodrić, Lj. (2020). Stanislav Krakov o Polsce i Polakach. W: B. Dimitrijević, P. Vavrišuk, A. Zaćmiński (Red.). *W kręgu dyplomacji i polityki w 100-lecie nawiązania stosunków dyplomatycznych między Polską i Jugosławią.* (s. 358-370). Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.

Tremlet, Dž. (2007). *Duhovi Španije. Putovanje kroz skrivenu prošlost jedne zemlje,* (s engleskog Marijana Milosavljević-Todorović). Algoritam.

Wierzbicki, J. (1992). *Pożegnanie z Jugosławią. Szkice i portrety literackie.* Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.

P.Z. (20.04.2025). *Plus Ultra: noventa años de una hazaña irrepetible*, https://www.inclusion.gob.es/web/carta-espana/-/plus-ultra-noventa-anos-de-una-hazana-irrepetible

VERBO SOPORTE DAR EN LAS COLOCACIONES ESPAÑOLAS Y SUS CORRESPONDENCIAS EN ESLOVENO (DENTRO DEL CAMPO SEMÁNTICO DE LA MENTE)

Ana Fras
Universidad de Ljubljana/Universidad de Granada

1. Introducción

El propósito de nuestro trabajo es mostrar las colocaciones españolas con el verbo soporte DAR dentro del campo semántico de la mente y sus correspondencias en esloveno. El fenómeno de los verbos soporte empezó a estudiarse en los años sesenta. Estos verbos han obtenido varias denominaciones por diferentes escuelas que se han dedicado al estudio de las formas con verbo soporte (una de las primeras denominaciones ha sido precisamente *verbe support* en francés de la escuela de M. Gross, Daladier, Giry-Schneider y Gross (Alonso Ramos 2004: 22). El término *verbo soporte* es el que utilizaremos en nuestra investigación. En la lingüística eslovena estas construcciones se han investigado casi siempre desde la perspectiva de las lenguas extranjeras, es decir, desde el inglés o el alemán, en la mayoría de los casos. Si hacemos un puente en la terminología desde la lingüística española a la eslovena, podemos encontrar el mismo término en Dubsky (1998) y Godec Soršak (2012, 2013): los dos autores hablan de *los verbos debilitados*. Godec Soršak hizo un estudio de los verbos debilitados (*glagoli z oslabljenim pomenom* *verbos con sentido debilitado), el único trabajo que conocemos en esloveno.

En primer lugar, hemos recopilado las colocaciones españolas a las que hemos buscado las correspondencias eslovenas que hemos dividido en varios grupos, según el comportamiento del verbo esloveno. Basándonos en las definiciones al uso en la literatura especializada, hemos utilizado diferentes fuentes: las listas de las colocaciones de Bustos Plaza (2006), Buckingham (2009), el Diccionario de autoridades de la Real Academia española, el DRAE y el Diccionario de María Moliner. Las correspondencias eslovenas (nos guiaremos por las traducciones del sustantivo cuyo significado es denotativo) las hemos encontrado en varios diccionarios bilingües, en el Diccionario de la lengua eslovena (SSKJ) y en el Diccionario de las colocaciones de la lengua eslovena (KSSJ).

Nuestra hipótesis es que en esloveno se utilizan mucho más los verbos específicos, por lo que la variedad de los verbos es mucho mayor que en español (aunque también el verbo DAR tiene sus posibles variantes, pero este tema no lo abordaremos en nuestra investigación). Otra de las hipótesis es que en esloveno, a nivel formal, aparecen estructuras que en español no. De esa manera hemos creado distintos subgrupos, siguiendo el comportamiento del verbo esloveno: en el primer subgrupo aparece el verbo DAR en los dos idiomas, en el segundo grupo aparecen los verbos monolexicales, en el tercero los verbos específicos y el último grupo lo hemos reservado para otras estructuras formales que no necesariamente tienen la típica estructura colocacional [V + N].

Desde el punto de vista cognitivo, las colocaciones son metáforas. En el caso de las colocaciones con los verbos soporte, el significado metafórico lo lleva siempre el verbo y se establece en relación con el

núcleo (el sustantivo) de la colocación. Por esa razón se utilizan términos como verbos delexicalizados, debilitados, soporte, de apoyo, etc.; dichos verbos son metáforas, es decir, han perdido su significado denotativo.

Lakoff y Johnson (2015) han dividido las metáforas convencionales en tres grandes grupos y en todos encontramos colocaciones con verbos soporte, como mostraremos a continuación: metáforas estructurales (en las que un concepto está estructurado en términos de otro, como en el ejemplo EL TIEMPO ES DINERO), metáforas orientacionales (en las que se representa un sistema global de conceptos en términos de otro tipo FELIZ ES ARRIBA, TRISTE ES ABAJO, MÁS ES ARRIBA, MENOS ES ABAJO, LO RACIONAL ES ARRIBA, LO EMOCIONAL ES ABAJO etc.) y metáforas ontológicas (en las que se cuantifica, identifica aspectos y causas, establece rutas y motivaciones). Las metáforas ontológicas las utilizamos para entender acontecimientos, acciones, actividades y estados (Lakoff y Johnson 2015: 69).

Resumiendo a Koike (2001: 25-39), quien ha realizado más investigaciones en el campo de las colocaciones, podemos dividir las características de las colocaciones en formales y semánticas. A la hora de definir una colocación, hay que tener en cuenta tres criterios formales:

a) coocurrencia frecuente, característica fundamental para una colocación, pero no la única. La coocurrencia frecuente se puede verificar en los corpus, pero no es el único criterio a tener en cuenta. Írsula (1992: 160) dice que existen cualidades y relaciones típicas y menos típicas, basándose en la teoría de prototipicidad de Rosch (1975) que nos permite hablar de acontecimientos típicos alrededor de un fenómeno o un objeto (Írsula 1992: 160). A continuación, Írsula expone la coocurrencia frecuente como una de las características clave de una colocación:

Entiendo entonces por «colocaciones» las combinaciones frecuentes y preferentes de dos o más palabras, que se unen en el seno de una frase para expresar determinados acontecimientos en situaciones comunicativas establecidas (Írsula 1992: 160).

b) restricción combinatoria es otro rasgo a tener en cuenta. La supuesta libertad de las colocaciones es relativa, pues desde el punto de vista de la diacronía del lenguaje la comunidad de hablantes ha seleccionado, en un marco de infinitas posibilidades de combinación, un grupo finito de probabilidades para verbalizar un acontecimiento (Írsula 1992: 160).

c) composicionalidad formal: las colocaciones son parcialmente composicionales. Un hablante no nativo casi siempre va a poder descifrar el significado de una colocación, ya que el grado de la idiomaticidad no suele ser muy alto.

Las características semánticas de las colocaciones serían:

a) vínculo de dos lexemas: estos dos lexemas a veces pueden cambiar de categoría gramatical conservando su asociación semántica (por ejemplo luchar encarnizadamente- lucha encarnizada).

b) tipicidad de relación: en algunos casos la tipicidad de relación suele estar presente en la definición lexicográfica (Koike 2001: 28).

2. Las CVS dentro del campo semántico de la mente

A continuación, presentamos las colocaciones españolas con sus correspondencias eslovenas. Para el análisis hemos partido de la lengua eslovena, ya que de esa manera hemos podido observar el comportamiento del verbo esloveno que hemos colocado en cuatro subgrupos formales, dentro de cada subgrupo semántico correspondiente. Las colocaciones eslovenas tienen su traducción literal marcada con el asterisco y las posibles variantes presentadas entre paréntesis. En cuanto al aspecto verbal del verbo esloveno *dati/da-*

jati *dar, los ejemplos se presentan tal como los hemos encontrado en las fuentes, y hay que tener en cuenta que siempre puede cambiar la aspectualidad.

2. 1. Dar + [información/opinión]

En el primer grupo presentamos las colocaciones donde en los dos idiomas aparece el verbo DAR. En el grupo del verbo DAR la mayoría de las colocaciones tiene su variante monolexical; *dati/dajati napoved* *dar anuncio (dar anuncio, también *napovedati/objaviti* *anunciar), *dati soglasje* *dar acuerdo (dar asentimiento, también *privoliti* *asentir/aprobar), *dati obračun* *dar cuenta (dar cuenta, también *poročati* *informar u *opaziti/ugotoviti* *darse cuenta), *dati spoštovanje* *dar respeto (dar estima/estimación, también monolexical *ceniti/spoštovati* *estimar), *dati spodbudo* *dar estímulo (dar estímulo), *dati pojasnilo* *dar explicación (dar explicación), *dati idejo* *dar idea (dar idea), *dajati pomembnost* *dar importancia (dar importancia), *dati informacijo* *dar información (dar información), *dajati predstavo* *dar imagen (dar noción), *dati predlog* *dar propuesta (dar recomendación, también monolexical *predlagati* *proponer/recomendar), *dati verzijo* *dar versión (dar versión) y *dati volilni glas* *dar voto (dar voto o también *izraziti svoje mnenje* *expresar su opinión) .

En el siguiente grupo veremos el verbo *dati* con diferentes prefijos, que tienen la función de cambiar el significado del verbo. En algunos casos se utiliza el prefijo *po-* que desempeña diferentes funciones y cuyo significado en el caso de las colocaciones es «dar a conocer algo»; veamos los ejemplos: *podati/navesti argumente* *presentar/citar argumentos (dar argumento, con la variante monolexical *argumentirati* *argumentar), *podati zaključek* *presentar conclusión (dar conclusión; una conclusión en esloveno también se puede *izvleči* *sacar fuera o *potegniti* *tirar). El mismo verbo aparece en *podati kritiko* *presentar crítica (dar crítica; con otro verbo específico *izreči* *decir) y en *podati mnenje* *presentar opinión (dar dictamen y dar opinión, también conoce la variante *izraziti mnenje* *expresar opinión); el último ejemplo que encontramos en este apartado con el verbo *podati* *dar/presentar es *podati vizijo* *presentar visión (dar visión).

Otro prefijo común que se utiliza con el verbo *dati/dajati* *dar es *iz-*, cuyo significado en las colocaciones sería »mover algo desde dentro hacia fuera«, es decir, exponer algo: *izdati opozorilo* *dar aviso (dar alerta y *dar aviso,* que se utiliza también con *izdati/izreči opozorilo *dar/decir aviso)* e *izdati razglas* *dar notificación (dar proclama, con la variante monolexical *razglasiti* *anunciar). Uno de los significados del verbo *izdati* también es publicar, válido para los ejemplos que hemos expuesto.

Otro prefijo que aparece junto a *dati/dajati* *dar es *od-*, y le da el significado de la dirección → una acción que parte de cierto punto, y cuyo significado puede ser entregar: *oddati sporočilo* *entregar mensaje (dar mensaje, con la variante monolexical *posredovati* *mediar, intervenir).

El verbo *dobiti* *obtener, de alguna manera, es sinónimo del verbo dati *dar. Hay dos colocaciones donde se utiliza: *dobiti koncept* *obtener concepto (dar concepto) y *dati/dobiti nasvet* *dar/obtener consejo (dar consejo).

Los verbos monolexicales que compiten con las colocaciones eslovenas ocupan una buena parte del apartado dar + [información/opinión]: *opozoriti/posvariti* *advertir (dar advertencia), *(po)hvaliti* *alabar (dar alabanzas, con la variante del verbo específico *požeti pohvalo* *cosechar alabanza), *obvestiti* *avisar (dar conocimiento), *opisati* *describir (dar descripción), *razpravljati* *debatir (dar disertación, con las variantes del verbo específico *braniti disertacijo* *defender disertación y *delati/napisati disertacijo* *hacer/escribir disertación) .

A continuación aparece *omeniti* *mencionar (dar mención), *napovedati* *anunciar (dar pronóstico), *opredeliti se* *posicionarse (dar posicionamiento), *podaljšati* *alargar/extender (dar prórroga), *priporočiti* *recomendar (dar referencia, con la variante del verbo específico *pridobiti reference* *obtener referencias), *prešteti*

*contar (dar recuento), *ovreči/spodbijati* *refutar (dar refutación), *poudariti/izpostaviti* *destacar (dar relieve), *predlagati/svetovati* *sugerir (dar sugerencia), *oceniti* *valorar (dar valoración, con la variante del verbo específico *določiti vrednost* *determinar valor) .

Las correspondencias con el verbo específico en esloveno suelen tener bastantes variantes: la buena noticia se trae: *prinesti dobro novico* *traer buena noticia (dar albricias); un debate, aparte de *empezar, se golpea, se abre o se produce:* udariti/ načeti/ sprožiti/odpirati debato *golpear/empezar/producir/abrir debate (dar debate); los detalles se descubren o se explican: *razkriti/razložiti podrobnosti* *descubrir/explicar detalles (dar detalle), un diagnóstico se hace y se coloca: *narediti/postaviti diagnozo* (dar diagnóstico); un discurso se tiene: *imeti govor* *tener discurso (dar discurso), y las noticias se pasan: *posredovati novico* *pasar noticia (dar noticia) .

2. 2. Dar + [presentación]

En el apartado de la presentación, lo que se da en las dos lenguas es: *dati zgled* *dar modelo (dar ejemplo), *dati poudarek* *dar énfasis (dar énfasis y dar hincapié, con la variante monolexical *poudariti* *enfatizar), *dati/predložiti/zbrati dokaz* *dar/presentar/recopilar prueba (dar muestra; la colocación puede tener también el significado *oddati vzorec* *entregar muestra).

En el siguiente grupo aparece el verbo *podati/podajati* *dar/entregar; *podati definicijo* *dar definición (dar definición), *podati* poročilo *dar informe (dar informe), *(po)dati razlago* *presentar explicación (dar presentación) y *podati utemeljitev* *dar justificación (dar justificación). La colocación dar semblanza tiene dos significados: el primero es *podajati opis* *dar descripción y en el segundo se utiliza el verbo específico *pripisovati podobnost* *atribuir semejanza (dar semblanza).

En el apartado de los verbos monolexicales encontramos *konkretizirati* *concretar (dar concreción), *(po)imenovati* *denominar (dar denominación), *(pre)brati* *leer (dar lectura), *projicirati* *proyectar (dar proyección), *uresničiti* *realizar (dar realidad, con la variante *postati realen* *devenir real, que está en el último apartado de las colocaciones de este grupo, las que no tienen la estructura [V + N]). Por último, tenemos *povezati* *relacionar (dar relación) y *predstaviti/prikazati* *presentar/mostrar (dar representación).

Los siguientes ejemplos muestran los verbos específicos: el verbo *(po)nuditi/ponujati* *ofrecer aparece en dos colocaciones: *(po)nuditi alternativo* *ofrecer alternativa (dar alternativa) y *(po)nuditi/ponujati svetovanje* *ofrecer consejo (dar asesoría, dar consejo). El verbo *postaviti* *colocar se utiliza en *postaviti hipotezo* *colocar hipótesis (dar hipótesis) y *(vz)postaviti organiziranost* *establecer organización (dar organización) .

La publicidad y la síntesis se hacen: *delati reklamo* *hacer publicidad (con la variante monolexical *objaviti* *publicar y otras dos que se presentarán en el siguiente apartado) y *narediti sintezo* *hacer síntesis (dar síntesis).

En las correspondencias eslovenas que no tienen la típica estructura [V + N] aparecen distintas formas: hay dos colocaciones con la estructura [V + Prep. + N]: *postaviti v sorazmerje* *colocar en proporción (dar proporción) y *prinesti v javnost* *traer al público (dar publicidad). El ejemplo que hemos visto en el apartado de los verbos monolexicales (dar realidad) tiene su variante *de [V + Adj.] postati realen* *devenir real. Y por último, aparece [Adv. + V] *pobliže* opisati *de cerca describir (dar señas).

2. 3. Dar + [respuesta]

El grupo más numeroso de las colocaciones en este apartado es el del verbo DAR → hemos incluido las formas de las colocaciones con el verbo dati/dajati *dar, incluyendo los diferentes prefijos, y el verbo *dobiti* *obtener.

Veamos primero los ejemplos con el verbo *dati/dajati* *dar y dobiti *obtener y sus variantes: *dajati povezanost* *dar conexión (dar coherencia y dar cohesión, las dos tienen la versión monolexical *povezovati* *conectar; aparte existe *zagotavljati kohezijo* *garantizar cohesión → en esloveno se utilizan los dos términos, pero no hemos encontrado más colocaciones en ninguna de nuestras fuentes).

Las colocaciones donde solamente tenemos el verbo *dati* *dar o dobiti *obtener son: *dati intervju* *dar entrevista (dar entrevista), *dati vlogo* *dar papel (dar papel), *dati prav* *dar correctamente/bien (dar razón; no es muy frecuente que en esloveno en las colocaciones aparezcan formas [V + Adv.] con el verbo dati *dar; es el único ejemplo que hemos visto de momento).

Con los dos verbos aparecen *dobiti/dati pogodbo* *obtener/dar contrato (dar contrato), *dati/dobiti odgovor* *dar/obtener respuesta (dar r*espuesta, con la versión monolexical odgovoriti *responder) y* dati/dobiti povratno informacijo *dar/obtener de vuelta información (dar retroalimentación).

A continuación tenemos *dati priznanje* *dar reconocimiento (dar reconocimiento, con las variantes monolexicales *prepoznati* *reconocer y *priznati* *admitir). Las colocaciones *izdati/pridobiti odobritev* *dar/conseguir aprobación (dar aprobación) y *dobiti pozitivno oceno* *obtener nota positiva (dar aprobado) tienen las dos la misma versión monolexical *odobriti/odobravati* *aprobar .

Por úlitmo, una solución en esloveno se encuentra o se da: *najti/dati rešitev* *encontrar/dar solución (dar solución).

Hay menos colocaciones con las variantes monolexicales en este apartado: *izvršiti/opraviti/ubogati* *ejecutar/hacer/obedecer (dar cumplimiento); *dogovoriti se/sporazumeti se* *ponerse de acuerdo/entenderse (dar estipulación), *opravičiti se* *excusarse (dar excusa), *oprostiti/odpustiti* *perdonar (dar perdón); *izkoristiti* *aprovechar (dar provecho).

Tampoco encontramos muchas colocaciones con los verbos específicos; la comprensión en esloveno se muestra: *kazati razumevanje* *mostrar comprensión (dar comprensión), las pruebas se presentan o muestran: *predložiti dokaz* *mostrar prueba (dar prueba) y el efecto se consigue: *doseči učinek* *conseguir efecto (dar rendimiento, con la versión monolexical *obroditi* *fructificar (dar fruto) e *izkazati* *mostrar).

2. 4. Dar + [restricción/orden]

Tanto en esloveno como en español es común el uso del verbo DAR en este apartado; en esloveno en casi todas las colocaciones aparece el verbo *dati/dajati.* *dar o su equivalente *dobiti* *obtener y en algunos casos observamos el uso del verbo dar con los correspondientes prefijos.

Veámos primero los ejemplos donde solamente aparece el verbo *dati* *dar con algunas variantes monolexicales. En esloveno se dan el permiso, el consentimiento, la consigna, las direcciones, el escarmiento, las indicaciones, las instrucciones, la legitimidad, la licencia y el mandato: *dati dovoljenje/soglasje* *dar permiso/acuerdo (dar consentimiento, dar concenso), *dati ukaz* *dar orden (dar consigna, con la variante monolexical *ukazati* *ordenar), *dati navodila* *dar direcciones (dar dirección), *dati direktive* *dar directivas (dar directiva, dar directriz), *dati kazen* *dar castigo (dar escarmiento), *dati navodila* *dar instrucción (dar instruccion, dar indicación), *dajati legitimnost* *dar legitimidad (dar legitimidad), *dati zapoved* *dar mandamiento (dar mandamiento, con la variante monolexical zapovedati *mandar), *dati ukaz/naročilo/mandat* *dar orden/pedido/mandato (dar mandato, dar orden) .

También se dan las pautas, el permiso y la potestad: *dati smernice* *dar directrices (dar pauta), *dati dovoljenje* *dar permiso (dar permiso) y *dati oblast/pooblastilo* *dar poder/autorización (dar potestad).

A continuación veremos los ejemplos con el verbo *izdati* *dar que se utiliza para la conformidad, la licencia, el pase y el precepto: *(iz)dati dovoljenje* *dar permiso y *dobiti odobritev* *obtener aprobación (dar conformidad); *(iz)dajati licenco* *dar licencia (dar licencia), *(iz)dati dovolilnico* *dar permiso (dar pase), *(iz)dati predpis* *dar prescripción (dar precepto, con las variantes monolexicales *zapovedati/predpisati* *mandar), *izdati sklep/najti rešitev* *dar resolución/encontrar solución (dar resolución) . El verbo *izdati*, aparte de llevar el prefijo iz- que significa «desde dentro hacia fuera», tiene el significado de «hacer que algo gane la validez oficial» (como se ve en los ejemplos, siempre se trata de un documento escrito que da permiso para algo).

En el último grupo tenemos las colocaciones que utilizan varios verbos, aparte del verbo *dati* *dar: *podeliti/dati/dobiti koncesijo/licenco* *conceder/dar/obtener concesión/licencia (dar concesión); *določiti/dati pogoj* *determinar/dar condición (dar condición). La libertad se permite o se da: *dovoliti/dajati svobodo* *permitir/dar libertad (dar libertad) y la aprobación/el permiso se obtiene: *dobiti odobritev/dovoljenje* *obtener aprobación/permiso (dar venia, con las variantes monolexicales *odobriti* *aprobar y *dovoliti* *permitir).

Solamente hay tres ejemplos con el verbo monolexical: *biti* *latir (dar hora), *usmeriti* *orientar (dar orientación) y *poostriti* *agravar (dar rigor).

En el apartado de los verbos específicos el más frecuente es *določiti/določati* *determinar; *določiti merila* *determinar normas (dar norma), *določiti rok* *determinar plazo (dar plazo), *določati pogoje* *determinar condiciones (dar requisito).

Las reglas y las restricciones en esloveno se ponen/se erigen: *postavljati pravila* *poner reglas (dar regla) y *postavljati/uvesti omejitve* *poner/introducir límites (dar restricción, con la variante monolexical *omejiti* *limitar).

2. 5. DAR + [JUICIO]

Hay tres colocaciones en las que aparece el verbo *dati/dajati* *dar: *dajati/uveljavljati pravico* *dar/hacer valer derecho (dar derecho), *(po)dati oceno* *dar nota (dar reseña, con las variantes monolexicales *recenzirati/oceniti/poročati* *reseñar/evaluar/informar) e *izdati odločbo* *dar decreto (dar veredicto, con las variantes *odločiti* *decidir y *razsoditi* *arbitrar/juzgar) . El verbo *dati/dajati* *dar de nuevo aparece con distintos prefijos que ya se han visto en los ejemplos mostrados anteriormente; los prefijos *iz-* y *po-*, con el significado »hacer que algo tome un valor oficial«, mostrando a la vez un movimiento desde dentro hacia fuera y »dar a conocer algo«, respectivamente.

Los verbos monolexicales aparecen en *kategorizirati* *categorizar (dar categoría), *razsoditi/pričati* *juzgar/atestiguar (dar testimonio).

El verbo específico que aparece en el apartado de dar + [juicio] es *izreči* *pronunciar: *izreči oprostilno sodbo* *pronunciar sentencia absolutoria (dar absolución), *izreči sodbo* *pronunciar fallo (dar fallo) e *izreči sodbo* *pronunciar sentencia (dar sentencia).

En los ejemplos de las colocaciones que no corresponden a la construcción [V + N] cabe citar dos formas: [V + Adj.] *biti pravičen* *ser justo (dar justicia) y [V + Prep. + N] *imeti za pravnomočno/veljavno* *tener para fuerza de ley/válido (dar validez).

2. 6. DAR + [RASGO]

En la gran mayoría de las colocaciones en este apartado se utiliza el verbo DAR, es decir que para atribuir cierta característica o rasgo (a algo o a alguien), en los dos idiomas se utiliza el mismo verbo.

En primer lugar, veamos las colocaciones en las que aparecen el verbo *dati/dajati* *dar o *dobiti* *obtener, en las que se dan la autenticidad, la autonomía, la autoridad, la calificación, la capacidad, el carácter, el

contenido, el contexto, la dignidad, la identidad la independencia, el peso, el prestigio, la prioridad, el privilegio, el rasgo, la relevancia, la respetabilidad, el significado, la veracidad y la verosimilitud: *dajati avtentičnost* *dar autenticidad (dar autenticidad), *dati/dajati avtonomijo* *dar autonomía (dar autonomía), *dajati avtoriteto* *dar autoridad (dar autoridad), *dati/dobiti oznako* *dar/obtener designación (dar calificativo), *dajati sposobnost* *dar capacidad (dar capacidad), *dati/dajati značaj* *dar carácter (dar caracter, dar característica, dar cariz), *dati vsebino* *dar contenido (dar contenido), *dajati kontekst* *dar contexto (dar contexto), *dajati dostojanstvo* *dar dignidad (dar dignidad), *dajati identiteto* *dar identidad (dajati identiteto), *dajati neodvisnost* *dar independencia (dar independencia), *dajati težo* *dar peso (dar peso), *dajati ugled* *dar reputación (dar prestigio), *dajati značilnost* *dar característica (dar rasgo), *dajati pomen* *dar significado (dar significado), *dajati verodostojnost* *dar autenticidad (dar veracidad, dar verosimilitud). Para el renombre, se utiliza el verbo *pridobiti* *obtener: *pridobiti sloves* *obtener reputación (dar renombre).

En el segundo grupo de las colocaciones con el verbo DAR hemos recopilado las que junto con el verbo *dati/dajati* *dar tienen otro verbo: *dati oznako/pripisovati lastnost* *dar designación/atribuir característica (dar calificativo), *dati/določiti/izbrati ime* *dar/determinar/elegir nombre (dar nombre), *dati/podeliti privilegij* *dar/conceder privilegio (dar privilegio), *pripisovati/dajati pomembnost* *atribuir/dar importancia (dar relevancia), *dati* čast/*povečati ugled* *dar honor/aumentar reputación (dar respetabilidad), *dati/pripisovati vrednost* *dar/contribuir valor (dar valía, dar valor).

Solamente en una colocación se emplea el verbo monolexical: *razlikovati se* *diferenciarse (dar diferencia).

En algunas de las colocaciones con el verbo específico, en esloveno se utilizan los verbos de movimiento: *dvigniti ugled/prinesti slavo* *levantar reputación/traer gloria (dar notoriedad); la responsabilidad en esloveno se lleva: *nositi odgovornost* *llevar responsabilidad (dar responsabilidad, con otra variante del verbo *prevzeti odgovornost* *tomar responsabilidad) .

Otro verbo que se repite en varias colocaciones es *zagotavljati* *asegurar; en esloveno se aseguran la objetividad, la sostenibilidad y la vigencia: *zagotavljati objektivnost/nepristranskost* *dar objetividad (dar objetividad), *zagotavljati trajnost* *asegurar sostenibilidad (dar sostenibilidad), *zagotavljati veljavnost* *asegurar validez (dar vigencia, con la variante *potrditi veljavnost* *afirmar validez).

Por último, están los verbos conseguir y despertar: *doseči skladnost* *conseguir armonía (dar armonía) y *(pre/z)buditi zavest* *despertar conciencia (dar conciencia) .

Se utiliza la construcción [V+Adj.] en *biti smešen* *ser gracioso (dar gracia) y [V + Prep. + N] *uvrstiti v višji razred* *incorporar/agregar dentro de más alta clase (dar rango).

2. 7. DAR + [ESPACIO]

El apartado de dar + [espacio] no tiene gran número de colocaciones, con lo cual no es el grupo más representativo, sin embargo aparecen estructuras nuevas que no se han visto a lo largo del análisis. En las dos lenguas se utiliza el verbo DAR para dar dimensión y cabida: *dati razsežnost* *dar extensión (dar dimensión) y *dati prostor* *dar espacio (dar cabida).

En el primer grupo de las colocaciones monolexicales tenemos las que, de alguna manera, definen un cambio o movimiento en el espacio (sea abstracto o físico): *približati se* *aproximarse (dar aproximación), *napredovati* *avanzar (dar avance, dar progreso), *nadaljevati* *continuar (dar continuidad), *preseči* *trascender (dar transcendencia).

Para darle un formato a algo, en esloveno se utiliza *določiti format* *definir formato (dar formato).

En la colocación dar difusión hay dos formas diferentes que no tienen la estructura [V + N]; la primera es [N + CN] širjenje *(*česa*)* *extensión (de algo) y [V + Adv.] *povedati naprej* *decir adelante.

2. 8. Dar + [educación/aprendizaje]

En esloveno, al igual que en español, se da educación, nota y tema: *dajati izobrazbo* *dar educación (dar educación), *dati oceno* *dar nota (dar nota) y *podajati (učno) snov* *pasar (de enseñanza) materia (dar tema).

En los verbos monolexicales hay *poučevati* *enseñar (dar clase, dar enseñanza), *vzgajati* *educar (dar educación) y *ponoviti* *repetir (dar repaso).

El verbo bastante frecuente que aparece en varias colocaciones (junto a otras variantes), es el verbo *imeti* *tener: *imeti (neformalno) predavanje* *tener (informal) conferencia (dar charla), *imeti/izvesti predavanje* *tener/efectuar conferencia (dar conferencia), *imeti/organizirati/prirejati tečaj* *tener/organizar/organizar curso (dar curso), *imeti predavanje* *tener clase (dar lección, también *povedati lekcijo* *contar lección), *imeti* šolski *predmet* *tener escolar asignatura (dar materia, también con otro significado *preučiti gradivo* *estudiar material) y *voditi/imeti seminar* *guiar/tener seminario (dar seminario). De los ejemplos se desprende que, en esloveno la educación y el conocimiento se poseen/se tienen.

Otro verbo que aparece en dos colocaciones es *izvesti/izvajati* *efectuar: *izvesti cikel* *efectuar ciclo (dar ciclo) e *izvajati program* *efectuar programa (dar programa).

Por último, se utilizan los verbos específicos que no se repiten en este apartado: *poučevati predmet* *enseñar asignatura (dar asignatura), *določiti/uskladiti pravila* *fijar/coordinar reglas (dar módulo, con otro significado *končati (izobraževalni) modul* *terminar (educativo) módulo). En esloveno, un título se concede o se adjudica: *podeliti naziv* *conceder título (dar título).

2. 9. Dar + [acto de habla]

En el apartado del acto de habla se dan el apodo, la palabra, el recado y el recuerdo: *dati vzdevek* *dar apodo (dar apodo), *dati besedo* *dar palabra (dar palabra), *dati/dobiti naročilo* *dar/obtener pedido (dar recado) y *dati (koga) lepo pozdraviti* *dar (a alg.) bonito saludar (dar recuerdo, con la variante monolexical *pozdraviti* *saludar).

En las variantes monolexicales están čestitati *felicitar (dar enhorabuena), *zahvaliti se* *agradecer (dar gracias), *odgovoriti* *responder (dar réplica) y tres variantes distintas para decir sí: *privoliti/strinjati se/reči da* *asentir/estar de acuerdo/decir sí (dar sí). También hemos incluido la colocación dar toque con dos significados distintos: *poklicati* *llamar (dar toque) y *opomniti/spomniti* *recordar (dar toque).

El verbo más frecuente en el apartado de los verbos específicos es *voščiti* *felicitar o *zaželeti* *desear, que se utiliza para todos los saludos: *voščiti/zaželeti dobro jutro/dober dan/dober večer/lahko noč* *felicitar/desear buenos días/buenas tardes/buenas noches, este último en esloveno es para saludar y para despedirse, respectivamente (dar buenos días/buenas tardes /buenas noches).

En esloveno, con diferencia del español, una bienvenida se dice: *izreči dobrodošlico* *decir bienvenida (dar bienvenida).

2. 10. Dar + [pensamiento]

En el apartado del pensamiento en ninguna colocación eslovena se utiliza el verbo *dati/dajati* *dar. El uso más frecuente es un verbo monolexical (los pensamientos son acciones verbales monolexicales).

Las colocaciones eslovenas con un verbo monolexical que definen acción y efecto de pensar son *verjeti* *creer (dar crédito), *preudariti/premisliti* *considerar/reflexionar (dar consideración), *(po)misliti* *pensar

(dar pensamiento), *pretehtati/premisliti* *considerar/reflexionar (dar ponderación) y *nameravati* *tener intención (dar propósito).

Los pensamientos en esloveno también se despiertan o se tienen: *(v)zbujati skrb* *despertar preocupación (dar preocupación) y *zbujati/imeti pomisleke* *despertar/tener duda (dar reparo).

3. Conclusión

Se ha observado que en esloveno se utilizan muchos verbos con características muy distintas. Los verbos soporte en esloveno se han investigado muy poco, y creemos que una de las razones es que representan un grupo tan amplio que son difíciles de categorizar. Comparando los dos términos, *glagol z oslabljenim pomenom* (*verbo con sentido debilitado) con el verbo soporte, llegamos a la conclusión de que el primero abarca verbos muy distintos y es mucho más amplio que el segundo. Además, la mayoría de los verbos soporte que se estudian en lenguas extranjeras (alemán e inglés, sobre todo), pertenecen en esloveno al grupo de los «*frazni glagoli*» (*verbos frasales), que representan solamente un grupo pequeño de los llamados *verbos con el sentido debilitado* del esloveno. La primera prueba de la gran cantidad y diversidad de los verbos soporte en esloveno es la distribución que tienen en el diccionario SSKJ, una de las fuentes para la elaboración de nuestra base de correspondencias eslovenas.

Una de las características principales de estas unidades, tanto en español como en esloveno, es que en una CVS se pueden utilizar varios verbos. En el caso de esloveno, lo hemos podido observar tanto a lo largo del análisis como en el corpus (o el diccionario), donde aparecen numerosos verbos con características muy distintas. En español este hecho también ocurre: en el caso del verbo DAR, por ejemplo, el verbo se puede sustituir por otros tantos: *causar/dar/producir, sentir/tener pena*; *dar/pegar/recibir golpe*; *dar/entrar/bajar/ceder/declinar/remitir fiebre* etc.

Las modificaciones de las CVS se pueden hacer en las dos lenguas; en español, aparte del uso del artículo cero, determinado o indeterminado, también se pueden añadir adjetivos, al igual que en esloveno. Este hecho muestra una de las características más importantes de las CVS: *la semi-fijación*.

En la mayoría de los casos, tanto en esloveno como en español se puede relativizar el nombre, aunque no se suele dar en todos los casos: *dar + absolución → la absolución que fue dada*; *izreči oprostilno sodbo → oprostilna sodba, ki je bila izrečena*. El nombre en la mayoría de los casos viene en singular, pero también se dan casos donde aparece en plural (en esloveno este hecho está relacionado con la aspectualidad del verbo; con los verbos imperfectivos es más común el uso del nombre en plural y con los verbos perfectivos, el nombre suele ponerse en singular, con algunas excepciones).

El grado de desemantización del verbo español es mayor que el del verbo esloveno. Lo demostramos en el análisis de los verbos donde se ve claramente que el verbo esloveno mantiene parcialmente su valor semántico original. Tampoco pensamos que el verbo en español se «vacíe» del todo; aunque el grado de la desemantización sea mayor que en esloveno, persiste cierto significado; de no ser así, sería lo mismo decir *dar miedo* o *tener miedo*. Llegamos a la conclusión de que el verbo actúa desde un nivel semántico secundario, es decir, que la importancia semántica del sustantivo es mayor (actúa desde un primer nivel), mientras que el verbo actúa desde un segundo nivel, pero sigue atribuyendo cierto significado a una CVS. Suponemos que también la diferencia terminológica está relacionada con este hecho: en esloveno se emplea el término «los verbos con el sentido debilitado» y en español se habla de los verbos «semánticamente vacíos», metalenguaje quizá exagerado.

Para terminar, hemos intentado hacer un análisis contrastivo del verbo soporte español con sus correspondencias en esloveno que pueda servir tanto en las aulas del español y esloveno como lengua extranjera como para elaborar las futuras listas de colocaciones en las dos lenguas y puedan servir como una herramienta de traducción.

Bibliografía

Bosque, I. (2001). Sobre el concepto de colocación y sus límites. *Lingüística del Española Actual*, *23*(1), 9-40.

Buckingham, L. (2009). *Las construcciones con verbo soporte en un corpus de especialidad*. Peter Lang Ediciones.

Bustos Plaza, A. (2006). Verbos generales y verbos específicos: conjuntos y clases de argumentos en colocaciones de verbo y sustantivo. *EPOS*, *22*, 51-65.

Dubsky, J. (1998). Debilitamiento del valor comunicativo del verbo español. En G. Wotjak (Ed.), *Estudios de fraseología y fraseografía del español actual* (pp. 239-244). Vervuert.

Godec Soršak, L. (2013). Glagoli z oslabljenim pomenom v Slovarju slovenskega knjižnega jezika. *Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede*, *61*(3), 507-522.

Grad, A. (2003). *Slovensko-španski slovar*. DZS.

Grad, A. (2003). *Špansko-slovenski slovar*. DZS.

Koike, K. (2001). *Colocaciones léxicas en el español actual: estudio formal y léxico-semántico*. Universidad de Alcalá de Henares.

Lakoff, G. & Johnson, M. (2015). *Metáforas de la vida cotidiana*. Ediciones Cátedra.

Lewandowski, T. (1992). *Diccionario de lingüística*. Cátedra.

Mitatou, Z. (2011). Las construcciones del verbo dar en la enseñanza del español como lengua extranjera (E/LE). *Revista electrónica de didáctica del español lengua extranjera*, *23*, 135-199.

Moliner, M. (2013). *Diccionario de uso del español*. Gredos. (Original publicado en 2007).

V. V. A. A. (2007). *Splošni slovar (špansko-slovenski in slovensko-španski)*. Cankarjeva Založba.

V. V. A. A. (2010). *Slovensko-španski, špansko slovenski slovar* [en línea]. Rokus Klett. https://sl.pons.com/prevod

V. V. A. A. (2011). *Korpus Giga Fida* [en línea]. Ministrstvo za izobraževanje, znanost in šport. http://www.gigafida.net/

V. V. A. A. (2014). *Fran, slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU* (versión 3.0) [en línea]. ZRC SAZU. http://www.fran.si/

V. V. A. A. (2016). *Šolski slovar. Španščina: špansko-slovenski in slovensko-španski*. Rokus Klett.

V. V. A. A. (s. f.). *Kolokacije 1.0: Kolokacijski slovar sodobne slovenščine* [en línea]. Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. http://viri.cjvt.si/kolokacije

EL INTENTO DE RECONOCIMIENTO DE LA REPÚBLICA POPULAR DE UCRANIA

César García Andrés
Universidad de Valladolid

1. Introducción

Para comprender el tema del tratamiento de la cuestión de la posible creación de un Estado ucraniano independiente en el seno de la Sociedad de Naciones (SdN), tras su establecimiento a través del Tratado de Versalles el 28 de junio de 1919 y su puesta en marcha oficial en enero de 1920, debemos tener en cuenta el panorama de los actuales territorios de Ucrania antes de la Primera Guerra Mundial y su posterior evolución al final del conflicto armado.

Las regiones de Galitzia, Transcarpatia y Bukovina formaban parte del Imperio austrohúngaro, mientras que el resto del territorio ucraniano se encontraba dentro del Imperio ruso, por lo que había profundas diferencias entre estas zonas de la actual Ucrania. Fue a raíz del estallido de la Gran Guerra cuando las regiones ucranianas vieron la posibilidad de construir sus propios estados independientes e intentar conseguir el apoyo internacional suficiente para su establecimiento definitivo sin estar bajo el sometimiento de otras naciones, como habían estado durante siglos.

Tras la caída del zarismo en la parte ucraniana del Imperio se puso en marcha la República Popular de Ucrania (UNR) a lo largo del año 1917, iniciando el periodo conocido como las revoluciones ucranianas. No obstante, la lucha por la independencia en la UNR entre 1917-1921 fue abortada por los bolcheviques durante su expansión hacia Ucrania (Korostelina, 2013: 92). Por su parte, no fue hasta el colapso de la monarquía de los Habsburgo que, en la zona occidental de la actual Ucrania, en la región de Galitzia Oriental, se estableció la República Popular de Ucrania Occidental (ZUNR) en noviembre de 1918 (Risch, 2011: 150), finalmente incorporada a la recién establecida Segunda República Polaca. Ambas repúblicas ucranianas se unieron posteriormente dentro de la UNR, el 22 de enero de 1919, en una única entidad política para intentar combatir a sus enemigos que les impedían su establecimiento como unidad independiente.

El tema central de esta investigación se basa en el estudio del intento por parte de la UNR de su reconocimiento como Estado soberano por parte de la SdN a través de la documentación existente en sus archivos. Junto a ello, no se puede olvidar que también se encuentran informes y expedientes en esta organización internacional relativa a la zona occidental de Ucrania y sus relaciones con Polonia, sobre todo en lo que tiene que ver con las condiciones en las que se encontraba la minoría ucraniana dentro del nuevo gobierno polaco.

El intento de formación de una república independiente en Ucrania tuvo una fuerte impronta entre los años 1917-1921, pero debido a los escasos apoyos internacionales dentro de la SdN y a los intereses de los nuevos Estados vecinos que se crearon tras la Primera Guerra Mundial sus deseos de crear una república independiente quedó en un simple espejismo. Marcando de esta forma el futuro de las distintas regiones

ucranianas que durante el periodo de entreguerras pasaron a formar parte de diferentes Estados europeos[1]. No fue hasta 1945 tras la derrota de los alemanes, cuando los soviéticos obtuvieron el control del territorio que hoy pertenece a Ucrania (Herrero de la Fuente, 2006: 205), dentro de la República Socialista Soviética de Ucrania (RSS de Ucrania).

2. Situación de los territorios ucranianos en los últimos momentos de la Primera Guerra Mundial

2.1. Los territorios del antiguo Imperio zarista: la República Popular de Ucrania

Tras la Revolución de febrero de 1917, cuyo resultado fue la abdicación del zar Nicolás II y la formación de un Gobierno Provisional en el territorio ruso, en la parte ucraniana también tuvo sus consecuencias. En este clima de confusión se constituyó en Kyiv, el 17 de marzo de 1917, el Consejo Central Ucraniano -la Rada Central-, una plataforma presidida por el historiador Mykhailo Hrushevsky, cuyo objetivo en los primeros momentos no era la secesión, sino la obtención del reconocimiento de los derechos nacionales ucranianos a través de un estatuto autonómico (García Andrés, 2025: 148). No obstante, y en las propias palabras de Jurij Borys en su obra *The Sovietization of Ukraine 1917-1923, The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination:* «la política de asimilación y centralización del Gobierno zarista de Ucrania, que duró más de 250 años, dejó un profundo impacto psicológico en el pueblo ucraniano. Inhibió la base ideológica del movimiento nacional ucraniano <...> y no estaban preparados para realizar sus demandas nacionales» (1980: 98).

Con todo ello, el Gobierno Provisional ruso se negó a aceptar las inicialmente modestas demandas ucranianas, y el Consejo procedió entonces a proclamar la autonomía en su Primera Universal del 23 de junio de 1917. Teniendo en cuenta las ideas sobre la «cuestión nacional», en esa Primera Universal, la Rada Ucraniana declaró su determinación, «¡Qué Ucrania sea libre! Sin separarse de toda Rusia, sin romper con el Estado ruso, que el pueblo ucraniano tenga derecho a gestionar su propia vida en su propio territorio» (Hunczak, 1977: 382).

En ese mismo mes, y tras unas acaloradas negociaciones, tanto el Gobierno Provisional de Petrogrado como los representantes de la Rada Ucraniana llegaron a un acuerdo por el que se declaraba el reconocimiento recíproco entre ambas instituciones. Tras lo cual, el 16 de julio de ese mismo año, el Consejo ucraniano sacó a la luz la Segunda Universal Ucraniana, por la que se establecía que Ucrania no tenía aspiraciones de separarse de Rusia hasta después de la decisión de la Asamblea Constituyente de toda Rusia para poder luchar conjuntamente por el desarrollo y el bienestar de toda Rusia y por la unidad de sus fuerzas democráticas (Palko, 2020: 27).

Un paso más tuvo lugar en el antiguo Imperio ruso con la Revolución de octubre de 1917 en la que los bolcheviques, con Lenin a la cabeza, se hicieron con el poder. Tras alcanzar el gobierno en Petrogrado, los bolcheviques llegaron a Kyiv para hacerse con el poder del territorio ucraniano. Sin embargo, la Rada Ucraniana, que en aquellos momentos contaba con el apoyo del Soviet de Kyiv, no tenía previsto continuar bajo el poder ruso en las mismas condiciones que en la época zarista. De este modo, el día 20 de noviembre se publicó la Tercera Universal, por la que el Consejo Central proclamó la creación de la República Popular de Ucrania (Ukrainska Narodnia Respublika, UNR). Sin embargo, no se declaró una Ucrania completamente independiente, sino que estableció que la Rada Central fuera el gobierno de Ucrania dentro de una federación más amplia (Wade, 1993: 72). En la cual se reclamaban nueve provincias: Volyn, Podilia, Kyiv, Cherníhiv, Poltava, Járkiv, Ekaterinoslav, Jerson y Tavria -sin Crimea-.

[1] Repartidos entre los siguientes Estados: RSS de Ucrania, Rumania, Checoslovaquia y Polonia.

En diciembre se inició la campaña del Ejército Rojo en el territorio ucraniano tras la instauración de un gobierno bolchevique en Járkiv. La entrada en el año 1918 significó el incremento de las hostilidades bélicas entre el Ejército Rojo y los nacionalistas ucranianos del ejército de la UNR, que llevó a una nueva declaración por parte del Gobierno de la Rada. La independencia definitiva llegó con la Cuarta Universal, promulgada el 22 de enero de 1918, que rompió todos los lazos con la Rusia bolchevique y proclamó a Ucrania como un Estado independiente (Wilson, 1997: 12), dentro de los límites establecidos en la Universal de noviembre del año anterior y coincidiendo con la invasión del ejército bolchevique de Ucrania desde el norte y el este.

Tras la declaración de independencia, el ministro de Asuntos Exteriores de la República de Ucrania, Olexander Shulhin consiguió que su Estado obtuviese el reconocimiento de facto por parte de algunas de las principales potencias europeas. Los primeros reconocimientos tuvieron lugar a principios del mes de febrero, cuando se produjo la firma de un tratado en el contexto de la Primera Guerra Mundial entre, por una parte, Austria-Hungría, Bulgaria, Alemania y Turquía, y, por la otra, Ucrania, en Brest-Litovsk el 9 de febrero de 1918. Las potencias centrales reconocieron a Ucrania como estado soberano y, entre febrero y septiembre de 1918, firmaron con ella varios acuerdos para complementar el original de Brest-Litovsk (Magocsi, 2010: 516).

Tras la entrada de las fuerzas antibolcheviques en Kyiv y con el restablecimiento de la Rada en la UNR con su presidente Hrushevsky, los invasores rusos tuvieron que firmar la paz. De este modo, casi un mes después de la firma del acuerdo con Ucrania, Austria-Hungría, Bulgaria, Alemania y Turquía acordaron el 3 de marzo el Tratado de Brest-Litovsk con Rusia, el cual incorporaba el Artículo VI en relación al nuevo Estado ucraniano. La firma de este pacto supuso el reconocimiento del estado independiente de Ucrania, así como la cesión de Polonia, Estonia, Letonia, Lituania y Finlandia (Rodríguez Fierro, 1991: 35). Aunque, tras el final de la Primera Guerra Mundial, el 13 de noviembre de 1918, el Gobierno soviético anuló el Tratado de Paz de Brest-Litovsk iniciando de nuevo una incursión de las tropas del Ejército Rojo por las tierras ucranianas (Kenez, 2023: 254) y negando con ello el anterior reconocimiento de la independencia de la UNR.

2.2. Los territorios ucranianos del antiguo Imperio austrohúngaro: la República Popular de Ucrania Occidental

Antes de la desintegración del Imperio de los Habsburgo, el 20 de octubre de 1918, se proclamó la creación del Estado ucraniano en los territorios de Austria-Hungría, y, el ejército ucraniano tomó el poder en Lviv durante la noche del 31 de octubre al 1 de noviembre (Kolb, 2022: 381), y a partir del 13 de noviembre, pasó a denominarse República Popular de Ucrania Occidental (Zakhidnoukrainska Narodna Respublika, ZUNR). Sin embargo, los polacos no estaban dispuestos a aceptar la idea de una identidad ucraniana separada. Por ello, esta región se vio en serios problemas tras la creación, pocos días después, de la Segunda República de Polonia que reclamaba este territorio como parte integrante de su nuevo Estado, incluida la ciudad de Lviv (García Andrés, 2023: 158). De este modo, dio inicio el conflicto entre polacos y ucranianos para el control del territorio de Ucrania occidental.

Este hecho, y teniendo en cuenta la situación en la que se encontraba la parte central y oriental del territorio actual ucraniano, se planteó poder hacer realidad uno de los principales deseos nacionalistas de unir bajo un mismo Estado a los territorios considerados étnicamente ucranianos. El 1 de diciembre de 1918, representantes de ambas partes firmaron un acuerdo preliminar relativo a la unificación de la ZUNR con la UNR, ratificado el 3 de enero de 1919. Finalmente, el 22 de enero se produjo en Kyiv la proclamación del acta de unión entre las dos repúblicas ucranianas (Motta, 2017: 178), un año después de la publicación de

la Cuarta Universal que proclamaba la independencia de la UNR. En este punto confluyeron dos conflictos en la nueva república, por un lado, la guerra ucraniano-bolchevique y, por el otro, la guerra polaco-ucraniana que, a partir de febrero de 1919, se convirtió en un enfrentamiento imprevisto entre las tropas polacas y bolcheviques en el oeste de Ucrania. Iniciándose de este modo una nueva lucha en el territorio ucraniano que duró más de dos años (Johnson, 2011: 176).

Posteriormente, en diciembre de ese mismo año, el territorio occidental fue cedido a Polonia para su apoyo en contra de los bolcheviques al resto de la UNR, mientras, como trataremos a continuación, esta república iniciaba sus negociaciones para ser reconocida como independiente en la SdN. Finalmente, Polonia administró la región de la ZUNR con la aprobación de los Aliados. La SdN no reconoció Galitzia Oriental como parte de Polonia hasta 1923, cuando otorgó a este país un mandato sobre la zona durante 25 años (Kappeler, 2014: 173-176).

3. Las conversaciones ucranianas de la UNR con la Sociedad de Naciones

3.1. Los primeros contactos en el seno de la organización

A principios del año 1918 se produjo un acontecimiento que hizo vislumbrar un nuevo panorama para las diferentes nacionalidades que habitaban en Europa y que buscaban su establecimiento como nuevos estados independientes dentro de los límites territoriales en donde se encontraba la población étnica de cada una de ellas. El encargado de hacerlo fue el presidente de EE. UU., Woodrow Wilson, quien el 8 de enero de ese año expuso ante el Congreso de su país un discurso conocido como los 14 puntos de Wilson en el que se planteaba la reconstrucción de Europa, una vez finalizase el conflicto.

Uno de los puntos trataba sobre la nueva Rusia bolchevique que se estaba formando, el Artículo 6 pedía la salida de las fuerzas militares de los Imperios centrales de su territorio (Marcano Salazar, 2005: 103) y su garantía de autonomía. De este modo, tras el final de la Primera Guerra Mundial los vencedores decidieron quiénes constituían una nación y quiénes no: Ucrania no lo era y no tenía derecho a la autodeterminación. En palabras la autora Anne Applebaum, «se debe a que, en los tratados de Paz de Versalles de 1919, donde se dibujaron las fronteras de los nuevos estados, Ucrania no estaba entre ellos» (2019: 43).

Otro de estos puntos afectaba directamente al Imperio de los Habsburgo, el Artículo 10 sugería que los pueblos de Austria-Hungría recibieran la facultad más grande «para el desarrollo de su autonomía» (Marcano Salazar, 2005: 103). Con este anuncio, los ucranianos del Imperio, al igual que del resto de las nacionalidades, tenían la opción de crear un territorio propio y étnicamente de mayoría ucraniana. Sin embargo, otro de los puntos generaba cierto grado de temor entre la población ucraniana: el Artículo 13 establecía la creación de un Estado polaco independiente que comprendería los territorios habitados por población indiscutiblemente polaca (Marcano Salazar, 2005: 103). Con este punto, las esperanzas nacionalistas ucranianas del Imperio austrohúngaro se vieron en peligro por las históricas aspiraciones polacas de su territorio.

Como quedó plasmado en el discurso de los 14 puntos del presidente Wilson no se hacía ninguna referencia a una Ucrania independiente, pero sí a la formación de un Estado polaco y de la oportunidad de que Rusia tuviera pleno derecho para su propio desarrollo. Además, hay que tener en cuenta el conflicto que se estaba desarrollando en el territorio ucraniano entre ambos países con la guerra polaco-bolchevique por su control. Por ello, y viendo las consecuencias que el establecimiento de estos dos Estados pudiera tener en el destino de una UNR independiente, desde los inicios de la Conferencia de Paz de París la cuestión ucra-

niana ya se trataba dentro de la misma como muestran los informes enviados por parte de G. Sydorenko, jefe de la Delegación de la República de Ucrania en París, el 18 de febrero de 1919[2]:

> La República de Ucrania, independiente y suprema por voluntad del pueblo y que acaba de solicitar ser admitida por sus representantes a la Conferencia de Paz, están en el momento actual en un estado de guerra con el Gobierno bolchevique de Rusia <...> para destruir la independencia de la República de Ucrania (Office of the Historian, 1919a: 69-70).

Unos meses después, y tras la creación de la SdN por el Tratado de Versalles[3], de nuevo, Sydorenko se ponía en contacto con el organismo recién creado con una nota en la que se enviaba al secretario general Eric Drummond una copia del Memorándum de Independencia de Ucrania. El documento se hizo llegar en agosto de ese mismo año, y había sido presentado previamente en la Conferencia de Paz con la ayuda de la misión diplomática de Ucrania en el Reino Unido. En él, se hacía un recorrido por la historia del territorio ucraniano para comprender la necesidad de crear un Estado libre y terminaba con dos principales peticiones:

> 1. Reconocimiento de la República de Ucrania, soberana e independiente, establecida por la voluntad de todo su pueblo en el territorio ucraniano perteneciente a la antigua Rusia y al antiguo Imperio austrohúngaro[4], y
> 2. La admisión de la UNR en la SdN (League of Nations Secretariat, 1919: 121).

El 10 de enero de 1920 tuvo lugar la fundación oficial de la SdN y en sus archivos ya encontramos documentación relativa a la UNR y a su relación con la Rusia bolchevique como la carta que escribió Lenin a los obreros y campesinos de Ucrania fechada el 6 de enero de ese mismo año, aunque recogida por la SdN el 19 de febrero de 1920. No obstante, no se puede olvidar el momento de lucha que se estaba produciendo entre las fuerzas nacionalistas ucranianas y el Ejército Rojo bolchevique. En ella indicaba:

> La independencia de Ucrania fue reconocida por el Comité Ejecutivo Central de los Soviets y por el Partido Comunista Ruso. Por lo tanto, es obvio que en Ucrania los propios obreros y campesinos, en su Congreso Panucraniano de Soviets, pueden decidir si Ucrania se fusiona con Rusia o si se crea una República Ucraniana independiente y, en este último caso, qué vínculo federal se establece entre esta República y Rusia (League of Nations Secretariat, 1920a: 2-4).

Teniendo en cuenta las intenciones de Lenin de hacerse con el poder en el territorio ucraniano e instaurar un gobierno bolchevique bajo el control del poder central soviético, el jefe de la Misión diplomática ucraniana en el Reino Unido, A. Margolin, continuó con la tarea de conseguir el apoyo de la SdN para una Ucrania libre. Durante el año 1920 realizó numerosas peticiones ante la SdN para el reconocimiento expreso de la UNR como Estado independiente. Una de las primeras se produjo el 11 de febrero y exponía:

> La Misión Diplomática de Ucrania en Inglaterra, al remitir a la SdN su opinión sobre el reconocimiento inmediato de Ucrania, tiene el honor de presentar las siguientes consideraciones. <...> El único ejército, el de

[2] Menos de un mes después de la unión de la UNR y la ZUNR (22 de enero de 1919).

[3] La fecha de creación por parte de la Conferencia de París es de 28 de junio de 1919, aunque no se hizo oficial hasta el 10 de enero de 1920.

[4] Incluso se adjuntaba un mapa con el territorio que reclamaba la UNR.

> Petliura, siempre estuvo abandonado a su suerte en su lucha desesperada y desigual contra los enemigos que lo rodeaban por todos lados (League of Nations Secretariat, 1920b: 3).

Ya en el mes de abril, el día 14, la Misión Diplomática ucraniana en el Reino Unido, en nombre del Gobierno de la UNR realizó una petición oficial a la SdN en conformidad con el Artículo I del Pacto de la SdN[5] para trasmitir su solicitud de admisión de la UNR como miembro. De nuevo, con un breve resumen histórico:

> Ucrania fue durante muchos siglos un Estado independiente y soberano, reconocido como tal por todos los demás Estados europeos. Solo a partir del siglo XIV y siguientes, ciertos territorios ucranianos en la margen derecha del Dniéper fueron conquistados por los polacos. Sin embargo, en el siglo XVII, el Hetman Khmelnytsky liberó también estos territorios de la dominación polaca y reunificó todas las tierras ucranianas como un solo Estado independiente (League of Nations Secretariat, 1920c: 14).

La solicitud formal fue comunicada por el secretario general al Consejo y a los Estados miembros de la Liga el 30 de abril de 1920. En el que incluso aparece el documento sobre el reconocimiento de la UNR por parte de la Rusia bolchevique.

> De conformidad con el tratado del 12 de julio de 1918, se establecieron relaciones diplomáticas entre Ucrania y la Rusia Soviética. <...> Estos documentos demuestran claramente que el Gobierno bolchevique ruso reconoció desde hace mucho tiempo la independencia total de la UNR y el hecho de que la guerra se libró como una guerra entre Estados (League of Nations Secretariat, 1920e: 9).

El 16 de junio apareció una nueva comunicación a la SdN por parte de la Misión Ucraniana en Reino Unido, en la que en vista de un posible tratamiento del conflicto entre Polonia y la Rusia bolchevique dentro de la organización internacional, planteaba una serie de consideraciones entre las que se indicaba el poco apoyo recibido por la UNR en la Conferencia de Paz de París, al contrario que para Rusia:

> La UNR se encuentra en estado de guerra con Rusia. Este conflicto era inevitable, ya que fue el resultado de ciertos errores de juicio del Consejo Supremo y de la Conferencia de Paz de París. Ninguno de ellos prestó apoyo al pueblo ucraniano para ayudarle a hacer realidad sus reivindicaciones de autodeterminación (League of Nations Secretariat, 1920g: 4).

De tal forma que los diplomáticos de la UNR ya habían puesto sobre la mesa de la SdN sus intenciones para que estudiase la solicitud de adhesión de los ucranianos. Para conseguir un mayor apoyo y remarcar la necesidad de independencia por parte de la UNR, en los archivos de la SdN también encontramos dos notas dirigidas al presidente de la Conferencia de Paz los días 14 y 16 de julio de 1920, por la delegación ucraniana en París, presidida por Cte. Tichkiewitch. En el primero de ellos se puede leer: «la República de Ucrania lleva tres años intentando cumplir con su deber luchando contra los bolcheviques y empleando to-

[5] Cualquier Estado, dominio o colonia plenamente autónomo que no figure en el anexo [de miembros de la SdN] podrá convertirse en miembro de la Sociedad si su admisión es aprobada por dos tercios de la Asamblea, siempre que ofrezca garantías efectivas de su sincera intención de cumplir sus obligaciones internacionales y acepte las normas que la Sociedad pueda prescribir en relación con sus fuerzas militares, navales y aéreas y su armamento (Office of the Historian, 1919b: 72-73).

das sus fuerzas para restablecer el orden y satisfacer los deseos de la autodeterminación de acuerdo con los principios de los Aliados» (League of Nations Secretariat, 1920b: 47).

La segunda de ellas, del día 16 de julio, exponía de nuevo las razones ucranianas por las que se debía valorar la creación de un Estado independiente en el territorio ucraniano y ponía de relieve que hasta ese momento había sido imposible para la Conferencia escucharlos personalmente. Incluso aportaron ciertas resoluciones presentadas por la Asamblea de Ucrania para protestar contra la ocupación de los territorios ucranianos por parte de Polonia y la Rusia bolchevique: «en la cuestión del armisticio entre los polacos y el Gobierno soviético ni siquiera se mencionó a Ucrania, y a la convocatoria de una conferencia en Londres no se ha invitado a los representantes del pueblo ucraniano» (League of Nations Secretariat, 1920b: 53).

3.2. La resolución de la cuestión ucraniana dentro de la Sociedad de Naciones

Viendo algunos de los documentos que se recibieron en la SdN con sus peticiones a lo largo de los meses anteriores para que se debatiera en su seno la posibilidad de incluir a la UNR como país miembro en el mes de noviembre comenzaron las sesiones de la organización. Concretamente, el día 15, tuvo lugar la sesión inaugural de la SdN. Entre su programa, uno de los temas a tratar era la admisión de Estados no mencionados en el anexo del Pacto[6] y que presentaron sus candidaturas[7] a ser posibles miembros de la SdN, entre ellos Ucrania. En esta sesión también se nombró el comité que se encargaría de realizar el informe para evaluar la admisión de los distintos países que propusieron su interés en entrar a la SdN, en este caso fue el Comité nº5 presidido por el chileno M. Antonio Huneeus Gana (League of Nations, 1920: 21-22).

En un documento registrado en la SdN el 8 de noviembre, pero fechado el 19 de octubre, y enviado por la Misión Diplomática Ucrania en Londres en nombre del Gobierno de la UNR, aparece el listado de países que habían reconocido la soberanía del Estado ucraniano:

> En diciembre de 1917, Francia e Inglaterra acreditaron ante la República de Ucrania a ciertos representantes diplomáticos reconociendo con este acto a la UNR; Alemania, Austria-Hungría, Turquía y Bulgaria reconocieron la independencia y soberanía del Estado ucraniano dentro de los límites fijados por el Tratado de Brest-Litovsk (9 de febrero de 1918); por su parte, el Gobierno soviético ruso también reconoció la independencia y soberanía de Ucrania mediante el Decreto de 4 de diciembre de 1917, publicado en su Boletín Oficial, Ho. 86 1917; en 1918, Finlandia, y en 1920, Polonia y Letonia reconocieron la independencia del Estado ucraniano (League of Nations Secretariat, 1920f: 5-6).

Tras la aprobación de la candidatura de la UNR a la SdN se publicó el memorándum de solicitud de admisión de la República de Ucrania (League of Nations Secretariat: 1920e) por el secretario general en el que aparece la documentación aportada por la UNR para su aprobación como miembro de la SdN, entre ellos: los países miembros de la SdN que de facto han reconocido al país, diferentes anexos como acuerdos entre Estados para su reconocimiento, cartas y notas de apoyo a su causa, etc.

Mientras las conversaciones dentro del Comité asignado a la consideración de la cuestión ucraniana se llevaban a cabo, la situación del territorio que reclamaba la UNR continuaba en lucha con el Ejército Rojo y en el que quería instaurar una república bajo un gobierno bolchevique a las órdenes de Moscú. En este sentido y antes de la resolución definitiva de la posible admisión de la UNR en la SdN, el 1 de diciembre

[6] Es decir, de los países que no eran en ese momento miembros de la SdN, y que habían presentado su solicitud de admisión.

[7] Junto con Ucrania se encontraban: Armenia, Costa Rica, Estonia, Finlandia, Georgia, Letonia, Liechtenstein, Lituania y Luxemburgo.

se llevó a cabo la entrega de un informe relativo a la ocupación de Ucrania por las tropas de la República Soviética de Rusia:

> En los distritos invadidos, el Gobierno Soviético de Rusia ha creado un régimen basado en la ocupación militar. Con el fin de engañar a la opinión pública, este régimen se ha denominado »Gobierno de los Comisarios del Pueblo Ucraniano». No hay ni un solo ucraniano entre estos Comisarios del Pueblo; todos han sido enviados desde Moscú. (League of Nations Secretariat, 1920d: 60).

Por su parte la Comisión nº5 se reunió el 6 de diciembre y llevó a cabo su informe final que se expuso en la 28ª sesión de la SdN. En él, se analizaba la estabilidad del gobierno ucraniano, las fronteras, población, actitud relación con las obligaciones internacionales y reconocimiento exterior. Finalmente, este comité decidió: «la Quinta Comisión tiene el honor de presentar a la Asamblea su informe sobre la solicitud de admisión de Ucrania en la SdN y se manifiesta desfavorable a dicha admisión, dado que Ucrania no parece contar con un gobierno estable cuya autoridad se extienda a todo su territorio» (League of Nations, 1920: 665-666).

En esta sesión plenaria, la 25ª, se generaron debates en relación con Armenia, Azerbaiyán, el Cáucaso y Ucrania, naciones que, aún no contaban con un Gobierno estable ni fronteras claramente definidas. Estos países no cumplían con todos los requisitos establecidos para su admisión (League of Nations, 1920: 567). De este modo, en la 28ª sesión de la SdN que tuvo lugar el 17 de diciembre se puso sobre la mesa la negativa de la comisión a la anexión a la SdN de Ucrania, pero debía ser ratificada por los miembros de la asamblea en esa misma sesión. Tras el conocimiento del informe de la Comisión nº5 se procedió a la votación para la admisión de la UNR a la SdN. La solicitud de admisión de Ucrania fue rechazada por 24 votos. Votaron 24 Estados, de los cuales: 24 Estados[8] en contra y, se abstuvieron o estuvieron ausentes 18 Estados[9] (League of Nations, 1920: 651-652).

Mientras se tomaba esta decisión dentro de la SdN, en el territorio de la UNR la situación en la contienda con los bolcheviques tomó un giro que cambió por completo los planes de independencia del pueblo ucraniano, y que iba a dejar sin posibilidades un nuevo intento de alcanzar su reconocimiento como Estado en la organización internacional. Se produjo un acuerdo entre la República Socialista Federativa Soviética de Rusia y la RSS de Ucrania el 28 de diciembre de 1920, por el cual, ambas partes representaban Estados separados y totalmente soberanos, que formaban una federación parcial con fines de defensa mutua y desarrollo económico pacífico (Liber, 2016: 76).

4. A modo de conclusión

Como hemos podido ver a lo largo de estas páginas el tratamiento del posible reconocimiento de la UNR por parte de la SdN tras la Primera Guerra Mundial estuvo marcado por ciertos acontecimientos que pusieron sobre las cuerdas los deseos de independencia del pueblo ucraniano, y que, finalmente se tornó en un intento fallido. Tras la Revolución de febrero y el surgimiento posterior de la Rusia bolchevique, en enero de 1918, se produjo la declaración de independencia de la UNR. Por su parte, tras la desintegración en octu-

[8] Votaron en contra de la admisión: Sudáfrica, Australia, Bélgica, Bolivia, Brasil, el Imperio Británico, Canadá, Chile, Cuba, Dinamarca, España, Francia, Grecia, India, Italia, Japón, Noruega, Nueva Zelanda, Panamá, Países Bajos, Estado Serbio-Croata-Esloveno, Suecia, Suiza y Checoslovaquia.

[9] Se abstuvieron o estuvieron ausentes: Argentina, China, Colombia, Guatemala, Haití, Honduras, Liberia, Nicaragua, Paraguay, Persia, Perú, Polonia, Portugal, Rumanía, El Salvador, Siam, Uruguay y Venezuela.

bre de 1918 del Imperio austrohúngaro, las nacionalidades que lo habitaban pudieron acceder al surgimiento de nuevos Estados, como es el caso de la ZUNR en la región de Galitzia oriental.

No obstante, ambas repúblicas se vieron presionadas por dos nuevos Estados vecinos que surgieron y que querían controlar el territorio ucraniano. A través de los 14 puntos de Wilson se pusieron las bases para la constitución de Polonia y de la Rusia bolchevique, iniciándose con ello dos conflictos en el territorio ucraniano: la guerra polaco-ucraniana y la guerra ucraniana-bolchevique, que posteriormente se convirtió en una lucha entre polacos y bolcheviques por el control del territorio ucraniano.

Ante esta situación, y como hemos podido extraer de la documentación de los archivos de la SdN, el tratamiento para el reconocimiento de la UNR se hizo bastante complicado al no contar con unas fronteras y un gobierno estables. Por ello, y a pesar de todos los informes enviados por las Misiones diplomáticas ucranianas en el Reino Unido y en París en nombre de la UNR, su rechazo en diciembre de 1920 como miembro de la SdN cerró las puertas al establecimiento de una república ucraniana independiente, rompiendo las aspiraciones nacionalistas e independentistas de la población ucraniana. Finalmente, se formó la RSS de Ucrania bajo el control soviético, y que, no fue hasta el final de la Segunda Guerra Mundial cuando el territorio actual de Ucrania se unió en un mismo Estado, de nuevo bajo el yugo soviético.

Bibliografía

Applebaum, A. (2019). *La Hambruna Roja. La guerra de Stalin contra Ucrania*. Debate.

García Andrés, C. (2023). *Historia de Ucrania. De la antigüedad a la independencia*. Ediciones de la Universidad de Valladolid.

García Andrés, C. (2025). On the Eastern Border of Europe: the case of Ukrainian nationalism, from the Inter-War Period to the years the Second World War: Towards an independent Ukraine? In G. A., Pérez Sánchez *et al* (Eds.), *International society and Europeanism* (pp. 145-163). Springer.

Herrero de la Fuente, M. (2006). Consecuencias de la aplicación del tratado de Schengen para las regiones a ambos lados de la frontera oriental polaca. In C., Flores Juberías (Ed.), *De la Europa del Esta al este de Europa* (pp. 195-215). Publicaciones de la Universitat de Valencia.

Johnson, L. (2011). *Central Europe: Enemies, Neighbors, Friends*. Oxford University Press.

Kappeler, A. (2014). *Kleine Geschichte der Ukraine*. CHBeck.

Kenez, P. (2023). *Civil War in South Russia, 1918: The first year of the volunteer army*. University of California Press.

Kolb, N. (2022). The Greek Catholic Parish Clergy in liberation struggle of the Galician Ukrainians in 1918-1923. In T., Pudlocki and K., Ruszala (Eds.), *Postwar continuity and new challenges in Central Europe, 1918-1923* (pp. 381-397). Routledge.

Korostelina, K. V. (2013). *History education in the formation of social identity. Toward a culture of peace*. Palgrave MacMillan.

League of Nations (1920). *The records of the first Assembly. Plenary meetings*. Génova. https://archives.ungeneva.org/assembly-1920-plenary-meetings;isad?sf_culture=en

League of Nations Secretariat (1919). *Mémoire sur l'indépendance de l'Ukraine présente à la Conférence de la Paix par délégation de la République Ukrainienne*. Paris, Sec. No. 28, Dossier No. 1046. https://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/16238/file.pdf

League of Nations Secretariat (1920a). *Relief for Russian Famine Victims - Russian Trade Delegation (London) - Memorandum on the origin and early history of the famine, statistics and reports from various districts,*

and relief measures taken by the Russian Government. R656/12/14983/14182. https://archives.ungeneva.org/relief-for-russian-famine-victims-russian-trade-delegation-london-memorandum-on-the-origin-and-early-history-of-the-famine-statistics-and-reports-from-various-districts-and-relief-measures-taken-by-the-russian-government

League of Nations Secretariat (1920b). *Ukraine's accession*. S397/62/5. https://archives.ungeneva.org/league-of-nations-ukraines-accession

League of Nations Secretariat (1920c). *Ukraine and Poland - Americans and Ukrainians from the Connecticut State,* R563/11/10651/2361. https://archives.ungeneva.org/lukraine-et-la-pologne-les-americains-et-les-ukrainiens-de-letat-de-connecticut-communique-une-petition-presentee-par-diverses-associations-americaines-et-ukrainiennes-a-leffet-de-liberer-du-joug-polonais-les-territoires-ukrainiens-ann

League of Nations Secretariat (1920d). *Admission of the Ukraine Republic to the League of Nations.* R1449/28/8723/1046.https://archives.ungeneva.org/admission-of-the-ukraine-republic-to-the-league-of-nations-secretariat-memorandum-summarising-the-history-of-the-ukraine-and-its-application-for-admission-to-the-league-assembly-document-88

League of Nations Secretariat (1920e). *Ukrainian diplomatic Mission in the United Kingdom - Recognition of the Ukrainian State - Transmits, in view of the decisions of the San Remo Conference with regard to Russia*, R565/11/4093/3043. https://archives.ungeneva.org/ukrainian-diplomatic-mission-in-the-united-kingdom-recognition-of-the-ukrainian-state-transmits-in-view-of-the-decisions-of-the-san-remo-conference-with-regard-to-russia-translated-copy-of-a-memo-by-mr-shelukhin-ukrainian-delegate-to-t

League of Nations Secretariat (1920f). *The Ukrainian question - Ukrainian diplomatic Mission in the United Kingdom*. R565/11/4902/3043. https://archives.ungeneva.org/the-ukrainian-question-ukrainian-diplomatic-mission-in-the-united-kingdom-memo-to-the-league-of-nations-council-stating-the-attitude-of-the-ukrainian-government-and-nation-in-regard-to-their-relations-with-russia

League of Nations Secretariat (1920g). *Admission of Ukraine to the League - Ukranian Diplomatic Mission*. R1449/28/7655/1046. https://archives.ungeneva.org/admission-of-ukraine-to-the-league-ukranian-diplomatic-mission-in-reply-to-the-secretary-generals-communication-of-25-august-1920-transmits-documents-relating-to-the-recognition-of-the-independence-of-ukraine-together-with-explanatory-

Liber, G. O. (2016). *Total wars and the making of modern Ukraine 1914-1954*. University of Toronto Press.

Magocsi, P. R. (2010). *A history of Ukraine. The land and its peoples.* University of Toronto Press.

Marcano Salazar, L. M. (2005). *Fundamentos de Derecho Internacional Público.* Los libros de El Nacional.

Motta, G. (2017). *The Great War against Eastern European Jewry, 1914-1920*. Cambridge Scholars Publishing.

Office of the Historian-Department of State United States of America (18 febrero 1919a). *The Head of the Ukrainian Delegation at Paris (Sydorenko) to the Commission to Negotiate Peace, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*, Russia, Paris Peace Conference 860 C.00/46. https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Russia/d47

Office of the Historian-Department of State United States of America (28 de junio de 1919b). *The Covenant of the League of Nations (Art. 1 to 26)*. The Paris Peace Conference, Volume XIII. https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv13/ch10subch1

Palko, O. (2020). *Making Ukraine Soviet. Literature and cultural politics under Lenin and Stalin.* Bloomsbury Publishing.

Risch, W. J. (2011). *The Ukrainian West. Culture and the fate of Empire in Soviet Lviv.* Harvard University Press.

Rodríguez Fierro, A. (1991). *La revolución rusa y el desarrollo de la URSS (1917-1939).* Ediciones Akal.

Wade, R. A. (1993). Ukrainian Nationalism and 'Soviet Power': Kharkiv, 1917. In B., Krawchenko (Ed.), *Ukrainian Past, Ukrainian Present* (pp. 70-83). St. Martin's Press.

Wilson, A. (1997). *Ukrainian nationalism in the 1990s. A minority faith*. Cambridge University Press.

IMPORTADORAS DE MAIAKOVSKI Y DE PUSHKIN EN LA ARGENTINA DE LA DÉCADA DE 1940: LILA GUERRERO Y OLGA VOLKÓNSKAIA

Florencia García Brunelli
Instituto de Historia Argentina y Americana «Dr. Emilio Ravignani», UBA-CONICET
Érica Brasca
Instituto de Estudios Críticos en Humanidades, UNR-CONICET

1. Introducción

Lila Guerrero (1906-1986) y Olga Volkónskaia[1] (1916-1977), hijas de exiliados rusos que recalaron en Argentina en la primera mitad del siglo XX, fueron escritoras, críticas y traductoras de literatura rusa. Guerrero era hija de militantes socialistas que, tras la Revolución de 1905, abandonaron el Imperio Ruso, mientras Volkónskaia provenía de una familia noble emigrada en 1936. Durante la década de 1940, las dos asumieron lugares protagónicos en el proceso de importación[2] de literatura rusa, ya que realizaron las primeras traducciones directas en la «época de oro» de la edición argentina (1938-1955), signada por la demanda de literatura extranjera y el surgimiento de grandes editoriales producto del éxodo de editores españoles tras la Guerra Civil (De Diego, 2014). Guerrero y Volkónskaia, en el marco de la lucha contra el fascismo y el apoyo a la URSS en la Segunda Guerra Mundial, adoptaron una postura prosoviética, que marcará sus prácticas importadoras.

Si bien estas traductoras fueron abordadas en trabajos sobre literatura rusa en el ámbito hispanohablante (Schanzer, 1972; Lobos y López Arriazu, 2017; Lescano, 2018; García Brunelli, 2024; Brasca, 2024; Gallardo-Saborido, 2025), el estudio sistemático de sus trayectorias está aún en curso y, en Argentina, se enmarca en dos procesos recientes: la institucionalización de la eslavística y la consolidación de la historia de la traducción literaria, que incluye el análisis de editoriales y agentes culturales. En el caso de Guerrero, la reconstrucción de su trayectoria entre Argentina, Rusia y España depende de fuentes documentales dispersas, dado que su archivo personal no está disponible en acervos públicos (Jeifets, 2017; Tarcus, 2020; Кантор, 2020). En cuanto a Volkónskaia, la limitada atención recibida se relaciona con la apertura en 2021 de su archivo personal en el Archivo Estatal de Perm. Existen, no obstante, trabajos sobre sus ficciones escritas en Rusia (Мишланова, 2006; Воронова, 2006; Бурдина и Мельничукова, 2018) y Argentina (Антипина, 2023).

Guerrero y Volkónskaia confeccionaron las ediciones *Antología de Maiacovski. Su vida y su obra* (1943) y *Alejandro Pushkin. Su vida y sus obras* (1947), respectivamente, publicadas por la Cooperativa Editorial Cla-

[1] En Argentina, Volkónskaia firmaba sus publicaciones como «Olga de Wolkonsky», utilizando su apellido de casada. Hemos optado por la forma rusa para los apellidos femeninos, en este caso: Olga Volkónskaia.

[2] Seguimos el concepto de «importación literaria», de Blaise Wilfert, entendido como el trabajo de transcripción de un texto en lengua extranjera a la lengua nacional, pero también el «trabajo como prologuista, cronista, director de colección, analista erudito o simplemente como contacto entre autores extranjeros y editores o traductores nacionales» y todos aquellos que «construyen valor en el espacio receptor» (2002: 42).

ridad (1922-1976), fundada por Antonio Zamora.[3] En su catálogo predominaron la literatura rusa y los géneros biográficos. Con ediciones populares, accesibles en kioscos de revistas y estaciones de tren, Claridad se destacó en el segmento del libro barato hasta la década de 1940 (Delgado y Espósito, 2014: 79). Esto le permitió llegar a un público masivo, al que se proponía «educar» (Montaldo, 1987: 44).

Las ediciones mencionadas cuentan con extensos estudios biográficos y críticos, además de traducciones. En consonancia con la línea pedagógica editorial, las traductoras, en sus ensayos, construyen las figuras de los autores y guían las lecturas de las obras. A través de contextualizaciones e interpretaciones, orientan la recepción de los textos en el marco de un proyecto editorial que articula la difusión literaria con una política cultural de masas. Además, las antologías se basan en la fórmula «vida y obra» y siguen la línea de publicación de biografías de «los grandes genios de la cultura universal».[4] El genio es una figura de dimensión ambivalente: se destaca de la multitud —y, por lo tanto, puede guiarla—, pero también puede ser «como cualquiera de nosotros» (Montaldo, 1987: 54). La fórmula «vida y obra» propone una lectura moralizada y pedagógica que humaniza al autor y reafirma la coherencia entre vida y producción literaria. La vida, leída como narración ejemplar, legitima la selección de los textos. En esta dirección, Pushkin y Maiakovski condensan momentos clave de la cultura rusa y funcionan, para el lector argentino de los años cuarenta, como catalizadores de un imaginario revolucionario universal.

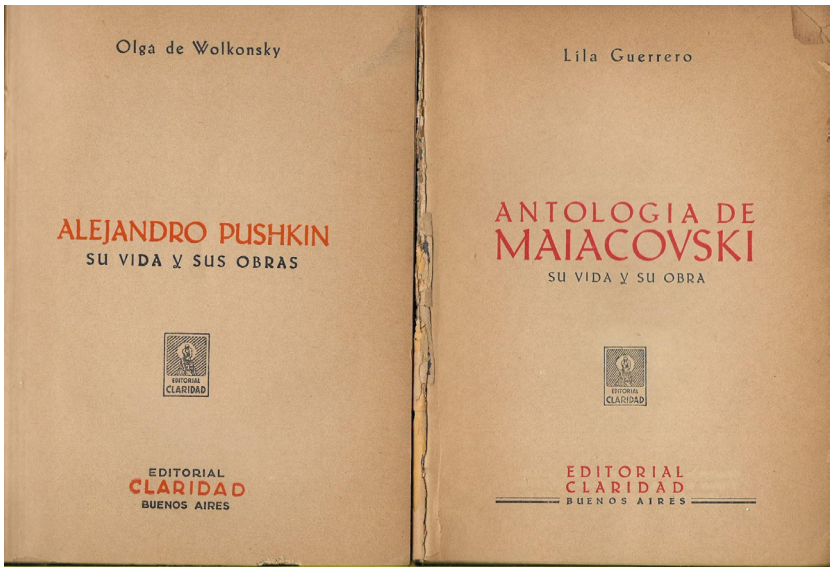

Imagen 1. Portadas de las ediciones. Archivo personal

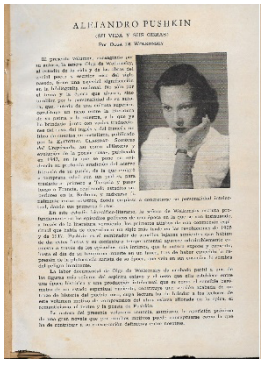
A partir del análisis de las ediciones —su estructura, sus paratextos y las operaciones críticas de introducción de los escritores—, explicaremos el rol que cumplieron Guerrero y Volkónskaia como importadoras de literatura rusa en Argentina. Atendemos a sus trayectorias individuales y «posición social» (Sapiro, 2008: 98), y al conjunto de relaciones históricas en que se produjeron y circularon las traducciones, puesto que entendemos la traducción como una práctica situada (Heilbron y Sapiro, 2002). Además, adoptamos una

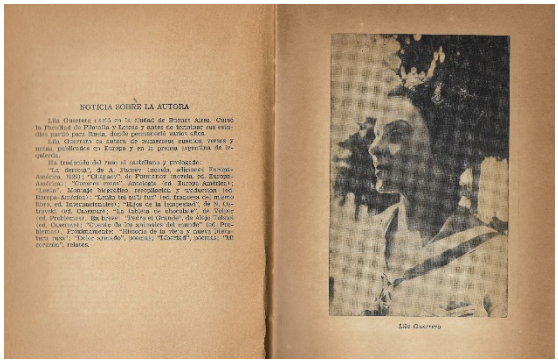
[3] Antonio Zamora (1896-1976), tras abandonar su Andalucía natal, llegó a Argentina de adolescente, donde se afilió al Partido Socialista y comenzó a trabajar en la esfera periodística. En 1922 fundó la Cooperativa Editorial Claridad, que lo convertiría en uno de los editores locales más importantes del siglo XX.

[4] Montaldo (1987) caracterizó de este modo el lineamiento editorial del período 1922-1924, pero estas características son propias también de los libros de literatura ruso-soviética editados en la década de 1940, como hemos mostrado en un trabajo nuestro anterior (García Brunelli, 2024). Ubertalli también señala que en la década de 1930 la editorial conservó el impulso «traductor» y «selector» de su primera etapa, además de una «concepción denodadamente ecuménica» (2023: 240).

perspectiva de género de la historia de y con mujeres (Fernández, 2019; Falcón, 2023), ya que estos casos contribuyen al estudio de la participación de mujeres en la cultura impresa. Estas ediciones constituyeron una apuesta de las traductoras por posicionarse como escritoras y críticas —como históricamente lo fue para las mujeres (Simon, 1996)— en una editorial donde la traducción era una práctica sobrerrepresentada por mujeres.[5]

En suma, buscamos mostrar cómo las estrategias de traducción y presentación crítica de los autores rusos estuvieron motivadas tanto por el proyecto político-cultural de masas de la editorial como por sus propias aspiraciones literarias y su marcado espíritu prosoviético, que motivó la identificación de los autores rusos como catalizadores del «espíritu revolucionario». Esto podría iluminar la lógica que guiaba sus actividades de importación literaria en general y los modos de apropiación y circulación de la literatura rusa en la cultura argentina de la década de 1940.

ALEJANDRO PUSHKIN

NOTICIA SOBRE LA AUTORA

Imágenes 2 y 3. Notas biográficas de las traductoras en las ediciones (1943 y 1947). Archivo personal

2. Traducir y narrar a Maiakovski: la intervención de Lila Guerrero

Lila Guerrero (Elizaveta I. Iakovleva) nació en una familia de exiliados rusos. Su madre, Ida I. Bondareva, llegó a Buenos Aires tras escapar de la represión zarista y, desde 1908, participó en la conformación del primer comunismo argentino (Tarcus, 2020). Guerrero creció, se educó y vivió en Argentina hasta 1926. Ese año se trasladó a Moscú, donde trabajó como traductora entre 1928 y 1936, primero, en la sección editorial del Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista y, más tarde, en la Editorial de Obreros Extranjeros (Jeifets y Jeifets, 2017: 109). Conoció personalmente a Maiakovski y asistió a sus lecturas públicas. Participó en la Guerra Civil Española como parte de una delegación soviética de traductores en apoyo a la República, lo que le valió condecoraciones oficiales (Кантор, 2020: 17). Luego, se estableció en Buenos Aires junto con su compañero Luis Víctor Sommi, dirigente del Partido Comunista de la Argentina (PCA), al que ella también perteneció. Desde Buenos Aires, donde residió hasta su fallecimiento en 1986, desarrolló un sostenido proyecto de importación de literatura ruso-soviética, cuyo repertorio va de Pushkin a Erenburg pasando por Maiakovski y Leonov. Integrada a redes intelectuales comunistas, sus traducciones se publicaron en editoriales de izquierdas argentinas y circularon transnacionalmente.

La *Antología de Maiacovski. Su vida y su obra* (1943), a cargo de Lila Guerrero, fue la primera traducción del ruso en el mundo hispanohablante[6]. La edición se divide en cuatro partes: un ensayo extenso de la

[5] Esto se podrá constatar en el catálogo de la editorial Claridad (García Brunelli y Ubertalli, en prensa).

[6] A partir del relevamiento realizado en catálogos públicos, el primer volumen de Maiakovski en traducción directa al castellano es el de Claridad (1943) a cargo de Lila Guerrero. Luego, se destacan otras ediciones de poesía de la misma traductora (Platina, 1957;

traductora, seguida de «Poemas 1913-1917» y «Poemas 1917-1930», que toma como divisorio el año de la Revolución de Octubre, y, por último, la traducción de «Cómo se hacen los versos» y un índice de obras de y sobre el poeta. En el afán de presentar un recorrido lo más completo posible, Guerrero extracta, reseña, analiza y formaliza guías de lectura (operaciones también observables en el volumen de Volkónskaia sobre Pushkin).

En su ensayo sobre Maiakovski, Guerrero utiliza recursos críticos para acercar al poeta a la cultura meta y generar interés en los lectores locales (Lobos y López Arriazu, 2017: 119). Para ello, inserta a Maiakovski tanto en la tradición rusa (Pushkin, Blok) como en la occidental (Whitman, Apollinaire, Rimbaud, Mallarmé), y lo vincula con poetas de nuestra lengua (Darío, Alberti y González Tuñón), para resaltar su dimensión política.

Además de imágenes, datos biográficos y literarios poco conocidos por entonces, Guerrero incorpora fuentes valiosas —como las memorias de Víktor Shklovski sobre Maiakovski— en el desarrollo argumental de su ensayo. También se vale de su propia vivencia: repone conversaciones, rumores y responde a críticas sin explicitar el interlocutor. En esta dirección, despliega una dimensión anecdótica al incorporar pasajes en los que da rienda suelta a la creación de un mito o acentúan su identificación, como escritora-traductora, con el autor. La inclusión de anécdotas personales legitima su posición de «conocedora» y transmite sus vivencias con el poeta. De este modo, al escribir sobre la vida de Maiakovski, Guerrero se autofigura y, a su vez, configura un mito del biografiado. Dicha configuración no es exclusiva de Guerrero sino que, como señala Vera Teriójina, a partir de «El mito latinoamericano sobre Maiakovski» de Nadiarnij, es observable en varios textos sobre el poeta. Las distintas facetas destacadas de Maiakovski —el poeta de la Revolución, el profeta del progreso, el derribador de los clásicos fosilizados— constituyeron un mito a lo largo del tiempo, pero fue entre los años treinta y cuarenta cuando Maiakovski ingresa de modo más extendido, gracias a los traductores-migrantes y al papel de la Revolución en el contexto de las situaciones sociopolíticas nacionales (Терёхина, 2017: 290).

En cuanto al mito que elabora Guerrero, se percibe el propósito de contar la historia de un poeta nacido en una familia trabajadora de Georgia, quien prematuramente despuntó sus inquietudes intelectuales y revolucionarias. De este modo, narra en algunos pasajes del ensayo:

> Bajo cielos de azul Picasso, junto a flores de almendros, se alzaba la rústica casita de vigas de madera de dos pisos, donde naciera el poeta <...> El pequeño Volodia aprende a leer antes de que le enseñe su madre las primeras letras <...> El segundo libro que cae en sus manos fue el *Don Quijote de la Mancha*. ¡Qué libro! –exclama más tarde el poeta y cuenta que después de leerlo hizo una lanza de madera y un escudo y amenazaba con ella a los vecinos <...> El niño Maiacovski tiene once años de edad y ya empieza a concurrir a los mitines y a las manifestaciones <...> La muerte del padre cambia el curso de su vida <...> La familia queda en la miseria y la madre decide trasladarse a Moscú con sus tres hijos. Posee en sus haberes, además del pasaje y algunos enseres, sólo tres rublos (1943: 15-21).

Losada, 1970) y de otros, tales como José Fernández Sánchez (Madrid, Visor, 1973) e Irina Bogdaschevski (Buenos Aires, CEAL, 1988; Buenos Aires, Blatt, 2015). Asimismo, fueron traducidos directa e indirectamente el teatro y los ensayos, todos después de 1943. Hasta donde sabemos, lo que ha circulado antes de esa primera edición de Lila Guerrero fueron textos breves o fragmentos en publicaciones periódicas y en la antología *Veinte cuentistas de la nueva Rusia* (Madrid: Zeus, 1930. Selección y versión española de V. Orobon Fernández). Véase también el relevamiento publicado como apéndice de la tesis doctoral de Alexandra Cheveleva Dergacheva (2018).

El origen humilde de Maiakovski, la presentación de una geografía idealizada, su carácter autodidacta y precoz, la identificación infantil con el Quijote en su rasgo combativo, el instinto innato de compromiso señalado en su militancia temprana, así como también una vida signada por la muerte del padre son algunos de los rasgos que caracterizan esos pasajes iniciales narrados por Guerrero.[7] Luego, se añaden los padecimientos y sacrificios de Maiakovski —las dificultades económicas, los encarcelamientos, el abandono de la «militancia activa» para abocarse a luchar por un arte socialista—, como parte del camino que el poeta recorre hasta convertirse en el cantor de la Revolución. Finalmente, Guerrero relata cómo el poeta acarreó con un amor no correspondido, con enfermedades y dificultades propias de un incomprendido en su medio que lo llevaron a poner fin a su vida. De esta manera, la narración combina escenas del entorno del biografiado con la exaltación de los rasgos que lo singularizan. Maiakovski aparece, entonces, como una figura excepcional y heroicamente humana, idealización que se condensa en el apartado «Mi encuentro» (1943: 159).

Guerrero afirma que fue suficiente conocer la obra de Maiakovski «para amarlo» y para comprender que su poesía se enlazaba con el destino de la vida de ella (1943: 158). En los prólogos a las sucesivas ediciones de sus traducciones, reafirmó este «sagrado compromiso» con la difusión del poeta. Ya desde la primera edición explicita ser consciente de su rol pionero: «como traductora, sólo deseo la gratitud del lector por haber sido la primera que ha hecho conocer al poeta en castellano» (1943: 182). Esto contribuye a su posicionamiento como traductora legítima, algo que Volkónskaia también hará en su libro, al señalarse como una de las primeras traductoras del ruso de las obras completas de Pushkin en Sudamérica.

Consecuentemente con el tipo de figura que construye, Guerrero busca una valoración positiva de Maiakovski y de la URSS, al indicar que el libro habrá cumplido su misión si los lectores comprenden «lo urgente e inevitable que es cambiar el mundo» (1943: 183). De esta manera, postula al autor como catalizador de un espíritu revolucionario que convoca la transformación. A su vez, presenta ciertas exigencias para leer la obra de Maiakovski, vinculadas a posicionamientos políticos, en particular, al pronunciamiento oficial soviético sobre el poeta. De allí que el ensayo cierre con un dibujo de Stalin, cuyo epígrafe es la frase que dijera en 1935 («Maiakovski fue y sigue siendo el mejor, el más talentoso poeta de nuestra era soviética»)[8], o que, en el apartado dedicado a los viajes al extranjero de Maiakovski, Guerrero asegure: «antes de cumplirse los seis meses de su permanencia en Norteamérica, el poeta vuelve desesperadamente a Moscú, aburrido de América y más enamorado que nunca de la Unión Soviética. Así le pasaba siempre durante su permanencia en el extranjero» (1943: 145).

A partir de las operaciones señaladas, el ensayo busca iluminar todas las aristas de la vida y la obra de Maiakovski. En ese afán por no dejar nada en penumbra, ni dar lugar a interpretaciones perjudiciales, se hace visible la intervención de la traductora. Guerrero forja una imagen mítica del autor, ofrece un panorama detallado de su obra y de su contexto de producción, e incorpora intervenciones críticas que lo acercan a la cultura receptora, al tiempo que propone modos de leer su selección. Para «dar a conocer» a Maiakovski, Guerrero no sólo traduce su obra, sino también narra su vida, tareas que enlaza con su propia trayectoria intelectual y vital.

---

[7] El autodidactismo y la resiliencia ante una vida trágica y signada por la pobreza son características adjudicadas a todos los autores rusos publicados en *Los Pensadores* (1922-1924) de la editorial Claridad (Montaldo, 1987). En esta obra de Maiakovski, se recurre al mismo procedimiento, algo que es coherente con la idea de que, luego de 1935, el catálogo de literatura ruso-soviética de la editorial vuelve a priorizar la publicación de autores de renombre, la dimensión biográfica y su «genialidad» (Ubertalli, 2023: 240; García Brunelli, 2024: 355).

[8] A lo largo de la edición hay varias referencias a Stalin y esa frase repetida, en particular, es también la del epígrafe de la introducción que escribió Iván Luppol para el primer tomo de las obras escogidas publicadas por la editorial estatal soviética en 1936.

3. Traducir la herencia rusa: Pushkin en la mediación de Volkónskaia

Volkónskaia emigró con su familia en 1920 por la participación de su padre en el Ejército Blanco Ruso. Llegó a Argentina en 1936, con 20 años, tras exiliarse en Turquía y Francia. En Buenos Aires trabajó en el taller de juguetes familiar y estudió español. En 1941, tras sufrir una lesión en una mano y separarse del príncipe Wolkonsky, comenzó a ganarse la vida con traducciones, artículos periodísticos, clases de idiomas y correcciones editoriales. En sus memorias, Volkónskaia relata que la traducción fue un medio de subsistencia: trabajaba hasta 14 horas diarias y escribía ficción por la noche, en un contexto donde el trabajo literario era precario y el reconocimiento, excepcional (Волконская, 1960-1969).Volkónskaia tradujo a Pushkin, A. K. Tolstoi y A. S. Makarenko, la vida y obra de Dostoievski por A. Yarmolinsky y la historia de la literatura rusa de K. Waliszewski. Escribió textos críticos y ficcionales para editoriales y publicaciones de izquierdas (Futuro, Argonauta, Américalee y Claridad), pero también publicó en los grandes diarios de derecha argentinos —*La Nación* y *La Prensa*—, así como en *El Hogar* y Emecé, de perfil comercial; colaboraciones que podían responder tanto a la retribución económica como al interés por ganar visibilidad en el campo cultural. Asimismo, participó en el Comité Eslavo Argentino,[9] organización prosoviética de emigrados vinculada al PCA[10], y se desempeñó como redactora y correctora de sus revistas, *Tierra Rusa* y *Unión Eslava*. En 1949 viajó a Checoslovaquia y luego a la URSS, donde continuó su labor como periodista, traductora y escritora hasta su muerte.

El análisis del rol de Volkónskaia como importadora de literatura rusa, particularmente de Pushkin, requirió un relevamiento en bibliotecas nacionales de las obras *de* y *sobre* Pushkin que circularon en Argentina en la primera mitad del siglo XX. Constatamos que ya existían ediciones desde 1916,[11] de las que Claridad buscó diferenciarse. Los editores justificaron la relevancia de la obra y la presentaron como un texto de «especial significación para la bibliografía nacional» (De Wolkonsky, 1947: s.p.), al sostener que se trataba de una traducción directa[12] del ruso realizada por una emigrada: «[Volkónskaia] constituye un nexo entre la literatura de su patria y la nuestra», «[en sus escritos] pone en evidencia su profunda erudición del acervo literario de su patria» (*ibidem*). Ofrecer una traducción directa implicaba, para los editores, poner en contacto a los lectores «sudamericanos» (De Wolkonsky, 1947: 16) con la fuente rusa, lo que permitía a Claridad presentarse como una editorial de textos «fieles» y «auténticos», en un contexto en que la literatura rusa siempre había llegado mediante traducciones indirectas o realizadas en España (Fauzetdinova, 2017; Volkónskaia, 1947: 9).

---

[9] El Comité Eslavo Argentino se formó en 1941, luego de la creación del Comité Paneslavo de la URSS en Moscú ese mismo año. El objetivo de este último era lograr la unión de todos los eslavos migrantes que estaban en dispersos en el mundo a fin de aunar fuerzas para la lucha antifascista. Véase Serrano Benítez (2012).

[10] Estas organizaciones no representaban directamente al PCA, pero algunos de sus miembros y directivos mantenían vínculos con importantes figuras partidarias por su apoyo compartido a la Unión Soviética. En el caso de Volkónskaia, estos lazos se evidencian en las frecuentes colaboraciones para el diario *La Hora*, vocero del PCA dirigido por Rodolfo Ghioldi, uno de los máximos referentes del comunismo argentino.

[11] En la Biblioteca Nacional Mariano Moreno y en la Biblioteca Argentina Juan Álvarez identificamos 22 ediciones entre 1916 y 1947: 19 obras *de* Pushkin (la mayoría, teatro y prosa) y 3 estudios *sobre* Pushkin. De estas 22 ediciones, 17 son argentinas, 3 son españolas, 1 chilena y 1 cubana. En el caso de las argentinas, algunas consignan traductores españoles (como Tomás Orts-Ramos, Manuel Altolaguirre y Félix Díez Mateo), por lo que podría tratarse de reimpresiones de traducciones hechas en España.

[12] La traducción de Volkónskaia es la tercera directa de una obra de Pushkin hecha en Argentina. Antes, se halla una compilación de cuentos de Pushkin traducida por Pedro de Olazábal, Alejandra de Urwantzoff y Mura Bykov, editada por Inter-Americana en 1945, y una traducción de *Boris Godunov* a cargo de Lila Guerrero, editada por Claridad en 1946. En cuanto al resto, no aclara si es una traducción directa del ruso, a pesar de que se consigne al traductor.

El estudio biográfico de Volkónskaia sobre Pushkin es el tercero realizado en Argentina. El primero fue una edición de Atlántida del intelectual argentino Pedro de Olazábal, en 1944. El segundo, una recopilación de críticos soviéticos publicada por Cronos en 1946 y traducida por la escritora argentina Alicia Ortiz.[13] Entre estos críticos figuran Iván K. Luppol, Isai G. Lezhnev y Vladímir I. Neishtadt, que ocuparon cargos relevantes en instituciones de la URSS. Al cotejar la edición de Claridad con las otras, notamos que la primera se diferencia por reflexionar sobre la traducción y la recepción de Pushkin en Latinoamérica:

> La obra de Pushkin fue vertida, más o menos completamente, a todos los idiomas europeos. Según los datos del profesor Neustadt [Neishtadt], ahora, existen ediciones de Pushkin en noventa y cuatro lenguas <...> En América Latina, sin embargo, la gran masa de lectores, aun cuando conoce bastante de la prosa del gran poeta ruso, de sus otras creaciones posee <...> tan solo una idea más bien vaga. La única pretensión del presente libro consiste, pues, en ofrecer al lector sudamericano un estudio más completo <...> del conjunto de la obra de Pushkin. (De Wolkonsky, 1947: 16)

La cita evidencia, primero, la lectura de Volkónskaia del texto de Neishtadt, incluido en la edición de Cronos. Por ende, la conciencia de ediciones previas y de la inserción de Claridad en esa historia editorial. En segundo lugar, exhibe el objetivo de la edición: dar a conocer la obra completa de Pushkin a los lectores sudamericanos, pero sin «intermediarios» (críticos) que interfieran entre texto fuente y lectores. Más adelante, Volkónskaia expresa:

> En América suele abusarse de la confianza que el público pueda prestarle a un crítico. Pocas cosas se conocen en su fuente de origen; a pesar de lo cual, se editan innumerables libros sobre la influencia que tal o cual escritor (cuya vida y hasta cuya obra apenas se conocen) ejerciera sobre tal o cual literatura (que, a su vez, se desconoce). Infinitamente más interesante, ilustrativo y provechoso nos parece recurrir directamente al original, en la medida de lo humanamente posible <...> Un resumen del contenido, en nuestra opinión, ilustra más que diez páginas de discusión, por más fina e inteligente que sea. Porque semejante resumen refleja necesariamente la personalidad del autor, no la del crítico. En tanto que la discusión pone al descubierto la manera de pensar del crítico, pero relega al segundo plano y hasta desfigura, a veces, las ideas del pobre autor <...>. (1947: 107)

Ahora bien, pese a la pretensión de exhaustividad de la edición y el deseo de brindar acceso directo a «la fuente» (*ibidem*), Volkónskaia resume y traduce fragmentos, algo que la distingue de las ediciones anteriores. El texto se organiza en dos partes: la biografía de Pushkin y la obra «completa» (poemas, teatro, cuentos, poesías y prosa), precedida por un análisis de la traductora. Aunque critica a los «intermediarios», compone un complejo aparato paratextual que le permite introducir su lectura.

Volkónskaia retoma ideas de los críticos soviéticos y de Guerrero, como la oposición constante de Pushkin al poder, la hipocresía del zar, la humillación de la aristocracia, responsable de la muerte del poeta, cuestiones ausentes en otras ediciones.[14] Incluso dedica un apartado entero a las «últimas infamias de Nicolás I» (1947: 87), en línea con Guerrero sobre la campaña de calumnias alentada por el propio zar (1946: 21). Asimismo, como Guerrero con Maiakovski, enfatiza en aspectos biográficos como el verdadero amor nunca concretado, las dificultades económicas, la incomprensión social y la lucha incansable contra la opresión, y

[13] La edición no explicita que sea una traducción directa del ruso.

[14] En general, las ediciones anteriores no se explayan sobre este tema o incluso lo omiten. Se suele adjudicar el mal vínculo de Pushkin con la aristocracia a su «rebeldía» en la juventud y a su personalidad «pasional» e impulsiva, y en algunas ediciones se habla de las «ayudas» o las bondades del zar Nicolás I, como en la edición de Atlántida (De Olazábal, 1944: 46).

crea una imagen mitológica del autor en sintonía con el mito soviético (Sandler, 2005). Por ello, lo presenta como un genio indiscutido, un «milagro» «cuya obra está por encima de la crítica» (De Wolkonsky, 1947: 11).

Volkónskaia recupera de los críticos soviéticos la idea de que en Pushkin se encontraría la semilla de la futura sociedad soviética (Luppol *et al.*, 1946: 11, 91, 110), pues ya a principios del siglo XIX soñaba con ideales de libertad que más adelante se concretarían en la URSS (De Wolkonsky, 1947: 137-38). Incluso lo caracteriza como un «digno comunista» (*op.cit.*: 69). Pero mientras los críticos soviéticos buscaban mostrar cómo la URSS reivindicaba su herencia literaria y la convertía en patrimonio de masas (Luppol *et al.*, 1946: 81, 88, 110),[15] Volkónskaia escribía en otro contexto: la segunda posguerra y los peligros del fascismo, cuando los partidos comunistas latinoamericanos asumían un espíritu patriótico prosoviético (Petra, 2017:140-141), al igual que los emigrados del Comité Eslavo (Serrano Benítez, 2012: 184; Piemonte, 2016: 42).

Estos emigrados aclamaban a la URSS por su progreso técnico, científico y cultural (en especial, la eliminación del analfabetismo), y valoraban un Estado fuerte y centralizado que, según su visión idealizada, aglutinaba las diversas nacionalidades. En esta dirección, valoraban el rol histórico de Pedro el Grande (Piemonte, 2016; Gomide, 2022), como se plasma en la lectura de Volkónskaia de *El jinete de bronce*. En lugar de centrarse en las injusticias sufridas por Evgueni y su conciencia del despotismo estatal —como hacen los críticos soviéticos—, defiende a Pedro el Grande, cuyo enojo estaría justificado porque «fundó su ciudad no por interés egoísta o vanidad personal», sino «para el bien de (...) esos millones de pequeños Ievgueny a los que soñaba levantar con la *ilustración* y despertar con el violento empuje hacia el *progreso*» (De Wolkonsky, 1947: 159-160).[16] Entonces, «comparada con tan magna empresa, ¿qué valor tiene la eventual desgracia de un Ievgueny[?] (…)» (*ibidem*). Así, Pushkin no traicionaría sus ideales de libertad, ya que «el máximo grado de poderío de un Estado puede representar el máximo grado de libertad para sus ciudadanos, exactamente tal como sucede ahora en la URSS» (*ibidem*).

Otra operación de esta edición es la construcción de la figura de Volkónskaia por los editores —que le otorgan relevancia en tanto emigrada y erudita— y por ella misma. En las ediciones anteriores sobre Pushkin, la figura de los traductores y ensayistas no ocupa un lugar de relevancia comparable. Volkónskaia plantea cierta identificación con María Nikoláevna Raévskaia de Wolkonsky, a quien presenta como el verdadero amor de Pushkin, y dedica un capítulo entero a reconstituir «la auténtica vida sentimental de Pushkin» (*op.cit.*: 96), que muchos pushkinistas habrían desconocido. De este modo, al plantear que el único amor de Pushkin habría sido una mujer con su mismo apellido, genera un efecto de cercanía con el escritor, lo que otorga mayor veracidad al ensayo y legitimidad a ella como traductora. Esto adquiere mayor relevancia cuando en sus memorias señala haber utilizado el apellido de su exmarido para insertarse en el mundo editorial porque el título nobiliario le posibilitaba relacionarse en pie de igualdad con los intelectuales argentinos (Волконская, 1960-1969). Al mismo tiempo, como Guerrero con Maiakovski, el tema del verdadero amor del poeta es un recurso típico de la construcción del mito del biografiado, sobre todo si no es correspondido, es desconocido por todos y la única capaz de revelarlo sería la propia traductora y ensayista.

Por último, cabe mencionar que la estructura de resúmenes y traducciones fragmentadas habilita no sólo la introducción de la propia lectura crítica de la traductora, sino también su escritura literaria. En los resúmenes, Volkónskaia muchas veces no delimita la voz del yo lírico o del narrador de su propia voz, lo que la habilita a introducir procedimientos propios de la escritura ficcional, que se ven en la adjetivación, la selección léxica y, especialmente, en los agregados al texto fuente. Esto en sintonía con las aspiraciones

[15] Algunos de los textos fueron escritos para las celebraciones del centenario de Pushkin en la URSS en 1937, como los de V. Neishtadt, I. Lezhnev e I. Luppol.

[16] Las cursivas son nuestras.

literarias de Volkónskaia, que logró publicar en Buenos Aires las ficciones *Sombras del crepúsculo* (1944) y *Los emigrados* (1948).

4. Conclusiones

Si bien resta profundizar en qué medida las estrategias adoptadas por Guerrero y Volkónskaia incidieron en los modos de lectura y apropiación de Maiakovski y Pushkin en la cultura argentina de las décadas posteriores a 1940, hemos explicado los procedimientos mediante los cuales ellas presentan a los poetas rusos en sus ediciones: biografías extensas, traducciones (en ocasiones fragmentadas) con la inclusión de sus análisis, la presentación de los autores como genios y catalizadores del «espíritu revolucionario», gesto del que se distanciarán otras traductoras en pos de «neutralizar» ideológicamente a los autores (Lobos y López Arriazu, 2017: 120). También hemos mostrado cómo las ediciones cumplen la función de legitimación de las escritoras como críticas y traductoras idóneas, ya sea por su relación personal con los autores o por su conocimiento de la lengua y la cultura en tanto migrantes. En ambos casos se percibe que las presentaciones están marcadas por el espíritu prosoviético de la época que predominó entre los comunistas argentinos durante la Segunda Guerra Mundial y la posguerra, por sus propias ambiciones literarias y por su inserción en la vida cultural argentina de los años cuarenta, que incidió, en el caso de Volkónskaia, en su perspectiva ideológica en el marco de la militancia en el Comité Eslavo y en la fuerte necesidad económica de publicar para sobrevivir. En el caso de Guerrero, instalada en una genealogía comunista, su trabajo en Claridad forma parte de su ingreso en la vida literaria argentina y constituyó una etapa muy importante de su larga trayectoria como traductora en editoriales de izquierdas.

Asimismo, hemos mostrado cómo, con el argumento de dar cuenta de *todo* sobre Maiakovski y Pushkin, las autoras-traductoras escriben sus textos en un formato que resulta sumamente útil para introducir sus propias lecturas de los autores rusos, pero también su propia escritura literaria. Mientras el tono del ensayo de Guerrero, con giros poéticos y evocación lírica, es marcadamente militante, el de Volkónskaia exhibe aspiraciones de «objetividad», aunque despliega procedimientos literarios a la hora de resumir las obras. Esto es coherente con las ambiciones literarias de ambas y con el hecho de que la traducción históricamente ha constituido para las mujeres una puerta de ingreso al mundo literario. De este modo, las antologías constituyeron una apuesta no sólo por importar a Maiakovski y Pushkin en la tradición literaria argentina, sino también por posicionarse como escritoras y críticas en el mundo literario de aquella época.

Bibliografía

Антипина, З. С. (2023). «Роман «Los emigrados» / «Русские парижане» в контексте творчества Ольги Волконской: к постановке проблемы». Филология в *XXI* веке, *2*(12), 4-11.

Бурдина, С. В. и Мельничукова, С. В. (2018). «Поэтика автобиографического и мемуарного начал в прозе О. Волконской (на материале сборника рассказов ‘Фиалки и волки’». Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, *2*, 55-63.

Волконская О. А. (1960-1969). «Заметки о жизни и творчестве писателей в Аргентине» и «Автобиография». Государственный архив Пермского края. Фонд № Р-1628. Оп. 1, Д. 192 и Д. 1.

Волконская О. А. (1965). «Жизнь писателей в латинской Америке и в СССР». Государственный архив Пермского края. Фонд № Р-1628. Оп. 1, Д. 181.

Воронова Ю. В. (2006). «Основные мотивы творчества О. А. Волконской пермского периода». В Т. И. Быстрых (сост.). Литературное краеведение прикамья (44-46). ПГКУБ им. А. М. Горького.

Кантор, В. К. (2020). «Ради жизни на земле». Философические письма. Русско-европейский диалог, *3*(2), 15-41.

Мишланова Л. В. (2006). «Ранимая и гордая душа (К 90-летию О. А. Волконской)». В Т. И. Быстрых (сост.). Литературное краеведение прикамья (41-45). ПГКУБ им. А. М. Горького.

Терёхина, В. Н. (2017). «Маяковский в Латинской Америке (1930–1940)». Литература двух Америк, *3*, 288-306.

Brasca, É. (2024). «Lila Guerrero y sus traducciones de la literatura ruso-soviética publicadas en editoriales argentinas (1940-1970)». *Mutatis Mutandis*, *17*(2), 369-388. https://doi.org/10.17533/udea.mut.v17n2a07

De Diego, J. L. (2014). *Editores y políticas editoriales en Argentina, 1880-2010*. Fondo de Cultura Económica.

De Olazábal, P. (1944). *Pushkin. El hombre, el poeta, el precursor*. Atlántida.

De Wolkonsky, O. (1947). *Alejandro Pushkin. Su vida y sus obras*. Claridad.

Delgado, V. y Espósito, F. (2014). «La emergencia del editor moderno». *Editores y políticas editoriales en Argentina, 1880-2010*. Fondo de Cultura Económica.

Falcón, A. (2023). «Mujeres traductoras y trabajo editorial en la Argentina». En M. Garone Gravier (ed.), *Las mujeres y los estudios del libro y la edición en Iberoamérica*. Ed. Univ. de los Andes/UAM/USACH.

Fauzetdinova, A. (2017). *Translation as cultural contraband: Translating and writing Russian literature in Argentina* [tesis doctoral]. Boston University.

Fernández, P. (2019). «¿Una empresa de mujeres? Editoras iberoamericanas contemporáneas». *Lectora*, *25*, 11-39.

Gallardo-Saborido, E. (2025). «Una nube con faldas: poética y política de Lila Guerrero». *Seguras fortalezas de amistad*. Iberoamericana/Vervuert.

García Brunelli, F. (2024). «Literatura ruso-soviética en la editorial Claridad. Apuntes sobre el catálogo y las traducciones directas del ruso». *Mutatis Mutandis*, *17*(2), 346-368. https://doi.org/10.17533/udea.mut.v17n2a06

García Brunelli, F. y Ubertalli, F. (en prensa). «Anexo catalográfico». Ubertalli, F. *Luz en letras de molde: la historia de la editorial Claridad de Antonio Zamora*. Tren en movimiento.

Gomide, B. B. (2022). «Le texte littéraire russe et l'émigration : les trajectoires parallèles de Schostakovsky et Schnaiderman». *Brésil(s)*, *22*. https://doi.org/10.4000/bresils.13753

Guerrero, L. (1943). *Antología de Maiacovski. Su vida y su obra*. Claridad.

Heilbron, J. y G. Sapiro (2002). «La traduction littéraire, un objet sociologique». *Actes de la recherche en sciences sociales*, *144*, 3-5.

Jeifets, L. y Jeifets, V. (2017). *América Latina en la Internacional Comunista [1919-1943]. Diccionario biográfico*. CLACSO.

Lescano, J. (2018). «Maiakovski en el Río de la Plata: la Antología de Lila Guerrero en Editorial Claridad (1943)». En A. González (comp.). *Actas de la Segunda Jornada Nacional de Estudios Eslavos*. Alejandro Ariel González.

Lobos, O. y López Arriazu, E. (2017). «Las traducciones argentinas de los clásicos rusos». *Lenguas vivas*, *13*, 116-122.

Luppol, I., Kirpotin V., Blagoi, D, Lejniev, I., Gartchein, A., Timofeiev, L., Jrapchenko, M., Chijlovski, V., Vinokur, M., Azadovski, M., Bajujati, V., Neustadt, V., Girmunski, V. y Zagorski, M. (1946). *Pushkin*. Cronos.

Montaldo, G. (1987). «La literatura como pedagogía, el escritor como modelo. Cooperativa Editorial Claridad: proyecto cultural y empresa comercial». *Cuadernos Hispanoamericanos*, *445,* 41-64.

Petra, A. (2017). *Intelectuales y cultura comunista. Itinerarios, problemas y debates en la Argentina de posguerra*. Fondo de Cultura Económica.

Piemonte, V. A. (2016). «Inmigrantes rusos y cultura política euroasiática en Argentina: la revista *Tierra Rusa*, 1941-1943». *Anuario de la Escuela de Historia Virtual*, *10*, 24-45.

Sandler, S. (2005). «The Pushkin Myth in Russia». In D. M. Bethea (ed.). *The Pushkin Handbook*. The University of Wisconsin Press.

Sapiro, G. (2008). «Normes de traduction et contraintes sociales». En Pym A. et.al (eds.). *Beyond Descriptive Translations Studies. Investigations in homage to Gideon Toury*. John Benjamin.

Schanzer, G. O. (1972). *Russian Literature in the Hispanic World. A Bibliography*. University of Toronto Press.

Serrano Benítez, A. (2012). «El elemento foráneo y la imagen del extranjero comunista durante el primer peronismo. El caso de la Unión Eslava Argentina». *Anuario de la Escuela de Historia Virtual*, *3*, 175-191.

Simon, S. (1996). *Gender in Translation. Cultural Identity and the Politics of Transmission*. Routledge.

Tarcus, H. (2020). Bondareff de Kantor, Ida Isakovna. *Diccionario biográfico de las izquierdas latinoamericanas*. http://diccionario.cedinci.org

Ubertalli, F. (2023). «La editorial Claridad: una batalla de muchos frentes». En Tarcus, H. (Dir). *Edición y Revolución en Argentina*. Tren en Movimiento.

Wilfert, B. (2002). «Cosmopolis et l'homme invisible». *Actes de la recherche en sciences sociales*, *144*, 33-46.

SHAPING MINDS: PROPAGANDA STRATEGIES IN DIALECT LEAFLETS FROM EASTERN SLOVAKIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY[1]

Miroslava Gavurová
University of Prešov

1. Introduction

It has been acknowledged that ideologies are largely acquired, expressed and reproduced through written and spoken discourse, within which propaganda may often play a critical role; therefore, a discourse analysis of the communicative interaction becomes particularly relevant (van Dijk, 2006: 115, 121, 124). At the same time, as Fairclough (1989: 85) observes, ideology is «most effective when its workings are least visible». This effect is achieved when ideological elements are not articulated explicitly in discourse but rather embedded as «background assumptions which on the one hand lead the text producer to 'textualize' the world in a particular way, and on the other hand lead the interpreter to interpret the text in a particular way» (Fairclough, 1989: 85).

Against this theoretical backdrop, the present study examines propaganda-based manipulation techniques employed in support of Slovjakism, as manifested in a leaflet distributed in the period immediately following the establishment of the Czechoslovak Republic on 28 October 1918. Before proceeding to the textual analysis itself, the historical context in which the leaflet circulated will be briefly outlined. The study will then identify and discuss the specific propaganda techniques employed, along with their potential influence on recipients.

1.1 Political situation at the time

Between late 1918 and mid-1919, the population of Eastern Slovakia experienced five constitutional changes, each grounded in a different ideological framework. Following the establishment of the Czechoslovak Republic on 28 October 1918, the inhabitants of Eastern Slovakia remained uncertain about the durability of this new state entity and the possibility of further political upheavals. This uncertainty was compounded by the fact that several officials from the former Hungarian administration retained their posts (Ďurišin, 2012: 69-71).

Although the Slovak National Council formally declared allegiance to the newly created Czechoslovak Republic, the principal executive bodies – such as the army, gendarmerie, civil administration, and telecommunications – remained under the control of the Budapest government, which sought to maintain Slovakia within the Hungarian sphere of influence. The situation was particularly complex in Eastern Slovakia, where anti-nationalist forces aimed to detach the region from the rest of Slovakia. The objectives of the Slovak national movement, which sought to consolidate the position of Slovakia within the Czechoslovak Republic, came into direct conflict with the Hungarian government's efforts to preserve the territorial integrity of historical Hungary (Tajták, 1992: 4-6).

[1] This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under the Contract no. APVV-22-0370.

The population of Eastern Slovakia, aware of the frequently changing situation, was reluctant to engage in any way whatsoever (Ďurišin, 2012: 71). From a psychological perspective, such an attitude is unsurprising. Sudden social changes and negative historical events with serious consequences cause uncertainty and fear in people (Šrol, 2019: 28). Contemporary propaganda also played an important role as the long-term exposure to propaganda significantly weakens the population's ability to distinguish between hostile and non-hostile influence, reducing their capacity to resist manipulation (Táborský, 2020: 89). As Ďurišin (2012) puts it, the propaganda contributed to the creation of an unstructured mass of people that could easily become the target of manipulation by any political force. Leaflets from that period in Eastern Slovakia reveal clear patterns of information manipulation adapted to the prevailing political context. Some appealed to the Hungarian patriotic feelings of Slovaks, others portrayed Czechs in a negative light, and many openly opposed the new constitutional order (Ďurišin, 2012: 71).

With the support of Budapest, the ideology of so-called *Slovjakism* was formed. Its proponents claimed that Eastern Slovaks differ both linguistically and culturally from the Western Slovaks (Ďurišin, 2012: 70) and therefore constitute a distinct ethnic group 'with their own history, language, culture, and consciousness' (Tajták, 2001: 323). The alleged distinctiveness of Eastern Slovaks was justified by referring to them as *Sloviaci/Slovjaci* (Tajták, 2001: 324). One of the most prominent advocates of *Slovjakism*, Viktor Dvortsák, described the Šariš Slovaks as members of a separate nation of *Slovjaks*. Dvortsák believed that the Šariš Slovaks speak the so-called Eastern Slovak language, which is completely different from Western Slovak, at least as much as Polish is different from Great Russian (Dvortsák, 1916, cited in Švorc, 2012: 14).

Therefore, under the pretext of drawing closer to the people through their mother tongue, i.e. local Šariš dialects, Viktor Dvortsák's movement sought to undermine the national efforts of the Slovaks (Kačmaríková, 2018: 187). The Šariš dialects spoken in the region were used as a marker of identity and, for propaganda purposes, believed to resonate more effectively with the local population than standard Slovak. Consequently, leaflets written in the Šariš dialect became one of the most effective propaganda tools. The dialect as a distinctive feature of the population in Eastern Slovakia was at the beginning of the 20th century significantly 'politicised and ideologically abused' (Tajták, 2001: 319).

The Budapest government also took other measures to isolate eastern Slovakia from the national movement (Tajták, 1992: 7; Tajták, 2001: 322). It ordered that textbooks for elementary schools in Eastern Slovakia be published in the 'Eastern Slovak dialect' (Tajták 2001: 321). Through such teaching materials, Hungarian circles sought to suppress the standard Slovak language, which they claimed was incomprehensible to Eastern Slovaks, from schools and public life and replace it with the Šariš dialects. The next step was to replace the dialects with Hungarian, whose comprehensibility to the Eastern Slovak population was, paradoxically, not questioned (Tajták, 2001: 323).

In line with Hungarian nationalism, V. Dvortsák declared that the Šariš Slovaks did not have their own national life and proudly identified themselves as Hungarians. He claimed that their culture is supposedly Hungarian, they enjoy learning Hungarian, speak with a Hungarian accent, and also write and read in Hungarian (Dvortsák, 1916). However, the reality differed from Dvortsák's biased writings, and statistical data did not confirm his sentiment (Švorc, 2012: 14). At that time, 70% of the population of Šariš region was of Slovak or Ruthenian nationality, to which they clung persistently (Švorc, 2012: 25).

After the establishment of the Czechoslovak Republic in 1918, Hungarian interests in Eastern Slovakia were strongly supported by the Eastern Slovak Council (originally the so-called *Vichodnoslovenska rada*), which was to operate in the area of present-day Eastern Slovakia and sought to keep it within Hungary.

Among those who helped establish the Eastern Slovak Council was the aforementioned Viktor Dvortsák. The Eastern Slovak Council declared itself the representative of the Eastern Slovaks and promoted the ideology of *Slovjakism*. It referred to the 'self-proclaimed leaders from Martin' as those 'who have already sold us to the Czechs' ['*chtore nas už obecaľi čechom*'] and called out: *'Slovjaci! Ňechceme bic uhrami, ale ňechceme bic aňi čechami!'* ['Slovjaks! We don't want to be Hungarians, but we don't want to be Czechs either!'] (Švorc, 2012: 34).

These efforts by the Budapest government, in cooperation with the Eastern Slovak Council, were intended to disrupt the linguistic and literary unity of the Slovaks (Tajták, 2001: 322). Information about the activities of the Slovak National Council in Bratislava did not reach Eastern Slovakia, which Hungarian propaganda exploited (Tajták, 1992: 10). However, it should also be noted that despite significant pressure from the Budapest government, its efforts in Eastern Slovakia were not always successful. Its inhabitants wrote letters to the Slovak National Council complaining about the Magyarization tendencies and expressing their loyalty to the new Czechoslovak state (Tajták, 1992: 11).

The following analysis aims to identify and demonstrate the mechanisms and linguistic means used by contemporary propaganda to influence the population of Eastern Slovakia against the Czechoslovak Republic, as well as in favour of the Hungarian government's intentions.

1.2. Propaganda mechanism

Propaganda aims to create a distorted version of reality that serves desired political or other purposes. It appeals to emotions, prejudices or fears of the audience (Šrol, 2019: 41-42), utilising the fact that not only the information itself but also the context, the «backdrop» against which the information is presented, matters. Context can stimulate people's imagination to such an extent that they arrive at completely different, even nonsensical conclusions. The setting of this 'backdrop' and context for presenting information is called *framing* (Táborský, 2020: 40).

Framing influences how recipients of information perceive the world around them and can even lead to a change in their opinions. Emotionally charged vocabulary or vocabulary that evokes various images is used for this purpose. In an effort to connect a piece of information with a certain emotion or image, the addresser usually chooses words that evoke this emotion or image (Táborský, 2020: 47-57). So if the addresser wants to present something in a negative light, they use vocabulary that refers to socially unacceptable phenomena (ibid.). In doing so, they work not only with the denotative meaning of lexemes, but also with their connotative meaning, i.e., their emotional charge and the positive or negative emotions they evoke. This is the effect of cognitive framing, whereby our assessment of phenomena and decision-making is influenced by verbal or other contexts (Plháková, 2004: 285).

Framing is also related to the impression management technique, in which we select and disclose only information that is appropriate for achieving our communication goal (Táborský, 2020: 52). This technique is based on the assumption that it is not only what is said that is important, but also what is left unsaid. It does not mean lying, but only not telling the whole truth. Using impression management technique, the speaker attaches only those properties to the object in question that are suitable for the intended goal. This technique is used not only in propaganda, but also in everyday life and can be effectively combined with linguistic manipulation (Táborský, 2020: 55).

Linguistic manipulation means targeted usage of words and rhetoric in order to exercise power, to control others, to harm somebody, or to strengthen one's position in a group among others (Beck 2007:

120). To reach its objectives, linguistic manipulation utilises various linguistic means, including passive and impersonal constructions or ambiguous and vague expressions (Beck 2007: 124-125).

Framing is also complementary to the association technique, as framing invites associations. While framing chooses how to present an issue – what angle and what aspects are emphasised or hidden, association technique links the subject to emotionally charged ideas, symbols, or stereotypes. The latter relies on the fact that imagery evokes associations and leads to deeper processing of the content. It is also used to put the audience of the message into a certain mood, which increases the likelihood of successfully influencing the addressees (Beck, 2007: 30).

Another manipulation technique evident here is othering. Othering occurs when certain individuals or groups are defined and labelled as not fitting into the norms of a social group. It shapes how members of the in-group perceive and treat those in the out-group. Othering typically involves assigning negative characteristics to the out-group to accentuate their difference from the perceived normative social group (Cherry, 2025).

Employing such manipulation techniques, propaganda can convey countless pieces of well-prepared and deliberately filtered information, based on which people form rules for their future judgments (Táborský, 2020: 61). Moreover, if propaganda conveys negative information and bad experiences, these are imprinted more strongly in people's memory and form stronger rules than positive experiences. Consequently, if the public is constantly fed information intended to harm, for example, a religious or ethnic group, the aim is usually to create a narrative that members of these groups are always bad or that the establishment is bad (ibid.). As demonstrated in the following analysis, in the leaflets examined, the negative attitude is directed against the Western Slovaks and the newly established Slovak unity within the Czechoslovak Republic.

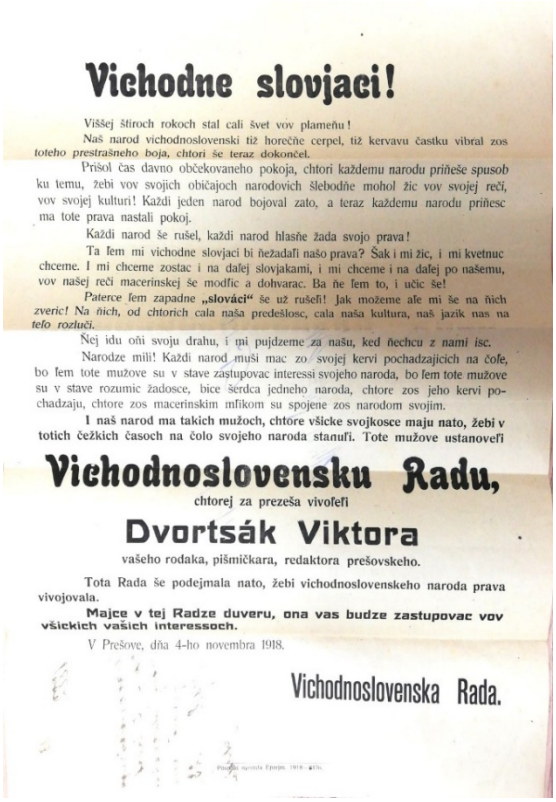
The primary aim of propaganda is therefore to introduce as much information as possible, whether favourable or unfavourable, into public discourse. Based on this information, when individuals encounter a phenomenon or event related to the targeted group, they do not form a new impression. Instead, they adopt the impression transmitted to them through the experience of other people whose opinion they have adopted (Táborský, 2020: 64). This process results in analogical reasoning. In addition, confirmation bias reinforces the effect, as people prefer statements and evidence that affirm their pre-existing beliefs (Plháková, 2004: 275). From this perspective, propaganda is particularly insidious: it supplies pre-selected information, based on which the recipient forms judgments through analogy. Confirmation bias subsequently ensures that these judgments are accepted uncritically and become resistant to revision.

Although the present study examines only a single leaflet in the Šariš dialect from this period, archival evidence suggests that many more were in circulation (cf., e.g. Chmelárová, 1969). Such a broad dissemination indirectly confirms the underlying trend that enables propaganda to succeed, namely, the interplay of analogical reasoning and confirmation bias.

2. Case study – Leaflet announcing the establishment of *Vichodnoslovenska Rada* (Eastern Slovak

Council)[2]

To illustrate the application of manipulative propaganda techniques in Eastern Slovakia, this study examines a leaflet dated November 4, 1918. The leaflet marks the beginning of the period under investigation and announces the establishment of the Eastern Slovak Council (in original dialectal form *Vichodnoslovenska Rada*). It exemplifies both the thematic focus of contemporary propaganda in the region and the techniques employed to influence and manipulate public opinion.

Vichodne slovjaci!

Viššej štiroch rokoch stal cali švet vov plameňu!

Naš narod vichodnoslovenski tiž horečne cerpel, tiž kervavu častku vibral zos toteho prestrašneho boja, chtori še teraz dokončel.

Prišol čas davno občekovaneho pokoja, chtori každemu narodu priňeše spusob ku temu, žebi vov svojich običajoch narodovich šlebodňe mohol žic vov svojej reči, vov svojej kulturi! Každi jeden narod bojoval zato, a teraz každemu narodu priňesc ma tote prava nastali pokoj.

Každi narod še rušel, každi narod hlasňe žada svojo prava!

Ta ľem mi vichodne slovjaci bi ňežadaľi našo prava? Šak i mi žic, i mi kvetnuc chceme. I mi chceme zostac i na daľej slovjakami, i mi chceme i na daľej po našemu, vov našej reči macerinskej še modľic a dohvarac. Ba ňe ľem to, i učic še!

Paterce ľem zapadne **„slováci“** še už rušeľi! Jak možeme aľe mi še na ňich zveric! Na ňich, od chtorich cala naša predešlosc, cala naša kultura, naš jazik nas na teľo rozluči.

Ňej idu oňi svoju drahu, i mi pujdzeme za našu, ked ňechcu z nami isc.

Narodze mili! Každi narod muši mac zo svojej kervi pochadzajicich na čoľe, bo ľem tote mužove su v stave zastupovac interessi svojeho naroda, bo ľem tote mužove su v stave rozumic žadosce, bice šerdca jedneho naroda, chtore zos jeho kervi pochadzaju, chtore zos macerinskim mľikom su spojene zos narodom svojim.

I naš narod ma takich mužoch, chtore všicke svojkosce maju nato, žebi v totich čežkich časoch na čolo svojeho naroda stanuľi. Tote mužove ustanoveľi

Vichodnoslovensku Radu,

chtorej za prezeša vivoľeľi

Dvortsák Viktora

vašeho rodaka, pišmičkara, redaktora prešovskeho.

Tota Rada še podejmala nato, žebi vichodnoslovenskeho naroda prava vivojovala.

Majce v tej Radze duveru, ona vas budze zastupovac vov všickich vašich interessoch.

V Prešove, dňa 4-ho novembra 1918.

Vichodnoslovenska Rada.

Figure 2. Leaflet announcing the establishment of Vichodnoslovenska Rada

In the original Šariš dialect, the leaflet reads as follows:

Vichodne slovjaci!

‘Viššej štiroch rokoch stal cali švet vov plameňu! Naš narod vichodnoslovenski tiž horečňe cerpel, tiž kervavu častku vibral zos toteho prestrašneho boja, chtori še teraz dokončel. Prišol čas davno občekovaneho pokoja, chtori každemu narodu priňeše spusob ku temu, žebi vov svojich običajoch narodovich šlebodňe mohol žic vov svojej reči, vov svojej kulturi! Každi jeden narod bojoval zato, a teraz každemu narodu priňesc ma tote prava nastali pokoj. Každi narod še rušel, každi narod hlasňe žada svojo prava!

Ta ľem mi vichodne slovjaci bi ňežadaľi našo prava? Šak i mi žic, i mi kvetnuc chceme. I mi chceme zostac i na daľej slovjakami, i mi chceme i na daľej po našemu, vov našej reči macerinskej še modľic a dohvarac. Ba ňe ľem to, i učic še!

Paterce ľem zapadne ‚slováci‘ še už rušeľi! Jak možeme aľe mi še na ňich zveric! Na ňich, od chtorich cala naša predešlosc, cala naša kultura, naš jazik nas na teľo rozluči. Ňej idu oňi svoju drahu, i mi pujdzeme za našu, ked ňechcu z nami isc.

Narodze mili! Každi narod muši mac zo svojej kervi pochadzajicich na čoľe, bo ľem tote mužove su v stave zastupovac interessi svojeho naroda, bo ľem tote mužove su v stave rozumic žadosce, bice šerdca jedneho naroda, chtore zos jeho kervi pochadzaju, chtore zos macerinskim mľikom su spojene zos narodom svojim.

[2] Source: The Archive of The Regional Museum in Prešov, the leaflet ‘*Vichodne slovjaci*’, cf. also Švorc (2012: 33).

I naš narod ma takich mužoch, chtore všicke svojkosce maju nato, žebi v totich čežkich časoch na čolo svojeho naroda stanuľi. Tote mužove ustanoveľi Vichodnoslovensku Radu, chtorej za prezeša vivoľeľi Dvortsák Viktora vašeho rodaka, pišmičkara, redaktora prešovskeho. Tota Rada še podejmala nato, žebi vichodnoslovenskeho naroda prava vivojovala. Majce v tej Radze duveru, ona vas budze zastupovac vov všickich vašich interessoch.
V Prešove, dňa 4-ho novembra 1918. Vichodnoslovenska Rada.»

The Eastern Slovak Council, whose establishment is announced in the leaflet, was intended to represent the interests of Eastern Slovakia (Švorc, 2012: 33). The leaflet addresses them as *Vichodne slovjaci* ['Eastern Slovjaks'] and refers to them as a separate nation, using expressions such as *narod vichodnoslovenski* ['Eastern Slovak nation']; *narodze mili* ['dear nation']; *naš narod* ['our nation']; *vichodnoslovenskeho naroda prava* ['Eastern Slovak nation's rights'].

The preference of the terms *Vichodne slovjaci* ['Eastern Slovjaks'] and *slovjaci* ['Slovjaks'] in the leaflet reflects the efforts of the *Vichodnoslovenska Rada* to distinguish Eastern Slovaks from their western counterparts. These efforts were motivated by the gradual integration of Slovakia into the Czechoslovak Republic, which was advancing toward Eastern Slovakia from the west (Švorc, 2012: 34). In opposition to the *Vichodne slovjaci*, the leaflet mentions *zapadne 'slováci'* ['Western Slovaks'], who, according to the text, *še už rušeľi* ['have already moved, i.e. started fighting for their rights']. The original quotation marks around *'slováci'* emphasize that the term, derived from standard Slovak, does not resonate with the self-identification of the Eastern Slovaks.

2.1 Manipulation techniques in the leaflet

Within the framework of the association technique, the first paragraph of the leaflet employs lexemes with negative connotations: *stal cali švet vov plameňu* ['the whole world stood in flames'], *tiž horečňe cerpel* ['it also suffered bitterly'], *kervavu častku vibral zos toteho prestrašneho boja* ['it took the bloody portion from that dreadful fight'], which describe the previous state of affairs.

By contrast, the second paragraph juxtaposes this past condition with the current, improved state, reinforced by lexemes with positive connotations: *davno občekovaneho pokoja* ['long-awaited peace'], *šlebodňe* ['freely'], *nastali pokoj* ['stable peace']. This new post-war order has prompted all nations to demand their rights: *Každi narod še rušel, každi narod hlasňe žada svojo prava!* ['Every nation has moved; every nation is loudly demanding its rights!'].

Because figurative expressions evoke associations, the association technique facilitates deeper processing of content, thereby increasing the likelihood of successfully influencing the audience (Beck, 2007). It can also create uncertainty about their opinions, which in turn may affect the audience's attitudes and perspectives. In this leaflet, the association technique is particularly evident in phrases marked by heightened expressiveness. These expressions recall the suffering of Eastern Slovaks during the recent war: *Naš narod vichodnoslovenski tiž horečňe cerpel*, *tiž kervavu častku vibral zos toteho prestrašneho boja* ['Our Eastern Slovak nation also suffered bitterly, also took the bloody portion from that dreadful fight']. Later, through the use of association technique and emotionally charged language (highlighted in boldface), the leaflet emphasises the exceptional nature of the members of the Eastern Slovak Council: *ľem tote mužove su v stave rozumic žadosce, bice šerdca jedneho naroda* ['those men only are in a position to understand the desires, the heartbeat of a nation']; *chtore zos jeho kervi pochadzaju, chtore zos macerinskim mľikom su spojene zos narodom svojim* ['that come from its blood, that are connected by breast milk with their nation'].

The emotional appeal, functioning as a form of linguistic manipulation, appears as a rhetorical question: '*Ta ľem mi vichodne slovjaci bi ňežadaľi našo prava?* ['Is it only we, Eastern Slovjaks, who should not demand our rights?']. The implication, of course, is the opposite: Eastern Slovjaks should demand their rights just as other nations do. The pronoun mi ['we'], used in this and the subsequent sentences, is an ideologically marked reference to the ingroup (van Dijk, 2006: 124).

The reasoning behind this demand is elaborated in the subsequent passage: *Šak i mi žic, i mi kvet-nuc chceme. I mi chceme zostac i na daľej slovjakami, i mi chceme i na daľej po našemu, vov našej reči macerinskej še modľic a dohvarac. Ba ňe ľem to, i učic še!* ['We, too, want to live, we, too, want to flourish. We want to remain Slovjaks, we want to continue praying and speaking in our language. And not only that; we also want to learn in it!']. Here, the association technique is again evident. It appears in figurative expressions, such as *kvetnuc* ['flourish'], and phrases with positive connotations: *vov našej reči macerinskej še modľic a dohvarac* ['to pray and to speak in our mother tongue']; *i učic še!* ['[we also want] to learn in it']. Such expressions appeal to fundamental values, including the right to education and to worship in one's native language. The passage culminates in the emphatic statement: *Ba ňe ľem to, i učic še!* ['And not only that, we also want to study in it!'], which creates a persuasive build-up. The repetition of the clause *I mi chceme* ['We, too, want to...'], as a rhetorical structure expressing the ideology in discourse (van Dijk, 2006: 125), produces amplification; the parallel structures create rhythm, and the repeated pronoun *we* underscores a sense of collective identity.

Further on, the dichotomy US – THEM is created, and the technique of framing is employed: Western Slovaks are framed as inherently different. The common features of Western and Eastern Slovaks are deliberately concealed, while the differences between them are emphasised. Western Slovaks are portrayed as having a distinct history, language, and culture from Eastern Slovaks; as the leaflet states: *od chtorich cala naša predešlosc, cala naša kultura, naš jazik nas na teľo rozluči»* ['from whom all our history, our culture, our language set us apart']. Firstly, this relative clause exemplifies an impression management technique that involves attributing only those properties to the object in question that serve the intended rhetorical goal (Táborský, 2020: 52). Secondly, it functions as framing, through the addresser's choice of vocabulary intended to evoke the desired emotion towards Western Slovaks.

The construction *od chtorich cala naša predešlosc, cala naša kultura, naš jazik nas na teľo rozluči* ['from whom all our history, all our culture, our language set us apart'] also represents a manipulation technique of othering. The formulation suggests distance and disconnection, while the repetition ['all our history, all our culture, our language'] creates emotional intensity. By portraying such fundamental aspects (history, culture, language) as irreconcilably different, the text suggests the existence of an unbridgeable gap between US and THEM. In this framing, THEY appear alien to the core identity and therefore incompatible with US.

As the stylistic and lexical means of manipulation, the leaflet employs a rhetorical question: *Jak možeme aľe mi še na ňich zveric?* ['How can we rely on them?!']. The question is not intended to elicit an answer, but to convey negative judgment, i.e. US, Eastern Slovjaks, cannot rely on THEM, Western Slovaks. Such a construction implies doubt or mistrust toward the out-group, strengthens in-group solidarity, and frames the out-group as unreliable.

Linguistic manipulation and impression management techniques are further combined in the following sentence: '*Ňej idu oňi svoju drahu, i mi pujdzeme za našu, ked ňechcu z nami isc.»* ['Let them go their way, and we will go ours, if they do not want to go with us.']. This formulation appears tolerant but functions to legitimise exclusion. It masks division as mutual choice, or something THEY have chosen. Instead of overt rejection, dissociation is presented as peaceable and polite. The impression management technique thus

depicts US (Eastern Slovjaks) as fair and mature, while THEM (Western Slovaks) are portrayed as unwilling or separatist. This contrast results in positive self-presentation and negative other-presentation, with the ultimate goal to convince the audience that Eastern Slovakia must follow its own state-building path. Such formulations accord with the technique of presenting the ingroup positively as tolerant while attributing negative properties to the outgroup (van Dijk, 1995: 145). As van Dijk further argues, these discursive strategies allow «for the expression of prejudice in a normative situation in which the expression of prejudices is officially prohibited» (van Dijk, 1995: 145).

The final adverbial clause '*ked ňechcu z nami isc*' ['if they do not want to go with us.'] implies that Western Slovaks have chosen separation of their own will, thereby placing blame and responsibility on them. Western Slovaks are portrayed as deliberately distancing themselves from Eastern Slovjaks; they are the problem, and they do not seek unity. An accusation such as this is among the speech acts employed in the expression of the ideology in discourse (van Dijk, 2006: 126).

By contrast, WE, Eastern Slovjaks, are rational, patient, and willing to take the high road. The wording suggests rejection and unwillingness on the part of the out-group, without providing any evidence for this. Such a construction legitimizes division while making it appear non-confrontational. The intended effect is that the addressees accept the ideology of Slovjakism as logical and natural.

The linguistic manipulation technique recurs throughout the text with multiple objectives. One of them is to create a particular emotional disposition in the audience, making them more susceptible to persuasion (Beck 2007: 120). When the nation is addressed as *Narodze mili*! ['Dear nation!'], the attribute *mili* ['dear'] conveys intimacy and suggests a positive relationship between the author of the leaflet and its recipients.

Linguistic manipulation is also employed for the following depiction of the representatives, i.e. Eastern Slovak Council members:

> Każdi narod muši mac zo svojej kervi pochadzajicich na čoľe, bo ľem tote mužove su v stave zastupovac interessi svojeho naroda, bo ľem tote mužove su v stave rozumic žadosce, bice šerdca jedneho naroda, chtore zos jeho kervi pochadzaju, chtore zos macerinskim mľikom su spojene zos narodom svojim.
> ['Every nation has men of its own blood, because those men only are in a position to represent the interests of their nation, those men only are in a position to understand the desires, the heartbeat of one nation, that come from its blood that are connected to their nation by breast milk'].

The distinctive status of Eastern Slovak Council members is underscored through formulations that appeal directly to emotion. Expressions such as «*the heartbeat of one nation*» and «*breast milk*» evoke associations with intimacy, love, and maternal care. They highlight the alleged uniqueness of the Council members ['only they have the calling to lead the Eastern Slovak nation»], bypassing rational analysis in favour of an emotional bond and reinforcing in-group identity. Namely, the association technique and impression management technique are combined in the following formulations:

> – '*su v stave rozumic [...] bice šerdca jedneho naroda*' ['[those men only] are in a position to understand […] the heartbeat of one nation'];
> – '*zos jeho kervi pochadzaju*' ['they come from its [= nation's] blood'];
> – '*zos macerinskim mľikom spojene zos narodom svojim*' ['that are connected to their nation by breast milk.'].

The recurring motif of origin, represented by the phrase *ľem tote mužove* ['those men only'], functions as rhetorical amplification, underscoring the exclusivity of legitimate representatives. This strategy implies that only men descended from the nation are truly capable of fulfilling leadership roles. Furthermore, rhetorical amplification stresses exclusivity, implying that no one else could fulfil this role. In the case of Eastern Slovakia, this role is explicitly attributed to the founders of the Eastern Slovak Council: '*I naš narod ma takich mužoch, chtore všicke svojkosce maju nato, žebi v totich čežkich časoch na čolo svojeho naroda stanuľi. Tote mužove ustanovelʼi Vichodnoslovensku Radu*.' ['Our nation also has such men who possess all the necessary competencies to stand at the forefront of their nation in these difficult times. Those men established the Eastern Slovak Council.']

Such formulations carry a manipulative aspect because they present a socially constructed identity (nationhood) as if it were of biological or natural origin (blood, milk). This strategy provides a justification for restricting representation on the basis of ancestry or ethnicity and exaggerates the presumed connection between 'own' representatives and collective success.

The passage culminates in a direct appeal to the audience: '*Majce v tej Radze duveru, ona vas budze zastupovac vov všickich vašich interessoch*.' ['Trust the Council, it will represent you in all your interests.']. This final sentence subtly manipulates the audience, aiming to secure compliance with the Council's endeavours and to strengthen its legitimacy. Through a combination of coercion and public consent – roughly two ways of exercising and maintaining power (Fairclough, 1989: 33) – the Council's representatives strive for control and authority.

3. Conclusion

As demonstrated in the analysed leaflet, the ideology of Slovjakism, which ultimately led to the establishment of the *Vichodnoslovenska Rada* (Eastern Slovak Council), employed a range of manipulation techniques to influence the local population of Eastern Slovakia. They included linguistic manipulation, association technique, and the impression management technique. Together, these communication strategies contributed to the intended framing of Western Slovaks and supported the Council's efforts to reverse the incorporation of Eastern Slovakia into the Czechoslovak republic.

To achieve this, the case study leaflet used impression management techniques to portray Eastern Slovaks as a distinct nation, different from their western counterparts. Linguistic manipulation and association techniques were used to construct the characteristics of both groups. Emotionally charged vocabulary with positive connotations was applied in the portrayal of Eastern Slovak Council members, aiming to secure their acceptance among the population. By contrast, Western Slovaks were depicted as inherently different and unwilling to share the state-building path with the Eastern Slovjaks.

To conclude, the text of the examined leaflet demonstrates that dialect functioned not merely as a linguistic code but also as a vehicle that enabled propaganda to successfully penetrate the population of Eastern Slovakia, shaping their perceptions and subsequently influencing their behaviour in the desired direction.

Bibliography

Beck, G. (2007). *Zakázaná rétorika. 30 manipulativních technik*. Grada.

Dvortsák, G. (1916). *Sáros földje 1914 – 1915*. Eperjes.

Ďurišin, M. (2012). Prešov a «Slovenska Radova Republika» (1919). In Švorc, P. a kol. *Veľká doba a jej dôsledky. Prešov v 20. rokoch 20. storočia* (pp. 69-94). Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.

Cherry, K. (2025). How Othering Contributes to discrimination and Prejudice The psychology behind us vs. them. *Verywell Mind.* https://www.verywellmind.com/what-is-othering-5084425

Chmelárová, M. (Ed.) (1969). *Slovenská republika rád.* Múzeum Slovenskej republiky rád v Prešove vo Východoslovenskom vydavateľstve v Košiciach.

Fairclough, N. (1989). *Language and power.* Longman.

Kačmaríková, V. (2018). Fenomén Slovenská republika rád a dokumentovanie politických dejín v múzeu. In *Nové obzory 34. Východné Slovensko v rokoch štátoprávnych a politických zmien (1918 – 1968 – 1993)* (pp. 176-198). Krajské múzeum v Prešove.

Plháková, A. (2004). *Učebnice obecní psychologie.* Praha: Academia.

Šrol, J. (2019). Čo sú to nepodložené presvedčenia a prečo im ľudia veria? In M. Jurkovič, V. Čavojová and I. Brezina (Eds.), *Prečo ľudia veria nezmyslom* (pp. 12-49). Premedia.

Švorc, P. (2012). Prešov v prevrate 1918 – 1919 a po ňom. In Švorc, P. a kol. *Veľká doba a jej dôsledky. Prešov v 20. rokoch 20. storočia* (pp. 11-68). Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.

Táborský, J. (2020). *V síti [dez]informací.* Grada.

Tajták, L. (1992). *Vznik Československa a východné Slovensko.* Metodické centrum v Prešove.

Tajták, L. (2001). Východné Slovensko ako regionálny fenomén. *Historický časopis 49*(2). 307-329. https://digitalnakniznica.cvtisr.sk/zoom/641/view?page=109&p=separate&view=0,0,1768,2610

van Dijk, T. A. (1995). Ideological discourse analysis. *New Courant, 4*, 135-161.

van Dijk, T. A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, *11*(2), 115-140. DOI: 10.1080/13569310600687908.

LIFE WRITING IN 18TH-CENTURY RUSSIA AND THE «FORGOTTEN» AUTOBIOGRAPHY OF G. I. DOBRYNIN (1752–1827)

Rebecca Gigli
Institute for Literature (Bulgarian Academy of Sciences)

1. Introduction

Autobiographical prose is a particularly intriguing field of research. For a long time, it remained on the margins of literary studies. Ego-texts were considered mainly sources of curious facts or historical information. Only since the middle of the last century have scholars such as G. Gusdorf, W. Shumaker, E. Brus, and Ph. Lejeune revolutionized the approach to their study by considering them literary works characterized by their own poetics and pragmatics. Today, autobiographies, diaries, memoirs, etc., acquire a new relevance since they address current issues in the academic world, such as individual and collective memory, subjectivity and objectivity in the representation of the past, as well as the relationship between factuality and fiction in literature[1]. In recent decades, the scientific publications on autobiography and other autobiographical genres have significantly grown. However, there are still many aspects of life writing that remain to be investigated. One not fully explored topic is Russian male autobiographical prose of the 18th and early 19th centuries[2]. While there is no shortage of contributions on the peculiarities of 18th-century female autobiographies[3], what is absent is a systematization of the features characterizing the contemporary autobiographical texts written by men. Yet even the latter deserves a more in-depth analysis. Not only do male autobiographies present their own distinctive thematic and stylistic characteristics, but they also allow to highlight the specificities of the rapid and impressive evolutionary process of the genre in the Russian context of that time. This is an intriguing task, since the few researchers who have devoted themselves to 18th-century Russian ego-literature emphasize that in the country, autobiography had different roots and literary models from the European ones[4]. Indeed, the first Russian autobiographers found in the tradition of *letopis'* and *zhitie* the matrices for the narration of the «stories of their life.» As a result, their ego-texts initially were usually schematic narratives that resembled chronicles. Nonetheless, by the end of the century, the genre evolved, becoming more complex and merging with fictional prose. To distinguish these different

[1] Researchers are far from reaching a crystallized and unanimous consensus on definitions and characteristics of autobiography and the other autobiographical genres.

[2] The concept of «the long 18th century» also applies to the Russian context. The given article accepts this interpretation, which slightly broadens the time frame of the historical period under consideration.

[3] For example, we can cite I. Savkina's monograph *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века* (*Conversations with the Mirror and Through the Mirror: Self-documentary women's texts in Russian literature of the first half of the 19th century*, 2007), one of the first books to study women's ego-texts in Russia. It could be added that gender studies have paid close attention to identifying the distinctive features of female autobiographical prose. According to researchers in this field, women's autobiographies are characterized by a greater focus on private life and a more emotional language. Consequently, men's life writing distinguishes itself for a more neutral narrative, centered on the author's public life. This article aims to go beyond this traditional dichotomization by analyzing other elements and distinctive features of male autobiographical discourses.

[4] See (Bitsilli, 1934), (Gyubieva, 1969), (Elazavetina, 1982), and (Tartakovsky, 1991).

Russian approaches to autobiographical prose, P. M. Bitsilli talks about, respectively, an «old» and «new» way of writing autobiography (2019). These two tendencies are usually exemplified by the well-known ego-texts of Gavriil Romanovich Derzhavin[5] and Andrey Timofeevich Bolotov[6]. The famous poet used an almost impersonal tone and focused his attention on the description of his career, imitating hagiographic literature. His literary colleague, instead, preferred to describe his daily and family life in an intimate way, taking inspiration from novels. The focus on these authors has caused the oblivion of several other autobiographical works that could contribute to the delineation of a deeper and more precise typology of the then male life writing. An emblematic case is represented by the original, ironic, and picaresque autobiography of G. I. Dobrynin (1752–1827), entitled *Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней) им самим писанная в Могилеве и в Витебске 1752–1823. В трех частях (The True Story, or the Life of Gavriil Dobrynin (Who Lived 72 Years, 2 Months, 20 Days), Written by Himself in Mogilev and Vitebsk 1752–1823.. In three parts*, hereinafter only *Istinnoye povestvovaniye*, Dobrynin, 1872). The aim of this article is to analyze the poetics and specifics of this text. By identifying its main characteristics, the study highlights certain trends in the evolution of 18th- and early-19th-century Russian male autobiographical prose as well.

2. Gavriil Ivanovich Dobrynin and His Autobiography

Gavriil Ivanovich Dobrynin (1752–1827) came from a clergy family. During his life, he changed his profession several times. He worked as a singer, a secretary to bishops, and a clerk in Belarus. In the administrative service, G. I. Dobrynin managed to obtain the noble title[7], rising to the rank of provincial prosecutor. Just these few autobiographical data and, above all, the «humble» origins of the author make the study of *Istinnoye povestvovaniye* full of perspectives. The text not only gives a picture of a less-known side of the Russian Empire but also presents it through an atypical point of view. In fact, as autobiographical prose was almost exclusively practiced by the representatives of the traditional *dvoryanstvo*[8], the ego-text of a son of a priest represents a unique case and exception in the then cultural panorama[9].

In 1787, at the age of 35, Gavriil Ivanovich began writing the story of his life. This was the year when he started his service in the administration of the Belarusian territories. After a long break, he returned to the written fixation of his memories in 1800. The author divided his work into three parts, which respectively describe the events that occurred to him between 1752–1777, 1778–1810 and 1811 until 1827. An excerpt of the text relating to the events of the French invasion of 1812 was published in *Вестник Европы* (*Bulletin of Europe*) under the title *Отрывок из записок витебского жителя* (*An Excerpt From the Notes of*

[5] A. T. Bolotov (1738–1833) was an enlightened Russian provincial noble. After retiring from service, he wrote and dealt with a variety of subjects, such as agriculture, medicine, economics, literature, philosophy, etc. He is the author of a voluminous autobiography, entitled *Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков* (*The Life and Adventures of Andrei Bolotov: Described by Himself for His Descendants*, Bolotov, 1993).

[6] G. R. Derzhavin (1743–1816) was one of the most significant Russian poets of the late 18th and early 19th centuries. His success and fame are primarily associated with his revolutionary ode in content and style *Felitsa*, dedicated to Empress Catherine II. At the request of the bibliographer and metropolitan bishop Evgeny (Bolkhovitinov), he wrote the autobiographical text *Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина* (*Notes from well-known events and true cases in the life of Gavril Romanovich Derzhavin*, Derzhavin, 1872).

[7] With the introduction of the Table of Ranks, Peter I made it possible for his subjects to acquire the noble title once the 9th rank was reached.

[8] There are debates on the correct translation of this term, which denotes the Russian elite. This article uses the terms «aristocracy» and «nobility» as synonyms to avoid repetition, recognizing that the terms do not completely coincide with the word *dvoryanstvo*.

[9] G. A. Tartakovsky even uses the definition of «дворянская мемуаристика» («dvoryanstvo memoir prose») to emphasize this link between the aristocratic social class and the writing of ego-texts (Tartakovsky, 1991: 31).

a Vitebsk Inhabitant) when the author was still alive[10]. The full manuscript, instead, was found in a cemetery in the Mogilevsky governorate. It came into the possession of the writer A. P. Storozhenko, who donated the copy to L. N. Antropov, the editor of the magazine *Русская старина* (*Russian antiquity*). The latter published G. I. Dobrynin's text on the pages of his periodical in 1871. *Istinnoye povestvovaniye* was printed a second time in volume the following year (Dobrynin, 1872). After this edition, the autobiography was forgotten by readers. Even scholars did not pay much attention to it. Indeed, G. I. Dobrynin's autobiographical work until now has remained practically unstudied. Among the few exceptions to this academic silence can be mentioned the introduction of M. I. Semeysky to the above-mentioned published volume (Semeysky, 1872). In his introductory words, the well-known Russian historian affirms: «Жизнь Добрынина выдвигаетъ на страницы нашего изданія длинный рядъ мастерски набросанныхъ картины быта русскаго духовнаго лица того же»[11] (Semeysky, 1872: 2). In fact, one of the merits of M. I. Semeysky is certainly the stress on the originality of the topics treated in the memories left by G. I. Dobrynin. On the other hand, the historian shows a certain superficiality in commenting on the text, even mistaking the year of the author's death[12]. The same error was repeated by G. A. Tartakovsky in his important monograph devoted to Russian memoirs of the 18th and early 19th centuries. Despite this mistake, the scholar attributes a significant place to G. I. Dobrynin's *Istinnoye povestvovaniye* in the process leading to the creation of Russian modern autobiography, in which the autobiographer has a self-awareness of himself as an author (Tartakovsky, 1992: 69–71). Before him, only P. M. Bitsilli wrote a few lines about Gavriil Ivanovich's text. In his study on Russian «domestic prose,»[13] the researcher comments on the fictional models used by G. I. Dobrynin in his narrative (2019). All these three scholars agree on the exceptional author's ability to vividly and ironically represent the (mainly provincial) reality that surrounds him, comparing him to writers such as N. V. Gogol and M. E. Saltykov-Shchedrin. This fact and the consequently particular attention that Gavriil Ivanovich pays in depicting his contemporaneity should not lead one to think that his writing is merely a chronicle in nature, as is often the case with the then male ego-texts. On the contrary, *Istinnoye povestvovaniye* can be considered one of the rare real autobiographies of the time, placing the story of the evolution of the author's individuality at the center of the narration[14].

3. *Istinnoye Povestvovaniye*: Similarities and Peculiarities in the Background of 18th-Century Male Autobiographical Prose

As already said, in 18th-century Russia, writers of ego-texts gradually tried to go beyond the limits of the narrative frame of the *letopis'* and find new forms of self-narration. G. I. Dobrynin belongs to this category. His autobiography is an attempt to abandon traditional models. His solution was to incorporate elements from fictional literature at the content and structural level. As far as the latter is concerned, the typical subdivision of the narration year by year of the first autobiographies was replaced by Gavriil Ivanovich

[10] The author proudly reports this fact in his autobiography (Dobrynin, 1872: 338).

[11] «The life of Dobrynin brings to the pages of our publication [the magazine *Russian Antiquity* – R. G.] a rich gallery of masterfully sketched pictures of the life of a Russian clergyman of that century.» The quotes are given in Russian according to the old orthography. The reported passages are translated by the author of the article.

[12] The historian claims that the autobiography ends with the author's death in 1824, while the narrative continues until 1827, the actual year of the end of G. I. Dobrynin's life.

[13] P. M. Bitsilli uses the term «domestic literature» to indicate texts belonging to the various kinds of autobiographical genres.

[14] In the present article, we agree with the point of view of Ph. Lejeune, who defines autobiography in the following way: «A retrospective narrative in prose that a real individual makes of his own existence, when he places emphasis on his individual life, in particular on the history of his personality» (Lejeune, 1975: 14).

with a division of his autobiographical text into chapters. Furthermore, in line with the then-popular novels, the autobiographer gave a metaliterary and very descriptive title. It is interesting to note that, in it, the author emphasizes the truthfulness of his testimony. He uses the adjective «истинное» («true») and specifies that the text was written by himself («написанного им самим»). Moreover, he adds the indication of the place and time in which the work was composed to further confirm its credibility. This proves that G. I. Dobrynin was aware of the paradoxical position in which every autobiographer finds himself when recounting the «story of his life.» The latter is forced to rely on the rhetorical means offered by literature to narrate his past, but the use of literary models poses the question of his «sincerity.»[15] Using a strategy shared by other contemporary authors, Gavriil Ivanovich includes several metaliterary passages in which he explains his narrative choices. Moreover, the writer transforms the statement of the reliability of his own words into a real leitmotif of *Istinnoye povestvovaniye*. As can be seen from the following quotations, he constantly emphasizes that his intention is to write the whole truth about himself:

> Слѣдовательно писать небылицы или выдумки было бы тожъ же самое, что обманывать самого себя [Therefore, writing [in my autobiography – R. G.] invented stories or facts would be the same as deceiving oneself] (Dobrynin, 1872: 3).
> Каково оно ни есть, хорошо или худо, я пишу истину [Whatever it is, good or bad, I write the truth] (Dobrynin, 1872: 32).
> Природа не сотворила меня лгать и любить ложь, почему миѲологію, метафизику, астрологію, кабалистику и романсы безъ нравственности почитаю и для себя мертвыми, и себя для нихъ мертвымъ. Я люблю говорить то, что понятно [Nature did not create me to lie, and love lies, which is why I consider mythology, metaphysics, astrology, cabalism, and romances without morality. They are dead to me, and I am dead to them. I like to talk about what is comprehensible] (Dobrynin, 1872: 65-66).
> Говорю я, какъ честный повѣствователь [I speak as an honest narrator] (Dobrynin, 1872: 95).

In these statements, one can observe the clear influence of the *Confessions* by J. J. Rousseau and their rhetoric of sincerity. This is a characteristic that distinguishes G. I. Dobrynin's text from the other autobiographies of the time, in which practically no trace of the Rousseauean model can be found[16]. Gavriil Ivanovich even directly comments on the autobiography of the Genevan philosopher, comparing it to a similar «confessional» work of the Russian writer D. I. Fonvizin:

> Славной, но больше того извѣстной Жанъ-Жакъ Руссо, въ книгѣ исповѣди своей, показалъ свою откровенность, даже до такихъ своихъ дѣйствій, которыя ни ему, ни читателямъ ни къ чему не служатъ, кромѣ соблазна; а нашъ почтеннѣйшій Фонъ-Визинъ, по видимому изъ подражанія Жанъ-Жаку, назвавъ одно изъ своихъ сочиненій «исповѣдью», исповѣдывается, что «онъ сочинилъ оперу, и для прочтенія оной представленъ былъ къ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II»; какъ будто это такой грѣхъ, которой стоитъ больше исповѣди, нежели фастовства. Для чего же и мнѣ не подражать симъ славнымъ людямъ? Стану и я исповѣдываться, съ тѣмъ только отъ нихъ различіемъ, что моя исповѣдь дѣйствительно во грѣхѣ, а не въ фастовствѣ – Фонъ-Визина [The famous, but even more renowned Jean-

[15] The theme of the sincerity of the author has been the subject of heated discussions in the past. However, today scholars agree that the emphasis should not be placed on the sincerity or falsity of the autobiographer's written testimony but rather on the subjective nature of memory.

[16] Only in two other autobiographical texts of the period are there clear references to Rousseau's autobiography. They are *Чистосердечное признание* (*A Sincere Confession*) by D. I. Fonvizin (1744–1792) and *Повесть о рождении моем происхождении и всей жизни* (*The Story of My Birth, Origins, and Whole Life*) by I. M. Dolgorukov (1764–1823).

> Jacques Rousseau, in his book of confessions, showed his frankness, even to the point of confessing such actions that serve neither him nor his readers for anything other than to lead into temptation; and our most esteemed Fon-Vizin, apparently in imitation of Jean-Jacques, having entitled one of his works *Confession*, confesses that «he composed an opera and was presented to Empress Catherine II to read the latter»; as if these were such sins that they deserved more confession than vaunt. Why shouldn't I imitate these illustrious people? I too will make my confession, with only this difference from them, that my confession is truly of sins and not of vaunt like Fon-Vizin] (Dobrynin, 1876: 302-303).

G. I. Dobrynin questions the sincerity of the two well-known authors, insinuating that their «earnest» revelations are more literary poses than actual confessions. Ironizing on them, he wants to exalt his purpose to give the very first true (and not hypocritical) representation of a person's consciousness.

Another tactic used by the writer to present himself as a reliable narrator is the inclusion of the «autobiographical pact.»[17] Gavriil Ivanovich inserts a *Forewarning* (*Предуведомление*) into his text, in which he clearly exposes the principles underlying his life writing:

> Намѣренье мое состоитъ въ томъ, чтобъ писать сущую правду для собственнаго въ настоящее и будущее время приведенія на память прошедшихъ моихъ лѣтъ и приключеній; писать такъ, какъ пишутся дневныя записки […]. [И] тонъ моей повѣсти и порядокъ въ ней всего безпорядка основалъ я на пословицѣ покойника моего дѣда: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ – лучше, съ ума не сойдешь» [My goal is to write the bare truth to remind me, in the present and future, of my past years and adventures; to write as one would write daily notes […]. [Moreover,] I based the tone of my story and the order of all the chaos in it on the proverb of my dead grandfather: «It's better to mix duty with pleasure – you won't go crazy»] (Dobrynin, 1872: 3).

In it, the author raises the question of the receiver of the text. This aspect is meaningful because Russian autobiographical prose of the 18th and early 19th centuries had primarily a domestic destination. Even if G. I. Dobrynin claims not to think about publishing his autobiographical work, from the pages of his autobiography it is evident that he wrote with the idea that *Istinnoye povestvovaniye* could find a wider reading public in the future. This potential reader becomes a protagonist in the text. Gavriil Ivanovich maintains a continuous dialogue with him. He often turns to his addressee and responds to his possible questions, objections, or criticism[18]. G. I. Dobrynin also adds a rich number of footnotes in which he gives

[17] «Autobiographical pact» is a concept introduced by Ph. Lejeune. It describes the literary agreement between the autobiographer and his reader, in which the former explains the reasons at the core of his autobiographical writing and states the truthfulness of his narration (Lejeune, 1975).

[18] Just to give some examples: «Можетъ быть кто вопросить: 'когда ты можешъ такъ разсуждать, такъ для чего же ты теперь пишешъ о другихъ, забывая скромность?' Отвѣтъ: 'для того, что я теперь нахожусь въ качествѣ историка, который, по званію своему, долженъ трудъ свой украшать правдою, такъ какъ піитъ – ложью, ораторъ – празнословіемъ [Someone may ask: 'If you think this, why do you now write about others, forgetting modesty?' Answer: 'Because I am now in the role of a historian, who, by his calling, must adorn his work with truth, just as a poet does with lies, and an orator – with idle talk']» (Dobrynin, 1872: 69) or «Можетъ быть кто вопросить: 'На какой конецъ заниматься столько повѣстью неважною о неважномъ человѣкѣ, которой, кажется ничего важнаго, или достойнаго объ немъ свѣдѣнія не здѣлалъ?' […] Отвѣчаю: 'Согласенъ. Но и то правда, что героическихъ и привлекательныхъ чудесъ больше въ романахъ, а я пишу исторію' [Perhaps, someone will ask: 'Why bother so much with an unimportant story about an unimportant person, which, it seems, does not contain anything important or worthy of information about him?' […] I answer: 'I agree. But it's also true that heroic and engaging miracles are more common in novels, while I am writing history']» (Dobrynin, 1872: 229).

explanations and provides information on people and facts about his life that could become indecipherable for future generations.

In his autobiographical pact, the author exposes the purposes of his ego-text as well. This is another fundamental element of the ego-literature of the period since, for the autobiographers of the 18th and early 19th centuries, writing the story of their life was not meant to be a simple pastime but a useful activity. As can be seen in the previous quote, Gavriil Ivanovich himself states that his autobiography aims to combine the useful with the pleasurable. In his *Forewarning*, the autobiographer indicates another important function of his *Istinnoye povestvovaniye*: «Нѣтъ, думаю, ни одного человѣка изъ могущихъ мыслить, которому бы не приходила когда-нибудь мысль: кто я? гдѣ я? откуда я пришелъ? Что вижу я? и куда пойду? И подобныя сему задачи. Но всѣ мыслящіе такъ, и желающіе постигнуть и разрѣшить сію сокрытую отъ смертныхъ тайну остаются по прежнему въ глубокомъ о ней невѣдѣніи [I do not think there is a single person capable of thinking who has not at some point thought: Who am I? Where am I? Where did I come from? What do I see? Where am I going? And similar questions. But all those who think this way, and who wish to comprehend and solve this mystery hidden from mortals, remain as before in profound ignorance of the answer to it]» (Dobrynin, 1872: 3). This existential search for one's own identity and the meaning of one's existence is at the core of all autobiographical texts. Ph. Lejeune states that it is one of the main reasons for a person to begin the story of his own life (Lejeune, 1971: 78). G. May adds to this emotional motivation the rational ones, which consist of the will to leave life lessons or a positive image of oneself (May, 1999: 40–60). His considerations can be applied to the autobiographies of the period under discussion. For instance, Gavriil Ivanovich attributes didactic objectives to his narration: «Неопытность моя ослѣпилась великолѣпными увѣреніями, не зная того, что нѣтъ ничего легче, какъ большому человѣку заставить маленкаго всему вѣрить, подобно какъ модному и бывалому въ свѣтѣ щеголю не трудно обмануть невинную дѣвку [My inexperience was blinded by magnificent assurances, not knowing that there is nothing easier than for a powerful person to make a little one believe everything, just as it is not difficult for a fashionable and worldly dandy to deceive an innocent girl]» (Dobrynin, 1872: 54). By retracing the history of one's past, the author and the reader can learn from previous errors. At the same time, the retrospective gaze leads the writer of an ego-text to assume a judgmental stance on his «old Self» and to never be a neutral narrator. This also happens in *Istinnoye povestvovaniye*. It is interesting to highlight that, despite the presence of several moralizing and philosophical passages, Gavriil Ivanovich more often prefers to recur to irony in his judgments on his faults.

In the 18th century, male autobiographical prose was closely linked to the writers' service. Scholars emphasize how adventures and, much more often, misadventures within the bureaucratic and military system of the Russian Empire played a pivotal role in the idealization of the autobiographical «Self» of the autobiographers. The work of G. I. Dobrynin is exemplary in this regard. Like his contemporaries and still under the influence of classicism rhetoric, Gavriil Ivanovich saw service as a moral and civil duty. However, he and the other authors of the period found themselves victims of the corruption that pervaded Russia. Therefore, it became necessary for them to construct a faultless and apologetic portrait of themself. As a result, G. I. Dobrynin's text can be interpreted as his written apology. For Gavriil Ivanovich, the introduction of this apologetic discourse acquired even more importance. He writes: «Мнѣ теперь – размышлялъ я – остается только вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что я вчера только сдѣлался благороднымъ [Now, – I thought, – all that remains for me to do is to behave in my service and in my moral life as if I were a nobleman, so as not to

give reason to suspect that I only became noble yesterday]» (Dobrynin, 1872: 190). As can be seen from the passage, the fact that the author is not a *dvoryanin* by birth makes G. I. Dobrynin the object of constant prejudice, from which he must defend[19]. In *Istinnoye povestvovaniye*, the autobiographer several times laments his sense of alienation from the aristocratic reality in which he lived. This sense of exclusion was increased by the discovery of the illusory nature of his idealized vision of the world of service and nobility. In his ego-text, this feeling of otherness translates into a systematic condemnation of the representatives of the elite and their hypocrisies. For example, he disapprovingly states: «Дворянство же, […] разсыпавшись по корчамъ, трактирамъ, ѣло, пило, гуляло и въ карты играло [The nobility, […] disseminated among taverns and hostelries, ate, drank, walked, and played cards]» (Dobrynin, 1872: 194). Gavriil Ivanovich also gives this negative representation of the Russian aristocracy to exalt his positive self-portrait and assert his right to reclaim his dignity as a person, despite his humble origins: «Хотя я родился и росъ въ бѣдности, однакожъ чувствовалъ въ высочайшей степени, что природа меня не сотворила рабомъ [Although I was born and grew up in poverty, I nevertheless felt to the highest degree that nature did not create me to be a slave]» (Dobrynin, 1872: 55).

Even the 18th-century author of ego-texts understood that to achieve the existential, apologetic, and didactic goals of their life writing, the narrated story had to be not only truthful but also intriguing. Thus, in the autobiographies of the turn of the century, the literary component became increasingly predominant. The outcome was an enrichment of the thematic repertoire. If the first autobiographies mainly focused on historical facts, with the rise of sentimentalism, the attention to emotions and the inner world of a person became imperative to any type of story, be it fictional or autobiographical. For example, Gavriil Ivanovich often talks about his «sensitive heart» or emphasizes his sentimental nature: «Чувствительность во мнѣ открылась очень рано, и даже всегда предшествовала моему разсудку [Sensitivity in me showed itself at a very early age, and it even always came before my reasoning]» (Dobrynin, 1872: 5).

Furthermore, literature offered autobiographers possible patterns through which to conceptualize and explain their own existence. Listing his readings, G. I. Dobrynin himself reveals the likely literary prototypes underlying the creation of his autobiographical «Self.» He represents himself as a picaresque hero. Various scenes of his life story are clearly inspired by the famous *L'Histoire de Gil Blas de Santillane* by A.-R. Lasage[20]. Like the hero of this novel, Gavriil Ivanovich managed to make his fortune despite his non-prestigious origins, often changing profession and his social status. Moreover, in this book, he found an example of how to ironically depict his experience in the non-idyllic aristocratic and ecclesiastical world. This fic-

[19] G. I. Dobrynin identifies his poor education as one of the main reasons for his social disparity. The received education is another central theme of male autobiographies of the time. In the narration of their childhood, autobiographers usually pay attention to their formation, emphasizing the negative aspects of their education. This served them to exalt their figures. Despite the inappropriate schooling, the writers managed to become worthy representatives of society. In the case of G. I. Dobrynin, however, his inadequate formation becomes an obstacle to his possibilities of social ascent. Significantly, the author initially decided to conclude his narration when a new reform of the educational system was introduced, which prevented him from assuming more prestigious positions in the Table of Ranks due to his lack of academic qualifications.

[20] P. M. Bitsilli notes: «В русской мемуарной литературе сохранилось произведение, напрямую отсылающее к роману Лесажа. Это *Правдивое повествование* [sic – the erroneous title is due to the fact that the scholar, a prominent representative of the first Russian emigration, wrote his article after he had already left his homeland. No longer able to consult the texts, P. M. Bitsilli had to rely on his incredible memory – R. G.] [In Russian memoir literature, there is a work that directly refers to Lesage's novel. This is *Pravdivoye povestvovaniye* by G. I. Dobrynin]» (2019). This novel immediately gained great popularity in Russia. Nonetheless, it was first translated into Russian only in 1876. Curiously, in 1814 a Russian version of the story appeared, entitled *Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова* (*The Russian Gilblaz, or The Adventures of Prince Gavrila Simonovich Chistyakov*) and written by V. T. Narezhny (1780–1825).

tionalization of the writer's self-image did not infringe the credibility of his autobiography. On the contrary, it can even be considered something expected and required by the cultural codes of the time. As Yu. M. Lotman notes, at the end of the 18th and beginning of the 19th centuries, Russian society was theatrical and literary-oriented, making the boundary between reality and fiction much more blurred in daily life (Lotman, 1992a; Lotman, 1992b; Lotman, 1994). In *Istinnoye povestvovaniye*, this interrelation between factuality and literariness generates an alternation of passages in which, on the one hand, the author does not hesitate to use literary models in the construction of his autobiographical myth, and, on the other, he insists on underlining that he does not write fictional literature. Interestingly, G. I. Dobrynin devotes many pages to the reflection on the bond between fiction and historicity. He clearly distinguishes the poet from the historian. According to him, the former depicts illusory worlds, while the latter pursues the fixation and description of truth. Gavriil Ivanovich includes himself among the historians but considers himself a peculiar kind of them. In his autobiography, he affirms:

> Я читалъ славнаго Корнелія Тацита. Онъ также писалъ всякую всячину, какъ и я, разница только та, что онъ писалъ стилемъ латинскимъ, а я перомъ россіскимъ. Онъ описывалъ дѣянія происходившія въ славномъ Римѣ, а я, находясь въ Бѣлоруссіи, присовокупляю въ собственной исторіи встрѣтившіяся произшествія въ моемъ мѣстопребываніи, и, ежели можно сдѣлать нѣкоторое сравненіе? То мой П. Б. Пассекъ и Марья Сергѣевна ничѣмъ не меньше значили въ Могилевѣ, какъ тацитовъ Германикъ и Агриппина въ Римѣ [I read the famous Cornelius Tacitus. Like me, he also wrote about all sorts of things. The only difference being that he wrote in the Latin style, and I write with a Russian pen. He described events that took place in glorious Rome. I, instead, being in Belarus, add to my own history the events that occurred in the place I live. And is it perhaps possible to make some comparison? Well, my P. B. Passek and Marya Sergeevna were no less important in Mogilev than Tacitus' Germanicus and Agrippina were in Rome] (Dobrynin, 1872: 255).

With his typical and contradistinctive irony, Gavriil Ivanovich acknowledges that his story does not deal with epic events and great historical figures. Yet, this does not mean that the depiction of his personal world is of less importance. The accent on this fact is another way to claim and justify his «unusual» desire to leave a testimony of himself that could survive the inexorable passage of time and fight oblivion.

4. Conclusions

Thus, this analysis shows that already in 18th-century Russia, when the autobiographical genre was in evolution and transformation, Russian male life writing presented its peculiarities. Like the contemporary autobiographers, G. I. Dobrynin gave special attention to presenting himself as a credible narrator. In *Istinnoye povestvovaniye*, as in other autobiographies of the time, the autobiographical pact already played a pivotal role, explaining the often didactic or apologetic reason at the base of the writers' texts. G. I. Dobrynin's autobiography also clearly exemplifies the strict link between the theme of service and the construction of the writer's idealized autobiographical myth in Russia. The creation of the latter posed several challenges to autobiographers. The original solutions of G. I. Dobrynin to overcome these difficulties make his text unique. He not only took inspiration from the autobiographical model of J.-J. Rousseau but also transformed himself into the hero of a picaresque autobiography. Indeed, he sought new narrative strategies, abandoning old models and taking inspiration from literature. This required him to find a difficult balance between factuality and literariness in the representation of the «story of his life.»

Bibliography

Bitsilli, P. M. (2019). «Domashnyaya» literatura i istoki klassicheskoy literatury v Rossii. *Toronto Slavic Quarterly*, *69*. http://sites.utoronto.ca/tsq/69/Bicilli69.pdf

Bolotov, A. T. (1993). *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova: Opisannyye samim im dlya svoikh potomkov. V 3 t-kh*. TERRA.

Derzhavin, G. R. (1860). *Zapiski Gavriila Romanovicha Derzhavina. 1743-1812*. Izdaniye Russkoy besedy.

Dobrynin, G. I. (1872). *Istinnoye povestvovaniye, ili Zhizn' Gavriila Dobrynina, (pozhivshego 72 g. 2 m. 20 dney) im samim pisannaya v Mogileve i v Vitebske 1752-1823. V trekh chastyakh*. Pechatiya V. I. Rodovina.

Elizavetina, G. G. (1982). Stanovleniye avtobiografii i memuarov. In *Russkiy i zapadnoyevropeyskiy klassitsizm. Proza*. (pp. 235-263). Nauka.

Gyubiyeva, G. E. (1969). *Etapy razvitiya russkoy memuarno-biograficheskoy literatury XVIII v*. [Avtoreferat]. Moskow State University.

Lejeune, Ph. (1975). *Le pacte autobiographique*. Édition du Seuil.

Lotman, Yu. M. (1992a). Poetika bytovogo povedeniya v russkoy kul'ture XVIII veka. In Yu. M. Lotman. *Izbrannyye stat'i. V 3-kh t. T. 1*. (pp. 248-268). Aleksandra.

Lotman, Yu. M. (1992b). Teatr i teatral'nost' v stroye kul'tury nachala XIX veka. In Yu. M. Lotman. *Izbrannyye stat'i. V 3-kh t. T. 1*. (pp. 269-286), Aleksandra.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. Iskusstvo-SPB.

May, G. (1979). *L'autobiographie*. PUF.

Savkina, I. (2007). *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'yem. Avtodokumental'nyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Novoe literaturnoe obozrenie.

Tartakovsky, A. G. (1991). *Russkaya memuaristika XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Ot rukopisi k knige*. Nauka.

NABÓKOV COMO AUTOTRADUCTOR DE SU AUTOBIOGRAFÍA

Inés Goñi
Universidad del País Vasco (UPV/EHU)

Vladímir Nabókov (San Petersburgo, 1899 – Montreux, 1977) fue un escritor ruso de la primera ola de emigración que, tras vivir en Europa de los 20 a los 41 años, se instaló en Estados Unidos, donde adoptó el inglés como lengua de expresión literaria y llegó a convertirse en uno de los escritores americanos más reconocidos del s. XX.

Aunque *Lolita* es globalmente reconocida como su obra maestra, Nabókov escribió muchas otras obras de gran calidad. Su estilo está marcado, entre otros rasgos, por un espíritu cosmopolita y políglota que lo distinguió desde sus inicios del resto de autores rusos de la época. Pero si hay una obra que acerca al lector a las raíces que definieron la esencia de Vladímir Nabókov, esa es su autobiografía, publicada inicialmente en inglés con el título *Conclusive Evidence* (1951), posteriormente autotraducida al ruso y publicada como *Другие берега* (*Otras orillas*) (1954), y finalmente revisada y reeditada en inglés más de una década después como *Speak, Memory: An Autobiography Revisited* (1966).

Teniendo en cuenta que la obra original ya era, en sí, una colección de recuerdos de una infancia trilingüe en Rusia, traducidos al inglés para su publicación, estas memorias constituyen, en palabras del propio Nabókov, unas «metamorfosis múltiples» cuya realización supuso una «tarea diabólica», y lo único que le dio cierto consuelo fue que «jamás antes había sido intentada por ningún otro ser humano»[1] (Nabókov, 1966: 12-13). Esta obra triple despierta numerosas preguntas: ¿son las versiones posteriores de la autobiografía traducciones fieles del primer texto, o se toma Nabókov libertades como autotraductor? ¿Adapta culturalmente la segunda versión al público meta, que ya no es anglosajón sino rusoparlante y, por tanto, conocedor de la Rusia de su infancia, tan presente en la obra? ¿Es posible que la versión rusa contenga recuerdos nuevos desbloqueados en el momento de plasmarlos por primera vez en la lengua de su niñez? ¿Afectaría al contenido de la tercera versión el hecho de que hubieran pasado tantos años desde la escritura del primer texto? ¿Cuáles son, en definitiva, los cambios que se observan entre las tres versiones? ¿Son de carácter lingüístico o de otra índole? En esta contribución se recogen las respuestas a estas preguntas, logradas mediante un análisis comparativo detallado de tres capítulos de la obra en sus tres versiones.

1. Nabókov como escritor políglota

Nabókov pertenece al selecto grupo de escritores conocidos por usar más de una lengua como vehículo literario. En la clasificación de Kellman (2019), Nabókov sería un «translingüe ambilingüe», es decir, un escritor translingüe que puede escribir en más de una lengua, o un «bilingüe ambidiestro», en palabras de Orlova (2016). Basta con leer su autobiografía para conocer en detalle la infancia trilingüe de Nabókov.

[1]Traducción propia. Esto se aplicará a todos los textos citados que no estén originalmente escritos en castellano.

El primer testimonio de escritura plurilingüe de Nabókov se remonta a su época como alumno del instituto Tenishev, donde, a los once años, fue acusado de pedantería «principalmente por salpicar mis trabajos en ruso de términos ingleses y franceses que me resultaban naturales» (Nabókov, 1966: 185). El uso de préstamos es una característica distintiva de la escritura del autor a lo largo de su carrera. En su autobiografía se encuentran numerosos ejemplos, como veremos más adelante.

En sus dos primeras décadas como escritor (1920-39), Nabókov escribió en ruso firmando sus obras como «Sirin». Sin embargo, a finales de la década de 1930, coincidiendo con su huida de Europa a Estados Unidos en 1940, tomó la dolorosa decisión de sacrificar su lengua materna y su pulida herramienta de trabajo por un inglés que él sentía mucho más ajeno y cuyo uso le generaba «dificultades monstruosas» (Nabókov, 1954: 5-6). En cuanto a los motivos que pudieron empujarlo a tomar esta decisión, Beaujour (1989: 89) resalta dos externos (la negativa de las revistas de emigrados a publicar el cuarto capítulo de *La Dádiva* y la consecuente reducción de su público meta en ruso, ya de entrada poco numeroso) y uno interno: la tortuosa experiencia de la autotraducción. Según Beaujour, no fueron pocos los autores emigrados que, tras una tormentosa experiencia temprana de autotraducción a una lengua extranjera, optaron por escribir directamente en su segunda lengua. Aunque el inglés de Nabókov era muy bueno ya en 1940, Grayson (1977: 185-192) respalda las quejas de este, demostrando la evolución que se observa al comparar la primera y la segunda autotraducción al inglés de *Desesperación* (de 1937 y 1965 respectivamente).

La culminación de la metamorfosis lingüística de Nabókov como escritor llega cuando, tras unos años de dedicación implacable al perfeccionamiento de su inglés como lengua de expresión literaria, finalmente se sintió tan seguro y cómodo escribiendo en inglés que pudo dar un paso más allá: a finales de la década de 1940 «comenzó progresivamente a permitir que su naturaleza políglota reapareciera en su prosa» (Beaujour, 1989: 99), es decir, Nabókov finalmente se convirtió en un escritor plurilingüe de pleno derecho.

2. Nabókov como traductor

La traducción no es un elemento menor en la actividad literaria de Nabókov, sino que lo acompaña desde el inicio de su carrera como escritor hasta el final de su vida. De hecho, su primera obra extensa en prosa fue la traducción al ruso de *Alicia en el país de las maravillas* de Lewis Carroll, titulada *Аня в стране чудес*, cuando tenía veintitrés años. Al leer el título, el lector sabe que está ante una traducción que hoy podríamos calificar de etnocéntrica, según Berman (1984). Ania, la doble rusa de Alicia, no solo se sabe de memoria poemas de Pushkin y Lérmontov (en lugar de poemas de Robert Southey y limericks ingleses), sino que es una típica niña rusa. Toda la novela se transforma de tal manera que el lector tiene la impresión de estar leyendo una obra escrita originalmente en ruso. Todas sus traducciones de la década de 1920 fueron al ruso.

Por otro lado, también tradujo poemas de Pushkin al francés, y a autores rusos como Tiútchev, Lérmontov y de nuevo Pushkin al inglés, estos tres últimos recopilados en el volumen *Three Russian Poets*, publicado en 1944. Estas traducciones al inglés gozaron de una gran acogida entre los críticos de la época, como Edmund Wilson, quien vio en ellas «la mejor traducción de Pushkin y <...> una de las mejores traducciones de poesía que he visto» (citado por Boyd, 1991: 27). Irónicamente, el mayor esfuerzo de su vida como traductor fue la traducción literal de la novela en verso de Pushkin *Eugenio Oneguin* a la prosa inglesa con extensas notas, la cual, a pesar de su arduo trabajo y sus enérgicas justificaciones, fue duramente criticada por muchos, incluso por quienes habían elogiado sus anteriores traducciones rimadas.

Nabókov participó asimismo activamente en la traducción de su propia obra al inglés y al francés (Boyd, 1991: 126, 139). En particular, para las traducciones al inglés, adoptó una técnica, según la cual sus

colaboradores debían proporcionarle una traducción literal, que luego el escritor modificaba profusamente (D. Nabókov, 1984). Al parecer, los traductores franceses fueron menos complacientes en este aspecto (Anokhina, 2016).

Nabókov (1941) plasmó sus teorías sobre la traducción en el texto «The Art of Translation». En él establecía tres grados de traducción errónea: (a) errores debidos a ignorancia o conocimiento erróneo, (b) omisión intencionada de palabras o pasajes que el traductor no se molesta en comprender, y (c) cuando una obra maestra se pervierte para ajustarse a los gustos y prejuicios de un público determinado. Resulta extraordinario cómo todas las virtudes, y los correspondientes argumentos, de las traducciones posteriores de Nabókov ya se hallan aquí condensados.

3. Nabókov como autotraductor

Boyd (2012) señala que la autotraducción contribuyó a que Nabókov pasara de ser un escritor en lengua rusa a uno en lengua inglesa. En la década de 1930, viviendo en Alemania, la primera traducción al inglés de una de sus novelas (*Cámara oscura*) le pareció tan mala que tradujo él mismo una segunda (*Desesperación*), y luego reescribió desde cero su propia versión inglesa de *Cámara oscura* (*Laughter in the Dark*). Son esencialmente sus obras rusas las que autotradujo al inglés, y no al revés, con la excepción de *Lolita*.

El principal motivo de la actividad autotraductora de Nabókov parece haber sido no solo su desagrado por las traducciones de su época, sino, aparentemente, el deseo de evitar «las torpes atenciones de futuros incompetentes bienintencionados» (citado en Beaujour, 1989: 114). Como autotraductor, Nabókov no se somete a las exigencias de fidelidad que exige a los traductores. Sus autotraducciones a menudo se convierten en un segundo original en la lengua meta, como podría decirse de *Дpyгие берега* y *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*, las autotraducciones de su autobiografía. Hardenberg (2009) ve a Nabókov dividido entre su deseo de otorgar al autor (es decir, a sí mismo) plena autoridad y su percepción del impulso transformador que detesta en los traductores, incluso cuando el traductor es él mismo.

Grayson (1977) realizó un estudio exhaustivo de las autotraducciones de Nabókov, que están, en mayor o menor medida, llenas de cambios. Según ella, las obras con modificaciones más profundas podrían considerarse directamente como «revisiones» o «reelaboraciones» (*reworkings*). Identifica cuatro «reelaboraciones mayores» (*Laughter in the Dark*, *Despair*, *The Eye*, y *King, Queen, Knave*), y seis «reelaboraciones menores»: *Lolita*, *Invitation to a Beheading*, *The Gift*, *The Defence*, *Mary*, y *Glory*. *Lolita* la tradujo al ruso él mismo, mientras que las cinco restantes fueron encomendadas a otros traductores y solamente revisadas por el autor. Grayson identifica los siguientes cambios habituales en las reelaboraciones de Nabókov: 1) cambios en la estructura (añadir o eliminar capítulos), 2) omitir o incluir fechas y lugares, 3) cambiar los nombres de los personajes, a veces dándoles nuevos nombres con un significado correspondiente a sus rasgos o personalidad, 4) cambiar las personalidades y rasgos de los personajes (mejor representación), 5) aumentar el contenido estilístico (aliteración, metáforas, etc.), 6) aumentar el humor e ironía del autor/narrador (lo que distancia al lector), 7) aumentar o disminuir los detalles sexuales.

4. La autobiografía

Al inicio de este texto ya se han presentado brevemente las tres versiones de la autobiografía de Vladímir Nabókov y los retos que pudo presentar la labor de autotraducción multidireccional de las mismas.

Los quince capítulos que componen este libro se escribieron y publicaron originalmente entre 1936 y 1951 como relatos autobiográficos independientes. El primer capítulo se escribió cuando un amigo que

había organizado una gira de lectura de Nabókov en Bélgica en enero de 1936 le pidió que escribiera algo en francés, ya que el público de una de las jornadas sería francófono. Así pues, Nabókov escribió *Mademoiselle O.*, unas memorias ligeramente noveladas de su institutriz suiza, que tuvieron un éxito rotundo y se publicaron en abril de 1936 en la revista literaria francesa *Mesures*. Más adelante, con la ayuda de Hilda Ward, Nabókov hizo la versión en inglés de esta historia, que apareció en *The Atlantic Monthly* en enero de 1943 y finalmente se convertiría en el capítulo cinco de su autobiografía. Los otros catorce capítulos aparecieron también como relatos independientes entre 1948 y 1951 en inglés en *The New Yorker*, *Partisan Review* y *Harper's Magazine*. Finalmente, en 1951 se publica el primer volumen completo de la autobiografía: *Conclusive Evidence* (CE).

Nabókov habla abiertamente de las dificultades que encontró a la hora de escribir este libro en su segunda lengua, el inglés, en el prólogo de la segunda versión autotraducida de la autobiografía: *Другие берега* (DB) (Nabókov, 1954: 5-6). Más concretamente, menciona dos aspectos: por un lado, el haber tenido que desprenderse no ya de su lengua materna, ni de la lengua de Pushkin o Tolstói, sino de su «dialecto individual e íntimo», que era «una criatura viva y domesticada», tras quince años de profesión como escritor ruso; por otro lado, el hecho de que la lengua de sus recuerdos y la de escritura de las memorias no coincidían: «mi memoria estaba afinada en una clave —el ruso, musicalmente tácito— mientras que se le imponía otra —el exhaustivo inglés».

A pesar de ello, el autor había quedado bastante satisfecho con el resultado hasta que tuvo que enfrentarse a la labor de revisarlo y traducirlo al ruso, su lengua materna, la de sus memorias de infancia plasmadas en la obra en cuestión: «Encontré tales deficiencias —algunas frases eran tan repulsivas, había tantas lagunas y explicaciones innecesarias— que una traducción exacta al ruso habría sido una caricatura de Mnemósine. Manteniendo el patrón general, cambié y completé muchas cosas». De estas palabras se desprende que ya en DB Nabókov emprende la labor de autotraducción con un espíritu de reescritura que busca mejorar el texto original y adaptarlo al nuevo público meta, que no necesita las «explicaciones innecesarias» del original, pues creció en el mismo país que el autor.

Finalmente, en el prólogo de *Speak, Memory: An Autobiography Revisited* (SM), Nabókov (1966: 12) afirmaba que, ya durante la preparación de DB, había logrado que recuerdos borrosos se enfocaran con precisión, de modo que había podido identificar una vista repentina o nombrar a un sirviente anónimo. Esta vez, al preparar SM, declaraba haber realizado cambios básicos y abundantes adiciones al texto original en inglés, aprovechando también las correcciones realizadas al traducirlo al ruso. Afirmaba, asimismo, haber introducido muchas correcciones adicionales en SM gracias a los lazos familiares renovados a su regreso a Europa, lo que le había ayudado a corregir fechas y datos de la historia familiar.

5. Método para el análisis comparativo de los tres textos

No son pocos los estudios académicos que realizan análisis comparativos de textos y sus traducciones, incluidos los de Nabókov. De hecho, hay antecedentes que ofrecen valiosísimas aportaciones al estudio, precisamente, de los textos autobiográficos y de los cambios que se observan entre ellos. Destacan en este sentido los trabajos de Grayson (1977), García de la Puente (2015) o Malikova (2002), entre otros. Sin embargo, mi investigación (Goñi, 2024) buscaba realizar un análisis exhaustivo y categorizado de todos los recursos empleados por Nabókov en el proceso de autotraducción que supusieran algún tipo de modificación del texto original, lo cual no había encontrado entre las publicaciones anteriores, cuya naturaleza era más descriptiva. En cuanto a las denominaciones asignadas a los «recursos de modificación» y a sus

categorías, estas no siguen la nomenclatura de las técnicas de traducción que se pueden encontrar en trabajos teóricos como los que recogen Molina y Hurtado (2002), por el simple hecho de que el enfoque de los estudios de teoría de la traducción es el de identificar técnicas para traducir un texto de la manera más fiel posible, salvando las diferencias entre la lengua y la cultura del texto fuente y la del texto meta. Sin embargo, al tratarse esta obra de la autotraducción de una autobiografía, estas dos características abren un abanico de posibilidades que la mayoría de estudios de teoría de la traducción no contemplan. Incluso en el caso de los recursos de modificación que se incluyen en mi análisis y que aparecen también mencionados como técnicas de traducción en autores previos, estos son a veces considerados como errores. Es el caso de la adición y la omisión según Delisle (1993).

Así, desarrollé un método hecho a medida con el fin de objetivar o sustanciar las divergencias textuales más allá de descripciones impresionistas y caracterizar del modo más preciso posible el sistema de autotraducción que Nabókov aplica en su autobiografía. Dicho método consta de tres fases: 1) selección y estudio comparativo del corpus, 2) análisis categorizado de los recursos, y 3) cuantificación de los recursos.

5.1. Selección y estudio comparativo del corpus

El primer paso de mi investigación consistió en seleccionar el corpus objeto de mi análisis. Para ello, inicialmente hice una lectura de las tres versiones de la autobiografía, anotando sobre la marcha el contenido de cada capítulo y sección, y escribiendo símbolos que indicaban si el contenido era en general el mismo («=»), similar («~»), diferente («Dif») o «Nuevo»—cuando se añadía una sección completamente nueva—, siempre comparándolo con CE (tanto al leer DB como SM). Cuando el contenido no era prácticamente el mismo, añadía notas esquemáticas que explicaban las diferencias de contenido que había observado.

Como resultado, al final de este primer paso del proceso, contaba con un esquema del contenido de los capítulos y secciones de cada libro que permitía comparar fácilmente las tres versiones, identificando qué capítulos presentaban mayor o menor similitud de contenido. En ese momento comprendí que, para realizar un análisis comparativo de los recursos de autotraducción, necesitaba seleccionar un corpus cuyo contenido fuera lo más similar posible en las tres versiones; de lo contrario, los textos no coincidirían y la comparación, desde el punto de vista de la traducción, carecería de sentido, si no de viabilidad. Así, el resultado de este primer proceso fue la selección de los Capítulos Uno, Siete y Diez.

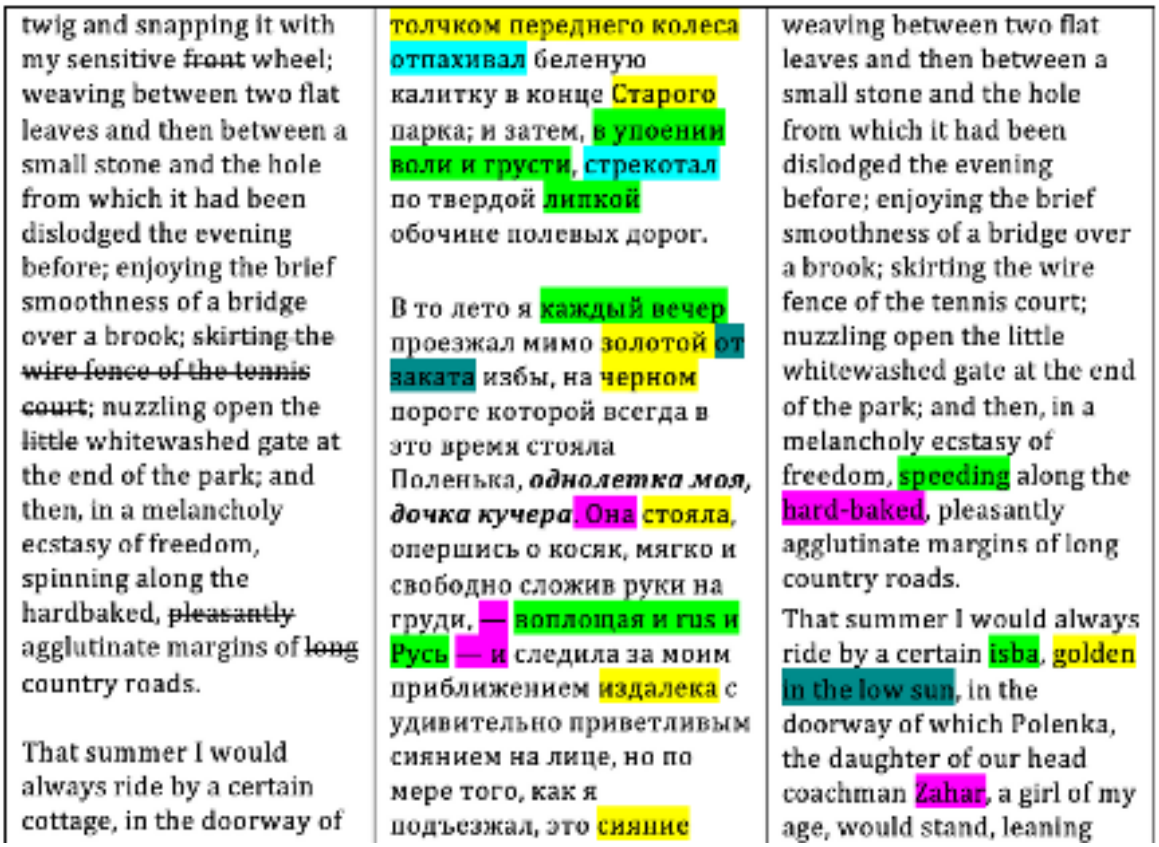
A continuación, a fin de comparar los tres textos, creé una tabla con tres columnas, una para cada versión del libro, en orden de publicación: CE, DB y SM. Una vez introducidos los tres capítulos del corpus en la tabla, comencé a analizar las diferencias entre los textos, comparando ambos textos meta (DB y SM) con el texto fuente original (CE). A medida que fui identificando los diversos recursos de modificación presentes en los textos meta, comencé a marcarlos en la tabla. La mayoría de los recursos de modificación estaban marcados en los textos meta; sin embargo, en los casos de omisiones, dado que el contenido eliminado no aparecía en los textos meta, lo marqué en la columna del texto fuente. Este fue el sistema de codificación resultante para todos los recursos de modificación identificados:

	CÓDIGO	DEFINICIÓN
MARCAS EN CE	~~Tachado~~	Omisiones en DB
	Gris	Omisiones en SM

MARCAS EN DB/SM	Amarillo	Adiciones
	Verde	Cambios de léxico y formulación
	Rojo	Cambios de contenido
	Negrita y cursiva	Reestructuración sintáctica
	Verde oscuro	Contenido desplazado
	Rosa	Cambios de puntuación, nexos y translit-eración
	Azul	Cambios de valor gramatical

Tabla 1. Leyenda de los recursos de modificación

A continuación se muestra, como ejemplo, un fragmento de la tabla comparativa con los recursos de modificación marcados en las tres columnas:

twig and snapping it with my sensitive ~~front~~ wheel; weaving between two flat leaves and then between a small stone and the hole from which it had been dislodged the evening before; enjoying the brief smoothness of a bridge over a brook; skirting the ~~wire fence of the tennis court~~; nuzzling open the ~~little~~ whitewashed gate at the end of the park; and then, in a melancholy ecstasy of freedom, spinning along the hardbaked, ~~pleasantly~~ agglutinate margins of ~~long~~ country roads.

That summer I would always ride by a certain cottage, in the doorway of

толчком переднего колеса отпахивал беленую калитку в конце Старого парка; и затем, в упоении воли и грусти, стрекотал по твердой липкой обочине полевых дорог.

В то лето я каждый вечер проезжал мимо золотой от заката избы, на черном пороге которой всегда в это время стояла Поленька, ***однолетка моя, дочка кучера***. Она стояла, опершись о косяк, мягко и свободно сложив руки на груди, — воплощая и rus и Русь — и следила за моим приближением издалека с удивительно приветливым сиянием на лице, но по мере того, как я подъезжал, это сияние

weaving between two flat leaves and then between a small stone and the hole from which it had been dislodged the evening before; enjoying the brief smoothness of a bridge over a brook; skirting the wire fence of the tennis court; nuzzling open the little whitewashed gate at the end of the park; and then, in a melancholy ecstasy of freedom, speeding along the hard-baked, pleasantly agglutinate margins of long country roads.

That summer I would always ride by a certain isba, golden in the low sun, in the doorway of which Polenka, the daughter of our head coachman Zahar, a girl of my age, would stand, leaning

Figura 1. Tabla comparativa

5.2. Análisis categorizado de los recursos

Una vez identificados y marcados todos los recursos de modificación en la tabla comparativa, procedí a analizar a fondo cada recurso. En primer lugar, apliqué un sistema de categorización según extensión del ejemplar (una palabra, más de una palabra, un sintagma, una oración, más de una oración...) y de subcategorización según «tipo». Dada la extensión considerable del estudio realizado, tenía sentido realizar esa primera categorización según extensión para extraer más ejemplares, y en un principio no descarté que

pudiera aportar información de cierta utilidad, pero en retrospectiva creo que es una categoría prescindible, especialmente para estudios de menor extensión. Sí mantendría la subcategorización según «tipo», la cual se adaptaba a la naturaleza del recurso en sí, es decir, muchas veces los «tipos» de recurso respondían a la finalidad o motivación del mismo, pero otras veces no; además, en los casos de los cambios de puntuación, nexos y transliteración, y de los cambios de valor gramatical, la naturaleza del primero y la poca abundancia del segundo hicieron que no se les aplicara el sistema de categorización.

Así, las subcategorías según «tipo» son las siguientes:

• *Adiciones*: a) Adición estilística, b) Información añadida y c) Adición relacionada con la cultura o la lengua.

• *Omisiones*: a) Omisión estilística, b) Información eliminada y c) Omisión relacionada con la cultura o la lengua.

• *Cambios léxicos y de formulación*: a) Cambio estilístico, b) Información modificada y c) Cambio relacionado con la cultura o la lengua.

• *Cambios de contenido*: a) Cambio estilístico, b) Información corregida y c) Cambio en la narrativa.

• *Reestructuración sintáctica*: a) Tema/rema, b) Alternancia libre y c) Otros.

• *Contenido desplazado*: a) Desplazado a una posición (semi)adyacente y b) Desplazado a una posición más alejada.

Todas estas subcategorías están diseñadas a medida para reflejar las características de cada recurso de modificación y son más subjetivas que las categorías por longitud. Cualquier insuficiencia o necesidad de matización se solventa gracias a los comentarios que se aportan debajo de cada ejemplo, los cuales permiten profundizar en los detalles de lo que sucede en cada caso o formular hipótesis sobre los motivos de Nabókov para realizar esa modificación.

A continuación se presenta, a modo de ejemplo, un caso anotado de Cambio de contenido > Sintagma > Información corregida.

Sect. 10.3	I asked my parents about it (they had come **from some southern resort** to see how we were getting along in Berlin)	я простодушно спросил родителей, которые как раз приехали в Берлин из Мюнхена или Милана,	I asked my parents about it (they had come to Berlin to see how we were getting along)

Tabla 2. Ejemplo caso anotado

En este ejemplo, Nabókov nunca está del todo seguro sobre de dónde venían sus padres cuando los visitaron a él y a su hermano en Berlín: primero, dice que habían venido «de algún balneario del sur»; luego, en DB, lo cambia a «de Múnich o Milán» (aún inseguro); finalmente, en SM omite esta información por completo, es decir, realiza una omisión. Esta es una decisión general que tomó al escribir SM respecto a toda la información sobre la que tenía dudas, como él mismo declara en el prólogo de SM: «Lo que aún no he podido reelaborar por falta de documentación específica, he preferido ahora eliminarlo en aras de la verdad.» (Nabókov, 1966: 7).

5.3. Cuantificación de los recursos

La tercera fase de este método de análisis comparativo es la de cuantificación, la cual se realiza por separado para cada recurso de modificación y se presenta en formato de tablas. Quería proporcionar datos cuantitativos sobre los diferentes recursos de modificación: cuántos ejemplares (o «casos», como los llamé) de cada recurso se encontraron en todo el corpus y cuántas palabras se habían modificado. La diferenciación me parecía importante porque permite observar si el autotraductor, por ejemplo, realiza muchas adiciones de muy pocas palabras cada una, o si por el contrario no añade cosas tan a menudo pero, cuando lo hace, son pasajes largos. Además, la cuantificación se aporta por separado para cada uno de los dos textos meta y también se refleja cuándo un recurso aparece en ambos; asimismo, se aporta la cuantificación por cada sección de cada capítulo. De este modo, se puede discernir cuál de las autotraducciones contiene más o menos casos de cierto recurso de modificación, y si este está más presente en un capítulo que en otro o si el autotraductor emplea los recursos de modificación de modo más o menos homogéneo.

6. Resultados

A partir del análisis comparativo de los tres textos arriba descrito, se obtuvieron abundantes resultados sobre los recursos empleados por Nabókov en la autotraducción de su autobiografía. En primer lugar, es conveniente observar un resumen de los datos cuantitativos obtenidos:

	DB		SM		DB+SM		
	Casos	Palabras	Casos	Palabras	Casos	Palabras	Palabras
Adiciones (49,80%)	482	1905	50	2035	31	405	794
Cambios de léxico y formulación (20,77%)	570	1878	44	178	16	37	50
Omisiones (16,91%)	279	1483	10	74	10	89	89
Reestructuración sintáctica (8,88%)	102	916	-	-	-	-	-
Cambios de contenido (1,90%)	13	44	16	76	5	45	31
Contenido desplazado (1,74%)	25	85	4	88	1	2	4

Tabla 3. Resumen datos cuantitavos

Como se comprueba en la tabla, las Adiciones son el recurso de modificación con más palabras, y ese es el parámetro que se ha empleado para establecer los porcentajes. Sin embargo, no se debe pasar por alto que hay muchos más casos de Cambios de léxico y formulación, es decir, que este es el recurso más frecuentemente empleado por Nabókov en el corpus.

En el caso de las Adiciones, que resultaron ser el recurso de modificación más abundante en el corpus en número de palabras, se observó que hay una tendencia mucho mayor a introducir Adiciones en DB que en SM. Sin embargo, debido a que algunas Adiciones realizadas en el capítulo 10 a propósito del primo de Nabókov eran muy extensas, en número de palabras SM añade más que DB. De estos números, así como del análisis de los textos, se deduce que a menudo Nabókov introduce Adiciones en DB que luego no mantiene en SM, lo cual lleva a pensar que en DB Nabókov está escribiendo para un público y en CE y SM, para otro. Dicho esto, en ocasiones SM no solo mantiene las Adiciones de DB sino que puede incluso

desarrollarlas un paso más allá, generándose un incremento gradual en el texto. Este incremento gradual se da a menudo en pasajes con una gran carga emocional, la cual aumenta en peso y belleza con las Adiciones.

Además de los tipos de Adiciones ya mencionados en la categorización —a) Adición estilística, b) Información añadida y c) Adición relacionada con la cultura o la lengua—, se observó una tendencia recurrente al aumento del valor otorgado a algunos personajes en DB y en SM con respecto al que se les daba en CE. El valor de muchos de ellos va *in crescendo* a lo largo de las tres versiones, mientras que el de algunos otros, como es el caso de Polenka, una coetánea de Nabókov en su adolescencia que claramente es un símbolo de la Rusia rural, solo se incrementa en DB. Otro tipo de Adición que únicamente aparece en DB son las menciones o interpelaciones al lector. Esto podría deberse a que a principios de los 50 Nabókov aún se sintiera más cercano al lector en lengua rusa, o, como sugiere García de la Puente (2015), a que se creyera más expuesto a un control de autenticidad ante un lector que puede contrastar su propia vivencia con la del autor.

Los Cambios de léxico y formulación son el recurso más abundante del corpus en número de casos. Además, hay más Cambios de léxico y formulación en DB que en SM. El mayor número de casos en DB podría achacarse al cambio de código, que fomenta los Cambios de léxico y formulación, a veces haciéndolos incluso necesarios, especialmente al traducir expresiones idiomáticas. A menudo, estas modificaciones no son estrictamente necesarias, pero el cambio de código, sumado a las libertades otorgadas por la autoría y al hecho de que el texto sea una autobiografía, crea un contexto donde el autotraductor puede sentirse excepcionalmente libre para reescribir.

Cabe destacar que Nabókov es conocido por modificar el significado del léxico en sus autotraducciones a fin de conservar los principios subyacentes de la organización estilística que rigieron la selección y combinación de las expresiones originales (Rosengrant, 1983: 96). Entre los Cambios de léxico y formulación observados, hay cambios estilísticos, cambios relacionados con la cultura o la lengua meta, cambios que implican una ganancia o pérdida de matices, cambios de formulación para preservar o añadir aliteraciones (ej: to the mighty ***heave-ho*** **>** ***[***под ***уханье и ура]*****)** y un valor añadido a personajes y objetos (dando el nombre de personas hasta entonces innombradas, o personificando objetos o insectos).

Los pocos casos en que se realizan Cambios de léxico y formulación en SM a menudo tienen que ver con una voluntad de hacer mejoras estilísticas: a veces se elige una palabra o expresión por ser más adecuada que la original, especialmente en el caso de las preposiciones, cuyo uso Nabókov refinó entre el momento de escribir CE y el de preparar SM (Grayson, 1977: 185). Los cambios en SM a veces parten de uno previo realizado en DB.

En cuanto a las Omisiones, acentuando la tendencia ya observada en los recursos de modificación anteriores, constituyen un recurso abrumadoramente más empleado en DB que en SM. La razón principal para esta mayor frecuencia de Omisiones en DB podría ser, una vez más, el cambio de código: al traducir todo el texto a un idioma diferente, el autotraductor reescribe el contenido y, dado que el ruso es un idioma menos económico que el inglés, es lógico realizar algunas omisiones para tener un texto meta que se lea de modo más fluido. Otro motivo para el mayor empleo de Omisiones en DB podrían ser las cuestiones relacionadas con la cultura y el idioma: el autor debía explicar a los lectores de lengua inglesa cosas relacionadas con la cultura, la historia y el idioma rusos que el lector de DB no necesitaba (ej: *my mother and I played ~~a card game called~~ durachki >[мать играет со мной в дурачки]).*

Los Cambios de contenido, a diferencia de los de léxico y formulación, suponen una modificación en los hechos que se narran al lector, y no solo en las palabras que se eligen para transmitir una misma idea.

Este recurso es mucho menos abundante que los anteriores, lo cual es comprensible dado su impacto considerablemente mayor en la narración. Además, es el único recurso con un número ligeramente superior de casos en SM que en DB, lo cual puede deberse a que, tras regresar Nabókov a Europa y retomar el contacto con sus familiares, esos encuentros lo sacaran de algunos errores cometidos en las primeras versiones de la autobiografía en cuanto a fechas y otros datos biográficos (ej: ***A couple of years*** *after that* > *[а через* ***полтора года****]* > *And* ***three years*** *later***)**.

En ocasiones, un Cambio de contenido se produce inicialmente en DB y luego, en SM, a veces se mantiene pero, en otras ocasiones, se vuelve a corregir, pues tampoco el dato aportado en DB era correcto. A veces, sin embargo, no se trata de datos biográficos, sino de cambios de parecer por parte del autor (por ejemplo, suavizar una afirmación inicialmente dura), ya sea solo en DB o en ambas traducciones (ej: *[I] knew at once that it was all over,* ***that I had lost her, that I would never forgive her for <...> disguising herself in that ridiculous way*** *[понял, что все кончено,* ***даже если и отличалась она какой-то грацией, каким-то отпечатком наносной неги от своих вульгарных товарок]***).

La Reestructuración sintáctica sucede solo en DB, pues está inherentemente ligada al cambio de código. A menudo se observó que la reestructuración sintáctica respondía a requisitos de la lengua meta (por ejemplo, el sujeto remático en inglés suele ocupar la posición inicial, mientras que en ruso debe colocarse al final de la oración: *old acrobats will know what I mean [меня поймут старые акробаты]*). En otras ocasiones, Nabókov reordena algunos elementos de la oración por cuestiones estéticas, como crear o conservar aliteraciones, o invertir el orden de dos sustantivos para colocar el más largo detrás. A menudo, un caso de Reestructuración sintáctica se solapa con otros recursos, como Adiciones o Cambios de léxico y formulación.

El Contenido desplazado es, junto con los Cambios de contenido, el recurso menos abundante de los cuantificados. Hay muchos más casos en DB que en SM, de nuevo porque el cambio de código crea oportunidades o, a veces, la necesidad de realizar esta modificación. El desplazamiento de contenido puede darse dentro de una misma frase, o bien de una a otra frase, e incluso de uno a otro párrafo en el caso de oraciones enteras, y a menudo sucede en un contexto de reescritura general y, por tanto, está rodeado de otros recursos de modificación (por ejemplo, Nabókov puede eliminar todo un sintagma, pero extraer un adjetivo de ahí y adjudicárselo a otro sustantivo de la oración).

Los Cambios de puntuación, nexos y transliteración en el análisis se estudiaron en dos grupos. Por un lado, los cambios de puntuación y nexos, cuya observación dio lugar a la siguiente taxonomía: Cambios de puntuación, Cambios de nexo, Cambios de salto de párrafo, Cambios de coma y nexo a punto y viceversa, Añadir dos puntos para introducir una imagen, Cambios en signos de exclamación, Cambios en comillas, Cambios de puntuación para dar ritmo a la lectura, y Cambios ortográficos en SM. Por otro lado, los cambios de transliteración: ya en el inédito Capítulo 16 de CE, que habría sido una falsa reseña del libro escrita por Nabókov como si fuera una tercera persona, el autor señalaba que había tenido problemas con la transliteración, pues había usado «un sistema» para transliterar fragmentos de habla rusa, pero había mantenido los nombres y apellidos de celebridades rusas de la historia y la cultura en la forma de transliteración popularmente usada en la época, que a menudo no coincidía con el sistema que había seguido él. Pero, además, en SM sigue otro sistema de transliteración (por ejemplo, en CE la <*ий*> la translitera como <j> y en SM, como <y>) y los nombres propios también los cambia (Chaliapin-Shalyapin, Tolstoi-Tolstoy).

Finalmente, los Cambios de valor gramatical aparecen de manera residual, pero merecía la pena registrar su presencia. Una vez más, son más habituales en DB que en SM, propiciados por el cambio de có-

digo. Los Cambios de valor gramatical aparecen aplicados a verbos (cambio de tiempo verbal), a sustantivos (cambio de número) y a pronombres (de neutro a masculino).

Para concluir, se analizaron dos fenómenos más: los casos de «Reescritura» y los «Extranjerismos» y su traducción. En cuanto a los casos de Reescritura, si bien se puede decir que la reescritura está omnipresente a lo largo de la obra, durante el estudio de la misma se identificaron varios pasajes en los que la voluntad de reescritura parecía llevarse un paso más allá. En esos pasajes no se introducían modificaciones sueltas o en pequeñas combinaciones aquí y allá sobre la marcha, sino que era como si Nabókov hubiera identificado un fragmento de texto (a veces un par de frases, y a veces una sección de capítulo entera) que quería reescribir y darle, como unidad, una nueva dimensión.

Los Extranjerismos, por su parte, tienen una presencia muy palpable en las obras de Nabókov y esta no es una excepción, con el añadido de que en esta investigación se han podido observar las diferencias en el uso de los extranjerismos en dos idiomas distintos. No solo se observó qué extranjerismos se empleaban, sino cómo se presentaban (entrecomillados o no, en cursiva o en redonda) y si se ofrecía una traducción o algún tipo de recurso que facilitara la comprensión del lector. Se observó que DB ofrece más traducciones que CE/SM, y lo hace en notas al final del libro, tanto para expresiones y citas en inglés como en francés. CE/SM solo ofrece traducciones para citas en ruso, y lo hace inmediatamente después en el texto, entre corchetes.

Hay muchos ejemplos de extranjerismos que Nabókov no reconoce como tales, especialmente en DB, donde los introduce en alfabeto cirílico, como si fueran palabras y expresiones rusas normales, adaptándolas así y confiando en que los lectores comprenderán fácilmente su significado. En cuanto al enfoque tipográfico, CE/SM suele poner las palabras y expresiones extranjeras en cursiva, mientras que DB es más inconsistente: a veces las palabras extranjeras se escriben entre comillas, a veces sin ellas, pero nunca en cursiva; a veces se escriben en transliteración y a veces se dejan en alfabeto latino.

Los extranjerismos tienen un papel clave en las obras de Vladímir Nabókov como un medio para reflejar la atmósfera multilingüe en la que creció y vivió, y también, quizá, como un reflejo de su propia personalidad creativa.

7. Conclusiones

Como fruto del análisis comparativo de las tres versiones de la autobiografía de Nabókov (*Conclusive Evidence* / *Дpyгие бepега* / *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*), se identificaron ocho recursos de modificación empleados por Nabókov en su labor de autotraducción: Adiciones; Omisiones; Cambios de léxico y formulación; Cambios de contenido; Reestructuración sintáctica; Contenido desplazado; Cambios de puntuación, nexos y transliteración; y Cambios de valor gramatical. Además, se estudiaron otros dos fenómenos presentes en las autotraducciones: la Reescritura y los Extranjerismos.

Se observó que casi todos los recursos de modificación se emplearon con mucha mayor frecuencia en DB que en SM, a excepción de los Cambios de contenido, que a menudo suponen una corrección de datos biográficos tras contrastarlos con sus familiares en los años previos a publicar SM, por lo que SM contiene más casos de Cambios de contenido. Los Cambios de léxico y formulación y las Adiciones, seguidos por las Omisiones, son los recursos más empleados del corpus. Tanto DB como SM toman CE como texto fuente, pero SM a veces incorpora modificaciones de DB e incluso, en ocasiones, elabora un poco más la modificación, creándose una «escalera de tres peldaños» (García de la Puente, 2015).

En el caso de DB, se aprecia que Nabókov está escribiendo para otro lector, que no es el mismo de CE/SM, sino que es un lector que comparte el país y la cultura de procedencia del autor. La autobiografía crece y florece a lo largo de las versiones, siendo la última la más completa en contenido y carga emocional, si bien hay adiciones en DB que se pierden al omitirse en el texto final.

Por último, el método desarrollado para el análisis comparativo de los tres textos ofrece la posibilidad de identificar, analizar de manera categorizada y cuantificar los recursos de modificación empleados en una (auto)traducción. En futuras investigaciones podría estudiarse la transferibilidad del método aplicándolo a un corpus distinto.

Bibliografía

Anokhina, O. (2016). Vladimir Nabokov and his translators: Collaboration or translation under duress? In C.F., Manning and A., Cordingley (eds.), *Collaborative Translation* (pp. 111-129). Bloomsbury Publishing.

Beaujour, E. K. (1989). *Alien tongues: bilingual Russian writers of the 'first' emigration*. Cornell University Press.

Berman, A. (1984). *L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique.* Gallimard.

Boyd, B. (1991). *Vladimir Nabokov: The American years*. Princeton University Press.

Boyd, B. (2012). Nabokov as translator: Passion and precision. *RUS (São Paulo)*, volumen 1, 5-24.

Delisle, J. (1993). *La traduction raisonnée. Manuel d'initiation à la traduction professionnelle de l'anglais vers le français*. Presses de l'Université d'Ottawa.

García de la Puente, I. (2015). Bilingual Nabokov: Memories and memoirs in self-translation. *Slavic and East European Journal*, volumen 59, 585-608.

Goñi, I. (2024). *Nabokov as self-translator of his autobiography: Features and resources*. PhD diss. Universidad del País Vasco (UPV/EHU).

Grayson, J. (1977). *Nabokov Translated. A comparison of Nabokov's Russian and English Prose.* Oxford University Press.

Hardenberg, W.A. (2009). Self-translation: identity, exile, and beyond. *Metamorphoses*, volumen 17, 152-174.

Kellman, S.G. (2019). Literary translingualism: what and why? *Polylinguality and transcultural practices*, *volume 16*, 337-346.

Malikova, M. E. [Маликова, М. Э.]. (2002). *В. Набоков. Авто-био-графия.* Академический *проект.*

Molina, L. y Hurtado, A. (2002) Translation techniques revisited: A dynamic and functionalist approach. Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal, volumen 47 (4), 498-512.

Nabokov, D. (1984). Translating with Nabokov. In G., Gibian and S.J., Parker (eds.), *The achievements of Vladimir Nabokov* (pp. 145-177). Center for International Studies, Cornell University.

Nabokov, V. (1951). *Conclusive Evidence*. Harper & Brothers.

Nabokov, V. (1954). *Другие берега. Издательство имени Чехова.*

Nabokov, V. (1966). *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. Everyman's Library.

Nabokov, V. (August 4, 1941). The art of translation. *The New Republic*. https://newrepublic.com/article/113310/vladimir-nabokov-art-translation

Orlova, V. (2016). Writer's change of language: Nabokov and others. *Texas Linguistics Forum*, *volume 59*, 90-99.

Rosengrant, J. (1983). *Nabokov's Autobiography: Problems of Translation and Style*. PhD diss. Stanford University.

СВОБОДА КАК ВАЖНЕЙШАЯ ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА (О ПОЭЗИИ И ПОЭТИКЕ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ)

Andrea Grominová
University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Slovakia

1. Введение

Ольга Седакова (1949) – одна из самых известных современных русских поэтесс, почитаемый эссеист, филолог, преподаватель и отличный переводчик. Большинство ее произведений в Советском Союзе не публиковалось легально в период, когда ее темы (религия, духовность) считались неуместными. Однако ее поэзия и эссе распространялись в самиздате и тамиздате. Первая книга ее стихов – «Ворота. Окна. Арки» появилась благодаря инициативе издательства «YMCA-Press» в 1986 году в Париже и ее стихи и эссе сразу стали переводить на разные европейские языки. В советском обществе первый сборник ее стихов – «Китайское путешествие» – вышел в издательстве «Carte Blanche» в 1990 году в Москве. По данным ее официального сайта (olgasedakova.com), до настоящего времени было издано 67 книг ее стихов, прозы, переводов и филологических исследований на разных языках мира (русском, английском, итальянском, французском, немецком, иврите, датском, шведском, нидерландском, украинском, польском). Творчество Седаковой отличается интеллектуальностью, философией и готовностью отстаивать свободу художника, благодаря чему автор стала лауреатом целого ряда литературных премий, как в своей стране, так и за рубежом (например, Парижская премия русскому поэту – Париж, 1991; Пушкинская стипендия Альфреда Тепфера – Гамбург, 1994; Литературная премия им. Владимира Соловьева – Ватикан, 1998; Литературную премию Александра Солженицына – Москва, 2003; премия Данте, Premio laurentum – Рим, 2011; Премия LericiPea – Италия, 2020 и другие). Ее поэзия и эссе стали предметом активного исследования советских/российских и зарубежных критиков и мыслителей, однако стоит отметить, что они подходят к анализу и интерпретации со своей точки зрения.

2. Методология

Данное исследование основано на интерпретации литературных и эссеистических текстов Ольги Седаковой и сравнении российского/советского и зарубежного литературоведческого дискурса. Применяется герменевтический и интерпретационный подход, интертекстуальный анализ и поэтологическая рефлексия.

3. Аналитическая часть

Одними из первых попыток исследования поэтики Седаковой за рубежом можно считать первую книгу об истории русской женской литературы – *History of Russian Women's Writing 1820–1992* (Kelly, 1994) британского ученого К. Келли, которая ее рассматривает на фоне широкого истори-

ческого обзора целого ряда более или менее известных русских писательниц – А. Ахматовой, М. Цветаевой, Т. Толстой, Е. Ган, Н. Тэффи, Н. Баранской и Н. Садур (Kelly, 1994). Благодаря К. Келли была в том же году также издана антология *An Anthology of Russian Women's Writing, 1777–1992*, которую считают первой систематической исторической антологией русской женской литературы на английском языке. Антология включает в себя поэзию, прозу и драматургию русских писательниц за почти 200 лет (в том числе поэзию Седаковой) и некоторые переводы поэтических текстов на английский язык были сделаны впервые в истории и специально по заказу для этих изданий (Kelly, 1994). Среди американских ученых особое место в изучении творчества Седаковой принадлежит С. Сандлер, которая является автором многих статей и трудов, посвященных творчеству Седаковой, а также занимается переводом ее поэзии. В своем труде *Scared into Selfhood: Lisnianskaia, Shvarts, Sedakova* (Sandler, 2001) Сандлер исследует, как творчество И. Лиснянской, Е. Шварц и О. Седаковой отражает утверждение собственного «я» в современной поэзии, особенно в контексте советской системы (Sandler, 2001, pp. 473–490). Нужно отметить, что в целом ряде научных работ, изданных за рубежом и посвященных рефлексии творчества Седаковой, акцентируется проблема свободы.

Однако, советская критика 1990-х гг. (Н. Славянский, а также М. Эпштейн, И. Жданов) относилась к поэзии Седаковой совсем по-другому: она упрекала ее в безвкусице, языковых искажениях, синтаксических нарушениях и двусмысленной образности, затрудняющих понимание ее смысла. Позже она находила интертекстуальные связи поэзии Седаковой с европейской поэтической традицией, в первую очередь с Данте и Рильке (Averintsev, 2001; Golubovich, 2011; Karyakina, 2020; Perepelkin, 2000). Некоторые советские/российские критики отмечали и отмечают ее почтение к русской поэтической традиции, например, к А. Пушкину, Б. Пастернаку, В. Хлебникову, О. Мандельштаму, М. Цветаевой, А. Ахматовой и И. Бродскому (Karyakina, 2020; Perepelkin, 2000; Gudkova & Samoylenko, 2019), ее вызов к возрождению утраченных традиций (Stepantsov, 2015) или противопоставление понятия красоты в ее поэзии постмодернистскому восприятию красоты, склонному считать живым только уродливое, а прекрасное – мертвым (Golubovich, 2011).

Если подытожить, в чем советские/российские и зарубежные исследователи сходятся, то можно констатировать, что:

- во мнении о сложности восприятия ее поэтического языка (Sandler, 1996; Epstein, 2000; Slavyansky, 1995);
- во мнении о философском характере ее творчества (почти все критики);
- в ответе на вопрос об отнесении поэзии Седаковой к какому-нибудь литературному направлению, течению или школе, который не является однозначным:
  - метареализм (Epstein, 2000; Knyazeva, 2009; Lutzkanova-Vassileva, 2005);
  - метафизическая поэзия (Wachtel, 1999; Averintsev, 2004; Medvedeva, 2013; Zhulkova, 2021);
  - явление в русской литературе редкое и одинокое (напр. Aizenstein, 2014);
- в том, что на экзистенциальные вопросы о жизни и смерти, о счастье и страдании Седакова:
  a) отвечает через религиозную призму (Azarenkov, 2018; Narbekova, 2013; Zhulkova, 2021; Aizenstein, 2014; Golubovich, 2011; Sandler, 2001; Pratt, 2016);
  b) опирается на апофатику как особый метод приближения к сакральным истинам (Kelly, 2016);
- во мнении о влиянии восточной философской традиции (Medvedeva, 2008; Knyazeva, 2009);
- в утверждении о наличии интертекстуальных связей поэзии Седаковой с европейской поэ-

тической традицией, в первую очередь с Данте и Рильке (Averintsev, 2001; Golubovich, 2011; Sandler, 2003; Karyakina, 2020), а также в констатации ее почтения к традиции русской поэзии, например, к творчеству А. Пушкина, Б. Пастернака, В. Хлебникова, О. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Ахматовой и И. Бродского (Karyakina, 2020; Perepelkin, 2000; Gudkova & Samoylenko, 2019; а также Sandler, 1996).

Напротив, мнения российских и зарубежных ученых расходятся, например в:

◦ вопросе восприятия Седаковой свободы: зарубежный контекст в сопоставлении с российским уделяет этому понятию намного больше внимания, так как анализируется свобода политическая, социальная, «эсхатологическая» и свобода творчества (Sandler, 2016; Yastremski, 2010 и др.);

◦ в предметах исследования в творчестве Седаковой: если российские критики в связи с поэзией и поэтикой Седаковой отвечают на вопросы о поэтической форме (например, отмечают ее близость жанру экфрасиса – Stepantsov, 2015; или присутствие анаграммы – Knyazeva, 2019), доказывают идеализм Платона в строении художественной образности и поэтической модели мира поэта (Fetisova, 2017), то зарубежные учёные подчёркивают в творчестве Седаковой еще и такие темы, как вопрос борьбы с ее опасениями, болезни, травмы, страха потери самого себя, а, разумеется, вопрос свободы художника (например, Sandler, 2001) и т.д.

На основе нашего исследования можно утверждать, что почти в каждом эссе Седаковой содержится понятие «свобода», о котором она говорит в разных контекстах. Можно выделить самые главные вопросы, а именно: *Что такое свобода? Свобода от чего и для чего? Насколько свободен поэт от проблем своего времени? Свободен ли поэт от творчества предшественников? Состоит ли свобода в сохранении традиций или в их сломе?* Седакова в своем самом фундаментальном эссе о свободе «Свобода как эсхатологическая реальность» опирается на стихотворение французского поэта Поля Элюара с характерным названием «Свобода», которое он написал в 1942 году в оккупированном немцами Париже. В этом стихотворении имя «свободы» написано на многих вещах, на всем, что поэт встречает в мире. Все эти вещи она называет «открытыми» и отмечает, что у них есть «будущее», так как тема свободы непременно связана с будущим. Несвобода для нее — отсутствие не только будущего, но также настоящего. Седакова определяет понятие «свобода», ссылаясь на крупнейшего советского и российского религиозного мыслителя, филолога и философа Владимира Вениаминовича Бибихина, выдвигающего обязанность свободы: «Свобода обязывает к вниманию – к высшей дисциплине во всем, на каждом шагу, в тщательном обращении со своим… То, что казалось пройдённым и решённым, должно снова стать первым» (Sedakova, n.d.).

Свое отношение к свободе художника она пытается более детально объяснить интерпретацией понимания свободы многими самыми известными русскими поэтами. Мы остановимся только на трех, а именно на А. Пушкине, О. Мандельштаме и Е. Шварц.

Одной из самых ведущих тем (поэтического) творчества А. Пушкина Седакова определяет тему свободы и среди всего поэтического наследия автора она выделяет стихотворения «Птичка» и «Свободы сеятель пустынный…». В стихах Пушкина она подчеркивает использование им одного из любимых эпитетов – «тайный», что в его старом церковнославянском значении – «таинственный» (например, цветы поэзии – «тайные цветы», муза – «дева тайная», стихи – «тайные», свобода поэта – «тайная (таинственная) свобода») (Sedakova, n.d.). Седакова толкует:

> Тайная свобода[1] – это не свобода исподтишка. Многие свободолюбивые стихи привычно истолковывают в простом политическом смысле. В самом деле, они часто возникают в обстоятельствах грубой политической несвободы. Но имеют в виду нечто большее и, по существу, другое. Художник и мыслитель, почитающий свободу, может быть – и чаще всего бывает – человеком консервативных и лоялистских взглядов в политике (как зрелый Пушкин, как Данте, мечтавший не о всеобщей анархии, а о всемирной монархии) (Sedakova, n.d.).

Она высоко ценит вклад Пушкина в вопрос о свободе и обобщает: «Средневековые латинские учения о поэзии часто именовались не Ars poetica, а Ars amandi, 'Наука любви'. Пушкинскую 'Науку поэзии' можно было бы назвать 'Наукой чтить свободу'» (Sedakova, n.d.).

В творчестве О. Мандельштама она выдвигает понятие «стесненной свободы», которое появляется в «Стихах к Н. Штемпель» О. Мандельштама: «Ее влечет стесненная свобода / Одушевляющего недостатка…» (Sedakova, n.d.). Она дополняет: «Стесненной свободы, до удушия затянутого узла, в котором и 'узнается', и 'развязывается' человек. Для бессмертия, для воскресения, для обещанья» (Sedakova, n.d.). Стоит отметить, что уже в размышлениях об эсхатологической природе свободы Седакова переносит акцент со свободы внешней – от обстоятельств, долга, обычаев – на свободу как внутреннее состояние души человека – власть над собой, внутреннюю силу, собранность и ответственность для сотворения нового. В то время как «тайная» свобода Пушкина для нее представляет внутреннюю свободу сотворения нового и живого, идея «стесненной» свободы у Мандельштама, по ее мнению, подчеркивает ту же мысль: наличие внешней несвободы пробуждает в художнике жажду свободы внутренней.

Несвобода поэта является неоднократной темой в поэзии одной из ведущих фигур ленинградской неофициальной культуры 1970-х и 1980-х годов – Е. Шварц, которая уже в первых своих стихах вызывает к освобождению от разнообразности обыденных вещей. В своем эссе «L'antica fiamma. Елена Шварц» Седакова подчеркивает в русской поэзии известный еще с романтического периода образ соловья, присутствующий также в программном стихотворении Шварц – «Соловей спасающий»: городской соловей неоднократно пытается пробить своим звуком стену в ночное время и проникнуть внутрь в «…те пространства родные, / Где чудному дару будет привольно». В следующем стихотворении Шварц «Башня, в ней клетки» птица заперта в клетке, застряла в ней, как будто в плену («Строфа – она есть клетка с птицей»), но все равно поет, несмотря на то, что ее некому слушать. А в стихотворении Шварц «Попугай в море» клетка с птицей оказывается в океане, а затем птица поет уже на дне морском (стихотворение «Песня птицы на дне морском») (Sedakova, n.d.). Кажется, «шварцовский» поэт в образе птицы не имеет выхода из данной ситуации, поэтому умирает, но не перестаёт петь. Именно так же, как Шварц, так и Седакова нередко в своей поэзии обращается к теме поэта как медиума, как человека, испытывающего напряжение между земным и трансцендентным, между внутренним желанием и внешней реальностью. Хорошим подтверждением этого является, например, ее стихотворение «Дикий шиповник» (1978), который попытаемся вкратце проанализировать. Текст стиха звучит следующим образом:

[1] «Тайную свободу» Седакова обнаруживает также в стихотворении Н. Некрасова «Весна» (1855). Поэт в качестве третьего пути (отрекается от жертвенной гибели и пошлого наслаждения) выбирает «тайную свободу» творчества и высокого мира с действительностью. Как утверждает Седакова, гетевского или пушкинского некрасовская школа не знает. Некрасов признается: «Нет в тебе поэзии свободной, / Мой суровый, неуклюжий стих! / Нет в тебе творящего искусства…» (Sedakova, n.d.).

«Ты развернешься в расширенном сердце страданья,
дикий шиповник,
о,
ранящий сад мирозданья.

Дикий шиповник и белый, белее любого.
Тот, кто тебя назовет, переспорит Иова.

Я же молчу, исчезая в уме из любимого взгляда,
глаз не спуская и рук не снимая с ограды.

Дикий шиповник
идет, как садовник суровый,
не знающий страха,
с розой пунцовой,
со спрятанной раной участья под дикой рубахой» (Sedakova, 2001).

Стихотворение входит в цикл «Дикий шиповник: легенды и фантазии» и может быть воспринято как пролог к теме всего цикла, в котором природное и сверхъестественное, земное и божественное пересекаются. Центральным образом стихотворения является дикий шиповник. В стихотворении данное словосочетание («дикий шиповник») повторяется три раза и может быть понято как рефрен, который усиливает символику образа.

В первой строке «Ты развернешься в расширенном сердце страданья» лирический субъект обращается к шиповнику и подчеркивает, что страдание создает пространство для рассуждения о нем самом. Метафора «ранящий сад мирозданья» является одновременно олицетворением, потому что сад, наполненный болью, сам вызывает раны и боль «мирозданью» – космосу, или же шире – бытию на земле. Таким образом дикий шиповник предстает перед читателем как человек со своими травмами, горем, печалью. Аллитерацию, повтор согласных [с], [ш] и [р] в строфе («**р**азвернёш**ьс**я», «**р**а**сш**иренном **с**е**р**дце **с**т**р**адания», «**р**аня**щ**ий **с**ад») автор использует для достижения звуковой выразительности текста и его значения.

Во второй строфе появляется белый цвет – цвет, в традиционном понимании символизирующий чистоту, невинность, свет. Однако в некоторых азиатских странах белый цвет является цветом траура, печали. «Белый, белее любого» представляет собой превышение обычной степени белизны, чистоты. Это тоже намекает на то, что есть что-нибудь выше, больше, чем природное и земное. Сверхъестественное. Дальше идет строка «Тот, кто тебя назовёт, переспорит Иова». Иов – библейский персонаж, который стал символом терпения, веры и страдания человека. Назвать шиповник может в данном контексте означать вступить в спор с Иовом, или же Богом, и обсуждать тайны страдания и его смысла. Дальше идет тема молчания: «Я же молчу, исчезая в уме из любимого взгляда, / глаз не спуская и рук не снимая с ограды.» По нашему мнению, молчание здесь не воспринимается как неприятие, или же нежелание уже упоминаемого обсуждения, а, напротив, как форма глубокого почтения перед священной тайной и упорства в своей вере.

В последней строфе дикий шиповник олицетворяется в образе сурового садовника, который сам ранен, сам болен («с розой пунцовой» – красный цвет крови), но не сдается («не знающий

страха»). В контексте всего стихотворения можно (не только) последнюю строку «со спрятанной раной участья под дикой рубахой» интерпретировать как ответственность поэта за судьбу свою и судьбу своего творческого наследия. Садовник с розой и спрятанной раной – это поэт с внешней красотой своих стихов, за которыми накоплены внутренние боли, травмы (например, он несвободы поэтического творчества).

Не в последнюю очередь необходимо уделить внимание также междометному «о» после первых двух строк. Он выступает как эхо боли и осуществляет определенную паузу, вздох, что ее еще больше акцентирует вопрос страдания. Многие критики отмечают, что «о» создает центр стихотворения, через который достигается его смысл. Образ розы пунцовой может интерпретироваться как символ страсти, а также любви. А дикий шиповник – символ красоты, боли, духовной жертвы. Опираясь на контрасты и антитезу *молчание – называние, пунцовая роза – рана, дикий шиповник – садовник*, находящиеся в напряжении, а такие слова, как «страданье», «мирозданье», «участье», «сердце», или же «Иов», относящиеся к возвышенной, сакральной лексике, можно утверждать, что шиповник может восприниматься также как символ боли Христа, символ того, что страдание есть жизненный путь. В христианской традиции роза, шипы, вопрос страдания тесно связаны с образом Христа и его крестной дороги.

Выводы

Представленный анализ показывает, что свобода в поэзии и эссеистике Ольги Седаковой понимается не как отсутствие ограничений, а как внутренняя ответственность, способность к молчанию и духовной концентрации. В этом смысле ее поэтика представляет собой альтернативу постмодернистскому релятивизму и подчеркивает преемственность духовной традиции.

Исследование было посвящено понятию свободы как центральной духовной и эстетической категории в поэзии и поэтике Ольги Седаковой. На основе обзора российских и зарубежных исследований, анализа ее эссеистических текстов и интерпретации избранных стихотворений можно сделать вывод, что свобода в ее творчестве понимается не столько в политическом смысле, сколько как внутреннее, экзистенциальное и духовное состояние художника.

Сравнение литературоведческого дискурса показало, что, хотя исследователи сходятся в оценке философской сложности и интертекстуального богатства ее поэзии, зарубежный контекст уделяет вопросам свободы более систематическое внимание. Это понятие оказывается ключевым для понимания ее поэтики, отношения к традиции и понимания роли поэта в современном мире.

Эссеистическая рефлексия Ольги Седаковой связывает свободу с ответственностью, вниманием и внутренней дисциплиной. Интерпретации «тайной свободы» Пушкина, «стесненной свободы» Мандельштама и поэтики Елены Шварц подтверждают преемственность этого понимания в русской поэтической традиции, которую Седакова творчески развивает.

Анализ стихотворения «Дикая роза» показывает, как этот концепт конкретизируется в поэтической образности: свобода здесь предстает как способность выдерживать и творить в напряжении между внешней несвободой и внутренней духовной свободой. Таким образом, в творчестве Ольги Седаковой свобода выступает как основополагающий принцип, объединяющий поэтику, этику и духовность, а также как обязательство художника перед словом, традицией и трансцендентностью.

Литература

Aizenstein, E. (2014). «Vdol' ostrovov vysokich i vesëlych»: O poėzii Ol'gi Sedakovoj. *Neva, 12*. https://magazines.gorky.media/neva/2014/12/vdol-ostrovov-vysokih-i-veselyh.html

Averintsev, S. (2001). *«…Uže nebo, a ne ozero…»: Risk i vyzov metafizičeskoj poėzii*. NFQ / Two Print.

Averintsev, S. (2004). Metafizičeskaja poėzija kak poėzija izumlenija. *Kontinent, 120*. https://magazines.gorky.media/continent/2004/120/metafizicheskaya-poeziya-kak-poeziya-izumleniya.html

Azarenkov, A. A. (2018). Christianity in the poetic systems of Joseph Brodsky and Olga Sedakova: An attempt at rapprochement. *Russkaja filologija*, *18*, 68-75.

Epstein, M. (2000). *Postmodern v Rossii: Literatura i teorija*. R. Elinin.

Fetisova, E. E. (2017). Platon's idealism in Olga Sedakova's poetry book *Sad mirozdania*. *Philosophy and Culture, 9*, 57-66.

Golubovich, K. (2011). «Tristan i Izol'da» v ispolnenii Ol'gi Sedakovoj. *Volga, 9*. https://magazines.gorky.media/volga/2011/9/tristan-i-izolda-v-ispolnenii-olgi-sedakovoj.html

Gudkova, S. P., & Samoylenko, V. A. (2019). Travel lyric cycles in Russian poetry at the turn of the 21st century: Tradition and innovation. *Art Logos, 7*(2), 56-65.

Karyakina, V. L. (2020). Intertextual connections in the poetry of Olga Sedakova. In *Innovative research: Theoretical foundations and practical applications* (pp. 68-73). Omega Sains.

Kelly, C. (1994a). *A history of Russian women's writing, 1820-1992* (pp. 423-433). Clarendon Press.

Kelly, C. (Ed.). (1994b). *An anthology of Russian women's writing, 1777-1992*. Oxford University Press.

Knyazeva, E. A. (2009). Epigraphs in poetic cycles by Olga Sedakova. *Vestnik Permskogo universiteta, 4*, 88-92.

Knyazeva, E. A. (2019). Anagrams in Olga Sedakova's cycle *Tristan and Isolde*. *Philology in the 21st Century, 4*(2), 93-97.

Lutzkanova-Vassileva, A. (2005). Toward a meta-understanding of reality: The problem of reference in Russian metarealist poetry. *Studies in 20th & 21st Century Literature, 29*(2), 246-281.

Medvedeva, N. (2008). The image of China in Russian poetic tradition. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 1, 53-72.

Medvedeva, N. (2013). *«Tajnye stichi» Ol'gi Sedakovoj*. Udmurt State University.

Narbekova, O. V. (2013). The unconditional and the infinite in the poetry of Olga Sedakova. *Social'no-ekonomičeskie javlenija i processy, 54*(8).

Perepelkin, M. (2000). *Tvorčestvo Ol'gi Sedakovoj v kontekste russkoj poėtičeskoj kul'tury*. Samara. http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-olgi-sedakovoi-v-kontekste-russkoi-poeticheskoi-kultury-smert-i-bessmertie-vpar

Pratt, S. (2016). Destruction of destruction: The Orthodox impulse in the poetry of Nikolai Zabolotsky and Olga Sedakova. In *Ol'ga Sedakova: Stichi, smysly, pročtenija* (pp. 143-146). Novoe literaturnoe obozrenie.

Sandler, S. (1996). Thinking self in the poetry of Olga Sedakova. In *Gender and Russian literature: New perspectives* (pp. 302-326). Cambridge University Press.

Sandler, S. (2001). Scared into selfhood: Lisnianskaia, Shvarts, Sedakova. *Slavic Review, 60*(3), 473-490.

Sandler, S. (2003). Pushkin among contemporary poets: Self and song in Sedakova. In *Two hundred years of Pushkin. Vol. 1* (pp. 175-194). Rodopi.

Sandler, S. (2016). Stesnennaja svoboda: O snach i ritmach v poėzii Ol'gi Sedakovoj. In *Ol'ga Sedakova: stichi, smysly, pročtenija* (p. 15). Novoe literaturnoe obozrenie.

Sedakova, O. (2001). Dikij šipovnik. In A. Velikanova (Ed.), *Dikij šipovnik: legendy i fantazii*. NFQ / Two Print.

Sedakova, O. (n.d.). *«Ne smertnye tainstvennye čuvstva»: O christiansve Puškina*. https://olgasedakova.com/Poetica/170

Sedakova, O. (n.d.). *L'antica fiamma. Elena Švarc*. https://olgasedakova.com/Poetica/251

Sedakova, O. (n.d.). *Mysl' Aleksandra Puškina*. https://olgasedakova.com/Poetica/989

Sedakova, O. (n.d.). *Proščal'nye stichi Mandel'štama*. https://olgasedakova.com/Poetica/1584

Sedakova, O. (n.d.). *Svoboda kak eskhatologičeskaja real'nost'*. https://olgasedakova.com/Moralia/264

Slavyansky, N. (1995). Iz polnogo do dna v glubokoe do kraev. *Novyj mir, 10*. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/10/izpolnogo-do-dna-v-glubokoe-do-kraev.html

Ulanov, A. (2015). Pod vzgljadom. *Znamja, 7*. https://znamlit.ru/publication.php?id=5987

Wachtel, A. (1999). The youngest archaists: Kutik, Sedakova, Parshchikov. In *Rereading Russian poetry* (pp. 270-286). Yale University Press.

Yastremski, S. (2010). Freedom in «post-everything» culture: The religious philosophy of Olga Sedakova. In *Freedom to believe* (pp. 9-24). Bucknell University Press.

Zhulkova, K. A. (2021). Religious and philosophical motifs in Olga Sedakova's lyrics. *Social'nye i gumanitarnye nauki*, *2*.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОГАНОВ СБОРНЫХ КОМАНД – УЧАСТНИЦ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018 ГОДА

Sandra HADŽIHALILOVIĆ
University of Zadar

1. Введение

В статье слоганы сборных команд, участвовавших в чемпионате мира по футболу в 2018 году, проводившемся в России, используются как стимульный материал для ассоциативного эксперимента. Предметом исследования, кроме слоганов, является взаимосвязь языка и культуры с целью получения лингво-культурологических данных. Исследование делает акцент на использовании стереотипов, не создающих проблем в межкультурной коммуникации, а решающих их и способствующих взаимопониманию. В статье будут проанализированы авто- и гетеростереотипы, появляющиеся в слоганах футбольных сборных, как они влияют на развитие межкультурной компетенции и какие межъязыковые и межкультурные отношения им присущи.

Актуальность темы заключается в получении лингво-культурологических данных о других культурах, которые могут помочь преодолеть многочисленные стереотипы. Результаты проведенного исследования способствуют развитию межкультурной компетенции в рамках иноязычного образования, зачастую основанного на стереотипах, в чем заключается научная новизна работы.

Согласно В. фон Гумбольдту, разные языки отражают различные мировоззрения. При этом через язык осуществляется познание культуры, науки и литературы определённого народа (Hadžihalilović, 2015: 56). Во время глобализации большинство ученых гуманитарных наук, в том числе лингвистических, стало заниматься стереотипами, что вызвало необходимость определить, как одна культура воспринимает другую. Хотя стереотипы по своей сути нейтральны, они становятся отрицательными или положительными в зависимости от интерпретации окружающего мира. Подразделяются они на автостереотипы (самовосприятие) и гетеростереотипы (восприятие другими и других).

В литературе стереотип рассматривается с разных сторон и в разных проявлениях. Отношение к нему также неоднозначно. Хотя автором термина *(социальный) стереотип* является журналист У. Липманн, который определяет его как «упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте» (Lippmann, 1998: 95), в рамках нашего исследования используется определение стереотипа как «основной составляющей языковой картины мира определенного сообщества» (Бартминьский, 2009: 13). В социальных науках подчеркивается отрицательный характер стереотипов, который способствует возникновению барьеров в коммуникации. Лингвисты, с другой стороны, выделяют их познавательную и положительную роль, ведь они содержат первоначальные знания о других народах и других культурах (Павловская, 1998).

Теоретической базой нашего исследования являются работы: *Проблемы общения культур* (Павловская, 1998), *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики* (Вежбицкая, 2001), *Язык и межкультурная коммуникация* (Тер-Минасова, 2000), *Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку*

как средству межкультурной коммуникации (Мамонтов, 2019) и *Стереотипы и их роль в процессе межкультурной коммуникации* (Бетанова, 2011), которые формируют современный фундамент лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации в российском и мировом научном пространстве. Главная идея, объединяющая труды данных исследователей, – это неразрывная связь языка, культуры и мышления. Язык не существует вне культуры. Он является инструментом, который не только передает информацию, но и хранит культурный код народа. Размышления перечисленных ученых пересекаются в нескольких аспектах. С точки зрения языковой картины мира, язык – это не просто инструмент общения, а «зеркало» и «призма» (по С. Г. Тер-Минасовой), через которую мы видим реальность. Следующий аспект касается специфики национального характера. Каждый автор пытается ответить на вопрос: «Почему мы такие разные?» Третий аспект – это преодоление культурного барьера, т. е. как культурные различия влияют на восприятие мира. Так как культурный барьер преодолеть сложнее, чем языковой, с точки зрения этого аспекта, изучение иностранного языка бессмысленно без изучения «мира» носителей этого языка.

Высказанные учеными идеи помогут нам в исследовании стереотипов национального характера и межкультурного диалога. Этот диалог культур (в нашем случае хорватской и культур стран-участниц ЧМ – 2018) подразумевает анализ стереотипов, полученных на основе слов-стимулов в слоганах 32 сборных команд.

Интересны на этот счет размышления доцента Института психоанализа Владимира Файнзильберга и психолога-психотерапевта, кандидата медицинских наук Сергея Локтионова, которых попросили прокомментировать слоганы каждой из 32 команд (Самоделова, 2018). Здесь представим их выводы о слоганах России, Испании, Нигерии и Польши, выбранных по количеству слов-стимулов[1] 1). О слогане России «Играй с открытым сердцем» Владимир Файнзильберг сказал: «В этом лозунге отразился в большей степени тот факт, что Россия является хозяйкой чемпионата и радушно, с открытым сердцем, принимает гостей» (Самоделова, 2018). Сергей Локтионов развернуто объяснил: «Понятно, почему не победил в голосовании лозунг “Русские медведи движутся к победе”. В этом девизе заложена некая агрессия. К тому же сохранился еще стереотип, что в России по улицам ходят медведи, лежат сугробы, всюду играют на балалайках... Поэтому большинством голосов был выбран девиз “Играй с открытым сердцем”. Он делает нас более гуманными. Посыл лозунга: мы открыты для общения, стремимся к миру, согласию и процветанию. Этот девиз представляет не столько нашу футбольную команду, сколько страну» (Самоделова, 2018). Про испанцев и их слоган Файнзильберг сказал так: «И это правда. Испанцы и поодиночке представляют высшую футбольную лигу» (Самоделова, 2018). По мнению Локтионова, «в этом девизе напоминание о конкистадорах — участниках испанских завоевательных походов. У них у первых появились железные нагрудники, что делало их неуязвимыми для стрел и копий противника» (Самоделова, 2018). Про Нигерию и их слоган «Крылья африканской гордости» Файнзильберг написал: «Африканская гордость — это бегуны на длинные дистанции. Как это поможет в футболе, мы посмотрим» (Самоделова, 2018). О слогане Польши «Вперед, Польша!» он высказал мнение, что «в этом девизе призыв к стране, но направление не указано: куда вперед – на восток или на запад?» (Самоделова, 2018).

Слоган, как и стереотип, – термин неоднозначный. Чаще всего является предметом исследования в рекламном дискурсе. Благодаря своей краткости и афористичности слоганы часто использу-

[1] В нашем исследовании на слово-стимул «Испания» мы получили 60 ответов, на слово-стимул «Россия» – 56. Наименьшее количество ответов (40) мы получили на слова-стимулы «Нигерия» и «Польша». Полученное количество ответов касается слов-стимулов и слоганов-стимулов определенных стран.

ются и в спортивном дискурсе. В рамках нашего исследования слоган выступает в функции средства объединения членов команды, тем самым и всех представителей определённого народа, так как он пробуждает гордость за свой коллектив и народ, интерес к его истории, а также рождает духовное единство игроков и болельщиков. Объектом нашего исследования является слоган как многозначный и мультимедийный термин, т. е. легко воспринимаемое сочетание. Существует много определений слогана, в рамках данного исследования мы используем следующее определение: «fraza koja izražava narav ili ciljeve nekog poduzeća, ideje ili grupe (političke stranke i sl.); moto, parola [Собственный перевод на русский язык: это фраза, выражающая суть или цели предприятия, идеи или группы (например, политической партии); девиз или лозунг]» (Hrvatski jezični portal).

В корпус нашего исследования входят 32 официальных слогана сборных команд-участниц: Австралии, Англии, Аргентины, Бельгии, Бразилии, Германии, Дании, Египта, Ирана, Исландии, Испании, Колумбии, Коста-Рики, Марокко, Мексики, Нигерии, Панамы, Перу, Польши, Португалии, России, Саудовской Аравии, Сенегала, Сербии, Туниса, Уругвая, Франции, Хорватии, Швейцарии, Швеции, Южной Кореи, Японии. Все слоганы официальны и выбраны болельщиками, а все эти девизы были размещены на окнах командных автобусов.

Приводим слоганы сборных команд – участниц чемпионата мира по футболу 2018 года (на русском[2] и английском[3] языках) в алфавитном порядке:

1. Австралия: *Будь храбрым, будь смелым, «соккеруз» в зелено-золотом, анг. BE BRAVE, BE BOLD, SOCCEROOS IN GREEN AND GOLD*
2. Англия: *Сделайте нас победителями,* анг. *SEND US VICTORIOUS*
3. Аргентина: *Вместе за мечтой,* анг. *TOGETHER FOR A DREAM*
4. Бельгия: *«Красные Дьяволы» на задании*, анг. *RED DEVILS ON A MISSION*
5. Бразилия: *Больше, чем 5 звезд, 200 миллионов сердец,* анг. *MORE THAN 5 STARS, 200 MILLION HEARTS*
6. Германия: *Давайте вместе напишем историю,* анг. *LET'S WRITE HISTORY TOGETHER*
7. Дания: *Вместе творим историю,* анг. *TOGETHER WE MAKE HISTORY*
8. Египет: *Когда вы говорите про Фараонов, мир должен встать и слушать,* анг. *WHEN YOU SAY PHARAONS, THE WORLD MUST GET UP AND LISTEN*
9. Иран: *80 миллионов людей, 1 нация, 1 сердцебиение,* анг. *80 MILLION PEOPLE, 1 NATION, 1 HEART BEAT*
10. Исландия: *Давайте исполним нашу мечту,* анг. *LET'S MAKE OUR DREAM COME TRUE*
11. Испания: *Вместе мы неуязвимы,* анг. *TOGETHER WE ARE INVINCIBLE*
12. Колумбия: *Одна мечта, три цвета и 50 миллионов сердец,* анг. *HERE GOES 1 DREAM, 3 COLORS AND 50 MILLION HEARTS*
13. Коста-Рика: *Нет ничего невозможного, когда играет вся страна,* анг. *NOTHING IS IMPOSSIBLE WHEN A WHOLE COUNTRY PLAYS*
14. Марокко: *Атласские львы, гордость Марокко,* анг. *THE ATLAS LIONS, PRIDE OF MOROCCO*
15. Мексика: *Сделаны в Мексике, созданы для победы,* анг. *MADE IN MEXICO, MADE FOR VICTORY*
16. Нигерия: *Крылья африканской гордости,* анг. *THE WINGS OF AFRICAN PRIDE*

[2] Перевод слоганов на русский язык можно посмотреть по ссылке: https://www.championat.ru/football/article-3417633-slogany-sbornyh-na-chempionate-mira-2018.html#photo_833171

[3] Перевод слоганов на английский язык можно посмотреть по ссылке: https://inside.fifa.com/tournaments/mens/worldcup/2018russia/news/be-there-with-hyundai-winners-crowned

17. Панама: *Панама! Сила двух морей:* анг. *PANAMA THE FORCE OF TWO SEAS*
18. Перу: *Мы вернулись! Здесь едут 30 миллионов перуанцев,* анг. *WE ARE BACK! 30 MILLION PERUVIANS ARE TRAVELLING HERE*
19. Польша: *Вперёд, Польша!* Анг. *GO POLAND!*
20. Португалия: *Славное прошлое, историческое настоящее,* анг. *THE PAST IS GLORY, THE PRESENT IS HISTORY*
21. Россия: *Играй с открытым сердцем,* анг. *PLAY WITH AN OPEN HEART*
22. Саудовская *Аравия: Рыцари пустыни,* анг. *DESERT KNIGHTS*
23. Сенегал: *Невозможно – это не по-сенегальски,* анг. *IMPOSSIBLE IS NOT SENEGALESE*
24. Сербия: *Одна команда, одна мечта – Сербия,* анг. *ONE TEAM, ONE DREAM – SERBIA!*
25. Тунис: *Россия, к вам летят орлы – рука об руку болельщики и игроки,* анг. *RUSSIA HERE COMES THE EAGLES HAND IN HAND PLAYERS AND FANS*
26. Уругвай: *Солнце сияет в России на светло-голубом небе,* анг. *THE SUN SHINES IN RUSSIA, THE SKY IS ALL LIGHT BLUE*
27. Франция: *Ваша сила, наша страсть. Вперёд, Синие!* Анг. *YOUR STRENGTH, OUR PASSION! COME ON LES BLEUS!*
28. Хорватия: *Маленькая страна, большие мечты,* анг. *SMALL COUNTRY, BIG DREAMS*
29. Швейцария: *Четыре языка, одна нация,* анг. *4 LANGUAGES, 1 NATION*
30. Швеция: *Вместе за Швецию,* анг. *TOGETHER FOR SWEDEN!*
31. Южная *Корея: Тигры Азии, завоеватели мира,* анг. *TIGERS OF ASIA, CONQUER THE WORLD*
32. Япония: *Время битвы, синие самураи!* Анг. *IT'S TIME TO BATTLE, SAMURAI BLUE!*

Ожидается, что результаты исследования покажут, какие стереотипы и в какой мере присущи анализируемым слоганам и как слоганы воспринимаются представителями других народов и культур.

2. Вопросы и гипотезы исследования

ВОПРОС 1: Существуют ли у студентов Задарского университета гетеростереотипы о странах, участвующих в чемпионате мира? Существуют ли у студентов Задарского университета автостереотипы?

ГИПОТЕЗА 1 – Футбол часто упоминается как самая значительная среди незначительных вещей в мире. Спорт как часть повседневной жизни в современном обществе предоставляет множество возможностей для идентификации на нескольких уровнях, не только национальном. Идентификация человека с социальными группами является важным аспектом жизни (Heere et al., 2011: 606), который не происходит изолированно, поэтому при наблюдении и анализе идентификации с группами на спортивном уровне часто необходимо учитывать влияние других групповых идентичностей, в нашем случае – студенческой популяции. Футбол является благодатной почвой для возникновения авто- и гетеростереотипов, поскольку он представляет собой пересечение разных языков, наций и культур. Предполагается, что авто- и гетеростереотипы существуют среди студентов Задарского университета.

ВОПРОС 2: С какой категорией связаны полученные стереотипы: с языком, идентичностью или культурой?

ГИПОТЕЗА 2 – Учитывая, что слоган в этом исследовании имеет функцию объединения членов национальной сборной, а затем и представителей определенной нации таким образом, чтобы вызвать чувство гордости за свой народ и интерес к истории и духовному единству игроков и болельщиков, предполагается, что стереотипы в основном связаны с идентичностью или национальностью.

ВОПРОС 3: Учитывая, что респонденты являются студентами, могут ли полученные стереотипы влиять на развитие межкультурной компетенции в процессе изучения иностранного языка и культуры?

ГИПОТЕЗА 3 – Респонденты, то есть студенты Задарского университета, изучают гуманитарные науки, и каждый респондент изучает как минимум один иностранный язык. В связи с характером изучения иностранных языков, которое помимо языка также подразумевает изучение иностранной культуры, предполагается, что стереотипы будут положительно влиять на развитие межкультурной компетенции в процессе изучения иностранного языка.

3. Эксперимент

Эксперимент был проведен в январе 2025 года. Как мы уже сказали, слоганы в данной статье используются как стимульный материал для ассоциативного эксперимента. Использование ассоциаций находит широкое распространение в междисциплинарных исследованиях, поскольку ассоциация – это связь, соединение смыслов между содержанием сознания и внешними объектами (Мещеряков, Зинченко, 2003: 38). Применение метода свободных ассоциаций позволяет количественно описать качественные данные, выстраивая «ассоциативное поле», выявляя «ядро», образованное часто встречающимися реакциями, не исключая уникальные ассоциации, предполагая получения большого объема информации. Респонденту необходимо отметить и/или написать слова, ассоциирующиеся со стимулом (т. е. ключевым словом), привести несколько вариантов ответов, что вызывает живую реакцию, способствуя получению качественного результата. Метод свободных ассоциаций в результате дает значительный объем качественной информации (Иванова, 2003: 117).

Метод *Symlog* в первую очередь предназначен для наблюдения и понимания взаимодействий между членами малых групп (Bales and Cohen, 1979). Метод был адаптирован к исследованию таким образом, что мы использовали 2 из 3 параметров:

1. Первый параметр: Д (доминирование) и З (зависимость). В основе параметра лежит оценка в восприятии позиции человека, кто «выше» или «ниже» партнера на основании определенной характеристики.

2. Второй параметр: П (позитивно настроенный, вызывает симпатию) и Н (негативно настроенный, вызывает отвращение, неприязнь). Этот член группы открытый и позитивный или негативный и раздражительный.

3. Третий параметр: И (инструментальный, озабоченный достижением групповых целей, выдвигающийся вперед) и Э (экспрессивный, отстающий), относится к ориентации на задачу. Мы заменили его на ответ «Я НЕ ЗНАЮ». Респондентам было предложено знаком «+» обозначить страну, к которой относится ответ «стремление доминировать (Д)» или «зависимость (З)», «позитивно настроенный (П)» или «негативно настроенный (Н)», или ответ: «я не знаю».

Связь между *Symlog* и ассоциативным методом заключается в том, что *Symlog* использует ассоциации, реакции и наблюдения для картографирования групповых взаимодействий в трехмерном пространстве, а ассоциативный метод является инструментом для сбора таких данных о внутренних связях и эмоциональных откликах, которые затем интерпретируются в рамках системы *Symlog*, чтобы понять динамику группы, ее «внутреннюю культуру» и паттерны поведения. *Symlog* – это структурированная модель для анализа, а ассоциации – это сырьевой материал для этого анализа, помогающий увидеть, как участники группы воспринимают друг друга и ситуации.

4. Участники

В анкетировании участвовали 43 студента Задарского университета, мужского и женского пола в возрасте от 18 до 25 лет, из которых 21 мужчина и 22 женщины (Таблица 1).

Пол	Всего	%
Ж	22	51
М	21	49
Всего	43	100

Таблица 1: Гендерная структура респондентов[4]

Часть анкеты (2-ой вопрос) создавалась на основе статьи автора Бранки Барчот, в которой автор анализирует данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента языковых реакций на вербальные стимулы, т. е. на слова-этнонимы (Barčot, 2019: 298). Используя ассоциативный метод, мы получили данные респондентов, которым было предложено написать любое слово/словосочетание, ассоциирующееся у них с а) названиями стран, б) предложенными слоганами. Анкета состоит из пяти пунктов.

1. Написать возраст и пол.
2. Написать слово/словосочетание, ассоциирующееся со словом-стимулом (слова-стимулы, представленные респондентам: названия 32 стран, участвовавших в чемпионате).
3. Написать слово/словосочетание, ассоциирующееся со слоганом-стимулом.
4. Знаком «+» обозначить страну, к которой относится ответ «доминирование» или «зависимость», «позитивное» или «негативное настроение», или ответ: «я не знаю».
5. По Вашему мнению, какова цель проведения анкетирования?

В первой части анкеты респондентам необходимо было написать ассоциацию, вызванную стимулом 32 слов, т.е. ассоциацию, вызванную стимулом названий 32 стран-участниц чемпионата мира по футболу, который проходил в России в 2018 году. Во второй части анкеты респондентам нужно было написать ассоциацию, вызванную стимулом для каждого из 32 слоганов национальных футбольных команд. В первых двух частях анкеты реакцией могло быть любое слово, словосочетание или символ. С помощью ассоциаций мы хотели определить, существуют ли стереотипы о странах-участницах среди хорватских студентов, включая авто- и гетеростереотипы, связанные с языком, идентичностью и культурой. В последней части анкеты мы использовали метод группового

[4] Разделение респондентов по возрасту в нашем случае не имеет значения, так как анкету заполнило студенческое, невзрослое поколение. Распределение данных по возрасту имело бы смысл, если бы в опрос были включены и другие возрастные группы (зрелый возраст, пожилой возраст). Возрастная группа лингвистически однородная.

наблюдения *Symlog* – систему многомерного наблюдения за группами, используемую для анализа национальных стереотипов, существующих у студентов Задарского университета[5].

5. Результаты эксперимента

Когда речь идет об автостереотипах у студентов Задарского университета, полученные результаты мы разделили на три группы. В первую группу вошли слова и словосочетания, вызванные стимулом «Хорватия», а также те, которые относятся к понятию «патриотизм». Во вторую группу мы объединили слова или словосочетания, встречающиеся больше одного раза. В третьей группе собраны одиночные слова, ассоциирующиеся со словом *Хорватия:*

1. дом, родина, Задар, Далмация, красно-бело-голубой, патриотический, наша красавица, наша прекрасная родина, Модрое озеро, наша, гордость, Святой Донат, Thompson, самая красивая, Загреб, хорватский флаг, хорватская куна, красота;
2. море, туризм, лето, природа, реки, леса, умные;
3. инфляция, плохое правительство, коррупция, усташи и ограниченность мышления.

Из каждой категории мы выберем страны, занявшие первые четыре места с наибольшим количеством ответов. Для каждой страны количество полученных ответов разное, так как иногда респонденты писали больше одного слова. В Таблице 2 указаны страны с соответствующим числом ответов, без воспроизведения слоганов:

Страна	Число ответов
Австралия	50
Англия	51
Аргентина	53
Бельгия	44
Бразилия	50
Германия	50
Дания	43
Египет	48
Иран	45
Исландия	49
Испания	60
Колумбия	43
Коста-Рика	44
Марокко	45
Мексика	50
Нигерия	40
Панама	45
Перу	45
Польша	40
Португалия	51
Россия	56
Саудовская Аравия	47
Сенегал	43

[5] Похожее исследование было проведено Каменовым Ж. и Чоркало Д. в 1997 г. (Mjerenje promjena nacionalnih stereotipa: primjena metode *Symlog*), в котором респондентами были студенты психологии хорватских университетов.

Сербия	45
Тунис	43
Уругвай	43
Франция	53
Хорватия	52
Швейцария	50
Швеция	46
Южная Корея	48
Япония	54

Таблица 2. Страны с соответствующим числом ответов

Сначала приведем страны[6], которые больше всего ассоциируются с:

a) футболом
   a. Аргентина 33/53 ответов касались футбола (27 из 33 относились к футболисту Месси),
   b. Португалия 21/51 футбол (20 Роналду),
   c. Бразилия 20/50 футбол (6 Неймар)
   d. Уругвай 10/43 футбол.

Интересно сравнить эти данные с результатами национальных сборных на чемпионате мира того года: первое место заняла Франция, второе место – Хорватия, третье место – Бельгия, а четвертое – Англия.

b) Другое
   a. Австралия 39/50 животные (28/50 кенгуру),
   b. Египет 37/48 достопримечательности (30/48 пирамиды),
   c. Бельгия 24/44 еда (шоколад 12, вафли 6); Тунис 24/43 «/» и «я не знаю»,
   d. Колумбия 22/43 наркотики, мафии, картели, кокаин, Эскобар; Сенегал 22/43 «/» и «я не знаю».

Анализ второй части анкеты, то есть анализ слоганов-стимулов, показал, что в той или иной степени все слоганы ассоциируются со спортом. Некоторые из них связаны с футболом, а некоторые со спортом в целом.

Дальнейший анализ свидетельствует о том, что:

a) Слоганы Колумбии, Сербии, Мексики, Польши, Исландии, Англии, Франции, Дании, Аргентины, Уругвая, Португалии, России, Швеции, Панамы, Бразилии, Саудовской Аравии были восприняты как некреативные, скучные, банальные и клишированные. Таким образом, главной проблемой является не «стереотипное мышление» о нации, а «шаблонное мышление», где

[6] Список стимулов и ответов, касающихся футбола, потом и спорта: Аргентина 33/53 футбол (27/53 Месси); Португалия 21/51 футбол (20/51 Роналду); Бразилия 20/50 футбол; Уругвай 10/43 футбол; Польша 8/40 футбол; Сенегал 7/43 футбол, 9/43 спорт; Коста-Рика 5/44 футбол, Саудовская Аравия 5/47 футбол, 6/47 спорт; Англия 5/51 футбол (4 место ЧМ-2018); Марокко 4/48 футбол; Испания 4/60 футбол, 12/60 спорт; Колумбия 3/43 футбол; Сербия 3/45 спорт; Дания 2/43 футбол, 8/43 спорт; Швеция 2/46 футбол, 4/46 спорт; Египет 2/48 футбол; Южная Корея 2/48 футбол; Швейцария 2/50 футбол, 3/50 спорт; Хорватия 2/52 футбол, 3/52 спорт (2 место ЧМ-2018); Нигерия 1/40 футбол, 3/40 спорт; Тунис 1/43 футбол; Германия 1/50 футбол; Россия 2/56 спорт; Исландия 1/50 спорт; Мексика 1/50 спорт; Франция 1/53 спорт (1 место ЧМ-2018); Австралия (0/59), Бельгия 1/44 футбол, 1/44 спорт (3 место ЧМ); Иран (0/45), Япония (0/54), Панама (0/45), Перу (0/45).

национальная идентичность подменяется стандартным набором спортивных лозунгов.

b) Языковые стереотипы были приписаны следующим странам: Колумбия и испанский, Коста-Рика – разновидности испанского и акцент, Дания и странный язык, Англия и акцент, Франция и акцент, Нигерия и акцент, Польша и сложный язык, Португалия – интересный язык, Испания и баскский язык, Швейцария и многоязычие.

c) Проявление идентичности было распознано в девяти слоганах: Швейцария, Иран, Германия, Нигерия, Хорватия, Коста-Рика, Испания, Египет, Марокко – по наиболее частым реакциям. Это следующие реакции: патриотизм, единство, единение, гармония.

d) Слоганы следующих сборных: Японии, Австралии, Туниса, Перу, Южной Кореи, Сенегала и Бельгии, воспринимались как *мотивирующие, боевые, смелые и сильные.*

Если сравнить результаты с a) по d), видна повторяемость нескольких стран из списка a), c) и d) со странами из списка b). Интересным является то, что не существует амбивалентный характер стереотипов (Бартминьский, 2009: 16). Анализ слоганов национальных сборных позволяет выявить механизмы конструирования национальной идентичности через язык. Так как некоторые из слоганов связаны с социокультурными реалиями, для определения доли «культурно-ориентированных» слоганов мы можем классифицировать их по категориям: 1. Культурно-специфические слоганы, опирающиеся на уникальные социокультурные маркеры, непонятные без фонового знания. Прозвище сборной Египта – «Фараоны» – апеллирует к древнему наследию, создавая образ мощи и преемственности. Слоганы Швейцарии часто обыгрывают многоязычие страны (немецкий, французский, итальянский и ретороманский), подчеркивая единство через многообразие. Некоторые страны используют образы животных (львы, орлы, тигры) или уникальные термины (самураи). 2. Универсально-спортивные слоганы, представляющие собой нейтральные фразы, которые могли бы принадлежать любой стране. Они используют глобальный лексикон успеха: «победа», «страсть», «вместе», «мечта», например, «Вместе за мечтой». Их функция – минимизация культурных различий ради создания универсального бренда. 3. Гибридные формы слоганов, сочетающие общемировые ценности с национальным колоритом, например, «Одна команда, одна мечта – Сербия». Исследование социокультурных реалий не является целью нашей работы, и мы ограничимся только этим замечанием.

Проанализировав 3-ю часть анкеты, в которой требовалось отметить знаком «+» страну, которая по отношению к Хорватии, по мнению респондентов, является доминирующей (Д) или зависимой (З); позитивно настроенной (П) или негативно настроенной (Н), мы получили следующие результаты. Мы выделили те страны, которые более половины респондентов считают доминирующими, дружелюбивыми. Покорными и враждебными по отношению к Хорватии странами считает менее половины респондентов, а в некоторых случаях даже менее ¼:

a) Стремление доминировать (Д): Германия 36, Франция 32, Швейцария 28, Англия 27, Россия 25. Скорее всего, хорватские студенты считают эти пять стран доминирующими из-за того, что эти страны в прошлом и сегодня доминируют почти на всех уровнях жизни в Хорватии.

b) Зависимость (З): Панама 16, Колумбия, Хорватия, Нигерия и Сербия 15. Хорватские студенты выстраивают определенную социальную иерархию, в которой статус своего и некоторых народов оценивается через призму исторического наследия.

c) Позитивно настроенные страны (П): Польша 29, Португалия 28, Австралия 27, Исландия и Испания 26. С этими странами Хорватия традиционно всегда имела хорошие отношения.

d) Негативно настроенные страны (Н): Сербия 19, Иран 18, Россия 11. Предполагается, что негативное настроение связано только с сегодняшней ситуацией в мире, как например с массовыми выступлениями населения.
e) НЕ ЗНАЮ: Коста-Рика и Сенегал 26, Тунис и Уругвай 25, Марокко 24. Этот ответ показывает недостаточную информированность хорватских студентов об этих странах, чтобы обозначить их определением Д или З, П или Н.

Студенты четко выделяют «ядро» европейской и мировой политики. В группу лидеров вошли Германия, Франция, Швейцария, Англия и Россия. Эти страны воспринимаются как субъекты, обладающие историческим весом, экономической мощью и политическим влиянием, определяющим повестку дня для Хорватии. В категорию зависимых стран респонденты отнесли Панаму, Колумбию, Нигерию, Сербию и, что примечательно, саму Хорватию. Тот факт, что студенты ставят свою страну в один ряд с развивающимися странами, указывает на критическое восприятие национального суверенитета и осознание зависимости Хорватии от внешних центров силы (ЕС, НАТО). Наиболее «дружелюбивыми» в глазах хорватов выглядят Польша, Португалия, Австралия, Исландия и Испания. Эти страны воспринимаются как партнеры, с которыми нет исторических конфликтов или выраженных зон геополитического трения. С Польшей также прослеживается культурно-религиозная близость (католицизм, славянские корни). Отрицательные оценки получили Сербия, Иран и Россия. В отношении Сербии ощущается влияние исторической памяти и последствий войны 1990-х годов. Кроме того, на подобную оценку повлияли массовые выступления населения в последнее время. Негативное восприятие России и Ирана обусловлено актуальной мировой повесткой. Страны Латинской Америки (Коста-Рика, Уругвай) и Африки (Сенегал, Тунис, Марокко) вызывают наибольшие затруднения. Связать это можно с хорватской системой образования и медиапространством, сфокусированным на Европе, что оставляет значительные «белые пятна» в знаниях студентов о Глобальном Юге. В качестве итога можно сказать, что сознание хорватских студентов демонстрирует типичную картину «малой нации», которая четко осознает иерархию силы в Европе, ищет безопасности в кругу культурно близких «друзей» и сохраняет настороженность к историческим соседям-соперникам.

Предполагается, что показатели социальной дистанции и уровня оптимизма в отношении России подвержены влиянию масштабных международных событий (таких как ЧМ-2018). В связи с этим выдвигается гипотеза, согласно которой событийный контекст 2018 года способствовал бы фиксации более высоких показателей социальной открытости в отличие от сдержанных данных, полученных в 2024 году. Несмотря на контекст проведения чемпионата и нашего эксперимента, у студентов были бы выявлены как автостереотипы так и гетеростереотипы. Предполагаем, что результаты эксперимента отличались бы количеством ответов в сторону положительных, так как Локтионов и Файнзильберг подчеркивали, что крупные спортивные события выступают мощным фактором социальной интеграции. Совпадение времени эксперимента с ЧМ показало бы максимальные показатели «коллективного сопереживания», которые в 2024 году заменены другими формами общественной консолидации.

С точки зрения Тер-Минасовой (2000), рассматривавшей проблемы человеческого общения с особым вниманием к языку как главному, но не единственному фактору, культура выполняет не менее важную роль в межкультурном общении, а что подтверждается результатами эксперимента. Культура является неотъемлемой частью человеческого общения, а не просто дополнением, что

и демонстрирует наш эксперимент. Диалог культур, о котором пишет Павловская, не обязан быть исключительно положительным, как нам показали результаты эксперимента. В нашем случае это диалог хорватской с другими культурами. Он сложен и может быть сопряжен с трудностями, но его цель – взаимопонимание и взаимообогащение через бережное «вслушивание» и признание ценности другого, а не доминирование одной культуры над другой. Вежбицкая (2001) предлагает использовать «универсальный язык» для описания значений, чтобы понять, как каждое конкретное слово и его использование в речи отражает уникальное мировоззрение людей, создавая культурные различия. В нашем эксперименте, как оказалось, использование «универсального языка» отмечено как отсутствие креативности в части полученных ответов. Мамонтов (2019) в своей работе подчеркивает лингводидактический аспект, включающий разработку методик обучения иностранному языку как инструменту проникновения в чужую «картину мира». В соответствии с полученными результатами, обнаружившими наличие негативных стереотипов у респондентов, сопоставительное лингвострановедение и лингвокультурологию следует считать обязательным направлением, чтобы способствовать развитию межкультурных компетенций в образовательном пространстве.

При анализе ответов на пятый вопрос мы получили почти однородные ответы. На вопрос о том, с какой целью было проведено анкетирование, респонденты дали схожие ответы. Студенты отвечали, что цели этой анкеты – узнать, как одна нация или культура воспринимает другую, как воспринимают респонденты самих себя, существуют ли стереотипы о себе и других, стереотипы о футболе. Три студента не ответили на этот вопрос.

6. Заключение

По первому вопросу: «Существуют ли у студентов Задарского университета гетеростереотипы о странах, участвующих в чемпионате мира?», первая гипотеза подтвердилась. Результаты исследования показывают наличие автостереотипов, полученных написанием слов-стимулов и слоганов-стимулов. Результаты свидетельствуют и о наличии гетеростереотипов о странах-участницах чемпионата мира среди студентов Задарского университета.

По второму вопросу: «С какой категорией связаны полученные стереотипы: с языком, идентичностью или культурой?», вторая гипотеза подтвердилась. Предположение о том, что стереотипы в слоганах национальных сборных в основном связаны с идентичностью или национальностью, оказалось точным. Хотя большинство слоганов воспринимались как некреативные, скучные, уже встречавшиеся и т. д., это наблюдение подчеркивает важный аспект спортивного маркетинга: стремление к универсальности часто убивает уникальность. Вместо ожидаемой эксплуатации ярких культурных особенностей (национальных стереотипов), авторы слоганов чаще прибегают к корпоративным клише. Одна из причин, почему слоганы национальных сборных часто оказываются «скучными», – это безопасность и нейтральность, потом трудность перевода и, возможно, кризис творчества. Использование конструкций вроде «One Nation, One Team» или «Lets make our dream come true» стало своего рода отраслевым стандартом, который воспринимается как «безопасный выбор», но не вызывает эмоционального отклика у болельщиков. Использование «нейтральных» слоганов часто направлено на демонстрацию инклюзивности и уход от агрессивного национализма. Это стереотип «современного глобального государства». Потом следует группа слоганов, которые сразу связываются с национальной, в том числе локальной идентичностью. Так как некоторые из слоганов отражают социокультурные реалии, следовало бы провести анализ самих слоганов и опре-

делить долю тех, которые опираются на культурные элементы. Тем самым получился бы вывод о языковых и культурных стереотипах, которые здесь представлены в нейтральной и неопределенной форме.

По третьему вопросу: «Учитывая, что респонденты являются студентами, могут ли полученные стереотипы влиять на развитие межкультурной компетенции в процессе изучения иностранного языка и культуры?», гипотеза, согласно которой стереотипы положительно влияют на развитие межкультурной компетенции в процессе изучения иностранного языка, не подтверждается. Ответы на задаваемые вопросы в основном представляли собой положительные реакции на страны, слоганы и данные, полученные с помощью метода *Symlog*. Есть группа стран, отношение к которым негативное. Соответственно эпитеты, использованные респондентами, имеют негативную окраску. В связи с этим делается вывод, что негативные стереотипы не могут положительно влиять на развитие межкультурной компетенции, так как они противоречат самой сути этого понятия. На основе этих реакций мы не можем ответить на третий вопрос положительно, так как полученные данные противоречат нашему предположению. Для успешного осуществления межнациональной и межкультурной коммуникации необходимо не только владение языком, нам нужны определенные знания, связанные с культурой той или иной страны. Культура – это неотъемлемая часть языка, а язык – это неотъемлемая часть культуры. Благодаря полученным знаниям о культуре и тому, как одна культура (31-й страны-участницы) воспринимается другой (хорватской), мы подводим итоги, используя известную латинскую пословицу: «Quot linguas calles, tot homines vales».

Литература

Bales, R. F., & Cohen, S. P. (1979). *Symlog: A system for the multiple level observation of groups*. Free Press.

Barčot, B. (2019). Domoljublje kao verbalna asocijacija u autopredodžbi govornika hrvatskoga jezika. U *Zadarski filološki dani 7* (str. 293-305). Sveučilište u Zadru.

Bartmiński, J. (2009). Базовые стереотипы и их профилирование на материале польского языка. В *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре* (с. 11-21). РГГУ.

Hadžihalilović, S. (2015). *Uvod u studij ruskoga jezika*. Sveučilište u Zadru.

Heere, B., James, J. D., Yoshida, M., & Scremin, G. (2011). The effect of associated group identities on team identity. *Journal of Sport Management, 25*(6), 606-621.

Hrvatski jezični portal. (s. f.). *Hrvatski jezični portal*. Znanje. https://hjp.znanje.hr/

Kamenov, Ž., & Čorkalo, D. (1997). Mjerenje promjena nacionalnih stereotipa: Primjena metode SYMLOG-a. *Društvena istraživanja, 6*(2-3), 361-372.

Lippmann, W. (1998). *Public opinion*. Transaction Publishers.

Бегун, В. В. (2010). Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, *1*.

Бетанова, Д. А. (2011). Стереотипы и их роль в процессе межкультурной коммуникации. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, *4*.

Вежбицкая, А. (2001). *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. Языки славянской культуры.

Иванова, Н. А. (2013). Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, *3*, 116-122.

Мамонтов, А. С. (2019). Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации. *Русистика*, *2*.

Мещеряков, Б. Г., & Зинченко., В. П. (Eds.). (2003). *Большой психологический словарь*. Прайм-Еврознак.

Павловская, А. В. (1998). *Проблемы общения культур*. Изд-во МГУ.

Самоделова, С. (2018, 19 июня). Что таят девизы футбольных сборных ЧМ: эксперты объяснили национальные нюансы. *МК*. https://www.mk.ru/sport/2018/06/19/chto-tayat-devizy-futbolnykh-sbornykh-chm-eksperty-obyasnili-nyuansy.html.

Тер-Минасова, С. Г. (2000). *Язык и межкультурная коммуникация*. Слово.

INCLUSIVE STYLISTICS IN TEACHING SLOVAK: THE CONCEPT OF OPTIMAL COMFORTABLE STYLISTICS[1]

Miloš Horváth
Comenius University in Bratislava

1. Introduction

The presented study is a partial theoretical and methodological authorial output of a collective grant project entitled Inclusive Stylistics, which was sponsored and financially supported by the Agency for the Support of Research and Development (APVV), which is the most prestigious Slovak scientific and research grant agency established by Act No. 172/2005 Coll. on the Organization of State Support for Research and Development, as amended. The fundamental mission of the agency is to support top-notch basic and applied research and development in individual groups of science and technology disciplines, including interdisciplinary and multidisciplinary research, which, among other institutions, is also carried out by the higher education sector[2] – in our case, the Department of Slovak Language and Communication Theory of the Faculty of Arts of Comenius University Bratislava.

The global goal of the above-mentioned grant project is the presentation and promotion of an innovative concept of communication-oriented stylistics at the macro- and micro-levels, the basic premise of which is the scientific description and explanation of variable ways of using language structures in conditions of social inclusion. The author of the project is Professor Juraj Dolník, who is one of the most respected figures in contemporary modern, pragmatically oriented linguistics in Slovakia. The concept of inclusive stylistics is based on the methodological framework of the already established interactional stylistics (Orgoňová and Bohunická, 2018), or interactive stylistics (Slančová, 2013), representing one of its possible contextual realizations in the sense that communication activity – not only verbal, but also non-verbal or paralingual – is derived from the social-interaction mechanism that is constantly taking place between individual communication actors. In this constellation, inclusive stylistics appears as one of the potential tools of social inclusion, with the help of which a state can be created in which no member of the community will feel excluded from the social or communication universe. This internally felt state of the subject also constitutes the finality of any inclusive processes taking place in the context of communication and beyond.

Based on the premise that inclusivity is a long-term, continuous process, which in our opinion cannot be legislated, only initiated, or rather, be created via suitable conditions for its acceleration, the secondary goal of the project is the implementation of the theses of inclusive stylistics, including its relevant conceptual apparatus, into the real educational process, primarily within the lessons of the Slovak language as a mother tongue. We will address this content eventuality in the following passages of the contribution,

[1] The text of the contribution was created as part of the grant task of the Agency for the Support of Research and Development with the registration number APVV-22-0275 and the title Inclusive Stylistics.

[2] For more information, see the official website of the Agency for the Support of Research and Development of the Ministry of Education, Research, Development and Youth of the Slovak Republic: https://www.apvv.sk/agentura/o-nas.html

while also pointing out some functional limitations of inclusivity processes, including anti-inclusive factors of interpersonal communication.

2. Social inclusion

From a theoretical multidisciplinary perspective, any considerations about inclusiveness (both scientific and academic, but also lay) are based on a standardized idea of the maximum functional and motivational differentiation of individual members of society, as a result of which the human community in its entire globality is significantly asymmetrized. This is also related to the fact that „the salience of particular social identities (be it those of women, of lesbiens, of ethnic groups, and so forth), has become more pronounced. For instance the «universal» class based politics of an earlier period has largerly given way to political struggles based around the interests and identities of such particular groups» (Fairclough, 2003:40). The aforementioned asymmetry is the starting assumption (operational basis) of inclusive processes in the context of the gradual elimination of social risks, or possible alleviation of tension between social actors or social groups. Simply put, without existing asymmetries in the socio-cultural space, there is no inclusion, analogously as without accommodation there is no assimilation in the sense of the adaptation of the organism to external circumstances motivated by its anthropological survival, i.e., preservation of itself in accordance with the differentiated conditions of social development (Dolník, 2018: 82-83). Inclusion thus takes the form of asymmetrization – symmetrization (accommodation-assimilation) processes with regard to formalized acts of incorporating a quantitatively smaller set of social elements into a larger set of elements, while representatives of neither of these sets must feel discomfort resulting from their mixing, or potential homogenization, which is – after all – the final effect of inclusion. Even though in real social conditions these processes do not sound as natural and painless as they might seem at first glance, while maintaining the postulates of an inclusive liberal society, which according to J. Dolník (2023: 16-17) exhibits features of a participatory democratic, egalitarian differentiated, solidarity-based and emancipatory society, they appear to be highly humanizing, and therefore, progressive and welcome for human society. Moreover, as D. Gerbery and R. Džambazovič (2011: 15) add in this context, «the emergence of new social risks in the current era forces new types of interventions into the functioning of the welfare state», with the dichotomous or polar concepts of social inclusion and social exclusion being one of these interventions, both on a practical and ideological level.

Aside from the indicated methodological and universal sociological starting points of inclusion, based on asymmetrizing-symmetrizing (accommodating-assimilating) processes constantly taking place in the socio-cultural space, the purpose of the prepared innovative concept of inclusive language and inclusive stylistics in Slovak conditions is not only to methodologically anchor this concept and create a network of its supporting concepts, but also to offer instructions for its application to a wider platform of contemporary users of Slovak, especially teachers. Despite the obvious devaluation of the teaching profession and the reduction of demands for practicing the teaching profession in recent decades (cf. Ligoš, 2019: 214-216), it is precisely teachers working in the primary and secondary institutional sphere of education (i.e. in elementary and secondary schools) who are a crucial component of the acute change in the approach to language and stylization – with regard to the conscious acceleration of inclusive processes. These processes, naturally, are already taking place in the education system at all levels (they also took place in the past, although they remained out of the field of vision of most members of society and were not usually the subject of wider

public discussion[3]), but they are often so formalized[4] and detached from social reality[5] that their result in many cases is only a system of rules or recommendations for prioritizing a certain form, lexical unit or syntactic construction over others, less inclusive from the perspective of the elites, which can lead to the emergence of bizarre, untranslatable or unsystematic or unnecessarily expansive, uneconomical lexical-grammatical means in various languages (for more details, see Moyšová, 2024). Naturally, in the process of initiating linguistic and social inclusion in schools „is very difficult to distinguish between learning that really serves students in their present and future life, and the indoctrination of ideologies of powerful groups or organizations in society, or the prevention of students developing their critical potential , on the other hand» (van Dijk, 2008: 12). As a result, in the minds of many language users, efforts to inclusivize the language take on the character of a doctrine, the catalyst of which are selected, mostly negative social manifestations, such as xenophobia and racial, ethnic, gender or other discrimination (Dolník et al., 2015), differentiated manifestations of physical and communicative violence (so-called verbal terror), as well as other sociopathological phenomena (Ondrejkovič et al., 2009), generational conflict and disrespect for elders (Bartalošová, 2020), constant shifting and conscious crossing of the boundaries of taboos and standards of taste and, last but not least, the currently much-mentioned polarization of opinions in society based in the first stage on a selective perception of reality and in the second stage on labeling[6] and subsequent conscious ostracization of opponents. All of this makes contemporary society an extremely diverse panopticon, the cohesion of which is ensured, among other things, by the inherent inclusive potential of language, or rather the phenomenon

[3] From a historical perspective, we cannot fail to mention that the pedagogical legacy of J. Á. Comenius (1592 – 1670) already includes universal ideas of inclusiveness in education in the sense of its humaneness, openness, and solidarity (for more details, see Comenius, 1991). Comenius' Latin statement «omnes, omnia, omnino» (English: «to teach everyone everything in consideration of the whole») can be interpreted precisely in these intentions. The component «all» refers to the contents of education, i.e. curricular interventions (reforms, adjustments) to the thematic composition of the curriculum, while respecting the principle of universality in education, in the second component, i.e. «all», the relationship to the target subjects of education is updated, specifically that a full-fledged educational process is accessible to everyone regardless of origin, race, gender, age, religious beliefs, worldview orientation, social status, etc. and finally the third component «all-round» affects both the complexity of the methods and procedures used in education and the complexity of the student's personality, which means that in the teaching process, with regard to its optimality or effectiveness, all aspects of his personality should be developed - rational (intellectual), volitional (voluntative) and emotional-affective.

[4] These formalized tools, or means of language inclusion, which are currently taking on the character of global communication trends, can be considered, for example, the systemic deactualization of the generic masculine in Slovak (cf. Popovičová Sedláčková – Piatková, 2021: 126-128; Pekarovičová, 2016), tendencies towards the non-inflection of female surnames (Valentová, 2016), especially in journalism, the replacement of original and socially used lexical forms with various euphemisms (Szymczak-Rozlach, 2014), or the use of collectives, or collective abstracts to name various groups of people (students, listeners, employees, etc.) in official communication.

[5] In the sense of what has been said, the following excerpt from the text of the book intended for children's readers, *The Rules of a Real Princess: What About the Prince?* (2020: 66) by the media-famous English novelist Philippa, can be described as considerably non-standard and even forcibly inclusive. Gregory in the translation of Oľga Kralovičová: *«Release the prince and princess, the captain demanded. - Or vice versa, Benett reminded her. - What? - You have to be fair, he whispered. Let them be handed over in any order. The prince and the princess or the princess and the prince. Neither has priority. Neither is more important than the other. - The captain stood confused for a moment, but then turned to the kidnappers again. - Either way, both. And immediately! Quickly!»* We would find many analogous examples, against the background of which the ideas of inclusiveness in its various forms are artificially promoted, in contemporary original Slovak and translated works for children.

[6] According to the labeling theory, which in sociology is classified as one of the lines of so-called interactionism, members of society become deviant because their behavior is characterized (literally labeled) in this way by political or other authorities, which is a consequence of the distribution of power in society. The labeling process then affects not only how the subject is viewed by other people, but also what idea he or she acquires about his or her own identity (Giddens, 2013: 862-864).

of communication, which – with appropriate methodological application – can be implemented into the educational process.

3. The didactic dimension of inclusive language and inclusive stylistics

When creating a linguodidactic application model of inclusive language and inclusive stylistics, we proceed from the premise that every communication, every act of communication is inclusive in its own way, regardless of the cultural sources of inclusion, ideological motives or current social order. The social interaction mechanism that smoothly develops between the speaker and the addressee during dialogical communication (for more details, see Orgoňová and Bohunická, 2018) presupposes the mutual inclusion of communicants into each other's «worlds» - let's say on the basis of the following, metaphorically expressed interaction scheme: «I decided to communicate with you because I want to show you my world and let you into it, if you also show me yours and allow me to stay in it for a while». From the above, it follows that the social interaction dimension of communication is based on a high degree of openness and mutual empathy of all participating communicators, which is reflected in the level of comfort felt by individual communication actors. On the contrary, if the aforementioned inclusion (social-communicative inclusion) does not occur, due to various individual and supra-individual factors, communication can be described as non-inclusive, and therefore ineffective or even dysfunctional. In the practical pedagogical process, it is therefore, in our opinion, necessary to update the social dimension of communication outlined here, which can lead to an innovative understanding of communication, ergo stylistics, for example, within the limits of the inclusive stylistics presented here.

In accordance with the above statement, the starting point for the didactic-methodical application of inclusive stylistics in school practice is to present interpersonal communication as an open space, in modern terms a platform or application, when using which the participating actors, within the framework of individual possibilities, accepting the universal principle of cooperation (Grice, 1975: 41-58), feel as pleasant, comfortable (i.e. comfortable) as possible, respect each other and realize the importance of their own dignity, as well as the dignity of others. The image of communication as a battlefield, on which only winners and losers remain after it has finished, is not suitable for the implementation of an inclusive platform into the pedagogical process, as is the idea that success in communication is a question of some kind of intangible gains and losses. On the contrary, to ensure that communication proceeds smoothly, i.e. in the sense of fulfilling the ideals of inclusiveness, less confrontationally, without unnecessary irony, mutual teasing, name-calling, without invective, labeling, humiliation, etc., it is crucial that the communication-interaction mechanism functions in accordance with the elementary principles of morality and ethics, according to which in communication, as one of the universal manifestations of socio-cultural behavior, we do not under any circumstances hurt, do not diminish the dignity of the communication partner, nor do we exclude them ad hoc from the globally understood communication universe[7].

[7] A typical example of communicative exclusion, often occurring in family and school environments, can be considered, for example, not answering questions asked by a child or pupil with the alibi explanation that he is still too young to understand, regardless of how absurd the question asked seems. The aforementioned communicative indisposition, incompatible with universal principles of inclusiveness, is well documented by the following excerpt from the famous book series about Anne of Green Gables by the Canadian writer Lucy Maud Montgomery (1994: 140-141): «*'Anna,' Davy sat up in bed and propped his chin on his hands, 'Anna, where does sleep live? People go to sleep every night, and I know very well that sleep lives where I dream, but I still want to know where it is and how I get there and back, and in my nightgown, because I've never been able to figure it out. Where is it?' (...) – 'You're too young to understand,' replied Anna. And she was immediately ashamed of her words. Hadn't she solemnly pledged, remembering many similar admonitions in her childhood, never to tell a child that he was*

4. Ideals of inclusiveness in educational stylistics

The subject of the Slovak language and literature has a central position among the subjects included in the Slovak institutional education system and at the same time a significantly integrating function. This is mainly due to non-linguistic, political, historical and cultural reasons. The Slovak language has the status of a state (official) language in the Slovak Republic, which is explicitly defined in Article 6 of the first chapter of the first section of the Constitution of the Slovak Republic (2023: 6), while naturally fully respecting the rights of national minorities and their languages in accordance with the European Charter for Regional or Minority Languages[8]. From the above, it follows that the majority of children use Slovak as their mother tongue already in preschool age. It serves them to gradually form a linguistic picture of the world and, at the same time, develop the cognitive abilities necessary for adequate processing of this picture. In addition, through the teaching of the Slovak language in all types of schools, there is a natural, spontaneous development of the child's/pupil's communication skills (communication competence in a broader sense), which he/she subsequently uses outside the school environment, in everyday standard and less standard life situations, depending on cognitive styles and learning styles (Mareš, 1998: 53-57).

From the perspective of subject-specific didactics, this subject consists of three interconnected components, namely: (a) the linguistic, or more precisely, theoretical- metalinguistic component, during the presentation of which the student, by means of fixing a system of linguistic concepts and language rules, learns about the language itself - its development, structure and functioning, (b) the literary, or the literary-cultural and literary-historical component, the didactic transformation of which is focused not only on developing reading literacy, knowledge of literary history and basic concepts of literary science, but also on the controlled stimulation of the pupil's receptive (apperceptive) and interpretive abilities in relation to artistically and aesthetically variable textual representations and finally (c) stylistic, more precisely, communication-stylistic education, which consists primarily of training practical speech (communication) skills necessary to fulfill individual and supra-individual communication goals in all spheres of social contact, i.e. in the private sphere, the work sphere, the artistic-experience sphere, etc. Within each of the three components, specific competencies (so-called standards) are then specified in terms of acquired and operationalized knowledge, abilities and skills, such as listening and speaking, initiating a conversation, conducting a cultivated dialogue, reading, writing, linguistic reflection of one's own and others' expressions, developing linguistic awareness and linguistic intuition, active use of language in the widest possible range of communication situations, spelling, using media when sorting and working with information, heuristic competencies, basic knowledge of the history of language, literature and culture, recognizing and actively using methods of reception, analysis and interpretation of texts, as well as creating one's own monological and dialogical texts (cf. Ligoš, 2019: 171).

Given the modern language teaching trends, which are based on the close relationship between linguistic and cognitive structures and at the same time a communicative-pragmatic view of language and its functioning (for more details, see Liptáková et al., 2015/2022: 17-18), a communicative, or more precisely, an integrated cognitive-communicative and experiential approach to teaching is also preferred in teaching the Slovak language in primary and secondary schools, at the expense of the older systemic-linguistic approach. The aim of institutional language education in the mother tongue is therefore no longer only to profile the pupil as a «little linguist – theorist», but above all, through an active approach to stylization, to

too young to understand something? And here she is again – that is how great the gap between theory and practice sometimes is».

[8] For more information, see: https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/2001/588/

raise him or her as a self-confident, linguistically and communicatively sufficient individual who is aware of his or her rights, but at the same time does not deny the rights of others in communication or elsewhere. In the communicative concept of teaching, which corresponds well with the above-mentioned ideals of inclusiveness, the element of linguistic (textual) production is, naturally, intentionally updated, including implicit conceptual and implicit procedural narrative knowledge (for more details, see Klimovič et al., 2020). This means that in most teacher-initiated activities, the independent production of linguistic expressions should dominate, considering a wider spectrum of communication situations and the functional (purposeful) use of linguistic means. The application of such an approach in teaching is pedagogically effective if the student acquires and subsequently consolidates a relatively open set of values, attitudes, knowledge and skills that, in real communication practice (i.e. not in laboratory conditions as was the case in the past), will enable the learner to understand other members of the language community, to understand their overt and covert motives for verbal behavior and actions, and as a result, will be able to interact with them adequately, taking into account the social specificities of interpersonal communication, including the requirements leading to the fulfillment of the ideals of inclusiveness.

In our preferred, more broadly understood model of inclusiveness, applicable in stylistic and communication education classes, it should primarily be about the effective use of the full potential of real (natural) language in the widest possible spectrum of communication situations with regard to interiorization, or rather identification with the concept of the so-called optimal (comfortable) stylistics. In the practical implementation level, we understand this concept as a set of unconscious (intuitive) and conscious (reflexive) dispositions of the stylizing subject (in our case, a primary school pupil or a high school student), whose active use in communication is a prerequisite for a problem-free and socially fulfilling life in the current digital society. When developing the aforementioned dispositions in the form of the aforementioned knowledge, abilities, skills, attitudes and values, respect for the individuality of a person's personality is taken into account, and therefore, their personal comfort in fulfilling communication goals in various communication situations is not reduced. On the other hand, however, the verbal behavior of the stylizing subject in this way is also in accordance with broader contemporary and socio-cultural rules and norms, including intralinguistic (systemic) as well as external communication, pragmatic and ethical norms. This understanding of verbal behavior in its educational dimension is also consistent with the established notion of discourse as a form of social practice that reflects the „dialectical relationship between a particular discursive event (in our case, simulated or real speech by a pupil or student – added M. H.) and the situation(s), institution(s) and the social structure(s), which frame it: The discursive event is shaped by them, but it also shapes them» (Wodak & Meyer, 2016: 5-6). From what has been said, it follows that the concept of optimal (comfortable) stylistics is, or should be, the result of conscious inclusion, i.e. the incorporation, including of the individual dimension into the supra-individual dimension in stylization, which is also the direction of the teaching of practical stylistics in school conditions, embedded in the already established context of communication education and experiential education.

5. Conclusion

Inclusive stylistics, as one of the progressive, communication-pragmatic methodological approaches to grasping language, text, and style in relation to various contemporary anthropological, social, and cultural phenomena, grounded in a universalist (interdisciplinary) understanding of the concept of social inclusion, also finds its application in practical pedagogical processes, particularly in classes of Slovak as

the mother tongue. Moreover, aside from certain ideologically motivated interpretations and formalistic efforts, it is precisely the implementation of principles of inclusivity into applied educational stylistics within communicative-compositional instruction (Slančová et al., 2022: 370-376) that, in our view, represents in the long term a key moment for initiating restorative (revitalizing) processes in society. The ultimate goal of these processes is the creation of a humane, emancipated, and civically engaged community of mutually respectful people, regardless of gender, ethnic, religious, or other differences. Maximally open, non-confrontational, and balanced (symmetrized) communication, in line with the above-outlined ideas of the concept of optimal comfortable stylistics, should, in our opinion, play a decisive role in this effort.

BIBLIOGRAPHY

Bartalošová, P. (2020). Jazyk seniorov z hľadiska sociolingvistiky. In *Jazykovedné štúdie XXXV*. Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Dolník, J. et al. (2015). *Cudzosť – jazyk – spoločnosť*. Iris.

Dolník, J. (2018). *Jazyk v pragmatike*. Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Dolník, J. (2023). *Jazyk v dynamike demokracie*. Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse (Textual analysis for social research)*. Routledge.

Gerbery, D., & Džambazovič, R. (2011). *Inovatívne orientácie v sociálnej politike: Perspektíva sociálnej inklúzie*. Univerzita Komenského.

Giddens, A. (2013). *Sociologie*. Argo.

Gregory, P. (2024). *Pravidlá pravej princeznej: A čo s tým princom?* Slovart.

Komenský, J. A. (1991). *Veľká didaktika*. Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole, J. L. Morgan (Ed.), *Syntax and Semantics* (pp. 41-58). Academic Press.

Klimovič, M. et al. (2020): *Implicitné jazykové znalosti dieťaťa*. Vydavateľstvo Prešovskej univerzity.

Ligoš, M. (2019). *Vyučovanie slovenčiny ako materinského jazyka v minulosti, prítomnosti a budúcnosti (Kapitoly z dejín vyučovania slovenčiny s výzvami do budúcnosti)*. Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Liptáková, Ľ. et al. (2015/2022): *Integrovaná didaktika slovenského jazyka a literatúry pre primárne vzdelávanie*. Prešovská univerzita v Prešove.

Mareš, J.(1998). *Styly učení žáků a studentů*. Portál.

Montgomeryová, L. M. (1994). *Anna z Avonlea*. Mladé letá.

Moyšová, S. (2024). Aspekty inkluzívneho jazyka nielen v slovenčine. *Kultúra slova*, 58(1), 3-14.

Ondrejkovič, P. et al. (2009). *Sociálna patológia*. Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Orgoňová, O., & Bohunická, A. (2018). *Interakčná štylist*ika. Univerzita Komenského.

Pekarovičová, J. (2016). Rod ako sociálna a gramatická kategória. In J. Pekarovičová, Z. Hargašová (Ed.), *Slovenčina (nielen) ako cudzí jazyk v súvislostiach II* (pp. 38-55). Univerzita Komenského.

Popovičová Sedláčková, Z., & Piatková, K. (2021). *Pragmatická gramatika 1*. Univerzita Komenského.

Slančová, D. (2013). Východiská interaktívnej štylistiky (Od eklektizmu k integrácii). *Slovenská reč*, *68*(4), 207-223.

Slančová D. et al. (2022). *Úvod do štúdia interaktívnej štylistiky II*. Vydavateľstvo Prešovskej univerzity.

Valentová, I. (2016). Prechyľovanie priezvisk a jeho vývin na Slovensku. In L. Molnár Satinská, I. Valentová (Ed.), *Jazykovedné štúdie XXXIII. Prechyľovanie: áno – nie?* (pp. 11-22). Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Szymczak-Rozlach, M. (2014). *Eufemizmy we współczesnym języku słowackim*. Wydawnictvo Universytetu Śląskiego.

Ústava Slovenskej republiky (2023). Kancelária Národnej rady Slovenskej republiky. https://www.nrsr.sk/web/Ustava/ustava_202309/index.html

van Dijk, T. (2008). *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan.

Wodak, R., & Meyer, M. (2016). Critical discourse analysis: History, agenda, theory, and methodology. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (3rd ed., pp 1-33). Sage.

CZECH AS A FOREIGN LANGUAGE: MEDIATION AS A TEACHING STRATEGY AND A TARGET COMPETENCE

Darina Hradilová
Univerzity Palackého v Olomouci

1.Introduction

The term mediation is used in Czech across a variety of contexts dictionary entries as well as evidence from real usage in the Czech National Corpus (ČNK: syn-V13) show that the term appears most frequently in legal, diplomatic, and political contexts. A key feature that emerges from these contexts, and which is subsequently applied in relation to language education, is the facilitation of mutual interaction and the enabling of communication and information transfer.

Mediation as a communicative competence is gaining importance in connection with the trend towards multilingualism, which manifests itself in both everyday practice (for instance, in education) and in European language policy. Although the updated *Common European Framework of Reference for Languages – Companion Volume with New Descriptors* (2018: 32).[1] CEFR CV emphasizes its status within the system of communicative modes, mediation still receives insufficient attention in the teaching of Czech as a foreign language. This was confirmed by our previous research, which focused on students' needs in the field of mediation and their level of competence in this skill (Hradilová, 2025: 227–244). The present study continues this line of inquiry but shifts the focus to teachers: how they approach mediation, how they implement it in their teaching practice, and what strategies they employ to build learners' mediation skills. The aim is to highlight aspects of pedagogical mediation and to examine the extent to which teachers value mediation and the strategies they adopt for developing this competence in their students.

2. The Concept of Mediation in the CEFR CV

The understanding of mediation outlined above corresponds to the way it was already defined in the first edition of the *Common European Framework of Reference for Languages* (2001: 87)[2], where «mediation activities» are described as those intended to facilitate communication or the exchange of information between interlocutors who cannot understand each other directly (cf. Ex. /1/). Already at that stage, it was emphasized that mediation may take the form of interlingual transfer but may also occur within a single language. In the interlingual context, reference is primarily made to interpreting and translation (simultaneous, consecutive, and informal interpreting), as well as literal and literary translation. Examples of intralingual mediation include summarizing main ideas from newspaper or magazine articles or paraphrasing specialized texts for lay audiences. At that point, no assessment scales were provided.

> /1/ In mediating activities, the language user is not concerned to express his/her own meanings, but simply to act as an intermediary between interlocutors who are unable to understand each other directly – normally (but not exclusively) speakers of different languages. Examples of mediating activities include spoken inter-

[1] Hereinafter referred to as CEFR CV.

[2] Hereinafter referred to as CEFR.

pretation and written translation as well as summarizing and paraphrasing texts in the same language, when the language of the original text is not understandable to the intended recipient. (CEFR, 2001: 87)

In the updated CEFR CV (2018: 105–131), mediation is given much greater attention. It is explicitly stated that the conceptual focus has shifted from language skills to so-called communicative modes, which are defined as reception, production, interaction, and mediation. Mediation is elaborated into specific communicative activities, such as mediation of text, mediation of concepts, and mediation of communication. Descriptors are provided in the form of an overview assessment scale, as well as detailed scales for individual mediation activities (cf. Ex. /2/).

/2/ Can play a supportive role in interaction, provided that other participants speak slowly and that one or more of them helps him/her to contribute and to express his/her suggestions. Can convey relevant information contained in clearly structured short, simple, informational texts, provided that the texts concern concrete, familiar subjects and are formulated in simple everyday language. (CEFR CV, 2018: 105)

3. The Status of Mediation within the System of Communicative Modes

At first glance, it might seem that the partial operations on which mediation is based can be developed within the other communicative modes, since mediation intersects with them (cf. Fig. 1).

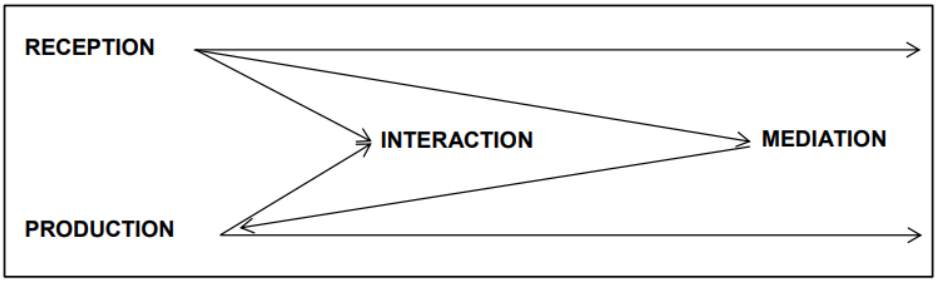

Figure 1. The relationship between reception, production, interaction, and mediation (CEFR CV 2018, 32)

For example, the receptive steps – understanding either written or spoken text – draw on the development of reading and listening comprehension, or on the reception required for spoken and written interaction. Similarly, productive operations have their basis in written and spoken production, or in the productive dimension of interaction. These overlaps are clearly visible when comparing descriptors for specific activities. As an illustration, descriptors for transmitting specific information within mediation activities (cf. Ex. /3/) and those for exchanging information within spoken interaction (cf. Ex. /4/) reveal significant similarities. Comparable intersections can be found between mediation and listening comprehension, as well as between mediation and both spoken and written interaction. This perspective might explain why mediation is often marginalized compared to other modes: it appears to rely on competences already developed through other communicative modes.

/3/ Can relay (in Language B) simple, predictable information about times and places given in short, simple statements (spoken in Language A). (CEFR CV, 2018: 108)
/4/ Can express numbers, quantities and cost in a limited way. Can name the color of clothes or other familiar objects and can ask the color of such objects. (CEFR CV, 2018: 90)

Nevertheless, the recognition of mediation as an independent communicative mode rests on its unique character, defined by its social dimension. Unlike other modes, the communicative goal in mediation is not directed at the speaker but oriented towards other participants in the communicative act. The aim

is not to acquire information for the mediator's own purposes, nor to linguistically express information to meet the mediator's communicative needs. The communicative goal remains the transfer of information, but for the benefit of third-party participants, or the establishment of a communicative situation that enables them to fulfill their communicative needs. This social dimension is the element that distinguishes mediation from the traditional system of communicative modes (cf. Ex. /5/)

> /5/ In mediation, the user/learner acts as a social agent who creates bridges and helps to construct or convey meaning, sometimes within the same language, sometimes from one language to another (cross-linguistic mediation). (CEFR CV, 2018: 103)

Although the graphical representation in the CEFR CV (cf. Fig. 1) suggests that the mediator first receives information (reception) and then passes it on to another interlocutor (production), the process is in fact more complex. After linguistically decoding the received message, the mediator must decide which information should be conveyed and in what form. The «form» does not simply mean written or spoken expression, but an overall shaping of the message appropriate to the needs of the recipient, in terms of informational content (scope, precision) as well as linguistic appropriateness. Mediation is thus a complex act in which the mediator draws on a wide repertoire of competences – not solely communicative ones.

An important distinction between mediation and traditionally understood translation or interpreting lies in the need to modify the communicative product so that it is accessible to the addressee. As B. Dendrinos (2013: 1) points out, «Mediators have the right to change the discourse, genre or register of their text, and having the prerogative to do so is not an issue because it is an inherent component of their role as mediators». M. Boccou Kestřánková (2021: 24) similarly describes this aspect of mediation as «creating or co-creating the meaning of the message», considering it one of its essential aims.

Mediation also differs from other communicative modes through its variability in terms of mono- and multilingualism. While activities in other modes always take place in the target language, mediation activities may involve transfer from one language to another (the CEFR uses the terms «Language A» and «Language B»), or they may occur entirely within one language. They may also cross modalities: a written text may be summarized orally, oral input may be converted into notes, and data from graphs or tables may be explained either orally or in writing.

4. Aspects of Pedagogical Mediation in Teaching Czech as a Foreign Language

The specific features of mediation highlighted above – its social character and variability in terms of language codes – are similarly emphasized by M. Boccou Kestřánková (2021: 23–25), who identifies pedagogical mediation as a particular type of mediation.[3] In this context, the teacher acts as a mediator who facilitates learners' access to the target language, its modes of use, and its embedding in the culture and conventions of the relevant speech community. One of the key issues in language education is how the target language will be mediated, since the specificity of foreign language teaching lies in the fact that the language is both the subject of instruction and its medium.

In this regard, we encounter terms such as «language of instruction, language of mediation, or mediating language» (Šebesta et al., 2016: 49; Hrdlička, 2010: 217), all of which designate the code through which educational content is transmitted, and the teaching process is managed. This language fulfills several functions in instruction. M. Hrdlička (2010: 219) mentions communicative and contact functions, as well as

[3] She further identifies interlinguistic and social mediation as two additional specific types.

cognitive, directive, and metalinguistic functions. The metalinguistic function is often the most problematic: it is through a metalanguage that the functioning of the target language is described and explained. This requires considerable expertise, accuracy, and clarity if metalinguistic commentary is to be effective.

For foreign language teaching, a crucial question is whether to employ a mediating language. In other words, should instruction be conducted solely in the target language, or should an additional language be used? In the latter case, the mediating language may either be the mother tongue shared by teachers and students, or another language known to both parties. In the teaching of Czech as a foreign/second language, all of these models can be encountered in practice: instruction may be conducted entirely in Czech from the beginning; it may be conducted in the teacher's and students' shared native language (a frequent model at foreign bohemistic departments, especially at beginner levels); or it may involve a third language (most commonly English) particularly in heterogeneous groups, or even in homogeneous ones where students speak a language unfamiliar to the teacher.

Both approaches – teaching with and without a mediating language – have their advantages and disadvantages, as well as their supporters and critics. One advantage often attributed to teaching without a mediating language is that students are constantly and exclusively immersed in the target language, perceiving it in all its natural functions. According to L. Holá (2005: 35), the exclusive use of the target language by the teacher even motivates students to use it themselves, as they begin to perceive it as prestigious and strive to maximize its use. Another frequently mentioned benefit is that students do not have to switch between languages; moreover, in cases where knowledge of the mediating language varies, no one is disadvantaged. At the same time, current language pedagogy emphasizes the need to develop plurilingual competences in foreign language instruction (CEFR CV, 2018: 28–29). These competences are understood as the ability to use previously acquired knowledge of one or more languages when learning a new one. This involves conscious switching between languages and deliberate use of knowledge of their systems when building the system of a new language (Scott, 2016: 446). Importantly, this is not merely a superficial use of prior knowledge. Neurolinguistic research (Riehl, 2019: 175–190) has shown that when acquiring a new language, neural connections are formed that interlink with networks of already mastered languages. New connections can thus build on existing ones, leading to easier and more lasting retention of elements of the new language.

The disadvantages of teaching without a mediating language, on the other hand, include the minimization and necessary simplification of metalinguistic explanations, which can result in inaccurate understanding or misuse of forms (Hrdlička, 2010: 221). The challenges of conducting metalinguistic communication without a mediating language are also noted by S. Škodová and B. Štindlová (2007: 56), who argue that such instruction requires a simple, precise, and consistently applied metalinguistic code, ideally supported by visualization and grammatical signaling. Teaching without a mediating language is naturally more suitable for advanced learners, for whom the advantages clearly outweigh the drawbacks.

The advantages and disadvantages of using a mediating language are usually formulated in parallel, though in inverted terms. For instance, L. Holá (2005: 37) notes that metalinguistic explanation through a mediating language can accelerate and facilitate the learning process, and based on practical experience, she observes that students often request such explanations. The downside, however, may lie in insufficient competence in the mediating language on the part of either teacher or learners, which can result in communication noise or distortion.

The domain of pedagogical mediation is extensive, touching virtually all teacher activities related to transmitting content, i.e., the target language itself. The choice of a mediating language is but one of many

aspects to be resolved within this framework. Given the scope and focus of the present study, no further attention will be devoted to other aspects of pedagogical mediation, such as the mediation of grammatical rules or of cultural knowledge associated with the target language environment.

5. Teachers of Czech as a Foreign Language and Their Approach to Mediation

5.1. Research Design

To map how teachers approach mediation in their teaching practice, a two-phase study was conducted. The first step consisted of a questionnaire survey, followed by structured interviews with selected respondents in order to obtain more detailed data for the qualitative part of the research. Fifty teachers working in various institutions were contacted; relevant material was obtained from 45 respondents, teaching in academic courses (20), in commercial courses for the public (15), and in courses organized within the State Integration Program (10).

As mentioned above, this study is complementary to an earlier one (Hradilová, 2025), which examined students' preferences in the field of mediation and their competence in this skill. For this reason, some of the research premises and certain items in the questionnaires were identical. Research questions focused on the frequency of selected phenomena, using a scale of often – sometimes – rarely – never. In the questionnaires, these categories were defined as follows:

- often = systematically throughout every lesson,
- sometimes = unsystematically, as needed, not in every lesson,
- rarely = exceptionally, only when no other solution is possible,
- never = under no circumstances.

5.2. Teachers' Use of Mediating Language

As already noted, the use of a mediating language in facilitating the target language has both advocates and opponents, and the decision of whether to employ it (and which language to choose) is influenced by a range of variable factors, all of which should ultimately serve the benefit of learners.

The teachers we surveyed most frequently reported that they *sometimes* use a mediating language. In structured interviews, they clarified that they typically rely on a mediating language to explain grammar and to issue important organizational instructions when they wish to ensure that the message is clearly understood. At the same time, they emphasized that they view Czech as the target language, to which they give priority, and they therefore strive to maximize its use in classroom communication.

Roughly one-quarter of respondents (26%) stated that they *often* use a mediating language. This situation was typically explained by the fact that they were teaching beginners; in five cases, teachers referred directly to students' explicit requests that metalinguistic explanations be given in a language they know better than Czech, in which they still feel insecure.

A smaller portion of respondents (18%) reported using a mediating language *rarely*. This group included teachers of both advanced and beginner classes. In the case of beginners, many of these teachers worked in courses organized under the State Integration Program, which follows a unified methodology stipulating that instruction should be conducted exclusively in Czech as the target language. Teachers noted that they understood the rationale behind this recommendation, namely equal access to instruction in heterogeneous groups whose members often lack a shared language or have varying levels of proficiency in it. However, they also pointed out situations in which the use of a mediating language, even if understood

only by some participants, could significantly facilitate communication and help prevent misunderstandings or even conflicts.

Only a very small proportion of respondents (8%) claimed they *never* use a mediating language. These were teachers of highly advanced groups. This finding corresponds with results of the earlier study, which concluded that students at lower proficiency levels tend to prefer interlingual mediation, i.e., the involvement of languages other than Czech.

The most frequently used mediating language was English (78%), followed by Russian (12%). Other languages were mentioned individually. Respondents also noted that they occasionally use AI tools and machine translation to mediate content into languages familiar to their students (which need not necessarily be their mother tongue) in order to ensure clarity and avoid distortions in meaning (cf. Fig. 2).

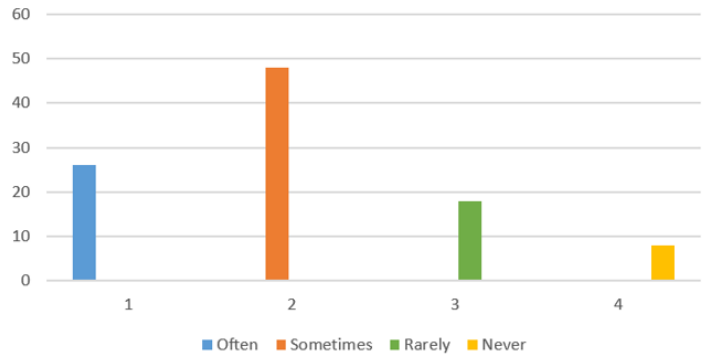

Figure 2. Teacher's use of mediating language

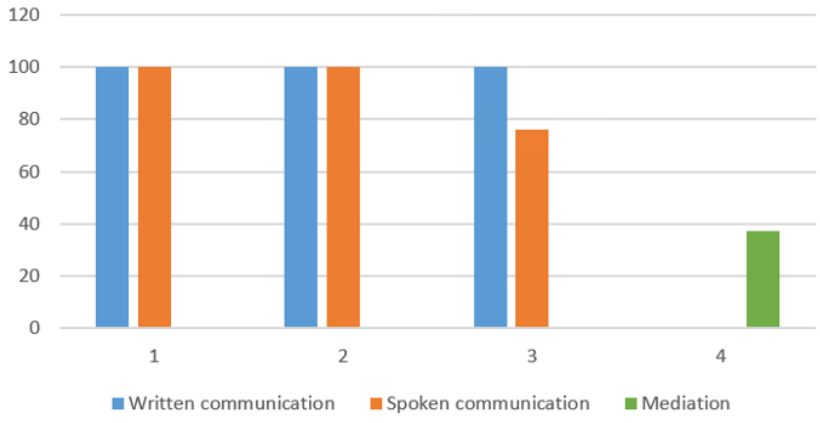
5.3 The Employment of Mediation and Approaches to its Development

In addition to the fact that the teacher serves as a mediator, they should, in accordance with the CEFR, also deliberately develop mediation skills in their learners. Respondents were therefore asked which communicative modes they focus on in instruction, how much importance they attach to them, and how much time they dedicate to them. Subsequently, the study examined which specific mediation activities teachers employ, as well as the stimuli and strategies they use for this purpose.

The first question revealed that teachers' awareness of mediation and its position within the system of communicative modes is relatively weak or distorted. Only 37.7% of respondents identified mediation as one of the modes they include in instruction (cf. Fig. 3). Moreover, even among this small group of respondents, mediation was assigned minimal importance: teachers emphasized traditionally recognized modes (also typically represented in textbooks and subsequently tested), such as reading and listening comprehension, productive writing, productive speaking, and spoken interaction. Mediation activities were most frequently included by respondents teaching courses organized under the State Integration Program, and somewhat less frequently by teachers in academic contexts (cf. Fig. 4). The likely explanation is that both groups of teachers are motivated toward systematic professional development and are thus more familiar with new findings and trends in language education. In both cases, it may also be assumed that teachers were responding to needs in mediation expressed by students.

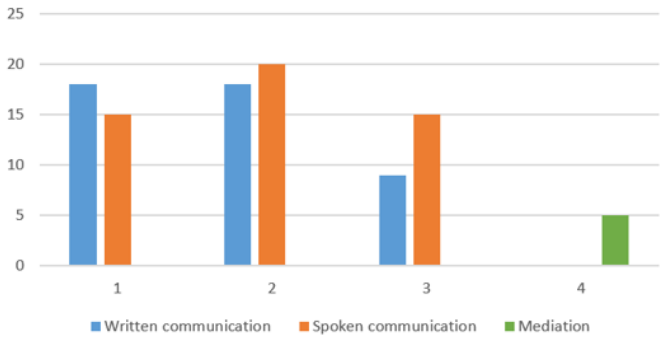
In academic settings, however, a somewhat misleading conception of mediation was also observed: it was interpreted in line with the older CEFR definition (2002) as institutionalized translation and interpreting. Two respondents, for instance, stated that they include mediation only in advanced groups, and that it is a competence required of only a small proportion of their students. Particularly concerning is the proportion of teachers who did not mention mediation at all among the communicative modes they focus on

in instruction. These respondents, however, clearly misunderstood the CEFR CV definition of mediation, since in subsequent parts of the questionnaire they reported including activities associated with mediation in the CEFR CV, and employing teaching strategies that in fact develop and support mediation competences.

1) Reception; 2) Production; 3) Interaction; 4) Mediation

Figure 3. Teacher's knowledge of communicative modes

1) Reception; 2) Production; 3) Interaction; 4) Mediation

Figure 4. Importance attributed to specific modes

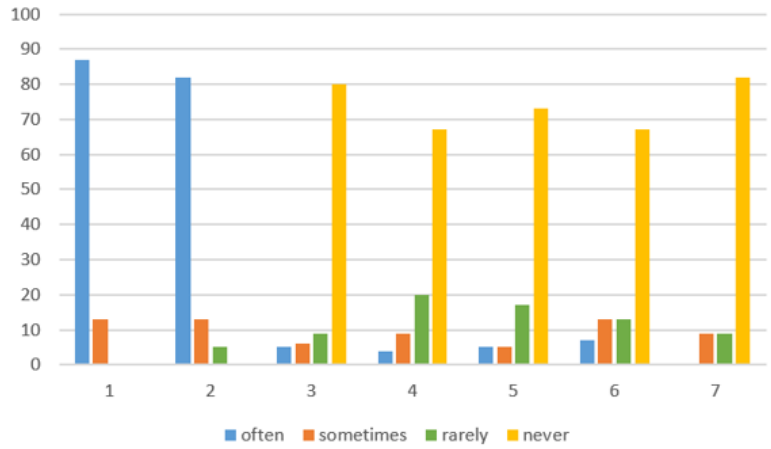
In line with the earlier study, respondents were presented with a selection of mediation activities as defined in the CEFR CV scales and were asked whether they incorporate these activities into their teaching, and with what frequency[4] (cf. Fig. 5). As already mentioned, some mediation activities can be developed through the building of competences in other communicative modes. Teachers agreed that the most frequent task was text summarization, often realized across modalities (e.g., oral summarization of a written text). However, this raises the question of whether summarization linked to reading comprehension can really be equated with summarization as a form of mediation. In the latter case, the social dimension is essential (see above), involving the selection of information and the use of formal means adapted to the needs and possibilities of the recipient of mediation. On one hand, mediation training may indeed build on

[4] Data on frequency: often – sometimes – rarely – never (see above for definitions).

strategies for developing other communicative modes; on the other hand, in such cases mediation amounts only to a partial operation.

Another strategy mentioned was the mediation of specific information. Respondents typically understood this as locating such information in a text, or as identifying and explaining a specific word or phrase that carried the essential content. Here again, the connection to reading (or listening) comprehension is evident, as is the absence of the social dimension of mediation, unless it is explicitly built into the exercise.

Teachers also reported occasionally working with creative texts (specifically, literary texts) and guiding students either toward subjective commentary or toward critical reflection. Less frequently, they mentioned the activity of data interpretation, which was usually employed by teachers in academic contexts. Activities such as note-taking from oral input and translation were reported by the majority of respondents as never being used.

1) Summarization of a text; 2) Mediation of specific information; 3) Taking notes from a spoken input; 4) Subjective evaluation of a creative text; 5) Critical analysis of a creative text; 6) Interpretation of data; 7) Translation

Figure 5. Teacher's preferences for mediation activities

When comparing teachers' and students' preferences (cf. Hradilová, 2025: 227–244), certain discrepancies become apparent. The most striking differences concerned activities such as translation, data interpretation, and note-taking, which teachers incorporated very rarely, whereas students considered them useful and applicable in practice – suggesting that they would welcome their inclusion in the curriculum. Conversely, students perceived mediation of creative texts as of little practical relevance and unnecessary, while teachers tended to incorporate it, likely due to its clear link with summarization and reading comprehension.

An optimal approach to developing mediation would be to align it with learners' real needs. An effective strategy may be the teacher's own example: the way in which the teacher practices mediation can serve as a model for students, who may then be guided to notice situations in which mediation occurs and to imitate the teacher's strategies in those contexts. To further increase the presence of mediation in instruction, existing activities designed for other modes can be adapted by incorporating the social dimension: for

example, by framing tasks with instructions such as «*convey this information to a specific person* or *summarize this text with a defined purpose and conditions*» (CEFR CV, 2018: 190, 208).

A particularly suitable approach for practicing (and possibly also assessing) mediation competences may be so-called integrated tasks, which have an intermodal character. This has been emphasized by V. Pechová (2023: 122–145), drawing also on international sources, who observed that everyday communication frequently involves situations where modes alternate and where multiple language skills are employed simultaneously. She specifically mentions situations that closely correspond to mediation activities, such as summarizing spoken or written input in either written or oral form. In mediation, however, a crucial factor is evaluating which pieces of information from the source are relevant to the recipient, and how to transmit them in a way that maximizes communicative benefit.

6. Conclusions

The study has shown that mediation remains an underestimated communicative mode in the teaching of Czech as a foreign/second language. Although firmly embedded in the current concept of the CEFR CV, teachers often devote only limited attention to it or confuse it with other communicative activities. This situation reflects not only the challenges of didactic implementation but also a lack of awareness among some teachers of what mediation entails as an independent mode.

The findings also revealed that teachers' and students' preferences diverge significantly in some respects. Students value the practical benefits of activities that teachers include only rarely (e.g., translation, data interpretation, or note-taking), while teachers favor activities linked to traditional competences, such as text summarization. These discrepancies need to be considered to ensure that mediation instruction meets learners' real needs.

Mediation competences can be effectively fostered through activities belonging to other communicative modes. What is decisive, however, is reinforcing their social dimension – that is, adapting the content and form of the message to the needs of the addressee. In this respect, integrated tasks, which combine several language skills and simulate authentic communicative situations, appear particularly promising.

The utilization of mediating language continues to represent a specific concern. It offers significant benefits, particularly at lower proficiency levels, where it facilitates comprehension and enables more accurate metalinguistic explanations. At the same time, it carries risks, such as reducing exposure to the target language or causing distortions in meaning. Its didactic use therefore requires careful, context-sensitive decisions tailored to the composition of the learner group.

Finally, the study highlights the teacher's irreplaceable role in developing mediation, not only as a facilitator but also as a model: the way the teacher practices mediation provides students with guidance and inspiration. This suggests that effective integration of mediation into instruction requires systematic methodological support and greater awareness among teachers of its importance.

Bibliography

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (2001). Cambridge University Press. https://rm.coe.int/1680459f97

Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. (2018). Council of Europe. https://icc-languages.eu/wp-content/uploads/2020/05/CEFR-Companion-Volume-with-new-descriptors-2018.docx.pdf

Dendrinos, B. (2006). Mediation in Communication, Language Teaching and Testing. *Journal of Applied Linguistics*, *22*(1), 9-35.

Dendrinos, B. (2013). Testing and Teaching Mediation. *Directions in English Language Teaching and Testing.* https://rcel.enl.uoa.gr/directions/issue1_1f.htm

Holá, L. (2005). *Učíme češtinu jako cizí jazyk*. Akropolis.

Hradilová, D. (2025). Mediation as One of the Communication Modes in Theory and Practice. *Bohemistyka, 2*, 227-244.

Hrdlička, M. (2010). Vyučovací jazyk a metajazyk ve výuce češtiny jako cizího jazyka. In Hasil, J., Hrdlička, M. & Pospíšilová, D. (eds.), *Čeština doma a ve světě*. UK FF, 217-224.

Boccou Kestřánková, M. (2025). Mediace a jedno z jejích prvních zpracovávání v českém kontextu. In Škodová, S. – Hudousková, A.: *Bohemistika 2021,* 20-33.

Machálek, T. (2019). *Slovo v kostce – agregátor slovních profilů*. FF UK. http://korpus.cz/slovo-v-kostce/

Pechová, V. (2023). Integrace řečových dovedností v testování češtiny pro cizince. *Bohemica Olomucensia*, *15*(2), 122-145.

Riehl, C. M. (2019) Neuroscience and plurilingual Education. In PICCARDO, E. *The Routledge Handbook of Plurilingual Language Education*. New York: Routledge, 175-190.

Scott, V. M. (2016). Plurilingual competence and language education. *Modern Language Journal, 100*(3), 442-450.

Šebesta, K., et al. (2016). *Cizí jazyky a jejich vyučování*. Karolinum.

Škodová, S. & Štindlová, B. (2007). *Výuka cizích jazyků v teorii a praxi*. Portál.

Stathopoulou, M. et al. (2023). *Mediation in teaching, learning & assessment (METLA): A teaching guide for language educators*. Council of Europe. https://www.ecml.at/Portals/1/6MTP/project-stathopoulou/documents/METLA-mediation-guide-EN.pdf

VOWEL E–ZERO ALTERNATIONS IN BULGARIAN ADJECTIVES WITH SUFFIX -EN: LINGUISTIC GENERALIZATIONS AND TEACHING APPLICATIONS

Gueorgui Hristovsky
University of Lisbon & Center of Linguistics of the University of Lisbon
Antonia Radkova
University of Sofia

1. Introduction

This study examines the morphophonological environments in which the vowel *e* alternates with zero in Bulgarian adjectives derived with the suffix *-en*. In addition to this descriptive objective, the research addresses both theoretical and practical aims: identifying the conditioning factors of the alternation, evaluating the role of syllable structure, and discussing whether the phenomenon is best characterized as epenthesis, elision, or another process. We also explore how linguistic analysis can be simplified for Bulgarian language teaching, making abstract concepts more accessible to learners.

Since the emergence of generative phonology (Chomsky and Halle, 1968), vowel insertion or deletion, the loss of diachronic weak yers, and the appearance of so-called *synchronic yers* (Rubach, 1984) have sparked ongoing debate. These phenomena serve as testing grounds for various theoretical models, which evolve rapidly - each new theory often displacing previous «final» explanations.

Our approach applies some more recent linguistic concepts to better understand vowel-zero alternations. This includes models of internal sound structure, prosodic theory, and syllabification. Earlier generative linguists like Halle (1959), Lightner (1965, 1972), Steele (1973), Scatton (1975), and others lacked tools such as Feature Geometry, Autosegmental and Prosodic Phonology, and Syllable Theory, which emerged in the late 1970s and early 1980s. The classic model by Chomsky and Halle (1968) did not treat the syllable as a structured linguistic unit nor address the phonology-morphology interface.

These gaps began to be filled by works on syllable theory (e.g., Kahn, 1980) and Lexical Phonology (Kiparsky, 1982, 1985; Mohanan and Mohanan, 1984; Booij and Rubach, 1987; Rubach, 1993), deepening our understanding of phonological-morphological interaction[1].

[1] An analysis of phonology requires preliminary considerations regarding (i) the structure of phonological representations—whether linear or multilinear, underspecified or fully specified, the chosen model, the use of autosegments (and the criteria for autosegmentalisation), and so on; (ii) the architecture of the grammar, namely the level at which alternations operate—stem, word, or phrase; and (iii) the means by which linguistic generalizations are expressed—rules, constraints, conventions, and so forth. Developing all these aspects would likely have doubled the length of the article. Our primary goal was to describe in detail the contexts in which the vowel of the suffix *-en/n* is deleted or retained, and to extract generalizations and relatively simple rule formulations that could be readily converted into pedagogical rules. These generalizations and patterns may, of course, be formalized using the notation appropriate to the phonological model adopted, but that was not the main purpose of this work. The relevant models were presented and discussed in Hristovsky (2001) and in his subsequent publications. As noted in the introduction, our intention was to simplify the formal language of theoretical phonology into relatively accessible formulations suitable for pedagogical use.

2. Possible approaches to describe the presence or absence of the vowel *E* in the suffix *-EN*

Let us examine adjectives whose stems end in a single consonant (first column) and are inflected with vowel suffixes (second column). Translation of adjectives and gender and number of the inflected forms are indicated in the third column:

Root/stem+en	Adjective + vowel suffix	English translation
дреб+ен	дреб+н+о	*small* → neuter singular
основ+ен	основ+н+о	*basic* → neuter singular
вод+ен	вод+н+а	*watery* → feminine singular
багаж+ен	багаж+н+и	*luggage-related* → plural
цинич+ен	цинич+н+о	*cynical* → neuter singular
улич+ен	улич+н+ия(т)	*street-related* → masculine definite
успеш+ен	успеш+н+а	*successful* → feminine singular

Table 1: Adjectives with stems ending in a single consonant

Regardless of the theoretical framework, there are some logical possibilities that can be used to explain the vowel *e-zero* alternation in the adjectives from Table 1.

- Elision: *e* is dropped in the right column; an explanation is needed for its retention in the left.
- Epenthesis: *e* is inserted in the left column; why not in the right?
- Abstract phonological structure: *e* appears due to underlying structure, akin to Trubetzkoy's (1939) archiphoneme or generative abstract segment (Chomsky & Halle, 1968).
- Allomorphy: Left column uses the allomorph +*en*, right uses +*n*, with phonology playing a reduced role.
- Indexed rules/constraints: Specific morpheme sets trigger deletion of *e* under certain conditions.
- Mirror of previous indexing: Only +*n* exists, and *e* is inserted in particular root-suffix combinations.

Most of these approaches, arguably with the exception of the latter, have been adopted as working hypotheses in the phonological literature on a range of Slavic languages. With respect to Bulgarian, abstract phonological representations of the yers have been proposed by Scatton (1975), Zec (1988), and Jetchev (1999). While Scatton and Zec analyze yers as [−tense] vowels, Jetchev (1999) advances an analysis in which yers are represented as floating vowels that inhibit syllabification[2].

A distinct proposal is put forward by Hristovsky (2001), who argues that yers should be represented as *inert vowels* at the lexical level. The notion of inertness is theoretically motivated within the framework of *Combinatorial Specification in Grounded Phonology* (Archangeli & Pulleyblank, 1994), which uniquely allows for the coexistence of [+F], [−F], and [0F] feature specifications. The [0F] value, understood as an inert feature or an inert node in a feature-geometric representation, is employed to encode the Root-node features [+vocoid] and [+sonorant]. These features are central to the representation of segmental sonority, which is widely acknowledged as the primary phonetic-phonological parameter governing the prosodification of segmental strings.

Within Hristovsky's approach, yer vocalization is analyzed as the activation of previously inert features, some kind of epenthesis of sonority within a pre-existing phonological structure in a set of clearly determined contexts (generally but not only, near unsyllabified consonant). This type of epenthesis crucially

[2] This representation integrates Rubach's (1993) notion of the floating vowel with the blocking effect proposed by Szpyra (1992).

differs from standard vowel epenthesis, in which a vowel segment is inserted, thereby introducing sonority into the segmental string.

Regarding the vowel–zero alternation observed in Slavic languages, Kavitskaya (2024, p. 94) makes the following observation:

> However, most existing synchronic analyses of vowel–zero alternations hold that they are nonetheless phonologically conditioned, the alternating vowels differing from full vowels representationally, for instance, being underlyingly underspecified for certain properties or represented as floating melodic segments (Rubach, 1984, 1986, 2016; Szpyra, 1992; Rowicka, 1999; Gussmann, 2007, among others). Some analysts, however, treat the alternations as morphologically conditioned (e.g., Gouskova, 2012[3], but see Rubach's 2013 response).

3. Brief Overview of This Alternation in the Works of Bulgarian Linguists

The phonological changes in adjective formation have been widely studied. Terms like «phonetic change» (Stoyanov, 1983) and «sound change» (Nicolova, 2008) are commonly used. There is no consensus on whether the phenomenon involves elision, epenthesis, or another kind of alternation.

Stoyanov (1983) supports elision, while Totomanova (2001) describes it as epenthesis - vowel insertion between final consonants. Yer epenthesis is well-documented in historical phonetics as a result of weak yer loss. Its occurrence between obstruent and sonorant consonants must be viewed within the broader phonetic evolution of Bulgarian (Totomanova, 2001; Totomanova, 2014).

Jetchev (1999) and Hristovsky (2001, 2021) distinguish epenthetic *ъ* [ə] from vocalised back yer (/U/ → [ə]), asserting that Bulgarian only exhibits epenthesis of *ъ*, not *е*, which stems from front yer vocalisation (/I/ → [e]). Hypothetical synchronic yers do not coincide, in all cases, with the diachronic ones found in Old Church Slavonic and Old Bulgarian. They appear in borrowings, and in all cases their existence needs to be proven by relatively simple tests (cf. Hristovsky, 2021). Bulgarian additionally needs tests to distinguish obstruent-sonorant roots possessing *ъ* [ə], generated from epenthesis, from *ъ* [ə], generated from yer vocalization (cf. Hristovsky, 2021).

Bulgarian linguists classify adjectives that retain the vowel *е* in all forms using semantic criteria: relative adjectives, those denoting material origin, colour adjectives, and phonological criteria - those stressed on *-ен*. However, many exceptions exist. For instance, adjectives like *памучен (pamuchen) [cotton], железен (zhelezen) [iron], златен (zlaten) [golden], сребърен (srebaren) [silver], каменен (kamenen) [stone], воден (voden) [water]* do not follow these patterns and lose their *е* when followed by vowel suffix.

Though traditionally treated morphologically, phonological explanations are also mentioned. According to Stoyanov (1983), Bulgarian syllable structure prevents a vowel from being separated by an obstruent and a sonorant. Thus, in words like *стъклен* (*stâklen*[4]) or *маслен (maslen)*, dropping *е* would result in unpronounceable forms (**стъкла (*stâklna)*, **масла (*maslna*)). Stoyanov's (1983) study adopts a phonological approach, aiming to clarify syllable boundaries and sound hierarchy, but in a small group of adjectives where sharply increasing sonority in clusters is observed.

---

[3] We would like to clarify that Gouskova's analysis is phonological in nature, formulated within Optimality Theory as developed by Prince & Smolensky (1993) [2004]. At the same time, it is inspired by Pater's (2010) proposal that certain phonological rules or constraints may apply within morphologically delimited domains, that is, within closed or restricted morphological classes, without thereby constituting a strictly morphologically conditioned analysis.

[4] The symbol â is used to transliterate the mid-central Bulgarian vowel ъ represented with the phonetic symbols [ə] and [ɤ].

4. Data Selection and Description of *E*~Zero Alternation

To analyse the root/stem final segments that precede -e, all adjectives ending in *-en* were extracted (Hristovsky, 2001) from the Reverse Dictionary of Contemporary Bulgarian (Georgieva, Ivanova, Penchev, & Stankov, 1975), and examined for *е* ~ zero alternations in their inflected forms. Jetchev (1999) also discusses this alternation, focusing too on metathetic roots, where the vowel *ъ* shifts position relative to *р* or *л* (e. g. *връх (vrâh)~ върхът(vârhât) ~ върхове (vârhove) ~ връхна (vrâhna*)).

These studies offer a comprehensive view of the environments where *е* alternates or remains. Based on initial observations, three general patterns emerge:

- Alternation occurs: *болен (bolen) [ill masculine] – болна (bolna) [ill feminine]*, *устен (usten) [oral masculine] – устна (ustna) [oral feminine]*, *нервен (nerven) [nervous masculine] – нервно [nervous neutral]*
- No alternation: *лимонаден (limonaden) [limonade masculine] – лимонадена (limonadena) [limonade feminine]*, *лампен (lampen) [lamp masculine] – лампена (lampena) [lamp feminine]*, *сватбен (svatben) [wedding masculine] – сватбено (svatbeno) [wedding neutral]*
- Mixed cases: *Mixed cases: копривен (kopriven) [nettles masculine] - копривена / копривна (koprivena/ koprivna) [nettles feminine], гъбен (gâben) [mushroom masculine] (– гъбена / гъбна (gâbena/ gâbna) [mushroom feminine]*

In mixed cases, alternation in all cases corresponds to semantic differences. For example, *гъбена (gâbena) [mushroom feminine]* refers to mushroom soup, whereas *гъбна (gâbna) [mushroom feminine]* relates to fungi as microorganisms. These distinctions cannot be predicted by meaning or other tokens and must be memorized. However, in this particular case, the examples suggest that Bulgarian employs two morphophonologically distinct suffixes, each capable of producing different meanings from the same root. In other words, the choice between the alternating and non-alternating suffix is determined by the intended meaning.

5. Phonological Contexts and Patterns in Forming Adjectives with the Suffix -en

To identify rules or patterns, we must examine a broad set of adjectives and isolate recurring forms for linguistic analysis. Regardless of how rules are defined, they aim to describe how phenomena occur under specific conditions in a predictable way. A rule improves upon its predecessor if it covers more grammatical forms—including previous exceptions—or explains the phenomenon more clearly and consistently. According to generative grammar, patterns and constraints emerge where information is predictable. If grammatical structures and processes are unpredictable, no model can reliably describe them.

Initial data review suggests organizing adjectives into subgroups based on shared traits (see Hristovsky, 2001, 2021).

- Final sound of the root: consonant, vowel, or glide;
- Number of final consonants in the root;
- Consonant clusters preceding -en whether conform to the Sonority Sequencing Generalization[5] and, where they do, whether they also satisfy the Dissimilatory Condition by exhibiting a sufficiently large sonority distance[6];

[5] The *Sonority Sequencing Generalization* states that within a syllable, sonority: rises from the syllable margin toward the nucleus, falls from the nucleus toward the margin.

[6] The *Dissimilatory Condition* (or *Minimum Sonority Distance Principle*) determines the degree of sonority difference permitted between two adjacent elements belonging to the same syllable (cf. Harris, 1983). This difference may be stipulated in absolute numerical

- Place and manner of articulation and their role in preserving or omitting *е*. [labial], [coronal], and [dorsal] articulations, as defined in Clements and Hume's (1995) Feature Geometry Model, were examined in the CC clusters.

5.1. Adjectives with Roots Ending in One Consonant

Examples like *дребен → дребно (dreben → drebno) [petty, trivial]; воден → водна (voden → vodna) [watery, aquatic]; багажен → багажни (bagazhen → bagazhni) [luggage-related]; циничен → цинично (tsinichen → tsinichno) [cynical]* show typical vowel-zero alternation in the suffix. This occurs in most adjectives ending in a single consonant (over 75%). When followed by a vowel or vowel-initial suffix, «е» is usually not pronounced phonetically.

5.2. Adjectives with Roots Ending in Two Consonants

More complex are cases where the root ends in two consonants of adjectival +*en*. Many alternations can be predicted by analyzing the consonants' properties and their ability to form complex syllable codas. In binary syllable structure, the coda represents the syllable's structure end. The most common model uses a branching rhyme (see Fig. 1):

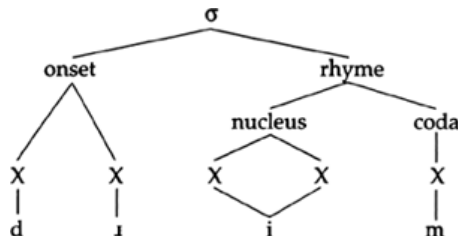

Figure 1. Syllable structure in the binary model: σ → Onset, Rhyme; Rhyme → Nucleus, Coda (Blevins, 1995: 216).

This applies independent of using allomorphs or abstract phonological segments. Describing the syllabic status of the root/stem final consonants is key to identifying patterns. A core principle from Jespersen (1922), later used by Selkirk (1984), states that each syllable element leading to the nucleus must show increased sonority or a plateau (Clements, 1990; Blevins, 1995: 210). Clements' sonority scale ranks sounds from high to low: vowels > glides > liquids > nasals > obstruents, with fricatives above stops in some versions.

Our hypotheses are:

- Certain consonant clusters before the suffix +*en* can form grammatical codas that allow the vowel *е* to drop when followed by a vowel suffix. These clusters show decreasing sonority toward the syllable's edge.
- Other clusters cannot form complex codas and prevent *е* from dropping, forcing it to become the nucleus of a new syllable. These show increasing sonority toward the syllable's edge.
- Clusters with a sonority plateau behave differently and can be grouped separately, with examples provided below.

values if phonological segments, ordered on a scale of relative sonority, are assigned values based on their distribution within the syllables of the language in question. The present study does not aim to construct a sonority scale indexed for Bulgarian; rather, we will clearly indicate the cases in which the sonority distance is insufficient and does not allow the integration of two consonants into a legitimate complex coda.

5.2.1. Adjectives with Roots Ending in Clusters of Rising Sonority

Adjectives like *стаблен → стаблена (stablen → stablena) [stem-related (pertaining to a plant stem)]; иглен → иглено (iglen → igleno) [needle-like]; тухлен → тухлени (tuhlen → tuhleni) [brick]* (as noted by Stoyanov, 1983, inter alia) show that when a root ends in an obstruent followed by a sonorant, the suffix -en is phonetically realized. These sonorants can't form a grammatical coda with the previous syllable, nor can they integrate into the complex onset of the next syllable due to their high intrinsic sonority, so the vowel *e* remains.

5.2.2. Adjectives with Roots Ending in Two Consonants, Second Being a Labial Obstruent

These adjectives fall into two subgroups:

Group A: examples of adjectives keeping the vowel *e* in the suffix *-en* when inflected with vowel suffix:

dazhb+en → dazhb+en+i [*food ration-related (masculine singular) → food ration-related (plural)]*

izb+en → izb+en+o [*cellar-related (masculine singular) → cellar-related (neuter singular)]*

svatb+en → svatb+en+a [*wedding-related (masculine singular) → wedding-related (feminine singular)]*

pochv+en → pochv+en+I [*soil-related (masculine singular) → soil-related (plural)]*

tikv+en → tikv+en+a [*pumpkin-related (masculine singular) → pumpkin-related (feminine singular)]*

kotv+en → kotv+en+a [*anchor-related (masculine singular) → anchor-related (feminine singular)]*

lamp+en → lamp+en+o [*lamp-related (masculine singular) → lamp-related (neuter singular)]*

bomb+en → bomb+en+I [*bomb-related (masculine singular) → bomb-related (plural)]*

Group B — Vowel -e is not realized phonetically:

Here, the vowel -e disappears before the inflectional ending:

- rezerv+en → rezerv+n+o [*reserve-related (masculine singular) → reserve-related (neuter singular)*]
- nerv+en → nerv+n+a [*nervous (masculine singular) → nervous (feminine singular)*]
- bez+mâlv+en → bez+mylv+n+i [*speechless (masculine singular) → speechless (plural)*]

Though all roots/stems end in a consonant followed by a labial obstruent, only Group B drops the vowel. Why? According to Clements' sonority scale (1990): vowels > glides > liquids > nasals > obstruents, it seems that the key difference lies in sonority distance.

In Group B, clusters like [lv] and [rv] have a two-step sonority gap and rising sonority toward the syllable nucleus *(.re.zerv.no*), allowing *e* to drop. In contrast, [mp] has only a one-step gap, so «e» remains *(.lam. pen – *lamp.no*). The same happens in words with the structure of *kotv+en*, where the sonority distance is zero, showing clearly that such clusters can't form grammatical codas and must retain the vowel.

5.2.3. Adjectives with Roots Ending in Two Sonorants

Adjectives whose roots end in two sonorant consonants show a plateau in sonority (both sounds have equal or similar intrinsic sonority).

Examples:

zeml+en → zeml+en+a (land-related *(masculine singular)* → land-related *(feminine singular)*]

gârl+en → gârl+en+o (throat-related *(masculine singular)* → throat-related *(neuter singular)*]

kazarm+en → kazarm+en+a (barracks-related *(masculine singular)* → barracks-related *(feminine singular)*]

firm+en → firm+en+i (company-related *(masculine singular)* → company-related *(plural)*]

zârn+en → zârn+en+i (grain-related *(masculine singular)* → grain-related *(plural)*]

The vowel «e» in the suffix +en is retained, indicating that two sonorants cannot form a complex coda in the middle of a word.

5.2.4. *Adjectives with Roots Ending in a Consonant Followed by the Coronal Obstruent «ch» (ч)*

Adjectives ending in a consonant followed by «ch» retain the vowel «e» in all forms. This is due to the phonological nature of «ch», which often results from palatalization (e.g., k → ch), for example:

mravk+a → mravch+en → mravch+en+a [ant-related *(masculine singular)* → ant-related *(feminine singular)*]

yabalk+a → yabalch+en → yabalch+en+a [apple-related *(masculine singular)* → apple-related *(feminine singular)*]

lyulk+a → lyulch+en → lyulch+en+a [cradle-related *(masculine singular)* → cradle-related *(feminine singular)*]

pirinch → pirinch+en → pirinch+en+o [brass-related *(masculine singular)* → brass-related *(neuter singular)*]

slyunk+a → slyunch+en → slyunch+en+a [saliva-related *(masculine singular)* → saliva-related *(feminine singular)*]

dâsk+a → dâsch+en → dâsch+en+i [wooden *(masculine singular)* → wooden *(plural)*]

Affricates like *«ch» (ч)* are complex sounds with both stop and fricative components. Their structure seems to prevent them from forming a grammatical coda with the preceding consonant, making the vowel *«e»* necessary for proper syllabification. Bulgarian phonology appears to treat the sound *«ch» (ч)* as if it were composed of two segments. If it were a simple coronal obstruent, there would be no problem forming a complex coda, as we will see below.

5.2.5. Adjectives Ending in a Cluster with a Coronal Obstruent (Excluding «ch»)

nadezhd+en → nadezhd+n+a [hope-related (*masculine singular*) → hope-related *(feminine singular)*]

zvezd+en → zvezd+n+a [star-related (*masculine singular*) → star-related *(feminine singular)*]

avangard+en → avangard+n+a [avant-garde-related (*masculine singular*) → avant-garde-related *(feminine singular)*]

bez+sulz+en → bez+sulz+n+a [tearless (*masculine singular*) → tearless *(feminine singular)*]

suffix+en → suffix+n+a [suffix-related (*masculine singular*) → suffix-related *(feminine singular)*]

perverz+en → perverz+n+i [perverse (*masculine singular*) → perverse *(plural)*]

strikt+en → strikt+n+o [strict (*masculine singular*) → strict *(neuter singular)*]

okult+en → okult+n+o [occult (*masculine singular*) → occult *(neuter singular)*]

These roots end in a consonant followed by a coronal obstruent. Typically, the first consonant has higher sonority or forms a plateau with the second one. Exceptions like [ks] are not problematic for syllabification, as Rubach (2013) argues that Slavic languages tolerate plateaus and even reversed sonority in obstruent clusters.

However, the data presented in this paper challenge Rubach's claim. Taking into consideration the Sonority Sequencing Generalization (SSG), we observe that clusters ending in a labial obstruent permit vowel deletion only when sonority decreases by two steps—e.g., *nervno, rezervno*. In all other cases, such as *tikveno* and *kotvena*, the vowel *e* remains, indicating that plateau clusters cannot form complex codas when the sonority distance is shorter than two steps. Rubach's suspension of SSG also doesn't apply to clusters

ending in «ch». If it did, «ch» would behave like a regular coronal obstruent and allow vowel deletion, which doesn't happen, for example, in dâsch+en+i.

The data observed so far confirm our hypothesis that some consonant clusters before the suffix +en can form codas that let the vowel «e» drop when followed by a vowel suffix. These are the clusters where sonority decreases toward the syllable's edge.

Other clusters can't form complex codas and won't let «e» drop, making it the nucleus of a new syllable. Clusters with a sonority plateau act differently.

5.3. Adjectives with Roots Ending in a Glide

In adjectives like *чаен → чайна (chaen → chayna) [tea-related]; боен → бойна (boen → boyna) [combat-related, military]*, the glide «y» disappears before the vowel *e*, but reappears when *e* is dropped. In Bulgarian, «y» (й) often drops before front vowels, except at the beginning of some foreign words like *йезуит (yezuit) [Jesuit]* and *йерархия (yerarkhiya) [hierarchy]*. This is because palatalized consonants or glides typically don't occur before front vowels.

5.4. Adjectives with Roots Ending in Three or Four Consonants

Bulgarian has few adjectives with roots ending in three or four consonants. In all examples the vowel «e» is retained before a vocalic suffix: *гостбен → гостбена (gostben → gostbena) [dish-related]; жертвен → жертвена (zhertven → zhertvena) [sacrificial]; мострен → мострена (mostren → mostrena) [sample-related]; екстрен → екстрено (ekstren → ekstreno) [emergency-related]; нравствен → нравствена (nravstven → nravstvena) [moral]; единствен → единствена (edinstven → edinstvena) [unique]; бедствен → бедствена (bedstven → bedstvena) [disaster-related]*. These forms show that Bulgarian syllables do not allow more than two consonants in the coda, and only some combinations are allowed. Keeping «e» triggers syllable restructuring (resyllabification) and full prosodic integration, e.g., *eks.tre.no*, *bed.stve.na*.

5.5. Summary

Our analysis shows that the vowel «e» in +en retention depends on whether the preceding consonant or glide is part of the previous syllable's coda.

Rule A: The vowel «e» cannot drop if the preceding consonant isn't part of the previous syllable.

This highlights the link between syllable structure and vowel retention. The vowel tends to drop unless the dropping is blocked by a non-syllabified element.

Rule B: The vowel «e» also cannot drop before a consonant that isn't part of the next syllable.

Examples where «e» drops: *дребно (drebno) [petty, trivial]; водна (vodna) [watery, aquatic]; багажни (bagazhni) [luggage-related]; цинични (tsinichni) [cynical]; чайна (chayna) [tea-related]; бойно (boyno) [combat-related]; авангардна (avangardna) [avant-garde]; стриктно (striktno) [strict]; нервни (nervni) [nervous]; резервна (rezervna) [spare]*. If we remove the vocalic suffix and leave them in masculine form—*drebn*, *vodn*, *bagazhn*, etc.—they become ungrammatical. The final *n* sits outside the syllable, violating two phonological rules: (i) no three-consonant in coda and (ii) no obstruent-sonorant clusters at syllable coda (coincidental in these examples with word edge).

General Rule C: The vowel «e» in +en cannot drop if the consonant before or after it doesn't belong to the adjacent syllable.

For example, in *usten*, *e* stays because *n* would be left out of the syllable. But in *ustna*, *e* can drop since two coronal obstruents can form a complex coda (see 5.2.5). On the contrary, in *svatbena*, *e* remains because the cluster with a labial obstruent can't form a valid coda (see 5.2.2.A).

6. Other Phonological Changes in Forming Adjectives with -en

6.1. Coronalization and Depalatalization

The suffix *-en*, whether or not *e* is pronounced, triggers phonological changes like palatalization and coronalization.

- *ts* from *ulitsa* becomes *ch* in *ulich+en* and *ulich+n+a* (even when «е» is dropped).
- Velars *k, g, h* shift to *ch, zh, sh* in adjectives like *uspech+en* (from *uspeh*), *tsinich+en* (from *tsinik*), and *nabozh+en* (from *bog*). These changes occur regardless of whether «е» is pronounced, suggesting they're independent of vowel realization.
- In adjectives like *pât+en* and *kon+en*, the underlying consonant is palatalized (seen in forms like *pâtʲ+ât* [pətʲ+ət] and *konʲ+yât* [kónʲ+ət]) but loses its palatal feature before front vowels or consonants—e.g., *konche* [kón+tʃe], *kon+en*.

6.2. Interaction of Two Alternating Vowels in One Adjective

In adjective formation, the root may contain an alternating vowel: *компютър – компютри – компютърен* (kompyutâr – kompyutri – kompyutâren) [*computer - computer-related]*, *сребро – сребърен – сребърни* (srebro – srebâren – srebârni) [*silver - silver related]*, *филтър – филтърен – филтърни* (filtâr – filtaren – filtârni) [*filter – filter related]*, *котел – котлен / котелен* (kotel – kotlen / kotelen) [*boiler - limestone / boiler-related]*, etc. This reflects two parallel phonetic realizations of a single phonological phenomenon. It should be viewed as a unified process, especially since both alternating yer vowels «е» and «ъ» may interact within the same form. Their behavior depends on the syllabic status of adjacent consonants. This topic requires detailed analysis with numerous examples, which the authors plan to explore in a separate study.

7. Exceptions

In this section, adjectives with the suffix *-en* retain the vowel *e* in all forms, even when the root ends in one consonant. These adjectives fall into two groups: those with stressed *e* and those without.

7.1. Adjectives with Stress on the Suffix *-En*

In all examples that follow stress falls on *-e-* of the suffix *-en*: *дръзновен (draznoven) [bold]; обикновен (obiknoven) [ordinary]; неприкосновен (neprikosnoven) [inviolable]; откровен (otkroven) [frank]; почтен (pochten) [honest]; съвършен (savarsen) [perfect]; свещен (sveshten) [sacred]; баклавен (baklaven) [baklava-related]; кадифен (kadifen) [velvety]; мукавен (mukaven) [cardboard-related]; тестен (testen) [doughy]; студен (studen) [cold]; солен (solen) [salty]*, etc.

The phonological patterns of stress in Bulgarian constitute a complex topic, and a comprehensive review of research in this area falls beyond the scope of the present discussion. For current purposes, it is sufficient to note that, phonetically, the stressed vowel occupies a position of psychological prominence, characterized by increased duration and/or intensity. This prominence renders stressed vowels stable and resistant to processes such as elision or deletion. Moreover, stressed positions are where vowel quality and length are most distinctly realized, in contrast to unstressed positions, where vowel reduction is common.

These observations underscore the resilience of stressed vowels against phonological processes that would otherwise diminish their perceptual salience (Alderete, 2001)[7].

7.2. Adjectives with Unstressed but Retained -*En*

Examples include: *особен* (osoben) [*special*]; *шоколаден* (shokoladen) [*chocolate*]; *лимонаден* (limonaden) [*lemonade*]; *леден* (leden) [*icy*]; *какавиден* (kakaviden) [*pupal*]; *миден* (miden) [*mussel*]; *пирамиден* (piramiden) [*pyramidal*]; *керемиден* (keremiden) [*tile-related*]; *портокален* (portokalen) [*orange fruit-related*]; *карамелен* (karamelen) [*caramel*]; *канелен* (kanelen) [*cinnamon*]; *фланелен* (flanelen) [*flannel*]; *ванилен* (vanilen) [*vanilla*]; *кехлибарен* (kehlibaren) [*amber*]; *цигарен* (tsigaren) [*cigarette*]; *седефен* (sedefen) [*pearl*]; *картофен* (kartofen) [*potato*]; *конячен* (konyachen) [*cognac*]; *амонячен* (amonyachen) [*ammonia*]. Historically, most adjectives with *-en* derive from Old Church Slavonic (Old Bulgarian) -ьн, while those denoting material origin often come from -ѣнъ. The former includes a yer vowel that alternates depending on whether -н- is syllabified. The latter contains a yat vowel before a front yer, which consistently surfaces as *е* (e.g., *мяст+о – мест+ен*). Although the front yer in -ѣнь no longer exists synchronically, the phonetic realization of е reflects its diachronic presence. The two suffixes later merged phonologically and are no longer distinguished in modern Bulgarian (Lunt, 1974; Dobrev, 2018).

Some material-origin adjectives still follow the general rule and drop the vowel during inflection: желязна (zhelyazna) [iron (feminine)]; хлебни (hlebni) [bread-related (plural)]; памучен (pamuchen) [cotton (masculine)], etc. In conclusion, the use of a stable *-en* suffix is influenced by semantic, lexical, and morphological factors, warranting separate investigation.

8. Suggestions for Teaching the Phenomenon in Bulgarian as a Foreign Language

One major challenge in teaching Bulgarian is simplifying its detailed linguistic description into a format accessible to learners without specialized training in linguistics. Linguistic and phonological analysis differ in nature and goals from language teaching materials. Phonology examines sound systems, sometimes relying on abstract representations, whereas language teaching focuses on the practical acquisition of concrete speech sounds. Teachers must convert theoretical insights into clear, logical rules that non-specialists can grasp.

Theoretical phonology provides models of how sounds and prosody are organized in the mind (e.g., representing phonemes, features, tone tiers, constraints). Phonological theories like generative phonology (Chomsky & Halle, 1968), which posits abstract underlying forms and derivational rules, though they may seem abstract, inform language teaching by highlighting which sound patterns are systematic vs. marked, predicting which features will be most difficult for learners.

Although theoretical phonology has a high level of abstraction, which is not suitable for the classroom context, a substantial body of research demonstrates that phonological theory has clear explanatory and predictive value for language teaching. By modeling how sound systems are structured and constrained, phonological theories contribute to the identification of systematic versus marked patterns (Chomsky & Halle, 1968) and the development of pedagogically meaningful instruction.

Also, phonology examines the full sound system, but teaching targets a specific communicative minimum at each level. Instruction should emphasize phenomena that pose difficulty for learners and may

[7] This article introduces *antifaithfulness constraints* to account for patterns of deletion and other alternations that standard faithfulness rankings can't derive, e.g., how some segments resist deletion in certain contexts.

skip those that don't. For example, words like *копривен* (kopriven) [*nettle-related]* and *пиринчен* (pirinchen) [*brass-related*] may illustrate phonological rules but are irrelevant for lower-level learners, likely appearing only at the C2 level.

Morphological markers (in this case, it's derivational affixes -en and -n) are often realized through phonological alternations. Learners with less precise phonological representations may fail to detect these alternations reliably, which in turn affects their ability to analyze word structure and generalize morphological rules, as is shown in the experimental study of the role of frequency in learning morphophonological alternations (Tomas, Demuth & Petocz, 2017). This study thus supports morphophonological accounts of language development, according to which morphological awareness is partly dependent on phonological access to word forms.

To simplify linguistic complexity, teaching strategies often include:

- Focusing on typical cases and frequency;
- Prioritizing structural clarity, even if it means omitting sub-rules or exceptions;
- Using clear meta-language and minimizing technical terms for non-linguists;
- Emphasizing frequency of phenomena, rules, and exceptions;
- Adapting to the learner's proficiency level (A1, A2, B1, etc.).

8.1. Phonological Model for Teaching Bulgarian Adjectives with the Suffix -*En*

This section aims to reframe phonological rules for forming adjectives with *-en* into short, clear guidelines suitable for teaching Bulgarian as a foreign language.

Rule: The basic rule is that adjectives with the suffix *-ен* in the masculine singular indefinite form take the suffix *-н* in the masculine singular definite form, as well as in the feminine, neuter, and plural forms.

Exceptions*:*

1. Adjectives with stress on *-en* retain the suffix in all forms (e.g., студен (studen) – студения(т) (studenija) [cold] *masculine singular*, студената (studenata) [cold] *feminine singular*, студеното (studenoto) [cold] *neutral singular*, студените (studenite) [cold] *plural.*
2. Adjectives whose root/stem ends in 3 or 4 consonants keep -en in all forms (e.g., художествен – художественият – художествената – художественото – художествените (*khudozhestven – khudozhestveniyat – khudozhestvenata – khudozhestvenoto – khudozhestvenite*) [artistic; the artistic (masc. – fem. – neut. – plural, definite)].
3. Adjectives with roots ending in 2 consonants may follow the main rule or be exceptions. Those ending in a consonant + *l, m, n, r, ch, b, v, p* (transliterations of л, м, н, р, ч, б, в, п) retain vowel *e* in *-en*. If the second consonant is coronal obstruent d, z, s, t (transliterations of д, з, с, т), then 'e' is omitted.

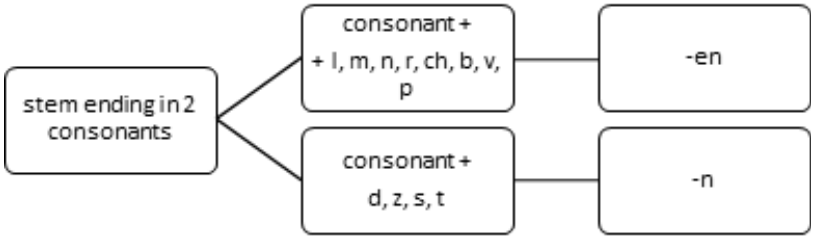

Figure 2. Adjectives ending in 2 consonants

It seems impractical in teaching practice to justify exceptions based on increasing, decreasing, or flat sonority within the syllable, or on the phonetic or phonological characteristics of the sounds, since this would require a metalinguistic, and more specifically phonological, background that learners typically do not possess.

8.2. Lexical Exceptions

The three exceptions to the main rule discussed above have a phonological basis. To these, we must add exceptions introduced as individual words, i.e., exceptions based on lexical grounds. Our proposal is that such words should not be taught as part of grammar. We find it impractical to present these words as a rule, as is common in most Bulgarian theoretical grammars, which state that many relational adjectives formed with the suffix *-en* and denoting the material origin of the described object do not drop the vowel *е*. Some words indicating material origin, such as *памучен – памучни* (pamuchen – pamuchni) [*cotton]*; *железен – железния* (zhelezen – zhelezniya) [*iron*]; *златен – златно* (zlaten – zlatno) [*golden]*, etc., represent exceptions of the exception, which complicates the presentation of the phenomenon and would certainly challenge the learners. If we examine the distribution of these words across language proficiency levels, very few adjectives denoting materials that retain the suffixal *е* appear at basic levels (A1, A2, B1), such as *дървен* (dârven) *[wooden]*. Most adjectives indicating material origin are not frequently used and thus appear at advanced levels of language learning, such as *лимонаден* (limonaden) [*lemonade-related*]; *копривен* (kopriven) *[nettle-related]*, etc.

Further clarification is needed regarding the teaching of words ending in *-en* to foreign-language learners. First are the adjectives *червен* (cherven) [*red*]; *зелен* (zelen) *[green]*, which do not drop *е*. For these, it may be more appropriate to focus on stress rather than presenting them as lexical exceptions for color adjectives, since this would immediately require introducing the exception to the exception, namely, the adjective *черен – черна* (cheren – cherna) *[black]*.

The second group of problematic words in teaching are adjectivized participles (e.g., *отворена врата* (otvorena vrata) [*open door*]; *затворени прозорци* (zatvoreni prozortsi) *[closed windows]*, whose classification as a part of speech may confuse non-linguists. At beginner levels such as A1 and A2, it is advisable to present them as exceptions, and only at higher levels, when participles are introduced as a verb form, should the rule be taught separately for adjectives and participles.

9. Conclusion

This study examines in detail the phonological and morphophonological aspects of the formation of Bulgarian adjectives with the suffix *-en*. The main goal is to provide a comprehensive description of the environments in which morphophonological changes occur in these adjectives, analyzing various factors related to the behavior of the vowel *е*. The theoretical models applied help to understand the objective conditions and contexts of these changes and to formulate clear rules for their prediction and explanation.

The findings underscore that the presence or absence of the vowel *е* is conditioned by phonological factors, particularly the nature of the final consonant or consonant cluster in the root or stem of adjectives. A central conclusion concerns the role of the syllable coda: certain consonant clusters permit the omission of *е*, while others necessitate its retention, depending on whether they constitute a complex syllable coda. We have identified and categorized the consonant clusters (CC) that allow *е* to be dropped, as well as those for which suppression is not possible. Additionally, exceptions have been noted that arise from phonological

properties or the historical evolution of the Bulgarian language. Finally, we recommend incorporating these linguistic insights into the methodology for teaching Bulgarian as a foreign language.

Bibliography

Alderete, J. (2001). *Dominance effects as transderivational antifaithfulness. Phonology, 18*(2), 201-253. https://doi.org/10.1017/S0952675701004067

Archangeli, D. B., & Pulleyblank, D. (1994). *Grounded phonology* (Current studies in linguistics, Vol. 25). MIT Press.

Blevins, J. (1995). The syllable in phonological theory. *Language, 71*(4), 782-818.

Booij, G., & Rubach, J. (1987). Postcyclic versus postlexical rules in lexical phonology. *Linguistic Inquiry, 18*(1), 1-44.

Chomsky, N., & Halle, M. (1968). *The sound pattern of English*. Harper & Row.

Clements, G. N. (1990). The role of the sonority cycle in core syllabification. *Theoretical Linguistics, 17*(3), 204-234.

Clements, G. N., & Hume, E. (1995). The internal organization of speech sounds. In J. A. Goldsmith (Ed.), *The handbook of phonological theory* (pp. 245-306). Blackwell.

Dobrev, I. (Ed.). (2018). *Избрани трудове по медиевистика* [Selected works on medieval studies] (T. Dimova & others, Eds.). University Publishing House «St. Kliment Ohridski». *Medievistika*.

Georgieva, E., Ivanova, K., Penchev, I., & Stankov, V. (Eds.). (1975). *Obraten rechnik na savremenniya balgarski ezik* [Reverse dictionary of contemporary Bulgarian]. Bălgarska akademiya na naukite.

Gouskova, M. (2012). Unexceptional segments. *Natural Language & Linguistic Theory, 30*(1), 79-133. https://doi.org/10.1007/s11049-011-9142-4

Gussmann, E. (2007). *The phonology of Polish*. Oxford University Press.

Halle, M. (1959). *The sound pattern of Russian: A linguistic and acoustical investigation* (with an excursus on the contextual variants of the Russian vowels, L. G. Jones). Mouton.

Harris, J. W. (1983). *Syllable structure and stress in Spanish: A nonlinear analysis*. MIT Press.

Hristovsky, G. (2001). *Alternâncias vocálicas e consonânticas do búlgaro* [Vowel and consonant alternations in Bulgarian] (Doctoral dissertation, University of Lisbon).

Hristovsky, G. (2021). Vowel-zero alternation in root-final obstruent–sonorant clusters in modern Bulgarian: Is [ə] an epenthetic vowel or a vocalised yer? *Slavonica, 26*(2), 164-173. https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13617427.2021.1996161

Jespersen, O. (1922). *Language: its nature, development and origin* (H. Goddard, Trans.). George Allen & Unwin. (Original work published 1904)

Jetchev, G. (1999). *Ghost vowels and syllabification: Evidence from Bulgarian and French* (Doctoral dissertation, Scuola Normale Superiore).

Kahn, D. (1980). *Syllable-based generalizations in English phonology*. Routledge.

Kavitskaya, D. (2024). Phonologically conditioned alternations. In D. Šipka & W. Browne (Eds.), *The Cambridge handbook of Slavic linguistics* (pp. 87-103). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108973021.006

Kiparsky, P. (1982). *From cyclic phonology to lexical phonology*. In H. van der Hulst & N. Smith (Eds.), *The structure of phonological representations* (Vol. I, pp. 131-175). Foris.

Kiparsky, P. (1985). Some consequences of lexical phonology. *Phonology, 2*, 85-138.

Lightner, T. (1965). *Segmental phonology of modern standard Russian* (Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology).

Lightner, T. (1972). *Problems in the theory of phonology*. Linguistic Research.

Lunt, H. G. (1974). *Old Church Slavonic grammar* (6th ed.). Mouton.

Mohanan, K. P., & Mohanan, T. (1984). Lexical phonology of the consonant system in Malayalam. *Linguistic Inquiry, 15*(4), 575-602.

Nicolova, R. (2008). *Bulgarska gramatika: Morfologiya* [Bulgarian grammar: Morphology]. Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski».

Pater, J. (2010). Morpheme-specific phonology: Constraint indexation and inconsistency resolution. In S. Parker (Ed.), *Phonological argumentation: Essays on evidence and motivation* (pp. 123-154). Equinox.

Prince, A., & Smolensky, P. (1993) [2004]. *Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar* (Technical report No. 2). Rutgers University Center for Cognitive Science.

Rowicka, G. J. (1999). *On ghost vowels: A strict CV approach*. Holland Academic Graphics.

Rubach, J. (1984). *Cyclic and lexical phonology: The structure of Polish*. Foris.

Rubach, J. (1986). Abstract vowels in three-dimensional phonology: The yers. *The Linguistic Review, 5*(3), 247-280. https://doi.org/10.1515/tlir.1986.5.3.247

Rubach, J. (1993). *The lexical phonology of Slovak*. Oxford University Press.

Rubach, J. (2013). Exceptional segments in Polish. *Natural Language & Linguistic Theory, 31*(4), 1139-1162. https://doi.org/10.1007/s11049-013-9204-x

Rubach, J. (2016). Polish yers: Representation and analysis. In E. Cyran, H. Kardela, & B. Szymanek (Eds.), *Sound, structure and sense: Studies in memory of Edmund Gussmann* (pp. 233-255). Wydawnictwo KUL.

Scatton, E. (1975). *Bulgarian phonology*. Slavica.

Selkirk, E. (1984). *Phonology and syntax: The relation between sound and structure*. MIT Press.

Steele, R. D. (1973). *The segmental phonology of Contemporary Standard Polish* (Doctoral dissertation, Harvard University).

Stoyanov, S., et al. (1983). *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik: Tom 2. Morfologiya* [Grammar of contemporary Bulgarian literary language: Vol. 2. Morphology]. Izdatelstvo na Bălgarskata akademiya na naukite.

Szpyra, J. (1992). Ghost segments in nonlinear phonology: Polish yers. *Language, 68*(2), 277–312. https://doi.org/10.2307/416942

Tomas, E., Demuth, K., & Petocz, P. (2017). The role of frequency in learning morphophonological alternations: Implications for children with specific language impairment. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research, 60*(5), 1316–1329. https://doi.org/10.1044/2016_JSLHR-L-16-0138

Totomanova, A. M. (2001). Za istoriyata na epentetichnite erove v balgarskiya ezik [On the history of epenthetic yer vowels in Bulgarian]. *Paleobulgarica, 25*(2), 21–25.

Totomanova, A. M. (2014). *Iz balgarskata istoricheska fonetika* [From Bulgarian historical phonetics] (3rd ed.). Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski».

Trubetzkoy, N. S. (1939). *Grundzüge der Phonologie* [Principles of phonology]. Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 7.

Zec, D. (1988). Bulgarian ə-epenthesis: A case for moraic structure. *Proceedings of the North East Linguistic Society, 18*, 553–566.

ЧЕРТЫ ПИСЬМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В СЕТИ «ИНСТАГРАМ»

Liudmila Hušková
Charles University

1. Введение

Современные технологии каждый день оказывают сильное влияние на формирование современного русского языка и новых форм коммуникации. Общение в интернете является особым видом взаимодействия людей, благодаря чему в современном языке можно говорить не только об особой форме существования речи, но и о свойственных этой форме особых грамматических средствах, чему и будет посвящена статья.

Электронное общение в современном мире имеет множество форм: это могут быть электронные письма, смски, чаты, посты и т.д. Для каждого из названных видов коммуникации характерны разные функции, из чего следует, что они могут отличаться друг от друга. Между ними существуют и общие черты: это использование лексических и грамматических средств письменной разговорной речи, которая находится на пересечении письменной и устной речи.

Описанию различных особенностей языка интернета уже посвящены работы Е. И. Литневской, М. Ю. Сидоровой, А. А. Кибрика, М. Б. Бергельсон, Д. Бибера, Д. Кристала, Н. Г. Трофимовой, Л. Ю. Иванова и многих других. Несмотря на это, актуальность работы обусловлена тем, что письменная разговорная речь находится пока в процессе формирования, и этот пласт языка описан не до конца. Целью настоящей статьи является характеристика грамматических конструкций, свойственных письменной разговорной речи. При этом рассматриваются грамматические средства, которые наиболее наглядно проявляются в письменной интернет-коммуникации, в том числе форма интенсива, незамещённая синтаксическая позиция, описывается грамматическая роль смайликов (эмотиконов) в комментариях как одном из видов письменной разговорной речи.

В современной лингвистике письменная разговорная речь рассматривается часто как письменная форма бытования разговорной речи. Термин «письменная разговорная речь», предложенный Е. И Литневской, наиболее полно отражает суть явления. Согласно её определению, разговорная речь – «это спонтанная (неподготовленная) речь в контексте неформальной (неофициальной) личностно ориентированной коммуникации» (Литневская, 2011: 109). В современном мире она существует в двух формах: в устной и в письменной. В настоящей статье рассматривается письменная форма бытования разговорной речи.

Некоторые учёные подчёркивают промежуточный статус письменной разговорной речи:

> «Our analyses lead us to conclude that online registers are a different mode of communication, neither spoken nor written, with individual variation across different types of online registers» [Наш анализ позволяет заключить, что онлайн-регистры представляют собой отдельный способ коммуникации, который нель-

зя отнести ни к устной, ни к письменной речи, с учётом индивидуальных особенностей разных онлайн-регистров] (Ehret & Taboada, 2021).

А. А. Кибрик при рассмотрении электронной коммуникации также отмечает её особый статус: «Подобно письменному дискурсу, электронный модус использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолётностью и неформальностью» (Кибрик, 2009: 9).

Одной из главных особенностей письменной разговорной речи является её стихийность: интернет «провоцирует воспроизводить даже заранее подготовленные тексты с эффектом спонтанности, неподготовленности» (Трофимова, 2009: 82).

Таким образом, письменная разговорная речь в чатах представляет собой особую разновидность языка, сочетающую в себе мимолётность реакции человека и письменную форму речи с возможностью изменения высказывания, использования невербальных компонентов (смайлики, реакции, заглавные буквы и другие графические символы) и отсутствием выраженной интонации. Исследователи письменной разговорной речи сходятся во мнении, что этот вид коммуникации следует анализировать отдельно, опираясь на знания и законы устной речи и учитывая возможности письменной формы. Так, в электронной коммуникации возможна задержка отправки сообщения, его редактирование, выбор текстовой или графической формы выражения эмоций и т.д. С функциональной же точки зрения электронное послание, подобно устной реплике, является средством неформального общения, и это часто определяет набор использованных лексических и грамматических средств: «Дело в том, что многие письменные тексты выполняют те же функции, что и устная разговорная речь. <…> Вполне естественно, что общие задачи приводят к использованию сходных языковых черт» (Сидорова и Савельев, 2008: 398).

2. Материалы и методы.

В работе проанализированы чаты в «Инстаграм» как один из видов интернет-коммуникации. Единицы для анализа были отобраны методом сплошной выборки среди комментариев в сети «Инстаграм», посвящённых обсуждению знаменитостей, что объясняется тем, что в этих чатах высказываниям бывает свойственна эмоциональность и экспрессивность. Для характеристики грамматических особенностей использовались сравнительно-сопоставительный метод, количественный и функционально-семантический анализ.

Все тексты в «Инстаграме» можно разделить на несколько групп: посты, комментарии и теги. Посты – это тексты блогеров, рассчитанные на эмоциональный отклик аудитории. Посты знаменитостей обладают ярко выраженной эмоциональностью и выполняют эмоционально-экспрессивную, апеллятивную и коммуникативную функции. Каждый из этих текстов является семантически законченным отрывком, сочетающим в тебе определённые авторские особенности с эмоционально-экспрессивной подачей, рассчитанной на отклик аудитории. Чем больше человек напишет комментарии к посту, тем более популярным считается автор. По словам М. Ю. Сидоровой, «эти не цензурируемые, индивидуально-авторские тексты в жанровом отношении представляют собой «гремучую смесь» автобиографичности и функциональности, спонтанного письма и художественной обработанности, ориентации на устно-разговорную стихию и «попыток литературы» (Сидорова, 2006: 57).

Каждый пост сопровождается тегами, то есть особой формой ключевых слов, которые используются для описания сути поста. Они выполняют в тексте в первую очередь фатическую и поисковую, а также социально-идентификационную и экспрессивно-эмоциональную функции.

Комментарии как форма чата обладают всеми преимуществами живой разговорной речи и являются письменным отражением непосредственной реакции человека на текст, видео или фото. В них особенно ярко проявляются особенности письменной разговорной речи, что связано со спецификой их функционирования. В. Ю. Нестеров называет это бытийной функцией чатов: «Чат – это не клуб знакомств и не представление, это реальная жизнь, проживаемая в иначе организованном мире. Посетители чата не общаются в нём, они в нём живут» (2017). Также реплики в рассматриваемых чатах часто выполняют эмоционально-экспрессивную функцию: «Чат становится не только любимой и захватывающей игрой, но и местом (часто — единственным), где человек может встретить дорогих и близких ему людей» (Нестеров, 2017).

При описании комментариев важно учитывать мультимодальность этого типа письменной разговорной речи, которая создаёт особый эмоционально-экспрессивный эффект. Термин «мультимодальность» используется в науке для обозначения текстов, «объединяющих разные семиотические компоненты» (Детинко, Куликова, 2017: 34). В данном случае использованные в комментариях смайлики будут рассмотрены с грамматической точки зрения, как часть структуры комментария.

Чаты были проанализированы под постами, отобранными на основе следующих рейтингов популярности:

1. AllWeb.ru (ТОП-10 самых популярных Instagram-блогеров в России (2025) Январь 2025 года.
2. TopReytings.ru — Рейтинг Instagram по количеству подписчиков. 26 мая 2025 года.
3. Yoloco.io — Кто имеет больше всего подписчиков в Instagram. Декабрь 2024 года.

По данным рейтингов были отобраны 5 блогеров, которые использовали для развития тексты как одну из составляющих успеха и подписчики которых оставляли текстовые комментарии под постами. Всего было рассмотрено более 300 текстовых комментариев, которые были проанализированы с грамматической точки зрения. Для описания выявленных в ходе анализа особенностей письменной разговорной речи отобраны наиболее наглядные примеры. Все комментарии приведены в оригинальном варианте с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Индивидуальные ники пользователей не фиксировались по этическим причинам, что соответствует рекомендациям по работе с современными медиа: «researchers have an important duty to maintain the anonymity and protect the identity of posters of social media content» [исследователи обязаны обеспечивать анонимность и защищать личность пользователей, публикующих контент в социальных сетях] (Ford et al., 2021).

3. Результаты

Комментарии к постам часто являются непосредственной реакцией на инфоповод: «В современной лингвистике, изучающей виртуальные формы коммуникации, существует широко распространенное мнение о том, что виртуальная онлайн-коммуникация представляет собой гибридную – письменно-звуковую форму речи» (Голев, 2013: 14). Возможно, именно поэтому для выражения напряжённых сильных эмоций комментаторы используют регистр, то есть визуально выделяют часть текста или весь комментарий при помощи больших букв: «Потому что вы **МАМА** 😍

👏 💚 », «Одета 😂 ,**УЖАС**,какой то. 😭 Особенно гольфы», «**САМАЯ БОМБОВАЯ И ХАРИЗМАТИЧНАЯ** 😍 🔥 💚 🔥 », «Досмотрела ... **ВОТ ЭТО КОЛЯ ДАЛ** ! я думала такие уж отношения Ксения давно проработала ...», «Оля супер 🔥 Это ж надо и спорт в такую жару выдерживать, макияж носить под палящим солнцем и на ногах весь день..просто **ВАУ**!»

М. А. Кронгауз так описывает эту графическую особенность: «Активно используется регистр, то есть прописные и строчные буквы. Причём многие считают, что прописные буквы — это просто аналог громкости. Используются также разные шрифты и т.д.» (Кронгауз, 2009). Можно предположить, что прописные буквы используются не только как аналог громкости, но и как средство эмоционально-экспрессивного выделения интонационной вершины высказывания. Графическое выделение характерно как для междометий (*вау*), так и для слов с выраженной эмоционально-оценочной окраской (*ужас, дать*). Слово *мама* в первом комментарии благодаря выделению также приобретает определённое оценочное значение. Оно обозначает не просто «женщину по отношению к рождённым ею детям» (Кузнецов, 2000), но и актуализирует определённые социальные представления о матери (опыт, знания, особенное отношение к детям и т.д.).

Также могут использоваться одинаковые буквы, что свидетельствует о замедлении темпа речи и растягивании слогов. В некоторых репликах эмоциональная составляющая высказывания подчёркивается при помощи добавления смайликов: «Сколько **сирениииии**! 😍», «**Мдаааааа**, сколько за это платят 🤦‍♀️ 🤦‍♀️ 🤦‍♀️», «🤣 🤣 🤣 **оооо** вот это вы придумали!», «**Фуууууу** какой мерз……й», « 💚 💚 💚 😍 👏 **ваааауууу**», **«**Боже, Ксюша, **кааак** красиво !!!!!»

Множественное повторение букв служит графическим аналогом интонационного растягивания слов в устной речи, что выступает средством передачи эмоционально-оценочного отношения автора реплики и приближает её к устной форме общения. Из чего следует, что использование регистра можно считать одним из способов расширения способов передачи эмоционально-оценочного отношения.

Это позволяет говорить о письменной разговорной речи как об особенной разновидности языка, в которой используются особые средства. М. А. Кронгауз пишет: «Все эти примеры подтверждают сказанное выше: коммуникация в Интернете ставит задачу обогащения письменной формы языка» (Кронгауз, 2009). Некоторые из описанных приемов используются для компенсации отсутствия интонации в письменной разговорной речи без потери эмоциональности.

Особенности функционирования письменной разговорной речи сказываются и на грамматической структуре высказываний. По словам Е. И. Литневской, «РР обладает значительной формальной и смысловой компрессией из-за общей апперцепционной базы адресанта и адресата и общей конситуативности речи. Эти же признаки порождают особенности разговорного синтаксиса» (2011: 110). Несмотря на полилогическую структуру, интерфейс платформы «Инстаграм» фиксирует высказывания в хронологической последовательности, что для подписчика выглядит как диалог с блогером. Одним из грамматических средств, свидетельствующих об этом, является форма незамещённой синтаксической позиции: конструкция, в которой «не выражены те или иные члены, необходимые в грамматическом или семантическом отношении» (Земская, 2011: 136). Е.А. Земская пишет о важности и распространённости незамещённых синтаксических позиций как особенности разговорной речи: «компоненты с обратной валентностью, являющиеся необязательными для соответствующих господствующих членов (необязательные распространители глаголов-предикатов, прилагательные-определения, числительные при существительных) проявляют особую активность

в РР как сигналы незамещённых позиций» (Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981: 204): «Очень красивый образ) кудряшки очень **идут** 😍», «Боже как **идет** наряд», «Да, главное **не растерять** . Пусть все задуманное исполнится ...😍», «Просто Оля склонна к полноте . А с возрастом это прям тяжело **контролировать** . Вот немного дала себе слабину, итог. Лишний вес».

В первом и втором примере наблюдается незамещённая валентность глагола ***идти*** в значении «быть к лицу», который требует дополнения в дательном падеже без предлога. (кому идёт?) Очевидно, что подразумевается автор поста. Можно сравнить с формами, в которых есть необходимое дополнение в дательном падеже без предлога: «Это состояние лёгкости офигеть, как **тебе идёт**! 👐💟💧», «Уау, как Круто.., **Вам** очень **идёт**..».

В третьем примере незамещённая валентность переходного глагола ***растерять*** указывает на тесную связь высказывания с коммуникативной и ценностной позицией блогера, что свидетельствует о частичной общности апперцепционной базы блогера и подписчика. Конструкция выглядит как продолжение диалога, на что указывает согласие комментатора.

Неполные предложения – ещё одна характерная черта диалогической речи, которая находит отражение в чатах: «На Софию Ротару **похожа», «**А че так **напряжена** 😂**лопнет** щас», «**Расцвела** 😍😍😍», «Ох **как поправилась», «Не искренний и нервный**, присмотритесь получше», «Какая красота 💟 **и вы** …. И букет … необыкновенный», «**Какая ты**😍».

В первых примерах реализуется конструкция с нулевым подлежащим (кто похож? кто напряжён? кто расцвёл? кто поправился?). Об этом свидетельствует обратная валентность кратких прилагательных в роли предикатива. Пропущенный субъект восстанавливается благодаря общей апперцепционной базе участников коммуникации и визуальному сопровождению. По словам Е. А. Земской, «конструкции такого рода понятны лишь в определённых условиях. Вне определённой конситуации они допускают множественность осмыслений» (Земская, 2011: 137).

В предпоследнем примере опущен предикат, вместо него стоит многоточие, служащее графическим средством выражения высшей степени положительной эмоциональной оценки.

В последнем примере в качестве маркера незамещённой синтаксической позиции используется частица-интенсификатор ***какая***, указывая на максимальную степень положительной эмоциональной оценки (например, какая красивая, какая привлекательная). Необязательный компонент коммуникации (частица-интенсификатор при отсутствующей форме прилагательного) сближает подобные конструкции с устной разговорной речью, в которой отсутствующий компонент восстанавливается по ситуации.

Частицы, которые являются служебными частями речи и часто используются в письменной разговорной речи, также можно назвать маркерами эмоционально акцентированной позиции. Одним из таких грамматических явлений является форма интенсива, которая представляет собой полнознаменательные слова (существительные, прилагательные, глаголы, предикативы) с присловной частицей-интенсификатором ***как, какой, так, такой***. Для формы интенсива характерно «акцентирование (подчёркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно высокая степень), обобщение, оценка» (Лекант, 2011: 74). Высказывания с использованием формы интенсива можно разделить на несколько групп:

1. «**Какая куколка** без косметики 😍», «**КАКАЯ ЖЕ** ВЫ **КРАСИВАЯ», «Какая красота** 💟 и вы …. И букет … необыкновенный», «Оляяяя **какая красивая** боже», «**Какая ши-**

карная 😍», «**Какая же** ты **умничка**! Расти, цвети, будь счастлива💓💓», «**Какие** девочки **красивые** 😍», «**Какая прелесть** 😍 😍 😍», «**какая** вы **мудрая** 😍», «**Какой сладкий** малыш.», «**Какая шикарная 😍», «Какая красивая 😍».**

В первой группе собраны высказывания с положительной эмоциональной оценкой. В большей части примеров в первой группе частица-интенсификатор стоит в начале высказывания. В разговорной речи «говорящий начинает речь с главного, существенного элемента сообщения» (Земская, 2011: 150). Эта же тенденция наблюдается в письменной разговорной речи в чатах: для говорящего важно начать высказывание с частицы, указывающей на эмоциональность сообщения. Во втором примере используется набор большими буквами для графического выделения высказывания, что также указывает на высокую степень экспрессивности и эмоциональности. В некоторых случаях эмоциональная составляющая высказывания подчёркивается путём добавления смайликов.

2. «без макияжа **как** ей **хорошо** 😍», «**Как сильно знакомо** 😁», «**Как** мне **знакома** ее боль 💔», «Это **так круто !** Классные фотографии получились 😍».

Во второй группе высказываний частица-интенсификатор прибавляется к предикативу и к наречию. Однако во втором случае высказывание выглядит неестественно с точки зрения семантической корреляции слов: наречие ***сильно***, по всей вероятности, используется в значении «очень» (Кузнецов, 2000), то есть характеризует степень проявленности признака, и частицы-интенсификаторы обычно не употребляются в подобных случаях, поскольку они тоже указывают на высокую степень проявления признака. Кажется, что это высказывание, как и многие высказывания разговорной бытовой речи, было изменено в ходе речи (в данном случае в ходе набора на клавиатуре).

3. «**Какая пустышка!** Тьфу бл», «**КАК** ТЫ **НАДОЕЛА**!!!!! 👎 👎 👎», «**Такая** улыбка **натужная», «Душно то как** стало, прям как телевизор включил..».

В третьей группе собраны высказывания с отрицательной оценкой. Эмоциональность в них подчёркивается сочетанием формы интенсива с бранным междометием, использованием регистра для указания на повышенный тон высказывания и смайликов.

В чатах мы можем видеть и форму интенсива, состоящую из частицы и смайлика, выполняющего роль полнознаменательного слова: «Нууу **какая** 😍», «Ух **какая** Роскошная 💚 💚 💚 💚».

По форме частицы (***какая***) можно заключить, что смайлик используется вместо пропущенного прилагательного (например, какая красивая). В другом случае прилагательное следует после набора смайликов, что тоже можно считать одним из признаков сближения комментариев с устной разговорной речью, в которой используются двувершинные высказывания, под которыми понимаются тексты, «имеющие два интонационных центра, между которыми находятся интонационно ослабленные части» (Земская, 2011: 154), причём в письменной разговорной речи эти высказывания могут выстраиваться посредством сочетания графических и текстовых элементов. Смайлики в этом случае служат средством обогащения письменной разговорной речи и используются в комментариях для выражения мимолётности и непосредственности реакции. «Живая письменная речь стремится их, во-первых, тем или иным способом сохранить (передать с максимальной точностью дискурсивные особенности звучащей речи), а во-вторых, изыскать свои собственные возможности для передачи субъективно-модальных смыслов (смайлики – яркая иллюстрация последних)» (Голев, 2013: 16).

Смайлики в комментариях используются для усиленного акцентирования эмоционально значимых лексем. Эти высказывания по структуре можно рассматривать как мультимодальные, потому что в них тоже последовательно прослеживается взаимодействие смайлика и текста, что служит для акцентирования эмоционально-экспрессивной вершины высказывания: «**Шикарная** с не-

терпением жду завтрашний выпуск 😍», «Без мейка **супер**! 👍 Намного лучше 😍», «**Шикарная** 🌺 🌸 🌿 🌼 🌻 🌷 🌷 », «Олечка **беременная** 🤰 ❤», «**Лучшая** 💚 💚 💚 смех 🔥 🔥 🔥 », «Самая **искренняя, добрая** 💚 ».

Во всех примерах смайлик дублирует семантически и эмоционально значимую вершину высказывания, в некоторых случаях высказывания заканчиваются после смайлика, в других высказывание может продолжаться.

Интересно рассмотреть примеры, в которых смайлики частично компенсируют незамещённую синтаксическую позицию, превращая комментарий в мультимодальное высказывание: «Такой пост надо публиковать Ане, она точно на ЗОЖ, **без** 🚬 🚽 », «Ну, что за прекрасная мама и 😍 🙏 таких прекрасных девочек 😍 🙏 💣 », «Такая милая! **Образ** 🔥 🔥 🔥 🔥 », «**Какая красивая** 😍 **образ** 🔥 🔥 🔥 », «О Бузова **ты** 🔥 », «**Надо просто быть** 💚 », «Ну **прям** 😤 », «Зашла почитать про позу матери - 😂 😂 😂 **тоже», «**Любуюсь вашими картинками 🥹 💕 💚 **Есть чему** 😍 Ну конечно же **можно** 💚 👐 Какая прелесть 🥹 Конечно!», «Ох уже это взгляд назад 🔥 🔥 🔥 **Ольга** ❤ 😍 🤤 ».

В первом примере предлог требует существительного в форме родительного падежа, однако эта позиция замещена двумя разными смайликами, иллюстрирующими вредные привычки. В некоторых примерах смайлик выполняет функцию сказуемого (***образ прекрасен*** или ***ты прекрасна***, например), главного члена предложения (***смеюсь тоже***) или его части (***можно восхищаться***).

В примере ***Ну прям*** 😤 частица ***прям*** обладает обратной валентностью и указывает на опущенную форму предикатива и усиливает эмоциональную окраску высказывания, то есть этот комментарий является ярким примером мультимодального высказывания.

В примерах смайлики не только выполняют функцию компенсации незамещённой синтаксической позиции, но и добавляют эмоциональную и модальную информацию, которая в устной речи передавалась бы интонацией. Вполне вероятно, что «яркие картинки-символы, представляющие целую гамму чувств, способны восполнить нехватку зрительного контакта и придать сообщению эмоциональность и выразительность живого общения» (Кольцова, Карташкова, 2022: 776). За счёт этого возникает мультимодальное высказывание: в нём присутствуют вербальный и визуальный компоненты, которые позволяют правильно понять авторскую позицию.

Примеры, в которых мультимодальность достигается использованием смайлика вместо сказуемого при наличии подлежащего («**образ** 🔥 », «**ты** 🔥 », **«надо быть** 💚 », «Ольга ❤»), можно считать производными от следующих примеров: «**образ Огнище** ...», «**образ Огнище** ... Лёгкий, соблазнительный, кайфовый!», «**Образ** 🔥 🔥 **классный».**

Как видно, в первых примерах вместо смайлика используется слово ***огнище***, которое, по всей видимости, выполняет ту же эмоциональную функцию. В третьем примере экспрессивность высказывания подчёркивается использованием смайлика. Это двувершинная грамматическая конструкция, в которой мультимодальность достигается использованием графической и текстовой формы выражения эмоциональности и экспрессивности.

В высказывании «**Образ просто пушка бомба питарда** 😍 💚 » эмоциональность достигается за счёт градации. Использование на месте сказуемого именительного представления описано уже у Е.А. Земской. Она пишет о высказываниях, в которых предикативные отношения между двумя именительными представления соотнесены «с оттенком их отождествления, идентификации» (Земская, 2011: 169). Там, где в разговорной речи используется именительный представления, в языке ин-

тернета возникают смайлики, которые не только являются одним из средств выражения мимолётности сообщения, но и позволяют акцентировать опущенный, то есть заменённый член предложения.

Разновидностью высказываний с незамещённой синтаксической позицией принято считать эллиптические предложения: «Ксюша, **побольше внимания Марусе** 🙏💚😄. Без обид☺», **«Что с зубами?**😳черные», «**Че с зубами?», «Перья чепчик не в тему**😂😂😂😂. Удивить не получилось 😂», «**Каждый день все краше и краше** 😍. Ну какова красота а)».

В конструкциях с опущенным глаголом можно только предполагать, что в первом примере, по всей видимости, имеется в виду воспитание, уделение внимания, а в остальных случаях речь идёт об изменении состояния. Эмоциональность высказываний почти во всех примерах подчёркивается использованием смайликов, которые подчёркивают мимолётность и неформальность реакции, что сближает высказывания с устной формой бытования речи.

Смайлики часто встречаются в номинативных конструкциях, иногда они стоят в постпозиции, благодаря чему текстовая и графическая составляющая дополняют друг друга и воспринимаются как единое целое: «**Пушка бомба** 🔥🔥🔥🔥🔥», «**Тяжёлый случай** 🤪», «**Королева** 💚💚💚», «**Пушка бомба** 🔥🔥🔥🔥🔥», «Потому что **любовь** 😻», «А **тапочки то** !!!🔥🔥🔥».

Е. А. Земская описывает употребление подобных конструкций в устной речи и объясняет употребление именительного падежа следующим образом: «он удобен не только своей семантической универсальностью, но и формальной простотой и краткостью» (Земская, 2011: 175). Эти же характеристики важны современному человеку при написании реплики в чате: именительный падеж используется благодаря своей лаконичности и экономии усилий со стороны пишущего.

4. Выводы

Таким образом, анализ комментариев в чатах показал, что комментарии представляют собой совершенно особый способ существования языка, в котором находят отражение грамматические особенности устной речи (мимолётность, непосредственность реакции, неформальность, склонность к экономии речевых усилий), влияющие на грамматическую структуру комментариев. Характерные для устной речи конструкции – форма инфинитива, двувершинные высказывания и незамещённая синтаксическая позиция – переплетаются с возможностями письменной речи, включающими шрифты, графические знаки и смайлики.

Анализ грамматических конструкций невозможен без анализа роли смайликов: они могут использоваться для эмоционально-экспрессивного акцента, могут замещать опущенный член в высказывании с незамещённой синтаксической позицией или служить дополнительным средством выделения эмоционально значимого компонента высказывания, дублируя его значение. Они визуально выделяют высказывания в потоке комментариев и, очевидно, являются одним из средств обогащения письменной разговорной речи в интернет-коммуникации. Интернет-отклики в чатах под постами часто представляют собой мультимодальные высказывания, в которых текстовая составляющая неразрывно связана с графическими возможностями современных социальных сетей. Понимание этих процессов важно не только для лингвистической науки, но и для анализа современного общества, в котором текст и визуальные элементы становятся неотъемлемой частью повседневного интернет-общения.

Литература

Ehret, K., & Taboada, M. (2021). A multi-dimensional cruise through online registers. *Frontiers in Artificial Intelligence, 4*, 668891. https://www.frontiersin.org/journals/artificial-intelligence/articles/10.3389/frai.2021.643770/full

Ford, E., Shepherd, S., Jones, K., & Hassan, L. (2021). Toward an ethical framework for the text mining of social media for health research: A systematic review. *Frontiers in Digital Health, 2*, 592237. https://www.frontiersin.org/journals/digital-health/articles/10.3389/fdgth.2020.592237/full

Голев, Н. Д. (2013). Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, *5*(25), 12-30

Детинко, Ю. И., Куликова, Л. В. (2017). *Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа*. Сибирский федеральный университет.

Земская, Е. А. (2011). *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения*. Наука

Земская, Е. А., Китайгородская, М. В., Ширяев, Е. Н. (1981). *Русская разговорная речь*. Наука

Кибрик, А. А. (2009). Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, *2*, 3-21

Кольцова, Е. А., Карташкова, Ф. И. (2022) Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении. *Вестник Российского университета дружбы народов, 3*, 769-783. https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnyy-harakter-tsifrovoy-kommunikatsii-funktsionirovanie-emodzi-v-mezhlichnostnom-obschenii/viewer

Кронгауз, М. А. (2009, 1 июня). Лытдыбр от блогера, или Как интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка. *Русский мир*. https://rusmir.media/2009/06/01/internet

Кузнецов, С. А. (ред.). (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. https://gramota.ru/

Лекант, П. А. (2011) Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке. *Русский язык в школе*, *7*, 75-78

Литневская, Е. И. (2011). *Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы)*. МАКС Пресс

Нестеров, В. Ю. (2017, 10 августа). Что выплавляют из «тонн словесной руды», или попытка реабилитации чатов. *Cyberpsy*. https://cyberpsy.ru/articles/nesterov-internet_chats/

Сидорова, М. Ю. (2006). *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*. Издательство «1989.ру».

Сидорова, М. Ю. и Савельев, В. С. (2008). *Русский язык и культура речи*. Проспект.

Трофимова, Г. Н. (2009). *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. РУДН.

EXPLORING ACCEPTABILITY OF MARGINAL ADJECTIVE COMPOUNDS IN SLOVAK BY NATIVE AND NON-NATIVE SPEAKERS[1]

Martina Ivanová
Ingrid Hrubaničová
Ľ. Štúr Institute of Linguistics, Slovak Academy of Sciences

1. Introduction

The present contribution addresses a special type of adjective compounds existing in the Slovak language which can be labelled as «noun-participle adjective compounds» or «deverbal compound adjectives» (see Wasak, 2021), e.g.

(1) dych-berúci
breath-taking

(2) život-ohrozujúci
life-threatening

This word formation process is often referred to as noun incorporation (Booij, 2009a: 5). In prototypical incorporating verbal compounds the noun saturates a thematic role of the verb, often the role of Patient. In some languages, including Slovak, nouns with other semantic roles or having the status of (prepositional) adjuncts can be incorporated too.

The question to be elaborated in this study is which linguistic, psycholinguistic, and sociolinguistic factors impede or facilitate forming of new units of this type and which factors influence the acceptability of units being the products of word-formation creativity. Our research discusses analogy in relation to the key notions of creativity, productivity, and rule. As formation of noun-participle compounds can be described as rule-related, so that their coinage cannot be subsumed under the traditional label of word formation creativity which is usually described as being non-rule-governed. However, in recent years, creativity has been understood more broadly, in a way that treats each act of word formation as an act of creativity by a language user rather than an automatic process. This view reflects the fact that, in each act of naming, there is considerable space for a coiner's individual preferences, cf. Körtvélyessy et al. (2021). The notion of creativity which lays emphasis on the active role of language users in coining new words is also suitable for investigation of different approaches of speakers to novel units of language and factors that endorse these attitudes.

When investigating noun-participle compounds, it is evident that there is often a discrepancy between the coverage of given units in existing dictionaries of Slovak and their occurrence in usage which can be tested by corpus tools (e.g. the noun-participle compound *dozorkonajúci* 'on duty' is not covered in the ex-

[1] This work was supported by the Scientific Grant Agency VEGA within contract VEGA No. 2/0027/25 *The Dictionary of Contemporary Slovak Language – 8th Stage (Compilation and Editing of the Dictionary Entries and Related Lexico-Grammatical and Corpus Research).*

isting dictionary of Slovak although the compound form is well attested in the corpus data, cf. Hrubaničová, 2023: 286).

These observations have led us to the following research questions:

1. What is the status of novel marginal compounds (with relatively low frequencies)? Are they perceived more like standard or nonce compounds?

2. Which factors influence the acceptability of word-formation creativity?

Our hypotheses are as follows:

1. One aspect that determines the acceptability on novel formations is related to the frequency of the parallel structures with final head and complement-verb order, i.e. novel compounds like *voduohrozujúci* 'water-threatening' with frequent construction counterparts *vodu ohrozujúci* 'water threatening' should be rated as more acceptable than novel compounds like *dušurvúci* 'soul-ripping' with unattested or rare construction counterparts **dušu rvúci* 'soul ripping'.

2. Compositional, semantically transparent types form a more acceptable category of compounds than semantically opaque units, i.e. novel compositional compounds like *človekaohrozujúci* 'man-threatening', *úplatkyberúci* 'bribe-taking' score higher than novel opaque compounds like *žalúdokrvúci* 'stomach-ripping', *dopeklavolajúci* 'lit. into-hell-calling (flagrant)'.

3. The acceptability of novel compounds is determined by the form of verb complement (non-prepositional argument vs. prepositional argument or adjunct), i.e. novel non-prepositional compounds like *človekaohrozujúci* 'man-threatening' are more acceptable than novel prepositional compounds like *dopeklavolajúci* 'lit. into-hell-calling (flagrant)'.

4. Speakers' leniency regarding marginal and nonce compounds correlates with L1, i.e. the presence of left-left restriction in L1 can influence the acceptability judgements of non-native speakers.

To answer the research questions outlined above and either refute or corroborate the hypotheses, we decided to carry out an experiment, using acceptability judgments from L1 Slovak speakers and L2 Slovak non-native speakers. The syntactic and word-formation characteristics are discussed in section 2; the methodology is presented in section 3. In section 4, we present the results of the experiments and section 4 offers a discussion of these results in light of current research on compounds and tendencies which may interfere with the acceptability of marginal and nonce units.

2. Characteristics of noun-participle compounds

2.1 Syntactic characteristics of noun-participle compounds

Most noun-participle compounds in Slovak exhibit parallel designations in terms of syntactic structures formed from verbal participles (V) taking argument or adjunct complement (C) and embedded under the nominal head.

Slovak allows two types of projective structures of this type:

(i) structures with initial head and VC order (having the status of participle clauses, thus representing 'converbal syntax'):

(3)	choroba	ohrozujúca	život
	illness.Nom	threatening	life.Acc

(ii) structures with final head and CV order (with the function a modifier which is left-adjoined to the head, representing 'adnominal syntax'):

(4)	život	ohrozujúca	choroba

life.ACC threatening illness.NOM

Very occasionally, non-projective structures with initial head and CV order are possible in Slovak too:

(5) situácia život ohrozujúca
situation.NOM life.ACC threatening

The order patterns in such structures are limited by the principle called left-left restriction which says that left arguments within left-headed phrases are not structurally possible in some languages.

As opposed to some Slavic languages (e.g. Bulgarian, Russian, and Polish) which evade left-left restriction, e.g. *[zagrażający życiu] stan* lit. 'threatening life situation' (Polish) (cf. Haider and Szucsich, 2022), Slovak, similarly to Czech, Serbian, or Croatian (cf. Siewierska and Uhlířová, 1998: 116), applies left-left restriction and allows only the preverbal realization of the object argument preceding the participle or deverbal adjective: *[(život ohrozujúci] stav* lit. 'life threatening situation', but **[ohrozujúci život)] stav* lit. 'threatening life situation'.

2.2 WORD-FORMATION CHARACTERISTICS OF NOUN-PARTICIPLE COMPOUNDS

Structures with final head and CV order can be further juxtaposed resulting in forming noun-participle compound units with adjectival status: *život ohrozujúci (stav)* lit. 'life threatening (condition)' → *životohrozujúci (stav)* 'life-threatening (condition)'. Compounds that lack the juxtaposition of their lexical elements, as in a syntactic structure, are known as non-syntactic compounds. However, phrases and their lexical components in syntactic compounds share the same syntactic relationships.

In Slovak word formation works, these compounds are often described as rather rare in Slovak (see Ološtiak and Gianitsová-Ološtiaková, 2015). However, recent research based on corpus data from contemporary texts has proven an inflation of this type of unit (cf. Hrubaničová, 2023). Her investigation proved that pre-nominal 'noun + participle' constructions prevail over parallel juxtaposed adjectives in the corpus data. They can be described as an initial stage of a forthcoming compound. The possible incentives motivating the formation of a one-word adjective compound are connected to the necessity to form a unit expressing a specific property/characteristic in a series of similar designations, e.g. in pedagogical terminology: *triedny učiteľ* 'class teacher', *zastupujúci učiteľ* 'substituting teacher', *výpomocný učiteľ* 'teaching assistant', *vysokoškolský učiteľ* 'university teacher', *stredoškolský učiteľ* 'college teacher'→ *dozorkonajúci učiteľ* 'teacher on duty'.

Compounds formed by juxtaposition whose means are very close to those on the syntactical level of language differ from proper compounds which are entirely independent of the (possibly) coexisting collocations. In a number of cases, such combinations of a noun and a verb have been argued not to have the status of compounds *stricto sensu*, that is words, but rather that of units with phrasal status or «compound-like phrases» (see Booij, 2009b).

The orthographic form of units (one word vs. two words) is just a matter of orthographic convention and in many cases even parallel structures (like *dych berúci* 'breath taking') show lexicalised behaviour. Juxtaposition is not at hand when the frequency of the participle form is very low (e.g. *rvúci* as in *srdcervúci* 'heart-breaking') or even when it does not exist (e.g. **spracujúci* as in *drevospracujúci* 'wood processing').

There is a fuzzy borderline between proper compounds and syntactic compounds or compound-like phrases. Noun-participle compounds often display contradictory features which are typical of non-syntactic, proper compounds on the one hand and syntactic compounds or compound-like phrases on the other.

Against a purely syntactic explanation, several objections can be put forward (see Gaeta and Ricca, 2009). First, the formation of an adjectival unit is accompanied by change in phonological structure: similarly to proper compounds, these units have the phonological structure of single words which is reflected in their stress pattern: *´dozor ´konajúci – ´dozorkonajúci (učitel')* '(teacher) on duty'. In their internal structure, the participle component carries the inflection for the compound as a unit, whereas the modifying element carries some compound-internal inflection – case suffix determined by valency of verb participle. However, number inflection and negation of nominal component of compound is usually blocked in this type (*život-y ohrozujúci* 'lives threatening' – **život-y-ohrozujúci* 'livesthreatening', *život ne-ohrozujúca* 'life non-threatening' – **život-ne-ohrozujúca (vzdialenosť)* 'life-non-threatening (distance)'), similarly to proper compounds. Only exceptionally, do corpus data bring scarce examples of number inflection in these units (*dooč-í-bijúci* 'lit. into eyes hitting'– *dook-a-bijúci* 'lit. into eye hitting; flagrant, blatant').

As syntactic compounds, these adjectival units usually do not have any linking elements (*životberúci* 'life-taking'), as opposed to proper compounds. Linking elements rarely appear on the basis of analogy with other adjective types (proper compound *život-o-dárny* 'life-giving' – syntactic compound *život-o-berúci (proteín)* 'life-taking (protein)' – in the latter case, linking element cannot be explained away as an inflectional marker, because it does not match the inflectional behaviour of the modifier), see also Gaeta and Ricca (2009: 37). At the same time, the argument element of these units appears to be available to anaphoric reference to a minor extent which is blocked for proper compounds: *Turistika je niekedy životohrozujúca činnosť, ale ovplyvňuje ho (= život) aj pozitívne.* 'Hiking is sometimes a life-threatening activity, but it determines it (= life) also in a positive way.' (for similar research on Italian compounds see Lami and van de Weijer, 2022).

Another issue to be discussed is the role of analogy in formation of new compounds. Theoretical works on analogy in word formation apply a twofold approach: (i) those views which distinguish between (rule-based) productivity and (analogy-based) creativity, the former producing regularity, and the latter allowing for some degree of unpredictability (cf. Arndt-Lappe, 2015: 827), (ii) those which do not embrace the distinction between analogical and rule-based word formation.

In the case of noun-verb adjective compounds three distinct types can be distinguished:

(i) compounds which serve as the model for the formation of the new compound, and the meaning of this new compound is not retrievable without knowing the (idiomatic) meaning of the model compound (Booij, 2010: 90):

new word		*analogue*
zrak-berúci	{	*dych-berúci*
sight-taking		breath-taking

In these cases, the productivity process is very limited, in the extreme case producing only one new word (this phenomenon is usually labelled as «local analogy», cf. Arndt-Lappe, 2015: 828).

(ii) analogue is restricted to a small set of lexemes with a high degree of similarity involved:

new word		*analogue*
oči-rvúci	{	eyes-shreding
uši-rvúci		ears-shreding
srdce-rvúci		heart-shreding
**šaty-rvúci*		clothes-shreding

In these cases, the formation of new compounds is restricted to a semantically determined set of units with the first component representing the name for body parts. The coinage of new compounds with a noun component from other semantic sets is restricted (e.g. **šatyrvúci*).

(iii) compounds falling into highly profitable constructionist schemas (in both type and token frequency) whose productivity is highly regular: e.g. *život-ohrozujúci* 'life-threatening', *zdravie-ohrozujúci* 'health-threatening', *mravnosť-ohrozujúci* 'morality-threatening', *vodu-ohrozujúci* 'water-threatening'. In this case, even units not attested in the corpus can be considered potential.

The difference between standard and nonce compounds can be captured in terms of rule-based productivity and analogy-based productivity. Whereas standard compounds usually follow rule-based productive patterns, nonce compounds usually instantiate the results of analogue-based creativity. The question to be investigate is the status of marginal compounds and their inclination to either pole.

3. Methodology

Native and non-native speakers' intuitions regarding novel marginal and nonce noun-participle compounds in contemporary standard Slovak were tested on the basis of experimental data. The experiment was designed as a score-assignment test. Respondents were presented with sentences containing noun-participle compounds and a rating system. The Likert numerical scale of 5 points combined with a categorical scale of evaluative statements, standardly used as a specialized technique for elicitation of acceptability judgments (cf. Endresen and Janda 2016), was used in the experiment.

The design of the task was created in line with Endresen and Janda (2013) and can be seen in Scheme 1.

Evaluate the marked word using one of the statements.
□ 5 points – Je to úplne normálne slovenské slovo.
'This is an absolutely normal Slovak word.'
□ 4 points – Je to normálne slovo, no používa sa málo.
'This word is normal, but it is rarely used.'
□ 3 points – To slovo znie čudne, ale niekto ho môže používať'.
'This word sounds strange, but someone might use it.'
□ 2 points – To slovo znie čudne a je nepravdepodobné, že ho niekto používa.
'This word sounds strange, and it is unlikely that anyone uses it.'
□ 1 point – Také slovo v slovenčine neexistuje.
'This word does not exist in the Slovak language.'

Scheme 1. Acceptability judgement task using 5-points Liker's scale

All in all, 35 participants took part in the experiment, both native speakers and non-native speakers (with a high proficiency level of Slovak), namely 12 native speakers (NS), 12 Polish speakers learning Slovak as L2 (NNSP) and 11 Serbian and Croatian speakers learning Slovak as L2 (NNSS). The sample included 14 men and 21 women in the age range 22 – 79 (mean value: 36,2).

To answer the research questions outlined in section 2, we decided to test three variables: existence of parallel syntactic counterparts, compositionality of compounds, and form of verb complement. For each variable, three items falling into the categories of standard, marginal, and nonce compounds were selected. The experiment thus included 12 test items and 24 fillers which were added, resulting in a set of 36 tokens

to achieve a filler: stimuli ratio of 2:1, following Cowart's suggestion that «[i]n general, there should be at least twice as many filler sentences as there are [test items]» (Cowart, 1997: 92).

This is the list of lexicalizations used in the experiment.

Set 1:

In the given set, noun-participle compounds with existing parallel constructions were selected.

Lexicalizations 1-3 also represent compositional compounds with non-prepositional verb complements.

1. Jeho zranenia nie sú *životohrozujúce*. (standard)

'His wounds are not life threatening.'

2. Kontajner je vhodný na skladovanie *voduohrozujúcich* látok. (marginal)

'The container is suitable for storage of water threatening substances.'

3. *Človekaohrozujúce* prírodné katastrofy nie je možné vopred predpovedať. (nonce)

'It is not possible to predict man threatening natural catastrophes.'

Set 2:

In the given set, non-compositional noun-participle compounds formed from light verb constructions with the light verb *brať* 'take' were selected.

4. Futbalisti predviedli *dychberúci* výkon. (standard)

'The football players gave a breath taking performance.'

5. K *životberúcim* športom patrí horolezectvo. (marginal)

'Mountaineering belongs to life taking sports.'

6. Na Slovensku nie je problém stretnúť *úplatkyberúcich* úradníkov. (nonce)

'It is not a problem to meet bribe taking officials in Slovakia.'

Set 3:

The following set includes noun-participle compounds for which parallel syntactic counterparts are not attested.

7. Bolo to *srdcervúce* predstavenie. (standard)

'It was a heartbreaking performance.'

8. Na pretekoch Formuly 1 je *uširvúci* hluk. (marginal)

'There is ear splitting noise in Formula One races.'

9. Pilot predviedol *žalúdokrvúcu* akrobaciu. (nonce)

'The pilot performed stomach tearing aerobatics.'

Set 4:

Set 4 includes noun-participle compounds which take a prepositional verb complement.

10. Bolo to *doočibijúce* klamstvo. (standard)

'It was into eyes hitting (blatantly obvious) lie.'

11. Sú to *navydajsúce* dievčatá. (marginal)

'They are for-marriage-suitable (marriageable) girls.'

12. Jeho prejav bol plný *dopeklavolajúcich* klišé. (nonce)

'His speech was full of calling out to hell (blatant) clichés.'

For each variable, more lexicalizations have been shown to neutralize the lexical effects of any items other than the investigated variables (cf. Schütze and Sprouse, 2013). At the same time, the stimuli were presented in randomized fashion to each participant.

Dividing compounds into classes of standard, marginal, and nonce follows the design presented in the work by Endresen and Janda (2016). Corpus frequencies were retrieved from the Omnia Slovaca IV Maior Beta corpus which has 6,596,573,997 tokens and it is compiled by the Slovak National Corpus, specialized corpora, and web corpora. Three categories are specified ad follows:

(i) Standard compounds are conventionalized and well attested in the corpus data, have high token frequency, and are established in standard language.

(ii) Marginal compounds are attested at least once in the corpus data (often as hapax legomena which substantiate an idea of a word-formation process 'in real time'), i.e. they have minimal token frequency and are not fully established in standard language. They can be viewed as a spontaneous creation generated on the fly, on a certain occasion, yet are generated on the basis of a productive morphological pattern (cf. Endresen and Janda, 2016: 225).

(iii) Nonce compounds have zero attestation in the corpus data.

It should be emphasized that the differentiation of compounds into the aforementioned classes (standard – marginal – nonce) is viewed just as provisional and those classes can be viewed as gradient categories.

Table 1 brings the corpus frequencies for the investigated test items.

Standard	**Gloss**	**Frequency Omnia IV Maior**
životohrozujúci	life threatening	296
dychberúci	breath taking	6064
srdcervúci	heartbreaking	7342
doočíbijúci	into eyes hitting (blatant, obvious)	38
Marginal	**Gloss**	**Frequency Omnia IV Maior**
voduohrozujúci	water threatening	4
životberúci	life taking	4
uširvúci	ear splitting	7
navydajsúci	for-marriage-suitable (marriageable)	1
Nonce	**Gloss**	**Frequency Omnia IV Maior**
človekaohrozujúci	man threatening	-
úplatkyberúci	bribes taking	-
žalúdokrvúci	stomach ripping	-
dopeklavolajúci	calling out to hell (flagrant)	-

Table 1. Corpus statistics of test items.

For standard and marginal compounds, we used real contexts (often shortened and slightly modified). The contexts of nonce words are based on corpus contexts of attested words with meanings similar to those that are assumed for nonce words.

Table 2 provides an overview of the tested fixed and random effects and their levels.

Fixed effects	Random effects
Syntactic Counterparts (Existence, Non-existence of parallel structures) Compositionality (Compositional, Opaque) Prepositionality (Non-Prepositional, Prepositional)	Subject (001, 002, 003, ... 035) Gender (Male, Female) Group (Ns, NnsP, NnsS)

Table 2. Overview of fixed and randome effects

4. Results

The responses were further analysed with the ANOVA parametric test and t-test which are commonly used for such types of experiments (e.g. Dąbrowska, 2010, Endresen and Janda, 2016). The goal of the statistical analysis is to determine and evaluate the strength of the correlation between acceptability judgments and investigated independent variables. The null hypothesis is that there are no statistically significant correlations among the variables and acceptability scores. The alternative hypothesis is that such correlations do exist.

4.1 Status of marginal compounds

First of all, we tried to answer the question whether marginal compounds are perceived to be more like standard or more like nonce compounds. In this respect, 4 hypotheses were put forward, in accordance with Endresen and Janda (2013).

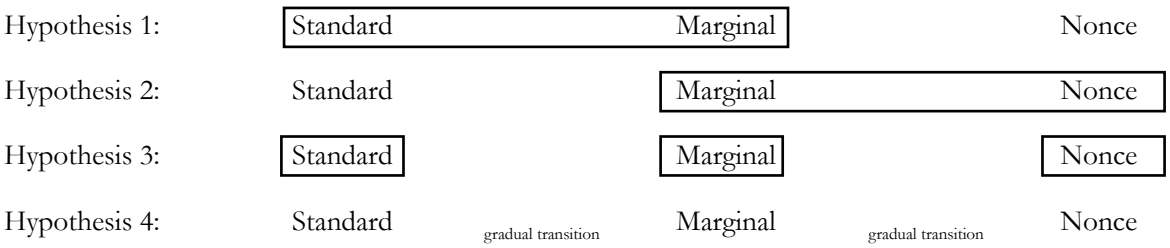

Table 3 aggregates the key parameters that characterize each type of stimuli in terms of acceptability ratings (averaged across participants).

Standard words	Marginal words	Nonce words
MAX = 5	MAX = 5	MAX = 5
Mean = 4.15	Mean = 3.26	Mean = 2.9
MIN = 1	MIN = 1	MIN = 1
Std.Dev. = 1.1	Std.Dev. =1.3	Std.Dev. = 1.2

Table 3. ANOVA test for the variable: type of compound

Overall, the ANOVA results are as follows: *F*-value = 37.06, df = 2, *p*-value = -0.00958.

The results of *F*-value and *p*-value show that the null hypothesis should be rejected which means that there is a statistically significant difference between the acceptability of three groups.

To examine the presented hypotheses, t-test was further used to compare the standard and marginal compounds and marginal and nonce compounds. A larger *t*-value indicates a more significant difference between the groups.

Standard vs. Marginal Words	**Marginal vs. Nonce Words**
t = 5.94539 p-value = < 0.00001.	t = 2.28513 p-value = 0.011529.

Table 4. T-test for variable: type of compound

The results show that marginal compounds are closer to nonce compounds than to standard compounds, yet not strikingly. It can be interpreted as a compromise between Hypothesis 2 and Hypothesis 3. It means that the formation of novel compounds is more likely to be explained as the result of analogy-based creativity.

4.2 Parameter: syntactic counterparts

The following issue to be tackled is the question whether the existence of parallel syntactic counterparts with pre-nominal placement of participle and CV order affect the higher acceptability of the parallel compound, i.e. whether novel compounds like *voduohrozujúci* 'water-threatening' with highly frequent construction counterparts *vodu ohrozujúci* 'water threatening' score higher than novel compounds like *uširvúci* 'ear-tearing' with unattested or rare construction counterparts *uši rvúci* 'ear tearing'.

Statistical analysis was realized on the basis of t-test. *T*-value was 3.61286 and the *p*-value was .000288, which means that the result is significant at $p < .05$.

The results show that pre-nominal participle with OV order can be considered as a precursor to adjective compound as some theoretical works assume (see Hrubaničová, 2023) whereas the absence of parallel constructions impedes the formation of novel compound.

4.3 Parameter: Compositionality

Another issue to be discussed is the question whether compositional, semantically transparent compounds form more acceptable novel words than less productive, semantically opaque compounds, i.e. whether the level of morphosemantic opacity/transparency (Mattiello and Dressler, 2018) affect the acceptability ratings. The concept of semantic transparency plays a crucial role in research into the interpretation of compound words. The processing of a compound depends on whether the compound constituents have similar semantic transparency, i.e. «whether the transparency of the first and the second constituent match» (Körtvélyessy et al., 2021: 1022). The concepts of transparency/opaqueness thus should be viewed as a gradient category: in the compound *dychberúci* 'breath-taking', both constituents are semantically opaque, i.e. the meaning of this word cannot be inferred from the meanings of its constituents. On the other hand, in compound *životberúci* 'life taking' *život* is transparent, while *berúci* is opaque.

Within the investigated domain, a bipartition can be found, and the discrimination property is compositionality. One set comprises compounds which regularly admit a paraphrase composed of the compound components, e.g. *voduohrozujúci* = *vodu* + *ohrozovať* 'water-threatening'. The second set is represented

by compounds which do not have a compositional interpretation and are assessed as cases of lexicalization, e.g. *dychberúci* ≠ *dych* + *brat*'. By lexicalization, we mean the process of having lost motivation and having developed idiosyncratic meanings, e.g. *doočíbijúci* (lit. 'into-eyes-hitting, blatant'). This sense of lexicalization stems from Brinton and Traugott's (2005: 96) definition: «lexicalization is the change whereby in certain linguistic contexts speakers use a syntactic construction or word formation as a new contentful form with formal and semantic properties that are not completely derivable or predictable from the constituents of the construction or the word formation pattern».

Statistical analysis shows that the *t*-value was 1.86594 and the p-value is .033182. The result is significant at $p < .05$.

The results prove that novel compositional, semantically transparent compounds are more acceptable than novel opaque, idiomatic compounds, irrespective of the corpus frequencies of given units, i.e. speakers are more sensitive to semantic transparency than to frequency. Even highly frequent opaque compounds scored lower than less frequent compositional compounds with regular morphological patterns. It points to the important role of regular morphological patterns in forming new units.

4.4 Parameter: Prepositionality of nominal complement

The next variable that was investigated was the type of modifying element (non-prepositional argument vs. prepositional argument or adjunct). We tried to answer the question whether novel non-prepositional compounds score higher than novel prepositional compounds. i.e. whether novel non-prepositional compounds like *voduohrozujúci* 'water-threatening' score higher than novel prepositional compounds like *navydajsúci* 'for-marriage-suitable (marriageable)'.

The *t*-value was 3.08675 and the *p*-value is .001464. The result is significant at $p < .05$.

T-test confirmed that compounds with prepositional complement in the structure noun + participle are less accepted than non-prepositional ones. The results imply that acceptability can be affected by the status of verb complement – non-prepositional complements are mostly of argument nature whether prepositional complements usually fulfill the role of adjunct in the internal structure of compound. One possible explanation is that argument structure allows a more direct interpretation, being semantically more predictable and constrained, while the interpretation of a predicate-adjunct relation is highly variable and largely determined by the context (see Bauer et al., 2013).

4.5 Parameter: L1 of speakers

Finally, the first language of the speakers as a possible variable was investigated to answer the question whether native speakers have more conservative/liberal judgements on marginal and nonce words than non-native speakers or whether the presence of left-left restriction in L1 has any influence on acceptability judgements.

Table 5 brings the result of statistical analysis on those issues.

Slovak	**Polish**	**Serbian + Croatian**
Mean: 3.58	Mean: 3.44	Mean: 3.3
Std.Dev.: 1.4	Std.Dev.: 1.37	Std.Dev.: 1.25

Table 5. ANOVA test for the variable: L1 of the speaker

The *F*-value was 1.573, df = 2, and *p*-value = 0.20865, i.e. there is no statistically significant difference between the acceptability judgements of the speakers in the three groups.

We also calculated the difference between the three groups by means of t-test. Within the group of Slovak vs. Polish speakers the *t*-value was 0.10748 and the *p*-value is .45726 so that the result is *not* significant at $p < .05$. Within the group of Slovak vs. Croatian and Serbian speakers the *t*-value was -0.04511 and the *p*-value was .482033 so that the result is *not* significant at $p < .05$. The results show that speakers' acceptability ratings are not influenced by L1 (Polish vs. South-Slavic), or that there is no statistically significant difference between acceptability ratings of native and non-native speakers.

In the next step, the investigation was focused on acceptability ratings of native and non-native speakers with regard to the categories of standard, marginal, and nonce compounds.

Types of compounds/ L1	**Slovak**	**Polish**	**Serbian + Croatian**
Standard	Mean: 4.56	Mean: 4.17	Mean: 3.68
Marginal + Nonce	Mean: 3.09	Mean: 3.07	Mean: 3.1

Table 6. ANOVA test for the variable: L1 of the speaker within the categories of standard, marginal and nonce compounds.

Within the group of standard compounds, the F-value was 7.64, df = 2, and the p-value was 0.00071 so that the null hypothesis should be rejected. Within the group of marginal and nonce compounds, the F-value was 0.01, df = 2, and the p-value was 0.98708, so the null hypothesis cannot be rejected. The results show that native and non-native speakers differ in acceptability of standard compounds.

The performance of native and non-native Slovak speakers indicates that non-native speakers are less lenient even towards standard, highly frequent noun-participle compounds which can be explained by the phenomenon of 'entrenchment'. Entrenchment can be understood as the inference of the speaker that, once a unit of language has been witnessed many times, any contexts in which it remains unattested – or attested only very infrequently – are probably a less than fully acceptable environment for that unit. It is generally agreed that the phenomenon of entrenchment is theorized to constrain the novel use of well-attested structures. The phenomenon of entrenchment can be regarded as being responsible for higher acceptability of novel compounds with existing, frequent syntactic counterparts as well as for higher acceptability of novel compounds by native speakers. The possible explanation is that non-native speakers are less exposed to given compounds in their receptive environments which can lead to a lower level of their entrenchment. Entrenchment, therefore, plays a role in the different judgments of native and non-native speakers, influencing what forms are considered acceptable and how language is learned and processed. At the same time, non-native speakers also demonstrate lesser ability to distinguish standard units from marginal or even nonce ones.

5. Conclusions

The results of our research show how the phenomena of frequency, predictability, and economy are reflected in acceptability scores of native and non-native speakers.

Frequency linked to memory can be a strong factor in cases of standard compounds: the frequent use of adjective compounds has a positive impact on its degree of entrenchment. Higher acceptability of standard compounds by native speakers can be explained by the fact that native speakers are more exposed

to those units in usage. Through repeated usage, lexically specific items, including syntactic compounds, can become entrenched as units. Entrenchment, as Croft (1998: 153) explains, «implies that the mind has routinized the use of the form/meaning pairing as the speaker's knowledge of the conventions of her/his language». At the same time, frequency plays an important role in cases of compounds for which syntactic counterparts are attested in usage. These parallel structures serve as a «foot in the door» through which novel compounds come into existence. This means that the tolerance of speakers towards uses of novel compounds is determined by the availability of a productive syntactic counterpart that shows a functional overlap with a particular compound.

Predictability, as the ability to unpack morphological patterns, is another strong factor determining the acceptability of novel compounds. It seems that the formation of the pseudo-concept of newly formed adjective compounds depends on the familiarity with the constituents of the compound and the semantic relation existing between them. That fact explains the lower acceptability ratings for attested, yet semantically opaque, non-transparent compounds.

Both frequency and transparency are, logically, complementary to the economy of expression. In particular, the lower acceptability of prepositional noun-participle compounds can be explained by the lower economy of the given forms.

The results suggest that the acceptability of novel units in language is not a 'blind' attitude influenced only by individual variations, but it is determined by all-pervasive phenomena like frequency, transparency, and economy, which reflect deeper cognitive tendencies efficacious in various languages.

Bibliography

Arndt-Lappe, S. (2015). Word-formation and analogy. In P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, & F. Rainer (eds.), *Word-Formation – An International Handbook of the Languages of Europe: Volume 2* (pp. 822-841). De Gruyter Mouton.

Bauer, L., Lieber, R., & Plag, I. (2013). *The Oxford reference guide to English morphology*. Oxford University Press.

Booij, G. (2009a). A Constructional Analysis of Quasi-Incorporation in Dutch. *Gengo Kenky*, *135*, 5-27.

Booij, G. (2009b). Compounding and Construction Morphology. In R. Lieber, & P. Štekauer (eds.), *The Oxford Handbook of Compounding* (pp. 201-216). Oxford University Press.

Booij, G. (2010). Construction morphology. *Language and Linguistics Compass*, *4*(7), 543-555. https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2010.00213.x.

Brinton, L. J., & Traugott, E. C. (2005). *Lexicalization and language change. In the series Research Surveys in Linguistics*. Cambridge University Press.

Cowart, W. (1997). *Experimental Syntax: Applying Objective Methods to Sentence Judgements*. Sage.

Croft, W. (1998). Linguistic evidence and mental representations. *Cognitive Linguistics*, *9*(2), 151-174. https://doi.org/10.1515/cogl.1998.9.2.151.

Dąbrowska, E. (2010). Naive vs. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments. *The Linguistic Review*, *27*(1), 1-23. https://doi.org/10.1515/tlir.2010.001.

Endresen, A., & Janda, L. (2013). What is a possible word? Evidence from Russian factitive verbs. https://sites.ualberta.ca/~iclc2013/PRESENTATIONS/Endresen/Possible%20Words%20handout.pdf.

Endresen, A., & Janda, L. (2016). Five statistical models for Likert-type experimental data on acceptability judgments. *Journal of Research Design and Statistics in Linguistics and Communication Science*, *3*(2), 217-250. https://doi.org/10.1558/jrds.30822.

Gaeta, L., & Ricca, D. (2009). Composita solvantur: Compounds as lexical units or morphological objects? *Italian Journal of Linguistics*, *21*(1), 35-70.

Haider, H., & Szucsich, L. (2022). Slavic languages – «SVO» languages without SVO qualities? *Theoretical Linguistics*, *48*(1-2), 1-39. https://doi.org/10.1515/tl-2022-2035.

Hrubaničová, I. (2023). Slovotvorná a syntaktická problematika kompozitných prídavných mien so slovotvornou štruktúrou podstatné meno + činné príčastie. *Kultúra slova*, *57*(5), 285-292.

Körtvélyessy, L., Štekauer, P., & Kačmár, P. (2021). On the role of creativity in the formation of new complex words. *Linguistics*, *59*(4), 1017-1055. https://doi.org/10.1515/ling-2020-0003.

Lami, I., & van de Weijer, J. (2022). Compound-internal anaphora: evidence from acceptability judgements on Italian argumental compounds. *Morphology*, *32*, 359-388. https://doi.org/10.1007/s11525-022-09398-w.

Matiello, E. & Dressler, W. U. (2018). The morphosemantic transparency/opacity of novel English analogical compounds and compound families. *Studia Anglica Posnaniensia, 53*, 67-114. https://doi.org/10.2478/stap-2018-0004.

Ološtiak, M., & Gianitsová-Ološtiaková, L. (2015). Formálnoprocesuálne aspekty slovotvornej motivácie. 3. Kompozícia a kompozičné slovotvorné postupy. In M. Ološtiak (ed.), *Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine* (pp. 261-292). Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.

Siewierska, A., & Uhlířová, L. (1998). An overview of word order in Slavic languages. In A. Siewierska (ed.), *Constituent Order in the Languages of Europe* (pp. 105-150). De Gruyter Mouton.

Schütze, C. T., & Sprouse, J. (2013). Judgment data. In R. J. Podesva, & Devyani Sharma (eds.), *Research Methods in Linguistics* (pp. 27-50). Cambridge University Press.

Wasak, S. (2021). *The Syntax of Deverbal Compound Adjectives in English. Internal Structure and Categorial Identity*. Peter Lang.

Sources

Omnia Slovaca IV Maior Beta. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, v. v. i. 2023. http://ske.juls.savba.sk/bonito/index.html.

COLONIALISM WITHOUT COLONIES – THE CZECH CASE[1]

David Jirsa
Palacky University

Over roughly the last two decades, the academic world has engaged in a lively debate regarding the concept of «colonialism without colonies». This concept focuses primarily on those European countries that participated to some extent in the functioning of the colonial system, despite formally owning no overseas territories and having minimal influence compared to the hegemons of the imperial world, such as Britain, France, Spain, or Portugal. Scholars addressing the issue of colonialism without colonies have primarily focused on countries such as Poland, Bulgaria, Yugoslavia, Switzerland, or the Nordic countries. In this study, we will focus on this issue within the context of the Czech lands.

The concept of «colonialism without colonies» seeks to disrupt the self-reflection of smaller European nations as countries of «colonial innocence». In other words, within their own self-reflection, the absence of overseas territories is equated with the total exclusion of one's own nation from colonial discourse. However, as many researchers point out (see Lüthi et al., 2015; Vuorela, 2009; Loftsdóttir and Jensen, 2021; Lewis, 2021; Lemmen, 2013), countries like Poland, Denmark, or Switzerland were important parts of the global colonial system in many different respects. Among other things, these countries benefited from the trade in colonial goods;[2] career opportunities in the colonies opened up for domestic elites (specifically architects, engineers, but also soldiers or professional travelers and travel writers).

Beyond these purely material advantages, however, marginal European countries were influenced by the colonial system on a purely intellectual level. It was precisely through travelogues or reports from the «Orient» and colonies in the Far East that a colonial imagination and a colonial or Orientalist way of thinking about the world grew in European countries – a framework described by Edward Said (1977) in his famous study. This «Saidian» approach to «the Other» – to put it simply and metaphorically, the projection of one's own shortcomings and fears onto an external «exotic» object – was then more significantly reflected in the perception of domestic minorities; in the Czech case, primarily Jews and Roma (see Soukup, 2013; Smutný, 2023).

As Maria Todorova (1997) emphasizes in the book *Imagining the Balkans*, the countries of Central, Eastern, and partially Northern Europe found themselves in a somewhat ambivalent position: on one hand, they participated in Western colonialism in the ways described above; on the other hand, they themselves were situated (albeit less prominently) in the position of countries perceived as «the Other Europe» –

[1] This paper is part of the «Research into representations of intercultural contacts in Czech travelogue texts from the Mediterranean up to 1918, using digital humanities» project (2022-1-CZ01-KA220-HED-000085765, Cooperation Partnership in Higher Education Erasmus+) and was published with the help of financial support within the Program for the Support of Strategic Management of Higher Education Institutions (PROPOST) - Support for the Foreign Mobility of Academic Staff of FoA UP.

[2] In the Czech lands, there were so-called „koloniály«, small general stores focused primarily on the sale of goods from the colonies (tea, coffee, spices etc.).

countries understood within Western discourse as more or less marginal or «exotic» (see also Huigen, S., Kołodziejczyk, D., 2023).

A similar ambivalent attitude significantly affected the Czech lands as well. Historical reasons stretching back to the late Middle Ages played a role. On one hand, due to their belonging to the Holy Roman Empire and later to Austria, the Czech lands were perceived as a German region, which placed them more within the Western world (in today's terminology). On the other hand, primarily through the Slavic language, the Czech lands were felt to be a somewhat foreign, «protruding» region. This can be illustrated by the well-known anecdote about Mozart's visit to Prague (see Wolff, 1994, 106-107), during which the famous composer made up strange-sounding nicknames for his friends intended to reflect the «strangeness» of the Czech language.

As Larry Wolff points out in his book *Inventing Western Europe* (1994, 161), some scholars during the Enlightenment attempted to find parallels between the Czech lands and Hungary—Central European countries with rich histories and Christian traditions, yet diverging from the German sphere due to their distinct languages and unique cultures. The rule of the Jagiellonian dynasty and later the Habsburgs also provided a link between these two countries. However, it was simultaneously impossible to completely exclude the Czechs from the Western, «civilized» world. Unlike the Balkan countries or Hungary, the Ottoman, and thus «Oriental,» element never gained a foothold there.

The fact that Bohemia, much like Poland, was considered more of a province within larger empires in the modern era and thus lacked access to colonies often obscures the reality that traces of not only Orientalism but also colonial thinking were evident in Czech texts (and often actions). Since this publication focuses on literature and linguistics, I will not dwell extensively on colonial actions. However, one notable example is the recurring practice among Czech travellers over the centuries of bringing home slaves from their expeditions in Africa: The most famous is the case of the renowned explorer Emil Holub, who brought back a Black girl from Africa as a kind of perverted souvenir; however, similar cases are already documented in travelogues dating back to the early modern period.

Regarding research on colonialism explicitly concerning the Czech lands, ethnologist Filip Herza (2020) has intensively addressed the topic in recent years. He is primarily interested in the ethnographic and historical colonial component and deals with the term «colonial exceptionalism» (see Loftsdótir and Jensen, 2012), or rather, the problem of insufficient consideration of race in Czechoslovak discourse. Ondřej Slačálek (2016), in turn, explores whether Czechoslovakia can be considered a colony, be it Russian or German/Austrian, thus answering the well-known question posed to post-communist countries by Gayatri Spivak (2006, 828). Authors of studies summarized in the anthology *East Central Europe—Between the Colonial and the Postcolonial in the Twentieth Century* (Huigen and Kołodziejczyk, 2023) ask similar questions to Herza and Saláček. In 2020, a group of Prague academics published the so-called «Decolonization Manifesto», which, while attracting interest from left-leaning media and ridicule from conservatives, failed to spark a broader discussion.

However, we observe that authors of texts on the Czech variant of colonialism primarily focus on the 20th century, mainly interested in the ambivalence of a country that is simultaneously «colonial exceptionalist» and somewhat a former colony itself. The authors of these studies also demonstrate a certain need to «change the world», appealing to the public to re-evaluate its stance on history, national identity, or the role of racism, race, and ethnicity. However, when it comes to manifestations of colonialism in literature from before the establishment of Czechoslovakia, studies on this topic are, at best, fragmented. The

perception of the Orient in older Czech travel writings has primarily been addressed by two authors, Lucie Storchová (2005) and Veronika Faktorová (2012), who have published a number of studies examining the construction of «Oriental» otherness in Czech travel literature. The most significant contribution to the re-evaluation of the Czech position in colonial discourse, however, is Jan M. Heller's book *Obraz druhého v českém cestopise 19. století* («The Image of the Other in Czech Travelogues of the 19th Century»), who, to my knowledge, is the only Czech author to deal with Czech colonialism in travel literature, albeit only marginally, primarily when describing the Balkan travelogues of Josef Holeček. It is somewhat paradoxical that this issue has been addressed by far most thoroughly by a foreign author, German scholar Sarah Lemmen (2018). Consequently, what is perhaps the most important and certainly the most extensive work on Czech colonialism and Orientalism is not accessible to Czech readers who are unable to read German texts.

Despite certain shortcomings, we consider extremely beneficial Heller's attempt (following the work of Daniel Soukup and his efforts to classify the Czech attitude toward the Roma, 2013) to classify the various layers of the Czech approach toward the «Other». According to Heller (2020: 15–16), these different approaches exist on an axis between two extreme poles: they range from demonization and stigmatization—in which various threatening or even supernatural qualities are attributed to the «Other»—through pragmatic positions, to admiration.

Positions emerging from Enlightenment discourse then reject superstition and prejudice, emphasizing the ideals of human equality. In addition to these, there is a romantic position, inspired by the Rousseauian motif of the «noble savage». In the Czech context, the nationalist dimension is also particularly significant, as it interprets the fate of the colonized «Others» by analogy with the Czech national experience. In connection with the aforementioned Enlightenment perspective, Heller also mentions an ironic dimension, which attempts to dismantle stereotypes through humour, irony, and sarcasm.

In this contribution, we will primarily focus on literature from the turn of the 19th and 20th centuries—let's say the end of the long 19th century. Globally, we are thus in the era of neo-imperialism. While in older Czech literature, travel and the publication of travelogues were primarily a matter for the elite, this period saw the golden age of travel and travelogues. Reader interest in travelogues from «exotic» lands was enormous, and publishers often released very obscure texts in small print runs and of not particularly high quality, as well as opulent and richly illustrated travelogues written by famous writers and/or travelers. In this paper, we will mostly deal with travelogues written by Josef Jan Svátek (1907, 1910, 1911) and František Klement (1895, 1909), and to a lesser extent with those by Vilém Němec (1916) and V. Jiřík (1913). All of these authors wrote travelogues about Egypt and Palestine, among many other countries.

In travelogues from the late 19th century, we practically no longer observe the superstitious layer of attitudes toward the foreign. That is, demonization and stigmatization of others are certainly present, but they are no longer attributed to supernatural abilities. The Muslim inhabitants of the Holy Land are the primary subjects of demonization, as Czech Christian travellers perceive their presence as an insult to their faith. For example, J. J. Svátek describes his landing at the port of Jaffa in this manner:

> Here we were met with such hideous faces of Turks and Arabs as I had not seen more wretched in all the lands of Islam. As though in mockery of the Christian pilgrims, all the outcasts of the Mohammedans had gathered here. And with what insolence and derision they gazed upon the newly arrived pilgrims Here, for the first time, we felt the enduring insult—that this land, so dear to all Christendom, should be in the hands of men so un-

scrupulous, so eager to display their dominion. And how, in contrast, we loathed the slavish servility with which the envoy of a great European state was received in our midst. [3] (Svátek, 1911: 20-21)

As emphasized above, the primary reason for this demonization was religious rivalry. During his visits to Egypt or the Maghreb region, Svátek was much more well-disposed toward the Muslim inhabitants, viewing them as indigenous people—a kind of necessary «backdrop» that appropriately complemented the *genius loci*. In the case of Palestine, however, his resentment over the fact that «infidels» controlled Christian holy sites completely overshadowed any other possible attitudes the traveler might have held toward the «Other».

Similar to older travelogues, stigmatization here manifests primarily on a sexual level. On one hand, the traditional veiling dresses of Muslim women are ridiculed and criticized. On the other hand, especially in descriptions of Cairo, there is a recurring description of the notorious Fishmarkt district, which was a renowned area of vice. While Josef J. Svátek only fleetingly mentions Fishmarkt as a terrifying place that a decent (Cristian) person must avoid, V. Jiřík, in contrast, visited the district and makes no secret in his travelogue that he intended to avail himself of the services of local women. However, his narrative descends into grotesque perversity: instead of the expected belly dance, a brothel employee performs an obscene act involving a donkey (Jiřík, 1913: 63). The pragmatic and Enlightenment layers are, of course, also present in these texts; however, we will not focus on them in this paper, as these layers are necessarily present in any travelogue to a foreign country.

The following section focuses more closely on the Rousseau-Romantic layer: The idea of the noble savage, in the era of modernism, was applied more to the indigenous peoples of America. The dichotomy of barbaric Caribs and noble Arawaks, about which Stuart Hall writes in his famous essay *The West and the Rest* (1992), is particularly well known. However, in descriptions of the inhabitants of the Orient, it was more common to divide the inhabitants into urban Arabs or Turks and desert Bedouins, with both groups essentially being seen as bad, but each in their own way (see Storchová, 2009, 71-72). Arabs were treacherous, lazy, and effeminate, while Bedouins were violent and bestial. In the case of Czech travelogues, however, we observe an attempt to find a noble savage at all costs, which was undoubtedly inspired by the nationalist layer—the attempt to find a parallel between the national destiny of Orientals and Czechs, an attempt to show that Egyptians suffer under the British protectorate just as Czechs suffer under Austria (see Lemmen, 2013).[4]

However, these efforts were problematized by the inherent pro-Christian sentiment present in the travelogues of Czech authors of this period. V. Jiřík, for example, notes with surprise that on the steamboat to Alexandria, he got along best with his Jewish fellow passengers, despite the fact «that they crucified Christ» (Jiřík, 2013: 27). Josef J. Svátek, in turn, finds noble savages in local Christian communities: in the case of the Egyptian expedition, in the Fellah villages (Svátek, 1907: 57), and in the case of the trip to Palestine, in the town of Bethlehem (1911: 245), where, as is well known, the Christian population outnumbered the Muslim population at the end of the 19th century. František Klement represents a completely specific type of traveller, who stylized himself as a man of the world and an adventurer, a friend of the natives,

[3] Translation DJ. «Uvítaly nás zde tak odporné obličeje Turků a Arabů, jaké jsem ohavnější nikde neviděl v celé oblasti islamu. Jakoby křesťanským poutníkům na výsměch se sem byli seběhli všichni vyvrhelové musulmanští. A jak drze a výsměšně se na přibylé poutníky dívali! Zde poprvé jsme pocítili onu trvalou urážku, že země, všem křesťanům drahá, jest v rukou lidí tak bezohledných a tak ochotně svou nadvládu na jevo dávajících. A jak na druhé straně nám byla odpornou ona otrocká servilnost, s jakou byl vítán nedaleko nás vyslanec jednoho velkého evropského státu».

[4] Lemmen uses the Czech Egyptologist Ludmila Matiegková as a case study.

who—unlike tourists or pilgrims—truly understood the Arab mentality. Despite this (or perhaps because of it), Klement's texts reveal the deep-seated roots of Orientalist discourse within the Czech context. Orientalist or colonialist mindsets are hidden deeper beneath the surface; however, their resulting effect is all the more pronounced. Perhaps the most evocative passage involves a treacherous mountaineering expedition near Jericho, where Klement and a local guide narrowly escape death. Klement portrays the man in an admiring light, emphasizing his physical strength and steadfastness. However, this admiration is coupled with a profound dehumanization: despite the guide's central role in Klement's survival, he is never granted a name. This sustained anonymity across the multi-page episode brings to mind the central concern of Gayatri Spivak's (1988) «Can the Subaltern Speak?»—the structural inability of the colonized subject to find a voice (or, in this case, be given a name) within the dominant discourse.

However, a nationalist motif is common to practically all travelogues from this period. Primarily, Czech identity is constantly extolled; belonging to the Czech nation or, more broadly, to the Slavic family automatically evokes positive connotations in these travelogues, or Czech identity provides various advantages to travellers. This is most striking and almost ridiculous in the case of Josef J. Svátek, who constantly encounters various Czechs or natives who, for some reason, like Czechs, which subsequently provides him with various advantages, e.g., access to forbidden places in visited cities. This is most clearly evident in a situation where Svátek, while on a train from Jaffa to Jerusalem, happens to strike up a conversation with Mehmed Said, the Turkish police director of Jerusalem. Said had previously served in Bulgaria and had developed a fondness for Slavs. Thanks to his assistance, Svátek later gains access to sites in Jerusalem that are typically forbidden to Christians. During a visit to the Church of the Holy Sepulchre, two police officers appear at the director's command, clearing a path for Svátek through hundreds of fervent pilgrims and ensuring his attendance at the Easter Mass celebrated by Patriarch Filippo Camassei.[5]

Orientals or any 'non-Slavs' then serve as a contrastive surface for depicting Slavic exceptionalism, industriousness, and virtue: In his description of third-class passengers traveling by ship from Trieste to Alexandria, Svátek explicitly divides the travellers: he depicts Slavs in an entirely positive light, whereas members of other nations or ethnicities are defined fundamentally through negative traits—Arabs spend the entire journey praying, a Black man 'idles about,' and an Italian sleeps constantly. «Only the Croats were not lazy. Everyone found some work to do, either mending their clothes or painting their trunks [...] or finally assisting the ship's craftsmen». (Svátek, 1907, 37) Thus, while everything non-Slavic is defined by idleness (a trait typically attributed to inhabitants of the Orient or 'the Other' in general), the Croatian Slavs, in contrast, are industrious. They even volunteer to help with the ship's operation, selflessly ensuring a safe journey for the non-Slavic 'idlers.'

Václav Němec (1916), in his memoirs, mentions various amusing incidents from the Czech minority in Cairo. The memoirs of the traveller Emanuel Fait (1892) about Egypt are specific, as he expresses an unusual opposition to the British administration of Egypt for contemporary Czech travelogues: «Of course, I heard it confirmed from numerous other quarters that the English, due to their ruthlessness and arrogance, are generally hated in the Nile Valley; however, the natives can do nothing, as their hands are tied.»[6] (Fait, 1892, 347) However, completely in the spirit of colonial thinking, he shows no less opposition

[5] Sarah Lemmen (2018, 257) also observes that the advantages stemming from the travelers' Czech nationality need not arise solely from a knowledge of the Czech language; they also stem from the fact that inhabitants of the visited locations know and enjoy Czech beer, which is historically perhaps the most significant Czech cultural export.

[6] Translation DJ. «Ovšem jsem slyšel od četných jiných stran potvrzeno, že Angličané jsou pro svou bezohlednost a nadutost všeobecně v údolí Nilu nenáviděni, domorodci nemohou však nic dělati, neboť mají ruce svázány».

to Orientals, so the only group of inhabitants who, in his eyes, pass muster are people with at least some minimal connection to Bohemia or the Slavic world. For example, on a steamboat trip on the Nile, he meets an Arab captain who knows a few words of Czech because he once worked on a construction site with a Czech architect. Thanks to this minimal knowledge of Czech, the captain becomes a noble native in Fait's eyes (Fait, 1892: 356).

What, however, illustrates the presence of colonial thinking in Czech travelogues of this period in the case of these two encounters is the fact that both Arabs capable of communicating in Czech immediately turn against their fellow countrymen and slander other Arabs, trying to define themselves out of the Oriental framework and integrate themselves into civilized Europe. The ship captain warns Fait to be wary of Arabs, not to let them steal from him, etc. The police chief in train from Jaffa to Jerusalem, in turn, attributes the train delay to Jerusalem to the inherent laziness and apathy of Arabs.[7] In both of these cases, it is worth noting the fact that the Arabs and their perceived laziness stand in contrast to the modern achievements of Western civilization—the steamship and the train.

Regarding the last of Heller's layers of approach to the «Other» the ironic dimension, it is most clearly evident in the texts of František Klement. As mentioned above, Klement positioned himself in the role of a «friend of the Arabs» and a sophisticated, worldly adventurer. According to his own account, Klement was present at the unveiling of King Ramesses' mummy, and he described the entire scene with a mixture of irony and resentment toward modernist science and its obsession with acquiring knowledge (or prestige), even at the cost of desecrating the body of a famous ancient king:

> My hope of one day meeting King Ramesses was fulfilled during the examination that sought to prove the identity of his mummy, and I assure you, the event left upon me the deepest – and at the same time, the most unsettling – impression. <…> The once most illustrious king of the Egyptian Empire was unwrapped by the museum director <…> down to his bare remains, in the hope that the scrolls and documents placed within his wrappings would provide irrefutable proof that this was indeed the mighty Pharaoh Ramesses. Tell me—do you not find such an act dreadful? <…> There goes the glory, there goes the godlike majesty of a monarch, stripped naked before a throng of inquisitive onlookers, who see in him nothing more than a museum specimen of exceptional rarity and value.[8] (Klement, 1909, 148-149)

By mocking the Western obsession with «prestige through discovery», he positions himself as someone who respects the «Orient» more deeply than the scientists do, even if his own perspective remains rooted in an Orientalist framework.

An interesting aspect of colonial and Orientalist thinking is the tendency of travel writers to deny the visited countries their contemporary characteristics (namely, Muslim rule) and replace them with their own preconceptions. We have already mentioned Svátek's resentment toward Ottoman rule in the Holy

[7] «The Turk pleased us by [stating] that the train must move regardless of the passengers, for given the laziness and apathy of the native population, it would otherwise never move forward» (Svátek, 1911, 38). Translation DJ. «Turek nás potěšil tím, že vlak se musí bez ohledu na cestující hnouti, neboť při lenivosti a netečnosti domorodého obyvatelstva by se nikdy nedostal ku předu».

[8] Translation DJ. «Naděje má, že se jednou – tak nebo onak – s králem Ramsesem II. setkám, splnila se při provádění důkazu totožnosti jeho mumie a ubezpečuji, že na mne výkon tohoto důkazu učinil dojem nejhlubší a zároveň nejtrapnější. <…> Rozbalován (byl) někdejší nejslavnější král egyptské říše <…> až do naha, aby z popsaných závitků a přiložených papírů nezvratný důkaz osobnosti tohoto mocnáře byl proveden. Nezdá se vám takovéto počínání hrozné? <…> Ta tam jest sláva, ten tam jest bohorovný majestát mocnáře do naha svlečeného před zástupem zvědavců, kteří v něm spatřují pouze museální předmět nevšední zajímavosti a drahocennosti».

Land; however, in the case of Egypt and partially Greece, contemporary culture is replaced by the image of the ancient world. In Greece, Svátek repeatedly references Homer, attempting to find echoes of the *Iliad* and the *Odyssey* in the places he visits, presenting the beauty of the architecture and even nature as the legacy of Ancient Greece.

Yet, as soon as he arrives at the port of Patras, where he encounters a predominantly Muslim presence, his attitude shifts dramatically. In his eyes, the beauty of Ancient Greece is trampled underfoot by the Oriental character of the site. Mentions of filth and poverty multiply, and the motif of the *baksheesh* (tipping/bribery) appears repeatedly: «From the square, the path led us along a high embankment (...) with numerous monuments and even more numerous restaurants, where people sat at small tables under the open sky, though devoid of any greenery; instead, they sat amidst a heavy litter of papers, food scraps, and other rubbish—proof that we were beginning to approach the Orient ever more noticeably.»[9] (Svátek, 1907, 28)

Much like Patras, the cosmopolitan Egyptian city of Alexandria appears in the travelogue as a liminal space where three cultures collide: two contemporary, mutually competing cultures (Muslim and British) and one extinct culture that serves as a benchmark or contrastive surface for the present:

> Of course, it took a great deal of imagination to conjure up the Alexandria of the past from the state in which we saw the Alexandria of today before us. We had, in fact, disembarked onto a quite prosaic embankment, clipped in a barracks-like fashion and entirely modern, where only the dusky Arabs in their colourful rags reminded us that we were in the Orient. <...> However, as soon as we drove out from the sober port buildings, colourful scenes began to alternate before us. Alexandria is actually just a kind of divide between West and East. There are quarters of a completely European character right next to purely Arab quarters; on the street, you encounter a lady in the latest «peek-a-boo« blouse, and right beside her an Arab woman in her grotesque veiling with a little Arab child on her shoulder; next to a polished gentleman in a top hat, a sheikh strides majestically in his burnous, and so on. In one street, you feel at home, as if you were somewhere in Karlín, so prosaic are the houses <...>.[10] (Svátek, 1907, 51)

This passage is a perfect illustration of the Saidian «Orientalist gaze». Svátek is looking for the «extinct» Alexandria (Alexander the Great, Hypatia, the Library), is annoyed by the «modern/British» Alexandria (barracks, sobriety), and is fascinated yet repelled by the «Muslim» Alexandria (the rags, the veils). Also noteworthy are the references to the Prague district of Karlín, which can be understood as a typical example of «colonial mapping» through domestication and spatial appropriation.[11] By using an analogy with a place familiar to the domestic reader to describe foreign territory, the traveller did more than merely facilitate

---

[9] Translation DJ. «Z náměstí vedla nás cesta po vysokém nábřeží <…> s hojnými pomníky a ještě hojnějšími restauranty, kde všude se sedělo u malých stolků pod širým nebem, ale bez jakékoliv zeleně, zato uprostřed hojného steliva papírů, zbytků přinesených jídel a jiného smetí, důkaz to, že počínáme stále znatelněji blížiti se Orientu.»

[10] Translation DJ. «Ovšem že bylo třeba mnoho obrazotvornosti, abychom z toho stavu, v jakém jsme viděli Alexandrii dneška před sebou, vykouzlili si Alexandrii minula. Vystoupili jsme totiž na zcela střízlivé nábřeží, po kasárnicku přistřižené a úplně moderní, kde jedině snědí Arabové v pestrých svých cárech nás upomínali, že jsme v Orientu. <…> Sotva však jsme vyjeli ze střízlivých budov přístavních, již se před námi počaly střídati pestré obrazy.

Alexandrie jest vlastně jen jakýmsi předělem mezi západem a východem. Jsou zde čtvrtě úplně evropského rázu a hned vedle čtvrtě čistě arabské; na ulici potkáš dámu v nejnovější bluze 'kukuč' a hned vedle ní Arabku v jejím pitvorném zahalení a s malým Arábkem na rameni; vedle uhlazeného pána v cylindru si majestátně vykračuje ve svém burnusu šejk atd. V jedné ulici se cítíš jako doma někde v Karlíně, tak jsou to střízlivé domy <…>».

[11] Sarah Lemmen refers to similar situations already in her study aptly titled 'We were enchanted, Cairo is like our Prague' (Lemmen, 2007).

Czech readers' comprehension of the depicted location. In Svátek's view, the sober character of the place represents the triumph of European civilization, as it concerns parts of the city that have been successfully transformed from a chaotic Orient into a civilized and cultivated West.

Conclusion

The presence of colonial discourse in Czech travelogues of the long 19th century is indisputable and has been pointed out several times (see especially Lemmen 2018, Faktorová 2012, Heller 2020, etc.). The aim of this study is primarily to clarify, through various examples, the different ways in which these discourses manifested (methodologically following Heller's layers of perceiving the «Other»), with an emphasis on the context of colonialism without formal colonies. The Czech case illustrates that colonial imagination is not necessarily tied to political dominance but also arises from narrative conventions, cultural participation in the imperialistic and colonialist actions of other nations, and from the adoption of their values and hierarchies. Czech travelogues from the turn of the 19th and 20th centuries serve as an excellent case study of how a nation from the periphery of European modernity appropriates and reinterprets global colonial discourse.

The Czech variant of colonialism without colonies differs most significantly from other peripheral national literatures (Swiss, Nordic, but also Polish) through its emphasis on (Pan-)Slavic nationalism (as Lewis 2021 points out, Polish travel literature also used colonial or Orientalist discourse to indirectly distinguish itself from other Slavic cultures, especially Ukrainian). Furthermore, we attempt to develop the thesis, most thoroughly examined by Lemmen (2013, 2018) to date, that travelogue texts oscillate between a somewhat selective empathy for the fate of colonized nations and the reinforcement of the impression of Western cultural superiority. Consequently, the analogy between the national fate of the Czechs and Egyptians does not serve to disrupt colonial hierarchies but, on the contrary, tends to confirm them; stereotypical Orientalist clichés about the laziness and backwardness of Orientals are uttered by members of a nation that views itself as a victim of colonialism, spoken from a position of a kind of moral superiority over the direct executors of colonialism. Ultimately, Czech travelogues help reveal that texts by authors from the periphery of European modernity are not contradictory to the dominant discourse of colonial imagination but, conversely, reinforce it.

The Czech case largely coincides with the perspectives of other European countries that lacked colonies; at the same time, it shows that many phenomena were specific to individual marginalized nations and that the issue of colonialism without colonies requires much deeper and more thorough diversification in the future than that provided by this relatively propaedeutic study, which is intended to be an introduction to the issue of Czech discourse on colonialism without colonies rather than a deeper comparative meta-analysis.

Bibliography

Fait, E. (1892). Z Assiutu do Luxoru / Z Luksoru za Assuán / Na vlnách Nilských. *Lumír*, 20, 340-377

Faktorová, V. (2012). *Mezi poznáním a imaginací: Podoby obrozenského cestopisu*. ARSCI

Hall, S. (1992). The West and the rest: Discourse and power. In S. Hall & B. Gieben (Eds.), *Formations of modernity* (pp. 275-320). Polity Press.

Herza, F. (2020). Colonial exceptionalism: Post-colonial scholarship and race in Czech and Slovak historiography. *Slovenský národopis*, *68*(2), 175-187.

Heller, J. M. (2020). *Obraz druhého v českém cestopise 19. století*. Fakulta humanitních studií Univerzity Karlovy.

Huigen, S., Kołodziejczyk, D. (2023). *East Central Europe—Between the Colonial and the Postcolonial in the Twentieth Century*. Palgrave Macmillan.

Jiřík, V. (1913). *K pyramidám: Zápisky z cest*. Švejda.

Klement, F. (1895). *Palestýna*. Edv. Beaufort.

Klement, F. (1909). *Z ovzduší haremů a pouští*. J. Otto.

Lewis, S. (2021). East Is East? Polish Orientalisms in the Early Nineteenth Century. *Central Europe*, *19*(2), 135-152

Lemmen, S. (2007). «We were enchanted, Cairo is like our Prague»: Travelogues on Egypt as a Mirror of Czech Self-perception around 1918. In J. Holaubek, W. B. Oerter, H. Navrátilová (eds.), *Egypt and Austria III: The Danube Monarchy and the Orient: Proceedings of the Prague Symposium 2006* (167-176). Set Out.

Lemmen, S. (2013). Noncolonial Orientalism? Czech Travel Writing on Africa and Asia around 1918. In J. Hodkinson, J. Walker, S. Mazumdar and J. Feichtinger (eds.). *Deploying Orientalism in European Culture and History* (209-227). Rochester.

Lemmen, S. (2018). *Tschechen auf Reisen – Repräsentationen der außereuropäischen Welt und nationale Identität in Ostmitteleuropa 1890-1939*. Köln: Böhlau.

Loftsdóttir, K., & Jensen, L. (2021). *Exceptionalism*. Routledge.

Lüthi, B., Falk, F., & Purtschert, P. (2015). Colonialism without colonies: Examining blank spaces in colonial studies. *National Identities*, *18*(1), 1-9. https://doi.org/10.1080/14608944.2015.1110271

Němec, V. (1916). *Má cesta do Afriky přes Balkán*. Ústřední dělnické knihkupectví a nakladatelství (Ant. Svěcený).

Said, Edward W. (1977). *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. Penguin.

Slačálek, O. (2016). The Postcolonial Hypothesis. Notes on the Czech «Central European» Identity. *ALPPI Annual of Language and Politics of Identity*, *10,* 27-44.

Smutný, V. (2023). Reprezentace Židů ve vybraných časopiseckých cestopisech na přelomu 19. a 20. Století. In N. Trojková (ed.), *Cestami dlouhého 19. století: příspěvky k časopisecky vydávané cestopisné literature* (133-155). Univerzita Palackého v Olomouci.

Soukup, D. (2013). *«Cikáni» a česká vesnice: Konstrukty cizosti v literatuře 19. století*. Nakladatelství Lidové noviny.

Spivak, G. C. (1988). Can the Subaltern Speak? In C. Nelson, L. Grossberg (eds.), *Marxism and the Interpretation of Culture* (271-313). University of Illinois Press.

Spivak, G. C. (2006). Are we Postcolonial? Post-Soviet Space. *PMLA/Publications of the Modern Language Association of Americe*, *121*(3), 828-836.

Storchová, L. (2005). *Mezi houfy lotrův se pustiti… České cestopisy o Egyptě 15.-17. století*. Set out.

Storchová, L. (2009). Biblická topografie a inscenace orientálního cizího v českých cestopisech raného novověku. In P. R. Beneš (ed.), *Františkánství v kontaktech s jiným a cizím* (64-81). FF UK.

Svátek, J. J. (1907). *V zemi faraonů*. Fr. Řivnáč.

Svátek, J. J. (1911). *V zemi Sv. Kříže*. Fr. Řivnáč.

Todorova, M. N. (1997). *Imagining the Balkans*. Oxford University Press.

Vuorela, U. (2009). Colonial complicity: The 'Postcolonial' in a Nordic context. In S. Keskinen (Ed.), *Complying with colonialism: Gender, race and ethnicity in the Nordic region* (19-33). Ashgate.

Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the Enlightenment*. Stanford University Press.

Artificial intelligence ChatGPT and Gemini contributed to the translation and language corrections of the paper, and the creation of the abstract.

МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И РОЗНЬЮ: ВЗГЛЯД ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ НА КАВКАЗ 1905 ГОДА

Дали Канделаки
Кафедра истории России факультета гуманитарных наук
Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили

1. Введение

В начале XX века Кавказ оставался одним из самых нестабильных и противоречивых регионов Российской империи. Этническое многообразие, социальное неравенство, усиливающиеся национальные движения и волны политического насилия превращали этот регион в арену, где особенно остро проявлялись кризисные явления, присущие всей имперской системе.

Интерес европейцев к Кавказу возник задолго до 1905 года, но именно в этот период регион стал объектом пристального внимания из-за революционных событий и этнических столкновений. В своих дневниках и письмах европейцы фиксировали рост революционной активности среди рабочих, крестьян и интеллигенции. Особое внимание уделялось роли социал-демократических партий и влиянию революционной агитации на местное население. Одной из центральных тем в записях путешественников были армяно-татарские столкновения 1905 года. Европейские авторы по-разному интерпретировали причины конфликта, нередко проецируя свои собственные политические взгляды на происходящее. Особый интерес представляют работы французского писателя и путешественника Жана Шопфера (1868-1931), известного под литературным псевдонимом Клод Анэ, и итальянского путешественника, журналиста и дипломата Луиджи Виллари (1876-1959).

В 1906 году в Париже была издана книга Клода Анэ «Розы Исфахана. В Персию на автомобиле через Россию и Кавказ» (Anet, 1906), в которой он подробно описывает свои впечатления о регионе. Полные переводы произведенияй Клода Анэ на грузинском и русском языках, насколько известно, до сих пор не публиковались. Грузинский перевод части произведений Клода Анэ, посвященных поездке в Грузию в сокращенном виде опубликовала И. Начкебия (Nach'qebia, 2018). Французский ученый С. Баш в статье «Центральная Азия Клода Анэ, репортера и коллекционера (1905, 1909, 1910)» (Баш, 2013: 189-194), среди прочих важных вопросов, рассматривает политические события на Кавказе так, как они расцениваются французским писателем. С. Баш рассматривает творчество Анэ в рамках европейских представлений о Востоке и анализирует его как источник по истории Кавказа. Революциям в России 1905 и 1917 годов в произведениях французского писателя посвящена также статья российского исследователя Э. Б. Петровой (Петрова 2018: 11-23). Публикация Э. Петровой детально анализирует поездки Клода Анэ, обращая внимание на политический контекст его маршрута, а также на возможные скрытые дипломатические мотивы путешествия. На основе книги Клода Анэ мною опубликованы две статьи (Канделаки, 2022a: 16-22; Канделаки 2022b: 209-217), в которых рассматриваются революционные события 1905 года и анализируются межэтнические проблемы на Кавказе.

В 1906 году в Лондоне вышла книга Луиджи Виллари (1876-1959) «Огонь и меч на Кавказе» (Villari, 1906), в которой автор фиксирует свою оценку событий и политической ситуации на Кавказе. Примечательно, что в 1918 году еженедельный журнал «Армянский вестник» опубликовал перевод статьи Луиджи Виллари «Армяне и татары». Редакция журнала в примечании отмечает, что очерк был опубликован в «New Armenia» (Виллари, 1918: 7-10).

На книгу Л. Виллари относительно часто ссылаются в своих трудах историки, однако она все равно малоизвестна широкой публике. Ещё в 2009 году в журнале «Новое время» в двух номерах под заголовком «Прогресс армян вызывал у татар сильное раздражение…» (Шуваева-Петросян, 2009**а**) и «Если бы не армяне, иностранцы прибрали бы к рукам всю бакинскую нефтяную промышленность…» (Шуваева-Петросян, 2009**б**) были опубликованы фрагменты из книги Луиджи Виллари в русском переводе К. Вртанесяна. Книга Луиджи Виллари на грузинском (Villari, 2024) и русском языках (Виллари, 2024), увидела свет лишь в 2024 году.

В статье итальянского арменоведа А. Феррари — «Большинство из них благородны». Луиджи Вильяри и армяне во время армяно-татарской войны 1905–1906 гг.» — рассматривается книга Луиджи Виллари о Кавказе, в частности, отношение автора к армянам. Ученый отмечает, что в своем произведении путешественник весьма интересно интерпретирует негативные стереотипы об армянах, распространенные в Российской империи в начале XX века (Ferrari, 2021: 257-273).

При анализе ряда сюжетов исследователи активно обращаются к книге путешественника. Так, Б. Маилян в монографии «Очерки этнополитической истории Грузии и Западного Закавказья: Аджария, Южная Осетия, Сочи–Джикетия, Самцхе–Месхетия на рубеже XIX-XX веков» подчёркивает, что посетивший Кавказ Луиджи Виллари обладал достаточной осведомлённостью, чтобы сделать для европейца поразительно точные наблюдения. По Маиляновой интерпретации, Виллари отмечал, что грузинские дворяне не только ностальгировали по временам своего господства, но и выступали «за возрождение самостоятельной Грузии, управляемой олигархией» (Маилян, 2022: 85-86).

В монографии З. Анчабадзе «Альтернативная история Грузии. Европейские источники о Грузии и её роли в европейской цивилизации» о Закавказской железной дороге приводится характерный эпизод из книги Виллари: по словам автора, одной из особенностей местных железных дорог было большое число безбилетных пассажиров; на требование контролёра предъявить билет нередко отвечали: «У меня нет билета, но есть револьвер» (Анчабадзе, 2024: 201).

Следует также упомянуть статью Д. Швелидзе «Несколько слов о Луиджи Виллари и его книге», опубликованную в грузинском переводе труда итальянского дипломата (Villari, 2024: 7-12). Исследователь отмечает, что книга стала известна грузинской публике вскоре после выхода благодаря усилиям В. Черкезишвили[1]. Высоко оценивая работу Виллари, Д. Швелидзе одновременно указывает на содержащиеся в ней ошибки и неточности в изложении истории Грузии в период древности и средних веков.

Таким образом, существующая литература позволяет рассматривать Клода Анэ и Луиджи Виллари как значимых европейских наблюдателей революционных событий 1905 года, чьи свидетельства раскрывают особенности восприятия Кавказа в европейской интеллектуальной среде начала XX века. Их описания фиксируют не только отдельные эпизоды политической и социальной

[1] Варлаам Черкезишвили (1846, Тохлиаури, Грузия — 1925, Лондон) — грузинский анархист.

жизни региона, но и демонстрируют специфику внешнего взгляда на революционные процессы и межэтнические конфликты в Закавказье.

2. Цель и методология исследования

Цель данного исследования заключается в анализе взглядов европейских путешественников Клода Анэ и Луиджи Виллари на политические и социальные процессы на Кавказе в период первой русской революции 1905 года. Исследование направлено на выявление того, каким образом они интерпретировали революционные события, межэтнические конфликты и процессы распада имперского управления, а также на определение значения их текстов как исторических источников.

Методология исследования опирается на принципы историко-источниковедческого анализа и сочетает качественные исследовательские подходы. В центре внимания находятся европейские путевые записки Клода Анэ и Луиджи Виллари, рассматриваемые как нарративные исторические источники, фиксирующие восприятие очевидцами событий 1905 года. Их анализ включает изучение жанровой структуры, авторских установок, условий создания и специфики описания революционной ситуации.

Сравнение текстов позволяет выявить как точки пересечения в интерпретации революционных событий, межэтнических столкновений и оценке политики имперских властей, так и принципиальные расхождения, определяющие границы их «наблюдательской объективности».

Контекстуальный подход дополняет исследование: наблюдения Анэ и Виллари соотносятся с политическими, социальными и этнополитическими реалиями Российской империи начала XX века. Это позволяет оценить степень точности их выводов и установить, какие элементы интерпретации обусловлены спецификой европейского восприятия Кавказа и Востока.

3. Дискуссия и выводы

Книга французского писателя Клода Анэ была результатом сложного и полного приключений путешествия французского журналиста вместе с друзьями. Его текст, написанный в форме дневниковых записей, фиксирует отдельные эпизоды революционных событий и межнациональной резни на Кавказе. Клод Анэ путешествовал на машине из Бухареста в Персию в апреле-июне 1905 года. Как пишет Клод Анэ, он и его спутники[2] путешествовали просто ради своего удовольствия, однако относительно цели поездки высказывают мнение, что путешественники могли выполнять некую дипломатическую миссию, ведь среди участников экспедиции были небезызвестные политические деятели, а события на международной арене не отличались спокойствием.[3]

Еще во Франции, до поездки в Персию, путешественники знали о продолжающейся революции в Российской империи. Несмотря на революцию, они осмелились и пустились в путь. Из Бухареста они выехали 11 апреля, 15-17 апреля провели в Одессе, 18 апреля были в Севастополе,

[2] Его спутниками в этой поездке по Европе на трех машинах были авиатор и автолюбитель князь Джордж-Валентин Бибеско (1880-1941), его молодая жена Марта Бибеско (1886-1973), его кузина Мишель Ферекиде со своим супругом Михай Ферекиде (1842-1926), князь Эммануэль Бибеско (1874-1917), румынский спортсмен М. Леонида, а также трое механиков-водителей: швейцарец Келлер, француз Эжен и румын Гиорги.

[3] По мнению некоторых наблюдателей, в основе этого путешествия лежал чисто профессиональный мотив: Марта Бибеско следовала за своим мужем, отправленным в 1905 г. королем Румынии Карлом в дипломатическую миссию при шахе Персии Мозафереддине (Баш, 2013: 190).

20 апреля — в Ялте. 21 апреля они покинули Крым и продолжили свой путь на пароходе «Великий князь Борис» на Кавказ. Первым городом, который они посетили, был Батум. Приехав в этот город, Клод Анэ задается вопросом: не будет ли здесь серьезных беспорядков, которые предсказывал каждый из нас? По дороге в отель они становятся свидетелями убийства. В гостинице «International», где останавливались путешественники, вместо немецкого владельца отеля дверь им открыл солдат; писатель отмечает, что слуги бастовали, не было еды и они отказывали снабжать владельца гостиницы едой, которому революционный комитет угрожал смертной казнью.

Французский писатель в мрачных тонах характеризует революционный Батум: «Город, где человеческая жизнь ничего не стоит. Везде, перед банками и почтовыми отделениями, а также на углах улиц стоят солдаты с винтовками. Почтовые подводы и грузовики сопровождаются казачьими конвоями. Это мудрая предосторожность, ибо появление на дороге рабочих, грузчиков или бродяг зловеще». Клод Анэ отмечает, что в промышленном и торговом городе Батуми бастует много людей. Он предполагает, что в городе три ревкома — Грузинский, Армянский и Русский — и считает, что это слишком много для одного города. Он также отмечает, что смертные приговоры, выносимые этими комитетами, являются не просто угрозой (Канделаки, 2022а: 18).

Путешественник отмечает, что к разнородным людям, работающим в порту, несколько месяцев назад присоединились русские, спасающиеся от невзгод со своей родины. Результатом явилась скученность рабочей силы и всеобщее недовольство, используемые политическими комитетами. Забастовали рабочие порта, а затем и нефтеперерабатывающих заводов. На Батумском вокзале, который был занят солдатами, царили беспорядки, путешественники стали свидетелями убийства механика:

> Казаки в поезде, казаки на подножках вагонов; у проводников поезда висят на поясах револьверы. Боятся ли они нападения восставших крестьян? Вся местность между Батумом и Кутаисом стоит на ногах. Мы движемся очень медленно. Солдаты на каждой станции: вдоль вагонов, через дорогу, вижу их сотни, они там ночуют... (Anet, 1906: 69).

Клод Анэ, находившийся в Тбилиси с 29 апреля по 6 мая 1905 года, писал, что казачий патруль ходит по улицам, но город не находился в осаде, как города, из которых они приехали. Он отметил, что гостиницы закрыты, трамваи пусты, полгорода, в том числе персонал гостиницы, бастует. В отеле «Лондон», где не было никого, кроме Клода Анэ и его спутников, хозяин гостиницы выполнял функции повара, а его мать и сестра — горничных. Кроме того, путешественников обслуживали солдаты. Однако он также подчеркнул, что революционеры все же допускали возможность приехать в Баку поездом. Механики и водители походной навигации «Caucase-Mercure» не бастовали. В Тбилиси были открыты театры, за что французский журналист благодарит комитеты революционеров.

Во время своего пребывания в Тбилиси он говорил с людьми о ситуациях на Кавказе[4]. Информация поступала к нему со всех сторон, как от государственных чиновников, так и от журналистов-оппозиционеров. В результате появилось более четкое представление об истоках бушующих беспорядков на Кавказе и их причинах. Он отмечает что волнения, уже почти год повсеместно охватившие необъятную Российскую Империю, приобрели на Кавказе особую остроту и исключительную серьёзность (Канделаки, 2022а: 19).

[4] Политической ситуации в регионе французский писатель посвящает особый раздел «Волнения на Кавказе» (Anet, 1906: 97 – 104).

К причинам недовольств, возникших здесь, как и в остальной части России, добавились, обостряя их ещё более, межнациональные распри и религиозная нетерпимость. Он считает, что татары5, армяне, грузины, черкесы и два десятка других народностей, обитающих в горах и на равнинах Кавказа, всегда были взаимно настроены враждебно. На какое-то время мощь русского медведя заставила царить в этой стране непрочный мир; однако медведь этот ныне ослаб, занятый иным и гражданская война возобновляется на Кавказе (Anet, 1906: 97).

В своём анализе причин волнений на Кавказе Клод Анэ задаётся ключевым вопросом — где следует искать виновных в хаосе и несчастьях, охвативших регион в период революции 1905 года? Он подчёркивает, что подобные беспорядки не могли возникнуть спонтанно или без внешних факторов, поскольку общий экономический и политический фон был крайне неблагоприятным. Однако, по мнению автора, существовали определённые социальные и политические силы, которые умело воспользовались сложившейся ситуацией для достижения собственных целей. В частности, Анэ выделяет среди этих сил российские и грузинские социал-демократические движения, революционеров, а также армянские группы, которые, будучи давно подготовленными, смогли использовать революционные настроения для пропаганды своих идей и ускорения падения самодержавия. Автор обращает внимание на активную роль этих групп в подстрекательстве крестьянства не только к отказу от уплаты арендной платы, но и к требованию имущества помещиков, что свидетельствует о глубокой социальной напряжённости в регионе. Согласно Анэ, значительную роль сыграли многочисленные забастовки различных социальных слоёв — рабочих нефтяной промышленности, грузчиков, железнодорожных служащих, работников транспорта, торгового персонала и даже обслуживающего персонала кафе и ресторанов. Автор подчёркивает, что «нет ни одной корпорации, которая бы не бастовала, к примеру, в Тифлисе» (Anet, 1906: 102) и именно эти протестные движения фактически парализовали городскую жизнь, закрыв продовольственные рынки и доведя город до угрозы голода. Таким образом, Клод Анэ рассматривает революционные события на Кавказе как результат объективных социально-экономических и политических кризисов, так и сознательных действий организованных групп, стремившихся использовать нестабильность для изменения существующего порядка. Его наблюдения указывают на многокомпонентный характер революционных процессов, включая взаимодействие классовых, этнических и политических факторов, а также демонстрируют влияние локальных движений на ход более широких исторических трансформаций в Российской империи .

Французский путешественник в текущих событиях четко видит эффект заранее согласованного плана действий и приведение в исполнение мер, принятых людьми, которые знают, чего они добиваются, поддерживая постоянное брожение в массах. Он особо подчеркивает, что забастовки имеют прежде всего политический характер:

> Революционеры нашли нужный момент для того, чтобы ускорить требуемые преобразования. Этим они создали себе сторонников во всех слоях трудового общества. Повсеместно они выдвинули трудящимся свои четкие и понятные программы. Повсюду хозяева столкнулись с четкими требованиями, выдвинутыми опытными рабочими, уверенными в своих правах и громко о них заявляющими (Канделаки, 2022а: 20).

[5] Татарами называли азербайджанцев, живущих на Южном Кавказе. Кавказские татари-тюркоязычные шиити, которых начиная с 1936 года стали называть азербайджанцами.

Писатель подчёркивает сложный и многослойный характер конфликта, где нельзя однозначно винить одну сторону. Он подчёркивает важность рассмотрения конфликта в контексте этнических, религиозных и политических противоречий, а также отражает неспособность тогдашних властей эффективно управлять ситуацией и обеспечивать безопасность населения. Французский журналист выражает беспокойство по поводу репрессий против армян на Кавказе. Он пытается выяснить проблему — в чём же обвиняют армян и приводит аргументы и факты, доказывающие ненависть к ним. Клод Анэ описывает армян как умных и деятельных людей, которых часто обвиняют в быстром обогащении за счёт тех, среди кого они живут — будь то крестьяне, промышленники или торговцы. Он отмечает, что армяне присутствуют везде, где ведутся сделки, и, подобно евреям, превосходят всех в вопросах денег и коммерции. Из-за своего успеха они сталкиваются с критикой: их упрекают в отсутствии мужества и нежелании участвовать в сражениях, а также в бережливости, которая воспринимается как жадность. При этом считается, что они занимаются ростовщичеством и не проявляют жалости к тем, кого разоряют. Автор не сомневается, что армяне порой злоупотребляют своим положением, однако подчёркивает, что «объективная истина в другом: среди населения, относящегося с отвращением к труду, они чрезмерно активны-предприимчивы. Среди людей, не смыслящих в сделках, они имеют к ним тягу и самое развитое чутьё; они скупы среди людей расточительных» (Anet, 1906: 100). Анэ ставит под сомнение официальную позицию, согласно которой армянские комитеты являются источником нестабильности; он подчёркивает, что именно армяне больше всех страдают от анархии, убийств и экономических потрясений. Писатель показывает, что беспорядки наносят вред прежде всего активным, конструктивным силам общества; акцентирует, что армяне, вопреки обвинениям, стремятся не к разрушению порядка, а наоборот, к установлению справедливой и эффективной власти. Здесь автор явно солидаризируется не только с армянами, но и с русскими либералами и революционно настроенными слоями, выступающими против деспотизма:

> Армяне заинтересованы в том, чтобы страна была мирной, и чтобы в ней был установлен порядок. <…> Они хотят справедливую и сильную политическую власть, которая бы защищала их. До сих пор нынешнее правительство плохо обращалось с ними. Они жаждут его падения. Какой разумный русский не возрадуется сегодня вместе с ними концу самодержавного и бюрократического режима? (Anet, 1906: 101).

Записки путешественника представляют собой описание ситуации глубокого распада имперской власти и стремительно нарастающего этнического конфликта. Прибыв в Баку 7 мая (Anet, 1906: 114), он с удивлением отмечает, что несмотря на значительное военное присутствие, армия не смогла или не захотела предотвратить февральскую резню армян, что отражает ограниченные возможности царской администрации эффективно реагировать на происходящее. Особое значение имеет его следующее наблюдение в Ереване 11 июня (Anet, 1906: 305): для проезда через город Анэ вынужден был запрашивать разрешение у Революционной партии, что ярко демонстрирует переход фактической власти в руки местных вооружённых комитетов. Армянские боевики бросают бомбы в дома мусульман, татары стреляют в ответ, и перед путешественником разворачивается кровавая сцена уличной войны, в которой нет ни победителей, ни защитников. Эти эпизоды свидетельствуют как о кризисе управления, так и о наличии социально-политических противоречий. Анэ предстает

внимательным и критическим свидетелем того, как Империя теряет контроль над своими окраинами, превращающимися в зону безвластия и насилия.

Критика самодержавия выражена наиболее последовательно в размышлениях очевидца, который, став свидетелем революции и этнической резни 1905 года, приходит к выводу о недостаточности мер, предпринимаемых правительством. Он не находит ответа на вопрос о действиях правительства[6] перед лицом решительных революционных сил, поскольку, по его словам, «у правительства нет никакой тактики, и единственная его доктрина, применяемая им, впрочем, с упорством, заслуживающим уважения, — это попустительство... Правительство не делает ровным счётом ничего. Это самое слабое и немощное европейское правительство» (Anet, 1906: 103). Эта позиция представляет собой констатацию ограниченной эффективности государственной политики. Автор утверждает, что власть демонстрирует крайнюю степень бездействия, граничащего с соучастием, допуская взаимное уничтожение народов, которых она считает враждебными: «Бездеятельность его такова, что доходит до обвинения правительства в тайной и скрытной тактике столкновения наций» (Anet, 1906: 103). Власть лишена стратегии, моральной опоры и даже минимальной организованности; её единственный инструмент воздействия сводится к посылке казаков, что лишь подчеркивает примитивность её реакции на сложнейшие политические процессы.

Клод Анэ ставит вопрос о ближайшем будущем этой страны. Он считает, что надо быть очень смелым, чтобы делать прогноз. Французский журналист не мог себе представить какое правительство сумеет заставить жить в мире татар и армян, поддерживая различные национальности и сохраняя одновременно необходимое единство, дабы обеспечить нормальную политическую жизнь в стране и при глубокой смуте — урегулировать аграрный вопрос, проблемы рабочих и положить конец религиозным розням. В качестве заключения он резюмирует свое мнение и задает новый вопрос: «Российское самодержавие потерпело неудачу в этой трудной задаче. Удастся ли это представительной форме правления? Осталась только это попытка» (Канделаки 2022b: 214).

Путешественник считает, что Россия существовала как угроза единству Кавказа и старалась максимально разделить народы региона, угнетала нерусских. В них внушали отвращение и ненависть, возбуждали вражду и недоверие, подстрекали их к кровопролитным столкновениям, обостряли между ними национальную рознь, преследовали их языки, веру, национальную культуру, обычаи. Автор достаточно глубоко осведомлён о ситуации в тех регионах империи, которые он посещает, что его наблюдения позволяют точно понять причины происходящих волнений. Его свидетельства как очевидца революционных процессов представляют значительную ценность и сохраняют актуальность для сегодняшнего дня.

В 1905 году Луиджи Виллари (1876-1959) совершил поездку по Кавказу. Итогом этого путешествия стала книга «Огонь и меч на Кавказе», которая представляет собой не просто сборник впечатлений иностранца, а аналитическое свидетельство очевидца имперского распада. 30-летний итальянский публицист, из Одессы прибыл в Грузию, в Батуми на пороходе «Цесаревич Георгий» в начале осени 1905 года.

---

[6] Наместник на Кавказе в 1905-1916 гг. Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (27.05.1837 – 15.01.1916) свои соображения об основаниях предстоящей деятельности по устроительству Кавказского края — «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем» (Воронцов-Дашков, 1907) — составил накануне выборов в Государственную Думу Российской Империи второго созыва и адресовал российскому императору Николаю II. В программе реформ наместника вместе с аграрным, приоритетным был также национальный вопрос.

Информацию о революционных и этнических событиях путешественник получал от непосредственных участников, встречаясь со всеми, кто был причастен к происходящим процессам. Он пишет: «Я консультировался с множеством людей всех классов, народов и религий, от русского наместника до простых крестьян, от начальников тайной полиции до грузинских революционных лидеров, не говоря уже о редакторах местных газет, и иностранных подданых, и консулах» (Виллари 2024: 7). Цитата подчёркивает главное достоинство Виллари как наблюдателя — стремление к объективности через многостороннее восприятие. Это позволяет рассматривать его труд как историко-документальное свидетельство, но и как пример журналистского и дипломатического подхода, в котором личный контакт с разными слоями общества становится основой анализа.

По мнению Виллари, революционные партии на Кавказе не имели четкой стратегии, за исключением стремления к дестабилизации власти и проведению реформ. Он выражал сомнения относительно их реальных целей, отмечая, что в таких городах, как Батуми, убийства и насилие происходили слишком легко, а военные, казалось, получали приказ не вмешиваться в действия революционеров. Таким образом, Виллари критиковал не только официальную власть, но и революционные силы, подчеркивая их деструктивное влияние на регион:

> Трудно понять цели революционных партий, но правительство страны, скорее всего не сможет ничего выполнить, не проведя реформы... Весь порядок ослаб, весь авторитет подорван. Правительство не сделало ровным счетом ничего, кроме того, что изредка донимают людей актами чудовищной глупости или недобросовестности. Кажется невероятным, что в таком укрепленном городе, как Батуми, в окружении батарей, ощетинившихся орудиями, и гарнизона многочисленных войсковых соединений, так легко происходят убийства и беспорядки. Не было принято никаких попыток арестовать виновных и фактически на словах приказано, чтоб революционеров оставили в покое (Виллари, 2024: 47-48).

Фрагмент демонстрирует политический кризис и системную слабость административной и моральной власти, проявляющуюся в неспособности контролировать общественный порядок и реагировать на насилие. Виллари выступает не как нейтральный свидетель, а как аналитический наблюдатель, оценивающий эффективность правительственных мер и последствия их отсутствия для стабильности региона.

Итальянский публицист признаёт наличие систематической русификации — распространения языка, обычаев, управленческих методов, но подчёркивает ограниченность её эффективности. По его мнению, даже спустя сто лет такой политики, Кавказ не станет «русским», то есть не примет полностью российскую культурную, этническую или политическую идентичность; это суждение свидетельствует о понимании культурной устойчивости региона, где сильны локальные традиции, национальные чувства и историческая память. Он называет русские методы управления превосходящими, что может отражать его европейское восприятие «цивилизационной миссии», но тут же дистанцируется от мысли о том, что это превосходство обеспечивает ассимиляцию. Автор признаёт, что Российская империя надёжно контролирует Кавказ, но одновременно выдвигает единственный возможный путь к стабильности: «Это может быть регламентировано лишь на основе автономии» (Виллари, 2024: 29). Он не предлагает немедленного отделения Кавказа, но утверждает, что без автономии стабильность и подлинная интеграция невозможны. Данное суждение демонстрируе его позицию дальновидной и примечательной в сравнении с более однозначно проимперскими нарративами его времени.

Писатель фиксирует двойную реальность: с одной стороны — постоянная угроза насилия, репрессий, бунтов; с другой — устойчивость общества, способность продолжать «нормальную» жизнь. Список участников конфликта — крестьяне, войска, казаки, помещики, чиновники, солдаты — показывает, что речь идет не просто о «революции» в абстрактном смысле, а об открытой гражданской вражде. Это вертикальный конфликт: народ против власти, но в то же время и горизонтальный — между разными социальными и этническими группами.

Писатель отмечает эмоциональную и ментальную стойкость грузинского общества, которое, несмотря на колониальную нестабильность, сохраняло социальные связи, политическую вовлечённость и чувство идентичности:

> Люди жили в состоянии напряжения, опасались бунтов и репрессий, которые могли начаться в любой момент, и почти каждый день приходили новости из отдаленных районов о столкновениях между войсками и крестьянами, казаками, расквартированными в деревнях, убийствах помещиков и чиновников, резни солдатами. Но, несмотря на панику, люди вели свой обычный образ жизни, общались, смеялись, пели и обсуждали политику (Виллари, 2024: 73).

Путешественник фиксирует структурную слабость власти и её моральный крах, демонстрируя масштабы региональной трагедии: «Политика российского правительства колебалась между уступками и принуждением... Войска безжалостно били гурийцев и вся провинция утопала в крови» (Виллари, 2024: 86). Таким образом, автор противопоставляет реальные последствия репрессий официальной имперской риторике, оправдывавшей их борьбой с «анархией», и подчёркивает ограниченную эффективность государственной власти и последствия её действий для региона.

После пребывания в течение нескольких месяцев на Кавказе, Виллари откровенно признаётся в своём утомлении из-за армяно-татарских противоречий и социалистических устремлений грузин. Даже сообщения о беззаконии российских властей стали приедаться. Он уже не просто внешний наблюдатель, а человек, переживающий эмоциональную усталость от бесконечного конфликта и политической турбулентности. Такое признание делает его рассказ особенно человечным и достоверным. Он упоминает два пласта конфликта: этнический и идеологический. Это подчёркивает многослойность кризиса, где не просто идёт борьба за власть, а сталкиваются разные идентичности, идеи и традиции. Однако сам факт, что эти темы утомляют, показывает длительность и беспросветность происходящего. Фраза — «Даже сообщения о беззаконии российских властей стали приедаться» — отражает систематичность и частоту проявлений насилия, а не безразличие автора. Она указывает на то, что нарушения закона и злоупотребления стали обыденным явлением, что позволяет Виллари фиксировать нормализованную структуру насилия и последствия её повторяющегося характера для общества.

Более половины книги посвящено великой трагедии и проблеме Кавказа — конфликтным отношениям армянского и азербайджанского народов. Автор отмечает, что столкновения между этими народами приобрели особую остроту именно в 1905 году, что привело к многочисленным жертвам и разрушениям. Виллари уделял значительное внимание описанию насилия, подчеркивая роль местных элит и российских властей в эскалации конфликта. Он рассматривал этот межэтнический конфликт не только как локальное противостояние, но и как часть общей политики Российской империи в регионе.

Автор рассказывает читателю, что несмотря на давнюю вражду, татары и армяне при царской власти жили рядом в относительном мире, не смешиваясь, но взаимодействуя в деловой и административной сферах. До 1905 года открытых боевых действий не было. Конфликт вспыхнул на фоне провокаций, в которых обе стороны обвиняли друг друга, но многие признавали роль правительства, действующего по принципу «разделяй и властвуй». Власти поощряли татар к нападениям на армян, обещая невмешательство. После ухода князя Голицына[7] антиармянскую политику продолжили его преемники, что привело к насилию в Баку (февраль 1905), Эривани (март) и резне в Нахичевани (май). Новый наместник Воронцов-Дашков, хоть и окружённый неоднозначными фигурами, взял курс на примирение. Правительство поняло, что татарская агрессия вышла из-под контроля, а армяне, вопреки ожиданиям, оказались стойкими. В августе 1905 года была изменена политика: армянам вернули церковную собственность и разрешили школы. Это временно снизило насилие, но татарские нападения продолжались, особенно в Шуше и Баку. Виллари подчеркивает, что даже если у центра возникло намерение навести порядок, инструментов для этого не осталось. Это не просто локальный сбой, а симптом тотального ослабления государства. Даже минимальная стабилизация невозможна системно. Писатель трактует армяно-татарский конфликт не как случайный эпизод, а как структурную вражду, где государство утратило статус арбитра.

> Чиновники надеялись, что, парализуя церковь, остановят и политическую деятельность народа, но рузультат получился обратный. Разразилась война с Японией, давала о себе знать нехватка войск, и престиж правительства был подорван. Грузия стала жертвой революционной агитации, русских в Закавказье было слишком мало и слишком сильно они проникись революционными идеями, чтобы можно было их использовать, остался только один элемент, на который можно было положиться – татары – и их чиновники использовали в своих трудностях (Виллари, 2024: 137).

Фраза — «Чиновники надеялись, что, парализуя церковь, остановят и политическую деятельность народа» — иллюстрирует типичный имперский подход к подавлению национальной идентичности через ограничение культурных и духовных институтов. Виллари указывает на стратегическую ошибку властей: попытка контроля над идентичностью населения привела к радикализации и дестабилизации. Он связывает внешнюю военную катастрофу (русско-японская война 1904-1905 гг.) с внутренним кризисом, показывая, что поражения на Востоке ослабляли авторитет империи и на периферии, включая Кавказ. Автор фиксирует, что даже этнические русские в регионах перестали быть опорой режима, что подчёркивает универсальный характер кризиса. Виллари демонстрирует, что политика имперских властей способствовала усилению этнополитической напряжённости и снижению устойчивости административного управления.

Луиджи Виллари обращает внимание на информационный хаос и цензуру, которые мешают полноценному пониманию трагедии. Общество не получало правдивых сведений даже о масштабных этнических конфликтах, а власть, скорее всего, сознательно способствовала туману дезинформации. Этнические столкновения в Баку (1905) не просто локальный инцидент, а симптом глубокой социальной и этнополитической болезни. Это указывает на серьёзное ослабление административного и правового контроля в регионе. Он утверждает, что столкновения в Баку, лишь фрагмент

[7] Голицын Григорий Сергеевич (1838-1907) — русский военный и государственный деятель. Главноначальствующий Кавказской администрации (1896-1905), губернатор Уральской области (1876-1885), участник Кавказской войны, генерал от инфантерии (1896), генерал-адъютант (1897).

более широкой борьбы: между стремлением к свободе, правам, модернизации и имперской автократией с азиатским лицом. Это не только геополитическая, но и цивилизационная критика России, которую разрывают противоречия между прошлым и будущим. Кавказ и Баку — пространство пересечения различных политических и культурных тенденций, в которых проливается кровь. Виллари занимает чёткую ценностную позицию, в которой свобода, прогресс, европейскость — положительны, а империализм, подавление и этническая вражда — маркеры отсталости. Он формулирует цивилизационный диагноз: Россия не справляется с вызовами времени и гибнет в конфликте между варварством и прогрессом: «Борьба за свободу в империи — всего лишь конфликт между азиатской и средневековой автократией и современным прогрессом» (Виллари, 2024: 166).

Л. Виллари отказывается делать конкретный прогноз, но фиксирует состояние системного распада, используя термин «анархия» — ключевое слово, которым он неоднократно описывает Кавказ начала XX века. Это хаос без центра и контроля, но при этом с латентной силой, готовой к взрыву. Он подчеркивает вторичность Кавказа по отношению к столичным событиям. Революция в России, в случае её «торжества», вовсе не гарантирует порядок, а, наоборот, может узаконить состояние постоянного кризиса. Это реалистичный прогноз в духе европейского политического анализа. Виллари проводит важное различие: власть может подавить беспорядки, но не искоренить их причины. Это противостояние не решается силой, она лишь отсрочивает катастрофу. Писатель утверждает, что имперская лояльность, основанная на мифе о «царе-батюшке», неприемлема для кавказцев. Он признаёт ментальное и культурное различие между Кавказом и остальной Россией. Для Кавказа силовое подчинение единственно возможный способ удержания в составе империи, но при этом наиболее уязвимый. Виллари использует образ географической неприступности Кавказа как символ политической и культурной неподконтрольности. Это — регион-сопротивление, где авторитарная власть не может укорениться так же, как в центральной России: «У кавказских народов нет этого священного почитания царя, которое чувствуют русские крестьяне; их можно толко заставить согласится силой, и как с повстанцами с ними сложнее иметь дело, в их горной твердыне, чем с русскими жителями равнин и широких улиц городов» (Виллари, 2024: 307).

Луиджи Виллари предстает в своих записках не просто как путешественник и дипломат, но как внимательный свидетель заката имперского порядка. Его подход, одновременно эмпирический и интерпретативный, сочетает в себе широту наблюдения с попыткой структурного анализа. Через полифонию голосов — от губернаторов до революционеров — он создаёт панораму кризиса, в которой Кавказ выступает не как периферия, а как концентрат имперских противоречий. Особое внимание Виллари уделяет парадоксу: масштабное присутствие Российской империи в регионе не сопровождается ни легитимацией власти, ни глубокой культурной интеграцией. Население остаётся отчуждённым, воспринимая имперскую власть как внешнюю и принудительную силу. Это отчуждение порождает формы пассивного и активного сопротивления — от сохранения повседневной автономии до вооружённой самоорганизации. Таким образом, описанные им этнические конфликты, административная некомпетентность и общественная анархия — это не хаотический фон, а может рассматриваться как проявление глубинных структурных проблем. Кавказ становится театром, где сталкиваются модернизационные проекты, идеологические полюса и устаревшие административные практики. Для Виллари, антагонизм между «азиатской автократией» и «современным прогрессом» — это не только политическая характеристика, но и экзистенциальная дилемма всей империи.

Этот взгляд делает книгу Виллари ценным источником не только по истории Кавказа, но и по истории имперского мышления.

Несмотря на различия в происхождении, политическом опыте и жанровых установках, взгляды Клода Анэ и Луиджи Виллари демонстрируют ряд существенных совпадений. Во-первых, оба автора фиксируют глубокий кризис имперской власти на Кавказе. И Анэ, и Виллари отмечают неспособность администрации контролировать ситуацию, пассивность войск, отсутствие ясной политики и хаотичность управленческих решений. Для обоих наблюдателей характерна мысль о том, что власть либо бездействует, либо действует непоследовательно, тем самым усугубляя анархическое состояние региона. Во-вторых, оба придают ключевое значение межэтническим конфликтам, особенно армяно-татарскому противостоянию. Они рассматривают его не как локальный эпизод, а как симптом более глубоких структурных проблем империи, где взаимодействуют административная слабость, политические манипуляции и социальная напряжённость. В-третьих, оба подчеркивают масштаб революционного движения. И Анэ, и Виллари обращают внимание на массовые забастовки, политическую активность рабочих, крестьян и интеллигенции, что позволяет им видеть Кавказ как пространство широкой революционной динамики, а не периферийное явление. Наконец, оба стремятся к многосторонности через диалог с разными социальными группами. Они включают в свои тексты наблюдения, полученные от чиновников, революционеров, военных, местного населения, что делает их свидетельства более многогранными.

При общей близости интерпретационных подходов между Анэ и Виллари всё же обнаруживаются существенные различия, формирующие их авторские позиции и характер анализа. Прежде всего, жанровая природа их текстов и степень эмоциональности заметно расходятся: Клод Анэ пишет в форме путешественного дневника, насыщенного эмоциональными реакциями, субъективными впечатлениями и художественной образностью, тогда как Виллари создаёт аналитический политический очерк, рациональный и документально выверенный. Соответственно, Анэ концентрируется на передаче атмосферы страха, напряжения, хаоса, тогда как Виллари стремится объяснить причины происходящего, включая политический контекст и стратегию властей.

Отличаются и их оценки роли революционных сил. Анэ склонен подчеркивать организованность и целенаправленность революционеров, особенно социал-демократических групп, видя в них движущую силу перемен и нередко симпатизируя их критике самодержавия. Виллари же фиксирует фрагментарность революционных программ и более критично оценивает их способность к конструктивным изменениям, рассматривая революционеров скорее как фактор дестабилизации, чем реформирования.

Заметно расходятся позиции авторов и в отношении этнополитической политики империи. Анэ подчёркивает несправедливость и уязвимость положения армян, рассматривая их как главную жертву беспорядков и указывая на слабость имперской политики. Виллари трактует армяно-татарский конфликт шире как противостояние, сознательно провоцируемое властями, при этом пытаясь реконструировать логику действий всех вовлечённых сторон, включая тюркоязычное население. Его взгляд отличается большей структурностью и меньшей эмоциональностью.

Различается и взгляд на будущее региона. Для Анэ главным вопросом выступает падение самодержавия и возможность его замены представительной формой правления, что придаёт его перспективе политико-идеалистический характер. Виллари же делает акцент на необходимости авто-

номии Кавказа, полагая, что культурная специфика региона препятствует его полной интеграции в имперскую систему; его прогноз отличается геополитической и прагматической направленностью.

Степень критики империи у авторов также расходится. У Анэ преобладает жёсткое осуждение действий властей, вплоть до трактовки их бездействия как косвенного участия в этнических столкновениях. У Виллари критика более взвешенная: он осуждает жестокость и некомпетентность, но стремится отделять конкретные провалы политики от общего структурного кризиса империи.

4. Заключение

Анализ путевых записок Клода Анэ и Луиджи Виллари позволяет сделать вывод, что их свидетельства представляют собой ценные нарративные источники, фиксирующие политические, социальные и межэтнические процессы на Кавказе в период первой русской революции 1905 года. Их наблюдения не ограничиваются поверхностными описаниями экзотизированного Востока, напротив, оба автора стремятся выявить структурные причины кризисов, лежащих в основе массовых волнений, этнических столкновений и деградации административной системы империи. Это определяет высокую исследовательскую значимость их текстов, позволяя рассматривать их в контексте широкой европейской историографической традиции изучения Кавказа.

Формулирование итогов проведённого исследования позволяет выделить несколько ключевых выводов: Во-первых, оба путешественника подчёркивают, что революционные процессы на Кавказе развивались под воздействием как общероссийских факторов — социально-экономического кризиса, роста политического радикализма, краха авторитетов власти, так и специфических региональных особенностей. Среди последних особую роль играли многослойные этнические конфликты, религиозная нетерпимость и конкуренция локальных элит. Анэ и Виллари фиксируют неспособность имперского управления контролировать ситуацию и предотвращать насилие, что позволяет рассматривать их свидетельства как важный материал для изучения механизмов распада имперских структур.

Во-вторых, сравнение интерпретаций Анэ и Виллари показывает, что оба автора подчёркивают политическую организованность революционных движений и их способность воздействовать на массы. При этом они обращают внимание на противоречивую роль национальных партий, социал-демократических организаций и вооружённых комитетов, которые одновременно выступали выразителями интересов определённых общин и факторами дальнейшей дестабилизации региона. Эти наблюдения позволяют уточнить динамику политической мобилизации на Кавказе в начале XX века.

В-третьих, источники европейских путешественников дополняют картину межэтнических конфликтов, особенно армяно-татарских столкновений 1905-1906 годов. В отличие от официальной российской риторики, авторы стремятся выявить причины напряжённости, выделяя социально-экономическую конкуренцию, неравномерное распределение ресурсов и провалы имперской политики. Их свидетельства отражают формирование альтернативных центров власти, что подтверждает распространённую в современной историографии концепцию о «параллельных суверенитетах» в революционную эпоху.

Интерпретации Клода Анэ и Луиджи Виллари позволяют в иной перспективе взглянуть на политические и социальные процессы на Кавказе, демонстрируют взаимосвязь революционных и межэтнических факторов и помогают понять, какие механизмы привели регион к масштабным

потрясениям. Изучение этих европейских свидетельств не только расширяет корпус источников по истории революции 1905 года, но и способствует более глубокому осмыслению причин и последствий кризиса имперской власти в многонациональных окраинах Российской империи.

Литература

Anet, C. (1906). *Les roses d'Ispahan: La Perse en automobile, à travers la Russie et le Caucase.* Félix Juven. https://archive.org/details/laperseenautomobile/page/n17/mode/2up?view=theater

Ferrari, A. (2021). «Most of them are honourable»: Luigi Villari and the Armenians during the 1905-1906 Armenian-Tatar War. *Studi Slavistici, XVIII*(1), 257-273. https://doi.org/10.36253/Studi_Slavis-10406

Nachqebia, I. (2018). *Prangi avtorebis tsnobebi me-19 sauk'unis Sakartvelos shesakheb.* Shota Rustaveli National Science Foundation. https://iliauni.edu.ge/uploads/other/47/47314.pdf

Villari, L. (1906). *Fire and sword in the Caucasus.* T. F. Unwin. https://archive.org/details/cu31924028756082/page/n19/mode/2up

Villari, L. (2024). *Tskhkhli da makhvili Kavkasiashi* (N. Sharvashidze, Trans.). Ziari.

Анчабадзе, З. (2024). *Альтернативная история Грузии. Европейские источники о Грузии и её роли в европейской цивилизации.* Тбилиси. https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/528227/5/Alternativnaia_Istoria_Gruzii_2024.pdf

Баш, С. (2013). Центральная Азия Клода Анэ, репортера и коллекционера (1905, 1909, 1910). *Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути* (pp. 189-194). МИЦАИ.

Виллари, Л. (1918). Армяне и татары. *Армянский вестник*, *4–5*, 7-10.

Виллари, Л. (2024). *Огонь и меч на Кавказе.* Буки Веди.

Воронцов-Дашков, И. И. (1907). *Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова.* Гос. Типография.

Канделаки, Д. (2022a). Сведения Клода Анэ о революции 1905 года в Крыму и на Кавказе. *Украина-Грузия: диалог культур и цивилизаций* (pp. 16–22). Киев. https://dspace.tsu.ge/server/api/core/bitstreams/659460a8-024e-463c-99d6-41d061070230/content

Канделаки, Д. (2022b). Межэтнические конфликты на Кавказе: путевые заметки Клода Анэ. *History, Archaeology, Ethnology, VIII*(XII), 209-217. http://www.sciencejournals.ge/index.php/HAE/article/view/295

Маилян, Б. В. (2022). *Очерки этнополитической истории Грузии и Западного Закавказья: Аджария, Южная Осетия, Сочи–Джикетия, Самцхе–Месхетия на рубеже XIX-XX веков.* КОПИ-ПРИНТ. https://arar.sci.am/Content/333060/Arev.inst.2022.pdf

Петрова, Э. Б. (2018). Французский писатель Клод Анэ и российские революции 1905 и 1917 годов. *Причерноморье. История, политика, культура, XXIV*(XI), 11-23. https://zenodo.org/records/1314202

Шуваева-Петросян, Е. (2009a). *«Если бы не армяне, иностранцы прибрали бы к рукам всю бакинскую нефтяную промышленность…»* (29 сентября). Новое время. https://nv.am/esli-b-ne-armyane-inostrantsy-pribrali-by-k-rukam-vsyu-bakinskuyu-neftyanuyu-promyshlennost/

Шуваева-Петросян, Е. (2009б).*«Прогресс армян вызывал у татар сильное раздражение…»* (26 сентября). Новое время. https://nv.am/progress-armyan-vyzyval-u-tatar-silnoe-razdrazhenie/

LA RELECTURA NEOHISTORICISTA DEL CUENTO ALEGÓRICO-SATÍRICO «LA MARCA» DE RADOJE DOMANOVIĆ

Vladimir Karanović
Universidad de Belgrado

1. Introducción

La actividad crítica del nuevo historicismo, tendencia critico-literaria desarrollada en las últimas décadas del siglo XX, debe engastarse en los debates sobre el valor histórico del texto y la función social que desempeña. Así, la doctrina del nuevo historicismo, según su principal teorético Stephen Greenblatt, comprende un «mecanismo de prácticas de lectura, dirigidas a explicar por qué los textos representan modelos de conducta social y transmiten códigos dominantes en esos marcos culturales en que se inscriben» (Gómez Redondo, 2008: 433). De ese modo, el conjunto de la producción literaria de un autor o una época puede estudiarse y leerse desde una perspectiva específica, en función de la red de instituciones sociales, culturales, políticas del momento, marcando los libros publicados y cargándolos de un potencial ideológico. Los textos teóricos de los neohistoricistas tienden a presentar e interpretar los textos literarios como campos históricos donde sucede algo más que el puro acto de creación artística. De ahí que los textos reflejen la historia, pero también produzcan y reflejen no solo códigos culturales dominantes, sino también respuestas individuales a la práctica discursiva predominante (Lešić, 2006: 509-511). Así, la literatura se convierte en un campo donde se libran batallas encubiertas entre el discurso dominante del poder y las aspiraciones subversivas de los grupos sociales marginados. Sin embargo, según Fernando Gómez Redondo (2008: 436), el nuevo historicismo no puede dar una respuesta definitiva a los diversos problemas que plantea la creación literaria. De todos modos, el sello de esta «poética cultural» resulta importante para intentar tratar y analizar las relaciones entre las prácticas culturales y los procesos políticos, sociales, económicos, o simplemente para comprender los mecanismos que participan en la creación, fijación y valoración de las ideologías.

Partiendo de los postulados de la teoría del nuevo historicismo, en este trabajo se analiza la conceptualización alegórico-satírica del cuento «La Marca» («Danga», 1899) de Radoje Domanović (1873–1908), uno de los realistas más destacados de la literatura serbia. El cuento elegido está leído y analizado en un contexto predeterminado: como reflejo esbozado de una crisis social y del impulso combativo y satírico original del escritor serbio.

2. El concepto alegórico-satírico de los cuentos de Radoje Domanović

A diferencia de otras literaturas europeas, donde el realismo comprendió tendencias literarias desde mediados hasta las últimas décadas del siglo XIX, en la literatura serbia el realismo es un fenómeno un poco tardío, que ejerció su influencia en las últimas décadas del siglo XIX y las primeras del siglo XX. Además, mientras que en el realismo europeo la novela es una forma literaria exclusivista, colindante y sintética, en la literatura serbia el cuento juega un papel predominante. Una de las posibles causas es la falta de una clase burguesa desarrollada en Serbia, donde la sociedad se basaba predominantemente en la población rural, con una agricultura, economía e industria muy subdesarrolladas. Además, la novela implicaba una superestructura creativa y una tradición literaria, mientras que el cuento era una forma más directa y sencilla de reflejar

y representar acontecimientos y fenómenos auténticos de la sociedad serbia de aquel entonces (Mirković, 2005: 8-9).

A pesar de la gran tradición satírica de la literatura serbia, cuyas características encontramos hasta en la literatura de la Ilustración de la segunda mitad del siglo XVIII y la primera del siglo XIX, la aparición de Radoje Domanović como satírico es, en gran medida, un fenómeno original y espontáneo, es decir, algo que surgió como consecuencia de las circunstancias sociales, públicas y políticas de la Serbia a caballo de dos siglos, así como también del talento literario y satírico del propio escritor. Dimitrije Vučenov (2008: 67) destaca que Domanović ejerce su actividad literaria en un período muy específico de la historia nacional serbia, relacionado con amplios movimientos populares que pretendían la derrota del régimen vigente y el establecimiento de un sistema más justo y democrático. Efectivamente, la vida y la obra de Radoje Domanović transcurrieron en una lucha perpetua contra la violencia del poder monárquico, contra la burocracia y el debilitamiento de los valores morales. Fue una época de fuerte dictadura, de un gobierno que, alejado y alienado del pueblo, no escatimó esfuerzos en su lucha por mantenerse en el poder.

La sátira de Domanović no solo contiene elementos de una rica tradición nacional, sino además reafirma algunos de los mejores valores de la literatura humanístico-satírica europea, viéndose su poder y valor artísticos favorecidos por la distorsionada y triste realidad política de Serbia durante los últimos años del gobierno de la dinastía Obrenović. Aquellos fueron años que solo un satírico podía imaginar como fondo de inspiración para su creación literaria y artística: una época de destrucción de la democracia, de imposición de un régimen personal de gobierno, de establecimiento de un poder autocrático y absoluto, de disolución arbitraria de asambleas, de aprobación de leyes represivas y de supresión de libertades humanas básicas, de cambio rápido de gobiernos y de instalación de autoridades y gabinetes con ministros cada vez más incompetentes, etc. También es una época en la que la cobardía y el servilismo se consideraban los más altos valores del comportamiento social. Todo ello se convierte en fuente de una obra literaria original compuesta de ironía, sátira, sarcasmo y otros elementos con los que el escritor se aproxima a la realidad con la que teje sus obras literarias (Maksimović, 2000: 7-8).

Los historiadores de literatura serbia designan los textos satíricos de Domanović generalmente como «historias narrativas» o «cuentos narrativos» para definir cualquier fabulación y enfatizar el carácter general y la calidad de la historia y la narración, y consecuentemente para determinar los textos con propiedades más precisas de contenido, significado o plan formal.

El mundo cuentístico de Domanović está despersonalizado y los personajes no son miméticos. No tienen biografía, nombre, origen, sino que son número o héroe colectivo, parte de un grupo mayor que no tiene características individuales. En su caracterización todo es resultado del procedimiento negativo: la uniformidad, la abolición de la individualidad lingüística y de la voz, mientras que en el texto se introducen otros elementos de comunicación e información en lugar de medios lingüísticos (Vukićević, 2024: 48). El discurso literario de Domanović nunca se formó exclusivamente como un estructurado testimonio realista-satírico sobre las circunstancias sociohistóricas de una época, sino que se fundaba, efectivamente, en el discurso de la parábola como discurso del pasado, del presente y del futuro, un discurso de constante contextualización y reconstrucción sociopolítica. El discurso parabólico de Domanović representa diversos esquemas ficticios y alegóricos sobre los destinos de los personajes, individuales o colectivos. Se convierten en esquemas paradigmáticos, en un ejemplo instructivo que abarca parabólicamente toda la realidad, y que implica su propia repetibilidad, lo que confiere a los relatos una función didáctica (Bošković, 2008: 141-145).

De ahí la universalidad y atemporalidad de sus relatos, que no pueden ser discutidos, siendo hoy sus mensajes unos, otros mañana, adaptándose según las circunstancias y el punto de vista.

Mališa Stanojević (2009: 331) concluye bien que Radoje Domanović se ha convertido en sinónimo de escritor crítico que advierte fisuras morales en la vida social y política, es decir, es sinónimo de sátira en sentido estricto, y sus cuadros y representaciones de individuos y sociedades bajo la presión de regímenes despóticos y totalitarios difícilmente pueden perder su actualidad.

3. «La Marca» como proyección distópica de una sociedad balcánica

El cuento «La Marca», como el primero de la serie de cuentos alegórico-satíricos de Radoje Domanović, fue publicado en 1899 en la revista *Estrella* (*Zvezda*). Se trata de un cuadro artístico del reinado absolutista del rey Alejandro Obrenović. Durante toda una década (1889-1899) Domanović tuvo oportunidad de observar y analizar elementos de su régimen, descubriendo una maligna capacidad de obediencia y sumisión de la nación serbia, especialmente hipocresía y cobardía ante un gobernador que no respetaba ni los derechos esenciales (Milošević, 2008: 300-301). Este cuento es una sátira alegórica de la nación entera, sobre un colectivo vil, es decir, sobre los ciudadanos extremadamente viles y corruptos en un ambiente urbano de un lugar periférico. La composición de la trama es concisa, lógica y clara. Consta de cinco partes: el sueño alegórico del narrador, la asamblea de los ciudadanos, los ecos mediáticos de la caballería moderna y sus héroes, el acto ceremonial de la marcación y la escena en la que el narrador ni siquiera mientras duerme acepta ser marcado por la vergüenza, hasta el último momento en que su carácter nacional le hace caer en la tentación. Cada conjunto tiene su propia funcionalidad y justificación artística (Milošević, 2008: 302).

Este cuento dispone de todas las formas de narración, pero predominan la narración en primera persona y la descripción psicológica. Su relación es recíproca: la narración en primera persona crea un efecto sugerente al mantener siempre el compromiso mental y emocional del narrador, además las descripciones de los estados psicológicos y emocionales de los personajes son más fáciles de lograr desde una perspectiva en primera persona. La exposición de la conciencia de los personajes sujetos a una mentalidad tibia se logra a través de diálogo y de polílogo. Por otra parte, la narración en tercera persona sirve para presentar los acontecimientos, la atmósfera y el escenario realista. De esta manera se dan descripciones de interiores, exteriores y personajes. Finalmente, el uso ocasional de la segunda persona sirve como conector, lo que aumenta la dinámica y mantiene el flujo de la narración (Dejanović, 1997: 50-51). La relación entre la narración, la alegoría y la sátira es muy interesante. Hay exactamente los suficientes fragmentos narrativos como para mantener la unidad de la historia y mantener la impresión de fluidez narrativa. Finalmente, la narración está subordinada a la alegoría y a la sátira, y no hay densidad ni artificiosa fuerza narrativa (Vučenov, 1983: 34).

Los procedimientos alegóricos y satíricos forman parte constitucional del cuento. Como sabemos, *alegoría* comprende «un procedimiento retórico que consiste en expresar un pensamiento por medio de una o varias imágenes, o metáforas, a través de las cuales se pasa de un sentido literal a un sentido figurado o alegórico, que es el que, en definitiva, se desea transmitir» (Estébanez Calderón, 2006a: 23). Por otro lado, *sátira* comprende «una crítica de las costumbres y vicios de personas o grupos sociales, con propósito moralizador, meramente lúdico o intencionalmente burlesco» (Estébanez Calderón, 2006b: 964). La relación entre la alegoría y la sátira en «La Marca» resulta muy compleja, aunque es obvio que se entrecruzan y colindan en la totalidad del texto. Efectivamente, la ficción alegórica se logra a través de una serie de procedimientos. Por ejemplo, al utilizar el sueño como forma adecuada, se establece un plano alegórico de pensamiento:

> Tuve un terrible sueño. No me pregunto sobre el sueño en sí, sino sobre cómo hallé el coraje para soñar cosas tan terribles, cuando soy un tranquilo y respetable ciudadano, un obediente hijo de nuestra querida y afligida madre Serbia, tal como todos sus otros hijos.[1] (traducido por Fabiola Rangel; Domanović, 2019)

Como vemos, en el mismísimo principio del cuento entramos en un mundo específico, y el autor se sirve del mecanismo satírico basado en el contraste y la alusión irónica entre el concepto del ciudadano moral y ejemplar y el horror del contenido de la narración. También, se distancia de la realidad concreta, siendo un «serbio fuera de Serbia», un mero visitante de una ciudad, cuyas características son inusuales o hasta pervertidas, según los postulados morales y sociales de la civilización contemporánea europea. De ese modo se anuncia una serie de escenas metafóricas o simbólicas, como escenario alegórico en el que el escritor expresa su talento satírico. De ahí que, al utilizar, por ejemplo, la mezquindad como virtud con el fin de provocar rebelión e indignación en el lector o al rechazar los fenómenos descritos como inaceptables, la sátira logra su objetivo principal. Está claro que el paralelismo establecido entre alegoría y sátira será de gran importancia y, al situar determinados acontecimientos en un contexto irónico, se provoca un desbordamiento de significados, se otorgan a los fenómenos múltiples significados y, consecuentemente, se enriquece la ficción alegórica (Dejanović, 1997: 51). Siguiendo la narración, poco a poco el lector se prepara y adapta al programado choque con la realidad del mundo narrativo. Cuando empezó el sueño, el narrador-protagonista se encuentra en un ambiente nocturno, horrífico y cerrado, que funciona según sus propias reglas y leyes, donde el espacio y el tiempo forman un sistema alternativo a la realidad conocida:

> De repente, me encontré en un estrecho y lodoso camino que guiaba a través de las montañas. Una fría y oscura noche. El viento aúlla entre ramas estériles y corta como una cuchilla cada vez que toca la piel desnuda. El cielo negro, soso y amenazante y la nieve, como el polvo, volando hacia tus ojos y golpeándote el rostro. No había ni un alma en ninguna parte. Me apuré y cada cierto tiempo me resbalaba hacia ambos lados en el camino fangoso. Me tambaleaba y caía y finalmente perdí mi camino, deambulaba – Dios sabe dónde – y no es una corta y ordinaria noche, pero larga como un siglo, y camino todo el tiempo sin saber dónde.[2] (traducido por Fabiola Rangel; Domanović, 2019)

Los medios por los cuales se logra el efecto satírico son muy diversos y están utilizados con gran eficacia. La ironía está presente desde el principio hasta el final del relato, y la presentación grotesca de los fenómenos como objeto de la sátira apunta a su absurdo. La alusión también es una excelente herramienta para la representación satírica, y también para el desarrollo de una concepción del sarcasmo muy amargo (Dejanović, 1997: 52). Aunque el potencial alusivo se puede detectar en la primera parte del cuento, especialmente en el contexto espacial y social, el sarcasmo está presente en las partes central y final del texto, que también contienen fragmentos satíricos cargados de crítica social, histórica, costumbrista y arquetípica de la comunidad distópica imaginada.

---

[1] «Snio sam strašan san. Ne čudim se samom snu, već se čudim kako sam imao kuraži i da sanjam strašne stvari, kad sam i ja miran i valjan građanin, dobro dete ove namučene, mile nam majke Srbije, kao i sva druga deca njena.» (Domanović, 2000: 88).

[2] «Odjedanput se obretoh kao na nekom uskom, brdovitom i kaljavom putu. Hladna, mračna noć. Vetar jauče kroz ogolelo granje, i čisto seče gde dohvati po goloj koži. Nebo mračno, strašno i nemo, a sitan sneg zavejava u oči i bije u lice. Nigde žive duše. Žurim napred i klizam se po kaljavom putu, to levo, to desno. Posrtao sam, padao, i najzad zalutao. Lutao sam tako, bog sveti zna kuda, a noć nije bila kratka, obična noć, već kao nekakva dugačka noć, kao čitav vek, a ja neprestano idem, a ne znam kuda.» (Domanović, 2000: 89).

Goran Maksimović (2000: 58) señala que el proceso de singularidad artística en este cuento se logra de dos maneras: a través de la técnica de la exageración cómica y el énfasis excesivo, es decir, encadenando episodios caricaturizados, hiperbólicos y grotescos (por ejemplo, la obediencia servil) y la técnica de la inversión cómica, es decir, inversiones de verdades obvias (por ejemplo, la marca de esclavo como acto heroico moral supremo). Sin embargo, en la primera parte del cuento encontramos varios procedimientos basados en la inversión, como el episodio cuando un hombre monta a otro, proceso presentado como símbolo de la fe y acto de gran honor:

> Eché un vistazo hacia afuera: había una escena – un hombre con una brillante capucha de tres cuernos en su cabeza, vestido con un traje con un estampado llamativo, estaba montado en la espalda de otro hombre vestido con ropas costosas de corte civil y común. Se paró en frente de la posada y el jinete se bajó.
> El dueño salió, hizo una reverencia en el piso y el hombre en el traje con estampado llamativo entró en la posada a una mesa decorada especialmente. El que estaba con ropa civil se quedó en frente de la posada y esperó. El dueño también hizo una referencia baja hacia él.
> – ¿De qué se trata todo esto? – le pregunté al dueño, profundamente confundido.
> – Bueno, el que entró en la posada es un policía de rango alto y este hombre es uno de nuestros ciudadanos más distinguidos, muy rico y un gran patriota – susurró el dueño.
> – Pero ¿por qué deja al otro montarse en su espalda?
> El dueño me sacudió su cabeza y nos hicimos a un lado. Me dedicó una sonrisa despectiva y dijo:
> – ¡Lo consideramos un gran honor que rara vez es merecido!
> Además, me dijo una gran cantidad de cosas, pero estaba emocionado de que no pudiera entenderlas. Pero escuché claramente lo que dijo al final: – ¡Es un servicio a nuestro país que no todas las naciones han aprendido a apreciar![3] (traducido por Fabiola Rangel; Domanović, 2019)

Aquí el autor dialoga con los lectores destacando el grado de reversibilidad de los valores sociales y el sistema establecido, en el que los hombres son tratados como animales y se elogia la obediencia y servilismo en las relaciones interpersonales. Domanović también juega con los elementos identitarios esenciales de una sociedad: honor, respeto, valentía, patriotismo son sólo elementos tradicionales del valor que resultan degenerados o anulados en este cuento. Según la estructura y el mecanismo de satirización y burla de la gente, de sus costumbres o creencias, en los fragmentos textuales donde se emprende la elección del gobernador local se presenta una crítica del proceso electivo, basado en la superficialidad e intolerancia, en el que se alaba la inexperiencia y se menosprecia la experiencia de los mayores. Después de varias escenas de violencia, dirigida al anciano crítico con la decisión de marcar a la gente como a animales, la situación se tranquiliza y mediante la prensa se celebra la marcación venidera como el supremo acto de patriotismo y

[3] «Provirim napolje, kad al' imam šta videti: jedan čovek sa nekom troroglјastom, sjajnom kapom, a u šarenom odelu, jaše jednog drugog čoveka u vrlo bogatu odelu običnog, građanskog kroja, i zaustavi se pred mehanom, te se skide.
Mehandžija izиđe i pokloni se do zemlje, a onaj čovek u šarenom odelu uđe u mehanu i sede za naročito ukrašen sto. Onaj u građanskom odelu ostade pred mehanom čekajući. Mehandžija se i pred njim duboko pokloni.
– Šta ovo znači? – upitam mehandžiju zbunjeno.
– Pa ovaj što uđe u mehanu, to je viši pandur, a ovo je jedan od najuglednijih građana, naš veliki bogataš i patriota – prošaputa mehandžija.
– Pa što dopušta da ga jaše?
Mehandžija manu na mene glavom, te odosmo malo u stranu. Nasmeja se nekako prezrivo i reče:
– Pa to se kod nas smatra za počast koje se retko ko udostoji!...
On mi pričaše još vazda stvari, no ja ga od uzbuđenja nisam razabrao. Ali sam poslednje reči dobro čuo: 'To je usluga otadžbini, koju ne može i ne ume svaki narod da ceni!'» (Domanović, 2000: 90).

lealtad hacia la comunidad. Las escenas de marcación son grotescas y representan la culminación del proceso satírico del cuento:

> Al día siguiente, también fui al ayuntamiento. Todo el mundo estaba ahí – jóvenes y ancianos, hombres y mujeres. Algunas madres trajeron a sus pequeños bebés en sus brazos para que pudieran ser marcados con el sello de la esclavitud, es decir de honor, y así obtener un mayor derecho a altas posiciones de servicio público.
> Había empujones y maldiciones (en eso se parecen un poco a nosotros los serbios y de alguna manera me sentía complacido por eso), y todo el mundo aspiraba ser el primero en la puerta. Algunos incluso estaban agarrando a otros por la garganta.
> Los sellos eran marcados por un empleado civil especial vestido en un traje formal blanco quien estaba reprochando moderadamente a las personas:
> – No tararees, por el amor de Dios, todos tendrán su turno – no son animales, supongo que podemos manejárnosla sin tener que empujar.
> Empezaron a marcar. Uno lloró, otro solo gruñó, pero nadie fue capaz de soportarlo sin hacer ni un sonido mientras estuve allí. <…>
> Kleard se deshonró a sí mismo, porque gimió y un hombre llamado Lear era un héroe porque pidió tener dos sellos marcados en su frente y nunca hizo un sonido de dolor.
> Todo el pueblo estaba hablando con el mayor de los respetos sólo sobre él.[4] (traducido por Fabiola Rangel; Domanović, 2019)

El autor realista serbio critica aquí la ciega obediencia, la degeneración del sentimiento patriótico, la corrupción y el nepotismo, como elementos constituyentes de la sociedad imaginada, aunque grotescamente cuidados y desarrollados en sociedades específicas y concretas. De esta manera, a través del texto Domanović refleja las características negativas de la sociedad serbia, que experimentó personalmente en su forma más cruel. Fue precisamente el rechazo del realista serbio a formar parte del «rebaño obediente», lo que le acarreó numerosos problemas en su vida privada, y el grado en que la sociedad serbia estaba inmersa en los fenómenos mencionados también se evidencia en la posición de eterno rebelde y marginado social que Domanović mantuvo durante toda la vida. Este no es el único fragmento del texto donde alude a fenómenos similares, sino más bien un elemento común y repetitivo que utiliza para informar al lector sobre el grado de (ir)reparabilidad del sistema social, porque en un sistema diseñado para mantenerse a sí mismo no puede haber cambio, y cualquier intento de remodelación está condenado al fracaso. Efectivamente, esta actitud y punto de vista representan el mecanismo y la estructura básicos sobre los que se fundamentan los sistemas sociales y regímenes políticos modernos de tipo antidemocrático, absolutista o de estabilocracia.

En fin, el cuento termina con una sátira sobre las costumbres serbias y la llamada «tradicional valentía», elemento constituyente de la identidad nacional desde su constitución hasta el momento actual de la nación serbia:

---

[4] «Sutradan otidem i ja pred sudnicu. Sleglo se sve iz grada, i malo i veliko, i muško i žensko. Neke majke ponele i malu decu u naručju da i njih žigošu ropskim, odnosno počasnim žigom, kako bi docnije imali preča prava na bolja mesta u državnoj službi.
Tu je guranje, psovanje – u tom pomalo liče na nas Srbe, pa mi bi milo – otimanje ko će pre doći do vrata. Neki se čak i pogušaju.
Žigove udara naročit činovnik u belom, svečanom odelu, i blago ukoreva narod:
– Polako, zaboga, doći će svaki na red, niste valjda stoka da se tako otimate!
Počelo žigosanje. Neko jaukne, neko samo zastenje, ali niko ne održa bez ikakva glasa dok sam ja bio. <…> Kleard se obruka jer je zastenjao, a istakao se junaštvom neki Lear, koji je tražio da mu se dva žiga udare i nije glasa pustio. Ceo grad je samo o njemu govorio s najvećim poštovanjem.» (Domanović, 2000: 94-95).

> En todo el lugar escucha tales elogios y empecé a sentir la vieja y noble sangre serbia corriendo en mis venas, nuestros ancestros eran héroes, ellos murieron empalados en estacas por la libertad; nosotros también teníamos nuestro pasado histórico y nuestro Kosovo. Me emocioné con orgullo nacional y vanidad, entusiasmado de mostrar lo valiente que mi raza es y correr al ayuntamiento y gritar:
> – ¿Por qué alaban a Lear? ¡Nunca han visto héroes reales! ¡Vengan y vean por ustedes mismo lo noble que es la sangre serbia! ¡Marquen diez sellos en mi cabeza, no sólo dos!
> El empleado público en el traje blanco trajo el hierro cerca de mi cabeza y empecé… Me desperté de mi sueño. Me restregué la frente de miedo y me persigné, asombrado ante las extrañas cosas que aparecían en mis sueños.
> – Casi eclipsé la gloria de su Lear – pensé, y satisfecho, me volteé y estaba de alguna manera apenado de que mi sueño no llegará hasta su fin.[5] (traducido por Fabiola Rangel; Domanović, 2019)

El final del cuento cierra el círculo narrativo: el narrador-protagonista proviene de Serbia, pero también de algún modo regresa a su patria. El regreso es simbólico, como aceptación de las características y estereotipos generales que un pueblo tiene sobre sí mismo, y en este caso, implica un heroísmo inmenso, el rechazo del miedo y la exageración del grado de prominencia en relación con los demás. El sueño se interrumpe en el momento en que se muestra valentía, pero persiste la duda, un sentimiento de inquietud, el arrepentimiento de que quizás no haya persistido, para mostrar en el sueño algo que no existe en la realidad.

Aunque el cuento «La Marca» es generalmente una sátira sobre la arrogancia del poder, la mentalidad servil pequeñoburguesa, también es una narración en la que se critica el espíritu de palanquín que desfigura al individuo, al hombre, y le roba su integridad moral y su dignidad, convirtiéndolo en un fragmento de una masa amorfa. Siguiendo esta idea, Dimitrije Vučenov (1983: 36-37) destaca que los personajes no están individualizados, sino que forman parte de un colectivo que no permite ninguna separación de la multitud. Por lo tanto, no tienen nombres propios, y si los tienen, es un mero juego acústico (Kolb, Talb, Kleard, Lear).

En concordancia con su inclinación hacia el radicalismo político, Domanović está claramente a favor de una solución que sólo puede ser la negación del sistema social o político conocido y existente. Por lo tanto, la mayor parte de sus parábolas y cuentos no insinúan la idea de que solo una opción es correcta o incorrecta, sino que cada opción debe ser monitoreada y criticada, lo que revela la posición ideológica esencial del realista serbio: una actitud de desconfianza hacia todo concepto político y el desarrollo de una posición de nihilismo político, que a su vez se basa en la visión de que la vida del hombre está llena de sufrimiento que conduce al apocalipsis de la humanidad, y que la existencia en cada sistema sociopolítico se vuelve dramáticamente limitada (Bošković, 2008: 146-147).

Finalmente, la tesis esencial de esta narración breve de Domanović es que debería existir un límite a la obediencia sin cuestionamientos de los ciudadanos hacia las autoridades, límite que debería no rebasar la dignidad humana, uno de los mayores valores individuales.

---

[5] «Slušam te hvale na sve strane, pa se tek i u meni probudi junačka krv srpska. I naši su stari junaci, i oni su umirali na kolju za slobodu; i mi imamo junačku prošlost i Kosovo. Svega me obuze narodni ponos i sujeta da osvetlam obraz svoga roda, i jurnem pred sudnicu, pa viknem:
– Šta hvalite vašeg Leara?... Vi još niste ni videli junake! Da vidite šta je srpska, viteška krv! Udarajte deset žigova, a ne samo dva!
Činovnik u belom odelu prinese mom čelu žig, i ja se trgoh… Probudim se iz sna.
Protarem čelo u strahu, i prekrstim se, čudeći se šta sve čoveku ne dođe u snu.
– Umalo ja ne potamneh slavu njihovog Leara – pomislim i okrenem se zadovoljno na drugu stranu, a bi mi pomalo krivo što se ceo san nije završio.» (Domanović, 2000: 95).

4. Conclusiones

Radoje Domanović tiene una triple personalidad: 1) representante de la literatura realista serbia; 2) satírico del absurdo sociopolítico serbio; y 3) contemporáneo nuestro y escritor que puede trasladarse a la problemática de la sociedad serbia actual. Su obra representa la cumbre del realismo crítico en la literatura serbia de finales del siglo XIX y principios del siglo XX. Con su asombrosa agudeza de espíritu y la fuerza de su orientación político-moral, su obra también representa lo más distinguido de la literatura satírica no sólo de la época referida, sino también hasta nuestros días.

Los cuentos alegórico-satíricos de Domanović, las imágenes de la sociedad distópica de hace más de un siglo, la actualidad de su estilo narrativo en su época, representan hoy una gran trampa en la recepción de este tipo de literatura, porque pueden tentar a una lectura exclusivamente política de sus cuentos. Sin embargo, la universalidad de los temas y motivos, así como la forma de procesar los tipos satíricos originales, encuentran vías de comprensión y recepción no sólo en la literatura serbia contemporánea, sino también en la europea (Stanojević, 2009: 348).

Si analizamos el cuento «La Marca» desde la perspectiva de la teoría del nuevo historicismo, reconocemos en el texto una serie de las llamadas «fisuras textuales» a través de las cuales se establece un diálogo entre el autor, la época y las instituciones sociales y políticas vigentes. Además, no puede ignorarse la posición de marginado social y eterno rebelde, asociada a la persona de Radoje Domanović. De ahí que veamos esta pequeña obra maestra del realismo serbio con mayor claridad y profundidad asignándole un papel en la lucha constante que los satíricos serbios de los últimos años del siglo XIX y los primeros del siglo XX libraron contra todos los fenómenos dañinos de la sociedad a la que pertenecían. El marco alegórico del cuento y el uso del sueño representan sólo una mera forma que comprende una sátira y una crítica mucho más profundas y serias de los tipos, características y situaciones sociales, así como del sistema en el que se enmarcaban los serbios como una nación típicamente balcánica. Provocando una reacción en el lector, y tal vez la incomodidad que podría causar en el público serbio, que de forma alegórica puede reconocerse a sí mismo sus defectos, Domanović quiere despertar una acción, una reacción y, a través de la burla y lo grotesco, hacer que los fenómenos inaceptables sean al menos soportables en un sistema en el que los personajes cambian y circulan, aunque la historia y el marco narrativo sigan siendo los mismos. Este cuento no sólo guarda una visión satírica sobre un momento histórico específico en el desarrollo de las circunstancias sociales y políticas serbias, sino que dispone de una proyección universal, que trasciende el tiempo y el espacio de su creación. No obstante, para que la sátira sea eficaz, es necesario que el autor satírico alcance un nivel trascendente que le permita elevar su sátira a la altura de cierto principio ético generalmente aceptado, y que tanto el ideal del autor, como su compromiso social, político o ético, sean al menos implícitamente reconocibles y claros, porque la sátira suele implicar la oposición a los elementos de la realidad, es decir, la negación de la realidad existente en nombre de un ideal concreto y socialmente comprobable. Finalmente, Radoje Domanović se identifica como un satírico absoluto que, en forma alegórica, no sólo responde a todas las deficiencias y características destructivas y peligrosas de una sociedad distópica artísticamente creada, sino que también se convierte en un visionario que prevé la normalización y aceptación de marcos ideológicos y políticos inaceptables y destructivos en los que podemos identificar modelos de funcionamiento de sistemas sociales y políticos vigentes en la actualidad.

Bibliografía

Bošković, D. (2008). Diskurs parabole i politički nihilizam jednog radikala [El discurso de la parábola y el nihilismo político de un radical]. In M. Stanojević (priređivač i urednik), *Lako pero Radoja Domanovića (Zbornik radova u spomen Radoju Domanoviću, 1908-2008)* (pp. 141-147). Koraci.

Dejanović, S. (1997). *Pripovedanje u Domanovićevim satirama* [La narración en las sátiras de Domanović]. Ars Libri.

Domanović, R. (2000). Danga [La Marca]. In R. Domanović, *Satire i pripovetke* (pp. 88-95), izbor i propratni tekstovi Dragiša Živković. Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

Domanović, R. (2019). Marca. Traducido por Fabiola Rangel, Proyecto «Radoje Domanović». https://domanovic.org/2020/10/29/marca-esp/

Estébanez Calderón, D. (2006a). Alegoría. In D. Estébanez Calderón, *Diccionario de términos literarios* (pp. 23-24). Alianza editorial.

Estébanez Calderón, D. (2006b). Sátira. In D. Estébanez Calderón, *Diccionario de términos literarios* (pp. 964-966). Alianza editorial.

Gómez Redondo, F. (2008). *Manual de Crítica Literaria contemporánea.* Editorial Castalia.

Lešić, Z. (2006). Novi istoricizam i kulturni materijalizam [Nuevo historicismo y materialismo cultural]. In Z. Lešić, H. Kapidžić-Osmanagić, M. Katnić-Bakaršić & T. Kulenović, *Suvremena tumačenja književnosti i književnokritičko naslijeđe XX stoljeća* (pp. 498-527). Sarajevo Publishing.

Maksimović, G. (2000). *Domanovićev smijeh (književna studija)* [La risa de Domanović (estudio literario)]. Slobodna knjiga.

Milošević, M. (2008). *Romantizam i realizam u srpskoj i evropskoj književnosti* [Romanticismo y realismo en la literatura serbia y europea]. Zmaj.

Mirković, Č. (2005). Srpska realistička pripovetka [Cuento realista serbio]. In Č. Mirković (izbor i predgovor), *Srpska realistička pripovetka* (pp. 5-19). Grafički atelje «Bogdanović».

Mladenović, Ž. (2007). *Srpski realisti* [Realistas serbios]. Čigoja štampa.

Stanojević, M. (2009). Satirična priča Radoja Domanovića vek posle [El cuento satírico de Radoje Domanović un siglo después]. In M. Stanojević, T. Jovićević & V. Stevanović (priređivači), *Sabrana dela Radoja Domanovića, Knjiga II* (pp. 331-348). Koraci.

Vučenov, D. (1983). *Domanovićeva satira kao pripovetka* [La sátira de Domanović en formato de cuento]. Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

Vučenov, D. (2008). Geneza Domanovićeve satire [El origen de la sátira de Domanović]. In M. Stanojević (priređivač i urednik), *Lako pero Radoja Domanovića (Zbornik radova u spomen Radoju Domanoviću, 1908–2008)* (pp. 65-77). Koraci.

Vukićević, D. (2024). U depersonalizovanom svetu Radoja Domanovića [En el mundo despersonalizado de Radoje Domanović]. In A. Živković (urednik), *Radoje Domanović – povratak iz budućnosti* (pp. 43-52). Filološko-umetnički fakultet.

«КРЫЛЬЯ» МИХАИЛА КУЗМИНА: ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ РОМАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИФОЛОГИИ

Aleksandr KLIMENOK
Université de Lorraine (CERCLE)

Роман М. Кузмина «Крылья» (1905) — первое произведение в русской литературе, посвященное однополой любви — сразу же стал литературной сенсацией и имел необыкновенный успех у читателей (по крайней мере, если судить по продажам романа). Интересной особенностью восприятия этого текста современниками стал тот факт, что критики самых разных эстетических и политических направлений (от З. Гиппиус до М. Горького) не приняли этот роман: он подвергся единодушной критике, быстро получив ярлык «порнографического» и «воплощающего одну грязь половых эксцессов» (В. Кранихфельд), а сам Кузмин стал предметом многочисленных литературных пародий и газетных карикатур и сравнивался даже с маркизом де Садом (Малмстад, 2004: 134, 137). Положительные оценки были редки. Это тем более удивительно, что текст романа совершенно целомудрен и лишен каких-либо эротических описаний, постельных сцен и т.п.: всё, что связано с телесной, «низкой» стороной однополой любви, выражено в аллюзивной манере и не составляет главного содержания романа. Более того, судя по всему, слово «порнография» обозначало примерно то ж, что и в современном языке, о чем свидетельствуют слова самого Кузмина (в интервью 1911 г.):

> — Не считаете ли вы, что все извращения, как кошкодавство, афинские вечера, лиги свободной любви — являются результатом вашей проповеди свободной любви? В известной степени порнографическая литература оказала ли свое влияние на разнузданность нравов?
> — Но порнография одно, а мои сочинения другое. Я не отношу их к разряду порнографических. Порнографические — это те произведения, в которых так описывается взаимоотношение полов, что действует чувственным образом <…> У меня мало безнравственного; скажу даже больше — выводимые мною героини в большинстве целомудренны, потому что я просто и естественно подхожу к самому описанию, не смакуя (Цит. по Тимофеев, 1993: 212).

Тем не менее, как отмечает Д. Малмстад, «Крылья» составили Кузмину литературную репутацию, от которой он так и не смог отделаться, сколько бы ни писал на другие темы, и многие критики и читатели искали во всех его сочинениях следы «порнографии» и пропаганды однополой любви там, где их вовсе не было» (Малмстад, 2004: 141).

Возникает вопрос, по каким причинам восприятие романа оказалось не просто не соответствующим тексту, но буквально выворачивающим его наизнанку? Д. Малмстад, проанализировавший критические отзывы на книгу, считает, что «подобный отклик был обусловлен гетеросексуальными фантазиями о гомосексуальном поведении», а также моральной паникой, царившей в тогдашнем обществе по отношению к вопросам сексуальности (Малмстад, 2004: 141-142). Однако

такой ответ представляется недостаточным: во-первых, среди рецензентов были представители гомосексуальной среды (Д. Философов), во-вторых, некоторые критики (З. Гиппиус) подчеркивали, что «не имеют ничего против существования мужеложного романа», а в-третьих, как показывают исследования историков, для русского общества дореволюционной поры была свойственна довольно высокая терпимость по отношению к маргинальным сексуальным практикам (Хили, 2008, главы 1 и 4).

Мне представляется, что объяснение возмущения критики и восприятия «Крыльев» как «порнографического» и «опасного» текста следует искать не в столько в области социологии, сколько в культурной мифологии той поры. Речь идет прежде всего о литературных мифах, сложившихся в XIX веке и определявших восприятие социальных феноменов, в том числе гомосексуальности.

Во-первых, это миф о литературе как «учебнике жизни» (по определению Н. Г. Чернышевского). Это представление, получившее широкое распространение в русской культуре XIX века, уходит корнями к учительным традициям древнерусской литературы (см. об этом: Гончаров, 2021; Панченко, 1999) и воскресает в литературе эпохи реализма прежде всего благодаря творчеству Н. В. Гоголя, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Литература, с такой точки зрения, служит высоким и серьезным целям духовного просвещения и наставничества, а писатель становится ответственным за духовное состояние общества. Изображение «низких» тем (к каковым относилась и мужская гомосексуальность, и сексуальность вообще), да еще и в положительном ключе, мыслилось как упадок и литературы, и общественных нравов. Ср. пародию С. Горного на роман Кузмина:

> Предвечернее
> Вошел бодрый, улыбающийся. И гребенка висела на поясе.
> Тряхнул волосами, обстриженными в узкий, точный, замкнутый кружок.
> — Попариться прикажете?
> Так и сказал: по-па-рить-ся… ся…
> Так и сказал. И зубы показал белые такие, молодые.
> Ах, Фёдор, Фёдор. Не знаешь ты еще русской литературы (Русская литература XX века в зеркале пародии, 1993: 165-166).

В этой пародии последняя фраза иронически указывает на то «дно», до которого «опустилась» русская литература. Такое восприятие кузминского текста тем более закономерно, что и сам Кузмин создавал свой роман с оглядкой на учительную традицию предшествующей эпохи: об этом говорят, в частности, переклички с «Что делать?» Чернышевского, а также синтез форм идеологического романа и романа-воспитания, знакомых русскому читателю по произведениям Чернышевского, Достоевского и Гончарова[1].

Второй культурный миф, повлиявший на восприятие «Крыльев», связан с комплексом представлений о человеческой сексуальности и с традициями репрезентации сексуально-эротической стороны человеческой жизни в текстах высокой литературы. Исследователи уже отмечали роль православной церкви в табуировании темы сексуальности и отсутствие в России литературной традиции, аналогичной традициям Рабле и Боккаччо в Западной Европе, что повлекло за собой от-

[1] Не случайно в сознании критиков роман ассоциировался с новой версией «Что делать?», а самого Кузмина нередко называли «*проповедником* (однополой любви)», что зафиксировано в записной книжке А. Блока (Малмстад, 2004: 129).

сутствие культурного языка, на котором было бы возможно спокойное обсуждение/представление соответствующих тем (Géry, 2015: 73-74)[2]. В русской классической литературе немногочисленные эротические и сексуальные сцены связаны, как правило, с представлением о сексуальности как об инфернальном, хаотическом, опасном начале (ср., например, у Гоголя в «Вие» в сцене полета Хомы, эвфемистически описывающей половой акт, видение нагой русалки и «*бесовски* сладкое чувство», «какое-то пронзающее, какое-то томительно-*страшное* наслаждение», испытываемое героем) и с такими эмоциями, как стыд, отвращение и ужас (последнее особенно характерно для Достоевского). Ср. совмещение этих мотивов в известном эпизоде из «Анны Карениной» (часть 2, глава XI):

> — Анна! Анна! — говорил он дрожащим голосом. — Анна, ради бога!..
> Но чем громче он говорил, тем ниже она опускала свою когда-то гордую, веселую, теперь же *постыдную* голову <…> — Боже мой! *Прости меня*! — всхлипывая, говорила она, прижимая к своей груди его руки. Он же чувствовал то, *что должен чувствовать убийца*, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви.
> Было что-то *ужасное и отвратительное* в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою *страшною ценой стыда*. Стыд пред духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь *ужас убийцы* пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.
> *И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи*. Она держала его руку и не шевелилась[3] (Толстой, 1934: 157-158).

Подобные примеры, в которых высвобожденная сексуальность мыслится как преступление, можно умножить (от «Бедной Лизы» Карамзина до «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова).

Характерным для русской культуры было также резкое разграничение «телесного» и «духовного» начал: так, в «Обломове» Гончарова «возвышенной» Ольге Ильинской противопоставлена «плотская» Агафья Матвеевна, в «Идиоте» Достоевского асексуальный образ идеального Мышкина противопоставлен страстному Рогожину, а герои Достоевского мечутся между «идеалом Мадонны» и «идеалом Содома». В «Преступлении и наказании» «падение» Сони Мармеладовой оборачивается «вознесением», а в «Воскресении» Льва Толстого похожая метаморфоза произойдет с Катюшей Масловой: падение или святость, а третьего не дано. Отметим, что не только сексуальность, но, по-видимому, и любые другие проявления «телесного низа» на страницах литературного произведения воспринимались как «неприличные», ср. реплику героини «Зимнего дня» Лескова (1894):

> — Я? Да, я переменилась, и я этого и не скрываю. Я всегда очень любила чтение и тогда во всех отношениях была за Толстого. Его Наташа, например! Да разве это не прелесть? Это был мой идол и мое божество! И это так увлекательно, что я не заметила, где там излит этот *весь его крайний реализм — про эти пеленки с детскими пятнами*. Что же такое? Дети мараются. Без этого им нельзя, и это не производило на меня ничего отвратительного, *как на прочих* (Лесков, 1958: 402).

Эти примеры показывают, что русская классическая литература мыслила сексуальность в рамках жёсткой оппозиции «высокое\низкое», не видя никакой возможности совмещения этих про-

[2] Отметим, что традиция шуточной эротической поэзии (впоследствии названная «барковианой»), зародившаяся в конце XVIII века, просуществовала недолго и исчезла вместе с пушкинской эпохой.

[3] Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит автору статьи.

тивоположностей. Не видели её и критики новой, модернистской, эпохи, не принимавшие литературных текстов, открыто затрагивавших вопросы сексуальности (см. Binová, 2003).

Совсем иное видение проблемы предлагал читателю роман М. Кузмина. Предметом романа являются этические вопросы, связанные с гомосексуальностью (хотя далеко не только с ней). Эти вопросы предстают в форме парадоксов, разрешение которых приводит к переосмыслению традиционных клише и стереотипов, как правило, имеющих религиозное происхождение. Один из таких парадоксов воплощен в фигуре Штрупа: каким образом этот «в высшей степени образованный и начитанный человек», говорящий о божественном начале любви, может проявлять «низкое» и «греховное» гомосексуальное влечение и пользоваться услугами молодого банщика Федора, продающего себя за деньги?

Ответ заключается в том, что, с точки зрения Кузмина, сам вопрос поставлен неправильно и является результатом неверных интерпретаций явлений. Источник этих искажений раскрывается в монологе Штрупа, строящемся на оппозиции «иудаизм (и отчасти христианство)» / «Античность (язычество)». Иудаизм осмысляется как неверная трактовка Библии:

> Мы — эллины: нам чужд нетерпимый монотеизм иудеев, их отвертывание от изобразительных искусств, их, вместе с тем, привязанность к плоти, к потомству, к семени. Во всей Библии нет указаний на верование в загробное блаженство, и единственная награда, упомянутая в заповедях <…> — долголетен будешь на земле. Неплодный брак — пятно и проклятье, лишающее даже права на участье в богослужении, будто забыли, что по еврейской же легенде чадородье и труд — наказание за грех, а не цель жизни (Кузмин, 1999: 91).

Иудаизм связывается с идеями пользы и финальности, которые предполагают соответствующее этическое измерение человеческой жизни в целом и сексуальности в частности: хорошо только то дерево, которое приносит плоды, и хороша та сексуальность, которая приводит к рождению детей. Прагматической идее финальности противопоставлена «античная» эстетическая идея бесполезного, что становится условием важного для Кузмина *принципа открытости*: применение этических критериев предполагает *исключение*, тогда как применение эстетических критериев раскрывает мир во всем его многообразии, позволяя совместить то, что ранее казалось несовместимым.

Третий культурный миф, подвергнутый деконструкции в романе Кузмина, связан с представлением о роли денег в жизни человека. В славянском фольклоре мы находим амбивалентное отношение к деньгам: с одной стороны, деньги часто использовались в различных обрядах (включая свадебные, родин и крестин) и связывались, в числе прочего, с идеями счастья, достатка и плодородия. С другой стороны, источником богатства (то есть избытка денег) считалась *нечистая сила* (Славянские древности, 1995: 56-60)[4]. В русской литературе XIX века деньги мыслятся прежде всего как метафизическое (ср., например, «Пиковая дама» Пушкина, «Портрет» Гоголя) и/или социальное зло: деньги — это деструктивная сила, которая соблазняет и разобщает людей, разбивает семьи и т.п., иначе говоря, разрушает социальную гармонию (показателен в этом отношении рассказ Н.С. Лескова «Зимний день», ярко показывающий разные аспекты проблемы денег). С деньгами ассоциируются такие качества, как жадность, глупость, бессердечие, лицемерие, а воплощаются эти качества в таких фигурах, как скупец, ростовщик, Дьявол (с помощью денег борющийся с Богом), еврей (как

[4] Ср. также роль мотива денег в сюжетах украинских повестей Гоголя.

противоположность христианину), проститутка[5]. Не случайно в этом контексте символом социального зла в известном романе Достоевского становится старуха-процентщица. Одним словом, деньги — это еще один пример «низкого» и «пошлого» в аксиологической системе, выработанной русской классикой.

В романе Кузмина деньги появляются в связи с темой мужской проституции (что само по себе уже представляло нарушение литературных приличий): главный герой-идеолог романа, Штруп, пользуется услугами молодого банщика Фёдора. Нарушение читательских ожиданий проявилось здесь в том, что Кузмин изображает эту связь, во-первых, нейтрально, нисколько не осуждая поведение героев. Более того, Кузмин отказывается видеть в продажной любви что-либо предосудительное: если для читателя, воспитанного на классической литературе, «чистая» любовь не может пересекаться с «развратом», то для Штрупа и его соратников это противоречие снято, ибо любое проявление любви представляется естественной частью жизни, не лучше и не хуже других:

> Вы [Ваня], как прежние «неземные» барышни, воображавшие, что кавалеры должны думать, что девицы не едят, не пьют, не спят, не храпят, не сморкаются. Всякий человек имеет свои отправления, нисколько его не унижающие, как бы ни были неприятны для чужого взгляда. Ревновать же к Федору — значит, признавать себя равным ему и имеющим одинаковое значение и цель (Кузмин, 1999: 128).

С темой денег тесно связан ещё один миф, который я хотел бы рассмотреть в этой статье: это миф о моральном здоровье «простого народа», о святой Руси, о народной нравственности. Приведем характерную оценку романа, данную критиком марксистского направления В. Кранихфельдом:

> В какую «праотчизну» и зачем, собственно, заведет вас, в конце концов, этот сладкоголосый «аргонавт»? В простую русскую баню, в баню, пропитанную запахом веников и человеческих испарений, чтобы показать вам, как «хорошие господа», они же и «аргонавты», по дешевой цене, за пять целковых, *развращают мужиков* (цит. по: Малмстад, 2004: 134).

Идея о том, что «плохой» (развратный) барин от праздности развращает «хорошего» (невинного) мужика, представляет собой оно из самых распространенных клише эпохи и на разные лады повторяется в ряде источников, критически затрагивающих тему гомосексуальности[6]. В русской литературе от Карамзина до Чехова человек из народа рассматривался прежде всего как невинная жертва (барина, общества, капитализма…) и доминирующими эмоциями в изображении народных страданий были жалость (Некрасов) и сострадание (Чехов)[7]. При этом сам народ мыслился как носитель моральной нормы и поиски нравственного идеала часто велись именно в мире крестьянской общины (особенно ярко это проявилось в творчестве Л.Н. Толстого). И хотя к концу XIX века все чаще стали появляться произведения, показывающие, что зло проникло уже и в народ (в частности, в произведениях позднего Толстого и Лескова), тем не менее ответственность за это возлагалась прежде всего на социальные условия, а не на сам народ.

---

[5] Обширный материал по этой теме собран в книге Г. Романовой (Романова, 2006).

[6] См., в частности, книги «Половой рынок и половые отношения» А.И. Матюшенского (1908), «К суду! Гомосексуальный Петербург» В. Руадзе (1908), Г.С. Новополина (Нейфельда) «Порнографический элемент в русской литературе» (1909).

[7] Похожим было и отношение к женщинам-проституткам: случаи изображения их как циничных и развратных женщин, как в «Невском проспекте» Гоголя, довольно редки, гораздо чаще они представлены жертвами общества или обстоятельств.

Кузмин же, вопреки этим представлениям, показывает не просто «мужиков», продающих себя за деньги, но мужиков, занимающихся проституцией добровольно и не видящих в этом ничего предосудительного. Не случайно поэтому у первых читателей романа возникло желание «оправдать» русского мужика, например, таким образом, как это сделал сатирик А. Измайлов:

> М.Г. г. Редактор!
> Как мы люди махонькие, и всякий нас может изобидеть, одначе, не забудьте, что мы теперича живем в шеснадцатом веке и при конституции и безвинно страдать не намерены. Прочитав произведение г. Кузмина «Крылья», оно нас, которые баньщики в малафеевских банях, поразило своею ценичностью, как подщечина в правый висок.
> В рассказе этом из жизни банных нравов г. Кузмин делятся хроническим фактом, будто бы мы, баньщики, занимаемся такими делами, о которых мне, как я простого звания человек и не сочинитель, и говорить зазорно. Онную зловредную мысль г. Кузмин приводят в диалогах между двумя лицами, а который баньщик услуживает Штрупу, того они называют, как и меня зовут, Федором.
> Как мне теперича из-за ради г. Кузмина не токмо что от баньщиков, а и от иной посторонней публики идет всяческая мараль, от которой я нахожусь в панике, то покорнище прошу вас пропустить в роде литературы, что это г. Кузмин написали, будучи не в физическом умственном состоянии. А ежели они сами нам под нетверезую руку попадут, то мы им ихний портрет поправим.
> Просим все газеты нашу клевету перепечатать.
> *Баньщик Федор из «Крыльев»* (Русская литература XX века в зеркале пародии, 1993: 134-135).

Итак, мы видим, что Михаил Кузмин, предлагая, с одной стороны, новую модель понимания как гомосексуальности, так и человеческой сексуальности вообще, а с другой — новый способ *говорения* о сексуальности, деконструирует литературную мифологию, сложившуюся в русской культуре в XIX веке. Литературная критика самых разных направлений читала этот роман сквозь призму рассмотренных выше стереотипов, следствием чего и стал поток негативных рецензий, а также пародий и карикатур. Первые критики Кузмина не только не поняли, но и исказили смысл кузминского текста. Сам Кузмин настаивал на «целомудренности» своего романа, о чем свидетельствует следующая запись в его дневнике, сделанная ещё до публикации (10 октября 1905): «Читал свои песни и роман [«Крылья»] и даже не ожидал такого успеха и разговоров <…> а сейчас планы, куда поместить, что в переводе на франц<узский> это будет большой успех, т.к. то, что там есть в таком же роде, *так низкопробно, сантиментально и цинично, что с моим «целомудренным» романом ничего общего не имеет*» (2000: 55). Критика же увидела в нем преимущественно воплощение цинизма («циничный» - одно из самых распространенных определений, которые использовались критикой для характеристики «Крыльев»[8]). Таким образом, титул «всероссийского обер-порнографа», данный Кузмину поэтом-сатириком А. Измайловым (в стихотворении «Проект Всероссийской выставки», 1908), и определение «порнографический» в отношении самого романа, по-видимому, следует понимать не в прямом, а в этимологическом значении термина («описание блуда, разврата»).

[8] Подробный обзор критических откликов дан в цитированной выше работе Дж. Малмстада, а также в комментариях Е. Домогацкой и Е. Певак (Кузмин, 1999: 560-586).

Литература

Binová, G. P. (2003). Эротика и литература русского модернизма, *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky, 52*(6), 31-37. http://hdl.handle.net/11222.digilib/103332

Géry, C. (2015). *Crime et sexualité dans la culture russe (à propos de la nouvelle de Nikolaï Leskov "Lady Macbeth du district de Mtsensk" et de ses adaptations).* Honoré Champion.

Гончаров, С. А. (2021). *Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте.* Юрайт.

Кузмин, М. А. (1999). *Проза и эссеистика, т. I, Проза 1906-1912 гг.* Аграф.

Кузмин, М. А. (2000). *Дневник 1905-1907.* Издательство Ивана Лимбаха.

Лесков, Н. С. (1958). *Собрание сочинений, том 9.* ГИХЛ.

Малмстад Д. (2004). Бани, проституты и секс-клуб: восприятие «Крыльев» М. Кузмина. In М. М. Павлова (ред.), *Эротизм без берегов* (pp. 122-144). НЛО.

Панченко А. М. (1999). Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема. In А. М. Панченко, *Русская история и культура: Работы разных лет* (pp. 361-376). Юна.

Романова, Г. И. (2006). *Мотив денег в русской литературе XIX века.* Флинта, Наука.

Русская литература XX века в зеркале пародии (1993). *Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология.* Высшая школа.

Славянские древности. (1995). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь, том 1.* Международные отношения.

Тимофеев А. Г. (1993). М. Кузмин в полемике с Ф. М. Достоевским и А. П. Чеховым: («Крылья»). In В. В. Иванов, В. Н. Топоров (ред.), *Серебряный век в России: Избранные страницы* (pp. 211-220). Радикс.

Толстой, Л. Н. (1934). *Полное собрание сочинений, том 18.* ГИХЛ.

Хили, Д. (2008). *Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства, пер. с англ. Т. Ю. Логачевой, В. П. Новикова.* Ладомир.

«ПОЖЕЛАНИЕ» КАК РЕЧЕВОЙ АКТ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ИЗБРАННЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ewa Komorowska
University of Szczecin
Danuta Stanulewicz
University of Gdańsk

1. Введение

Целью данной статьи является определение лексико-семантических и прагматических аспектов функционирования речевого акта *«пожелание»* в современном польском и русском языках[1]. Дополнительная цель состоит в том, чтобы ответить на вопрос: можно ли говорить о схожей структуре выражения и содержания речевого акта «пожелание» в обоих языках, и влияют ли культурные условия на различия в их выражении. Материалом исследования послужил современный польский и русский языки. Основной корпус исследования представляет собой высказывания «пожеланий» носителей польского и русского языков. Мы используем прагмалингвистическую методологию описания языка, что, на наш взгляд, позволит определить данное действие с точки зрения его прагматических особенностей, а также определить лежащую в его основе структуру и функционирование в явных и скрытых речевых актах. Таким образом, в работе будут рассмотрены следующие вопросы: место речевого акта «пожелание» в прагматической классификации речевых актов, определение авторами основных признаков речевого акта «пожелание», описание его базовой структуры, а также его функционирование в явных и скрытых речевых актах.

В польской лингвистике речевой акт «пожелание» классифицируется как вежливый речевой акт, основанный на нормах вежливости. Словарь польского языка (*Słownik języka polskiego PWN*) определяет «пожелание», «пожелания» и «желание» следующим образом:

życzyć
1. «chcieć czegoś dla kogoś lub dla siebie»
2. «składać życzenia»

życzenia
«to, czego się komuś życzy z jakiejś okazji; też: formułka, za pomocą której składa się życzenia»

życzenie
«to, czego sobie ktoś życzy»[2]

pożyczyć

[1] Некоторые из вопросов, поднятых в работе, уже нашли отражение в статье, подготовленной авторами на польском языке: Komorowska & Stanulewicz (2026, в печати).

[2] *https://sjp.pwn.pl/slowniki/%C5%BCyczy%C4%87.html.*

«złożyć życzenie»[3]
[желать
1. «хотеть чего-то для кого-то или для себя»
2. «загадывать желание»
желания
«то, чего желают кому-то по определённому поводу; также: формула, используемая для загадывания желаний»
желание
«то, чего кто-то желает»]
пожелать
«загадать желание» (авторский перевод)]

Речевой акт «пожелание» можно понять в терминах пояснительной формулы трехаргументного предиката *życzyć*$_{x,y,z}$ предложенной Енджейко и Китой (Jędrzejko & Kita, 2003: 202):

X życzy Y, żeby Z_y = X czuje, że lubi Y > X czuje, że chciałby czegoś (Z) dobrego dla Y (bo // jeśli) X czuje // myśli, że Y chciałby Z (według przyjętego przez X i // lub Y jakiegoś kryterium wartości W_K), niezależnie od tego, czy Z jest możliwe // niemożliwe (aletycznie).

[X желает Y, чтобы Zy = X чувствует, что ему нравится Y > X чувствует, что он хотел бы чего-то (Z) хорошего для Y (потому что // если) X чувствует // думает, что Y хотел бы Z (согласно некоторому критерию ценности WK, принятому X и // или Y), независимо от того, возможно ли Z // невозможно (алетически) (авторский перевод)].

Экспликация глагола (*по*)*желать* в русском языке показывает, что *желать* (*пожелать*) в третьем значении описывается трёхаргументной структурой:

«кому-чему кого-чего и с инф. Высказывать или делать какие-н. пожелания. Желаю вам всего хорошего» (Ушаков, *Толковый словарь русского языка*)

В русском языке глагол *пожелать* понимается следующим образом:

Приставка «по-» добавляет значимость действию, подчеркивая его направленность на другого человека. Таким образом, «пожелать» можно охарактеризовать как выражение добрых намерений или надежд в адрес другого человека» (Проект *Что означает слово?* 7wv.ru › pozhelat).

Учитывая основное значение глагола *życzyć* и *желать*, выраженное в обоих языках, можно говорить о похожей трехкомпонентной структуре данного речевого акта: «X желает Y чего-либо».

Сравнивая словарные значения слов в польском и русском языках, можно заметить, что в польском языке различаются два направления желаний: желания, направленные к кому-то, и желания, направленные к себе. В русском же языке значения сосредоточены на желаниях, направленных к кому-то. Кроме того, в русском языке основной формой данного речевого акта является глагол *пожелать* с приставкой *по-*, и обе формы: *желать* и *пожелать* используются контекстуально. В польском же языке основной формой данного речевого акта является глагол *życzyć*. В польском языке, как и в

[3] *https://sjp.pwn.pl/slowniki/po%C5%BCyczy%C4%87.html.*

русском языке преобладают контексты с глаголом *życzyć* / *желать*, зато использование глагола *pożyczyć* / *пожелать* распространено не значительно Редкое употребление глагола *pożyczyć* в польском языке истекает из двух причин: во-первых может быть результатом двойственной семантики этого глагола, поскольку только во втором значении глагол *pożyczyć* выражает семантику «загадать желание». Первое, наиболее часто встречающееся значение выражает совершенно иную семантику, а именно *pożyczyć* означает «дать что-либо кому-либо или взять что-либо у кого-либо при условии возврата в течение определенного времени» (*Słownik języka polskiego PWN*). Во-вторых, что характерна и для русского языка, их употребление обусловлена правилами польской и русской грамматики. А именно, глаголы: *пожелать* и *pożyczyć* являются формами совершенного вида глаголов *желать* и *życzyć*, это значит у них нет форм настоящего времени (не выступают) и им присуще простое будущее время. Итак, они могут появлятся в предложениях определяющих прошедшее или будущее время.

2. Место речевого акта «пожелание» в прагматических классификациях речевых актов

В прагмалингвистическом подходе речевой акт «пожелание» отражен в различных классификациях речевых актов. В классификации Джона Л. Остина, основанной на выделении перформативных глаголов, то есть глаголов в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени, «пожелание» как речевой акт было включено в акты выражения поведения (в класс *бихабитивов* [*behabitives*]). *Бихабитивы* – это социально конвенционализированные языковые действия, выражающие различные поведения. Остин относит к этому классу, кроме «пожелания», другие речевые акты, такие как поздравления, приветствия, благодарность, выражение сочувствия и т. д. Показателем речевого акта «пожелание» является глагол *желать* в его перформативной функции, то есть в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени (Austin, 1962).

Другая классификация речевых актов (по реализации иллокутивной силы высказывания) была предложена Джоном Р. Сёрлом (Searle, 1969). Согласно этой классификации, классы различаются по типу иллокутивной силы, то есть коммуникативному намерению. Аналогично, Рышард Липчук отмечает: «Трудно говорить об однозначном соответствии между глаголами и иллокутивными типами, а ведь именно они составляют центральную часть речевых актов» (Lipczuk, 1999, авторский перевод).

По нашему мнению, классификация, основанная на реализации иллокутивной силы, а не на перформативном глаголе, позволяет правильно интерпретировать намерение. Сёрл включил речевой акт «пожелание» в число актов самовыражения (*экспрессивов* [*expressives*]). Цель этих актов — прежде всего выразить собственное отношение и эмоциональное состояние. Кроме речевого акта «пожелание», Сёрл также включил в данную группу речевые акты оправдания, жалобы, поздравления и т. д.

Как показывают изложенные выше основные классификации речевого акта «пожелание», Остин относит этот акт *бихабитивом*, а Сёрл – к *экспрессивным*, или актам самовыражения, то есть актам выражения собственных эмоций.

Обратимся теперь к классификации речевых актов, предложенной Н. И. Формановской (2007: 262). Ученая выделяет следующие классы речевых актов:

а) репрезентативные – сообщения,
б) поручения – обязательства,
в) директивные – поощрения,

г) пророгативные – вопросы,

д) декларативные – объяснения,

е) экспрессивные – выражение эмоций.

Как и Сёрл, Формановская включает речевой акт «пожелание» в число экспрессивов.

В англоязычной литературе Джеффри Н. Лич в своей «Интерперсональной теории» выделил два основных правила языковой вежливости (Leech, 1983). Первое – правило вежливости. В нём говорится, что смысл высказывания должен быть приятным для партнёра и передан таким образом, чтобы не вызывать неприятных эмоциональных переживаний. Второе правило – правило одобрения собеседника. Оно предполагает, что участники разговора должны выражать взаимную доброжелательность и принятие высказываний и межличностных контактов друг друга, а также удовлетворение разговором. Таким образом, речевой акт «пожелание» соответствует принципам вежливости, предложенным Личом. В польской лингвистике «пожелание» традиционно относится к вежливым речевым актам (Marcjanik, 1997; Ożóg, 1990). Ожог понимает модель языковой вежливости как:

> system społecznie zaaprobowanych i powszechnie przyjętych w danej społeczności (grupie, wspólnocie) zasad, norm, określający pewien usankcjonowany sposób zachowania, także i werbalnego członków tej społeczności w kontaktach między sobą. Współcześnie jest to sposób zachowania określany jako *odpowiedni, kulturalny, grzeczny, uprzejmy*" (Ożóg, 1990: 10).

> [Система социально одобренных и общепринятых правил и норм в рамках данного сообщества (группы, братства), определяющая определённый санкционированный способ поведения, включая речевое поведение, между членами этого сообщества в их взаимодействии друг с другом. В настоящее время такой способ поведения определяется как уместный, культурный и вежливый" (авторский перевод)]

В польской лингвистике проблема языковой вежливости изучалась, в частности, Малгожатой Марцианик. Ученая характеризует языковую вежливость как набор стратегий в игре вежливости. Она также выделяет два основных фактора вежливости: проявление уважения к партнёру (особенно к пожилым людям и женщинам, начальству и т. д.), включая принижение роли отправителя, и проявление интереса к делам партнёра (Marcjanik, 1997). На вежливость речевого акта «пожелание» обращают внимание и рускоязычные лингвисты, которые пишут, что речевой акта «пожелание» это вежливое речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить внимание и симпатию по одношению к адресату и надежду на благополучие в жизни адресата в будущем и такой акт должен соответствовать нормом этикета, принятым в данном обществе (Ярцева, 2015: 119-120; Вдовина, 2007: 16).

Александер Киклевич в дихотомической классификации речевых актов рассматривает «пожелание» как «обычный речевой акт», реализующий речевой этикет (Kiklewicz, 2009: 94). Алексей Авдеев в «Грамматике вербального взаимодействия» включает «пожелание» в категорию смешанных актов, так называемых модально-эмотивных (выражающих страх, надежду, пожелание, веру и т. д. (Awdiejew, 1987: 153-154). Таким образом, пожелание имеет модус исполнения желающего, например, *пусть это случится.*

3. Предлагаемое определение речевого акта «пожелание»

Речевой акт «пожелание» — это вежливый, условный, перформативный реактивный акт в ответ на позитивную ситуацию в жизни адресата пожеланий: именины, день рождения, годовщина и т. д., в связи с которыми говорящий выражает пожелания. Исполнение пожелания не зависит от говорящего и может быть полностью возможным или невозможным в зависимости от характера желаний и условий их исполнения. Адресат испытывает эмоциональную близость с говорящим. Понятие оптативности важно для речевого акта «пожелание», поскольку в нем можно выделить позитивную сему «воля/желание/склонность», т. е. «сотворение мира для адресата» = Желаю вам здоровья, радости, бодрости духа, исполнения желаний и т. д., при этом говорящий, как правило, не оказывает никакого влияния на исполнение желания». Это желание находится в руках судьбы, высшей силы/Бога. Таким образом, желание говорящего заключается в том, чтобы с адресатом произошло что-то хорошее (или плохое). Иллокутивная цель речевого акта «пожелание» – выразить благоволение посредством более или менее формализованных пожеланий человеку, который в настоящее время выделяется в окружающем мире, благодаря определенному случаю (именины, день рождения, годовщина и т. д.) или событию, завершившемуся для него благополучно. Пожелания сопровождаются перлокуцией удовлетворения и положительной оценки (Komorowska & Stanulewicz, 2026).

4. Базовая структура речевого акта «пожелание»

Базовую структуру данного речевого акта можно представить следующей схемой:

Вследствие А (произошла экстралингвистическая ситуация) В (говорящий) желает Б (адресату) Г (пожелание) (Komorowska & Stanulewicz, 2026, в печати).

А = ситуация, которая произошла

Б = адресат пожеланий

В = говорящий

Г = пожелание

Примеры:

- А (*Z okazji urodzin*) + В (*życzę/życzymy*) + Б (*ci/wam*) + Г (*zdrowia, radości, szczęścia, wszelkich sukcesów*)

- Г (*Wielu podróży i samych radości*) + А (*z okazji twojego święta*) + Б (*ci*) + В (*życzę/życzymy*)

- А (*По случаю твоей защиты диссертации*) + В (*желаю / желаем*) + Б (*тебе*) + Г (*успехов в науке и в личной жизни*)

Стоит подчеркнуть, что в языковой коммуникации не все компоненты структуры речевого акта «пожелание» реализуются. Поэтому данный речевой акт может быть полным или неполным. Полный речевой акт выражается всеми компонентами, тогда как неполный речевой акт может быть реализован лишь некоторыми из них. Наиболее важным компонентом для понимания этого акта является выражение самого пожелания.

5. Явные и скрытые речевые акты «пожелание»

Пожелание, как и любой другой речевой акт в языковой коммуникации, может быть осуществлено в явных или скрытых речевых актах. Явные речевые акты – это такие речевые акты, в которых перформативный элемент данного акта явно проявляется на поверхности языка, и его интерпретация как речевого акта (для данного материала – выражающего «пожелание»), не вызывает

сомнений (Komorowska, 1997). Скрытые речевые акты же – это такие речевые акты, в которых значение данного акта неявно содержится в его глубинной структуре. Для правильной интерпретации высказывания используется процесс вывода путём инференции (контекстуализации), чтобы открыть иллокутивную силу данного речевого акта (Komorowska, 1997).

5.1. Явные речевые акты

Основным лексическим выражением речевого акта «пожелание» в польском и русском языках является перформативный глагол: *życzę* / *желаю* и *życzymy* / *желаем* в первом лице единственного или множественного числа.

При составлении пожеланий в польском и в русском языках используются устоявшиеся, в значительной степени ритуализированные текстовые шаблоны, например: *z okazji* / *w dniu urodzin/ imienin/jubileuszu/sukcesu*; *с днём рождения/именинами/юбилеем* и т. д. Некоторые примеры[4]:

(1) W dniu twoich imienin składam ci najserdeczniejsze życzenia zdrowia, szczęścia i pomyślności.

В твой день именин я от всего сердца желаю тебе здоровья, счастья и процветания.

(2) Z okazji urodzin życzę Ci, aby każdy dzień był pełen słońca, uśmiechu i życzliwości innych ludzi.

В твой день рождения я желаю тебе, чтобы каждый день был полон солнца, улыбок и доброты от окружающих.

(3) W dniu twojego święta życzymy tylko szczęścia i samych radości.

В этот особенный день мы желаем вам только счастья и радости.

Перформатив *życzę* / *желаю* и *życzymy* / *желаем* встречается и в русском, и в польском языках с более или менее развёрнутыми пожеланиями. Примеры:

(4) Z okazji urodzin życzę ci zdrowia.

В твой день рождения желаю тебе крепкого здоровья.

(5) Z okazji urodzin życzę ci zdrowia i szczęścia.

В твой день рождения желаю тебе здоровья и счастья.

(6) Z okazji urodzin życzę ci zdrowia, szczęścia i samych radości.

В твой день рождения желаю тебе здоровья, счастья и радости.

(7) Z okazji urodzin życzę ci zdrowia, szczęścia, samych radości oraz spełnienia marzeń.

В день твоего рождения желаю тебе здоровья, счастья, радости и осуществления мечтаний.

(8) W dniu Twoich urodzin życzę Ci, abyś zawsze otaczała się ludźmi, którzy Cię kochają i wspierają. Niech każdy dzień będzie dla Ciebie nową, fascynującą przygodą.

В день твоего рождения желаю, чтобы тебя всегда окружали люди, которые любят и поддерживают тебя. Пусть каждый день будет для тебя новым, захватывающим приключением.

Стоит подчеркнуть, что так в русском, как и в польском языке при выражении желаний с помощью глаголов *chciałby* (*chciałaby*), *pragnąłby* (*pragnęłaby*) / *хотел* (*хотела*) *бы* / *желал* (*желала*) *бы* используется перформативная форма глаголов *życzyć* и *желать*: *pożyczyć* и *пожелать*, хотя в польском языке допустимо тоже употребление в таких сочетаниях глагола *życzyć*:

(9) W dniu Twojego święta chciałbym Ci życzyć/pożyczyć spełnienia marzeń, uśmiechu na twarzy i radości w sercu.

В этот особенный день я хочу пожелать тебе, чтобы твои мечты сбылись, чтобы на вашем

[4] Примеры, приведенные в статье, были взяты из разговорной речи носителей польского и русского языков в 2024-2025 годах.

лице сияла улыбка, а в сердце царила радость.

(10) Pragnę wam życzyć/pożyczyć pięknej, pełnej pozytywnych wrażeń podróży do Japonii.

Я хотел бы пожелать вам прекрасного путешествия в Японию, полного позитивных впечатлений.

(11) W dniu waszego święta chcielibyśmy wam życzyć/pożyczyć zdrowia i jeszcze wielu wspólnie spędzonych wspaniałych chwil.

В этот особенный день мы хотим пожелать вам крепкого здоровья и еще много прекрасных мгновений, проведенных вместе.

Стоит также отметить, что использование традиционных тематических фраз не ограничивается именинами и днями рождения. Использование устоявшихся фраз также отмечено при выражении пожеланий связанных с другими праздниками, такими как Рождество, Пасха и Новый год.

Сравнивая пожелания на польском и русском языках, можно заметить сходства в содержании. Как правило, выражаются пожелания здоровья, счастья или успеха, если только отправитель не пытается выразить индивидуальные пожелания, иногда в форме стихотворения. Например:

(12) Nie licz lat, lecz chwile, które zapierają dech w piersiach. Żyj z pasją, twórz z sercem i kochaj bez granic. Wszystkiego najlepszego! [Не считай годы, а считай мгновения, от которых захватывает дух. Живи страстно, твори от всего сердца и люби безгранично. С днем рождения!]

(13) Dziękuję, że jesteś. Twoja obecność czyni moje życie piękniejszym. Życzę Ci, byś codziennie budziła się z poczuciem, że jesteś kochana i potrzebna. [Спасибо, что ты здесь. Твое присутствие делает мою жизнь прекраснее. Желаю тебе просыпаться каждое утро с чувством любви и потребности.]

(14) Ваша доброта, сила и улыбка делают мир лучше. От всего сердца желаю вам счастья каждый день.

(15) Дорогие молодожены, пусть ваша любовь расцветет, как весенний сад. Будьте друг для друга опорой, вдохновением и лучшими друзьями. Пусть каждый день приносит вам новые поводы для улыбки.

(16) Пусть жизнь твоя счастливой будет,
Пусть будет в ней, что хочешь ты.
Никто по виду пусть не судит
И не жалеет доброты.
Пускай гармония настанет,
И нерушимый мир царит.
Пусть счастье светлое нагрянет
И в доме у тебя гостит!

(Автор: Яна Сергеева [datki.net › pozhelaniya › v-stihah])

Различия в выражении «пожелания» в польском и русском языках обусловлены не культурными, а грамматическими особенностями обоих языков.

5.2. Скрытые речевые акты

Скрытые речевые акты рассматриваются в социокультурном контексте. Основой определения иллокутивной силы такого акта является процесс, позволяющий интерпретировать заданную экстралингвистическую ситуацию как ситуацию пожелания (именины, день рождения, професси-

ональное достижение, рождение ребёнка и т. д.). Они требуют полноценной прагматической интерпретации, поскольку такие экстралингвистические факторы, как место и время высказывания, произошедшее событие, социальные отношения между собеседниками, пресуппозиция и т. д., имеют решающее значение в процессе интерпретации намерений говорящих и реализации данного речевого акта. Примеры:

(17) Oby zawsze pan był szczęśliwy i w pełni realizował swoje marzenia.

Желаю вам всегда быть счастливыми и в полной мере воплотить свои мечты.

(18) Niech zawsze świeci nad tobą słońce, a serce twe wypełnia radość.

Пусть солнце всегда светит над тобой, и пусть твое сердце наполняется радостью.

(19) Niech się spełnią twoje marzenia.

Пусть сбудутся твои мечты.

Таким образом, в обоих языках речевой акт «пожелание» может быть реализован посредством неполных имплицитных речевых актов, и только в процессе контекстуализации в условиях глубокого культурного погружения становится возможным правильное интерпретирование иллокутивной силы высказывания желания.

6. Связь речевого акта «пожелание» с речевым актом «поздравление»

Речевой акт «пожелание» часто связан с речевым актом «поздравление», являясь его продолжением в высказывании. При сочетании речевого акта «пожелание» с речевым актом «поздравление» возникает тематическая связь:

внешний стимул (юбилей, профессиональный успех, именины и т. д.) + поздравление + пожелание.

Примеры:

(20) [После рождения сына:] Gratulujemy wam dorodnego synka i życzymy mu zdrowia!

Поздравляем вас с рождением прекрасного сына и желаем ему крепкого здоровья!

(21) [После покупки дома:] Gratulujemy zakupu pięknego domu i życzymy wam wiele radości z jego posiadania!

Поздравляем вас с приобретением прекрасного дома и желаем, чтобы он приносил вам много радости!

(21) [Перед тем, как отправиться в путешествие:] Поздравляем вас с приобретением этой поездки! Желаем вам много прекрасных впечатлений от поездки в Испанию.

Следует подчеркнуть, что речевой акт «поздравление» как бы притягивает к себе речевой акт «пожелание», поэтому они обычно реализуются вместе, образуя «сложный речевой акт» (термин авторов статьи). Однако, наоборот, реализация речевого акта «пожелание» не обязательно должно быть связано с речевым актом «поздравление», потому что он часто употребляется самостоятельно.

На этот вопрос обратили тоже внимание Ярцева (2015) и Трофимова (2008). Ярцева пишет, что «в класс пожеланий часто включаются так называемые пожелания-поздравления» (2015: 121). Трофимова утверждает, что «подобные высказывания, являясь полиинтенциональными образованиями, представляют собой особую группу «превосходную зону» между высказываниями пожелания и высказываниями позддравления (2008: 88). Как пишет Ярцева «их полная реализация предполагает речевое действие (поздравляю тебя / вас) и сообщение о событии» (2015: 121). Мы бы ещё добавили – и в связи с этим событием включает ещё пожелания. Например:

(22) Поздравляю тебя с этим светлым праздником, желаю, чтобы он тебе принёс всего самого

найлучшего, побольше здоровья и любви (Ярцева 2015: 121).

8. Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что представленный лексико-семантический и прагматический анализ касался классической формы речевого акта «пожелание» в польском и русском языках, то есть речевого акта, выражающего позитивное отношение к адресату и благосклонность к нему в форме эмоционально позитивных языковых выражений пожелания. Отправитель выражает позитивное отношение к адресату, чувство доброты по отношению к нему. Однако исполнение пожеланий уже не является обязанностью отправителя, а скорее вопросом судьбы.

В работе мы предложили наше понимание речевого акта «пожелание», описали его базовую структуру и функционирование в явных и скрытых речевых актах. Был поставлен фундаментальный вопрос: может ли речевой акт «пожелание» быть выражен в схожей структуре и содержании в обоих языках, и влияют ли культурные факторы на различия в его выражении. Итак, проведённый анализ показал, что культурная близость польского и русского народов проявляется в похожих способах выражения пожеланий и их содержаний. Как упоминалось в определении данного речевого акта, в польском языке основным перформативом для данного речевого акта является глагол *życzyć*, тогда как в русском языке основной формой является глагол *пожелать*, а в контексте в русском и польском языках употребление этих глаголов обусловлено грамматически.

Литература

Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Clarendon Press.

Awdiejew, A. (2004). *Gramatyka interakcji werbalnej*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Jędrzejko, E., & Kita, M. (2003). Wszystkiego najlepszego! Życzenia jako akty językowo-kulturowe: konwencje i kreacyjność. W K. Kleszczowa & J. Sobczykowa (red.), *Śląskie studia lingwistyczne* (s. 197-207). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Kiklewicz, A. (2009). Akty mowy – klasyfikacja dychotomiczna. *Media. Kultura. Komunikacja Społeczna*, *5*, 87-110.

Komorowska, E. (1997). Прагматические средства описания языка. *Text als Gegenstand der Forschung und der Lehre*, *4*, 87-98.

Komorowska, E., & Stanulewicz, D. (2026, в печати). Akt mowy *życzenie* we współczesnym języku polskim i rosyjskim – ujęcie pragmalingwistyczne. *Przegląd Wschodnioeuropejski*.

Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. Longman.

Lipczuk, R. (1999). O wielości i wieloznaczności terminów (na przykładzie klasyfikacji aktów mowy). *Lingua ac Communitas*, *9*, 169-176. https://lipczuk.univ.szczecin.pl/Art.B.A.htm.

Marcjanik, M. (1997). *Polska grzeczność językowa*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego.

Ożóg, K. (1990). *Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej (na materiale języka mówionego mieszkańców Krakowa)*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.

Słownik języka polskiego PWN. https://sjp.pwn.pl/.

Вдовина, Е. В. (2007). *Поздравление и пожелание в речевом этикете: Концептуальный и коммуникативный анализ* [автореферат кандидатской филологических наук]. Москва.

Проект *Что означает слово?* https://7wv.ru/.

Трофимова, Н. А. (2008). *Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, граматический анализ.* Издательство ВВМ.

Ушаков, Ю. В. *Толковый словарь русского языка.* https://vslovarike.ru/ushakov.

Формановская, Н. И. (2007). Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход. Русский язык.

Ярцева, О. А. (2015). Средства реализации речевого акта, «пожелание» / «поздравление»- психолингвистическое исследование (на материале русского, немецкого, испанского и английского языков). *Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация*, *4*, 119-124.

PRONUNCIATION DEVIATIONS IN CZECH READ-ALOUD PERFORMANCE BY NON-NATIVE SPEAKERS OF CZECH – SLAVS AND NON-SLAVS

Michaela Kopečková
Palacký University in Olomouc

1. Introduction

Standard pronunciation represents an essential component of spoken discourse, as it primarily ensures intelligibility in communication. It also significantly contributes to the cultivated character of speech, which is particularly expected from professional speakers (Bartošek, 2008: 9), while at the same time enhancing the overall quality of oral performance during public presentations and in similar contexts[1].

For non-native speakers of Czech (and other languages), intelligibility is considered the primary goal of spoken communication, as it facilitates fluency in interaction with communication partners, whether native[2] or other non-native speakers. For this reason, greater emphasis is placed on pronunciation in the updated edition of the *Common European Framework of Reference for Languages* (CEFR), which specifies criteria for levels A1-C1, categorized into three domains: overall phonological control, sound articulation, and prosodic features (CEFR, 2018: 136). In comparison with the earlier edition (CEFR, 2001), it is evident that, alongside lexical/semantic, grammatical, and orthographic competences, phonological competence[3] has now become equally important.

To ensure intelligibility, it is advisable to begin systematic pronunciation training from the very early stages of instruction for non-native speakers. This should include not only the initial presentation of the phonological system and sound inventory of the target language, but also drill-based practice of potentially problematic or specific features with respect to learners' first languages. In the case of Czech as an L2, teachers currently have several types of teaching materials available, providing a range of general and specialized exercises:

- General textbooks – These primarily offer comprehensive language learning content, with pronunciation exercises only marginally included (e.g., Holá, 2016; Švarcová and Wenzel, 2020). There are, however, the materials in which the systematic pronunciation training is integrated, either directly in the main textbook or in accompanying workbooks (e.g., Hradilová et al., 2020; 2021; Kestřánková et al., 2024).
- Specialized textbooks – These present the Czech sound system and its segmental specifics, offering a wide range of exercises from drill reading of syllables and words to longer targeted texts, rhymes, or perception-based gap-filling tasks (Palková and Veroňková, 2022; Veroňková, 2022b; Bednaříková et al., 2017).

[1] Standard and also neutral pronunciation supports, among others, non-native speakers' self-confidence in speech practice (Hradilová et al., 2023: 43).

[2] The current research proves, that native Czech speakers consider nonstandard pronunciation negative (Hradilová, 2020: 82-83).

[3] The phonological competence is also part of the evaluation in standardized language exams. (https://ujop.cuni.cz/UJOP-9.html).

- Applications – The most recent is *ProCzeFor*[4], which provides numerous exercises, including revision tasks, perception testing, or completion tasks with diacritics[5].

The aforementioned resources, particularly specialized textbooks and applications, generally offer exercises related to specific sounds or features. Using these or other didactic resources designed for lecturers (e.g., Hradilová et al., 2023: 44-49), teachers may create activities according to their own needs. For homogeneous groups with the same first language, it would be advantageous to have targeted materials addressing not only generally problematic sounds and features but also those that are specifically challenging for the given group. At present, this requirement is only partially met by a concise section of *Flip (Your) Teaching 3* (Bednaříková et al., 2023), which provides worksheets with short drill exercises based on students' particular first languages (e.g., Chinese, Spanish). The development of such resources may further profit from the data gathered in both long-term and short-term studies focused on pronunciation deviations by non-native speakers of Czech with specific first languages (e.g., Chabrová and Veroňková, 2022; Kopečková, 2023a; 2024; Veroňková, 2016; 2022a; Poláchová, 2023; Zborovská, 2023).

On the basis of the above-mentioned resources, it is possible to characterize the Czech sounds and features that are generally difficult for non-native speakers. These include:

- vowel quantity – particularly if combined with inappropriate word stress;
- diphthongs *ou, au, eu* – prone to qualitative reduction or non-standard realization;
- palatal sounds [ɟ][6], [c], [ɲ] – especially for learners who cannot distinguish them perceptually from the pre-alveolar consonants *d*, *t*, *n*;
- the sound [ɦ] – voiced in Czech unlike in many other languages, which makes it articulatorily more demanding; in more complex clusters, it may shift towards [x];
- sibilants – generally challenging for learners who do not distinguish perceptually between pre- and postalveolar types (e.g., Greek learners);
- contrasting voiced/voiceless sounds – similarly to [ɦ], this problem is related to the semi-voiced realization of voiced consonants in other languages, which in Czech may result in full devoicing in some phonological contexts;
- [r] and [r̝]/[r̥] – is classified among the most «feared» consonants, requiring regular drill and patience;
- voicing assimilation – although not inherently difficult to perform, its incorrect realization often stems from insufficient knowledge of Czech phonological rules; this includes devoicing final voiced consonant before a pause (e.g., *led* [lɛt] 'ice')[7].
- word stress – particularly problematic for learners whose L1 employs stress contrastively (e.g., Spanish) or links it to vowel quantity (e.g., Russian), while the Czech stress is fixed on the initial syllable;
- intonation – non-standard melodic patterns, such as final rising cadences, which may sound disturbing to native listeners.

In addition to these general issues, non-native speakers may exhibit individual deviations (e.g., due to bad habits, regional accents, or speech defects) or specific deviations caused by negative transfer from their L1. Below, we briefly outline potential difficulties for speakers with the L1s analyzed in this study (see

[4] https://www.proczefor.cz/

[5] For more information about the application and additional materials see Kopečková (2023b).

[6] The International Phonetic Alphabet (IPA) is used for the phonetic transcription. (https://www.internationalphoneticassociation.org/content/full-ipa-chart)

[7] Symbols '' = translation from Czech to English

Methods), considering both previous findings and the phonological characteristics of the languages examined (English, German, Spanish, French, Ukrainian, and Polish) in comparison with Czech (Skarnitzl et al., 2016; Roach, 2009; O'Brian and Fagan, 2016; Booth, 2000; Hualde, 2005; Pompino-Marschall et al., 2017; Balowski, 1993).

- English – incorrect realization of diphthongs (e.g., *sauna* [so:na] 'sauna'); mispronunciation of *j* as [dʒ], aspiration of *p, t, k* – [pʰ], [tʰ], [kʰ]; retroflex articulation of postalveolar sibilants *š* [ʂ], *ž* [ʐ], *č* [tʂ], and lateral fricatives *l*.
- German – non-standard realization of diphthong *eu* as [oj]; aspiration of *p, t, k*; negative transfer in pronunciation of sibilants *s* $[s]_{CZ} \times [z]_{DE}$ and *z* $[z]_{CZ} \times [\widehat{ts}]_{DE}$[8], similarly realization of *v* [v] as [f]; incorrect pronunciation of velar fricative *ch* – [ç], [χ]; progressive assimilation (e.g., *kdo* [kto] 'who').
- French – nasalization of diphthongs; more closed front vowels; difficulties with affricates *c* [ts͡], *č* [tʃ]; negative transfer in the realization of *j* as [ʒ] or *ch* as [ʃ]; voicing of final obstruents before a pause; stress on the final syllable of a word/phrase.
- Spanish – distinguishing sounds [b] and [v] as well as sibilants; incorrect realization of the sounds [ɦ] and [x], with frequent elision of [ɦ] (e.g., *hotel* [+otɛl] 'hotel'); hesitation sounds.
- Polish – frequent negative transfer (e.g., nasalization of *ou*); realization of the vowel *y* resulting in near-close near-front rounded vowel [ʏ] – *aby* [abʏ] 'conditional: so that / to'; difficulty distinguishing [ɦ] and [x]; retroflex postalveolar sibilants *š* [ʂ], *ž* [ʐ], *č* [tʂ]; progressive assimilation (e.g., *květina* [kfjɛcɪna] 'flower'); word stress on the penultimate syllable.
- Ukrainian – rounded realization of the vowel *y* [ʏ]; inserting consonant *j* before initial *e* (e.g., *Eva* [jɛ:va] 'woman's name'); word stress on the penultimate syllable linked to vowel quantity; retroflex postalveolar sibilants; incorrect palatalization of *t, d, n;* «hard» and «soft» realizations of consonant *l* [l]/[lʲ].

2. Methods

The aim of the present analysis was to identify, on the basis of the perception of read speech, potentially problematic phenomena in the pronunciation of Czech sounds and sound clusters, as well as other features, with respect to respondents' Slavic and non-Slavic first languages. As noted above, certain Czech sounds or features, such as [r̝], the standard realization of [ɦ] and [x] or vowel quantity, are generally challenging for non-native speakers and thus almost always receive attention in the lessons. In addition, there are individual or language-specific deviations, such as confusion between [b] and [v] among speakers of Japanese or Spanish, bad pronunciation habits, or transfer from the L1, which require specific attention in the speech of particular learners[9]. The findings of this survey may therefore contribute to the development of pronunciation training materials for homogeneous student groups, or for groups whose L1s are typologically related.

The study sought to detect not only the types of deviations, especially those that may hinder understanding, but also their frequency, as well as possible differences between Slavic and non-Slavic respondents. Based on relevant literature, teaching materials, and classroom experience, it could be assumed, for instance,

[8] CZ = Czech; DE = German («Deutsch»)

[9] These generally frequent or specific deviations are mostly not included in the current analysis.

that diphthongs are likely to pose difficulties, although deviations might be different for Slavic speakers compared with learners whose L1 is non-Slavic[10].

A total of 69 non-native respondents participated in the study. During the data collection period, they had varying levels of Czech proficiency (A1–B2/C1) and were or had been studying Czech as an L2. Specifically, the sample included 33 Slavic speakers with Polish (12) and Ukrainian (21) as their L1, and 36 non-Slavic speakers with English (9), German (11), Spanish (7), and French (9) as their L1.

All participants were asked to read a one-page A4 text without prior preparation. This text contained isolated words, word combinations, combinations of words with primary/secondary prepositions, and simple/complex sentences (for examples see Table 1)[11]. Prior to reading, they were informed about the purpose of the recording and instructed to read the text naturally and at their own pace[12]. Depending on reading speed and proficiency level, each recording lasted between three and five minutes.

Based on an initial examination of the overall reading performance, the following sounds, clusters, and features were selected for more detailed analysis:

- quality of the vowel *y/ý* – realization of rounded [ʏ] was expected, particularly among Slavic respondents, since it is perceptually salient and potentially marked or distracting;
- quality of the vowel *e* – vowel reduction was anticipated, as well as non-standard open/closed realizations caused by negative L1 transfer;
- diphthongs *ou, au, eu* – varying degrees of non-standard pronunciation were predicted, with diphthong *au* expected to be more frequently mispronounced than *eu*, and deviations depending on learners' L1;
- realization of the clusters *dě, tě,* and *mě* – possible non-standard realizations [dʲɛ], [tʲɛ], [mʲɛ] were expected in both groups;
- loanwords – non-standard palatalization of *d, t, n* (and possibly other consonants) before the vowel *i* was anticipated, especially among Slavic respondents;
- semi-voiced consonants (*h, v, h, d, ď, g*) – partial voicing or full devoicing of Czech voiced obstruents was expected, more frequently among non-Slavic respondents;
- sibilants (*s, z, c, š, ž, č*) – several types of deviations were expected depending on learners' L1 (e.g., negative transfer among German speakers, neutralization of pre- vs. postalveolar sibilants among Spanish speakers), with a higher error rate anticipated among non-Slavic participants;
- voicing assimilation and lack of devoicing final obstruents – for learners with lower proficiency (both groups), it was expected that voicing assimilation would not always be applied, or that voiced (semi-voiced) obstruents would be maintained before a pause, e.g., *bez* 'without' – standard [bɛs] × non-standard [bɛz]/[bɛz̥];
- word stress – non-standard word stress was expected primarily among Slavic respondents, with an additional effect on vowel quantity.

[10] Various groups of learners should be taken into account when preparing pronunciation teaching materials.

[11] The text includes all the Czech sounds, although their frequency differs (for example there are less diphthongs than monophthongs etc.).

[12] Except these instructions all the participants signed the agreement on recording, and they also provided some information about their language skills, age, nationality, and other second languages that they study or studied.

Position observed	Example [standard pronunciation]
Isolated word	*ouškama* [ʔoʊ̯ʃkama] 'little ears – instrumental case'
Preposition + word	*z Ostravy* [s ʔostravɪ] 'from Ostrava'
	vedle Umy [vɛdlɛ ʔumɪ] 'next to Uma'
Two words	*stále aktivní* [staːlɛ ʔaktɪvɲiː] 'still active'
	oběd Erika [objɛt ʔɛrɪka] 'Erik's lunch'
Simple/complex sentences	*Naučil se vše o Anglii.* [naʔutʃɪ̂l sɛ fʃɛ ʔo ʔaŋglɪjɪ] 'He learned everything about England.'

Table 1.Examples of words and word combinations included in the text.

For all these features (with the exception of word stress), the frequency of deviations was measured. We applied the method of «rate of non-standard realization», i.e., the percentage of sounds/features realized in a non-standard manner – determined perceptually – was calculated from the total number of occurrences of the sound/feature. The results (in %) are presented in the form of figures – always comparing Slavic and non-Slavic groups, sometimes with specification of a deviation type – and are supplemented with commentary, including further observations and specific examples of pronunciation.

3. Findings

3.1 Quality of the vowel y/ý

Non-standard realizations of *y/ý*, specifically the rounded [ʏ], were detected predominantly among Slavic L1 speakers, as expected (Figure 1). The error rate, occurring mainly with the short vowel, reached approximately 70%, for Ukrainian speakers (80%) exhibiting higher error rates than Polish speakers. In contrast, non-Slavic participants produced the vowel almost exclusively in the standard form [ɪ]/[iː] (98%). The only exception was one German respondent (10%), who reported studying Russian and thus showed negative transfer from another Slavic language.

These deviations occurred mostly in word-final positions, although medial positions were also affected. The vowel [ʏ] was most often found after the consonants *v*, *b*, *p* and the nasals *m*, *n*, e.g., *z Evropy* [ɛvropʏ]/[jɛːvropʏ]/[ɛvroːpʏ] 'from Europe', *u Irmy* [ʔu ɪrmʏ]/[ʔu ʔɪːrmʏ] 'by Irma', *výběr* [vʏːbjɛr] 'selection'.

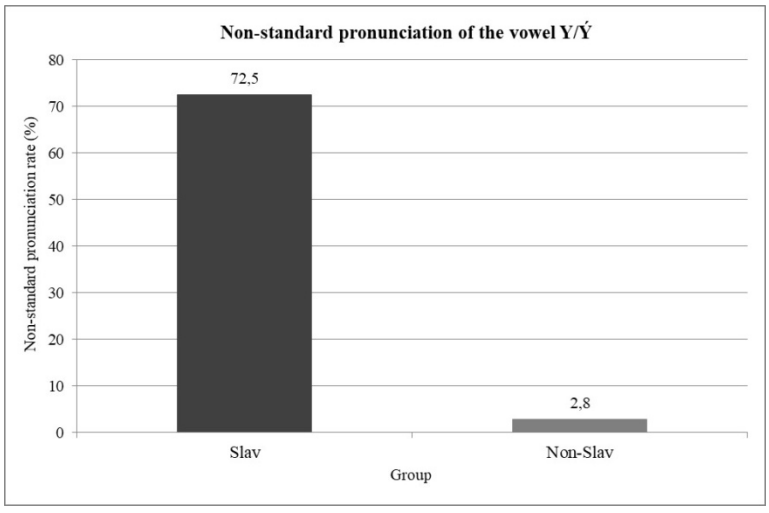

Figure 1. Non-standard pronunciation rate of the vowel y/ý among Slavs and non-Slavs.

While the rounded pronunciation of *y/ý* does not generally impede comprehension, it is a marked and distracting feature. When combined with non-standard stress and vowel quantity errors, it may give native speakers the impression that the learner is speaking another Slavic language, which may potentially disrupt communication fluency.

3.2 Quality of the vowel *e*

Pronunciation of the vowel *e* exhibited multiple deviations (see Figure 2). The most significant was qualitative reduction (commonly to a mid-central [ə]), which can interfere with intelligibility in communication with both native and non-native speakers. Weakening of vowel quality appeared mainly in medial and final positions, e.g., *opice* [opɪt͡sə] 'monkey', *tácek* [ta:cək] 'tray'. This deviation was most frequent among English, Polish, and German speakers.

Markedly open or closed realizations were also considered non-standard, as they perceptually shifted vowel to another sound – [a] or [ɪ], e.g., *jel* [jal] 'he drived', *iluze* [ɪluzɪ] 'illusion'. English and partly Ukrainian speakers tended to keep the vowel open, while German, Spanish, and French speakers tended to close it.

Open/closed realizations were occasionally found in initial position, though less consistently, and never among Polish respondents. A further deviation appeared exclusively among Ukrainian L1 speakers: insertion of [j] before word-initial *e*, e.g., *Eva* [ɛva]/[jɛ:va] 'woman's name'. These non-standard realizations were most common among lower-level learners.

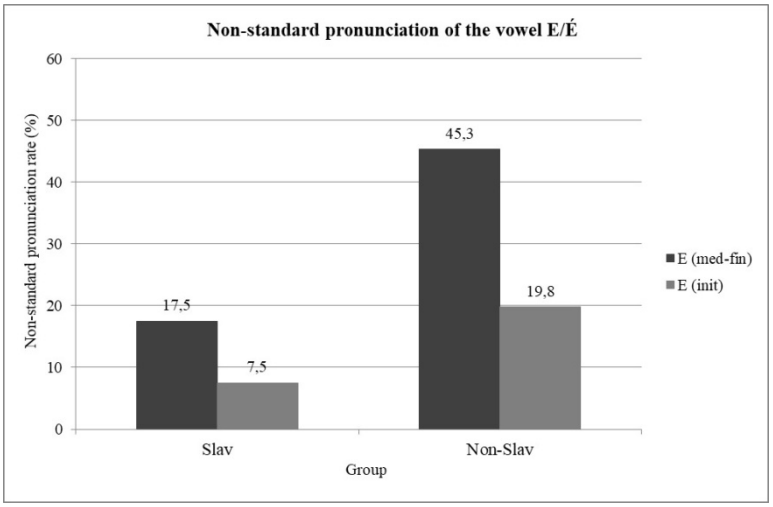

Figure 2. Non-standard pronunciation rate of the vowel ***e*** *among Slavs and non-Slavs and the position of the vowel*[13].

Overall, vowel *e* proved more problematic for non-Slavic respondents. English speakers showed the highest error rates (67% medial/final positions, 59% initial), most often due to qualitative reduction, which represents the most serious obstacle for communication.

[13] med-fin = medial and final position of the vowel; init = initial position of the vowel

3.3 Diphthongs *ou*, *au*, *eu*

Diphthongs were analyzed separately (Figure 3). Overall, error rates remained relatively low (never exceeding 18%), yet these sounds still deserve attention in terms of communicative clarity.

Differences emerged across diphthongs: *ou* was slightly more problematic for Slavic speakers, whereas *au* and *eu* were more challenging for non-Slavic learners.

For *ou*, two main deviations were found. Nearly all learners, especially English speakers (18%), sometimes reduced the diphthong to a long monophthong [oː], e.g., *ouha* [oːha]/[oːɦa] 'interjection: ouch'. Polish and French respondents also produced nasal vowels [ǫ], particularly in final positions, e.g., *s Olgou* [ʔolgǫ] 'with Olga'.

Regarding *au*, English speakers again showed the highest rate of non-standard realizations (53%), mostly reduction to [oː]. This deviation was rare among other groups. Ukrainian speakers displayed a transfer-based realization [av̯], e.g., *auto* [av̯to]/[aːv̯to] 'car'.

For *eu*, the least problematic diphthong, deviations stemmed mainly from L1 transfer or speaker's individual habits: pronunciation [oj] among Germans, [ju] among English speakers, e.g., *euro* [ʔojro]/[ʔojʁo], [juro]/[juɪo] 'currency'. Errors occurred more often among learners at A1–A2 levels.

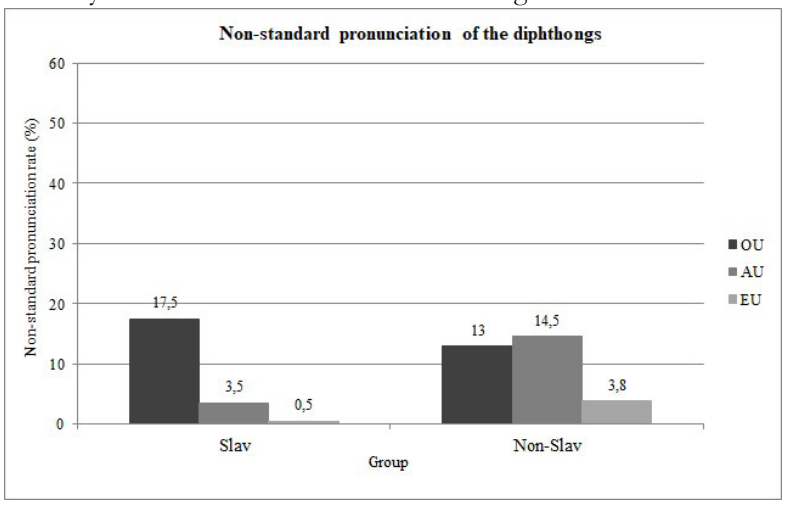

Figure 3. Non-standard pronunciation rate of the diphthongs ***ou***, ***au***, ***eu*** *among Slavs and non-Slavs and the specific diphthong.*

3.4 Combinations *dě*, *tě* (and *mě*)

Palatals [ɟ], [c] were analysed in clusters *dě, tě*, with expected deviations [dʲɛ], [tʲɛ]. As Figure 4 shows, Slavic speakers produced non-standard realizations in about 15% of the occurrences only, with the most errors produced by the Ukrainians (25%). Non-Slavic respondents, however, mispronounced them in nearly one third of cases. The result was heavily influenced by French speakers (76%), who pronounced these clusters regularly and perceptibly as [dʲɛ], [tʲɛ], e.g., *děti* [dʲɛcɪ] 'children', *v autě* [ʔaʊ̯tʲɛ] 'in a car'.

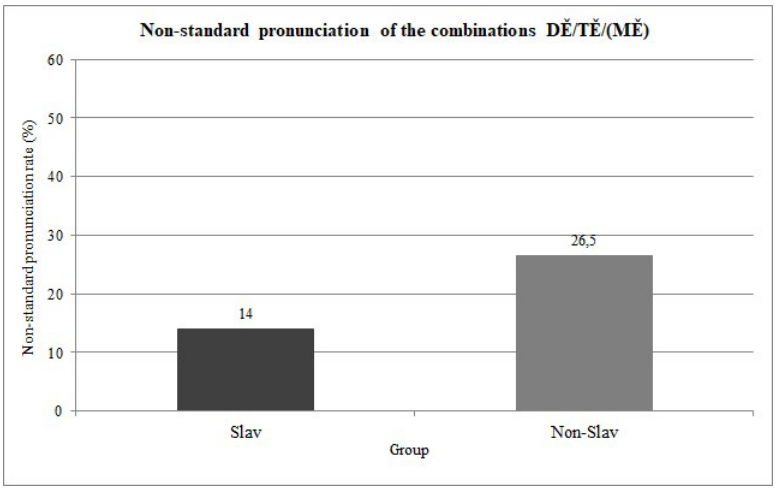

Figure 4. Non-standard pronunciation rate of the combinations ***dě/tě/(mě)*** *among Slavs and non-Slavs.*

Incorrect realizations of *mě* were also noted: [mʲɛ] among Poles, and [mɛ] among Spanish beginners, e.g., *rozměň* [rozmʲɛɲ] 'to change – imperative', *kromě* [kromɛ] 'except'.

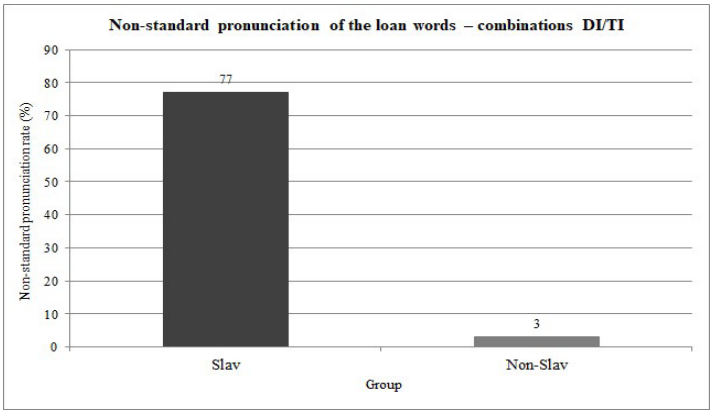
Although these deviations rarely block comprehension, they are salient to native listeners and create entrenched habits that are later difficult to overcome.

3.5 Loanwords

Loanwords containing *di, ti* were expected to show negative transfer. As Figure 5 indicates, this was strongly confirmed among Slavic speakers: in nearly 80% of cases, they produced palatal [ɟ], [c] (Poles 70%, Ukrainians 84%), e.g., *audio* [aʊ̯ɟijo] 'audio', *aktivní* [akcivɲiː] 'active'.

Among non-Slavic speakers, only 3% of cases were non-standard, exclusively among French respondents (12%). Only clear palatal realizations were included to the analysis, not weaker «softened» alveolars influenced by following [i].

This pattern represents a frequent bad habit persisting even at advanced levels, sounding unnatural and marked to native listeners.

3.6 Voiced consonants

As expected, consonants proved more difficult than vowels. Therefore, non-standard realizations of voiced consonants (partially voiced or fully devoiced) were common. The analysis shows these occurred far more among non-Slavic speakers (74%, lowest among Spanish speakers at 56%), whereas they did not pose a problem for Slavic learners (Figure 6).

The most problematic consonant was [ɦ], frequently devoiced to [x] by nearly all non-Slavic respondents, e.g., *hlava* [xlava] 'head'. Polish respondents also alternated [ɦ] and [x] inconsistently, e.g., *trochu* [troɦu] 'little bit'.

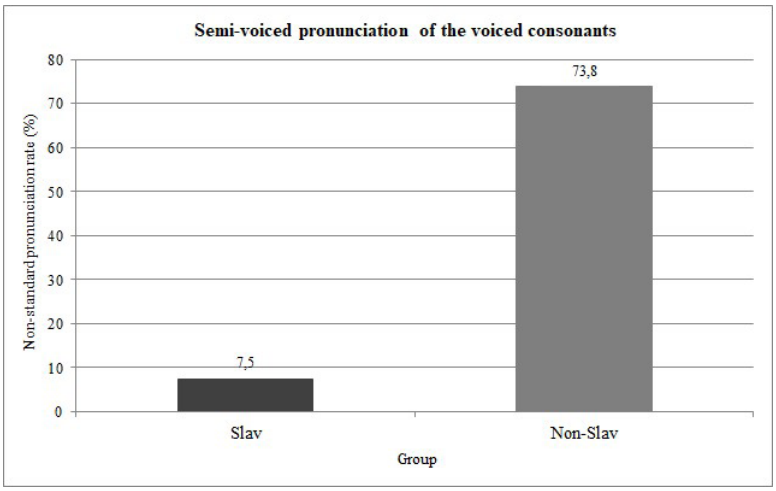

Figure 6. Non-standard (semi-voiced) pronunciation rate of the voiced obstruents among Slavs and non-Slavs.

Other voiced consonants were partially devoiced more often, e.g., *Evropa* [ʔɛv̥ropa] 'Europe', *výběr* [viːbjɛr] 'selection', *dítě* [ɟiːcɛ] 'child'. Desonorization also affected [z], [ʒ], treated separately below.

Partial devoicing does not always block comprehension, but near-complete devoicing can cause confusion in communication with both natives and non-natives. This type of deviation is often neglected in class, since it does not impede comprehension, so the instructors do not consider the corrections essential.

3.7 Sibilants

Sibilants (*s, z, c, š, ž, č*) were examined separately (Figure 7). As with other consonants, non-Slavic learners showed higher error rates (almost 40%) than other speakers. The type and frequency of errors varied by L1.

Sibilants were the most challenging for Spanish speakers (almost 70%). Both pre- and postalveolar sibilants (except *č* [t͡ʃ]) often merged into the sound [s], e.g., *ouškama* [oū̟skama] 'little ears – instrumental case', *pracoval* [prasoval] 'he worked'. Voicing distinctions were also neutralized, e.g., *zájem* [z̥aːjɛm]/[saːjɛm] 'interest'.

French and English speakers (ca 30%) frequently mispronounced the consonant *c* as [s] (initial position) or [k] (medial position), e.g., *cesta* [sɛsta] 'road', *pracoval* [prakoval] 'he worked'.

German speakers, expectedly, showed negative L1 transfer: consonant *z* was pronounced as [t͡s], sibilant *s* as [z], e.g., *kasa* [kaza] 'cash register', *mezi* [mɛt͡sɪ] 'between'.

Slavic respondents produced only sporadic errors, but consistently preferred retroflex postalveolars, e.g., [ʂ], [ʐ], [t͡ʂ].

Overall, sibilants require systematic attention, based on L1-specific difficulties.

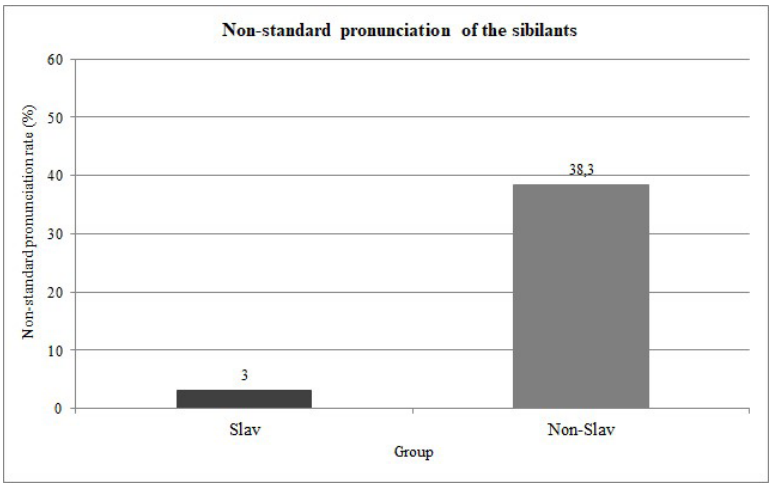

Figure 7. Non-standard pronunciation rate of the sibilants among Slavs and non-Slavs.

3.8 Voicing assimilation and desonorization

Voicing assimilation and lack of devoicing final consonants were problematic especially for lower-level learners uncertain about Czech phonology, e.g., *v obchodě* [ʔobˬxoɟɛ] 'in a shop', *oběd Erika* [ʔobjɛdˬ ʔɛrɪka] 'Erik's lunch'. Errors were nearly three times more frequent among non-Slavic speakers (Figure 8). Least deviations were detected among German speakers (15%), most among French learners (61%).

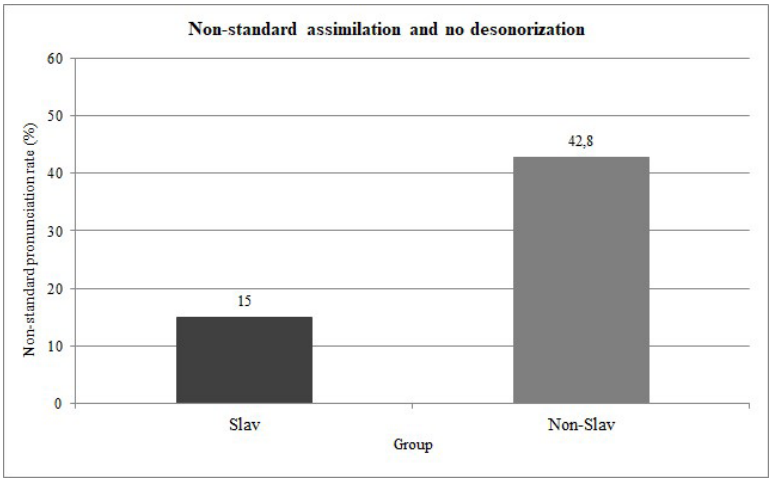

Figure 8. Non-standard pronunciation rate of the voicing assimilation and desonorization among Slavs and non-Slavs.

Even advanced learners (B2–C1) sometimes mispronounced prepositions before vowels, e.g., *v Aši* [v / ʔaʃɪ] 'in Aš'.[14] Errors appeared mainly in isolated items, while connected speech tended to be correct, e.g., *Poobědval v úplně nové restauraci.* – [f ʔuːplɲɛ] 'He had a lunch at a brand new restaurant'. This suggests respondents' insufficient knowledge of assimilation rules.

Another common error was failure to devoice word-final obstruents before a pause, e.g., *Markův* [markuːv̥] 'Mark's – possessive adjective', *bez* [bɛz̥] 'without', *Pag* [pag̥] 'an island in Croatia', especially among English and French speakers.

Progressive assimilation was found among both Slavic (Polish) and non-Slavic (German) learners, e.g., *kvůli* [kfuːlɪ] 'because of'.

Although these deviations do not always impede understanding, they sound highly unnatural in Czech and may undermine learners' communicative confidence.

3.9 Word stress

Word stress is generally problematic for most learners. The key factors include the degree of stress and its co-occurrences with other deviations.

Among non-Slavic speakers, errors were irregular: occasionally, word stress appeared on the penultimate or final syllable (English, French), e.g., *v restauraci* [rɛstaʊ̯ˈraʦɪ] 'in a restaurant', *ovoci* [ʔovoˊʦi] 'fruit – locative case', or issued in lengthening the stressed syllables, e.g., *vlasy* [ˊvlaːsɪ]/[ˊvlaːzɪ] 'hair' (German), *informace* [ʔinformaˊʦɛː] 'information' (French).

For Slavic learners, word stress posed a substantial challenge due to negative transfer. The word stress was often placed on the penultimate syllable, both in isolated words and phrases, e.g., *bez efektu* [bɛz ʔɛˊfɛktu] 'without an effect'. It was also consistently accompanied by vowel lengthening, e.g., *nad Evropou* [nad ɛvˊroːpoʊ̯] 'above Europe'. Both features are highly marked to native listeners and may cause comprehension problems, as Czech speakers interpret the prosody as foreign.

Because these habits persist even at advanced levels, word stress must be systematically trained throughout instruction, with explicit attention to stress placement and the correct realization of vowel length.

4. Discussion

Most of the assumptions formulated in the section *Methods* were confirmed by the survey. Some of the deviations identified proved markedly more problematic for Slavic or for non-Slavic learners, while in other cases the same feature produced different types of errors depending on the learners' L1. Pronunciation instruction must therefore address not only features that are generally problematic for a given learner group, but also specific sound combinations, word positions, and contexts in order to maximize effectiveness of the practice.

For Slavic learners, the instruction should always include practicing the vowels *y/ý*, with targeted exercises in medial and final positions – especially after the consonants *v*, *b*, *p* and the nasals *m*, *n*. Concerning the vowel system, the diphthongs should not be overlooked: for Polish learners, *ou* in final position requires attention due to frequent nasalization, while for Ukrainian learners *au* is problematic because of the transfer-based realization [av̥]. Words containing the vowel *e* in medial and final positions should also

[14] The same deviation was detected in some combinations pronounced by Ukrainians.

be practiced, as qualitative reducing occurs frequently; in initial position, Ukrainian (and Russian) learners should unlearn the habit of inserting [j] before *e* at the very beginning of lessons.

Although Slavic learners generally manage consonants sufficiently, they need to practice the pronunciation of loanwords to overcome negative transfer, and also the clusters *dě/tě* in all positions, which are sometimes mispronounced as [dʲɛ], [tʲɛ].

The crucial and most consistent challenge for Slavic learners is word stress, which must be systematically addressed not only in terms of correct initial placement but also with regard to vowel quantity. Practice should include isolated words, prepositional groups, clitics, and longer sentences or texts where errors are more frequent.

For non-Slavic learners analysed in this study, Czech pronunciation poses a greater challenge, requiring practice of more features. Regarding the vowel system, *e* is the most problematic, especially in medial and final positions, where it undergoes reduction or shifts toward open [a] or closed [ɪ]. These deviations may cause confusion with other vowels. Multi-syllabic words containing *e* in initial or penultimate position should therefore be practiced, as reduction occurs regularly in both. Diphthongs also require practice: French learners should focus on *ou* in final positions due to nasalization, while English learners should work on *ou/au* in all positions to avoid reduction to [oː].

Among French learners, it is particularly important to address on the incorrect realizations of *dě/tě* as [dʲɛ], [tʲɛ] in the early stages of learning, as this pattern persists even at higher proficiency levels. The same exercises may also be included for other groups.

As expected, consonants are especially problematic for non-Slavic learners, particularly voiced obstruents and sibilants. Practice of voiced–voiceless pairs (e.g., *puk–buk* 'hockey puck'–'beech tree') and short texts contrasting minimal pairs is recommended. Sibilants should be explicitly contrasted in terms of voicing, place, and manner of articulation, with emphasis on words containing multiple sibilants (e.g., *zaměstnanec* 'employee', *štěstí* 'happiness', *sčísnout* 'to comb'). Spanish learners benefit from dictation exercises that also strengthen perception.

Voicing assimilation must also be practiced in isolated words, across word boundaries, and in longer sentences/texts. Words ending in voiced consonants before a pause should be included to practice final devoicing. A short introductory explanation of Czech assimilation rules can also be beneficial in this regard.

Instruction should further account for individual deviations noticed by the teacher to prevent the formation of persistent errors. Drill-based reading and text practice should occasionally be complemented with free speech tasks, as spontaneous production often reactivates errors absent in reading.

5. Conclusion

The present study aimed to detect and compare problematic sounds and features of Czech pronunciation for non-native speakers, specifically contrasting Slavic and non-Slavic learners. The analysis focused on features that, based on literature and classroom experience, were expected to differ in frequency or a type of non-standard realization depending on the learners' L1 background.

This assumption was largely confirmed. Although both groups exhibited non-standard pronunciations of the same features, the frequency and specific realizations differed, often reflecting their respective L1.

For both groups, diphthongs proved challenging, whether due to qualitative reduction or L1 transfer.

Among Slavic learners, the most problematic features included word stress, which strongly influences vowel quantity, and the realization of *y/ý* as [ʏ] in medial and final positions. Additional difficulties, especially at lower levels, included mispronunciation of loanwords and the insertion of [j] before initial *e*. Less frequent were errors in consonants, *dě/tě* clusters, and voicing assimilation.

Among non-Slavic learners, deviations were more frequent in pronouncing consonants, notably for partial or full devoicing of voiced obstruents, lack of final devoicing, neutralization of pre-/postalveolar sibilants, and incorrect realizations of *dě/tě* as [dʲɛ], [tʲɛ]. Higher error rates were also identified in pronunciation of the vowel *e*, particularly in medial and final positions, where qualitative reduction was common. Contrary, word stress and loanwords were less problematic, and non-standard realizations of *y/ý* were negligible.

The findings demonstrate that pronunciation instruction cannot rely solely on presenting generally difficult Czech sounds and features. Instead, it must always take into consideration learners' L1 backgrounds and typological proximity to Czech.

Bibliography

Balowski, M. (1993). *Fonetika a fonologie současné polštiny*. Karolinum.

Bartošek, J. (2008). K jazyku mluvených zpráv. Čeština doma a ve světě*, 1-2*, 5-17.

Bednaříková, B. et al. (2017). *Flip (your) Teaching! 2*. Univerzita Palackého v Olomouci.

Bednaříková, B. et al. (2023). *Flip (your) Teaching! 3*. Univerzita Palackého v Olomouci.

Boccou Kestřánková, M. et al. (2024). Čeština pro cizince: úroveň A1 a A2. Edika.

Booth, T. M. (2000). *French Phonetics: A Guide to Correct Pronunciation of French and Cahier d'Exercises*. University Press of America.

Council of Europe. (2001). *Common European Framework of Reference for Languages*. https://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf

Council of Europe. (2018). *Common European Framework of References for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors*. https://rm.coe.int/common-european-framework-of--reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4

Holá, L. (2016). Česky krok za krokem 1 / Czech Step by Step 1: A1–A2. Akropolis.

Hradilová, D. (2020). *Role rodilého mluvčího v cizojazyčné komunikaci*. Univerzita Palackého v Olomouci.

Hradilová, D. et al. (2020). *Czech it UP! 4: čeština pro cizince: úroveň B2 = Czech for Foreigners: level B2*. (textbook & workbook) Univerzita Palackého v Olomouci.

Hradilová, D. et al. (2021). *Czech it UP! 3: čeština pro cizince: úroveň B1 = Czech for Foreigners: level B1*. (textbook & workbook) Univerzita Palackého v Olomouci.

Hradilová, D., Kopečková, M., & Svobodová, J. (2023). *Didaktika češtiny jako cizího a druhého jazyka*. Univerzita Palackého v Olomouci.

Hualde, J. I. (2005). *The Sounds of Spanish*. Cambridge University Press.

Chabrová, A., & Veroňková, J. (2022). Percepce kvantity vokálů v českých dvojslabičných slovech v řeči rodilých mluvčích němčiny. *Nová čeština doma a ve světě 2*, 25-37.

Kopečková, M. (2023a). The realization of the glottal stop in utterances read by students of Czech as a second language. *Bohemica Olomucensia 15*(2), 58-91.

Kopečková, M. (2023b). ProCzeFor – Pronunciation of Czech for Foreigners. *Bohemistyka 4*, 665-669.

Kopečková, M. (2024). Problematic features in pronunciation of Czech sounds and sound clusters by the students of Czech language with English as their L1. Conference paper. *In/Outside the Frame: 17th International Cultural Studies Conference & 6th International Conference on Linguistics and Language Teaching and Learning*, Pardubice, 1. 11. 2024.

O'Brian, M. G., & Fagan, S. M. B. (2016). *German phonetics and phonology: theory and practice*. Yale University Press.

Palková, Z., & Veroňková, J. (2022). *Výslovnost spisovné češtiny. Cvičení pro cizince*. Univerzita Karlova v Praze.

Poláchová, P. (2023). Realizace českých vokálů ve čteném projevu frankofonních mluvčích. *Bohemica Olomucensia 15*(2), 92-121.

Pompino-Marschall, B., Steriopolo, E., & Žygis, M. (2017). Ilustrations of the IPA: Ukrainian. *Journal of the International Phonetic Association* [online]. *47*(3), 349-357. https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-international-phonetic-association/article/ukrainian/D20ECF62B57E4162670BD938A4B8EA33

Roach, P. (2009). *English Phonetics and Phonology*. Cambridge University Press.

Skarnitzl, R., Šturm, P., & Volín. J. (2016). *Zvuková báze řečové komunikace: fonetický a fonologický popis řeči*. Karolinum.

Švarcová, T. & Wenzel, J. (2020). *Czech it UP! 1: čeština pro cizince: úroveň A1 = Czech for Foreigners: level A1*. (textbook & workbook) Univerzita Palackého v Olomouci.

Veroňková, J. (2016). Vowel-related glottalization in Czech read speech: Russian vs. Native Speakers. *Studie z aplikované lingvistiky*, *7*, 93-108.

Veroňková, J. (2022a). Srozumitelnost krátkých vět u čínských mluvčích v češtině. *Nová čeština doma a ve světě (2)*, 51-65.

Veroňková, J. (2022b). *Souhrnná a tematická cvičení. K nácviku výslovnosti a mluvené češtiny pro cizince*. Univerzita Karlova v Praze.

Zborovská, K. (2023). *Problematické jevy ve výslovnosti českých hlásek a hláskových spojení u nerodilých mluvčích s mateřským jazykem ukrajinštinou*. [Master thesis. Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci].

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ *ВЫХОДНОЙ* В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Daria Kulagina
Masaryk University

1. Введение

Существующие в мире языки по-разному воспринимают, казалось бы, универсальные концепты, что неоднократно отмечалось в сопоставительных исследованиях (Wierzbicka, 1992, 1997; Гак, 1977; Стернин, 2006; Попова и Стернин, 2007; Арутюнова, 1999). Однако, подобного рода различия могут проявляться не только между языковыми семьями, но и в рамках языков одной группы, как, например, славянских. В данной статье будет исследована русская лексема *выходной* в сопоставлении с её чешскими переводными эквивалентами. На первый взгляд, выбранная лексема не вызывает трудностей в переводе, так как она представлена в двуязычных словарях (Leda, 2003; Lingea, 2015) и изучается студентами чешского языка как иностранного на начальном этапе обучения. Однако, при детальном анализе можно заметить, что данное слово демонстрирует полисемантичность, что затрудняет её перевод на чешский язык.

Двуязычные словари и электронные переводчики не всегда полностью отражают национально-культурные особенности языковых понятий, которые носители различных языков воспринимают как эквивалентные, что может приводить к языковой интерференции, затруднениям и недоразумениям в межкультурной коммуникации. В связи с вышеизложенными причинами, а также расширением контактов между славянскими странами всё более актуальными становятся контрастивные исследования, позволяющие выявить скрытые различия между близкородственными языками.

Методика контрастивного анализа заключается в сравнении отдельных лексем одного языка с их потенциальными эквивалентами в другом языке для выявления и уточнения национальной специфики семантики слов. Одним из преимуществ данной методики является её применимость при исследовании отдельных лексико-семантических полей.

Несмотря на то что на материале русского и чешского языков существует значительное количество работ, посвященных сравнительному анализу лексики (см. например, Žaža, 1999, 2005; Vlček, 1967, 1985; Широкова, 1998), в них отсутствует контрастивный аспект, что свидетельствует об актуальности данной статьи.

В первой части статьи будут описаны этапы контрастивного анализа лексемы *выходной*. В основу исследования легла методика, разработанная Стерниным (Стернин, 2006), в которой он выделяет следующие этапы:

1. Выделение лексической группировки в исходном языке;
2. Определение межъязыковых соответствий отдельных единиц;
3. Семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках;
4. Семантическое описание контрастивных пар;

5. Выявление национально-специфических компонентов значений слов;
6. Дифференциальная семантизация членов контрастивных пар;
7. Дифференциальное толкование значений лексических единиц.

В данной работе представленная методика получила дальнейшее развитие благодаря включению корпусного анализа и использованию педагогических словарей чешского языка (Kolář, 2012; Průcha et al., 2013).

Во второй части дискуссия будет сосредоточена на проблеме выбора переводных эквивалентов и на вопросе о том, где проходит граница между лакуной и национальной спецификой семантики.

2. Контрастивный анализ лексемы *выходной*

Анализ выбранной лексемы был проведен в ходе исследования лексико-семантического поля «высшее образование». Данное поле за последние десятилетия претерпело значительные изменения как в русском, так и в чешском языках, в связи с чем в данной области наблюдается выраженная тенденция к полисемантичности. Кроме того, данное поле интенсивно развивается и расширяется в русском и чешском культурных пространствах, что делает его изучение актуальным с точки зрения сравнительного анализа в языковом и культурном аспектах. Первоначальным этапом нашего исследования является определение межъязыковых соответствий[1]. Русско-чешские словари (Leda, 2003; Lingea, 2015; seznam slovník) предлагают следующие переводные эквиваленты лексемы *выходной*[2]:

1. *volno* (*dnes mám volno – сегодня у меня выходной*);
2. *svátek*;
3. *volný den*;
4. *víkend* (*jet na víkend – ехать на выходные*);
5. *výstupní* (*výstupní kontrola – выходной контроль*);
6. *sváteční* (*sváteční oblek – выходной костюм*).

Помимо двуязычных словарей в данном исследовании были использованы корпусные данные – из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и Чешского национального корпуса (далее ЧНК) – как источник объективного материала для анализа. Это позволяет полагаться не только на интуицию или словари, но также оперировать реальными примерами, частотностью и коллокациями.

За исключением вышеперечисленных переводных эквивалентов, зафиксированных в двуязычных словарях, русско-чешский и чешско-русский параллельные корпуса НКРЯ предлагают следующие варианты:

1) sváteční den

рус. – Однажды в ***выходной*** день явился в квартиру милиционер, вызвал в переднюю второго жильца (фамилия которого утратилась) и сказал, что того просят на минутку зайти в отделение милиции в чем-то расписаться.

[1] Результатом первого этапа методики Стернина является обширный список единиц лексико-семантического поля «высшее образование», в который вошла и лексема *выходной*. Поскольку данная статья сосредоточена исключительно на анализе данной лексемы, подробное описание первого этапа не приводится.

[2] Некоторые переводные соответствия дополнены примерами из электронного словаря slovnik.seznam.cz

чеш. – Jednoho ***svátečního dne*** se objevil v bytě milicionář, vyvolal do předsíně druhého podnájemníka (jeho jméno se mi vytratilo z paměti) a prohlásil, že se má dostavit na milici, aby něco podepsal, a že to nebude dlouho trvat.

2) odbytné

рус. – Сторожа спят и видят сладкие сны, за что их часто увольняют без ***выходного пособия***.

чеш. – Hlídači spí a mají sladké sny, za což je často propouštějí bez ***odbytného***.

3) východ/vchod

рус. – Он был уже внизу и увидел у самой ***выходной двери*** дверь, ведущую в какую-то каморку.

чеш. – Dole u ***vchodu*** zpozoroval dveře do nějaké komory.

4) začátečník

рус. – Эти слова были как раз то, о чем думала в эту минуту Строева. Разумеется, ***выходных*** уволят. Но ведь она теперь не ***выходная***?

чеш. – Tato slova byla právě to, o čem přemýšlela v tu minutu Strojeva. Ovšemže ***začátečnice*** nyní pustí. Ale ona není přece nyní ***začátečnicí***?

5) salonní/sváteční/plesové

чеш. – Hleď, půjčím ti svůj nový černý oděv — jsme stejné velikosti — třeba i své ***salonní rukavičky*** a chceš-li, i svou bílou kravatu.

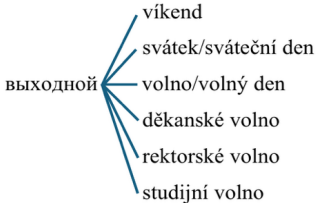
рус. – Я одолжу тебе свою новую черную пару — мы ведь с тобой одного роста! — а если хочешь, то и ***выходные перчатки***, и белый галстук.

Как отмечает Стернин, «обычно сравниваются родной язык исследователя и иностранный. В таком случае лакуны могут быть выявлены только в иностранном языке, поскольку в родном языке анализируются лишь зафиксированные в словарях единицы, которые при отсутствии соответствия в иностранном языке квалифицируются как безэквивалентные (эндемичные)» (2006: 32). Однако для выделения лакун в исходном языке (русском), в данном исследовании были использованы также педагогические словари чешского языка (Kolář, 2012; Průcha et al., 2013). Таким образом, данный шаг позволил обнаружить следующие безэквивалентные лексемы в чешском языке:

- *děkanské volno* – выходной день для всех студентов факультета, объявленный деканом;
- *rektorské volno* – выходной день для всех студентов ВУЗа, объявленный ректором;
- *studijní volno* - выходной, предоставляемый работодателем работнику с целью выполнения его учебных обязанностей (подготовка к экзаменам, сдача экзаменов, участие в выпускном вечере и т. д.).

В последующих этапах нами будут анализированы только те контрастивные пары, которые имеют архисему «день отдыха». В данном случае русской лексеме *выходной* соответствует несколько единиц в чешском, что свидетельствует о векторных соответствиях, которые могут быть представлены

в следующем виде:

Изображение 1: Векторные чешские соответствия русской лексеме выходной.

Следующий этап контрастивного анализа – семное описание значений лексических единиц в сопоставляемых языках. Для этого могут быть использованы такие методы как: семный анализ словарных дефиниций, компонентный анализ (методика Бендикса (Bendix, 1972), ассоциативный эксперимент (Болдырев, 2004), контекстуальный анализ (Коняева, 2012). Данные методы позволили получить описание значений слов исходного языка (русского) и языка сопоставления (чешского), представленные в виде списка семантических компонентов (сем).

Выходной:

архисема (далее А) – день отдыха;

сема 1 (далее S1) – нерабочий день (ядро);

сема 2 (далее S2) – день, свободный от учёбы;

сема 3 (далее S3) – последние два дня недели (только во мн. ч.).

Víkend:

А – день отдыха;

S1 – нерабочий день (периферия);

S2 – последние два дня недели.

Svátek:

А – день отдыха;

S1 – нерабочий день (периферия);

S2 – день, посвященный празднику.

Volno:

А – день отдыха;

S1 – нерабочий день (ядро);

S2 – день, свободный от учёбы.

Děkanské volno:

А – день отдыха;

S1 – день, свободный от учёбы;

S2 – данный деканом;

S3 – распространяется на факультет.

Rektorské volno:

А – день отдыха;

S1 – день, свободный от учёбы;

S2 – данный ректором;

S3 – распространяется на ВУЗ.

Studijní volno:

А – день отдыха;

S1 – данный работодателем;

S2 – нерабочий день (ядро);

S3 – для выполнения учебных обязанностей.

Далее были сформированы контрастивные пары, для которых было проведено семантическое описание, что является результатом четвёртого этапа контрастивного анализа. Ниже представлены таблицы для каждой пары, в которых зафиксированы противопоставленные архисемы, диф-

ференциальные семы с одинаковыми семантическими признаками и выявлены безэквивалентные и лакунарные семы.

выходной	**víkend**	**эквивалентность**
день отдыха	день отдыха	эквивалентные
нерабочий день (ядро)	нерабочий день (периферия)	несовпадающие
день, свободный от учёбы	-	безэквивалентная
последние два дня недели (только во мн. ч.)	последние два дня недели	несовпадающие

Таблица 1: Семантическое описание контрастивной пары выходной – víkend

выходной	**svátek**	**эквивалентность**
день отдыха	день отдыха	эквивалентные
нерабочий день (ядро)	нерабочий день (периферия)	несовпадающие
день, свободный от учёбы	-	безэквивалентная
последние два дня недели (только во мн. ч.)	-	безэквивалентная
-	день, посвященный празднику	лакунарная

Таблица 2: Семантическое описание контрастивной пары выходной – svátek

выходной	**volno**	**эквивалентность**
день отдыха	день отдыха	эквивалентные
нерабочий день (ядро)	нерабочий день (ядро)	эквивалентные
день, свободный от учёбы	день, свободный от учёбы	эквивалентные
последние два дня недели (только во мн. ч.)	-	безэквивалентная

Таблица 3: Семантическое описание контрастивной пары выходной – volno

выходной	**děkanské volno**	**эквивалентность**
день отдыха	день отдыха	эквивалентные
нерабочий день (ядро)	-	безэквивалентная
день, свободный от учёбы	день, свободный от учёбы	эквивалентные
последние два дня недели (только во мн. ч.)	-	безэквивалентная
-	данный деканом	лакунарная
-	распространяется на факультет	лакунарная

Таблица 4: Семантическое описание контрастивной пары выходной – děkanské volno

выходной	**rektorské volno**	**эквивалентность**
день отдыха	день отдыха	эквивалентные
нерабочий день (ядро)	-	безэквивалентная
день, свободный от учёбы	день, свободный от учёбы	эквивалентные
последние два дня недели (только во мн. ч.)	-	безэквивалентная
-	данный ректором	лакунарная
-	распространяется на ВУЗ	лакунарная

Таблица 5: Семантическое описание контрастивной пары выходной – rektorské volno

выходной	**studijní volno**	**эквивалентность**

день отдыха	день отдыха	эквивалентные
нерабочий день (ядро)	нерабочий день (ядро)	эквивалентные
день, свободный от учёбы	-	эквивалентные
последние два дня недели (только во мн. ч.)	-	безэквивалентная
-	данный работодателем	лакунарная
-	для выполнения учебных обязанностей	лакунарная

Таблица 6: Семантическое описание контрастивной пары выходной – studijní volno

5-й этап – Выявление национально-специфических компонентов значений слов. Выявленные на предыдущем этапе семы – эквивалентные, несовпадающие, безэквивалентные и лакунарные – подвергаются анализу. Как правило, последние три типа сем определяют наличие национальной специфики семантики слов. Данному анализу посвящен второй раздел настоящей статьи.

Последний этап – дифференциальное толкование значений лексических единиц. Данный этап является необходимым для создания контрастивных словарей, так как его результатом является получение статей контрастивного типа. В данных статьях указываются лексемы исходного языка (в данном случае русского), а также приводятся все её переводные соответствия в сравниваемом языке (чешском). Помимо этого, у каждого переводного соответствия фиксируются те семантические компоненты, которые отличают лексему исходного языка от всех указанных её соответствий.

ВЫХОДНОЙ

ср. víkend *не всегда нерабочий день*, *используется в ед.ч. для обозначения последних двух дней недели*; **отс**. *день, свободный от учёбы*;

ср. svátek *не всегда нерабочий день*, *день, посвящённый празднику*; **отс**. *день, свободный от учёбы*, *последние два дня недели*;

ср. volno **отс**. *последние два дня недели*.

3. Переводные эквиваленты: граница между лакуной и национальной спецификой

В ходе контрастивного анализа было отмечено, что русская лексема «выходной» обладает более широким значением, в то время как её чешские переводные эквиваленты имеют более конкретные значения. Можно ли в таком случае считать, что в чешском языке существует лакуна по отношению к русской лексеме, обладающей определенным набором сем («день отдыха», «нерабочий день», «день, свободный от учёбы», «последние два дня недели») или следует говорить о том, что такие чешские лексемы как *víkend*, *volno*, *svátek* имеют национальную специфику семантики относительно их русского соответствия? Следует ли выделять в русском языке лакуны относительно чешских словосочетаний *děkanské volno*, *rektorské volno* и *studijní volno*? Обычно подобного рода вопросы решаются отдельно для каждой пары межъязыковых соответствий, так как «при анализе межъязыковых лакун выявляется довольно тонкая грань между лакуной (отсутствием единицы) и наличием неполного лексического соответствия иноязычному слову» (Стернин, 2006: 40).

Опираясь на типологию лакун, представленную В. А. Муравьёвым, можно говорить о наличии векторных лакун в рассмотренных контрастивных парах. Согласно его работе, «лексически фиксированные понятия в двух языках по объему далеко не всегда совпадают: часто случается, что понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т. е. оказываются родовыми относитель-

но видовых понятий другого языка» (Муравьёв, 1975: 14). Таким образом, русское слово *выходной* является родовой лакуной в чешском языке, а чешские *víkend* и *volno* – видовыми лакунами для русского языка, в котором отсутствуют слова для обозначения только последних двух дней недели или только дня, свободного от учёбы и работы. В то же время *svátek* находит свой эквивалент в русском *праздник / праздничный день*.

Как правило, наличие лакун в контрастивном анализе лексики свидетельствует о национальной специфике семантики, то есть об отличиях по значению лексем русского языка от семантически схожих лексем чешского. Стернин делает важное уточнение: «Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с конкретным другим языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку» (2006: 69).

Таким образом, русская лексема *выходной*, содержащая набор сем, представленный в предыдущей части статьи, обладает национальной спецификой семантики относительно чешского языка, так как его соответствием является несколько слов (*víkend*, *volno*, *svátek*), каждое из которых семантически отличается от русского. Однако она может не обладать национальной спецификой относительно какого-либо другого языка.

Помимо этого, при проведении контрастивного анализа была выявлена структурно-языковая специфика, отражающая различия между словами *выходные* и *víkend*. В данном случае она проявляется в несовпадении лексико-грамматических признаков слов – при обозначении субботы и воскресенья русская лексема *выходные* используется во множественном числе и чешская *víkend* в единственном. Данные различия не всегда могут быть обусловлены влиянием сознания на выбор лексики. Как отмечает В. Г. Гак:

> несомненно, различия словарного состава отражают расхождения в деталях осознания мира. Однако способы выражения мысли далеко не всегда свидетельствуют об особенностях мыслительного процесса. Здесь многое из области «языковой идеологии» переходит в область языковой техники. … Не все реальные различия отражаются в языке непосредственно, и далеко не все языковые дифференциации отражают различия в объективной реальности (1977: 258).

4. Заключение

Таким образом, анализ лексемы «выходной» с позиций лексико-семантической теории Стернина и понятий национально-языковой специфики демонстрирует наличие родовой лакуны в чешском языке и видовых лакун в русском языке. Данные лакуны не свидетельствуют об отсутствии самих реалий, но отражают расхождение в структурировании семантического поля, что подтверждает тезис о системных различиях между близкородственными языками в передаче универсальных понятий. Лексема «выходной» обладает высокой степенью полисемии, тогда как в чешском языке аналогичные значения дисперсно распределены между несколькими словами. Такое распределение затрудняет адекватный взаимный перевод и требует дополнительных когнитивных и лингвистических усилий, особенно в сфере преподавания русского языка как иностранного.

Литература

Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека.* Языки русской культуры.

Болдырев, Н. Н. (2004). Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. *Вопросы когнитивной лингвистики*, *1*, 18-25.

Гак, В. Г. (1977). *Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков*. Международные отношения.

Коняева, Е. В. (2012). Принципы анализа модификатов концепта. *Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура*, 78-84.

Муравьев, В. Л. (1975). *Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков)*. Владимирский государственный педагогический институт им. П. И. Лебедева-Полянского.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007). *Когнитивная лингвистика*. Восток-Запад.

Стернин, И. А. (2006). *Контрастивная лингвистика*. Восток-Запад.

Широкова, А. Г. (1998). *Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков*. Изд-во МГУ.

Bendix, E. H. (1972). Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic. Structure of a Set of Verbs in English, Hindi, and Japanese. *Foundations of Language, 8*(3), 421-435.

Kolář, Z., kolektiv (2012). *Výkladový slovník z pedagogiky: 583 vybraných hesel*. Grada.

Leda (2003). *Rusko-český, česko-ruský slovník*. Leda.

Lingea (2009). *Velký rusko-český, česko-ruský slovník*. Lingea.

Průcha, J., Walterová, E., Mareš, J. (2013). *Pedagogický slovník*. Portál.

Vlček, J. (1967). *Interference v ruském lexiku*. Státní pedagogické nakladatelství.

Vlček, J. (1985). *Porovnání slovní zásoby ruského jazyka se slovní zásobou českého jazyka*. Univerzita Karlova.

Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford University Press.

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford University Press.

Žaža, S. (1999). *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Masarykova univerzita.

Žaža, S., Flídrová, H. (2005). *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta.

ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКОБОГА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. КАМЮ

Ксения Кузьминых
Университет имени Георга Августа, Гёттинген

1. Введение: Фёдор Достоевский и Альбер Камю

Философский роман *Посторонний* Альбера Камю считается одним из основополагающих произведений экзистенциалистской литературы XX века. С момента публикации он вызвал широкий резонанс как в философском (Sartre, 1945; Cruickshank, 1960; Bahners, 2015), так и в литературоведческом дискурсе (Genette, 1980; Kern, 1972; Паперно, 1999). Научный интерес к тексту традиционно сосредоточен на интерпретации центрального персонажа Мерсо, чья отчуждённость и, казалось бы, иррациональное поведение стали объектами многочисленных научных исследований (Шкунаева, 1961; Аванесов, 2003; Бархатова, 2013; Булгаков, 1993; Игнатов, 1993).

Данное исследование сосредоточено на структурном и сравнительном аспекте произведения. Структурный подход позволяет выявить ключевые трансформации в восприятии действительности главным героем *Постороннего*, а также проследить, каким образом они конституируют композицию текста и отражают его философское содержание. Особое внимание уделяется системе символов и аллегорий, которые выступают как посредники между формой и смыслом произведения.

Сравнительный анализ *Постороннего* и произведений Фёдора Достоевского открывает возможность выявления как типологических параллелей, так и принципиальных различий в концептуализации идеи человекобога.

2. Идея человекобога в творчестве Фёдора Достоевского

Творчество Фёдора Достоевского пронизано исследованием предельных состояний человеческого духа. Одной из центральных философских проблем для писателя становится идея человекобога. Под этим понятием он подразумевает тип личности, стремящейся занять место Бога, принять абсолютную свободу без нравственных ограничений, утвердить собственную волю как высший закон и построить мир по собственному, автономному разумению. Человекобог мыслит себя источником истины и морали. В противоположность этому образу Достоевский выдвигает идеал богочеловека, воплощающего смирение, жертвенность и истинную свободу, невозможную без любви и ответственности.

Алёша, герой философского романа *Братья Карамазовы* (Достоевский, 1976), воплощает христианский идеал богочеловека. Он уверен в метафизической преемственности бытия: «Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было» (Достоевский, 1976: 576). Его уверенность формируется в результате глубокой внутренней трансформации: «лишь в одолении себя и воли своей» (Достоевский, 1989: 416). Интертекстуально образ Алёши соотносится с *Исповедью* блаженного Августина как в духовной направленности внутреннего поиска, так и в модели обращения к Богу через самопознание. Для Августина самоанализ становится путём

к обнаружению Божьего присутствия в душе как объект высшей любви. Фундаментальная установка его антропологии манифестируется в убеждении «diligam te, domine» (Я буду любить Тебя, Господь) (Augustinus, 2009: 77).

Оппонентом Алёши Карамазова выступает его брат Иван, формулирующий радикальный тезис: «коли Бога бесконечного нет, то нет никакой добродетели» (Достоевский, 1976: 67). Эта антиномия между религиозной уверенностью Алёши и скептическим рационализмом Ивана обосновывает полифоническую структуру романа. Идея «высшего человека» в наибольшей степени раскрыта в образе Родиона Раскольникова. Рассматривая проблему теодицеи, главный герой произведения *Преступление и наказание* (Достоевский, 1973), возвышает себя в статус человекобога, имеющего право «переступить» через общепринятые нормы, и ликвидировать любые препятствия, возникающие на пути к реализации высшей цели (Достоевский, 1973: 112-115). Но преступление приводит его к внутреннему распаду. Достоевский показывает, что человек, претендующий на роль Бога, неизбежно сталкивается с нравственным хаосом и духовной смертью. В процессе рефлексии Раскольников, аналогично блудному сыну, возвращается к Отцу.

В романе Достоевского *Бесы* (1872) персонаж Алексей Нилович Кириллов предстает как центральная фигура в контексте радикальной эмансипации субъекта. Кульминацией этой идеологической позиции становится преднамеренный, философски аргументированный суицид. Самоубийство Кириллова служит не столько личной трагедией, сколько демонстрацией принципа, согласно которому субъект, стремящийся к полной свободе, готов уничтожить собственную жизнь ради подтверждения своей философской позиции: «Бог необходим, а потому должен быть <…> но я знаю, что Его нет и не может быть. Неужели ты не понимаешь, <…> что из-за этого только одного можно застрелить себя?» (Достоевский, 1974: 496). В персонаже Кириллова синтезированы контроверзы Алеши и Ивана: «Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу, мы бессильны против его воли. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие» (Достоевский, 1974: 496). Таким образом, Кириллов ставит перед собой выбор между полной субординацией божественной воле и абсолютным самоуправлением. Но в стремлении утвердить своё обожествление Кириллов не возвышается до божественного, а, напротив, воплощает трагический крах субъекта, оторвавшегося от Трансцендентного. Кириллов становится «карикатурой свободы» и «пародией мощи», образом человека, утратившего не только Бога, но и самого себя (Булгаков, 1993: 515).

По Камю, педагогическое самоубийство обозначает сознательное отречение от традиционных моральных и эстетических обязательств в пользу провокации общества к самостоятельному переосмыслению ценностей (Camus, 2019: 128). Реализация этой провокации будет рассматриваться в дальнейшем.

3. Зеркальная структура произведения Альбера Камю *Посторонний*

Прежде чем будет рассмотрена структура произведения необходимо дать определения основных терминов, таких как событие, событийность, внутреннее и внешнее событие, а также внутреннее и внешнее происшествие. Вольф Шмид предлагает следующее определение данных понятий:

> Событие представляет собой особый тип изменения состояния, который — во-первых — является *фактичным* и *результативным* и — во-вторых — более или менее удовлетворяет следующие требования: (1)

релевантность <…>, (2) непредсказуемость <…>, (3) консекутивность <…>, (4) необратимость <…> и (5) неповторяемость <…> При этом наиболее значимы первые два критерия (Шмид, 2010: 14).

Маттиас Фрайзе разделяет события, в зависимости от активного или пассивного отношения к воспринимаемому времени на события и происшествия. Причём происшествие имеет пассивный, а событие активный характер (Фрайзе, 2010: 41): «Из этих двух альтернатив формируются четыре коренных типа событийности – внешнее происшествие, внешнее событие, внутреннее происшествие и внутреннее событие» (Фрайзе, 2010: 42).

Повествование *Постороннего* начинается *medias in res* с внешнего происшествия. Речь идет о смерти мадам Мерсо, матери главного персонажа. Он узнает об этом из телеграммы (Камю, 1967). Данное внешнее происшествие вызывает внутренние перемены в герое. Изменения обуславливают как внутреннее происшествие, заключающееся в утрате близкого человека, так и внутреннее событие. Таковым является осознание конечности бытия и иллюзорности веры в посмертное будущее. Прозрение приводит героя к решению принять на себя роль человекобога. Данное намерение влечёт за собой внешнее событие патрицида, т. е. попытку уничтожить Бога и веру в бессмертие. В тексте эта интенция проявляется в убийстве араба, который представлен как олицетворение Всевышнего.

Во второй части цепная реакция повторяется. За внешним происшествием следует внутреннее происшествие, из которого вытекают внутреннее событие. Композиция замыкается внешним событием. Этот приём на уровне макроструктуры отражает философскую позицию, основанную на идеях цикличности (абсурдного) бытия.

На судебном разбирательстве, которое выступает как внешнее происшествие и одновременно как аллегория на Вечный суд, Мерсо отводится лишь роль пассивного зрителя. Он осознает свою деградацию, как очевидно из его несобственно-прямой речи: «Все шло без моего участия. Мою судьбу решали, не спрашивая моего мнения» (Камю, 1967: 99).

Внешнее происшествие суда непосредственно связано с внутренним происшествием. Мерсо, мнящий себя мессией, поражён вердиктом, который и обуславливает внутреннее событие. Оно заключается в осознании того, что человек не желает отказаться от веры в трансцендентное начало. Прозрение вновь порождает стремление уничтожить Бога. При этом, как и в первой части произведения, священник выступает как символическое воплощение Всевышнего и служит лишь проводником гнева, направленного против божественного порядка.

В итоге Мерсо, подобно Кириллову, осознает трагическую иронию: убедить общество в «в искренности <…> можно только своей смертью. Пока ты жив, ты, так сказать, сомнительный случай, ты имеешь право лишь на скептическое к тебе отношение. [...] Чтобы не давать повод к сомнениям, нужно просто-напросто умереть» (Камю, 1969: 419). Только смерть способна упразднить многозначность субъективной позиции. Именно поэтому он рассчитывает на большое количество «зрителей и встречу криками ненависти в день казни» (Камю, 1967: 122). Посредством этого композиционного приёма Камю выстраивает интертекстуальную связь с образом главного героя романа Достоевского *Бесы,* который ощущает острую потребность донести истину до окружающих, заявляя: «Пусть узнают раз навсегда» (Достоевский, 1974: 93). Подробнее эта связь будет рассмотрена ниже.

4. Композиционные элементы

4.1 Смерть мадам Мерсо и прозрение героя

Эпизод, связанный со смертью матери главного героя, играет центральную роль в повествовании. Несмотря на то, что Мерсо не виновен в её естественной кончине, он неоднократно приносит извинения, сначала начальнику, затем своей возлюбленной Марии, адвокату, следователю, и, в итоге, перед судом. Эти повторяющиеся извинения приобретают характер автоматической реакции.

После разговора с начальником Мерсо отправляется в богадельню в Маренго. Путь к ней оказывается длительным и изнурительным, а солнце *слепит*. Употребление данного глагола, как и некоторых других из синонимичного ряда (например: *ослепить*, *жечь*, *сверкать*, *пылать*, *печь*, *припекать*, *подняться*, *вспыхнуть*, *расплавить* и коллокационных прилагательных *яркий*, *светлый*, *алый*) мотивировано оппозицией между светом как истиной и светом как ослеплением. В данном контексте слепящий свет соотносится с философским убеждением Камю о том, что «ослеплённый верой в созданную иллюзию Бога и в бессмертие души человек со времён Прометея живёт в состоянии самообмана и питается слепыми надеждами [на бессмертие]» (Камю, 1967: 128).

Первоначальный импульс Мерсо увидеть тело усопшей матери оказывается мгновенно подавленным (Камю, 1967: 7). Затем он медлит. Промедление предстает как форма вытеснения предельного знания о смерти, о котором Кириллов у Достоевского говорит как о страхе «перед тем светом», перед пустотой за пределами жизни (Достоевский, 1974: 93).

Контраст между залитым светом помещением, являющимся аллегорией рая и темным гробом с надвинутой крышкой, визуально усиливает иллюзорность веры в загробное существование: «Очень светлая комната, с побеленными извёсткой стенами и застеклённым потолком» и гроб с надвинутой крышкой, тёмные доски, которого окрашенные морилкой, и «чуть-чуть вдавленные в гнёзда блестящие винты» (Камю, 1967: 7). В этом антитетическом пространстве герой «прозреет» (внутреннее событие).

Динамика внутреннего развития Мерсо подчеркивается ассоциативной вереницей сенсорных наблюдений: «красные цветы герани, украшавшие могилы на кладбище, кроваво-красная земля, катившаяся на мамин гроб, белые корешки растений, видневшиеся в ней» (Камю, 1967: 21).

В разговоре с привратником у гроба впервые упоминаются числа три и четыре (Камю, 1967), что служит аллюзией на воскресение Христа на третий день и на воскресение праведного Лазаря из Вифании на четвёртый день. Отсрочка воскресения Лазаря усиливает эффект чуда и служит укреплению веры (Евангелие от Иоанна 11:25-26).

Утверждение привратника имплицитно подкрепляет структурно-смысловую позицию текста: «В Париже покойника хоронят на третий, а то и на четвёртый день. А здесь это просто невозможно, вы и представить себе не можете, как тут спешат на похоронах, бегом бегут за катафалком» (Камю, 1967: 11). Ускоренное погребение в Алжирской жаре приобретает в данном контексте не только прагматическое объяснение, но и выступает как аллегорический элемент. Невозможность задержки перекликается с абсурдностью надежды на воскресение из мёртвых.

Предшествующий похоронам ритуал бдения у гроба, во время которого Мерсо, как и все остальные присутствующие, трижды засыпает (Камю, 1967), выступает в тексте как интертекстуальный мотив, отсылающий к библейскому сюжету Гефсиманского моления, во время которого апостолы также трижды засыпают (Евангелие от Матфея (26:36-46), от Марка (14:33-42), от Луки (22:40-46) и от Иоанна (11: 25-27). Этот повторяющийся мотив сна символизирует человеческую

слабость и выявляет коллективную установку на гетерономию, основанную на религиозных убеждениях, при которой индивид переносит личную ответственность на некую трансцендентную инстанцию (Камю, 1967). Таким образом, внешнее и внутреннее происшествия являются предпосылками внутреннего и внешнего события.

Мерсо не выражает признаков традиционного траура по матери, несмотря на признание: «Я, конечно, очень любил маму, но это ничего не значит» (Камю, 1967: 66). Вводное слово «конечно» используется в данном предложении не только как утвердительная частица, но и как семантический маркер нормативного поведения, указывающий на стремление героя к мимикрии: «А у меня было желание убедить его [следователя], что я такой же, как все, совершенно такой же, как все» (Камю, 1967: 66). При этом тавтология «как все», структура высказывания и стилистическое употребление усилительного наречия «совершенно» подчеркивают его нонконформизм.

Заявляя о своей любви к маме, он апеллирует «к естественному человеческому чувству» (Камю, 1967: 66), которое в общественном сознании не требует доказательств. Однако в этом апеллятиве скрывается внутренняя дистанция: любовь признаётся и выражается через употребление по отношению к мадам Мерсо существительного «мама», а не формального и в данной ситуации более *адекватного* «мать». Одновременно ставится под сомнение значимость этого чувства. Противительный союз «но» и двойное отрицание «ничего не» демонстрируют преображение героя и являются индикатором запущенного в действие механизма внутреннего события: его любовь не воскресит мадам Мерсо и не обеспечит ей бессмертия. Следовательно любовь «ничего не значит» (Камю, 1967: 66). В этих словах отражается экзистенциально-нравственная диалектика, сформулированная гером Достоевского Иваном Карамазовым: «Если нет бессмертия, то нет любви» (Достоевский, 1976: 64). Дальнейшее высказывание Мерсо — «Все здоровые люди желали смерти тем, кого они любили» (Камю, 1967: 67) — эквивалентно не только отрицанию традиционного этического императива, но и погружению в глубины метафизического нигилизма, при котором утрата онтологической веры в трансцендентное бытие приводит к разрушению основания как любви, так и этики.

Утверждение Мерсо, по сути, тождественно мысли Ивана Карамазова: «Уничтожьте в человечестве веру в своё бессмертие, в нём тотчас иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия» (Достоевский, 1976: 64).

Мадам Мерсо воплощает ключевые положения философской концепции экзистенциализма, с его гедоническим утверждением ценности настоящего момента на фоне осознания конечности человеческого бытия (Camus, 2019).

Находясь в гетеротопном (Foucault, 2005) пространстве дома престарелых, символически маркируемом как порог между жизнью и смертью, «где угасают человеческие жизни» (Камю, 1967: 121), она вступает в аффективно окрашенные отношения с Томасом Пересом. Окружающие подтрунивают над влюблёнными, иронически дразня их женихом и невестой. Мадам Мерсо и Томас Перес воплощают дионисийское утверждение жизни. Они готовы «всё пережить заново» (Камю, 1967: 17). Вопреки общественным стереотипным ожиданиям и нормативным представлениям о достойном старении, мадам Мерсо счастлива (Камю, 1967: 17). Мерсо понимает и даже приветствует ее позицию. Своим категорическим утверждением он выражает протест против социально навязанной скорби, лишённой подлинности: «Никто, никто не имел права плакать над ней» (Камю, 1967: 121).

4.2 Метафизическое убийство

Прозревший Мерсо, в отличие от Кириллова, изначально не стремится к (педагогическому) суициду как к способу демонстрации иллюзорности надежды на загробное воздаяние. Он предпринимает попытку разрушить веру в бессмертие метафизическим убийством. Символически это выражается первым выстрелом. Четыре последующих выстрела в «распятое» тело становятся актом отрицания Иисуса Христа и его посреднической роли между человеком и божеством: «Я как будто постучался в дверь несчастья четырьмя короткими ударами» (Камю, 1967: 61). Тем самым Мерсо принимает на себя роль обречённого человекобога, готового существовать в мире, лишённом высшего смысла. Подобно Христу, он проходит путь страдания и отвержения, но в отличие от богочеловека, он проходит его не ради спасения других, а с целью утвердить принципиальную и абсолютную свободу человеческого существования.

Постепенно Мерсо приходит к осознанию фундаментального нежелания общества быть избавленным от утешительной иллюзии посмертного бытия: «Муки оказались бесполезными» (Камю, 1967: 61). Коллективное сознание демонстрирует устойчивое равнодушие к провозглашаемой им истине. Потребность в идее бессмертия представляет собой константу: «все люди верят в бога, даже те, кто отвратил от него лицо своё. Он [следователь] был твёрдо убеждён в этом, и, если бы когда-либо в этом усомнился, жизнь его потеряла бы смысл» (Камю, 1967: 70). Аналогичную позицию артикулирует священник: «но я знаю, сердцем знаю, что даже самые жалкие из вас видели, как во мраке темницы вставал перед ними лик божий» (Камю, 1967: 118). В его мировоззрении вера не предстает результатом сознательного выбора, но превращается в данность, к которой неизбежно возвращается человек, особенно в преддверии смерти. В этом контексте становится уместной интертекстуальная параллель с высказыванием Ивана Карамазова:

> Высшая идея веры в свою душу и в её бессмертие необходима для бытия человеческого и есть нормальное его состояние. Из неё вытекают все остальные высшие идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной, а без веры в бессмертие, бытие человека неестественно, немыслимо и невыносимо (Достоевский, 1989: 348).

Помимо этого, в тексте можно усмотреть аллюзию на критическую позицию Германна Раймаруса (1787), направленную против столь желаемого, необходимого и наделённого сверхценностью чуда воскресения Христа, совершившегося, как подчёркивает исследователь, без каких-либо независимых очевидцев и основанного исключительно на свидетельствах апостолов, Марии, а также на последующей институционализации веры посредством церкви (Reimarus, 1972). И в случае Христа, и в случае Мерсо «всё — правда, и ни в чём нет правды!» (Камю, 1967: 92) Определяющую роль играет не факт, а его интерпретация, не истина, а потребность в её утверждении. Воскрес ли Иисус? Был ли его гроб действительно пуст? — эти вопросы, повторяемые Раймарусом, демонстрируют принципиальную неопределимость, скрытую за религиозным нарративом.

В попытке прервать фатальную цепочку событий в воскресенье герой обращается к источнику, который в данном контексте выступает как аллегория начала жизни и одновременно воплощает архетипический образ Бога-Создателя как первопричины бытия. Этот мотив приобретает особую символическую нагрузку, поскольку воскресенье, традиционно насыщенное христианской сакральностью, трансформируется из дня спасения в день убийства. Образ источника и трансформирован-

ное значение воскресенья действуют как двойные метафоры, раскрывающие глубинный конфликт между стремлением к спасению и неизбежностью разрушения.

Мерсо полностью подчинён стихии и подвержен мучительным телесным и душевным страданиям:

> солнцем, жаром, алым сверканием, как саблей, режущими ему глаза солнечными бликами, зноем, который давил ему на голову, на плечи и мешал двигаться вперёд, по багровому песку, борющийся с пьяной одурью, которую солнце насылало на него, со сжимающимися от боли челюстями и огненным дождём (Камю, 1967: 60).

В сцене, в которой герой обращается к источнику, вместо ожидаемого ответа на кириллов-скую апорию и вместо спасения, его ожидает грозный архангел Михаил, олицетворённый в образе араба. Михаил выступает как страж божественного порядка. Он воплощает закон, предписанный высшей волей, и изгоняет тех, кто осмеливается приравнять себя к Всевышнему. Акт изгнания, согласно теологическому канону, не только предопределяет грешника к смерти, но и одновременно вселяет в него, а также в его потомков, надежду на возможное возвращение в Эдем. В романе Альбера Камю Михаил появляется как инструмент божественного наказания, направленного против своевольного человекобога. Мерсо трансформируется в образ дьявольского падшего ангела, Вельзевула, а также в змею, антихриста и отцеубийцу (Камю, 1967).

Данная интерпретация подтверждается диалогом героя со следователем, в котором Мерсо открыто отрицает моральные и религиозные нормы, тем самым усиливая свою демонизацию (Камю, 1967). Символическое разграничение пространств, описанное в гетеротопном контексте тюрьмы (Foucault, 2005), усиливает эту двойственность. По Фуко, гетеротопия тюрьмы представляет собой мир внутри мира, где заключённые находятся в аллегорическом аду, а их посетители, в условном раю (Foucault, 2005). В *Постороннем* эта пространственная диалектика проявляется в сценах, где Мерсо, будучи заключённым, воспринимает тюремный корпус как место вечного наказания, тогда как следователь и другие представители внешнего мира выступают в роли «небесных» наблюдателей, символизирующих божественный суд (Камю, 1967).

Яркое сияние, отражающееся в клинке архистратига, выступает в романе как катализатор действия Мерсо. Слепящий свет, исходящий от солнца, перестаёт быть лишь визуальным феноменом и элементом природного окружения, а приобретает трансцендентный характер, становясь посредником божественной кары и орудием судьбы. В момент, когда лучи солнца падают на металл, они наносят герою символический удар: «Солнце сверкнуло на стали, и меня как будто ударили в лоб длинным острым клинком» (Камю, 1967: 60). Данное образное сравнение подчёркивает метафизическую природу конфликта.

Стилистический приём экспрессивных эпитетов усиливает ощущение испытания, приближая сцену к библейскому мотиву страдания Христа в Гефсиманском молении. В Евангелие от Луки приводится параллельный образ: «И, находясь в борении, <…> и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (22:40-46). Пот, застилающий Мерсо обзор, описывается как «плотная пелена, слепящая завеса из слёз и соли» (Камю, 1967: 60). Эта метафора усиливает дезориентацию, подчёркивая, что физическое воздействие света и пота одновременно служат символами божественного осуждения героя.

Происшествие у источника представляет собой не просто стилистическое усиление напряжения, а целенаправленный «контрафакт» (Шмид, 2013: 79) библейского сюжета.

В отличие от Иисуса Христа, который добровольно принимает крестный путь (Евангелие от Луки 22:44-46), Мерсо открыто отвергает любую форму предопределённого предназначения. Его реплика «Я стряхнул капли пота и сверкание солнца» (Камю, 1967: 60) фиксирует акт отрицания не только внешней божественной воли, но и внутренней моральной ответственности.

Прозревший Мерсо предпринимает попытку радикального разрыва с доминирующей религиозной парадигмой. Его стремление разрушить иллюзорную надежду на загробное существование представляет собой утопическое усилие по воссозданию рая *hic et nunc*. Аналогичным мотивом руководствуется Раскольников. Полагаясь на образ Нового Иерусалима, он также ищет возможность восстановить рай в настоящем (Достоевский, 1973). Данная логика обусловливает внешнее событие убийства. Описание жары и состояния Мерсо в день похорон матери, когда он осознает иллюзорность веры в бессмертие, сопоставимо с тем же ощущением, которое испытывает молодой человек в момент попытки разрушить эту иллюзию у окружающих: «Жара была такая же, как в день похорон мамы, и так же, как тогда, у меня болела голова, особенно лоб, вены на нем вздулись, и в них пульсировала кровь» (Камю, 1967: 60).

Оба провозвестника новой истины Кириллов и Мерсо убеждены, что Иисус не воскрес. Свои поступки они трактуют как «прорыв в борьбе против религии» и как первый шаг к «антропологической революции» (Игнатов, 1993: 43). Кириллов уверен, что «нет вышей идеи, что Бога нет», и развивает эту позицию до уровня космологического пессимизма: «вся планета – ложь, построенная на лжи и глупой насмешке» (Достоевский, 1974: 472). По его словам, «человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога. Пусть узнают раз навсегда» (Достоевский, 1974: 93)

В интерпретации Мерсо вера в утопию вечной жизни сравнима с таким инфантильным желаниям как «вдруг разбогатеть, или плавать очень быстро, или стать красавцем. Все это мечтания одного порядка» (Камю, 1967: 121). Будущее, представляемое как метафизический проект, утрачивает всякую значимость: «В сущности, не имеет большого значения, умрёшь ли ты в тридцать или в семьдесят лет — в обоих случаях другие-то люди, мужчины и женщины, будут жить, и так идёт уже многие тысячелетия. Всё, в общем, ясно» (Камю, 1967: 113). Таким образом, человек, подобно Сизифу, может обрести подлинную внутреннюю свободу и смысл бытия лишь через признание конечности собственного существования и отказ от трансцендентных утешений.

4.3 Предопределённость судьбы человекобога

Радость Мерсо при возвращении из богадельни маркирует кратковременный эпизод мнимого попадения в земной рай: «и моя радость, когда автобус въехал в Алжир и засверкали созвездия его огней. Я подумал тогда, что сейчас лягу в постель и просплю не меньше двенадцати часов» (Камю, 1967: 21). Но уже в этом отрывке прослеживается предопределённость судьбы человекобога. Так двенадцать часов, созвездия огней и эскапистский сон интертекстуально отсылают к двенадцати апостолам и к Гефсиманскому молению Христа.

Коллокации «засверкавшие созвездия огней» и «побледневшие звезды» (Камю, 1967: 21, 122) создают смысловую рамку, в которую вписываются оба ключевых внутренних события.

Основным символом становится встреча с Мари. Особый интертекстуальный и иронический смысл приобретает имя девушки. Оно одновременно отсылает к нескольким библейским персонажам: к Марии из Вифании, сестре Лазаря; к Марии Магдалине; а также к Пресвятой Деве Марии. В раннехристианской традиции эти фигуры рассматривались как отдельные образцы женского священного начала. Начиная с патриарха Григория-Великого (VI в.) происходит их теологическое и культурное слияние, что приводит к объединённому символическому полю. Таким образом, имя Мари приобретает многослойность: оно становится не только маркером женского начала, но и символом, сопряжённым с идеей искупления, чистоты и трансцендентной женственности.

Образ девушки в романе Альбера Камю *Посторонний* выполняет несколько значимых функций: во-первых, Мари отсылает к евангельской Марии из Вифании, сестре Лазаря, совершившей обряд помазания (Евангелие от Иоанна 11:25-27). Эта библейская параллель подчёркивает ритуальный характер встречи Мерсо с Мари, придавая ей значение очищения и предвосхищения смерти. Во-вторых, Мари свидетельствует воскрешение богочеловека Иисуса Христа и ‹становление› человекобога Мерсо. В-третьих, персонаж Мари воплощает гедонистическое наслаждение моментом. «Пламя желания», символизирует культ максимального чувственного опыта (Камю, 1967: 118; Camus 2019). Но «постыдное распутство на следующий день после смерти матери» (Камю, 1967: 94) противоречит традиционным представлениям о трауре и моральном долге. Соблазнение Мари становится в глазах общества актом осквернения священного и приобретает статус богохульства. С точки зрения христианской этики, подобное поведение воспринимается как грех прелюбодеяния, поскольку нарушает телеологический кодекс, в котором телесность допустима исключительно в контексте прокреативного брака. Нарушение сакрального табу становится одним из центральных пунктов обвинения. В-четверых, Мари подчёркивает разрыв между Мерсо и христианской парадигмой, в которой любовь служит доказательством существования души, а душа является гарантией бессмертия. Она предлагает Мерсо восстановить утраченную связь бракосочетанием. Но Мерсо, утративший веру в «живую жизнь» (Достоевский, 1989: 245) и, следовательно, в бессмертие, утрачивает способность любить. В результате любые формы интимных отношений, будь то союз с Мари или с другой женщиной, или плотские удовольствия вне института брака, для него лишены смыслового содержания и морального веса: «Она спросила, думаю ли я жениться на ней. Я ответил, что мне всё равно, но если ей хочется, то можно и пожениться» (Камю, 1967: 44). Последующее подтверждение Мерсо на повторный вопрос Мари усиливает эту позицию: «Я ответил точно так же, как уже сказал ей один раз, что это никакого значения не имеет, но, вероятно, я не люблю её» (Камю, 1967: 44).

Если рассматривать поведение Мерсо сквозь призму философии Ивана Карамазова, то его действия не лишены логики. Иван формулирует тезис, согласно которому «если уничтожить в человеке веру в бессмертие, то в нём иссякнет любовь <…> тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено» (Достоевский, 1986: 64).

Следовательно, отказ от веры в посмертное бытие обуславливает в Мерсо этический вакуум, в котором действия оцениваются лишь с точки зрения их фактической реализации, а не с точки зрения их нравственной значимости. Этот вакуум Мерсо служит ключевым объяснительным фактором его поведения в эпизодах, связанных с запланированным насилием над бывшей возлюбленной Раймона. Мерсо не только не препятствует реализации коварной мести, но и активно содействует ей, написав письмо, которое, будучи воспринято девушкой в состоянии мимолётного аффекта, приводит её в ловушку (Камю, 1967: 35). Равнодушие Мерсо проявляется также в отношении к садист-

ским издевательствам соседа Саламано над собакой и к последующим страданиям старика после исчезновения животного (Камю, 1967: 46).

Камю возвращается к диалектике Достоевского: если абсолютная свобода человека, не сдерживаемая божественной волей, обуславливает деструкцию, то возникает необходимость существования всесильного Бога, который выступает регулятором и гарантом морального порядка.

4.4 *Суд за метафизическое убийство*

Безымянный следователь в романе Камю представляет собой функциональный эквивалент Порфирия Петровича из произведения *Преступление и наказание* Фёдора Достоевского (Достоевский, 1973). Одновременно он выступает как аллегорическая фигура архангела Михаила. Оба служителя закона, светского и божественного, обладают тонким интеллектуальным чутьём, однако их понимание преступления остаётся фрагментарным. Примечательно, что в обоих произведениях центральным объектом расследования оказывается не столько само преступление, сколько личность обвиняемого человекобога. В романе Камю эта тенденция проявляется особенно ярко: каждый диалог с Мерсо направлен на её установление (Камю, 1967). Идентификация персонажа приобретает аллегорический характер: она перестаёт быть актом определения субъекта и превращается в попытку выяснить, действительно ли перед следователем стоит человекобог, узурпировавший право на высшую истину, отказавшийся от трансцендентной идеи и, следовательно, от морального кодекса.

Постановка в суде вопроса о причине паузы между первым и последующими выстрелами раскрывает ограниченность присутствующих. Эта слепота указывает на взаимное непонимание глубинных мотивов. Так, Мерсо не в силах объяснить, почему разум, может быть использован на суде как отягчающее обстоятельство его вины: «почему столь обыкновенное человеческое качество может стать неопровержимым доказательством преступности» (Камю, 1967: 99).

Разум приобретает в данном контексте символическое значение. Он отражает антропологический кризис, порожденный атеистическим гуманизмом XIX. Просвещённый рационализм утрачивает духовное видение, а рациональное упорядочивание мира, секуляризация и культ индивидуальной свободы ведут к отчуждению индивида и к разрушению традиционных моральных ориентиров. По мнению ряда философов, в частности Петра Вуста (Wust, 1963-1968) и Эккехарда Блаттманна (Blattmann, 1994), процесс рационализации породил вакуум, который стал одной из предпосылок катастроф XX века. Эти идеи находят отклик в творчестве Альбера Камю.

5. Заключение

Исследование идеи человекобога в творчестве Фёдора Достоевского и Альбера Камю демонстрирует, что, несмотря на различие историко-культурных контекстов и философских ориентаций авторов, оба писателя используют образ человекобога как критический инструмент для осмысления пределов человеческой автономии, ответственности и отношения к трансцендентному.

В произведениях Достоевского (в частности, *Преступление и наказание*, *Братья Карамазовы*, *Бесы*) человекобог предстает в виде персонажей, которые, переоценивая свою интеллектуальную и моральную автономию, претендуют на право переписать моральный закон. Но амбиции обуславливают лишь вакуум, душевный кризис и, в конечном счёте, ведут либо к самоуничтожению (в случае Кириллова и Ивана), либо к вере в трансцендентность (в случае Родиона и Алеши).

Достоевский формулирует диалектику между моралью богочеловека и человекобога, подчёркивая, что истинная свобода возможна лишь в признании ограниченности человеческой воли перед высшим нравственным порядком. Человекобог выступает как предостерегающий образ. В интерпретации Камю, особенно в образе Мерсо, эта идея приобретает дополнительно к акцентам Достоевского абсурдный смысл. Образ человекобога реализуется в более абстрактной форме. Мерсо, отказываясь от метафизической опоры, демонстрирует человекобога в виде субъекта, который отрицает смысл и моральный фундамент, полагаясь исключительно на свободу выбора. Поступок Мерсо, а также его отношения к суду, священнику и к Мари, раскрывают идею, что метафизический нигилизм не приводит к освобождению, а лишь усиливает экзистенциальный вакуум, аналогичный тому, которого Достоевский описывает у своих героев.

Литература

Аванесов, С. (2003). Amor Mortis. Диалектика вольной смерти в творчестве Ф. М. Достоевского. *Вестник Томского Государственного Университета*, 233, 37-49.

Бархатова, И. (2013). Поэтика абсурда в романе А. Камю «Посторонний». *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 3(25), 65-71.

Булгаков, С. (1993). *Русская трагедия. Сочинения*. Наука.

Достоевский, Ф. (1973). *Преступление и наказание*. Наука.

Достоевский, Ф. (1974). *Бесы*. Наука.

Достоевский, Ф. (1976). *Братья Карамазовы*. Наука.

Достоевский, Ф. М. (1989). *Дневник писателя*. Современник.

Евангелие от Иоанна 11:25-27.

Евангелие от Луки 22:40-46.

Евангелие от Марка 14:33-42.

Евангелие от Матфея 26:36-46.

Игнатов, А. (1993). Чёрт и сверхчеловек: Предчувствие тоталитаризма Достоевским и Ницше. *Вопросы философии*, 4, 35-46.

Камю, А. (1967). *Посторонний*. Прогресс.

Камю, А. (1969). *Избранное*. Прогресс.

Паперно, И. (1999). *Самоубийство как культурный институт*. Новое литературное обозрение.

Фрайзе, М. (2010). Событийность в художественной прозе: типология ее разновидностей и ее отношение к эстетической функции литературы. В Е. Маркович & В. Шмид (под ред.). *Событие и событийность. Сборник статей* (С. 37-57). Издательство Кулагиной – Intrada.

Шифферс, Е. (1991). Отношение христианства к самоубийству. *Искусство кино*, 9, 3-7.

Шкунаева И. (1961). Современная французская литература. Издательство ИМО.

Шмид, В. (2010). Событие и событийность. В Е. Маркович & В. Шмид (под ред.). *Событие и событийность. Сборник статей* (С. 13-23). Издательство Кулагиной – Intrada.

Шмид, В. (2013). *Проза Пушкина в поэтическом прочтении «Повести Белкина» и «Пиковая Дама»*. Издательство Санкт-Петербургского университета.

Augustinus (2009). *Confessiones. Bekenntnisse*. Reclam.

Bahners, K. (2015). *Weder Mord noch Notwehr: „Der Fremde" von Albert Camus und die Tötung des Arabers durch Meursault*. Romantik Verlag.

Blattmann, E. (1994). *Peters Wust als Denker und Leser des Bösen*. Peter Lang.
Camus, A. (1942). *L'Étranger*. Gallimard.
Camus, A. (2019). *Der Mythos des Sisyphos*. Rowohlt.
Cruickshank, J. (1960). *Albert Camus and the Literature of Revolt*. Oxford University Press.
Foucault, M. (2005). *Die Heterotopien. Der utopische Körper*. Suhrkamp.
Genette, G. (1980). *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Cornell University Press.
Kern, G. (1972). Camus' L'Étranger: A Study in Narrative Mood. *The French Revien, 45*(6), 1140-1148.
Reimarus, H. (1972). *Apologie oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes*. Insel.
Sartre, J.-P. (1945). Explication de L'Étranger. *Les Temps Modernes, 1*, 1-7.
Wust, P. (1963-1968). *Ungewissheit und Wagnis. Der Mensch und die Philosophie. Gesammelte Werke*. Regensberg.

СТРАХ КАК ЖАНРОВЫЙ СТЕРЖЕНЬ РУССКОЙ ДИСТОПИИ[1]

Boris Lanin
Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland

Цель статьи – проверка гипотезы о страхе как жанровом стержне русской дистопии. Под дистопией мы пониманием литературный жанр, в котором опровергается либо пародируется и травестируется утопическая идея. Эта сверхзадача жанра влияет на расстановку персонажей, на построение сюжета и на структурно-композиционные особенности произведений. Предложенный нами в начале 90-х годов образ псевдокарнавала как основы дистопической структуры получил подтверждение во многих произведениях. В статье обращаемся к анализу малоизвестных дистопических произведений конца 1990-х годов, чтобы показать, насколько глубоко образ псевдокарнавала, основанный, в отличие от классического бахтинского карнавала, на страхе проник в различные тексты массовой литературы.

Как известно, Михаил Бахтин расширительно трактовал понятие карнавала. Он писал:

> Слово это объединило под одним понятием ряд местных празднеств разного происхождения, приуроченных к разным срокам, но имеющих черты народно-праздничного веселья. Этот процесс объединения словом 'карнавал' разнородных местных явлений и подведение их под одно понятие соответствовал и реальному процессу, протекавшему в самой жизни… Карнавал стал в действительности тем резервуаром, куда вливались прекратившие свое самостоятельное существование народно-праздничные формы (1990: 242)

XX век вывернул наизнанку эти народно-праздничные формы, вынудив разработать новый аналитический инструментарий.

Исследователь бахтинского наследия утверждает:

> Проблема заключается в том, что западные интерпретаторы карнавала — будь то консерваторы, прогрессисты или радикалы — склонны смешивать описание Бахтиным исторической реальности карнавальной практики (которая сама по себе может быть в той или иной степени неточной) с его трактовкой адаптируемой карнавальной символики. Это приводит к тому, что бахтинская неограниченная модель «освобождения» некритически применяется к нашей сегодняшней социальной и политической действительности. Любой культурный проект — или, что особенно важно, антипроект — может развиваться на основе недифференцированной модели карнавала, в которой нет места для тонких, но многократно повторяемых оговорок Бахтина относительно его реальной трансгрессивной силы. Карнавал становится универсальным инструментом, пригодным для любых — без исключения — культурных и политических задач. (Renfrew, Alastair: 190)

1 This research was funded in whole or in part by Narodowe Centrum Nauki Reg. nr 2022/47/B/HS2/01244. For the purpose of Open Access, the author has applied a CC-BY public copyright license to any Author Accepted Manuscript (AAM) version arising from this submission

Чтобы не игнорировать подобные бахтинские оговорки, мы используем термин «псевдокарнавал». Основой псевдокарнавальной ситуации является страх. Рассмотрим репрезентацию псевдокарнавала и страха на нескольких произведениях конца XX века.

В рассказе Андрея Максимова «Страх» (1996) страх пронизывает весь текст и влияет на поступки героев. Страх становится всеобъемлющей силой, формирующей повседневную реальность персонажей, заставляя их запираться в домах, нанимать сторожей и даже терять смысл жизни. В этом антиутопическом рассказе описывается мир, в котором страх стал основой существования, а власть манипулирует страхом, чтобы контролировать людей.

В начале рассказа главный герой демонстрирует выраженное чувство тревожности и страха перед окружающей действительностью, что проявляется даже в его осторожном открытии двери. В стремлении обеспечить свою безопасность он приглашает специального человека — «сторожа». Однако в процессе взаимодействия с ним рассказчик постепенно преодолевает внутреннее напряжение, на короткое время ощущает комфорт и даже позволяет себе смеяться.

Сторож нужен, пока происходит запугивание людей. Он искренне убеждён в значимости своей деятельности, рассматривая запугивание как полноценную профессию. Для него «страхопроизводство» представляет собой перспективную сферу, поскольку страх является действенным механизмом управления людьми. Более того, по его мнению, искусство запугивания требует постоянного развития, так как человек адаптируется к угрозам, и для сохранения их эффективности необходимо прибегать ко всё более изощрённым методам.

После символического жеста сближения — совместного распития на брудершафт — сторож делится историей о художнике, из страха совершившем убийство своей супруги. Несмотря на принадлежность к миру искусства, художник оказывается неспособным противостоять всепоглощающей тревоге. Страх радикально трансформирует его личность, разрушает творческий потенциал и семейные отношения, в конечном итоге приводя к трагическим последствиям — убийству и саморазрушению.

Вставная история о художнике в структуре рассказа выполняет функцию предупреждения: она демонстрирует, как всепоглощающий страх способен уничтожить человеческую сущность. Художник представлен как жертва иррационального ужаса, который постепенно разрушает его психику. Первоначальный импульс страха возникает в толпе, где он впервые осознаёт анонимную и неконтролируемую силу массовой агрессии. Это переживание становится отправной точкой его параноидального мировосприятия: он начинает видеть угрозу повсюду, отдаляется от людей и утрачивает способность к творчеству. На определённом этапе страх становится его единственной реальностью. Узнав о предстоящем отцовстве, он воспринимает ребёнка не как продолжение жизни, а как потенциальную жертву будущих катастроф. В его искажённом сознании убийство жены приобретает форму «акта милосердия», направленного на избавление от страданий. Таким образом, страх полностью поглощает его личность и лишает его человеческих качеств.

Главный герой, выслушав рассказ сторожа, приходит к пессимистическому выводу о неотвратимости страха. Сторож не столько предлагает избавление от страха, сколько способствует осознанию его фундаментальной роли в жизни человека. Образ кооператива, одновременно производящего страх и предлагающего защиту от него, представляет собой метафору замкнутого круга угнетения. Это сатирическое изображение механизмов подавления и пропаганды, характерных для тоталитарных систем, сближает текст с жанром антиутопии.

На концептуальном уровне рассказ утверждает, что страх является определяющей силой человеческого существования. Почти все поступки индивида мотивированы страхом: страх одиночества побуждает к поиску любви, страх смерти — к заботе о здоровье, страх бедности — к трудовой активности. Главный герой живёт в социуме, где страх доведён до абсурда и институционализирован как инструмент управления. Рассказ сторожа и судьба художника иллюстрируют, что страх проникает в глубинные слои сознания, подавляя волю и лишая человека свободы выбора.

Рассказчик горько заключает: «Количество страха в наших душах перешло какую-то допустимую норму и дало иное качество. Люди, которыми движет страх, это уже не люди, а какие-то иные, доселе неизвестные природе, существа» (Максимов, 1996: 17).

В духе теории симулякров Бодрийяра, страх в рассказе функционирует как гиперреальность: он не столько отражает реальную угрозу, сколько воспроизводит её бесконечно через знаки, ритуалы и социальные ожидания. Страх становится неотъемлемым элементом культурного кода, в котором личность утрачивает способность к подлинному выбору, заменяя его имитацией автономии. Таким образом, страх — это не реакция, а симулированная структура, поддерживающая иллюзию порядка и контроля.

В контексте рассказа страхопроизводитель — это не просто метафора, а острая сатирическая критика общества, где страх становится инструментом власти. Страхопроизводитель представляется профессией будущего. Сторож говорит об этой профессии как о перспективной, потому что управление через запугивание даёт огромную власть и стабильный доход тем, кто этим занимается. Производство страха становится эффективным методом пропаганды, политического давления и манипуляции общественным сознанием. В контексте современной действительности страх играет ключевую роль в функционировании различных сфер — от политики и экономики до рекламной индустрии и цифровых коммуникаций. Рассматриваемый рассказ выступает как предупреждение о потенциальной опасности инструментализации страха в целях социального контроля. Автор демонстрирует, насколько легко страх может быть превращён в механизм управления массовым сознанием. Практически все человеческие действия обусловлены страхом: страх одиночества побуждает к поиску близости, страх забвения — к творческой самореализации, страх голода — к трудовой активности, страх смерти — к инстинкту самосохранения. Таким образом, страх предстает как фундаментальный регулятор человеческого поведения, глубоко укоренённый в структуре существования. Однако, когда страх выходит за пределы рационального контроля, он начинает функционировать как патологическая сила, подобная злокачественному новообразованию, вытесняющему другие эмоции и парализующему волю. Индивид, полностью подчинённый страху, утрачивает способность к осмысленному действию, становится жертвой панического мышления и, в крайних проявлениях, либо уничтожает себя, либо трансформируется в жертву или агрессора. В ситуации, когда страх становится единственной эмоцией, он разрушает базовые проявления человеческой природы — разум, креативность, способность к любви. Отсюда возникает необходимость самых неожиданных инструментов для сопротивления страху. Антони Кемпиньский писал: «Как первобытный охотник, отправляясь на охоту, совершает различные магические действия, долженствующие охранить его от опасностей, связанных с охотой, так и человек, боящийся собственных чувств, создает ряд ритуалов, охраняющих его от чувства страха, связанного с ними» (Kępiński, 1977: 28)

Таким образом, философская концепция страха, представленная в рассказе, заключается в двойственной природе этого чувства. С одной стороны, страх — это естественный инстинкт, необ-

ходимый для выживания; с другой — разрушительная сила, способная превратить человека в подчинённого субъекта. Государственные и общественные институты сознательно эксплуатируют страх как средство управления, формируя систему, в которой производство страха и предложение защиты от него поддерживают устойчивый баланс. Это порождает замкнутую структуру, в которой общество пребывает в состоянии перманентного напряжения. Ключевой вывод заключается в необходимости сохранять критическую дистанцию к страху, не позволяя ему стать единственной реальностью, иначе он уничтожит как индивидуальность, так и саму возможность свободного существования.

В рассказе Бориса Хазанова «Страх» (1970, опубликован в 1990) атмосфера страха является стержнем повествования. В контексте тоталитарной системы, описанной Ханной Арендт, страх в этом рассказе выступает как ключевой механизм политического контроля, направленный на разрушение индивидуальности. Он не просто влияет на поведение персонажей, но становится основой их бытия, проникая в повседневные практики и межличностные отношения. Подобно описанному Арендт «террору без цели», страх парализует волю, лишает субъектов способности к моральному суждению и превращает их в управляемые элементы государственной машины:

> И нужна была максимальная осторожность во всем, осмотрительность на каждом шагу: главное — не показывать виду, страх — доказательство виновности! Прикидываться дурачком, скрывать свой страх, скрывать знание, хранить спокойствие! Ведь в конечном счете я был виноват уже в том, что жил. Мы все были виноваты, виноваты самим фактом своего существования. Мне некуда было деться, секретная служба располагала исчерпывающей информацией, она знала обо мне все. Просто за многочисленностью дел и расследований они не имели времени заняться мной — руки не доходили — и до времени ограничивались наблюдением (Хазанов, 1990: 19-20)

Девушка, с которой вступил в интимную связь главный герой, сообщает об аресте своего отца, и это становится поворотным моментом сюжета. Внезапно исчезают чувства привязанности и эстетического восхищения, уступая место всепоглощающему ужасу. Характерно, что страх охватывает героя сразу после интимного контакта. Это позволяет трактовать рассказ вслед за Бахтиным, когда торжество телесного низа резко сменяется удушливым страхом за свою жизнь. Герой осознаёт, что девушка и её мать находятся под угрозой репрессий, и лишь бюрократическая задержка временно спасает их от ареста. Они уже исключены из социального пространства, превращены в «нелиц», используя терминологию Джорджа Оруэлла в романе «1984» . Рассказчик решает больше никогда не встречаться с ней, чтобы избежать ассоциации с обречёнными. Их социальная изоляция уже началась — исчезли гости, прекратились звонки, и вскоре они будут полностью вычеркнуты из жизни общества.

В рассказе «Страх» главный герой предстает как рефлексирующий субъект, осознающий, что страх является доминирующей силой, определяющей структуру общественных отношений. Он наблюдает, как страх систематически используется в политике и социальной жизни, но сам оказывается неспособным противостоять его влиянию. Постепенно страх становится естественной средой, в которой индивиды взаимодействуют с миром. Люди утрачивают способность критически осмысливать собственные поступки, не осознавая, что их поведение и мышление управляются страхом.

Государственная власть институционализирует страх как инструмент контроля, формируя атмосферу неопределённости и перманентной угрозы. В таких условиях сознание индивида адаптируется к тревожному фону, воспринимая его как норму. Стремясь избежать наказания, люди до-

бровольно участвуют в механизмах репрессий, включая доносы и демонстрацию лояльности. Это ведёт к разрушению социальных связей, тотальному недоверию и невозможности солидарности или сопротивления. В условиях постоянного страха человек теряет способность к рациональному действию, превращаясь в ведомое существо, лишённое свободы.

Для рассказчика последствия страха оказываются разрушительными: под угрозой оказывается не только его личная жизнь, но и творческая деятельность. В стремлении защититься от возможных репрессий он отказывается от всего, что связывает его с прошлым — уничтожает рукописи, дневники, фотографию возлюбленной. Этот акт символизирует капитуляцию перед страхом, который полностью подчиняет себе личность и разрушает её внутренний мир:

> О, сколько дивных замыслов, неиспользованных сравнений, метафор, эпитетов потонуло в темном водовороте. Я представлял себе, как клочья моих творений плывут в толстых трубах под землей, как из других домов, из других келий к ним спускаются в шуме вод новые — и какой это должен быть грандиозный ледоход трупов, какое кладбище крамолы! Временами я мешкал, погружаясь в чтение, но колокол умолкший пробуждал меня, я дергал длинный его язык, и вновь струя водопада смывала в преисподнюю последние искры моего — о нет, не вольномыслия — своеволия: инстинкт твердил мне, что и оно — улика. Палкой, палкой проталкивал я своих детищ, спроваживал последние клочки, прилипшие к стенкам. Чемодан был пуст. В жидком блеске двадцатисвечовой лампочки, качавшейся на прозрачной и успокоенной глади, я остался один над чашей, и в руках у меня была фотография Светланы. И тогда я четвертовал свою любовь, сложил и снова четвертовал; и полетели туда ее глаза, ее чудные волосы, лоб и тонкая шея. Всему конец! (Хазанов, 1990: 18)

В антиутопическом рассказе Хазанова главный герой предстает как собирательный образ индивида, существующего в условиях тотального страха. Он не предпринимает попыток к сопротивлению, а вынужден адаптироваться к репрессивной реальности, стремясь минимизировать риски и избежать потенциальных угроз. Автор конструирует мрачную картину мира, в котором страх функционирует как основной механизм социального контроля и управления.

Репрессивная система формирует специфический тип мышления, при котором страх воспринимается как норма, а возможность сопротивления представляется иллюзорной. Страх в рассказе представлен как всепроникающая субстанция, определяющая структуру реальности. Он исходит не только от внешних институтов власти, но и укореняется во внутреннем мире человека, становясь его главным мотивационным импульсом. Постепенно страх трансформируется в естественное состояние, к которому индивид привыкает и с которым начинает соотносить своё существование.

Хазанов изображает общество, в котором отсутствуют свобода и автономия личности. Люди вынуждены пребывать в состоянии перманентного ожидания катастрофы, что исключает возможность осмысленного действия и подлинной субъектности. Таким образом, рассказ представляет собой философско-социальную рефлексию о природе страха как инструменте власти и как внутреннем механизме, способном разрушать человеческую индивидуальность.

В романе Бориса Хазанова «Антивремя» (впервые издан в 1985 году в Нью-Йорке) страх вновь является одной из ключевых тем. Основной конфликт заключается в противостоянии человека и невидимых, но всепроникающих сил, определяющих его существование. Главный герой оказывается перед экзистенциальной дилеммой: либо смириться с предопределённой судьбой и следовать законам навязанной реальности, либо попытаться вырваться из неё. Однако любые попытки сопротивления оказываются тщетными, что подчёркивает трагизм человеческого бытия в условиях

тотального контроля. Герой отказывается от бегства или эмиграции, осознавая бессмысленность подобных действий. Кульминацией повествования становится сцена ареста рассказчика, символизирующая окончательное торжество репрессивной системы.

В рамках теории культурной памяти Яна Ассмана (2004) страх предстает как травматический код, закреплённый в коллективной идентичности. Он не только формирует поведение героев, но и воспроизводится через ритуалы, язык и символы, передаваемые из поколения в поколение. В этом контексте страх — это не просто эмоция, а культурная матрица, определяющая границы допустимого и невозможного, разрушая личностную автономию и закрепляя модели подчинения.

Атмосфера тревоги и подавленности формируется через изображение мира, в котором персонажи пребывают в состоянии неопределённости и постоянного ожидания угрозы. Все они – участники антиутопического псевдокарнавала. Страх в этом контексте выступает не только как внутренняя эмоция, но и как инструмент власти, парализующий волю и подавляющий личность.

Антиутопическая модель мира, представленная в романе, демонстрирует иллюзорность человеческой свободы и подчинённость реальности неким непреложным законам. Концепция времени в «Антивремени» приобретает особое значение: оно предстает как застывшая, неподвижная субстанция, в которой прошлое, настоящее и будущее слиты воедино, исключая возможность изменений и надежды. Рассказчик размышляет о природе времени и личного существования, ощущая себя заключённым в неизменной системе, где страх закрепляет ощущение замкнутости и обречённости.

Философская проблематика романа акцентирует связь страха с восприятием цикличности времени и невозможностью выхода за пределы предопределённого сценария. Страх становится не просто эмоциональной реакцией, а метафизической силой, удерживающей человека в ловушке неизменности.

Подобно тоталитарным системам, описанным в антиутопической литературе XX века, страх в «Антивремени» трансформирует индивидов в покорных субъектов, неспособных к сопротивлению и самостоятельному мышлению.

Особое внимание в тексте уделяется роли памяти: воспоминания о прошлом становятся источником страдания, особенно в условиях осознания невозможности изменить судьбу. Таким образом, страх предстает не только как внешний механизм контроля, но и как внутренний, глубоко укоренённый в сознании человека фактор, определяющий его восприятие мира и самого себя.

Еще одна характерная иллюстрация дистопического страха - повесть Владимира Маканина «Лаз» (1990). Ее главный герой существует в пространстве постсоветской реальности, охваченной процессами распада и социальной дезинтеграции. Окружающий мир предстает как источник постоянной тревоги и непредсказуемой угрозы. В данном произведении страх функционирует не просто как эмоциональное состояние, но как онтологическая основа бытия персонажей, оказавшихся в условиях разрушения тоталитарной системы. Маканин последовательно исследует страх как неотъемлемый элемент человеческой природы, особенно в ситуациях, когда индивид сталкивается с давлением институциональной власти или с хаосом, порожденным утратой прежнего порядка.

В «Лазе» страх приобретает экзистенциальное измерение: он связан с утратой идентичности, с невозможностью преодоления замкнутого пространства, которое одновременно является и физическим, и метафорическим. Главный герой, Ключарев, оказывается в привилегированном положении — ему удаётся обнаружить «лаз» в подземное сообщество, представляющее собой альтер-

нативную реальность, насыщенную ресурсами и относительной стабильностью. Периодически он спускается в этот лаз, чтобы обеспечить своё существование необходимыми предметами — от продуктов питания до батареек для фонарика, что символизирует стремление сохранить минимальные условия жизни в мире, лишённом света и порядка.

Подземное общество в повести интерпретируется как метафора эмиграции — пространства, в котором нашли убежище те, кто не смог адаптироваться к новой реальности. В отличие от него, поверхность изображается как зона хаоса и агрессии: мир погасших фонарей, в котором толпа движется с разрушительной силой, не имея цели, но стремясь уничтожить всё, что не успело слиться с её потоком. Эти агрессивные, бесцельно движущиеся массы становятся символом надвигающейся угрозы и утраты индивидуальности.

Таким образом, Маканин в «Лазе» создаёт образ мира, где страх — неотъемлемая часть существования, а поиск спасения превращается в попытку сохранить остатки человеческого в условиях социальной и моральной катастрофы.

Ключарев испытывает множественные страхи, среди которых доминирует страх остаться один на один с собой в пространстве, лишённом других. В условиях распада привычных социальных и культурных структур — характерных для постсоветской реальности, к которой регулярно обращается Маканин — герой теряет ориентиры и ощущает угрозу утраты идентичности. Лаз становится символом поиска пути, однако этот путь оказывается неочевидным, подверженным трансформациям и потенциально иллюзорным. Сам лаз описывается как живое, изменчивое пространство, способное как пропустить, так и задержать, что усиливает ощущение неопределённости и клаустрофобии. В этом аспекте он сближается с образом Зоны из фильма Андрея Тарковского «Сталкер», выступая как пограничное пространство между двумя реальностями.

Маканин сочетает минимализм и точную детализацию, создавая клаустрофобную атмосферу, в которой страх становится не просто эмоциональным фоном, а сущностной характеристикой человеческого существования. Проза лишена избыточной эмоциональности, что делает изображённый страх универсальным и осязаемым. В «Лазе» страх достигает кульминации в момент физического и метафорического испытания, которое герой вынужден пройти, чтобы сохранить остатки человеческого достоинства. Физическое преодоление лаза требует от героя максимального напряжения: он вынужден ползти, протискиваться, испытывая боль и дискомфорт. Это движение становится метафорой внутренней борьбы, попыткой доказать себе жизнеспособность и способность к действию. Маканин акцентирует внимание на деталях — темноте, тесноте, звуках — создавая клаустрофобную атмосферу, в которой страх не выплескивается наружу, а концентрируется, подобно самому лазу. Страх в этом контексте выступает одновременно как движущая сила и как препятствие, формируя сложную структуру внутреннего конфликта героя. Конфликт с лазом символизирует борьбу с границами бытия, с ограничениями, наложенными как внешними обстоятельствами, так и внутренними сомнениями.

В отличие от классического карнавала, подрывающего и переосмысляющего властные структуры, псевдокарнавал функционирует как их мрачное усиление. Элементы гротеска, маскарада и пародии теряют своё освобождающее начало и превращаются в инструменты репрессии и идеологического контроля. Иллюзия свободы, создаваемая псевдокарнавалом, служит лишь для подчёркивания её отсутствия, а страх, сопровождающий этот «праздник», трансформируется из спонтанного чувства в управляемое государством средство подавления.

Таким образом, дистопический псевдокарнавал становится зеркалом современной реальности, в котором праздник оборачивается издевкой, а свобода — тщательно срежиссированной симуляцией. Страх и псевдосмех образуют устойчивую связку, укрепляющую властные структуры и препятствующую подлинному освобождению личности. Маканин, через образ Ключарева и структуру повести «Лаз», демонстрирует глубинные механизмы репрессивных систем, в которых борьба за выживание становится единственно возможной формой сопротивления.

В рассказе Андрея Максимова «Страхопроизводитель» феномен псевдокарнавала предстает в форме тотализированной бюрократической системы, в которой страх институционализирован и функционирует как стандартизированный продукт массового производства. В этом контексте спонтанный, живой смех утрачивает своё освобождающее значение, уступая место пародии и фарсу, направленным на закрепление страха как нормативной социальной установки.

В творчестве Бориса Хазанова псевдокарнавальность приобретает экзистенциальное измерение. Герои оказываются в пространстве, где нарушены привычные категории времени и логики, а смех трансформируется в судорожную реакцию отчаяния. В «Антивремени» очевидно, что объектом гротескной игры и карнавальной инверсии становится время, однако эта игра не ведёт к освобождению, а, напротив, усиливает ощущение фатальной замкнутости и безысходности.

В повести Владимира Маканина «Лаз» псевдокарнавальный элемент выражен через топику ложного выбора и иллюзорного спасения. Герой, оказавшийся в подземелье — метафоре как социального, так и внутреннего плена, — переживает своеобразный «инфернальный спектакль», в котором каждая попытка к бегству лишь подтверждает тотальность власти и бессмысленность сопротивления. Перформативный аспект страха становится доминирующим: даже акт бегства оказывается встроенным в сценарий репрессивной системы.

Опираясь на бахтинскую концепцию смеховой культуры, можно утверждать, что в русской дистопической литературе происходит её радикальная трансформация: от формы народного самовыражения к симулированному ритуалу повиновения. Маска, утратившая функцию временного освобождения, становится инструментом подавления идентичности. Смех, вместо того чтобы выступать вызовом власти, превращается в выражение циничного согласия с её абсурдностью. Подменяя подлинный карнавал псевдоформами, дистопический режим лишает человека как внутренней опоры, так и возможности коллективной солидарности, превращая даже протест в управляемый спектакль.

С. Аверинцев говорил: «Смеясь, человек разделывается со страхом, а убивая себя, разделывается с надеждой» (Аверинцев, 1977: 67)

Таким образом, в антиутопических/дистопических рассказах конца XX века псевдокарнавал функционирует как символ упорядоченного ужаса — ритуализированного действия, в котором внешнее веселье служит фасадом насилия, а страх становится основной энергетикой происходящего. Эти тексты не только демонстрируют механизмы трансформации карнавала в антиутопическом дискурсе, но и выявляют парадокс: утративший свою подрывную силу карнавал оказывается наиболее эффективным инструментом закрепления страха и власти. Псевдокарнавальность в этом контексте не освобождает, а парализует, способствуя пугающей устойчивости и стабильности дистопического порядка.

Русская антиутопическая/дистопическая литература раскрывает страх как жанровый стержень, формирующий как индивидуальное, так и коллективное сознание. Псевдокарнавал, лишен-

ный освобождающей силы бахтинского карнавала, становится инструментом репрессии, где смех трансформируется в пародию, а маска — в символ подчинения. Страх институционализируется, проникая в повседневность и разрушая человеческую автономию. Став гиперреальностью, страх поддерживает тоталитарные системы, лишая индивида свободы и надежды.

Литература

Аверинцев, С. (1977). *Поэтика ранневизантийской литературы*. Наука.

Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности (М. М. Сокольской, пер.)*. Языки славянской культуры.

Бахтин, М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.

Kępiński, A. (1977). *Lęk (К. В. Душенко, пер.)*. Państwowy zakład wydawnictw lekarskich.

Маканин, В. (1991). *Лаз*. Ренессанс.

Максимов, А. (1996). Страхопроизводитель. В А. Максимов, *Самоубийство земли* (сс. 3-61). ТЕРРА.

Хазанов, Б. (1985). *Я воскресение и жизнь: Час короля. Я воскресение и жизнь. Антивремя: Московский роман*. Время и мы.

Хазанов, Б. (1990). *Страх*. Огонек.

Renfrew, A. (1997). The Carnival without Laughter. In C. Adlam, R. Falconer, V. Makhlin, & A. Renfrew (Eds.), *Face to Face / Bakhtin in Russia and the West* (pp. 183-205). Sheffield Academic Press.

STRUCTURAL AND SOCIETAL CHALLENGES TO INCLUSIVE USE OF GRAMMATICAL GENDER IN POLISH

Jadwiga Linde-Usiekniewicz
Marek Łaziński
University of Warsaw

1. Introduction

There are two incompatible goals that should be met when using gender inclusive language. One is making people's gender visible, while the other is not making gender visible (Council of Europe 2024). Nevertheless, the strategies recommended for English would not work for languages in which gender is not only a societal, but also a grammatical issue, as happens for example in Romance and Slavonic languages. Besides, the complex relations between language (including grammatical gender) and gender understood as a social phenomenon are further complicated by the fact that the debates are fueled by linguistic ideologies (Silverstein 1979) and ideologies in the broader sense.

In our paper we examine two issues currently topical for Polish: the strategy of making women visible through language use and the strategy of making gender invisible, yet avoiding discursive effects of generic masculine nouns. We examine the proposed strategies against the actual sociolinguistic data coming from the Corpus of Contemporary Polish (Marciniak et al. 2023), to see whether these strategies are reflected in vast, naturalistic real-life data.

Our thinking is that the debates concerning gender inclusive language are only partly language-specific and data coming from Polish can be of interest not only to scholars specializing in Slavonic languages, but also to broader audiences. With this in mind we provide a brief introduction to Polish grammatical gender.

2. Gender asymmetry in Polish and its discursive effects

Polish is a language with grammatically marked gender (feminine, masculine and neutral as in other Slavic languages). Masculine nouns referring to persons traditionally may take generic, i.e. non-gendered reading, and so do pronouns, adjectives and verbs (in the past tense).

The internal structure of Polish grammatical gender is further complicated by a morphologically marked distinctions within masculine gender in singular and agreement rules in the plural. While for feminine and neuter gender no internal distinction is made between personal, animate and non-animate nouns, e.g. *studentka* 'female student_F'; *mysz* 'mouse_F' *piłka* 'ball_F'; *dziecko* 'child_N', *zwierzę* 'animal_N', *okno* 'window_N', this not the case of masculine nouns. Thus masculine personal nouns have a masculine personal sub-gender of their own, called virile, e.g. *student* 'male student_MPers'. Grammatically masculine

names of animals belong to the masculine animate subgender, e.g. *pies* 'dog_MA', while grammatically masculine inanimate nouns have a masculine inanimate subgender of their own, e.g. *stół* 'table_MI'.

In the singular masculine personal and masculine animate nouns inflect for case in a similar way, with their Accusative form identical to the Genitive, and masculine non-animate inflect differently, with their Accusative form identical to the Nominative. By contrast, within the plural, the gender opposition separates the virile nouns from all the others that form an umbrella nonmasculinepersonal gender, or non-virile gender.

(1) *Wszyscy studenci byli …*
'all_MPers students_MPers were_MPers….'

(2) *Wszystkie studentki/psy/stoły/dzieci były …*
'all_NMPers female students/dogs/tables/children_NMPpers were_NMPpers …'

Virile nouns traditionally take generic, i.e. non-gendered reading, especially in non-referential contexts, e.g.:

(3) *studenci wybierają swoich przedstawicieli…..*
'students_MPers elect their representatives_MPers' (of any gender)'

(4) *student ma prawo do … .'*
'(every) student_MPers has the right to…'

where the intended meaning is to include the entire student body, irrespective of the gender of a particular student. The same applies to students' representatives.

In some contexts, splitting constructions can substitute the generic masculine, e.g.

(5) *Studenci i studentki*
'Students_MPers and students_F'

(6) *Student lub studentka*
'a student_MPers or a student_F'

But splitting constructions are not free of their own problems, see below.

As in any gendered language a non-referentially used masculine personal nouns have been used generically, without specifying the gender of the potential referent, in particular in all kinds of regulative texts, as in (3) and (4) above, where there is an implied plural referent. The same usage applies to both formally and semantically singular referents, e.g.:

(7) *Kierownika zakładu wybiera się …*
'The head_MPers of the department is elected…'

While this regulation does not prevent a woman being chosen to this post it has been rightly raised that such formulation makes this possibility less obvious (Bojarska 2011 qt in Szpyra Kozłoska 2021, Szpyra-Kozłowska 2012 qt in Szpyra-Kozłowska 2021). Similarly, a traditionally framed job offer may read:

(8) *Od kandydata na to stanowisko oczekuje się….*
'The candidate_MPers for this position is expected to…'

And again, even though applications from women would be accepted and proceeded, this kind of formulation has been criticized for not implying strongly enough that women may and possibly should apply for the position in question[1] .

The alternative phrasing, explicitly mentioning possible women candidates though rare would be:

[1] Obviously, this phenomenon is not restricted to Polish. See Szpyra- Kozlowska (2021: 422-424) for an overview).

(9) *Od kandydata/kandydatki na to stanowisko oczekuje się….*

'The candidate_MPers /candidate_F for this position is expected to…'

The potential ambiguity of the generic non-referential use of masculine personal nouns may be resolved through context and the audience's previous knowledge of textual norms for the specific text genre, which would correspond to what Maryns and Blommaert (2001: 13) call pretextuality, i.e. «socially preconditioned meaning assessments, textuality resources and entextualisation potential». Thus, the degree to which masculine forms are interpreted as generic (Bojarska 2011: 63 qt in Szpyra-Kozłowska 2021) may be related to the absence of relevant pretextual gaps in at least part of the audience. By contrast, in the presence of pretextual gaps, masculine forms intended as generic would be interpreted as referring to men.

Another issue raised was that in the referential use masculine plurals are also ambiguous and may refer either to all-male groups or to groups consisting of both men and women (obviously in such usage the inclusion of a single male among the group otherwise consisting of several women would make the use of masculine plural obligatory). This referential ambiguity of masculine plural is common for gendered languages, including Spanish. The ambiguity and the possibility of preferential all-male reading makes women less prominent as social actors, e.g. in the case of

(10) *Badacze z Uniwersytetu Warszawskiego odkryli…*

'The researchers_MPers from the University of Warsaw have discovered_MPerspl…'

If the audience has no previous knowledge of the actual composition of the group, they will interpret the relevant forms as referring to a group of all-male researchers.

3. The feminatives debate

To counteract such backgrounding of women in all societal roles one version of inclusive language introduces feminatives, i.e. feminine nouns derived, mainly through suffixation, from masculine ones, e.g. *studentka* 'student_F', < *student* 'student_MPers', as in (5), (6) and (9).

There are few constraints on such derivation, though some forms may involve complex and sometimes even novel consonant clusters, e.g. *adiunktka*_F 'woman associate professor' < *adiunkt*_MPers 'associate professor', or *chirurżka*_F 'woman surgeon' < *chirurg*_MPers 'surgeon'. These consonant clusters are invoked as language-internal argument against their formation and use. Other feminatives have been challenged on the ground of being homonymous with non-personal feminine nouns, e.g. *pilotka*_F '1. woman pilot; 2. aviator hat'. This criticism can be easily countered by numerous examples of homonymy between masculine personal nouns and non personal nouns, e.g. *pilot* '1. aviator 2 'remote control device' or between feminine nouns, e.g. *marynarka* '1. navy; 2. suit coat', Although initially put forward as an argument against feminatives, this criticism is gradually disappearing. However, there is is a tendency to avoid homonymy with traditional personal feminine nouns, e.g. *sekretarzyni* 'woman secretary, e.g. of a board' (not yet included in Polish language dictionaries) vs. *sekretarka* 'woman office worker'.

Societally speaking, only some speakers of Polish accept feminatives unconditionally. The reasons are multiple, including linguistic resistance to innovation and defense of traditional forms, associating inclusive language with leftist politics and deeming the new usage unnecessarily verbose (we will come to that issue later). There are however, two sets of reasons that are worth addressing. One is that feminine counterparts of masculine personal nouns are considered less prestigious by traditional speakers. Since they have been used in colloquial registers, they are perceived as potential marks of disrespect. In the same vein, since most feminatives are derived through suffixes that are homonymous with diminutive suffixes, it is argued

that their use would somehow diminish women thus addressed or described. Yet, advocates of feminatives argue that there is no language-internal reason why feminatives should be seen as less prestigious, unless the underlying motive is the notion of women's inferiority in professional settings[2]. Nevertheless, to avoid association with diminutives and colloquial register another derivational pattern is proposed, applicable to Latinate words denoting posts of prestige, in which a feminine ending is added to the masculine noun, e.g. *dziekana* 'woman dean' < *dziekan* 'dean', instead of *dziekanka*; *ministra* 'woman minister' < *minister*, instead of *ministerka*. However, the pattern is not applied to substitute well entrenched suffixal feminatives in other words indirectly borrowed from Latin: as far as we know nobody is arguing for **studenta*, **adiunkta*, **chirurga* or **pilota*.

Yet another often invoked argument against the use of suffix-bearing feminatives, and possibly those paradigmatically derived inflected feminine nouns of the kind *ministra* is that Polish does have specific nouns that refer specifically to women. They take feminine agreement and differ from their masculine counterparts by being uninflected for number and case, e.g.

(11) *(nasza) profesor powiedziała*
'(our_F) professor_FInv said_F'

referring to a specific person, discursively identifiable to both speaker and the audience. In academic grammars of Polish such forms are considered feminine. Yet such instances of gender resolution concern mainly nouns used predominantly in titles and forms of address, usually accompanied by prefixes *pan* 'mr' for men and *pani* 'ms' for women. Non-titular nouns hardly accept this gender resolution strategy, for example the noun *językoznawca* 'linguist' does not. Thus neither:

(12) **Językoznawca powiedziała*
'the linguist_FInv said_F'

nor

(13) **Pani językoznawca powiedziała*
'Ms linguist_FInv said_F'

would be acceptable.

In addition, they cannot be used non-referentially

(14) **Od kandydat na to stanowisko oczekuje się…*
'the candidate_FInv for the post is expected to…'[3]

Yet in spite of numerous recommendations for inclusive language in academic and professional setting and its increasing, albeit slowly, use, the model *pani* with the uninflected noun and not the feminative derivative is the default form of address and reference towards a particular person.

In the Corpus of Contemporary Polish (Marciniak et al. 2023, Kieraś et al. 2024), the most up-to-date collection of Polish texts from 2010-2020[4], within the balanced corpus, the most frequently used strings are:

[2] There are numerous reports confirming all types of gender gaps in professional settings.

[3] In (14) the noun *kandydat* is not in the subject position, and the verb is impersonal, so there is no participle that would require gender agreement. The syntax of (14) is similar to Spanish: *Del candidato se espera…*

[4] The Corpus contains over 100 million words from journalistic, fictional and non-fictional texts and reflects lexical changes that have occurred only recently. For example, it contains a larger number of feminatives in comparison to National Corpus of Polish (nkjp).

(15) *pani doktor* 'Ms doctor'
pani psycholog 'Ms psychologist'
pani profesor 'Ms professor'
pani minister 'Ms minister'
pani premier 'Ms prime minister
pani dyrektor, 'Ms director'
pani magister 'Ms master'
pani prezydent 'Ms president (of a country)'
pani pastor 'Ms pastor'
pani prokurator Ms procurator'
pani poseł 'Ms member of Parlament
pani redaktor 'Ms editor'
pani konsul 'Ms consul'
pani pedagog 'Ms pedagogue'
pani prezes 'Ms president (of a company)'

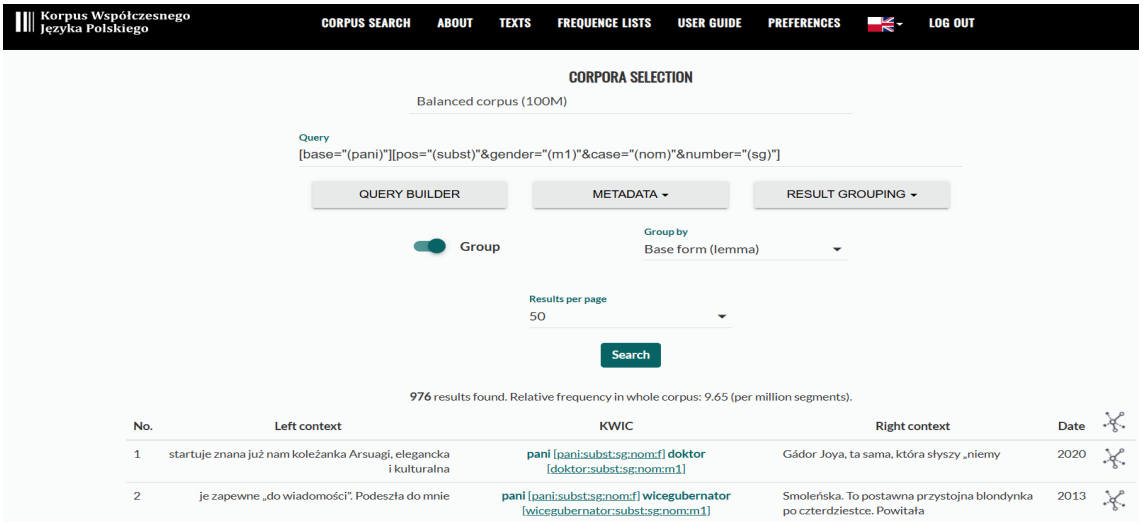

Figure 1. Corpus query for the string pani + masculine noun.

Most of them are in fact titles, used either as forms of address or forms of reference to a particular professional woman. All the nouns featured in them denote important functions and roles and confer an important status to the person thus denoted. In this group the collocation *pani pastor* is particularly noteworthy, because till a few years ago women could not be ministers in protestant churches. While psychologist and pedagogue are not professional titles, and they would not be used as forms of address they are standard forms of reference when talking to a schoolchild about the counselor in question. *Pani magister* is used as a form of address or reference to woman M.A holder in the academia and traditional courteous form to refer to or address a woman pharmacist, to show that the customer is aware that they are not being served by any shop assistant but by an M.A holder in pharmacy.

It is true that the issue of adequate representation of women started several decades ago within the academia, yet this body remains rather conservative in its linguistic usage, and *pani profesor* remains a default form of address and reference.

Since one of the arguments against the use of feminatives is that they are modern leftist innovations that violate norms of Polish usage, their proponents rightly argue that they are not modern innovations at all. Just the opposite, they claim that they were in general use between WWI and WWII and their decline, and the growing usage of uninflected forms morphologically unmarked for feminine gender has occurred during the communist era (Małocha-Krupa 2018). This argument is supposed to provide feminatives with historical grounding and prestige, and appeal to right-wingers' retrotopic[5] vision of the Second Republic, i.e. Poland in the interwar period. While it is true that derived feminatives were used more often that they are today, but in fact they competed with constructions of the kind *pani profesor*.

Besides the controversy surrounding feminatives in titular usage, their referential usage, discussed previously, is not unproblematic in terms of grammar. Splitting constructions, i.e. coordinate constructions featuring both feminine and masculine nouns, e.g. *studenci i studentki* (as in '5'), while make women more visible in this particular phrase, nevertheless in standard Polish would require masculine forms of verbs and coreferential pronouns or relativizers. e.g.

(16) *studenci i studenki zgłosili się na egzamin,*
'(male) students_MPers and female students_F presented_MPerspl [themselves] for the exam'

(17) *studenci i studentki, którzy zgłosili się na egzamin, …*
'(male) students_MPers and female students_F who_MPerspl presented_MPerspl [themselves] for the exam'…

As opposed to

(18) *studentki, które zgłosiły się na egzamin …*
'female students_F who_NMPerspl presented_NMPerspl [themselves]for the exam …'

To make things even more complex, the recommended usage concerning adjectival modifiers consists of repeating the adjective in a form agreeing with each of the nouns, e.g.

(19) *zagraniczne studentki i zagraniczni studenci.*
'foreign_NMPerspl students_F and foreign_MPerspl students_MPerspl'

However one plays with the order of the two nouns, omitting one of the adjectives would mean that one gender group was foreign and the other – not.[6]

In addition, consistent splitting technique, e.g.

(20) *Studenci lub studentki, którzy lub które zgłosili się lub zgłosiły się …*
'(male) students_MPers or female studentsF_ who_MPerspl or who_NMPerspl presented_MPerspl or presented_NMPerspl [themselves] for the exam…'

is awkward, and makes the texts harder to read, even if it was deemed acceptable (Linde-Usiekniewicz, Łaziński 2022: 803).

Interestingly, it should be noted that the *Polki i Polacy* 'Polish women and Polish men' almost obligatory today in the speeches of politicians of both right and left wing, appeared in Polish only after 2000, as attested by both corpora.

[5] The term retrotopia is taken from Zygmunt Bauman's (2018) book, *Retrotopia. Jak rządzi nami przeszłość*.

[6] Here Polish radically differs from for example Spanish, for which if the order is right, e.g. *Los estudiantes y las estudiantes estranjeros* … there is no ambiguity.

4. Exclusionary impact of feminatives.

Yet another criticism of gender inclusive linguistic strategy using feminatives comes from non-binary persons, who rightly claim that splitting constructions, by being binary par excellence, are not inclusive, but exclusive and possibly discriminatory.

In particular, in the last few years the interest in strategies of referring to non-binary persons has grown. Initially, a collective of self-advocates and their allies, calling themselves *Rada Języka Neutralnego*[7] 'Neutral Language Council' which promotes a truly gender-neutral language posted the following mission statement on its site *zaimki.pl* '*pronouns.pl*':

> Nasza misja
> Walczymy o wolność, szacunek i inkluzywność w języku.
> Wolność – by każde mogło używać wobec siebie takich zaimków i innych form, jakie uważa, że najlepiej je opisują.
> Szacunek – by formy używane przez inne osoby były respektowane.
> Inkluzywność– by mówiąc o osobie nieznanej lub o grupie osób, nie zakładać ich płci i nie wykluczać. (zaimki.pl)
> [Our mission:
> We fight for freedom, respect and inclusivity in language.
> Freedom – so that everyone can use for themselves whatever pronouns they feel describe them best.
> Respect – so that other people's pronouns are respected.
> Inclusivity – so that when we're referring to a person we don't know or a group of people, we don't assume their gender and don't exclude them for any reason.][8]

While the English version uses the singular *they*, the Polish text in fact uses the neutral gender for the pronoun meaning 'everyone" – *każde* and the verb is inflected accordingly *mogło*_N. This generic usage of *każde* is quite novel in Polish. Traditionally it is used anaphorically for referents making up a group of persons of different genders.

(21) *Przyszła para: kobieta i mężczyzna. Każde z nich…*
A couple_F came_F: a man and a woman. Each_N of them.

It should be borne in mind that neuter gender forms are used in traditional Polish for the few grammatically neutral personal nouns, e.g. dz*iecko* '*c*hild', dz*iewczę* '*g*irl', chł*opię* '*b*oy' but they are used in the third person only. In literary texts anthropomorphised entities denoted by neutral nouns, e.g. *słońce* 'sun' may refer to themselves in the neuter form, e.g. in a quote from Sienkiewicz the sun says *byłom* 'I was_N.

5. The quest for fully gender-inclusive language

In spite of the term *pronouns*, featured in the mission statement quoted above, the issue here is not just appropriate pronouns, but appropriate gender forms for all grammatical persons. (The word *zaimki* 'pronouns'is used in Polish gender-inclusive discourse as an umbrella term for non-binary language). And there are several important issues raised. One is the right to use chosen gendered or genderless forms when referring to oneself (i.e. in first-person forms). The second is having this usage respected by interlocutors,

[7] The name alludes to an officially recognized body *Rada Języka Polskiego* 'Polish Language Council, which operates under the aegis of the Praesidium of Polish Academy of Science in advisory capacity, yet some of their rulings, e.g. those concerning spelling are officially binding.

[8] The translation comes from the English language version of the site.

who are expected to use the same gender or genderless forms in the second person. And third, using not only appropriate pronouns and gender forms, when referring to a particular person who considers themself beyond the masculine/feminine binary, but also using gender neutral nouns both when talking about a particular person and in more complex referential and even non-referential contexts.

Interestingly, the linguistic community has been more involved in the nominal part of the question, e.g. Jaworska (2020), Gębka-Wolak (2022), Walkiewicz (2022), Dyszak (2024), Wiśniewski, Kaproń-Charzyńka (2024). This is not surprising, because it is the nominal part of the Collective proposal that involves linguistic innovations, some of them going beyond the potentialities offered by the language system; by contrast, the use of neutral forms for parts-of-speech that are inflected for gender does not affect the system as such, but only the usage (see Walkiewicz 2022 for overview)

Among the lexical solutions only one corresponds to an innovative use of preexisting patterns and involves a partially innovative use of the noun *osoba* 'person – hence the name *osobatywy* 'personatives' coined for this strategy. First, it proposes both using the word *osoba* 'person' as a generic noun referring to people, not only referentially but also addressatively, e.g.

(22) *Drogie Osoby!* (Jaworska 2020: 75).
'Dear Persons!'

Secondly, since Polish indefinite pronouns are grammatically masculine, *osoba* is also used as in a pronoun-like way, instead of more traditional *ktoś* 'someone_MPers', e.g.

(23) *Gdy osoba informuje Cię o swojej tożsamości.* (Jaworska 2020: 79)
'When a person informs you about their[9] identity'

And thirdly, it is recommended to use the word osoba modified by an adjective, e.g.

(24) (a) *osoba studencka*
'a student person'

(b) *osoba studiująca*
'a studying person'.

It is generally recognized that constructions with *osoba* plus modifiers have been for a long time in the history of Polish (Jaworska 2020: 40; Walkiewicz 2022: 94). What is novel is that the adjective used in (25a) is a relational adjective, derived from a personal noun, *student*, which gives (25a) and similar constructions a highly pleonastic flavor (Dyszak 2024, Linde-Usiekniewicz in print). This may be the reason why some users of Polish tend to avoid it and prefer to use the (25b) version instead (Dyszak 2025: 35). Be it as it may, in addition, there is an observable vacillation as to the actual sense of *osobatywy* in terms of their semantic gender (the grammatical gender is obvious, since the noun *osoba* is feminine). In both (22) and (23) it is used as a semantic neutrative, referring to people irrespectively of their gender, and by the same token, rendering women less visible, as a generic masculine would do. Therefore, *osobatywy* are also used in coordinate strings, with masculine nouns and feminatives, e.g.

(25) *My, niżej podpisane studentki, studenci oraz osoby studiujące filologię polską na Wydziale Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego* (Jaworska 2020: 77)
'We, hereby undersigned, students_MPers, students_MF and persons studying Polish Philology at the Faculty of Polish of University of Warsaw.

In such string *osobatywy* are understood to refer to persons outside the feminine/masculine binary.

[9] The reflexive *swój* agrees with its head, and not the possessor, as happens in the English translation.

There is a significant structural overlap between *osobatywy* and the Polish language-specific rendition of the Person First language Linde-Usiekniewicz (2025) and literature cited therein, which has been recognized by Burkacka (2024) and by Kołodziejek (2022). Interestingly, this similarity sheds light on the difference between *osobatywy* with relational nouns derived from personal nouns as in (25a) and *osobatywy* with gerunds, as in (25b). While the former might be tautological, the latter tend to de-essentialize the feature their describe (Linde-Usiekniewicz, in print).

Interestingly, while different formations with the noun *osoba* and a following modifier are well attested in the corpus of contemporary Polish, true *osobatywy* are not. The query for a string consisting of the lemma *osoba* and an adjective found no hit, the closest to the issue being *osoba niebinarna* 'a non-binary person'. Yet, among the most frequent strings some instances of inclusive Person First language could be found, e.g. *osoba homoseksualna* 'a homesexual person', *osoba czarnoskóra* 'a black-skinned person'.

The second nominal solution initially followed a pre-existing derivative pattern and relied on the use of suffix *-ę*, present in the examples *dziewczę* 'girl' and *chłopię* 'boy' quoted above. The suffix is not very productive and is not generally used to form nouns for young human being, but appears in words for young animals, e.g. *szczenię* 'pup', *pisklę* 'chick', *jagnię* 'lamb', *cielę* 'calf', or as a suffix on nouns derived from the names of species, also referring to their young, e.g. *orlę* 'young eagle', *koźlę* 'young goat'. The proposal thus consisted in applying this suffix to masculine nouns, e.g. *studencię*. Yet it was soon discarded, since the suffix is associated with young beings and by the same token was seen as diminishing people the nouns would refer to. The argument is much more convincing than a similar one raised for feminatives (see above). In addition, the declension of nouns in *-ę* is quite complex. The new pseudo-derivative strategy consists in conjoining parts of feminine or masculine nouns and final strings found in other neuter nouns, as is done in formal blendings. Thus we get *autorze* (possibly from *autor(ka)* or from discarded *autorzę*, and *morze* 'sea'. Other possible final strings are *-ko*, *-cie*, and a Latinate *-um*. Thus instead of *studencię* we would now get: *studencie*, *studentko* and *studentum*. What may be confusing here is that for some of such formation the nominative is homonymous with e.g. vocative of either masculine or feminine noun, as is the case with *studencie* and *studentko*.

The third strategy involves a complex use of different kinds of placeholders and typographical devices, including brackets, slashes, hyphens and underscore, and can appear only in writing. The most comprehensive proposal (Wróblewska et al., 2025) uses the so-called *inclusive asterisk* to mark the boundary between the string of characters shared by all forms and a sequence of possible final strings of characters, representing masculine and feminine and potentially neutrative word forms, divided by slashes, e.g. *urzędni*k/czka/cze*. (Wróblewska et al., 2025: 103). This strategy can be applied to all words inflected for gender, thus eliminating the issue illustrated in examples (16), (17) and (20).

The fourth strategy, while speech friendly, involves creating forms non-existent in standard Polish morphology. Within this strategy one solution is that of replacing gender-indicating endings with an x, however, the x-forms, called *iksatives*, do not inflect for case, which makes their actual use rather unwieldy. Another speech-friendly solution consists in using a series of special inflectional endings based on -u-, which extends the schema first adopted in a novel by Jacek Dukaj *Perfecyjna niedoskonałość* (Perfect Imperfection) for inflexion, called *dukaizms*, for word-formation as well. The resulting nominal are called *dukatives*, e.g.

(26) *Tu studentu powiedzału*

'This_Duk student_Duk said_Past_tense_Duk'

Again, it is not clear how both lexical dukatives and inflectional dukaizms would work in non-subject positions.

6. Conclusions

It is generally recognized that languages are more resistant to grammatical changes than to lexical ones. Yet, language users tend to proffer judgments about acceptability of new lexemes, reinstation of less frequent ones, and less so on grammar itself.

In Poland the recommendations concerning gender-inclusive language meet with opposition from more traditionally minded users. In some cases, their arguments are intra-linguistic, even if invalid. This is the case of the danger of homonymy between feminatives and feminative non-animate nouns, difficult consonant clusters in the case of suffixally derived feminatives, e.g. *chirurżka*, introduction of a new pattern in the case of paradigmatically derived feminatives of the kind *ministra* and – last but not least, the existence of the invariable feminine nouns derived from masculine through yet another paradigmatic derivation. Another argument is that that the use of feminatives is unnecessary, because masculine nouns have generic reading, which is well established within the linguistic norm. This is particularly valid in legal contexts, as the body of legislative texts uses almost exclusively the generic masculine. It is argued that if feminatives are used in formal documents, they would be invalid due to inconsistencies with legal terms of superior level laws.

An underlying reason, only sometimes explicitly presented is that the proposed usage changes result of Western influence, introduced by leftist movements and based on leftist ideologies.

On the other side of the argument there are two sets of sociolinguistic values that are difficult to address simultaneously: increasing the visibility of women and limiting their linguistic exclusion via the use of feminatives results in a style that is exclusionary to non-binary persons.

As opposed to spurious pseudo linguistic arguments mentioned above, it should be recognized that Polish rules of grammatical gender, and particularly, rules of gender agreement make for really gender-inclusive utterances being unwieldy and possibly unnecessarily pedantic.

Yet, since the feminatives debate has a much longer tradition within the Polish society, and by the same token, feminatives have become more entrenched in all kinds of discourses, more academic and professional bodies recognize the need for their use and formulate their guidelines accordingly. In contrast, the quest of non-binary and other queer identities is for their linguistic recognition is a newer phenomenon, and the usage, even among those users of Polish who advocate gender inclusive language is not uniform, nor is the generally accepted norm.

There is yet another paradox involved in the relation between the two strands of gender-inclusive language. Although they may be mutually exclusive, the feminatives need to become generally accepted before they yield place to gender neutral inclusive language, as has happened for example in German and Czech, though the inclusive-language solutions adopted for German differ from those that may become generalized in Polish.

Bibliography

Bauman, Z. (2018). *Retropia. Jak rządzi nami przeszłość*. Wydawnictwo Naukowe PWN.

Bojarska, K. (2011). Wpływ androcentrycznych i inkluzywnych płciowo konstrukcji językowych na skojarzenia z płcią. *Studia Psychologiczne*, *49*(2), 53-68.

Burkacka, I. (2024). O osobach i osobatywach, czyli o atrakcyjności rzeczownika osoba. In G. Tomaszewska, D. Szczukowski & M. Szoska (Eds.), *Kultura solidarności w przestrzeni edukacyjnej. Tom I. W poszukiwaniu pierwszego języka* (pp. 151-166). Wydawnictwa Uniwersytetu Gdańskiego.

Council of Europe. (2024). *Guidelines for the use of language as a driver of inclusivity*. https://rm.coe.int/guidelines-for-the-use-of-language-as-a-driver-of-inclusivity/1680aec235

Dyszak, A. (2024). Formy męsko- i żeńskoosobowe a niebinarni użytkownicy polszczyzny. U źródeł nowych zjawisk leksykalno-gramatycznych we współczesnym języku polskim. *Język Polski*, *104*, 32-47. https://doi.org/10.31286/JP.00965

Gębka-Wolak, M. (2022). Językowe wykładniki niebinarności płci w polszczyźnie. Część 2: Innowacje a system i tendencje rozwojowe. *Prace Językoznawcze*, *24*(1), 101-116.

Jaworska, J. (2020). Rozszerzenie znaczenia leksemu osoba jako przykład nowego typu językowej zmiany semantycznej. In M. Megger, M. Miłosz & A. Orzechowicz (Eds.), *Dialogi i monologi* (pp. 71-82). Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Kieraś, W., Marciniak, M., Łaziński, M., Woliński, M., Bojałkowska, K., Eźlakowski, W., Kobyliński, Ł., Komosińska, D., Rudolf, M., Tomaszewska, A., Wołoszyn, J., & Zawadzka-Paluektau, N. (2024). *Korpus Współczesnego Języka Polskiego. Dekada 2011-2020*. Język Polski. https://jezyk-polski.pl/index.php/jp/article/view/1062

Kołodziejek, E. (2022). Normatywne aspekty komunikacji inkluzywnej. *Studia Językoznawcze*, *21*, 23-34. https://doi.org/10.18276/sj.2022.21-02

Linde-Usiekniewicz, J. (2025). Osoba niepełnosprawna czy osoba z niepełnosprawnością? Konsekwencje niejawnej polisemii. *Język Polski*, *105*(1), 67-79.

Linde-Usiekniewicz, J. (in press). *Kłopotliwość osobatywów – próba diagnozy*.

Linde-Usiekniewicz, J., & Łaziński, M. (2022). Język niedyskryminujący. In M. Bańko (Ed.), *Polszczyzna na co dzień* (3.ª ed., pp. 785-814). Wydawnictwo Naukowe PWN.

Linde-Usiekniewicz, J., & Michalak, D. (2021). Ty jako wartość w debacie o słowie Murzyn. *Biuletyn PTJ*, *77*, 123-138.

Łaziński, M. (2023). Feminatywy oraz inne spory o słowa. Próba diagnozy i propozycje pozytywne. *Socjolingwistyka*, *37*, 345-368.

Małocha-Krupa, A. (2018). *Feminatywum w uwikłaniach językowo-kulturowych*. Oficyna Wydawnicza ATUT – Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe.

Maryns, K., & Blommaert, J. (2002). Pretextuality and Pretextual Gaps: On De/Refining Linguistic Inequality. *Pragmatics*, *12*(1), 11-30. https://doi.org/10.1075/prag.12.1.02mar

Marciniak, M., Kieraś, W., Bojałkowska, K., Borkowski, P., Borys, M., Eźlakowski, W., Guz, W., Kobyliński, Ł., Komosińska, D., Krasnowska-Kieraś, K., Łaziński, M., Miernecka, M., Nitoń, B., Ogrodniczuk, M., Rudolf, M., Tomaszewska, A., Woliński, M., Wołoszyn, J., Wójtowicz, B., Wróblewska, A., & Zawadzka-Paluektau, N. (2023). *Korpus Współczesnego Języka Polskiego*. Instytut Podstaw Informatyki PAN. https://kwjp.pl

Michalak, D., & Linde-Usiekniewicz, J. (2022). Argumenty w debacie o słowie na M. jako przejaw ideologii językowych. *Socjolingwistyka*, *36*, 29-45.

Silverstein, M. (1979). Language Structure and Linguistic Ideology. In P. R. Clyne, W. F. Hanks, & C. L. Hofbauer (Eds.) *The elements: A parasession on linguistic units and levels* (193-247). Chicago Linguistic Society, University of Chicago.

Szpyra-Kozłowska, J. (2012). «Omów problem z kolegą». Percepcja form męskoosobowych przez dzieci w wieku 8-13 lat. In M. Karwatowska & J. Szpyra-Kozłowska (Eds). *Oblicza płci. Język – kultura – edukacja* (139-150). Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Szpyra-Kozłowska, J. (2021). O językowej nierówności płci i jej konsekwencjach. Polemika z tezami artykułu Ignacego Nasalskiego pt. Funkcje i dysfunkcje języka inkluzywnego, ze szczególnym uwzględnieniem asymetrii rodzajowej w języku polskim. *Socjolingwistyka*, 35, 413-430.

Walkiewicz, A. (2022). Językowe wykładniki niebinarności płci w polszczyźnie. Część 1: Wprowadzenie do problematyki i próba systematyzacji. *Prace Językoznawcze*, 24, 85-100.

Wiśniewski, M. & Kaproń-Charzyńska, I. (2024). Morfologia współczesnego języka polskiego. Zagadnienia ogólne. *Słowotwórstwo*. Wydawnictwo UAM.

Wróblewska, A., Lewandowska, M., Tomaszewska, A., Saputa, K., Ogrodniczuk, M. (2025). Koncepcja form równościowych z asteryskiem inkluzywnym. *Język Polski*, 105(2), 97-117.

MITYCZNE KOSOWO BRANISLAVA NUŠICIA: DZIENNIK JAKO ŚWIADECTWO KULTUROWE

Dorota Magda
University of Lodz, Poland

1. Wstęp

Przełom XIX i XX wieku to okres gwałtownych przemian społeczno-politycznych na Półwyspie Bałkańskim. Trwająca blisko pięć wieków osmańska okupacja i upadek imperium oraz austrowęgierska ekspansja w kierunku południowym przyczyniły się do narodzin i połączenia się nacjonalizmów narodów bałkańskich oraz nasilenia ruchów narodowo-wyzwoleńczych w regionie. Wydarzenia te odcisnęły swoje piętno na świadomości kulturowej oraz narodowej samoidentyfikacji Słowian południowych, a w efekcie na wszystkich formach sztuki tworzonej przez człowieka, w tym na literaturze.

XIX wiek to również okres dynamicznego rozwoju nauki, w tym humanistyki, literatury podróżniczej oraz turystyki w dzisiejszym jej rozumieniu. Romantyczna fascynacja człowiekiem, przyrodą, folklorem i wolnością, realizowana na drodze popularnych w tym okresie badań empirycznych, zaprowadziła na Półwysep Bałkański wielu poszukiwaczy przygód. O dużym zainteresowaniu XIX-wiecznego człowieka owianymi tajemnicą europejskimi rubieżami Imperium Osmańskiego świadczy liczba powstałych w tym okresie dzienników podróży pisanych nie tylko przez samych Słowian południowych, ale również przez obywateli innych europejskich państw, zwłaszcza Brytyjczyków[1].

Po Bałkanach podróżowali i o nich pisali nie tylko podróżnicy-literaci, ale również: dyplomaci, których wzmożona w tym okresie aktywność zawodowa wynikała z panujących w tej części Europy gwałtownych przemian politycznych; naukowcy (etnografowie, antropologowie, geografowie, historycy, filologowie) zbierający dane na temat tego pozostającego jeszcze w cieniu nauki obszaru Europy; pracownicy administracji nowopowstałych państw w ramach rządowych programów krzewienia narodowej oświaty i kultury; oraz uczestnicy kolejnych konfliktów zbrojnych przemierzający Półwysep Bałkański w ślad za przesuwającym się po nim frontem. Wiele z tych osób pozostawiło po sobie świadectwa w postaci egodokumentów – dzienników podróży, pamiętników, listów i autobiografii – które stanowią cenne źródło wiedzy o epoce. Analiza tego rodzaju źródeł umożliwia nie tylko poznanie indywidualnych doświadczeń autorów, ale również daje wgląd w mentalność i wyobraźnię ówczesnego społeczeństwa.

Na tle różnorodnych świadectw szczególne miejsce zajmuje twórczość Branislava Nušicia, który – choć zapisał się w historii przede wszystkim jako wybitny serbski komediopisarz i satyryk – w swoich mniej znanych dziennikach podróży jawi się nie tylko jako uważny obserwator procesów społecznych i politycznych zachodzących na Półwyspie Bałkańskim na przełomie wieków, lecz także jako etnograf i folk-

[1] Z twórczości brytyjskiej na szczególną uwagę zasługują dzienniki podróży Georginy Muir Mackenzie (1877), Pauliny Irby (1877), Mary Edith Durham (1904) oraz Rebecci West (1941). O Bałkanach w tym czasie pisali również Austriacy (Johann Georg von Hahn, 1867), Rosjanie (Alexander Hilferding, 1859; Ivan Stepanovich Yastrebov, 1904) oraz Francuzi (Ami Boué, 1836-1838). Wspomniane dzieła stanowią dziś cenne źródło informacji na temat tego, jak Bałkany z końca XIX i początku XX wieku były postrzegane okiem zachodnich podróżników (Suvajdžić, 2021: 85).

lorysta-amator. Celem niniejszej pracy jest ukazanie, w jaki sposób proza podróżnicza Branislava Nušicia dokumentuje i reinterpretuję mit kosowski – jeden z kluczowych fundamentów serbskiej tożsamości narodowej – oraz w jaki sposób wpisuje się w ogólną charakterystykę literatury podróżniczej, pełniąc funkcje kulturotwórcze w kontekście XIX-wiecznej świadomości narodowej.

2. Mit kosowski – geneza i ewolucja

Narodziny ideologii nacjonalizmu, a wraz z nią silnej potrzeby wykształcenia nowych tożsamości narodowych, uczyniły XIX-wieczną południową Słowiańszczyznę podatnym gruntem dla rozwoju mitologii narodowych. Jednym z najlepiej opisanych w literaturze naukowej mitów tego obszaru jest mit kosowski (srp. *kosovski zavet*), wywodzący się z historii bitwy na Kosowym Polu z 1389 r., w której Serbowie – wraz ze sprzymierzonymi oddziałami innych ludów bałkańskich – próbowali powstrzymać ekspansję Turków Osmańskich. Choć starcie zakończyło się klęską, w serbskiej świadomości zbiorowej utrwaliło się jako duchowe zwycięstwo, wyraz przekonania, że Serbowie – naród wybrany – poświęcili się w imię królestwa niebieskiego (Rekść, 2013: 301).

W opowieści kosowskiej główni bohaterowie przyjmują role archetypiczne. Książę Lazar, dowódca wojsk serbskich, któremu tradycja przypisała tytuł cara, i który bohatersko ginie na polu bitwy, jawi się jako męczennik i uosobienie Chrystusa. Miloš Obilić, postać o niepotwierdzonym historycznym istnieniu, zabijając sułtana Murada staje się symbolem rycerza-ofiarnika, wiernego władcy i narodowi, gotowego oddać życie za wspólnotę. Z kolei Vuk Branković, zięć księcia Lazara, otrzymuje rolę zdrajcy i serbskiego Judasza. W ten sposób mit kosowski ukształtował się jako święta opowieść o zdradzie i wierności, o ofierze i męczeństwie, a jego struktura nadała mu niezwykłą siłę mobilizacyjną, czyniąc go jednym z fundamentów serbskiej tożsamości narodowej (Skorczewski, 2013: 288).

Serbski antropolog Ivan Čolović (2019) wyróżnia dwie zasadnicze fazy funkcjonowania mitu kosowskiego: pierwotną – sprzed XIX w. – oraz późniejszą, ukształtowaną w epoce nacjonalizmu. W początkowym ujęciu miał przede wszystkim wymiar duchowy: Lazar wybiera «królestwo niebieskie» zamiast «ziemskiego», co czyni z niego zbawiciela, a z całego narodu – wspólnotę męczenników. Militarna klęska zostaje odczytana jako zwycięstwo duchowe, a tożsamość narodowa budowana jest na mesjanistycznym przekonaniu o boskiej misji realizowanej poprzez cierpienie i ofiarę. Dopiero w XIX wieku mit ten nabrał znaczenia politycznego: dawne pieśni podporządkowano narracji narodowej, a bitwę zaczęto odczytywać jako historyczną krzywdę domagającą się zadośćuczynienia. W warunkach niepodległej Serbii i osmańskiego panowania nad Kosowem mit posłużył legitymizacji roszczeń terytorialnych, zaś *Vidovdan* stał się symbolem nie tylko heroizmu i duchowego triumfu, lecz także odwetu (Čolović, 2019: 18-21).

Wraz z upolitycznieniem mitu jego pierwotna wieloznaczność ulegała stopniowej redukcji. Z żywej opowieści o cierpieniu i odrodzeniu przekształcał się on w narzędzie propagandy, skodyfikowane w postaci ideologicznych stereotypów. Čolović postrzega tę tradycję nie tylko jako narrację historyczną czy religijną, lecz przede wszystkim jako instrument polityczny i element «polityki symboli»[2]. W jego ujęciu mit kosowski pełni równocześnie kilka funkcji: mitu założycielskiego, który wyznacza początek wspólnoty i jej dziejową misję; mitu ofiary i męczeństwa, w którym Serbowie jawią się

[2] Jest to pojęcie ukute przez Ivana Čolovicia w jego zbiorze esejów o antropologii politycznej, głównie w kontekście konfliktów etniczno-narodowych, które doprowadziły do rozpadu Jugosławii, pt. *Polityka symboli. Eseje o antropologii politycznej* (1997). Odnosi się ono do politycznego wymiaru symboliki wykorzystywanej w nacjonalistycznej propagandzie (Stankowicz, 2002: 180).

jako naród wybrany, poświęcający się w imię królestwa niebieskiego; mitu politycznego, mobilizującego w teraźniejszości i legitymizującego roszczenia wobec Kosowa; oraz mitu dynamicznego, stale reinterpretowanego zgodnie z potrzebami kolejnych epok – od romantyzmu XIX wieku, przez narracje jugosłowiańskie, aż po konflikty lat dziewięćdziesiątych (Čolović, 2019: 11).

Współcześnie Kosowo funkcjonuje przede wszystkim jako przestrzeń symboliczna, bardziej duchowa niż historyczna. Mit kosowski, choć nadal obecny w serbskim dyskursie publicznym, coraz częściej sprowadzany jest do prostych haseł i sloganów, które tracą związek z jego pierwotnym podłożem kulturowym. Z żywej opowieści o duchowym zwycięstwie i narodowej tożsamości przekształcił się w polityczną kliszę, która zamiast jednoczyć, staje się źródłem podziałów (Čolović, 2019: 21).

3. Serbskie dzienniki podróży jako świadectwo epoki

Silne zakorzenienie mitu kosowskiego w serbskiej świadomości zbiorowej oraz jego ewolucja od duchowej opowieści do narzędzia nacjonalistycznej mobilizacji sprawiły, że stał się on nie tylko motywem literackim, lecz także punktem odniesienia dla różnych form narracji kulturowej – w tym dla literatury podróżniczej. Serbskie dzienniki podróży z przełomu XIX i XX wieku stanowią wyjątkowe świadectwo epoki, w której kształtowała się nowoczesna tożsamość narodowa. Jak zauważa Peković, charakterystyczną cechą tego gatunku była wyraźna obecność w nich treści politycznych i narodowych. Jako forma literacka dzienniki podróży podlegały silnym wpływom pozaliterackim — politycznym, ekonomicznym i kulturowym (2001: 11). Przyjmując tę perspektywę, można stwierdzić, że teksty te nie ograniczały się do relacjonowania indywidualnych doświadczeń autorów, lecz pełniły również funkcję nośników dominujących dyskursów ideologicznych epoki. Dzienniki podróży powstające na przełomie XIX i XX wieku odzwierciedlały zatem istotne przemiany społeczno-polityczne na Bałkanach oraz proces przenikania i utrwalania ideologii nacjonalistycznych, które kształtowały światopogląd i system wartości ówczesnych społeczeństw.

Serbia spod trwającej niemal pięć wieków osmańskiej okupacji wyzwoliła się w 1878 roku, gdy na Kongresie Berlińskim kończącym rosyjsko-turecką wojnę została uznana jej niepodległość. Nie wszystkie jednak terytoria zamieszkiwane przez naród serbski weszły w skład niepodległego Księstwa Serbii (*Kneževina Srbija*). Tzw. *Stara Serbia*[3], czyli południowe regiony uznawane przez Serbów za serce średniowiecznego państwa serbskiego, pozostały w Imperium Osmańskim aż do zakończenia wojen bałkańskich, czyli do roku 1913 roku, kiedy na mocy postanowień traktatu londyńskiego zostały włączone do Królestwa Serbii (*Kraljevina Srbija*). Do tego czasu Stara Serbia była regionem niedostępnym dla większości społeczeństwa serbskiego (Pavlović, 2009: 131). Podróżowanie po terytoriach Imperium Osmańskiego było nie tylko niebezpieczne, ale często również dla obcego turysty niemożliwe. Powstałe w tym okresie egodokumenty, a zwłaszcza dzienniki podróży oraz listy i wspomnienia spisywane przez serbskich dyplomatów, pracowników oświaty oraz naukowców przebywających na misjach «na południu» stanowiły często jedyne źródło informacji na temat tego regionu i jego mieszkańców (Atanasovski, 2015: 35).

[3] Zmiany na mapie geopolitycznej Bałkanów po Kongresie Berlińskim i powstaniu niepodległego Księstwa Serbii spowodowały, że pojawiła się konieczność stworzenia nowej nazwy geograficznej dla tych obszarów średniowiecznego państwa serbskiego, które nie weszły w jego skład. Wówczas ukuto termin «Stara Serbia», który odnosił się do centralnych, południowych i południowo-wschodnich regionów średniowiecznej Serbii, które w znacznej mierze pokrywały się z terytorium Kosowa i Metochii oraz Macedonii Wardarskiej (Dedijer, 1912: 4).

Przedzielenie terytoriów zamieszkiwanych przez Serbów nową granicą państwową, pozostawienie Kosowa jako kolebki serbskiej państwowości na terytorium Imperium Osmańskiego oraz nasilona islamizacja i przesiedlenia serbskiej ludności w Starej Serbii spowodowały, że w narodzie serbskim zrodziło się nie tylko poczucie krzywdy oraz chęć zemsty, ale również wola walki o «utraconą ojczyznę» podsycana wznieconą w społeczeństwie ideologią nacjonalizmu. Panujące w tym okresie nastroje społeczne nie ominęły serbskich pisarzy-podróżników, którzy choć unikali bezpośrednich deklaracji politycznych czy ideologicznych, nie uciekli od zakorzenionych w zbiorowej świadomości uprzedzeń, które przebijały się w ich twórczości. Peković zauważa, że wolni od uprzedzeń nie byli również czytelnicy, przesiąknięci tym samym duchem epoki, którzy odczytywali dane dzieła przez pryzmat własnych przekonań (2001: 11). W dobie nowych podziałów politycznych oraz rywalizacji narodów bałkańskich o uwolnione spod panowania osmańskiego terytoria serbskie dzienniki podróży stały się «narzędziem do produkcji pretensji terytorialnych serbskiego nacjonalizmu» (Atanasovski, 2015: 35), a ich rolą było nie tylko kształtowanie opinii publicznej i umacnianie serbskiej świadomości narodowej w pierwszych latach niepodległości, ale również wyznaczanie stosunku społeczeństwa do kultury oraz roszczeń innych narodów (Peković, 2006: 184).

O politycznym charakterze ówczesnej literatury podróżniczej świadczy m.in. rozpowszechnione użycie terminu *Stara Serbia*, który implikował historyczną przynależność tych terytoriów do średniowiecznego państwa serbskiego. Potwierdza to tezę, że «jedną z cech kultury europejskiej jest dążenie do podróżowania i zawłaszczania, o czym świadczą m.in. okres imperializmu i kolonializmu (koniec XIX w.)» (*Słownik nowych gatunków i zjawisk literackich*, 2010: 115). W tym przypadku jednak większy sens zdaje się mieć określenie «odzyskanie» niż «zawłaszczenie», ponieważ w ówczesnej (i dzisiejszej również) serbskiej narracji narodowej – utrwalanej m.in. przez literaturę podróżniczą – Kosowo funkcjonowało jako «święta ziemia i kolebka państwa serbskiego» (Perić, 2023: 224).

Stišović-Milovanović twierdzi, że czas historyczny, zwłaszcza w narracjach dotyczących Kosowa, odgrywa istotną rolę w serbskiej literaturze podróżniczej, która akcentuje dwa wymiary podróży: w czasie i w przestrzeni – zarówno przez regiony geograficzne Starej Serbii, jak i przez dzieje narodu serbskiego (2021: 7). Taka perspektywa interpretacyjna, mimo że utwory te powstawały jeszcze przed sformułowaniem koncepcji Michaiła Bachtina, skłania do refleksji nad jego teorią chronotopu, zgodnie z którą czas i przestrzeń w literaturze nie funkcjonują niezależnie, lecz tworzą nierozerwalną całość, kluczową dla struktury i interpretacji dzieła (Ulicka, 2018: 261). Ścisłe powiązanie dzienników podróży po Starej Serbii z historią narodową Serbów, a w konsekwencji także ich upolityczniony charakter, stawia badacza tej literatury przed pytaniem o ich wiarygodność jako źródła historycznego. Szulakiewicz przypisuje formułowany wobec tych tekstów zarzut niewiarygodności nie tylko ich podatności na wpływy polityczne epoki, lecz także zniekształceniom pamięci — selektywnej i kapryśnej, nieuwzględniającej szczegółów — oraz naturalnej dla człowieka skłonności do racjonalizacji doświadczeń i subiektywnego postrzegania rzeczywistości (2013: 70). Warto jednak zauważyć, że to, co jeden badacz uzna za słabość gatunku, dla innego może stanowić jego zaletę. Pojawiające się w tekstach nieścisłości dostarczają bowiem cennego materiału do analizy motywów, poglądów i postawy życiowej autora dokumentu. W związku z tym, choć serbskie dzienniki podróży mają charakter zarówno literacki, jak i dokumentalny, ich analiza pozwala nie tylko na poznanie ówczesnej rzeczywistości historycznej, lecz także na zrozumienie mechanizmów kształtowania tożsamości narodowej i recepcji mitu kosowskiego.

4. Mit kosowski w dziennikach podróży Branislava Nušicia

Jednym z pisarzy-dyplomatów podróżujących po Bałkanach na przełomie XIX i XX wieku był Branislav Nušić (właśc. Alikibijad Nuša, 1864–1938). W historii literatury serbskiej zapisał się przede wszystkim jako wybitny komediopisarz, satyryk i prozaik, znany z ciętego języka i przenikliwych obserwacji społecznych. Znacznie mniej znany pozostaje jego dorobek jako dyplomaty, etnografa i folklorysty. Biografia Nušicia ściśle splata się z dziejami narodu serbskiego: w wieku 21 lat wziął udział w wojnie serbsko-bułgarskiej, a następnie rozpoczął karierę dyplomatyczną. Ostatnią dekadę XIX wieku spędził w Starej Serbii i Macedonii, pełniąc funkcje konsula i wicekonsula w Bitoli, Prisztinie i Skopje. W tym czasie powstały jego najważniejsze, a jednocześnie rzadziej omawiane utwory dokumentalno-podróżnicze: *Kraj obala ohridskog jezera* (1892), *S Kosova na sinje more* (1902) oraz rozprawa etnograficzna *Kosovo – opis zemlje i naroda* (1902) (Nušić, 2022: 233). Dorobek literacki Nušicia z tego okresu bywa oceniany różnie: jedni badacze postrzegają go głównie jako relację podróżniczą, pozbawioną większych ambicji artystycznych, inni natomiast podkreślają jego walory dokumentalne oraz znaczenie geograficzno-etnograficzne dla ówczesnej nauki. Niezależnie od tych rozbieżności, utwory te do dziś stanowią cenny materiał dla folklorystów (Samardžija, 2018: 357).

Mit kosowski w dziennikach podróży Branislava Nušicia nie pojawia się w formie bezpośrednich odniesień do bitwy na Kosowym Polu ani do idei Kosowa jako kolebki państwowości serbskiej. Brak w nich (z jednym wyjątkiem) patosu czy emocjonalnych, patriotycznych odezw. Nušić unika również jednoznacznego zajmowania stanowiska w kwestiach politycznych związanych z Kosowem, a w jego relacjach nie wyczuwa się wrogości wobec Albańczyków zamieszkujących te tereny ani wobec Turków sprawujących tam administrację. Mit kosowski funkcjonuje u Nušicia raczej jako filtr, przez który autor postrzega region i jego mieszkańców – w kategoriach głęboko zakorzenionych kodów kulturowych, wedle których Kosowo jawi się bardziej jako przestrzeń historyczna i symboliczna niż czysto geograficzna.

Przykładem jest utwór *S Kosova na Sinje more*, w którym autor relacjonuje podróż z Prisztiny do Szkodry i dalej ku ujściu rzeki Bojany do Morza Adriatyckiego, odbytą w 1894 roku. Tekst nie ma charakteru klasycznej relacji z podróży, w której przede wszystkim zapisuje się odwiedzone miejsca, spotkanych ludzi i przeżyte chwile, lecz w dużej mierze stanowi geograficzno-etnograficzne studium regionu i jego mieszkańców, pełne rozbudowanych dygresji poświęconych historii, folklorowi i demografii Kosowa (Suvajdžić, 2021: 84). Narracja prowadzona przez Nušicia wiedzie czytelnika nie tylko przez kolejne obszary Kosowa, Metochii i północnej Albanii, lecz także przez dzieje narodu serbskiego, a poetyckie opisy krajobrazu nierzadko przekształcają się w pogłębione refleksje dotyczące historii i obyczajów regionu.

> Ja neću ovde da opisujem samu Nerodimnju i Crkvu Svetog Uroša, pošto sam to već opširnije učinio u zasebnom delu, ali ću pod razvalama njenim, a pod debelim hladom jednoga hrasta, pod kojim smo prostrli ćebad te se sad odmaramo, da pribeležim podatke koji će biti od veće koristi no što bi bio sam opis one lepe i divne prirode koja opkoljava ove razvaline (Nušić, 2022: 20).

Charakterystycznym zabiegiem literackim stosowanym przez Nušicia jest przedstawianie odwiedzanych miejsc w odniesieniu do wydarzeń historycznych z nimi związanych. Autor, opisując swoją podróż przez Kosowo, zabiera czytelnika w symboliczną wędrówkę w czasie – do okresu przedtureckiego, uznawanego za «złoty wiek» dziejów narodu serbskiego, gdy krajem władała dynastia Nemanjiciów. Do-

wodzi to, że serbska egoproza z końca XIX wieku nie była w stanie uciec od głęboko zakorzenionego w świadomości zbiorowej mitu średniowiecznej potęgi. Takie ujęcie wpisuje się nie tylko w ramy literatury podróżniczej epoki, lecz także – jak zauważa Rekść - odzwierciedla ówczesną narrację narodową, według której Kosowo było symbolicznym «sercem Serbii» i «narodową kolebką» – miejscem o szczególnym znaczeniu historycznym, duchowym i kulturowym, które kształtowało świadomość narodową i podkreślało ciągłość dziejów narodu serbskiego (2013: 336). Przykładem jest opis równiny Paunovo Polje:

> Paunovo polje je krasna ravnica, jedan sat široka, a dva i po duga. Zovu ga i Paun-polje, a i Paunovo. Narod tumači ime ovome polju pričom po kojoj su, na tom polju, pasli carski pauni. Ima ih koji hoće da ga protumače i od ličnog imena Paun, tvrdeći da je nekakav Paun bio gospodar toga polja. Kad je kralj Milutin pisao svoju Gračaničku povelju, već je postojalo ime Paun (Nušić, 2022: 20).

Warto zwrócić uwagę na użycie przez Nušicia słów *naród* (w domyśle: serbski) i *cesarski* (w domyśle: związany z dworem Nemanjiciów), a także na odwołanie do króla Milutina i *Gračaničkiej Povelji* – dokumentu, w którym serbski władca ufundował powstanie monasteru w Graczanicy, wymieniając wszystkie przekazane mu na własność majątki. Przechodząc od opisu przestrzeni geograficznej do jej historii oraz wybierając te elementy, które nierozerwalnie łączą się z najświetniejszym okresem dziejów narodu serbskiego, Nušić przedstawia Kosowo jako ziemię odwiecznie serbską, pomijając przy tym kwestie praw ludności albańskiej. W podobnym tonie utrzymany jest również jego opis okolic Uroševaca:

> Zna se da se u nizu istorijskih događaja iz našega najznamenitijega doba pominjuju vrlo često čas Svrčin, a čas Pauni, kao nemanjićki dvorci u kojima su se rešavali važni događaji, tako, na primer, Dušan se proglašava kraljem u Svrčinu, a sa Kantakuzinom ugovara savez u Paunima (Nušić, 2022: 17).

Tym razem Nušić odwołuje się do postaci cara Dušana, za którego panowania średniowieczna Serbia osiągnęła szczyt swojej potęgi politycznej i terytorialnej. W ten sposób autor ponownie płynnie przechodzi od relacji z podróży po Kosowie do symbolicznej podróży w czasie, prowadzącej czytelnika ku «złotemu wiekowi» serbskiej państwowości. Zabieg ten ma ukazać, że choć struktura etniczno-demograficzna regionu zmieniła się na korzyść Albańczyków, to o jego «serbskości» przesądza przede wszystkim historia. Tego rodzaju interpretacja wpisuje się w tezę sformułowaną przez serbskiego muzykologa Srđana Atanasovskiego w pracy *Proizvođenje Stare Srbije: stopama putopisca, tragom folklora*, wedle której mechanizmy zawłaszczania terytoriów spornych w serbskich dziennikach podróży po Kosowie opierały się głównie na narracji historycznej. Odmienny charakter miały natomiast opisy Macedonii, gdzie autorzy koncentrowali się przede wszystkim na analizie języka, zwyczajów i folkloru, które miały wyznaczać granice narodów[4] (Atanasowski, 2015: 36).

[4] W czasie, gdy między Serbami a Albańczykami toczył się spór o przynależność Kosowa, Macedonia stała się areną rywalizacji serbskiej, bułgarskiej i greckiej propagandy narodowej, której celem była ideologiczna indoktrynacja tamtejszego społeczeństwa. Nad Wardarem w szybkim tempie powstawały szkoły, instytucje kulturalne i placówki dyplomatyczne wspomnianych państw, mające szerzyć własny język, kulturę i system oświaty. W rywalizacji tej aktywnie uczestniczyli także Serbowie, którzy – podobnie jak w przypadku Kosowa – odbywali liczne podróże o charakterze «naukowym» do Macedonii, by potwierdzić tezę, że region ten zamieszkują przede wszystkim Serbowie. Powstałe wówczas dzienniki podróży, pisane także przez dyplomatów, urzędników i naukowców, pełniły funkcję narzędzia serbskiej propagandy narodowej, wspierając ideę, że do Serbii powinny należeć terytoria zamieszkane przez ludność serbską (Rekść, 2013: 178). Zjawisko to trafnie opisała w swoim dzienniku podróży brytyjska pisarka Rebecca West: «*«Tako je ova oblast bila preplavljena školamau kojima su učitelji bili ogromni nacionalisti, zbog čega su, uz podršku susednih balkanskih država, preuzeli svoju dužnost sa vrlo neuobičajenim pedagoškim žarom. <...> Zato su i Srbija, i Bugarska, i Grčka otvorile škole čiji je cilj bio stvaranje malih Srba, Bugara ili Grka, od kojih se potom mogli očekivati da podrže prisajedinjenje Makedonije onoj državi koja na njih bude imala najveći uticaj.»* (West, 2017: 349)

Podobną funkcję pełni przytoczony przez Nušicia opis praktyk rozwodowych Serbów z gminy Sirinić. Zgodnie z lokalną tradycją mąż, który chce odejść od żony powinien w obecności dwóch świadków odciąć nożycami kawałek jej fartucha - symboliczny gest, który rozwiązywał związek małżeński. Autor wyjaśnia, że zwyczaj ten swoimi korzeniami sięga czasów Stefana Nemanjicia, który - zastawszy swoją małżonkę Eudoksję w sytuacji kompromitującej - podarł jej szaty i nagą wygnał z królewskiego dworu (Nušić, 2022: 23). W ten sposób Nušić zakorzenia współczesne obyczaje kosowskich Serbów w realiach XII wieku, a więc w epoce uznawanej za fundament serbskiej państwowości. Zabieg ten potwierdza, że mit kosowski u Nušicia przejawia się nie tylko w odwołaniach do potęgi politycznej i militarnej Serbii, ale także w interpretacji codziennych zwyczajów, które stają się dowodami na historyczne pierwszeństwo Serbów w Kosowie. O obecności narodu w regionie nie decyduje więc teraźniejszość demograficzna, lecz pamięć o «złotym wieku» i narracje sięgające średniowiecza.

> Takav običaj kao da je pre dvadeset i trideset godina bio opštiji, jer ga se sećaju stariji ljudi i u Kosovu, i svi tvrde da je to vrlo stari običaj. Kada se zaista potraže primeri daleko unazad, ima sličnih i u samoj istoriji. Nemanjin sin, Prvovenčani, bio je zet imperatora Aleksija Komnina, brata cara Isaka Anđela <…> (Nušić, 2022: 23).

Jak już wcześniej wspomniano za Čoloviciem, mit kosowski uległ zasadniczej transformacji w XIX wieku, gdy na fali przemian geopolitycznych i społecznych na Bałkanach, został upolityczniony i wzbogacony o motyw odwetu oraz wezwanie do walki o odzyskanie utraconej «świętej ziemi». W swojej nowej interpretacji przedstawiał Serbów jako ofiary historii, zmuszone do ciągłej konfrontacji z wrogiem (Čolović, 2019: 21). Zdaniem Atanasovskiego przeformułowanie to wprowadziło do literatury motyw zagrożenia, który stał się jednym z elementów nowej narracji kosowskiej. Badacz zalicza go do zespołu charakterystycznych technik narracyjnych wyróżniających serbskie dzienniki podróży z przełomu XIX i XX wieku na tle gatunku i które pełniły funkcję narzędzi propagandy narodowej, służącej etniczno-narodowemu «zawłaszczaniu» Starej Serbii. Obok motywu zagrożenia wymienia on również prymat wymiaru przestrzeni nad wymiarem czasu, zacieranie istniejących granic politycznych oraz łączenie prozy podróżniczej z tekstami o charakterze naukowym. (2013: 40).

Według Atanasovskiego motyw zagrożenia przyjmuje w tekstach podróżniczych dwojaką postać: z jednej strony jest to bezpośrednie niebezpieczeństwo, które czyha na podróżnika w drodze, z drugiej zaś – poczucie ogólnego zagrożenia wiszącego nad całym narodem serbskim w tym regionie. Oba motywy często się przenikają: opis dramatycznych przygód z podróży staje się pretekstem do refleksji nad niepewnym losem ludności zamieszkującej Kosowo, a nawet nad przyszłością całego serbskiego dziedzictwa kulturowego (Atanasovski, 2013: 46).

Dzienniki Nušicia dobrze ilustrują powyższą tezę. Autor największe zagrożenie dla kosowskich Serbów dostrzegał w islamizacji oraz przymusowych przesiedleniach: «Dva su zla koja su srpski elemenat u Metohiji tako razredila i oslabila; jedan je poturčivanje a drugi raseljavanje.» (Nušić, 2022: 23) O tym ostatnim wspomina również przy okazji opisu Prizrenu: «Prizrenu kao da preti ono opšte zlo koje preti uopšte srpskom naselju u tim srpskim zemljama. I Prizren se, kao sva ostala mesta, raseljava. <...> ali važniji je uzrok u onom opštem zlu, u nasilju i zulumu.» (Nušić, 2022: 46) Tak rozumiany motyw zagrożenia łączy się w twórczości Nušicia z nierozerwalnym dla literatury kosowskiej motywem ofiary, stanowiącym kluczowy element mitu kosowskiego. Nušić wielokrotnie podkreśla w swoich utworach niedolę Serbów w Kosowie oraz ciągłe niebezpieczeństwo, jakie czyhało na nich ze strony Turków, Albańczyków, a także Kościoła ka-

tolickiego i cerkwi greckiej. Takie ujęcie – w interpretacji Rekść - wskazuje, że w narodzie serbskim istniała wówczas silna potrzeba kształtowania wspólnej tożsamości opartej na narracji cierpienia i męczeństwa, której istotnym elementem było także wyobrażenie o przyszłym odrodzeniu narodu jako nieodłącznym składniku ideologii (2023: 306).

Kosowo jawi się zatem w twórczości Nušicia jako przestrzeń, która – mimo zmieniającej się sytuacji geopolitycznej na Bałkanach – pozostaje integralną częścią serbskiej kultury i tradycji. Świadczą o tym nie tylko liczne serbskie toponimy przywoływane w jego dziennikach, lecz także dobór opisywanych miejsc, historii i obyczajów, zawsze powiązanych z wielowiekową obecnością Serbów na tych ziemiach. Nawet w regionach z przewagą ludności albańskiej Nušić odnajduje ślady wskazujące na ich serbskie pochodzenie, sugerując, że współcześni Albańczycy z Kosowa są w istocie zalbanizowanymi Serbami. Tego rodzaju techniki narracyjne, w których przeszłość splata się z teraźniejszością, odwołują się bezpośrednio do mitu kosowskiego i wzmacniają jego trwałość w literaturze podróżniczej.

> Arnauti sirićanski se nisu odavno isturčili. <...> U njima su se još uveliko očuvali tragovi pravoslavlja. Oni pale sveću o Svetom Nikoli i drugim većim praznicimi još i danas. Oni govore već arnautski pa i žene im govore, ali kad se među sobom svađaju i psuje žene a one vele: «Ubila te Sveta Nedelja!». U Svetoj Trojici prizrenskoj, više Mušetišta, u knjizi priložnika zapisani su i stanovnici ovih arnautskih sela i to srpskim imenima (Nušić, 2021: 21).

Autor postrzega islamizację nie tylko jako utratę tożsamości narodowej, lecz także jako degradację samego człowieczeństwa. Ujęcie to koresponduje z wnioskami Pericia, który wskazuje, że dzienniki podróży Nušicia nie stanowią wyłącznie geograficzno-etnograficznego studium Kosowa i jego mieszkańców, lecz są również próbą ponownego opowiedzenia dziejów regionu z perspektywy silnie nacechowanej narodowo i politycznie (2023: 229).

> Sve ostalo, kao što rekoh sam je Arnautin i to sve potomak onih koji su odojeni srpskim mlekom. Iako su prizrenski Arnauti davno isturčeni, nose još pogdekoji srpska prezimena, kao: Izrići, Murići itd., ali ne nose više srpsku dušu u grudima, pa čak ni osećaje prijateljstva u toj duši (Nušić, 2021: 49).

Utwór *S Kosova na Sinje more* utrzymany w przeważającej części w wyważonym, faktograficznym i quasi-naukowym stylu, pozbawionym nadmiernej emocjonalności i literackiego polotu, którego można by oczekiwać od autora o takim dorobku i talencie literackim, kończy się dwustronicową odezwą do Morza Adriatyckiego, nad którego wybrzeże Nušić dociera po długiej i trudnej wędrówce przez Kosowo. Monolog skierowany do morza utrzymany jest w tonie wyraźnie wysoce lirycznym, noszącym znamiona wielkich monologów romantycznych; pojawia się w nim patos i silne emocje, od których autor konsekwentnie powstrzymywał się w swojej dotychczasowej narracji. Styl tej części przypomina retorykę romantyczno-symboliczną, pełną metafor, kontrastów i hiperbolicznej ekspresywności (Bogołębska, 1998: 147), która wyróżnia się na tle dokumentalnego charakteru pozostałej części utworu. Nušić wyraża radość z dotarcia nad Adriatyk oraz wychwala spokój i ciszę, jakie emanują z morza. Jednocześnie pełen jest podziwu dla jego dwoistej natury: powierzchniowej harmonii i piękna, za którymi kryją się zarówno mityczne istoty, jak i groza, potworności oraz gwałtowne namiętności próbujące wydostać się z morskich głębin.

> U tvojim mračnim dubinama borave vile brodarice i očarani vitezovi, a stanuju u tim dubinama i oni užasi i one besne strasti koje se otud kreću, provaljuju kroz masu kojim si ti pokrilo svoje dno i iznose na površinu da se sa nebom ukoštac hvataju, da se podsmehnu sili čovekovoj i da prkose sili božjoj – i ti to i jedno i drugo jednakom ljubavlju čuvaš u svojim nedrima! (Nušić, 2021: 149)

«Okropności» i «dzikie namiętności», o których pisze autor, odnoszą się nie tylko do nieujarzmionych sił przyrody, lecz także stanowią metaforę ludzkiej natury – pełnej przemocy i destrukcyjnych zapędów, które tylko czekają, by wydostać się na powierzchnię i znaleźć ujście dla swojej energii. Nušić przybywa nad morze po przejściu przez Kosowo – mityczną krainę bólu, ofiary i cierpienia. W tej perspektywie Adriatyk staje się romantyczną metaforą ludzkiego losu i historii, w których obok piękna i harmonii obecne są także strach, przemoc i cierpienie. Tak skonstruowana metafora ukazuje ścisły związek naturalnych i geograficznych cech kraju z charakterem i «duchem» narodu, który - według Atanasovskiego - stanowi element typowy dla serbskiego dyskursu narodowego tamtej epoki, wyraźnie obecny również w literaturze (2015: 41). Podróżnicy przemierzający na przełomie XIX i XX wieku Starą Serbię często opisywali piękno przyrody i krajobrazów przez pryzmat serbskiej historii, łącząc opisy geograficzne z narracją historyczną. Tą samą perspektywą posługiwał się także Nušić.

> Takvom očajničkom borbom, kakvu ti vodiš kada se iz tvojih mračnih dubina krene sav onaj bes, sve one sile i strasti, kada se krene i uskipi sve što je u tebi – bori se samo narod kad za slobodu vojuje, kad raskida lance, te lomi i ruši sve što ga je pritiskivalo i davilo. A tražiš li je ti? Koji su to lanci što su tebe stegli, koja je to sila što je tebi oduzela slobodu, i koja je to snaga što je tebe savladala?!... Ili ti možda tvojim mirom iskazuješ tugu za onom sveklom prošlošću tvojom, koju i ja sad sanjam na valima tvoji, jer to beše srpska prošlost; a burom tvojom hoćeš možda da zanihaš kopno te da zadršću one lepe obale tvoje i na njima uspavano pleme srpsko, pa da ga naučiš kako mu se valja boriti? (Nušić, 2021: 149)

Morze staje się metaforą uciśnionego narodu serbskiego – jego walki o wolność oraz wewnętrznych, uwięzionych, lecz wciąż nieposkromionych sił. W wodach Adriatyku Nušić dostrzega potęgę porównywalną z mocą narodu budzącego się do walki. Obraz morza, które «*uskipi*» i «*ruši sve* što *ga je pritiskivalo i davilo*», symbolizuje przebudzenie narodowe i zerwanie kajdan niewoli. Autor odwołuje się w tym fragmencie także do motywu «*uspavanog srpskog plemena*» – narodu serbskiego przez wieki pogrążonego w bierności i niemocy pod obcym jarzmem. Droga Nušicia z Kosowa do Adriatyku nabiera w tym kontekście wymiaru symbolicznego: prowadzi od miejsca klęski ku przestrzeni wolności i nadziei na odrodzenie. Motyw snu i przebudzenia, podejmowany w ostatniej części dzienników, pojawił się już wcześniej w serbskiej literaturze, przede wszystkim u Dositeja Obradovicia w pieśni *Vostani Serbije* (1804), w której poeta nawołuje: «*Ustani, Serbije, davno si zaspala*!». Utwór ten, napisany po wybuchu pierwszego powstania serbskiego, stał się hymnem insurekcyjnym, znanym także pod tytułem *Pesma na insurekciju Serbijanov*, i wzywał naród do walki o wolność (Fehratović, 2017: 28). Nušić, przywołując niemal sto lat później obraz uśpionego morza, w którego głębinach drzemią demony i nieokiełznane siły, przypomina, że mimo upływu wieku naród wciąż tkwi w niewoli i nadal potrzebuje przebudzenia. Oba teksty łączy wspólne wezwanie do wyrwania się z letargu – Serbowie muszą powstać, zagrzmieć niczym burza i zerwać kajdany niewoli.

Ta sama alegoria powraca w innym dziele Nušicia – już na pierwszej stronie dziennika podróży *Kraj obala ohridskog jezera* (1894), w którym autor relacjonuje swój pobyt w rejo-

nie jeziora Ochrydzkiego. Opis jego wzburzonych fal staje się tam ponownie metaforą narodu serbskiego – potężnej siły, chwilowo zniewolonej, lecz zdolnej do wybuchu i podjęcia walki o wolność. Burza nad jeziorem symbolizuje natomiast moment narodowego przebudzenia.

> Ali kako tek veličanstveno i strahovito izgleda ovo pitomo jezero u času bure! Kao okovan džin, ono sa bezumnim naporima udara o hladne zidove tamničke, stresa okove, otimlje se i rikom svojom dovodi u trepet čuvare svoje. Nebo se nad njim grči i spušta oblake nisko, a jezero se kreće iz dubine i penje svoje grdne talase i pozdravljaju se junačkom rikom i grle se muškim zagrljajem. Da li to nebo diže sebi roba i celiva ga utehom ili se to rob lomi i bori da raskine uze i da se otrgne nebu, večitoj slobodi?! Stolećima bori se on tako za oduzetu slobodu, ali stoleća ravnodušno prolaze tuda (Nušić, 2021: 154).

Alegoryczne obrazy obecne w twórczości podróżniczej Nušicia ukazują, jak krajobraz zostaje podporządkowany narracji mitu kosowskiego. Morze i jezioro nie są jedynie elementami krajobrazu, ale również symbolami narodowej egzystencji – cierpienia, tęsknoty za wolnością i nieustannego zmagania się z losem. Jego dzienniki podróży pełnią zatem podwójną funkcję: opisują przestrzeń geograficzną, lecz także przekształcają ją w symboliczną scenę serbskiej historii i tożsamości narodowej.

5. Podsumowanie

Serbskie dzienniki podróży z przełomu XIX i XX wieku należy odczytywać nie tylko jako zapisy indywidualnych doświadczeń, lecz przede wszystkim jako świadectwa epoki, w której teraźniejszość interpretowano przez pryzmat przeszłości. Ukształtowane przez ducha nacjonalizmu i trwałą obecność mitów narodowych, relacje te podporządkowane były ówczesnemu dyskursowi historyczno-mitycznemu, który czynił Kosowo przestrzenią symboliczną i sakralną, a nie wyłącznie geograficzną. W ten nurt literatury silnie osadzonej w realiach społeczno-politycznych epoki wpisuje się twórczość dokumentalno-podróżnicza Branislava Nušicia, który w swoich dziennikach podróży przedstawia Kosowo jako przestrzeń głęboko zakorzenioną w serbskiej świadomości zbiorowej, gdzie historia, tradycja i codzienne obyczaje tworzą spójną narrację kulturową. Obecny w jego relacjach XIX-wieczny dyskurs narodowy ukazuje Serbów jako ofiary dziejów, zagrożone przemocą, islamizacją i utratą ziem, a mit kosowski pełni funkcję filtra interpretacyjnego, przez który autor postrzega region i jego mieszkańców. I choć Nušić unika romantycznego patosu i otwarcie politycznych deklaracji, dobór opisywanych miejsc, wydarzeń i praktyk kulturowych odsyła do pamięci o średniowiecznej potędze Serbii oraz wielowiekowej obecności Serbów w Kosowie. W rezultacie mit kosowski zostaje przesunięty z obszaru religijno-duchowej tradycji do sfery uporządkowanej narracji o charakterze historycznym, której celem jest uzasadnienie ciągłości obecności Serbów na tych ziemiach oraz podkreślenie wyjątkowego znaczenia Kosowa jako kluczowego elementu ich tożsamości narodowej.

Na tle innych podobnych tekstów epoki twórczość Nušicia wyróżnia się jednak wysokim poziomem literackim i wyraźną wrażliwością artystyczną. Choć autor pełnił funkcje dyplomatyczne, pozostawał przede wszystkim literatem, dbającym o rzetelność faktograficzną, pozorny obiektywizm narracji oraz formę stylistyczną, czego wyrazem jest choćby zamykająca *S Kosova na Sinje more* liryczna odezwa do Adriatyku. Nušić jawi się zatem nie tylko jako świadek swojej epoki, lecz także jako artysta, który potrafił nadać podróżniczemu zapisowi wymiar literacki. Dzięki temu jego dzienniki nie są jedynie relacją

z drogi, lecz stanowią istotną reinterpretację mitu kosowskiego i ważny element kształtujący serbską pamięć zbiorową.

Bibliografia

Atanasovski, S. (2015). Proizvođenje Stare Srbije: stopama putopisca, tragom folklora. W A. Pavlović, A. Zaharijević, G. Draško, R. Halili (red.), *Figura neprijatelja: preosmišljavanje srpsko-albanskih odnosa* (s. 35-53). IFDT i KPZ Beton.

Bogołębska, B. (1998). *Romantyczny model retoryki i nauki o stylu: przegląd problematyki. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica, 1,* 139-152. https://doi.org/10.18778/1505-9057.01.07

Čolović, I. (2019). *Śmierć na Kosowym Polu. Historia mitu kosowskiego (*Z. Dimitrijević, A. Łasek, M. Petryńska, M. Wierzbicka, Tłum.). Wydawnictwo Pogranicze.

Dedijer, J. (1912). *Stara Srbija: geografska i etnografska slika*. Nova štamparija «Davidović».

Fehratović, J. (2017). Tradicija himne kod Srba u XVIII i XIX vijeku (V). *Glas Islam*, *287*, 28-29.

Nušić, B. (2022). *Putopisi*. Delfi knjižare.

Pavlović, S. (2009). *Historia Bałkanów (1804-1945)*. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

Peković, S. (2006). Nacionalno i evropsko kao odraz odnosa svoj/tuđ u srpskim putopisima. W M. Maticki (red.), *Slika drugog u balkanskim srednjovekovnim književnostima* (s. 183-187). Institut za književnost i umetnost.

Peković, S. (2001). Putopis - uslovljenost žanra. W S. Peković (red.), *Knjiga o putopisu* (s. 11-26). Institut za književnost i umetnost.

Perić, D. (2023). Nebesko i zemaljsko «Kosovo» Branislava Nušića: od demografsko-etnografske slike do nacionalno-ideološke reinterpretacije tradicije. *Communication and Media, 18*(2), 215-233. https://doi.org/10.5937/cm18-49023

Potrykus-Woźniak, P. (Red.). (2010). *Słownik nowych gatunków i zjawisk literackich*. Wydawnictwo Szkolne PWN.

Rekść, M. (2013). *Mity narodowe i ich rola w kreowaniu polityki na przykładzie państw byłej Jugosławii*. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.

Samardžija, S. (2018). Nušićevo Kosovo. W V. Pitulić, B. Suvajdžić, B. Zlatković, D. Ristić (red.), *Savremena srpska folkloristika V: folklorno nasleđe Srba sa Kosova i Metohije u slovenskom kontekstu* (s. 357-379). Udruženje folklorista Srbije; Bogoslovija «Svetog Kirila i Metodija»; Matica srpska.

Skorczewski, M. (2013). *Kosowo, mit kosowski i jego recepcja. Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, *48*, 283-292. https://doi.org/10.12775/SDR.2013.13

Stankowicz, A. (2002). *Ivan Čolović, Polityka symboli. Recenzja książki. Roczniki Humanistyczne, 50*(7), 312.

Stišović-Milovanović, A. (2021). *Kosovo i Metohija, stari putopisi*. Raška **škola**.

Stišović-Milovanović, A. (2023). Srpski stari putopisi o Kosovu i Metohiji. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane, 52*(2), 77-86. https://doi.org/10.18485/msc.2023.52.2.ch8

Suvajdžić, B. (2021). *Ključ od Kosova*. Albatros Plus.

Szulakiewicz, W. (2013). Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych. *Przegląd Badań Edukacyjnych*, *1*(16), 65-84. https://doi.org/10.12775/PBE.2013.006

Ulicka, D. (2018). Kariera chronotopu. *Teksty Drugie*, *1*, 259-271. https://doi.org/10.18318/td.2018.1.15

Vlahović, P. (1986). Pogovor. W B. Nušić, *Kosovo – opis zemlje i naroda* (s. 300). Prosveta.

West, R. (2017). *Crno jagnje i sivi soko (M. Đorđević, Tłum.)*. Službeni glasnik.

ФЕНТЪЗИ РОМАНИТЕ С ФОЛКЛОРНИ МОТИВИ В СЪВРЕМЕННАТА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА – ТРАДИЦИОННИ ЕЛЕМЕНТИ И СЪВРЕМЕННИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Мария Маринова
Софийски университет «Св. Климент Охридски»

През последните години в България се издават все повече книги, в които традиционната култура се пресъздава на фона на съвременната действителност. Част от тях са с етнографска тематика, а други са фентъзи романи, в които на преден план е изведен фолклорният елемент през един или повече персонажи, заимствани от фолклорната митология[1].

1. Въведение

«Възраждането» на митични същества на страниците на литературни текстове може да се възприеме като литературна мода или като своеобразна носталгия по фолклорното, съхранило светогледа на българския народ. Същевременно, според Р. Барт: «Светът предоставя на мита исторически реалности и колкото и да се връщаме назад, всички те са определени от начина, по който хората са ги създали или употребявали; а митът на свой ред възстановява някакъв естествен образ на тези реалности.» (Барт, 2004: 322). Казаното от Р. Барт отваря възможност тези текстове да бъдат анализирани не само с методите на литературната теория и история, но и с тези на антропологията. Трябва да се отбележи също така, че този тип текстове остават встрани от чисто литературоведските изследвания към момента с много малки изключения, макар че «тенденцията за «обръщане» към фолклорното сред романистите в последните години у нас … експоненциално нараства.» (Родозов, 2023: 7[2]).

Това ми позволява да направя един сравнителен антропологичен анализ на два такива романа, издадени през една и съща година в България. Той е обусловен от фолклорните мотиви в текстовете, което обаче не отговаря на въпроса защо те не получават критическа рецепция. Отговор може да бъде търсен в едни наблюдения на литературноисторическите процеси у нас от 90-те години на XX век, когато се утвърждава нов литературен канон, «като му се отнемат едни, а се добавят други явления.» (Кирова, 2009: 8). Този подход продължава да е актуален, като изследователският интерес на литературните критици обикновено се насочва към текстове, попадащи в полето на литературния постмодернизъм, а изцяло встрани остават (все повечето) романи с фолклорна тематика.

Съвременните литературни интерпретации на митични същества в различна степен се основават върху фолклорните представи, при това често не само български, но и на други славянски народи. Така змейовете, самодивите, орисниците, стопанът и вампирите наред с жар-птицата, кики-

[1] Словосъчетанията «фолклорна митология» и «фолклорна култура» са коментирани от Т. Ив. Живков в статията му «Фолклорната митология» (Живков, 2002: 11-12).

[2] Тази рецензия е единственият подобен текст върху този тип литература, който открих към момента. А анализираните в настоящата работа романи остават сякаш изцяло извън изследванията на литературоведите.

мората, банника и овинника, както и с полудницата и полунощницата и др., «заживяват» нов живот и получават донякъде различни характеристики. Благодарение на авторовото въображение и на интереса на писателите към този необятен свят на миналото, съвременният читател чрез (популярната) художествена литература се запознава с богатството на фолклорната митология. Същевременно въвеждането на образи на различни свръхестествени същества, чужди на българската културна традиция, създава до известна степен нова условна митологична реалност, в която славянските фолклорни традиции се смесват.

2. Митични същества в литературата – фолклорни представи

В основата на настоящата статия ще залегнат два романа, издадени под псевдоними – «Лунно цвете» на Катрин Ди (Катрин Ди, 2023) и «Родопският параклис» на А. Д. (А. Д., 2023). Изборът не е случаен и е обусловен от няколко причини. На първо място, двата романа излизат през една и съща година, което ги прави показателни за читателския интерес, като същевременно изключва възможността единият от авторите да е бил повлиян от текста на другия. На второ място, и двата романа са последвани от втори части, в които действието се развива в същите «вселени». (Теоретично «Родопският параклис» се очаква да бъде поредица от 5 книги, но към момента са издадени само 2 (А. Д., 2024).) Може би най-съществената причина обаче за избор на точно тези текстове се корени в подхода на авторите им към митичните същества. И в двата романа се срещат разнообразни създания, принадлежащи на фолклорната митология. Преди да се коментират спецификите им в изследваните книги, трябва да се обърне малко повече внимание на основните същества, които са залегнали като ключови в двете произведения.

На първо място безусловно трябва да бъде поставена самодивата. Тя е многократно изслед-вана в българската фолклористика (Маринов, 1984: 62-65; Арнаудов, 1996: 537-545; Георгиева, 2018: 225-256). Чудно красивите жени, които бързо и неусетно се превръщат в опасни изкусителки и силни противнички, привличат и до днес изследователския интерес (Йорова, 2024 и цитираната там литература). Техни разновидности са юди и (само)вили. Самодивите се срещат в повечето романи с фолклорна тематика.

Своеобразен техен контрапункт са змейовете. М. Беновска-Събкова отбелязва, че «Змеят е по принцип мъжко същество – така както самодивите са женски същества» (Беновска-Събкова, 1995: 108). В българските народни вярвания представата за него е следната: «свръхчовешко същество, както и самовилите, невидим е … но … когато иска, става видим и става на момък … много голямо чудовище – змия, покрита с люспи като на риба; има криле, четири крака като у гущера.» (Маринов, 2003: 302). Според Ив. Георгиева змеят е «един от основните персонажи в митологическата система на българите» (Георгиева, 2018: 171), а М. Беновска-Събкова обръща внимание на това, че е възприеман като «митичен покровител» и че е свързван с «атмосферните явления … и с плодородието» (Беновска-Събкова, 1995: 97). Изследователският интерес и към змея, подобно на самодивите, не е изчерпан през миналия век. Доказателство за това е сборникът «Змей. Змеица. Ламя и хала», издаден през 2016 г., който обединява фолклорни текстове и научен коментар. Съставителите определят българския змей като «не … изцяло отрицателен, а по-скоро двойствен по природа, като преобладават положителните му страни.» (Баева, Петкова, Георгиева, 2016: 22). Змеят, както и самодивата, е особено обичан фолклорен персонаж от авторите на съвременни български романи с фолклорна тематика.

Халата обикновено се разглежда неделимо от змея. Както отбелязват Д. Добрева и В. Ганева-Райчева «Двете митични същества имат сходни характеристики и проявления, макар обикновено да са противници» (Добрева, Ганева-Райчева, 2016: 399). Колкото до представата на народа за халата, тя е до голяма степен успоредена с ламята, която «се описва като огромна змия или гущер с четири крака с остри и дълги нокти, с една или повече кучешки глави, увенчани с рог, с голяма уста с остри зъби …, с дълга опашка и тяло, покрито с блестящи … люспи като на риба.» (Добрева, Ганева-Райчева, 2016: 400). Макар да не се среща често в художествената литература, халата/ламята се появява като повече или по-малко важен образ в отделни романи.

Повече внимание заслужават и орисниците (Маринов, 1984: 66-69, Георгиева, 2018: 256-265), които се свързват с определянето на съдбата на новороденото. Традиционната представа за тях е, че идват в първата или третата нощ след раждането. Само майката или бабата акушерка може да чуе думите им, но никой не може да промени предреченото. «За да бъдат омилостивени орисниците, огънят в стаята се поддържа през цялата нощ, оставя се храна (мед) край огнището, под възглавницата на бебето се поставя златна монета.» (Речник на фолклора, 2013: 269). Значението, което е придавано на орисниците, е било огромно, въпреки че днес са до голяма степен изтласкани на заден план.

Последният ключов персонаж, характерен за българския фолклор, е стопанът. Той се възприема като покровител на дома и обикновено се смята, че е «някой от покойните прадеди на семейството, който още приживе се отличавал с юначество и песнопойство и свирел на кавал.» (Георгиева, 2018: 334). Смята се, че той осигурява благоденствието на семейството, а в замяна само понякога иска храна, като потропва по тавана или пошепва в съня на някого от семейството. «Ако му се откаже, той се разсърдва и праща нещастие – болести, градушка и смърт.» (Георгиева, 2018: 334). Макар да не се среща често в романите с фолклорна тематика, стопанът е важен за създаването на ясна представа за българската фолклорна митология.

Някои същества, характерни за фолклора главно на източните славяни, също трябва да бъдат отбелязани. Банникът е своеобразен воден дух, който живее в банята и, ако не бъде зачитан, може да пакости на къпещите се (парещите се) (Славянская мифология, 2002: 29). Дворникът обитава двора и селскостопанските постройки (Славянская мифология, 2002: 130), а овинникът – сградата, където се сушат снопите (Славянская мифология, 2002: 335-336). Кикимората се възприема в по-голяма степен като вредител, който живее в дома и застрашава обитателите му, като може и да ги изгони. Нейният образ макар и рядко «се смесва с образа на жената на домовоя[3]» (Славянская мифология, 2002: 225). Полудницата е свързана с полето и може да пази посевите или да ги попари, на хората пакости, ако не почиват по обяд (Славянская мифология, 2002: 377), а полунощницата е вид детско безсъние (Славянские древности, 4, 2009: 144-145).

Последните две същества, на които ще бъде отделено повече внимание, не са свързани с дома и със селскостопанската дейност на хората. Лесниците са много по-тясно обвързани с некултивираната природа. Те са противоречиви горски духове – вредят на хората, ако пространството им бъде нарушено, но могат и да помагат, ако им бъде занесен дар или ако се сключи договор с тях. Техен предводител според северноруски вярвания е МусаилЛес (Славянские древности, 3, 1999: 104-108). Разновидност на лесниците са дивите люде, които са предимно зловредни за хората. Характерна тяхна особеност е отвличането на хора с цел сексуално задоволяване (Славянские древности, 2, 1999: 290-291). Жар-птица, от друга страна, е свързана с огъня и със златото, както и с далечното

[3] Домашен дух в източнославянската фолклорна митология, подобен на стопана (Славянские древности, 2, 1999: 120-124).

царство (Мифы народов мира, 1, 1980: 439). В този контекст тя може да бъде тълкувана като обвързана с отвъдното, от където идва всичко, което има златна окраска (Проп, б.г.: 272-288).

Сравнително подробната характеристика на тези фолклорни същества ще позволи да се покажат начините, по които авторите на разглежданите романи са се справили с нелеката задача да интегрират разнообразни вярвания и представи в едни съвременни текстове, които при това си поставят за цел да задържат интереса на непосветения читател и дори (с написването на вторите части) да го предизвикат отново.

Подходът към фолклорната митология на авторите на двата романа е подобен. Катрин Ди представя пъстър калейдоскоп от митични същества, характерни за различни славянски фолклорни митологии. А. Д. «борави» основно с български представи, но начинът на преплитане (за да не кажа оплитане) на персонажите, придаването на определени характеристики, както и сюжетните превратности и при двамата автори, са до известна степен сходни. Изборът на фолклорни елементи, както и свободното боравене с тях, довежда до там, че автентичност и авторова измислица се преплитат до неузнаваемост, а читателят, ако не е достатъчно добре подготвен с теоретични познания (каквато е обичайната ситуация), се оказва застрашен да се загуби в многообразието и в свободните авторови интерпретации. Те обаче отразяват творчески концепции, резултат от стремежа да се впише позабравената традиционна култура в съвременната действителност. Възможно решение на противопоставянето между автентичност и авторов прочит е поместването на речници с митичните същества в края на книгите, което би позволило на читателите да се ориентират по-добре в необятния свят на фолклора.

3. «Лунно цвете» от Катрин Ди

В «Лунно цвете» се срещаме с банник, кикимора, овинник, дворник, лесници (дървесни духове) и с техния господар Мусаил, с диви люде, както и с русалки и с други водни духове, с жар-птица, с Лунната богиня, с тази на късмета (Доля[4]) и др. Ярък представител на вещиците е Баба Яга – митичен персонаж от руските вълшебни приказки, която според романа живее на Витоша. Свързани с българската фолклорна митология са само самодивите, юдите, ламята, стопанът, както и вампирите (кръвниците) и техният господар змеят.

Авторката представя невероятните подвизи и приключения на четирима тийнейджъри в паралелния свят на митичните същества в стремежа им да открият отвлечената от кръвниците на змея Расате предводителка на витошките самодиви Елена и да я спасят. Двама от тях (Вида и Димитър) са нейни деца, баща им е обикновен човек (Огнян, виртуозен гайдар), а третият (Камен) е потомствен кавалджия, чийто инструмент е наследен от предците му. Това намеква за връзката на Огнян и Камен с образите на овчари свирачи от българския песенен фолклор, макар че може лесно да остане и незабелязано. Единствено Деница е обикновена девойка, която по никакъв начин не е обвързана с митичното или с фолклора. Тя обаче в края на романа изиграва решителна роля за съхраняването на равновесието в света.

Самодивата Елена, която, както се оказва, е била убежище на жар-птица, е отвлечена по заповед на змея Расате. Той планира сватба с нея, тъй като смята, че така ще възвърне властта си и ще си осигури потомство. Четиримата тийнейджъри се справят с невероятни изпитания, побеждават необикновени противници, печелят помощници и съюзници. Вида дори слиза в митичното село

[4] Името е свързано със съдбата според източнославянските вярвания (Мифы народов мира, 1, 1980: 391).

Змейково, чийто вход е през Самодивското езеро в Пирин. Там, под формата на лунни цветя, продължават съществуването си загиналите дъщери на Лунната богиня – юди и самодиви. Героинята получава цветето, в което се е превърнала убитата от Расате по-рано в повествованието предводителка на юдите Дивна. По съвет на лесниците Вида успява да си осигури и сътрудничеството на господаря им Мусаил, който се включва сам в последната, решителна битка в нощта срещу Йордановден, заедно с всички митични същества, чиято помощ са спечелили тийнейджърите. Елена сама предизвиква смъртта си, при което жар-птица я напуска и се вселява в дъщеря ѝ Вида. Змеят е победен от младата самодива, но след това тя, под влияние на новата си същност, заплашва равновесието в природата и е готова да унищожи своите помощници. Тогава Деница, обикновената човешка девойка, с помощта на Лунното цвете и с цената на собствения си живот успява да накара Вида да усмири митичното същество, което я е завладяло. Оказва се, че в магическата нощ срещу Йордановден Вида може да върне един живот. Самодивата решава да спаси именно Деница. Така не само равновесието в света е съхранено, но възтържествува приятелството. Изборът на младото момиче пред изживялата дълъг няколко столетия живот самодива е на пръв поглед логичен и естествен. Зад него обаче се крие много повече – спасяването (или връщането към живота) на обикновения човек, изборът на човешкото пред митичното същество идва да препотвърди за пореден път значението на обикновените хора (често неподозиращи за съществуването на магията) за баланса и дори за съществуването на света.

Романовото действие в «Лунно цвете» е изпълнено с приключения, които са преплетени с тийнейджърски проблеми като приятелство, първи любовни трепети, самоотверженост, невписване в общността, прошка и др. Катрин Ди обаче допуска редица неточности при интерпретирането на фолклорните представи в стремежа си да създаде интригуващи персонажи. Най-смущаващ е начинът, по който са изобразени юдите – като славянски аналог на прабългарските змейове от периода на старата Велика България. Змеят Расате пък е едновременно съвременник на Аспарух (сам определя възрастта си на 1382 години), и син на Зиези, легендарният родоначалник на българите, чието съществуване Анонимният римски хронограф отнася към библейско време, сравнително скоро след потопа (ЛИБИ, 1, 1958: 82). Според романа змейовете са покровители на българската държавност, а унищожението им следва завладяването на земите ни от турците.

От друга страна, юдите са принудени да запазят неутралитет след пристигането на змейовете на Балканите. Промяната в позицията им се случва едва в съвременността и е свързана с помощта, която красавиците оказват на децата на самодивата Елена. За тази «простъпка» предводителката на странджанските юди заплаща с живота си – убита е жестоко от змея пред очите на Елена. Така противопоставянето на славянското и (пра)българското постепенно е изведено на преден план в романа. Числено превъзходство на славянските митични същества е лесно забележимо: домашните духове в дома на Елена (банник, кикимора, дворник), както и в конюшнята на Огнян (овинник), са «заети» от митологията на източните славяни, като само стопанът има аналог в българските традиционни вярвания. Същевременно единственото оцеляло според сюжета на романа прабългарско митично същество е змеят, а неговите подчинени са наречени кръвници, макар образът им да е зает от характерните за българската фолклорна митология вампири. В повествованието е включена и пророчицата на бог Тангра Пагане (отгледана от вещера Торбалан и съпругата му), която по-скоро е добронамерена към тийнейджърите, но в описанието на първата им среща има скрито напрежение. Нейният образ е развит във втората книга – «Огнено цвете» (Катрин Ди, 2025), но тя не е обект на настоящата статия.

Сред богатото разнообразие на митични същества, вплетени в сюжета на романа, част от които са епизодични, се открояват образите на двете самодиви – Елена и Вида и на техния противник змея Расате. Двата женски персонажи притежават някои от характеристиките на митичните същества. Основен белег е булото им, което се появява около главите им през тъмната част на денонощието, и в него е скрита самодивската им сила. Независимо че живеят в човешкия свят целогодишно в полите на Витоша (Елена има собствен бизнес, а Вида учи в гимназия с обикновени хора и с други самодиви), те участват в специфични самодивски ритуали. Същевременно и двете са способни да обичат, което ги отличава от фолклорния прототип, а и от посестримите им.

Образът на змея Расате до голяма степен е приближен до българските представи за това митично същество. Той се появява ту като красив мъж, ту в змейската си форма. Отвличането на девойки или жени с цел брак и получаване на потомство също е познато от песенната и приказната традиция.

Интерес представлява появата на господаря на лесниците Мусаил. Образът му в романа съответства на фолклорната представа за него. Той се включва на страната на четиримата тийнейджъри в последната и най-важна битка.

Романът «Лунно цвете» на Катрин Ди е предназначен предимно за младежка аудитория. Той може да бъде поставен и в контекста на популярни онлайн текстове и телевизионни предавания, противопоставящи (пра)българите на славяните. Романът също разграничава едните от другите, но извежда славянското с положителен знак, а (пра)българското – с отрицателен. Избраният подход на авторката обаче създава погрешна представа за българската фолклорна митология, която се е формирала от своеобразен синтез на митове и обреди на траки, славяни и прабългари и носи белезите на балканската културна общност. Привнасянето на митични същества «извън» тази общност изглежда преднамерено и недостатъчно мотивирано и свидетелства за недобро познаване на фолклорните извори, както и за повърхностно отношение към тях.

4. «Родопският параклис» от А. Д.

В романа «Родопският параклис» на А. Д. фокусът на конфликта е изместен. Главните герои (пазителите Доротея, Симеон и Вероника, Радослав, както и присъединилия се по-късно доктор-експериментатор Драян) са хора, някои от които с необикновени способности, посветили живота си на баланса в природата. Родени като обикновени човешки същества, те са опознали горския свят и свръхестествените му обитатели, осигурили са си необходимата защита чрез различни амулети и билки и са се научили да пазят равновесието между обикновения свят и този на митичните създания, като съумяват не само и дори не толкова да озаптяват последните, колкото да намерят и да отстранят причината за нежеланото им поведение (която понякога се оказва незачитането на свободата им). Техен съветник и помощник е старата вещица Анелия, чийто дом е в непосредствена близост до древен параклис. Тя не само има силни магически способности и неопределена възраст (намеква се, че е много по-стара, отколкото е възможно за човешко същество), но владее няколко стари езика и притежава богата библиотека с древни текстове.

Главният митичен персонаж е горският цар Мусаил, първороден син на най-старата орисница. Той е поверен още невръстен на бог Перун, победил е в двубой предишния владетел на митичните същества – Змей Горянин, и така е заслужил своя статут. В началото на романовото действие обаче се отбелязва, че горският цар е изчезнал преди три години, което поражда анархия сред

митичните същества. Те все по-често започват да се появяват в човешкия свят, за да създават смут и опасности, с които пазителите непрекъснато се справят. Оказва се, че Мусаил е бил принудително отстранен за 3 години, но се завръща в рамките на романовото действие. Става ясно, че ако не е на поста си 3 години, горският цар ще го загуби. Той обаче успява да запази трона си, като го заема отново преди да изтече срокът за детронирането му. Веднага се заема да въведе ред във владенията си, като същевременно си сътрудничи с пазителите. Нещо повече – повествованието разкрива, че е баща на двегодишния син на Доротея, което той узнава едва след завръщането си.

Главният противник, целящ не просто нарушаването на баланса, но дори унищожението на човешкия свят, е злата вещица Надежда. Тя е връстница и антипод на Анелия и в стремежа си към подмладяване и власт не подбира средствата и проявява необикновена жестокост. В края на романа обаче е победена с общите усилия на пазителите и помощниците им и е убита от Доротея.

Романовото действие е изпълнено с невероятни събития, много от които нямат връзка с основната интрига. Липсва идеализиране на положителните персонажи, които в обикновения си живот си позволяват различни простъпки. Езикът им е вулгарен и като цяло стилът им на говорене е нисък. Те са груби, нагли, изявяват се дори като простаци, но винаги мисията им е най-важна и са способни да загърбят всякакви противоречия, за да я изпълнят. Една от най-сложните им задачи е свързана с появата на диви люде в града, които наранява и убиват обикновени хора. Същевременно трябва да се отбележи състрадателността и упоритостта на Доротея в стремежа ѝ да спаси човешката същност на превърналия се във върколак бизнесмен Григор Маринов. Неин помощник в тази мисия става спасеният от пазителите и Мусаил лекар изследовател Драян, който, макар и с непозволени от медицинската етика средства, е намерил противоотрова за подобни случаи.

Може би един от най-важните епизоди е посещението на Мусаил, Доротея и сина им Боян в митичното село Змейково, владетелка на което е най-старата орисница. Причина за това е търсенето на лек за заразения със змейска отрова Симеон, но като претекст Мусаил използва желанието си да представи сина си в центъра на магическия свят, за да бъде орисан като негов наследник. По време на това приключение на преден план е изведено чувството на приятелска обич и дълг от страна на Дора. Младата майка дори се решава да се раздели с невръстния си син, като го изпраща в Параклиса, за да може тя да продължи, заедно с Мусаил, да търси необикновеното спасително средство.

Необходимо е да се отбележи, че в романа на няколко пъти са включени сюжети на български приказки. Дора използва информацията от тях, за да реши сложни казуси, като се стреми да разгадае приказната символика.

Митичните същества, с изключение на Мусаил, имат предимно епизодични роли, някои от които са незначителни, а образите им често само номинално са свързани с фолклорните представи.

5. Митични същества в литературата – авторски интерпретации

Интерес представлява сравнението между някои от общите за двата романа митични същества. Според А. Д. почти всички митични създания, с изключение на главатарите им, на Секновение напускат горските предели със специален дървен влак и пак с него се завръщат през пролетта. От друга страна, според Катрин Ди митичните същества остават целогодишно в българските земи, като само част от самодивите прекарват зимата в митичното село Змейково. Злите сили се активизират по време на католическия празник «Вси светии» и властват през «мръсните дни», характерни за българската фолклорна традиция. Самодивите в «Родопският параклис» обитават предимно гората, а

контактът им с хората е само с тези, които навлизат във владенията им. Ако се почувстват застрашени, горските красавици съумяват да прогонят и дори да наранят натрапниците. Някои от самодивите пък са избрали да упражняват «най-древната професия» в бардака на змея Драгомир, който е отритнат от своите и неприет докрай от другите. В «Лунно цвете» «горските люде» нападат главните герои само защото, макар и неволно, са нарушили тяхното пространство. Самодивските деца са спасени от самовилите, а другите двама – от лесниците, към които са се отнесли подобаващо и са дали хляб на един от тях. От друга страна, в «Родопският параклис» «горските люде» сами слизат в градовете, търсейки лесна плячка. Противоположни са и характеристиките на юдите в двата романа. Катрин Ди ги представя като едни от първите митични създания, запазили през многовековното си съществуване своята младост и красота, които в решителния момент застават на страната на доброто. Според А. Д. те са стари, грозни, вулгарни и злобни жени, които вредят на хората.

Особен интерес представлява образът на Мусаил. В «Лунно цвете» той е «господар на лесниците» и има само епизодична роля. В «Родопският параклис», макар да се появява към средата на романа, е един от основните персонажи, «горски цар», извоювал сам владетелското си място и включващ се активно в романовото действие. Интересен скрит паралел на името му се появява в самия край, когато той, заедно с останалите митични главатари, наблюдава територията си от връх Мусала. Митично същество с такова име се среща в северноруски вярвания (Славянские древности, 3, 1999: 106), а в онлайн пространството (където, например, Катрин Ди твърди, че е провеждала проучването си) се появява с определението «най-висшият горски дух – главатар на лесниците и на всички горски твари и духове»[5], което частично отговаря на фолклорната представа за него.

Същевременно се налага още едно сравнение. Катрин Ди допуска някои исторически несъответствия, а включването на митични същества, неприсъщи на българската фолклорна митология, създава впечатление за предпоставеност. От друга страна, А. Д. проявява повече прецизност. Като пример може да послужи сведението, че Родопският параклис и тайните му съкровища са «още от преди Перун да заживее в Пирина» (А. Д., 2024: 324).

6. Заключение

Изборът на тези два романа за настоящата статия е обусловен преди всичко от разнообразието на митични същества в тях, част от които имат общи фолклорни прототипи, но са интерпретирани от авторите по различен начин. «Лунно цвете» и «Родопският параклис» отразяват някои основни тенденции в съвременната българска фентъзи литература. Характерен белег на този жанр е представянето на «паралелния свят» на древните митични създания, които са оцелели през многократните смени на културните пластове на човешката цивилизация в българските земи. Взаимодействието му със света на хората в съвременността включва присъствието на новите технологии, но неизменна остава борбата между доброто и злото (печелена от доброто). Извеждането на тези характеристики на преден план задоволява определени читателски търсения.

Тези книги обаче изглежда няма да станат част от българския литературен канон, определен от М. Кирова като «имагинерен списък (знаем го по презумпция, но неговото присъствие няма никъде конкретно дефиниран и материално реализиран характер).» (Кирова, 2009: 12). И макар че казаното от изследователката се отнася за текстове, издържали (или пък неиздържали) проверката на времето, то е не по-малко актуално за тези, които тепърва търсят своите читатели и своето място

[5] https://mitove-i-legendi.net/mitove-i-legendi/bulgaria/mitichni-sashtestva/ (29.09.2025 г.)

в литературната ни история. От друга страна, фактът, че романи от изследвания тип отсъстват от инициативи като «Литературата не е музей»[6], както и от последните цялостни изследвания върху литературата на XXI век (Ичевска, 2022; Минков, 2023; Кирова, 2023, 2024) е може би най-сериозният аргумент в тази посока. А все по-големият избор от заглавия на тази тема, както и наличието на нови издания и на допечатки на някои от тях, е свидетелство за това, че те имат своите читатели и своето място в съвременната българска литература. А читателският интерес, заедно с новите интерпретации на фолклорни елементи ги превръща в обект на изследване от културната антропология.

Литература

А. Д. (2023). *Родопският параклис*. Екрие.

А. Д. (2024). *По следите на дявола (Родопският параклис 2)*. Екрие.

Арнаудов, М. (1996). *Очерци по българския фолклор*, т. 2. Академично издателство «Проф. Марин Дринов».

Баева, В., Петкова, Св., Георгиева, Алб. (2016). Многоликият змей. В: В. Баева, Алб. Георгиева, В. Ганева-Райчева, Д. Добрева, Н. Вуков, Св. Петкова (съст. и ред.), *Змей. Змеица. Ламя и хала: сборник с фолклорни текстове* (с. 21-25). Изток-Запад.

Барт, Р. (2004). *Нулева степен на почерка*. Колибри.

Беновска-Събкова, М. (1995). *Змеят в българския фолклор*. АИ Проф. Марин Дринов.

Георгиева, Ив. (2018). *Българска народна митология*. Издателство на БАН Проф. Марин Дринов.

Добрева, Д., Ганева-Райчева, В. (2016). Сура ламя и хала безмерна. – В: В. Баева, Алб. Георгиева, В. Ганева-Райчева, Д. Добрева, Н. Вуков, Св. Петкова (съст. и ред.), *Змей. Змеица. Ламя и хала: сборник с фолклорни текстове* (с. 399-403). Изток-Запад.

Живков, Т. Ив. (2002). Фолклорната митология. В: Н. Капралова (съст.), *В търсене на митичната тъкан* (с. 11-17). Изд. център «Боян Пенев».

Ичевска, Т. (2022). *Българската литература. Сюжети, контексти, проучвания*. Университетско издателство «Св. Климент Охридски».

Йорова, Ст. (2024). *Самодивата в българския фолклор*. Лени – Ан.

Катрин Ди. (2023). *Лунно цвете*. Ерове.

Катрин Ди. (2025). *Огнено цвете*. Ерове.

Кирова, М. (2009). *Литературният канон. Предизвикателства*. Университетско издателство «Св. Климент Охридски».

Кирова, М. (2023). *Българската литература през XXI век (2000-2020)*, ч. 1. Колибри.

Кирова, М. (2024). *Българската литература през XXI век (2000-2020)*, ч. 2. Колибри.

ЛИБИ 1 (1958). *Латински извори за българската история*, т. 1. БАН.

Маринов, Д. (1984). *Избрани произведения*, т. 2. Наука и изкуство.

Маринов, Д. (2003). *Народна вяра*, т.1, ч.1. Изток-Запад.

Минков, Б. (2023). *Висящите полета на българската литература*. Сдружение Лит. Къща.

Мифы народов мира 1. (1980). *Мифы народов мира*, т. 1. Издательство «Советская энциклопедия» (1980).

Проп, Вл. (б.г.) *Исторически корени на вълшебната приказка*. ИК «Прозорец».

[6] https://libsu.uni-sofia.bg/UB/?p=8478 (14.01.2026) – инициатива, с която се привлича вниманието на читателите в ученическа възраст към съвременната литература.

Речник на фолклора (2013). *Речник на термините от словесния фолклор. България.* Институт за етнология и фолклористика с етнографски музей – БАН.

Родозов, Ат. (20-26.09.2023). Романът «Мамник» между фолклора и фактологията. *Литературен вестник*, бр. 31, 7. https://litvestnik.com/wp-content/uploads/2023/09/LV_31_webi.pdf

Славянская мифология. (2002). *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* Международные отношения.

Славянские древности 2. (1999). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого*, т. 2. Международные отношения.

Славянские древности 3. (1999). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого*, т. 3. Международные отношения.

Славянские древности 4. (2009). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого*, т. 4. Международные отношения.

LAS CORRIDAS DE TOROS EN LA LITERATURA DE LOS VIAJEROS CHECOS DEL SIGLO XIX

Jiří Měsíc
Universidad de Granada

1. Introducción

Podría parecer que la opinión de un checo sobre «la fiesta nacional de España» carece de relevancia, como creían también algunos escritores de la época. Sin embargo, si entendemos la tauromaquia no solo como una manifestación cultural propia de una nación, sino como una forma de arte universal que en el pasado estuvo presente en gran parte del Mediterráneo gracias a la existencia del uro, resulta lógico pensar que cualquier persona, independientemente de su origen, pueda establecer algún vínculo con la corrida de toros.

Definitivamente, lo que experimenta un ser humano al presenciar una corrida de toros trasciende cualquier región concreta del mundo, porque, más allá de los aspectos estéticos y artísticos desarrollados por los españoles, este rito toca dimensiones profundas –y a veces oscuras– del alma y de la experiencia vital, sin importar el país de origen del espectador. Así lo expresó el ensayista Andrés Amorós al afirmar que la corrida de toros, aunque es un arte «nacional», es en realidad un arte «universal», en su artículo *La Fiesta Nacional*, publicado en *El Debate* (2024). En este sentido, cobra especial significado la aportación de una nación como la checa, cuya perspectiva subraya precisamente la universalidad de la tauromaquia y el eco que esta ha tenido a lo largo de los siglos, incluso en su propia cultura. (No es un detalle menor que los centroeuropeos mantuvieran una relación directa con las cacerías de uros en el pasado, ya que el último ejemplar salvaje de esta especie no murió en la Península Ibérica, sino en 1627, en el bosque de Jaktorów, en Polonia).

Aunque el modo en que los checos percibieron la corrida de toros quizá no despierte hoy un gran interés entre los aficionados españoles, sí constituye un campo de estudio relevante para historiadores de la literatura, antropólogos e investigadores de la tauromaquia. Además, este tipo de análisis permite comprender cómo se ha interpretado y representado la llamada «fiesta nacional» española fuera de sus fronteras, en particular en el Reino de Bohemia, que durante el siglo XIX formaba parte primero del Imperio Austriaco y, más tarde, del Imperio Austrohúngaro.

2. El renacimiento Nacional Checho y la corrida de toros

El primer autor checo del siglo XIX que despertó el interés por la corrida de toros entre sus compatriotas fue Otto Pinkas (1849-1890), quien, en su libro *Cesta po Španělích* [Viaje por tierras españolas] publicado en 1880, trató el tema con detalle. Por esta obra, fue incluso condecorado como Caballero de Carlos I de Austria y III de Bohemia (Pinkas, 1890: 204).

Pinkas estuvo activo durante el Renacimiento Nacional Checo, un movimiento sociocultural que promovía la lengua, las costumbres y el arte checos en Bohemia, entonces parte del Imperio Austríaco (1804-1867) y, posteriormente, del Imperio Austrohúngaro (1867-1918). El objetivo de este movimiento era revitalizar la cultura y la conciencia nacional checas, debilitadas desde 1620 debido al predominio del alemán

en la administración imperial y a la tendencia generalizada a considerar las lenguas eslavas como inferiores o marginales (Mahoney, 2011: 105). Por ello, en la segunda mitad del siglo XVIII resurgió un movimiento nacional que floreció en la primera mitad del siglo XIX con la fundación del *Národní strana* [Partido Nacional Checo], presidido por el historiador František Palacký (1798-1876).

En aquella época, el alemán se utilizaba en el trato con la clase alta y en las reuniones oficiales. Además, se germanizaban los nombres de pueblos checos, nombres propios, títulos de libros, etc. Durante este movimiento, todos los ciudadanos implicados luchaban por revertir esta tendencia y recuperar el uso de la lengua materna. Gracias a ello, el movimiento pronto ganó un apoyo masivo y dio lugar a la creación de importantes obras intelectuales y arquitectónicas, entre ellas el Teatro Nacional de Praga, que abrió sus puertas en 1881. Pinkas no solo fue miembro del comité administrativo del teatro, sino que también estuvo vinculado al Sokol de Praga, una organización nacional de carácter deportivo e intelectual que se extendió rápidamente tanto por el Imperio austrohúngaro como por el Imperio ruso (Mahoney, 2011: 122).

En agosto de 1878, Pinkas partió de Burdeos para emprender un viaje por España, durante el cual visitó San Sebastián, Valladolid, Madrid, El Escorial, Toledo, Córdoba, Sevilla, Cádiz, Granada, Málaga, Murcia, Valencia y Barcelona. Fue en Madrid donde asistió a una corrida de toros, y en su cuaderno de viaje ofreció la descripción más detallada de este espectáculo hasta la fecha, a la que dedicó siete páginas ilustradas con litografías del pintor y diseñador checo František Ženíšek (1849-1916).

Figura 1. Primer tercio.

Nota. El picador espera el embroque del toro con su vara (Pinkas, 1880: 51).

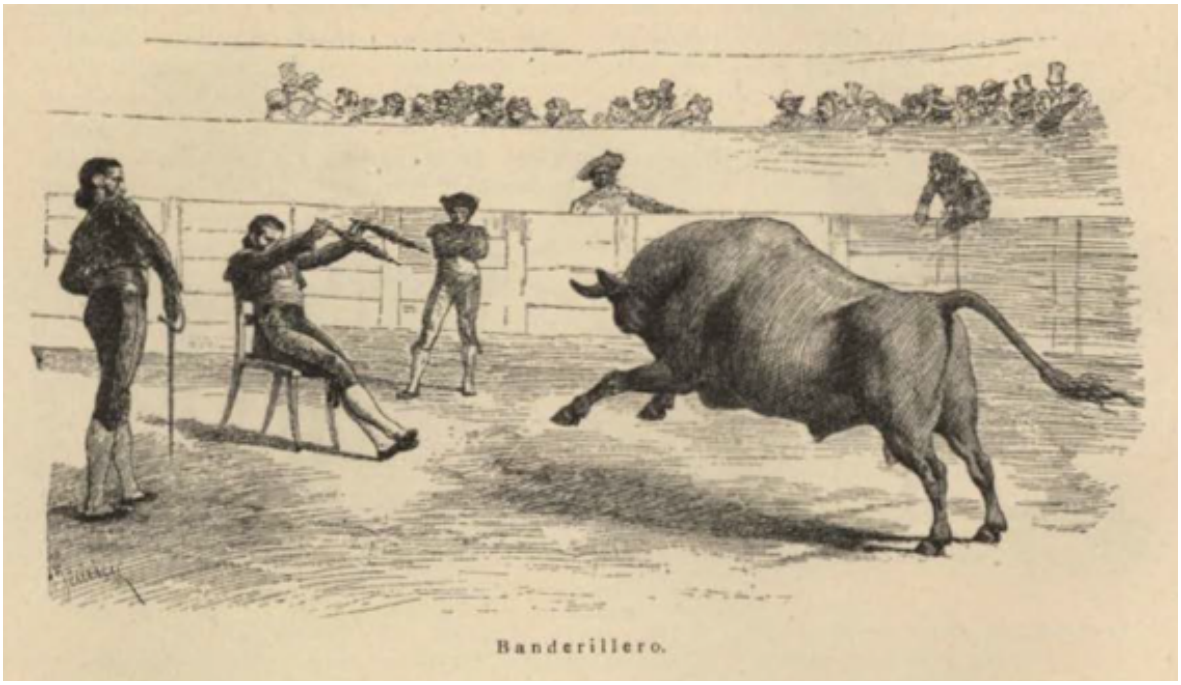

Figura 2. Segundo tercio. El banderillero está esperando el toro en la silla.

Nota. Esta suerte está en desuso hoy en día (Pinkas, 1880: 52).

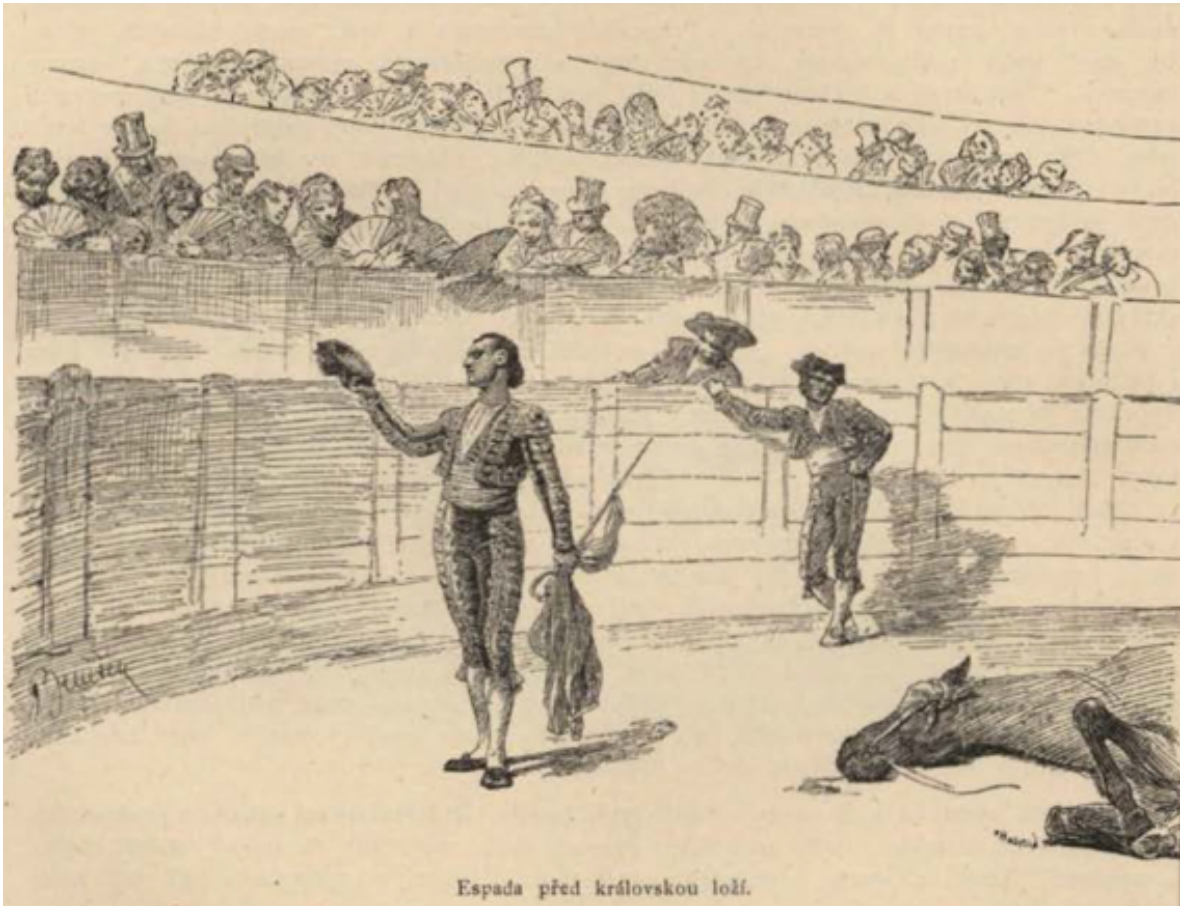

Figura 3. La faena.

Nota. Torero brindando la muerte del toro a la potestad, o bien pidiendo permiso para matarlo (Pinkas, 1880: 53).

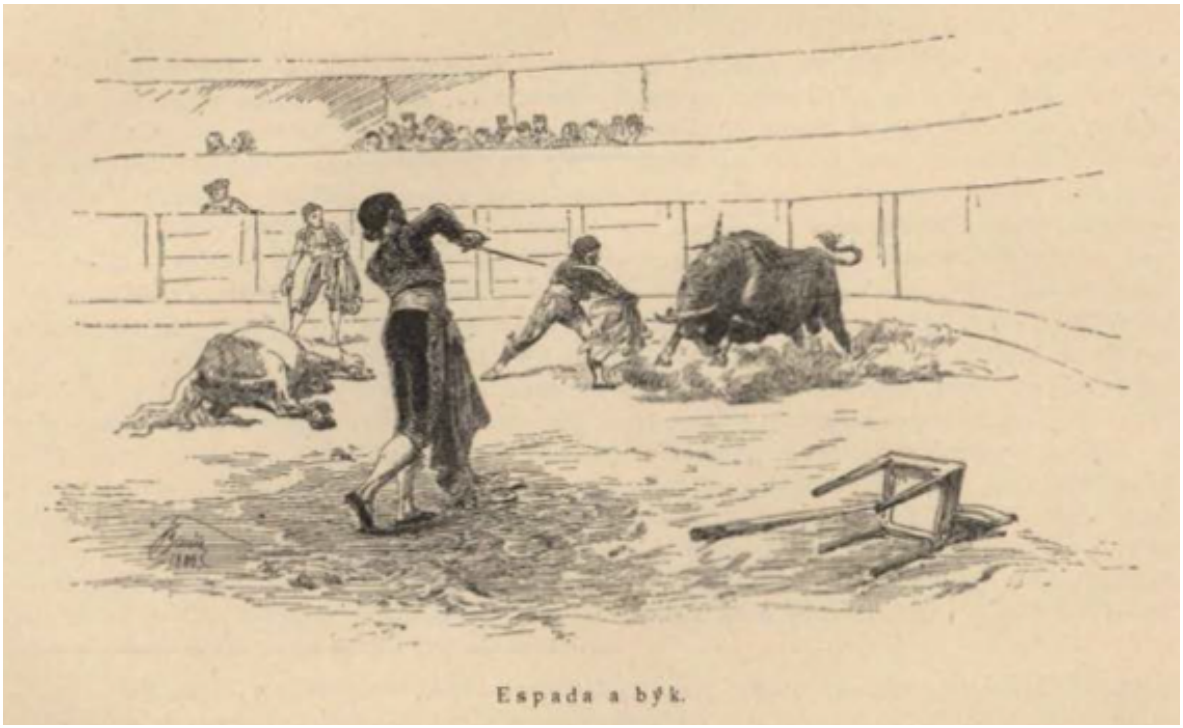

Figura 4. La suerte de matar

Nota. Torero al matar el toro (Pinkas, 1880: 55).

Pinkas mostró un notable interés por la tauromaquia y, a lo largo de su libro de viaje, comentó diversas plazas y aspectos vinculados al mundo taurino. En su descripción de la corrida de Madrid, explicó cuidadosamente cada uno de los tercios, aunque no especificó ni la fecha exacta ni los participantes del festejo. Sin embargo, a partir de las referencias en el texto, es posible deducir que estuvo en la capital alrededor del 15 de agosto, durante los festejos en honor a la Virgen de la Paloma. No obstante, según los diarios madrileños, el único espectáculo celebrado en esas fechas fue una novillada el 19 de agosto de 1878, mencionada en *El Siglo Futuro*, que concluyó con una cornada al novillero Bibiano Nieto (Agulló y Cobo, 1971: 156-157). Otros periódicos hacen referencia a un festejo posterior, celebrado el 15 de septiembre del mismo año, en el que participaron dos figuras históricas del toreo: el cordobés Lagartijo (1841-1900) y el granadino Frascuelo (1842-1898), a quienes Pinkas menciona como los toreros más destacados de la época. Aunque este segundo evento fue un fracaso debido a la mala calidad del ganado (*El Imparcial*, 1878: 2), la posible asistencia del autor a uno de estos festejos podría explicar su posterior rechazo a la lidia como práctica, aunque no al concepto de la corrida como símbolo nacional.

Al menos, según su descripción de la plaza, puede inferirse con exactitud que se trató de la Plaza de Toros de la Fuente del Berro, inaugurada en 1874 y con una capacidad de entre 14.000 y 16.000 espectadores. Pinkas fue el primero en traducir al checo algunos términos relacionados con la tauromaquia. Gracias a él, sabemos que «ganadería» se dice *býčinec* (49), los «aficionados» son *sportsmani* (49), «torero» es el *espada* (49), el «aguacil» se traduce como *úřední osoba* (51), la «coleta» como *copánek*, y la «muleta» como *červené sukno* (54). También destaca su minucioso resumen de la historia de la tauromaquia, que experimentó una evolución notable desde las cacerías de toros presenciadas por los viajeros checos en los siglos anteriores. Aquella forma de caza taurina, practicada por la aristocracia en las calles, había desaparecido. En su lugar, eran ahora los plebeyos quienes asumían el papel de toreros. Así surgió la corrida moderna que presenció Pinkas, quien describió no solo los distintos tercios, sino también el ambiente general: la presencia de vendedores ambulantes –que continúan con su actividad incluso hoy en día–, el público diverso, compuesto por

personas de todas las edades y clases sociales, y el hecho de que, según observó, un tercio de los asistentes eran mujeres (Pinkas, 1880: 50). Asimismo, analizó la vestimenta de los toreros y su comportamiento social fuera del ruedo (6).

Una de las observaciones más sorprendentes que anotó en relación con la lidia fue que los picadores ya se encontraban en el ruedo tras el paseíllo. A diferencia de la corrida actual, no había un momento de prueba inicial a cargo del torero (Pinkas, 1880: 52). Además, no le disgustaba la presencia de caballos muertos en el ruedo tras el encuentro con el toro, a pesar de que muchos morían con las entrañas expuestas[1]. Otro dato relevante, mencionado por primera vez en la literatura checa, tiene que ver con la cría del toro bravo. Se resalta que el animal debe ser bello e imponente, y que los mejores ejemplares provienen de Andalucía (Pinkas, 1880: 52-53).

Sin embargo, lo que más le llamó la atención fue el carácter nacional de la fiesta. En el párrafo siguiente, describe el profundo apego del pueblo español a esta tradición cuando el amor por las corridas se inculca desde la juventud y el fervor con el que se siguen los espectáculos taurinos. Incluso menciona trenes especiales que salían de las principales ciudades españolas hacia las grandes plazas donde se celebran los festejos.

> Es un espectáculo nacional puramente español, al que el español se apega con toda la pasión que le es natural, con un amor que se le inculca ya desde el pecho materno. Hay dos aspectos especialmente interesantes: la pasión y la atención con que se siguen las corridas, y luego el valor, la hombría y el heroísmo de los 'toreros', como por ejemplo Frascuelo y Lagartijo, quienes, como grandes artistas, recorren España y actúan en las Plazas de Toros para el deleite del público. Cada ciudad importante en España tiene su 'Plaza de Toros', un teatro para las lidias, y en cada una, sin duda, se 'actúa' al menos dos veces al año, es decir, se celebra una 'corrida de toros'. En algunas ciudades, como por ejemplo Sevilla, Barcelona, Valencia y Granada, las 'corridas' se celebran con mayor frecuencia, y en Madrid incluso hasta 18 veces al año. Trenes especiales de recreo, como ya he mencionado antes, son organizados hacia las ciudades famosas por sus excelentes espectáculos (Pinkas, 1880: 49).

Su descripción de la fiesta –hoy en día rechazada por un número considerable de españoles o simplemente ignorada por otros[2]– representa un signo de identidad a través del cual el poder supo ejercer su influencia sobre el pueblo, de forma similar al dominio ejercido por la Iglesia. La tauromaquia, al igual que la fe, ha sido utilizada por ciertos líderes políticos y partidos como un recurso para apelar a lo más profundo del sentir español: el orgullo nacional, forjado a lo largo de una historia de conquistas y hegemonía. Esta instrumentalización simbólica ya fue analizada por el antiguo alcalde de Madrid, profesor universitario y ensayista Enrique Tierno Galván (1918-1986), quien, en su libro *Los toros, acontecimiento nacional* (publicado póstumamente en 1988), sostenía que la popularidad de la fiesta se debía a la ausencia de otros símbolos y estímulos, lo que hacía **«**relativamente fácil vivir psicológicamente la unidad social de la nación**»** (Galván, 1988: 5). Esta carencia simbólica, señalada por Galván hace décadas, sigue vigente en el presente, lo que explica en parte por qué algunos dirigentes actuales, como la presidenta de la Comunidad de Madrid, Isabel Díaz Ayuso, continúan apelando a la tauromaquia como emblema nacional[3], quizás porque, en su idealización, perciben en ella la encarnación de un ideal español.

---

[1] «El caballo cojea, apenas puede dar un paso, los sirvientes lo golpean. ¡Alboroto entre el público! El caballo no puede continuar, ha recibido un golpe antes, los intestinos le cuelgan hacia afuera, los sirvientes lo notan, uno salta y se los vuelve a meter, tapando la herida con estopa» (Pinkas, 1880: 54).

[2] Para los datos concretos consulte Royuela (2021).

3 Véase la presidenta de la Comunidad de Madrid, Isabel Díaz Ayuso comentando el significado de las corridas de toros en OneToro

No obstante, aunque los toros forman parte del acervo cultural y psicológico de España, Pinkas solo pudo presenciar la muerte de tres de los ocho animales lidiados. Profundamente conmovido, confesó que la lidia le provocaba asco. Esta repulsión no se debía al carácter violento del espectáculo, como podría pensarse, sino al hecho de que los españoles arriesgaran su vida enfrentándose a un animal. Pinkas no lograba comprender tal actitud, ya que, según él, el ser humano está por encima de los animales y no merece la pena rebajarse a su nivel.

> Vi tres toros ser matados por el espada, solo que el tercero no estaba completamente muerto cuando cayó. Se le acercó a él, el 'matador' y lo mató con un cuchillo corto y ancho. […] Había otros cinco toros en el programa, pero ya había tenido suficiente de este juego sangriento, que realmente me llenaba de asco. Me fui. No podía entender cómo se podía conciliar esto con la conocida y verdadera delicadeza, bondad y misericordia de los españoles, para que incluso un público más educado encontrara placer en un juego donde la vida humana se pone al mismo nivel que la vida de un animal (Pinkas, 1880: 55-56).

Pinkas no comprendió que el toro es considerado –quizás de forma más subconsciente– como una representación de una antigua divinidad mediterránea, símbolo de las fuerzas de la naturaleza y de la fertilidad, al que el torero da muerte para apropiarse de esas cualidades. Esta interpretación no fue abordada en el siglo XIX y comenzó a desarrollarse recién a finales del siglo XX y en el XXI, cuando se empezó a analizar el aspecto psicológico del rito taurino y su relación con la transmutación del alma y la transferencia de poder entre el torero, el toro y el público[4]. Por ello, se considera fundamental que la vida del animal sea situada simbólicamente al mismo nivel que la del torero; o, dicho de otro modo, que ambos –aunque dotados de distintos tipos de poder– se igualan durante el **«**baile**»** ritual.

***

El autor más destacado del Renacimiento Nacional Checo en relación con la tauromaquia fue Pavel Durdík (1843-1903), considerado el principal representante de la literatura checa dedicada a este tema. Médico de profesión, ejerció inicialmente en Rusia y, posteriormente, en Sumatra como miembro del KNIL (Ejército Real de las Indias Orientales Neerlandesas). Tras su regreso a la patria, en 1894 emprendió un viaje a España con el propósito de estudiar la Fiesta Nacional.

Durdík llegó a Madrid en abril de ese mismo año y asistió a una corrida de toros celebrada el día 22, en la que estaban anunciados tres toreros. Sin embargo, la corrida terminó siendo un mano a mano entre el cordobés Rafael Guerra (1862-1941) y el sevillano Antonio Reverte Jiménez (1868-1903). El tercer torero previsto, Manuel García Cuesta (1865-1894), conocido como **«**El Espartero**»** y también originario de Sevilla, no pudo actuar debido a una cornada sufrida pocos días antes[5].

TV, el día 1 de junio de 2025 en la Plaza de Toros de Aranjuez. «¿Qué es la tauromaquia para Isabel Díaz Ayuso?» «Para mí es España, es hispanidad, es verdad, es tradición, es nuestro lenguaje, nuestras expresiones, una forma de ver la vida. Siempre lo digo: brava, alegre, valiente, que es lo más español, quijotesco, que existe. Que es darlo todo, entregarse. Y luego son los valores: el equipo, el sacrificio, el pundonor, el esfuerzo, el riesgo, la aventura de la vida, que es así, en frente de los cierres, las imposiciones, los miedos, los egoísmos. Es una forma de estar en la vida» (Díaz Ayuso, 2025).

[4] Aquí remito al lector a algunos artículos míos sobre esta temática: véase Měsíc (2021, 2024, 2025).

[5] Un mes después, este mismo torero falleció en Madrid el 27 de mayo de 1894, tras ser corneado por el toro *Perdigón*, de la ganadería de Miura.

En su libro *Zápasy s býky: Dojmy a obrazy ze Španělska* [Corrida de toros: Impresiones y estampas de España] (1896), Durdík detalla minuciosamente los tres tercios, el paseíllo y sus peculiaridades, así como el ambiente social y el arraigo que la corrida tiene para el pueblo español. Para ello, empleó los términos utilizados anteriormente por Pinkas, como **«**ganadería**»** (*býčínec*) (Durdík, 1896: 49), **«**aficionado**»** (*sportman*) (49), **«**aguacil**»** (*úřední osoba*) (51), **«**coleta**»** (*copánek*) (51) y **«**muleta**»** (*červené sukno*) (54), a los que añadió otros términos, como **«**capeador**»** (*plachetník*) (18), **«**banderillas**»** (*háky*) (30) o **«**torero**»** (*espada*) (32), entre otros.

También describe algunas peculiaridades de la lidia de la época. Como ya había señalado Pinkas (1880: 52), Durdík (1896: 18) confirmó que los picadores esperaban a los toros en el ruedo para picarlos en cuanto entraban, lo cual difiere de la lidia actual, en la que el picador actúa solo después de que el torero ha probado al toro con unos lances para valorar su condición física y su embestida. A continuación se desarrollaba el tercio de banderillas de forma similar a la actual, seguido de la faena. Sin embargo, en aquel tiempo, la labor del torero en el último tercio se limitaba a unos lances básicos, ya que lo más valorado era el arte de matar, más que el manejo de la muleta[6]. Tampoco la faena se medía como hoy: en lugar de una serie prolongada de pases, solía durar entre dos y cinco minutos.

En cuanto a la obra de Durdík, es importante destacar tres enfoques particularmente relevantes que lo vinculan con las observaciones de otros escritores checos. En primer lugar, la muerte de los caballos en el ruedo. En segundo lugar, el análisis de la percepción que tienen los extranjeros, especialmente alemanes y franceses; y, en tercer lugar, la crítica hacia sus compatriotas checos.

En lo que respecta a la muerte de los caballos en el ruedo a causa de las astas del toro, Durdík no se oponía a esta práctica, común hasta 1928, cuando el caballo y el picador estaban completamente expuestos a la embestida del animal. Los caballos asignados para este tercio solían ser ejemplares viejos y exhaustos que, en lugar de ser sacrificados directamente, eran enviados a cumplir su última tarea: enfrentarse al toro y morir en la plaza. Tal como muestra el relato de Durdík, la bravura de un toro se medía por el número de caballos que lograba matar: **«**Cuantos más caballos corneaba hasta matarlos, y cuanto más rápido los destrozaba, más lo aclamaba la gente, más entusiasmo despertaba, más fuerte era el alboroto que provocaba en la multitud enardecida. ¡Bravo toro!**»** (Durdík, 1896: 30). Durdík justificaba el uso de los caballos e incluso elogiaba su muerte rápida en la plaza, sugiriendo que, de algún modo, era preferible ser sacrificado por el toro que por un carnicero.

> Los caballos de los picadores son animales pobres, demacrados, consumidos por la edad, muy parecidos al viejo caballo de Don Quijote. Ya no sirven para nada: están gastados, lisiados, rotos, con las patas como heno seco y retorcido. El tiempo ha hecho estragos en sus colas, y apenas les queda crin, descolorida y enmarañada. Sus vientres cuelgan como sacos vacíos sobre sus costillas verticales; su cabeza huesuda, con profundas oquedades sobre los ojos, se sostiene apenas con sus muslos, y una lengua ennegrecida les cuelga de los labios como un mirlo. Uno siente compasión por estos viejos compañeros. Y, sin embargo, la muerte en el ruedo, que al espectador o lector le parece tan cruel, es para ellos una bendición, una redención. No permanecen mucho tiempo en el centro del ruedo. No se muerden la lengua del dolor, querido lector: uno o dos minutos, y todo termina. Y en ese sopor que precede a la muerte, son incapaces de albergar un solo pensamiento. Cuanta más sangre pierden por sus heridas, mejor: menos trabaja el cerebro, menos conciencia tienen de lo que les están haciendo (Durdík, 1896: 27).

[6] Este último comenzó a desarrollarse, sobre todo, a principios del siglo XX, con toreros como Joselito El Gallo (1895-1920), Juan Belmonte (1892-1962) o Manolete (1917-1947), dos de los cuales murieron a consecuencia de una cornada.

Las observaciones médicas del autor son frecuentes, y su carácter gráfico suele resultar impactante para muchos lectores, como cuando describe los intestinos de los caballos corneados y los compara con los de los humanos: «Los intestinos humean. Puede observarse en ellos un movimiento peristáltico, ondulante, como el que ocurre constantemente en todo ser vivo –también en ti, querido lector, si estás vivo» (25). Para Durdík, la muerte violenta de los caballos no resultaba escandalosa. Como antiguo médico militar, debía de estar acostumbrado a derramamientos de sangre mucho más extremos que los vividos durante una corrida.

Su juicio se enfoca enseguida en los extranjeros que critican el espectáculo: «Si alguien se desmaya en la plaza, siempre es un extranjero. Tal vez por eso los españoles tienen tan mala opinión de ellos –les reprochan cobardía y una sensibilidad lacrimosa. Solo un extranjero puede sentir lástima por una yegua miserable, escuálida y famélica» (Durdík, 1896: 50). También hay fragmentos en los que Durdík critica lo que podría llamarse la sensibilidad occidental incrustada en nuestras propias culturas: aquella que nos lleva a contemplar la muerte de civiles en las guerras con escasa o nula compasión. Esta misma mentalidad parece estar presente en los turistas occidentales moralmente escandalizados que entran en una plaza de toros solo para salir asqueados, incapaces de procesar una experiencia real de la muerte. Este es el aspecto que lo diferencia de Pinkas, quien sí experimentó una sensación de repulsión al presenciar el espectáculo.

> Un campo de batalla demuestra la brutalidad humana con mucha más intensidad que un montón de caballos viejos apresuradamente sacrificados y seis toros. Sí, las guerras –en las que perece todo lo fuerte, sano y valiente– revelan la salvajería, la crueldad y la corrupción humanas. Los viejos generales nos proclaman oficialmente que la guerra y la matanza en masa son aspectos naturales de la vida de una nación. ¿Y tú, turista sensible, te indignas por una docena de cadáveres de animales? ¿De verdad se te subió la sangre a la cabeza? ¿De verdad ansiabas respirar aire fresco? Admítelo: estabas recitando inconscientemente las frases que te inculcaron en la escuela, cuando aún eras un niño ingenuo que creía todo lo que le decían. Y, sin embargo, ese mismo turista sensible, al oír en un informe de guerra que han muerto cincuenta personas, puede decir: ¿Solo cincuenta? ¿Tan pocos? Ya se ha acostumbrado a la matanza masiva de seres humanos... pero la muerte de unos viejos caballos lo conmueve profundamente. No creo en los turistas (Durdík, 1896: 62-64).

A continuación, el autor analiza la sensibilidad de alemanes y franceses, quienes –según él– muestran una disposición limitada para aceptar manifestaciones culturales ajenas a su propio universo de referencia. En particular, rechazan la corrida de toros al interpretarla exclusivamente desde su propio y restringido marco cultural. Durdík, en cambio, elogia las diferencias entre las naciones y sus expresiones culturales (187), y plantea una hipótesis sobre cómo perciben la corrida de toros un español y un extranjero. En particular, sostiene que un español tiende a ver la belleza del espectáculo y no se enfoca en la sangre ni en la brutalidad, aspectos en los que sí se centran los turistas. Durdík compara esta diferencia de percepción con el caso de Praga, que en esa época atravesaba un proceso de adoquinamiento de sus calles: en lugar de apreciar la belleza del castillo, del Puente de Carlos o de la Puerta Dorada de la catedral de San Vito, según él, el turista se centraba más en los aspectos negativos y tendía a comparar y juzgar todo según sus propias expectativas (Durdík, 1896: 135).

Esa es la diferencia fundamental entre ambos, ya que los turistas o extranjeros –aunque sea de forma inconsciente– tienden a criticar todo aquello que no se ajusta a los estándares de vida de sus países de origen, lo cual les impide apreciar plenamente lo que observan mientras viajan. En cuanto a la lidia, lo que valoraban los aficionados de la época era la forma de matar y la heroicidad con la que se ejecutaba la corrida, siempre dentro de unos cánones específicos, y no el aspecto sangriento de la fiesta. En el siguiente párrafo,

Durdík resume con precisión lo que, según él, valora un aficionado español, y con ello demuestra su pleno entendimiento de la corrida de toros:

> Los españoles no se deleitan en estas lidias con la sangre, sino con la hombría, la agilidad y el valor frío de sus toreros. Los españoles valoran en el torero única y exclusivamente el arte del toreo. El derramamiento de sangre no les interesa. No les importa tanto que el torero mate al toro, sino *cómo* lo mata: a tiempo, con soltura, con una gracia encantadora y natural, precisamente en ese instante terrible en que el toro se lanza en un ataque desesperado para aplastar a su adversario. El torero no es, como diríamos, un fanfarrón bocazas, sino un verdadero héroe» (Durdík, 1896: 142).

Por último, el autor no evita criticar a sus propios compatriotas. En primer lugar, reprueba que hablen entre ellos en alemán en lugar de en checo, lo cual interpreta como una señal de subordinación y falta de orgullo nacional (212-213). También critica el carácter de los checos, quienes, según él, aceptan sin resistencia las decisiones impuestas por quienes detentan el poder. Como ejemplo, menciona el acuerdo sobre los llamados «Artículos Fundamentales» de 1871, conocidos como *Fundamentálky*, que trataban de la emancipación del Reino de Bohemia dentro del Imperio austrohúngaro, pero que finalmente no se materializaron al ser rechazados por Francisco José I de Austria (1830-1916). A pesar de este rechazo y de la desilusión que provocó entre los nacionalistas e independentistas checos, la población no se rebeló y aceptó sumisamente la autoridad absoluta del Imperio austrohúngaro. En esta línea, Durdík contrasta el carácter checo con el de los franceses del sur –también aficionados a las corridas de toros–, quienes se rebelaban contra el gobierno central ante cualquier intento de restringir sus derechos y libertades (Durdík, 1896: 226). Estos contrastes, presentados a lo largo del libro, sirven para poner en evidencia el carácter checo frente al de los españoles, o en este caso, los franceses del sur, orgullosos de sus tradiciones, aunque considerados bárbaros a ojos de algunos extranjeros. El orgullo nacional, según se desprende del libro, Durdík lo encontraba más en la cultura eslava-rusa que en la propia, lo que puede explicarse por su patriotismo y la decepción ante la ausencia del tan anhelado independentismo frente al Imperio. Para que ese anhelo se materializara, habría que esperar hasta el año 1918. Sin embargo, el autor no vivió para presenciarlo.

***

El último viajero checo que trató la corrida de toros en el siglo XIX fue el médico Erazim Vlasák (1863-1904), quien publicó sus impresiones sobre el viaje al Congreso Internacional de Higiene, celebrado en Madrid en 1898, en el libro *Cesta do Madridu* [*Viaje a Madrid*] (1899). Según las fuentes de la época, se trató de un evento de gran relevancia, organizado entre los días 10 y 17 de abril, que reunió a alrededor de cuatrocientos médicos y científicos de todo el mundo, acogidos por la propia Casa Real, representada por Alfonso XIII y su madre, la reina regente María Cristina de Habsburgo-Lorena (Vlasák, 1899: 52-56).

Para los participantes se organizaron visitas y excursiones a los lugares más emblemáticos de la ciudad. Sin embargo, lo más representativo fue, sin duda, una corrida de toros, anunciada en el periódico *El Imparcial* de la siguiente manera:

> La empresa de la Plaza de Toros, de acuerdo con la Diputación provincial, celebrará mañana domingo 17 una gran corrida, segunda de abono, dedicada a los señores que componen el Congreso higienista en esta corte,

> lidiándose seis toros de la acreditada ganadería de D. Anastasio Martín, de Sevilla, siendo los matadores Minuto, Fuentes y Bombita. La corrida empezará a las cuatro en punto (*El Imparcial*, 1898: 3).

Como vemos, el cartel lo integraban algunos de los toreros sevillanos más destacados de la época. Entre ellos, Enrique Vargas González, conocido como **«**Minuto**»** (1870-1930), apodado así por su baja estatura. Personaje excéntrico que alcanzó gran fama en los comienzos de su carrera por enfrentarse a las reses más bravas (Nieto, 2000: 90). También figuraba en el cartel Antonio Fuentes (1869-1938), torero de enorme popularidad en su tiempo, conocido por la elegancia y el refinamiento de su estilo. El célebre Rafael Guerra **«**Guerrita**»** (1862-1941) pronunció sobre él una frase que pasó a la historia: **«**Después de mí, nadie; y después de nadie, Fuentes**»** (Nieto, 2000: 86). El tercer integrante fue Emilio Torres Reina, apodado **«**Bombita**»** (1874-1947), otro sevillano que despertó grandes expectativas al inicio de su carrera y que sufrió numerosas cornadas a lo largo de ella. Tomó la alternativa con toros de la ganadería de Anastasio Martín en Sevilla, el 29 de septiembre de 1893 (Nieto, 2000: 111). Curiosamente, fue esta misma ganadería –famosa por la bravura de sus reses– la encargada de lidiar en la corrida organizada para los asistentes al congreso, aunque, según la prensa, los toros no dieron un gran juego (**«**Plaza de toros de Madrid: 2ª corrida de abono**»**, 1898: 2-3).

Es evidente que Vlasák no comprendió las tecnicidades del toreo, ya que su descripción de la corrida se limita a las impresiones generadas durante su visita a un matadero madrileño. Allí, fue testigo de un verdadero maltrato animal durante la matanza del ganado, y a partir de esta experiencia concluye: **«**Tras visitar los mataderos y llevarnos de allí una amarga impresión sobre la humanidad de los españoles, comprendimos mejor su afición a las corridas de toros**»** (1899: 57-58). Vlasák no valoró el carácter nacional de la corrida de toros, ni buscó en la sociedad y la cultura hispánicas aquellos grandes rasgos con los que pudiera contrastar y apreciar los propios. Puede decirse que no era un nacionalista al estilo de Pinkas o Durdík, sino un hombre de naturaleza bondadosa y humanitaria que, a pesar de ser médico, no soportaba la visión de la sangre. Según sus propias palabras, abandonó la plaza tras la muerte del segundo toro.

> Seis toros cayeron en honor al Congreso de Higiene. Nosotros, tras la muerte del segundo toro, abandonamos el gran anfiteatro indignados y profundamente conmovidos. Cuando expresamos a los médicos madrileños nuestra queja por la crueldad de lo que llaman 'corridas de toros', sonrieron y nos dijeron que pronto nos acostumbraríamos a ese espectáculo y que acabaríamos admirándolo como cualquier nativo. Lo dudamos, y lo dudamos seriamente, sin desear jamás volver a cruzar el umbral de la *Plaza de Toros*.
>
> Particularmente, sentimos compasión por los caballos, que en un instante tenían el vientre desgarrado y caían sobre la arena abrasada por el sol, tiñéndola con su sangre inocente (Vlasák, 1899: 58).

En contraste con Durdík, la muerte de los caballos en el ruedo provocó en Vlasák un profundo rechazo. Los describe como «inocentes» y, de sus palabras, se deduce claramente que se identificaba con los animales sacrificados, de forma similar a como lo harían algunos escritores del siglo XX. Sin embargo, Vlasák describió en su libro el desarrollo de cada tercio, así como el ritual que acompaña al festejo –desde el rezo de los toreros en la capilla hasta el final de la corrida–, e incluso incluyó una breve revisión histórica de la tauromaquia (58-61). Además, incorporó nuevos términos al vocabulario taurino en checo, como «aguaciles», traducido como *magistrátní sluhové* (59), o «divisa», traducida como *praporeček* (59). A pesar de su interés informativo, el autor, al salir de la plaza tras la lidia del segundo toro y al comentarle que aún quedaban otros cuatro, respondió: «Quedaos con vuestros toros, y nosotros nos quedaremos con nuestro corazón» (1899: 61), poniendo de manifiesto la distancia entre su sensibilidad y la del público español.

3. Conclusión

Como hemos visto, la sensibilidad hacia la corrida de toros adoptó distintos matices entre los nacionalistas checos del siglo XIX. Pinkas manifestó inicialmente una valoración intelectual de la tradición, pero terminó profundamente impresionado y asqueado tras presenciar una corrida en vivo. Durdík, por su parte, adoptó una postura más entusiasta: exaltó la tauromaquia como símbolo de valor y la utilizó como metáfora para alentar el patriotismo checo y la resistencia frente al gobierno austríaco. Ninguna de estas actitudes, sin embargo, se refleja en Vlasák, quien, pese a conocer la tradición taurina, la rechazó de forma tajante, mostrando una clara identificación con los animales sacrificados. Su postura marca el inicio de una nueva generación de escritores checos del siglo XX fascinados por España, pero con una actitud más crítica hacia la tauromaquia. Entre ellos figuran Jan Rambousek (1895-1976), Vlastimil Kybal (1880-1958), Jan Václav Rosůlek (1894-1958), Karel Čapek (1890-1938), Otakar Novotný (1880-1959) y Josef Müldner (1880-1954). Con la excepción de Kybal y Čapek –cuyas observaciones revelan una voluntad de comprensión y respeto hacia la corrida–, en los demás se percibe una actitud típicamente centroeuropea, a veces incluso algo condescendiente, frente a esta tradición.

Esta evolución refleja también cambios en nuestra percepción del mundo y de las tradiciones. Dichos cambios, iniciados en el siglo XX, se han intensificado hasta la actualidad. No se trata únicamente de una transformación en la sensibilidad de ciertos pueblos o países, sino de un fenómeno global que tiende a eliminar el conocimiento de la muerte de nuestras vidas y a construir la ilusión de una existencia eterna. Este proceso nos aleja no solo de lo más profundo del ser humano –las tradiciones y la cultura–, sino incluso de nuestra propia vida, al negarle uno de sus componentes esenciales: la muerte.

Para los autores checos del siglo XIX, la corrida de toros tenía el potencial de remitir a los orígenes del humanismo, a pesar de haber sido utilizada como símbolo artificial del nacionalismo español. En ese contexto, no se percibía como un mero espectáculo «exótico», sino como un rito que, a ojos de ciertos intelectuales, podía vincularse con ideales humanistas originarios por su carga ritual, su relación con la antigüedad clásica y su dimensión artística y de valor humano frente a la naturaleza. Sin embargo, ya en la España decimonónica funcionaba como un símbolo «fabricado» de nacionalismo, y en el contexto checo se resignificó para alimentar un nacionalismo propio, aprovechando ese mismo exotismo y el prestigio literario o artístico que la corrida evocaba. De este modo, un mismo referente cultural servía para unos como vía de acceso a un humanismo universal y, para otros, como simple recurso de identidad política, condición que ha perdurado hasta nuestros días.

Bibliografía

Agulló y Cobo, M. (1971). *Madrid en sus diarios: Tomo cuarto años 1876-1890*. Instituto de Estudios Madrileños.

Amorós, A. (4 de enero de 2024). La Fiesta Nacional. *El Debate*. https://www.eldebate.com/cultura/20240104/fiesta-nacional_163771.html

Díaz Ayuso, I. (1 de junio de 2025). ¿Qué es la tauromaquia para Isabel Díaz Ayuso? [Entrevista televisiva]. En V. Santos Linares (Entrevistadora), *Feria de San Fernando*. OneToro TV.

Durdík, P. (1896). *Zápasy s býky. Dojmy a obrazy ze Španělska* [Corrida de toros. Impresiones y estampas de España]. František Bačkovský.

Galván, E. T. (1988). *Los toros, acontecimiento nacional*. Turner.

Höbelt, L. (2012). Devolution Aborted: Franz Joseph I and the Bohemian «Fundamental Articles» of 1871. *Parliaments, estates & representation*, *32*(1), 37-52.

El Imparcial. (16 de septiembre de 1878). (Núm. 4.063), 1-4. https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=b91c5036-cbbc-4cf1-a709-460b6452e8c7

El Imparcial. (16 de abril de 1898). (Núm. 11.125), 1-4. https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=805c1830-69c4-4198-a370-5cc7b00eb19a

Mahoney, W. M. (2011). *The History of the Czech Republic and Slovakia*. Bloomsbury.

Měsíc, J. (2021). Las huellas del Mesías en la corrida de toros. *Revista de Estudios Taurinos*, *47*, 251-275.

Měsíc, J. (2024). La evolución mística de Antonio Ferrera: Entre el simbolismo barroco, la cosmovisión maya y el flamenco. *Imago crítica. Revista de Antropología y Estudios Culturales*, *10*, 79-110. https://revistaseug.ugr.es/index.php/imago/article/view/32727/29372

Měsíc, J. (2025). Beyond the Red Cape: The Spiritual Odyssey of Antonio Ferrera. *The International Journal of Interdisciplinary Cultural Studies*, *20*(2), 99-122.

Nieto Manjón, L. (2000). Reverte. En *Toreros de Sevilla (de Costillares a Espartaco)* (101-105). Alianza de Periódicos Independientes.

Pinkas, O. (1890). Zlatá Praha, 7(17), 204. https://archiv.ucl.cas.cz/index.php?path=ZlataPrahaII/7.1889-1890/17/204.png

Pinkas, O. (1880). *Cesta po Španělích*. Knihtiskárna Politiky.

Plaza de toros de Madrid: 2ª corrida de abono. (17 de abril de 1898). *El Enano*, *369*, 2-3. https://hemerotecadigital.bne.es/hd/es/viewer?id=4d82e05c-6e44-48b4-80cc-f5905ab0dfb1

Royuela, V. (2021). Estudio de los factores económicos y sociales que impactan en la celebración de espectáculos taurinos en España. Universidad de Barcelona.

Vlasák, E. (1899). *Cesta do Madridu* [Viaje a Madrid]. Autor-editor.

ЛЕНИН ПО-ИСПАНСКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИМИНУТИВОВ

Mikhail Mikhailov
Tampere University (Finland)

1. Введение

1.1. Ленинские работы и их переводы как исследовательский ресурс

В. И. Ленин умер сто лет назад, однако он по-прежнему «живее всех живых» и споры вокруг этого человека и его наследия не утихают. Для одних он стал богом, для других – злым гением. После смерти Ленина постепенно сложился культ его личности, который стал фундаментом советского общества и идеологии (см. Tumarkin, 1983: 91; Юрчак 2014: 125-128). Важнейшим инструментом построения этого культа была публикация и распространение работ Ленина как в русском оригинале, так и в виде переводов на другие языки. По сведениям базы данных переводов Index Translationum (Index Translationum, n.d.)Ленин входит в десятку самых переводимых авторов, наряду с Агатой Кристи, Уильямом Шекспиром, Жюлем Верном и Гансом Христианом Андерсеном.

Ленин писал много: оружием большинства революционеров начала 20-го века было скорее перо, чем бомба, и даже сторонники террористических методов борьбы – народники, эсеры и др. – все равно писали статьи и прокламации. В 1917 году, возвращаясь в Россию из эмиграции и заполняя опросный лист на финляндской границе, Ленин в графе «Чем занимается, профессия» написал «журналист» (Ketola, 1989, 13). Будущий основатель Советского государства сообщил чистую правду: он был автором сотен статей, заметок и брошюр.

Произведения Ленина относятся к всевозможным жанрам: полемические заметки, статьи, партийные программы, пропагандистские брошюры, речи. Всего вышло пять изданий полного собрания сочинений Ленина, причем каждое последующее было больше предыдущего: Институт Марксизма-Ленинизма не переставая работал с архивами и находил все новые, ранее неопубликованные, работы вождя. Пятое издание полного собрания сочинений Ленина насчитывает 55 томов.

Удивительно то, что, несмотря на обилие всевозможных публикаций о Ленине за прошедшее столетие, этот человек по-прежнему остается загадкой (Service, 1985: 3). В Советском Союзе ученым мешал культ личности Ленина, делавший объективные исследования невозможными. А западные исследователи не очень охотно брались за эту тему, а если и брались, то в обстановке Холодной войны отношение к Ленину было по умолчанию отрицательным. Однако и после развала Советского Союза объективных, ставящих точки над “i”, публикаций не появилось (см., напр. Service, 1995: xiii). Возможно, причиной падения интереса к Ленину стал кризис коммунистического движения, который обострился в 1990-е, после распада СССР (Gómez L-Quiñones & Winter, 2017: 21; Шулико, 2019).

Другой странностью исследований о Ленине является то, что его сочинения не стали предметом междисциплинарного анализа. Да, эти тексты читали, но лишь на предмет непосредственно содержащейся в них информации. Публикации о языке и стиле Ленина существуют, но это чисто

филологические работы, вносившие свой вклад в строительство культа Ленина (см. например, статьи ведущих лингвистов и филологов 1920-х годов в номере ЛЕФ, посвященном языку Ленина: Казанский, 1924; Томашевский, 1924; Тынянов, 1924; Шкловский, 1924; Эйхенбаум, 1924; Якубинский, 1924). В 1970-е годы была сделана попытка составления словаря языка В. И. Ленина (Даниленко & Хохлачева, 1975; Филин, 1974), однако проект остался незавершенным, в первую очередь из-за все той же мифологизации Ленина, которая мешала работе (Петерс, 2007).

Можно было бы ожидать появления исследований сочинений Ленина с помощью методов корпусной лингвистики и дискурс-анализа. Тем не менее, таких работ по-прежнему мало (см., напр., Приходько, 2012), несмотря на популярность этих методик для анализа политических текстов. И это при том, что получение исследовательских материалов не представляет трудности: марксистские сообщества уже давно оцифровали труды классиков марксизма и разместили их в Интернете в открытом доступе.[1]

1.2. ParVLen – параллельный корпус работ Ленина и их переводов

В Университете Тампере (Финляндия) проводятся работы по составлению параллельного корпуса текстов по работам Ленина. Корпус ParVLen на момент написания настоящей статьи включал в себя три подкорпуса: русско-финский, русско-английский и русско-испанский. Состав корпуса представлен в табл. 1, корпус постоянно пополняется новыми текстами.

Подкорпус	**Языковая пара**	**Количество пар текстов**	**Количество словоупотреблений в переводах**	**Источник**
ParVLen.En	русско-английский	39	600 000	Собрание сочинений, Прогресс (Москва)
ParVLen.Es	русско-испанский	22	600 000	Три собрания сочинений: Прогресс (Москва), Akal (Мадрид), Cartago (Буэнос-Айрес)
ParVLen.Fi	русско-финский	421	1 700 000	Переводы разных лет: отдельные брошюры, собрания сочинений, российские и финляндские издательства.

Таблица 1. Состав корпуса ParVLen (декабрь 2025)

Основным источником материала являются текстовые архивы марксистских сообществ в Интернете. Русские оригиналы берутся с сайта leninism.su, переводы – с marxists.org. Представленность переводов Ленина на разные языки варьируется в зависимости от активности сообществ в разных странах. Некоторые тексты доступны в текстовом формате, другие – только в формате PDF. Кроме того, участники настоящего проекта ищут бумажные издания в букинистических магазинах и библиотеках и оцифровывают их самостоятельно.

Графические файлы распознаются с помощью OCR-приложения ABBYY Fine Reader. Оригинал и перевод выравниваются с помощью элайнера LF Aligner (https://sourceforge.net/projects/aligner/), выравнивание корректируется вручную. Лемматизация и морфо-синтаксический анализ выполняются с помощью парсеров Turku neural parser pipeline (Kanerva et al., 2018; Kanerva et al.,

[1] Например, marxists.org, leninism.su и др.

2020). Корпус хранится на виртуальном сервере, предоставленном университету государственным концерном CSC. Поиск в корпусе осуществляется с помощью корпус-менеджера NoSketch Engine (https://www.sketchengine.eu/nosketch-engine/).

Испанско-русский корпус пока небольшой по размерам, но в нем уже достаточно данных, чтобы выполнять исследовательские работы по частным проблемам. Одной из таких проблем посвящена эта статья.

1.3. Цели и задачи исследования

В настоящей статье будет с помощью корпусных методов исследоваться выбор испанских переводных соответствий для русских диминутивов в работах В. И. Ленина.

Диминутивы – это существительные, прилагательные и наречия с уменьшительным значением, образующиеся с помощью определенных продуктивных моделей, например, *дом → домик*, *стол → столик, красный → красненький* и т. п. Как в русском, так и в испанском языке димунитивы легко образуются и активно употребляются. Для стиля Ленина, как будет показано в статье, характерна высокая частотность этих слов, и они используются главным образом как средство выражения иронии.

Предполагается, что, несмотря на наличие в испанском языке необходимых словообразовательных средств, переводчики вряд ли будут ими активно пользоваться в связи с высокой степенью «окрашенности» диминутивов в ленинских работах, ведь одной из универсалий перевода является нейтрализация (Baker, 1996).

Исследование не ставит целью сравнение употребления диминутивов в русском и испанском языках. Это языковое средство рассматривается в статье как инструмент политического дискурса, и задачей является выяснить, насколько оно применимо при переводе политического текста на другой язык.

Мы начнем с краткого обзора лингвистической литературы о русских и испанских диминутивах. Затем будет описана методика получения исследовательских данных из корпуса текстов и представлены полученные результаты. Помимо дескриптивной статистики будут даваться и конкретные примеры употребления диминутивов в оригинальных текстах и применявшихся переводческих решений. В заключении будут сделаны выводы и предложены интерпретации результатов.

2. Диминутивы в русском и испанском языках

Как известно, русский и испанский – очень разные языки, как в историческом, так и в типологическом аспекте. Тем не менее, несмотря на географическую и культурную удаленность, встречаются в этих языках и удивительные сходства. Одной из таких общих черт является любовь к уменьшительным суффиксам. Русский язык славится своими диминутивами (*книжка, собачка, веревочка, блюдечко, лисичка со скалочкой* ...) и квазидиминутивами (*девочка, сосулька, площадка*). В русском языке диминутивы чрезвычайно характерны как для разговорного, так и для письменного языка (см., напр., Воейкова, 2020; Николина, 2020; Чернявская, 2022), о их важной роли в русской картине мира пишет Анна Вежбицка (Вежбицкая, 1996, 50-55).[2] В русской художественной литературе диминутивы часто используются для речевой характеристики персонажей (например, Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Достоевского или инженер Брунс в «12 стульях» Ильфа и Петрова). В неславянских языках это явление распространено достаточно мало, и диминутивы образуются

[2] В источнике устаревшая транслитерация фамилии автора.

только от некоторых имен существительных (англ. *John* → *Johnny*, *dog* → *doggie*, нем. *Tisch* → *Tischchen*, *Tischlein*, финск. *tyttö* → *tyttönen*, *pala* → *palanen*). Поэтому диминутивы создают определенные трудности при переводе с русского языка на многие европейские языки (см., напр., Есакова, 2020). Но для испанского языка диминутивы очень характерны, и их употребление, возможно, не менее активно, чем в русском языке, хотя их частотность в разных региональных вариантах сильно различается (см. NGLE, n.d.; Eddington, 2017; Tello, 2024).

Продемонстрируем в очень общих чертах возможности образования диминутивов в русском и испанском языках, взяв случайные слова разных частей речи и разных семантических групп (таблица 2).

Русский язык	**Испанский язык**
Иван → Иванушка, Ивашка, Ивашечка	Juan → Juanito, Juancito, Juanillo
бедный → бедненький, бедняжка, бедняжечка	pobre → pobrecito, pobrecillo
толстяк → толстячок, толстунчик, толстячишко	gordo → gordito
дом → домик, домишко, домишечко	casa → casita, casilla
собака → собачка, собаченька, собачонка, собачоночка	perro → perrito, perrillo
тут → туточки	ahora → ahorita
чуть → чуток, чуточку	poco → poquito

Таблица 2. Диминутивы в русском и испанском языках

Как видно из таблицы 2, диминутивы в обоих языках образуются достаточно легко, а в некоторых случаях можно даже использовать разные словообразовательные модели для одного и того же корня. Причем в обоих языках диминутивы образуются и от существительных, и от прилагательных, а иногда – и от слов других частей речи.

И в русском, и в испанском языках существует множество различных моделей для образования диминутивов, однако их употребление различается. В русском языке разные модели, как правило, используются для выражения различных значений, например, *книга* → *книжка* (позитивное отношение говорящего), *книжечка* (ласковое отношение), *книжонка* (уничижительное отношение), *книженция* (грубовато-позитивное). В испанском же разные модели образования диминутивов связаны не только с семантикой (Reynoso Noverón, 2005), но и с географическим вариантом языка (Eddington, 2017; Reynoso Noverón, 1998; Tello, 2024, 5).

Семантика диминутивов схожа в обоих языках: 1) объекты маленького размера (г*ородок, городишко, деревушка, деревенька, pueblito*), 2) объекты, к которым говорящий относится позитивно (*дедушка, бабушка, дедуля, бабуля, abuelito, abuelita*), 3) объекты, к которым говорящий относится негативно (*докторишка, doctorcito*), 4) смягчение негативного значения (*дурачок, толстячок, толстячишко, tontito, gordito*), 5) ирония (*работка, работёнка, дружок, дружочек, amigito, trabajito*). Употребление диминутивов не сводится к маленьким размерам, и нередко к значению (1) добавляется одно из оставшихся трех или их комбинация (например, маленькие размеры + позитивное отношение + ирония), кроме того, во многих случаях объекты не отклоняются от нормы по размерам.

Таким образом, буквальный перевод фраз, содержащих диминутивы, с русского на испанский или с испанского на русский технических затруднений вызывать не должен.

(1) Una casita pequeñita pero funcional → Домик малюсенький, но функциональный

Однако, возможность не есть реальность. Насколько часто диминутивы переводятся диминутивами в реальных переводах, не в примерах из учебников по сравнительной типологии?

Переводчики с русского на испанский с подозрением относятся к русским диминутивам и далеко не всегда сохраняют их в переводах. Например, Лобос в своей диссертации сравнивает разные переводы Гоголя на испанский язык и отмечает трудности при поиске соответствий для многих гоголевских диминутивов, таких как *крышечка, крылышко, безешка* и т. п. Многие из них, хотя и могут быть формально переданы на испанском, звучат в переводе неестественно (Lobos, 2015: 159-160, 181, 187, 205-206).

Передачу русских диминутивов в испанских переводах можно исследовать с помощью параллельного корпуса текстов, при этом переводы, включенные в корпус, должны быть выполнены профессиональными переводчиками непосредственно с исходных текстов (не через язык-посредник). Корпус ParVLen хорошо подходит для этой задачи. Однако, сразу же следует оговориться: данное исследование не даст исчерпывающего ответа на вопрос, как переводятся диминутивы с русского на испанский. Для решения такой задачи потребовался бы корпус текстов, включающий тексты разных жанров, написанные разными авторами, переведенные разными переводчиками.

Наш корпус текстов специализированный, поэтому он даст ответ лишь на вопрос о том, как переводили диминутивы, употребляемые Лениным. Переводы эти изданы давно, и вполне возможно, что современные переводчики с русского на испанский пользуются другими стратегиями.

3. Диминутивы как характерная особенность ленинского стиля

3.1. Отражение личности Ленина в его работах

Культ Ленина превратил реального Владимира Ульянова в мифологическую фигуру: умный, добрый, мудрый и всемогущий (Юрчак, 2014: 125-128). «Самый человечный человек», как назвал его поэт Владимир Маяковский. Был ли реальный Ленин действительно таким? Один из способов получения сведений о человеке – внимательно читать написанные им тексты: по языку и стилю можно составить довольно полное представление об авторе. Читая Ленина, нельзя не заметить его эрудированность и начитанность: повсюду примеры из истории, русской и классической литературы, цитаты на разных языках. Стиль очень четкий, текст хорошо продуманный, трудно найти штампы и банальности. Ленин – мастер аргументативного текста: многие его статьи написаны в форме дискуссии с оппонентами. Любимый прием Ленина – найти в аргументации оппонентов слабые места и «задавить» их контраргументами, цитатами из авторитетных авторов (особенно Маркса и Энгельса) и примерами из жизни. Словарный запас богатый (это отмечали и создатели так и не осуществленного словаря языка Ленина). Тексты Ленина яркие, там много интересных метафор, а иногда он и вовсе становится лиричным.

(2) Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. («Что делать?», 1902)

Однако, нельзя не заметить, что «добреньким» (кстати, это одно из любимых слов Ленина) он не был, скорее наоборот. Его критика всегда злая, он никогда не жалеет оппонента.

(3) Мартынов пытается хлестко полемизировать с «Пролетарием», но у него выходит, благодаря неумению поставить вопрос, беспомощное и неуклюжее барахтанье («О некоторых источниках современного идейного разброда», 1909).

Внимательное чтение Ленина позволяет увидеть, что этот человек был не только умным, эрудированным и бескомпромиссным, но и высокомерным, циничным, и даже жестоким. Это не-

возможно убрать из оригинальных текстов. Единственно, что можно сделать, это не публиковать особенно злые статьи, а если это невозможно, то не включать такие тексты в учебные программы.

При этом переводы Ленина на другие языки оказываются более гибким инструментом для манипуляции. Можно попытаться скрыть настоящего, «недоброго» Ленина в переводах путем смягчения и сглаживания текста. И действительно, Ленин, переведенный на другие языки, становится скучным и бесцветным. По крайней мере, такое впечатление осталось у автора настоящей статьи при чтении английских, испанских и финских переводов. Это, разумеется, лишь субъективное впечатление. С другой стороны, нейтрализация и нормализация языка – одна их универсалий перевода (Baker, 1996), смягчение и сглаживание языка может и не быть связано с построением культа Ленина.

3.2. Диминутивы в языке Ленина

Использование уменьшительных форм очень характерно для стиля Ленина. Возможно, он часто употреблял их и в повседневной речи. Ленин нередко использует уменьшительные слова в контекстах, где более оправданно было бы употребление нейтральных слов, особенно он любит такие слова, как *книжка, немножко, ни капельки.*

(4) «Эксплуататоры составляли всегда лишь небольшое меньшинство населения» (стр. 14 книжки Каутского). («Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918).

Почему *книжка*? Мы ведь знаем, что Ленин не любит «ренегата» Каутского! Потому что он любит книги? Может быть. Диминутивы являются хорошим инструментом для выражения иронии: *богатенький, добренький, местечко, чистенький*. В определенных контекстах ими можно выражать и более сильные чувства: сарказм, презрение, ненависть. Именно такую функцию и играют диминутивы в текстах Ленина: они являются прежде всего средством выражения оценки, обычно негативной. Они показывают ироничное отношение к противнику. Идейный оппонент не *интеллигент*, а *интеллигентик*, не *господин*, а *господчик* и т.д.

(5) Корысть, грязная, злобная, бешеная корысть денежного мешка, запуганность и холопство его прихлебателей — вот настоящая социальная основа современного воя интеллигентиков , от «Речи» до «Новой Жизни», против насилия со стороны пролетариата и революционного крестьянства. («Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», 1917).

Впрочем, употребление диминутива не является единственным средством выражения негативных эмоций автора, так, в примере (5), оно многократно усиливается оценочными прилагательными (*грязный, злобный, бешеный*) и существительными негативной оценки (*холопство, прихлебатель, вой*). На смешение в стиле Ленина «высокого» и «низкого» обратил внимание еще Якубинский (1924).

4. Русские диминутивы и их испанские эквиваленты в корпусе ParVLen.ES

4.1. Исследовательский материал

Переводы Ленина на испанский язык представляют большой интерес, и не только потому, что испанский язык является мировым языком и левые идеи играли и продолжают играть важную роль в испаноязычных странах. С точки зрения лингвистики и переводоведения интересно, что существует по крайней мере семь разных изданий собраний сочинений Ленина на испанском языке, опубликованных в разных странах: одно – в СССР, два – в Аргентине, одно – в Испании , два – в Мексике, и одно – на Кубе (Fajardo, n.d.).

На данный момент автору настоящей статьи удалось получить только переводы, опубликованные в Москве (изд. «Прогресс») и Мадриде (изд. Akal), и некоторые аргентинские переводы (изд. Cartago). Но даже поверхностное сравнение текстов показало, что эти они не являются перепечатками одного и того же издания. Между переводами, опубликованными этими издательствами, есть текстуальные различия, правда, не очень значительные. К сожалению, информация о переводчиках и редакторах в этих изданиях отсутствует.

Русско-испанский подкорпус корпуса ParVLen пока небольшой по размеру (см. табл. 1), но включает в себя наиболее значимые работы Ленина, например, «Государство и революция», «Что делать?», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь "левизны" в коммунизме». Вариативность в переводах одних и тех же текстов является важным источником данных как для лингвистических, так и для переводоведческих исследований. Поэтому в корпус включались все доступные переводы. Таким образом, в данном исследовании будет возможность сравнивать переводные эквиваленты, используемые в разных переводах одних и тех же произведений.

4.2. Обработка данных из корпуса текстов

На первом этапе исследования был получен список всех диминутивов из русских и из испанских текстов корпуса. Это было сделано путем запроса на языке CQL по частотным лемматизированным спискам. Запрос[3] имел следующий вид:

.*шк.|.*ик|.*чк.|.*ньк..?|.*чок|.*чек|.*ул.|.*лък.|.*жк.|.*ц.|.*нк.|.*лк.

В полученном с помощью этого запроса списке было довольно много слов, не являющихся диминутивами, поэтому список был проверен вручную. Однако, исключение из запроса шаблонов, дающих много «шума» (некорректных результатов), привело бы к увеличению количества ненайденных слов, поскольку многие диминутивные суффиксы являются многозначными (ср. *речка, свечка*, но *ручка, пачка*).

Далее из полученных списков были исключены слова с абсолютной частотой ниже 5, а для оставшихся слов с помощью параллельных конкордансов были найдены испанские переводные соответствия. Результаты показаны в таблице 3. Для удобства диминутивы выделены в отдельный столбик, в скобках указаны существующие в испанском языке,[4] но не использовавшиеся в переводах диминутивы.

Русское слово	**Частота**	**Испанские эквиваленты**	**Диминутивы**	**Частота диминутивов**
местечко	44	puesto, cargo	puestecito, puestecillo	11
словечко	39	palabra	palabrita, frasecita, palabreja	21
книжка	33	libro, folleto	librito, (librillo), (folletito)	1
хозяйчик	30	patrono, propietario		0

[3] Запрос на CQL использует нотацию regex (Regular Expressions), основная идея которой заключается в формировании гибких поисковых шаблонов. Подробное описание есть на сайте Sketch Engine, https://www.sketchengine.eu/guide/regular-expressions/.

[4] Существование и употребимость испанских слов проверялись по веб-корпусу esTenTen23 (https://www.sketchengine.eu/estenten-spanish-corpus/).

учредилка	30	Asamblea Constituyente		0
сладенький	26	melifluo, dulzón	(dulcecito)	0
ступенька	16	escalón, escalera		0
образчик	14	modo, muestra, ejemplo, modelo		0
мужичок	13	patán, rústico, mujik, aldeano, campesino		0
хорошенько	12	bien		0
капелька	12	menor rastro, menor, de ningún modo, más mínimo	(poquito)	0
немножко	10	algo (más/menos), un tanto, ligero	(poquito)	0
интеллигентик	9	intelectual	intelectualillo	5
иудушка	12	Judas	Judasito	4
дорожка	9	camino, sendero, senda		0
дурачок	9	cándido, imbécil, necio, tontaina		0
пустячок	9	tontería, pequeño defecto, bagatela, pequeñez		0
кучка	8	grupo, puñado		0
частичка	7	pequeña porción, pequeña parte, partícula, fragmento		0

Таблица 3. Диминутивы в корпусе ParVLen.ES и их испанские переводные эквиваленты в корпусе

Таблица 3 хорошо показывает, что в реальном переводе далеко не всегда переводным эквивалентом диминутива является диминутив. Довольно распространены лексические соответствия (*сладенький – melifluo, мужичок – patán*), кроме того, во многих случаях используется нейтральная лексика (*хорошенько – bien, кучка – grupo*).

Поиск диминутивов в испанских переводах дает не менее интересные результаты. Он выполнялся по той же методике, для построения запроса использовалась грамматика испанского языка (NGLE, n.d.), запрос имел следующий вид:

.*it(o|a)s?|.*ill(o|a)s?|.*ic(o|a)s?|.*uc(o|a)s?|.ín|.*in(e|o|a)s?|.*iñ(o|a)s?|.*et(e|a)s?|.*e?j(a|o)s?

Поиск по этому запросу дал еще больше слов, не являющихся диминутивами, чем запрос к русскому частотному списку, (например, в результатах оказались такие слова, как *ejército, propósito, fábrica, público* и др.).

Для найденных диминутивов, встретившихся в корпусе более одного раза (список испанских диминутивов оказался существенно короче, чем русский список, поэтому появилась возможность обработать бóльшую часть списка, тем не менее, слова, встретившиеся один раз, решено было не брать), был построен обратный параллельный конкорданс и найдены слова, переводными соответствиями которых эти диминутивы являются.

Испанский	**Русский**	**Частота**
articulejo	статейка	2
cabecilla	верхушка	2
	главарь	2

(al) dedillo	заучить	1
	наизусть	1
ejemplillo	примерчик	2
grupito	горстка	2
	прослойка	1
intelectualillo	интеллигентик	5
Judasito	Иудушка	2
jugarreta	шутка	3
migaja	доля	1
	кроха	2
	подачка	1
moraleja	мораль	3
nuevecito	новенький	3
palabreja	словечко	15
palabrita	словечко	5
perrillo	собачка	3
portillo	лазейка	2
puestecito	местечко	10
ramillete	букетец	1
	ягодка	1
señorito	барич	2
	господчик	2
tontaina	дурачок	4
trocito	кусочек	2
Всего		89

Таблица 4. Диминутивы в испанских текстах корпуса ParVLen.ES и слова, соответствиями которых они являются

Таблица 3 показала, что русские диминутивы нечасто переводятся испанскими диминутивами. Таблица 4 демонстрирует обратную тенденцию: употребление в испанском переводе диминутива почти всегда стимулируется употреблением диминутива в исходном тексте.

4.3. Несколько примеров

Приведем конкретные примеры использования диминутивов в оригинальных текстах и их испанских переводах.

местечко

(6) Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко , да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. («Задачи союзов молодежи», 1920)

а) Si me arrastro ante los poderosos y soy complaciente con ellos, quizá conserve mi puestecito y, a lo mejor, pueda hacer carrera y llegar a burgués. («Прогресс»)

б) Si me arrastro ante los poderosos, es posible que conserve mi puesto y a lo mejor pueda hacer carrera y llegar a burgués. (Akal)

интеллигентик

(7) Он только желал бы, чтобы сладенькие интеллигентики – мещане и филистеры в ночном колпаке сначала, до движения масс, до их бешеной борьбы с эксплуататорами и непременно без гражданской войны, составили умеренный и аккуратный устав развития революции… («Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918)

а) Su único deseo sería que primero, antes del movimiento de las masas, antes de su furiosa lucha contra los explotadores y obligatoriamente sin guerra civil, los melifluos intelectualillos pequeñoburgueses y filisteos, encasquetado el gorro de dormir, compusieran unos moderados y precisos estatutos del desarrollo de la revolución ... («Прогресс»)

б) Sólo quiere que primero, antes de que las masas comiencen a actuar, antes de que inicien una lucha furiosa contra los explotadores, y por cierto sin guerra civil, los melifluos intelectuales pequeñoburgueses y filisteos, calado el gorro de dormir, elaboren un moderado y preciso conjunto de normas para el desarrollo de la revolución ... (Akal)

дурачок

(8) В то время как дурачок Каутский, напуганный июльским (1918 г.) кризисом и воплями буржуазии, бежит за ней «петушком»… («Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918)

а) Mientras que el imbécil de Kautsky, asustado por la crisis de julio (de 1918) y los alaridos de la burguesía, corre tras ella servilmente … («Прогресс»)

б) Y en el mismo momento en que el cándido Kautsky, asustado por la crisis de julio (de 1918) y por los lamentos de la burguesía, corre servilmente tras ella … (Akal)

Из приведенных примеров видно, что переводы, вышедшие в СССР, в издательстве «Прогресс», стремятся сохранить иронию и сарказм оригинала почти до буквализма, в то время, как переводы, опубликованные в Испании, снижают желчность исходного текста до мягкой иронии. И это относится не только к диминутивам, но и к прочей оценочной лексике, ср. *дурачок* → *imbécil* («Прогресс») / *cándido* (Akal), *вопли* → *alaridos* («Прогресс») / *lamentos* (Akal).

Попробуем проследить эту тенденцию поподробнее. Покажем, как распределяются испанские эквиваленты по издательствам. В корпусе представлены в основном «Прогресс» и Akal, переводов, изданных в аргентинском издательстве Cartago, к сожалению, довольно мало.

Начнем со слова *местечко* (таблица 5). Слово употребляется Лениным в значении «синекура» (см. тж. пример (6)). В переводах Akal встретился только один контекст с диминутивом, в то время, как в переводах «Прогресса» и Cartago их по пять. В переводах «Прогресса» вообще довольно богатая палитра: употреблено три разных диминутива (*lugarcito, puestecito, puestecillo*), а кроме того – лексическое соответствие (*canonjía*).

Эквивалент	**Издательство**	**Частота**
#0	Akal	1
	«Прогресс»	1
banca	Akal	2
canonjía	«Прогресс»	2
cargo	Akal	7
	Cartago	2
	«Прогресс»	2

cargo lucrativo	Akal	2
escaño	«Прогресс»	1
lucrativo puesto	«Прогресс»	1
lugarcito	«Прогресс»	1
puestecillo	«Прогресс»	1
puestecito	Akal	1
	Cartago	5
	«Прогресс»	3
puesto	Akal	1
	Cartago	2
	«Прогресс»	7
Всего		**42**

Таблица 5. Испанские эквиваленты слова местечко[5]

Для слова *интеллигентик* (таблица 6) Akal вообще не употребляет диминутивов. Правда, это не значит, что негативные коннотации оригинального текста полностью исчезают, в примере (7б) исходное выражение *сладенькие интеллигентики* переведено как *melifluos intelectuales*, и таким образом нагрузка по выражению авторских эмоций переходит на прилагательное.

Эквивалент	**Издательство**	**Частота**
intelectual	Akal	3
	«Прогресс»	1
intelectualillo	Cartago	2
	«Прогресс»	3
Всего		**9**

Таблица 6. Испанские эквиваленты слова интеллигентик

Для слова *словечко* (таблица 7) в переводах «Прогресса» в качестве эквивалента используется диминутив со сниженным значением *palabreja* (ср. *animalejo, diablejo*), в переводах Akal лишь четыре примера со словом *palabrita*.

Эквивалент	**Издательство**	**Частота**
#0	«Прогресс»	1
expresión	Akal	1
frasecita	«Прогресс»	1
hablar	«Прогресс»	1
palabra	Akal	6
	«Прогресс»	6
palabreja	«Прогресс»	17
palabrita	Akal	4
término	Akal	1
	«Прогресс»	1
Всего		**39**

Таблица 7. Испанские эквиваленты слова словечко

[5] Знак #0 означает, что в переводе используется нулевое соответствие.

Для слова *сладенький* (таблица 8) в переводах вообще не зафиксировано диминутивов, эмоции выражаются с помощью окрашенной лексики. Но и здесь хорошо видно, что мадридские переводчики предпочитают более нейтральные выражения.

Эквивалент	**Издательство**	**Частота**
#0	«Прогресс»	2
almibarado	Akal	2
cándido	Akal	1
	«Прогресс»	1
dulce	Akal	1
dulzón	«Прогресс»	5
melifluo	Akal	1
	«Прогресс»	7
meloso	«Прогресс»	2
muy dulcemente	Akal	1
sentimental	Akal	3
Всего		**26**

Таблица 8. Испанские эквиваленты слова сладенький

5. Заключение

Сонья Тиркконен-Кондит (2004) писала о том, что языковые явления, нехарактерные для исходного языка, будут редко появляться в переводах с этого языка, даже если это явление распространено в переводящем языке, поскольку исходный текст стимулирует как употребление, так и неупотребление тех или иных слов и грамматических конструкций. Тиркконен-Кондит показывает в своей статье, что в переводах с английского языка на финский мало употребляются финские модальные глаголы со значением ‘быть в состоянии’ (кроме нейтрального глагола *voida* ‘мочь’), и не является частотным употребление клитических частиц, поскольку эти явления отсутствуют в английском языке и нет стимула к их употреблению в переводе. В нашем случае диминутивы характерны как для исходного языка (русский), так и для переводящего языка (испанский), то есть стимулы к употреблению диминутивов в переводах имеются. Тем не менее, этого не происходит. С чем это может быть связано?

Нельзя забывать, что все языки разные, и, хотя, как было сказано выше, диминутивы характерны для обоих языков, для некоторых существительных уменьшительные формы в другом языке не образуются.

Например, Ленин очень любит слово *боженька*, которое он употребляет в значении «бог глупых, ограниченных и невежественных людей» (Ленин, как известно, был воинствующим атеистом). Для всех употреблений слова *боженька* в ParVLen в испанских переводах всех издательств перевод один: *dios*. И похоже, что в испанском языке диминутив от слова *dios* не образуется: ни в словарях, ни в корпусах текстов испанского языка таких диминутивов не зафиксировано, хотя формальных ограничений на такие производные нет (**diosito*). Видимо, католическая традиция противится подобным «неуважительным» дериватам, и табу продолжает действовать даже в атеистическом марксистском дискурсе.

В испанском языке могут быть и другие слова, от которых диминутивы по различным причинам не образуются. Следует также помнить, что переводчик вовсе не обязан рабски копировать грамматическую структуру исходного текста в переводе. Он может использовать другое средство для выражения этого значения, например, в качестве соответствия для слова *сладенький* можно использовать *dulcecito*, но *melifluo* встречается чаще, и это слово намного музыкальнее и ярче. Кроме того, можно перенаправить, переадресовать требуемое значение в другое слово того же предложения. Наконец, не очень важными значениями можно и пожертвовать, если их передача ухудшает результат. Реальный перевод, даже очень буквальный, редко происходит как в учебниках по сравнительной типологии.

Асимметрия языков ведет к трудностям перевода и более низкой представленности явлений, которые вполне распространены в непереводных текстах. Еще одна проблема перевода заключается в его более низком статусе по сравнению с переводимым текстом, то есть, перефразируя древнее изречение: что позволено автору, не позволено переводчику. Появление в переводе сниженной лексики, отклонений от стандартной грамматики всегда вызывает вопросы. Поэтому перевод всегда «правильнее» и нейтральнее оригинала (см. напр. Baker, 1996). Поэтому вполне можно было ожидать, что в переводах Ленина на испанский язык будет меньше диминутивов, чем в оригиналах.

Наше небольшое исследование показало, что употребление диминутивов в переводах коррелирует с издательством (статистических тестов не делалось ввиду незначительных объемов данных, но дескриптивная статистика вполне позволяет об этом говорить): московские и буэнос-айресовские переводчики употребляют диминутивы охотнее, чем их коллеги из Мадрида. Связано ли это с тем, что мадридские переводчики хотят «сгладить» Ленина, сделать его более интеллигентным, адаптировать его для испанского читателя? Сесилиа Ваденшё (2000) заметила похожие тенденции в переводе интервью Бориса Ельцина для шведского радио. Или такое разное отношение к диминутивам в разных издательствах лишь связано с различиями между вариантами испанского языка?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, нужна информация о том, как делались переводы Ленина на испанский язык. Но об этом имеются лишь отрывочные сведения. В конце 1940-х годов в СССР издавались избранные сочинения Ленина в двух томах в переводе на иностранные языки. Испанское издание вышло в 1948 году. Вероятно, переводчиками были испанские иммигранты, бежавшие в СССР после гражданской войны в Испании. Однако, в Аргентине еще в начале 1920-х годов тоже стали появляться переводы произведений Ленина на испанский язык (Lopez, 2020: 17-21). Неизвестно, использовались ли для этих переводов еще более ранние, оставшиеся неизвестными, переводы. Аргентина, несмотря на диктатуры, довольно долго играла центральную роль в публикации Ленина на испанском: там в 1930-1960-х гг. было опубликовано два издания избранных сочинений и два полных собрания сочинений (Lopez, 2020: 127). В СССР полное собрание сочинений Ленина издавалось позже, с 1981 по 1988 гг. Кто были переводчиками советского издания? Какие переводы использовались для его подготовки? Мадридское издание вышло немного раньше (1974-1978). Как оно связано с аргентинским и московским? И как с этими изданиями связаны другие, мексиканские и кубинские издания, о которых нам почти ничего не известно? Трудно сказать.

Нам удалось подробно исследовать историю перевода «Государства и революции» на финский язык. Сравнение шести разных редакций перевода показало, что каждая из них представляет собой исправленную версию предыдущей и что ни разу текст не переводился «с чистого листа» (Mikhailov & Koskinen, 2026). Кристина Делистати (2023) делает похожие наблюдения о переводах

Маркса на греческий язык. Таким образом, возможно, что и при издании переводов Ленина на испанском языке тексты не переводились заново, а происходило редактирование более ранних переводов. Имеющиеся данные пока позволяют нам лишь делать предположения.

Ориентировались ли в издательствах при редактировании переводов на местный вариант испанского языка? Один из аргентинских переводчиков говорил, что они старались «американизировать» переводы, сделанные «испанскими товарищами» (Lopez, 2020, 133). Вполне возможно, что и в мадридском издании тоже проводилась более последовательно норма испанского Испании. Но, чтобы точно понять, как связаны разные издания между собой, нужно отследить их хронологию и сравнить все тексты. Нужно также узнать, кто были переводчиками. Лишь в связи с аргентинскими переводами упоминаются некоторые имена переводчиков и редакторов. А о переводчиках в России и Испании нам пока ничего не известно.

Лоренс Венути (1995) поднял вопрос о «невидимости» переводчика художественной литературы. Но переводчики политической литературы еще более невидимы. Даже имена их редко становятся известными, и о переводах политической литературы редко пишут в мемуарах. При этом процесс подготовки многотомных изданий на разных языках в «доцифровую» эпоху может иметь не только исторический, но и практический интерес.

Решение же вопроса о том, нужно ли было передавать ироничность, грубость и надменность Ленина в переводах на другие языки, вероятно, зависело от целевой аудитории. Как ее себе представляли переводчики, учитывали ли они ее и была ли у них возможность для этого, ведь они работали под контролем партии, – это вопрос для будущих исследований.

Литература

Baker, M. (1996). Corpus-based Translation Studies: The Challenges that Lie Ahead. In Harold Somers (ed.), *Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering in Honour of Juan C. Sager* (pp. 175-188). John Benjamins.

Delistathi, C. (2023). Translator work practices and the construction of the correct interpretation of Marxism in post-war Greece. *Target, 35*(4), 573-594. https://doi.org/10.1075/target.21143.del

Eddington, D. (2017). Dialectal variation in Spanish diminutives: A performance model. *Studies in Hispanic and Lusophone Linguistics, 10*(1), 39-66. https://doi.org/10.1515/shll-2017-0002

Fajardo, J. (n.d.). *Acerca de las diversas ediciones de las Obras Completas*. https://www.marxists.org/espanol/lenin/obras/oc/

Gómez L-Quiñones, A. & Winter, U. (2017). Introducción. Algunos problemas históricos y teóricos del comunismo ibérico. In Antonio Gómez L-Quiñones & Ulrich Winter (eds.). *Cruzar la línea Roja: Hacia una Arqueología del Imaginario Comunista Ibérico (1930-2017)* (pp. 9-32). Iberoamericana.

Index Translationum (n.d.). *Top 50 Authors*. Index Translationum. UNESCO. https://www.unesco.org/xtrans/bsform.aspx.

Kanerva, J., F. Ginter, N. Miekka, A. Leino & T. Salakoski (2018). Turku Neural Parser Pipeline: An End-to-End System for the CoNLL 2018 Shared Task. *Proceedings of the CoNLL 2018 Shared Task: Multilingual Parsing from Raw Text to Universal Dependencies. Association for Computational Linguistics* (pp. 133-142). https://doi.org/10.18653/v1/K18-2013.

Kanerva, J., F. Ginter, T. Salakoski (2020). Universal Lemmatizer: A Sequence to Sequence Model for Lemmatizing Universal Dependencies Treebanks. *Natural Language Engineering, 27*(5), 1-30. https://doi.org/10.1017/S1351324920000224.

Ketola, E. (1989). Lokakuun vallankumoukseen 1917 – Suomen kautta ja Suomen avulla. In Jaakko Numminen (ed.). *Lenin ja Suomi. Osa 2* (pp. 9-83). Valtion painatuskeskus.

Lobos, O. (2015). *La lengua literaria rusa y los problemas de la traducción al español. El caso de Nikolai Gógol.* [Doctoral dissertation, Universidad de Buenos Aires]

López, H. A. (2020). *Las editoriales rojas: de La Internacional a Cartago : una aproximación a la historia de la política editorial del Partido Comunista de la Argentina, 1918-1983*. Luxemburg. https://edicionesluxemburg.com.ar/producto/las-editoriales-rojas-de-la-internacional-a-cartago/

Mikhailov, M. & Koskinen, K. (2026 *in press*). Translating Lenin as Institutional Translation: From Ideal to Cult. *Translation Studies, 19*(2). https://doi.org/10.1080/14781700.2026.2631523

NGLE (n.d.). Formación de los diminutivos, §§ 9.4.-9.6. In *Nueva gramática de la lengua española.* Real Academia Española. https://www.rae.es/gramática/morfología/.

Reynoso Noverón, J. (1998). El papel de la metáfora en la gramaticalización de diminutivos. In Claudio García Turza, Fabián González Bachiller, José Javier Mangado Martínez (eds), *Actas del IV Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española: La Rioja, 1-5 de abril de 1997, Vol. 1* (pp. 717-724). Universidad de La Rioja.

Reynoso Noverón, J. (2005). Procesos de gramaticalización por subjetivización: El uso del diminutivo en el español. In David Eddington (ed.). *Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium.* (pp. 79-86). Cascadilla Press.

Service, R. (1985). *Lenin: A political life. Volume 1. The Strengths of Contradiction*. Macmillan.

Service, R. (1995). *Lenin: A political life. Volume 3. The Iron Ring*. Macmillan.

Tello, I. (2024). Translating Diminutives: A Corpus-Based Analysis of the Gravitational Pull Hypothesis. *SKASE Journal of Translation and Interpretation, 17*(1), 2-22. https://doi.org/10.33542/JTI2024-1-1

Tirkkonen-Condit, S. (2004). Unique Items – Over- or Underrepresented in Translated Language? In Anna Mauranen & Pekka Kujamäki (eds), *Translation Universals. Do They Exist?* (pp. 177-184). John Benjamins. https://doi.org/10.1075/btl.48.14tir.

Tumarkin, N. (1983). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia.* Harvard University Press.

Venuti, Laurence (1995). *The Translator's Invisibility A History of Translation.* Routledge.

Wadensjö, C. (2000). Co-constructing Yeltsin – Explorations of an Interpreter-Mediated Political Interview. In Maeve Olohan (ed.), *Intercultural Faultlines. Research Models in Translation Studies.* (pp. 233-252). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315759951

Вежбицкая, А.(1996). Русский язык. В кн.: Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание* (pp. 33-88). Русские словари.

Воейкова, М. Д. (2020). Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления. *Вопросы языкознания*, 5, 38-56. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.5.38-56.

Даниленко, В. П. & Хохлачева, В. Н. (1975). Словарь языка В. И. Ленина. *Русская речь*, *2*, 3-10.

Есакова, М. Н. (2020). Русские диминутивы как особые единицы перевода. *Вестник Московского Университета*, Серия 22. Теория перевода, *3*, 75-91. https://vestnik-translation.ru/articles/article/1064/

Казанский, Б. (1924). Речь Ленина (опыт риторического анализа). *ЛЕФ*, *1*, 111-139. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011930896/

Николина, Н. А. (2020). Функционирование диминутивов в современной русской речи. *Русский язык в школе*, *81*(5), 49-54. https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-5-49-54

Петерс, Я. (2007). Язык Ленина. «Мы с Наденькой были в Германии в деревне и в пивнушке пили пиво с друзьями». *The New Times*, *39*.. https://newtimes.ru/articles/detail/7775/

Приходько, С. А. (2012). Языковая личность В. И. Ленина. *Lingua mobilis, 34*(1), 49-61.

Томашевский, Б. (1924). Конструкция тезисов. *ЛЕФ*, *1*, 140-148. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011930896/

Тынянов, Ю. (1924). Словарь Ленина-полемиста. ЛЕФ, *1*, 81-110. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011930896/

Филин, Ф. П. (1974). О словаре языка В. И. Ленина. *Вопросы языкознания*, *6*, 3-10.

Чернявская, В. Е. (2022). Диминутивы как социальный индекс: «наденьте масочку» и «машинка подана». *Terra Linguistica*, *13*(3), 55-63.

Шкловский, В. (1924). Ленин как деканонизатор. *ЛЕФ*, *1*, 53-56. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011930896/

Шулико, Г. (2019). Фуко, Ленин и западный марксизм. *Логос, 29*(2), 251-267.

Эйхенбаум, Б. (1924). Основные стилевые тенденции в речи Ленина. *ЛЕФ*, *1*, 57-70. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011930896/

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение.* Новое литературное обозрение.

Якубинский, Л. (1924). О снижении высокого стиля у Ленина. *ЛЕФ*, *1*, 71-80. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011930896/

JACOB FRANK ¿ESPURIO REVOLUCIONARIO O HIJO DE SU ÉPOCA? ALGUNAS OBSERVACIONES SOBRE EL PROTAGONISTA DE LA NOVELA *LOS LIBROS DE JACOB* DE OLGA TOKARCZUK

Jadwiga Clea Moreno-Szypowska
Instituto de Investigación Literaria de la Academia Polaca de la Ciencia

I. Introducción

La aversión hacia los judíos en la Europa occidental hizo que muchos de ellos buscaran y encontrasen refugio en países donde eran tolerados. Así pues, grandes aglomeraciones de sefardíes se asentaron en el Imperio Otomano y de askenazíes, en la Mancomunidad polaco-lituana. Sin embargo, la espera de la llegada de un mesías histórico y salvífico que trajese consigo el triunfo religioso del judaísmo y el reconocimiento político del pueblo elegido –garantes del bienestar merecido tras años de persecuciones antisemitas– se hacía interminable para quienes habitaban la diáspora. No es pues de extrañar que justamente allí se proclamasen como ungidos por Dios dos supuestos salvadores: primero, Shabtai Tzvi (1626-1676), nacido en Esmirna, y después, su continuador, Jacob Frank (1726-1791) de Korolówka (actual Ucrania), protagonista de la novela *Los libros de Jacob* (2014) de la escritora polaca Olga Tokarczuk. Los años de vida de Frank coinciden con el auge de la Ilustración europea, época que fue objeto de reflexión de la filósofa polaca Agata Bielik-Robson cuyo interés se centró en la evolución de la promesa mesiánica en los tiempos de la Ilustración, cuando entre los intelectuales europeos dominaba la tendencia a minimizar el legado judeocristiano. Bielik-Robson (2003: 45) escribe:

> La degradación del mundo desmaravillado hace que la Ilustración, que en sus comienzos se apoyaba en la figura del Éxodo, de nuevo caiga en el mito; esta vez es el mítico ciclo de los positivistas, el implacable determinismo de los hechos que reduce la vida al nivel de repetición mecánica[1].

Alternar la lectura de la novela de Tokarczuk con los ensayos filosóficos de Bielik-Robson permite ver a Jacob Frank –comúnmente presentado como un personaje fraudulento tanto por los judíos como por los católicos– como hijo de la época que contrapuso las dos sensibilidades fundadoras de la cultura europea: la civilización grecorromana y el pensamiento semítico basado en la fe judaica (Bielik-Robson, 2013: 339). Y aunque la filósofa polaca no habla en sus ensayos de Jacob Frank, su figura –«la figura más inquietante y atroz de toda la historia del mesianismo judío» (Scholem, 1996: 251)– merece ser vista desde la perspectiva del mesías vital que ella elaboró. Gershom Scholem fue de los primeros en estudiar tanto a Shabtai Tzvi (Shabbetay Tsebí, según la traducción española) como a Jacob Frank (Ya'acob Frank, según la traducción española), por eso es comprensible que sus observaciones se encuentren en la base de cualquier texto dedicado al movimiento mesiánico conocido como sabateo o shabateísta. Este trabajo comparatista intentará responder a la pregunta hasta qué punto Jacob Frank fue hijo de su época o un revolucionario atemporal,

[1] Las citas de textos que no se encuentran en español, las pongo en traducción propia.

contraponiendo la figura del protagonista de *Los libros de Jacob* de Olga Tokarczuk con dos ensayos, uno procedente del libro *Erros. Mesjański witalizm i filozofia* (2012, Erros. Vitalismo mesiánico y filosofía) y otro, *Deus otiosus. Nowoczesność w perspektywie postsekularnej* (2013, Deus otiosus. La modernidad en la perspectiva postsecular) de Agata Bielik-Robson.

2. Jacob Frank ¿espurio revolucionario o hijo de su época?

La religiosidad griega se orienta hacia el mito que, fundado en un principio (*archê*), presenta una visión totalitaria del ser que conlleva un destino (*fatum*) o un propósito (*telos*) impuestos antes del nacimiento y, por tanto, sagrados e insuperables:

> <…> cuyo rasgo diferencial es el cierre fatalista, la perfección del ciclo interno que se repite sin cambios al ritmo de sus repeticiones sagradas: *genesis kai phtora,* es decir, creación y destrucción que marcan el eterno retorno de lo mismo, la constante pulsación de la *physis* griega (Bielik-Robson, 2013: 339).

Podríamos decir que el mito encierra en sí una existencia determinada por una fatalidad dada por los dioses que no permite la salida (*Éxodo*, concepto que no aparece en la mitología greco-latina). La historia es circular, todo empieza y termina para empezar de nuevo como ocurre al pobre Sísifo que cuando consigue llevar la piedra a la cima de la montaña, esta cae y tiene que subirla de nuevo. La mentalidad hebrea, en cambio:

> <…> se dirige siempre hacia el Éxodo, o simplemente siempre está de camino hacia el Éxodo. <…> en vez de fundar el orden ontológico, como hace el *archê* griego, desorganiza an-árquicamente mostrando la ruta de evacuación de cualquier círculo de repetición, por muy cerrado que parezca <…> (Bielik-Robson, 2013: 339).

En el pensamiento judaico la historia corre lineal, de principio a fin y en esta trayectoria existe la posibilidad de un milagro que ofrezca salida del círculo fatídico. La oposición entre el mito griego (argumento que une y estabiliza todo lo que existe) y la salida de Egipto (símbolo de opresión y comienzo de libertad) señala dos horizontes a los cuales se dirige la cultura europea, especialmente en la época de la Ilustración, cuando: «<...> dos contrarias sensibilidades sacrales se enfrentan aniquilándose mutualmente de manera ininterrumpida creando de esta forma la impresión solamente superflua de irreligiosidad» (Bielik-Robson, 2013: 337).

Scholem (1996: 244-245) apunta: «En el siglo XVIII, en lo referente a la opinión pública, ser considerado shabateísta equivalía virtualmente a ser llamado anarquista o nihilista en la segunda mitad del siglo XIX». La Ilustración en su esencia intentó debilitar el poder establecido y otorgar mayor importancia al pueblo (Bielik-Robson, 2013: 346). Lo hacía reinterpretando la laicidad y la cotidianidad sometida al yugo de las creencias y normas vigentes desde tiempos inmemoriales. Jacob Frank rompe estos esquemas presentándose como un héroe que lucha por los derechos de la vida individual y declara la guerra a todo lo establecido, defendiendo el individualismo anárquico del orden común sin sentirse por ello culpable (Bielik-Robson, 2012: 32). Gracias a ello: «aglutina a su alrededor a gente con tanta facilidad» (Tokarczuk, 2023: 824). No hay en él falsedad, como escribe la novelista: «En todo lo que hace, Jacob es auténtico» (Tokarczuk, 2023: 824) y Scholem (1996: 258) agrega que sus palabras «<…> mezcla característica de salvajismo primitivo y de moral malsana <…> tienen una fuerza muy especial».

Jacob Frank nace en plena Ilustración, en 1726, en la Mancomunidad polaco-lituana. En aquel reino, donde la población de los judíos ortodoxos era muy numerosa, vivía también un importante grupo de cripto-sabateos, seguidores de Shabtai Tzvi, establecidos principalmente en Podolia (actual: Ucrania) (Maciejko, 2011: 9), región que durante un periodo (desde 1672 hasta 1699) formaba parte del Imperio Otomano. Entre ellos estaba Jacob Frank que –como apunta Tokarczuk (2023: 855)–, se presentaba como un: «verdadero creyente, como seguidor de Shabtai Tzvi y de su sucesor, Baruchia, <…>». En Podolia confluían diferentes religiones habiendo incluso dentro de una misma creencia fracciones: estaban los sefardíes provenientes de los Balcanes y los askenazíes de la Republica polaco-lituana (Doktór, 2023: 18). Ya el seudónimo del protagonista, Frank (Frenk), indica su origen porque su nombre se daba en el Imperio Otomano a los judíos sefardíes (Doktór, 203: 66), considerándolos desconocidos: «Frank o frenk, significa 'extraño'» (Tokarczuk, 2023: 859). Su verdadero nombre era Jaakow Josef ben Lejb y él mismo, como informa Jan Doktór (2023: 68)–su más importante biógrafo– «se consideraba sefardí y su lengua materna era el ladino». Ambos progenitores –el padre originario de Valaquia y la madre de Resovia– procedían de entornos cercanos a los sabateos (Doktór, 2023: 20). Tokarczuk (2023: 787) señala que el padre, Yehuda Lejb Buchbinder, soñaba de joven con la próxima venida del Mesías. Puede que este factor haya determinado a Jacob Frank abriendo su curiosidad a las doctrinas de Shabtai Tzvi cuyo camino continuaría posicionándose a su vez en contra de sus seguidores.

La tradición rabínica predominante en la Mancomunidad polaco-lituana representaba el círculo cerrado de la interpretación del judaísmo dentro de la tradición circular y fatalista propias de la tradición grecorromana, mientras la enseñanza de los sectarios seguidores del mesías (Shabtai Tzvi o Jacob Frank) representaría la tradición lineal con la apertura a lo nuevo, permitiendo la salida de la tiranía impuesta por la Ley mosaica. La religión judaica era, en sus comienzos, luchadora (hecho bien ilustrado en el *Antiguo Testamento*) y solo tras la destrucción del Segundo Templo se endureció tomando la forma de culto legalista. Mirados desde este punto de vista, los movimientos mesiánicos de la época de la Ilustración, representarían el regreso a los orígenes traspasando las fronteras de la ley y, por ende, de la religión misma. De allí, que los dos, Tzvi y Frank, proclamasen que: «en una época en la que se acerca el fin todo se hace al revés» (Tokarczuk, 2023: 855). Scholem (1996: 244) explica:

> El shabateísmo representa la primera revuelta seria en el judaísmo desde la Edad Media; fue el primer caso de ideas místicas que condujeron directamente a la desintegración del judaísmo ortodoxo 'de los creyentes'. Su misticismo herético produjo una explosión de tendencias nihilistas más o menos veladas entre sus seguidores.

Tzvi y Frank, fieles a este espíritu revolucionario del judaísmo, habiendo nacido judíos, se convirtieron al islam y el segundo, siendo aún más radical, abrazaría luego el catolicismo, cosa espeluznante para todo judío ortodoxo: «abandonar la religión verdadera para abrazar una nueva y bautizarse es lo peor que le puede ocurrir a un judío verdadero o a cualquier judío en general» (Tokarczuk: 2023: 529). Pero tanto Tzvi, como Frank, se convirtieron por voluntad propia. El segundo predicaba que había que: «conjuntar las tres religiones: la judía, la musulmana y la cristiana» (Tokarczuk, 2023: 765) porque, como explica Bielik-Robson (2012: 34):

> Dios es único solo en tanto en cuanto siga existiendo la posibilidad de elegir otros dioses; siempre que él, justamente por ser único, proponga la salida del círculo de la absolutizada ambivalencia de la vida y la muerte, prometiendo 'más vida', más de la que puede dar el ciclo natural de creación y destrucción.

El Dios judaico no depende de la naturaleza y puede dejar en suspenso sus leyes para posibilitar la salida, es decir, la salvación. Visto desde esta perspectiva, el relato constitucional del judaísmo narrado en el *Libro del Éxodo*, promete con su título mismo la salida de la órbita de la opresión naturalista. El mayor castigo que Dios puede imponer es justamente la imposibilidad de salir de este circuito fatal. Agata Bielik-Robson (2013: 339), queriéndolo justificar con las palabras de las *Escrituras,* nos dirige al final del *Salmo* (Ps 12: 9) donde aparece esta inquietante imagen: «Paséanse en torno los impíos» (*Sagrada Biblia*, 1966: 697). Pero Dios es misericordioso y trascendente. Su revelación no se cierra, sino que se revela, o sea, acontece, por eso, en vez de fundar un orden ontológico, permite la desorganización anárquica, lo que significa que la espera del mesías implica la perseverancia de la fe en un cambio que sea capaz de abolir las leyes. Es por eso que Jacob Frank fue considerado: «un instrumento de fuerzas inmensas» (Tokarczuk, 2023: 652-651), capaces de «destruir el orden pernicioso de las cosas» (Tokarczuk, 2023: 650) para establecer uno nuevo.

El judío perteneciente al movimiento de Shabtai Tzvi, en vez de esforzarse para alcanzar la piedad cumpliendo los preceptos de la Torá, debía realizar una serie de «actos extraños», es decir, cometer las acciones que estaban prohibidas por la Ley (Maciejko, 2011: 7). Dado que el mesías no venía, pese a la conducta piadosa y justa de los judíos fieles a los preceptos rabínicos, era de esperar que apareciera al ver los «actos extraños» –que podríamos llamar «sucios»–, creyendo que para llegar a la salvación había que bajar a la cúspide del mal lo que, según los sabateos y los frankistas, exigía cometer todo pecado posible. La novelista (2023: 811) narra que Jacob Frank un día: «En una gran sinagoga se subió a la bimá y, cuando estaban ya a punto de leer la Ley de Moisés, arrancó el pupitre y se puso a agitarlo mientras amenazaba con matar a todo el mundo».

Estas locuras eran constantes en su comportamiento, lo que le convierte en personaje atractivo para todo escritor. Otro ejemplo sacado de la novela cuenta que una vez, habiendo ya abrazado el catolicismo, mientras se encontraba preso en el monasterio en Częstochowa (lugar de devoción mariana en Polonia), un Viernes Santo, se puso a asar carne de cerdo (Tokarczuk, 2023: 363-360). Estas acciones fueron denominadas «*Maasim Zarim,* Actos de Extraños» (Tokarczuk, 2023: 547), y consistían –con palabras de Frank– en: «pisotear todas la leyes porque ya no son de obligado cumplimiento» (Tokarczuk, 2023: 547). Sin embargo, vistos desde la perspectiva de ruptura/salida del «culto legalista» (Bielik-Robson, 2012: 32):

> lo que los shabateístas llaman 'los actos extraños del Mesías' no tiene solamente un valor negativo desde el punto de vista del viejo orden; tiene también un lado positivo, en la medida en que el Mesías actúa de acuerdo con la ley de un nuevo mundo (Scholem, 1996: 254).

Tomando en cuenta que el factor que diferencia las tres religiones monoteístas son sus diferentes mandatos morales, la vía para desprenderse de una de ellas –o al ser posible de todas, como en el caso de Jacob Frank– es la abnegación total de toda regla moral. Este fenómeno Scholem (1996: 256) lo denomina «santidad del pecado», que consiste en que «el Mal debe ser combatido con el mal» (Scholem, 1996: 256) y fue llevado a la práctica por el movimiento frankista (Scholem, 1996: 257). En la novela de Tokarczuk (2023: 594), Frank dice abiertamente que: «la vieja ley ya no es de obligado cumplimiento. <…>. La vieja ley ya no rige», y para demostrarlo llega incluso a prohibir la celebración del Sabbat (Tokarczuk, 2023: 593). Esta radical negatividad, base del mesianismo vital, garantizaba la salida de la opresión para llegar a la tierra prometida, donde reinaría la paz (Bielik-Robson, 2013: 343). En vez de predicar el amor de Dios mediante las buenas acciones, los renegados proclamaban lo contrario, que el camino hacia Dios exigía malas obras,

dado que, según ellos: «aquél que se hundía en las profundidades más extremas tenía más posibilidades de ver la luz» (Scholem, 1996: 259). Por ende, no había que ser fiel, sino traidor; el corazón y las palabras de las personas podían no concordar, ese fue el camino que empezaría Shabtai Tzvi y Jacob Frank continuaría hasta el extremo. Estableciendo una nueva ley espiritual los seguidores, tanto de uno como de otro, sentían que estaban: «más allá del bien y del mal» (Scholem, 1996: 259). Basándose en esta opinión, Tokarczuk (2023: 548) escribe que para los frankistas: «Lo que hasta ahora estaba prohibido no solo está [estaba] permitido, sino que incluso se impone [imponía]».

Shabtai Tzvi llegaría a transgredir casi todas las leyes judaicas, incluso pronunciaría el inefable Nombre de Dios y en septiembre de 1666 se convertiría al islam (Maciejko, 2011: 7). La apostasía de Shabtai Tzvi fue explicada por su profeta e ideólogo Natán de Gaza como «prueba de su misión divina» (Scholem, 1996: 244). En la obra de Tokarczuk (2023: 872) –que escribiendo *Los libros de Jacob* consultaba los hechos históricos con el historiador Pawel Maciejko–, Shabtai Tzvi se convierte al islam para que otros judíos no tengan que hacerlo. De este modo se cumplen las palabras de las *Escrituras* –en este caso del *Evangelio* según san Mateo–: «Elías ha venido ya, y no le reconocieron; antes hicieron con él lo que quisieron; de la misma manera el Hijo del hombre tiene que padecer de parte de ellos» (Mt 17: 12, *Sagrada Biblia*, 1966: 1176). Hay varios estudiosos, entre ellos David Biale (especialista en el movimiento jasídico), que equiparan a Jesucristo con Shabtai Tzvi ya que, desde el punto de vista rabínico, los dos son considerados falsos mesías (Biale, 2022). También Jacob Frank pasaría por el islam en su camino hacia el catolicismo. En la novela (2023: 476) leemos: «El día 17 de septiembre de 1759, después de una misa solemne, bautizan a Jacob Frank, quien adopta el nombre de Józef».

Gershom Scholem (1996: 238) distingue en los «actos extraños y paradójicos», que los sabateos primero y franquistas más tarde, perpetraron en contra de la ley religiosa «un antinomismo latente». Por consiguiente, los seguidores de Jacob Frank pueden ser considerados «marranos» en sentido de «apóstatas». Recordemos que:

> *marrano* es el término peyorativo para designar a los judíos hispano-portugueses convertidos por fuerza al cristianismo de los que se sospechaba que mantenían en secreto su antigua religión y seguían entregándose a las prácticas judaizantes (Lomba Falcón, 2012: 68).

Así visto, el «marrano» es sinónimo de «criptojudío», sin embargo, para algunos especialistas: «el marranismo moderno lo constituye la expulsión de los judíos castellanos y aragoneses en 1492» (Lomba Falcón, 2012: 68). No olvidemos que Jacob Frank procedía de una familia sefardí asentada, tras la expulsión, en el Imperio Otomano. En la península ibérica, los judíos que decidieron quedarse, fueron obligados a convertirse forzosamente al catolicismo, lo que les conducía a «un paulatino olvido de la religión a la que algunos judíos convertidos forzosamente al catolicismo en esa fecha pretenden mantenerse fieles» (Lomba Falcón, 2012: 68). Los sabateos y los frankistas, considerados herejes y maldecidos por los judíos piadosos, tuvieron que practicar sus creencias en secreto, lo que los asimilaba a los «marranos». La etimología popular ha querido unir la palabra «marrano» –referida a un judío converso– con la palabra homónima «marrano»

–«cerdo»[2]– o coloquialmente «persona sucia»[3], lo que se relaciona con el «acto extraño» ya anteriormente mencionado, de comer cerdo por Jacob Frank durante el ayuno (cristiano en la escena antes aludida) y también judío: «Durante el ayuno [judío] <…> ofrecía pasteles y carne de cerdo» relata Tokarczuk (2023: 747). Scholem (1996: 257), citando a Moshé Haguiz, escribe que las sectas consideran «santa a toda persona impura que se deshonra a sí misma con transgresiones leves o importantes. Dicen que lo que vemos con nuestros ojos –la forma en que comen los días de ayuno– no es una comida física, sino espiritual».

Sin embargo, Frank, judío ofreciendo cerdo a sus correligionarios y católico, asando carne un Viernes Santo, es también un hombre lleno de apetito vital cuyas acciones se adecuan al vitalismo desmesurado descrito por Bielik-Robson (2012: 46): «Eros es el principio del derroche: la propagación codiciosa de una vida que sólo se fija en ella misma, sin preocuparse por las consideraciones del conjunto». Frank, aunque casado con Chana, no se priva de «[m]ujeres, muchísimas mujeres» (Tokarczuk, 2023: 315) que le sirven: «en todo y para todo» (Tokarczuk, 2023: 315).

El protagonista de la novela de Tokarczuk no sería pues un falso mesías sino un mesías vital, representante de la corriente que la filósofa polaca llama vitalismo mesiánico cuyos objetivos estratégicos son: «<…> aprender a usar esta energía [sexual] sin medida ni meta; hacer justicia a su magnificencia para que desarrolle todo su poder fuera de la castrante obligación de la adaptación» (Bielik-Robson, 2012: 10). Es así porque la promesa mesiánica se dirige a un ser de carne y hueso, capaz de sentir el deseo y el goce (Bielik-Robson, 2013: 344).

La novela narra como:

> Jacob las hace [a las mujeres] ponerse en fila y las observa primero con rostro grave <…>, sin sonreír. Su mirada se deleita, son tan hermosas. Se pasea ante ellas como si fueran soldados y deposita un beso en la mejilla de cada una (Tokarczuk, 2023: 314).

Al contrario del mesías cristiano, expuesto al sufrimiento, el mesías judío lucha contra el ascetismo que le obliga a renunciar a su realización personal. En lugar de la renuncia y del sufrimiento tenemos «*la primacía de la alegría* <…> la experiencia gozosa de una felicidad grande, absoluta y sin límites: *la alegría-sin-interrupción*» (Bielik-Robson, 2012: 39). El místico judaico tiene que confiar en su capacidad de provocar el cambio en el supuestamente predefinido curso de la historia y por ello, debe creer en la fuerza de la negación incontrolada e incontrolable que garantiza la esperanza de la vida (Bielik-Robson, 2013: 344). Esa negación, que se manifiesta negando todos los preceptos morales, podría ser considerada el *leit motiv* vital de los frankistas, convencidos de que, si se considera:

---

[2] Algunos filólogos, como Joan Corominas, son de la opinión que la palabra «marrano» en sentido sarcástico de «cerdo» fue utilizada por los «cristianos viejos» hacia los «cristianos nuevos» (judíos y musulmanes convertidos) ya en el siglo XIII. Con este término se querían burlar: «de la repugnancia que mostraban por la carne de este animal, prohibida por sus antiguas creencias» (Cambrón, 2021: 3).

[3] Los especialistas apuntan que «marrano» –término empleado para titular a un judío converso– deriva del hebreo. Es un componente de la palabra «amargo» (en hebreo *mar*) y «forzado» (en hebreo *anus)* (DECEL). Otros estudiosos, p.ej. Julio Caro Baroja (2000: 405) señalan que la palabra «marrano»: «<…> se ha entroncado con 'marah' = rebelar, y con 'maranatha' = anatema».
El especialista Miguel Alonso Cambrón (2021: 3) nos informa que existe una teoría donde «marrano» tiene etimología andalusí y: «[*cur*] *maharram* significa 'cosa prohibida' en alusión <…> [a] los tabúes alimentarios que lo rodean tanto en la religión judía como en la musulmana».

> bueno el mundo, el mal se convierte en excepción, carencia y error, y nada encaja. Mas si partes [se parte] de la premisa contraria, de que el mundo es malo y lo excepcional es la bondad, todo cobra sentido (Tokarczuk, 2023: 827).

El mesías vital, al igual que Jacob Frank, siente alegría siendo él mismo (Bielik-Robson, 2013: 344), es más, está seguro de ser el poseedor de la verdad: «Sé lo que digo y no me equivoco. No puedo equivocarme. <…> Porque llevo a Dios dentro de mí» (Tokarczuk, 2023: 195). Sus salidas de sí mismo, es decir, sus experiencias extáticas, no son afirmación de su divinidad, sino rotunda protesta contra las fuerzas de la muerte (Bielik-Robson, 2013: 344). De allí que el relato del descenso del Espíritu Santo sobre Frank esté lleno de elementos escabrosos:

> Jacob tuvo una erección y su piel se cubrió de sudor. Sus ojos estaban extrañamente desencajados y ausentes y su cuerpo parecía emitir un zumbido. <…> A continuación, un chorro de orina comenzó a fluir lentamente debajo de Jacob (Tokarczuk, 2023: 868).

Para los presentes este espectáculo fue autentica muestra de cuán «ajenos somos al espíritu en nuestra forma terrenal, corporal y material» (Tokarczuk, 2023: 868).

La realidad no se rige solo por las leyes de la naturaleza sino que existe un más allá que organiza la existencia, desorganizándola a la vez. Esta desorganización permite la libertad absoluta y en ella la vida se desnaturaliza, mientras el individuo trata de alcanzar su felicidad (Bielik-Robson, 2013: 345). Para llevar a cabo esta acción, el Espíritu Santo escoge al ser más apto y el elegido, por sus actos personales como son los «actos extraños», se libera de las normas sociales para, siendo libre, lograr su felicidad y la de sus seguidores (Bielik-Robson, 2013: 345 y 348). Lejos de ser un asceta, Jacob Frank es presentado como un hedonista y «da gusto ver con qué apetito come Jacob» (Tokarczuk, 2023: 586) alabando los platos y contando «historias que provocan estallidos de risa» (Tokarczuk, 2023: 586). Esto atrae a la gente, que lo «percibe a través de la piel» (Tokarczuk, 2023: 586) y su «ausencia de miedo se torna contagiosa» (Tokarczuk, 2023: 586). Según la filósofa (2013: 348), la idea mesiánica de la felicidad –equivalente a la libertad– consiste en rechazar cualquier autoridad. Por eso, el mesías emprende la tarea libertadora en dos campos: el espiritual –comprendido como el sometimiento a la Ley de la Torá–, y el socio-político, referido al estatus social (Bielik-Robson, 2013: 349). En eso también Frank era hijo de su tiempo, fallecería en 1792 lo que permite recordar las palabras que Scholem (1996: 260) dice de los judíos seguidores de Tzvi:

> Cuando la Revolución francesa volvió a dar un aspecto político a sus ideas, no tuvieron necesidad de sufrir un gran cambio para convertirse en los apóstoles de un apocalipsis político desmesurado. El ansia de revolucionar todo ya no tenía necesidad de buscar expresión en teorías desesperadas, como la de la santidad del pecado, sino que adoptó un aspecto intensamente práctico en la tarea de introducir la nueva época.

En este aspecto Scholem (1996: 260 y 353) recuerda la figura del que iba a ser sucesor de Frank, Moshé Dobrushka, quien murió en la guillotina siendo jacobino y es conocido bajo el nombre de Junius Frey. Jacob Frank visto como un mesías revolucionario se convierte en voz de todas las personas a quienes nadie escucha, por su mala situación física, económica, social o intelectual (Bielik-Robson, 2013: 346). Se cuenta, parafraseando a Tokarczuk (2023: 767), que sanaba imponiendo las manos, hacía aparecer objetos perdidos y que las llagas se reabsorbían y las mujeres estériles se quedaban encintas, más podía hasta hacer regresar el amor conyugal e influir en las vacas para que pariesen gemelos y las gallinas pusiesen huevos de

dos y tres yemas, como si Frank contribuyese a la obra de la Creación divina para que el ser humano viviese aquí, en la tierra, mejor, sin enfermedades ni problemas materiales, dos males que exponían la vida a la muerte.

El mesías quiere vencer la sombra de la muerte y conseguir el triunfo de la realidad sin límites (Bielik-Robson, 2012: 32). Desde esta perspectiva –que se sitúa fuera del círculo de la naturaleza– y donde la libertad de la negación individual es posible, empieza la historia (Bielik-Robson, 2012: 34). Así pues la novela dedicada a Jacob Frank –mesías vital del siglo XVIII– es una novela histórica que habla de un ser que, guiado por el derecho de elección, escoge al Dios que más le favorece (Bielik-Robson, 2012: 33) porque garantiza a los suyos la felicidad del momento que da el ilimitado goce vital (Bielik-Robson, 2012: 39, 40). Para conseguirlo es imprescindible desprenderse de toda normativa rabínica construida a base del Árbol del Conocimiento del Bien y del Mal y optar por las enseñanzas cabalísticas, en particular las descritas en el *Zohar* y provenientes del Árbol de la Vida (Bielik-Robson, 2012: 41). Los frankistas veneraban *El libro del Esplendor*, donde encontraban las pautas para seguir el camino cabalístico que consistía: «en desplazar, pronunciar y contar letras» y conducía: «a la verdadera espiritualidad» (Tokarczuk, 2023: 926).

El Árbol del Conocimiento del Bien y del Mal, conocido también como Árbol Pequeño o Árbol de la Muerte, rige el mundo terrenal, a diferencia del Árbol de la Vida que gobierna el paraíso. En esta interpretación, los seguidores del mesías vital, mediante sus muy terrenales prácticas, intentan recuperar el edén perdido aquí y ahora, sin esperar la venida del mesías verdadero. Scholem (1996: 257) explica que para los shabateístas, con la llegada de «su» mesías, «el pecado de Adán ya había sido reparado y el bien rescatado del mal y de la 'escoria'. Desde entonces, según ellos, la nueva *Torá* se convirtió en una ley bajo la cual todo tipo de cosas antes prohibidas están ahora permitidas, incluso los tipos de relación sexual hasta ahora considerados como tabú. Pues dado que todo es puro, no existe pecado o perjuicio en esas cosas». Por esta razón, durante y después de su vida, gran parte de judíos creía en que el mesías se ocultaba en la persona de Frank (Tokarczuk, 2023: 413) propagador de que: «lo divino y lo pecaminoso están indisolublemente unidos» (Tokarczuk, 2023: 568) y que para poder establecer un nuevo orden había que negar la diferenciación entre «el bien y el mal» (Tokarczuk, 2023: 568) yendo hacia la luz –Ilustración–, pero pasando necesariamente por la oscuridad (Tokarczuk, 2023: 568).

III. Conclusiones

Así llegamos al fin de este análisis comparativo entre la figura de Jacob Frank esbozada por Tokarczuk y las observaciones histórico-filosóficas de Scholem y Bielik-Robson cuyo propósito fue responder a la pregunta de si Jacob Frank, protagonista de *Los libros de Jacob*, era un espurio revolucionario o un hijo de su época, demostrando la veracidad de lo segundo. En los años de la Ilustración, la religión, con sus esperanzadoras pretensiones escatológicas, dejó de ser un consuelo para el individuo oprimido por adversas circunstancias de la vida (falta de salud y ausencia de ayuda médica, escasez de materiales, que los Estados no remediaban). En las circunstancias de extrema pobreza material, la manifestación de un personaje como Jacob Frank, prometedor de una prosperidad terrenal para todos sus seguidores, más que casual parece causal. Son patentes las causas que llevaron a la proclamación de Frank como mesías vital, liberador del pueblo judío, sometido durante décadas a efectuar 613 preceptos que limitaban su vida cotidiana. Las personas, cansadas de esperar a un mesías que cumpliese con su promesa de liberación, viendo las buenas acciones que acometía (como curaciones o repartición de ayuda material a los necesitados), acogieron en masa al sabio (Tokarczuk, 2023: 802) quien, en sus discursos accesibles por su simpleza, aseguraba una buena vida

no en el más allá sino aquí y ahora. Proclamando que sus seguidores no morirían (Tokarczuk, 2023: 279), Frank se convertía en un auténtico mesías vital, fervoroso luchador contra la muerte, rasgo característico del mesianismo ilustrado.

BIBLIOGRAFÍA

Biale, D. (2022, diciembre 23). A Very Jewish Christmas: Jesus and Shabbtai Zvi, from Heretic to Hero [video]. https://www.youtube.com/watch?v=O5ysYqJqLWc&t=135s.

Bielik-Robson, A. (2003). Do Blooma i dalej, czyli w drodze do „Wyjścia». *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 6 (84), 26-48.

Bielik-Robson, A. (2013). *Deus otiosus. Nowoczesność w perspektywie postsekularnej*. Wydawnictwo Krytyki Politycznej.

Bielik-Robson, A. (2012). *Erros. Mesjański witalizm i filozofia*. Universitas.

Cambrón, M.A. (2021). El sefardí, judeoespañol o ladino. *La lengua española, Hoy (XXIII)*, 1-14. https://www.academia.edu/84131635/El_sefard%C3%AD_judeoespa%C3%B1ol_o_ladino.

Caro Baroja, J. (2000). *Los judíos en la España moderna y contemporánea* (t. I). Istmo.

Diccionario Etimológico Castellano en Línea (DECEL). https://etimologias.dechile.net/.

Lomba Falcón, P. (2012). Marranismo y disidencia. Un origen hispánico de la crítica moderna. *Revista Internacional de Filosofía*, 57, 67-80. https://revistas.um.es/daimon/article/download/151961/142651/604691.

Sagrada Biblia. Versión directa de las lenguas originales (1966). E. Nácar Fuster y A. Colunga (trads.). B.A.C.

Scholem, G. (1996). *Las grandes tendencias de la mística judía*. B. Oberländer (trad.). Fondo de Cultura Económica.

Tokarczuk, O. (2023). *Los libros de Jacob*. A. Orzeszek y E. Rubio (trads.). Anagrama.

ФОРМАЛЬНІ ЗАСОВИ ВИРАЖЕННЯ МАЙБУТНЬОЇ ДІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Yana Movchan
Christian-Albrechts-Universität zu Kiel (CAU)

1. Вступ

У фокусі цього дослідження є формальні засоби вираження дій у майбутньому. Актуальність дослідження полягає в тому, що його проведено на матеріалі сучасних творів українських авторів і на матеріалі розмовної мови, з ток-шоу 2024-2025 років, що відображає стан української мови в період з 2008 до 2025 року. Для аналізу був створений корпус з 1000 висловлювань, предикативний центр яких виражає майбутню дію. Також майбутня дія може бути виражена за допомогою лексичних засобів. Метою аналізу зібраного корпусу є класифікація та опис форм, дослідження їх морфологічних особливостей, а також спостереження за частотністю виживання цих форм у писемній та усній мові сьогодення. У дослідженні використовується як якісний аналіз, при якому форми виділяються згідно з їх морфосинтаксичною будовою, так і кількісний аналіз, який полягає у підрахунку форм і їх відсотковій частці від усієї кількості висловлювань.

Майбутні дії – це ті дії, процеси та стани, які відбуватимуться після моменту мовлення чи відбуваються після іншого моменту, який може бути локалізований в минулому, теперішньому чи майбутньому. Вираження майбутньої дії передусім пов'язане з категорією часу. Категорію часу в українській мові виражають особові форми дієслова в дійсному способі, дієприкметники, форми на -но, -то та дієприслівники. Категорію часу не виражає інфінітив (Микитюк, 2023: 308): Часові значення має дійсний спосіб (умовний і наказовий способи часу не виражають). Дієприкметник зберігає значення часу тієї основи, від якої він утворений, дієприслівник виражає час щодо основної дії (Микитюк, 2023: 318).

В українській мові є чотири часи дієслова: давноминулий, минулий, теперішній і майбутній (Микитюк, 2023: 318-321). Часові дієслівні форми досить широко досліджені в українській мові. Однією з найґрунтовніших робіт з дослідження різноманіття і значення часових форм є монографія В. Русанівського (1959) *«Значення і взаємозв'язок граматичних категорій виду і часу в українській мові XVI–XVII ст.»*. Порівняльному аналізу російської і української мов приділяли увагу М. Доленко (1974) та Н. Шумарова (2010). Ціла низка робіт присвячена значенням однієї часової форми, так, наприклад, С. Еромоленко (2010) досліджує форму минулого часу в значенні запланованого майбутнього, О. Крижанівська (2008) та Л. Попович (2012) приділяють увагу формам давноминулому часу, а Н. Шумарова (2010) формам майбутнього часу.

2. Майбутній час у граматиках та підручниках української мови

Майбутній час в граматиках і підручниках української мови зазвичай представлений трьома формами дієслова. Перевагу надають дійсному способу й активному стану. Згідно з граматиками в українській мові існує три форми майбутнього часу.

1. Майбутній час доконаного виду (проста форма майбутнього часу): *я напишу*.
2. Аналітична форма недоконаного виду (складена форма майбутнього часу): *я буду боротися.*
3. Синтетична форма недоконаного виду (складна форма майбутнього часу): *я битиму*. (Вихованець & Городенська, 2004: 254).

Значення майбутнього часу Н. Шумарова визначає так: «… майбутній час виражає дію, яка має відбутися або після моменту мовлення, або після дії в минулому чи майбутньому часі, до якої вони відносяться» (Шумарова, 2010).

Дієслова в пасивному стані та дієприкметники творять форми майбутнього часу за допомогою дієслова «*бути*»: *(Долина) буде освітлена сонцем* (Микитюк, 2023: 311).

За цим зразком також утворюються форми майбутнього часу на -но, -то: *Невдовзі буде розпочато будівництво ще однієї лінії метро в Києві* (Ющук, 2006: 401).

3. Склад корпусів дослідження

Стаття базується на основі аналізу речень з предикативним центром у майбутньому часі. Для аналізу було складено корпус із 1000 речень. Цей корпус має три розділи. Корпус-1 „П'ятдесят відтінків" – це мова одного автора-перекладача В. Александрова і включає 333 висловлювання з роману Е. Л. Джеймс *«П'ятдесят відтінків»* (2015). Висловлювання взяті з перших дев'яти частин роману.

Корпус-2 «Твори українських авторів» – це 333 висловлювання із творів сучасних українських авторів. До нього увійшли твори Люко Дашвар *«Молоко з кров'ю»* (2008), Оксани Забужко *«Музей покинутих секретів»* (2009), Сергія Жадана *«Ворошиловград»* (2010), Галини Пагутяк *«Гіркі землі»* (2016), Макса Кідрука *«Не озирайся і мовчи»* (2017), Любка Дереша *«Там, де вітер»* (2021), Євгенії Кузнецової *«Спитайте Місячку»* (2024). З кожного роману було вибрано перші 45-50 висловлювань, які виражають майбутню дію.

Третя частина дослідження, корпус-3 «Розмовна мова», побудована на основі аналізу розмовної мови в ток-шоу *«Говорить вся країна»* і *«Говорить Україна»* з ведучим Олексієм Сухановим. У цих ток-шоу учасники вільно обмінюються думками на задану тему в студії. Формат дискусії та діалогу дозволяє учасникам активно висловлювати свої припущення й переконання, розповідати свої життєві історії, вибираючи відповідні засоби вираження своєї думки. У ток-шоу беруть участь люди різних соціальних прошарків суспільства, з різних регіонів України, різних професій та з різним рівнем освіти. У зібраному корпусі є висловлювання з рисами діалектів та суржику. Висловлювання російською мовою були виключені з дослідження. Однакові фрази, які учасники повторювали декілька разів у одному ток-шоу, ми розглядали як окремі одиниці дослідження. Цей корпус налічує 6 годин і 60 хвилин матеріалу, з якого було відібрано усі речення з формами майбутнього часу. Їх кількість становить 334 висловлювання.

Метою аналізу корпусу є виявлення форм, які виражають майбутню дію в українській мові, дослідження їх морфологічних особливостей, а також спостереження за частотністю виживання цих форм у писемній і усній мові сьогодення.

4. Формальне вираження майбутньої дії в корпусі

Проаналізувавши морфологічну будову тисячі речень корпусу, ми виявили низку форм, які виражали дію чи стан у майбутньому (див. таблицю 1).

	Форми	**Приклад**
1	Проста форма майбутнього часу дієслова	Я напишу.
2	Синтетична форма часу дієслова	Я писатиму.
3	Аналітична форма часу дієслова	Не буду про нього думати!
4	Майбутній час дієслова «*бути*»	Я вже розуміла, як це буде важко.
5	Модальні предикативні конструкції з дієсловом-зв'язкою «*бути*»	Ти повинен бути завтра на зйомках.
6	Конструкції з модальними дієсловами та інфінітивом	Спершу маю скласти випускні іспити.
7	Інфінітивні конструкції з давальним відмінком	Мені буде важче дивитися.
8	Теперішній час дієслів недоконаного виду	Я зустрічаюся з ним сьогодні ввечері.
9	Минулий час в значенні майбутнього	Ну все, я поїхав!
10	Пасивні конструкції	Буде зроблена її пропозиція.
11	Майбутній час дієслів на -но, -то	Ці кадри буде вирізано.
12	Наказовий спосіб з дієсловом «бути»	Давайте будемо говорити.

Таблиця 1: Граматичні форми для вираження майбутньої дії.

Розглянемо детальніше форми, які виражають дію у майбутньому.

3.1. Проста форма майбутнього часу дієслова (майбутній час дієслова доконаного виду)

Майбутній час доконаного виду (проста форма майбутнього часу) утворюється від дієслів доконаного виду, особові закінчення яких збігаються із закінченнями теперішнього часу: *я напишу, ти напишеш, він/вона/воно напише, ми напишемо, ви напишете/ вони напишуть.* Але за значенням ця форма означає дію, що відбуватиметься після моменту мовлення або після якогось іншого моменту у минулому, теперішньому чи навіть у майбутньому.

(1) Ну то *зроби* так, щоби він сам *прийняв* це рішення, – казала Мієчка (Є. Кузнецова, *«Спитайте Мієчку»*, 2024: 21).

(2) Містер Грей *прийме* вас за пять хвилин (Е. Л. Джеймс, *«П'ятдесят відтінків»*, 2015: 9)

(3) Дзвонила мама. Каже, Маша, дай мені номер телефону. Я *вишлю* гроші на твою карточку (Говорить Україна, «*Ревнощі чоловіка: які довели до жорстокого вбивства*», 26.07.2024, 23:16).

Дослідження показує, що синтетична, тобто проста, форма майбутнього часу дієслів переважає в усіх трьох корпусах як в письмовій так і в усній мові. У зібраному корпусі більшість майбутніх дій виражені саме формами майбутнього часу дієслів доконаного виду (65,4% від усіх форм). Підтвердження цьому демонструє таблиця 2 і діаграма 1.

3.2. Синтетична форма часу дієслова (складна форма майбутнього часу дієслів недоконаного виду)

Наступна форма майбутнього часу – це синтетична форма дієслова недоконаного виду, або її ще називають складна форма майбутнього часу. У сучасних граматиках української мови синтетичну форму майбутнього часу дієслів трактують як:

інфінітив + нарощена морфема [м] + особові закінчення теперішнього часу: -му, -меш, -ме, -мемо, -мете, -муть (Вихованець & Городенська, 2004: 254).

(4) Я перепробую всі лондонські гидоти! І *робитиму* це до тих пір, поки ви не дозволите… (Л. Дашвар, «*Молоко з кров'ю*», 2008: 7).

(5) Гаразд, *матиму* на увазі, – бурмочу я, геть збита за пантелику (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 17).

(6) Погрожували, що вб'ють мене, якщо я *не робитиму* те, що вони кажуть (Говорить Україна, «*Як матір розбещувала 14-річного сина? Чому він спав з батьками?*», 14.06.2024, 8:37).

Історично синтетична форма дієслова недоконаного виду «*писатиму*» утворилася шляхом граматикалізації допоміжного дієслова ѣати архаїчні особові форми: *(иму, имѣши, имѣть, имѣмь, имѣте, имуть(ть))* та інфінітива основного дієслова *(писати иму, ходити имѣши)* (Доленко та ін., 1974: 222). В. Русанівський у своїй монографії «*Значення і взаємозв'язок граматичних категорій виду і часу в українській мові XVI–XVII ст.»* приходить до висновку, що дієслово «*иму*» в цій конструкції мало доконаний вид, тоді як інфінітив основного дієслова був недоконаного виду (Русанівський, 1959: 60-70):

> Дієслово *иму*, яке в попередні епохи було співвідносним з недоконаним *имаю*, у досліджуваний період вже не мало цієї співвідносності. Воно втратило всі часові форми, крім форм майбутнього доконаного часу, які виступали тільки у поєднанні з недоконаним інфінітивом, а тому одержало можливість перетворюватись у формант (1959: 60).

Часто вважають, що утворення форм майбутнього часу з дієсловом «*мати*» притаманне лише українській мові і такі форма більше не існують в жодній слов'янській мові. В. Русанівський, досліджуючи виникнення синтетичної форми майбутнього часу, зазначив:

> Синтетична форма майбутнього часу – своєрідна і оригінальна риса української мови. Подібні утворення не зафіксовані в жодній з інших слов'янських мов. Виняток становлять лише деякі північноросійські та південнобілоруські говірки. Розвинувшись у XVI–XVII ст., ця форма поряд з формою «буду + інфінітив» стала невід'ємним елементом граматичної структури української мови (1959: 69-70).

Але тут треба зауважити, що дієслово «*мати*» як граматикалізована частка використовується також у болгарській мові в заперечній формі майбутніх часів (*няма/ нямаше*) (Ницолова, 2008: 304).

Використання цієї форми в сучасній українській мові різниться у трьох корпусах: у корпусі «П'ятдесят відтінків» відсоток цієї форми становить 11,5% від усіх форм (39 висловлювань), у корпусі «Твори українських письменників» лише 7,5% (26 висловлювань з 333), а у корпусі «Усної мови» майже не зустрічається, лише 0,6% (2 висловлювання).

3.3. Аналітична форма часу дієслова (складена форма майбутнього часу дієслів недоконаного виду)

Аналітичну форму недоконаного виду дієслова в українських граматиках переважно називають складеним майбутнім часом. «Творимо складений майбутній час так: до неозначеної форми дієслова недоконаного виду додаємо особові форми дієслова «*бути*» (яке є показником часу, особи й числа)» (Микитюк, 2023: 320). Складена форма майбутнього часу дієслова конкурує за частотністю

вживання в корпусах писемної мови і має абсолютну перевагу перед складною формою у розмовній мові.

(7) – А матері хто допомагати буде? (Макс Кідрук, «Не озирайся і мовчи», 2017: 39).

(8) *Не буду* про нього *думати*! (Е. Л. Джеймс, «П'ятдесят відтінків», 2015: 26).

(9) У мене син живе на «Чайке». Думала, що *буду їхати* додому. (Говорить Україна, «*Ревнощі чоловіка: які довели до жорстокого вбивства*», 26.07.2024, 23:00).

Тут треба зауважити, що іноді в таких формах немає інфінітива, але його значення зрозуміле зі змісту повідомлення.

(10) – Ти *будеш* чай? – Так, якщо у тебе є. (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 123).

(11) – Привіт, – озвався він. – Я замовив піцу.

– *Будеш*? (Л. Дереш, «Там, де вітер», 2018).

Форми без інфінітиву трапляються в корпусі «П'ятдесят відтінків». Їх чотири. І в корпусі «Творів українських авторів» зафіксовано теж чотири такі форми.

Причинами виникнення та існування в сучасній українській мові аналітичної форми майбутнього часу В. Русанівський вважає «існування дієслівних конструкцій, що складалися з дієслова в часовій формі та інфінітива. Другою причиною слід вважати інтенсивне поєднання дієслова «*бути*» з морфологічно неоднорідними словами, що виступають в реченні носіями предикативної ознаки» (Русанівський, 1959: 60).

> Отже, вживаність часових форм дієслова *быти* в різних конструкціях, що виступали в ролі присудка, зумовила поширення його і на інфінітивні конструкції. Сполучення інфінітива з дієсловом *быти* з конструктивного боку відрізнялося від усіх інших дієслівних словосполучень тим, що змінне дієслово *быти* виступало тут тільки у формах теперішньо-майбутнього часу. Воно створювало з інфінітивом нероздільне сполучення, яке виражало єдиний час (майбутній) і мало єдиний вид (недоконаний). (Русанівський, 1959: 61)

Далі В. Русанівський зауважує, що форма майбутнього часу недоконаного часу вживалася вже в XIV ст., а в XVI-XVII ст. вона дедалі більше поширювалася (Русанівський, 1959: 61).

Аналітична форма недоконаного виду і синтетична форма недоконаного виду за своїм значенням рівнозначні. У *«Сучасній українській літературній мові»* під редакцією І. Білодіда також вказано, що форми недоконаного виду «цілком рівнозначні з огляду на часове значення, яке ними виражається» (Білодід, 1969: 374). Цього ж погляду дотримуються І. Вихованець та К. Городенська в *«Теоретичній морфології української мови»:* «Аналітична і синтетична форми майбутнього часу недоконаного виду рівнозначні у вираженні часової семантики, що засвідчує їхнє паралельне вживання в художніх творах українських письменників…» (Вихованець & Городенська, 2004: 254). Цю ж думку поділяє й І. Ющук: «Складна і складена форми майбутнього часу мають однакове значення. Їх нерідко вживають упереміш, аби уникнути одноманітності» (Ющук, 2006: 392).

У граматиці під редакцією І. Вихованця і К. Городенської (2004) стверджується, що «Останнім часом помічаємо тенденцію до активного використання синтетичної форми в усіх стилях, оскільки її вважають органічнішою для української мови» (Вихованець & Городенська, 2004: 254). Проведене нами дослідження показує, що ця тенденція поширюється тільки на письмову мову. У корпусі-1 «П'ятдесят відтінків» маємо 10 висловлювань, загалом 3% від усіх форм, а у корпусі-2 «Твори українських письменників» налічуємо 14 висловлювань, що становить 4% від усіх форм. У су-

часних романах дійсно синтетична форма переважає аналітичну, але в розмовній мові переважають все ж таки аналітичні форми дієслова, це 48 висловлювань, що становлять 14,5% від усіх форм у корпусі–3 «Усна мова». Загальний відсоток вживання цієї форми як в письмових, так і в усних текстах становить 7,2%. Для порівняння кількісні та відсоткові результати підрахунків подані в таблиці 2.

Майбутній час – **1000** висловлювань										
	Форма	Приклад	Корпус - 1		Корпус - 2		Корпус -3		**1000**	
1.	Проста форма	Я скажу	219	65,5%	223	66,7%	212	63%	654	65,4%
2.	Синтетична форма	Я писатиму	39	11,5%	26	7,5%	2	0,6%	67	6,7%
3.	Аналітична форма	Я буду писати	10	3%	14	4%	48	14,5%	72	7,2%
4.	Інші форми		65	19,5%	70	21%	72	21,5%	207	20,7%
	Всього		333	100%	333	100%	334	100%	1000	100%

Таблиця 2: Кількість форм майбутнього часу дієслів дійсного способу та активного стану в кожному з корпусів на 1000 висловлювань

Форми дієслів недоконаного виду вживаються в усіх трьох корпусах значно рідше, ніж форми доконаного виду. Їх частка загалом становить усього ≈ 14% від усіх можливих форм вираження майбутнього часу.

3.4. Майбутній час дієслова «*бути*»

Дієслово «бути» має особливу форму майбутнього часу. Воно утворює майбутній час за зразком дієслів доконаного виду. Форми теперішнього часу (*я буду, ти будеш*) мають референцію до майбутнього, а не до теперішнього. Аналітичної форми **буде бути* не існує в сучасній українській мові. Хоча в українській мові «дієслово бути в теперішньому часі в усіх особах має форму *є*» (Ющук, 2006: 388), і теоретично така форма могла б існувати.

(12) Кейт *буде* на сьомому небі від щастя, якщо я зумію це влаштувати (Е. Л. Джеймс, *«П'ятдесят відтінків»,* 2015: 31).

(13) Наступного тижня знову *буде* щось нове (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 24).

(14) Він сказав, мені за це нічого не *буде* (Говорить Україна, *«Ревнощі чоловіка: які довели до жорстокого вбивства»,* 26.07.2024, 2:06).

Якщо порівняти українську мову з болгарською, хорватською чи сербською, то ми бачимо, що у цих мовах дієслово «*бути*» вживається в майбутніх часах, як і будь-яке інше дієслово, і воно не є винятком:

(15) Укр.: Наступного тижня знову *буде* щось нове (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 24).

(16) Болг.: Следващата седмица *ще́ше да е* нещо ново (Е. Л. Джеймс, «*Петдесет нюанса сиво*», 2012: 27).

(17) Серб.: Sledeće nedelje *će biti* nešto novo (E. L. Džejms, «*Pedeset nijansi siva*», 2012: 28).

Дієслово «*бути*» вживається в загальному корпусі переважно у функції предикату без іменної частини:

(18) Добре. - Я всміхаюся у відповідь. Кейт *буде* у захваті (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтін-*

ків», 2015: 31).

(19) Нічого не станеться, все *буде* гаразд… (Говорить вся країна, *«Кохання поза законом»*, 03.03.2025, 39:52).

А також як частина іменного предикату:

(20) Ото вже *гарна* я *буду* завтра після безсонної ночі (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків»,* 2015: 38).

(21) Чи *будуть* діти *чорні*? – спитала бабуся (Е. Кузнецова, «*Спитайте Місячку*», 2024: 23).

Частотність цієї конструкції становить по 6% у письмових текстах і 13% – у корпусі «Розмовної мови». Загалом 8,5% на 1000 висловлювань.

3.5. Модальні предикативні конструкції з дієсловом-зв'язкою «*бути*»

Досить частотними є також модальні конструкції з дієсловом-зв'язкою «*бути*» та прикметником чи предикативним прислівником (предикативом). Предикативні прислівники виконують функцію присудка в безособовому реченні. О. Микитюк виділяє такі типи предикативних прислівників:

1. стан природи: *сонячно, росяно, вітряно, мрячно*;
2. стан людини: *весело, радісно, образливо, лінь, байдуже*;
3. можливість, неможливість, доцільність дії в оцінці людини: *можна, треба, варто, корисно, пора, ніколи, ніде, немає* (Микитюк, 2023: 345).

У зібраному нами корпусі також знаходимо предикативи, зокрема *повинен (-а,-о,-і), може, ладен (-а,-о,-і), потрібно, необхідно, нудно, просто, мало, слід* та інші.

У таких конструкціях з предикативними прислівниками дієслово «*бути*» виконує роль зв'язки. У минулому часі залежно від предикату дієслово «*бути*» може мати такі форми *(був, була, було, були)*, в теперішньому часі це дієслово відповідає нульовій зв'язці, а в майбутньому має форми майбутнього часу *(буде, бути)*: *повинен бути, треба буде, потрібно бути, потрібно буде.*

(22) *Треба буде подзвонити* менеджерові і домовитися про місце для зйомки (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 38).

(23) Послухай, Хосе Родрігес, якщо ти хочеш, щоб наша газета зробила репортаж з відкриття твоєї виставки, ти *повинен бути* завтра на зйомках, усік? – Кейт уміє добиватися свого (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 36).

Н. Стойнова у своєму дослідженні майбутнього часу вказує на асиметрію між формами минулого та майбутнього часу в російській мові. Це асиметрія полягає в тому, що форма теперішнього часу часто заступає форму майбутнього часу, тоді як у минулому часі подібних замін немає (Стойнова, 2018). Така заміна форм можлива і в українській мові:

(24) І купи їй землі. Їй-богу! На сімнадцятиріччя. Гарний привід. Ти подумай: діаманти губляться, авта розбиваються, а земля — що б Руслана не вигадала — залишиться. Із часом її *можна буде продати* дорожче. Хай собі пограється дитина в самостійність (Л. Дашвар, «*Молоко з кров'ю*», 2008: 7).

(25) Із часом її *можна продати* дорожче (можливий варіант зі зв'язкою в теперішньому часі, де форма дієслівної зв'язки не впливає на темпоральну локалізацію дії).

У минулому часі така заміна неможлива без втрати часової локалізації дії.

(26) Може, *потрібно було* спочатку запитати дозволу (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків»,* 2015: 75) (Минулий час).

(27) Може, *потрібно* спочатку запитати дозволу (Теперішній час).

На прикладах з предикативними прислівниками можна прослідкувати градацію майбутньої дії. Н. Стойнова стверджує, що в висловлюваннях з дієсловом-зв'язкою в майбутньому часі, як наприклад *Треба буде подзвонити*, у семантичній сфері майбутнього часу опиняється і сам модальний оператор «*треба*», і дієслово, яке описує ситуацію, до якої застосовується модальний оператор «*подзвонити*». У реченні без наявно вираженого дієслова-зв'язки в майбутньому часі *можна продати* до сфери дії майбутнього попадає лише ситуація описана дієсловом «*продати*», а модальний оператор залишається в теперішньому часі (Стойнова, 2018).

Треба зважати на те, що за вираження темпоральності у висловлюванні відповідають не лише граматичні форми, а також лексичні засоби, календарні дати й контекст. За допомогою лексичних засобів уся ситуація може бути перенесена у сферу майбутнього:

(28) Гаразд, сьогодні ввечері все *повинно прояснитися* (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 76).

У такому висловлюванні і модальний оператор, і дієслово відносяться до сфери майбутнього.

Але якщо у висловлюванні немає лексичних чи календарних маркерів, то можна вважати, що модальний оператор залишається в теперішньому, а сама ситуація, виражена інфінітивом, належить до плану майбутнього.

(29) *Треба зібрати* по шматочках поранену гордість і *постаратися* повернути втрачену душевну рівновагу (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 51).

Дієслово «*бути*» в предикативних конструкціях може бути як в інфінітиві, так і змінюватися за особами, залежно від типу предикативу.

(30) Чи була у вас така думка, що ви будете робити, якщо посмішку дитини не можна буде повернути? (Говорить вся країна, «*Радість під забороною*», 29.05.2025, 3:18).

У цьому дослідженні розглянуто лише предикативні форми, які мають у своєму складі дієслово «*бути*» або інший часовий локалізатор майбутності. Дистрибуція предикативних конструкцій з дієсловом-зв'язкою «*бути*» різниться від корпусу до корпусу. У корпусі «П'ятдесят відтінків» – дев'ять висловлювань (3%), у корпусі «Твори українських авторів» – два висловлювання (0,5%) і у корпусі «Розмовної мови» – всього один приклад (0,3%). Загалом, на 1000 висловлювань знаходимо 12 предикативних конструкцій, що дорівнює 1,2%.

3.6. Конструкції з модальними дієсловами та інфінітивом

Подібне до предикативних конструкцій темпоральне і модальне значення поєднують в собі модальні дієслова мати, *могти, вміти, мусити* з інфінітивом переважно дієслова доконаного виду. Ці дієслова не утворюють форм майбутнього часу з дієсловом «*бути*». Переважно модальні дієслова виражають майбутню дію за допомогою лексичних засобів і форми теперішнього часу. Вони можуть також утворювати синтетичну формі із суфіксом *-м-*, але такі форми трапляються рідко.

(31) Блондинка іронічно примружується, мов прицілюється в очікуванні наступної репліки, яка й визначить, бути їй оптимісткою чи ні, причім скроні їй прокреслюються різкими стрілками зморщок, і обличчя враз набуває тієї пронизливої пластичної довершеності, котрої, в цій хвилині видно, *має досягти* щойно через кілька років, … (О. Забужко, «*Музей покинутих секретів*», 2009: 69).

(32) Спершу *маю скласти* випускні іспити (Е. Л. Джеймс, *«П'ятдесят відтінків»,* 2015: 6).

Цікаво, що такі конструкції трапляються і у формі минулого часу, але темпорально вони виражають майбутню дію:

(33) Завтра, у п'ятницю, в Яніни *мав бути* захист, і вона вся сиділа в машині, мов кішка, яку вдарило струмом — наїжачена, готова будь-якої миті зірватися на крик (Л. Дереш, «*Там, де вітер*», 2018).

Дієслово *могти* може вживатися як в усіх особових формах у теперішньому й минулому часі, але воно не утворює форм майбутнього часу з допоміжним дієсловом «*бути*» та інфінітивом (**Я буду могти писати*). Майбутній час дієслово *могти* виражає через форму теперішнього часу або через форму доконаного виду *змогти*[1].

(34) Що *може* навіть *завдати* в дальнейшому десь больовий сіндром чи різкі обмежання рухів суглобів (Говорить вся країна, «*Моє тіло - моє діло»,* 10.09.2024, 40:00).

(35) — Якщо не хочеш, *можеш* завтра до школи *не йти*. За батьків не хвилюйся, я все владнаю. І записку напишу (М. Кідрук, «*Не озирайся і мовчи»,* 2017: 6).

Частотність висловлювань з модальними дієсловами дорівнює 1,6 % на тисячу речень.

3.7. Інфінітивні конструкції з давальним відмінком і референцією до майбутнього

Інфінітивні конструкції з дієсловом недоконаного або доконаного виду і суб'єктом в давальному відмінку також є показниками майбутньої дії зі значенням модальності. Такі конструкції можуть мати в своєму складі дієслово «бути», але можуть вживатися і без нього.

(36) Якщо я раптом визнаю, що мене більше не цікавить телекомунікаційний бізнес, і вирішу його продати, то за місяць абощо двадцятьом тисячам людей *не буде* чим *виплачувати* кредити за житло (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 13).

(37) Що? Чому б це раптом? Адже це мені *вирішувати*, а не йому (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 50).

(38) … ефект, якщо вдивлятися довше, доволі неприємний, надто коли знаєш, що тієї жінки вже кільканадцять років нема на світі, і якими б очима вона глянула, якби стрепенула була в ту мить повіками, того нам ніколи вже *не дізнатися*… (О. Забужко, «*Музей покинутих секретів*», 2009: 13).

Частка таких висловлювань становить 2,7 % з усіх висловлювань в майбутньому часі.

3.8. Теперішній час дієслів недоконаного виду у значенні майбутнього

Дієслова недоконаного виду в теперішньому часі можуть означати майбутню дію. В українській мові значення майбутнього переважно набувають дієслова руху, але дієслова з іншим значенням також можуть виражати значення майбутнього, зокрема через форму теперішнього часу. Таке

[1] У корпусі текстів української мови (КУМ) з'являються з 2012 року синтетичні форми майбутнього часу від дієслова *могти*, але вони нечастотні, наприклад: Повернувшись в Україну, я зрозумів, що, коли постійно турбуватимуся про власне здоров'я, *могтиму*, як і до війни, *жити* нормальним, щасливим життям, у якому можна кататися на лижах, плавати й отримувати задоволення від спілкування з родиною та друзями. (А. Котляр, «Захоплені життям», 2016, КУМ). Також словник в інтернеті Wiktionary.org теж дає парадигму слова *могти* у майбутньому часі (*я могтиму, ти могтимеш, він, вона, воно могтиме, ми могтимемо/ могтимем, ви могтимете, вони могтимуть*). У нашому корпусі таких форм немає.

використання форм дієслів зазвичай пов'язане із запланованою дією, часто його називають «запланованим майбутнім».

(39) Я *йду* в душ? Чи ти перша? – він нахиляє голову набік, як і раніше, усміхаючись (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 68).

(40) Ба, Марта *прилітає* в четвер, – сказала Лілічка, вийшовши з машини з коробкою зефіру (Е. Кузнецова, «*Спитайте Місячку*», 2024: 19).

(41) Сьогодні по обіді я *працюю* (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 72).

(42) *Наступного тижня в мене іспити*, треба готуватися, тож я не сидітиму з ним довго (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 41).

Тут треба зауважити, що більшість граматик української мови вказує на те, що дієслова недоконаного виду в теперішньому часі можуть виражати майбутні дії (Микитюк, 2023: 319, Вихованець & Городенська, 2004: 255; Білодід, 1969: 371). У дослідженому матеріалі теж, як було показано вище, трапляються такі приклади, але їх частка дуже низька і дорівнює 2,8% від усіх можливих дієслівних форм і конструкцій для вираження майбутньої дії. Тобто можна зробити висновок, що теперішній час у ролі майбутнього є периферійним засобом вираження майбутньої дії в сучасній українській мові.

3.9. Минулий час у значенні майбутнього

У деяких контекстах майбутня дія виражається формами минулого часу. До того ж у дієслова недоконаного виду, а також предикативні конструкції можуть виконувати таку функцію. Минулий час використовується в значенні запланованої чи передбачуваної дії.

(43) «Слухай, це все мені внапряг, — написав Макс їй прямим текстом. — Уже пізно. Мені завтра рано вставати». Це була правда. *Приїжджала* зі Львова Яніна, його подруга, і Тарнавський *повинен був* зустріти її з поїзда (Л. Дереш, «*Там, де вітер*», 2018).

Футуральне значення форм минулого часу досліджував С. Єрмоленко. Він визначає темпоральну семантику цієї форми так:

> Вживання минулого часу в даному значені, яке можна було б назвати «запланованим майбутнім у минулому», мотивується тим, що в певний момент минулого дія, яка планувалася, але не була ще здійснена, вже існувала як намір, програма дій, розпорядок і т.д., тобто ідеально, у формі «попереднього» відображення (2010).

У значенні майбутнього часу трапляються як дієслова недоконаного виду у формі минулого часу, так і предикативні конструкції та конструкції з дієсловом «*мати* + *інфінітив*» доконаного дієслова:

(44) Останні місяці вони з братом щось мутили, якийсь новий родинний бізнес, в який я не ліз, оскільки гроші були партійні, і чим це мало закінчитись — ніхто не знав (С. Жадан, *«Ворошиловград»,* 2010).

Слід звернути увагу на ще одну конструкцію з формою минулого часу в підрядних реченнях мети.

(45) Я хочу, щоб завтра кожен твій рух *нагадував* тобі, що ти була зі мною (Е. Л. Джеймс, «*П'ятдесят відтінків*», 2015: 117).

Загалом відсоток форм у минулому часі в значенні майбутності становить 2,8 % на тисячу прикладів.

3.10. Пасивні конструкції

Перехідні дієслова мають в українській мові два стани: активний і пасивний. «Дієслова, що означають дію, спрямовану на предмет, виражений у реченні називним відмінком, від її носія, названого орудним відмінком, належать до пасивного стану…» (Ющук, 2006: 375). Пасивні дієслова можуть вживатися в давноминулому, минулому, теперішньому й майбутньому часі, наприклад: *питання було вивчалося / вивчалося / вивчається / буде вивчатися науковцями*. І. Ющук наголошує на тому, що українська мова уникає пасивних конструкцій (Ющук, 2006: 375). Можливо, це і є причиною того, що пасивні конструкції хоч і трапляються як у творах українських письменників, так і в розмовній мові, але дуже рідко. Їх відсоток становить 0,7 % від усіх можливих форм вираження майбутності.

(46) Після тієї розмови, котра набула дещо неприємного для Макса напряму розвитку, в нього почала зявлятися ідея написати історію про підлітка, як-от Аліса, але це було б очевидним поверненням назад, до своїх перших книжок, і Тарнавський побоювався, що після «Там, де вітер» таке повернення *буде розцінене* як чисто комерційний хід для збереження популярності (Л. Дереш, «*Там, де вітер*», 2018).

(47) Я маю певні цінності, певні стандарти, які повинні *бути виконані*, для того, щоб людина мені сподобалася (Говорить вся країна. «*Життя без дітей: свобода чи егоїзм*». 10.03.2025, 38: 52).

У розмовній мові трапляються конструкції в майбутньому часі від дієслів доконаного виду.

(48) На вас *складуться* відповідні документи і дадуть вам термін, щоб ви виїхали (Говорить Україна, «*Вагітність після насильства*», 19.03.2025, 49: 28).

Висловлювання в пасивному стані зафіксовані в корпусі «Розмовної мови», тобто в розмовній мові, частіше, ніж у творах українських авторів. У корпусі «Розмовної мови» налічуємо 6 висловлювань (2%), а в корпусі «Творів українських авторів» лише одне висловлювання (0,5%). У корпусі «П'ятдесят відтінків» форм дієслів у пасивному стані немає. Взагалі в усіх корпусах налічуємо лише сім висловлювань у пасивному стані, що становить 0,7% від тисячі висловлювань.

3.11. Майбутній час дієслів на -но, -то.

В українській мові існують пасивні конструкції на -но і -то. Це безособові незмінювані дієслівні форми. «Безособова форма дієслова на -но, -то твориться від пасивних дієприкметників шляхом заміни закінчення на суфікс -о: прочитаний – прочитано, виконаний – виконано, розглянутий – розглянуто» (Ющук, 2006: 401). Ця форма вживається в ролі присудка в безособових реченнях. У таких реченнях немає підмета, але може бути прямий додаток, виражений знахідним або родовим відмінком. Конструкції на -но і -то не змінюються за особами, але мають категорії виду і за допомогою інших засобів можуть виражати час. Категорія часу цих форм має форми з перфектним значенням (недавно минулої дії або дії, доведеної до кінця), давноминулої дії і майбутньої дії. Ця форма немає значення теперішнього актуального часу.

Конструкції на -но, -то трапляються в творах українських письменників 21-го століття.

(49) … рука в неї, проти її дрібної статури, якраз несподівано крупна й сильна, з широкою долонею, з нігтями без манікюру, — дуже вимовна, чесна ремісницька рука, при монтажі ці кадри *буде вирізано* (О. Забужко, «*Музей покинутих секретів*», 2009: 72).

(50) Щастя *має бути* все-таки *підтримано*, ні? (Говорить вся країна, *«Кохання поза законом»*,

03.03.2025, 43:45).

Конструкція «бути + дієслівна форма на -но, -то» є периферійним засобом вираження майбутнього часу в українській мові і становлять 0,2% від усіх форм вираження майбутньої дії в дослідженому корпусі.

3.12. Наказовий спосіб з дієсловом «*бути*»

В українській мові існують граматикалізовані форми наказового способу для 2-ї особи однини (*зроби*) та 1-ї і 2-ї осіб *множини (зробімо, зробіть)* (Ющук, 2006: 394). Але іноді використовуються частка *хай* і дієслова *давай, давайте* для творення наказового способу. І. Ющук стверджує, що форми наказового способу на зразок *давайте підемо* «не є нормативними, вони допустимі лише в розмовному стилі» (Ющук, 2006: 395). У зібраному корпусі розмовної мови є речення наказового способу з дієсловом «*давайте*» і майбутнім часом дієслова.

(51) *Давайте говорити* ми *будемо*, багатодітні сім'ї, об'єднуватися і говорити (Говорить вся країна, «*Життя без дітей: свобода чи егоїзм*», 17: 20).

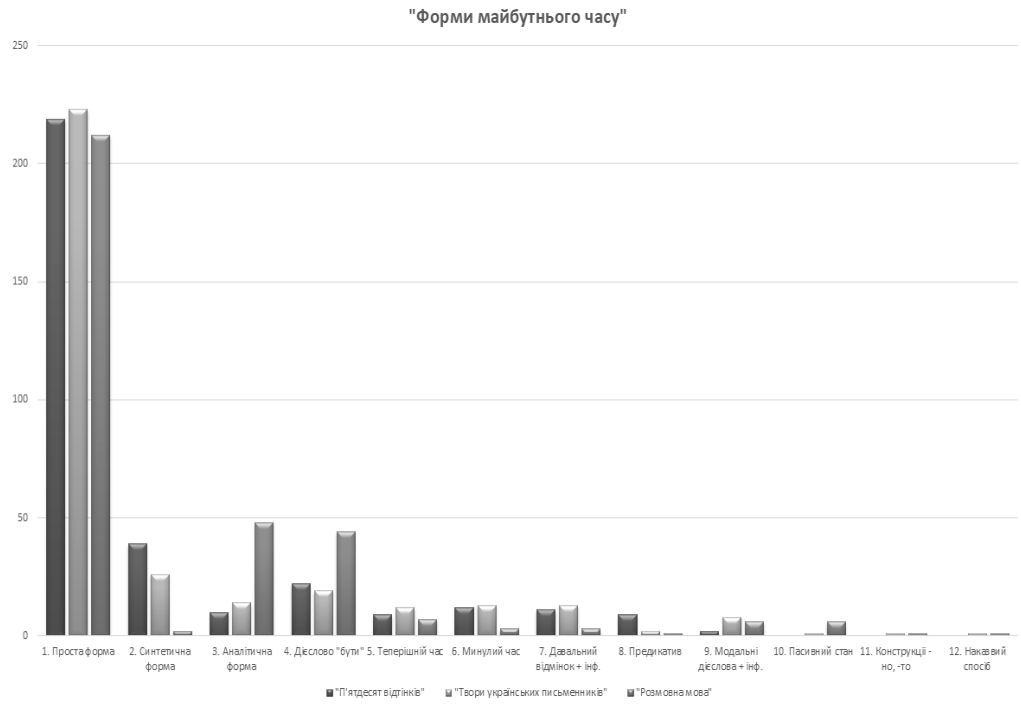
Трапляються висловлювання без інфінітива дієслова, але його можна зрозуміти з контексту.

(52) Тільки *давай не будемо* про діда, я все знаю, який він був хороший (Є. Кузнецова, «*Спитайте Місячку*», 2024: 31).

Постає питання, як кваліфікувати ці форми, і де їхнє місце в класифікації форм дієслів. Жодна з досліджених нами граматик не розглядає форму наказового способу з дієсловом «*бути*».

4. Підсумки

У діаграмі 1 представлені усі форми вираження майбутньої дії в сучасній українській мові, що демонструє укладений нами корпус.

Діаграма 1: Дистрибуція вживання форм майбутнього часу в сучасній українській мові (2008-2025 рр.)

5. Висновок

Аналіз зібраного матеріалу показав, що в українській мові існує щонайменше 12 різноманітних граматичних форм для вираження майбутньої дії. Використання цих форм статистично дуже різниться. Найпоширенішою формою як в розмовній, так і в письмовій мові є проста форма майбутнього часу дієслів доконаного виду. Частотність цієї форми дорівнює в середньому 60% від усіх форм, які виражають майбутню дію. Частотність складної й складеної форми майбутнього часу різниться в письмовій і усній мові. У письмовій мові літературних творів переважає синтетична форма, а в розмовній мові – аналітична. У розмовній мові досить часто вживається дієслово «*бути*» в екзистенціальних висловлюваннях. Інші форми, такі як предикати з дієсловом «*бути*» або без нього, форми теперішнього (недоконаного виду) чи минулого часу, інфінітивні форми з давальним відмінком, пасивний стан або конструкції на -но, -то, не є частотними й утворюють периферію форм для вираження майбутньої дії.

Список скорочень

Болг. – болгарська мова
Серб. – сербська мова
Укр. – українська мова
Інф. – інфінітив

Література

Білодід, І. К. (ред). (1969). *Сучасна українська літературна мова. Морфологія.* Наукова думка.

Вихованець, І., & Городенська, К. (2004). *Теоретична морфологія української мови.* Пульсари.

Доленко, М. Т., Дацюк, І. І., Кващук, А. Г., Поповський, В. Д. (1974). *Сучасна українська мова.* Вища школа.

Єрмоленко, С. С. (2010). Про один семантичний різновид минулого часу («Заплановане майбутнє у минулому»). *Культура мови на щодень. Інформаційно-довідкова система.* Інститут української мови НАН України. http://kulturamovy.univ.kiev.ua/KM/pdfs /Magazine24-8.pdf

Корпус української мови. (КУМ). *Лінгвістичний портал Mova.info.* http://www.mova.info/ corpus.aspx

Крижанівська, О. (2008). Давноминулий час в українській мові: статус, особливості функціонування. *Наукові записки Кіровоградського педагогічного університету ім.* В. Винниченка, *80*, 144-149.

Микитюк, О. (2023). *Сучасна українська мова: самобутність, система, норма.* Видавництво Львівської політехніки.

Нищолова, Р. (2008). *Българска граматика: морфология. Университетско издателство* «Св. Климент Орхидски».

Русанівський, В. М. (1959). *Значення і взаємозв'язок граматичних категорій виду і часу в українській мові XVI-XVII ст.* Видавництво академії наук Української РСР.

Стойнова, Н. М. (2018). *Будущее время.* Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. Москва. http://rusgram.ru.

Шумарова, Н. П. (2010). Про майбутній час дієслова. *Культура мови на щодень.* 17-11. http://kulturamovy.univ.kiev.ua/KM/pdfs/ Magazine17-11.pdf.

Ющук, І. П. (2006). *Українська мова.* Либідь.

Popovych, L. (2012). Граматичні та семантичні функції плюсквамперфекта в сучасній українській мові. En Г. Півторак (Ed.), *Акцентологія. Етимологія. Семантика. До 75-річчя В. Скляренка* (pp. 653-672). Київ.

Wiktionary. Das freie Wörterbuch. https://de.wiktionary.org

Твори

Дашвар, Л. (2008). *Молоко з кров'ю.* Клуб сімейного дозвілля.

Дереш, Л. (2021). Там, де вітер: Видавництво Анетти Антоненко.

Джеймс, Е. Л. (2015). *П'ятдесят відтінків.* Країна мрій.

Джеймс, Е. Л. (2012). *Петдесет нюанса сиво.* Бард.

Džejms, E. L. (2012). *Pedeset nijansi siva.* Laguna.

Жадан, С. (2010). *Ворошиловград.* Клуб сімейного дозвілля.

Забужко, О. (2009). *Музей покинутих секретів.* Комора.

Кідрук, М. (2017). *Не озирайся і мовчи.* Клуб сімейного дозвілля.

Кузнецова, Є. (2024). *Спитайте Місячку.* Видавництво Старого Лева.

Пагутяк, Г. (2016). *Гіркі землі.* Теза.

Відео

Говорить вся країна. (14.06.2024). *Як матір розбещувала 14-річного сина? Чому він спав з батьками?* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=cdGzZ_fERuc

Говорить вся країна. (10.03.2025). *Життя без дітей: свобода чи егоїзм.* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=ixqJ_m89fyM

Говорить вся країна. (03.03.2025). *Кохання поза законом.* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=K4He1b1KInk

Говорить вся країна. (16.04.2025.). *Кохання після 60: шукаю тещу, яка загубилася в часі.* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=A4Bk_1aOjNg&list=PLzg4Ge9VHZEw3ECOuB1D8kFQhEK2zNdK4&index=4

Говорить вся країна. (20.05.2025). *Радість під забороною: що приховує обличчя» // Таємниця дівчинки, яка ніколи не сміється.* [Відео]. YouTube https://www.youtube.com/watch?v=W2zRxu0vIPA&list=PLzg4Ge9VHZEw3ECOuB1D8kFQhEK2zNdK4

Говорить Україна. (26.07.2024). *Ревнощі чоловіка: які довели до жорстокого вбивства.* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=JEhHbJumTr4

Говорить Україна. (07.08.2024) *Матір жорстоко знущається над дитиною в прямому ефірі!* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=qs81-JwaJ_Q

Говорить Україна. (10.09.2024). *Моє тіло – моє діло.* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=Tr0l0_--dzc

Говорить Україна. (19.03.2025.). *Вагітність після насильства.* [Відео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=UNr-CbJq_rc

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОССИИ В *CHARLIE HEBDO* ДО И ПОСЛЕ НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ В УКРАИНУ В 2022 ГОДУ

Ana Muñoz Macías
Universidad Jean Moulin Lyon 3 y Universidad de Tartu

1. Введение

Данная работа направлена на изучение — на материале заголовков французского еженедельника *Charlie Hebdo* — того, как изменился образ России после начала вторжения в Украину в 2022 году. Для этого мы обращаемся к изучению коннотаций с точки зрения медиалингвистики, дискурс-анализа и имагологии. Тем самым сложность, но в то же время, надеемся, и *ценность* данного исследования заключается в его междисциплинарном характере. При этом с самого начала подчеркнем: автор исследования не является политологом, мы подходим к материалу исследования как филолог и имаголог, работающий исключительно с текстами и сознательно избегающий каких бы то ни было выводов политического характера.

Само слово «образ» отсылает к междисциплинарной дисциплине *имагологии*, которая изучает «ментальные образы». Исследователи Манфред Беллер (Manfred Beller) и Йоэп Леерссен (Joep Lerssen) в опубликованной в 2007 году книге *The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters (Культурное строительство и литературная репрезентация национальных характеров)* определяют их как «ментальные силуэты другого» («*mental silhouettes of the other*») (Beller и Leerssen, 2007: 4), которые, как представляется, находятся под влиянием характеристик, связанных с семьей, группой, племенем, народом или расой (Beller и Leerssen 2007: 5). Следуя этому подходу, мы можем задаться вопросом о том, насколько «объективно»[1] эти и формируемые, и воспринимаемые нами «мысленные силуэты» отражают происходящее, и как они связаны с созданием образов и стереотипов. Этот вопрос вводит нас в область имагологии, которая, по словам Беллера и Леерссена, «изучает происхождение и функции характеристик других стран и народов [в частности — *A.M.*] в их текстовом выражении, особенно в том, как они представлены в литературных произведениях, пьесах, стихах, книгах о путешествиях и эссе»[2] (Beller и Leerssen, 2007: 6).

Используя основные положения имагологии в качестве теоретической основы нашего исследования, мы опираемся прежде всего на два фундаментальных понятия в этой области: *hetero-image* («гетеро-образ», «образ другого») и *auto-image* («образ самого себя»). В данной работе речь пойдет в основном о гетеро-образах, то есть о «восприятии (образа) другого». Этот вопрос представляется особенно актуальным сегодня, в мире, где информация распространяется очень быстро — часто без предварительной проверки — и оказывается доступной для широкой аудитории, большинство

[1] Как мы увидим далее, такой «объективности» в изучении медиалингвистики не существует: как подчеркивает Теун ван Дейк (Teun van Dijk), «ни один текст не является нейтральным или объективным: все дискурсивные структуры являются результатом выборов, отражающих ментальные представления, основанные на идеологии» («There is no such thing as a neutral or objective text: all discourse structures are the result of choices that reflect ideologically based mental representations») (van Dijk, 1998: 69).

[2] «[Imagology] examines the origins and functions of the characteristics of other countries and peoples [in particular — *A.M.*] in their textual expression, especially as they are presented in literary works, plays, poems, travel books and essays».

из представителей которой не имеют достаточных инструментов для ее интерпретации, которую в идеале можно было бы назвать адекватной. В этой связи возникает ключевой вопрос о том, в какой степени средства массовой информации (СМИ) могут служить средством возрождения забытых образов и стереотипов или даже создания новых стереотипов о реальности. Именно этот вопрос и будет рассматриваться в данной статье: Речь пойдет об образе России до вторжения в Украину и его изменении после в заголовках французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*.

При этом если обсуждение результатов будет вестись в теоретических рамках имагологии, используемая для анализа заголовков методология отсылает прежде всего к критическому дискурс-анализу, следующему принципам ван Дейка (van Dijk, 1985), а также к интроспективному анализу, поскольку данная работа по сути своей не может не быть хотя бы отчасти субъективной. Анализ представления России в СМИ был тщательно изучен с помощью различных теоретических моделей, причем критический дискурс-анализ и анализ транзитивности оказались особенно эффективными методологическими подходами (Noh, 2023). Van Dijk (2008: 84) отмечает, что «одной из центральных задач критического дискурс-анализа является объяснение взаимосвязи между дискурсом и социальной властью», и в то же время он основывается на представлении о том, что использование языка является целенаправленным, независимо от того, являются ли дискурсивные выборы сознательными или бессознательными (Mullet, 2018). С другой стороны, несколько ученых использовали системно-функциональную лингвистическую модель Халлидея для изучения того, как СМИ конструируют национальную идентичность и властные отношения. Одним из примеров этого является автор Zakizadeh (2024), который демонстрирует, как разные газеты, такие как New York Post и The Guardian, используют различные модели транзитивности при описании полномасштабного вторжения в Украину.

Предпринимаемый в нашем исследовании анализ коннотаций будет проводиться в рамках медиалингвистики, а именно изучением медиадискурса. Изучение коннотаций является относительно традиционным способом критического анализа медиазаголовков, однако предполагаемая новизна нашего подхода заключается в последующем анализе полученных результатов в рамках имагологии. В самом деле, обычно эта дисциплина не используется для анализа заголовков: хотя медиазагаловки отличаются высокой коннотативной нагрузкой, они не дают исследователю достаточно текстового материала для проведения полноценного имагологического анализа и извлечения всей необходимой информации о формировании стереотипов (см.: van Dijk, 1985; Добросклонская, 2020). Все это еще раз подчеркивает междисциплинарный характер нашего исследования, находящегося на стыке нескольких областей знания. Повторим: не имея специального политологического образования, мы ни в коей мере не претендуем на освещение событий с политической точки зрения, но остаемся в рамках обозначенных выше дисциплин. Наконец, подчеркнем следующее: настоящее исследование — только первый шаг в работе, которую мы собираемся продолжить в будущем, поэтому не исключено, что многие принимаемые нами за основу методологические положения впоследствии будут нами пересмотрены — в том числе, и благодаря настоящей работе.

2. Материал исследования

Цель нашего исследования состоит в анализе образа России как страны «наблюдаемой» (*spected*) «в глазах» Франции (вернее, некоторой ее части) как страны-наблюдателя (*spectant*) (Beller и Leerssen, 2007: 9). Для этого мы сформировали исследовательский корпус, состоящий из заголовков

статей, содержащих слова *Russie* и *R(r)usse(s)* («Россия» и «русск-ий/-ое/-ая/-ие»)[3] в еженедельнике *Charlie Hebdo* за два разных периода: за год до начала вторжения в Украину (то есть, с 24 февраля 2021 года по 23 февраля 2022 года) и в течение года после начала вторжения (с 24 февраля 2022 года по 23 февраля 2023 года).

Сам выбор материала — французского издания *Charlie Hebdo* — в качестве объекта анализа был, разумеется, не случайным. *Charlie Hebdo* — левый французский сатирический еженедельник, основанный в 1992 году и получивший свое название от сатирического издания, существовавшего с 1969 по 1981 год (сначала под названием *Hara-Kiri*, затем *Hara-Kiri Hebdo*). Журнал *Hara-Kiri* был французским сатирическим изданием, основанным французским писателем и журналистом Франсуа Каванна (François Cavanna) и французским художником-карикатуристом Жоржем Бернье (Georges Bernier) (см.: [Delporte, 2020]). С самого начала журнал был известен своим непочтительным, часто циничным, провокационным и политически некорректным юмором, что сделало его своего рода эталоном черного юмора и сатиры во Франции. Провокационный тон журнала привел к тому, что на протяжении всего его существования это издание подвергалось многочисленным нападкам; вокруг него не смолкали споры.

Всемирную же известность *Charlie Hebdo* принесло нападение на его штаб-квартиру в Париже, когда два исламистских террориста, братья Саид и Шериф Куаши (Said, Cherif Kouachi), ворвались в редакцию сатирического еженедельника и убили 12 человек, включая карикатуристов Стефана Шарбоннье, Жана Кабю́, Жоржа Давида Волински и Бернара Верлака (Stéphane Charbonnier, Jean Cabut, Georges David Wolinski, Bernard Verlhac), а также нескольких журналистов и полицейских (см.: [Delporte, 2020], [Ayad, 2025]). Это нападение было совершено в отместку за публикацию в газете карикатур на пророка Мухаммеда. Несмотря на нападение, *Charlie Hebdo* продолжал выходить и не переставал жестко и цинично оценивать французскую и международную политику, уделяя особое внимание вторжению в Украину с самого его начала. Можно сказать, что *Charlie Hebdo* не просто комментирует текущие события, но — как любая пресса — в какой-то степени и формирует восприятие читателей, поскольку она создает и укрепляет определенные стереотипы в отношении участников конфликта, в частности России и ее президента Владимира Путина.

Прежде чем приступить к анализу, отметим и то, что с самого начала вторжения в 2022 году подход к происходящему еженедельника *Charlie Hebdo* был провокационным, отмеченным черным юмором, гротескной карикатурой и иронией. Интерес нашего исследования заключается именно в работе над материалами, опубликованными в таком издании — в связи с изучением образа России в заголовках печатающихся в нем статей. Кроме того, заголовки *Charlie Hebdo* показывают, как конструируются образы других участников конфликта, таких как Украина, НАТО или Европейский союз, и при этом часто в противовес образу России. Высмеивая или преувеличивая некоторые аспекты конфликта, *Charlie Hebdo* не только критикует российскую политику, но и способствует формированию коллективного образа России в воображении французов.

Что касается выбора заголовков в качестве основного корпуса нашего исследования, мы опираемся на подход лингвиста Теуна ван Дейка, который рассматривает заголовки как ключевые элементы медиадискурса (см.: [van Dijk, 1988]), а не как самостоятельный жанр. Ван Дейк подчеркивает важность заголовков в структуре медиадискурса: помимо своей информативной функции, они играют решающую роль в формировании социальных представлений и идеологий в СМИ. В

[3] Приводимые здесь и далее по-русски слова из нашего корпуса отсылают к французским оригиналам.

данном контексте мы опираемся на ту характеристику заголовков, которую предлагает ван Дейк: он рассматривает их как дискурсивные элементы, которые не только передают информацию, но и оказывают значительное влияние на идеологическое и эмоциональное конструирование медиатекста. Такой подход позволяет нам сосредоточиться на стратегической функции заголовков в медийной коммуникации без необходимости прибегать к более сложным прагматическим моделям анализа. Как видно из этого определения заголовков, их анализ носит интроспективный характер, поскольку в значительной степени зависит от того, как читатели воспринимают их, и эта личная интерпретация будет играть ключевую роль в последующем анализе.

Обосновав выбор заголовков *Charlie Hebdo* как основного корпуса нашего исследования, остановимся на выборе периодов публикации изучаемых материалов, а также использования слов «Россия» и «русск-ий/-ое/-ая/-ие» в заголовках. Выбор исследуемых периодов обусловлен несколькими причинами. Во-первых, необходимо было обозначить релевантный для нашего исследования период до начала вторжения (с 24 февраля 2021 года по 23 февраля 2022 года), который позволил бы выстроить довоенный образ России в *Charlie Hebdo*. Это представлялось нам важным для выявления тем, стереотипов и представлений, использовавшихся до конфликта, а также дальнейшего анализа их потенциальных изменений после начала вторжения. Во-вторых, период с начала вторжения (с 24 февраля 2022 года по 23 февраля 2023 года) позволяет изучить влияние российского вторжения в Украину на образ России с имагологической точки зрения с опорой на данные медиалингвистики и критического дискурса-анализа в методологии ван Дейка. Анализ периодов годичной протяженности очевидно позволяет представить достаточную ретроспективу, чтобы можно было заметить существенные изменения в репрезентации России, а также получить достаточно надежные результаты для исследования.

Еще одним важным моментом, обосновывающим выбор временных рамок нашего исследования, является возможность проведения сравнительного анализа между этими двумя периодами, что в принципе позволяет выявить преемственность, разрывы и трансформации в репрезентации России в еженедельнике *Charlie Hebdo*. Это сравнение представляется тем более уместным, что его можно попытаться связать с общим геополитическим контекстом ситуации развития конфликта в Украине. Наконец, включение в корпус даты 24 февраля 2022 года, ознаменовавшей начало российского вторжения в Украину, кажется нам логичным и уместным решением, учитывая ее значительное влияние на восприятие России во всем мире.

Как уже отмечалось выше, наш анализ будет сосредоточен исключительно на статьях, названия которых содержат слова «Россия» и «русск-ий/-ое/-ая/-ие». Это обусловлено необходимостью сосредоточить исследование на материалах, прямо относящихся к России как стране, к ее политической и культурной «идентичности». Наше решение обосновывается на нескольких уровнях. Во-первых, с лингвистической и семантической точки зрения, использование этих ключевых слов гарантирует, что отобранные статьи напрямую относятся к России или к «российской идентичности», что позволяет избежать включения в исследование периферийного контента, в котором страна упоминается лишь случайно (например, статьи, посвященные российскому вторжению в Украину и не включающие эти ключевые слова, могут касаться других аспектов конфликта, не формируя конкретного представления о России). Слово *«Russie»* («Россия») является принятым в официальной международной практике обозначением страны, и его присутствие в заголовках указывает на то, что контент посвящен именно России, будь то с политической, геополитической, экономической

или социальной точек зрения. С другой стороны, слова *R(r)usse(s)* («русск-ий/-ая/-ое/-ие») могут выступать и в функции прилагательного, и в функции существительного, использование которых в заголовках может относиться к российским гражданам, российской культуре или политическим и социальным деятелям, связанным с этой страной, и т.д. Благодаря сочетанию этих ключевых слов («Россия» vs. «русск-ий/-ая/-ое/-ие») анализ охватывает как репрезентацию России как геополитического субъекта, так и репрезентацию ее граждан, лидеров и институтов.

В заключение отметим, что использование этих ключевых слов для анализа основано на идее о том, что они представляют объективный и верифицируемый критерий для отбора статей в качестве единиц нашего корпуса. Поэтому другие исследователи, желающие изучить репрезентацию России в *Charlie Hebdo* или каком-либо другом издании, смогут — применяя ту же методологию исследования — получить сопоставимые результаты. Кроме того, наш выбор позволяет предложить для исследования структурированный и количественный анализ, благодаря которому можно изучить частоту упоминания России в заголовках за исследуемые периоды.

3. Методология исследования

Исследование опирается на подходы критического дискурс-анализа (работы ван Дейка) и медиалингвистики, изучающей взаимодействие языка и СМИ и влияния языковых и дискурсивных ресурсов на конструирование медиа-текстов. Основная цель — выявить, способствовал ли журнал *Charlie Hebdo* формированию негативного и стереотипного образа России у своих читателей до начала вторжения в Украину, и как публикации после начала вторжения могли усилить этот образ с помощью слов с негативными коннотациями. При этом авторы исследования подчеркивают, что не претендуют на оценку «объективной реальности», поскольку работа носит филологический и медиалингвистический характер, а не политологический или социологический. Как отмечает Патрик Шародо (Charaudeau, 1997: 76), СМИ «не просто передают информацию, они конструируют реальность», что подтверждает идею о том, что заголовки не нейтральны и могут влиять на восприятие читателей. Подобную точку зрения разделяет ван Дейк (van Dijk, 1985: 123), поскольку он рассматривает язык как инструмент власти, который формирует общественное сознание и поддерживает доминирующие идеологии. В частности, его подход позволяет анализировать, как дискурсы через СМИ отбирают, выделяют или умалчивают информацию, и потому влияют на формирование социальных образов.

Применительно к данному исследованию, заголовки *Charlie Hebdo* рассматриваются как ключевой элемент медиадискурса, которые создают первое впечатление о новости и таким образом влияют на читательскую интерпретацию через выбор слов, акценты и дискурсивные фокусы. Метод критического дискурс-анализа позволяет выявить, каким образом эти заголовки конструируют образ России, закрепляют существующие стереотипы и усиливают эмоционально-экспрессивное восприятие текста. Анализ проводится критически и интроспективно: каждый заголовок оценивается с точки зрения его коннотаций и влияния на формирование социального образа. В заключении, с имагологической позиции, исследование обсуждает эволюцию образа России и связанных с ней стереотипов, используя вторжение в Украину в феврале 2022 года как событие-катализатор, усиливающее конструируемый журналом образ страны.

Заголовки статей для нашего исследования отбирались с помощью поисковой системы на официальном сайте *Charlie Hebdo* по ключевым словам *Russie* и *R(r)usse(s)* («Россия» и «русск-ий/-ая/-ое/-ие»). Таким образом, были отобраны только те статьи, в названиях которых содержалась явная

отсылка к России. После этого заголовки статей были сведены в таблицу, где выделено ряд параметров, необходимых для анализа: название статьи, имена авторов, указание на соответствующий раздел еженедельника, в котором статья была напечатана («Международный», «Экономика», «Общество», «Культура», «Кино» и т. д.) для оценки рамок, в которых представлялась Россия, а также дата публикации для сравнения периодов до и после начала вторжения. Кроме того, так как язык нашей работы — русский, каждый заголовок был переведен на русский язык (мы исходили и из того, что не все русскоязычные читатели знают французский). Наконец, хотя наличие карикатуры, сопровождающей статью, также отмечалось, эту информацию на данном этапе исследования мы в анализ не включали: анализ карикатур остался за пределами нашей работы. Однако впоследствии мы намереваемся расширить анализ, включив в него и исследование этих статьи карикатур: одно изображение стоит порой тысячи слов, и интересно было бы изучить, какую роль карикатуры могли сыграть в представлении России в *Charlie Hebdo*.

Таблицы с полученными результатами приводится ниже:

Название статьи	**Перевод заголовка на русский язык**	**Автор**	**Рубрика еженедельника, в которой была опубликована статья**	**Дата публикации в сети еженедельника**
En Russie, la répression bat son plein	«В России репрессии идут полным ходом»	Inna Shevchenko (Инна Шевченко)	Международный	1/04/2021
Navalny versus Poutine: des Russes manifestent, l'Europe s'emmêle	«Навальный versus Путин: русские протестуют, Европа упрекает»	Inna Shevchenko (Инна Шевченко)	Международный	21/04/2021
En Russie, le retour des "ennemis du peuple"	«Возвращение "врагов народа" в России»	Inna Shevchenko (Инна Шевченко)	Международный	3/05/2021
Un Russe de l'Histoire	«Русский из Истории»	Philippe Lançon (Филипп Лансон)	Культура	19/01/2022
Russie – Ukraine: Joe Biden n'est pas inquiet	«Россия — Украина: Джо Байден не беспокоится»	Coco (Коко)	Международный	21/01/2022
Crise entre la Russie et l'Ukraine: Macron sur tous les fronts	«Кризис между Россией и Украиной: Макрон на всех фронтах»	Jüri et Foulz (Джури и Фулз)	Международный	7/02/2022

La Russie est devenue une puissance économique de troisième zone	«Россия превратилась в третьесортную экономическую державу»	Gilles Raveaud (Жиль Раво)	Экономика	22/02/2022
Всего статей	7			

Таблица 1. Слова Russie («Россия») и R(r)usse(s) («русск-ий/ое/ая-ие») в заголовках статей в период с 24/02/2021 по 23/02/2022 (до начала вторжения) (выполнено автором)

Название статьи	**Перевод заголовка на русский язык**	**Автор**	**Рубрика еженедельника, в которой была опубликована статья**	**Дата публикации в сети еженедельника**
Maigret sur le front russe	«Мегрэ на русском фронте»	Gilles Raveaud (Жиль Раво)	Кино	02/03/2022
Ukraine – Russie: la guerre des sanctions	«Украина — Россия: война санкций»	Juin (Джун)	Общество	5/03/2022
La guerre Zelensky face à l'invasion russe	«Положение Зеленского перед лицом русского вторжения»	Patrick Chesnet (Патрик Шесне)	Международный	7/03/2022
Et la Russie crée l'Union européenne	«И создала Россия Европейский Союз»	Gilles Raveaud (Жиль Раво)	Экономика	8/03/2022
Russie: les Français partent les derniers	«Россия: французы уходят последними»	Gilles Raveaud (Жиль Раво)	Экономика	14/03/2022
Dédathlon quitte la Russie: à fond la fuite!	«Декатлон покидает Россию: идеальное бегство»	Alice (Элис)	Международный	30/03/2022
Coupure de gaz russe: on fera sans!	«Отключение русского газа: справимся без него!»	Coco (Коко)	Международный	1/04/2022
Crise du gaz russe: écologie et démocratie reculent en Allemagne	«Кризис русского газа: экология и демократия в Германии отступают»	Gilles Raveaud (Жиль Раво)	Международный	24/06/2022

Bulgarie: des élections sous l'œil de la Russie	«Болгария: выборы под пристальным вниманием России»	Jean-Yves Camus (Жан-Ив Камю)	Международный	12/08/2022
Sanctions contre la Russie: la démocratie plutôt que la croissance	«Санкции против России: скорее демократия, чем рост»	Gilles Raveaud (Жиль Раво)	Экономика	18/09/2022
Des Russes font des fausses Unes de Charlie Hebdo	«Русские создают поддельные первые страницы Charlie Hebdo»	Lorraine Renaud (Лоррейн Рено)	Общество	23/09/2022
Russie: Poutine, chef d'État terroriste?	«Россия: Путин, глава террористического государства?»	Inna Shevchenko (Инна Шевченко)	Международный	23/11/2022
Je soutiens Poutine, ça fait de moi un monstre?: une journée dans une épicerie russe	«Я поддерживаю Путина, делает ли это меня монстром?: день в русском продуктовом магазине»	Coline Renault	Международный	23/02/2023
Всего статей:	13			

Таблица 2. Слова Russie («Россия») и R(r)usse(s) («русск-ий/ое/ая-ие») в заголовках статей в период с 24/02/2022 по 23/02/2023 (после начала вторжения) (выполнено автором)

После представления двух таблиц, сделаем еще одно небольшое уточнение методологического характера: помимо критического анализа дискурса, важным методологическим инструментом для нашей работы будет лексический анализ коннотаций. Поскольку ван Дейк (см.: [van Dijk, 1988: 89]) не дает однозначного определения термина «коннотация», мы воспользуемся определением, данным в *Лингвистическом энциклопедическом словаре*, изданном в 1990 году в Москве и впоследствии переиздававшемся (главный редактор издания — русский лингвист Виктория Николаевна Ярцева). В этом словаре дается следующее определение: «Коннотация употребляется в лингвистике для обозначения стилистического окраса языковой единицы и различных ее эмоционально экспрессивных характеристик. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию» (ссылка). В определении также указано, что «в лингвистике с конца 19 веке термином коннотация стали обозначаться все эмотивно окрашенные элементы содержания <…>. Закреплению подобного понимания термина 'коннотация' способствовали психолингвистические исследования аффективной стороны слов, а также ассоциативные эксперименты, показавшие реальность осознания ассоциативно-образных, оценочных и стилистических признаков» (Ярцева, 1990: 236).

Ниже представлена таблица со словами, разделенными на пять категорий. Первые две категории — это лексика, обычно связанная с военной сферой и противостоянием, а также существительные, глаголы и прилагательные, имеющие негативную или позитивную коннотацию. Военная лексика включает такие слова, как «враги», «война» и «вторжение», что усиливает «конфликтное видение» анализируемого дискурса. «Конфронтационные» слова — такие как «против», — а также использование тире для выражения оппозиции помогают структурировать дискурс, который в этом контексте можно обозначить как антагонистический. Выбранные существительные — в основном с негативной семантикой, такие как «репрессии», «кризис» или «монстр» — еще больше оттеняют лексическое поле, отмеченное напряжением и неблагополучием. Глаголы и прилагательные подчинены той же логике, а такие слова, как «покинуть» и «поддельный», усиливают впечатление разрыва и негатива. Дисбаланс между количеством слов с негативными и позитивными (или — по крайней мере — с «менее негативными») коннотациями с явным преобладанием первых (23 против 4) указывает на дискурс, в котором доминируют негативные представления о России, что не может не влиять на восприятие и интерпретацию сообщения читателем.

Категория	**Слова с очевидными негативными контекстными коннотациями**	**Слова с менее негативными контекстными коннотациями**
Военная лексика	Враги, фронт(ы) (x2), война, вторжение	
Лексика противостояния	Против, *versus* — (использование тире для создания оппозиции) (x2)	
Существительные	Репрессии, кризис (x2), санкции (x2), монстр, побег, под (пристальным) вниманием, отключение	Экономическая держава (экономическая держава), рост
Глаголы	Покидает (покидать), уходят (уходить), отступают (отступать)	Создала (создать)
Прилагательные	Третьесортную (третьесортная), террористического (террористический), поддельные	
Всего	23	4

Таблица 3. Таблица релевантных лексических коннотаций слов в указанных выше заголовках (выполнено автором)

4. Анализ заголовков[4]

Всего в течение года до начала вторжения в *Charlie Hebdo* появилось семь заголовков, пять из которых содержат слово «Россия» и два — слово «русск-ий/-ая/-ое/-ие». Все довоенные статьи относятся к «Международному» разделу, за исключением двух статей: одной статьи, включенной в раздел «Экономика» («Россия превратилась в третьесортную экономическую державу»), и еще одной — в раздел «Культура» («Русский из Истории»). Ниже представлен список со всеми заголовками и указаниями соответствующих разделов:

[4] Что касается статей с особенно короткими заголовками (таких как «Украина — Россия: война санкций», «Русский из Истории» и «Мегрэ на русском фронте»), мы приняли решение ознакомиться и с их полным текстом, чтобы расширить свой анализ и оценить возможность проведения анализа полных текстов статей в своих последующих исследованиях.

1. «В России полным ходом идут репрессии» — «Международный»
2. «Навальный versus Путин: русские протестуют, Европа упрекает» — «Международный»
3. «Возвращение ‘врагов народа’ в России» — «Международный»
4. «Русский из Истории» — «Культура»
5. «Россия — Украина: Джо Байден не беспокоится» — «Международный»
6. «Кризис между Россией и Украиной: Макрон на всех фронтах» — «Международный»
7. «Россия превратилась в третьесортную экономическую державу» — «Экономика»

С другой стороны, в течение года после начала вторжения в *Charlie Hebdo* появилось тринадцать соответствующих заголовков, семь из которых содержат слово «Россия» и шесть — слово «русск-ий/-ая/-ое/-ие». Большинство заголовков (семь) также относятся к «Международному» разделу. Однако остальные заголовки распределены по самым разным разделам: три статьи напечатаны в разделе «Экономика» («И создала Россия Европейский союз», «Россия: французы уедут последними» и «Санкции против России: скорее демократия, чем рост»), две в разделе «Общество» («Украина — Россия: война санкций» и «Русские создают поддельные первые страницы *Charlie Hebdo*»), и одна («Мегрэ на русском фронте») — в разделе «Кино». Ниже представлен список всех заголовков:

1. «Мегрэ на русском фронте» — «Кино»
2. «Украина — Россия: война санкций» — «Общество»
3. «Поколение Зеленского перед лицом русского вторжения» — «Международный»
4. «И создала Россия Европейский союз» — «Экономика»
5. «Россия: французы уедут последними» — «Экономика»
6. «Декатлон покидает Россию: идеальное бегство!» — «Международный»
7. «Отключение русского газа: справимся без него!» — «Международный»
8. «Русский газовый кризис: экология и демократия в Германии отступают» — Международный»
9. «Болгария: выборы под пристальным вниманием России» — «Международный»
10. «Санкции против России: скорее демократия, чем рост» — «Экономика»
11. «Русские создают поддельные первые страницы *Charlie Hebdo*» — «Общество»
12. «Россия: Путин, глава террористического государства» — «Международный»
13. «‘Я поддерживаю Путина, делает ли это меня монстром?’: день в русском продуктовом магазине» — «Международный»

4.1. «Россия» в течение года до начала вторжения в Украину в 2022 году

До начала вторжения в Украину заголовки *Charlie Hebdo*, содержащие слово «Россия», уже демонстрировали преимущественно негативные коннотации, связанные с «российскостью», однако большинство публикаций касались внутренних проблем страны. Россия ассоциировалась с репрессиями, авторитаризмом и возрождением прежней идеологии. Например, заголовки «En Russie, la répression bat son plein» («В России полным ходом идут репрессии», 1 января 2021 года) и «En Russie, le retour des ‘ennemis du peuple’» («Возвращение “врагов народа” в России», 3 марта 2021 года) иллюстрируют это. Первый заголовок использует утвердительную конструкцию и фразеологизм «полным ходом», что усиливает восприятие России как страны, находящейся в спирали репрессий. Второй заголовок апеллирует к историческому контексту сталинского СССР, создавая параллель между методами политического преследования в прошлом и современными событиями, что фор-

мирует у читателей ассоциацию с авторитаризмом во внутренней политике страны. Через год после первого заголовка, 21 января 2022 года, появилось сообщение «Russie — Ukraine[5]: Joe Biden n'est pas inquiet» («Россия — Украина: Джо Байден не беспокоится»). На первый взгляд заголовок кажется нейтральным, однако дискурсивные стратегии создают несколько смысловых уровней. Тире между «Россия» и «Украина» формирует «дискурсивное равенство», скрывая существующую асимметрию сил и минимизируя российское давление. При этом отрицание в фразе «не беспокоится» подчеркивает либо недооценку угрозы, либо стратегическую пассивность США, создавая у читателя ироничное, критическое восприятие ситуации.

Еще один заголовок, «Crise entre la Russie et l'Ukraine: Macron sur tous les fronts» («Кризис между Россией и Украиной: Макрон на всех фронтах», 7 февраля 2022 года), акцентирует внимание на президенте Франции. Фраза «на всех фронтах» предполагает интенсивную активность, но при этом создает двусмысленное впечатление — от полной отдачи до медийного позерства. В условиях сатирической подачи Charlie Hebdo это служит инструментом критики дипломатической активности, который одновременно влияет на восприятие международных акторов и конфликта. Наконец, 22 февраля 2022 года, за два дня до вторжения, был опубликован заголовок «La Russie est devenue une puissance économique de troisième zone» («Россия превратилась в третьесортную экономическую державу»). Лексическая конструкция сочетает позитивное определение «экономическая держава» с негативной оценкой «третьесортная», создавая впечатление деградации России как мировой экономической державы. Использование прошедшего времени[6] («est devenue», то есть «превратилась») подразумевает завершённую трансформацию, подчеркивая разрыв с прежним статусом страны. Такой заголовок, лишённый контекста и уточнений, формирует у читателей однозначное представление о слабости России и её экономическом упадке, игнорируя другие измерения влияния страны, такие как военное или энергетическое.

Таким образом, анализ заголовков показывает, что *Charlie Hebdo* систематически использует дискурсивные и лексические стратегии для формирования образа России как внутренне авторитарной и экономически ослабленной страны, при этом сатирическая подача и многослойность текста создают у читателей сложные интерпретации событий, сочетая иронию, критику внешней политики и усиление стереотипов о России. Эти публикации формируют медийное восприятие России, которое предшествует вторжению и усиливается на его фоне.

4.2. «Русск-ий/-ая/-ое/-ие» в течение года до начала вторжения в Украину в 2022 году

До начала российского вторжения в Украину в 2022 году слово «русск-ий/-ая/-ое/-ие» в заголовках *Charlie Hebdo* не имело систематически негативных коннотаций. Оно появлялось преимущественно в нейтральном или, в отдельных случаях, даже в положительном контексте, хотя такие примеры были достаточно редкими и специфическими. Так, заголовок «Navalny versus Poutine: des Russes manifestent, l'Europe sermonne» («Навальный versus Путин: русские протестуют, Европа упре-

[5] Отметим в этой связи, что из двадцати заголовков, которые мы посчитали релевантными для нашего исследования и которые проанализировали в данной работе, только три содержат слово «Украина» («Россия — Украина: Джо Байден не беспокоится», «Кризис между Россией и Украиной: Макрон на всех фронтах» и «Украина — Россия: война санкций»). — *А.М*

[6] Во французском языке существует пять прошедших времен: *passé composé*, *imparfait*, *plus-que-parfait*, *passé simple* и *passé antérieur*. В данном случае мы говорим о *passé composé* — одном из самых употребительных прошедших времен, которое используется для выражения завершенных действий в прошлом, как правило связанных с настоящим или произошедших в конкретный момент времени.

кает», 21 апреля 2021 года) демонстрирует бинарное противопоставление двух ключевых фигур российской политической сцены: Алексей Навальный символизирует «демократическую оппозицию», Владимир Путин — «авторитарную власть». Использование слова *versus* усиливает идею персонализированного противостояния, сводя сложную политическую динамику к конфликту двух личностей. Упоминание «des Russes» уменьшает масштаб оппозиционного движения, создавая впечатление, что оно ограничено частью общества. Концовка заголовка — «Европа упрекает» — вводит «Запад» как третий элемент и передает морально-снисходительную, критическую оценку его реакции. В целом заголовок формирует образ разделённого российского общества и одновременно демонстрирует скептическое отношение к влиянию «Запада» на ситуацию.

Другой пример — заголовок «Un Russe de l'Histoire» («Русский из Истории», 19 января 2022 года) — отличается минималистской конструкцией и открытостью для интерпретации. С точки зрения лингвистики, заголовок сформулирован трезво — и почти загадочно. Знаменательно использование артикля «un» вместо «le»[7]: это говорит о том, что в статье речь идет не о каком-то одном конкретном персонаже, а скорее об одном среди (многих) других. «Un» не сразу идентифицирует упомянутого человека, что создает у читателя определенное ожидание. Такая изначальная неясность может быть намеренно интригующей, с целью побудить к любопытству и более внимательному чтению. Использование слова «русский» как существительного обозначает национальность без политической окраски, а фраза «из Истории» не только помещает фигуру в историческую перспективу, но также оставляет неоднозначность: герой ли это, спорная личность или архетипический «исторический русский». В сатирическом контексте *Charlie Hebdo* такой заголовок может содержать намёк на иронию или критический подход к историческому наследию.

Таким образом, до начала вторжения слово «русск-ий/-ая/-ое/-ие» использовалось преимущественно нейтрально и не формировало устойчиво негативного образа. Тем не менее, даже в этих заголовках проявлялось упрощённое или двойственное восприятие российской идентичности и оппозиции, отражающее бинарные представления и медиадискурсивные стратегии западной прессы.

4.3. «Россия» в течение года после начала вторжения в Украину в 2022 году

После начала российского вторжения в Украину слова «Россия» в заголовках *Charlie Hebdo* претерпел существенные изменения. Россия перестала восприниматься лишь как авторитарное государство и стала активно позиционироваться как агрессор на международной арене. Заголовки, такие как «Russie — Ukraine: la guerre des sanctions» («Украина — Россия: война санкций», 5 марта 2022 года) и «Sanctions contre la Russie: la démocratie plutôt que la croissance» («Санкции против России: скорее демократия, чем рост», 18 сентября 2022 года), сосредоточены на экономических и геополитических последствиях конфликта. Первый заголовок использует тире между «Россия» и «Украина», создавая видимость дискурсивной симметрии между странами, хотя именно Россия вторглась в Украину. Выражение «война санкций» вводит военную метафору, показывая, что противостояние выходит за пределы поля боя и включает экономические и дипломатические меры. Такой подход иллюстрирует, как сатирическая пресса может создавать ироничный, многослойный нарратив о международной политике. Второй заголовок явным образом строится на бинарной оппозиции «демократия» vs «рост», подчёркивая моральный и идеологический выбор «Запада».

[7] «*Le*» и «*un*» — французские артикли в единственном числе: «*le*» — определенный артикль, а «un» — неопределенный.

Заголовок от 8 марта 2022 года «Et la Russie créa l'Union européenne» («И создала Россия Европейский союз») демонстрирует сатирическую интерпретацию событий: вторжение России показано как фактор, способствующий объединению ЕС. Глагол «создала» придает заголовку торжественный, почти «библейский» оттенок, усиливая иронию, так как Россия фактически выступает не создателем, а дестабилизирующим фактором.

14 марта 2022 года заголовок «Russie: les Français partiront les derniers» («Россия: французы уйдут последними») критикует экономическую и дипломатическую амбивалентность Франции. Двоеточие после слова «Россия» подчеркивает причинно-следственную связь, а формулировка «французы уйдут последними» намекает на медлительность и осторожность французских компаний и властей в отношении России, несмотря на санкции.

30 марта 2022 года заголовок «Décathlon quitte la Russie: À fond la fuite!»[8] («Декатлон покидает Россию: идеальное бегство!») использует иронию и сатиру, критикуя французские компании за их поспешный или корыстный уход из России. Игровая структура заголовка и перекличка с рекламным слоганом создают эффект насмешки и подчеркивают коммерческую мотивацию компаний.

После этого несколько месяцев заголовки со словом «Россия» в *Charlie Hebdo* не появлялись. 12 августа 2022 года публикация «Bulgarie: des élections sous l'oeil de la Russie» («Болгария: выборы под пристальным вниманием России») демонстрирует, как Россия активно влияет на политические процессы в соседних странах, включая поддержку пророссийских партий и вмешательство в демократические процессы Восточной Европы.

23 ноября 2022 года заголовок «Russie: Poutine, chef d'État terroriste» («Россия: Путин[9], глава террористического государства») резко усиливает негативный дискурс, так как он определяет действия России как государственный терроризм. Термин «террористический» подчеркивает систематическое применение насилия против гражданского населения и рассматривает войну как инструмент принуждения к политическим целям. Такой заголовок демонстрирует, как сатирическая пресса использует сильные эмоционально и идеологически окрашенные слова для формирования критической интерпретации международных событий.

В целом, после начала вторжения в Украину *Charlie Hebdo* сместил фокус дискурса: Россия перестала быть лишь авторитарным, внутренне репрессивным государством и стала восприниматься как активный, агрессивный и угрожающий игрок на международной арене. Заголовки после вторжения усилили негативные коннотации, подчеркнули военные, экономические и дипломатические аспекты конфликта, а также использовали иронию и сатиру для критического освещения действий России и реакции «Запада».

4.4. «Русск-ий/-ая/-ое/-ие» в течение года после начала вторжения в Украину в 2022 году

После начала российского вторжения в Украину слова «русск-ий/-ая/-ое/-ие» в заголовках *Charlie Hebdo* претерпели заметные изменения и стали носить отчетливо негативные коннотации. В отличие от довоенного периода, когда это слово встречалось в нейтральных или даже положительных контекстах, после февраля 2022 года оно стало ассоциироваться с агрессией, экономиче-

[8] Возможный перевод на русский язык: «Идеальная форма!»

[9] Из двадцати заголовков, которые были признаны для нашего исследования релевантными и проанализированы в данной работе, только три содержат имя Путина («Навальный versus Путина: русские протестуют, Европа упрекает», «Россия: Путин, глава террористического государства» и «'Я поддерживаю Путина, делает ли это меня монстром?': день в русском продуктовом магазине»). — *А.М.*

ским давлением, информационной манипуляцией и моральной проблематикой. Первый заголовок с этим словом после вторжения — «Maigret sur le fron russe» («Мегрэ на русском фронте», 3 марта 2022 года) — переносит культового французского литературного персонажа, комиссара Мегрэ[10], в контекст военных действий, создавая контраст между рациональностью героя и хаосом войны. Выражение «русский фронт» фокусирует внимание на России как агрессоре, а литературная интертекстуальность и ироничный стиль позволяют частично эвфемизировать события, одновременно подчеркивая абсурдность вторжения.

Следующий заголовок — «La génération Zelensky[11] face à l'invasion russe» («Поколение Зеленского перед лицом русского вторжения», 7 марта 2022 года) — создает сильное противопоставление между украинской стороной, возглавляемой символической фигурой Зеленского, и «русским вторжением». Использование слова «вторжение» придает названию эмоциональный заряд и усиливает негативные восприятие России как агрессора, в то время как Украина предстает как объединенное и героическое сообщество. Эта дискурсивная стратегия сочетает персонализацию (Зеленский и его поколение) с дегуманизацией противника («русское вторжение»), формируя асимметрию восприятия сил.

В контексте экономической и энергетической зависимости последовали заголовки, связанные с газовым кризисом: «Coupure de gaz russe: on fera sans!» («Отключение русского газа: справимся без него!», 1 апреля 2022 года) и «Crise du gaz russe: écologie et démocratie reculent en Allemagne» («Русский газовый кризис: экология и демократия в Германии отступают», 24 июня 2022 года). В этих случаях «русский» перестает быть простым прилагательным-этнонимом и превращается в маркер кризиса и угрозы. Газ рассматривается не просто как товар, а как инструмент геополитического давления, подчеркивающий стратегическую активность России и создающий негативную семантическую окраску слова «русский». Сатирическая критика распространяется и на информационную сферу.

Заголовок «Des[12] Russes font des fausses Unes de Charlie» («Русские делают поддельные первые страницы Charlie Hebdo», 23 сентября 2022 года) представляет «русских» как участников дезинформационных операций, угрожающих свободе прессы и достоверности западных СМИ. Конструкция «Des Russes» создает неопределенное обобщение, усиливая восприятие России как источника информационной угрозы.

Наконец, заголовок «'Je soutiens Poutine, ça fait de moi un monstre?': une journée dans une épicerie russe» («"Я поддерживаю Путина, делает ли это меня монстром?": один день в русском продуктовом магазине», 23 февраля 2023 года) представляет «русское» в повседневном и субъективном контексте, где речь идет о личном опыте граждан. Несмотря на попытку очеловечить представителей «русской» стороны, слово «русский» сохраняет негативные коннотации, связывая идентичность с поддержкой вторжения и вызывая дискурсную поляризацию.

Таким образом, после начала войны слово «русск-ий/-ая/-ое/-ие» в заголовках *Charlie Hebdo* трансформировалось из относительно нейтрального этнонима в маркер агрессии, угрозы и кризиса. Оно стало ключевым элементом дискурсивных стратегий, формирующих негативный об-

---

[10] Мегрэ — инспектор полиции и главный герой серии детективных романов бельгийского писателя Жоржа Сименона (Georges Simenon).

[11] До начала вторжения имя украинского президента Володимира Зеленского не появлялось в заголовках статей в *Charlie Hebdo*. — *А.М.*

[12] См. сноску 9 об определенных и неопределенных артиклях во французском. — *А.М.*

раз России, ассоциируя национальную идентичность с военной агрессией, экономическим давлением, манипуляцией информацией и моральной проблематикой.

5. Обсуждение полученных результатов и выводы

Один из ключевых выводов нашего исследования заключается в том, что образ России в *Charlie Hebdo* за год до вторжения в Украину в 2022 году имел негативные коннотации. Впрочем, следует отметить, что это издание традиционно отличается критическим подходом ко всем событиям, которые оно освещает. С количественной точки зрения можно отметить, что число заголовков со словами «Россия» и «русск-ий/-ая/-ое/-ие» в год после начала вторжения почти удвоилось: с 7 до 13. Это свидетельствует о возросшем внимании к России, что объяснимо с учетом международной значимости конфликта.

Методологически важно подчеркнуть, что критический дискурс-анализ в сочетании с изучением коннотаций и имагологии базируется на интерпретативном подходе. Такие методы имеют прочные теоретические основания, но их применение предполагает значительную степень субъективности, зависящей как от интроспекции исследователя, так и от более широкого контекста. Например, глагол «*créer*» («создавать/создать») может иметь различную коннотацию в зависимости от контекста заголовка. Хотя для нас как исследователей слово «создать» носит положительный оттенок по сравнению с «*détruire*» («разрушать/разрушить»), эта оценка не является универсальной. Аналогично, в ряде случаев необходимо анализировать коннотации на уровне всего заголовка, а не отдельных слов, поскольку иронический контекст способен полностью изменить значение лексической единицы (как, например, в случаях с «*puissance économique*» [«экономическая держава»] или «*croissance*» [«рост»]).

Интроспективный подход, на котором основано наше исследование, делает его уникальным и потенциально вызывающим дискуссию среди представителей различных языковых и культурных сообществ. Следует также подчеркнуть, что выбор именно *Charlie Hebdo* и конкретных временных интервалов анализа был субъективным решением исследователей. Другие временные отрезки или более «нейтральные» издания, такие как *Le Monde*, могли бы дать иные результаты. Однако целью исследования было продемонстрировать и подвергнуть анализу именно субъективность интерпретаций, а также изучить явление, которое, хотя и могло казаться интуитивно предсказуемым, до настоящего времени оставалось мало исследованным.

Выбор заголовков в качестве основного корпуса исследования также был обусловлен принципами медиалингвистики и дискурс-анализа. «Headlines are the most important part of news reports: they summarize, emphasize, and sometimes even distort the information to catch the reader's attention» [«Заголовки — самая важная часть новостных сообщений: они обобщают, подчеркивают, а иногда и искажают информацию, чтобы привлечь внимание читателя»] (Van Dijk, 1988: 51).

Наш подход несколько отличается от «традиционного» имагологического анализа, распространенного в европейской академической традиции, где образ страны изучается на основе более длинных текстов. В нашем исследовании единицей анализа выступает заголовок, что позволяет выявить семантические и коннотативные особенности, хотя и затрудняет формирование целостного образа. Тем не менее, даже через краткие заголовки прослеживается выраженный негативный гетеро-образ России: страна предстает как агрессор с тоталитарным и репрессивным режимом.

Важно отметить, что негативный образ России существовал и до вторжения, однако с другим акцентом: до 2022 года Россия воспринималась прежде всего как коррумпированное и авторитарное государство; после вторжения фокус смещается на её роль международного агрессора. Диахронический анализ эволюции образа России в *Charlie Hebdo* позволяет проследить, как изменялись коннотации и акценты, и выявить моменты, когда образ мог быть более позитивным, и факторы, влияющие на эти трансформации. В перспективе предложенная методология позволит исследовать, как медиа-образ России продолжает изменяться, насколько сохраняются воспоминания о прошлом и в какой момент они могут исчезать из медиапространства.

Литература

Ayad, C. (2025, 5 de enero). *Attentats de «Charlie Hebdo» et de l'Hyper Cacher : trois jours de sang, de terreur et de larmes*. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/societe/article/2025/01/05/attentats-de-charlie-hebdo-et-de-l-hyper-cacher-trois-jours-de-sang-de-terreur-et-de-larmes_6483068_3224.html

Beller, M., & Leerssen, J. (2007). *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey*. Rodopi.

Charaudeau, P. (1997). *Le discours d'information médiatique: La construction du miroir social*. Nathan.

Delporte, C. (2020). *Charlie Hebdo: La folle histoire d'un journal pas comme les autres*. Flammarion.

Mullet, D. R. (2018). A general critical discourse analysis framework for educational research. *Journal of Advanced Academics, 29*(2), 116-142. https://doi.org/10.1177/1932202X18758260

Noh, B. (2023). A critical discourse analysis of *The New York Times'* ingroup and outgroup presentation in the Russia–Ukraine war editorials. *International Journal of Advanced Culture Technology, 11*(3), 59-64. https://doi.org/10.17703/IJACT.2023.11.3.59

Sourisseau, Biard, Blondeaux, Charbonnier Val, & Wolinski. (2021–2023). *Charlie Hebdo: Corpus d'articles (23 février 2021 – 23 février 2023)*. https://charliehebdo.fr

van Dijk, T. A. (1985). *Handbook of discourse analysis*. Academic Press.

van Dijk, T. A. (1988). *News as discourse*. Cambridge University Press.

van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and power*. Palgrave Macmillan.

Zakizadeh, H. (2024). A transitivity analysis of English newspapers headlines on the Ukraine–Russia war: A study with critical discourse analysis and systemic functional linguistics' perspective. *International Journal of Linguistics and Translation Studies, 5*(1), 95-113. https://doi.org/10.36892/ijlts.v5i1.397

Добросклонская, Т. (2020). *Медиалингвистика: теория, методы, направления*. Ridero.

Ярцева, В. (1990). *Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь*. Советская энциклопедия.

«ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД» НА ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)[1]

Liudmila Navtanovich
Universitat Autònoma de Barcelona
Serra Hunter Fellow

Предлагаемая работа посвящена разным вариантам использования «обратного» перевода (то есть перевода на русский, преимущественно с испанского и каталанского) на занятиях по РКИ для студентов, чья специализация – письменный и устный перевод. При этом предметом рассмотрения становится тот случай, когда данный («обратный») перевод не является отдельной дисциплиной, а вплетается в сеть занятий по русскому языку как иностранному.

По вопросу обращения к переводу на уроках РКИ существует обширная библиография. Поскольку данная работа носит прикладной характер и призвана разобрать конкретные примеры использования перевода на русский язык в группах с испано- и каталаноговорящими студентами и не преследует цель теоретически обосновать целесообразность применения перевода на неродной язык (в данном случае, русский) при обучении иностранному языку, мы не предлагаем подробный анализ существующей по данной теме литературы, а ограничимся лишь упоминанием отдельных работ, преимущественно недавних, касающихся интересующей нас проблематики.

В ставших классическими лингвистических исследованиях указывалось на необходимость появления родного для студентов языка на занятиях по обучению иностранному языку. Так, Л. В. Щерба указывал на то, что «родной язык учащихся непременно участвует в наших уроках иностранного языка» (1974: 317). В работах В. Г. Костомарова и О. Д. Митрофановой – ученых, стоявших у истоков создания методики преподавания русского языка – подробно рассматривается необходимость использования родного языка на уроках РКИ и выделяются основные способы его применения на занятиях в качестве языка-посредника (Костомаров и Митрофанова, 1979, 1984, 1990). Несмотря на это, в литературе продолжает подниматься вопрос, в какой степени стоит использовать родной для студента язык на уроках русского языка как иностранного. В последние годы необходимость его употребления на занятиях, а, следовательно, и перевода с него на русский, на занятиях по РКИ отстаивается, в частности, Е. А. Осинцевой-Раевской (2014).

Что касается не просто использования родного для студента языка, а перевода с него на занятиях русского как иностранного, в работах последних лет рассматривается широкий спектр возможных тем, связанных с переводом на русский на уроках РКИ: как, в целом, вопрос о целесообразности и ценности его применения, так и конкретные вопросы, связанные с его использованием. В частности, приводятся аргументы в пользу активного использования перевода в процессе обучения

[1] Данная работа создана при финансовой поддержке проекта *CIMAS* Министерства науки, инноваций и университетов Испании (*Spanish Ministry of Science, Innovation and Universitities: PID2022-1371130B-100*).

иностранцев русскому языку как способа обучения русскому языку для зарубежных филологов-русистов (Лукьянова и Сокол, 2021; Попович, 2013), анализируются функции перевода в качестве варианта учебной деятельности на занятиях РКИ (Никитина, 2020), перевод предлагается и в качестве метода создания необходимой языковой среды на уроках русского языка для студентов, не являющихся его носителями (Богачева, 2021), изучается и целесообразность использования перевода как методического приема, который позволяет оптимизировать процесс обучения (Ошуст-Поляк, 2014). В числе конкретных вопросов рассматривается важность выбора материала на занятиях РКИ как в рамках художественной литературы (Шехватова, 2024), так и в более широком объеме с включением аудиовизуальных источников (Яковлев, 2015). Отдельной темой является необходимость использования устного перевода в программе преподавания РКИ, среди прочего, для коррекции грамматики и развития краткой слуховой памяти в курсе РКИ (Караджев и Нечаева, 2020), а также в качестве методического приема обучения речевой деятельности и активизации лексико-грамматических знаний учащихся (Нечаева и Караджев, 2020; Кожухова, 2024).

Как уже было упомянуто, данная статья не представляет собой строгую научно-методическую разработку, ибо имеет своей целью в первую очередь поделиться с коллегами конкретными наработками по указанной теме, базирующимися на опыте работы автора в качестве преподавателя РКИ на факультете письменного и устного перевода Барселонского автономного университета на протяжении последних 12 лет.

Прежде чем разобрать разные аспекты работы с переводом на русский язык на занятиях по РКИ, необходимо кратко представить специфику изучаемого предмета на упомянутом факультете: русский язык преподается в Барселонском автономном университете с нуля в качестве второго иностранного языка (*idioma C*) в рамках программы бакалавриата; на первом и втором курсах преподается только язык, хотя предметы, связанные с русским, и носят название «Язык и перевод», согласно программе к концу второго курса уровень владения языком должен достичь A2, начиная с третьего курса, язык и перевод преподаются уже отдельно; на первых трех курсах предусмотрены 9 кредитов в семестр, а на четвертом – 6, что соответствует пяти астрономическим часам в неделю на трех первых курсах и трем часам двадцати минутам на четвертом; преподавание русского языка по сложившейся в университете традиции **не** делится на аспекты (грамматика, чтение, говорение и т. д.).

Отдельные занятия по переводу на третьем и четвертом курсах предусматривают в отношении второго иностранного языка только перевод **на родной** для студентов язык – испанский и каталанский. Следует отметить, что на переводческих факультетах испанских университетов проводятся отдельные занятия по «обратному» переводу (*traducción inversa*), то есть по переводу на неродной для студента язык, но они предусмотрены только для первого иностранного языка (как было указано выше, русский язык изучается с нуля и является вторым иностранным).

Тем не менее, вполне очевидно, что переводчики почти никогда не работают «только в одном направлении». Выпускникам переводческих факультетов, чьей специализацией является русский язык, приходится переводить не только с русского языка, но и на русский, в связи с чем наличие упражнений и разного рода заданий по переводу на неродной для студента язык представляется неотъемлемой частью процесса обучения языку. Помимо последующего профессионального применения, введение практики «обратного перевода», как устного, так и письменного, на неродной язык, безусловно, помогает натренировать многие необходимые навыки и отработать различные аспекты владения языком, на что, в частности, было указано в предложенном выше кратком библиографи-

ческом обзоре. В университетской традиции, в которой получил образование автор данной работы, всегда были упражнения на «обратный перевод», то есть на иностранный язык. На основании вышесказанного представляются очевидными необходимость включения перевода на русский в учебный план занятий РКИ. Далее в статье предлагается разбор конкретных примеров использования «обратного перевода» на уроках русского языка.

Введение элементов перевода может начинаться с элементарных упражнений на отработку отдельных грамматических задач, подобных тем, что есть, например, в учебнике С. А. Хаврониной и А. И. Широченской (2016). Данное пособие давно стало «классическим» сборником упражнений, оно не потеряло своей актуальности, и до сих пор используется на нашем факультете в качестве рекомендованного пособия для дополнительных заданий по грамматике.

Другой возможный вариант – это работа с текстом: на занятиях не только читается, разбирается некий текст, задаются к нему вопросы, делаются по нему упражнения, но и совершается совместный перевод его на испанский, каталанский (а иногда и на другие языки, носители которых есть в группе). Данный перевод на родной для них язык студенты записывают, а впоследствии они должны, закрыв исконный текст из учебника, сделать свой перевод на русский с получившегося у них перевода. Начинаются подобные упражнения уже на первом курсе с простых текстов типа «Мои друзья», вот фрагмент подобного текста из учебника «Первые шаги 1»:

> Меня зовут Стив Лавлайс. Я из Америки. Я преподаватель. Я преподаю английский язык в университете в Америке. Но сейчас я не преподаватель, я студент. Я приехал в Россию, чтобы изучать русский язык. Я изучаю русский язык, потому что я хочу преподавать не только английский, но и русский язык (Беликова et al., 2023: 200).
>
> и т.д.

А продолжаем мы на втором курсе уже на более сложных текстах, соответствующих уровню А2, подобных следующему (из «Первые шаги 2»):

> В этом году зимой Пьер уговорил своего друга Стива поехать в город Мурманск, чтобы посмотреть северное сияние. Пьер слышал, что это очень красивое и необычное явление природы. Сейчас Пьер живет в России и решил использовать свой шанс, чтобы потом написать статью о северном сиянии (Беликова et al., 2023: 239-240).
>
> и т.д.

Тем не менее, переложением только текстов из учебников использование перевода на русский язык, конечно, не исчерпывается. В качестве возможной мотивации и повышения интереса студентов к предмету весьма эффективной оказывается попытка показать им, что уже на ранних этапах освоения языка они могут переводить на русский язык фрагменты художественных произведений. При этом, конечно, оказывается крайне важным правильный отбор соответствующих фрагментов испанской или каталонской художественной литературы (о важности правильного отбора см., в частности, Шехватова, 2024).

Как показала практика, одним из примеров удачного выбора материала является следующий: фрагмент из романа Эдуардо Мендосы «Нет вестей от Гурба» (*Sin noticias de Gurb*). Как правило, перевод данного отрывка предлагается на втором курсе, когда на занятиях отрабатываются разные

способы называния времени (не только «пять тридцать», но и «полшестого» и т.п.). Студентам предлагается сделать перевод фрагмента на русский язык в качестве домашнего задания, впоследствии на занятии разбираются варианты перевода. Роман *Sin noticias de Gurb* был публикован в 1991 году, его действие происходит в Барселоне, главные герои – инопланетяне, которые оказываются в городе: один из них, по имени Гурб, пропадает, а от лица другого ведется рассказ. В повествовании очень хорошо обыгрывается обрывочная и монотонная речь инопланетного существа. В качестве задания, в частности, дается следующий фрагмент:

> 15.00 Ahora que dispongo de dinero, decido recorrer la zona céntrica de la ciudad y visitar sus afamados comercios. Ha vuelto a nublarse, pero por el momento parece que el tiempo aguanta.
>
> 16.00 Entro en una boutique. Me compro una corbata. Me la pruebo. Considero que me favorece y me compro noventa y cuatro corbatas iguales.
>
> 16.30 Entro en una tienda de artículos deportivos. Me compro una linterna, una cantimplora, un camping buta-gas, una camiseta del Barça, una raqueta de tenis, un equipo completo de wind-surf (de color rosa fosforescente) y treinta pares de zapatillas de jogging.
>
> 17.00 Entro en una charcutería y me compro setecientos jamones de pata negra.
>
> 17.10 Entro en una frutería y me compro medio kilo de zanahorias.
>
> 17.20 Entro en una tienda de automóviles y me compro un Maseratti.
>
> 17.45 Entro en una tienda de electrodomésticos y lo compro todo.
>
> 18.00 Entro en una juguetería y me compro un disfraz de indio, ciento doce braguitas de Barbie y un trompo.
>
> 18.30 Entro en una bodega y me compro cinco botellas de Baron Mouchoir Moqué del 52 y una garrafa de ocho litros de vino de mesa El Pentateuco.
>
> 19.00 Entro en una joyería, me compro un Rolex de oro automático, sumergible, antimagnético y antichoque y lo rompo in situ.
>
> 19.30 Entro en una perfumería y me compro quince frascos de Eau de Ferum, que acaba de salir.
>
> 20.00 Decido que el dinero no da la felicidad, desintegro todo lo que he comprado y continúo caminando con las manos en los bolsillos y el ánimo ligero (Mendoza, 1991: 28).

Преимущество данного текста в том, что на нем можно отрабатывать разные чисто языковые и переводческие аспекты.

Во-первых, как уже было указано, можно отрабатывать все варианты выражения времени (студентам дано задание записывать их словами). Например, *15.00* можно перевести как *пятнадцать ноль-ноль* или же *пятнадцать часов*, или *три часа*, а еще как *три часа ровно*. И все эти ранее изученные формы выражения времени предлагается студентам вспомнить. У фразы с *17.45* – еще больше вари-

антов перевода, которые можно повторить со студентами: *семнадцать сорок пять, семнадцать часов сорок пять минут, пять сорок пять, пять часов сорок пять минут, без пятнадцати шесть, без четверти шесть.*

Как видим, уже в качестве упражнения на формы времени данный фрагмент весьма хорош, хотя этим возможность работы над его переводом далеко не исчерпывается.

Во-вторых, как в любом переводе, мы можем использовать данный фрагмент для тренировки «всего» (форм глаголов, падежей и т.д.). Среди прочего, этот отрывок весьма пригоден для практики глаголов движения. Например, во фразе *Ahora que dispongo de dinero, decido recorrer la zona céntrica de la ciudad y visitar sus afamados comercios* можно предложить студентам найти подходящие глаголы, как-то: «я решаю *обойти весь центр города*» или «я решаю *пройти по центру города*». Вместо монотонного *Entro*, с которого начинается почти каждая фраза, можно вспомнить все глаголы (с соответствующими предлогами), которые могут быть уместны в данном контексте, например: *Entro en una boutique* можно перевести как

(Я) *захожу* в *магазин/ бутик*

(Я) *вхожу* в *магазин/ бутик*

(Я) *иду* в *магазин/ бутик*

(Я) *прихожу* в *магазин/ бутик*

Два последних варианта, возможно, кажутся не совсем корректными переводами для глагола *entrar,* но в данном контексте они подходят.

Также можно предложить несколько вариантов для повторения старой или освоения новой лексики. К примеру, *una frutería* студенты обычно переводят как «фруктовый магазин» вместо «овощной магазин», а *una charcutería* как «колбасный магазин» (здесь шире диапазон возможного перевода: от «мясная лавка», «мясной магазин» до «магазин Мясо, колбасы», «магазин Деликатесы и копчености» – последний вариант опять же подходит по контексту, поскольку речь идет о покупке деликатесного хамона). В пределах данного фрагмента есть возможность отрабатывать и устойчивые сочетания, например: *Ha vuelto a nublarse, pero por el momento parece que el tiempo aguanta.* Выражение *el tiempo aguanta* означает, что «дождя не будет», так что его можно так и перевести, а можно попробовать «обыграть» значение глагола *aguantar* и перевести его как «продержится хорошая погода», среди прочего, напомнив студентам, что испанскому существительному *tiempo* может соответствовать слово «погода». Другое устойчивое сочетание встречаем во фразе *Decido que el dinero no da la felicidad, desintegro todo lo que he comprado y continúo caminando con las manos en los bolsillos y el ánimo ligero.* Это *ánimo ligero* можно в данном контексте перевести как «[продолжаю идти] налегке» или «с легким чувством», обыгрывая испанское прилагательное, или при более свободном переводе как «в отличном настроении».

И, наконец, можно работать непосредственно над проблемами перевода. В частности, во фразе *Entro en una bodega y me compro cinco botellas de Baron Mouchoir Moqué del 52 y una garrafa de ocho litros de vino de mesa El Pentateuco* есть два момента, заслуживающих в этом смысле особого комментария. С одной стороны, студенты не замечают гротеска в сочетании «восьмилитровой бутыли столового вина» и его названия, которое просто транслитерируют как «Пентатеуко», когда речь идет о библейском «Пятикнижии». С другой, название некоего вина *Baron Mouchoir Moqué del 52* с упоминанием года может вызвать в восприятии что-то дорогое и французское и тоже всего лишь транслитерироваться студентами, хотя на самом деле перед нами опять же стилистический прием, *Mouchoir* по-французски «платок», а *Moqué* напоминает каталонское слово *mocs* что означает «сопли», то есть «шикарное» вино называется «Барон Сопливый Платок» или что-то в этом духе. Еще один пример: *Entro en una*

perfumería y me compro quince frascos de Eau de Ferum, que acaba de salir. Eau de Ferum звучит как название дорогого французского парфюма, но и здесь «обман», поскольку *ferum* означает по-каталонски «вонь, крайне неприятный запах», то бишь перевести данное сочетание надо было бы как «Вонючая вода» или «Парфюм Вонючка», или что-то подобное.

Первый раз данный фрагмент был использован на занятиях в период пандемии, когда все занятия велись онлайн. Для облегчения студентам последующей работы прямо во время уроков мной делались своеобразные «конспекты» занятий, которые впоследствии помещались в соответствующем виртуальном пространстве. В конспекте по данному заданию была предпринята попытка указать максимальное количество правильных вариантов, косая черта отделяет возможные варианты:

***Sin noticias de Gurb*, de Eduardo Mendoza**

«Нет вестей от Гурба» Эдуардо Мендосы («Без новостей о Гурбе»)

15.00 Ahora que dispongo de dinero, decido recorrer la zona céntrica de la ciudad y visitar sus afamados comercios. Ha vuelto a nublarse, pero por el momento parece que el tiempo aguanta.

Пятнадцать ноль-ноль / Пятнадцать часов / Три часа / Три часа ровно.

Теперь у меня есть деньги, и / сейчас, когда у меня появились деньги, я решаю обойти весь центр города/ пройти по всему центру и посетить его знаменитые магазины. Снова *пасмурно / облака*, но кажется, что (пока) *дождя не будет / продержится хорошая погода.*

16.00 Entro en una boutique. Me compro una corbata. Me la pruebo. Considero que me favorece y me compro noventa y cuatro corbatas iguales.

Шестнадцать ноль-ноль / Шестнадцать часов / Четыре часа / Четыре часа ровно.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в *магазин / бутик.* (Я) покупаю себе галстук. (Я) Примеряю его. (Я) *Прихожу к выводу / считаю*, что он мне идет, и покупаю девяносто четыре *таких же / одинаковых* галстука.

16.30 Entro en una tienda de artículos deportivos. Me compro una linterna, una cantimplora, un camping buta-gas, una camiseta del Barça, una raqueta de tenis, un equipo completo de wind-surf (de color rosa fosforescente) y treinta pares de zapatillas de jogging.

Шестнадцать тридцать / Шестнадцать часов тридцать минут / Четыре тридцать / Четыре часа тридцать минут / Полпятого / Половина пятого.

(Я) з*ахожу / вхожу / иду / (прихожу)* в *магазин «Спорттовары» / спортивный магазин.* Покупаю себе фонарик, *фляжку / флягу / (спортивную бутылку для воды*), *походную/ портативную газовую плиту (плитку) / (газовую плиту для кемпинга)*, футболку Барсы, теннисную ракетку, полный комплект/ полное снаряжение для виндсерфинга (фосфоресцентн*ый/ое*, розов*ый/ое*) и *тридцать пар кроссовок/ (теннисных тапочек).*

17.00 Entro en una charcutería y me compro setecientos jamones de pata negra.

Семнадцать ноль-ноль / Семнадцать часов / Пять часов / Пять часов ровно.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в *мясную лавку / мясной магазин* и покупаю семьсот *сыровяленых свиных окороков / хамонов.*

17.10 Entro en una frutería y me compro medio kilo de zanahorias.

Семнадцать десять / Семнадцать часов десять минут / Пять десять / Пять часов десять минут / Десять минут шестого.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в овощной магазин и покупаю полкило *моркови / (морковки).*

17.20 Entro en una tienda de automóviles y me compro un *Maseratti*.

Семнадцать двадцать / Семнадцать часов двадцать минут / Пять двадцать / Пять часов двадцать минут / Двадцать минут шестого.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в *автосалон / автомобильный магазин / автомагазин* и покупаю (себе) «Мазерати».

17.45 Entro en una tienda de electrodomésticos y lo compro todo.

Семнадцать сорок пять / Семнадцать часов сорок пять минут / Пять сорок пять / Пять часов сорок пять минут / Без пятнадцати шесть / Без четверти шесть.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в магазин бытовой техники и покупаю все.

18.00 Entro en una juguetería y me compro un disfraz de indio, ciento doce braguitas de Barbie y un trompo.

Восемнадцать ноль-ноль / Восемнадцать часов / Шесть часов / Шесть часов ровно.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в магазин игрушек и покупаю костюм индейца, сто двенадцать трусиков для Барби и волчок.

18.30 Entro en una bodega y me compro cinco botellas de *Baron Mouchoir Moqué* del 52 y una garrafa de ocho litros de vino de mesa *El Pentateuco*.

Восемнадцать тридцать / Восемнадцать часов тридцать минут / Шесть тридцать / Шесть часов тридцать минут / Полшестого / Половина шестого.

(Я) з*ахожу / вхожу / иду / (прихожу)* в *винный магазин / (винный погреб)* и покупаю пять бутылок «*Барона Сопленоса*» / «*Барона Платок Сопле*» пятьдесят второго года и восьмилитровую бутыль столового вина «Пятикнижие».

19.00 Entro en una joyería, me compro un Rolex de oro automático, sumergible, antimagnético y antichoque y lo rompo in situ.

Девятнадцать ноль-ноль / Девятнадцать часов / Семь часов / Семь часов ровно.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в ювелирный магазин и покупаю себе часы Ролекс, золотые, водонепроницаемые, антимагнитные, противоударные, и разбиваю их *на месте / прямо там / там же*.

19.30 Entro en una perfumería y me compro quince frascos de *Eau de Ferum*, que acaba de salir.

Девятнадцать тридцать / Девятнадцать часов тридцать минут / Семь тридцать / Семь часов тридцать минут / Полвосьмого / Половина восьмого.

(Я) *захожу / вхожу / иду / (прихожу)* в парфюмерный магазин и покупаю пятнадцать флаконов *новейшего парфюма/ новейших духов «О де Вонь» / «Вонючая вода» / «Вонючка»*.

20.00 Decido que el dinero no da la felicidad, desintegro todo lo que he comprado y continúo caminando con las manos en los bolsillos y el ánimo ligero.

Двадцать ноль-ноль / Двадцать часов / Восемь часов/ Восемь часов ровно.

Решаю, что деньги не приносят счастья, уничтожаю все, что купил, и иду дальше *налегке / в отличном настроении/ с легким чувством*, засунув руки в карманы.

Решаю, что счастья за деньги не купишь, избавляюсь от всего, что купил, и продолжаю беззаботно идти, руки в карманах.

Перевод, который должны быть готовы делать студенты на переводческом факультете Барселонского автономного университета «тройной»: на занятиях по переводу они имеют право выбрать, на какой язык они хотят переводить – на испанский или на каталанский. Поэтому для «обратного» перевода также целесообразно искать примеры, где можно делать параллельный пере-

вод с испанского и каталанского. Одним из подобных примеров используемых на занятиях текстов являются фрагменты из дневника Жозепа Пла *La vida lenta*, которые обычно размещаются на экране в качестве параллельных текстов:

> 1 gener
> Aquesta nit, mentre tornava a casa (a les dues), caminant contra una tramuntana fortíssima, pensava que, de vegàdes, la vida sembla més llarga que l'eternitat. Al llit (glàcial), llegeixo els dos últims números d'Il Borghese, fins a les vuit. Em llevo a les quatre de la tarda. Em trobo amb un dia clar, assolellat i lívid —sense vent. Any nou, vida nova! Passo el resto del dia a casa, a la vora del foc.
> 1 enero
> Esta noche, cuando volvía a casa (a las dos) a pie, con una tramontana fortísima en contra, pensaba que, a veces, la vida parece más larga que la eternidad. En la cama (glacial), leo los dos últimos números de Il Borghese, hasta las ocho. Me levanto a las cuatro de la tarde. Hace un día despejado, soleado y lívido —sin viento. ¡Año nuevo, vida nueva! Me paso lo queda del día en casa, junto al fuego (Pla, 2014: 3).

И в таком, на первый взгляд простом фрагменте, есть над чем поработать на уровне собственно перевода. Например, над передачей названия ветра *tramuntana/tramontana* или над характеристикой дня как *lívid/lívido*: студентам следует объяснить, что, хотя в русском языке и существует слово «трамонтана», оно не очень употребительно и для перевода дневника, наверно, стоит выбрать другой вариант, к примеру, «северный ветер», а слово *lívid/lívido* в свою очередь не всегда известно студентам-носителям языка, поскольку оно не входит в число активного словарного запаса, поэтому приходится объяснять или просить найти его значение и предлагать вариант перевода (одним из которых в данном контексте может стать «прозрачный»). Перевод выражения *Any nou, vida nova!/¡Año nuevo, vida nueva!* как устойчивого сочетания также вряд ли известен студентам (*С Новым годом! С новым счастьем!*). Предложенные выше примеры касались собственно переводческих проблем, однако, как всегда, на уровне «повторения усвоенного» есть возможность вспомнить грамматику: в частности, образование форм сравнительной – *més llarga que l'eternitat/ más larga que la eternidad* и превосходной степени (не слишком часто употребляемой на занятиях) – *fortíssima/fortísima*, можно повторить родительный даты для первой записи *1 gener/1 enero* и разные временны**ы**е предлоги (*a, fins a/a, hasta*), а также напомнить, что деепричастие в русском языке может соответствовать придаточному предложению – *mientre tornava a casa caminant/ cuando volvía a casa a pie* и объяснить перевод прилагательных в сочетании с числительным два («два последн**их** номера»); на уровне лексики стоит вспомнить синонимию: например, что слову *llit/cama* могут соответствовать как «кровать», так и «постель».

Перевод на русский язык может быть использован не только в качестве письменного, но и в качестве устного перевода. В данном случае студентам предлагается игра, в которой появляется фигура устного переводчика. Например, при изучении темы «Здоровье» возможно упражнение «Визит к врачу», в котором кто-то «работает» врачом, кто-то становится пациентом, а кто-то выполняет роль переводчика.

В заключение хочется привести еще один пример возможного использования перевода на русский язык в испаноязычной аудитории. Студентам, как правило, очень нравится, когда на занятиях привлекается аудиовизуальный материал. Как показывает практика, он помогает создать весьма живую, нескучную атмосферу на занятиях и «под видом развлечения» больше заинтересовать студентов в предмете. Среди используемых на занятиях материалов, присутствует и перевод песен

(о целесообразности использования песен популярных авторов, см., в частности, Яковлев, 2015). Одним из примеров песен, переводимых нами на занятиях, является песня блистательного аргентинского поэта, автора-исполнителя Факундо Кабраля, его «визитная карточка» – *No soy de aquí ni soy de allá* (Cabral, 2009):

Me gusta el sol, Alicia y las palomas
El buen cigarro y la guitarra española
Saltar paredes y abrir las ventanas
Y cuando llora una mujer
Me gusta el vino tanto como las flores
Y los conejos, pero no los tractores
El pan casero y la voz de Dolores
No soy de aquí ni soy de allá
No tengo edad ni porvenir
Y ser feliz es mi color de identidad

Переводя эти стихи, среди множества возможных комментариев, в частности, целесообразно вспомнить разные варианты передачи одних и тех же грамматических значений, например, *Me gusta* и в качестве «мне нравится» (и тогда существительные идут в Им. падеже), и в качестве «я люблю» (и тогда нужен Винительный, включая «винительный одушевленный» для голубей); стоит также напомнить что в русском прилагательное предшествует существительному, хотя в поэтическом тексте как раз возможна инверсия. Еще неплохо объяснить студентам, что *el mar mojándome los pies* не стоит переводить глаголом «мочить», а лучше выбрать какой-то другой вариант, к примеру, «море, омывающее мои ноги», хотя, вероятно, лучше всего здесь подошел бы не буквальный в грамматическом отношении перевод, а что-то вроде «(я люблю...) бродить по берегу моря». И, как всегда в стихотворном тексте, перед нами – непереводимые сочетания: за все годы использования данного стихотворения на занятиях нам так и не удалось найти точное и одновременно красивое соответствие потрясающей последней фразе песни: *Y ser feliz es mi color de identidad.*

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо еще раз почеркнуть, что предложенная работа не является научно-методической разработкой по «обратному» переводу, она лишь призвана, на основании разбора конкретных примеров, основанных на многолетнем опыте преподавания в испано- и каталаноязычной аудитории, показать нужность и важность использования перевода на русский язык на занятиях РКИ, а также разнообразие его возможного применения.

Литература

Беликова, Л. Г., Шутова, Т. А., Ерофеева, И. Н. (2023). *Первые шаги 1*. Златоуст.

Беликова, Л. Г., Шутова, Т. А., Ерофеева, И. Н. (2023). *Первые шаги 2*. Златоуст.

Богачева, А. В. (2021) Методы создания искусственной языковой среды на занятиях РКИ. *Балтийский гуманитарный журнал*, *10*/*2*(35), 34-37.

Караджев, Б. И., Нечаева, Е. В. (2020). Устный перевод как способ коррекции грамматики и развития краткой слуховой памяти в курсе РКИ. *Мир науки, культуры, образования*, *4*(83), 239-241.

Кожухова, Н. Е. (2024). Перевод как вид речевой деятельности на занятиях РКИ. В О. М. Дорогокупец-Новицкая (гл. ред.) *Прикладная лингвистика: наследие и современность: материалы II Междунар.*

науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 марта 2024 г. (стр. 279-284). Белорусский государственный университет.

Костомаров, В. Г., Митрофанова О. Д. (1979). Методическая проблематика двуязычья. *Русский язык за рубежом, 6*, 67-73.

Костомаров, В. Г., Митрофанова О. Д. (1984). *Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам*. Русский язык.

Костомаров, В. Г., Митрофанова О. Д. (1990). *Методика преподавания русского языка как иностранного.* Русский язык.

Лукьянова, К. А., Сокол, М. А. (2021). Роль переводческих навыков преподавателя и учебного перевода на занятиях по РКИ. *Общество, педагогика, психология: актуальные исследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием* (стр. 138-141). Среда.

Нечаева, Е. В., Караджев, Б. И. (2020). Методический прием перевода как способ обучения речевой деятельности и активизации лексико-грамматических знаний учащихся при обучении РКИ. С. А., Вишняков (ред.), *Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного* (стр. 525-533). Московский государственный педагогический университет.

Никитина, Н. Е. (2020). Функции перевода как вида учебной деятельности на занятиях РКИ: из опыта работы. Репозиторий Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина. https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/15329/42-46.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Осинцева-Раевская, Е. А. (2014). Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного. *Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта,* 5, 96-102.

Опуст-Поляк, К. (2015). Место и роль перевода в обучении РКИ – теория и практика. В. Е. Невзорова-Кмеч (ред.), *Русский язык в иностранной аудитории. Теория, практика, цели и результаты преподавания* (стр. 93-103). Издательство Лодзинского университета.

Попович, И. Ю. (2013). Учебный перевод как способ обучения русскому языку зарубежных филологов-русистов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, *4*, 135-143.

Хавронина, С. А., Широченская, А. И. (2016). *Русский язык в упражнениях. El ruso en ejercicios.* Русский язык.

Шехватова, А. Н. (2024). Зарубежная художественная литература на занятиях по РКИ. Ажур.

Щерба, Л. В. (1974). *Языковая система и речевая деятельность.* Наука.

Яковлев, С. М. (2015) Особенности подхода к отбору и презентации учебного материала по РКИ для иностранных студентов, обучающихся по специальности «романо-германская филология». В И. Э. Федотова (гл. ред.) *Преемственность и координация в обучении иностранных студентов вузов* (стр. 25-28). Белорусский государственный экономический университет.

Cabral, F. (2009). *No soy de aquí, ni soy de allá.* https://www.cmtv.com.ar/discos_letras/letra.php?bnid=2039&banda=Facundo_Cabral&DS_DS=8386&tmid=105254&tema=NO_SOY_DE_AQUI_NI_SOY_DE_ALLA

Mendoza, E. (1991). *Sin noticies de Gurb.* Seix Barral.

Pla, J. (2014). *La vida lenta: Notas para tres diarios (1956, 1957, 1964).* Destino.

Pla, J. (2014). *La vida lenta: Notes per a tres diaris (1956, 1957, 1964).* Destino.

ИДЕИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В «КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ»

Siarhei Padsasonny
University of Warsaw

1. Введение

В начале нашего исследования необходимо привести дефиницию для относительно нового понятия *культура отмены*, или *культура исключения* (англ. *cancel culture*, *callout culture*). Первым известным использованием данного термина является 2016 год, как утверждается на странице издательства и онлайн-словаря *Merriam-Webster*, являющегося частью *Британской энциклопедии* (*Британики*). В последней находим следующее определение:

> …The phrase cancel culture (also known as callout culture) is the removal («cancelling») of support for individuals and their work – or for a group of people, an organization, or a company and their work – due to an opinion or action on their part deemed objectionable to the parties «calling» them out. The «cancelling» is often orchestrated to deny or frustrate the expression of the called out party's beliefs or work (2025).

> …Понятие *культура отмены* (также известное как *культура исключения*) – это отказ от поддержки (*отмена поддержки*) отдельных лиц и их работы или группы людей, организации или компании и их работы, так как они выражают нежелательное мнение или действуют недопустимо, по мнению тех, кто их *вызывает* (к ним обращается). *Отмена* часто организуется с целью отрицания или препятствия в выражении убеждений или действий стороны, к которой обращаются[1].

Современная историческая ситуация привела к практическому ужесточению *культуры отмены* по отношению к русской культуре и соответственно ее составляющей части – литературе. После начала полномасштабной войны России против Украины в феврале 2022 года в ряде стран произведения русских авторов стали нежелательными и на некоторое время (а где-то и на неопределенный срок) попали под официальный или негласный запрет в западном драматическом театре и на оперных сценах, понятие *русский* приобрело в социуме и медиапространстве демократических стран эмоциональную характеристику токсичности и негативности оценок. Зачастую это происходит исключительно по признаку национальной дифференциации. В противовес этому озвучивается и рациональная позиция критиков и зрителей о непричастности условных П. И. Чайковского или А. С. Пушкина к сегодняшним трагическим событиям, о том, что нельзя отдать культуру в абсолютную собственность власти и пропаганды, отказавшись от нее. Как результат последнего – русскую классику можно увидеть на главных сценах мира (премьера оперы *Евгений Онегин* в театре «Ла Скала» в феврале 2025 года или одноименный балет в Королевском театре «Ковент-Гарден» в мае 2025 года; постановка *Пиковой дамы* в Венской государственной опере в июне 2025 года; и этот перечень можно продолжить). Здесь наблюдается пересечение двух осей – собственно культуры и политической

[1] Здесь и далее перевод мой – С.П.

жизни, а в области второй первая становится инструментом идеологического воздействия на массовое сознание. По мнению британского литературоведа Терри Иглтона, это создает опасный прецедент уничтожения эстетического содержания: «…политизировать культуру означало бы лишить ее самой ее сути и тем самым разрушить» (2012: 67). Хотя политическое воздействие и использование, скорее, связано не с полным разрушением самой культуры, но с подменой ее сущности и семантического наполнения. Данное действие не является чем-то неожиданным, что подтверждает мысль Н. А. Бердяева, который так рассуждал о нигилизме XIX века в статье *Культура и политика (К философии новой русской истории)*:

> Разрыв между творчеством культуры и политически настроенной передовой интеллигенцией особенно ярко сказался в 60-е годы, эпоху боевого рационалистического и просветительного нигилизма. Там ясно видны корни этого варварского отношения к культуре. Культурные ценности, самоценные духовные блага были подменены ценностями утилитарно-политическими (1905).

Манипулирование культурой выглядит тенденцией и продолжается в наше время, свидетельством чему являются рассуждения колумниста «Нью-Йорк таймс» («The New York Times») Джемелля Буйи. На примере публикации французского политика Алексиса де Токвиля *Демократия в Америке*, написанной в тридцатые годы XIX века, он обратил внимание на угрозу демократическим ценностям в *культуре отмены*, которая не выступает новым явлением в истории культуры. Действительно, системное ограничение авторских материалов имеет многочисленные подтверждения примерами из истории культуры различных эпох и стран. В публикации журналист отметил:

> The things we associate with «cancel culture» or censoriousness are not unique to us. They aren't unique to a particular faction or ideology either. They are inherent to democracy, an unavoidable part of free society that we can manage and mitigate but never fully eliminate. To see them in these terms is to remember, or to be reminded, that democracy is not benign. It is a powerful force and, at times, a frightening one too (Bouie, 2022).

> [То, что мы ассоциируем с *культурой отмены* или цензурой, не является для нас уникальным. Это также не является уникальным для определенной фракции или идеологии. Это присуще демократии, является неизбежным атрибутом свободного общества, которым мы можем управлять либо смягчать его, но никогда не в состоянии полностью искоренить. Рассматривать это в таких терминах – значит помнить или напоминать, что демократия не является безобидной. Это мощная сила, а порой также пугающая.]

Однако важно подчеркнуть разницу в цензурировании, которое связано с неким политическим, идеологическим давлением на автора с целью скрытия фактов или угрожающих власти, некоему лицу (некой группе) посылов, и *культуре отмены*, когда осуждение уже касается стороны, попадающей под общественное либо административное давление, так как взгляды данного субъекта противоречат общепризнанным нравственным и юридическим нормам. С одной стороны, речь идет о преследовании и ограничении со стороны любой власти (субъекта контроля), когда причины имеют лишь условную правовую оправданность; а с другой стороны, производятся действия в рамках однозначно правового или морального поля. Проблемой является то, что ограничивающая сторона всегда пытается найти самооправдание через нормативное обоснование. В общем смысле можно сказать, что цензура всегда имеет негативную коннотацию, а *культура отмены* – как негативную, так и позитивную. Под цензуру попадает фрагмент текста или целый текст, а культура отмены

касается всего наследия автора через вписывание в определенную культуру, которая подпадает под ограничения и частью которой он является. Такое дифференцирование понятий помогает усилить теория о связи культуры и империализма американского литературоведа Эдварда Саида, который писал:

> The power to narrate, or to block other narratives from forming and emerging, is very important to culture and imperialism, and constitutes one of the main connections between them (1993: xiii).
>
> [Для культуры и империализма большое значение имеет право рассказывать или запрещать другим нарративам возникать и формироваться, и это одна из главных связей между культурой и империализмом[2]].

В данном семантическом поле несколько компромиссно звучит мысль Терри Иглтона, который утверждает, что «все культуры противоречивы» и добавляет: «…культуры сами взращивают силы, которые могут их преобразовывать» (2012: 41). И в то же время далее культуролог констатирует: «Плюралистической культуре поневоле приходится быть дискриминационной, потому что она должна исключать врагов плюрализма» (2012: 68). Появляется и еще одна проблема – подмена характеристик, когда некая правящая группа провозглашает нравственным то, что соответствует ее идеологии, и реализует цензуру против своих «врагов». В качестве примеров можно обратить внимание на наиболее яркие в последнем столетии – сожжение книг в нацистской Германии в 1933 году или фрагментов текстов русского писателя-постмодерниста В. Г. Сорокина в Москве в 2002 году. Этот ряд легко продолжить, а для современных российских авторов, несогласных с официальным курсом власти, на законодательном уровне введен статус «иностранный агент» (иноагент), который означает множество ограничений в их творческой деятельности.

При этом в практической реализации *культуры отмены* также наблюдается отход от изначально в нее заложенных нравственных или правовых установок. Как результат можно наблюдать блокирование некоего творчества исключительно по национальному критерию. Получается, что под лозунгом *культуры отмены* реализуется цензура.

Как нам кажется, именно названные особенности необходимо учитывать при рассмотрении актуального в современности вопроса *культуры отмены*, который всё еще требует более детального анализа. Особенную злободневность данная тема приобрела в сегодняшнем политическом контексте, а также при решении проблемы деколонизации литературы.

2. От рецептивных и цензурных ограничений Ф. М. Достоевского к *культуре отмены*

Вернемся, однако, к изначальной формулировке *культуры отмены*, когда семантической подмены не происходит. Здесь проблема существует не только в теории культуры, но и в общественной, политической, культурной жизни. Одним из авторов, чье наследие в современных социально-политических условиях вошло в «черный список» этой самой *культуры отмены*, стал Ф. М. Достоевский. Причем здесь, скорее, речь идет не о запрете или цензуре его текстов (они по-прежнему остаются в школьной и университетской программах западных стран), а медийно-общественном «шейминге» (осуждении) его мировоззренческих идей, высказанных прежде всего в публицистическом (преимущественно – авторский журнал *Дневник писателя*) и эпистолярном наследии. Существенной особен-

[2] Перевод приведен по: Саид, Э. (2024). *Культура и империализм*. Издательская программа музея «Гараж».

ностью такого неприятия является то, что оно выражено как рецепция писателя в медиаполе (пресса, радио, телевидение, интернет). Согласно мысли немецкого теоретика литературы Ганса Роберта Яусса, который на первое место ставил читателя в рецептивной эстетике, это именно он (читатель) и формирует образ писателя (Jauss, 1999: 126–167). Зачастую читательское мнение, однако, складывается не под влиянием самого текста первоисточника, а на базе рецептивных медиа оценок, которые попадают к потребителю не только в усеченном виде, но иногда и с искажением главного смысла. К тому же ведущими чертами рецепции является субъективность комментариев, эмоциональность и шаблонность восприятия, стереотипность, фактоидность, когда биографическая или историческая правда не являются определяющими, а даже заведомо проигрышны в краткой перспективе понимания. В данных условиях попавшая в медиапространство мысль (независимо от ее значимости и правдивости) начинает существовать как «факт», который при повторении и добавлении к нему новых деталей проходит свое утверждение, начинает восприниматься как правда, но будучи в действительности фактоидом (Pratkanis & Aronson, 2005: 92–106), когда, как в хрестоматийном случае с *Доктором Живаго* Б. Л. Пастернака, «не читал, но осуждаю».

Со своего рода общественной «отменой» Достоевский столкнулся еще при жизни, когда после успеха первого романа *Бедные люди* ожидания читающей «публики» не оправдались от выхода повести *Двойник* и позже иных ранних текстов. Ряд отрицательных оценок приведен в академическом комментарии ко второму произведению, которое названо «весьма слабым» (Ф. В. Булгарин), «грехом против художественной совести» (С. П. Шевырев), «подражанием Гоголю» (К. С. Аксаков), «сочинением патологическим» (А. А. Григорьев) и т. п. (Достоевский, 1972: 490–492). Критик В. Г. Белинский попытался с пониманием подойти к *Двойнику*, указывая на «огромную силу творчества», но также писал о «чудовищных недостатках»: «…И это всё заключается в одном: в неумении слишком богатого силами таланта определять разумную меру и границы художественному развитию задуманной им идеи» (1956: 40). Сам писатель сетовал в письме к брату М. М. Достоевскому от 1 апреля 1846 года из Петербурга:

> Но вот что гадко и мучительно: свои, наши, Белинский и все мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе – критика. Именно: все, все с общего говору, то есть *наши* и вся публика, нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности (1985: 119).

Всё это накладывало решающий отпечаток на читательскую рецепцию, ведущую к уязвленности окончательных оценок и выводов, но исключительно по отношению к эстетической составляющей текстов, что и является существенным отличием от нравственно-правовых координат *культуры отмены*. Поэтому в приведенном примере можно говорить о негативной читательской и исследовательской рецепции, но никак не о *культуре отмены* или цензуре. К тому же данная модель не относится исключительно к Достоевскому и его творчеству.

Позднее, уже после смерти автора, в обширном предисловии (тома II и III) к *Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского*, вышедшему в 1882–1883 гг., критик Н. К. Михайловский оспаривал формулировку о «духовном вожде и божии пророке», называя его «просто крупным и оригинальным писателем», использовав для его характеристики определение «жестокий талант», которое раскрыл в деталях и которое стало решающим в ряде последующих оценок писательского наследия (1957:

181–263). Тезы критика о «сладострастии злобы и жестокости» звучали как предупреждение перед злотворным влиянием на читателя метафизики героев, риском «подвергнуть жестокому воздействию кого-нибудь из персонажей» (1957: 208). При таком рецептивном подходе можно также наблюдать определенную установку на цензурное ограничение художественного наследия писателя, что имело место еще при его жизни. Например, главу *У Тихона* из романа *Бесы* пришлось изъять из основного текста произведения по требованию редакции «Русского вестника». Содержание данного фрагмента редактор М. Н. Катков признал «чересчур реальным», и он не был включен в произведение даже после переработки и «смягчения» описания (Достоевский, 1975: 237–253). Но и в этом случае нет речи о собственно *культуре отмены*, а лишь – частичном цензурировании, хотя нравственная составляющая и была решающей при принятии решения о изъятии этой главы на этапе подготовки произведения.

3. Публицистика Достоевского как предпосылка *культуры отмены*

Термин *культура отмены* в медиапространстве и общественных оценках современности по отношению к писателю базируется только частично на художественном наследии Достоевского, но сущностную идейную основу образуют тексты публицистические и эпистолярные. В то же время нельзя не учитывать, что исторический контекст и параллели с современными реалиями обозначены в прозе, а позже или параллельно они провоцируют обострение в рецепции реакций на видение автором-публицистом национальных вопросов – еврейского, польского, восточного; также на его историко-политические оценки и миропонимание, проявления национализма. Поэтому неслучайно Михайловский утверждал, что «…довольно трудно, едва ли даже возможно говорить о публицистике Достоевского, не касаясь его беллетристики» (1957: 215). Основой здесь становятся выстроенные самим Достоевским четкие антиномии по принципу «свой – чужой» в его текстах: «Россия – Европа», «православие – католицизм», «славянское – антиславянское». Так, литературовед Г. С. Прохоров замечает:

> Россия и Западная Европа – тема одна из самых амбивалентных в публицистике Достоевского (другая, вероятно, – «еврейский вопрос»). Вызов «западничества» проходит сквозь практически всё творческое наследие писателя – от *Бедных людей*, *Объяснений и показаний Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев*, через *Идиот* и *Зимние заметки о летних впечатлениях* до поздних *Братьев Карамазовых* и *Дневника писателя* (2019: 68).

Явные примеры проявления национализма у Достоевского представляют собой его три поэтических текста: *На европейские события в 1854 году*, *На первое июля 1855 года*, *<На коронацию и заключение мира>* (2014: 395–403). В первой «стихотворной оде», обращенной к событиям Крымской войны, и в еще двух последующих, уже К. В. Мочульский увидел, что там «самый неистовый национализм основывается на религиозной миссии русской империи»; и добавил: «Церковно-монархический империализм автора *Дневника писателя* предначертан в патриотических стихах 1854–56 года» (1947: 136; 137). Действительно, национализм, шовинизм и российский мессианизм публицистики, особенно *Дневника писателя* за 1876 год, будет очевиден и ярко выражен. Так, в июньском номере авторского журнала читаем: «Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем буду-

щем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, – не России только, не общеславянскому только, но всечеловечеству» (Достоевский, 1981: 30); далее: «…русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России» (1981: 43); и далее: «…Константинополь – рано ли, поздно ли, должен быть наш…» (1981: 48). Подобные мысли в различных вариациях встречаются многократно на страницах журнала. Ранее в письме к А. Н. Майкову от 18 января 1856 года Достоевский писал в подобном духе из Семипалатинска: «Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее *окончит Россия*» (1985: 208). Всё это свидетельствует о том, что такие взгляды не были случайностью или элементом временных рассуждений и исканий, но выступали сформированной и вполне осмысленной позицией.

Антиевропейским звучанием публицистика Достоевского дополняет подход идеолога панславизма Н. Я. Данилевского, который в своей ключевой работе *Россия и Европа* в 1869 году подытоживал: «В продолжение этой книги мы постоянно проводим мысль, что Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное; что ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны» (1991: 440). Правда, в отличие от Данилевского сам Достоевский не всегда столь радикален; например, в январском номере *Дневника писателя* за 1877 год он писал: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени…» (1983: 23). Звучит как противоречие своим собственным мыслям, высказанным ранее, если их не прочитывать через призму захватнических позиций России. Уже упоминаемый выше Михайловский весьма критично оценивал публицистику Достоевского: «…как публицист был просто путаница, которую все так и признали бы путаницей, если бы не политиканство одних и не холопское умиление других» (1957: 262). Продемонстрированный здесь инструментальный подход к наследию автора проявился и позже, что привело к появлению неожиданных параллелей. Так, польский литературовед Анджей де Лазари, который, отталкиваясь от упомянутых выше стихотворных опытов Достоевского и называя их первым проявлением национализма у писателя, а также углубляясь в его публицистику, делает вывод:

> I nie powinny dziwić nas sugestie Ronalda Hingleya (*The Undiscovered Dostoevsky*, Londyn 1962) o możliwości przeprowadzenia porównań pomiędzy *Dziennikiem pisarza* a *Mein Kampf* (2022).
>
> [Нас не должны удивлять указания Рональда Хингли (*The Undiscovered Dostoyevsky*, Лондон 1962) о возможности проведения сравнения между *Дневником писателя* и *Mein Kampf*.]

4. Идеи Достоевского в современности и война в Украине

Очевиден явный сегодняшний продолжатель и интерпретатор «опасных» идей Достоевского в современности – идеолог евразийства и «русского мира» А. Г. Дугин, взгляды которого во многом сходятся с фашизмом. Он выразил свои мысли о писателе еще в статье *Имя мое – топор (Достоевский и метафизика Петербурга)* в «Независимой газете» в 1996 году. Там Дугин называл Достоевского «главным русским писателем», «писателем, написавшим Россию», «величайшим национальным гением России»; «*Преступление и наказание* – главная книга русской литературы, основополагающий текст русской истории». Далее идеолог определяет три русские столицы – Киев (этническая столица

Руси), Москва (столица нового государства в тезе о «Третьем Риме»), Петербург (столица невозможная, так как представляет собой «четвертый Рим»; это пространство вне Ноева ковчега) – столицы этноса; религиозной сущности; и чуждости, на которой появляется русская литература. Последнюю и создает, согласно Дугину, Достоевский. *Преступление и наказание* при этом – «структурный аналог» с *Капиталом* Маркса, пророчество новой России, «теология богооставленности» – «теология Петербурга» (города без Бога), что контрастирует с утраченным «Третьи Римом» (1997: 286–289). На спорность поставленных тез «в перспективе евразийской доктрины» Дугина обратил внимание польский исследователь Мацей Баля, который указал на «субъективный подход» и подчеркнул:

> Można odnieść wrażenie, iż wizja socjalizmu zaproponowana przez Dugina diametralnie różni się od tej wysuniętej przez Dostojewskiego (Bala, 2017: 21).
>
> [Можно подумать, что видение социализма, предложенное Дугиным, диаметрально отличается от того, что представил Достоевский.]

Хотя о русском «народе-богоносце» Дугин фактически пересказывает тезу Достоевского об избранности:

> Мы, русские, народ богоносный. Поэтому все наши проявления – высокие и низкие, благовидные и ужасающие – освещены не здешними смыслами, лучами иного Града, омыты трансцендентной влагой. В избытке национальной благодати мешается добро и зло, перетекают друг в друга, и внезапно темное просветляется, а белое становится кромешным адом. Мы также непознаваемы, как Абсолют. Мы апофатическая нация. Даже наше Преступление несопоставимо выше нашей добродетели (1997: 291).

Такая идеологическая установка отрицает пятую заповедь «Не убий» (Исх. 20, 13), позволяет сделать убийство оправданным по национальному признаку (слово *Преступление* у идеолога неслучайно написано с прописной буквы). И в этом пункте главное расхождение с миропониманием Достоевского, который вел героя к «воскресению в новую жизнь» через страдание, искупление и покаяние за грех в финале романа. Тогда как для Дугина убийство Раскольникова осмысливается как «акт любви», а потому и Петербург – «это место любви в России, locus amoris» (1997: 296). Происходит подмена понятий, и это не собственно Петербург, а старуха-процентщица выступает здесь символом Запада, с которым топором сражается Раскольников. Это у Дугина и есть символ «творчества» российской истории.

В контексте войны России против Украины такой подход звучит как угроза не только Киеву, но и западной цивилизации, особенно если учесть, что идеолог Дугин имеет прямое влияние на российского президента. Еще до начала полномасштабной войны 11 ноября 2021 года, в день 200-летия со дня рождения писателя, В. В. Путин посетил «Московский дом Достоевского» и написал в книге почетных гостей об авторе как о «гениальном мыслителе и патриоте России» (Лару и Ефремова, 2021). Для Анджея де Лазари это стало символическим жестом в преддверии войны, ибо, по мысли исследователя, «косвенная вина» за ее начало лежит на Достоевском как «российском идеологе крайнего национализма», и именно поэтому сигнал от российской пропаганды ясен: писатель «должен стать моральным авторитетом для россиян», а его «мировоззрение основой новой идеологии страны» (2022). Литературовед категоричен:

Za Buczę i Mariupol Dostojewski jest więc odpowiedzialny tak, jak Hitler z Mussolinim są odpowiedzialni za działania odradzających się ruchów faszystowskich na świecie (2022).

За Бучу и Мариуполь Достоевский поэтому ответствен так, как Гитлер и Муссолини ответственны за действия возрождающихся фашистских движений в мире.

Это и есть те веские аргументы, которые в современности вводят Достоевского в *культуру отмены*. А также это был ответ в публицистической полемике в Польше другому достоеведу Гжегожу Пшебинде, который, называя действия России в Украине преступлением, однако писал:

Za Buczę i Mariupol nie są odpowiedzialni Dostojewski ani Tołstoj. Ani sprawiedliwi Rosjanie, którzy działają przeciw Putinowi nie od dziś (2022).

[За Бучу и Мариуполь не отвечают Достоевский и Толстой. Не отвечают честные россияне, которые действуют против Путина, начиная не с сегодняшнего дня.]

В этом заключен также парадокс между Достоевским гуманистом и националистом. Именно первое выступает в качестве контраргумента при «отмене» писателя. Украинская писательница Оксана Забужко полномасштабное вторжение российских войск в Украину 24 февраля 2022 года назвала «чистым Достоевским»:

Właśnie z tej perspektywy można właściwie zrozumieć tę kampanię. Nietknięta myślą Kanta, czy Kartezjusza, ale także Clausewitza, była to eksplozja czystej, destylowanej złośliwości, długo tłumionej historycznej zawiści i nienawiści, wzmocniona poczuciem absolutnej bezkarności (Lepenies, 2022).

[Именно с такой перспективы можно в общем понять эту кампанию. Нетронутый мыслью Канта или Декарта, но также Клаузевица, это был взрыв чистой, дистиллированной вредности, долго подавляемой исторической зависти и ненависти, усиленный чувством абсолютной безнаказанности.]

Речь идет о том, что несет антиутопическую функцию предупреждения в наследии автора *Преступления и наказания*. А поэтому возложение на него ответственности за войну в Украине выглядит спорным.

5. Противостояние *культуре отмены*

Польский писатель и литературовед Стефан Хвин действия под лозунгом *культуры отмены* называет «мнимой справедливостью» и подчеркивает:

Trzeba pamiętać, że Dostojewski nie był tylko nacjonalistą rosyjskim, i to zupełnie szalonym. <…> Jego powieści wychodzą jednak daleko poza rosyjskie opłotki. On miał bardzo głębokie wyczucie dylematów człowieka nowoczesnego – szczególnie takiego, który ma problemy z doświadczeniem religijnym czy ateistycznym, z rozmaitymi pytaniami teologicznymi i moralnymi, na które trudno znaleźć odpowiedź (Nogaś, 2022).

[Надо помнить, что Достоевский был не только русским националистом, притом – абсолютно сумасшедшим. <…> Его романы всё же выходят далеко за границы русскости. У него очень глубокое чутье современного человека – особенно такого, у которого есть проблемы с религиозным или

атеистическим опытом, с разнообразными теологическими и нравственными вопросами, на которые сложно дать ответ.]

В 2024 году на Зальцбургском фестивале, который является одним из главных событий такого уровня в мире, были представлены сразу две премьеры опер с русскоязычными либретто по романам Ф. М. Достоевского – *Игрок* (в режиссуре Питера Селларса, опера С. С. Прокофьева) и *Идиот* (в режиссуре Кшиштофа Варликовского, опера Мечислава Вайнберга). Постановки не только были замечены критикой как революционные в театральном искусстве, но и восприняты как вызовы «кенселлингу» русской литературы и культуры. В своем эссе, напечатанном в программе фестиваля к опере *Идиот*, драматург Кристиан Лонгшамп пишет:

> The idea of banishing Russian culture is unacceptable. Europe today is precisely about being open to all voices, about rejecting any form of ostracism, about a diversity of visions. Over the past two years, some people in this part of Europe have stopped reading Russian literature and listening to Russian music. But in doing so they are acting like the Russian authorities towards Europe. That would be scandalous. Those who collude with Putin should be condemned, not the works (2024: 93).
>
> [Идея изгнания русской культуры является неприемлемой. Ведь Европа сегодня устремлена к открытости всех голосов, к отрицанию любого остракизма, к разнообразию подходов. В течение двух последних лет некоторые люди в этой части Европы перестали читать русскую литературу и слушать русскую музыку. Но поступая таким образом, они действуют, как российские власти по отношению к Европе. Что было бы недопустимо. Это те, кто служат Путину, должны быть подвергнуты осуждению, но не наследие.]

Преодолением *культуры отмены* на практике становится также герметичный подход по теории «чистого искусства». Такая мысль звучит, например, в романе *Слон*, созданном уже во время российско-украинской войны, современного белорусского писателя, пишущего на русском языке, Саши Филипенки, который изображает конформизм как главную проблему экзистенции сегодняшнего общества: «Великое остается великим, вне зависимости, заполняют ли залы консерваторий слоны или фашисты. Главное, что мы остаемся людьми! Искусство не должно вас воспитывать, не должно приучать к чему-то хорошему, не должно взращивать в вас мораль! Искусство вообще никому ничего не должно!» (2025).

Проблема, однако, остается, так как Достоевский в современности видится теми, кто производит «отмену», как софт-пауэр (мягкая сила) России. Идеи автора в свете имперскости и колониализма прочитываются через призму угроз в постколониальной (неоколониальной) действительности. Только опасность представляет не сам писатель и его тексты, а инструментальное использование его идей и их деформация для влияния на социум, что вписывается в идеологию государства. В то же время утилитарный подход к культуре разрушает ее сущность. Терри Иглтон пишет: «Культура в значении религии, национальности, сексуальности, этничности и т. д. – место жестоких раздоров, так что чем практичнее становится культура, тем труднее ей выполнять роль миротворца, а чем более примиряющей – тем меньше ее эффективность» (2012: 66). Наследие Достоевского оказалось жертвой инструментального использования с одной стороны и *культуры отмены* – с другой. В то же время взгляд на него через призму исследований, ведущих к его переосмыслению, которое будет способствовать деколонизации славянских литератур, представляется современной необходимо-

стью, как, например, попытка подобного рода в работе *Имперские знания: русская литература и колониализм* у литературоведа Эвы Томпсон (2009).

6. Заключение

Таким образом, ограничения для литературы имеют несколько путей: цензура и автоцензура, критические оценки и как результат – снижение читательского интереса к творчеству, наконец, *культура отмены*. Каждый названный вариант имеет свои особенности, но все они ведут к подобной цели – ограничению культуры. Нельзя сказать, однако, что данные механизмы представляют собой абсолютно эффективные методы волюнтаристского регулирования культуры, которая живет и по собственным законам, интерпретируется и воспринимается реципиентами не во всем так, как того желает диктующая сторона. Зачастую запреты могут иметь обратный эффект, пробуждая и чрезмерный интерес к произведениям, и желание их защитить или распространять вопреки ограничениям. Поэтому куда более эффективными могут быть не запреты или «отмена», а толкование и интерпретирование, то есть – просвещение в культуре. В то же время *культура отмены* не является «умерщвлением» культуры, ибо она, будучи материальным явлением, принадлежит прежде всего к сфере духовного. Наследие Достоевского, которое попало под *культуру отмены* в современности, имея для этого ряд причин и обоснований, всё же на данном этапе заключает и надежные спасительные для себя черты – антропоцентризм и универсализм озвученных проблем и тем, а также указание на двойственность собственно русской души. Учитывая эти моменты, логической точкой здесь будет мысль современного русского писателя В. В. Ерофеева в большом интервью Д. И. Гордону 9 февраля 2023 года, уже после начала российской войны против Украины:

> И русская литература во многом виновата. Сейчас многие обрадуются. Русская литература очень подняла маленького человека. Она задрала его так высоко, поставила его на пьедестал, потому что чтобы победить царизм, нужно было сделать из маленького человека страдальца и жертву. Если он говно и никто, то нафиг вообще стараться? И это всё поднялось: макары девушкины выросли, как грибы. Но потом Достоевский, разобравшись, все-таки вместо Макара Девушкина написал Смердякова и оказался более прав. Если мы не берем его политическую зону, где он был всегда неправ. А эта зона – он, конечно, отобразил. И здесь русская литература дала возможность тем самым гнилым утопиям, которые в конечном счете привели к тому, что скоро год как продолжается эта метафизическая схватка (Гордон, 2023).

Результатом этой «схватки» стало ужесточение *культуры отмены* по отношению к русской литературе. При этом важно разграничивать понятия цензуры, негативной рецепции и *культуры отмены*. В последней действует изъятие (или попытка изъятия) наследия Достоевского из общественной и культурной жизни. Художественное и публицистическое наследие писателя, как видно, дает основания к данным действиям, что усиливается в современной идеологической мысли, особенно в контексте политической реальности и войны России против Украины. Также можно отметить инструментальный подход, когда поводом для реализации *культуры отмены* становится лишь показатель национальности писателя и самой культуры, но не аргументированное обоснование. Именно поэтому изучение наследия Достоевского, а также других авторов русской литературы, в таком ключе является необходимостью современного знания, чтобы *культура отмены* не стала определителем варварства и орудием уничтожения достижений целых веков.

Литература

Bala, M. (2017). Zbrodnia i kara Fiodora Dostojewskiego e ujęciu doktryny euroazjatyckiej Aleksandra Dugina. *Kultury Wschodniesłowiańskie – Oblicza i Dialog*, t. VII, ss. 9-22.

Bouie, J. (2022, March 12). Cancel Culture in 1832 Sounded Pretty Fierce. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2022/03/12/opinion/cancel-culture-tocqueville.html

Britannica (2025, May 22), Cancel Culture. *Britannica*. https://www.britannica.com/procon/cancel-culture-debate#pcref-2255516-35

Jauss, H. R. (1999). *Historia literatury jako prowokacja*. Instytut Badań Literackich.

Lazari, de A. (2022, 21 czerwca). To nie przypadek, że tuż przed wojną Putin osobiście otworzył Moskiewski Dom Dostojewskiego. *Gazeta Wyborcza*, *Magazyn Wyborczej*. https://wyborcza.pl/magazyn/7,124059,28603508,to-nie-przypadek-ze-tuz-przed-wojna-putin-osobiscie-otworzyl.html

Lepenies, W. (2022, 22 maja). Dostojewski a wojna w Ukrainie. «To nie jest szaleństwo jednego człowieka». *Onet.pl*. https://www.onet.pl/kultura/onetkultura/rosja-jak-literatura-rosyjska-wyjasnia-mentalnosc-rosjan-dostojewski-a-polityka/psp1cbt,681c1dfa

Longchamp, Ch. (2024). At Twilight – Weinberg, Dostoyevsky and Europe. After Conversation with Krzysztof Warlikowski. In Ch., Longshamp, D., Treffinger (ed.), *Mieczysław Weinberg. Der Idiot* (pp. 86-93). Salzburger Festspiele.

Nogaś, M. (2022, 15 lipca). Stefan Chwin: Dlaczego Dostojewski tak podoba się Putinowi? *Gazeta Wyborcza*. https://wyborcza.pl/7,75517,28642018,co-dostojewski-zrobilby-z-ukraina.html

Pratkanis, A., Aronson, E. (2005). *Wiek propagandy*. PWN.

Przebinda, G. (2022, 11 czerwca). Grzegorz Przebinda: Znam coraz więcej uczciwych Rosjan [POLEMIKA]. *Gazeta Wyborcza*, *Magazyn Wyborczej*. https://wyborcza.pl/magazyn/7,124059,28563713,znam-coraz-wiecej-uczciwych-rosjan.html#s=S.embed_link-K.C-B.1-L.1.zw

Said, W. E. (1993). *Culture and Imperialism*. A Division of Random House, Inc.

Белинский, В. Г. (1956). *Полное собрание сочинений в XIII томах* (т. X). Издательство Академии наук СССР.

Бердяев, Н. А. (1905, апрель–май). Культура и политика (К философии новой русской истории). *Вопросы жизни*. https://ru.wikisource.org/wiki/Культура_и_политика_(Бердяев)

Гордон (2023, 9 февраля). Виктор Ерофеев: Русская литература во многом виновата – она очень подняла маленького человека. *Гордон*. https://gordonua.com/publications/viktor-erofeev-russkaja-literatura-vo-mnohom-vinovata-ona-ochen-podnjala-malenkoho-cheloveka-1649180.html#goog_rewarded

Данилевский, Н. Я. (1991). *Россия и Европа*, Книга.

Достоевский, Ф. М. (1972). *Полное собрание сочинений в тридцати томах* (т. 1). Издательство «Наука».

Достоевский, Ф. М. (1975). *Полное собрание сочинений в тридцати томах* (т. 12). Издательство «Наука».

Достоевский, Ф. М. (1981). *Полное собрание сочинений в тридцати томах* (т. 23). Издательство «Наука».

Достоевский, Ф. М. (1983). *Полное собрание сочинений в тридцати томах* (т. 25). Издательство «Наука».

Достоевский, Ф. М. (1985). *Полное собрание сочинений в тридцати томах* (т. 28 (I)). Издательство «Наука».

Достоевский, Ф. М. (2014). *Полное собрание сочинений и писем: В 35 томах* (т. 2). Наука.

Дугин, А. Г. (1997). Имя мое – топор (Достоевский и метафизика Петербурга). В А. Г., *Дугин, Тамплиеры Пролетариата (национал-большевизм и инициация)* (сс. 286-300). Арктогея.

Иглтон, Т. (2012). *Идея культуры*. Издательский дом Высшей школы экономики.

Лару, Д., Ефремова, Д. (2021, 11 ноября). Дневник для писателя: Владимир Путин посетил «Московский дом Достоевского». Какими экспозициями удивит гостей новый музейный комплекс, открытый к 200-летнему юбилею классика. *Известия*. https://iz.ru/1248522/dmitrii-laru-daria-efremova/dnevnik-dlia-pisatelia-putin-posetil-moskovskii-dom-dostoevskogo

Михайловский, Н. К. (1957). *Литературно-критические статьи*. Государственное издательство художественной литературы.

Мочульский, К. В. (1947). *Достоевский. Жизнь и творчество*. YMCA-PRESS.

Прохоров, Г. С. (2019). Европеизация: русская аристократия, народ, запад в «Дневнике писателя» Достоевского. В В. А., Викторович (ред.), *V Летние чтения в Даровом* (сс. 68-73). Издательский дом «Лига».

Томпсан, Э. (2009). *Песняры імперыі: расійская літаратура і каланіялізм*. Медысонт.

Филипенко, С. (2025). Слон. *Знамя*, № 4. https://znamlit.ru/publication.php?id=9362

FRASEOLOGISMOS COMO REFERENTES CULTURALES EN LA NOVELA *TVRĐAVA* DE MEŠA SELIMOVIĆ Y SU TRADUCCIÓN AL ESPAÑOL

Anđelka Pejović
Universidad de Belgrado

1. Introducción

Los fraseologismos no se forman de manera arbitraria, sino que están semánticamente motivados (Dobrovol'skij y Piirainen, 2006: 28). Algunos deben su motivación a metáforas universales, pero otros se han generado a partir de las experiencias en comunidades lingüísticas y culturales concretas, lo que va a favor de la diversidad interlingüística (Pamies Bertrán, 2008: 43).

La búsqueda de equivalentes en otras lenguas, la búsqueda de «la equivalencia en la diferencia», supone el problema central de la lengua y la lingüística (Jakobson, 1959: 233) y, consecuentemente, de la lingüística contrastiva y la traducción. Teniendo en cuenta que los fraseologismos desempeñan un papel importante en la transmisión de las particularidades culturales de un texto, el objeto de este trabajo consiste en analizar este tipo de expresiones en la novela *Tvrđava* (Selimović, 2011) y sus respectivas traducciones al español. La novela fue publicada en 1970[1], y la traducción al español, publicada en 2022 en Madrid por la editorial Automática, la firma Miguel Roán. El traductor es balcanólogo y desde hace dos décadas investiga sobre estudios balcánicos.

Nuestro interés gira en torno a dos tipos de unidades fraseológicas (UFs): locuciones y fórmulas rutinarias. Las locuciones son unidades fraseológicas prefabricadas que tienen significado unitario, idiomático, generalmente no deducible a partir de los significados de los elementos que constituyen la construcción (Corpas Pastor, 1996: 120). Ese significado traslaticio de las locuciones se genera de distintas maneras: unas veces la expresión contiene un elemento con el significado figurado o una palabra diacrítica, otras veces se basa en hechos históricos, costumbres, etc., y en muchos casos se produce un cambio semántico de la base que ha motivado la locución, mediante mecanismos cognitivos, la metáfora y la metonimia, principalmente (Corpas Pastor, 1996: 119-125). Algunos ejemplos en serbio y en español serían *ne sklopiti oka [no pegar ojo]*; *(ni) prstom ne maknuti [no mover (ni) un dedo]*; etc. El significado de las fórmulas rutinarias es «contextual o conversacional» (Alvarado Ortega, 2008: 94), porque depende de la situación en que se producen o se emplean. Corpas Pastor (1996: 186-213) las clasifica en dos grupos: fórmulas discursivas (por ej. de apertura y cierre y de transición) y fórmulas psicosociales (expresivas, comisivas, directivas, asertivas, rituales). En nuestro corpus se encuentran unidades de este segundo grupo, y algunos ejemplos en los dos idiomas serían *kumim te bogom [por el amor de Dios]; bog te ne ubio [por Dios]*, etc. Por lo tanto, las unidades fraseológicas «son el preservador natural de las creencias, tradiciones y símbolos de un pueblo» (Luque Durán y Manjón Pozas, 2002),

[1] La novela del autor serbio y yugoslavo Meša Selimović es una obra profunda, filosófica, que invita a pensar. El autor pretende entender el mundo y a las personas, formulando numerosas preguntas sobre la vida, la relación entre personas, las emociones, etc., antes que dar su interpretación de las mismas. Su lenguaje es refinado, elegante, solemne, digno y preciso. Uno de los premios literarios serbios más importantes lleva el nombre de este gran autor.

y «el proceso de almacenar información cultural en los fraseologismos es posible gracias a las estructuras conceptuales que subyacen al significado fraseológico» (Zykova, 2013: 424).[2]

Los reflejos de una determinada cultura no están presentes de la misma forma en todas las unidades fraseológicas. En algunos casos, estas unidades ya contienen un elemento de cultura material (nombre de comida, bebida, vestuario, calzado, etc.), o algún topónimo, antropónimo, etc., que como tal a menudo no existe en otras comunidades lingüístico-culturales; por ejemplo, *venderse (algo) como churros*, en español, o *ići/prodavati se kao alva* ['ir / venderse como *alva*': venderse muy bien], en serbio. En otros, el componente cultural se encuentra en el origen de los fraseologismos, como en aquellos basados en hechos históricos o las costumbres de un determinado país y su comunidad lingüística; ese sería el caso de las expresiones provenientes del mundo de la tauromaquia para el español, o, para el serbio, de aquellas basadas en la vida en Serbia bajo el imperio otomano durante varios siglos (Pejović y Trivić, 2018). No obstante, todas ellas, aunque no contengan ningún componente idiosincrásico, tienen «un status mixto cultural-lingüístico», y «para entender, por tanto, las unidades fraseológicas de una lengua es necesario conocer tanto el universo cultural de sus hablantes y su visión del mundo como la competencia metafórica de estos» (Luque Durán y Manjón Pozas, 2002).

Debido a este carácter linguocultural, las unidades fraseológicas presentan uno de los mayores retos para el traductor, quien mediante las palabras construye puentes entre culturas. En este trabajo, nos interesa identificar, mediante el análisis contrastivo, las correspondencias en español de los fraseologismos de dicha novela serbia. Tenemos particular interés en las unidades que se repiten, para averiguar si se traducen de la misma manera o no, y si el contexto influye en su significado y en la traducción. También nos interesa comprobar si hay casos de traducción literal, traducción mediante un solo lexema o traducción errónea; donde se den estas particularidades, intentamos ofrecer posibles equivalentes. Con ello pretendemos contribuir a la lexicografía bilingüe y a los estudios fraseológicos contrastivos.

2. Marco teórico

Dado el hecho de que, en el discurso, las unidades fraseológicas «a menudo son portadoras, no solo de significado denotativo convencionalizado, sino de una fuerte carga emotiva, ya que expresan la actitud del hablante» (Timofeeva, 2007: 1030), en este trabajo adoptamos el enfoque pragmático. La importancia de los valores pragmáticos de los fraseologismos ha sido destacada por numerosos autores (en español, entre otros, Corpas Pastor, 1996; Penadés Martínez, 1997; García-Page Sánchez, 2008; Olza y Manero Richard, 2013; Mellado Blanco, 2015), quienes subrayan el papel del contexto comunicativo, en el que las unidades fraseológicas constituyen actos de habla —o forman parte de ellos— y cumplen diversas funciones ilocutivas. En relación con el uso de estas construcciones en el discurso, también se pone de relieve la importancia de la deixis (personal, temporal, espacial, social, discursiva, etc.) y de las implicaturas conversacionales, elementos necesarios para interpretar el significado de una unidad fraseológica en una situación comunicativa concreta, y para establecer su equivalente en otra lengua.

Como pretendemos encontrar equivalentes en la traducción al español de los fraseologismos identificados en la novela serbia, nos servimos, eminentemente, también de la teoría de la traducción. La traducción «implica dos mensajes equivalentes en dos códigos diferentes»[3] (Jakobson, 1959: 233), y la equivalencia «se asocia con la mayor o la menor preservación de los factores que están relacionados con los niveles

[2] «<…> the process of storing cultural information in phraseologisms is possible owing to the conceptual structures underlying phraseological meaning».
[3] «<…> translation involves two equivalent messages in two different codes».

semántico y pragmático de estas unidades» (Mira Álvarez, 2011: 111). Ello supone un buen conocimiento de la cultura, pero también una competencia interpretativa y comunicativa (Bueno, 2006), con lo cual «la competencia traductora se convierte en este caso en competencia comunicadora» (313).

Aunque la equivalencia suele ir de la total (o absoluta) a la nula, cuando se trata de la traducción de las unidades fraseológicas, Corpas Pastor (2001, 2003) señala que la equivalencia fraseológica absoluta se da principalmente en fraseología denominativa y terminológica, pero que, en realidad, a menudo tiende a ser parcial. La misma autora también habla de «equivalencia aparente», representada en falsos amigos fraseológicos; un ejemplo para el español y el serbio serían *el corazón no es traidor* y *srce ne laže* ['el corazón no miente'], donde la construcción en español «denota el presentimiento que se suele tener de los sucesos futuros, y en serbio, que uno no se equivoca cuando actúa acorde con sus sentimientos» (Trivić, 2011: 235). La equivalencia nula se da cuando «las UFs de la LO denotan realidades no conceptualizadas en la LM» (Nenkova, 2013: 65). En esos casos, el traductor puede recurrir a otras soluciones, como son la traducción mediante un sintagma libre, creación de una construcción nueva, etc. (Zuluaga, 1999: 547).

El tipo de equivalencia más frecuente, parcial, «afecta o a la base metafórica de la unidad o la distinta frecuencia y la distribución de las UFs en ambas lenguas» (Nenkova, 2013: 64), de ahí que sea muy heterogénea. Zuluaga (1998), por ejemplo, destaca las correspondencias parciales (1) «en cuanto al contenido pero no en cuanto a la estructura», (2) «en cuanto a la forma de la expresión y el contenido», (3) «en cuanto al valor semántico».

Para determinar el grado de equivalencia, recurrimos asimismo al análisis contrastivo o, más concretamente, a la fraseología contrastiva, cuyos objetivos son de índole práctica y consisten en la comparación de los fraseologismos de la lengua de origen y la lengua meta para determinar el grado de equivalencia, tanto semántica como funcional (Trivić, 2024: 13). Los resultados obtenidos mediante el método contrastivo son aplicables a la traductología, la lexicografía y fraseografía, pero también a la enseñanza de lenguas extranjeras (Trivić, 2011).

3. Corpus y metodología

El corpus en el que basamos nuestra investigación comprende 98 locuciones y fórmulas rutinarias en serbio, y sus respectivas traducciones al español. Algunas de estas unidades se repiten sin ser traducidas de la misma manera, mientras que otras tienen el mismo equivalente, con lo cual el número total de correspondencias analizadas es 105.

La metodología de trabajo consiste en los siguientes pasos: (1) se han identificado los fraseologismos (locuciones y fórmulas rutinarias) en la novela serbia, y se han extraído manualmente, en su contexto inmediato; (2) se ha confirmado su carácter fraseológico en diccionarios relevantes, fraseológicos y de uso general; (3) se han buscado sus correspondencias en la traducción española y se han extraído, también en su contexto inmediato; (4) se ha comprobado su estatus fraseológico en los diccionarios[4]; (5) se ha hecho una base de datos en formato Excel, para facilitar el análisis; (6) se han determinado grados de equivalencia; (7) se ha analizado la adecuación de los equivalentes, teniendo en cuenta los valores léxico-semánticos, morfosintácticos y pragmáticos de cada unidad en el contexto determinado.

Los diccionarios utilizados para el serbio son *Frazeološki rečnik srpskog jezika* (Otašević, 2012), *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika* (VV. AA., 1990) y *Rečnik srpskoga jezika* (VV. AA., 2007). Para confirmar los fraseologismos en español hemos recurrido a las siguientes obras lexicográficas: *Diccionario fraseológico docu-*

[4] Los diccionarios consultados están incluidos en las Referencias bibliográficas.

mentado del español actual. Locuciones y modismos españoles (Seco, Andrés y Ramos, 2004), en adelante DFDEA, *Diccionario temático de frases hechas* (Rodríguez-Vida, 2011) y la 23.ª edición del *Diccionario de la lengua española* (Real Academia Española, 2015), en adelante DLE. Conviene destacar que el traductor de la novela ha enfrentado la falta de diccionarios fraseológicos bilingües serbio-español/español-serbio. Aunque las equivalencias traductológicas no siempre coincidan con las equivalencias lexicográficas, las indicaciones lexicográficas son importantes y facilitan el proceso de interpretación del texto y la búsqueda de la correspondencia adecuada.

De las 98 expresiones 12 no han sido confirmadas lexicográficamente y las hemos marcado con un doble asterisco (**); no obstante, en unos casos su carácter fraseológico se ha confirmado a partir de numerosos ejemplos en Internet, y en otros consideramos que se trata de fraseologismos modificados.

4. Resultados del análisis del corpus y discusión

El análisis del corpus ha mostrado los tres principales tipos de equivalencia: total, parcial y nula. Las ilustramos a continuación y comentamos casos particulares.

41. Equivalencia total

En esta categoría incluimos 8 fraseologismos que, a pesar de las diferencias inherentes a cada una de las lenguas en cuestión], comparten los componentes léxicos y el significado: *čoveče božji! [hombre de Dios], hvala bogu [gracias a Dios], kule u vazduhu [castillos en el aire], na žeravici (biti, goreti, peći se...) [en ascuas (estar, tener, etc.)], (ni) prstom ne maknuti [no mover (ni) un dedo], padati s neba [caer del cielo], zla krv [mala sangre], žut kao limun [amarillo como un limón]*.

Dichas diferencias consisten en el uso de los artículos en español, que el serbio no conoce como categoría léxica (*u vazduhu [en el aire], s neba [del cielo], prst(om) [un dedo], limun [un limón]*), en el uso de las preposiciones que indican el caso correspondiente (*božji [de Dios], bogu [a Dios]*) y en el orden de las palabras (*ni prstom ne maknuti [no mover ni un dedo]*). Podrían, asimismo, añadirse diferencias más sutiles (por ejemplo, el aspecto verbal que se da en serbio, el radio colocacional de las locuciones *na žeravici* y *en ascuas*, matices de significado de los verbos *maknuti* y *mover*), pero no las consideramos pertinentes, porque no influyen en el significado unitario de dichas construcciones.

4.2 Equivalencia parcial

Este grupo incluye dos tipos de equivalentes parciales en el texto meta (TM).

El primero (Tabla 1) está formado por las unidades que comparten el significado, pero se diferencian en cuanto a la estructura; son 27 fraseologismos serbios, algunos de los que presentan variantes o contienen casillas vacías, y 30 correspondencias en español. Para cada expresión serbia ponemos entre paréntesis la traducción literal (lit.), o el significado, donde la traducción literal no sea posible.

Fraseologismo serbio	**Equivalente parcial en español**
ako boga znaš [lit. 'si sabes de Dios']	*por el amor de Dios*
	qué demonios
aratos te/vas… bilo [maldito sea/malditos seais...; al diablo con...; que te/os lleve el diablo]	*hasta nunca*

bog te (ne) ubio [lit. 'Dios [no] te mate'; se usa generalmente como maldición]	*por Dios*
bože sačuvaj!/ da bog sačuva [lit. 'Dios protege', 'que Dios proteja']	*Dios no lo quiera* *Dios me libre*
čoveče božji! [lit. 'hombre de Dios']	*por Dios*
do gole kože (pokisnuti) [lit. 'hasta la piel desnuda': quedar mojado de la lluvia]	*hasta los huesos*
doći glave (nekome) [lit. 'llegar a la cabeza a alguien']	*costar [a alguien] la vida*
doći pameti [lit. 'llegar a la razón']	*entrar en razón*
đavo da ga nosi/ đavo ga odneo / neka te/ga…vrag nosi etc. [lit. 'que se lo lleve el diablo']	*maldita sea* *llevarse el diablo* *al diablo con*
idi dođavola [lit. 'vete al diablo']	*al diablo con*
ispod oka [lit. 'por debajo del ojo']	*a hurtadillas*
izgubiti pamet [lit. 'perder la razón/la capacidad intelectual/el raciocinio']	*írsele [a alguien] la cabeza* *perder la cabeza*
izvući uši (nekome) [lit. 'sacar las orejas a alguien']	*dar una paliza [a alguien]* *(dar un) tirón de orejas [a alguien]*
kucnuti u drvo [lit. 'tocar en la madera']	*tocar madera*
kumim te bogom ['te lo pido por Dios']	*por el amor de Dios*
neka ti/mu… je (bogom) prosto ['que le sea perdonado por Dios']	*que Dios te/le… perdone*
ni do kolena (biti /ne biti) (nekome, nečemu) [lit. '[[no] ser/ estar a alguien o algo] ni hasta las rodillas']	*no llegar [una persona a otra] a la suela del zapato/ de los zapatos*
obesiti nos [lit. 'colgar la nariz']	*agachar la cabeza*
pasti na um (nekome) [lit. 'caer en la mente [algo a alguien]']	*pasarle [algo a alguien] por la cabeza*
taman posla! [expresión que se usa para negar algo categóricamente]	*de ninguna manera*
udarila ga/je... kap [lit. 'le pegó/dio la gota']	*darle [a alguien] un infarto*
uterati (nekome) pamet u glavu [lit. 'entrar [a alguien] la razón en la cabeza']	*dar una lección [a alguien]*
za nevolju [lit. 'para desgracia']	*a falta de*
***(gledati) kao mrtvo tele* [lit. '[mirar] como a un ternero muerto']	*mirar mal*
***ići podruku* [lit. 'ir bajo la mano']	*(ir) de la mano*
***neka ti/mu… je bog na/u pomoći* [lit. 'que Dios le sea en ayuda']	*que Dios le ampare*

***rahmet mu duši* [lit. 'descanso a su alma']	*que en paz descanse*

Tabla 1: Equivalentes parciales del mismo significado y estructura diferente

En la mayoría de los casos no se presentan diferencias significativas en la base metafórica de las unidades fraseológicas de las dos lenguas, y los constituyentes léxicos a menudo coinciden (*bog [Dios], uši [orejas], ruka [mano],* etc.) o pertenecen al mismo dominio conceptual. Por ejemplo, las unidades con los lexemas *razum* ['razón', 'intelecto'] y *um* ['mente'] en serbio y *cabeza* en español se relacionan con el dominio conceptual de pensar basado en la metáfora universal CABEZA ES OBJETO (Trivić, 2024: 177); en este caso concreto, en la cabeza están situados el 'intelecto' y la 'mente'.

La expresión *hasta nunca*, que se usa como forma de despedida, a una primera vista podría no parecer equivalente a la fórmula *aratos te/vas… bilo*. Sin embargo, cuando se toma en consideración el contexto, donde el protagonista deja un lugar con las personas a las que no desea volver a ver, queda justificada la elección del equivalente español.

Varias unidades fraseológicas serbias tienen más de un equivalente en español. La construcción *ako boga znaš* es polisémica, expresa sorpresa, protesta, reprensión, y se traduce mediante las expresiones *por el amor de Dios* y *qué demonios*. La fórmula *bože sačuvaj!* y su variante *da bog sačuva*, con las que se manifiesta preocupación, miedo de que suceda algo que se ha dicho, negación o rechazo, también tiene dos equivalentes: *Dios no lo quiera* y *Dios me libre*. Para la unidad fraseológica *đavo da ga nosi* (y sus variantes), usada como expresión de enfado y de impaciencia, se registran tres equivalentes: *maldita sea, llevarse el diablo* (*que el diablo te/le… lleve*) y *al diablo con*. Por último, es interesante el caso de la locución *izvući uši (nekome),* lit. ['sacar/tirar de las orejas (a alguien)'], con el significado de 'reprender a alguien', que se traduce mediante *dar una paliza (a alguien)*, en su significado 'fastidiar(le) o aburrir(le) con lo que se dice' (DFDEA) y *(dar) un tirón de orejas*. En el primer caso podía haberse empleado, asimismo, la locución *calentar las orejas*, que tiene el mismo significado que la locución serbia, con la que comparte también la base metafórica: las orejas que se *calientan* al *tirar de* ellas.

La fórmula *bog te (ne) ubio* [lit. 'Dios (no) te mate'] se usa originalmente como forma de maldición, con lo cual hay una diferencia semántico-pragmática en relación con la expresión española *por Dios*, que, según el DFDEA, se usa, entre otros, para «manifestar protesta o reprensión» [en serbio le corresponderían *za ime boga, zaboga*]. Es muy frecuente en serbio y, a partir de numerosos ejemplos, podríamos decir que ha desarrollado un nuevo significado, que en parte coincide con el de *por Dios*, cuando dicha construcción se usa para expresar el enfado y la protesta. Que el significado de la expresión se haya suavizado lo confirma la versión coloquial bastante popular *Bog te ubio, da te ne ubije* [lit. 'Dios te mate, que no te mate'].

Tal y como se presenta en la Tabla 2, en el segundo subgrupo incluimos 6 casos de correspondencias que además de asemejarse en cuanto al significado se parecen también en cuanto a la estructura, pero se diferencian en algún componente léxico:

Fraseologismo serbio	**Equivalente parcial en español**	**Diferencia del componente léxico**
ne sklopiti oka	no pegar ojo	sklopiti [en este caso: 'cerrar'] - pegar
piti krv (kome)	chupar la sangre (a alguien)	piti ['beber'] - chupar
platiti glavom	pagar con su vida	glava ['cabeza'] - vida
začepiti usta (nekome)	cerrar la boca (alguien)	začepiti ['tapar'] - cerrar

imati više sreće nego pameti	tener más estrella que cabeza	sreća [‘suerte’] - estrella; pamet [‘capacidad intelectual, intelecto, razón, juicio’] - cabeza
**kao riba u ribnjaku*	como un pez en una pecera	ribnjak [‘vivero de peces’] -pecera

Tabla 2: Equivalentes parciales con diferencia en cuanto al componente léxico

Las locuciones españolas presentan un alto grado de equivalencia, porque la imagen subyacente es la misma y hay diferencia mínimia del componente léxico, que en las dos lenguas pertenece al mismo campo conceptual. Algunas de las locuciones tienen variantes que coinciden plenamente en las dos lenguas: *začepiti (usta) [tapar* además de *cerrar (la boca)], piti* o *sisati* [‘chupar’] *krv*.

El fraseologismo serbio *imati više sreće nego pameti* parece estar traducido al español mediante una expresión construida a partir de las locuciones *tener [alguien] estrella* [‘ser afortunado’] y *tener la cabeza en su sitio* [‘ser juicioso’].

4.3 Equivalencia nula

Hay un número importante de fraseologismos serbios que parecen no tener un equivalente traductológico de carácter fraseológico en español. En este grupo incluimos aquellos traducidos (1) mediante paráfrasis, (2) mediante una unidad léxica simple y (3) de manera literal.

Se han parafraseado un total de 31 unidades fraseológicas, tal y como se presenta en la Tabla 3. Cada fraseologismo serbio va seguido de una traducción literal de la estructura y el significado; solamente el significado se da en los casos donde no se puedan traducir los elementos constituyentes. En la última columna se ofrecen, donde proceda, posibles equivalentes, parciales, siempre teniendo en cuenta el contexto concreto.[5] Cada uno de ellos ha sido confirmado en al menos una fuente lexicográfica. A continuación, presentamos la tabla:

Fraseologismo serbio	Traducción mediante paráfrasis	Posible equivalente parcial
(h)alal (mu, ti...) vera (expresión con la que se felicita manifestando admiración)	hacer lo correcto	*ole ya/ahí*
baš me/te... briga [lit. ‘qué preocupación’: expresión que indica indiferencia o que uno no se preocupa por algo]	¿qué importancia tiene?	*dar igual, dar lo mismo, ¿qué más da?*
biti nakraj srca [lit. ‘ser/estar al límite del corazón’: enfadarse fácilmente]	ser un desalmado	
blago meni/tebi/njemu... [expresión interjectiva con la que se manifiesta satisfacción, felicidad; también irónicamente]	qué suerte tengo/tienes...	

[5] Por limitaciones de espacio, no se incluyen ejemplos en los que se han empleado fraseologismos analizados.

čudna mi čuda [‘qué milagro tan milagroso’]	¡qué cosas! y se desata el infierno	
džaba ti ga bilo [expresión con la que se manifiesta no satisfacción con algo o alguien]	no lo creo	*en balde, en vano*
kako god (da) okreneš [lit. ‘comoquiera que lo volvieras’]	daba igual lo que hiciera	
[na]praviti majmuna (od nekoga) [lit. ‘hacer mono (de alguien)’]	**convertir en un mono de feria	
ni kriv ni dužan [lit. ‘ni culpable ni endeudado’]	no era culpable ni inocente ni era culpable ni le debía nada a nadie sin razón alguna	*no tener culpa ninguna, tener que ver*
noga mu/joj … se odsekle [lit. ‘se me/le... cortaron las piernas’: asustarse mucho, acobardarse]	ceder las piernas	*bajársele/írsele la sangre a los talones, helársele la sangre en las venas, quedarse sin sangre en las venas/en el cuerpo, temblarle las piernas, encogérsele el corazón/las tripas, estrecharse de ánimo*
pamet u glavu! [lit. ‘razón/juicio a la cabeza’]	usar la cabeza (en imperativo)	*(a)sentar la cabeza* (Trivić, 2024: 46)
pasti [nekome] kamen s vrata [lit. ‘caer la piedra del cuello [a alguien]’]	(se alegraba de que) aquella piedra no colgara más de su cuello	*quitar(se) un peso de encima*
pasti na um [nekome] [lit. ‘caer en la mente (a alguien)’: ocurrírsele algo a alguien]	(parte de un contexto más amplio: «<...> por no decir algo así»)	
pod starost [‘en la vejez’]	en mi vejez	
polaziti [nešto nekome] za rukom [lit. ‘ir de la mano (algo a alguien)’: ir bien algo, sin dificultades, tener éxito en algo]	salir como debiera	*dársele [a alguien]bien/mal [algo]*; *sacar adelante* (Trivić, 2024: 134)
popeti se na vrat (nekome) [lit. ‘subirse al cuello (a alguien)’]	empeorar los problemas	*dar la tabarra*; *dar la lata*
povući reč [lit. ‘retirar la palabra’]	retractarse de sus palabras	(retirar la palabra)
prazna priča [lit. ‘cuento vacío’]	no llegar a ninguna parte	*palabras al aire*; *palabras al viento*

puž golać [lit. 'caracol desnudo (sin concha)': sin bienes, pobre, miserable]	sin trabajo	*más pobre que las ratas/que una rata*; *sin oficio ni beneficio*
rastajati se s dušom [lit. 'separarse del alma': morir]	dejar atrás su alma	*entregar/dar/ rendir* alguien *el alma (a Dios)*
sekira za vrat [lit. 'hacha tras el cuello': grave problema, muerte]	clavar un cuchillo en la espalda	
stati (nekome) na žulj [lit. 'pisar la ampolla (a alguien)': tocar el punto débil, ofender]	interponerse en su camino	*dar en el punto*, *pisar el callo a alguien*
stati na (svoje) noge [lit. 'ponerse a (los/sus) pies']	(estar) asentado... sobre sus propios pies	
tovariti (nešto) na dušu (nekome) [lit. 'cargar (algo) al alma (a alguien)']	hacer recaer el peso de [algo] sobre [alguien]	
uplesti se (kao pile) u kučine [lit. 'enredarse (como un polillo) en estopa']	involucrado en enredos	
uzeti na zub (nekoga) [lit. 'tomar al diente (a alguien)']	agarrarse a uno con los dientes	*tomar/traer a alguien entre dientes, tener a alguien entre cejas/ entre ceja y ceja, traer a alguien sobre ojo, traer entre ojo a alguien*
vrteti se u krugu [lit. 'dar vueltas en el círculo']	seguir en círculos	
zadušna baba [lit. 'abuela de las almas': persona caritativa]	alma de caridad	
zbijeni red[ovi] < zbiti redove [lit. 'filas cerradas' < cerrar filas]	en fila las filas estrechas	*cerrar filas*
da bog sačuva [lit. 'que Dios guarde']	Dios nos tenga protegidos	*Dios nos asista; Dios nos tenga de su mano*
***majka ko majka; zemlja ko zemlja; ljudi ko ljudi* [lit. '(sustantivo) como (sustantivo)': alguien es como es]	ya sabes cómo son las madres; los países son países, las personas son personas	

Tabla 3: Fraseologismos traducidos mediante paráfrasis

Algunas locuciones serbias de este grupo contienen palabras culturalmente marcadas (por ej. los turquismos *(h)alal* o *džaba*) o partículas que matizan el significado connotativo (por ej. *baš*, que se usa para ponderar o resaltar el significado de una palabra o una frase).

En la locución nominal *zadušna baba* la palabra *zadušna* está relacionada con *zadušnice*, que son los días de conmemoración de los difuntos en la tradición ortodoxa serbia. La unidad *zadušna*

baba, por lo tanto, a partir de hacer referencia a la figura folclórica asociada con la muerte o el recuerdo de los muertos obtiene el significado de ['persona caritativa, misericordiosa']. Su equivalente traductológico (parcial) podría ser el sintagma *padre de pobres*, que el diccionario académico define como «hombre muy caritativo y limosnero» (DLE), pero no es una locución y no tiene el mismo grado de expresividad que la locución serbia.

Además de que la ausencia de un equivalente fraseológico conlleva pérdida de la expresividad, algunas veces la construcción con la que se traduce una unidad fraseológica cubre solo una parte del significado; por ejemplo, *puž golać*, que significa ['que no tiene bienes, pobre, miserable'], se traduce *sin trabajo*, que se corresponde con uno de los componentes del significado de la locución serbia.

Mediante una unidad léxica simple se han traducido 10 fraseologismos, presentados en la Tabla 4:

Fraseologismo serbio	**Traducción mediante una unidad léxica simple**
izaći na kraj (s nekim)	competir (con)
kakav-takav	algo (de + sustantivo)
kao bajagi[6]	aparentar (+ sustantivo, empleado en vez del adjetivo de la LO)
na zdravlje mi/ti...	brindar (por)
obesiti nos	decaer (estar decaído)
prelomiti se štap nad nekim	pagar
sterati u ćošak	acorralar
terati šegu (s nekim)	engañar
tvrditi pazar	asegurarse (de)
vratiti milo za drago	vengarse (de)

Tabla 4: Fraseologismos traducidos mediante una unidad léxica simple

En todos los casos, el significado transmitido mediante una unidad léxica simple es correcto; el texto traducido, como es de esperar, pierde en cuanto a la expresividad, porque el lexema correspondiente en la lengua meta suele aportar un significado denotativo general y menos preciso. En algunos casos podrían considerarse equivalentes parciales; por ejemplo: *pagar el pato* o *pagar los platos* en vez de solo *pagar*; *tomar el pelo, estar de broma, hacer mofa, dar cordeleja*, etc., en vez de *engañar*; *(meter, poner, tener a alguien) en un puño* en vez de acorralar; *pagar con la misma moneda* en vez de vengarse.

A la traducción literal se ha recurrido en los siguientes 5 casos, representados en la Tabla 5:

Fraseologismo serbio	**Traducción literal**	**Significado**
turati ruku u džep (mašiti se za džep, segnuti u džep)	meter la mano en el bolsillo	pagar
kao za inat	como si fuera por *inat*	por despecho

[6] *Bajagi* es un turquismo que significa 'como, como si'.

***tkati na dva razboja*	tejer en en dos telares al mismo tiempo	apoyar dos bandos contrarios a la vez, ser hipócrita, intentar sacar provecho de los dos lados'
***tri ovce ne bi mogao čuvati*	no sabría cuidar ni a tres ovejas	ser inútil, inhábil, inservible
***(za)svirati na svoju sviralu* (lit. 'tocar en su propia flauta')	tocar su propia melodía	empezar a hablar sin impedimentos

Tabla 5: Fraseologismos traducidos literalmente

La expresión *kao za inat* (parecido a 'por despecho') contiene el turquismo *inat*, «forma de despecho, orgullo y cabezonería integrada en los códigos balcánicos, consistente en actuar desde la convicción con independencia de que los resultados de dicha acción tengan costes negativos para quien la ejerce» (Selimović, 2022: 74, nota 24), que el traductor reconoce como culturema y no lo traduce [*como si fuera por]* inat. La expresión *tkati na dva razboja* puede considerarse sinónimo de la locución *sedeti na dve stolice* [lit. 'estar sentado en dos sillas'], cuyo equivalente en español sería *jugar con dos barajas*. La construcción *(za)svirati na svoju sviralu* es la modificación de la locución *zasvirati/svirati u (nečije) diple* (['tocar en el *diple* de alguien'], donde *diple* es un instrumento de viento tradicional en el sureste de Europa, un tipo de flauta doble), cuyo significado es «estar bajo la influencia de alguien» (Otašević, 2012). El significado de esta locución modificada es «empezar a hablar sin impedimentos», y su equivalente parcial en español podría ser *destrabar la lengua*. Finalmente, la expresión *tri ovce ne bi mogao čuvati*, aunque no está incluida en ninguno de los diccionarios consultados, se emplea con bastante frecuencia, en distintas versiones: *ne bih mu/ti... dao ni ovce da mi čuva*, *ne bih mu/ti… dao ni nacrtanu ovcu da mi čuvaš,* etc. Con esta fórmula se hace referencia a una persona que el hablante considera inútil, inhábil, inservible, por lo que no le confiaría ni la tarea más sencilla. Sus posibles equivalentes parciales en español podrían ser *la espada de Bernardo, ni pincha ni corta; ser la carabina de Ambrosio; no servir más que para tranca del infierno*; las primeras dos contienen un nombre propio español, con lo cual podrían no ser soluciones idóneas en este caso concreto, teniendo en cuenta la época y el país donde se sitúa la trama de la novela.

4.4 Traducción errónea

Se han identificado 7 fraseologismos traducidos mediante una unidad fraseológica o una construcción libre que difiere en cuanto al significado. En la última columna de la Tabla 6 proponemos posibles equivalentes parciales en español, donde consideramos que los haya, y al final comentamos los casos más interesantes.

Fraseologismo serbio	**Traducción errónea**	**Posibles equivalentes parciales**
(h)alal (mu, ti...) vera (expresión con la que se felicita manifestando admiración)	buena suerte	*ole ya/ahí*
krstiti se od čuda [lit. 'santiguarse/hacerse cruces de milagro': manifestar asombro, extrañeza]	cruzarse de brazos	*hacerse cruces*
nakrivo nasađen [lit. 'mal puesto': de mal humor, mal carácter]	no tenerlas todas consigo	*andar/estar de malas, estar de mal aire, estar de mala uva, no estar con sus alfileres* etc.

pasti na um (nekome) [lit. 'caer en la mente a alguien': venirle a la mente, acordarse de una persona]	descuidar (oración negativa en LO)	*traer a la memoria*; *hacer memoria* (venir a la mente)
upreti/pokazati prstom (na/u koga) [lit. 'mostrar con el dedo (a alguien)']	poner la cruz en la frente	*señalar a alguien con el dedo*
***kao na drvenim nogama* [lit. 'como en las piernas de madera': rígido, tieso, torpe]	con pies de plomo	*faltar a alguien los pies*; *de una pieza*
***teško (nekome), teško x(nekome) sa (nekim)* [expresa lástima, pena, compasión]	no le será fácil	*pobre de (alguien)*
	mala suerte para (alguien)	

Tabla 6: Traducción errónea

La comparación *kao na drvenim nogama* parece ser una expresión formada a partir de la comparativa estereotipada *kao na staklenim nogama* [lit. 'como en los pies de vidrio': débil, inestable, inseguro] y el adjetivo *drven* [lit. 'de madera'], en su significado 'rígido, tieso, torpe'. La locución española *con pies de plomo* significa 'con cautela, con prudencia'. Aunque la imagen de fondo sea parecida, alude a acción distinta. Posibles equivalentes parciales podrían ser *de una pieza* o *faltar a alguien los pies*.

En cuanto a la construcción interjectiva *teško (nekome), teško (nekome) sa (nekim)*, es muy frecuente en serbio. Se compone de la interjección *tȅško*, que no hay que confundir con el adverbio *téško* ['difícil(mente)']. Siempre se emplea con un sustativo o pronombre personal en dativo y significa ['pobre de']. También puede expresar amenaza.

4.5 Fraseologismos omitidos en la traducción

Cuatro unidades fraseológicas del texto original han sido omitidas en la traducción. A continuación, en la Tabla 7, ofrecemos posibles equivalentes parciales:

Fraseologismos serbios omitidos en la traducción	**Posible equivalente parcial**
ni (za) pedalj	ni *un palmo*
pustiti (nečiju) krv	*correr (la) sangre/ haber sangre*
sastavljati kraj s krajem	*llegar a fin de mes*
**đene-đene	*así así*; *más o menos*

Tabla 7: Fraseologismos omitidos en la traducción

El contenido semántico de las unidades *ni za pedalj* y *sastavljati kraj s krajem* no se ha compensado en la traducción, quizás porque dichos frasologismos no contribuyan sustancialmente al significado de la oración. En el caso de *đene-đene*, puede decirse que el sentido se ha compensado parcialmente, ampliando la continuación de la oración. El empleo de la expresión *pustiti nečiju krv* es interesante: a nuestro juicio, el autor juega con el significado literal e idiomático de la construcción, de ahí que el traductor no la traduzca mediante una unidad fraseológica, sino que mantenga la interpretación literal.

5. Conclusión

A partir del análisis llevado a cabo, se concluye que el traductor de la novela en la gran mayoría de los casos ha reconocido las unidades fraseológicas en el texto original y ha transmitido su significado al texto meta, sirviéndose para ello de varios procedimientos.

De un total de 98 construcciones (algunas de las que presentan variantes), para 41 de ellas se han encontrado equivalentes fraseológicos: 8 totales y 36 parciales. En la mayoría de los casos, no hay diferencias significativas en la base metafórica de las unidades fraseológicas equivalentes de las dos lenguas, y los constituyentes léxicos de dichas expresiones a menudo pertenecen al mismo dominio conceptual. Para 46 unidades no se ha encontrado un equivalente fraseológico, sino que se ha recurrido a otros procedimientos, comunes para la equivalencia nula: traducción mediante paráfrasis o descripción del significado (35), traducción mediante una unidad léxica simple (10) y traducción literal (5). La traducción puede considerarse no acertada en 7 casos, mientras que 4 fraseologismos se han omitido en la traducción (en 1 de ellos el significado se ha compensado parcialmente, mediante la ampliación de la segunda parte de la oración).

El mayor número de las unidades fraseológicas contienen el lexema *bog* ['Dios'] o *davo* ['diablo']. Varias unidades fraseológicas se repiten (*pasti na um, bože sačuvaj/da bog sačuva, obesiti nos,* etc.), y no siempre se traducen de la misma manera, debido a diferencias del contexto. Consideramos que ello va a favor de la complejidad del significado fraseológico, que a veces es difuso y se adapta a o se modela en el contexto inmediato. De ahí que los equivalentes de las unidades fraseológicas en el texto meta sean «funcionales» (Luque Durán y Manjón Pozas, 2002; González Rey, 2015), ligados precisamente a contextos concretos.

Esperamos que las observaciones presentadas en este trabajo contribuyan a la lexicografía bilingüe del serbio y el español, y a la fraseología contrastiva de estas dos lenguas.

Bibliografía

Alvarado Ortega, M.ª B. (2008). *Las formulas rutinarias en el español actual* [Tesis doctoral, Universidad de Alicante]. https://rua.ua.es/server/api/core/bitstreams/d135b109-b245-458a-b2ae-fca43b63137d/content

Bueno, N. (2006). Estrategias de traducción de las expresiones idiomáticas desde un punto de vista intercultural. En P. Blanco & P. Martino (Eds.), *Traducción y Multiculturalidad* (pp. 309-319). Universidad Complutense. https://cvc.cervantes.es/lengua/iulmyt/pdf/traduccion_multiculturalidad/32_bueno.pdf

Corpas Pastor, G. (1996). *Manual de fraseología española.* Gredos.

Corpas Pastor, G. (2001). Corrientes actuales de la investigación fraseológica en Europa. *Euskera*, XLVI, 21-49. https://www.euskaltzaindia.eus/dok/euskera/25886.pdf

Corpas Pastor, G. (2003). *Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos.* Vervuert.

Dobrovol'skij, D., & Piirainen, E. (2006). Cultural knowledge and idioms. *International Journal of English Studies*, 6, 27-41. https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2143263

García-Page Sánchez, M. (2008). *Introducción a la fraseología española. Estudio de las locuciones.* Anthropos.

González Rey, M.ª I. (2015). Fraseologización e idiomatización en traducción literaria. En G. Conde Tarrío, P. Mogorrón Huerta, M. Martí Sánchez, & D. Prieto García-Seco (Eds.), *Enfoques actuales para la traducción fraseológica y paremiológica* (pp. 143-160). https://cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/n6_conde/gonzalez.htm

Jakobson, R. (1959). On Linguistic Aspects of Translation. In R. Brower (Ed.), *On Translation* (pp. 232-239). Harvard University Press.

Luque Durán, J. D., & Manjón Pozas, F. J. (2002). Claves culturales del diseño de las lenguas: fundamentos de tipología fraseológica. http://elies.rediris.es/elies16/Claves.html

Mellado Blanco, C. (2015). Fraseografía y Pragmática: de binomio extraño a pareja bien avenida en el ámbito hispánico y alemán. *Meletes Phraseologias kai Paroimiologias*, *14*(1), 39-57.

Mira Álvarez, G. D. (2011). La equivalencia en la traducción de las unidades fraseológicas. Un estudio empírico. *Íkala*, *27*(16), 105-131. https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=255019722004

Nenkova, V. (2013). Sobre la traducción paremiológica. Análisis contrastivo español-búlgaro. *Colindancias*, 4, 59–68. https://colindancias.uvt.ro/index.php/dj/article/view/125

Olza, I. & Manero Richard, E. (2013). Introducción: el necesario «giro pragmático» en la Fraseología. En I. Olza & E. Manero Richard (Eds.), *Fraseopragmática* (pp. 7-19). Frank & Timme.

Otašević, Đ. (2012). *Frazeološki rečnik srpskog jezika*. Prometej.

Pamies Bertrán, A. (2008). Productividad fraseológica y competencia metafórica (inter)cultural. *Paremia*, 17, 41–58. https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/017/004_pamies.pdf

Pejović, A., & Trivić, A. (2018). Algunos elementos idiosincrásicos en la fraseología serbia en comparación con la española. En A. Pamies, I. M.ª Balsas & A. Magdalena (Eds.), *Lenguaje figurado y competencia interlingüística (I). Aspectos teóricos* (pp. 101-114). Comares.

Penadés Martínez, I. (1997). Aproximación pragmática a las unidades fraseológicas. En R. Escavy Zamora, E. Hernández Sánches, J. M. Hernández Terrés, & M.ª. I. López Martínez (Eds.). *Homenaje al Profesor A. Roldá* (pp. 411-426). Vol. 1. Universidad de Murcia.

Real Academia Española. (2015). *Diccionario de la lengua española* (23.ª edición). https://www.rae.es/

Rodríguez-Vida, S. (2011). *Diccionario temático de frases hechas*. Octaedro.

Seco, M., Andrés, O., & Ramos, G. (2004). *Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles*. Aguilar.

Selimović, M. (2011). *Tvrđava*. Marso. (Libro original publicado en 1970)

Selimović, M. (2022). *La fortaleza*. (Miguel Roán, ed. y trad.). Automática.

Timofeeva, L. (2007). Sobre la traducción de la fraseología. Un enfoque pragmático. *Interlingüística,* 17, 1029–1038.

Trivić, A. (2011). Equivalencias traductológicas de ciertas locuciones del español y serbio contemporáneo. *Journal of Linguistic and Intercultural Education JoLIE*, *4*, 21-238. http://jolie.uab.ro/upload/9_120_15.pdf

Trivić, A. (2024). *Somatska frazeologija španskog i srpskog jezika*. Filozofski fakultet Univerziteta u Beogradu.

VV. AA. (1990). *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*. Matica srpska/Matica hrvatska.

VV. AA. (2007). *Rečnik srpskoga jezika*. Matica srpska.

Zuluaga, A. (1998). Análisis y traducción de unidades fraseológicas desautomatizadas. *Lingüística y Literatura*, *34/35*, 203-220. https://web.fu-berlin.de/phin/phin16/p16t5.htm

Zuluaga, A. (1999). Traductología y fraseología. *Paremia*, 8, 537-549. https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/008/085_zuluaga.pdf

Zykova, I. (2013). Phraseological Meaning as a Mechanism of Cultural Memory. *Research on Phraseology Across Continents. Vol. 2*. (pp. 422-441). University of Bialystok Publishing House. https://iling-ran.ru/zykova/phraseological_meaning.pdf

JEZIČNA ODSTUPANJA U OVLADAVANJU HRVATSKIM JEZIKOM KOD POLAZNIKA S UKRAJINSKOGA GOVORNOG PODRUČJA: KOMUNIKACIJSKI ASPEKTI

Lesia Petrovska
KNS Taras Ševčenko / Filozofski fakultet u Zagrebu
Tanja Diklić
Filozofski fakultet u Rijeci

1. Uvod

Poteškoće i prepreke koje nastaju pri ovladavanju inim jezikom predmetom su brojnih istraživanja – u okvirima ovladavanja inim jezikom (OVIJ-a) i glotodidaktike. U oba je slučaja glavni cilj davanje znanstveno utemeljenih smjernica o tome kako što učinkovitije oblikovati nastavu stranih jezika (Medved Krajnović, 2010). U poučavanju nekih velikih svjetskih jezika (posebno engleskoga, ali i drugih), koji su u školskom i sveučilišnom sustavu diljem svijeta zastupljeni već dugo vremena, danas se koriste učinkovite metodike, koje su već prošle temeljnu dugoročnu aprobaciju, a progresija učenja je dobro razrađena, utvrđena i provjerena (Udier i Čilaš, 2005). S druge strane, metodika nastave hrvatskoga kao inoga jezika (kao i većine drugih slavenskih jezika) na samim je počecima razvoja jer je interes za učenjem izvan same zemlje nastao relativno nedavno (Banković-Mandić i Čilaš Mikulić, 2016), pa je do sada, uz iznimku sveučilišnih studija, pojava radije sporadična nego redovita[1].

Istovremeno se u zadnje vrijeme drastično povećala potreba za nastavom hrvatskoga kao inoga jezika kao posljedica intenzivnih migracijskih procesa s kojima se Hrvatska suočava posljednjih godina: uključivanje inozemnih radnika u unutarnje gospodarstvo, državni programi povrata osoba hrvatskoga podrijetla iz inozemstva, kao i integracija stranih državljana koji su se našli na području Hrvatske uslijed oružanih sukoba u njihovima matičnim zemljama. Riječ je o doseljenicima s Bliskoga istoka te – u posljednje tri godine – Ukrajine. Cilj je tečajeva hrvatskoga kao inoga jezika namijenjenoga toj skupini polaznika pružiti temeljno početno znanja hrvatskog jezika za njihovu bržu integraciju u hrvatsko društvo[2].

Radi postizanja tih ciljeva, tj. za učinkovito stjecanje jezičnih kompetencija i za bržu integraciju polaznika, kod razrade tečaja hrvatskoga jezika polazi se od dvaju preduvjeta: 1. stjecanja komunikacijskih kompetencija u inojezičnom okruženju kao temeljnoj potrebi (Bagarić i Mihaljević Djigunović, 2007; Canale i Swain, 1980, 1981; Jelaska, 2005; Savignon, 1972, 1983; Udier, 2018) i 2. srodnosti jezika koji se uči (hrvatski) i jezika koji je polaznicima materinski (ukrajinski ili ruski). Doseljenici iz Ukrajine s Hrvatima čine zajednički kulturološki i jezični slavenski prostor. Postoji stereotip da se Slaveni lakše prilagođavaju i integriraju u hrvatsko društvo, tj. lakše uče jezik i usvajaju kulturu nego migranti iz drugih, udaljenijih zemalja (Gulešić

[1] Kao dobar primjer hrvatskim glotodidaktičarima može poslužiti poljska glotodidaktika koja je relativno mlada disciplina, ali istovremeno ima jako dobro razrađene metode nastave poljskoga kao inoga jezika (Zbyr, 2024).

[2] S obzirom na to da polaznici spadaju u socijalno ranjivu skupinu (u ovom slučaju, to su osobe koje čine skupinu prisilnih migranata iz ratnim zbivanjima pogođenih područja), rad u takvim grupama predstavlja određeni izazov za nastavnika, koji nema samo ulogu nastavnika jezika, nego u isto vrijeme preuzima ulogu kulturnoga medijatora, pa donekle i psihologa.

Machata i Machata, 2014). Međutim, unatoč kulturnoj i jezičnoj bliskosti, ovladavanje hrvatskim jezikom Ukrajincima predstavlja mnoge izazove, isto kao i kulturološki aspekti. Općenito se smatra da su prednosti u ovladavanju slavenskim jezicima veće od nedostataka, pa Slaveni brže uče slavenske jezike od drugih polaznika (Gulešić Machata i Machata, 2014), a ovim se istraživanjem želi istražiti je li to slučaj i pri ovladavanju hrvatskim jezikom kod polaznika s ukrajinskoga govornoga područja. Pritom se razmatraju komunikacijske barijere i odstupanja kod odraslih ukrajinskih polaznika do kojih dolazi pri ovladavanju hrvatskim kao inim jezikom (J2). Dosad objavljeni radovi koji se bave utjecajem srodnih jezika na inojezični hrvatski bave se uglavnom odstupanjima i prijenosima govornika kojima su materinski jezici slovenski, slovački, srpski ili poljski, a ovaj rad se bavi utjecajem ukrajinskoga i ruskoga jezika na ovladavanje hrvatskim kao inim jezikom s ciljem pružanja dodatnih uvida i produbljivanja postojećih saznanja o utjecaju srodnih (u ovom slučaju, slavenskih) jezika na inojezični hrvatski. Na hrvatskomu su se području usporedbom hrvatskoga, ruskoga i ukrajinskoga jezika u brojnim radovima bavili M. Popović i R. Trostinska (2002, 2009a, 2009b, 2020).

2. Komunikacijske barijere

Budući da je naglasak na komunikacijskom aspektu, valja naglasiti da je to izravno povezano s pojmom koji znamo kao komunikacijske barijere. Komunikacijske barijere razmatraju se u okviru socijalne psihologije (u kontekstu socio-psiholoških problema i međuljudske interakcije), ali i u metodologiji poučavanja stranih jezika identificiranjem uzroka njihove pojave i načina njihova prevladavanja (Rink, 2024). U slučaju ukrajinskih polaznika koji se u Hrvatskoj nalaze zbog prisilnih migracija, može se izdvojiti pet čimbenika (Petrovska, 2025) koji čine glavne preduvjete komunikacijskih barijera, odnosno poteškoća i prepreka: 1. dob, 2. obrazovanje i zanimanje, 3. poznavanje drugih stranih jezika, 4. prevladavajuća dvojezičnost Ukrajinaca i 5. srodnost između materinskoga jezika polaznika (J1) i hrvatskoga jezika (J2).

1. Dob. Općepoznato je da s godinama proces učenja postaje teži (Medved Krajnović, 2010). Međutim, osim isključivo kognitivnih mehanizama, govori se i o većoj manifestaciji psiholoških barijera. Može se opaziti kako je starijim ljudima teže upamtiti gramatičke strukture. Istovremeno se među polaznicima starije dobi javlja fenomen koji se može opisati kao jezični perfekcionizam: strah od pogreške u gramatičkoj strukturi ne dopušta im proizvodnju fraza na razini elementarnih konstrukcija. Strah od pogreške manifestira se kao psihološka barijera kako se ne bi osramotili pred mlađim polaznicima unutar skupine na tečajevima hrvatskoga jezika[3] ili ispali smiješni u očima izvornih govornika hrvatskoga jezika.

2. Obrazovanje i zanimanje. Osobe koje se bave zanimanjima koja podrazumijevaju aktivan verbalni aspekt uz prisutnost razvijenih komunikacijskih sposobnosti (učitelji, frizeri, psihoterapeuti, menadžeri itd.) imaju veću motivaciju za učenje jezika i očekivano lakše ovladavaju stranim jezikom. Međutim, vrlo se često opaža fenomen suprotan očekivanom: osobe radničkih zanimanja brže i lakše stupaju u govorni kontakt s lokalnim stanovništvom, dok visokoobrazovane osobe sporije razvijaju komunikacijske vještine (Petrovska, 2025). Razlog je tomu što takve osobe imaju razvijen vokabular u materinskome jeziku, a navika korištenja složenijih sintaktičkih konstrukcija u materinskome jeziku projicira se u želju za korištenjem identičnih struktura u hrvatskome, što otežava komunikaciju na svakodnevnoj razini, zbog toga što te osobe još nisu stekle dovoljne jezične kompetencije (na razini vokabulara i gramatike). Za razliku od toga, osoba

[3] Tečajeve hrvatskoga jezika u Zagrebu i Rijeci koji su bili organizirani isključivo za Ukrajince činile su jezično homogene skupine (J1 je bio ukrajinski ili ruski), ali je bila riječ o heterogenim skupinama po dobi, pri čemu su najmlađi polaznici imali 18, a najstariji 82 godine.

s jednostavnim vokabularom materinskoga jezika neće graditi složenije rečenice, pa će isti pristup koristiti i na stranome jeziku.

3. Poznavanje drugih jezika. Na ovladavanje novim jezikom utječu i drugi strani jezici kojima je netko ovladao (Jelaska, 2005). U slučaju odraslih ukrajinskih polaznika, može se izdvojiti poznavanje engleskoga jezika kao demotivirajući faktor (Petrovska, 2025). Osobama koje se služe engleskim u inojezičnoj sredini ta vještina postaje psihološkim temeljem u slučaju komunikacijskih potreba. Drugim riječima, one znaju da uvijek mogu komunicirati na engleskome jeziku, pa se nerado upuštaju u učenje hrvatskoga. S druge strane, poznavanje drugih jezika pomaže u ovladavanju novim stranim jezikom, u ovom slučaju hrvatskim, zato što kod takvih polaznika već postoji određeno iskustvo učenja stranoga jezika, oni razumiju strukturu jezika i samostalno primjenjuju vlastite razvijene modele u učenju. Međutim, istovremeno se često primjećuje kako znanje drugoga jezika ometa ovladavanje novim jezikom: polaznici se stalno «vraćaju» strukturama ranije ovladanoga stranog jezika (npr. kod čitanja hrvatske latinice *c* se čita kao /k/, *j* kao /dž/, dok se *r* izgovara umekšano pod utjecajem engleskoga jezika; osobe koje govore poljski ili bugarski će dugo čuvati intonaciju poljskoga, odnosno bugarskoga jezika, i sl.). Taj se fenomen zadržava dugoročno: jednom naučeno, teško se mijenja.

4. Prevladavajuća dvojezičnost Ukrajinaca. Dvojezičnost se može smatrati jednim od ključnih čimbenika, koji je usko povezan sa sljedećim, a to je srodstvo hrvatskoga i materinskoga jezika polaznika. Gotovo svi Ukrajinci su dvojezični s dominantnim ukrajinskim ili ruskim (ovisno o regiji podrijetla). Više poteškoća u ovladavanju hrvatskim nastaje kod polaznika kojima je dominantan jezik ruski. Činjenica je da je ruski jezik kroz ukrajinsku povijest postao svojevrsna *lingua franca* tijekom zadnjeg stoljeća, dosljedno istiskujući ukrajinski. Na takav način stečeni ruski postao je jezik prestiža, izguravši ukrajinski na periferiju jezične svijesti kod više generacija na velikom području Ukrajine. S obzirom na činjenicu bliske srodnosti između ukrajinskoga, usvojenoga ruskog i stranoga jezika koji se uči (u ovom slučaju hrvatskoga), kod tih se govornika strani hrvatski i periferni ukrajinski miješaju od samih početaka upoznavanja s hrvatskim jezikom. U tim se slučajevima ne povlače jasne granice između ukrajinskoga, koji se sve više pomiče prema periferiji i hrvatskoga koji još nije stekao aktivni status (Petrovska, 2025). Stoga, kada Ukrajinci s dominantnim ruskim spontano pokušavaju govoriti hrvatski, možemo čuti svojevrsnu mješavinu ukrajinskoga i hrvatskoga jezika. Govornici nisu svjesni pogrešaka (korištenja ukrajinskih riječi kada govore hrvatski i obrnuto, korištenja hrvatskih riječi kada govore ukrajinski), pa se ta pojava zadržava dugoročno.

5. Srodnost između materinskoga jezika polaznika (J1) i hrvatskoga jezika (J2). Postoji pravilo da je sve veći broj jezika sve lakše učiti, a posebnu ulogu u tome imaju srodni jezici (Jelaska, 2005). Srodnost između hrvatskoga i materinskoga jezika doseljenika iz Ukrajine može se smatrati ključnim preduvjetom u razvoju komunikacijskih vještina. Hrvatski, ukrajinski i ruski pripadaju skupini slavenskih jezika s mnogim zajedničkim tipološkim značajkama. Ta činjenica Ukrajincima omogućava lakše ovladavanje hrvatskim jezikom na razini razumijevanja, što je dokazom pozitivnoga međujezičnog utjecaja (Medved Krajnović, 2010). Čak uz minimalno početno poznavanje hrvatskoga, većina Ukrajinaca bez obzira na svoj dominantni materinski jezik, razumije značenje izgovorenoga i može komunicirati u većini svakodnevnih situacija. Međutim, ono što predstavlja važnu točku jest nesklad između opsega razumijevanja hrvatskoga jezika i sposobnosti samostalne proizvodnje jezičnih struktura na hrvatskome jeziku. Govornik koji razumije rečeno stvara lažnu predodžbu o već stečenoj jezičnoj kompetenciji i pri pokušaju sastavljanja govornih konstrukcija oslanja se na svoje znanje materinskoga jezika pri čemu dolazi do brojnih odstupanja i negativnoga međujezičnog utjecaja.

Svih pet analiziranih čimbenika ima podjednako pozitivan i negativan utjecaj na proces ovladavanja jezikom. Razumijevanje ovih preduvjeta nužan je element u odabiru strategije poučavanja hrvatskoga jezika za ovu specifičnu kategoriju polaznika, isto kao i činjenica da je fokus i dalje na pružanju jezičnih znanja kako bi se razvile komunikacijske kompetencije. Zato se u nastavnoj praksi polazi od stava da bi se program takvoga tečaja trebao značajno razlikovati od onoga namijenjenog studentima sveučilišnih studija ili polaznicima redovnih jezičnih tečajeva. Ključno je razumjeti da se radi o osobama iz ranjive skupine koje su se našle u drugoj zemlji, te stoga trebaju brzo steći elementarne komunikacijske vještine za sporazumijevanje u svakodnevnim situacijama i za moguće zapošljavanje, imajući na umu i činjenicu da se psihološki čimbenici (budući da je riječ o prisilnim migracijama) u nastanku komunikacijskih barijera ne mogu i ne smiju zanemariti. Stoga je cilj učenja jezika određen stjecanjem komunikacijske kompetencije jer je krajnji cilj polaznika komunikacija, uz pružanje elementarnog uvida u hrvatsku kulturu u njezinu širokom smislu, s određenim povijesnim i geografskim aspektima te upoznavanje s društvenim smjernicama današnjice. Najvažniji je pritom princip praktična uporabljivost naučenoga za uspostavljanje osnovnoga sporazumijevanja (Udier i Čilaš, 2005). Iako je riječ o ovladavanju genetski srodnim jezikom, kao i u slučaju drugih neizvornih govornika hrvatskoga jezika kao inojezičnoga, tako i kod polaznika s ukrajinskoga govornog područja dolazi do različitih odstupanja od norme.

3. Odstupanja

Odstupanja su otkloni od norme jezika koji se uči i obilježjem su svakoga učeničkog međujezika (Gulešić-Machata i Udier, 2008). Postoje različite podjele odstupanja, pa se često dijele na prijenosna, razvojna i jedinstvena odstupanja (Ellis, 2003). Prijenosna odstupanja nastaju zbog utjecaja prvoga jezika (primjerice, ukrajinskoga ili ruskoga) na strani jezik (hrvatski). Razvojna se pojavljuju tijekom učenja, nevezano za prvi jezik, a jedinstvena su posebna kategorija koja ne spada ni u prijenosna ni u razvojna. Gulešić-Machata i Udier (2008) odstupanja dijele na izvorna i neizvorna. Izvorna su ona koja se pojavljuju u jeziku izvornih govornika, ali ne ometaju sporazumijevanje i sastavnicom su komunikacijske kompetencije. Neizvorna odstupanja se pojavljuju isključivo u iskazima neizvornih govornika, na svim jezičnim razinama. Prema Jelaski (2005), odstupanja su dokazom jezičnoga razvoja, a razlikuju se odstupanja po razinama: fonetskoj, fonološkoj, morfološkoj, sintaktičkoj, semantičkoj, pragmatičkoj i kulturološkoj, a moguća su odstupanja i na nekoliko razina istovremeno.

U Hrvatskoj se nekoliko radova bavi odstupanjima u hrvatskome kao inome jeziku. Primjerice, Macan i Kolaković, 2008 istražuju prijenosna odstupanja govornika njemačkoga jezika, a Jelaska i Lalli Paćelat, 2014 se bave usporedbom zatvorničkih sljedova u sredini riječi u talijanskome i hrvatskome jeziku jer su najčešća odstupanja govornika talijanskoga jezika pri ovladavanju hrvatskim jezikom upravo vezana za razlike u zatvorničkim sljedovima u sredini riječi u talijanskome i hrvatskome jeziku.

Utjecajem se srodnih jezika na inojezični hrvatski bave istraživanja Požgaj Hadži (1999, 2002) na primjeru govornika kojima je prvi jezik slovenski, a Gulešić (2003) i Gulešić Machata i Machata (2014) na primjeru govornika slovačkoga jezika. Podboj (2013) i Kodrić i Vidović Bolt (2013) bave se odstupanjima govornika poljskoga jezika, dok se Jelaska i Hržica (2002, 2005) bave prijenosom iz srpskoga jezika. Rezultati svih ovih istraživanja pokazuju da je ovladavanje srodnim jezicima (u ovom slučaju slavenskim) različito od ovladavanja nesrodnim jezicima jer u tom procesu postoji određena početna prednost zbog brojnih zajedničkih gramatičkih kategorija i zajedničkih leksema. Iako se vjeruje da Slaveni obično brže uče druge slavenske jezike od ostalih polaznika, nerijetko se tvrdnja o smanjenu teretu učenja srodnih jezika ipak dovodi u

pitanje (Gulešić Machata i Machata, 2014; Kodrić i Vidović Bolt, 2013). Srodnost među jezicima može biti uzrokom komunikacijskih barijera jer razumijevanje i reprodukcija nisu uvijek na identičnoj razini ovladanosti jezikom, kao u slučaju promatranih polaznika hrvatskoga jezika s ukrajinskoga govornog područja.

4. Metodologija

Analiza je odstupanja polaznika hrvatskoga jezika s ukrajinskoga govornoga područja provedena na korpusu pisanih tekstova i temelji se na prikazu slučaja. Odabran je prigodni neprobabilistički uzorak od 200 sudionika čiji su tekstovi nastali u zimskome i ljetnome semestru akademske godine 2023./2024. Sudionici su odrasli polaznici (u dobi od 18 do 82 godine) s ukrajinskoga govornog područja[4], odnosno raseljene osobe iz Ukrajine sa statusom privremene zaštite u Republici Hrvatskoj, koji su pohađali tečajeve hrvatskoga jezika u Zagrebu i na Filozofskome fakultetu u Rijeci[5] na početnoj razini (A1) i srednjoj početnoj razini (A2) prema ZEROJ- u. Sudionicima je objašnjeno da je njihovo sudjelovanje dobrovoljno i da mogu odustati u bilo kojem trenutku. Pisali su jednostavne tekstove o sebi, svojoj obitelji, životu u Hrvatskoj, poslu koji rade ili žele raditi. Neke tekstove su pisali na nastavi, a neki su rezultat domaćega uratka. Najprije su analizirani tekstovi svakoga sudionika pojedinačno, zatim su uspoređivani svi tekstovi unutar iste skupine (razina A1, odnosno A2), a na kraju su uspoređivani tekstovi dviju jezičnih razina.

Budući da je među polaznicima hrvatskoga jezika kao inoga sve više polaznika koji dolaze s ukrajinskoga govornog područja, cilj je ovoga istraživanja identificirati jezična odstupanja u ovladavanju hrvatskim kao ciljnim jezikom kod odraslih polaznika s ukrajinskoga govornog područja na fonološkoj, morfološkoj, sintaktičkoj i leksičkoj razini. S obzirom na cilj istraživanja postavljaju se dva istraživačka pitanja:

> IP1: Koja se odstupanja pojavljuju na fonološkoj, morfološkoj, sintaktičkoj i leksičkoj razini pri ovladavanju hrvatskim jezikom na razinama A1 i A2 kod govornika s ukrajinskoga govornog područja?
> IP2: Na kojoj se jezičnoj razini pojavljuje najveći broj odstupanja govornika s ukrajinskoga govornog područja pri ovladavanju hrvatskim jezikom na razinama A1 i A2?

5. Rezultati istraživanja i rasprava

Budući da je riječ o korpusu od 200 pisanih tekstova, promatrana su odstupanja ukrajinskih polaznika na početnim razinama ovladavanja hrvatskim jezikom na sljedećim jezičnim razinama: fonološkoj, morfološkoj, sintaktičkoj i leksičkoj. Odstupanja na fonetskoj, pragmatičkoj i kulturološkoj razini (Jelaska, 2005) nisu predmetom ovoga istraživanja.

5. 1. Fonološka odstupanja

Fonološka su odstupanja češća kod polaznika na A1 razini, nego kod polaznika na A2 razini, a pretpostavka je da su rezultatom prijenosa pravila iz materinskoga jezika (ukrajinskoga i(li) ruskoga).

Dolazi do:

1. izostavljanja fonema *j*: *iz *Ukraine* (umj. *Ukrajine*)
2. nepostojanja opreke *č/ć*: **zadaču, *sviječe, *kuča, *kčeri, *ćarape* (umj. *zadaću, sviječe, kuća, kćeri, čarape*)
3. dodavanja fonema: **šestdeset, *petdeset, *četvertkom* (umj. *šezdeset, pedeset, četvrtkom*)

[4] Budući da pojam «ukrajinsko govorno područje» obuhvaća govornike koji svojim materinskim jezikom (J1) smatraju ukrajinski ili ruski, a ponekad i oba jezika (dvojezičari), pri objašnjavanju odstupanja posebnu pozornost obraćamo na odstupanja koja su se u praksi, kroz nastavu, pokazala češćima kod govornika kojima je J1 ukrajinski ili kod govornika kojima je J1 ruski. Sva ona odstupanja koja su tipična za jedne i za druge govornike, ne napominjemo posebno, smatrajući da će za buduća istraživanja, ali i u nastavnoj praksi, najkorisnijim biti upravo prikaz razlika među govornicima kojima je J1 ukrajinski i govornicima kojima je J1 ruski.

[5] Tečajevi su bili organizirani na inicijativu nevladinih organizacija JRS i Caritasa u Zagrebu i Rijeci.

4. zamjene fonema: **osem* (umj. *osam)*
5. zamjene bezvučnog zvučnim zatvornikom: **nizka, *sladka* (umj. *niska, slatka*).

Analiza fonoloških odstupanja ukazuje na nepotpunu ovladanost hrvatskim fonološkim sustavom i prijenos fonološkoga sustava materinskoga jezika. Govornici kojima je prvi jezik ruski, prema pravilima ruskoga jezika, izostavljaju fonem *j* (1). Nepostojanje opreke *č*/*ć* je također nerijetko izvornim odstupanjem govornika kojima je hrvatski jezik materinski (npr. Jukić 2019), ali je prisutan i kod govornika s ukrajinskoga govornog područja jer njihov materinski jezik (ukrajinski i(li) ruski) ne razlikuje foneme *č* i *ć* (2). Ova odstupanja ostaju prisutna i na A2 razini. Dodavanje (3) i zamjena fonema (4) te zamjena bezvučnoga zvučnim zatvornikom (5) u skladu su s izgovorom i pravopisom ukrajinskoga i ruskoga jezika i možemo pretpostaviti da su posljedicom međujezičnoga utjecaja J1 na J2.

Svi primjeri fonoloških odstupanja zastupljeni su kod ukrajinskih polaznika na A1 razini, dok kod polaznika na A2 razini uglavnom nestaju. Iznimka je zadržavanje nepostojanja opreke *č*/*ć*, a kako to spada i u izvorna odstupanja izvornih govornika hrvatskoga jezika, ovo se odstupanje ne mora nužno interpretirati kao negativan prijenos iz materinskoga jezika. Naime, polaznici se u susretu s izvornim govornicima susreću s inačicama koje ne pripadaju standardnom jeziku (Gulešić-Machata i Udier, 2008), ali i s odstupanjima u izgovoru *č* i *ć*, pa fonološka odstupanja u primjerima (2) mogu biti i rezultatom usvajanja jezika komunikacijom s izvornim govornicima.

5. 2. Morfološka odstupanja

Morfološka su odstupanja najbrojnija na objema razinama. Česta su odstupanja u uporabi glagolskih oblika, pri čemu se uočava:

6. izostavljanje kopule: **On iz Kijeva*, kao i pomoćnoga glagola *biti* u perfektu **on bio, *mi pili, *vi jele* ili **ti bil, *on pil* (umj. *On je iz Kijeva, on je bio, mi smo pili, vi ste jele, ti si bio, ti si pio).*
7. pogrešan odabir nastavka glagola za prezent: *on *govore/žive, mama *kuhaje, ja *gledaju* (umj. *on govori/živi, mama kuha, ja gledam)* te kod glagola na *-ovati*: **kupovajemo, *doručkovam* (umj. *kupujem, doručkujem)*
8. neispravna negacija glagola *imati: *ne ima, *ne imamo* (umj. *nema, nemamo*) i *htjeti*: **ne hoću, *ne hoćemo* (umj.*neću, nećemo)*
9. infinitiv od *reći: Kako to *rećiti?* (umj. *Kako to reći?*)
10. poteškoće pri uporabi povratnih glagola u svim glagolskim oblicima*: *se tuširam, *se ona kupala, *on ne se kupao, *ona ne plivala, *mi ne se tuširali* (umj. *tuširam se, ona se kupala, on se nije kupao, ona nije plivala, mi se nismo tuširali*)
11. glagoli koji u hrvatskom jeziku nisu povratni, rabe se kao povratni; *moj dan *se počeo rano, on *se uči na fakultetu* (umj. *moj dan je počeo rano, on uči/studira na fakultetu).*

Primjeri (6), (7) i (8) u skladu su s morfološkim pravilima ukrajinskoga i ruskoga jezika u kojima se ne rabi pomoćni glagol *biti* u prezentu i perfektu, a nastavci u prezentu glagola, kao i negacija glagola razlikuju se od nastavaka i negacije u hrvatskome jeziku. Dok je izostavljanje kopule u (6) rezultatom prijenosa u slučaju kada su materinski jezici ukrajinski i ruski, primjeri **ti bil, *on pil* ukazuju na prijenos isključivo iz ruskoga jezika. Primjer (9) vrlo je često odstupanje mnogih polaznika koji ne razlikuju oblike infinitiva na -ti i -ći i stoga se primjećuje sklonost k izjednačavanju svih infinitiva na -ti. Primjeri (10) ukazuju na najčešća morfološka odstupanja među polaznicima s ukrajinskoga govornog područja, budući da J1 povratno-po-

svojnu zamjenicu shvaća isključivo kao postfiks[6] i ona je dijelom glagola, pa se u slučaju uporabe istih glagola u hrvatskome, pojavljuju poteškoće ponajprije s redom riječi zato što se u hrvatskome jeziku povratno-posvojna zamjenica *se* piše odvojeno od glagola. Primjeri (11) su također vezani za kategoriju povratnosti glagola koja se ponekad ne poklapa u J1 i hrvatskome, primjerice *početi, učiti* (nepovratni glagoli u hrvatskome) ≠ початися, вчитися / начаться, учиться (povratni glagoli u ukrajinskome i ruskome).

Odstupanja kod imenskih riječi i prijedloga:

12. množina od čovjek*: to su *čovjeki* (umj. *To su ljudi.)*
13. imenice o>l*: on je išal na *posal, moj *anđel* (umj. *on je išao na posao, moj anđeo*)
14. neispravni padežni oblici: akuzativ množine *zna *jeziki, gledam *filmovi* (umj. *zna jezike, gledam filmove*) i lokativ imena zemalja na *-ska, -ška, -čka*: *Živim u *Njemačke. Prag je u *Češke.* (umj. *Živim u Njemačkoj. Prag je u Češkoj.*)
15. neprovođenje sibilarizacije: **v knjigi, *v Rijeke* (umj. *u knjizi, u Rijeci)*
16. brojna odstupanja kod oblika čestotnih imenica *obitelj, dijete/djeca: Radim sendvič *obitelju. Kupim banani *djecami.* (umj. *Radim sendvič obitelji. Kupujem banane djeci.*)
17. odstupanja u kategoriji gramatičkoga roda: **ukusan banan, *velika problema* (umj. *ukusna banana, veliki problem)* i *dvije tisuće *prvog godine / u dvije tisuće *prvom* (umj. *dvije tisuće prve godine, u dvije tisuće prvoj)*
18. pogrešni oblici osobnih zamjenica: *to je za *njego, zanima *jih* (umj. *to je za njega, zanima ih*)
19. predikatni instrumental: *On je *predsjednikom.* (umj. *On je predsjednik.*)
20. dodavanje *-ši* u komparativu: **bjelši, *jačši, *boljši* (umj. *bjelji, jači, bolji*)
21. odstupanja u uporabi prijedloga: **u vikend, *o pet sati, *to ovisi od +G* (umj. *za vikend, u pet sati, to ovisi o + L*).

Odstupanja su kod imenskih riječi i prijedloga brojna i događaju se u jednakoj mjeri na A1 i A2 razini poznavanja hrvatskoga jezika. Pritom najčešće dolazi do pogrešne uporabe padežnih nastavaka imenica kao u (14), (16) i (19), neprovođenja sibilarizacije kao u (15) ili vokalizacije (13), a česta su pojava i odstupanja u rodu (17). Do odstupanja u kategoriji roda uglavnom dolazi kod posuđenica koje zvuče isto i imaju isto značenje, ali se njihov gramatički rod u hrvatskome i materinskome jeziku ne poklapa. Primjerice, riječ *banana* je u hrvatskome jeziku ženskoga rada, a u ukrajinskome i ruskome je riječ *банан* muškoga roda, dok je u hrvatskome riječ *problem* muškoga roda, a u ukrajinskome i ruskome je *проблема* ženskoga roda. Najčešća odstupanja na A2 razini događaju se kod uporabe datuma, jer je imenica *godina* u hrvatskome jeziku ženskoga roda, u ukrajinskome je *рік* muškoga roda, kao i *год* u ruskome. Kako se u svima trima slavenskim jezicima brojevi deklliniraju prema rodu imenice, otuda kao rezultat međujezičnoga utjecaja u hrvatskome jeziku primjeri poput *dvije tisuće *prvog godine / u dvije tisuće *prvom* (analogijom s ukrajinskim ili ruskim jezikom, imenica godina se smatra imenicom muškoga roda, pa se brojevi mijenjaju prema toj deklinaciji). Primjer (18) pokazuje neovladanost kratkim oblicima osobnih zamjenica (enklitika) jer se prema analogiji s ukrajinskim ili ruskim jezikom rabe naglašeni (tzv. dugi) oblici. Primjeri (20) također pokazuju prijenos iz materinskoga jezika u kojem se u većini slučajeva komparativ tvori dodavanjem sufiksa *-ši*, dok u hrvatskome sufiks *-ši* u komparativu imaju samo tri pridjeva (*ljepši, mekši, lakši*), a komparativ se najčešće tvori dodavanjem sufiksa *-ji* ili *-iji*. Česta su odstupanja kod oblika čestotnih imenica *obitelj* i *dijete/djeca* (16) zbog činjenice da imenica *dijete* u hrvatskome jeziku u jednini ima proširenu osnovu, a u množini nepravilan oblik koji se deklinira kao ženski rod jednine, dok je imenica *obitelj* imenica ženskoga roda na suglasnik, a inojezični je govornici redovito deklliniraju kao imenice muškoga roda zbog toga što na suglasnik obično završavaju imenice muškoga roda.

[6] Danas se u gramatikama ukrajinskoga i ruskoga književnoga jezika na -ся i -сь gleda kao na postfiks tj. kao na morfem postfiksa.

5.3. Sintaktička odstupanja

Na sintaktičkoj razini također susrećemo tipična odstupanja, bez obzira na to što početne razine učenja jezika podrazumijevaju jednostavnije jezične strukture. Ovdje možemo izdvojiti:

22. red riječi: **Ana probudila se. *Ana je probudila se. *Nemoj drogirati se. *Za vikend bila sam. *Sam kupila poklon. *Nam je drago.* (umj. *Ana se probudila. Nemoj se drogirati. Za vikend sam bila. Kupila sam poklon. Drago nam je.*
23. upotrebu veznika *a*: **Nije odjeća, a modni dodatak.; *Nije kava, a čaj.* (umj. *Nije odjeća, nego modni dodatak. Nije kava, nego čaj.)*
24. umjesto veznika *da* koristi se veznik *što*: *Mislim *što… Nadam se *što...* (umj. *Mislim da… Nadam se da…)*
25. pogrešni oblici osobnih zamjenica: *Zanima *nju kazalište. Zanima *mene film. *Sviđa se meni moj posao.* (umj. *Zanima je kazalište. Zanima me film. Sviđa mi se moj posao.)*
26. nesročnost subjekt-glagol: *Djeca*nije smjela.* (umj. *Djeca nisu smjela.)*

Odstupanja u uporabi veznika *a* (23) pri ovladavanju inojezičnim hrvatskim dijele i neki drugi govornici, ukrajinskome i ruskome jeziku nesrodnih jezika, dok je uporaba veznika *što* umjesto *da* (24) tipična za govornike ukrajinskoga, ruskoga i poljskoga jezika (dakle, hrvatskome srodnih jezika). Budući da se hrvatski s jedne i ukrajinski i ruski jezik s druge strane razlikuju u pozicioniranju enklitika, pretpostavka je da su odstupanja u (22) rezultatom međujezičnoga utjecaja, dok su odstupanja u (25) rezultatom činjenice da hrvatski jezik razlikuje kratki i dugi oblik osobnih zamjenica, pri čemu je kratki oblik učestaliji, dok u ukrajinskome i ruskome jeziku postoji samo jedan oblik koji odgovara hrvatskome dugom obliku zamjenica (znači, nije riječ o enklitici). Stoga, uzroke neovladanosti na sintaktičkoj razini, možemo potražiti u neovladanosti oblicima ličnih zamjenica na morfološkoj razini (18). Na isti se način nesročnost između imenice i glagola (26) na sintaktičkoj razini može objasniti kao posljedica neovladanosti oblicima imenice *dijete-djeca* na morfološkoj razini (16).

5.4. Leksička odstupanja

Leksička se odstupanja uočavaju prvenstveno kao:

27. lažni prijatelji u neprikladnim značenjima odabranih riječi:

**Najbolje voli kuhati.* (umj. *Najviše voli kuhati.*)
*Volim *hodati u teretanu.* (umj. *Volim ići u teretanu.*)
*Na maturi sjedim između *stijena.* (umj. *Na maturi sjedim između zidova.)*
*Ćekam te pet *godina.* (umj. *Čekam te pet sati.)*
*Mladenka ima ljepu *suknju.* (umj. *Mladenka ima lijepu haljinu.)*
*Ujutro uvijek *bježim.* (umj. *Ujutro uvijek trčim.)*
*On slomil *palac.* (umj. *On je slomio prst.)*
*Ne znam *to slovo.* (umj. *Ne znam tu riječ.)*
*Kineski je *trudan jezik.* (umj. *Kineski je težak jezik.)*
*Volim tu *povijest.* (umj. *Volim tu priču.*)
*Rođena sam u *lipnju.* (umj. *Rođena sam u srpnju.*)
*Ja nju ne razumijem, jako je *divna.* (umj. *Ja je ne razumijem, jako je čudna.)*

**Učim se na fakultetu.* (umj. *Studiram na fakultetu.*)

28. nepostojeće riječi, posebno toponimi, prema njihovu izgovoru i pravopisu u materinskome jeziku:

*Ja bila u *Triestu.* (umj. *Ja sam bila u Trstu.*)
*Oni bili u *Vidnju.* (umj. *Oni su bili u Beču.*)
*Idemo u *Budapešt.* (umj. *Idemo u Budimpeštu.)*
*Volimo *Adriatičesko more.* (umj. *Volimo Jadransko more.*)

U brojnim se primjerima u (27) i (28) osim odstupanja na leksičkoj razini, mogu uočiti i druga, posebno gramatička odstupanja na morfološkoj razini, što je potvrdom da se odstupanja mogu događati i na nekoliko razina istovremeno (Jelaska 2005). U srodnim su jezicima brojne riječi sličnoga ili istoga oblika, a sasvim različitoga značenja jer je međujezična homonimija u tim slučajevima obvezna pojava (Popović i Trostinska, 2009b). Nazivi mjeseci su uvijek uzrokom brojnih odstupanja kod polaznika kojima je prvi jezik ukrajinski jer su neki nazivi u hrvatskome i ukrajinskome isti (*siječanj, travanj, lipanj, srpanj, listopad*), ali samo je *siječanj* u oba jezika naziv za prvi mjesec, dok je u hrvatskome *travanj* naziv za 4., a u ukrajinskome 5. mjesec; *lipanj* je u hrvatskome 6., a u ukrajinskome 7. mjesec itd. Do sličnih rezultata vezanih za leksička odstupanja kod naziva mjeseci je došlo i istraživanje Kodrić i Vidović Bolt (2013) s polaznicima kojima je poljski jezik materinski jezik. Naime, u hrvatskome, ukrajinskome i poljskome jeziku nazivi za mjesece su najčešće povezani s prirodnim pojavama i poljoprivrednim radovima, dok se u ruskome jeziku koriste međunarodni termini za nazive mjeseci. Odstupanja u nazivima mjeseci su stoga karakteristična za govornike s ukrajinskoga govornoga područja kojima je prvi jezik ukrajinski. Leksička su odstupanja, posebno u primjerima (27) jedan od glavnih uzroka nesporazuma u komunikaciji između izvornih hrvatskih govornika i govornika s ukrajinskoga govornog područja.

6. Zaključak

Analizom se pisanih radova odraslih polaznika s ukrajinskoga govornog područja na A1 i A2 razini ovladanosti hrvatskim jezikom uočavaju odstupanja na svim jezičnim razinama: fonološkoj, morfološkoj, sintaktičkoj i leksičkoj, ali je najviše leksičkih i gramatičkih (morfoloških i sintaktičkih) odstupanja. Fonoloških odstupanja je više na A1 razini, dok su ta odstupanja na A2 razini više iznimkom, nego pravilom. Izuzetak je samo nepostojanje opreke *č/ć* koje se zadržava i na višim razinama. U genetski srodnim jezicima gramatička su i leksička odstupanja (posebno međujezična homonimija) najčešća, a to je pokazalo i ovo istraživanje, pa to daje smjernice na što bi se trebalo fokusirati u budućim istraživanjima, ali i u nastavnoj praksi. Naslanjajući se na ranija istraživanja o ovladavanju srodnim jezicima (Gulešić, 2003; Gulešić Machata i Machata, 2014; Jelaska i Hržica, 2002, 2005; Kodrić i Vidović Bolt, 2013; Podboj 2013; Požgaj Hadži, 1999), ovo istraživanje je nastojalo produbiti spoznaje u području ovladavanja srodnim jezikom i dati smjernice kako doprinijeti procesima ovladavanja hrvatskim jezikom kod govornika kojima su materinski jezici ukrajinski i ruski, nastavljajući se na prethodne kontrastivne analize Popovića i Trostinske (2002, 2009a, 2009b, 2020). Rezultati pokazuje da srodnost među J1 i J2 olakšava ovladavanje J2, ali istovremeno može biti i nedostatkom u ovladavanju jezikom jer može biti uzrokom brojnih jezičnih odstupanja i jednim od ključnih preduvjeta komunikacijskih barijera. Budući da su sudionici ovoga istraživanja specifična socijalno ranjiva skupina, uz čimbenike dobi, obrazovanja i zanimanja, poznavanja drugih jezika, prevladavajuće

dvojezičnosti polaznika i srodnosti između hrvatskoga (J2) i ukrajinskoga ili ruskoga (J1), pri razmatranju komunikacijskih barijera u obzir treba uzeti i psihološke čimbenike.

Moguća su ograničenja rada u tome što su neka od prikupljenih jezičnih odstupanja svojstvena isključivo govornicima kojima su J1 ukrajinski ili ruski, dok neka dijele i govornici drugih srodnih jezika s istim obilježjima (primjerice, poljskoga jezika). Budući da analize odstupanja pomažu u otkrivanju i razjašnjavanju negativnih prijenosa kako bi nastava bila što uspješnija (Banković-Mandić i Čilaš Mikulić, 2016), buduća bi se istraživanja mogla fokusirati na identificiranje razlika u odstupanjima pri ovladavanju hrvatskim kao inim jezikom među govornica srodnih J1, posebno slavenskih.

Nadalje, iako je većina prikazanih odstupanja objašnjena negativnim prijenosom iz materinskoga jezika, brojni polaznici s ukrajinskoga govornog područja govore i neke druge slavenske jezike (npr. poljski, češki ili bugarski), pa odstupanja mogu biti i rezultatom prijenosa iz nekoga drugog slavenskoga jezika. U radu se također ne osvrće detaljnije na odstupanja u prijedlozima koji su iznimno bitni jer onima koji nemaju izvornogovorničku kompetenciju nisu sasvim logični (Udier i Čilaš, 2005). Situacija postaje još složenijom, uzme li se u obzir činjenica da se uz glagole koji u hrvatskome i ukrajinskome ili ruskome zvuče slično i imaju isto značenje koriste drugačiji prijedlozi koji zahtijevaju druge padeže (naveden je samo jedan ogledni primjer pod (21), pa je to također jednim od područja kojim bi se mogla baviti buduća istraživanja kako bi se mogle dati opće smjernice za razvoj programa i nastavnih materijala prilagođenih toj skupini polaznika tečajeva inojezičnoga hrvatskoga.

Bibliografija

Bagarić, V. i Mihaljević Djigunović, J. (2007). Defining communicative competence. *Metodika*, *8*(1), 94-103. https://hrcak.srce.hr/file/42651

Banković-Mandić, I. i Čilaš Mikulić, M. (2016). Hrvatski kao drugi i strani jezik iz sveučilišne perspektive. *Croatica*, *XL*, 60, 121-138. https://hrcak.srce.hr/file/257511

Canale, M., i Swain, M. (1980). Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied Linguistics*, *1*, 1-47. https://doi.org/10.1093/applin/I.1.1

Canale, M., i Swain, M. (1981). A Theoretical Framework for Communicative Competence. U: A. Palmer, P. Groot i G. Trosper (ur.), *The construct validation of test of communicative competence* (pp. 31-36). Washington, DC: TESOL.

Ellis, R. (2003). *Second Language Acquisition* (9. izdanje). Oxford University Press. https://doi.org/10.5785/10-1-248

Gulešić, M. (2003). Srodnost dvaju jezičnih sustava – prednost i/ili nedostatak u usvajanju jezika. U: D. Stolac, N. Ivanetić i B. Pritchard (ur.), *Psiholingvistika i kognitivna znanost* (pp. 189-303). HDPL. https://hfiloloskod.hr/wp-content/uploads/2013/02/Lahor5.pdf

Gulešić-Machata, M., Udier, S. L. (2008). Izvorna odstupanja u hrvatskome kao inojezičnome. *Lahor*, *5*, 19-33. https://hrcak.srce.hr/31986

Gulešić-Machata, M, Machata, M. (2014). *Tako slični, a tako različiti: srodni jezici i brojevne riječi* (izlaganje). HIDIS.

Jelaska, Z., Hržica, G. (2002). Poteškoće u učenju srodnih jezika: prevođenje sa srpskoga i hrvatskoga. *Jezik*, *49*(3), 91-104. https://hrcak.srce.hr/252764

Jelaska, Z., Hržica, G. (2005). Utjecaj srodnih jezika: hrvatski i srpski. U: Z. Jelaska i sur. (ur.), *Hrvatski kao drugi i strani jezik* (pp. 286-306). Hrvatska sveučilišna naklada.

Jelaska, Z. i suradnici. (2005). *Hrvatski kao drugi i strani jezik*. Hrvatska sveučilišna naklada.

Jelaska, Z. i Lalli Paćelat, I. (2014). Zatvornički sljedovi u sredini hrvatskih i talijanskih riječi – mogući izvor poteškoća govornika talijanskoga jezika u ovladavanju hrvatskim jezikom. *Jezikoslovlje*, *15.1/2014*, 67-89. https://hrcak.srce.hr/118453

Jukić, S. (2019, 26. 4.). *Tumačenje pisanoga teksta u hrvatskome jeziku* (izlaganje). Međimurski filološki dani.

Kodrić, A., Vidović-Bolt, I. (2013). Važnost kontrastivnog pristupa u poučavanju stranoga jezika – primjer ovladavanja hrvatskim za poljske govornike. *Poznanie Studia Slawistyczne*, *5*, 307-320.

Macan, Ž. i Kolaković, Zrinka. (2008). Prijenosna odstupanja govornika njemačkoga u ovladavanju hrvatskim jezikom. *Lahor*, *5/2008*, 34-52. https://hrcak.srce.hr/31987

Medved Krajnović, M. (2010). *Od jednojezičnosti do višejezičnosti. Uvod u istraživanja procesa ovladavanja inim jezikom*. Leykam International d.o.o.

Petrovska, L. (2025). Prerequisites for the emergence of communicative barriers in the acquisition of the Croatian language by Ukrainians (using the example of an adult audience). U: L. Chernovaty (ur.), *Teaching languages at higher educational establishments at the present stage. Intersubject relations. 46* (pp. 50-62). Kharkiv. https://doi.org/10.26565/2073-4379-2025-46-04

Podboj, M. (2013). Red riječi u hrvatskom i poljskom jeziku: poteškoće s kojima se susreću poljski studenti kroatistike pri usvajanju reda riječi u hrvatskom jeziku. *Rasprave – časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, *39*(2), 581-592. https://hrcak.srce.hr/117894

Popović, M., Trostinska, R. (2002). Odnos polaznoga i ciljnoga jezika. *Filologija*, *38-39*, 161-167. https://hrcak.srce.hr/173306

Popović, M., Trostinska, R. (2009a). Još o međujezičnoj homonimiji hrvatsko-ruskoj i hrvatsko-ukrajinskoj. U: D. Sesar (ur.), *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim I* (pp. 97-109). Zagreb: FF Press. https://doi.org/10.17234/9789531753593.11

Popović, M., Trostinska, R. (2009b). Nešto drugačija interpretacija nekih afiksa (na materijalu hrvatskoga, ruskoga i ukrajinskoga jezika). U: D. Sesar (ur.), *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim I* (pp. 11-18). Zagreb: FF Press. https://doi.org/10.17234/9789531753593.02

Popović, M., Trostinska, R. (2020). *Hrvatski-istočnoslavenski poredbeno*. Zagreb: FF Press.

Požgaj-Hadži, V. (1999). Učenje izgovora i korekcija fonetskih pogrešaka (na primjeru hrvatskog jezika kada ga usvajaju govornici slovenskog kao materinskog). *Tabula*, *1*, 51-66.

Požgaj-Hadži, V. (2002). *Hrvatski i slovenski u kontaktu*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.

Rink, I. (2024). Communication barriers. U: C. Maath i I. Rink (ur.), *Handbook of Accessible Communication* (pp. 33-69). Berlin. https://doi.org/10.57088/978-3-7329-8775-7_3

Savignon, S. J. (1972). *Communicative Competence: An Experiment in Foreign-Language Teaching*. Philadelphia: The Centre for Curriculum Development, Inc. https://doi.org/10.1002/9781118784235.eelt0047

Savignon, S. J. (1983). *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Texts and Contexts in Second Language Learning*. Massachusetts at all: Addison-Wesley Publishing Company. https://doi.org/10.1017/S0272263198214069

Udier, S. L., Čilaš, M. (2005). Problemi s progresijom na osnovnom stupnju učenja hrvatskoga kao stranoga/drugog jezika. *Strani jezici*, *34*(2), 125-131. https://stranijezici.ffzg.unizg.hr/wp-content/uploads/2020/06/SJ_34_2_3.pdf

Udier, S. L. (2018). Razvijanje pragmatičke kompetencije u hrvatskome kao inome jeziku. *Jezikoslovlje*, *19*(1), 159-183. https://hrcak.srce.hr/202721

Zbyr, I. (2024). Vykorystann'a dosvidu Instytutu pol's'koi glotodydaktyky Jaggiellons'koho universytetu u L'vivs'komu nacional'nomu universyteti imeni Ivana Franka Iryna Zbyr (Using the Experience of the Institute of Polish Glottodidactics of the Jagiellonian University at the Ivan Franko National University of Lviv). *Studia Ucrainica Varsoviensia*, *12*, 123-139. https://doi.org/10.31338/2299-7237suv.12.9

LA PROYECCIÓN DE LA IDENTIDAD CULTURAL RUSA Y ESPAÑOLA A TRAVÉS DE LOS ELEMENTOS LINGÜÍSTICOS Y EXTRALINGÜÍSTICOS

Olga Pirozhenko
Universitat de Valéncia

El conocimiento de idiomas es la puerta a la sabiduría
(Roger Bacon)

1. Introducción

Uno de los propósitos fundamentales de la disciplina lingüística, que es la fraseología, es el análisis de las unidades léxicas que nos acercan a la visión del mundo de los hablantes que las usan en su vida diaria. Se trata de unas determinadas expresiones y comportamientos que caracterizan a los representantes de un grupo cultural. «Las unidades fraseológicas, objeto de estudio de la fraseología, son cadenas léxico-sintácticas transmisoras de conocimiento» (Aguado, 2007: 53) que se adquieren a través de las experiencias vividas a lo largo de los siglos, convirtiéndose en la sabiduría popular. Su esencia formulada con la ayuda del lenguaje perpetúa la identidad cultural única de un pueblo.

El objeto de este breve artículo es la presentación previa de un marco conceptual y metodológico de un proyecto de investigación que, desde la perspectiva de la lingüística cognitiva, etnolingüística y la linguocultorología, tiende a analizar las versiones de la imagen del mundo a través de varias culturas, en particular, de la cultura rusa y la cultura española. Se trata de un tema de enorme actualidad que durante los últimos años ha sido el punto de la mira de los numerosos estudios. La importancia de la investigación se radica en la necesidad vital de construir un diálogo intercultural, basado en el respeto y la comprensión mutuos que considera las diferencias culturales como una valiosa fuente del desarrollo en común sin ser un obstáculo que lo impida. Las líneas de investigación del proyecto representan un estudio linguoculturológico comparativo de las competencias extralingüísticas (ideas, saberes y creencias), relacionadas con el hecho del nacimiento de un bebé que encuentra su reflejo en la expresión lingüística, determinándola de alguna manera en una cultura o en otra. Se parte de que «la lengua influye sobre los individuos de manera no diferente a las leyes y a las costumbres que, tras haber nacido por las razones histórico-culturales, influyen innegablemente sobre la cultura» (Casado Velarde, 1991: 47). El análisis pretende estudiar los elementos del concepto nacimiento que es una etapa crucial de la vida humana que representa el inicio de la existencia en el marco de los ciclos de la vida. Por ser muy simbólica y significativa para el desarrollo del destino de un ser humano, la etapa del nacimiento representa una fuente de investigación conmovedora en el proceso del análisis de las identidades culturales.

2. Marco conceptual y metodología del análisis

Las principales corrientes del paradigma antropocéntrico: etnolingüística, lingüística cognitiva y linguocultorología utilizan el concepto de la imagen lingüística del mundo *(*en ruso - языковая картина мира*),* interpretándolo en función de las afinidades científicas y la escuela académica a la que pertenecen. Ese campo de estudio cuenta con su propio abanico de instrumentos de investigación, caracterizado, entre otros, por medios metodológicos multidisciplinares como el análisis de marco o encuadre (en ruso – фреймовый анализ) y el comentario culturológico.

La cultura, siendo por excelencia creación humana, cuenta con un bagaje de nociones, procedimientos, secretos, símbolos, signos y explicaciones de la realidad que un pueblo acumula en su memoria colectiva y transmite en el formato de sabiduría a través de la comunicación de ese patrimonio cultural inmaterial de una generación a otra. Los estudios etnográficos de las costumbres y tradiciones ayudan a descubrir la identidad cultural de un pueblo descifrando sus signos y símbolos. Las investigaciones etnolingüísticas permiten comprender cómo la cultura, reflejada en la lengua, influye en la sociedad en su forma de ver la vida y de pensar. Siendo un campo postdisciplinario (Hachen y Fernández, 1999), la etnolingüística plantea unos nuevos objetos de estudio, cuyo horizonte ampliado «nos ofrece la posibilidad de abordar los fenómenos culturales desde la complejidad, viendo la lengua no solo como instrumento de comunicación sino como un subsistema con la facultad de categorizar, interpretar y significar la totalidad del sistema de la cultura» (Rossetti, 2020: 3). La perspectiva de ver la lengua como producto de la función simbólica desde el enfoque etnolingüístico, lleva a la reflexión: «La cultura y la realidad pueden ser definidas como abstracciones colectivas, constituidas a partir de una red de lo simbólico y lo imaginario» (Hachen, 2006: 12), abriendo una perspectiva más amplia con respecto a los objetivos de estudio de este campo. Teniendo en cuenta la gran complejidad de los fenómenos culturales y el carácter postdisciplinario de la etnolingüística, recordemos que «los fenómenos culturales son, al mismo tiempo, subjetivos y objetivos; son tanto psíquicos, cuanto epistémicos, sociales e históricos» (Fernández Güizzetti, 1960: 46). Precisamente por ello, en este campo de estudio se aplica el uso de múltiples métodos de investigación, entre los cuales se destaca Theoretical triangulation (Denzin, 1970), formada por la encuesta, el Análisis Crítico del Discurso (ACD) y la entrevista. La complementariedad metodológica del análisis cualitativo y cuantitativo ante la complejidad de los fenómenos culturales permite conseguir diferentes niveles de análisis, profundizando y ampliando el nivel general de investigación.

En la etnolingüística rusa, cuyos pilares son el concepto y la imagen lingüística del mundo*,* el campo lingüístico formado por la lexicología, la semántica léxica y la lexicografía sistémica han sido el espacio, donde se centraban los estudios más significativos, basados en los datos lingüísticos, permitiendo acceder a la imagen ingenua del mundo, creada por cada cultura y su lengua (Apresian, 1966). Esta visión es muy próxima a la esencia del término «folk model» (D'Andrade, 1987) o a la interpretación de la imagen del mundo descubierta en el marco de la Lingüística Cultural de Sharifian (2011). Sin embargo, existen otros formatos de estudio de ese perfil, como, por ejemplo, el de la Escuela Etnolingüística de Lublin que incluye en sus investigaciones no solo los datos lingüísticos sino varios aspectos culturales como folclore, rituales, comportamientos cotidianos formados por unos símbolos y signos culturales.

Estas dos perspectivas de estudio representan varios trabajos realizados, entre los cuales se puede mencionar, por un lado, «Diccionario activo del idioma ruso» (2014) y por el otro, «Diccionario de Antigüedades Eslavas» (1995-2012). A pesar de las metodologías diferentes, los dos proyectos comparten un

objetivo en común, encaminado hacia la búsqueda de las formas de conceptualizar el mundo a través de la lengua y la cultura.

Para explorar las diversidades y los puntos de aproximación entre dos culturas fronterizas, la cultura rusa y la cultura española, tan cercanas y tan lejanas a la vez, en el marco del proyecto se ha decidido trabajar los contenidos del diccionario etnolingüístico «Las antigüedades eslavas» y varias obras rusas, dedicadas a los estudios de los rituales de los ciclos de la vida desde el nacimiento hasta la muerte de los eslavos orientales, realizadas por Galina Kabakova (2001), Tatiana Listova (1989), Georgij Naumenko (2010), Natalia Pushkareva (2011), Olga Orlova (2021), etc. La aproximación a la imagen de la vida creada por la comunidad lingüística española en el marco del proyecto se va a realizar a través del análisis de los elementos extralingüísticos de los materiales del cuestionario «Información promovida por la Sección de Ciencias Morales y Políticas del Ateneo de Madrid» que representa una significativa fuente de la sabiduría popular española a través de las tradiciones y costumbres, creencias y rituales, supersticiones y hechizos, etc. de varias regiones y provincias de España, conjuntamente con los estudios de folklore regional realizados, entre otros, por Joan Amades (1980), Antonio Limón Delgado (1986), Antonio Ariño Villaroya (1986), Francisco Flores Arroyelo (2000), etc. Además, al tratarse de un estudio plurilingüe, resulta evidente que el análisis contrastivo de elementos lingüísticos se va a realizar a base de los diccionarios tanto monolingües como bilingües de varios perfiles: fraseológicos, del lenguaje coloquial, de frases, dichos, refranes, modismos y locuciones, de supersticiones y creencias populares, etc.

Dadas las dimensiones del proyecto que abarca unos campos de investigación amplios, caracterizados por una especificidad regional y cultural muy variada, dentro de las premisas de ese estudio de la imagen del mundo desde el enfoque de la diversidad cultural, se plantea realizar un análisis cuantitativo y cualitativo del concepto de Nacimiento que se compone de varias etapas (gestación, parto, alumbramiento), llenas de inicios y finales, caracterizados por sus propias enseñanzas, desafíos y momentos únicos donde protagonizan las figuras de la madre y del recién nacido.

La cuestión de parámetros concretos a analizar dependerá de la variedad de las características del campo conceptual seleccionado. Los principales elementos del estudio incluirán el análisis crítico de los contenidos simbólicos de las creencias y rituales, relacionados con el nacimiento, el grado de antropocentrismo de la relación de la madre con el mundo que la rodea y con su propio cuerpo en cada uno de los pasos que la aproximan a una prueba temible – el parto y un feliz acontecimiento – el nacimiento. También se estudiará el formato del vínculo entre la madre y el hijo recién nacido, el perfil de los estereotipos, la concepción del tiempo y del espacio. Esa serie de análisis se realizará desde una perspectiva sincrónica, con la intención de crear también el panorama diacrónico que permita llegar a la conclusión acerca de la continuidad y la actualidad de costumbres, creencias y tradiciones relacionadas con el concepto de nacimiento. Uno de los objetivos principales de la investigación consiste en localizar los valores culturales que se comparten por las dos culturas: la rusa y la española, destacando los que pertenecen solo a una de ellas para posteriormente llegar a visualizar la identidad cultural, propia de cada una de esas culturas a través de la imagen del mundo, formada durante épocas de su existencia. La identidad cultural visualizada permitiría ir creando caminos hacia la comunicación intercultural eficaz que tanto necesita el mundo de hoy.

La determinación de las diferencias y las similitudes de la identidad cultural rusa y española a base del análisis conjunto de los elementos lingüísticos y extralingüísticos que son las creencias populares rusas y españolas en el marco de los ciclos de la vida puede abrir unos nuevos horizontes para las investigaciones posteriores porque la vida de un ser humano desde el nacimiento hasta la muerte está estrechamente vincu-

lada a la vida de su pueblo. La lengua natal, la cultura, las tradiciones y las costumbres, la religión, la historia de la sociedad, el clima y la geografía, etc., van formando la identidad cultural, cuya rica esencia está presente en la sabiduría popular, basada en la imagen del mundo creada. La cultura es una de las formas de la vida colectiva, encaminada hacia la realización de las tareas de la reunificación. La palabra «cultura» transmite, entre otros, el sentido de cultivar tanto si se trata del terreno como del espíritu mismo. La lengua que se considera el alma viva de la identidad cultural de un pueblo, es capaz de guardar sus tesoros más valiosos a través de su continua evolución.

Recordemos las palabras que pertenecen a uno de los maestros de la prosa soviética Fiódor Abrámov: «Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на Земле, — энергия человеческого духа. Словом создавалась культура, словом ковалась вера, ковались идеалы, слово двигало...» (1981: 6). Las lenguas del mundo son los espejos de las culturas a las que pertenecen. En ellos se reflejan los conceptos clave de su identidad, cuya raíz es la sabiduría popular acumulada en el campo fraseológico, caracterizado por su expresividad y profundidad únicas que lo convierten en una fuente inagotable de conocimiento tanto para el aprendizaje como para la investigación. Sus contenidos nos dan la oportunidad de entender mejor de dónde venimos y cuáles son esos valores imprescindibles que nos ayudan a llevar con dignidad la dura misión de vivir.

Entre las lecturas previas en el marco de la recogida de datos a estudiar, se han encontrado unas reflexiones, vinculadas al fenómeno de la maternidad en el Occidente que constituye el contexto, vinculado directamente al concepto de nacimiento. Su historia es más bien curiosa porque en la Antigüedad la palabra «maternidad» no existía ni en griego ni en latín. No obstante, la función materna estaba muy presente en las leyendas y los mitos, siendo objeto de consideraciones importantes por parte de médicos y filósofos. Las primeras apariciones del fenómeno de la maternidad surgen en el siglo XII, marcando el comienzo de su historia (Knibienhler, 2001). En la época de las Luces se realizan los intentos de crear un modelo terrestre de la buena madre que desde los inicios se ve sometida al padre, perdiendo poco a poco su individualidad femenina, absorbida por su faceta materna y valorada en la mayoría de los casos a causa del alumbramiento de los hijos. Durante el siglo XX y hasta hoy día el triunfo de la medicina y el impacto cada vez mayor de una sociedad dinámica y en progreso que requiere a sus miembros más aportación, más esfuerzo, más aptitudes y habilidades para mantenerse al día, afecta la maternidad que entra en una etapa de dudas y contradicciones, cuyo desencadenamiento es imprevisible.

Las civilizaciones occidentales, siendo hijas de las culturas mediterráneas, eran patriarcales por su naturaleza. En el marco de ellas el hecho del nacimiento de un bebé se aceptaba oficialmente en virtud de la actitud de su padre. Un ciudadano no tiene un hijo sino que lo toma o acoge porque es precisamente el padre, por cuya decisión de reconocer o no al recién nacido, tomándolo en brazos del suelo donde lo deja la comadrona, se obtiene el estatus oficial de la criatura. Los niños no reconocidos por sus padres se colocaban en la puerta de casa o en algún basurero público para que lo recoja quien lo desee. En la época de la Edad Media, con excepción de la madre de Dios, la maternidad no fue objeto de ningún tipo de valorización por ser un asunto de mujeres que se ocupaban a su modo del parto y de los primeros cuidados. Los datos, relacionados con el concepto de maternidad en el marco del proyecto, se van a complementar con el estudio de este fenómeno en el contexto de los eslavos del Este de Europa para poder contrastar este aspecto desde el punto de vista de la diversidad cultural que influye en la imagen del mundo.

A primera aproximación, el folklore de las nupcias tanto ruso como español, en su mayoría rural, insiste en que una se casaba principalmente para dar a luz, precisamente por ello, son numerosos y diversos

los ritos a favor de la fecundidad. El embarazo con sus rituales y magias convertía a la mujer en una figura enigmática que no debería alegrarse por él. Si el embarazo no llegaba, la culpa se caía sobre la esposa que solía ser la única responsable del asunto. Era ella la que tenía que resolver el problema, dedicando años de su vida a las prácticas mágicas, los peregrinajes, las devociones, las limosnas, etc. Si finalmente conseguía quedarse embarazada, se veía como si tal la cosa, como un deber de turno porque una esposa fecunda daba a luz cada veinte o treinta meses. En la mayoría de las veces, su vida cotidiana seguía siendo muy cargada de tareas y obligaciones donde había poco terreno para dedicarse a sí misma y donde no siempre se sentía apoyada por su esposo en los temas que se denominaban puramente femeninos. Es cuando la mujer se quedaba a solas con su futuro hijo, creando con el feto unos vínculos muy sólidos y tiernos, basados en la protección del mismo.

Desde los tiempos remotos prácticamente en todas las culturas del mundo el *parto* se veía como un gran milagro, místico y sagrado. Entre los estudios de los últimos años hay que mencionar el de Olga Orlova «Eufemismos y adivinanzas del nacimiento y de la muerte en la cultura rusa y la cultura inglesa». En esta obra se estudian las situaciones relacionadas con los espacios, donde estaba presente una mujer a punto de dar a luz que se protegía por unos rituales significativos e importantes que al día de hoy parecen carecer del sentido alguno. Consistían en desatar los nudos, dejar abiertas las puertas y las cajas, retirar los cubrecamas, descorchar las botellas, etc. (Orlova, 2021).

Casi en toda Europa, incluidos los espacios de los eslavos orientales, existían unos ritos mágicos, inspirados por la misma naturaleza. Sencillos y simpáticos, nos pueden sorprender al día de hoy. Se trata de colocar unas semillas de alguna fruta o verdura que se posicionaban a la barriga de la parturienta o de hacer sonar las campanas. Si el parto se complicaba de alguna manera, se pensaba que eran las actuaciones de las fuerzas del mal. Precisamente por ello, a cualquier persona que no infundía confianza o parecía sospechosa, la apartaban del entorno de la parturienta. En una oración antigua de España rural se rogaba que el Señor arrojara todas las asechanzas del enemigo lejos de su sierva que iba a dar a luz. En las tierras eslavas los campesinos llamaban a un pope (cura), rogándole abrir las puertas del zar (*открыть царские врата*) (Klimchuk, 1995). Las parturientas de Castilla deberían pertenecer a pie hasta el momento del alumbramiento. Cuando llegaba la hora, la mujer se sentaba entre dos sillas con una almohada en medio para que la tierra atrajera a la criatura (Moraledo y Esteban, 1980). Tras el parto las mujeres eran lavadas con agua de rosas o azahar o, como se hacía en pueblos de León, con la resultante de la cocción de cornezuelos o cornachos (Alonso Ponga, 1982). Los eslavos de la región de Polesie (actualmente Bielorrusia, Polonia, Rusia y Ucrania) también usaban los cornezuelos para preparar una bebida especial a base de vodka a la parturienta para calmar el dolor en el proceso del parto y para relajarla después del parto y dar a su cuerpo un rato de descanso (Listova, 1989). En Galicia (Carballo) cuando se presentaba un parto difícil, las mujeres se tendían sobre una piedra a la luz de luna. En los pueblos de la costa alicantina y murciana un parto desgraciado se atribuía a la entrada de una ballena en el Mediterráneo (Becerro de Bengoa Callau, 2012).

En cuanto a la luna, según la creencia universal, ella, en función de sus manchas y fases, determina el sexo del recién nacido, además de dificultar (luna decreciente) o facilitar (luna llena) el parto. Todos los que nacen en una misma luna por esa creencia, deberían ser del mismo sexo, por ello se hablaba de la luna de niños y de la luna de niñas. En Andalucía es muy conocido el refrán «Si en creciente el otro diferente, si en menguante, semejante» (Limón Delgado, 1981: 67).

Los eslavos de Polesie consideraban que no sólo el sexo de los recién nacidos sino su destino depende del tiempo, astros o calendario (Tolstaja, 1984). Según sus visiones, el que nace cuando la luna es

decreciente, se pone enfermo a menudo y envejece pronto. La luna creciente al revés da mucha salud y ayuda a crecer más rápido. Nacer cuando la luna es llena significaba que el recién nacido sería rico, inteligente e iba a tener muchos hijos. Lo peor le esperaba a uno que nacía cuando no había luna: el niño o moriría pronto o sería estéril. La bondad o maldad de una persona dependía también del tiempo que hacía el día del nacimiento: si hacía buen tiempo, el bebé sería una persona tranquila, alegre y bondadosa. Si llovía y a la vez hacía sol, se consideraba que la zarina estaba llorando (*царевна плачет*) y, por ello, el recién nacido sería un ángel (*ангел*) o un pan de Dios (*добряк*). Si hacía mal tiempo, el recién nacido sería un guarro (*грязнуля*) o un despistado (*растяпа*), y la recién nacida sería una llorona (*плакса*) (Tolstaja, 1984).

Según las creencias de los eslavos orientales, las personas malas nacían cuando tenía lugar un torbellino o una ventisca de nieve. Es cuando se comentaba que «el diablo venía para celebrar una boda» (*чёрт едет со свадьбой*), el niño, nacido esos días, sería un borracho empedernido (*непробудный пьяница*), un ladrón (*вор*) o un bandido (*бандит*) y la niña sería testaruda (*непослушница*) o bruja (*ведьма*) que nunca moriría de una muerte natural (Tolstaja, 2005).

El cordón umbilical y la placenta tanto en Rusia como en España representan organismos mágicos. La placenta en el contexto de las creencias españolas y rusas es el símbolo de aguas primeras y de origen de la vida. Se asociaba en España con el cofre sagrado que traía a un ser humano al mundo desde más allá (Ariño Villaroya, 1986), convirtiéndose en un objeto mágico en el momento del entierro de la placenta por tener ella un vínculo sólido con la vida posterior del recién nacido. Por ello, en la cultura española se recomendaba hacerlo junto a un rosal, lejos del agua, para que el bebé no quedara condenado a morir ahogado (Pelejero, 1978). En Castilla la placenta se enterraba en un lugar secreto y fuera del alcance de los animales, ya que se creía, que, si uno de ellos llegara a comerla, el bebé asumiría su instinto animal más nocivo (Moraledo y Esteban, 1980). Los eslavos de la región de Polesie en este caso creían que el recién nacido moriría pronto por no ser apto para vivir (не жилец) (Propin, 2001).

En el contexto de nacimiento siempre ha existido la famosa pregunta que desde hace tiempo va despertando la curiosidad de los niños que quieren saber ¿de dónde vienen? La versión más popular de la respuesta, existente en el contexto del folklore europeo, es la que dice que a los niños los trae una cigüeña (аист). Esa versión coincide en las culturas, rusa y española, diferenciándose en la visión del punto de partida de la emblemática cigüeña. Para la mayoría de los países de Europa Occidental el pájaro viene de París (Mayle 2003). Para los eslavos del Este de Europa no solía tratarse de una ciudad europea y no siempre era una cigüeña (*аист*). Podría ser un ganso (*гусь*), una grulla (*журавль*) o un cuervo (*ворон*), los que solían dejar a los bebés en un campo, un bosque, una huerta, un jardín, etc., pero nunca dentro de un hogar (Kabakova, 2001).

La perspectiva de la investigación que abarca el concepto de nacimiento es la más amplia posible, de modo que incluirá, entre otros hechos y realidades, los modelos del mecanismo de la mítica entrega de un recién nacido a sus padres, el perfil de los medios y espacios de llegada y partida, desde el enfoque de los signos mágicos que conllevan los artefactos simbólicos.

3. Conclusiones

Las visualizaciones del análisis previo del trabajo de campo realizado en el marco de las primeras etapas de la investigación relacionada con las costumbres y tradiciones populares del ámbito de nacimiento, reflejadas en la lengua rusa y la lengua española, permiten ir construyendo el marco conceptual y metodológico que da un comienzo a un proyecto de investigación encaminado a estudiar la identidad cultural, abriendo unos nuevos horizontes en el ámbito de estudio etnolingüístico comparativo. Su actualidad es sig-

nificativa: por una parte, se trata tanto de la aproximación al patrimonio cultural como a su correspondiente conservación y, por la otra, constituye el análisis de la esencia de los sentidos de la vida de las generaciones anteriores. Conocer bien esa valiosa fuente, basada en la riqueza de la sabiduría popular, reflejada en la lengua, es fundamental en el contexto de ampliación de conocimiento, relacionado con las imágenes del mundo a través de las culturas en la incesante búsqueda de la unidad en el contexto de la diversidad.

El momento de inicio de la estructuración de las etapas del desarrollo de la investigación es idóneo para compartir comentarios, consejos y visiones de los especialistas del área y, a lo mejor, para crear un equipo de investigación, formado por los representantes de diferentes culturas, cuyo objetivo profesional principal es la construcción de puentes y diálogos interculturales eficaces, basados en la meta de crecer juntos con la ayuda de la inmensa riqueza de la diversidad, la aceptación de lo ajeno, el respeto y la comprensión mutuas que tanto necesita nuestro agitado mundo de hoy.

Bibliografía

Aguado, G. (2007). *La fraseología en las lenguas de especialidad.* Ariel

Alonso Ponga, J. (1986). *Tradiciones y costumbres de Castilla y León.* Castilla Ediciones

Amades J. (1980). *Folklore de Catalunya, costums i creences.* Biblioteca Selecta.

Ariño Villaroya, A. (1986). *Fiestas, rituales y creencias de Valencia.* Alfons el Magnànim.

Абрамов, Ф. (1984). Мемуары. Советская литература.

Becerro de Bengoa Callau, C. (2012). *Antiguas costumbres en los partos.* Anales de la Real Academia de España.

Casado Velarde, M. (1991). *Lenguaje y cultura.* Síntesis.

D'Andrade, R. (1987). *A folk model of the mind. In cultural models in language and thought.* Cambridge.

Denzin, N. (1970). *Strategies of Multiple Triangulation. Theoretical introduction to sociological methods.* Aldine Pub. Co.

Fernández Guizzetti, G. (1960). Proyecciones filosóficas de algunas teorías etnolingüísticas contemporáneas. *Revista de Antropología*, *8*(1), 43-62.

Flores Arroyuelo F. J. (2000). *Diccionario de supersticiones y creencias populares.* Alianza Editorial.

Hachen, R. (2006). *Lengua, cultura y pensamiento, identidad en el abordaje etnolingüístico de la lengua Qom* (Toba). Editorial último recurso.

Hachen, R. y Fernández M. R. (1995). *¿De qué hablamos cuando hablamos de etnolingüística? Revista de la escuela de Antropologia, 3*, 1-3.

Knibienhler, Y. (2001). *Historia de las madres y de la maternidad en Occidente.* Nueva Visión

La Encuesta del Ateneo: *Costumbres españolas en 1901-1902*. Ministerio de Cultura). https://encuestadelateneo.cultura.gob.es/AteneoCultura/inicio

Limón Delgado A. (1986). *Costumbres populares andaluzas.* Diputación provincial de Sevilla.

Mayle, P. (1975). ¿De dónde venimos? Editorial Montena de Sudamericana.

Moraledo y Esteban, J. (1980). *Tradiciones y recuerdos de Toledo.* Legare Street Press.

Pelejero, F. (1981). *Costumbres, leyendas, historias valencianas.* Ediciones Marí Montañana.

Rosetti, S. (2020). Investigar en etnolingüística. *Revista de la Escuela de Antropología. XXVI,* 1-20.

Sharifian, F. (2011). *Cultural linguistics. Cultural conceptualizations and language: theoretical framework and applications.* J. Benjamins Publishing.

Апресян, Ю. (1966). *Идеи и методы современной структурной лингвистики.* Просвещение.

Апресян, Ю. (2014). *Активный словарь русского языка.* Языки славянской культуры.

Кабакова, Г. (2001). *Антропология женского тела в славянской традиции.* Ладомир.

Климчук, Ф. (1995). *Духовная культура полесского села Симановичи. Этнолингвистическое изучение Полесья.* М. Индрик

Колпакова Н. (1957) *Избранные пословицы и поговорки русского народа.* Государственное издательство художественной литературы.

Листова, Т. (1989). *Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой.* Наука.

Мокиенко В. (2014). *Славянская фразеология.* ГГУ им. Ф. Скорины.

Орлова, О. (2021). *Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации.* URSS

Пропин, В. (1981). *Мотив чудесного рождения.* Лабиринт

Пушкарева, Н. (2011). *Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии. Невеста, жена, любовница.* Ломоносовъ.

Толстая С. (2005). *Полесский народный календарь: материалы к этнодиалектному словарю.* Индрик.

Толстой, Н. и Толстая С. (1984). *Этнолингвистический словарь славянских древностей.* Академия наук СССР.

PODOBY PERFORMATIVITY A DIVADELNEJ TVORBY V NEZÁVISLÝCH KULTÚRNYCH CENTRÁCH NA SLOVENSKU NOVÉHO MILÉNIA[1]

Miron Pukan
University of Presov in Presov

1. Úvod

Slovenská divadelná sieť prešla po roku 1989 výraznou transformáciou, ktorá zásadne zmenila podmienky fungovania umeleckých inštitúcií a vytvorila priestor pre vznik nezávislých divadiel (ND) a nezávislých kultúrnych centier (NKC). V novom miléniu sa tieto nové priestory etablovali ako významné platformy pre experimentálne a performatívne formy umenia, pričom sa profilovali v opozícii k tradičnej repertoárovej, resp. pravidelnej dramaturgii kamenných divadiel. Zmeny hodnotového systému spoločnosti po roku 1989, vrátane poklesu záujmu o tradičné divadlo, vytvorili priestor pre alternatívne podoby umenia, ktoré začali oslovovať nové publikum prostredníctvom participatívnych stratégií, akými sú povedzme workshopová činnosť, komunitné festivaly či umelecké rezidencie umožňujúce publiku vstúpiť do procesu tvorby. Divák sa tak ocitol v novej pozícii – už nie je pasívnym percipientom, ale aktívnym spolutvorcom artefaktu. Ako zdôrazňuje Krištof, «program nezávislých priestorov netvoria len umelecké akcie, ale aj ich bar, webstránka, diskusie či neformálne stretnutia» (Krištof, 2013: 95).

NKC sú pomerne zriedkavo interpretovaným fenoménom, čo sa odráža aj na obmedzenom počte odborných publikácií venujúcich sa tejto problematike. Štúdia je pokusom o prezentáciu slovenských nezávislých centier, pričom mapuje ich počiatky, ako aj ich špecifickú povahu – teda umelecké iniciatívy tvorcov realizované v jednotlivých lokalitách miest Slovenska. Vzhľadom na obmedzené množstvo dostupných informácií sa priame rozhovory a účastnícke pozorovania ukázali ako mimoriadne cenné. Minoritný charakter a neobvyklý spôsob fungovania NKC inšpirovali autora štúdie k ich podrobnejšej analýze, identifikujúc rozličné podoby performativity a divadelnej tvorby realizované v NKC na Slovensku predovšetkým v období nového milénia. Zameriava sa v nich na dramaturgické stratégie, komunitný rozmer, udržateľnosť, estetické či mimoumelecké špecifiká a všíma si ich prepojenia so širším stredoeurópskym kontextom, predovšetkým s poľskou kultúrnou sférou. Z metodologického hľadiska sa štúdia predovšetkým opiera o kvalitatívny výskum so zameraním na performatívne, produkčné a komunitné aspekty divadelnej tvorby, ako aj o organizačno-tvorivé modely výrazne ovplyvnené umeleckou činnosťou alebo kultúrnym priemyslom generovaným nezávislými scénami na Slovensku po roku 2000.

1.1. Pojmový rámec performativity

Performativita, ako pojem prenesený tiež do oblasti kultúry, predstavuje schopnosť jazyka alebo umeleckých prejavov nielen opisovať realitu, ale ju aj aktívne konštruovať a meniť (Austin, 1962). V kontexte komunikačných stratégií sa javí ako významný a legitímny nástroj, ktorý umožňuje subjektom sa nielen vyjadriť, ale aj efektívne zasahovať do sociálnych a kultúrnych procesov. Umenie a umelecké prejavy v sú-

[1] Štúdia je výsledkom grantového projektu VEGA 1/0666/22 Slovenská literárna kultúra po roku 1989 (slovník pojmov, tém a inštitúcií).

časnosti totiž často prekračujú tradičné rámce pasívneho vnímania, čím sa stávajú performatívnymi aktmi s cieľom ovplyvniť spoločenské povedomie a povahu interakcie.

Ako koncept, pôvodne rozvinutý v lingvistike (Austin, 1962) a neskôr rozšírený do oblasti sociálnych vied (Butler, 1990 a Schechner, 2002), performativita predstavuje fenomén, ktorý výrazne mení naše chápanie komunikácie či interakcie a má jednoznačne interdisciplinárny charakter. Nejde len o prenos informácií, ale predovšetkým o aktívne vytváranie reality prostredníctvom jazyka, gest a umeleckých prejavov. Tento model, čo sme už naznačili, má svoj pôvod tak v lingvistike, ako aj vo filozofii jazyka. J. L. Austin vo svojej práci *How to do things with Words* (1962) zaviedol rozlíšenie medzi konštatatívnymi výrokmi opisujúcimi svet a performatívnymi výrokmi vykonávajúcimi čin. J. Butler tento pojem rozvinula v oblasti genderových štúdií, aplikujúc ho na problematiku identity, rodu a moci. Tvrdí, že «identita nie je prirodzená esenciálna kategória, ale opakovane inscenovaný výkon» (Butler, 1990: 27). Tento výklad sa neskôr preniesol aj do oblasti umeleckej praxe, kde sa umelecké akty chápu ako performatívne činy, ktoré zakladajú nové významy, identitu a spoločenské vzťahy. Butler zdôrazňuje, že performativita je neustály proces «vykonávania» spoločenských normatívnych vzorcov, ktoré zároveň tvoria subjektivitu a spoločenské štruktúry. Tento dialektický vzťah medzi vykonaním a konštrukciou je kľúčový pre jej pochopenie ako aktívnej stratégie, ktorá mení a znovuvytvára významy (Butler, 1990). Richard Schechner (2002) rozšíril pojem do oblasti divadla, kde performativita označuje aktívne konanie, ktoré produkuje významy a mení sociálnu realitu. V oblasti divadelnej a vizuálnej teórie prispela k rozšíreniu tohto konceptu Erika Fischer-Lichte (2021), ktorá zdôrazňuje samoprebiehanie performancie, telesnú prítomnosť a vzťah medzi aktérom a recipientom, ako aj «autopoietický feedback loop», v ktorom sa umelecké dielo neustále nanovo konštituuje prostredníctvom dialógu medzi javiskom a hľadiskom, čím sa stáva miestom transformácie – nie reprezentácie, ale konštitúcie významu v akte. Ďalší model preformancie ako «divadla vizuálnych umení» anticipoval francúzsky divadelný semiotik Patrice Pavis, odvolávajúc sa na Andrzeja Tadeusza Wirtha, ktorý konštatuje, že:

> performancia spája bez nejakého vopred stanoveného plánu vizuálne umenia, divadlo, tanec, hudbu, video, poéziu a film. Nerealizuje sa v divadlách, ale v múzeách, alebo v umeleckých galériách. Predstavuje ´kaleidoskopický, multitematický prejav´. Dôraz sa kladie väčšmi na prchavosť a neukončenosť produkcie než na reprezentujúci a zavŕšený charakter umeleckého diela (Pavis, 2004: 302).[2]

Z hľadiska sociálnej teórie možno umenie chápať aj ako súčasť širších spoločenských interakcií, pričom performatívne akty umenia zasahujú do verejného priestoru, diskurzu a identity. V komunikačných štúdiách sa performativita zase chápe ako stratégia, kde komunikácia nie je len pasívnym prenosom, ale aktívnym nástrojom sociálnej intervencie, umožňuje subjektom využiť jazyk a komunikačné prejavy nielen na informovanie, ale na vyvolanie zmeny, posilnenie identity či ovplyvnenie verejnej mienky (Austin, 1962 a Butler, 1990). V oblasti marketingu, aktivizmu či umenia sa performatívne stratégie využívajú na vytváranie zážitkov, ktoré aktivujú publikum a podnecujú ho k reflexii (Goffman, 2018 a Schechner, 2002), a preto sú predovšetkým v umeleckej oblasti prekročením tradičných hraníc reprezentácie smerujúcej k živému, participatívnemu aktu, ktorý zahŕňa nielen tvorcu, ale aj publikum či samotný kontext (Auslander, 2006).

[2] Andrea Nouryehová v neuverejnenom článku rozlišuje päť foriem performancie: «a/ *Body art* (*telo ako umenie*) používa telo performera na to, aby ho ohrozilo, aby ho ukázalo alebo aby overilo jeho imidž; <...> b/ *Výskum priestoru a času pomocou spomaleného pohybu figúr*; <...> c/ *Autobiografická prezentácia*, v ktorej umelec rozpráva reálne udalosti zo svojho života; <...> d/ *Rituálový a mýtický obrad*; <...> a e/ *Sociálny komentár*", kam možno začleniť aj viaceré inscenačné projekty realizované v NKC na Slovensku (pozri bližšie Pavis, 2004: 302-303).

Umenie sa tak stáva procesom, v ktorom sa sociálne významy nevytvárajú pasívnou konzumáciou, ale aktívnou interakciou.

Žiada sa dodať, že súčasné teórie, reflektujúce rozličné podoby umeleckej tvorby, akcentujú takisto jeho performatívny charakter, kde fyzický akt vytvorenia diela, jeho umiestnenie a reakcie publika spolutvytvárajú komplexný komunikačný proces (Bengtsen, 2014 a Schacter, 2013). To je aj prípad novovzniknutých NKC, ktoré často exemplárnym spôsobom zosobňujú túto stratégiu, pričom podporujú performatívne mechanizmy nielen v samotnej tvorbe umelcov, ale aj v medializácii a distribúcii ich diel.

V slovenskom prostredí performatívne akty fungujú najmä v dvoch dimenziách: 1. ako *estetická stratégia* (napr. site specific projekty, multimediálne performancie, hybridné inscenačné formy) a 2. ako *spoločenská intervencia* (napr. divadlo výskumu, komunitné divadlo, umelecký aktivizmus).[3]

2. Spoločensko-politický a legislatívno-ekonomický kontext nezávislých kultúrnych centier nového milénia

Divadlo je na jednej strane síce exkluzívnou zábavou pre malú časť obyvateľstva, na druhej strane rozvíja kreativitu jednotlivca, no neraz je tiež súčasťou dramaterapie. Preto je nevyhnutná sieť dobre fungujúcich agentúr ako súčasti celej divadelnej siete. Ani pri uvažovaní o transformácii umeleckých sietí na Slovensku by sme nemali zabúdať na rozdielnu kúpnu silu obyvateľstva a nerovnakú dostupnosť divadelných produkcií. Od 90. rokov 20. storočia dodnes, ako uvádza Dagmar Podmaková:

> sa nepodarilo napĺňať viaczdrojové financovanie – od štátu, od mesta/obce, zo súkromného sektora. Voľný divadelný trh, široko rozvetvená divadelná sieť, z ktorej si všetci nárokujú na dotáciu z verejných financií však nezabezpečuje kvalitu, ani diváka. Nadbiehanie diváckej obci ľahšími žánrami, neraz aj bezduchými komédiami je krátkozraká cesta. Najväčším problémom financovania divadiel sa javí ročný príspevok. Nepodarilo sa zabezpečiť viacročný dotačný systém (ale ani v iných rezortoch, napr. vo vede a výskume). Nepodarilo sa – alebo nebol záujem – nastaviť nástroje na systém hodnotenia. Chýba zákon o kultúre, ktorý by riešil širšie súvislosti v tejto oblasti, ako len funkciu divadla a postavenie divadelníkov. Ak časť divadelníkov hovorí o nastavení fixnej percentuálnej výšky hrubého domáceho produktu na podporu financovania kultúry (vedy a i.) z centra a z vyšších územných celkov SR, táto požiadavka je v najbližších rokoch neaktuálna. Napriek požiadavkám z centra Európskej únie mnohé štáty nie sú schopné tieto percentá ani pre vedu či zdravotníctvo naplniť (2013: 390).

Treba dodať, že transformácia slovenskej divadelnej siete bola súčasťou širšej spoločenskej decentralizácie. Podmaková upozorňuje, že hoci došlo k otvoreniu priestoru pre nezávislé iniciatívy, «štát nezabezpečil systémové podmienky viaczdrojového financovania, čím sa nezávislá kultúra ocitla v permanentnej ekonomickej neistote» (2013: 391). Nedostatok finančných mechanizmov vytváral tlak na nezávislé iniciatívy, ktoré museli kombinovať grantové zdroje s dobrovoľníckou prácou. Ako uvádza Z. Timčíková, «nezávislé centrá často balansujú medzi občianskym aktivizmom a nutnosťou profesionalizácie» (2020: 13).

V druhej dekáde 21. storočia musíme konštatovať, že slovenské divadlo v prenesení zmien reštrukturalizácie modernej spoločnosti ostalo v «hlbokom» reálnom socializme. Nezbavilo sa stereotypov pamäťového efektu (rozdeľovania štátneho príspevku na kultúru), nenastavilo systém vyhodnocovania konkrétnych divadelných produkcií a jej dosah na verejnosť. Funguje akási solidarita slovenských divadelníkov, bez snahy o istý druh súťaživosti a rôznorodosti (Pozri Podmaková, 2013). Len málokedy môže divadelná kritika

[3] Povedzme zoskupenia ako Divadlo Pôtoň – Bátovce alebo ODIVO Banská Bystrica využívajú performativitu na výskum identity, pamäti a sociálnych konfliktov (Pozri bližšie Knopová, 2014: 25-42).

zaznamenať snahu o zachytenie trendov európskeho divadla pri zachovaní (si) národných identít (tém, typu herectva a i.). A to aj napriek tomu, že vznikla nová paradigma funkcie a vnímania kultúrnych centier i divadelného umenia vývinom spoločnosti a zmenou cieľovej skupiny percipientov ND a centrá v regiónoch predstavujú «zásadný medzník v kultúrnom ekosystéme Slovenska, ktorý podmieňuje nielen estetiku, ale i sociálne a organizačné formy divadelnej tvorby» (Timčíková, 2020: 25). Žiada sa dodať, že grantové schémy (napr. EHP, Kreatívna Európa) síce umožnili rekonštrukciu a profesionalizáciu centier, no dilema medzi dobrovoľníctvom a inštitucionalizáciou pretrváva naďalej. Ako uvádzajú A. Maťašík a M. Mistrík, «nezávislé subjekty oscilujú medzi spontánnosťou občianskych iniciatív a tlakom na ekonomickú udržateľnosť» (2017: 39). Hoci sú slovenské NKC, pochopiteľne, súčasťou európskych sietí (trebárs Trans Europe Halles, Anténa), povedzme v porovnaní s poľským kontextom operujú v menšom rozsahu, no vyznačujú sa podobnou stratégiou – prepojením umeleckej tvorby s občianskou angažovanosťou. To je len dôkazom toho, že sú slovenské NKC integrálnou súčasťou európskeho performatívneho priestoru.

3. Genéza nezávislých kultúrnych centier v Poľsku a na Slovensku

NKC sú aktívne združenia, ktoré realizujú svoje sociokultúrne iniciatívy v priestoroch získaných na svoje štatutárne účely. Tieto miesta väčšinou prevádzkujú mladí ľudia (vo veku 19 – 46 rokov), s ktorými sme uskutočnili aj osobné rozhovory. Jedným z najdôležitejších aspektov činnosti NKC je princíp «urob si sám» a zdola nahor smerujúci, nehierarchický systém organizovania individuálnych iniciatív. Aktivity jednotlivých združení pokrývajú širokú škálu tém, vrátane kultúrnych, sociálnych, športových či rekreačných. Analýza literatúry, ako aj rozhovory s osobami, ktoré tvoria združenia pôsobiace ako NKC povedzme v Poľsku, naznačujú, že korene tohto fenoménu možno nájsť v tzv. squattingu a jeden zo základných rozdielov medzi squattami a NKC je ich právny charakter.[4] Podľa K. Kolackého (2005) squatterské hnutie a vznik alternatívnej kultúry by mali byť považované za dôsledky mládežníckej revolty konca 60. rokov 20. storočia. Ako sám autor uvádza, «súčasní squatteri nemajú deštruktívne ambície, preto by nemali byť spájaní s hippies komúnami. Aktivizmus dnešných squatterov je opisovaný ako konštruktívny, zameraný na vzdelávanie, podporu štrajkujúcich a propagáciu mladého kritického a avantgardného umenia» (2005: 22). Práve prvá polovica 90. rokov sa považuje za začiatok squatterského hnutia v Poľsku. Żuk (2001) aj Płuciński (2014) zdôraznili, že poľské squatterské hnutie bolo neoddeliteľne spojené s alternatívnou kultúrou, ktorá prekvitala v 80. rokoch minulého storočia.[5]

Podobne ako v poľskom kultúrnom prostredí i na Slovensku NKC vytvorili významné hniezda súčasného experimentálneho umenia. Ich evidentný nárast môžeme badať najmä po roku 2003. Vyplnili vákuum v poskytovaní umenia (vrátane divadelného) s pomerne pestrou skladbou činností napriek tomu, že v tomto období už existovali viaceré nezávislé divadlá. Spočiatku sa síce rozrastali poskromne, no postupne si získali rešpekt ako uznávané kultúrne stánky[6]. Vznikli v rôznych regiónoch Slovenska a odlišujú

[4] Squatting je činnosť, ktorá spočíva v obsadzovaní prázdnych budov opustených ich majiteľmi; tieto budovy sú často zanedbané a ich právna situácia je komplikovaná kvôli ťažkostiam s kontaktovaním ich majiteľov. V dôsledku toho sú prázdne budovy často obsadzované bez súhlasu majiteľa. Pre samotných squatterov je účelom squattingu v budove uspokojenie ich potrieb bývania a vykonávanie činností súvisiacich s alternatívnou kultúrou. Takéto činnosti sú založené na sebaorganizácii a samospráve. Korene squatterského hnutia siahajú do prelomu 60. a 70. rokov 20. storočia. V tom čase bol squatting veľmi populárny vo Veľkej Británii, Nemecku a krajinách tzv. západnej Európy (Polanska et al.., 2018). Podľa Raciborskej (2001) sú počiatky squatterského hnutia spojené s hippies kultúrou a myšlienkou života v skupinách.

[5] Podľa Piotrowského (2011) bolo v porovnaní s krajinami ako Česká republika a Maďarsko poľské squatterské hnutie charakteristické najživšou a najstabilnejšou činnosťou.

[6] Legitímne korene nezávislej divadelnej kultúry súvisia najmä s pohybom študentských amatérskych hnutí na Slovensku a kontra-

sa navzájom nielen svojimi funkciami, ale aj poslaním a koncepciou v konkrétnom mieste pôsobenia. Dnes môžeme konštatovať, že sa stali platformou kreovania nezávislého umenia s registrom rozmanitých aktivít vzbudzujúcich záujem širokej diváckej obce. Spomedzi všetkých spomeňme aspoň kultúrny uzol Stanica Žilina-Zárečie, Záhradu – Centrum nezávislej kultúry v Banskej Bystrici, Divadlo Pôtoň a Centrum umenia a kreativity v Bátovciach, Tabačku Kulturfabrik v Košiciach, Prešovské národné divadlo, Divadlo Viola Prešov a najnovšie aj Divadlo Poprad a i., no neustále vznikajú ďalšie nové kultúrne hniezda. Ich funkcie a poslania boli od svojho počiatku charakteristické opozíciou voči oficiálnej kultúre s častým prívlastkom mainstreamová. NKC na Slovensku začali poskytovať netradičné, zväčša divadelné a tanečné produkcie tvoriace protiváhu k tvorbe konvenčných kamenných divadiel (napr. autorská tvorba výskumného typu sa v týchto inštitúciách nerealizovala vôbec, a to nielen z ekonomických či časových dôvodov) (pozri Ballay, 2017).

Do istej miery ich profiláciu ovplyvnila divácka kríza, ktorá postihla slovenské divadlo v 90. rokoch minulého storočia. Na margo nižšieho záujmu publika o veci kultúrne a umelecké, ktorým často argumentovali divadlá konvenčného typu, oponujúco reagoval práve jeden z dramaturgov nezávislého kultúrneho uzla Stanica Žilina-Zárečie M. Krištof: «divácku krízu možno pomôže vyriešiť kríza ekonomická: možno ľudia začnú vnímať aj iné ako ekonomické hodnoty. <…> Platným zákonom je vyhováranie sa na nepodporu, krízu, politizovanie. Mám však pocit, že hlavným problémom je absencia sebareflexie. <…> V súčasnom umení sa dostávajú stále viac do popredia sociálne prvky na úkor estetických» (Grusková et al., 2009: 5).

NKC na Slovensku postupne získavali legitímny význam, vznikali a pôsobili vo forme rôznych organizácií, občianskych združení a pod. Stali sa čoraz viac rešpektovanými ostrovmi experimentálneho umenia, kde sa etablovala opozitná, nezávislá kultúra prinášajúca originálne výsledky tvorby. Dalo by sa povedať, že sa v nej začalo kreovať divadlo v inom, omnoho liberálnejšom režime – v priestore otvorenejšej plurality a slobody tvorby. Príznačnou vlastnosťou mnohých nezávislých kultúrnych centier bola a je skutočnosť, že vznikli z iniciatívy «zdola». Išlo o nepredstieraný záujem jednotlivcov progresívne revitalizovať umelecké aktivity vo svojom meste. Práve nespokojnosť so stavom kultúry a umenia v konkrétnom regióne či meste a vlastná vízia, čím novým by sa tento priestor dal naplniť, stratifikovať, sa stali kľúčovými pri zrode dnes už etablovaných kultúrnych uzlov, kultúrnych bodov a centier. Podobne konštatuje aj slovenský hudobný semiotik a experimentálny hudobný skladateľ Július Fujak, podľa ktorého «v každom regióne nájdeme vyslovene nezištné, spontánne revitalizačné kultúrno-socializačné komunitné aktivity, ktoré <…> sa snažia hľadať alternatívne modusy životného štýlu a vytvárať podmienky pre rozvoj vlastnej minoritnej, nezávislej kultúry» (Fujak, 2014: 312). Dodajme len, že sa v nich postupne vyprofilovali originálne a invenčné dramaturgické línie – samozrejme, prípad od prípadu.

4. Prípadové štúdie vybraných nezávislých kultúrnych centier na Slovensku

4.1. Stanica Žilina-Zárečie

Žiada sa zdôrazniť, že platforma NKC neraz vznikla z transformácie a renovácie nefunkčných industriálnych architektonických priestorov do podoby kultúrnych fabrík a pod. Napríklad nezávislý kultúrny

kultúry 70. rokov 20. storočia, disidentského divadla (bytového, neoficiálneho, zakázaného, pololegálneho atď.), paradivadelných eventov, happeningov, viacerých etablujúcich sa nezávislých divadelných skupín (amatérskych, poloprofesionálnych, neskôr profesionálnych) z prelomu 80. – 90. rokov 20. storočia. Samotné pojmy alternatíva, alternatívna scéna sú na dôvažok pomerne vágne. Jedným z možných determinantov vzniku slovenskej alternatívnej scény je kontrakultúra, od ktorej sa odvíja «koncepcia», zmysel a východiská súčasnej nezávislej scény v celkovom vzostupe jednotlivých nezávislých kultúrnych centier, ktoré sa postupne rozrastali na kultúrnej mape Slovenska predovšetkým po roku 2000. Ako sme už naznačili, jednotiacim princípom je pre nich spoločná typická iniciatíva «zdola» (pozri viac Ballay, 2014: 252).

uzol Stanica Žilina-Zárečie vznikol z úprimných snáh jeho zakladateľa a riaditeľa Mareka Adamova[7] a ďalších iniciátorov občianskeho združenia Truc sphérique revitalizovať kultúrne prostredie v Žiline premenou lokálnej železničnej stanice v Zárečí pod Rondlom.[8]

Stanicu Žilina-Zárečie (ďalej ako Stanica) môžeme považovať za typ kultúrnej fabriky zasadenej do mestského koloritu Žiliny ako jasne vyprofilovaného «laboratória mestskej spoločnosti» (Raut, 2013: 65). Tento projekt podľa iniciátorov samotného občianskeho združenia nadväzuje na široké medzinárodné spektrum kultúrnych inštitúcií («kulturfabrik") vzniknutých na platforme skupín mladých ľudí a umelcov, ktorí vdýchli nový život do prázdnych nevyužitých továrenských hál, priemyselných objektov, staníc a obchodných centier. Rakúska kultúrna manažérka a publicistka E. Rauth tvrdí, že «ak sa prebuduje továreň na priestor slúžiaci umeniu, vede, vzdelávaniu, remeslám, spoločenským a ekonomickým inováciám, práci i bývaniu, môže dané industriálne dedičstvo predstavovať plodné experimentálne zóny" (Raut, 2013: 65). Analogicky aj iniciátori žilinského občianskeho združenia prebudovali chátrajúcu lokálnu stanicu na variabilný priestor slúžiaci edukačným, neformálnym umeleckým aktivitám, festivalom, laboratórnej umeleckej tvorbe – v kontinuálnej dramaturgickej línii najmä po roku 2009, keď k Stanici (budove S1) pribudla i druhá budova S2 (okrem funkčnej železničnej zastávky) s nízkymi energetickými nákladmi inšpirovaná konštrukčnou metódou holandského staviteľa Toma Rijvena.

Nezávislý kultúrny uzol Stanica Žilina-Zárečie bol otvorený v roku 2003 medzinárodným spektakulárnym projektom *Cesta do stanice,* ktorý sa konal v zrekonštruovaných priestoroch železničnej staničky (interiér i exteriér). Tá bola do tohto roku majetkom Železníc SR.[9] Divadelný event *Cesta do stanice* bol tematicky spätý s lokálnou históriou železničnej zastávky na trase Žilina – Rajec. Zúčastnilo sa na ňom 62 performerov z rôznych krajín.[10] K autorom konceptu patrili slovenský režisér Viliam Dočolomanský a nórsky režisér Per Spildra Borg spolu so scénografkou Barborou Erniholdovou.

Otvárací projekt *Cesta do stanice* mal symbolický význam. Prilákal do Žiliny nielen domácich účinkujúcich, ale i viacero zahraničných divadelných skupín: Farma v jeskyni (Česká republika), Stella Polaris (Nórsko), Teatr Plastyczny (Poľsko) či mnohých zahraničných performerov z 15. krajín sveta. Strávili tu intenzívny workshop pod vedením slovenského režiséra Viliama Dočolomanského, umeleckého šéfa a režiséra medzinárodného divadelného štúdia Farma v jeskyni a nórskeho režiséra Pera Spildru Borga z nezávislej divadelnej skupiny Stella Polaris[11]. Pochopiteľne, uvedenie Stanice do života sa tematicky týkalo kultúrnej

---

[7] Mgr. Marek Adamov (1978) je absolventom odboru kulturológia na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave. Je zakladateľom a riaditeľom kultúrneho uzla Stanica Žilina-Zárečie ako jeden z členov žilinského občianskeho združenia Truc sphérique. Bol tiež iniciátorom projektu rekonštrukcie Novej synagógy v Žiline a jej transformácie na Kunsthalle ako jedného z ďalších rozšírených priestorov tohto nezávislého kultúrneho uzla (t. z. okrem priestorov budovy S1, budovy S 2 a S 3 v areáli Stanice v Zárečí) so samostatnou dramaturgiou (vrátane Galérie Plusmínusnula).

[8] «Iniciatíva Stanica je originálnym využitím priestorov železničnej zastávky Žilina-Zárečie (v bezplatnom prenájme od Železníc Slovenskej republiky) na trati zo Žiliny do Rajca. Vdychuje do nich pulzujúci život, mení stanicu na priestor pre súčasné umenie a kultúru, ale aj komunitné a sociálne aktivity. Zasahuje širokú skupinu ľudí – detí, mladých, dospelých, umelcov i divákov, ale aj cestujúcich a náhodných chodcov. <…> Divák v ňom prestáva byť divákom, cestujúci cestujúcim a stanica nudným miestom čakania na vlak, všetci sa stávajú účastníkmi kultúrneho diania.» (Bližšie pozri: Stanica, Žilina: Stanica Žilina-Zárečie, v. v. i. 2010. Citované 15. septembra 2025, z http://www.stanica.sk/starastranka/main.php?page=STANICAidea&lang=SK.)

[9] M. Adamov a ďalší členovia občianskeho združenia Truc sphérique Stanicu (budovu S1) v danom roku dostali za symbolický 30-ročný prenájom od vtedajších Železníc SR.

[10] M. Adamov sa týmto pilotným (otváracím) projektom prihlásil k interkultúrnej koncepcii nezávislého kultúrneho uzla.

[11] Mohli by sme konštatovať, že už tento pilotný divadelný event mal v sebe definovaných niekoľko rozmerov filozofie tohto hniezda nezávislej kultúry na Slovensku. Hlavnou ideou fungovania Stanice sa stala snaha sieťovať a širšie kultúrne profilovať región – prepájať činnosti a nezameriavať sa len na inscenačnú tvorbu.

pamäti miesta, ktorou sa obaja režiséri inšpirovali. Stála za tým idea preskúmať pamäť malej regionálnej prímestskej stanice (zastávky) a jej histórie. V prvom rade sa nechali inšpirovať tragickým rozmerom železničnej zastávky Záriečie: z tohto miesta boli počas druhej svetovej vojny vyvážaní Židia do koncentračných táborov. Druhý aspekt inšpirácie sa viaže k histórii rodiny, ktorá pred rokmi obývala železničnú zastávku (Pozri Ballay, 2017). Výsledkom sa stal divadelný event *Cesta do stanice* (dlhodobo ojedinelý projekt svojho druhu na Slovensku) nadobúdajúci rozmer intervencie vo verejnom priestore, prípadne projektu typu site-specific s prvkami divadelnej fiesty či exteriérového divadla.

> Pestrosť a pluralita mnohých divadelných druhov i foriem dodávali tomuto projektu požadovanú ‚spektakulárnosť´ – pútavou výrazovosťou, univerzálnym pohybovým jazykom, kompozičným usporiadaním, priestorovou atypickosťou a pod. V záujme naplnenia takejto ‚podívanej' sústredili obaja režiséri na pomerne rozsiahlej ploche tohto ‚outdoorového' areálu niekoľko scénických možností na situovanie šou – ohňovej, pouličnej, cirkusovej, hudobnej i site-specific. Z konkrétnych ‚zastávok' pochôdzkového divadla sa stala púť dejinami daného miesta s pripomenutím akéhosi jeho mementa, kultúrnej pamäti a pod. (Ballay, 2012: 104-105).

Tvorcovia Farmy v jeskyni sa opätovne vrátili do Stanice v roku 2006. Rezidenčne tu skúšali a zrealizovali série výskumov s hercami a ďalšími spolupracovníkmi, ktoré sa týkali histórie železničnej stanice. Z pôvodnej časti divadelného eventu *Cesta do stanice* napokon vznikla celovečerná inscenácia *Čekárna* (2006, réžia Viliam Dočolomanský). Tvorcov v tomto prípade nezaujímala iba téma holokaustu. Počas ich tvorivého pobytu v Žiline inkorporovali do svojho výskumu aj spoločensko-kultúrnu klímu a «ku kompletizácii výskumných materiálov sa pridávali i ďalšie svedectvá pamätníkov holokaustu – autentické rozhovory a výpovede o prežitom pekle na zemi prostredníctvom nahrávok. Tvorcovia sa inšpirovali i aktuálnymi prejavmi konkrétnych politikov, ich správaním, rétorikou, myslením a pod.» (Ballay, 2012: 105-106). Možno konštatovať, že Stanica predstavuje paradigmatický príklad revitalizácie industriálneho priestoru do podoby kultúrnej fabriky. Projekty, ako napr. festival Kiosk, venovaný súčasnému tancu a performatívnym formám, ukazujú jej schopnosť reflektovať a spoluvytvárať diskurz o súčasnom divadle.

4.2. Záhrada – Centrum nezávislej kultúry

Približne od roku 2011 začala po komplikovaných a náročných architektonických rekonštrukciách oficiálne svoju činnosť Záhrada – Centrum nezávislej kultúry (ďalej ako Záhrada) priamo v centre Banskej Bystrice. Vznikla vďaka významnej iniciatíve viacerých členov neziskovej organizácie Záhrada (Milan Slama, Milan Zvada, Kristína Chmelíková, Dušan Krnáč a i.), ktorá fungovala najskôr ako neformálne zoskupenie umelcov, miestnych ľudí, študentov, dobrovoľníkov. Jednou z iniciátoriek tejto neziskovej organizácie bola divadelná režisérka, filantropka, herečka a političkа Viera Dubačová. Priestor Beniczkého pasáže v historickej zóne Banskej Bystrice sa tak rozrástol o ďalšie kultúrne centrum v sieti nezávislej kultúry na Slovensku s obdobnými, ale predsa v niečom odlišnými zameraniami než žilinská Stanica. Spočiatku sa dramaturgovia a programoví manažéri Záhrady orientovali na oblasť nezávislého umenia, neskôr sa systematicky začali zameriavať na komunitné formy minoritného divadla (Záhrada sa popri inom stala aj domovskou scénou Mestského divadla – Divadla z Pasáže[12]). V kontexte jej doterajšej, relatívne krátkej histórie môžeme evidovať niekoľko vlastných premiér tanečných i divadelných diel, ktoré vznikli na základe koprodukcií, rezidenčných pobytov, ako aj iniciatív tvorcov integrovaných v rámci Záhrady (napríklad v rámci etablovaného Divadla v Záhrade) (Pozri Ballay, 2017).

[12] Tvorcovia tohto divadla celoročne zvykli skúšať v Záhrade približne dve inscenácie ročne.

Aj tento kultúrny priestor si cieľavedome vypestoval «inú» vlastnú poetiku. Preto silné pozitívum tohto hniezda nezávislej kultúry predstavovali projekty na báze medzinárodnej spolupráce. Hosťovanie umelcov zo zahraničia sa netýkalo bežného turné, ale naberalo viacdimenzionálne rozmery. Programový dramaturg Záhrady Milan Zvada[13] sa prioritne orientoval na oblasť «iného» divadla s presahmi k viacerým druhom umenia, ako aj k experimentálnym divadelným formám. Zvadom pomenované determinanty programovej štruktúry neustále ústili do snahy vyhľadávať, ba priam nastoľovať nové témy, čím sa rovnomerne zvyšovala aj umelecká náročnosť ich formy. Išlo o prejav vyhranenej dramaturgie, ktorá nemala smerovať k zjednodušujúcej konzumnosti divadelnej kultúry, ale k neustálemu profilovaniu estetického diskurzu o nej (Pozri Ballay, 2017).

Zmysluplným vyústením programovej dramaturgickej náplne tohto nezávislého kultúrneho centra sa stali (podobne ako v žilinskej Stanici) rezidencie rôznych umelcov (režisérov, choreografov, performerov, tanečníkov etc.). Dominantný potenciál rezidencie tkvel najmä v snahe tvorcov tvoriť experimentálne (t. z. laboratórne). Vznik diel na podklade rezidenčných pobytov preto nebol len plodným tvorením a participáciou na individuálnom projekte medzinárodného charakteru, ale tiež ideálnou príležitosťou interkultúrneho dialógu so všetkými pozitívnymi dosahmi (Ballay, 2017: 291-294).

Možno konštatovať, že Záhrada sa profilovala a naďalej profiluje ako priestor podporujúci divadlo site-specific, performancie, komunitné projekty a inscenačné experimenty. Rezidenčné pobyty umožňujú tvorcom reagovať na miestne sociálne témy, napríklad otázky ekologickej udržateľnosti alebo menšinovej identity. Jej dramaturgia zdôrazňuje dlhodobú prácu s komunitou, čím sa divadelná prax prelína s občianskym aktivizmom. Práve príklon k performatívnym formám divadla Zvada charakterizuje takto:

> pod neutrálne slovo performance môžeme navyše zahrnúť nielen umývanie riadu, ale aj spoločenské javy, ako rituály, demonštrácie, športové udalosti <…>, oslavy, slávnosti, náboženské sviatosti či akékoľvek iné kultúrne praktiky vykonávané alebo predvádzané za rôznym účelom – raz vedome, inokedy ako prirodzenú súčasť života komunity. Možno povedať, že jedným z hlavných cieľov ´performance studies´ je skúmať a interpretovať fenomenologickú príbuznosť týchto praktík a zároveň snahu danú kultúru cez jej performatívne akty spoznať a lepšie jej porozumieť (Zvada, 2013: 34).

Práve akcentovanie performatívneho aspektu programu či programovej konštelácie NKC (dramaturgia ako «performaturgia») sa ukázalo ako charakteristická črta dramaturgickej tváre Záhrady.

4.3. Vybrané «laboratóriá» nezávislého divadla na Slovensku v subtémach

Medzi ďalšie hniezda nezávislej kultúry možno zaradiť povedzme Tabačku Kulturfabrik v Košiciach (ďalej ako Tabačka), ktorá sa zapája do medzinárodných sietí, čo jej umožňuje prinášať na Slovensko projekty európskeho významu. Napríklad v rámci projektu Košice – Európske hlavné mesto kultúry (2013) sa etablovala ako centrum s trvalým dosahom na lokálnu scénu. Dramaturgia Tabačky totiž kombinuje nezávislé divadlo s hudobnými a vizuálnymi žánrami, čím vytvára hybridné kultúrne formy. Spolu so Stanicou predstavujú osobité miesta kultúry, kde sa prelínajú divadelné, tanečné a vizuálne umenie s hudbou. Tieto

[13] Mgr. Milan Zvada (1982) absolvoval štúdium anglického jazyka a filozofie na Fakulte humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, v rámci štúdia v Holandsku a vo Fínsku absolvoval program Erasmus Mundus MA v odbore International Performance Research. Venuje sa prekladateľstvu a divadelnej publicistike. Pôsobí ako učiteľ anglického jazyka, dramaturg a projektový manažér v oblasti nezávislej kultúry, v súčasnosti je dramaturgom kultúrneho centra Záhrada v Banskej Bystrici. Od roku 2015 je členom neformálnej skupiny INOKRAJ, ktorá sa snaží prepájať LGBT+ komunitu v Banskobystrickom kraji so svetom a svet s ňou.

hybridné formy reflektujú postmoderný trend stierania či prekračovania hraníc medzi umeleckými druhmi a žánrami.

Inú platformu kultúrneho hniezda predstavuje Divadlo Pôtoň v Bátovciach, ktoré je jedinečné v tom, že spája divadelnú prax s výskumnou činnosťou. Viaceré inscenácie tohto zoskupenia, ako napríklad *Krajina nepokosených lúk* (2013) alebo *Pastierska symfónia* (2019) a mnohé i. tematizujú environmentálne problémy a spoločenské konflikty. E. Knopová zdôrazňuje, že poetika spomínaného telesa predstavuje «prepojenie antropologického a rituálneho divadla s multimediálnymi postupmi» (Knopová, 2018: 319). Navyše, spolu s Prešovským národným divadlom[14] využívajú performatívne formy divadla na skúmanie identity a spoločenských problémov, čím sa stávajú platformami kritickej reflexie. Naopak, banskobystrická *Záhrada* a *Bašta* v Bardejove signalizujú, že performativita môže mať tiež silný komunitný rozmer – od amatérskeho divadla po inscenačné projekty v netradičných, site specific priestoroch.

Ďalším inšpirujúcim divadelným zoskupením, využívajúcim performatívne stratégie vizuálneho divadla, nových médií, bábkarských techník, je ODIVO z Banskej Bystrice. Jeho tvorba prostredníctvom interaktívnych foriem redefinuje divácku skúsenosť, ba dokonca neraz oslovuje aj detské publikum či diskurzívneho festivalového diváka. Vznikajú tak pozoruhodné inscenácie prekračujúce tradičné kategórie, čím dochádza k významnému posúvaniu hraníc slovenskej performatívnej estetiky.

Iné, pomerne mladé multikultúrne centrum na Slovensku predstavuje VIOLA v Prešove, ktoré vzniklo v roku 2013. Téme multikulturality sa jej tím venuje sústredene prostredníctvom programov, ktoré prinášajú informácie o dejinách umenia jednotlivých národov, národností a etnických skupín a o tom, ako sa s mnohokultúrnosťou pozvoľna vyrovnávali. Súčasne sa zaujíma o dejiny národov, národností, etník, ktoré žili a pôsobili na východnom Slovensku alebo priamo v meste Prešov či prešovskom regióne. Sústreďuje sa tiež na predstavovanie významných osobností, ktoré boli príslušníkmi národnostných menšín a zároveň zasiahli svojou činnosťou výrazne i do kultúry majoritného národa.[15] Úsilia tohto inšpiratívneho «laboratória» experimentálnej hudby, literatúry, vizuálneho umenia či divadla, oslovujúceho predovšetkým detské publikum, vyústili do vytvorenia ďalšieho kultúrneho centra Divadlo Poprad, ktoré svoju umeleckú činnosť otvorilo multižánrovým festivalom len nedávno – v jeseni 2025.

5. Záver

NKC, ktoré zväčša združujú mladých ľudí, na jednej strane organizujú rôzne iniciatívy v rámci jednotlivých centier a na strane druhej odzrkadľujú záujmy ľudí, ktorí jednotlivé centrá vytvárajú a ďalej ich aj profilujú. Bližšie charakterizované miesta poskytujú priestory pre umelcov a hudobníkov rozličných oblastí

[14] Zakladateľskou dvojicou Prešovského národného divadla (ďalej ako PND), ktoré vzniklo ako občianske združenie 8. 11. 2014, je dramatička a dramaturgička Michaeala Zakuťanská a režisérka Júlia Rázusová. Tvorbe PND divadelná reflexia prisudzuje atribúty ako autentická či generačná výpoveď. Témy, ktoré do mozaiky tvorby nezávislých divadiel prináša v dominantnej miere určuje Michaela Zakuťanská svojimi dramatickými textami. Nevytvára v nich psychologicky prepracované charaktery s jasnými motiváciami konania. Postavy skôr reprezentujú typy, ktoré sú nositeľmi hodnôt, svetonázoru, otázok spojených so zmyslom života či životným štýlom. Rázusová zase pracuje s princípmi popierania javiskového realizmu a herci stvárňujú postavy na javisku štylizovane a s nadhľadom. Pohyb a akcia hercov na scéne občas pripomína figuríny alebo bábky predovšetkým v groteskno-absurdných polohách (pozri tiež Timčíková, 2020).

[15] Okrem toho dramaturgička a umelecká šéfka Violy, Tatiana Pirníková, spolu so svojím umeleckým tímom založili multižánrový festival venovaný porozumeniu medzi etnikami a rasovej znášanlivosti, pričom sa v rámci neho venujú odbornej výskumnej a vzdelávacej činnosti v danej oblasti, ako aj umeniu susedných štátov. Zároveň iniciujú spoluprácu s tvorivými umelcami zo zahraničia a tiež vzdelávaciu činnosť pre deti a školy v podobe umeleckých workshopov a interaktívnych programov. (Bližšie pozri Viola, Prešov: Divadlo Viola, v. v. i. 2015. Citované 3. septembra 2025, z https://www.violapresov.sk/domov.)

(napr. skúšobné miestnosti, priestory na koncerty, výstavy a workshopy), ale môžu sa považovať aj za miesta, kde sa konajú spoločenské aktivity (trebárs stretnutia, diskusie, workshopy a pod.). Ďalší rozmer ich činnosti súvisí s propagáciou zdravého životného štýlu, a to aj prostredníctvom organizovania rôznych rekreačných a športových iniciatív (napr. tréningy, súťaže a rekreačné podujatia). NKC možno preto chápať ako multidimenzionálne miesta rozrôznených tvorivých aktivít. Špecifikované performatívno-inscenačné produkcie, ktoré v práci bližšie interpretujeme, nám umožňujú hodnotiť priestory ako dôležitú súčasť miest, v ktorých jednotlivé NKC pôsobia. Nepochybne vytvárajú priaznivé podmienky na rozvoj spoločenských, kultúrnych a rekreačných iniciatív. Sú takisto veľmi dôležitým prvkom vzdelávacieho a socializačného procesu, keďže ponúkajú kreatívne návrhy (zvyčajne mladým) ľuďom, ktorí ich navštevujú a chcú rozvíjať svoje vášne a záujmy bez toho, aby mali na to povedzme vhodný scénický priestor.

V sumarizujúcom diskurze možno konštatovať, že NKC na Slovensku po roku 2000 predstavujú akési «laboratóriá» súčasnej performativity. Aj vďaka autorskému a výskumnému divadlu, rozličným hybridným a performatívnym formám, site-specific divadlu a multimediálnym projektom sú charakteristické svojou interdisciplinárnosťou, komunitnou orientáciou a spoločenskou angažovanosťou. Vytvárajú alternatívny model kultúrnej produkcie, ktorý sa stáva životaschopný aj napriek neraz značným ekonomickým obmedzeniam. Potvrdzuje sa tým skutočnosť, že performativita v danom ponímaní je nielen estetickým, ale aj významným politickým či sociálnym nástrojom umeleckej výpovede. V takomto prostredí môžeme uvažovať o «zreteľnejšom odtabuizovaní procesu tvorby a jeho sprístupnení adresnému, špecificky zacielenému publiku nezávislého umenia. Tu sa zároveň otvára výrazný edukačný potenciál samotných NKC. Prioritnou úlohou dramaturgov a programových tímov týchto subjektov je tento potenciál využívať, vzdelávať divadlom rôzne cieľové skupiny divákov pre osobitý typ poetiky (netradičnej, experimentálnej, ´inej´ a pod.), budovať k nej vzťah a kultivovať prostredníctvom nej vkus.» (Ballay, 2017: 303-304).

Pochopiteľne, že predkladaná štúdia – aj vzhľadom na limitujúci rozsah – nemôže postihnúť celú škálu rozsiahleho poľa interpretačných možností, ako čítať i vnímať pôsobenie a tvorbu NKC názorovo diferencovaným auditóriom. Usiluje sa však ponúknuť jednu z optík na uplatňovanie rozličných performatívnych stratégií, korešpondujúcich s daným priestorom kultúrnych centier, ich kultúrnou pamäťou, ktorý by si v budúcnosti zaslúžil možno ešte sústredenejšie rozkrytie ich ďalších významových i výrazových rovín, doplňujúc tak viacvrstvovú mozaiku bohatého korpusu skúmanej problematiky.

Bibliografia

Auslander, P. (2006). *Performing Glam Rock: Gender and Theatricality in Popular Music*. University of Michigan Press.

Austin, J. L. (1962). *How to do things with Words*. Oxford University Press at the Clarendon Press.

Ballay, M. (2012). *Farma v jeskyni*. Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre.

Ballay, M. (2014). Dramaturgia nezávislých kultúrnych centier. In *Slovenské divadlo, 62*(3), 250-264.

Ballay, M. (2017). Dramaturgické línie nezávislých kultúrnych centier. In E. Knopová (Ed), *Súčasné slovenské divadlo v dobe spoločenských premien. Pohľady na slovenské divadlo 1989 – 2015* (258-304). VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Bengsten, P. (2014). *The Street Art World*. Almendros de Granada.

Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge.

Fischer-Lichte, E. (2021). *Úvod do divadelných a performatívnych štúdií*. Divadelný ústav.

Fujak, J. (2014). Kultúra «zdola» – význam pôsobenia nezávislých kultúrnych a umeleckých komunít v Nitre. In M. Ballay, K. Gabašová, V. Kudlačáková (Eds), *Minority* v *subsystéme kultúry* (309-318). Kulturologická spoločnosť v spolupráci s Katedrou kulturológie FF UKF v Nitre.

Goffman, E. (2018). *Všichni hrajeme divadlo*. Portál.

Grusková, A., & Čiripová, D., & Krištof, M. (2009). Rozvíjanie vnímavosti a kreativity. [Rozhovor]. In *ked – konkrétne o divadle, 3*(5), 5-8.

Knopová, E. (2014). Na ceste od terapie umením ku komunitnému divadlu. In M. Ballay, D. Fojtíková, E. Knopová, N. Lindovská (Eds), *Divadlo nielen ako umelecká aktivita* (25-42). Ústav divadelnej a filmovej vedy SAV.

Knopová, E. (2018). Vzťah divadelnej vedy, vzdelávania a scénického umenia v 21. storočí. In E. Knopová (Ed), *Súčasná teatrológia a divadlo* (314-326). Akadémia umení v Banskej Bystrici.

Kołacki, K. (2005). Pro Arte – Pismo kulturalno społeczne. Vydawnictwo Poznań.

Krištof, M. (2013). Dramaturg ako kurátor a sociálny pracovník alebo dramaturg v nezávislom kultúrnom priestore. In Kolektív (Eds), *Nová dramaturgia, nový dramaturg*, (93-97). Divadelný ústav.

Maťašík, A. & Mistrík, M. (2017): *Divadlo, ľudia a inštitúcie v nových situáciách*. Veda.

Pavis, P. (2004). *Divadelný slovník*. Divadelný ústav.

Piotrowski G. (2011). *Squatted Social Centers in Central and Eastern Europe*. International Center for Research and Analysis, Working Paper.

Płuciński P. (2014). «Miasto to nie firma!" Dylematy i tożsamość polityczna miejskich ruchów społecznych we współczesnej Polsce. In *Przegląd Socjologiczny, 1*(1), 137-170.

Podmaková, D. (2013). Obraz transformácie divadelnej siete v Slovenskej republike. In *Slovenské divadlo, 61*(4), 383-401.

Polanska D. V., Piotrowski G., Martinez M. A. (2018). *Skłoting w Europie środkowej i Rosji*. Europejskie centrum solidarności.

Raciborska, A. (2001). *Własna tradycja – czyli tradycja w oczach badanych*. Wydawnictwo Naukowe «Scholar».

Rauth, E. (2013). Industriálna minulosť – kreatívna budúcnosť. Industriálne priestory ako laboratóriá mestskej spoločnosti. In *k0d – konkrétne o divadle,* 7(6), 62-66.

Schacter, R. (2013). *The World Atlas of Street Art and Graffiti*. Yale University Press.

Schechner, R. (2002). *Performance Studies: An Introduction*. Routledge.

Timčíková, Z. (2020). *K transformácii slovenskej divadelnej siete po roku 1989 – mimobratislavské nezávislé divadlá a kultúrne centrá*. Dizertačná práca SAV.

Zvada, M. (2013). «Performance studies»: divadlo ako predmet, prax, poznanie. In *Javisko, 45*(1), 32-35.

Żuk, P. (2001). *Społeczeństwo w działaniu. Ekolodzy, feministki, skłotersi*. Wydawnictwo Naukowe Scholar.

ZDROJE

Stanica, Žilina: Stanica Žilina-Zárečie, v. v. i. 2010. Citované 15. septembra 2025, z http://www.stanica.sk/starastranka/main.php?page=STANICAidea&lang=SK.

Viola, Prešov: Divadlo Viola, v. v. i. 2015. Citované 3. septembra 2025, z https://www.violapresov.sk/domov.

КО СУ *МИ*, А КО СУ *ОНИ*? ИСПИТИВАЊЕ СТАВОВА РЕЦИПИЈЕНАТА О ДИХОТОМИЈИ ТОКОМ ПРЕДИЗБОРНЕ КАМПАЊЕ НА ПРИМЕРИМА ИЗ СРПСКИХ МЕДИЈА

Милица Рабреновић
Институт за српски језик САНУ

1.Теоријски оквир истраживања

Поларизација дискурсних учесника општа је појава у многим убеђивачким дискурсима и дискурсима моћи на различитим језицима (Lakoff, 1990: 183; Katnić Bakaršić, 2012: 400-402). Она се често јавља у политичком (Stepanov, 2016; Слијепчевић Бјеливук, 2021) и медијском дискурсу (Menz, 1989; Николић, Слијепчевић Бјеливук, 2022). Посматрана са лингвистичког аспекта, поларизација припада групи манипулативних језичких стратегија, које подразумевају «svaki oblik smislene upotrebe jezika kojom se može uticati na formiranje nečijeg mišljenja na način da osoba nije u potpunosti svesna na koji način je vršenje uticaja ostvareno» (Janjatović Jovanović, 2020: 147). Ова манипулативна стратегија представља издвајање позиција, односно формирање неколико група које су, по правилу, супротстављене. На тај начин се одређени дискурс, а кроз њега и стварност, конструише кроз опозиције СВОЈ наспрам ТУЂ[1], МИ против ВАС, МИ против ЊИХ, али и МИ против ДРУГИХ[2]. Супротстављање прве и друге позиције, дакле НАС и ВАС/ЊИХ, често прати позитивна самопромоција и негативна презентација других (Van Dijk, 1997: 36; Chilton, 2004: 45-46). Манипулација поларизацијом погодна је за контролу и доминацију једних друштвених група над другима.

Поларизација је изразито заступљена током предизборног периода[3], што потврђује и изразита подељеност у друштву[4] која је уследила и током предизборне кампање поводом расписивања парламентарних избора у Србији у новембру и децембру 2023. године. С једне стране налазила се коалиција «Србија против насиља», док је с друге стране била владајућа коалиција на челу са Српском напредном странком.

Као што су показала претходна истраживања, језик предизборних кампања у Србији одржава континуитет манипулативне и агресивне реторике (Симић, 2012; Valić Nedeljković, 2017; Јањић, Валић Недељковић, 2017; Слијепчевић Бјеливук, 2021; Ненадић, 2022). Овакво стање потврђују и

[1] О архетипској опозицији СВОЈ:ТУЂ пише Љ. Поповић (2014: 80), указујући на етничке стереотипе из угла етнолингвистике. Луторка истиче да на «рецепцију странца <...> утиче принцип супростављања – ако се опозиција гради као еквиполентна, странац је у њој претежно негативно или иронично маркиран, уколико се пак таквој опозицији додаје трећи члан, онда се рецепција представника истог народа мења, при чему се као основни фактор позитивног маркирања стереотипа «другог» у односу на «трећег» узима религијски фактор, као што је то пример у трочланим опозицијама стереотипа Украјинац–Рус–Турчин; Украјинац–Рус–Љах или Србин–Рус–Турчин» (Popović, 2014: 109).

[2] Опозицијом МИ : ДРУГИ супротстављање постаје израженије «јер се употребом редног броја *други* жели истаћи и то да *ми* није истог ранга ни у ком смислу у односу на *други*, у односу на све оно што није ми» (Слијепчевић Бјеливук, 2012: 194).

[3] Најинтензивније извештавање у политичком дискурсу одвија се током предизборне кампање (Слијепчевић Бјеливук, 2021), стога се у том периоду осећа и снажан уплив манипулативних и персуазивних стратегија у медијски дискурс (Слијепчевић Бјеливук, Рабреновић, 2025: 226).

[4] «'Javnost u Srbiji je izuzetno politički polarizovana što se odražava i na medijski diskurs (Stjepić, 2020: 9)', али пре бисмо рекли да је медијски дискурс изразито поларизован, те отуд и поларизовано јавно мњење као последица» (Рабреновић, 2025б: 1030).

резултати наших истраживања, у којима је било посебно уочљива употреба стратегија самопромоције и делегитимизације политичких (против)кандидата и њихових група током предизборне кампање 2023. у српским медијима (Рабреновић, 2025а; Рабреновић, 2025б; Слијепчевић Бјеливук, Рабреновић, 2025). Овим истраживањем стављамо фокус на то како реципијенти тумаче дихотомије ми:они у насловима српских медија током поменутог периода.

Сходно томе, предмет овог истраживања биће ставови испитаника о дихотомији у насловима српских медија током поменуте предизборне кампање с циљем да се сагледа на који начин реципијенти перципирају и интерпретирају те дихотомије – ко су за њих *ми*, а ко *они*.

2. Методе и технике истраживања

2.1. Испитаници

У овом истраживању учествовало је 98 испитаника, следеће старосне доби: 18-24 године (3), 25-34 (60), 35-44 (24), 45-54 (11). Од укупног броја испитаника, факултетски су образована 84 (85,7%), а њих 14 (14,3%) има средњошколски ниво образовања. У истраживању учествовало је 69 (70,41%) испитаника женског пола и 29 (29,59%) испитаника мушког пола.

2.2. Корпус и методологија

Корпус овог истраживања чине одговори испитаника прикупљени током маја 2025. године, путем анкете коју су испитаници електронски попуњавали на платформи *Google Forms*.

За потребе истраживања направљен је упитник у којем се налазе наслови који су ексцерпирани с медијских портала *ИИнформера*, *Курира*, *Нове Ес* и *Н1*, а објављивани током предизборне кампање, од 1. 11. 2023. до 17. 12. 2023. Ови медији одабрани су због различитих уређивачких политика[5], што је омогућило свеобухватнији увид у разнолике дискурзивне праксе и њихов утицај на публику. Наслови су изабрани тако да садрже заменице или наставак за облик глагола који истичу дихотомију ми:они, на пример:

> Nikoga od vas se ne plašimo, nećemo da bežimo od nasilnika! Udarna poruka Vučića iz Pirota: Staćemo im na crtu, pa da vidimo ko će pobediti (9. 11. 2023, informer.rs) // Pobedićemo ih ubedljivije nego ikad, nije meni da ja odem sa vlasti, nego što bi oni sve uništili (nova.rs, 10. 12. 2023) // Da pobedimo Đilasa i sve njegove liste! Udarna poruka Vučića: Da budem predsednik, a oni da uništavaju Srbiju, to neću! (informer.rs, 12. 11. 2023) // DO POBEDE. VUČIĆ: PRISTOJNA SRBIJA DA SLAVI 17. DECEMBRA! DA IH POBEDIMO JAČE NEGO IKAD, UZ VAŠU ENERGIJU I SNAGU. (kurir.rs, 3. 12. 2023).[6]

Испитаници су имали задатак да у сваком од наслова идентификују групе које представљају нас/ми и њих/они и да у слободној форми образложе свој одговор. Последње питање у упитнику

[5] Портал *Н1* истиче се по специфичној критички настројеној новинарској пракси. Портал Нова С позиционира се, такође, као независан медиј који настоји да обезбеди критичко извештавање, али, могли бисмо рећи, за разлику од портала *Н1*, поприма одлике таблоидне штампе, на шта указују поједине теме којима се баве и сензационалистички наслови. *Курир* и *ИИнформер* важе за најчитаније таблоидне портале чија је уређивачка политика усмерена на промовисање власти. Често се критикују због своје субјективности (провладини медији), недостатка новинарске етике и често нетачних информација, али и даље имају велику читаност и утицај на јавно мњење зато су наслови са ових портала значајни и стављени су у упитник.

[6] Наслови преузети са портала медијских кућа наведени су у оригиналном облику. Ови наслови били су предмет наших претходних истраживања (Рабреновић, 2025а; Рабреновић, 2025б; Слијепчевић Бјеливук, Рабреновић, 2025).

било је: *Да ли овакав језик утиче на предизборну атмосферу?*, уз молбу да испитаници образложе свој одговор.

Одговори су квалитативно анализирани, а резултати представљени дескриптивно. Узевши у обзир одабир и број узорка, ово истраживање је огледног карактера.

3. Резултати

3.1. Ко су они?

Да би се истакла опозиција између политички супротстављених страна, врло често се користе одређена језичка средства, а за наше истраживање релевантна је употреба личних заменица. Како би се противник истакао као непожељан, употребљава се 3. л. множине и тиме се ствара изразита дистанца, што доводи до тога да су ОНИ (опозиција) непријатељи државе (Рабреновић, 2025а). У оваквим насловима се информисање, као основна одлика медијског дискурса, губи, а промовише се владајућа странка. Међутим, ставови испитаника у извесној мери одступају од ове тврдње. У насловима у којима су означене групе заменицом они, испитаници их не квалификују увек негативно, већ позитивно:

> Nikoga od vas se ne plašimo, nećemo da bežimo od nasilnika! Udarna poruka Vučića iz Pirota: Stećemo *im* na crtu, pa da vidimo ko će pobediti (9. 11. 2023, informer.rs) // Pobedićemo *ih* ubedljivije nego ikad, nije meni da ja odem sa vlasti, nego što bi *oni* sve uništili (nova.rs, 10. 12. 2023) // Da pobedimo Đilasa i sve njegove liste! Udarna poruka Vučića: Da budem predsednik, a *oni* da uništavaju Srbiju, to neću! (informer.rs, 12. 11. 2023) // DO POBEDE. VUČIĆ: PRISTOJNA SRBIJA DA SLAVI 17. DECEMBRA! DA *IH* POBEDIMO JAČE NEGO IKAD, UZ VAŠU ENERGIJU I SNAGU. (kurir.rs, 3. 12. 2023).

Највише је било неутралних одговора за означавање групе они, примери су: *народ*, *опозиција*, *политички неистомишљеници*, *они који се боре против садашње власти*. Поједини одговори били су у вези с владајућом политичком странком и некадашњим лидером те странке, те су се на тај начин уносили негативни вредносни судови што указује на сам утицај именоване особе на јавно мњење: *грађани који нису СНС*, *све који нису СНС*, *сви који су против његове власти*, *противници СНС-а*, *они који се не слажу с мишљењем Вучића*, *свако ко није уз Вучића*, *Вучићеви противници*.

Међу одговорима испитаници су наводили *студенти*, што је последица тренутне друштвено-политичке ситуације у земљи[7], а што указује на континуирану поларизацију у друштву и на то да се у овом тренутку група исказана заменицом ОНИ, а опозитна актуелној власти, поистовећује са студентима.

3.2. Позитивно маркирана лексика

Употребом израза као што су *поштен народ*, *људи који имају образа* и *здраву памет*, испитаници повезују групу они са основним људским вредностима и интегритетом. Овде *образ*[8] симболизује

[7] Трагичан догађај који се десио 1. новембра 2024. године у Новом Саду, када је услед урушавања надстрешнице страдало петнаесторо људи, покренуо је низ протестних активности и студентских блокада. Овај друштвени контекст условио је поделу на оне који подржавају власт и противе се блокадама и оне који подржавају студенте и њихове акције. Уместо традиционалне поларизације на власт и опозицију, све израженија постаје подела на власт и студенте, што објашњава одговоре испитаника током маја 2025. године.

[8] У центар фразеолошког поља са соматизмом *образ* улазе јединице које се односе на карактерне особине људи, пре свега на оне које се издвајају с обзиром на етичке категорије као што су част, поштење, достојанство и углед (Штрбац, 2017: 106).

личну и колективну част и поштење, док *здрава памет* и *нормални грађани* носе значење рационалног, непристрасног расуђивања. Најчешће се група квалификује релативном реченицом те имамо оне *који се боре за правду*, *који мисле другачије*, *којима је доста оваквог живота*, *који би нешто да промене*, *који мисле својом главом*, *који желе бити слободни*, *који говоре критички*. Овакви изрази имплицирају снажан наратив о борби и ослобађању и истичу праведност, поштење, слободоумност као главне карактеристике ове означене групе.

Квалификатори *слободоумни*, *непоткупљени* директно позиционира ову групу као опозицију корупцији и политичкој манипулацији, чиме се истиче њихова независност од спољних притисака, управо од онога за шта се оптужују у усмереном дискурсу. Поред тога што претходно наведени примери позитивно квалификују означену групу у наслову, имплицитно указују на негативне квалификације групе која је означена заменицом МИ.

Одговор *људи којима је доста оваквог живота* сугерише дубоку егзистенцијалну фрустрацију и потребу за променом.

3.3. Негативно маркирана лексика

Лексика која носи негативно значење није употребљена за квалификовање групе ОНИ, већ за критиковање актуелне власти. У одговорима *сви људи против багре СНС-а* и *сви људи против СНС-а и њихове болесне политике*, користе се изразито оштре речи, попут *багра*, која у РМС има пејоративно значење: б) *човек или људи који заслужују презир, олош, шљам* (РМС, 2011: 55) и ***болесна*** *политика*, које симболизују моралну корупцију и дехуманизацију.

Измишљени непријатељи / имагинарна опозиција / непријатељ који не постоји ови ставови испитаника указују на саркастичну критику власти и медија који групом ОНИ реферишу на друштвене групе које се супротстављају власти. Ова интерпретација указује на дискурс у којем противничка страна можда не постоји у реалности, али је конструисана ради одржавања страха и подела, односно служи само као инструмент манипулације, а не стварни друштвени ентитет.

Међу одговорима забележени су и они којима се група означена заменицом они опозиционо позиционира од оних који представљају симбол ауторитаризма: *сви који се не слажу с диктатором Вучићем*. При чему се председник државе идентификује с речју *диктатор* која носи значење 1. *онај који неограничено влада, апсолутни господар, апсолутиста; онај који намеће своју вољу и захтева послушност без поговора* (РМС, 2011: 266).

Актуелна друштвено-политичка дешавања произвела су нове речи[9]: *блокадери*, *ћаци*. *Ћаци* представља «имагинарни лик који је неписмен, необразован и смањених интелектуалних и моралних капацитета» (Слијепчевић Бјеливук, 2025), те у овом случају група ОНИ идентификује се као супротност овим карактеристикама: *сви који мисле другачије од ћација*. *Блокадери* означавају групу грађана која подржава актуелне студентске и грађанске протесте у држави, неретко се у медијима поистовећују с опозицијом.[10] У зависности од контекста, могу бити негативно или позитивно маркирани. Кроз негативну конотацију имплицирају групу која зауставља прогрес, симболички их представљајући као препреку за даљи развој друштва и државе, кроз позитивну конотацију представљају групу отпора и критичаре власти.

[9] О стилским обележјима језика током протеста 2024/2025. писали су Крцић, Тимић (2025).

[10] У медијским насловима повезују се са опозицијом у заједничким акцијама, као у примеру: Opozicija i studenti blokaderi se krišom dogovaraju kako da sruše Vučića i sprovedu Đilasovu vladu (informer.rs, 31. 3. 2025).

Забележен је један одговор у којем се група истакнута заменицом они квалификује изразито негативно: *плаћени студенти, малобројни, отпадници, плаћеници, ујези*, чиме се указује на деловање ове групе из личне користи и интереса, а не уверења. Израз *плаћеници* носе конотацију људи без моралних вредности, који су спремни за новац да напусте принципе или чак издају своју државу (*страни плаћеници*, в. Слијепчевић Бјеливук, 2024). Израз *малобројни* потенцира идеју да група они нема стварну подршку у друштву и да је њен утицај занемарљив. Представљени су као изоловани и усамљени актери, без легитимитета или снаге. Изразом *отпадници* представљени су као они који су се одвојили од моралног, друштвеног и националног оквира. Симболички, они су *отпад* – нешто што више нема вредност и што треба уклонити.

3.4. Ко су ми?

Употребом заменице 1. л. множине, некада и кроз употребу наставака за множину, истиче се позитивна слика о одређеној страни, што подразумева један начин самопромоције и позитивног вредновања себе (в. Fairclough, 2001: 106, Katnić-Bakaršić, 2012: 400-401). У литератури разликује се инклузивно и ексклузивно *ми* (Fairclough, 2001: 106). Инклузивно *ми* (ја + ви) представља снажно емоционално средство за зближавање са реципијентима (обраћање бирачима); што имплицира заједничку акцију (Katnić-Bakaršić, 2012: 400-401), док ексклузивно *ми* означава политичког актера и његове истомишљенике (ЈА + ВЛАДА, ЈА + ЕЛИТЕ МОЋИ, ЈА + МОЈИ ИСТОМИШЉЕНИЦИ) (Katnić-Bakaršić, 2012: 401). За идентификацију групе заменицом ми испитаници су тумачили исте наслове, само је означена опозитна заменица:

> Nikoga od vas se *ne plašimo, nećemo* da *bežimo* od nasilnika! Udarna poruka Vučića iz Pirota: *Staćemo* im na crtu, pa da *vidimo* ko će pobediti (9. 11. 2023, informer.rs) // Neophodno je da *budemo* ujedinjeni u očuvanju interesa! Vučić nakon raspisivanja izbora: *Živimo* u vremenima koja su teška za ceo svet! (informer.rs, 1. 11. 2023) // Da *pobedimo* Đilasa i sve njegove liste! Udarna poruka Vučića: Da budem predsednik, a oni da uništavaju Srbiju, to neću! (informer.rs, 12. 11. 2023) // Jasan. Vučić: *Nećemo* se sklanjati s puta i *nećemo* da *bežimo, boritćemo* se za svoju Srbiju i *pobedićemo* 17. decembra (kurir.rs, 13. 11. 2023) // DO POBEDE. VUČIĆ: PRISTOJNA SRBIJA DA SLAVI 17. DECEMBRA! DA IH *POBEDIMO* JAČE NEGO IKAD, UZ VAŠU ENERGIJU I SNAGU. (kurir.rs, 3. 12. 2023).

Испитаници су групу означену обликом 1. л. множине идентификовали као ексклузивно *ми*: *власт*, *СНС*. Неретко су у одговорима наводили име председника државе *Вучић*, чиме се истиче један лидер који представља читаву политичку странку и власт. Ово може одражавати ставове да је он централна фигура у политичкој сфери, а и у медијском простору, те отуда и утицај на друштво.

3.5. Негативно маркирана лексика

Квалификатори који су се нашли у одговорима уз именицу *народ*, указују на негативне карактеристике ове групе: *измишљен народ*, *наводно народ*, *измишљен народ који га воли*, *изманипулисан народ*, *измаштан народ*, указујући на то да је та подршка лажна, манипулативна и без основа у реалности. Израз *његов народ* имплицира да је ова група власништво или производ једног човека. Ово може указивати на свест о ауторитарном моделу власти у којем се народ посматра као средство за легитимизацију личне моћи.

Негативно су квалификоване и све присталице владајуће странке, који се у многим примерима везују уз име лидера те странке:

> Он и његови невидљиви другари, Вучић и његови криминалци, Вучић и неколико његових лудака, Вучић и његова свита, Вучић и фиктивни следбеници, он и будале које му верују, мали број оних који заправо верују у те његове глупости, оне који су гласали за њега и којима плаћа да гласају, режимски бирачи, сигурни гласови, уцењени и подмићени лојалисти, чланови секте, група људи која се окупила око једног човека, без икаквих вредности, они који га беспоговорно подржавају зато што их је уценио, обмануо или купио.

Поистовећивање власти с картелом и мафијашком организацијом, ова група представља се као нелегитимна и криминална, чиме се истичу и незагоните активности: *картелска*, *политичко-мафијашка организација на власти и све њихове присталице*. У примеру *људи у фотељама*, фотеља представља симбол моћи, привилегија и статуса. Овај израз указује на одвојеност ове групе од обичног народа.

И у овим одговорима забележени су примери *ћацији*, *ћаци*, чиме се још једном ова група карактерише као необразована и неморална.

Испитаници су означену групу именовали и као *ботови*, *сендвичари*. Ови изрази често се користе за дискредитацију оних који подржавају власт. Ботови представљају особе које механички понављају и/или пишу наручене поруке, без критичког промишљања, док су *сендвичари*[11] синоним за оне који наводно подржавају власт због материјалне користи, представљајући их као лако подмитљиве и површне. Примери *неписмени билмези*, *необразовани народ који гледа Пинк и Елиту* указују на презир према образовном и интелектуалном нивоу групе МИ. Ова реторика поставља линију раздвајања између ОНИ (интелектуално и морално супериорних) и МИ (необразованих и подложних манипулацији). Значењски блиски овим ставовима су и примери: *празноглавци*, *уз енергију ботова и малоумника који гледају Пинк и Информер*, *испран мозак*, *изманипулисани сендвичари*, *плаћени ћаци*, *социјално угрожени*. Овакви ставови, с једне стране, указују на економску и културну маргинализацију ове групе, с друге стране, користе се као средство дискредитације, наговештавајући да социјална и образовна ситуација одређује политичке изборе. Медијски избори се у овим одговорима користе као показатељ интелектуалне и моралне инфериорности.

3.6. Какав је утицај језика медија на јавност?

Последње питање у упитнику било је: *Да ли овакав језик утиче на предизборну атмосферу?*, након овог питања, испитаници су образложили на који начин такви наслови утичу на предизборну атмосферу. Одговори испитаника показују да медијски наслови током предизборне кампање 2023. године имају јасан и снажан утицај на предизборну атмосферу. Већина испитаника (91,5%) сматра да овакви наслови утичу на јавност, а квалитативна анализа њихових одговора показује на које све начине медији утичу на јавно мњење. Најчешће се истиче стварање дубоких подела и поларизација МИ:ОНИ – испитанци наводе да наслови *континуирано деле људе на наше и њихове* и *стварају неповерење и непомирљивост међу грађанима*. Такође, истичу да медији користе језик за манипулацију бирачима: *приморава људе да изаберу страну* и *убеђују, манипулишу*. Поред тога, наслови подстичу страх и тензију, што се огледа у одговорима као што су: *атмосфера страха, да тамо негде постоји непријатељ који све хоће да*

[11] «Термин *сендвичари* у српском јавном и политичком дискурсу је колоквијални израз који се користи, често иронично и погрдно, за особе које подржавају политичке скупове владајуће странке, а за узврат добију бесплатан сендвич, пиће или неку материјалну надокнаду» (Рабреновић, 2025а: 222).

уништи и *стварају тензију и страх да ће се десити нешто страшно*. Испитанци такође указују на негативно и стереотипно представљање опозиције у медијима: *политички противници и опозиција приказују се као насилници, издајници и непријатељи народа* и *представља студенте и људе који их подржавају као негативце*. Део испитаника истиче да наслови могу утицати и на учешће бирача на изборима, било мотивишући их или усмеравајући: *да се повећа излазност на изборима* и *директним обраћањем гласачима власт манипулише њима и уверава их да су и они активни чиниоци политичког живота*. Ови конкретни примери потврђују да медијски језик активно обликује политичку перцепцију и социјалне односе у друштву, наглашавајући значај критичког приступа медијским садржајима.

4. Закључна разматрања

У овом раду бавили смо се испитивањем ставова испитаника о дихотомији у насловима српских медија током предизборне кампање с циљем да се сагледа на који начин реципијенти перципирају и интерпретирају те дихотомије – ко су за њих *ми*, а ко *они*. Корпус су чинили одговори испитаника прикупљени помоћу упитника, у којем се налазе наслови који су ексцерпирани с портала *Инфомера*, *Курира*, *Нове Ес* и *Н1*, а објављивани од 1. 11. 2023. до 17. 12. 2023.

Одговори испитаника указују на то да се група исказана заменицом ми изразито негативно квалификује и деградира, највише кроз употребу афективне лексике. Приписује јој се неморалност, необразованост, изманипулисаност, поткупљивост, нелегитимност. С друге стране, група означена заменицом они представљена је или кроз негативно квалификовање особина друге групе или кроз истицање позитивних вредности. Ова група може се посматрати као оличење савести народа, може представљати групу која тежи правди и истини. Њихова истакнута моралност, борбеност, критичка промишљеност и интегритет представљају противтежу негативним особинама које се имплицитно приписују групи која је означена заменицом ми.

Истраживање показује и да медијски наслови током предизборне кампање снажно обликују перцепцију дихотомије ми:они код читалаца. Већина испитаника (91,5%) сматра да овакви наслови утичу на јавност, и да се тиме утиче на поделе и поларизацију друштва, манипулацију бирачима, подстицање страха и тензије, негативно и стереотипно представљање опозиције, као и утицај на учешће на изборима и политичку активност. Испитаници примећују да медији користе језик за усмеравање гласова и формирање неповерења међу грађанима, што потврђује да медијски дискурс активно обликује политичку перцепцију и социјалне односе у друштву.

Библиографија

Chilton, P. (2004). *Analyzing political discourse, Theory and practice*. Routledge.

Fairclough, N. (2001). *Language and power*. Longman.

Janjatović Jovanović, M. (2020). Manipulativne jezičke strategije u javnom diskursu Srbije. U D. Pralica, S. Janjić (ur.), *Digitalne medijske tehnologije i društveno-obrazovne promene* (str. 144-155). Filozofski fakultet.

Katnić-Bakaršić, M. (2012). Uloga zamjenica mi i oni u konstrukciji odnosa moći u diskursu. U *Bosanskohercegovački slavistički kongres* I (399-407). Slavistički komitet.

Lakoff, R. T. (1990). *Talking power. The politics of language in our lives*. Basic books.

Menz, F. Manipulation strategies in newspapers: a program for critical linguistics. In R. Wodak (ed.), *Language, Power and Ideology* (pp. 227-281). John Benjamins.

Popović, Lj. (2014). Stereotip stranca u ukrajinskom, ruskom i srpskom folkloru. U Lj. Radenković (ur.), *Narodna kultura Srba između Istoka i Zapada* (str. 77-112). Balkanološki institut SANU.

Stepanov, S. (2016). *Asertivnost, relevantnost i žanr (analiza predizbornih političkih govora)*. Filozofski fakultet.

Valić Nedeljković, D. (2017). Ratna i predizborna retorika u kampanjama nekad i sad – sličnosti i razlike. U D. Valić Nedeljković i dr. (ur.), *Politike Sećanja I Zamrznuti Konflikt Postjugoslovenski prostor i širi kontekst* (str. 62-74). Filozofski fakultet.

Van Dijk, T. (1997). Political Discourse and Racism. Describing Others in Western Parliaments. In S. Riggins (ed.), *The Language and Politics of Exclusion, Others in Discourse* (pp. 31-64). Sage.

Јањић, С., Валић Недељковић, Д. (2017). Председнички изборни циклус у медијском тумачењу, Србија 2017. *Српска политичка мисао*, *58*(4), 67-84. https://doi.org/10.22182/spm.5842017.4

Николић, М., Слијепчевић Бјеливук, С. (2022). *Српски јавни дискурс у пандемији*. Институт за српски језик САНУ.

Рабреновић, М. (2025а). (Само)промоција у медијским насловима током предизборне кампање 2023. године. У В. Ђорђевић и др. (ур.), *Српски јавни дискурс* (стр. 215-228). Институт за српски језик САНУ.

Рабреновић, М. (2025б). Стратешка употреба језичких средстава у медијима током предизборног периода 2023. године у Србији. *Philologia Mediana*, *17*, 1027-1042.

РМС (2011). *Речник српскога језика*. Матица српска.

Симић, Р. (2012). Изборна кампања 2012. – понижење језика. У М. Ковачевић, Д. Бошковић (ур.), *Савремено друштво и криза проучавања језика и књижевности* (стр. 195-209). Филолошко-уметнички факултет.

Слијепчевић Бјеливук, С. (2011). О развитку опозиције МИ:ОНИ према опозицији МИ:ДРУГИ у политичком дискурсу Србије. У М. Ковачевић, Ј. Петковић (ур.), Зборник *Језик и идентитет* (стр. 189-195). Универзитет у Источном Сарајеву, Филозофски факултет Пале.

Слијепчевић Бјеливук, С. (2021). *Рекламно-пропагандни жанр у српском политичком дискурсу*. Институт за српски језик САНУ.

Слијепчевић Бјеливук, С. (2024). О стеротипу страни плаћеници у српском јавном дискурсу. *Српски језик: студије српске и словенске*, *29*, 327-337. https://doi.org/10.18485/sj.2024.29.1.16

Слијепчевић Бјеливук, С., М. Рабреновић (2025). Етикетирање јавних актера у новинским насловима током предизборне кампање. *Српски језик: студије српске и словенске*, 30, 225-235.

Слијепчевић Бјеливук. С. (2025, март 13). Ко је Ћаци? *Језикофил*. https://jezikofil.rs/ko-je-caci/

Штрбац, Г. (2017). Фразеолошки потенцијал соматске лексике у српском језику (на примеру соматизама језик, ухо/уво, мозак и образ). *Јужнословенски филолог*, *73* (1-2), 83-113.

СИБИРЬ, ОТРАЖЕННАЯ В АСТАФЬЕВСКИХ ТЕКСТАХ И ПЕРЕВОДАХ: СИБИРЕВЕДЧЕСКИЙ И ЭТНОПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Вероника А. Разумовская
Сибирский федеральный университет

1. Введение

Среди персоналий, являющихся авторами выдающихся произведений – «сильных» текстов мировой и национальных культур (при самом широком понимании феномена текста) и имена которых в культуре и искусстве определяются как знаковые, важное место занимают мастера художественного слова. Данное утверждение бесспорно значимо для литературоцентрических культур, которым свойственно доминирующее положение литературы в культуре в целом, в ее различных видах и формах, а также ощутимое влияние литературы на научные дисциплины с сильным текстологическим началом (философию, культурологию, социологию и т.д.) (Мутья, 2014). Писатель, ставший автором «сильного» текста, имеет личную и творческую судьбу, неразрывно связанные со «своей» культурой. В значительной мере авторы «сильных» произведений литературы становятся творцами «своей» культуры, а их произведения являются ее неразрывной частью. При этом отметим, что, будучи представителем «своей» культуры, писатель нередко создает тексты, действия которых разворачиваются за ее пределами или в «ином» (неземном, фантастическом) пространстве. И даже в таких случаях «сильные» тексты с полным правом представляют собой значимые и неотъемлемые культурные явления как «своих» национальных литератур и культур, так и мировых. К примерам таких «сильных» текстов можно отнести шекспировскую трагедию «Гамлет», действие которой происходит в Дании, и фантастический роман «Аэлита» А. Н. Толстого, повествующий о путешествии землян на Марс.

В данной работе обратимся к произведениям литературы, действия которых происходят в «своем» культурном пространстве, а их авторы могут с полным правом считаться культурными инсайдерам в силу обстоятельств их личной и творческой биографии. При этом необходимо учитывать, что культура любой страны (независимо от ее истории, населения и территории) в большинстве случаев не является гомогенной, а представляет собой сложное гетерогенное образование, комплементарно сочетающее в себе явления универсальные, общекультурные, а также и уникальные, локальные, которые присущи определенным регионам, территориям или даже небольшим локациям. Для современной гуманитаристики бесспорно большой интерес представляют культуры с многочисленными локальными разновидностями, обусловленными наличием в странах регионов, обнаруживающих существенные различия в истории, географии, демографии и многих других параметрах.

2. Многоликая Сибирь – место встречи Востока и Запада

В культурном пространстве современной России также представлены регионы, которые, являясь неотъемлемой частью огромной по территории страны, обладают рядом отличительных особенностей, обусловленных их историей, природой и климатом, этническим составом и религией

населения, традиционными видами хозяйственной деятельности и многими другими факторами. Размышляя о русской идее и русской душе – основополагающих понятиях русской историософии, Н. А. Бердяев пришел к выводу о том, что их сложность и противоречивость обусловлены в первую очередь следующим:

> … в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное (2016: 10).

Одним из российских регионов, в котором происходит встреча Востока и Запада и который находится на их географических границах, занимая большую часть восточных территорий страны, и является Сибирь. Именно Сибирь представляет собой бердяевский «Востоко-Запад». При этом ключевое понятие «Сибирь» включает многочисленные и порой противоположные смыслы. Прежде всего, смыслы географические, экономические, исторические, а также культурные и геополитические, что в совокупности и определяет ингерентную неоднозначность рассматриваемого понятия. Регион обладает культурным разнообразием как на уровне крупных федеративных субъектов РФ (Якутия, Красноярский край, Омская и Томская области), так и в пределах их обширных территорий. Только в Красноярском крае проживают представители более ста этносов, включая коренные малочисленные народы Сибири (эвены, эвенки, долганы, кеты и т.д.). Первоначально возникнув в пределах азиатской части России как понятие географическое и историческое, «Сибирь» и в наши дни не получило точного определения и по-разному понимается как самими сибиряками, так и россиянами и иностранцами, проживающими за ее пределами, что находит свое отражение в неоднозначности таких ключевых понятий как «сибиряк», «сибирский характер». При этом в лексической системе современного русского языка активно используются и вне сибирского региона устойчивые словосочетания, имеющие отсылку к сибирским особенностям: «сибирское здоровье», «сибирские морозы», «сибирские пельмени», «сибирская кошка».

3. Сибирский текст как отражение культуры региона

Информация о Сибири содержится в текстах различной жанровой принадлежности. Первые описания сибирских территорий представлены в летописях, ставших важным явлением русской духовной культуры как в общерусском, так и в сибирском историко-культурных контекстах. Важные сведения о регионе хранят книжные памятники Сибири (например, тексты сибирских старообрядцев), реконструирующие традиционную христианскую культуру восточных территорий России. К источникам информации о Сибири относятся научные, публицистические, фольклорные, эпические, рекламные и многие другие типы текстов. Особую категорию представляют тексты художественной литературы, повествующие о Сибири во всех ее многочисленных проявлениях – историческом, природном, человеческом, культурном и т.д.

В отношении текстов, содержащих информацию о Сибири, с полным правом применимы два понятия, широко используемые в гуманитарном дискурсе – сибирский текст и этнотекст. К. В. Анисимов (2019) выделяет сибирский текст на том основании, что такого рода текст создан в Сибири и/или повествует о Сибири. Данный вид текста непосредственным образом коррелирует с пространством Сибири, преимущественно с территориальной идентичностью ее жителей. Этнотекст

напрямую связан с культурной идентичностью. Причем как с общей сибирской идентичностью, так и идентичностью многочисленных этносов, проживающих на территории региона. Сибирский текст и этнотекст представляют собой два сополагаемых понятия, что с методологической точки зрения позволяет говорить об их гибридизации, результатом которой является появление сибирского этнотекста, ставшего местом «встречи» культур и языков народов, проживающих в Сибири (Разумовская, 2024а). Таким образом, можно утверждать, что сибирский этнотекст характеризуется тесной связью с концептом и хронотопом Сибири.

Образ Сибири стал центральным в творчестве многих российских писателей. Так, певцом земли Сибирской справедливо считается Г. М. Марков, перу которого принадлежат романы «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», повествующие об истории региона, его освоении и о сибиряках – людях с сильным, несгибаемым характером. Истории открытия и освоения края, простирающегося от Уральских гор до Тихого океана, посвящен роман Маркова «Сибирь». Бесспорно значительный вклад в Сибириаду внес и В. Я. Шишков, центральным произведением которого стала «Угрюм-река» – семейная сага времен золотой лихорадки конца XIX – начала XX века. Название Угрюм-река, на берегах которой разворачиваются события романа, было заимствовано автором из сибирской песни и объединило в себе образы нескольких великих сибирских рек. Прежде всего, это Нижняя Тунгуска (один из притоков могучего Енисея), с которой автор романа познакомился во время участия в экспедиции и в силу данного факта биографии хорошо знал данные места, а также Лена (в книге река обозначена как Большой поток) и Енисей. Примечательно, что роман «Угрюм-река» стал наиболее известным экранизируемым произведением о Сибири и ее людях. Эпические романы А. С. Иванова («Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов»), в которых автор обращается к проблемам переустройства общества и вечной теме борьбы добра и зла, также обрели свои киноверсии, ставшие популярными у зрителей. Неотделимо от Сибири и творчество С. П. Залыгина – автора романов «На Иртыше» и «Соленая падь». Вклад в Сибириаду внесли Ф. М. Достоевский («Записки из мертвого дома»), В. М. Шукшин («Любавины»), В. Г. Распутин («Живи и помни»), А. Т. Черкасов («Хмель», «Черный тополь», «Конь рыжий» – трилогия «Сказания о людях тайги»), Н. П. Задорнов («Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка»), В. В. Липатов («Еще до войны», «Игорь Саввович»). Сибирской деревне и ее обитателям посвящены рассказы В. Н. Макашева и произведения многих других авторов. Отметим, что о Сибири писали и иностранные авторы. Интересно, что ряд зарубежных авторов «сибирских» произведений хорошо известны в мировой культуре и литературе. Такими авторами и произведениям стали «Книга чудес света» М. Поло (Сибирь обозначена автором как «долина Баргу»), «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году» Ж. Шапп д'Отроша, «Михаил Строгов» Ж. Верна, «Приключения Робинзона в Сибири» Д. Дефо, «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана, «Через Сибирь» Ф. Нансена, «В лесах Сибири. Дневник одиночества» С. Тессона. Писатели-иностранцы, повествующие в своих произведениях о Сибири (причем некоторые из них там никогда не бывали и почерпнули сведения об описываемом регионе из различных источников) и некоторые российские писатели по отношению к сибирскому региону могут считаться авторами-аутсайдерами, поскольку они не являются сибиряками по рождению или в силу проживания на данной территории в течение продолжительного времени. По сравнению с писателями-аутсайдерами известна группа российских авторов «сибирских» текстов, принадлежащих к категории писателей-инсайдеров.

4. В. П. Астафьев – сибирский писатель-инсайдер

Одним из наиболее известных писателей-инсайдеров Сибири, ставшим знаковым именем русской литературы и культуры XX века, является В. П. Астафьев (1924-2001). Как сибиряк по рождению и воспитанию, он сделал сибирскую тему одной из центральных в своем творчестве. При этом его произведение остаются неотъемлемой частью русской литературы и культуры. В духовном и моральном плане Сибирь имеет для Астафьева значительные отличия от европейской России и, хотя ее природа находится под явной угрозой и ей необходима защита, она стала для писателя-сибиряка «последнем раем мира» (Gillespie, 1993: 256-257). Сибирь это и земля без границ, охваченная вечным холодом, и земля обетованная, пространство воли и свободы, о которой другой известный сибирский автор писал: «…два столетия подряд искали русские люди таинственное Беловодье, легендарную страну, устроенную как рай земной, где они могут жить в полном счастье. Быть может, наши предки и нашли здесь эту легендарную страну» (Распутин, 1983: 114). При этом важно отметить, что для хорошо знакомого с сибирским контекстом Астафьева характерно сложное и неоднозначное, порой критическое отношение к земле и мифам Сибири. Обращаясь к астафьевской повести «Стародуб» с позиции пространственно-культурной мифологии Сибири, Н. В. Ковтун отмечает:

> В «Стародубе» наличествуют все условия «сибирского романа», обслуживающие либо мифологему «земли обетованной», либо густую этнографическую бытопись, либо схему «жестокого романа», наконец, стандарт социального романа о преобразовании жизни окраин, но Астафьев преодолевает и эстетику областнического любования, и эстетику воспевания социального прогресса, и эстетику утопического мифологизирования (2009: 72).

Большинство произведений, представленных в творческом наследии Астафьева, посвящено людям, природе и культуре его родной Сибири. Даже после смерти автора астафьевские тексты сохраняют свою актуальность и обладают культурной ценностью как для «своих» читателей, так и вызывают большой интерес и пользуются заслуженным признанием читателей за пределами России. Представители «других» культур мира традиционно знакомятся с творчеством писателя-сибиряка через вторичные тексты его произведений, созданных в межъязыковом, а в некоторых случаях и в межсемиотическом переводах. Среди сибирских писателей XX века Астафьев пользуется зарубежом наибольшей известностью, ставшей результатом эстетической и культурной ценности его произведений, а также качеством и количеством их переводов на европейские и восточные языки, а также на многие языки РФ и стран СНГ (коми-пермяцкий, татарский, тувинский, алтайский, казахский, белорусский и т.д.). За годы, прошедшие после смерти писателя, появились новые переводы и переперевоы его произведений. Создание иноязычных версий астафьевских текстов во многих странах мира сопровождалось их исследованиями. В данном контексте отметим достижения китайских и чешских переводчиков и филологов. Так, Г. М. Шленская писала, что В. Михна (переводчик на чешский язык) отмечал ошеломляющую искренность, исповедальность прозы Астафьева, «стремление соединить художественную и жизненную правду, блестящее мастерство и великолепное знание народного языка» (2005: 39).

Появление иноязычных переводов оригинала и наличие его нескольких вариантов на одном иностранном языке создает условия для формирования центра переводной аттракции, в котором астафьевский оригинал выступает в роли аттрактора перевода, а все его вторичные версии, имеющие различную семиотическую природу (вербальную, невербальную, так и не только вер-

бальную), образуют поле переводимости. Присутствие в культурном пространстве такого центра переводной аттракции обеспечивает сохранение и обеспечивает дальнейшую жизнь оригиналу и его переводам.

С учетом особенностей тематики и содержания, идиостиля автора и языкового воплощения, астафьевские тексты, в которых находят отражение представления писателя-сибиряка о «своем» регионе, могут быть с полным правом отнесены к сибирскому тексту, этнотексту и, как указывалось выше, к их гибридному варианту – сибирскому этнотексту, представляющим собой новые объекты гуманитаристики (в первую очередь лингвистики и литературоведения). Рассматриваемые в работе тексты относится к категории сибирского текста на основе того, автор обращается к Сибири, описывает сибирскую природу, жизнь сибиряков, особенности их мировосприятия и менталитета, а также сибирский характер. А в силу наличия информации о быте, языке и культуре проживающих в Сибири этносов такие тексты обладают также и основными чертами этнотекста. Особый культурный и этнический колорит астафьевских текстов создается за счет употребления сибирских антропонимов (кержак, халда, урка, бойе, Грохотало, Слабобрюценко, Октябрина Перфильевна Сыроквасова), топонимов (Овсянка, Игарка, Дудинка, Боганида), гидронимов ((Енисей / диал. Анисей, Мана, Фокинская речка, Сым, Сисим, разг. Караулка, Кызыр, Витим, Вилюй, Ангара, Кан, Обь, Ельцовка, Ерцовка, Катунь, Белокуриха, Малый Абакан, Большой Абакан, Пойма, Бирюса, Она, Тайшет), фитонимов (брызгалка, стародуб, татарник, саранка, жалица, камнеломка, овсяница) и диалектных единиц (завозня, караулка, мангазин, заплот, приплесок, росстань, чаруса, морхлый), которые несут информацию об языке их происхождения и, в связи с этим являются эпилингвальными. Статью известного сибирского лексикографа О. И. Блиновой, посвященную взглядам писателя на слово и словари, предваряет высказывание Астафьева:

> Настало время ценить… самое дорогое, что у нас еще есть, – наше родное слово – основу основ нашей жизни». В эпиграфе обозначены «<…> проблемы астафьевского слова – главного средства его творчества, исследование которого позволило бы дать хотя бы частичный ответ на ряд вопросов: каковы истоки астафьевского слова, оценка и отношение к слову, роль слова в обществе и в литературных произведениях и многие-многие другие <…>» (2014: 109).

Для Астафьева сибирский диалект был символом малой родины, источником, питающим литературную речь.

> Диалектный пласт в прозе Астафьева, словно пласт сибирской земли, – это одно из языковых средств живописания Сибири, ее природы: цветов и трав, деревьев и кустарников, рек и ручьев, возвышенностей и низин, ее людей, их быта, промыслов, обрядов и обычаев. Следуя лучшим традициям русской литературы, Астафьев идет в эстетическом освоении диалектного пласта дальше, расширяя его роль и художественные функции. Диалектизмы в астафьевской прозе не экзотика, не случайные вкрапления в литературную речь, а полноправные слова, которые не берутся в кавычки, крайне редко поясняются, они живут в поэтическом тексте, живут как единственно возможные, единственно необходимые для воплощения художественного замысла <…> (Блинова, 2014: 113).

Таким образом, созданные Астафьевым литературные тексты, действие которых происходит в Сибири, по комплементарному принципу сочетают параметры сибирского текста и этнотекста, а их культурная информация и память организованы по принципу классической культурной оп-

позиции «свой-чужой». При этом необходимо отметить, что в контексте данной оппозиции могут быть рассмотрены не только представленные в текстах Астафьева культуры, но и описываемые им два мира, находящиеся между собой в конфликте – «свой» мир, мир детства автора, мир любви и добра и жестокий, враждебный «чужой» миром (Субботкин, 2007). Содержательная сторона текстов Астафьева убедительно свидетельствует об эволюции в них именно конфликта «своего» и «чужого» мира, который остается для автора основным экзистенциальным конфликтом, глубоким, неизменным и типологически повторяющимся. Исследователи отмечают, что в изображении конфликтующих миров писатель использует различные повествовательные стратегии:

> Там, где Астафьев изображает «чужой» мир зла в бинарной антитезе, он ощущает необходимость учить, жечь сердца людей, он патетичен, там он обобщает, возводит личное высказывание до всеобщего суждения <…> Там, где Астафьев говорит о «своём» мире, нет необходимости возводить личное до всеобщего, это только его мир, и здесь автор лиричен или ироничен. Осмысление и оценку «своего» мира он не сопровождает идеологемами, которые возникают при осмыслении мира «чужого» (Субботкин, 2007: 4).

К анализу творчества Астафьева наряду с оппозицией «свой-чужой» применима и оппозиция «ближний-дальний». Мир астафьевской Сибири это, прежде всего, мир «ближний». Указанная оппозиция актуальна и для описания культурной составляющей художественных текстов. По аналогии с понятиями «ближней» и «дальней» антропологии, впервые использованными исследователями культуры Франции, в текстах Астафьева представлена информация о сибирских этносах, культуры которых также могут быть отнести к разряду «ближних». Культурная информация о Сибири, придающая «сибирскость» его произведениям, стала ключевой текстопорождающей доминантой творчества и релевантным признаком идиостиля писателя. При этом крайне важно, что «сибирскость» текстов не снижает их «русскость», что определяет статус астафьевских произведений как выдающихся явлений русской литературы и культуры.

5. Главные герои произведений Астафьева: люди и природа Сибири

Настоящее исследование посвящено ряду вопросов реконструкции во вторичных иноязычных версиях астафьевских текстов сибирской культурной информации и памяти. Прежде всего, вопросам распознания и успешного декодирования в текстах оригиналов культуронимов, которые передают особенности сибирской культуры, а также приемам и стратегиям воссоздания такого рода единиц (признаваемых регулярными единицами перевода, в отношении которых требуется принятие решения на перевод) во вторичных текстах перевода. Отдельное внимание обращено к декодированию содержания и перевода этноединиц, передающих сибирский этноколорит. Как и другие культурономы (топонимы, гидронимы, зоонимы, антропонимы) этноединицы обеспечивают «сибирскость» текстов автора-сибиряка и лежат в основе его уникального идиостиля.

Прежде всего, обратимся к антропологическому аспекту астафьевских текстов, представленному системой антропонимов, используемых автором, а также созданному на страницах его рассказов и повестей, посвященных Сибири, яркому образу сибиряка. У Астафьева сибиряк – это человек с сильным характером, являющимся вариантом русского национального характера (со всеми его коренными чертами), но при этом обладающий и отличительными качествами, определяемыми осо-

бенностями сибирского региона. Нельзя не согласиться с исследователями, которые утверждают, что:

> та или иная этническая общность (Русский Север, Сибирь, казачество, старообрядчество и т. п.) в силу специфики географии, климатических и социальных условий, истории и религии, обычаев и традиций, особенностей этногенеза располагают своими особыми «изводами», вариантами русского национального характера, что совершенно не умаляет их оригинальность и ценность, а лишь подчеркивает объемность понятия «русский национальный характер» (Гончаров и Щербакова, 2024: 38).

В своем творчестве Астафьев создал героический образ сибиряка – храброго воина и труженика, закаленного в суровых условиях жизни Сибири, трудолюбивого и всегда готового к состраданию и самопожертвованию человека и, что крайне важно для понимания сибирского характера, знающего и тонко чувствующего окружающую природу. При этом сибиряки в текстах Астафьева нередко обладают достаточно противоречивым и крайне неоднозначным характером, определяющим особенности их поведения и характеризуемым многообразием проявления и принимаемых решений в различных жизненных ситуациях. Создавая собирательный образ сибиряка и его характера, писатель был далек от его идеализации. Из текстов астафьевских произведений очевидно, что для него бесспорное значение имеет именно сибирское происхождения его героев. В используемом писателем-сибиряком понятии «сибиряк» рельефно представлены духовная, нравственная и психологическая составляющие. В произведениях, героями которых стали люди Сибири, последовательно раскрываются особенности их менталитета, образа жизни, а также модели поведения, что является отражением уникальной сибирской идентичности. В текстах акцентируются особенности сибирского характера, одновременно являющимся как исконно русским, так и носящим яркие сибирские черты. «Это, по сути, новая ипостась, новая версия русского характера, связанная и с происхождением, и с симпатичными писателю душевными свойствами, необычной стойкостью к нравственным и физическим испытаниям» (Гончаров & Щербакова, 2024: 39). Аналогичная точка зрения на корреляцию русского и сибирского в характере жителей региона была высказана и А. М. Ковалевой:

> Понятие «сибирский характер» не противопоставляется понятию «русский национальный характер», оно связано с последним как часть и целое, а потому отражает лишь своеобразие черт русского характера как явления обобщенного, проявляющегося в конкретных временных и географических пределах всегда по-разному (2017: 209).

Образ сибиряка складывается у Астафьева из множества образов его земляков, знакомых, односельчан и родственников трех поколений. При этом автор подчеркивает, что его герои не соответствуют литературному канону времени написания книг. Так, в автобиографической повести в рассказах «Последний поклон», над которой Астафьев работал в течение нескольких десятилетий и ставшей его главной «заветной» книгой, читаем следующие строки: «Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своем детстве, о селе родном и его обитателях, о дедушке и бабушке, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры» (2003: 843). А. М. Ковалева (2017) замечает, что источники особенностей сибирского характера, эксплицированного на страницах книг Астафьева (у Ковалевой это, прежде всего, повествование в рассказах «Царь-рыба») следует искать в суровых реалиях региона и времени обитания там его прототипа, в контактах русской культуры

с культурой аборигенов Сибири. Таким образом, сибирский характер, считающийся исследователями модификацией русского характера, обретает ряд этночерт, что придает текстам, в которых такой характер описан (наряду с характерами и коренных жителей Сибири) также свойства этнотекста. Астафьевским героем нередко становится не просто сибиряк как житель Сибири, а человек, имеющий как русскую кровь, так и кровь коренных сибирских народов. Ярким примером такого смещения кровей у сибиряков является Аким – один из ключевых героев «Царь-рыбы», уроженец низовьев Енисея. В жилах астафьевского героя течет русская и долганская кровь: «У матери мать была долганка, отец русский» (Астафьев, 1997б: 222), По своему происхождению и жизненному опыту Аким наделен способностью к выживанию в суровых условиях тайги, став опытным охотником-промысловиком и таежником, обладающим природным чутьем и острым зрением. Не случайно автор использует для обозначения основного занятия Акима несколько номинативных единиц: прежде всего, нейтральное слово «охотник», а также иронично употребляемую устаревшую единицу «зверобой». По данным словарей единица «зверобой» преимущественно обозначает промыслового охотника на морского зверя и является синонимом единицы «китобой», номинирующей моряка, занимающегося промыслом китов. Для русскоязычного читателя единица «зверобой» имеет ассоциации с романом Дж.Ф. Купера «The Deerslayer, or The First Warpath», посвященному истории колонизации Северной Америки средины XVIII века. В названии русского перевода эквивалентом единицы «deerslayer», имеющей значение истребитель оленей, была выбрана именно единица «зверобой» – «Зверобой или первая тропа войны». Автор использует в отношении Акима также и окказиональную единицу «медведобой», являющуюся синонимичной единице «медвежатник» (охотник на медведей). Но в единице «медведобой» у Астафьева заложен также еще один крайне важный для понимания образа Акима смысл. Пытаясь спасти своего друга, Аким не побоялся вступить в схватку с медведем-людоедом и вышел из нее победителем. Аким – коренной сибиряк, но сибиряк, который не соответствует идеализированным, а часто и значительно романтизированным представлениям о жителе Сибири. У него невзрачная внешность и одежда, неграмотная речь («сельдюкская», отсылающая к диалектному слову «сельдюк» – прозвищу жителей нижнего Енисея) и плохие манеры. Герой Астафьева зауряден, а нередко наивен и неуравновешен. Но поступки Акима, его жизненная позиция и отношение к людям, готовность прийти на помощь в любых обстоятельствах заслуживают бесспорного уважения. Он герой, но герой очень противоречивый – простой и глубоко трагичный, одновременно очень сильный и очень слабый, беззащитный. Неслучайно автор использует в отношении своего героя и единицу «ханурик» (маленький, тщедушный, невзрачный человек). Но при этом для Акима мерилом его мироощущения и жизненных правил всегда остается правило «жить по-сибирски». Хотя Аким очень несовершенен, он близок и понятен автору. Большинство астафьеведов единодушны отмечают, что через образ Акима писатель-сибиряк обращается к важной для него проблеме отношений человека и природы, к вопросам их сосуществования (Тимофеева, 2010). Указанная проблема является сложной и противоречивой, острой и часто неприглядной, в которой восторг перед величием и красотой природы, что традиционно для русской классики, сменился в наши дни тревогой за необходимость ее сохранения в наступившую технократическую эпоху. Для Астафьева проблемы экологии становятся проблемами этическими. В поисках ответа на вечный вопрос «Является ли человек царем природы?» писатель-сибиряк и создает образ Акима, противопоставляя его другим героям и антигероям, претендующим на эту роль. Это герой, но герой негеро-

ический. При этом это герой, который по мнению Н. Л. Лейдермана «духовно сращен с природой» (2001: 14).

Для восприятия сложных смыслов произведений Астафьева, крайне важно, что писатель использует на страницах своих произведений не только единицу «сибиряк», но и ее региональные синонимы. Прежде всего, это единица «чалдон» – видовое понятие по отношению к родовому «сибиряк», название локальной группы русских старожилов в Сибири, которые впитали элементы традиционных культур местных жителей. Слово имеет неясную этимологию и вариативно по значению, считаясь в ономастических работах прозвищным этнонимом или этнической кличкой:

> В современных сибирских говорах слово стало употребляться в значениях «коренные жители, аборигены Сибири»; «первые русские поселенцы, старожилы Сибири»; «потомок русских поселенцев Сибири, вступивших в брак с аборигеном (аборигенкой)», «коренные сибиряки, русские»; «коренные сибиряки»; «старожилы Сибири»; «ругательное слово для коренного сибиряка» (Крючкова, 2015: 101).

В новейших этнографических исследованиях также сообщается, что:

> … бытование названия «чалдоны» фиксировалось практически во всех регионах, расположенных в земледельческой зоне от Зауралья до Прибайкалья. На рубеже XIX и XX веков чалдонов можно было рассматривать как группу русских, которая прошла через процесс этнокультурной адаптации в Сибири и приобрела здесь ряд новых черт социальной организации, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры (Федоров, 2020: 107).

Вышеупомянутая единица «сельдюк» обозначает потомков русских переселенцев, у которых есть кровь коренных народов. Писатель и главный редактор альманаха «Енисей» М. А. Тарковский, долгое время проживший в Сибири на берегах могучего Енисея, объясняет значение данной единицы следующим образом:

> На Енисее есть целая, так сказать... поднародность – сельдюки. О них Виктор Астафьев писал в «Царь-рыбе». Считается, что «сельдюк» происходит от названия туруханской селедки – ряпушки, которую так любят промышлять по осени жители Енисейского Севера. Сельдюки – потомки русских переселенцев, к которым, возможно, подмешалась кровь коренных жителей, кетов и эвенков. Вообще же, они абсолютно русские и по облику, и по фамилиям (Хохловы, Поповы, Никифоровы, Плотниковы). Сельдюки – главные носители енисейского говора (2013: 35).

В многогранном и сложном образе Сибири, ставшим гиперобразом сибирских текстов Астафьева и представляющим собой верхний, родовой уровень сложной системы образов, используемых автором, представлены и гипообразы, к которым, прежде всего, относятся два ключевых образа природы Сибири – тайги и главной реки в жизни и творчества Астафьева – Енисея. Образы тайги и реки представляют собой следующий уровень астафьевской системы образов. На нижнем уровне системы находятся как рассмотренные выше антропообразы, представленные сибиряками, так и различные фитообразы и зоообразы, принадлежащие разряду природных образов. Гипообразы, формируемые образ Сибири, представляют собой разноуровневые составные компоненты, которые не являются уникальными и исключительно авторскими, но имеют свои особенности у писателей, обращающимся к ним в творчестве. У каждого автора образы обретают свои уникальные

воплощения и осмысления. Бесспорно, что Ф. М. Достоевский, В. Г. Распутин, В. М. Шукшин и М. А. Тарковский создали собственные художественные воплощения Сибири, в которых представлена как известная, инвариантная информация, так и информация авторско-индивидуальная. И на страницах астафьевских книг создан уникальный авторский образ Сибири. Но при этом это образ узнаваемый, имеющий как очевидные сходства, так и бесспорные различия с Сибирью, воплощенной на страницах мастеров художественного слова и существующей в сознании как самих сибиряков, так и жителей других регионов России и мира.

Астафьевские тексты о Сибири преимущественно рекоцентричны. Жизнь его героев протекает на берегах могучего Енисея, котоый писатель персонифицирует и делает наряду с людьми одним из своих главных героев. Река у писателя-сибиряка является не только географическим стержнем повествования, но также и стержнем нравственным. Это река-испытание, проверяющая душевные качества героев и ставшая мерилом их мыслей и поступков. Это река жизни и смерти, радости и печали, отчаяния и надежды. «Река <…> является не только символом потока жизни, но также важной частью круговорота жизни, которая не только рождает, но и 'перемалывает' и 'размягчает' человека» (Perkiömäki, 2013: 56). У Астафьева, который родился, жил и умер на берегах Енисей, река наделена качествами божества и определяет судьбу связанных с ней людей:

> Для грешников река является неким воплощением карающей силы природы. С другой стороны, та же самая река является источником пропитания и всей жизни приенисейских жителей. Река для них не только река, не только часть окружающей среды, а близкий друг, брат или батюшка, живительная влага реки имеет даже мессианские качества (Perkiömäki, 2013: 79).

Таким образом, на страницах читатель находит не только астафьевскую Сибирь, но и астафьевский Енисей – Енисей-батюшку, символизирующий сильное мужское начало, тогда как женское начало у писателя-сибиряка символизирует тайга и впадающие в Енисей реки (Нижняя Тунгуска, Ангара, Бирюса, Мана, Опариха) (Букаты, 2002). Для писателя река – это человек. В силу чего образ реки имеет в астафьевских текстах яркие антропоморфные черты. «Река в картине мира В. П. Астафьева занимает особое место, поскольку, как бы сосредоточивая вокруг себя остальное пространство, живет своей жизнью и одновременно определяет бытие всего живого: леса с его обитателями, земли, рыб, птиц, животных и, конечно же, человека» (Гладких, 2023: 24).

Среди ярких зообразов, используемых в произведениях Астафьева и наделяемых автором высоким символизмом, представлены енисейские рыбы (осетр, таймень, сиг, хариус), дикие и домашние животные (медведь, лось, белка, песец, куница, собака, лошадь), птицы (кедровка, глухарь, синица, стриж, сойка). Сибирские фитообразы отражают растительное разнообразие региона (кедр, лиственница, пихта, красная смородина). В «Оде русскому огороду» писатель воспевает красоту и полезность выращиваемых культур, каждая из которых обретает символическое значение, становясь активным участником художественного повествования. Большое внимание в «Оде» уделено спасительнице русского народа – «многотерпеливой картошке». Автор считает картошку достойной памятнику и сравнивает ее судьбу с долей русской женщины. Л. Г. Ким отмечает, что для творчества Астафьева характерен симбиоз двух культур – элитарной и народной. В «Оде …» эксплицирован широкий пласт народной культуры, передающий языческое мировидение и мироощущение. Растения персонифицируются, обретая как люди и животные душу:

> У В. Астафьева мы видим как бы возвращение к исходному, первобытному, народному восприятию и отображению природного мира как живого, наделенного не только телом, но и душой и разумом. Такое мировосприятие мотивируется еще и тем, что повествователь в «Оде…» воссоздает свои детские впечатления, то есть описание огорода осуществляется через восприятие его ребенком» (Ким, 2004: 72).

Примечательно, что некоторые растения из произведений Астафьева практически незнакомы читателям, проживающим за пределами Сибири. К такой категории, прежде всего, относятся красная саранка, называемая писателем-сибиряком туруханской лилией – «…саранку вынесет потоком в реку, выбросит на берег Тунгуски, Енисея ли, и, поймавшись за землю, хоть одно семечко дикой туруханской лилии прорастет цветком» (Астафьев, 1981: 273) и символизирующая жизнь в согласии с природой северного человека, а также жарок (народное название купальницы азиатской, а также сибирская роза, огонек, цветок троллей). В жизни и творчестве Астафьева особое место занимает стародуб (горицвет, адонис весенний, черногорка) – символ душевной чистоты, природной естественности, первозданности. Стародуб также считается символом кержаков – старообрядцев Сибири, а для Астафьева он стал символом сибирского края, памяти о родной земле.

У Астафьева находим следующие проникновенные строки о сибирских цветах: «…гляжу на сияние солнечного цветка и снова и снова убеждаюсь в том, что ни слову, ни кисти, ни всему человеческому гению с этим цветком, с чудом, тайной природы, не совладать. Они, лесные цветы, не только стародубы, Божьи создания, – они превыше нас» (1997а: 488).

Нельзя не согласиться со следующим наблюдением Н. В. Ковтун:

> Образ сибирской природы перестаёт быть образом локального (регионального) пространства, воплощает вечность сурового, стихийного, гибельно-жизнетворческого бытия. Герой, входя в стихию природы, преображается и мужает, формируя естественные, этические и другие ценности, учась любить и жить не столько по нормам социума, сколько извлекая законы сохранения жизненных ценностей в природной стихии (2009: 78).

6. Астафьевская Сибирь как объект и единица перевода

В определенном смысле все многообразные проявления сибирской культуры, нашедшие отражения в художественном тексте и требующие декодирования у читателей, проживающих за пределами региона (как в России, так и в других странах мира) и у переводчиков (как гадамеровских «сверхчитателей») представляют для них «чужое». Но это «чужое», без понимания которого смысл произведения литературы не будет понят в полном объеме. В переводоведческом контексте постижение «чужого» представляет собой первостепенную задачу для переводчика. При обращении к текстам Астафьева переводчик имеет дело не только с уникальной системой художественных смыслов выдающегося писателя-сибиряка, с его неповторимым идиостилем, но и с текстами, являющимися по их природе сибирскими или даже сибирскими текстами с чертами этнотекстов.

С культурологической точки зрения перевод можно рассматривать как переход от одной культуры к другой, как способ не преодолеть «чужое», а познать его. При таком подходе перевод представляет собой не просто межъязыковое и межкультурное посредничество, а процесс, предполагающий постоянное взаимодействие с «чужим», его менталитетом, эстетикой и культурой, что по мнению А. Бермана связано как с языковой перспективой, так и с антропологией и герменевтикой (Berman, 1984). В случае произведений Астафьева, которые представляют бесспорный вызов для

переводчика, перевод становится испытанием «чужим», о чем в своих программных работах заявлял французский переводчик, историк и теоретик перевода А. Берман (Разумовская, 2024б). При необходимости испытания «чужим» объектами перевода являются тексты с гетерогенным информационным комплексом, в котором представлены художественная, эстетическая, культурная и этническая виды информации. Результаты анализа художественных произведений Астафьева, посвященных Сибири, позволяют считать их именно такими текстами. В качестве гипотезы предложим следующее: для успешного перевода (при всей относительности понятия) астафьевских текстов эффективным будет комплементарное применение культурно-ориентированных стратегий художественного перевода и стратегий этноперевода, предполагающих обращение переводчиков к этнокомпонентам смысла. Этноперевод предполагает развернутый предпереводческих анализ, определенную стратегическую прескрипцию единиц, относительно которых переводчик принимает решение на перевод. Вместе с предлагаемыми стратегиями для перевода «сибирских» произведений Астафьева также применима стратегия остранения, предполагающая устранение автоматизма восприятия (Разумовская, 2022). Переводчик решает сверхсложную задачу: сохранить в переводном тексте «чужое» из оригинального текста, но при этом сделать вторичный текст максимально понятным читателю. И в данном нельзя не согласиться со следующим наблюдением:

> …перевод или «остраняется», то есть максимально приближается к оригиналу, сохраняя в себе «чуждость», свойственную произведению, созданному на другом языке и другой культурой; или «одомашнивается», то есть приближается к принимающей культуре, делая произведение близким для читателя. В диахроническом плане «одомашнивать» значит делать текст понятным для современника переводчика, а «остранять» – переводить так, чтобы текст читался как современный оригиналу. Выбор в пользу одной или другой оппозиции, также как одной или другой стратегии, вряд ли можно сделать однозначный... (Грибановская, 2014: 234).

7. Заключение

Таким образом, произведения В. П. Астафьева, повествующие о жизни в Сибири и обладающие высокой художественной ценностью, содержат интересные наблюдения писателя-сибиряка о природе и жителях обширного региона России. «Сибирскость» текстов автора-инсайдера имеет в основе наличие в них континуума культурной информации и памяти, обладающей гетерогенным характером и комплементарно формируемой культурной информацией народов, проживающих в регионе, а также общими «сибирскими смыслами». Именно «сибирскость» астафьевских произведений представляет бесспорный интерес для сибиреведения и одновременно является крайне сложной задачей для переводоведения. Переводы текстов классика русской литературы представляют собой ценные источники информации для читателей, которые не знакомы с уникальным регионом России. Сравнительно-сопоставительный анализ астафьевских оригиналов, сочетающих в себе характеристики сибирского текста и этнотекста, и их переводных версий может внести значительный вклад как в развитие нового раздела современного переводоведения – этнопереводоведения, так и теории этнотекста и этнолингвистики.

Литература

Анисимов, К. В. (Ed.) (2019). *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная. монография.* Флинта.

Астафьев, В. П. (1981). Царь-рыба. В *Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 4.* Молодая гвардия.

Астафьев, В. П. (1997а). Стародуб: Повесть. В *Собрание сочинений: В 15 томах. Т 2* (pp. 109-180). Офсет.

Астафьев, В. П. (1997б). Уха на Боганиде. В *Собрание сочинений: в 15 томах. Т. 6* (pp. 214-263). Офсет.

Астафьев, В. П. (2003). *Последний поклон: повесть в рассказах*. Эксмо.

Бердяев, Н. А. (2016). *Русская идея. Миросозерцание Достоевского*. Эксмо.

Блинова, О. И. (2014). Виктор Астафьев о слове и словарях. *Вопросы лексикографии, 1*(5), 108-119.

Букаты, Е. М. (2002). *Поэтика художественного пространства в прозе В. П. Астафьева («Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты»)* [Unpublished Candidate of Philological Sciences Dissertation]. Томский государственный университет.

Гладких, Ю. Г. (2023). Река в картине мира В. П. Астафьева. *Слово. Текст. Контекст, 3* (15*),* 7-15.

Гончаров, П. А. and Щербакова, В. А. (2024). Сибиряк как вариант русского национального характера в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. *Вестник Бурятского государственного университета. Филология, 1*, 36-45.

Грибановская, Е. С. (2014). Стратегии перевода «чужого». *Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции*, 226-238.

Ким, Л. Г. (2004). Антропоморфная метафора как средство изображения растений в прозе Виктора Астафьева. *Сибирский филологический журнал, 2*, 71-74.

Ковалева, А. М. (2017). Сибирский характер в книге «Царь-рыба» В. П. Астафьева как модификация русского национального характера. *Вестник Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева, 2*(40), 208-212.

Ковтун, Н. В. (2009). Природа и религия как основа жизненного уклада в повести В. Астафьева «Стародуб». *Вестник Томского государственного университета, 1* (5), 71-82.

Крючкова, Л. Л. (2015). К истории прозвища «чалдон». *Русская речь, 5*, 100-103.

Лейдерман, Н. Л. (2001). *Крик сердца. Творческий облик Виктора Астафьева*. АМБ.

Мутья, Н. Н. (2014). Литературоцентризм как ведущая тенденция демократической линии живописи второй половины XIX века. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, 15* (2), 90-102.

Разумовская, В. А. (2022). Переводим «другие» культуры: доместикация, форенизация и остранение. *Актуальные проблемы коммуникации. Язык и перевод. Материалы II Международной научно-практической конференции, г. Москва, 20-22 апреля 2022 г.,* 266-275.

Разумовская, В. А. (2024а). Перевод астафьевского текста как путь познания Сибири. In В. А. Иконникова & Е. В. Глушко (Eds.), *Язык. Культура. Перевод : цифровые технологии и вербальная коммуникация* (pp. 242-246). РУ-САЙНС.

Разумовская, В. А. (2024б). Сибирский текст В. П. Астафьева в «других» языках и культурах: переводоведческий этюд. *Chinese Journal of Slavic Studies, 4* (1), 108-123.

Распутин, В. (1983). Сибирь без романтики. *Сибирь, 5,* 106-128.

Субботкин, Д. А. (2007). *Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В. П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур* [Unpublished Candidate of Philological Sciences Dissertation] Красноярский государственный педагогический университет.

Тарковский, М. (2013). Сибирский строй. *Русский мир, 6*, 32-35.

Тимофеева, Н. В. (2010). Философская концепция мира и человека в повести Виктора Астафьева «Царь-рыба». *Вестник Астраханского государственного технического университета, 2* (50), 71-75.

Федоров, Р. Ю. (2020). Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность. *Этнографическое обозрение, 4,* 102-115.

Шленская, Г. М. (2005). Некоторые проблемы изучения феномена Виктора Астафьева. Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века. *Материалы I международной научной конференции, посвященной творчеству В. П. Астафьева. Красноярск, 7-9 сент. 2004 г.,* 29-43.

Berman, A. (1984). *L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Gallimard.

Gillespie, D. (1993). A Paradise Lost? Siberia and Its Writers, 1960 to 1990. In G. Diment & Yu. Slezkine (Eds.) *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture* (pp. 255-271). St. Martin's Press.

Perkiömäki, M. (2013). *«Реки царь и всей природы царь – на одной ловушке» – Повествование в рассказах «Царь-рыба» В. П. Астафьева: экокритический взгляд.* [Unpublished Master's Thesis]. University of Helsinki.

EL PROCESO DE ESLAVIZACIÓN EN GAGAUZIA: UN TESTIMONIO DE IDENTIDADES, ASIMILACIÓN Y RESILIENCIA

Iván Robles Menéndez
Universidad de Salamanca

1. Introducción

Los gagauzos componen una comunidad de alrededor de 200.000 individuos, concentrada principalmente en la región meridional de la actual República de Moldavia, constituyendo una minoría étnica y lingüística cuyo caso ha suscitado curiosidad tanto en los estudios sobre identidad como sobre sociolingüística de las regiones de Europa Oriental. Además de su presencia en esta región moldava, existen asimismo comunidades gagauzas dispersas en el sur de Ucrania (Óblast de Odesa), en el noreste de Bulgaria (especialmente en la región costera del Mar Negro) y en menor medida en pequeñas aldeas de Rumanía y Turquía, producto de oleadas migratorias a lo largo del siglo XX. No obstante, es en la Región Autónoma de Gagauzia donde la comunidad gagauza goza de un mayor grado de autonomía institucional, lo que permite observar con especial nitidez sus tensiones históricas y contemporáneas entre lengua, poder e identidad. En términos demográficos, la propia unidad territorial autónoma constituye un espacio relativamente acotado: según los resultados finales del censo moldavo (fecha de referencia 8 de abril de 2024), la Región Autónoma de Gagauzia registraba 103.700 residentes, lo cual ofrece una base cuantitativa prudente para dimensionar el escenario institucional analizado, aun cuando la pertenencia étnica no se reduzca a la residencia administrativa. Esta región, con capital en Comrat, obtuvo un estatus especial de autonomía tras un periodo de escaramuzas políticas y amenazas de secesión a principios de los años 90, en el contexto de la disolución soviética y la afirmación nacional moldava prorrumana. El conflicto fue aparentemente resuelto mediante la Ley sobre el Estatuto Jurídico Especial de Gagauzia (Law No. 344-XIII, «On the Special Legal Status of Gagauzia», 1994), que reconoció a los gagauzos el derecho a la autonomía, a conservar su idioma y a gestionar sus propios asuntos culturales y lingüísticos (King, 2000). Sin embargo, las relaciones con el gobierno central de Chisináu han sido tensas desde entonces, especialmente en lo referente a la política exterior moldava, el papel del idioma rumano y las simpatías prorrusas de la élite local, que contrastan fuertemente con las políticas proeuropeas del actual gobierno de Maia Sandu (Hardy y Vlad, 2024).

La complejidad de la cuestión gagauza en la actualidad es tan profunda como su propio origen étnico, marcado por siglos de migraciones e influencias cruzadas. La raíz del pueblo gagauzo ha sido objeto de múltiples interpretaciones históricas y lingüísticas, dando lugar a más de veinte teorías distintas sobre su etnogénesis (Guboglo, 1978; Dimitrov, 1991; King, 2000).

2. Marco teórico y enfoque analítico

Para clarificar la articulación entre eslavización, rusificación, identidad híbrida y resiliencia cultural, este capítulo se apoya en marcos complementarios de las ciencias sociales y la sociolingüística crítica. En primer lugar, se adopta una concepción relacional de la etnicidad: más que un «contenido cultural» fijo, las identidades colectivas se sostienen mediante fronteras sociales que se negocian y reactivan según contextos de interacción, asimetrías de poder y repertorios simbólicos disponibles (Barth, 1969). En segundo lugar, para evitar una lectura esencialista («los gagauzos» como bloque homogéneo), se incorpora el concepto de

reificación de grupos étnicos como entidades cerradas y se privilegia el análisis de categorías, identificaciones situadas y usos políticos de la pertenencia (Brubaker, 2004). Asimismo, el concepto de hibridez se empleará en sentido poscolonial: no como mezcla «armónica», sino como resultado histórico de relaciones desiguales, mediaciones institucionales y ambivalencias identitarias, donde emergen zonas intermedias (third space) desde las que se reconfiguran pertenencias y lealtades (Bhabha, 1994). Esta perspectiva permitirá comprender por qué la identidad gagauza puede combinar lengua túrquica, religión ortodoxa y repertorios eslavos sin cristalizarse necesariamente en una narrativa nacional cerrada.

Cabe destacar que, desde la sociolingüística crítica, se asume que las jerarquías lingüísticas no son neutrales: el prestigio del ruso se interpreta como capital simbólico y como acceso a mercados institucionales (educación, movilidad social, administración), donde ciertas variedades se legitiman y otras se minorizan (Bourdieu, 1991). A su vez, las ideologías lingüísticas contribuyen a naturalizar desigualdades mediante procesos semióticos como la iconización, la recursividad fractal y el borrado (Irvine y Gal, 2000), útiles para explicar cómo determinadas comunidades interiorizan la «normalidad» del ruso como lengua de modernidad y, simultáneamente, preservan usos simbólicos de la lengua local. Finalmente, para encuadrar la rusificación y la asimilación cultural en clave histórica más amplia, se abre un diálogo con enfoques posimperiales y decoloniales: la idea de «colonialidad del poder» ayuda a pensar la persistencia de matrices jerárquicas más allá de cambios formales de régimen (Quijano, 2000), y la discusión posimperial sobre la experiencia rusa/soviética (p. ej., «internal colonization») permite entender la producción de sujetos «modernos» y leales mediante cultura, escuela y administración (Etkind, 2011; Morozov, 2015).

3. Metodología y criterios de análisis

Este capítulo representa un análisis documental cualitativo sustentado en fuentes históricas, legislativas y bibliografía secundaria académica. En concreto, se combinan: (a) fuentes normativas e históricas (p. ej., Derzhavin, 1940; Law No. 344-XIII/1994), (b) literatura académica especializada sobre Gagauzia y política lingüística en Moldavia, y (c) trabajos teóricos para el encuadre conceptual (identidad, posimperialidad, sociolingüística crítica). El criterio de selección de fuentes ha sido la pertinencia para reconstruir la secuencia histórica (Imperio ruso → periodo soviético → autonomía post-1994) y la capacidad explicativa para vincular lengua, poder e identidad, priorizando publicaciones académicas y documentos legales directamente relacionados con el caso.

El procedimiento analítico sigue una lógica de periodización y triangulación interpretativa: (1) se describe la evolución institucional y demográfica del espacio gagauzo; (2) se identifican mecanismos de eslavización/rusificación en educación, administración y cultura; (3) se interpretan sus efectos identitarios a la luz de marcos teóricos (fronteras étnicas, poder simbólico, hibridez, colonialidad); y (4) se discuten las formas de resiliencia (lingüística, simbólica e institucional) observables en la etapa autonómica.

4. Orígenes, etnogénesis y la identidad como disputa

La complejidad de la cuestión gagauza en la actualidad es tan profunda como su propio origen étnico, marcado por siglos de migraciones e influencias cruzadas. La raíz del pueblo gagauzo ha sido objeto de múltiples interpretaciones históricas y lingüísticas, dando lugar a más de veinte teorías distintas sobre su etnogénesis (Guboglo, 1978; Dimitrov, 1991; King, 2000). Sin embargo, estas teorías pueden resumirse en tres grandes líneas: La primera teoría propone un origen túrquico directo, identificando a los gagauzos como descendientes de tribus oghuz, pechenegas o cumanas que adoptaron la fe cristiana ortodoxa antes

de la expansión otomana. Esta perspectiva pone énfasis en el carácter originario de su lengua túrquica y en los vínculos con otros pueblos túrquicos cristianizados (Bajora, 2021). La segunda teoría sugiere que los gagauzos serían en realidad búlgaros eslavos que, tras siglos de convivencia con pueblos túrquicos nómadas, adoptaron la lengua de estos últimos, sin renunciar a su estructura social y religiosa eslava. Esta teoría es sostenida por estudios arqueológicos y toponímicos que subrayan la continuidad entre las culturas campesinas del noreste de los Balcanes y las actuales comunidades gagauzas (Gradeshliev, 1994; Mutafchiev, 1992). Finalmente, una tercera hipótesis propone una síntesis entre ambas posturas: los gagauzos serían el resultado de un proceso de mestizaje étnico y cultural entre colonos búlgaros, comunidades turquificadas y pueblos esteparios del norte del Mar Negro, especialmente durante los siglos XIII al XV, época de gran inestabilidad en la región. Esta visión ha ganado terreno en las últimas décadas por su capacidad de explicar tanto el origen túrquico de la lengua como la continuidad ortodoxa y la fuerte impronta eslava en las prácticas culturales (Guboglo, 1978).

Como señala King (2000), esta pluralidad de relatos sobre el origen gagauzo no es meramente académica: se traduce en reivindicaciones geopolíticas, afinidades ideológicas y debates internos sobre la pertenencia cultural. En consecuencia, el estudio de estas teorías no solo aporta claves históricas, sino que revela los mecanismos simbólicos que regulan la construcción de identidades minoritarias en contextos fronterizos. (Dimitrov, 1991; Guboglo, 1978; King, 2000). Desde el prisma de Barth (1969), la cuestión relevante no es solo «qué origen es verdadero», sino cómo estas narrativas funcionan como fronteras movilizables que delimitan pertenencias y legitiman alineamientos alternativos; y, con Brubaker (2004), conviene entenderlas como repertorios de identificación activados situacionalmente, más que como esencia colectiva inmutable. Esta dualidad ha producido una identidad híbrida, donde la lengua pertenece al tronco túrquico (estrechamente emparentada con el turco otomano y moderno) mientras que la religión, las costumbres familiares, la música, la arquitectura religiosa y buena parte de los valores sociales remiten a la tradición eslava ortodoxa. En términos poscoloniales, esta hibridez puede leerse como un «espacio intermedio» donde la comunidad negocia simultáneamente continuidad y adaptación, sin que ello implique una síntesis estable o pacífica (Bhabha, 1994).

La cuestión del origen sigue siendo un punto sensible en el discurso identitario local, ya que muchas veces se instrumentaliza políticamente para acercar a los gagauzos a determinados referentes regionales (el mundo turco o el mundo eslavo). De esta forma, desde una perspectiva académica, los gagauzos constituyen un ejemplo de pueblo liminal, situado en las fronteras del lenguaje, la religión y la memoria colectiva. De origen túrquico, confesión cristiana ortodoxa e inmersa en un espacio de triple confluencia (es decir, entre el mundo eslavo, el túrquico y el latino), su historia está marcada por un proceso profundo de eslavización que afecta tanto a su vida lingüística como a su organización simbólica. Este fenómeno, lejos de ser lineal, constituye una dinámica compleja y ambigua de asimilación progresiva, mediada por intereses imperiales, estrategias locales de adaptación y formas de resiliencia cultural.

5. Reconstrucción histórica del proceso y mecanismos de eslavización

La historia de los gagauzos anterior al siglo XIX está marcada por la falta de fuentes y por el tránsito constante de pueblos en la región de los Balcanes. No obstante, diversas fuentes mencionan la existencia de grupos cristianos túrquicos ya en los siglos XIV y XV, asentados en Tracia y Dobruja (Menz, 2007). Estos grupos, probablemente ligados a las campañas militares de los otomanos o a movimientos autónomos de migración esteparia, convivieron con comunidades búlgaras y rumanas, dejando huella en el folclore, la

toponimia y las estructuras agrarias. Su conversión al cristianismo ortodoxo ocurrió antes de su llegada a Besarabia, lo que facilitó su posterior inserción en el marco de un Imperio ruso ortodoxo y confesional.

Tras su reasentamiento en Besarabia durante el Imperio ruso entre 1812 y 1846, posteriormente a la expulsión de los nogayos, los gagauzos se establecieron junto a búlgaros cristianos en localidades como Comrat, Avdarma o Congaz. Esta repoblación no fue casual: obedecía a la política zarista de cristianización territorial, que buscaba reforzar la ortodoxia en la frontera suroccidental del Imperio (King, 2000). El Imperio ruso alentó la llegada de pueblos ortodoxos como los búlgaros y los gagauzos a una región estratégicamente vaciada de musulmanes tártaros, otorgándoles privilegios agrarios y autonomía local. Los archivos imperiales dan cuenta de la política de asentamiento en las tierras del Budjak, en las que estos pueblos encontraron no solo tierra fértil, sino también condiciones para mantener una identidad religiosa compartida con el poder imperial (Derzhavin, 1940). A pesar de su lengua túrquica, los gagauzos compartían con los eslavos una matriz religiosa común, la ortodoxia oriental, lo que facilitó su integración dentro del tejido cultural imperial. La lengua rusa, símbolo del poder central, comenzó a adquirir prestigio desde el primer momento, y aunque el gagauzo se conservó en el ámbito doméstico, el ruso pronto pasó a dominar los espacios formales. Esta jerarquización lingüística se consolidaría más tarde bajo el dominio soviético.

Durante la era soviética, el proceso de eslavización adquirió dimensiones institucionales. La rusificación, impuesta en el marco de una pretendida fraternidad socialista, se convirtió en un objetivo estatal que afectó directamente a la educación, los medios de comunicación, la administración y la movilidad social (Ciscel, 2008). En este sentido, el caso gagauzo no es único: comparte patrones con otras minorías del espacio soviético, como los pueblos de Asia Central, del Cáucaso o de regiones como Bielorrusia o la vecina Ucrania, quienes también vivieron un proceso de sustitución lingüística progresiva y marginación de sus lenguas maternas. Sin embargo, el caso gagauzo resulta especialmente singular: se trata de un pueblo cuyo origen sigue siendo objeto de debate, que habla una lengua túrquica, conserva tradiciones de raíz eslava, utiliza el ruso como principal lengua de comunicación y habita en un país cuya lengua mayoritaria, impulsada por las autoridades nacionales, es de origen latino. Esta combinación de elementos convierte a los gagauzos en un caso único de hibridación poscolonial y disonancia identitaria, donde confluyen herencias culturales profundamente distintas sin una narrativa nacional cerrada ni un consenso claro sobre su etnogénesis.

En lo que respecta al ámbito lingüístico, cabe señalar que el ruso fue establecido como lengua vehicular en la educación y en la comunicación interétnica durante el periodo soviético. Aunque se promovió una versión literaria de la lengua gagauza con alfabeto cirílico [Гагауз дили], su uso quedó restringido a unas pocas horas semanales en las escuelas y a ciertos espacios folclóricos (Menz, 2007). El ruso se convirtió en la lengua de los ascensores sociales, del progreso económico, de la ciencia y de la cultura oficial. En este sentido, la eslavización fue aceptada, reproducida y también introyectada por los propios hablantes como una vía de modernización. En muchos casos, las familias animaban a sus hijos a no hablar gagauzo para facilitar su acceso a una vida profesional y cultural más amplia, proceso descrito como autorrusificación (Guboglo, 1978). La escuela soviética, la televisión y la prensa moldearon una identidad rusificada sin renunciar formalmente a la pertenencia étnica. Desde la teoría de Bourdieu (1991), esta dinámica puede formularse como desplazamiento hacia la «lengua legítima» en el mercado escolar y administrativo, donde el ruso se acumula como capital simbólico, mientras el gagauzo queda relegado a dominios de baja convertibilidad institucional.

Pero la eslavización no se limitó al plano lingüístico. Su alcance fue transversal, afectando también las esferas culturales, simbólicas y sociales de la comunidad gagauza. Al igual que ocurrió con otros pueblos del espacio soviético, como los tártaros del Volga, los buriatos o los ucranianos rurales, la cultura fue uno

de los principales vehículos de asimilación. En el caso gagauzo, sin embargo, esta absorción cultural revistió características especialmente singulares: el cruce de una identidad túrquica con una cosmovisión ortodoxa y una progresiva rusificación institucional provocó una forma de eslavización que se aleja tanto del modelo de sustitución lingüística pura como del simple mimetismo religioso. Como explica Guboglo (1978), el aparato soviético operaba desde una lógica de homogeneización simbólica donde el ruso no era solo una lengua de comunicación, sino un vector de ideología, valores, memoria colectiva y prácticas cotidianas. A través de las escuelas, los actos cívicos, las celebraciones patrióticas y los medios de comunicación, los gagauzos fueron reeducados en una estética eslava que penetraba en todos los aspectos de la cultura. La eslavización, por tanto, fue también una transformación de la sensibilidad, que configuró un sujeto social nuevo, situado entre el campesino cristiano del sur de Besarabia y el ciudadano soviético ideal. Aquí, los mecanismos descritos por Irvine y Gal (2000) —en particular, el borrado de alternativas y la iconización de lengua/progreso— ayudan a conceptualizar cómo se naturaliza la superioridad cultural de la lengua dominante sin necesidad de coerción explícita constante.

6. Cultura cotidiana, familia, onomástica y socialización

La cultura popular gagauza absorbió numerosos elementos de la tradición eslava, desde los rituales religiosos hasta las festividades. Las tradiciones populares de Gagauzia revelan una notable impronta eslava, especialmente visible en el ámbito festivo, ritual y culinario. La Navidad se celebra el 7 de enero, según el calendario juliano, y es habitual la presencia de figuras como Ded Moroz y Snegúrochka, introducidas durante la época soviética, que siguen formando parte del imaginario infantil navideño. Aunque algunas celebraciones como Ivan Kupala, vinculadas al ciclo agrario y a antiguos rituales de fertilidad, solo se celebran en ciertas zonas del sur, cercanas a Ucrania, otras prácticas tienen mayor difusión, como la costumbre de ofrecer pan y sal como gesto de hospitalidad, común también en otras culturas eslavas. La tradición del Mărțișor (conocida como Martenitsa en la cultura búlgara), que marca el inicio de la primavera, también se ha integrado en el calendario simbólico local. En el terreno musical y gastronómico, se observan influencias claras del folclore búlgaro, tanto en los instrumentos y ritmos empleados como en la elaboración de platos típicos a base de productos de temporada. Del mismo modo, las ceremonias de boda en zonas rurales guardan una estrecha similitud con las practicadas en aldeas del norte de Bulgaria. Incluso los patrones de sociabilidad, como las formas de cortesía, los saludos o las formas de brindar, se alinearon progresivamente con las normas culturales rusas y búlgaras. Este fenómeno se vio reforzado por los matrimonios mixtos con búlgaros, rusos y ucranianos, que normalizaron aún más el bilingüismo desigual y la absorción simbólica del universo eslavo. Según Gradeshliev (1994), esta red de matrimonios interétnicos ha jugado un papel decisivo en la consolidación de una identidad híbrida en el sur de Moldavia. En conjunto, estas manifestaciones culturales contribuyen a la compleja articulación de una identidad híbrida, donde lo eslavo y lo túrquico conviven y se entrelazan en la vida cotidiana.

En el ámbito familiar, los nombres propios, los refranes, las canciones de cuna y los cuentos de transmisión oral adoptaron estructuras y léxicos eslavos. Los apellidos en Gagauzia suelen estar vinculados a oficios, sobrenombres o nombres de antepasados, y suelen ser de origen búlgaro o ruso. En este sentido, muchos apellidos fueron modificados en la época soviética mediante la incorporación de sufijos eslavos, como forma de adaptación al sistema administrativo ruso. Esta práctica, más que una simple formalidad burocrática, implicó un proceso de eslavización nominal que afectó profundamente a la percepción de pertenencia y de continuidad cultural entre los gagauzos. La adopción de apellidos con terminaciones en -ov,

-ev o -in fue generalizada, incluso entre familias que conservaban una conciencia étnica diferenciada. A ello se suma la costumbre, también heredada del modelo ruso, de que la mujer adopte el apellido del marido tras el matrimonio civil, reforzando un modelo patriarcal y homogeneizador (Dimitrov, 1991).

7. Resiliencia, autonomía e «interfaz» geopolítica

Sin embargo, a pesar de todas estas dinámicas de asimilación, el pueblo gagauzo ha desarrollado mecanismos persistentes de resiliencia, que se manifiestan tanto en el plano lingüístico como en el simbólico. En primer lugar, es importante destacar que, a diferencia de otras minorías sometidas al proceso de eslavización, los gagauzos no han renunciado meramente a su identidad étnica, ni siquiera en contextos de fuerte presión soviética. La lengua gagauza, aunque desplazada del ámbito institucional y minorizada, se ha mantenido como lengua familia y de transmisión intergeneracional en ciertas zonas rurales, fomentando la diglosia. En este aspecto, su uso en celebraciones familiares, canciones populares, refranes y expresiones rituales ha contribuido a su conservación simbólica, incluso cuando la competencia lingüística ha disminuido entre las nuevas generaciones (Dağdeviren Kırmızı, 2020).

Además, la resiliencia gagauza se observa en el ámbito de las representaciones colectivas. La narrativa histórica local, que subraya la migración desde Bulgaria, el asentamiento en Besarabia y la fidelidad a la ortodoxia, opera como un mito fundacional que cohesiona a la comunidad. Esta memoria colectiva se reactualiza en los museos regionales, en los actos escolares y en las producciones culturales financiadas por la administración autónoma. Las figuras históricas, como los primeros fundadores de las aldeas de Gagauzia, son recuperadas como símbolos de resistencia cultural frente a las imposiciones identitarias. También es notable la resiliencia institucional. Desde la autonomía obtenida en 1994, Gagauzia ha desarrollado un aparato administrativo propio que intenta fomentar la cultura local. Si bien muchas de sus competencias son limitadas y dependen de Chișinău, existen organismos culturales, medios de comunicación y redes educativas que vehiculan una imagen positiva de la identidad gagauza. La universidad de Comrat, por ejemplo, incluye departamentos de lengua y cultura gagauza, y sus publicaciones contribuyen a preservar la memoria histórica. A pesar de que el ruso sigue siendo la lengua dominante en la educación y los medios, se observa una voluntad de no renunciar completamente a los elementos culturales propios (King, 2000).

En términos geopolíticos, esta resiliencia se traduce en una estrategia de equilibrios múltiples. La región mantiene lazos estrechos con Rusia, tanto a nivel simbólico como práctico (por ejemplo, muchos habitantes tienen ciudadanía rusa), pero también se beneficia de programas de cooperación con Turquía, país que ha invertido en infraestructuras y educación en Gagauzia (Yüceşahin, 2011). La presencia del centro cultural Yunus Emre en Comrat, la oferta de clases de turco y la existencia de escuelas financiadas por Turquía ilustran esta creciente influencia, que se ha intensificado a medida que las sanciones económicas y el bloqueo comercial han reducido la inversión rusa en la zona. Incluso, antes de la actual crisis económica en Turquía, muchos gagauzos emigraban a Estambul o Ankara en busca de oportunidades laborales, lo que ha dado lugar a matrimonios mixtos y a una red transnacional activa. No obstante, a pesar de esta relación estrecha, la influencia del islam en un territorio marcadamente cristiano sigue siendo muy escasa o prácticamente nula. A nivel político, el presidente turco Recep Tayyip Erdoğan ha dejado claro que no apoya una Gagauzia independiente y que esta debe respetar la autoridad del Estado moldavo. Esta posición responde a la doctrina turca de respeto a la integridad territorial de los países aliados, aunque entre muchos gagauzos persiste una sensación de lejanía respecto a Chisináu, lo cual se manifiesta tanto en su alineación política contraria al gobierno central como en los resultados del referéndum sobre la adhesión a la Unión Europea

celebrado en 2024, en el que se ha informado de un voto abrumadoramente contrario a una orientación proeuropea en la región (Hardy y Vlad, 2024).

La arraigada resiliencia de la identidad gagauza tiene su origen, en gran medida, en la histórica falta de integración y convivencia armónica con la población mayoritariamente rumanohablante que habita otras regiones de la República de Moldavia. Esta fractura se ha acentuado con las políticas lingüísticas promovidas desde Chisináu, que han relegado al ruso, antiguamente lengua de comunicación interétnica, a un papel secundario en la administración y la educación. Para muchos gagauzos, el ruso no es simplemente un vehículo de comunicación, sino un componente esencial de su imaginario cultural y político, compartido con otras minorías y con la herencia soviética que aún moldea las percepciones identitarias de la región. En este contexto, tanto el ruso como el gagauzo funcionan como marcadores simbólicos de resistencia frente a la rumanización del espacio público y educativo. Lejos de desaparecer, estos idiomas se reactivan en momentos de tensión política o exclusión institucional, actuando como anclajes identitarios y motores de cohesión interna. Esta afirmación cultural se ve reforzada por la sensación de desconexión con el centro político moldavo, al que muchos perciben como ajeno o incluso hostil. La decisión de las autoridades de Chisináu de avanzar en un proceso de europeización (sin mecanismos efectivos de integración para las regiones periféricas) ha intensificado esta brecha. Este tipo de respuesta política no puede entenderse únicamente como nostalgia soviética, sino como expresión de una ciudadanía fragmentada que busca proteger su singularidad mediante alianzas exteriores, ya sea con Rusia o con Turquía, según convenga al equilibrio interno (Hardy y Vlad, 2024).

8. Conclusiones

En resumen, el pueblo gagauzo ha atravesado un proceso intenso de eslavización y rusificación, pero ha sabido conservar, reconstruir y proyectar una identidad propia en medio de tensiones geopolíticas y lingüísticas, siempre de acuerdo con sus propios intereses locales. Su caso muestra que la asimilación no implica necesariamente desaparición, y que la resiliencia puede adoptar formas diversas: desde la resistencia explícita hasta la adaptación estratégica, pasando por la reinvención simbólica. Lejos de ser una cultura en extinción, la gagauza sigue viva, transformándose en diálogo constante con sus contextos históricos y contemporáneos (Ciscel, 2008; Dağdeviren Kırmızı, 2020; Dimitrov, 1991; Guboglo, 1978; King, 2000; Yüceşahin, 2011). Este testimonio de resiliencia identitaria no se limita a una lucha nostálgica por el pasado, sino que se proyecta como una negociación constante con el presente. La identidad gagauza se construye cada día en las escuelas, en los rituales, en las relaciones familiares y en la manera de posicionarse ante los poderes estatales y las influencias externas. A través de una compleja combinación de continuidad y adaptación, los gagauzos han logrado mantenerse como comunidad diferenciada, incluso en un entorno adverso y cambiante. La vitalidad de su identidad no depende únicamente del uso lingüístico, sino de una red de significados, prácticas y vínculos sociales que sostienen su sentido de pertenencia.

El caso gagauzo ilustra con claridad los límites de las categorías tradicionales con las que solemos abordar fenómenos como la identidad, la etnicidad o la asimilación. En esta región, las fronteras entre lo eslavo, lo túrquico y lo latino no operan como compartimentos estancos, sino que se entrelazan en las prácticas cotidianas, en los vínculos familiares y en las trayectorias individuales. Esta hibridez no implica una pérdida de definición, sino más bien una reformulación constante de pertenencias múltiples, que permite a la comunidad articular formas propias de agencia cultural y de negociación simbólica. Lejos de ser una

anomalía, el gagauzo se presenta a sí mismo como un caso relevante para el estudio contemporáneo de las minorías, el contacto lingüístico y los modelos flexibles de ciudadanía.

Desde esta perspectiva, analizar el proceso de eslavización en Gagauzia no solo permite comprender mejor la evolución de una comunidad concreta, sino que ofrece también claves valiosas para repensar las relaciones entre lengua, poder e identidad en los márgenes de Europa. La experiencia gagauza muestra que la identidad no puede reducirse a una esencia fija ni a una línea de filiación única, sino que emerge de un equilibrio dinámico entre memoria, adaptación y contexto. En un escenario regional marcado por tensiones y redefiniciones, la identidad gagauza representa una forma singular de gestionar la diversidad y las pertenencias cruzadas, cuya complejidad merece ser entendida más allá de unos estándares preestablecidos.

Bibliografía

Bajora, A. F. (2021). To the question about the formation of gagauz ethnos and their ethnonym. Этносоциум, *8*(158), 46-57. http://etnosocium.ru/sites/default/files/8-158.pdf

Barth, F. (1969). Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference. Universitetsforlaget.

Bhabha, H. K. (1994). The location of culture. Routledge.

Bourdieu, P. (1982). Language and symbolic power (J. B. Thompson, Ed.; G. Raymond & M. Adamson, Trans.). Polity Press.

Brubaker, R. (2004). Ethnicity without groups. Harvard University Press.

Ciscel, M. H. (2008). Uneasy compromise: language and education in Moldova. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, *11*(3-4), 373-395. Rescatado de https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6445435

Dağdeviren Kırmızı, G. (2020). Emotional and functional speaker attitudes towards Gagauz as an endangered language. Journal of Social Sciences of the Turkic World, 93, 203-222. Rescatado de https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1046363

Derzhavin, N. S. (1940). Гагаузы: Этнографические очерки. Академия наук СССР.

Dimitrov, B. (1991). Who are the Gagauz? Petar Beron Publishing.

Etkind, A. (2011). Internal colonization: Russia's imperial experience. Polity Press.

Gradeshliev, I. (1994). Българите гагаузи. Издателство Славена.

Guboglo, M. N. (1978). Этнолингвистические процессы у гагаузов. Наука.

Hardy, J., & Vlad, R. O. (2024). Shadows of empire: post-Soviet parastates in Russian foreign policy. Journal of Regional Security, *19*(2), 207-236.

Irvine, J. T., & Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In P. V. Kroskrity (Ed.), Regimes of language: ideologies, polities, and identities (pp. 35-84). School of American Research Press.

King, C. (2000). The Moldovans: Romania, Russia, and the politics of culture. Stanford University Press.

Law No. 344-XIII. (1994, December 23). On the Special Legal Status of Gagauzia (Gagauz Yeri). Parliament of the Republic of Moldova.

Menz, A. (2007). The Gagauz between Christianity and Turkicness. In F. Kıral (Ed.), Cultural changes in the Turkic speaking world (pp. 123-130). Ergon.

Morozov, V. (2015). Russia's postcolonial identity: a subaltern empire in a Eurocentric world. Palgrave Macmillan.

Mutafchiev, P. (1992). История на българския народ. Българска академия на науките.

Quijano, A. (2000). Coloniality of power and eurocentrism in Latin America. International Sociology, *15*(2), 215-232.

Yüceşahin, M. M. (2011). Turkey-Gagauzia relations in the context of Turkey's Moldova policy. Journal of Gagauz Studies, *2*(1), 25-39.

OPOWIEŚCI O CZŁOWIEKU W PROZIE WIESŁAWA MYŚLIWSKIEGO – *TRAKTAT O ŁUSKANIU FASOLI* ORAZ *UCHO IGIELNE*

Lidia Romaniszyn-Ziomek
University of Bielsko-Biała

Wiesław Myśliwski to jeden z najwybitniejszych twórców literatury polskiej drugiej połowy XX i początku XXI wieku. Ten współczesny prozaik, dramatopisarz i myśliciel, niezależnie od poruszanych tematów, stawia w centrum swojej twórczości człowieka, z całym bagażem jego doświadczeń indywidualnych, a także tych bardzo uniwersalnych – dotyczących nieuchronnej konfrontacji ze starością, pamięcią, czasem, przemijaniem, odchodzeniem. Celem niniejszego artykułu jest ukazanie, w jaki sposób Myśliwski – pozostając wierny swojej lokalnej perspektywie – kreuje uniwersalną wizję człowieka. Akcenty zostaną położone na to, co w jego powieściach dotyczy ludzkiej egzystencji – samoświadomości, poszukiwania własnej tożsamości, sensu czy prawdy o mechanizmach świata, w którym człowiek żyje, porusza się, odbija swój ślad, a w końcu odchodzi, pozostawiając jedynie historię utrwaloną w opowieści. Odejście od tematyki tzw. nurtu chłopskiego, w którym sytuuje się najczęściej dzieła tego pisarza, pozwala na dostrzeżenie dążeń, pragnień i zmagań ludzkich, niezależnych od czasu, wydarzeń historycznych czy pochodzenia. W szkicu, który ma charakter głównie interpretacyjny oraz poniekąd uogólniający refleksję na temat wymiaru egzystencjalnego omawianej prozy, zostaną uwzględnione przede wszystkim dwie późne powieści autora: *Traktat o łuskaniu fasoli* (2006) oraz *Ucho Igielne* (2018). Obie łączy głęboki namysł nad ludzkim losem, a przede wszystkim nad pamięcią, której funkcją jest trwanie, konstruowanie własnej tożsamości, a także zapominanie. Bohaterowie tych utworów, dojrzali ludzie na progu starości czy nawet śmierci, często wracają myślami do przeszłości, która pomaga im zrozumieć siebie i swoje miejsce w świecie. Snują opowieści o sobie samych i stają się na nowo bohaterami swego życia. Jego dojmującym aspektem jest przemijanie, przedstawiane jednak nie jedynie jako strata, lecz jako część naturalnego cyklu, rytmu tego świata.

Pozostałe powieści autora dopełniają egzystencjalny obraz jego prozy. Należy tu zwrócić uwagę przede wszystkim na wydane w 2013 roku *Ostatnie rozdanie*, które w niniejszym tekście nie zostało ujęte, ale wpisuje się bezdyskusyjnie w podejmowane zagadnienia. Także wcześniejsze utwory Myśliwskiego, choć umieszczane zwykle w nurcie chłopskim, pokazują uniwersalny wymiar ludzkiego doświadczenia – poszukiwanie własnej przeszłości i tożsamości, pragnienie awansu społecznego, konfrontację z wojną i niedostatkiem, relacje z ojcem czy matką, fantasmagoryczne przeżycia dzieciństwa i młodości. Wielu badaczy wskazuje na ich cykliczny charakter[1], ponieważ pewne tematy i wątki w naturalny sposób powracają niemal we wszystkich jego utworach, a większość skoncentrowana jest wokół pamięci i jej rytmów oddanych w opowieści, jak również wokół tożsamości nierozpoznanej i niezdefiniowanej, bo budowanej na niekończącym się procesie reminiscencji. Myśliwski swoje powieści – jak pisze Jan Pacławski – «wykuwał mozolnie latami, z przemyśleń o świecie, o historii, o człowieku i jego doli oraz o specyficznym języku literatury, materiale będącym jej budulcem. Każdy z tych faktów pod ręką Myśliwskiego nabiera cech uniwersalnych» (2011: 169).

[1] Zwracają na to uwagę m.in. B. Kaniewska (2001) D. Kulesza (2010) czy J. Olejniczak (2018).

Dariusz Kulesza określił twórczość autora *Widnokręgu* jako «wielkie ćwiczenie z życia», «ćwiczenie się w nadawaniu mu sensu równoznacznego z rozpoznawaniem siebie», ponieważ pokazuje ona konfrontacje człowieka «skazanego na rzeczywistość» (2022: 26). Szczególnego znaczenia nabiera tu dążenie do rozpoznania siebie jako konkretnej jednostki zanurzonej w określonym czasie i przestrzeni, ale także jednostki w ogóle, która określa się poprzez doświadczenie przemijania, straty, zmagania ze starością, własną pamięcią, losem. Problematyka egzystencjalna staje się prymarna zwłaszcza w późniejszych powieściach Myśliwskiego, w których pierwszoosobowy narrator reprezentuje perspektywę człowieka dojrzałego i zdaje się konfrontować z jakąś niewyrażoną wprost ostatecznością. *Traktat o łuskaniu fasoli*, *Ostatnie rozdanie* czy *Ucho Igielne* są świadectwem poszukiwania uniwersalnej prawdy, z którą może identyfikować się człowiek doświadczony przez los, świadomy konieczności powolnego odchodzenia, opuszczania ziemskiego świata. Myśliwski uruchamia w ten sposób – jak pisze Kulesza – paradygmat personalistyczny:

> Paradygmat ten okazuje się użyteczny w konfrontacji osoba-rzeczywistość, która nadaje naszej egzystencji wymiar doświadczenia przekraczającego zdeterminowanie przez historię czy wspólnotę i pozwala skutecznie ćwiczyć się w byciu człowiekiem, w życiu, któremu jesteśmy w stanie nadać sens – niezależnie od tego, co się nam przytrafia, czy są to wydarzenia o charakterze dziejowych przełomów czy codziennych zmagań (2022: 29).

Bohaterowie powieści, mimo że zakorzenieni w konkretnych przestrzeniach i związani z określonym czasem historycznym, są reprezentantami doświadczeń i cech bliskich i wspólnych wszystkim, choć, jak pisze Piotr Biłos: «Uniwersalność powieści Myśliwskiego nie opiera się wyłącznie na tym, co wspólne wszystkim ludziom, ale także na tym wszystkim, co walnie przyczynia się do odróżniania się ludzi od siebie» (2017: 26). Jest to zróżnicowanie pod względem społecznym, historycznym, politycznym, pokoleniowym, a także płciowym. Pozwala ono jednak dostrzec tym bardziej, że poszukiwanie własnego «ja» oraz układanie przeszłości w spójny obraz jednostkowego życia podporządkowane jest jednakowym mechanizmom wspomnień dyktowanych przez kaprysy pamięci zdolnej nie tyle do magazynowania, co do kreacyjnego aktualizowania wydarzeń z perspektywy nieuchwytnej teraźniejszości. Nie chodzi tu bowiem o werystyczne uprawianie opowieści, lecz o subiektywną prawdę o zdarzeniach, kształtującą wiarygodny i prawdziwy obraz ludzkich zmagań z życiem. Jak zauważa Józef Olejniczak – «jednostkowy los i osobiste historie zdają się w tej prozie zawsze przeważać nad Historią» (por. 2018: 31), która stanowi jedynie zakotwiczenie w czasie rozgrywających się wydarzeń.

Myśliwski wyrasta z doświadczenia kultury wiejskiej i tradycji oralnej. W jego prozie szczególną rolę odgrywa opowieść, której funkcją jest utrwalanie jednostkowych historii oraz scalanie wspólnoty, ponieważ towarzyszy ona rytuałom takim jak np. łuskanie fasoli, darcie pierza czy towarzyskie posiady (por. Myśliwski 2022: 284). Jak zauważa sam autor – «(…) zwyczaj łuskania fasoli nie był zwykłym zajęciem gospodarskim, lecz swego rodzaju rytuałem zbiorowej mowy» (2022: 273). To właśnie mowa, rozmowa i opowiadanie nadają ludzkiemu życiu sens, ponieważ pozwalają mu trwać także poza fizycznym wymiarem istnienia. Opowiadanie (lub opowiedzenie) historii człowieka warunkuje jego egzystencję. Dlatego jednym z pierwszych ważnych aspektów uniwersalizmu powieści Myśliwskiego staje się specyficzna narracja, zawsze pierwszoosobowa, w której zdarzenia jednostkowe są nośnikami uniwersalnej problematyki ludzkiej najbardziej zbliżonej do prawdy. Nie chodzi tu jednak o prawdę opowiadanych zdarzeń, lecz o prawdę przeżywania i doświadczania. W opowieści dopełnia się bowiem egzystencja i los – istnieje jedynie to, co opowiedziane, utrwalone w języku, w słowie. Jest to jeden z nieustannie powracających tematów w utworach autora *Kamienia na kamieniu*. Konstatacje tego typu pojawiają się już w jego debiutanckiej powieści, czyli w *Nagim sadzie*:

> Więc może nigdy nie byłem naprawdę, lecz zostałem tylko przez ojca zmyślony. Może tylko opowiedziany jestem i temu zawdzięczam swoje istnienie? Różnie się przecież ludzie rodzą, jedni z matek, inni z wielkiej woli, z opowiedzenia, a nie ma między nimi różnicy, bo i tak w końcu każdy jest na tyle, na ile opowiedziany zostanie albo sam się innym opowie (2011: 32).

Pierwszoosobowy bohater w prozie Myśliwskiego za każdym razem opowiada swoje życie – tworzy je ze wspomnień przeradzających się nieraz w fantazmaty. Opowieść staje się więc aktem kreacji, zaś jej tworzywem jest pamięć, której rola nie ogranicza się do magazynowania faktów, lecz jest nieustannym aktualizowaniem przeszłości z perspektywy opowiadającego. Sam bohater *Traktatu o łuskaniu fasoli* zapyta: «...cóż to jest nasza przeszłość? Gdzie są jej granice? To coś w rodzaju bliżej nieokreślonej tęsknoty, tylko za czym? Czy nie za tym, czego nigdy nie było, a co jednak minęło? Przeszłość to tylko nasza wyobraźnia, a wyobraźnia potrzebuje tęsknoty, wręcz karmi się tęsknotą» (Myśliwski 2006: 257). Tęsknota z kolei zawsze sprzyja mitologizacji, dopowiedzeniom, przeinaczeniom, sentymentalnemu idealizowaniu. Wojciech Kalaga podkreśla, że pamięć i interpretacja zdarzeń są ze sobą ściśle powiązane, a obie te kategorie wpływają na budowanie tożsamości:

> niezależnie od tego, czy rozumiemy tożsamość jako twardo istniejące jądro (podmiot kartezjański), czy jako koherentną, uporządkowaną chronologicznie i fabularnie narrację (Paul Ricoeur), czy – jak chce Bergson – śnieżną kulę, powiększającą i zmieniającą swój kształt, gdy toczy się, zbierając nowe warstwy siebie, czy jako mgławicę, czy też jako fragmentaryczny, pełen pęknięć konglomerat niejednorodnych, a czasem przeciwstawnych tendencji i momentów, to możemy się zgodzić, iż pamięć i interpretacja niezmiennie uczestniczą w tak wielorako rozumianej tożsamości (2012: 59).

Należy podkreślić, że Myśliwski traktuje pamięć nie jako archiwum zarejestrowanych zdarzeń, ale jako świadectwo życia, które podlega wielokrotnej reinterpretacji, ponieważ we wspomnieniach pracują nieustannie nasze przeżycia, myśli i nakładają się perspektywy. Pamięć, tak jak słowa i opowiadanie, warunkuje nasze istnienie:

> <…> Zresztą czymże jest pamięć, jeśli nie udawaniem, że pamięta się. A to przecież jedyny nasz świadek, że byliśmy. Zależymy od pamięci jak las od drzew, a rzeka od brzegów. Powiem więcej, według mnie, stworzeni jesteśmy przez pamięć. Nie tylko my, świat w ogóle (2006: 378).

Helena Duć-Fajfer pisze, że «pamiętanie/wspominanie nie jest aktem intencjonalnym (jak archiwizowanie), tylko jest procesem rekonstruktywnym, który za punkt odniesienia przyjmuje teraźniejszość, istotnie wpływającą na to, co się nam przypomina» (2012: 20). Dzięki temu powstaje opowieść, która nie tyle «opisuje» rzeczywistość, ile ujawnia mechanizmy naszego istnienia w czasie, wskazując, że człowiek definiuje siebie poprzez opowiadanie, a jego tożsamość kształtuje się w dialogu z przeszłością. Pamięć odgrywa w tym procesie rolę najistotniejszą i zarówno w *Traktacie o łuskaniu fasoli*, jak i w *Uchu Igielnym* staje się kategorią porządkującą i strukturyzującą narrację. W obu utworach nie ma bowiem przedstawionego linearnego ciągu zdarzeń wypływającego z relacji przyczynowo-skutkowych, lecz raczej ciąg nakładających się na siebie wspomnień i reminiscencji funkcjonujących we właściwym sobie porządku skojarzeniowym. Trafnie ujmuje to Bogumiła Kaniewska, badaczka twórczości Myśliwskiego: «Monologi narratorów nie są po prostu relacjami

ze zdarzeń, odkrywanych w zakamarkach pamięci. To wielkie mozaikowe kreacje pamięci, obrazy tworzone opowieścią» (2013: 69).

Traktat o łuskaniu fasoli to powieść oparta na rozmowie bohatera z nieznajomym, który przyszedł «kupić fasoli». Nie wiadomo, kim jest przyjezdny, podobnie jak nie wiadomo do końca, kim jest sam opowiadający, mimo że to właśnie zdarzenia z jego życia wypełniają całą fabułę. Monologizowana rozmowa przeradza się w filozoficzne studium na temat ludzkiego losu, roli opowieści i pamięci w kształtowaniu i odnajdywaniu siebie. Wojciech Ligęza nazywa go słusznie «monologiem doświadczenia» (2006: 120), wskazując tym samym nie na istotę przywołanych faktów, lecz towarzyszące im przeżywanie. Bohater *Traktatu o łuskaniu fasoli* poszukuje sam siebie, chce powtórzyć swoje życie wobec innego – nieoceniającego i milczącego słuchacza. Powie: «Znaleźć siebie nieprosta sprawa. Kto wie czy nie najtrudniejsza ze wszystkich spraw, jakie człowiek ma do załatwienia na tym świecie» (Myśliwski 2006: 287). Całość rozwija się w kierunku filozoficznej medytacji nad sensem istnienia. To właśnie ten dialogiczny, «otwarty» kształt narracji pozwala na wydobycie uniwersalnej wizji człowieka, przekraczającej ramy biograficzne jednostki. Narrator opowiada o świecie, który, jak pisze Anna Węgrzyniak, «wyłania się z pamięci. (…) Opowiada, by zrozumieć swoje życie, w przekonaniu, że porządek narracji zmienia płynną, fragmentaryczną materię życia w los» (2019: 33). A los, jak przyznaje sam Myśliwski, jest kategorią intelektualną: «Dane jest nam życie, nie los. Los jest zabiegiem naszego umysłu, naszej świadomości. Musimy w życiu wyeliminować przypadkowość, a w związku z tym musimy życiu nadać rangę losu» (cyt. za: Grzegorzewska 2020: 36). Narrator *Traktatu o łuskaniu fasoli* dokonuje tego uporządkowania, gdy nadarza się możliwość opowiedzenia zdarzeń ze swojego życia w trakcie czynności łuskania fasoli w towarzystwie przypadkowego «kupca». Robi to zgodnie z naturalnym biegiem myśli, przeplatając opowieść zwrotami do niesłyszalnego odbiorcy i odpowiadając na jego w domyśle zadane pytania. Meandryczna narracja obejmuje zdarzenia niekiedy zupełnie nieistotne, jest przeciągła, bywa drobiazgowa lub skrótowa. Pozostawia wiele miejsc niedopowiedzianych.

Podobnie dzieje się w przypadku narratora *Ucha Igielnego* – główny bohater-narrator odtwarza swoje życie w toku opowieści, ale pokazuje je z dwóch perspektyw, ponieważ ujawnia się i jako starzec, i jako młodzieniec, a te dwie postacie spotykają się ze sobą na sandomierskich schodach w przesmyku zwanym Uchem Igielnym. Konfrontacja młodości ze starością daje asumpt do szerszej refleksji i niejako wywołuje historię życia starca, który przecież niegdyś był pełnym witalności młodzieńcem gardzącym dojrzałą mądrością chodzących o lasce starszych ludzi. Ich spotkanie jest brutalnym wglądem w ludzkie istnienie, które podlega regułom przemijania, mimo buntu i niecierpliwej chęci zatrzymania tego procesu. Młody bohater zrzuca ze schodów starego, gdyż nie chce rozpoznawać w nim swojej nieuchronnej przyszłości. Narrator opowiada życie tego podwójnego bohatera z perspektywy schyłku, a migotliwa historia przeradza się w los młodzieńca i starca pokazując niemożność ucieczki od samego siebie. «Zamach młodości na starość» – jak powie Myśliwski o swojej książce (2022: 454), jest nieskuteczny.

W tej pierwszoosobowej narracji dochodzi do zatarcia pełnej prawdy o przeszłości opowiadającego, jednak nie ona odgrywa najważniejszą rolę w procesie rozliczania się bohatera z własnym życiem. Ważniejsze staje się zmaganie z własną historią i próba jej zrozumienia. Za licznymi wspomnieniami oraz dygresjami narratora kryją się bowiem głębokie refleksje natury psychologicznej i filozoficznej – mimo że opowieść bywa, tak jak w *Traktacie o łuskaniu fasoli*, meandryczna, przeciągła i pełna szczegółów, które mogą wydawać się drugorzędne i zupełnie zbędne. Jednak to w nich zawarte są uniwersalne prawdy o ludzkim losie poruszające swoją trafnością i wyróżniające się na tle całości. Historia ta nie jest więc jedynie próbą odnalezienia

tożsamości bohatera, którego imienia i nazwiska nie poznajemy do samego końca, lecz stanowi szerszy namysł nad kondycją człowieka podporządkowanego pamięci i bezradnego wobec jej mechanizmów.

Obie przywołane powieści nawiązują do takich form gatunkowych, które są nośnikami pewnych ogólnych prawd ludzkich. *Traktat o łuskaniu fasoli* już poprzez sam tytuł wskazuje na filozoficzny kontekst, którego należy spodziewać się po lekturze. Zdawałoby się, że zestawiona z pojęciem traktatu trywialna i monotonna czynność, jaką jest łuskanie fasoli, stanowi składnik prowokujący i łamiący poważną strukturę projektowanego tekstu. Tak jest w istocie, jednak łuskanie fasoli nabiera w powieści egzystencjalnego sensu – «O, łuskamy fasolę, więc jesteśmy» (2006: 377) – powie gospodarz. To czynność podtrzymująca przy życiu, jak codzienna praca, pozwalająca na zapewnienie fizycznej egzystencji, na trwanie. Łuskanie fasoli na wsi było czynnością rutynową, ale i pewnym rytuałem jednoczącym, a przede wszystkim wyzwalającym rozmowę i opowieści. W to proste mechaniczne zajęcie wpisany jest traktat o codzienności, o ważnych i nieważnych zdarzeniach tworzących całość ludzkiego losu.

Łuskanie fasoli (czynność i rzecz) nadaje trwaniu potwierdzenie i sens – zaświadcza o działaniu człowieka, jego myśleniu i byciu, podobnie jak opowiadanie w trakcie tej czynności stanowi nieodzowny element istnienia. Strąki fasoli są niezbędne do życia jako pokarm, ale także jako nośnik koniecznych czynności, powtarzalnych, rytualnych[2] i rutynowych, bez których nie byłoby opowieści. Sama nazwa czynności – «łuskanie», odnosi się także do metaforycznego «wyłuskiwania» znaczeń, docierania do sedna, wskazuje więc także na inny, metafizyczny wymiar powieści[3]. Jest poszukiwaniem sensu, które wyraża się tylko wobec kogoś i w dialogu z kimś – wyraża potrzebę określania się wobec innego. Forma traktatu jest zatem przemyślaną strategią, w którą wpisana jest i prostota, i wielka filozoficzna rozmowa obejmująca wszystkie aspekty ludzkiego istnienia. Wybrzmiewa tu jednoznacznie summa innych filozoficznych traktatów i refleksji odsłaniając horyzont rozważań z perspektywy fenomenologii, filozofii dialogu, ontologii czy hermeneutyki z uwzględnieniem najnowszych studiów nad pamięcią czy antropologią rzeczy. Zresztą dyskursy pamięciowy czy reistyczny stanowią znakomity kontekst interpretacyjny przedstawianych tu zagadnień.

Ucho Igielne jest z kolei inną nośną formą, w której Myśliwski pomieścił ludzki los eksponując jego jedyną stałą prawdę – przemijanie. Tytuł odsyła czytelnika do egzystencjalnej refleksji znanej z biblijnej przypowieści – «Łatwiej jest wielbłądowi przejść przez ucho igielne, niż bogatemu wejść do królestwa niebieskiego» (Mt 19, 23-24). Sens religijny wskazuje na konieczność wyzbycia się pewnego balastu, by wejść w inną przestrzeń życia (życia wiecznego) i zrozumieć to, co do tej pory było jego udziałem. W Sandomierzu brama Ucha Igielnego znajduje się w połowie schodów i jest miejscem, gdzie z reguły każdy przystaje, by nabrać sił na dalszą wspinaczkę. W powieści w tym symbolicznym miejscu spotykają się dwie wersje protagonisty. Przesmyk nie pozwala minąć się bez konieczności zbliżenia do drugiej osoby, tak więc obie postacie stykają się ze sobą, by na chwilę przejrzeć się w sobie jak w lustrze. Stary w młodym widzi siebie samego – dawnego, widzi całe swoje minione życie, które rysuje się jako wspomnienie, a zatem jako historia niekoniecznie prawdziwa, lecz zapamiętana w określony sposób i odtwarzana zgodnie ze wspomnieniowym rytmem. Całość stanowi przypowieść o człowieku zamkniętą w prostej metaforze przejścia przez symboliczne ucho igielne, czyli przekroczenia progu naiwnej młodości i wejścia w dojrzałość, a potem starość naznaczoną tęsknotą za tym, co minione.

Traktat o łuskaniu fasoli oraz *Ucho Igielne* to studium, w którym Myśliwski jako pisarz oraz myśliciel rewiduje pamięć i formy jej oddziaływania – przypominanie, zapominanie, a przede wszystkim kreowanie

[2] O rytualno-magicznej roli rzeczy w bardzo szerokiej perspektywie zob. szerzej Barański 2007: 109-122.

[3] Poddaję tę kwestię refleksji także w innym artykule – zob. Romaniszyn-Ziomek 2023: 273-274.

wspomnień i życiorysów. Istnieją one na tyle, na ile zostały opowiedziane. Są przywoływane dzięki miejscom oraz przedmiotom stanowiącym nośniki niewyartykułowanych historii, które czekają na swoją opowieść. Pamięć staje się bohaterką obu powieści, ponieważ odpowiada za rytm narracji, który odwzorowuje proces przypominania – niekiedy drobiazgowego, innym razem punktowego czy incydentalnego. Narracji towarzyszy zresztą często metarefleksja w postaci filozoficzno-egzystencjalnych dygresji, na przykład:

> Cóż, człowiek nie jest w stanie sprostać swojej pamięci, a tym bardziej jej zmusić, aby pamiętała to, co by chciał. Pamięć zresztą służy w równym stopniu zapominaniu. I na szczęście. Gdyby miało się pamiętać wszystko, cokolwiek się przeżyło, pamięć by rozsadziła człowieka. A gdy jeszcze dodać, że pamięć nieustannie pracuje nad tym, co wczoraj, przedwczoraj i dawniej, aż po dzieciństwo, to gdybyśmy nie umieli zapominać, całe nasze życie płynęłoby w nas jak jakaś niewyobrażalna rzeka, która nie ma brzegów i płynie we wszystkich kierunkach (2018: 163-164).

Uderzająca w obu powieściach jest nieproporcjonalność w odtwarzaniu poszczególnych zdarzeń – niektóre są opisywane w sposób niezwykle precyzyjny z uwzględnieniem nawet mało znaczących szczegółów, inne zaś obrazują odmienne perspektywy tych samych wydarzeń (w *Uchu Igielnym* jest to na przykład konfrontacja przeżyć studentów, którzy spotykają się po latach), a jeszcze inne prowadzą w rejony onirycznych wspomnień oddalających się od rzeczywistych wydarzeń i noszących znamiona fantazmatu. Są one osadzone w realnej przestrzeni, da się też określić w sposób przybliżony ich czas historyczny. Ma on jednak znaczenie drugorzędne, a na przykład tocząca się w tle wojna nie stanowi tematu zasadniczego. Kaniewska pisze: «Myśliwski właściwie nie opowiada o historii, lecz pokazuje jej egzystencjalne konsekwencje (…). Żaden z jego bohaterów nie wikła się w wielkie wydarzenia, opowiadający nie dbają o daty, o lokalizację zdarzeń w czasie. Posługują się niechronologicznym czasem biograficznym, przedstawianym w porządku skojarzeniowym, czyli mówią (bo zwykle mówią) o tym, co akurat im się przypomni» (2013: 36).

Narratorzy Myśliwskiego nie potrzebują wiernego odtworzenia przeszłości – ich opowieść zawsze jest subiektywna, poddana emocjom, pełna luk i przemilczeń. Selektywność zdarzeń wynika z mechanizmów pamięci, która dzięki miejscom, przedmiotom lub słowom pracuje tworząc połączenia zdarzeń pozbawione logicznego powiązania. Ucho Igielne wyzwala wspomnienia dzieciństwa i młodości; łuskanie fasoli wyzwala potrzebę opowieści zbudowaną na ciągu skojarzeniowym. Zarówno w jednym jak i w drugim przypadku przywołane zdarzenia są tylko pretekstem do snucia historii o człowieku w ogóle, który w zderzeniu z ostatecznością (starością, odchodzeniem, śmiercią) musi skonfrontować się ze sobą. W *Formach pamięci* Marek Zaleski pisze:

> Pod powierzchnią faktów i zdarzeń historii, jaką odtwarza ukierunkowana pamięć skrywa się inna historia – pozornie błaha, subiektywna bądź mało istotna z punktu widzenia historyka, ale równie przecież rzeczywista. Pod piórem pisarza nabiera znamion rzeczywistości mitycznej. Mityzacji ulega – co nie mniej ważne sama czynność wspominania, zmieniając się w rytuał ocalania od zapomnienia, wydobywania pamięci z przepaści niepamięci, wyzwolenia przeszłości. Powracający w przeszłość, która zawsze istnieje niejednoznacznie i pod niejasną postacią, przypomina mitycznego bohatera: podejmuje wyprawę w głąb labiryntu, za jedyne wsparcie mając wątłą i niepewną nić pamięci (2004: 28).

Myśliwski w jednej z rozmów podkreślił, że dzięki językowi kreujemy świat i dzięki niemu nawet mało istotne historie nabierają egzystencjalnego znaczenia: «(…) literatura to taka wyjątkowa alchemia, która

najmarniejszej ludzkiej egzystencji potrafi nadać ragę losu. A dzięki czemu? Dzięki językowi. <…> Język zawsze był i będzie jedynym jej narzędziem poznania» (2022: 290).

Podsumowując, Myśliwski tworzy powieści-parabole, które pokazują uniwersalny wymiar ludzkiej egzystencji, dotyczą każdego, mimo że są mocno osadzone w rodzimej mentalnej przestrzeni tworzącego je podmiotu. Przywoływane konkretne miejsca, jak Sandomierz, Ucho Igielne, znane z dzieciństwa i młodości rytuały oraz doświadczenia, takie jak łuskanie fasoli, studenckie poszukiwania stancji czy reminiscencje wojenne, zakorzeniają te opowieści, nadają im rys bliskości, ale jednocześnie nie przynoszą zwartej i ograniczonej czasowo oraz przestrzennie konkretyzacji. W ten sposób utwory te zyskują wymiar metafizyczny, przenosząc akcenty na to, co mityczne, głębokie, wspólne dla bohatera i odbiorcy. Nie chodzi tu o pomijanie czy ignorowanie kontekstu historycznego, wojennego, który niejednokrotnie mocno wybrzmiewa i stanowi znaczące tło wydarzeń, lecz o obraz człowieka, który w konfrontacji z wojną, z biedą, bezradnością poszukuje siebie i stwarza siebie w opowieści. «<…> niezależnie od tego, jak wiele kwestii Myśliwski porusza w swojej twórczości, w centrum pozostaje człowiek – osoba skazana na rzeczywistość, zmagająca się ze swoim życiem, usiłująca się w nim odnaleźć, określająca dzięki temu swoją tożsamość i sens istnienia» – pisze Kulesza (2022: 26). Powieści Myśliwskiego to odkrywanie rzeczywistości, poznawanie życia jako pewnego fenomenu, konstruktu, którego istotę należy poznać od środka, wchodząc w jego najgłębsze zakamarki, którymi są ludzkie doświadczenia – miłości (ojcowskiej, matczynej, młodzieńczej), straty, biedy, poczucia nicości, bezsensu, przemijania, nieuchronności końca i strachu przed nieistnieniem. Utwory łączy refleksja nad pamięcią jako procesem selekcji, przetwarzania i reinterpretacji doświadczeń. Kaniewska konkluduje:

> Utwory Wiesława Myśliwskiego <...> są zawsze opowieściami o losie pojedynczego człowieka, spełniającym się w konkretnej biografii, zdeterminowanej przez moment historyczny i punkt przestrzeni, w jakich przyszło jej się toczyć. Każda z powieści staje się też narracją o ludzkim losie w ogóle, o prawach kierujących ludzką egzystencją: o młodości i samotności, o nadziei i rozpaczy, o otaczających nas przedmiotach i umieraniu materialnego kształtu świata, o sile tradycji i bezpowrotności zmian, o trwaniu pamięci i ulotności czasu (2013: 9).

Bibliografia

Barański, J. (2007). *Świat rzeczy. Zarys antropologiczny*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Biłos, P. (2017). *Powieściowe światy Wiesława Myśliwskiego*. Wydawnictwo Znak.

Duć-Fajfer, H. (2012). Pamięć i literatura: inspiracje teoretyczne w kontekście rozważań o literaturach mniejszości wschodniosłowiańskich w Polsce. En W. Szczukin (Ed.), *Ogród wielu kwiatów. Liber amicorum. Tom jubileuszowy dedykowany Janowi Dębskiemu* (pp. 19-35). Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Grzegorzewska, W. (2020). Czasu przezwyciężanie. *Znak*, *785*, 34-41.

Kalaga, W. (2012). Pamięć, interpretacja, tożsamość. *Teksty Drugie*, *1/2*, 59-73.

Kaniewska, B. (2001). Między cyklem a powieścią. En K. Jakowska, B. Olech & K. Sokołowska (Eds.), *Cykl literacki w Polsce* (pp. 23-35). Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana.

Kaniewska, B. (2013). *Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego*. Wydawnictwo Naukowe UAM.

Kulesza, D. (2010). Więcej niż cykl, kilka uwag o twórczości Wiesława Myśliwskiego. En A. Kieżuń & D. Kulesza (Eds.), *Cykle i cykliczność. Prace dedykowane Pani Profesor Krystynie Jakowskiej* (pp. 93-106). Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana.

Kulesza, D. (2022). *Ćwiczenia z życia. O twórczości Wiesława Myśliwskiego*. Instytut Literatury.

Ligęza, W. (2006). Monolog doświadczenia (O powieści Wiesława Myśliwskiego «Traktat o łuskaniu fasoli»). *Akcent*, *4*, 117-128.

Myśliwski, W. (2006). *Traktat o łuskaniu fasoli*. Wydawnictwo Znak.

Myśliwski, W. (2011). *Nagi sad*. Wydawnictwo Znak.

Myśliwski, W. (2018). *Ucho Igielne*. Wydawnictwo Znak.

Myśliwski, W. (2022). *W środku jesteśmy baśnią. Mowy i rozmowy*. Wydawnictwo Znak.

Olejniczak, J. (2018). Księga Myśliwski (w oczekiwaniu na siódmy rozdział...). En J. Olejniczak (Ed.), *Myśl Myśliwskiego* (pp. 9-49). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Pacławski, J. (2011). *A jeśli chodzi o moje pisanie... O pisarstwie Wiesława Myśliwskiego*. Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego.

Romaniszyn-Ziomek, L. (2023). Saksofon, kapelusz i świece, czyli o przedmiotach w «Traktacie o łuskaniu fasoli» Wiesława Myśliwskiego. *Świat i Słowo*, *40*, 269-278.

Węgrzyniak, A. (2019). *W świecie, który wciąż się rozpada. Lektury prozy XX i XXI w*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Techniczno-Humanistycznej.

Zaleski, M. (2004). *Formy pamięci*. Wydawnictwo słowo/obraz terytoria.

LA SINESTESIA LINGÜÍSTICA EN RUSO

Zinaida Roshu
Universidad de Granada

1. Introducción

La sinestesia lingüística es un fenómeno en el que el léxico asociado a una modalidad sensorial se utiliza para describir otra, como en «melodía dulce», donde un adjetivo gustativo califica una experiencia auditiva. El término «sinestesia», de origen griego (syn, «juntos», y aisthēsis, «sensación»), se refiere, en su sentido más amplio, a la mezcla de sensaciones. Sin embargo, su significado preciso varía considerablemente según el campo de estudio; por tanto, es fundamental establecer una distinción clara entre estos significados para evitar confusiones conceptuales (Cytowic y Eagleman, 2009). En concreto, se debe distinguir la sinestesia lingüística de la sinestesia perceptiva —una condición neurológica en la que la estimulación de un sentido provoca experiencias automáticas e involuntarias en otro (Cytowic, 2002), por ejemplo, cuando se ven colores al escuchar música o se sienten sabores al tocar texturas —, si bien algunos investigadores señalan la conexión entre ambos fenómenos (Marks, 1996; Ramachandran y Hubbard, 2001).

Mientras que la sinestesia perceptiva es un fenómeno poco frecuente en la población general (Cytowic, 2002; Martino y Marks, 2001; Ramachandran y Hubbard, 2001) que no muestra variaciones significativas entre idiomas debido a sus bases biológicas (Zhao et al., 2022), la sinestesia lingüística, objeto del presente estudio, se refiere a un fenómeno mucho más extendido y productivo, presente en una amplia variedad de lenguas y culturas (Strik Lievers, 2015; Ullmann, 1957; Zhao, 2020).

La sinestesia se manifiesta en la lengua tanto en forma de expresiones comunes (p. ej. *color cálido*, *voz suave*) como en los usos más creativos (*Цвет дома все еще отзывается во рту неприятным овсяным вкусом, а то и халвой* 'El color de la casa aún resuena en la boca con un desagradable sabor a avena, o incluso a halva', trad. propia; В. Набоков, «Дар»). En la tradición rusa, este fenómeno se ha estudiado tradicionalmente como recurso literario en el contexto de la creatividad de escritores y poetas. Así, Maidanova (1992) analizó las metáforas sinestésicas en el lenguaje literario del siglo XX, mientras que Satretdinova (2012) exploró el papel de la sinestesia en la poesía rusa de la Edad de Plata. Sin embargo, en últimas décadas el campo de la sinestesia lingüística ha experimentado el cambio del enfoque impulsado por «el "giro cognitivo" en la investigación de las metáforas y la disponibilidad de grandes corpus electrónicos» (Strik Lievers et al., 2021: 373). Estos corpus que constan de textos de distintos géneros y ámbitos, tanto literarios como no literarios, han permitido analizar todas las manifestaciones de la sinestesia en la lengua e identificar tanto sus usos creativos como las metáforas intermodales lexicalizadas y comunes.

En este trabajo se ofrece una primera aproximación al estudio de la sinestesia lingüística en ruso, a partir de ejemplos extraídos del Corpus Nacional de la Lengua Rusa (https://ruscorpora.ru/). Dicho corpus de uso general resulta especialmente adecuado para la localización de combinaciones sinestésicas gracias a su función de búsqueda por características semánticas. Así, para una búsqueda automática de todos los usos sinestésicos de un término particular del vocabulario perceptivo (p. ej. «dulce»), es suficiente introducir su

lema y las características semánticas del otro componente, asociadas con una modalidad sensorial diferente («sonido», «olor» etc.). Asimismo, al introducir únicamente rasgos gramaticales y semánticos se pueden identificar nuevas combinaciones sinestésicas sin necesidad de especificar un lema. Por ejemplo, una búsqueda que combine las características gramaticales de *adjetivo* + *sustantivo* con las etiquetas semánticas «forma»/«color» + «sonido» permite extraer las combinaciones sinestésicas nominales de tipo «vista-oído».

A pesar de las limitaciones de la búsqueda automática, este método ofrece la posibilidad de extraer una gran variedad de metáforas sinestésicas, lo que permite clasificarlas según las modalidades sensoriales cruzadas, sus esquemas de expresión y sus funciones en el texto, así como arrojar luz sobre la naturaleza de la sinestesia lingüística.

2. El problema de definir los sentidos

En el presente estudio nos basamos en el modelo clásico aristotélico de los cinco sentidos —vista, oído, tacto, olfato y gusto— como más tradicional y aceptado dentro del campo de la sinestesia lingüística. Sin embargo, conviene señalar que la división de la percepción humana en las modalidades sensoriales claramente separadas es una cuestión compleja y debatida. Diversos autores han propuesto subdivisiones de los cinco sentidos tradicionales. Así, Ullmann (1957) y Day (1996) en sus estudios sobre metáforas sinestésicas separan la temperatura del tacto, mientras que Williams (1976) divide la visión en dimensión y color.

Por otra parte, como señala Winter (2019) en «Lingüística sensorial», existe una intensa interacción intermodal entre los sentidos, lo que dificulta su clasificación en categorías estrictamente separadas. Por ejemplo, el gusto y el olfato están muy entrelazados en nuestra percepción, ya que están fisiológicamente integrados. Por eso, en muchas lenguas son frecuentes las expresiones como «huele deliciosamente», que se perciben como naturales y casi literales.

Pese a estas controversias, el modelo de los cinco sentidos resulta especialmente práctico y está ampliamente aceptado; por ello, se adopta en el presente estudio. Partiendo de las cinco modalidades sensoriales tradicionales, en este trabajo se ha tratado de seleccionar los casos más claros y convincentes de sinestesia. En concreto, se han tenido en cuenta aquellas expresiones en las que dos o más componentes están claramente asociados a distintas modalidades sensoriales. En este análisis no se incluyen palabras que se usan para describir varias modalidades. Por ejemplo, el verbo ruso «чувствовать» ('sentir') es altamente polisémico y se utiliza con todos los sentidos. Por este motivo, expresiones como «почувствовать музыку» ('sentir la música'), «почувствовать запах» ('sentir el olor'), «почувствовать вкус» ('sentir el sabor') no se consideran aquí ejemplos de metáforas sinestésicas.

Por otro lado, en el caso de palabras polisémicas que presentan una asociación clara con una modalidad sensorial concreta —como «мягкий» ('suave'), cuyo significado primario literal se relaciona con el tacto—, los usos de estas unidades con términos pertenecientes a otras modalidades sensoriales —como en *мягкий голос* ('voz suave') o *мягкий свет* ('luz suave')— se han considerado ejemplos de metáfora sinestésica.

En el presente trabajo, con el objetivo de facilitar la lectura y la identificación de las expresiones sinestésicas, se ha seguido el criterio de entrecomillar los títulos de obras literarias y reservar el uso de la cursiva para dichas expresiones. Con el fin de facilitar la comprensión del contenido se ofrece la traducción literal de los ejemplos de la sinestesia inmediatamente después del original.

3. Las metáforas sinestésicas como tropo literario

Pese a que, según Ullmann (1957), las expresiones sinestésicas constituyen una forma muy antigua de metáfora —ya presente en Homero y Esquilo—, fueron los poetas simbolistas quienes popularizaron este recurso a finales del siglo XIX y principios del siglo XX (Strik Lievers et al., 2021). En particular, los poetas rusos de la Edad de Plata, en su búsqueda de nuevas formas para expresar experiencias subjetivas, recurrieron abundantemente a metáforas sinestésicas para generar asociaciones e imágenes poéticas singulares y llamativas (Satretdinova, 2012).

Así, en la poesía de Balmont aparecen expresiones como *зеленая тишина* ('silencio verde') y *аромат солнца* ('aroma de sol'), mientras que en la de Briusov se encuentran metáforas como *темно-синий напев* ('canto azul oscuro') y *соленое дыхание влаги* ('aliento salado de la humedad').

Del mismo modo, en un poema de Ósip Mandelshtam surge la metáfora *жестоких звезд соленые приказы* ('las órdenes saladas de las estrellas crueles'), en la que el sustantivo «*órdenes*» —con semántica verbal y auditiva— se describe mediante un adjetivo de sabor («saladas») y se atribuye a las estrellas, habitualmente percibidas mediante la vista; además, las estrellas se caracterizan como «crueles», añadiendo modalidad emocional.

En ese mismo poema aparece también la frase *верещанье звезд щекочет слабый слух* ('los chillidos de las estrellas hacen cosquillas al oído débil'): Mandelshtam atribuye voz a las estrellas mudas, de modo que, además de verlas, las «escuchamos» a través de sus «chillidos», los cuales a su vez se mezclan con una modalidad táctil: «hacen cosquillas al oído».

Paralelamente a la poesía, la prosa rusa incorpora de forma destacada la sinestesia; Vladímir Nabókov es uno de los escritores más conocidos por su uso sistemático y creativo de metáforas intermodales. El escritor tenía una forma de sinestesia perceptiva, que él mismo llamaba «audición coloreada». En su autobiografía «Las otras orillas», Nabókov (1998) incluyó una detallada «confesión de sinestésico», donde no solo describe los colores asociados a cada letra, sino también las sensaciones táctiles y gustativas que le evocan: «цветное ощущение создается по-моему осязательным, губным, чуть ли не вкусовым чутьем. Чтобы основательно определить окраску буквы, я должен букву просмаковать, дать ей набухнуть или излучиться во рту, пока воображаю ее зрительный узор» ('la sensación de color se crea, a mi parecer, mediante un sentido táctil, labial, casi gustativo. Para determinar a fondo el color de una letra, tengo que saborearla, dejar que se hinche o irradie en mi boca mientras imagino su patrón visual', trad. propia) (Nabókov, 1998: 375).

Esta variación perceptiva se refleja en personajes sinestésicos y en las metáforas sorprendentes que abundan en sus novelas. Esos son algunos de los numerosos ejemplos: *«"Сумерки" - какой это томный сиреневый звук!»* ('"Crepúsculo": ¡qué sonido tan somnoliento y lila!') («Другие берега»); *«Шелестящее, влажное слово "счастье"»* ('La palabra "felicidad", húmeda y susurrante') («Музыка»); *«Вкусный холодок прошел по макушке»* ('Un delicioso escalofrío recorrió la coronilla') («Порт»); *«Примятые звуки постепенно начинали расправляться»* ('Los sonidos aplastados comenzaron a desplegarse gradualmente') («Приглашение на казнь»); *«Нафталиновые шарики источали грустный шероховатый запах»* ('Las bolitas de naftalina desprendían un olor triste y rugoso') («Защита Лужина»). Tal como muestran los ejemplos, las metáforas sinestésicas en la obra de Nabókov abarcan todas las modalidades sensoriales y presentan estructuras gramaticales variadas y complejas.

Nabókov es uno de los pocos casos documentados de escritores que combinan la sinestesia perceptiva (involuntaria) y la sinestesia como práctica artística (uso deliberado de metáforas intermodales con

fines creativos), hecho que probablemente contribuyó a la confusión terminológica presente en la tradición crítica rusa entre ambas manifestaciones del fenómeno.

4. Sinestesia en el lenguaje natural

Aunque la sinestesia se ha estudiado activamente en Rusia, esta investigación siempre se ha limitado a los estudios literarios, sin explorar su presencia en el lenguaje no literario. La falta de investigación de las metáforas sinestésicas en el lenguaje natural en ruso contrasta con el cambio de enfoque en el estudio de dichas metáforas hacia textos no literarios en otras lenguas en las últimas décadas (Strik Lievers et al., 2021; Zhao, 2020).

En el caso del ruso, queda muy claro que la sinestesia lingüística va más allá del recurso literario y también está muy presente en forma de metáforas convencionales. Así, en el vocabulario básico de la percepción sensorial en ruso se encuentra la expresión *«слышать запах»* ('oler; lit. oír el olor') que describe la experiencia olfativa en términos auditivos.

Otros ejemplos de metáforas sinestésicas convencionales de uso frecuente en la lengua rusa son: *холодный взгляд* ('mirada fría'), *тонкий аромат* ('aroma fino'), *теплые тона* ('colores cálidos'), *кричащие краски* ('colores estridentes'), *оттенки звучания* ('matices del sonido'), *кислый запах* ('olor agrio'), *вкусно пахнет* ('huele delicioso'), *сухо сказал* ('dijo secamente'). Dichas metáforas se basan en asociaciones intermodales compartidas por los hablantes de una o varias lenguas, lo que las diferencia de las metáforas sinestésicas creativas basadas en asociaciones individuales del autor.

5. Tipos de transferencias sinestésicas

Según la definición más aceptada de sinestesia lingüística como metáfora, cuando describimos una experiencia sensorial en términos de otro sentido, como en el caso de la frase *мягкий голос* ('voz suave'), ocurre la transferencia sinestésica: el adjetivo asociado al tacto se usa metafóricamente para describir un término auditivo. Las metáforas sinestésicas pueden dividirse en varios grupos semánticos según las modalidades cruzadas. Por ejemplo, las metáforas del tipo «vista-oído» son aquellas expresiones en las que la percepción del sonido se describe metafóricamente en términos de percepción visual, como en el caso de la expresión *потухший голос* ('voz apagada'). Del mismo modo, hay metáforas que combinan el tacto y la vista, por ejemplo, *мягкий свет* ('luz suave'), *холодный взгляд* ('mirada fría'); tacto y oído: *сухой голос* ('voz seca'), *ледяной тон* ('tono gélido'); gusto y vista: *кислый вид* ('aspecto agrio'); tacto y olor: *липкий запах* ('olor pegajoso'); gusto y olor: *вкусно пахнет* ('huele delicioso'), *сладкий аромат* ('aroma dulce').

Algunas metáforas sinestésicas creativas son más complejas y combinan varias modalidades sensoriales a la vez: *«Стоит положить в рот лакомый кусочек вишнёвого пирога, как на языке начинает звучать чудесная симфония: раздаются решительные аккорды сладкого теста… вишнёвый аромат виолончельной мягкостью ласкает нёбо»* ('En cuanto te metes en la boca un delicioso trozo de tarta de cerezas, una maravillosa sinfonía comienza a sonar en tu lengua: suenan los acordes decididos de la masa dulce... el aroma de cereza acaricia el paladar con la suavidad del violonchelo', trad. propia) (Ирина Краева. «Тим и Дан, или Тайна "Разбитой коленки": сказочная повесть»).

En este fragmento de la novela un trozo de tarta de cerezas evoca, además del sabor, diversas asociaciones sinestésicas: auditivas, táctiles y olfativas. En esta sola frase se pueden distinguir al menos cuatro transferencias sinestésicas diferentes. «*На языке начинает звучать симфония»* ('una sinfonía comienza a sonar en la lengua') así como «*раздаются решительные аккорды сладкого теста»* ('suenan los acordes de la masa

dulce') son metáforas sinestésicas de tipo «gusto-oído». La expresión *«вишнёвый аромат»* ('el aroma de cereza') mezcla modalidades de olfato, gusto y vista, ya que el adjetivo *«вишнёвый»* significa el sabor, el olor y el color de la cereza. A esto se añade la modalidad táctil: *«аромат ласкает нёбо»* ('el aroma de cereza acaricia el paladar') y *«виолончельной мягкостью»* ('la suavidad del violonchelo') son metáforas de tipo «olfato-tacto» y «tacto-oído» respectivamente.

6. Los esquemas de expresión de la sinestesia lingüística

La sinestesia lingüística puede expresarse de varias formas. Algunas metáforas sinestésicas resultan muy complejas y extensas, como se mostró en el apartado anterior. Al mismo tiempo, la sinestesia puede condensarse en una sola palabra: *сладкозвучный, светомузыка.*

No obstante, el tipo más común de metáfora sinestésica está representado por estructuras sintagmáticas simples, tanto nominales (*бесцветный голос*, 'voz incolora'), como verbales (*погасли звуки*, 'los sonidos se apagaron').

Los estudios sobre la sinestesia lingüística suelen centrarse en la estructura sintagmática más frecuente: «adjetivo + sustantivo», en la que la palabra principal—el sustantivo— se utiliza en sentido directo y la transferencia sinestésica se realiza hacia un adjetivo de otra modalidad sensorial que adquiere un significado metafórico. Así, en la frase *мягкий свет* ('luz suave') el adjetivo, asociado habitualmente al tacto, se utiliza metafóricamente para describir un término visual.

Sin embargo, existen otros esquemas productivos que generan numerosas metáforas sinestésicas en ruso. Otro tipo de sintagma nominal frecuente en ruso es «sustantivo + sustantivo» (equivalente aproximado en español a «sustantivo + de + sustantivo»), como muestran los siguientes ejemplos: *оттенки звучания* ('matices del sonido'), *вспышки смеха* ('destellos de risa'), *ноты аромата* ('notas de aroma'). En cuanto a las estructuras verbales, los esquemas principales son «verbo + sustantivo» (p. ej., *слышать запах*, 'lit. oír el olor'; *потухли голоса*, 'las voces se apagaron') y «adverbio + verbo» (p. ej., *горько сказал*, 'dijo amargamente'; *вкусно пахнет*, 'huele delicioso'). En estos casos, el verbo mantiene su significado sensorial directo, mientras que el sustantivo o el adverbio de otra modalidad perceptiva se emplea en sentido figurado.

7. La naturaleza de la sinestesia lingüística

Los ejemplos de sinestesia lingüística son muy diversos, lo que contribuye a que su naturaleza siga siendo objeto de debate. Algunas expresiones, como *кричащий запах* ('olor estridente') o *ароматное солнце* ('sol fragante'), son altamente creativas, mientras que otras, como *сухой кашель* ('tos seca'), se han lexicalizado y apenas se perciben como metáforas.

La interpretación más común considera la sinestesia lingüística como una metáfora (Strik Lievers et al., 2021). Sin embargo, algunos autores la entienden como una metonimia basada en la contigüidad experiencial, es decir, en la idea de que distintas sensaciones suelen experimentarse juntas en el mundo. Por ejemplo, la asociación entre colores y temperaturas —el fuego es caliente y rojizo; el hielo, frío y azulado—puede justificar expresiones como «colores cálidos y fríos» (Marks, 1978; Cacciari, 2008).

Por otro lado, hay investigadores que no consideran la sinestesia lingüística como una figura retórica y defienden su carácter literal (Rakova, 2003; Winter, 2019). La llamada «cuenta literal» sostiene que la sinestesia es una expresión literal de la experiencia perceptiva integrada. Según esta perspectiva, expresiones como «voz dulce» o «mirada dulce» no utilizan «dulce» metafóricamente en el sentido gustativo, sino literalmente en su acepción de «agradable» (Winter, 2019: 93).

Los mismos ejemplos pueden analizarse en el contexto de la metáfora cognitiva subyacente DULCE ES AGRADABLE, basada en la realidad perceptiva (los sabores dulces activan el sistema de recompensa del cerebro, generando placer). Según Winter (2019: 85), metáforas como «color cálido» o «voz dulce» probablemente constituyen casos prototípicos de las metáforas primarias que reflejan aspectos universales de la percepción humana.

Por ello, semejantes metáforas sinestésicas se encuentran en muchas lenguas (*сладкий голос*, *сладкая мелодия*, *сладкий аромат*, *сладкая улыбка* en ruso; *voz dulce, melodía dulce, aroma dulce, sonrisa dulce* en español). Al mismo tiempo, ciertas metáforas sinestésicas revelan rasgos específicos de la forma de percibir y describir el mundo en cada lengua concreta.

En ruso, por ejemplo, existe la expresión sinestésica «*режет слух*» ('lit. corta el oído'), una locución de uso frecuente que transmite la percepción de un sonido muy desagradable a través del término táctil «cortar», como si un sonido pudiera cortar o herir el oído. No existe un equivalente exacto en otros idiomas (excepto en ucraniano, idioma estrechamente emparentado), por lo que, al traducirla, se pierde la dimensión sinestésica en la mayoría de los casos. En español, la opción más cercana para mantener la asociación entre el tacto y el oído sería «*sonar áspero*», pero el vínculo sinestésico de «el sonido duele como un corte» es algo naturalmente propio del ruso. Del mismo modo, en la expresión española «*voz parda*» la conexión entre un sonido de timbre poco definido y el color marrón terroso suena natural solo para los hablantes de español.

Todo esto subraya la relevancia del estudio de la sinestesia lingüística para comprender la compleja interacción entre la percepción, la cognición y el lenguaje.

8. Conclusiones

Este trabajo ofrece un análisis general de la sinestesia lingüística en la lengua rusa, basado en los ejemplos extraídos del Corpus Nacional de la Lengua Rusa. El estudio buscó abordar una laguna en la investigación rusa tradicional, que históricamente se ha centrado en los estudios literarios sin explorar la presencia de la sinestesia en el lenguaje natural.

Se demostró que la sinestesia se manifiesta en ruso tanto en forma de expresiones comunes (p. ej., color cálido, tos seca) como en usos altamente creativos. Es importante distinguir entre las metáforas sinestésicas novedosas, propias de la obra literaria, y las convencionales o lexicalizadas, presentes en el lenguaje natural. La falta de estudios sobre estas últimas en ruso contrasta con el «giro cognitivo» en el estudio de las metáforas sinestésicas y el crecimiento de las investigaciones basadas en corpus electrónicos realizadas en otras lenguas en las últimas décadas.

El análisis ha permitido identificar y clasificar los principales esquemas de expresión sintagmática de la sinestesia lingüística en ruso. Aunque el patrón más frecuente es «adjetivo + sustantivo» (p. ej., *мягкий свет*, 'luz suave', donde el adjetivo de modalidad táctil se usa metafóricamente con el sustantivo de modalidad visual), también se encontraron otros esquemas productivos: «sustantivo + sustantivo» (p. ej., *оттенки звучания*, 'matices del sonido'); «verbo + sustantivo» (p. ej., *слышать запах*, 'lit. oír el olor'); y «adverbio + verbo» (p. ej., *горько сказал*, 'dijo amargamente').

Las metáforas sinestésicas clasifican además según las modalidades cruzadas implicadas (p. ej., vista-oído, tacto-vista, tacto-oído, gusto-vista, tacto-olor, gusto-olor). Las transferencias pueden ser simples (combinación de dos sentidos) o muy complejas, combinando muchas modalidades sensoriales a la vez.

La diversidad de expresiones sinestésicas contribuye a que su naturaleza siga siendo objeto de debate. Si bien la interpretación más común es que la sinestesia lingüística es una metáfora, algunos autores la ven

como una metonimia basada en la contigüidad experiencial (p. ej., entre colores y temperaturas), o incluso defienden su carácter no figurado.

Ciertas expresiones corrientes, como «voz dulce» o «color cálido», se repiten en muchas lenguas y parecen reflejar aspectos universales de la percepción humana; no obstante, también hay metáforas sinestésicas corrientes que son culturalmente específicas.

Futuras investigaciones basadas en corpus sobre la direccionalidad de las transferencias sinestésicas en ruso, comparables a los estudios realizados en otras lenguas en las últimas décadas, permitirán integrar los datos de lenguas eslavas en el creciente campo de la sinestesia lingüística y mejorar nuestra comprensión de la interacción entre factores perceptivos universales y variables culturales en la formación de instancias sinestésicas en el lenguaje.

Bibliografía

Cacciari, C. (2008). Crossing the senses in metaphorical language. In R. W. Gibbs, Jr. (Ed.), *The Cambridge handbook of metaphor and thought* (pp. 425–444). Cambridge University Press.

Cytowic, R. (2002). *Synesthesia: A union of the senses*. 2nd ed. MIT Press.

Cytowic, R. E., Eagleman, D. (2009). *Wednesday is indigo blue: Discovering the brain of synesthesia*. MIT Press.

Day, S. (1996). Synesthesia and synesthetic metaphors. *PSYCHE: An Interdisciplinary Journal of Research and Conciousness, 2* (32).

Maidanova, T. V. (1992). *Sinesteticheskie metafory v khudozhestvennoi rechi XX veka* [Synaesthetic metaphors in 20th-century literary discourse] (Doctoral dissertation).

Marks, L. E. (1978). *The unity of the senses: Interrelations among the modalities*. Academic Press.

Marks, L. E. (1996). On perceptual metaphors. *Metaphor and Symbolic Activity*, 11(1), 39–66. https://doi.org/10.1207/s15327868ms1101_3

Martino, G., & Marks, L. E. (2001). Synesthesia: Strong and weak. *Current Directions in Psychological Science*, 10, 61–65. https://doi.org/10.1111/1467-8721.00116

Nabókov, V. (1998). *Mashenka; Zashchita Luzhina; Priglashenie na Kazn; Drugie berega*. Judozhestvennaia Literatura.

Rakova, M. (2003). *The extent of the literal: Metaphor, polysemy and theories of concepts*. Palgrave Macmillan.

Ramachandran, V. S., & Hubbard, E. M. (2001). Synaesthesia – a window into perception, thought and language. *Journal of Consciousness Studies, 8*, 3–34.

Satretdinova, A. Kh. (2012). *Sinestezііa kak osnovnoi stileobrazuiushchii element poeticheskogo teksta Serebrianogo veka* [Synaesthesia as a key style-forming element of Silver Age poetic texts]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*, 27, 392–395.

Strik Lievers, F. (2015). Synaesthesia: a corpus-based study of cross-modal directionality. *Functions of Language*, 22(1), 69–95. https://doi.org/10.1075/fol.22.1.04str

Strik Lievers, F., Huang, C.-R., & Xiong, J. (2021). Linguistic synaesthesia. In W. Xu & J. R. Taylor (Eds.), *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 372-383). Routledge.

Ullmann, S. (1957). *The principles of semantics*. Blackwell.

Williams, J.M. (1976). Synaesthetic adjectives: a possible law of semantic change. *Language*, 52 (2), 461–478.

Winter, B. (2019). *Sensory linguistics. Language, perception and metaphor*. John Benjamins.

Zhao, Q. (2020). *Embodied Conceptualization or Neural Realization: A Corpus-Driven Study of Mandarin Synaesthetic Adjectives*. Springer.

Zhao, Q., Ahrens, K., & Huang, C. (2022). Linguistic synesthesia is metaphorical: A lexical-conceptual account. *Cognitive Linguistics, 33*(3), 553–583. https://doi.org/10.1515/cog-2021-0098

ЛИТЕРАТУРНИ РЕФЛЕКСИИ ВЪРХУ ИСПАНСКИТЕ КУЛТУРА И ИЗКУСТВО В РАЗКАЗА «ЗАДУШНА НОЩ В СЕВИЛЯ» (1949) НА ДИМИТЪР ДИМОВ[1]

Maria Ruseva
Sofia University «St. Kliment Ohridski»

Въведение

Димитър Димов е едно от ключовите писателски имена, които залягат в канона на българската литература. Неговата литературна значимост в национален аспект се допълва от придобитата през годините широка разпознаваемост в международен план – като автор на романите «Поручик Бенц» (1938), «Осъдени души» (1945, на испански – *Almas condenadas*) и «Тютюн» (1951). Но освен като романист, Димов се изявява и като драматург, както и като автор на разкази, пътеписи и публицистика. Част от произведенията му са вдъхновени от едногодишния му престой в Испания през 1943 г., когато е на специализация по медицина (в частност – хистология) в Института «Рамон-и-Кахал» (*Ramón y Cajal*) в Мадрид. Като например вече споменатия роман «Осъдени души», в който фатална любовна история се разгръща на фона на Испанската гражданска война (1936-1939); както и няколко пътеписа – «Януарска пролет» (1946), «Кастилска зима» (1946) и др., в които намират израз личните впечатления на писателя по повод испанската природа, история и култура. Следва да се спомене и един от неговите разкази, който ще бъде основен обект на изследване в настоящата статия – «Задушна нощ в Севиля» (1949). В него е уловена спецификата на испанската атмосфера, като основният фокус попада върху образа на град Севиля и неговото андалуско културно наследство. По думите на изследователката Диляна Ковачева разказът се базира върху спомените на автора, «придобити от едно пътуване из Андалусия, която носи в себе си душата на Испания и където посещава Кадис, Кордоба, Севиля и Гранада» (2004). Въпреки отчетливата връзка с темата за пътуването, композицията на разказа не следва строгите жанрови конвенции на пътеписа. От една страна, първоличният разказвач от наратива е възприел позицията на чужденеца наблюдател, от която ще се стреми да се запознае с културноисторическите забележителности. Но от друга страна, той би могъл да се определи и като интелигентен слушател, безпристрастен събеседник, пред когото ще се разкрият в детайли кризисните епизоди от две житейски истории.

Разказът «Задушна нощ в Севиля» поставя въпросите за креативността и таланта, които са пречупени през призмата на двама фикционални герои – на успешния художник Маестро Кинтана и на танцьорката Мануела Торес, по-известна под псевдонима Канделита. Техните на пръв поглед различни съдби биха могли да бъдат успоредени – и на двамата им се налага да направят избори, за

[1] Научната статия е изготвена в рамките на проект «Острови на неблажените. История на неконвенционалната българска литература от периода 1944 - 1989 г. в нейния социокултурен контекст», Договор с ФНИ № КП-06-Н60/1 от 16.11.2021, Анекс № ФНИ-168/21.05.2024, Министерство на образованието и науката на Република България.

да оцелеят в социален план, вследствие на които обаче талантът им помръква за сметка на сдобиването с публично одобрение. Въпреки това, в наратива е подчертана тяхната силна връзка с испанското културно наследство – вдъхновението на Маестро Кинтана е почерпено от творбите на Гоя, а магията в танца на Мануела извира от андалуската музика *cante jondo*. В разказа на Димитър Димов испанската култура, разгледана през оптиката на темите за изобразителното изкуство, музиката и танца, ще се разкрие пред българския читател не толкова като привлекателна екзотика, а по-скоро като носител на древна витална творческа сила.

В първата част на статията ще бъдат проследени различните критически мнения за «Задушна нощ в Севиля» предвид противоречивото литературноисторическо време, в което е издаден разказът, а във втората част ще бъде поставен акцент върху основанията произведението да бъде четено през призмата на въпросите за испанското изкуство и културни традиции.

2. Българската литературна критика за разказа «Задушна нощ в Севиля»

Разказът е публикуван през 1949 г. в месечното списание «Септември», един от органите на Съюза на българските писатели, като според литературния критик Кръстьо Куюмджиев, с тази творба Димитър Димов «си позволява едно отклонение, което по чудо не му струва скъпо» (1979: 123). Сюжетът на разказа не следва препоръчваните от властта принципи на социалистическия реализъм и *заобикаля* и/или *избягва* наложените литературни политики за преимуществено представяне на идеите на комунизма в положителна светлина – това е подход, за който Димов ще бъде сериозно критикуван[2] по повод на своите романи, като в началото на 50-те години ще се окаже принуден да пренапише романа «Тютюн»[3]. Вместо това, в разказа авторът предпочита да изобрази културата на Андалусия, жителите на гр. Севиля и да се фокусира върху теми, свързани с изобразителното изкуство, музиката и танца. Що се отнася до водещите персонажи в разказа – на художника Маестро Кинтана и на танцьорката Канделита, би могла да бъде изведена още една аналогия с предпочитаните за изобразяване герои в по-обемните творби на Димов. Както отбелязва Бойко Пенчев: «Изтънчеността и красотата на болното, обречено, уморено буржоазно същество привличат Димов и това е забелязано още от критиците му в прочутото обсъждане на «Тютюн» (2023: 80). Героите от «Задушна нощ в Севиля», подобно на отец Ередиа и Фани Хорн от «Осъдени души» или на Борис Морев и Ирина от «Тютюн», биха могли да бъдат анализирани чрез мотивите за преситеността и рефлексията върху изгубените идеали и ценности от годините на тяхната младост.

---

[2] Изследователката Татяна Ичевска в книгата «Романите на Димитър Димов» (2005) проследява в детайл мненията на литературната критика: «Ако в някои от рецензиите върху «Поручик Бенц» и «Осъдени души» сред слабостите на Димов като белетрист се посочва погрешният му «похват», погрешният му «подход» при изобразяването на част от събития и герои, все още неизбистрената му «идейна оформеност», то в рецензията на П. Пенев за «Осъдени души» за първи път се поставя въпросът за «метода» на Димов. *Димовият метод* е окачествен като *остарял*, като стоящ *далеч* от принципите на *социалистическия реализъм*.» (2005: 11, курсив Т. И.). Романите на Димитър Димов са разглеждани през опозициите *свое – чуждо*, *българско – небългарско*, *здраво – нездраво*, а самият писател неведнъж е определян като *чужденец* (за повече информация вж. Ичевска, 2005: 7–39).

[3] След тридневно обсъждане в Секцията на белетристите при СБП, което се състои през 1952 г., както и след редица отрицателни и положителни статии от критици като Пантелей Зарев, Емил Петров, Никола Фурнаджиев и др., се намесва ръководният партиен печат и във в. «Работническо дело» е публикувана статията «За романа «Тютюн» и неговите злополучни критици». В нея романът е определен като «Радостна победа на автора и на българската литература», но в същото време «не е приеман напълно без бележки, уговорки, препоръки за неговата доработка» (Жечев, 1980: 54–56).

Две десетилетия след основните критики, отправени към писането на Димитър Димов – към края на 70-те години на XX век, от перспективата на зрелия социализъм в България, критикът Кръстьо Куюмджиев разпознава «Задушна нощ в Севиля» като една от онези новаторски творби[4], публикувани през втората половина на 40-те, които «в много отношения подготвят бурното развитие на разказа и повестта през 60-те години» (1979: 128). Разказът на Димов е високо оценен от Куюмджиев като допринасящ за усъвършенстването на жанра, но и още, определен е като «литературно явление», което провокира «размисъл за съдбата на артиста в съвременното общество» (1979: 128). В неговия анализ произведението не поражда идеологически противоречия, а тъкмо обратното – акцентирано е върху «социално-класовите и обществени координати на една творческа драма» (Куюмджиев, 1979: 128), както и върху избраната проблематика като разширяваща/обогатяваща тематичния обхват на българската литература от края на 40-те години (Куюмджиев, 1979: 128).

В сходна посока на откроряване на социалната несправедливост в разказа «Задушна нощ в Севиля» се движат разсъжденията на литературоведа Любен Георгиев в монографията му «Димитър Димов» (1981): «Както се вижда, силните испански страсти не се обясняват биологически, нито с въздействието на климата, а се търси тяхната социална предопределеност» (1981: 233). Идеологическият *виновник* за страданията на героите е универсализиран, а чуждестранната испанска среда е по-скоро пример за едно по-широко явление, наблюдавано извън социалистическия свят – «светът на търговията и разврата, който корумпира всичко свежо, чисто и способно» (Георгиев, 1981: 234). Изказаното от Любен Георгиев мнение може да бъде вписано в линията на една от водещите през десетилетията на социализма стратегии за представяне на капитализма в страните на Запад от Източния блок като «враг», който поражда несправедливости в живота на човека.

След 1989 г., с отпадането на задължителния идеологически елемент в критическия дискурс, рефлексията към предпочитаната за изобразяване от Димитър Димов испанска реалия се променя. Важно е да се отбележи мнението на българския литературен историк Светлозар Игов от статията му «Осъдени души»: романът като картинна галерия» (2003)[5] по повод рецепцията на испанската тема в «Осъдени души», което би могло да се възприеме като валидно и по отношение на разказа «Задушна нощ в Севиля». Макар да е публикуван четири години по-късно от романа, разказът попада в същия литературноисторически контекст в годините на строга нормативна естетика и цензура в България. Игов изказва тезата, че:

> Самата не просто чуждестранна, но и със силен екзотичен дух тема («Испания!») в годините на национална затвореност придобиваше смисъл на освободеност от българския провинциализъм, носеше не толкова дъх на екзотика, колкото дух на свобода, на разкрепостена визия за света (Игов, 2003: 78).

Художествените произведения на Димитър Димов, свързани с испанската земя и култура, в годините на тяхното публикуване могат да бъдат определени като така необходимото *бягство* от

[4] Кръстьо Куюмджиев поставя разказа «Задушна нощ в Севиля» на Димитър Димов редом до романа «Пътуване в делника» (1945) на Богомил Райнов, новелата «Крадецът на праскови» (1948) на Емилиян Станев, повестта «Втора рота» (1949) на Павел Вежинов, повестта «Танго» (1951) на Георги Караславов и др. Според него «В много отношения те са произведения новаторски, разкриващи нови перспективи, нови хоризонти пред нашата проза.» (Куюмджиев, 1979: 128).

[5] В спомената статия Светлозар Игов задава по-дълбоки контексти на осмисляне на испанското изкуство в романа «Осъдени души». Основната теза на историка е за «майсторския синтез, който е осъществил в романа си Димов на творчеството на Веласкес, Ел Греко и Гоя, полагайки го като структурно-смислова основа в трите части на своя роман, който може да бъде разглеждан и като роман-музей, чиито три зали са изпълнени с картините на Веласкес, Ел Греко и Гоя» (Игов, 2003: 83).

социалистическата реалност и от нейния неизбежен, но клиширан комунистически герой, който застава в центъра на разработваните идеологически сюжети в българската литература в годините на «най-свиреп догматизъм» (Игов, 2003: 78) до 1956 г. Литературният образ на Испания интригува със своята *другост*, *културна различност* в опозиция на схематизма при изобразяването на добре познатата и предвидима българска действителност.

Разказът «Задушна нощ в Севиля» продължава да провокира критическия интерес и през новото хилядолетие. Но за разлика от социалистическата критика, при която *социално-класовите* неравенства взимат превес, анализационните наблюдения след 2000-та година се насочват преобладаващо към «трагичното раздвоение в душата на индивида» (Ковачева, 2004), както и към «самозаблудата на твореца, че създава истинско изкуство» и въпроса каква е «цената на истинското изкуство» (Алексиева, 2003: 156–157). В разказа би могъл да се изведе като водещ мотивът за творчеството, като в следващата смислова част ще бъдат потърсени отговори на въпросите как се поражда връзката между импулса за креативна себеизява с испанските културни традиции и какви са пътищата на героите на Димитър Димов за реализация на творческия Аз.

3. Визии за творческа себеизява в разказа на Димитър Димов

Разказът «Задушна нощ в Севиля» въвежда читателя в урбанистичната атмосфера на испанския град през месец август, в разгара на лятото. Заглавието на творбата може да се анализира не само в буквален, но и в преносен смисъл. «Умората от тропическата горещина» (Димов, 1966: 238) кореспондира със задушаващото чувство, което постепенно обзема разказвача, докато разговаря една вечер с известния художник Маестро Кинтана. Задухът стяга не само дробовете, но и ума и сърцето на разказвача чужденец, който съумява да се докосне до емоцията от «тъжния и сладостен спомен» от миналото на художника и танцьорката Канделита, «когато и двамата бяха живели истински» (Димов, 1966: 261). И за двамата испански персонажи смислопораждаща и жизнеутвърждаваща се явява връзката с традициите в испанското изкуство, която впоследствие изгубват – от една страна, за художника това е високият етически пример, предаден в картините на Гоя, а от друга страна, за танцьорката това е древният народен танц, свързан с музиката *cante jondo.* Скъсването на тази връзка е равнозначно на изгубване на част от личния творчески Аз – преуспелите в публичен план герои се отличават с майсторство и усъвършенствана техника, но изгубват своите първоначални амбиция и способност да творят значимо изкуство.

Подходът на утвърдения вече художник е сравнен в мислите на разказвача с творчеството на Хулио Ромеро де Торес: «Той притежаваше добра техника, ала вървеше по стъпките на Ромеро де Торес и изкуството му беше безинтересно, упадъчно, кухо…» (Димов, 1966: 242). Платната на Кинтана притежават висока естетическа стойност, но задават усещане за празнота, недостиг на дълбочина в посланията. Темата за упадъчността е допълнена и от разказа за известната професионална танцьорка Мануела Торес, с която чужденецът се запознава в края на вечерта. Но при срещата им разказвачът констатира, че «въпреки безупречната външност и доброто ѝ настроение, у нея имаше нещо, което не беше в ред. Сенките под очите и жълтеникавият тен на кожата ѝ издаваха употребата на наркотик» (Димов, 1966: 261). Красивото излъчване на Канделита не може да прикрие разяждащата я отвътре зависимост. Така и при двамата герои се утвърждава представата за естетическото като измамно и прикриващо дълбоки екзистенциални празноти.

И двата испански персонажа в разказа репрезентират идеята, че пътят към материалното замогване и публичния успех е съпътстван от негативни последици. Както обещаващият художник, така и талантливата танцьорка изгубват своята неподправена креативна автентичност, както и морални убеждения, които са притежавали в годините на младостта си. И още, богатството им е съчетано с усещане за празнота, скука и липса на радост. Маестро Кинтана е описан като «прочут, но неприветлив и злъчен художник от Севиля» (Димов, 1966: 237). А в очите на Канделита разказвачът разпознава «сурова и студена печал, някаква смъртна скука, нещо мъртвешко и празно като в очите на робот, който не можеше да почувства естествена радост от живота» (Димов, 1966: 261). Дори когато се срещат, художникът и танцьорката бързо се отегчават един от друг, а споделените им спомени от миналото не донасят никаква утеха. Заедно те биха могли единствено да тъгуват по своите изгубени идеали и ценности, но не и да честват личните си постижения в рамките на настоящето. Но в центъра на наратива се оказват историите на по-младите версии на художника и танцьорката отпреди двадесет години, където ще се разгърне връзката им с испанското културно наследство.

Следва да се отбележи, че при изграждането на повествованието испанският дискурс се разгръща пред българския читател както с помощта на богата конкретика от имена на исторически забележителности (като двореца «Ескориал», градините на «Делисиас», двореца «Алкасар» и др.) и на градски улици (например, «Сан Фернандо» в Севиля, «Реколетос» в Мадрид и др.), така и с изплитането на културна мрежа от имена на испански художници като Ел Греко, Диего Веласкес, Хосе де Рибера, Франсиско де Сурбаран и др. Разказвачът не просто се разхожда из знаменитите площади на града – неговият интерес не се помества в класическия образ на туриста, а издава по-задълбочения поглед на интелектуално подготвения човек, запознат с испанската култура, архитектура и изкуство, който ще се стреми по време на своите обиколки да вникне в автентичната атмосфера на андалуската култура. Ето защо, пътешественикът се оказва и подходящ слушател на историите на Маестро Кинтана, който, приемайки ролята на екскурзовод, обобщава своята визия за опознаването на Севиля с думите: «Тук се раждат, живеят и умират хора, а драмата на техния живот е много по-съществена от инвентара на вашия Бедекер!»[6] (Димов, 1966: 239). По този начин в разказа се утвърждава идеята, че типично испанското следва да се търси преди всичко в човешкото присъствие, житейски опит и отпечатък, който оставя след себе си.

На свой ред, чужденецът ще се потопи в *драмата* на житейската история на Маестро Кинтана, като той ще бъде не просто вежлив слушател, но и още – ще съумее да усети промените в настроението на художника. Маестро Кинтана ще среща трудности при споделянето на разказа за своето минало и това на танцьорката Канделита, като това проличава не само от начина, по който подбира думите си, но и по мимиките на лицето му и жестовете, с които си служи. Например, на моменти художникът поглежда своя събеседник «горчиво»; докато говори, «изсъква болезнено» и др. (Димов, 1966: 244).

Маестро Кинтана разкрива историята за своето младо Аз през почитанието към изкуството на Франсиско Гоя. Амбицията на начеващия художник е да се превърне в последовател на Гоя, като този стремеж може да бъде разпознат в две от ранните му картини със социален характер – «Фенерът» и «Перачките». Първата картина е определена от разказвача като илюстрираща «нещо силно и потресаващо, почти в стила на Гоя» (Димов, 1966: 240). Върху платното могат да се видят:

6 Бедекер е остаряло название на думата пътеводител в българския език.

…няколко паднали жени, събрани под светлината на една улична лампа. Лампата хвърляше върху извергнатите зловещи, червеникави отблясъци, които разкриваха безсрамната усмивка на затъпелите им лица, злобата, цинизма и отчаянието, които се таяха в душите им. (Димов, 1966: 240)

Описаната картина символизира пропадането на човека, доведен до ръба на оцеляването, в чийто поглед се отпечатва трансформацията, настъпила при прекрачването на установените от социалните норми граници. Що се отнася до втората картина – «Перачките», в нея би могла да бъде разкрита връзката между съдбите на художника Кинтана и танцьорката Мануела Торес. На платното е изобразена «Мануела и майка ѝ, наведени с тъжни, загрижени лица над прането» (Димов, 1966: 240). Темите за бедността, нищетата и пропадането са илюстрирани редом с внушението за трагичната съдба на обикновения испанец.

Стремежите на младия художник при изобразяването със средствата на живописта на зрелищни картини от живота на испанския народ биха могли да бъдат анализирани през идеята за приемственост с постигнатите внушения от Гоя, който в редица от свои платна изобразява както нощни видения и мрачни чудовищни силуети, така и сцени, свързани с безумието, лудостта и разрушителните сили на човека. Но за разлика от своя предшественик, героят на Димитър Димов копнее да се сдобие с публично признание и не успява да превъзмогне обществената критика, която получава по повод разминаването между темите на неговите картини и социално приемливите изображения, на които публиката се радва. «Критиците ме обсипаха с хули, нарекоха ме порнограф, бездарник, обида за народа, който е дал Веласкес, Мурильо и Сулоага» (Димов, 1966: 251). Негативните оценки упражняват силен въздействен ефект върху художника и «прекършват» неговия дух.

Както френският философ Цветан Тодоров отбелязва, «Тласъкът, който Гоя дава на еволюцията на живописта, се състои в легитимирането на собствените му визии за света» (2012: 229), но също така Тодоров акцентира върху факта, че Гоя се отказва от желанието «веднага да показва творбите си на съвременниците си, за да въздейства на съзнанието им или да получи възхищението им» (2012: 229). Такъв тип произведения на изкуството не е предназначен за масите, а само за тесен кръг от отдадени хора или публика, принадлежаща на бъдещето. В сравнение с великия художник обаче мисленето на Маестро Кинтана остава твърде далеч от представите за признание, което може да бъде постигнато с търпелива мъдрост и от дистанцията на времето.

В допълнение, опитите на Маестро Кинтана да достигне до по-дълбоко ниво на влияние със своите картини се оказват обречени на провал, тъй като художникът е принуден да се справя със същите бедност, нищета и пропадане, които заплашват и неговото семейство. Кинтана завършва своя тъжен разказ пред чужденеца слушател, като излага схващането си за *cante jondo*:

Cante jondo иде от бедността. *Cante jondo* е варварската нищета на испанеца, която го тика към отчаяни постъпки в личния живот… Аз също преживях своето *cante jondo*, когато от «Фенерът» преминах към кича, с който аржентинските милионери украсяват дворците си (Димов, 1966: 244).

Андалуската музика се превръща в метафора за онзи изблик на отчаяние, с който Маестро Кинтана отбелязва пречупването на индивидуалните си творчески стремежи и преминаването към рисуване на комерсиални испански сюжети: «през тази нощ пламъкът, който Гоя беше запалил в сърцето ми, угасна, през тази нощ аз престанах да служа на истинското изкуство и се предадох!» (Димов, 1966: 252). Трансформацията у Кинтана може да се сравни със символично духовно уми-

ране, след което постигнатите успехи се осмислят като формални, доколкото успява да се сдобие с богатство и слава, но не и с идейни последователи.

В разказа на Димитър Димов образът на Мануела Торес също се идентифицира с ключовата символика на *cante jondo*, като в танца на младото момиче се отливат енергиите и унаследените традиции на испанското музикално и танцово изкуство. В своя лекция, изнесена в Гранада на 19 февруари 1922 г., Фредерико Гарсия Лорка определя *cante jondo* като «примитивна андалуска песен», която може да бъде сравнена с «трепета на птиците, крясъка на петела и естествената музика на дърветата и ручеите» (Lorca, 2008). Произходът на *cante jondo* следва да бъде потърсен в «примитивните музикални системи на Индия», докато фламенкото може да бъде определено като неговата модерна версия, придобита през осемнадесети век (Lorca, 2008). Героинята на Димов е описана като притежаваща нежна и деликатна испанска красота, като нейният талант се свързва с чара в движенията на танца ѝ: «чуден, старинен, безподобно испански танц» (Димов, 1966: 247). В танца на Мануела се задава връзката между настоящето и миналото, младостта и мъдростта, живота и смъртта.

През погледа на художника Кинтана нейният танц е видян като:

> …една естествена, непокварена сегедиля, стара като иберийските планини, дълбока и чувствена като Андалусия. Това бе порив от много чувства, които извираха от бездната на любовта и смъртта и се сливаха в синтез, който утвърждаваше живота. Това бе изкуството на целия интелигентен, горещ и чувствителен испански народ, една поема, един истински художествен танц (Димов, 1966: 255).

Танцът на Мануела е описан като емоционално дълбок и съживяващ енергията на древните хора. Но въпреки неговата въздействена сила, Мануела успява да впечатли малцина: «В него липсваха истерията на музикхолите, сладострастните движения на бедрата» (Димов, 1966: 255). Автентичната испанска грациозност на танца не успява да се превърне в достатъчен гарант за финансова стабилност, поради което идентичността на танцьорката претърпява промени – с усъвършенстването на страстните движения ще се «роди» световно известната умела танцьорка Канделита. Настъпилата трансформация сигнализира за изгубването на вековната връзка с андалуските традиции, както и за повяхването на нейната неповторима същност.

4. Заключение

Може да се обобщи, че въпреки противоречивата българска литературноисторическа действителност, в която се появява разказът «Задушна нощ в Севиля» на българския писател Димитър Димов, испанските реалии се разграничават от стереотипизираните представи за екзотичното. През десетилетията на социализма разказът е вписван в линията на изобличителното представяне на социалните неравенства в капиталистическия свят, а в периода след 1989 г. се акцентира върху предизвикателствата, които се разкриват пред творческата личност. Представената в разказа андалуска култура е изобразена главно през нейните исторически корени, опазвани през вековете и сменящите се поколения. Тя се разпознава не само в архитектурата на Севиля и водещите културни забележителности, вплетени в произведението, но преди всичко в енергията на испанските персонажи и зададената древна културна връзка с техните предшественици. Както художника Кинтана, така и танцьорката Мануела се радват по време на младостта си на творческо вдъхновение – знак за техния автентичен талант. Но по пътя към сдобиване с обществено признание и материално благосъстоя-

ние героите изгубват живителната връзка, при което личното им изкуство се свежда до механично усъвършенстване на художествена техника.

Библиография

Lorca, F. G. (2008). *Deep Song. A lecture given in Granada, 19th February 1922 (Importancia histórica y artística del primitivo canto Andaluz llamado 'Cante Jondo' 1922).* A. S. Kline.

Алексиева, Е. (2003). «Играта» като художествен похват в разказите на Димитър Димов. В: Е. Константинова, М. Гиргинова (Ред.), *Случаят Димитър Димов. Литературни изследвания.* ИЦ «Боян Пенев», 153-158.

Георгиев, Л. (1981). *Димитър Димов.* Български писател.

Димов, Д. (1966). Задушна нощ в Севиля. В: Е. Станев, Б. Нонев, Я. Молхов (Ред.), *Събрани съчинения*, том 1. Български писател, 237-261. Първата публикация е в: *Септември,* 1949, кн. 1, 57-71.

Жечев, Т. (1980). *Българският роман след Девети септември.* Наука и изкуство.

Игов, Св. (2003). «Осъдени души»: романът като картинна галерия. В: Е. Константинова, М. Гиргинова (Ред.), *Случаят Димитър Димов. Литературни изследвания.* ИЦ «Боян Пенев», 75-84.

Ичевска, Т. (2005). *Романите на Димитър Димов.* Фабер.

Ковачева, Д. (2004, Декември 09). Испанският лабиринт и Димитър Димов. *Електронно списание LiterNet,* 12 (61), https://liternet.bg/publish13/d_kovacheva/ispanskiiat.htm

Куюмджиев, Кр. (1979). Производствената тема в късите белетристични жанрове. В: Кр. Куюмджиев, Е. Константинова, *Развитие на разказа и повестта 1944/1956*. Народна просвета, 103-133.

Пенчев, Б. (2023). *Прогресисти и консерватори. Темпорални модели в българската литература от края на 40-те до 70-те години на XX век.* УИ «Св. Климент Охридски».

Тодоров, Цв. (2012). *Гоя в сянката на Просвещението*, прев. от фр. Радина Димитрова. Изток-Запад.

ПЕРЕПИСКА П.И. ТОРЧАКОВА КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ XVII ВЕКА

Anastasiia Ryko
University of Tartu

1. Введение

Частная переписка является одним из основных источников для реконструкции истории повседневности, позволяя нам получить информацию об обыденной жизни в прошлом и о субъективном восприятии событий их участниками. Документов, позволяющих описать повседневную жизнь русских купцов в середине XVII в., не так много. Поэтому собрание писем, адресованных ивангородскому (нарвскому) купцу Парфению Торчакову, которое хранится в Национальном архиве Эстонии (Narva Muinsusselts; EAA.3287.190; 1658–1667), является уникальным. Это собрание писем не опубликовано, хотя оно упоминается в работах историков (Стефанович и Морозов, 2009: 157; Пересветов-Мурат, 2012: 120; Pereswetoff-Morath, 2023), а несколько писем было проанализировано в работе (Нечунаева и Ваммус, 2022).

Частная переписка XVII в. обычно содержит разнообразную информацию: семейные новости (кто родился, кто умер, кто болеет, кто где находится), местные новости (о назначениях, о делах посада и т.д.), общегосударственные новости (о пожарах, военных действиях и т. д.) (Новохатко, 2018: 315–358). При этом между частной перепиской и деловой трудно провести четкую границу: можно говорить только о доминировании писем того или иного типа (Kretschmer, 1998: 82; Новохатко, 2018: 63). Несмотря на то что сохранилось довольно большое количество частных архивов XVII – начала XVIII в. с разных территорий (Панкратова, 1969: 128), крупных комплексов частной корреспонденции на сегодняшний день известно немного (Новохатко, 2018: 14). В основном это переписка представителей дворянства, в то время как объем частных писем представителей других социальных слоев (купечества, посада, крестьянства) очень невелик (Стефанович и Морозов, 2009: 157). Архивов купеческих писем северо-западной русской территории, в тот момент входящей в состав Швеции, насколько нам известно, в научном обороте нет. Более того, известно, что в XVII в. шведские власти, стремясь пресечь возможную шпионскую деятельность на приграничной территории, препятствовали переписке подданных шведского короля, русских по происхождению, как с Россией, так и между Нарвой и Стокгольмом (Чепель, 2017: 232, со ссылкой на: Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2).

Имеющееся в нашем распоряжении собрание писем представляет особый интерес как уникальный источник для истории повседневности. Цель данной работы – ввести в научный оборот неопубликованный материал и реконструировать некоторые аспекты частной жизни русских купцов в Нарве (Ивангороде) в XVII в. Методологической основой исследования является качественный тематический анализ всего корпуса писем, предполагающий отбор и комментирование фрагментов, релевантных для изучения торговых взаимоотношений, практик ученичества и частных обстоятельств ведения торговли в условиях ограничений со стороны государства. Также в статье анали-

зируются фрагменты писем, затрагивающие события личной жизни ивангородских купцов, в том числе болезни и смерти. Эти сообщения нередко сопровождаются выражением личного отношения участников к происходящему, что позволяет рассматривать их как часть повседневного опыта.

Кроме тех сюжетов, которые вошли в наше описание, в грамотках присутствуют упоминания о деталях ведения хозяйства, о тех предметах быта, которые в купеческой среде Ивангорода считались модными и престижными. Кроме того, корреспонденты сообщают друг другу новости, в том числе общегосударственного характера. В нашем корпусе грамоток большая часть таких сообщений относится к 1664–1665 гг. и связано с событиями Русско-Польской войны, т. е. можно утверждать, что в XVII в. частная переписка выполняла отчасти и функции средств массовой информации.

Частная переписка XVII в. давно используется как исторический источник, в первую очередь для изучения истории вотчинного хозяйства, истории государственного центрального и местного управления, истории русской культуры этого периода и т. д. Но особая ценность частной переписки заключается в том, что она позволяет рассматривать исторический период сквозь призму субъективного опыта человека. Личные письма дополняют имеющиеся исторические сведения, придавая им эмоциональную глубину и раскрывая внутренний мир участников событий. Благодаря оценочным суждениям и эмоциональным реакциям, зафиксированным в эпистолярных текстах, перед нами предстает живая картина середины XVII века.

2. Корреспонденты Парфения Торчакова

В статье анализируются те грамотки, которые образуют комплексы текстов, написанных одним автором, что позволяет реконструировать образ этого человека и характер его взаимоотношений с адресатом. Принципиально важно извлечь из сохранившихся источников всю доступную информацию об авторах писем, поскольку именно она дает возможность получить более целостное представление об их личностях и социальном окружении. Большинство корреспондентов Парфения Торчакова – его родственники и торговые партнеры, которые во многих случаях одновременно выступают в обеих ролях.

Петр Торчаков (автор 15 грамоток; ПТ[1]) – сын Парфения, на момент переписки – молодой человек около 20 лет (он родился примерно в 1643 г. (Пересветов-Морат, 2012: 100)), которого отец привлекает к торговым делам. Зиму 1660–1661 гг. Петр проводит в Стокгольме, присматривая за семьей (матерью, сестрой и младшим братом) и помогая ивангородским купцам, жившим на тот момент в Стокгольме (Петру Белоусову и Григорию Ровнову), – «сидит в общей лавке». Позже отец отправляет его в Москву в обучение к Адольфу Эберсу, известному шведскому купцу и дипломату, который служил в Новгороде и в Москве, а в 1660-е гг. оставался в Москве в чине комиссара и жил на шведском дворе (Селин, 2015: 336; Форстен, 1898: 93).

Никон Торчаков (автор 8 грамоток; НТ) – младший брат Парфения, родившийся, вероятно, в 1634 г. (Пересветов-Морат, 2012: 100), на момент переписки живет в Пскове, периодически приезжает в Ивангород. Парфений отправляет своего сына-подростка Ивана к нему в Псков, где тот учится грамоте. Никон умер, видимо, в 1660-е гг. – в переписке упоминаются «Никоновы сорочины» (ИР46).

Петр Павлович Белоусов (Белоус) (автор 13 грамоток; ПБ) – зять Парфения (был женат на его двоюродной сестре Евдокии Филипповне), представитель богатейшей купеческой семьи Ивангорода. Родился в промежутке 1626–1630 гг. (его отец Павел Леонтьевич Белоус упоминается в пере-

[1] Далее при цитировании текстов указываются инициалы автора письма и номер листа архива.

писи населения Ивангорода 1638 г.), в 1655–1656 гг. Петр Белоус – один из двух русских советников в Нарвском государственном совете, его отец Павел и брат Яков входят в совет, который занимается делами русской общины. В 1656 г., когда началась Русско-шведская война и была обнаружена тайная переписка Якова Белоуса, все члены совета и еще 21 человек из влиятельных ивангородцев были арестованы, а потом отправлены на жительство в Стокгольм. В Стокгольме Петр Белоус становится самым успешным из нарвских торговцев. В 1657 г. высланным ивангородцам разрешают вернуться, однако семейство Белоусовых остается в Стокгольме. В 1662 г. умерли отец и жена Петра Белоусова (смерть жены подробно описана в его письме). В 1663 г. Петр Белоус упоминается как единственный русский, ведущий торговлю в Стокгольме, однако в 1664 г. его лишают торговых привилегий и конфискуют четверть товаров, после чего он собирается вернуться в Нарву. Известно, что Белоусовы были в числе тех ивангородцев, которые боролись за права русских купцов в Нарве и Ивангороде, в частности обращались с челобитной к шведскому королю Карлу XI в 1664 г. с просьбой не выселять их из города в деревню Юлду-Йоала (Pereswetoff-Morath, 2009). Петр Белоусов умер 19 января 1666 г., о чем есть запись в рукописи «Плача о реке Нарове». Автором этого текста с момента его первой публикации (1948 г.) считается сын Петра Белоусова Леонтий (Лихачев, 1948; Каган, 1992: 133–134; Исаков, 2005: 49–52), однако А. Пересветов-Морат полагает, что автором этого произведения был не Леонтий, а сам Петр Павлович (Pereswetoff-Morath, 2009).

Григорий Осипович Ровнов (Рохнов) (автор 11 грамоток; ГР), крестный брат Парфения, долгое время жил в Стокгольме, часть его писем Парфению присланы оттуда, некоторые написаны в соавторстве с Петром Белоусовым. Семья Ровновых, видимо, была выслана шведскими властями из Нарвы в Стокгольм в 1656 г. и предпочла остаться там после разрешения вернуться (Pereswetoff-Morath, 2009: 215). Судя по упоминаниям в переписке, Григорий Ровнов оставался в Стокгольме еще в 1660–1661 гг., однако позже, видимо, начиная с 1662 г., когда русская община ведет активную переписку со шведскими властями о месте поселения на Ивангородском берегу, он живет в Ивангороде и исполняет обязанности старосты общины. В списке русских граждан Нарвы, принявших присягу в 1662 г., значится Грегорий Кулетка (Кюнг, 2002: 30) – возможно, это Григорий Ровнов, поскольку известно, что Кулатка было прозвищем его брата Ивана.

Иван Осипович Ровнов (Рохнов) по прозвищу Кулатка (автор 8 грамоток; ИР), брат Григория Ровнова, жил в Пскове и, как мы видим по переписке, тесно общался с братом Парфения Никоном.

Митрофан Клементьевич Чивирев (автор 9 грамоток; МЧ) упоминается среди лиц, принявших присягу на вступление в нарвское гражданство в 1681 г. (Кюнг, 2002: 30). На момент переписки он служил у Парфения «мальцем», т. е. учеником, выполнял торговые и хозяйственные поручения, а в те периоды, когда Парфений находился в отъезде, присматривал за его домом и помогал семье.

Козьма Иванович Зюнин (автор 6 грамоток; КЗ) – псковский купец ивангородского происхождения (Аракчеев, 2012: 21–22). Кроме шести писем Парфению, написанных «с товарищем», известны две грамотки Зюнина к ревельскому купцу Михаилу Паулсену-младшему, написанные в 1674 г. и опубликованные в сборнике русских актов Ревельского городского архива (Барсуков, 1894: 281–320).

Иван Александров (ИА), автор самого большого количества грамоток в архиве Торчакова (22 пространных письма), пишет всегда из Ивангорода, в его письмах речь идет о торговых, хозяйственных, общинных и семейных делах. Судя по спектру тем, затронутых в переписке, он находился

с Парфением в близких приятельских отношениях. Возможно, в прошлом служил у него «мальцем». Известно, что в 1662 г. он принял присягу на вступление в нарвское гражданство, его имя присутствует также в списке нарвских купцов в 1667 г. (Кюнг, 2002: 30, 41).

3. Частные аспекты торговой деятельности

Торговой жизни XVII века посвящены многочисленные исторические исследования: описаны и экономические отношения между Швецией и Россией (Ангерманн, 2020; Kotilaine, 2005; Kotilaine, 1998; Шаскольский, 1998 и др. работы; Давыдова и др., 1960; Рухманова, 1960), и торговая жизнь Нарвы (Küng, 2001; Кюнг, 2002), и даже биографии некоторых жителей Нарвы, в том числе корреспондента Парфения Петра Белоусова и отца Парфения Исаака Торчакова (Pereswetoff-Morath, 2009; Пересветов-Мурат, 2012). Однако частная переписка купцов содержит любопытные подробности и рассказы о превратностях торговли и взаимоотношениях между торговыми партнерами.

3.1. Об ограничениях на торговлю для русских купцов

В середине XVII в. существовали ограничения для русских купцов, имеющих шведское подданство, на торговлю с западноевропейскими партнерами. Они имели право торговать в окрестностях своего поселения и ездить в Россию, но для отправки товаров в Западную Европу должны были продавать их «гражданам штапельного города (stapelstaden)», т. е. фактически им было запрещено напрямую торговать с Европой. Русские купцы Нарвы долгое время боролись за свои торговые права. В 1662 г. представители русской общины Нарвы отправили делегацию в Стокгольм с ходатайством о восстановлении их прав и свобод. В течение всех 1660-х гг. продолжалась эта борьба, в результате которой русские купцы были полностью уравнены в правах с немецкими купцами к 1674 г. (Кюнг, 2002). Корреспонденты Торчакова тоже принимали участие в этой борьбе. В их частной переписке эти события тоже косвенно отражены – мы находим сообщения о запретах и арестах, которые накладывались на товар:

> а топе*р* ужо на*с* с апрлѧ месеца на карабли не пу*ш*щаю*т* иных попихиваю*т* и то изоби*д*но (ИА126)
> таба*ш*наѧ ку*м*панеѧ начинае*т*це быти то*л*ки городовые бо*р*геры не принімаю*т* w*т*вечаю*т* воле*н* госуда*р* коро*л* <...> а ѧ слыще*л* колыва*н*ски*м* во*л*но со*л* на гору положи*т* и лю*п*ки та*к* жо та*к* достои*т* и на*м* по*т*да*н*ны*м* тоже строи*т* чтобы во*л*но бы было а на*с* бі*д*ны*х* поки*н* про*ч* wстуди с то*р*говы*м* с прие*ж*жи*м* и со *ш*киhere*м* попихива*ет* не да*ет* нічево (ИА126)

В одном письме Григорий Ровнов объясняет, почему ему не удалось отправить соль – «шкуту окорунили», т. е. взяли в государственное использование (или наложили запрет на частное использование), поэтому ему пришлось искать другие способы доставки:

> а я к тебе ѳ про*ш*лои пя*т*ницы грамо*т*ки не писаль потому што не досужьно было гаразно што у меня была шкута нанята и та*к* я ѳ тую шкуту иную соль ѳсыпа*л* <…> та*к* шкуту wкорунили а соль хотели в море выпиха*т* та*к* я возил со*л* наза*т* в горо*т* ино ту*т* мне шкоты учинило*с* еѳи*м* десе*т*ка з два лю*п* а топе*р* у меня дело стало за *ш*кутои потому што шку*т* не*т* што ни было шку*т* то ѳсихь wкорунили а нынеча либо я до*с*тану шкуту на сеи недели та*к* я со*л* ѳскоре туды по*ш*лю в Ругоди*ѳ* (ГР195)

3.2. О неприятностях, случающихся в пути

Среди сообщений партнеров по торговле об отправке или получении товара иногда встречаются короткие рассказы о повреждениях товаров и об утратах, возникших в процессе доставки. В одном эпизоде рассказывается о повреждении судна в заливе Каспервик на южном берегу Финского залива (сейчас залив Кясму, Käsmu laht), в результате которого пострадал груз пеньки:

> ещо вестеи Еган Лендровь карабел проломило в Кашпервике и Логиновои пенки да Юревои много потмокло нащи трещи пошли сушит (ИА163)

В другом сообщается, что часть товара была украдена при перевозке:

> да что ты послал селди .ѳ. бочек да тут жо ѠЛуѳеревь табак вес цел а селди нащои пошкотили в ворошки выволочили да у другои бочки дно выбито вон толки селдии с полста выволочили и за то ему денех не дал .j. еѳ сви что судьѧ присудил (ИА15)

4. Взаимоотношения между купцами

В переписке иногда упоминаются случаи, когда купцы друг друга поддерживают – они просят заступиться за товарищей, попавших в беду, или помочь в торговле своим менее искусным коллегам, а в качестве ответной благодарности посылают «гостинцы»:

> да пожалуи Парѳенѣи Јсакович зделаи заимную доброту помоги нашему Левы Суханову продат товаришку что с ним есть а wи горазно болшѣи торговли не знает ј мы на твою мласть надеемсѣ а будеть пожалуеш на нас какую работу накинѣшь ј мы тако же рады добро зделат (К3182)
> да спасибо тебе Парѳенеи Исаковичь что помогал Ивану в торговли и мы за твою доброделл послали и тебе гостинцов сапоги саѳяныи (К3167)
> да длѧ бога промысли w Ѳатки бедномь да даи ведомь <…> и ты мои советнік даи ведом где wнъ беднои сказываот ево wграбили на Колк мызы и ѧ бы бил челом нащему господарю генералу но толки не ведаю как бит челом где wнъ есть и ты порадеи скоро даи ведом (ИА б/н)

Однако гораздо чаще встречаются жалобы на коварство торговых партнеров, рассказы о несостоявшихся сделках или несостоявшейся отправке товара.

Так, малец Парфения Митрофан рассказывает историю о том, как он сторговал соль, но сделка не состоялась, потому что, когда уже соль отмерили, деньги у него забрали якобы в счет хозяйского долга, а за соль потребовали заплатить отдельно. Поскольку этого Митрофан не сделал, то денег он лишился, а соли не получил:

> месяца сентабря вь .в. ден сторгова яз у Логина соли .в. ласту на голые денги за ласть по сороку без одново любсково толки денги дат в руки я поехал в лотки соли имат в лотки соль почели мерит на бочьки и wтмерили пол ласту и я ему дал [д]енги в каюте .п. без дву лубских и wн Логин соли мне не дал всу назат высыпал д[а] толки сказал тые [д]енги за хозяискои долть сказал емли сол да принеси денги и я ему сказал денег болщи нету (МЧ117)

Иногда между купцами возникали финансовые конфликты, которые могли доходить до судебных разбирательств. Они обвиняли друг друга в воровстве и подавали жалобы. По жалобе

конкурентов купец мог оказаться в тюрьме, а его товар – под арестом, о чем хорошо известно из других жанров деловой письменности. В частной переписке такие сюжеты тоже присутствуют – они подаются не только как новости из жизни купеческого сообщества, но содержат оценку деятельности товарищей, а иногда имеют цель предупредить корреспондента о недоброжелательности со стороны коллег:

> а Ко*н*драте*и* по чолоби*т*ю Ѳедорова сына сиди*т* в Ыванегороде ужо на стра*ш*но*и* недели посажо*н* и то*л*ки кабылы проса*т* Ка*п*лино*и* есте ту*т* Ѳедорово*и* неправьды мьного да то*т* жо Ѳедовровь сыно*к* то*т* челове*к* ужо сиди*т* в аресте а ещо подасть челоби*т*ную чтобы лавьки запечата*т* и живо*т* дома су*н*дуки и пла*т*е все запечатано порозное (ИА126)
>
> а Се*р*гею Јвановичю Пога*н*кину коне*ш*но гнѣ*в*но такое дело ј на м᾽ня кручини*т*се что Калина говори*т* перѣ*д* велики*м* ј по*л*номо*ч*нымь посло*м* про тебя что бу*т*то ты похва*л*у выше люде*и* нача*л*нику принѣсь јно про то ј у нась вь сье*ж*е*и* јзьбе ведаю*т* <...> ј на*м* wдва что w*т* такова наносу Калинина не погину*т* ли а се Василь Еремѣевь называ*л* тебя ј по тебѣ м᾽ня у Козмино*и* ла*в*ки вора*м*и на*м* де w*т* брата твоего жи*т*я нету прямо*и* де w*н* ворь ка*к* де ево бесь w*т*се*л* принес ј w*н* нами вьсе*м*и замучи*л* ј ты w*т* таковы*х* сло*в* берегися ј wпаса*и*се да не *в*нидеши вь напасть (НТ132)

Особую проблему составляла торговля вином, на которую нужно было получать специальное разрешение, что толкало торговцев на махинации. Григорий Ровнов, отправляя вино из Колывани в Нарву, подробно описывает возникшие сложности: вино Ровнова было задержано таможней, и он объясняет, что это случилось по ошибке, поскольку оно было принято за вино другого купца – Василия Жданова, – на которое не было разрешения. Можно предположить, что Жданов пытался обвинить Ровнова в незаконном провозе вина и в том, что Ровнов тайком грузил его на корабль ночью. При этом, по словам Ровнова, сам Жданов участвовал в погрузке вина, поэтому прекрасно знает, что на него есть разрешение и что оно было законно погружено днем. Ровнов предлагает Парфению требовать возмещение убытков (если вино не вернут) именно со Жданова, поскольку у последнего не было разрешения на провоз.

> сюды по се чи*с*ло Ма*к*си*м* да Тимоха не бывали а ка*к* wны сюды буду*т* и я с ни*м* стану wпра*в*лива*т* [в Ругодив] вино зде*с* в лиса*н*те не w*б*я*в*лено а наше вино w*б*я*в*лено <...> а што wны говоря*т* што бы*т*то я свое вино но*ч*ю ѳ шкуту стави*л* ино то веда*е*т Василеи Ждано*ѳ* да Ма*к*си*м* оны мое вино вели дне*м* на *ш*куту самы а не *к*ра*д*ю (ГР74)
>
> а што wны сказываю*т* што де*н*ти я у ни*х* взя*л* зде*с* ѳ колывани и то wны со*л*гали какь воры с чево было и*м* де*н*ти дава*т* еше wны мне и за ѳрахть доло*ж*ны да ты пожалуи Парьѳенеи Исакови*ч* сьсылаисе на Васи*л*я Жданова но*ч*ю ль вино ве*л* а*л* дне*м* Василеи веда*е*т w*н* мое вино дне*м* ве*л* на *ш*куту да Ма*к*си*м* да и поставили (ГР74)
>
> да што писаль ко *м*не w*б* вине што вино w*т*няли ино то вино не*п*ра*в*дои w*т*няли потомо што то вино у меня w*б*я*в*лено ино зде*с* в лиса*н*скои коморы и*с*кали по *к*нига*м* та*к* та*м* на*ш*ли то мое вино w*б*я*в*лено и та*м* написано <…> а Василеи хоте*л* свое вино утаи*т* и *з*де*с* Васи*л*ева имени не*т* написано в лиса*н*скои коморы ни Саве*л*ева и wны мне пожаловали дали атесьть с рулю списокь што мое вино w*б*я*в*лено и ты пожалу[и] покажи то*т* атесть лиса*л* мистерю и у нево вино прожаи наза*т* а буде*т* w*н* тово вина тебе не w*т*дасть и ты до*п*ра*ѳ*ь де*н*ти на Васи*л*е Жданову потому што w*н* свое вино утаи*л* а *з*де*с* на лиса*н*скои коморы не w*б*яви*л* и ево имени та*м* не*т* не написано ни Саве*л*ева и хо*т* тебе и вино w*т*дадут да токо вино w*т*дадут и што шкоты учини*т*це и ты на Васи*л*е ишьшы потому што за ево вино наше вино взяли (ГР195)

Иногда корреспонденты Парфения дают оценку деятельности коллег, причем весьма эмоционально:

> пишет к нам Левка w котах и wб норках что ѠЭлуѳереи просит в долкь до покрова послал бгь у нево что заплатит ден'там или товаром и какоі wи дуракъ что тово не догодаеце что такоі товар денежноu в нынешнее время в долкь wтдавать вет то не табак молотоі или не инъпер тертоі (К3162)

Приведенные примеры демонстрируют широкий спектр взаимоотношений внутри торгового сообщества – от взаимной поддержки и солидарности до конфликтов, обвинений и открытого недоверия. В эпистолярных текстах торговля предстает как часть повседневной жизни, наполненной личными оценками, эмоциональными реакциями и попытками осмыслить поступки коллег в категориях честности, выгоды и морали.

5. Взаимоотношения с учениками

В отдельную группу сюжетов можно выделить рассказы о взаимоотношениях с «мальцами», обучающимися купеческому делу. Видимо, в силу юного возраста и недостаточного знакомства с правилами купеческого взаимодействия, эти молодые люди часто вели себя неподобающим образом: пьянствовали, покупали краденый товар, иногда даже воровали и скрывались с украденным. Старшие товарищи внимательно следили за ними и сообщали друг другу об их проступках.

Сын Парфения Петр, когда он жил в Стокгольме (по крайней мере зимой 1660–1661 гг.), помогал в торговле Петру Белоусову и Григорию Ровнову. Они рассказывают Парфению о недостойном поведении сына – о том, что он ходит поздно вечером со штыком и участвует в потасовках, о том, что при обыске у него обнаружили краденые вещи, в результате чего он оказался под судом. При этом «воспитатели» сообщают Парфению, что не бьют его сына, а наказывают исключительно «словом», в то время как отец призывает их к более радикальным мерам воздействия. Возможно, отказ от использования побоев как воспитательной меры связан с тем, что Петр – сын их ближайшего приятеля и уважаемого купца, поскольку по отношению к другим «мальцам» эта мера применялась, о чем купцы тоже сообщают в письмах.

> а што ты пишеш што велиш сына своево учит да бит ино то ты ведаеш и сам што мне ево бит не достоит полно тово што и словом ево понакажу а нынеча жалоба на нево есте ночю ходит штыком часу въ девѧтом въ десѧтом да бошьману рускому ногу проколол (ГР104)
>
> пишеш w сыновнѣ наказании побит еще того не было wт нас речми много наказываем (ПБ188)
>
> сына твоего посадили в лавку wпчую болшую кь ярманки да и доныне сидит в лавки а ныне за недели две до рожества промыслом тех же клеветников пришол wбыскь на вес двор для краденово наговорено и тут в обыску у Петки твоево сына выняли стопу серебряную краденую болшую новую да .в. стоп серебряных да иное кое што краденое куплено а нам не wбявил и для того пограбили всѣ купленное и еще суда не было (ПБ52)

Очевидно, в своих письмах сыну Парфений пересказывает претензии к нему старших товарищей, поскольку Петр в письмах отцу оправдывается, отрицая всё, в чем его обвиняют, и, в свою очередь, обвиняя информаторов Парфения во лжи. Из этих оправданий следует, что были и другие

скандальные эпизоды и что Парфенею докладывают о поведении сына не только Белоусов и Ровнов.

> а другая ста*т*я штw w*н* rwвwри*л* штw я бы*т*tw пwсаже*н* в такую худую тюрму а Григwре*и* в другую и tw w*н* cw*л*га*л* штw не дw*б*рw*и* челwве*к* и тую пwру уже w*н* и не бы*л* <…> (ПТ33)
> да штw ты писа*л* гдрь мw*и* батю*ш*кw <...> штw я хожу изъ лав*в*ки пw кабака*м* и пw блядя*м* завсе*х*ды и нwчъю и дне*м* и хwжу в нwвwмь пла*т*е и tw ес*т* непра*в*да и ло*ш* а кwtрwи тебе писа*л* rwвwри*л* и twвw я челwвека де*р*жу за вwра за блядина сына за tw штw wнъ на меня такую велику сказа*л* и cw*л*галъ неправду и не видечи нигде и не пwима*в*ши такие слwвеса rwвwри*т* такwи недwбърw*и* челwве*к* и неправеде*н* му*ж* (ПТ44)
> да штw тебе г*д*а*р* мw*и* батю*ш*кw Па*р*фене Исакови*ч* сказыва*л* Ѡнъдрюха мw*к*вити*н* што я рw*з*би*л* часы инw tw wнъ cw*л*га*л* штw недw*б*рw*и* челwве*к* и не праведнw сказа*л* те w*н* са*м* часы напи*в*ши рwзъби*л* а сказа*л* на маня напраснw (ПТ44)

За мальцем Митрофаном, которого Парфений оставляет следить за своим хозяйством, пока сам в отъезде, присматривает Иван Александров. Он упрекает Митрофана в махинациях с лошадьми:

> даю тебе ведо*м* у тебѧ на дому все здорово то*л*ки w*т*пищи своему ма*л*цу Митрохи чтобы w*н* лощадѧ*м* бы не то*р*гова*л* бы да почасту по вече*р*ка*м* бы не ходи*л* бы (ИА163)

Митрофан не только оправдывается, но и весьма эмоционально излагает свои претензии к хозяину, которому он служит уже больше времени, чем предполагалось в первоначальном договоре, но за весь этот срок не услышал ни слова похвалы:

> а чьто пишешь и то ѧ видель на томь тебе и сьпасеть бохь Парѳене Исаковичь что менѧ жалуешь коли ѧ есьть хуть и ты пожалу добуть луче менѧ а менѧ w*т*пусьти прочь вели Ивану Алек*ъ*садровичю у менѧ очеть принѧть или Петьру с*ь*воему сыну онь нынече пасаль сь Моськьвы что буду ськоро домо[и] потому какь ты менѧ взаль и сьлово мольвиль на три годы и ѧ тебе сьлужиль тьри годы какь врьно[и] сьлуга у хозеина и за тьвое везьд[е] сьтоѧль и домь тво[и] опасаль и вьсакии беды принималь и со вьсеми добьрымы людьми в осьтуди и сьверьху трехь готь жиль по*л*тора годы а одьнако сьпасибо не добыль только блѧдина сы*н* пожалу Па*р*ѳене[и] Исаковичь даи мне о томь вед[о]ма хьто тебе писаль такь что ѧ домы чюжии сьдобьлѧю лошедьми и дровамь и сеномь и казакамь и бревьнамь и на то есьт*ь* речи блѧдина сына речи а не добра чоловека плохо то на человека ськьласьть тольки надобе довесь (МЧ9)

Справедливости ради, отметим, что Иван Александров иногда и хвалит Митрофана хозяину:

> а мале*ц* тво*и* Митроха спасибо ему в разуме да и хорощо и у лавьки сиди*т* (ИА130)

Из писем разных авторов мы узнаем историю службы в учениках мальца Федьки, который служил у Петра Белоусова и Григория Ровнова в Стокгольме, но проявил себя плохо – сперва пьянствовал сверх меры и не слушался старших товарищей, не отчитывался перед ними, а потом и вовсе сбежал с другим купцом, которому помогал в незаконных сделках:

малец Ѳетка бражницал пил речеи не слушал и мы его побили мало wтшол пустои счоту не дал хотим ево смотрет токо бы не сьехал таем потом буди храним богом без малца кь ярманки не умет есте (ПБ96)
да даю тебе ведом w том што Ѳетка wтошел проч мы ево збили за тым што злои бражник не видано такова а ѳсе ево Еѳим Паттур потбил за тым что wн много помогал ему вороѳства да хотел вместе с Патуром и збежат до токо мошно и ты вьверни Еѳиму Паттуру крючек за тым што у нево много краденово железа и меди а се за то што wт нево у нас малец пропал (ГР39).

Приведенные сюжеты показывают, что взаимоотношения между купцами и их учениками нередко носили конфликтный характер и сопровождались взаимными обвинениями, оправданиями и эмоционально окрашенными оценками. Таким образом, частная переписка позволяет увидеть систему ученичества в купеческой среде как пространство постоянного надзора и воспитательного воздействия. Поведение «мальцов» становилось предметом коллективного обсуждения, а контроль со стороны старших купцов выходил за рамки хозяйственных обязанностей, затрагивая моральные нормы и повседневную дисциплину.

6. Сообщения о событиях личной жизни

В частной переписке XVII в. обнаруживаются многочисленные сообщения об основных событиях из жизни членов семьи и знакомых: кто куда поехал (или планирует поехать), кто женился, кто родился, кто умер, кто заболел (Новохатко, 2020: 315–325). Эти сообщения обычно лаконичны, и даже сообщения о смерти близких не содержат развернутых комментариев или выражения эмоций по поводу этого события (Kretchmer, 1998: 163). Наш комплекс писем также содержит краткие известия о ключевых моментах жизни родных и знакомых:

а Еѳмеи Падротов был на Моськьвы нынеча приехал домои wт Петьки грамотки привел добьздоровь (ИА130)
а Гавьрила поехал до Гьдова с тешщою Петра поминат Китаева а как будет к празніку назат и ѧ тотчас пошлю в Новьгорот *до хрешщеніѧ* (ИА15)
племѧнник Ѳатки женился се Сенка Попов женился Еѳим Подар на Копоре взѧли ершь (ИА99)
у Сосны девицу сватали сватал Кондратеи wтказали чает Парѳеи Ергин тако же хочет послат . а что будет тово не ведаю ему (ИА163)
wт Петра Микиѳоровича Миляева с плачемь великое челобите послали ево в сылку з женою и детми и со вьсемь домомь в Казан на вечное жите а по ҒѲѳонасия да по Алексея послали грамоту Великии Новьгород чтобы их туды же послат женами и з детми не вечное жите (ПТ72)
да даю тебе ведом w том Парфенеи Исаквич шт ешшу мою Марю поминаи преставилаѧ въ [?] генварѧ да и сыно моево Троѳима тоже поминаи преставиѧ въ .зj. день генварѧ (ГР104)
а Петра Худеѧрова помина ехал из с Колывані да на дороги умер (ИА130)
а Ленку Баженова поимна изсекьли за Псковом (ИА130)

На этом фоне исключением является подробное описание смерти жены Петра Белоусова, которая приходится Парфению двоюродной сестрой. Белоусов не только указывает точное время смерти жены, но подробно излагает события, которые этому предшествовали: пересказывает свой последний разговор с женой, в том числе – сон Евдокии и ее подробные указания о том, как приготовить напиток. При этом слова жены оформлены как прямая речь. В этом отрывке используются не только формы прошедшего времени, но и формы настоящего времени (в значении praesens historicum), что позволяет нарисовать живую картину происходящего. Примечательно, что при са-

мом сообщении о смерти используются формы аориста (*ко господу* **wmw***иде, престависи*) – крайне редкий в текстах грамоток церковнославянизм, практически не встречающийся за пределами формульной части и цитат (кроме формы *ум(ь)ре*) (Kretchmer, 1998: 172).

> пишеш челобитє жены моеи Евдокеи Θилипевноиа и ты w томъ болѣши не тружаисе переставилас .θj. де[нь] марта изутра межи седмаго и восмаго часу ко господу wmwиде того утра я не смел вытти ис коморки для еи а как сем часов било а я стою у кровати перед ею да говорим межи собои по прежнему так wна мне сказываетъ лежацы я ди вид[е]ла сеи ноч во сни в два наконы были в мори а ты Петръ возми ренсково вина да положи в триношку да крентиля да сахару туде да согреи в каклунти в то время топилас я скоро зделал да принес к неи и wна взяла лошкои серебрянои помешала говоритъ густо прибав ту де вина да постав в каклонгу а с него превеликои сон нашол и я соснулъ прежи да wпосли приму я поставил триношку в каклонгу прибежал кровати по девкину з[о]ву и вижу wна усыпаетъ потом прощение принял и преставися (ПБ27)

Рассказы о болезнях тоже, как правило, лаконичны – они сводятся к упоминаниям о самом факте:

> твоя сестра моя жона семои месецъ болезни на постели лежитъ (ПБ92)
> а матушка ныне на силу wmwгласе лежала .г. недели rwразnw бwлна а Ванка twже немwже wдва живъ (ПТ53)
> инw у нас не rwразnw здwрwвw Фекла да Танка rwразnw немwгутъ еше Ванка не так можетъ а Фекла блискw духwвна уже (ПТ55)

Однако про болезни Феклы, дочери Парфения, рассказывается более подробно, причем не только о самих болезнях (например, об их симптомах: *wгwлели и wбwсели, носок ток кругом весь wгнил а боюсе что бы проч не wтпал*), но и о том, как врачи пытаются лечить их, а пациентка сопротивляется лечению. Видимо, корреспондентам Парфения важно донести до него именно информацию о поведении строптивой и своенравной дочери:

> да Фекла rwразnw неможе ины жwнка личитъ ею Ванка да Фекла ныне wrwлели и wбwсели што стыднw и на улицу пwказаце (ПТ175)
> и Гаиць Михел wтказал за что Θекла не слухала ела всѧчину что wн не велел wт тово wн росердилсе и wтказал (ИА126)
> а что пищеш w Θеклы и Θекла самоволнаѧ коли ѧ стану говоритъ и wна лутчи матери и болыци натъ всеми и Балбер такжо wтказал и ѧ приводил дохторѧ и дохтор просил .ѯ. люп и ѧ доложилсе Балберю и тот Балбер wтвечал ѧ ди могу так жо изцелитъ толки ди ѧ не хочю так делатъ чтоб wпосле вором слыт : у Θеклы топер носок ток кругом весь wгнил ѧ боюсе чтобы проч не wтпал а ѧ право рат во вьсѧком деле и надеисе ныне думаю wтдатъ ею Балберю домою хош wна не хочетъ на ею не гьлѧдетъ (ИА190)

Сдержанная манера сообщать о событиях жизненного цикла была коммуникативной нормой эпистолярного общения XVII в., однако отдельные письма из нашего корпуса выходят за ее пределы. В этих случаях частная переписка перестает быть лишь каналом передачи фактов и превращается в пространство фиксации личного переживания и индивидуального взгляда на происходящее. Так, подробное описание смерти жены Петра Белоусова выделяется не только своей развернутостью, но и стремлением сохранить память о последних словах и действиях умирающей. Исполь-

зование стилистически и грамматически маркированных средств нарушает привычную лаконичность и формирует эмоционально насыщенное повествование. Аналогичным образом отдельные рассказы о болезнях выходят за пределы стандартных кратких уведомлений и сосредоточиваются на телесных подробностях, ходе лечения и поведении больного. При этом болезнь оказывается связана с вопросами послушания и надлежащего поведения.

7. Выводы

Рассмотренный корпус частной переписки Парфения Торчакова позволяет существенно расширить наши представления о повседневной жизни русских купцов второй половины XVII в. В отличие от деловых и административных источников, частные письма фиксируют не только хозяйственные и торговые практики, но и формы межличностного взаимодействия, конфликты и эмоциональные реакции участников повседневной коммуникации.

Особую ценность данный корпус представляет как уникальный источник для изучения купеческой среды Ивангорода во второй половине XVII в. Для этого региона и этого периода крупные комплексы частной купеческой корреспонденции ранее не были известны, что делает переписку Торчакова редким свидетельством жизни русских подданных шведской короны «изнутри» – через их собственные слова, оценки и повседневные заботы. Письма позволяют проследить, как торговая деятельность, семейные отношения и воспитание молодежи сосуществовали в рамках единого жизненного пространства.

Рассматриваемый корпус писем в целом соответствует эпистолярной традиции XVII в. В письмах используются устойчивые формульные и этикетные выражения, отражающие социальную и возрастную иерархию между корреспондентами, а в их содержании сочетается обсуждение бытовых, семейных и деловых (торговых и общественных) вопросов, характерное для частной переписки этого периода. Вместе с тем данные письма отражают специфику жизни русских купцов, находившихся в шведском подданстве. В них обсуждаются проблемы, связанные с государственными ограничениями на торговлю, конкуренцией и одновременно сотрудничеством с немецкими купцами, борьбой за равные торговые права, а также вопрос о переселении русского посада в пригороды Нарвы. Эти внешние условия жизни, безусловно, отражаются на лексике писем, однако их специальный анализ выходит за рамки задач настоящей работы и может стать предметом дальнейших исследований.

Анализ грамоток показывает, что частная переписка функционировала не только как средство передачи информации, но и как пространство выработки и обсуждения социальных норм – отношений между торговыми партнерами, допустимых форм поведения, ответственности учеников и членов семьи. В ряде случаев письма содержат развернутые описания и оценки, выходящие за рамки передачи актуальной информации и дополняющие наши представления о повседневных ситуациях и практиках.

Таким образом, переписка Парфения Торчакова представляет собой важный и перспективный источник по истории повседневности XVII века, позволяющий дополнить существующие представления о русских купцах Северо-Запада не только с экономической, но и с социально-культурной и антропологической точек зрения.

Литература

Kotilaine, J. T. (1988). Opening a Window on Europe: Foreign Trade and Military Conquest on Russia's Western Border in the 17th Century. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, *46*, 495-530.

Kotilaine, J. T. (2005). Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century. Brill.

Kretchmer, A. (1998). *Zur Geschichte des Schriftrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts.* Verlag Otto Sagner.

Küng, E. (2001). *Rootsi majanduspoliitika Narva kaubanduse küsimuses. 17. sajandi teisel poolel.* Eesti Ajalooarhiiv Publ.

Pereswetoff-Morath, A. (2009). Ryska köpmän och diktare i stormaktstidens Stockholm: kring författaren till "Оплачъ наровескъ". *Slavica Lundensia, 24*, 199-234.

Pereswetoff-Morath, A. I. (2023). Petitions, Letters, Wills, and Receipts. *Acta Scandinavica, 14*, 235-286.

Ангерманн, Н. (2020). Русские купцы в Ливонии в XVII веке. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2*, 3-23.

Аракчеев, В. А. (2012). *Псков и Ганза в эпоху средневековья: Научная справка.* ООО «Дизайн экспресс».

Барсуков, А. (ред.) (1894). *Русские акты Ревельского городского архива*. Тип. А. Катанского.

Давыдова, М. Б., Шаскольский, И. П., Юхт, А. И. (ред.). (1960) *Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сборник документов*. Изд-во Акад. наук СССР.

Исаков С. Г. (2005). *Очерки истории русской культуры в Эстонии*. Aleksandra.

Каган, М. Д. (1992). Белоус Леонтий Петрович. In Лихачев, Д. С. (ред.). *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А–З. Наука, 131-134.

Кюнг, Э. (2002). Русские купцы и граждане Нарвы во второй половине 17 века In *Сборник Нарвского музея*. Нарвский музей, 7-44.

Лихачев, Д. С. (1948). Плач о реке Нарове 1665 г. *Труды Отдела древнерусской литературы*, *6*, 333-338.

Нечунаева, Н. А., Ваммус, Е. Ф. (2022) Письма Федосьи Ивановны Торчаковой мужу, ивангородскому купцу Парфению Исаковичу (XVII век): описание частной переписки и комментарии транслитерации. *Acta Slavica Estonica, 13*. 166-178.

Новохатко, О. В. (2018). *Россия. Частная переписка XVII*. Памятники исторической мысли.

Панкратова, Н. П. (1969). Из истории частной переписки на Руси. In Дубровина, В. Ф. (ред.). *Изучение русского языка и источниковедение: Сб. статей*. Наука, 127-155.

Пересветов-Мурат, А. (2012). Исаак Торчаков – ингерманландский дьяк. *Novgorodiana Stockholmiensia, 19*, 93-129.

Рухманова, Э. Д. (1957). Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII века. *Скандинавский сборник, 2*, 47-71.

Селин, А. А. (2015). *Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки*. Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».

Стефанович П. С., Морозов, Б. Н. (2009). *Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов*. Индрик.

Форстен, Г. (1898). Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700). *Журнал Министерства народного просвещения*, *5*, sec. 2, 48-103.

Чепель, А. И. (2017). Разведка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира. *Проблемы истории, филологии, культуры*, *1*, 228-236.

Шаскольский, И. П. (1966) Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира. *Скандинавский сборник*, 11, 61-81.

Шаскольский, И. П. (1998) *Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке*. Дмитрий Буланин.

NAVIGATING DIGITAL TRANSFORMATION IN TEACHER EDUCATION: DEVELOPING OPEN EDUCATIONAL VIDEOS FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Natalia Schwarzl
University of Potsdam, Germany

1. Introduction: Project background

«Digital systems and tools permeate society»[1], as stated in the FAQ section of the DigitalPakt Schule of the German Federal Ministry of Education and Research (DigitalPakt Schule, n.d.). These systems and tools have become an integral part of everyday life. They evolve rapidly and increasingly shape our thinking (Döbeli Honegger, 2017: 29), influencing how we learn and teach. The rapid shift toward a «culture of digitality» requires both learners and teachers to acquire new skills and competences in dealing with digital tools (DigitalPakt Schule, n.d.).

According to Döbeli Honegger, «the computer has replaced the book as the leading medium,»[2] yet «a glance into the classroom reveals a different reality» (Döbeli Honegger, 2017: 8). This discrepancy cannot be explained solely by the technical equipment available in schools. Although IT infrastructure has improved significantly in Germany since the Coronavirus pandemic—due largely to government funding under the DigitalPakt Schule (Fortschrittsbericht, 2023)—many teachers still do not know how to meaningfully integrate digital tools into instruction (ibid.: 12). Before the pandemic, only around 15% of teachers considered themselves proficient in digitising the classroom (Brahm & Wiepcke, 2023: 9). The 2018 ICILS study likewise showed that digital media use in schools was largely limited to online research tasks and that many teachers felt unprepared to create digital products or use interactive tools in their lessons (Eickelmann et al., 2019: 18).

According to the latest ICILS 2023 results, this situation has improved considerably. Nearly 70% of surveyed German teachers now use digital media daily in their lessons (Eickelmann et al., 2024: 37). However, substantial differences exist between subjects. Digital media are used in only 19.6% of foreign language lessons (ibid.: 32). ICILS 2023 also highlights the «slowness of digitization-related developments in Germany» and reports a «clear and significant decline» in computer and information-related competences among eighth-grade students. Only one quarter of students use digital media daily for school-related tasks (ibid.: 29). At the same time, other studies report a dramatic increase in young people's media use—both in their personal lives and for learning—since the beginning of the Coronavirus pandemic (MFS, 2023: 76). Nevertheless, students remain ambivalent about media use in school contexts (ibid.: 59).

It is widely acknowledged that the current generation of learners studies differently and relies more heavily on internet resources than students did only a few years ago (Müller, 2024). A study by the Deutsche Telekom Foundation confirms this trend: children aged 10-16 identify «using computers, the internet, mobile phones, and tablets» as the second most important skill in their lives (Telekom, 2020: 48). More than half associate «learning» with «finding information on the Internet» (55%) and «watching explanatory videos

[1] All quotations in the article have been translated from German by the author.

[2] The quote is available in German at https://www.mehrals0und1.ch (last accessed December 22, 2025).

online» (53%) (ibid.: 4). Overall, most learners rely primarily on digital sources: 71% obtain information from the internet; 65% explicitly mention Google; 56% mention YouTube; and 55% mention Wikipedia. Books rank second at 46% (ibid.: 43). In their free time, students in Germany are influenced even more strongly by digital media. Besides using digital media for gaming (75%) or chatting (73%), many consume video content: 74% report watching entertainment videos regularly, and 53% watch explanatory videos related to their interests (ibid.: 42).

Subject-specific teaching experts have long recognized the potential of explanatory videos (Findeisen et al., 2019; Schacht et al., 2019: 436). Using them both inside and outside the classroom—and having learners produce them—offers numerous didactic benefits (Findeisen et al., 2019: 17). Videos can present new content in an accessible way, making them an important component of blended learning scenarios (Niegemann & Weinberger, 2020: 291), including flipped classroom approaches (Buchner et al., 2018; Zylka, 2021). They are independent of time and place, can be viewed repeatedly, and support individualized learning (Dorgerloh & Wolf, 2020: 10). Empirical findings show that videos increase learner satisfaction, motivation, and perceived self-efficacy (Findeisen et al., 2019: 17; Niegemann & Weinberger, 2020: 295). When enriched with interactive elements, their effectiveness increases further (ibid.: 16; Dorgerloh & Wolf, 2020: 129; Buchner et al., 2018: 71).

In foreign language teaching, authentic videos give learners insight into contemporary language use and cultural contexts. They allow linguistic and visual information to be processed together. Learning videos can therefore serve as a valuable supplement to classroom instruction, especially as listening and viewing comprehension become increasingly important in communicative competence models—yet often remain insufficiently implemented in practice (Stork, 2012: 6).

Currently, YouTube—the «largest audiovisual encyclopedia in human history» (Dorgerloh & Wolf, 2020: 8)—provides an overwhelming number of educational videos for various languages, ranging from explanatory videos and grammar animations to pronunciation training, dialogue, and narrative formats. These videos vary considerably in quality, length, and intended audience (e.g., children, teenagers, adults, businesspeople). They may be entirely in the target language or use another language as a medium of instruction. Since anyone can produce and upload content without quality control (ibid.: 9), the abundance and inconsistency of materials complicate their integration into formal teaching. Learning effectiveness can only be ensured if videos follow a clear didactic framework (Niegemann & Weinberger, 2020: 274). While current literature offers criteria for high-quality educational videos (Schön & Ebner, 2013; Findeisen et al., 2019; Schacht et al., 2019), teachers must ultimately select and adapt videos for their own contexts.

For smaller subjects such as Russian, the availability of suitable videos is particularly limited. Although many YouTube channels focus on learning Russian, most are unsuitable for use in German schools: levels are often too high, videos target adult learners, or English is used as the language of instruction. Many videos are simple podcast recordings, and a large proportion consists solely of grammar or vocabulary explanations. There is a clear lack of educational videos based on authentic communication situations and aligned with the school curriculum.

It is precisely here that the project «Kamera läuft! Russisch durch Lernvideos» [«Camera Rolling! Russian Through Educational Videos»]—the focus of this article—begins. In response to the challenges described above, the project pursues several objectives simultaneously. Master's students training to become Russian teachers produce educational videos with the support of their instructor. These videos are subsequently made freely available as Open Educational Resources for schoolteachers. The project operates at the

intersection of language practice and subject didactics, promoting creativity, teamwork, and linguistic as well as digital competences among students, while enabling a direct transfer between university-based teacher education and school practice.

2. Project Presentation and Schedule

The project seminar «Camera Rolling! Russian Through Educational Videos» was conducted for the first time in the summer semester of 2023 at the Institute of Slavic Studies at the University of Potsdam and was repeated in the summer semester of 2024. Each iteration involved four second-semester Master's students enrolled in the Russian as a Foreign Language teacher-training program. They studied Russian either as their first or second subject in combination with additional subjects such as German, history, or physical education within a teacher-education track for secondary schools.

The two project rounds followed nearly identical procedures. The only substantive difference was that participants in the second round were already familiar with the H5P tool[3] as well as the results of the previous cohort. This prior knowledge facilitated several planning steps and accelerated specific phases of the process. The following presentation is based on the original seminar plan from the first round, which assumes no prior experience with educational videos or H5P.

Since the course was officially part of a practical language module, Russian served as the sole language of instruction throughout the semester. Enhancing students' practical language competences was one of the core objectives of the project. Accordingly, the planning of each project phase ensured that students received sufficient Russian-language input and opportunities for productive output. These language-learning opportunities emerged naturally as students engaged with existing educational videos in Russian, analyzed their didactic characteristics, explored tools for their pedagogical integration, and ultimately designed and produced their own educational videos.

The semester at the University of Potsdam extends over 15 weeks, all of which were devoted to the project. These 15 weeks were structured into five sequential blocks (or project phases), which are outlined in the next section.

Phase 1: Introduction (Weeks 1-3)

At the beginning of the semester, students were introduced to the project goals and to the theoretical and pedagogical foundations outlined earlier in this article. This initial phase focused on the subject-specific didactic principles relevant to the use of videos in foreign language teaching. Students also researched existing license-free videos for Russian and discussed their suitability for classroom use. For this analysis, established criteria for educational videos were drawn from the specialist literature and adapted to the needs of the project. It is important to note that most existing research deals primarily with explanatory videos. Even within this category, empirical evidence on the learning effectiveness of individual design elements remains limited (Niegemann & Weinberger, 2020: 292).

Building on the work of Findeisen et al. (2019: 30), Dorgerloh and Wolf (2020: 71-74), and Schön and Ebner (2013), who outline criteria for explanatory videos, the following set of essential criteria for language-learning videos was developed. Since the project videos were not explanatory in nature, all criteria were adjusted accordingly:

- Ideal duration of 2-5 minutes, with an upper limit of approximately 6 minutes

[3] The University of Potsdam offers the integrated H5P plugin directly via its internal Moodle platform (Moodle.UP). However, the same functions are also available free of charge on the official H5P website: https://h5p.org (last accessed: December 31, 2025).

- User-friendly and aesthetically coherent design
- Integration of interactive elements
- Clear alignment with a defined target audience
- Relevance of the conveyed information for the selected target group
- Coherence between spoken content and visual materials
- Minimal visual and auditory distraction
- Connection of new information to the learners' prior knowledge
- Inclusion of follow-up learning tasks after the video

Although many of these criteria resemble those used for other teaching media, experience shows that they are frequently neglected in freely available online videos, which may reduce learning effectiveness (Dorgerloh & Wolf, 2020: 74). One reason is that such videos are often produced by laypeople or created with a stronger focus on technical rather than pedagogical considerations. Schön and Ebner (2016) regard this imbalance as a major challenge, particularly for educators who wish to produce instructional videos independently or together with their students. They therefore developed a publicly accessible guide[4]. For the purposes of this project seminar, this guide was adapted and translated into Russian.

Using the criteria and guiding questions, students first analyzed learning videos from well-known YouTube channels. These analyses also served as a starting point for developing their own ideas. The following questions guided the discussion (Schön & Ebner, 2013: 21; Schön & Ebner, 2016; Dorgerloh & Wolf, 2020: 79):

- Which target group does the video address? Which target group do we aim to address?
- Which learning objectives are intended?
- Which video format is used (e.g., monologue, dialogue, animation, screencast), and how might viewers respond to it? Which format do we want to use?
- What technical and human resources does the video require? What resources are available to us?
- How is the learning content structured and presented? Which content do we want to cover, and how will we structure it?

During their research and class discussions, students confirmed that, as stated in the introduction, very few suitable Russian-language learning resources exist that can be used in schools without substantial adaptation or the creation of additional materials.

To apply the criteria in practice, students were then asked to adapt an existing YouTube educational video for teaching purposes[5]. This task combined didactic and technical components. Students shortened the selected video using editing software, created accompanying tasks and produced an interactive version using H5P.

H5P was chosen for this task—and later for enriching the students' own learning videos—because it is free, widely used, user-friendly, and offers diverse integrated task formats suitable for video-based learning (Buchner et al., 2018: 71). In this phase, students experimented with embedded quiz formats such as single-choice and multiple-choice questions, true/false items, and drag-and-drop exercises. This practical component allowed them to become familiar with the tool and to understand how its technical affordances influence the design of learning tasks.

[4] The graphic illustration of this guide can be found at https://www.medienpaedagogik-praxis.de/wp-content/uploads/2016/07/lernvideo-canvas.pdf (last accessed: December 22, 2025).

[5] In this case, the students worked with the YouTube video «Мой день» from the joint Spanish-Russian project «Твои сибирские каникулы»: https://www.youtube.com/watch?v=dhSQviFqSOQ (last accessed: December 22, 2025).

Phase 2: Idea and Scenario Development (Weeks 4-5)

After reflecting on the first project phase and using the guiding questions and established criteria, the students collectively decided on the type of videos they would produce. They defined the target audience, learning objectives, and content focus. The group identified a substantial gap in authentic communicative learning videos for the A1-A2 levels that address topics relevant to Russian language teaching in schools. Consequently, they chose to concentrate their work in this area. At the organizational level, the group agreed that each student would be involved in all stages of production, with every student directing one video while collaborating on all others. Together, they developed a four-part narrative, with each student responsible for scripting one part of the story.

Scenario development played a central role in this phase. Creating and discussing scenarios is not only an effective teacher-training method (Dorgerloh & Wolf, 2020: 172) but also a crucial component of educational video production, informing recording procedures, post-production decisions, and the design of learning tasks. This phase thus allowed students to envision potential classroom uses for their videos, define learning objectives, explore monologues and dialogues, and plan the technical implementation.

The scenario development process proceeded as follows. The group first met in person for a brainstorming session during which the instructor documented all emerging ideas. The story was then divided into four logical and pedagogically coherent segments, ensuring consistency with the school curriculum and relevant textbooks. After the meeting, each student drafted an individual scenario based on the notes and submitted it to the instructor for feedback. Following the instructor's comments, the students revised their drafts and presented them at the next group meeting. The scenarios were subsequently discussed, refined, and finalized. During this phase, the students also conceptualized and partly designed the task formats to be embedded in or attached to the final videos.

Although the practical language component was not the primary focus of the seminar, Russian served as the sole working language throughout the entire process. Oral discussions, storyline development, scriptwriting, and revisions based on instructor feedback all contributed substantially to the students' development of both oral and written Russian proficiency.

The storyline created during the first project cycle in summer 2023 unfolded as follows. In the first video, Luisa and Alona, two students at the University of Potsdam, speak on the phone. Luisa invites Alona to her birthday party the next day. After the call, Luisa realizes that her refrigerator is almost empty despite the upcoming celebration. Meanwhile, Alona feels that she has nothing appropriate to wear. In the second video, Alona visits a shopping center in Berlin to find a new outfit. The third video shows Luisa buying groceries for the party. In the fourth video, Alona travels from Berlin to Potsdam by public transport and takes the viewers along on her journey.

During the second project cycle in 2024, a different storyline was developed. Across four episodes, viewers follow the weekly routine of Laura, a secondary-school student. The first video depicts Laura's morning routine, including morning exercises, breakfast, and getting ready for school. In the second video, Laura meets her friend Claudia at school; they discuss their schedules and attend their Russian class. The third video presents Laura's hobbies and other daily activities. In the final video of this mini-series, Laura invites Claudia to her home and shows her her newly renovated room[6].

Phase 3: Filming and Post-Production (Weeks 6-11)

[6] A more detailed project description, including all videos and accompanying materials, is available on the homepage of the Institute of Slavic Studies at the University of Potsdam: https://www.uni-potsdam.de/de/slavistik/studium/studierendenprojekte/kamera-laeuft-russisch-durch-lernvideos (last accessed: December 22, 2025).

With the scripts finalized, students were introduced to essential video production techniques, including the golden ratio and different shot types (long shots, medium shots, close-ups) as outlined by Schön and Ebner (2013, 2016). The instructor presented these concepts in Russian and illustrated them with numerous online examples. This allowed students to use their own viewing experience to evaluate shot quality and determine which techniques were relevant for their projects. Video quality, aesthetics, and design significantly influence learning effectiveness by increasing learner motivation and supporting perception and attention (Findeisen et al., 2019: 29; Reinmann, 2015: 54). Nevertheless, the project prioritized content and subject-specific didactics over the creation of technically perfect visuals (Niegemann & Weinberger, 2020: 283).

Before filming, students were instructed on basic camera and microphone operation. Only the first part of the initial video—depicting a phone call between the protagonists—was recorded collectively with all students and the instructor present. This material later served as the basis for the instructor's screencast tutorials in the post-production phase. All remaining videos were recorded independently by the students off campus without teacher supervision. The raw footage was uploaded to the University of Potsdam's cloud platform (Box.UP) to ensure shared access for post-production.

Post-production unfolded in several stages. Each student edited their respective video using the provided software and made preliminary adjustments. The instructor created screencast tutorials demonstrating central iMovie functions—merging and splitting clips, separating audio and video tracks, inserting transitions—using footage from the initial jointly recorded scene. These tutorials served multiple purposes: they supported students' listening comprehension in Russian by embedding relevant technical terminology, fostered interest and attention, and produced finished excerpts that students could use in their own editing workflows. This approach also ensured collaborative consistency, even though students worked individually on their devices.

After completing the first editing cycle, students reviewed their videos for script coherence and made necessary revisions, followed by a final text review by the instructor. The group then reconvened to record voice-overs. For this session, the instructor provided the required technology (computers, microphones, headphones) and on-site supervision. This stage offered significant pedagogical benefits: through oral text reproduction, analysis of audio files, and reflective listening, students improved their pronunciation, intonation, speech fluency, and naturalness. The awareness that the recordings would be used by Russian learners heightened their language awareness and increased their motivation to refine their work.

Audio recording was completed with the free tool Audacity[7]. The instructor demonstrated the essential functions of the program, while taking responsibility for the more complex audio editing tasks so as not to overburden the students during this intensive project phase. Nevertheless, students actively participated by merging their audio tracks with video files and background music and by adjusting recordings where necessary—for example, modifying volume levels or shortening pauses.

In addition, students learned how to use license-free materials and were introduced to the fundamentals of copyright and OER principles. After discussing different licensing options, the group decided to publish their materials under the CC BY-NC-SA 3.0 DE license[8], which permits noncommercial use and adaptation while requiring attribution in cases of reuse. Students also signed consent forms prepared by the

[7] For more information about the tool, please visit the provider's official website: https://www.audacityteam.org/ (last accessed: December 22, 2025).

[8] For more information about Creative Commons licensing, see https://creativecommons.org/share-you-work/cclicenses/ (last accessed: December 22, 2025).

University of Potsdam's data protection officer. Addressing these legal considerations increased students' awareness of copyright issues and influenced their selection of third-party materials, including background music, images for worksheets, and AI-generated elements.

Phase 4: Creation of interactive tasks and worksheets (weeks 12-14)

In the final weeks of the semester, students met individually with the instructor to refine and adapt the tasks originally developed in Phase Two so that they aligned with the final scripts and videos. During these consultations, the students structured their tasks into three categories:

1. Preparatory tasks to activate prior knowledge before viewing the video.
2. Integrated H5P quiz questions embedded directly in the video.
3. Post-video tasks to consolidate and apply newly acquired knowledge.

Drafts were prepared in Microsoft Word and H5P formats and reviewed in detail during the one-on-one meetings. The instructor acted in an advisory capacity; students retained autonomy in accepting or rejecting pedagogical suggestions, with the exception of corrections to linguistic accuracy, where grammar and spelling issues had to be revised. Students were required to justify their decisions during the final presentation.

Alongside linguistic correctness and level appropriateness (A1-A2), an important focus was the development of microlearning tasks—short, focused activities that can be completed within a few minutes (Hug, 2007). This design supported seamless integration into H5P, increased flexibility for classroom use, and allowed teachers to convert tasks into online versions or replace them with minimal effort. The aim was to enrich Russian lessons with concise, adaptable learning activities that anticipate learners' needs.

Students were given approximately one week to revise their worksheets and H5P videos and to prepare their final presentation.

Phase 5: Presentation and Evaluation (Week 15)

In the final week of the semester, students presented their learning videos together with the accompanying tasks. With the participants' consent, subject colleagues and other Master's students of Russian were invited to attend. The presentations were delivered in a hybrid format, combining in-person attendance with remote participation via Zoom. Students were free to present in either Russian or German and were asked to explain their production processes as well as the didactic rationale behind their chosen topics, content, and task formats. Each presentation included short interactive exercises based on the video materials to demonstrate their intended classroom use.

The evaluation phase provided valuable insights. Students reported that the seminar significantly enhanced their linguistic, subject-specific, and technical competences. They emphasized the value of the project's structure, the diversity of activities across phases, and the balance between collaborative work, individual tasks, and personalized guidance from the instructor. Participants expressed satisfaction with both the work process and the final products and showed strong motivation to implement their materials during the upcoming practicum semester.

At the same time, students openly acknowledged the substantial workload associated with creating educational videos and accompanying materials. They noted that this experience deepened their understanding of the challenges teachers face when adapting or developing instructional resources for foreign language teaching. This reflective component contributed meaningfully to their professional growth.

Follow-Up and Publication

With the beginning of the students' semester break, the instructor initiated the follow-up phase. The learning materials required corrections based on the feedback from the final presentations and needed to be adapted to the university's corporate design standards. During the technical preparation for publication, several challenges emerged. H5P files had to be reduced in size to ensure compatibility with different learning platforms. Furthermore, the absence of an H5P plugin on the University of Potsdam's website prevented direct integration. As a workaround, the videos were uploaded in high resolution to Video.UP without H5P features and embedded on the homepage of the Institute of Slavic Studies. The website also included exercises and answer keys in PDF format. This solution provided easy access without requiring user registration but did not support H5P interactivity. Interactive H5P videos were therefore hosted on Open.UP[9], where they were available for direct use or download for adaptation on other platforms. However, the file size had to remain below 500 MB, resulting in reduced video quality.

External hosting options were considered to increase accessibility but ultimately rejected due to conflicts with noncommercial licensing (e.g., YouTube) and concerns about future costs or mandatory registration.

The maintenance and regular revision of published materials must not be underestimated (Niegemann & Weinberger, 2020: 288). Although publishing across multiple platforms increases workload, regular updates are essential. For instance, one video had to be re-uploaded twice within one year due to display issues caused by platform updates affecting functionality.

3. Scenarios for Using Educational Videos and Experiences

To ensure that educational videos provide genuine didactic value rather than functioning as entertainment media, they must be embedded in a structured instructional sequence (Niegemann & Weinberger, 2020: 274; Reinmann, 2015: 54). Integration can occur sequentially, with a video preceding or following a text, or simultaneously alongside other learning materials. The project materials are well suited for gradual incorporation into classroom lessons or self-study. Preparatory tasks (PDF) should precede video viewing. Accompanying exercises—including embedded grammar explanations—support reflection, repeated exposure, and consolidation.

The students tested the materials in various instructional contexts during their school internships. One participant used the grocery shopping video in an eighth-grade class and adapted the exercises to match the lesson. The feedback was highly positive: learners were motivated by the H5P elements and requested additional similar tasks. This response can be attributed both to the simplicity of the microlearning tasks and the novelty[10] of the interactive format, which corresponds with learners' general affinity for digital media.

Another participant implemented the materials in a bilingual German–Russian school during a substitute lesson. Here, native speakers perceived the content as too easy and disengaged, whereas learners with lower Russian proficiency found the materials appealing. This example underscores the importance of clearly defining target audiences and adjusting task difficulty accordingly. It also highlighted the limitations of using H5P on shared devices or in forum-style formats; face-to-face, device-based interaction proved to be more effective.

A third participant tested a video focused on weekly activities and observed mixed outcomes. Students—particularly those who are often distracted—showed higher engagement, yet the teacher encoun-

[9] https://openup.uni-potsdam.de/enrol/index.php?id=373#section-0 (last accessed: December 22, 2025).

[10] For more information on the novelty effect in working with educational videos, see (Niegemann & Weinberger, 2020: 296).

tered technical problems in the school environment, which hindered the effective use of interactive videos. This demonstrates that successful integration depends not only on pedagogical design but also on reliable technical infrastructure and adequate teacher expertise.

Overall, the videos are particularly suitable for blended learning, homework assignments, lesson preparation, and independent learning. The author of this article has also used the materials in revision sessions and received positive feedback regarding learners' task engagement and the complementary use of worksheets providing immediate feedback.

4. Conclusion

Digitalization places significant demands on future educators, who must be capable of using digital tools effectively and guiding learners in developing their own digital competences (DigitalPakt Schule, n.d.). Achieving this requires institutional flexibility and opportunities to experiment with digital media (FBD, 2019: 5). However, the high workload and administrative responsibilities of teachers reduce the space available for innovation, making a reorientation in teacher education essential (ibid.). Pedagogical media competence and interdisciplinary collaboration are key components of this process (BMBF, 2021: 38, 70).

The project described in this article, in which Master's students created educational videos, demonstrates how these demands can be addressed in teacher training. Across both project cycles, students showed high motivation and commitment and reported improvements in their linguistic, didactic, and technical skills. The collaborative process fostered positive group dynamics and allowed students to gain hands-on experience with digital media and tools, including video editing software, H5P, license-free materials, AI-supported image generation, and OER principles. They also developed greater awareness of copyright and data protection issues.

At the same time, the project revealed several limitations. The workload for students was considerable, and the complexity of the technical processes required substantial instructor expertise. Technical infrastructure in schools remains inconsistent, which limits the applicability of interactive videos in classroom settings. Furthermore, the project materials target specific learner levels and may not meet the needs of heterogeneous groups without adaptation.

Nevertheless, the project offers a sustainable model for the integration of digital media in teacher education. For such initiatives to scale, university instructors must themselves possess robust digital competences and receive institutional support to meet the evolving demands of teacher education (FBD, 2019: 5).

Bibliography

Brahm, T., & Wiepcke, C. (Eds.). (2023). *Handbuch digitale Instrumente der ökonomischen Bildung*. Wochenschau Verlag.

Buchner, J., Freisleben-Teutscher, C., Haag, J., & Rauscher, E. (Eds.). (2018). *Inverted Classroom: Vielfältiges Lernen. Begleitband zur 7. Konferenz «Inverted Classroom and Beyond 2018»*. Fachhochschule St. Pölten GmbH.

Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF). (2021). *Meilensteine der Lehrkräftebildung: Kontinuität und Weiterentwicklung in der «Qualitätsoffensive Lehrerbildung»*. https://www.bmbf.de/SharedDocs/Publikationen/de/bmbf/3/31697_Meilensteine_der_Lehrkraeftebildung.pdf

Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF). (n.d.). *FAQ zum DigitalPakt Schule*. https://www.bmbf.de/bmbf/de/home/_documents/das-sollten-sie-jetzt-wissen.html

Bundesministerium für Bildung und Forschung. (2023). *Fortschrittsbericht DigitalPakt Schule 2022-2023*. https://www.digitalpaktschule.de/de/lehrerinnen-und-lehrer-1707.html

Döbeli Honegger, B. (2017). *Mehr als 0 und 1: Schule in einer digitalisierten Welt* (2nd rev. ed.). hep – der bildungsverlag.

Dorgerloh, S., & Wolf, K. (Eds.). (2020). *Lehren und Lernen mit Tutorials und Erklärvideos*. Beltz.

Eickelmann, B., Bos, W., Gerick, J., Goldhammer, F., Schaumburg, H., Schwippert, K., Senkbeil, M., & Vahrenhold, J. (Eds.). (2019). *ICILS 2018 #Deutschland: Computer- und informationsbezogene Kompetenzen von Schülerinnen und Schülern im zweiten internationalen Vergleich und Kompetenzen im Bereich Computational Thinking*. Waxmann. https://www.pedocs.de/volltexte/2019/18166/pdf/Eickelmann_et_al_2019_ICILS_2018_Deutschland.pdf

Eickelmann, B., Casamassima, G., Drossel, K., & Fröhlich, N. (Eds.). (2024). *ICILS 2023 im* Überblick*: Zentrale Ergebnisse, Entwicklungen* über *ein Jahrzehnt und mögliche Entwicklungsperspektiven*. Waxmann. https://www.waxmann.com/buecher/?tx_p2waxmann_buchliste%5bbuchnr%5d=4941&tx_p2waxmann_buchliste%5baction%5d=show

Findeisen, S., Horn, S., & Seifried, J. (2019). Lernen durch Videos – Empirische Befunde zur Gestaltung von Erklärvideos. *MedienPädagogik*. https://www.medienpaed.com/article/view/691

Forum Bildung Digitalisierung. (2019). *Impulse für Lehrkräftebildung in der digitalen Welt: Wissenschaft trifft Schulpraxis*. https://www.forumbd.de/wp-content/uploads/2019/05/FBD_Publikationen_Impulse_Lehrkraeftebildung.pdf

Hug, T. (2007). *Didactics of microlearning: Concepts, discourses and examples*. Waxmann.

Kultusministerkonferenz. (2021). *Lehren und Lernen in der digitalen Welt: Ergänzung zur Strategie «Bildung in der digitalen Welt»*. https://www.kmk.org/fileadmin/veroeffentlichungen_beschluesse/2021/2021_12_09-Lehren-und-Lernen-Digi.pdf

Medienpädagogischer Forschungsverbund Südwest (MFS). (2023). *JIM-Studie 2023: Jugend, Information, Medien*. https://www.mpfs.de/studien/jim-studie/2023/

Müller, G. (2024). *So lernen junge Erwachsene*. EPALE – Elektronische Plattform für Erwachsenenbildung in Europa. https://epale.ec.europa.eu/de/blog/so-lernen-junge-erwachsene

Niegemann, H. M., & Weinberger, A. (Eds.). (2020). *Handbuch Bildungstechnologie: Konzeption und Einsatz digitaler Lernumgebungen*. Springer.

Reinmann, G. (2015). *Studientext Didaktisches Design*. Hamburg.

Schacht, F., Barzel, B., Daum, S., Klinger, A., Klinger, M., Schröder, F., Schüler, A., & Wardemann, S. (2019). Das fachliche Lernen stärken: Zur Nutzung von Erklärvideos an Schulen in sozial herausfordernder Lage. *DDS – Die Deutsche Schule, 111*(4). Waxmann. https://www.pedocs.de/volltexte/2021/20611/pdf/DDS_2019_4_Schacht_et_al_Das_fachliche_Lernen.pdf

Schön, S., & Ebner, M. (2013). *Gute Lernvideos – so gelingen Web-Videos zum Lernen!*. http://bimsev.de

Schön, S., & Ebner, M. (2016). Vorlage zur Ideensammlung für ein Lernvideo. *Medienpädagogik – Open-Praxisblog*. https://www.medienpaedagogik-praxis.de/2016/07/18/vorlage-zur-ideensammlung-rund-um-lernvideos-und-andere-zugaengliche-vorlagen/

Stalder, F. (2016). *Kultur der Digitalität*. Suhrkamp.

Telekom Stiftung. (2020). *Wie lernen Kinder und Jugendliche heute?* https://www.telekom-stiftung.de/sites/default/files/files/media/publications/Wie-lernen-Kinder-und-Jugendliche-Bericht.pdf

Zylka, J. (Ed.). (2021). *Flip your School! Impulse für die Entwicklung und Gestaltung hybrider, personalisierter Lehr-Lernsettings*. Beltz.

SPAIN IN JOVAN DUČIĆ'S TRAVELOGUES AND DIPLOMATIC AFFAIRS

Svetlana Šeatović
Institute for Literature and Art
Marija Terzić
Institute for Literature and Art

Jovan Dučić (1871-1943) was a Serbian writer and diplomat with a fruitfil career. He was also the author of extraordinary travelogues. In his «Letter from Spain – Ávila» in the book collection of travelogues *Cities and Chimera* (1940) the travel writer Jovan Dučić and the diplomat facing the dramatic reality of fascist Spain, which allowed the division of the Kingdom of Yugoslavia on the eve of the Second World War, offers two images.

One of them represents space and time, that is the overall atmosphere, including people, culture, history, art, mentality while the other, the diplomatic one, illustrates the factual information such as time and circumstances that had a fatal impact on the Kingdom of Yugoslavia and its diplomats, including Jovan Dučić himself.

This difference bears a lot of resemblance with the one Vladimir Gvozden (2014) emphaises in the article «How to read a travelogue» by claiming that «travel writers 'wrote the other' by writing about the other – the writing itself is the central problem, not some kind of neutral transmitter of objective facts»[1] (Gvozden, 2014).

However,

> It would be difficult to prove that travel prose is a pure document about events, that is, that it constitutes perfect factuality. In fact, the documents that belong to this discourse do not document factuality, but also the actuality of the writer and the text. From this pont of view, the genres of testimony do not merely mediate history, but also play an active role in the history to which they relate (Gvozden, 2014).

For that reason, this paper tackles the period of Jovan Dučić's life and work in Spain tied to engagement in the state diplomatic missions. The first one took place from 1918 until 1922, whereas the second mission lasted from 1939 until 1941. Both of them are very significant because the first one was in progress at the time of the establishment of the Kingdom of Yugoslavia, whereas the second mission was ongoing in the last years of the aforementioned country that capitulated on April 6, 1941.

Why Spain? Because it is a country that, with its multicultural wealth, was extremely attractive to several Serbian writers in the period between the First and Second World War. Jovan Dučić in his travelogue «Letter from Spain – Ávila» describes Ávila, but also Toledo and El Escorial as centers of royal power, which is based on land and in a harsh landscape without greenery domi-

[1] All the translations in the article are provided by its authors unless otherwise is specifically mentioned.

nated only by the strict Catholic Church. Dučić only got to know the parts south of Córdoba and Seville, and that is why his impression is related to darkness and austerity:

> In these foreign Spanish cities, the darkness falls quickly as if it will never rise again, heavy, material. This is how its palaces and tombs look at night in Toledo. In Segovia, the dark walls look like enemy buses. In Santiago, which entirely consists of monasteries and asylums, the night shadows on the deaf markets look deep like abysses, and something black boils from the ground, and something cold crawls up our body so that one must not look at the crossroads at night (Dučić, 2000b: 196).

Dučić was interested in Spanish history as well as its culture. He was especially focused on St. Teresa of Jesus and St. John of the Cross. As a comparatist, Krinka Vidakovic Petrov in the chapter «Jovan Dučić and the Spanish modernists» in the book *Hispania Horizon*, draws a parallel between Jovan Dučić and Antonio Machado and Juan Ramón Jiménez. This book represents a comparative interpretation of their influences. However, at the same time, it proves that Dučić did not read their poetry in Spanish, so it is the influence of the poets who were his contemporaries what he cherished.

In his travelogues of Spain regarding both diplomatic missions, he provides extremely significant perceptions of Madrid, where he was Serbian first ambassador from 1939 to 1941, whose jurisdiction included Spain and Portugal but he resigned because of the British policy towards Yugoslavia. For him, the first diplomatic experience from 1918 until 1922 was important as it was not marked by any challenging political circumstances.

The second diplomatic mission in 1939–1941, on the other hand, was influenced by a series of demanding political circumstances happening throughout Europe including Spain and the Kingdom of Yugoslavia with respect to the Second World War. Surprisingly, it did not leave an imprint on his travelogues.

However, this was a very challenging period for him as a diplomatic representative before the war in Yugoslavia broke out. During his diplomatic career, which commenced in May 1910 and ended in July 1941, Jovan Dučić was in eleven diplomatic missions, seven of which were in the Mediterranean countries / Italy (two missions), Greece (two missions), Spain (two missions) and Egypt.

> <...> let's not forget that travel writing was often related to diplomatic missions <…>, it will be easier to understand the permanent ambitions of diplomats in this genre. In this sense, in earlier periods, travel, travelogue and politics were mostly inseparable <...> (Gvozden, 2014).

With this in mind, Jovan Dučić met, talked to and befriended many rulers and political leaders, politicians and diplomats, military leaders and scientists, writers and artists. Additionally, he had the opportunity to feel the atmosphere of life in the Mediterranean capitals, to recognize the directions that history took, to see the importance of the Mediterranean as a crossroads where the past and the present, civilizations and religions, new ideas and ossified traditions, life habits and customs imposed by the new times intersect and mix (Dimić, Milošević, 2022: 25).

In the capitals of the countries of the Mediterranean region, like Madrid, Jovan Dučić, in addition to understanding their politics and breathing their past and art, paid special attention to the mentality of Mediterranean people. He was also interested in the dominant political culture, traditions, history, heritage and habits.

Furthermore, he had the opportunity to observe the eternally mystical world of diplomacy on a daily basis, to witness revolutions, defeats and victories, lies, shaming and affairs but also arts and many other achievements of that time. During his career, he stood up against the politics of revanchism, the spirit of clericalism, totalitarian ideologies spreading across Europe and the Mediterranean (especially Spain).

Dučić places Spain within the framework of various religions of the Mediterranean in a religious context, thus opening new pages of his travelogues across the Ionian Sea and even further to Egypt. Although his travelogue is a form of a cultural text with elements of a framework, this type of travelogue and comparison laid the foundations for a modern view of the Mediterranean in Serbian literature beginning with this writer.

During his first service, Dučić was in Madrid from 1918 to 1922. In that period, he was reading newspapers, had contacts with politicians and intellectuals and wrote about the overall situation in Spain including its conflict with Great Britany and problems with Gibraltar. That was the key for Mediterranean and all the countries who have part of any part of Mediterranean Sea. In that moment, Dučić was a poet, but also an amazing diplomat with the PhD in philology who worked in Kingdom of Yugoslavia. Back then, Yugoslavia became the part of the Mediterranean countries because Adriatic Sea was the great part of that country, from Istria to the border with the Albanian part.

Dučić initiated the early years of the unified Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes with a diplomatic career, which he later executed by regent Aleksandar Karađorđević's decree of July 1, 1918. In accordance with the great historians of diplomacy Ljubodrag Dimić and Miladin Milošević (2022), as a diplomat and poet during those days after the First World War, Jovan Dučić mobilized the unification of the South Slavs by commemorating the founding of the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes. Therefore, this Kingdom was a Mediterranean state at the same time since it ran along the Adriatic coast from Istria to northern Albania and included almost all of the Adriatic Sea's islands.

His identification with Mediterranean states and civilizations, and the creation of a new state for him, was a tremendous time when all South Slavs came into the world of Mediterranean nations. He was well aware of international relations, and, at that time in Spain, he was preoccupied most of all with the task of unmasking the fictitious allegations of Italian propaganda, due to dissatisfaction and in decline after the First World War. He was particularly interested in the lie uttered at the 1919 Paris Peace Conference, where he stated in off-the-record accounts that Italian propaganda within Spain stated that the Yugoslavian unification and dissatisfaction were achieved with «50,000 Serbian bayonets».

Dučić remained more than 30 years in 8 European countries, a single country in Africa (Egypt) and in 13 missions in Sofia, Madrid, Rome, and once more Athens, Geneva, Cairo, Budapest, and once again Rome, Bucharest and Madrid the second time and finally Lisbon. Dučić's diplomatic career began with the lowest rank of clerk, but he climbed the ladder hence gradually earning the ranks of secretary, counselor, permanent delegate to the League of Nations, consul general, chargé d'affaires, envoy, and finally his appointment as the first ambassador to the Kingdom of Yugoslavia when he was appointed extraordinary representative of the minister and ambassador to Bucharest in 1936. Hence, in case of Jovan Dučić, the traveler:

> Traveling is less and less useful as the discovery of new territories, but becomes a form of knowledge, broadening horizons in the spirit of the «age of the enlightener», but also a romantic inner journey. The traveler, therefore, acts in the service of knowledge, awareness, familiarity, intellect (Gvozden, 2014).

His expression was incorporated in both subjective but also general, romantic but critical as well, descriptive and analytical, eventful but synthetic, a great deal of contemplation but also in knowledgeable and erudite answers. He was a privileged participant and witness to the events, a connoisseur, an astute observer and an inspired narrator, interpreter, the writer who left an impressive testimony about the time and is alive in diplomacy and the places that he visited and served in. Dučić likes Spain so much, its small streets, the voice from a church after which everything had to be peaceful.

> It rings for a long time at dinner in Ávila. And when the pendulum finally dies, and there is peace in the air, it seems that something terrible and black has passed over the city. There are cities where the ringing of bells reminds us more of death than of God. These are old Christian cities, on whose dark markets and narrow streets the deep night of the Middle Ages falls with the first darkness. Within their walls, it seems that more people died than when compared to those who were born. In that place,the legend is always bigger and more alive than reality (Dučić, 2000a: 194).

Dučić considers this place the Spain's spiritual centar. Furthermore, he establishes connections with places such as Toledo, Cordoba and the town Escorial, while searching for the unique cultural image of Spain through focusing on its towns/cities:

> There are, therefore, cities that have a soul, the soul of the city is a story, a woman, then it is a story – a story about a woman or, as poetry is: a woman. And a woman is also the «soul» of Dučić's discourse, a metaphysical, «Platonic» figuration of a woman and the feminine, as a chimera, illusion, fantasy, apparition, imagined and elusive in poetry, subordinated in culture; women as the souls of the city and the city as women, by which Dučić «unconsciously» confirms the historical-cultural matrix <...> (Bošković, 2022: 454).

Moreover, his travelogue *Cities and Chimaeras* (1930, 1940) might be seen both as a text about culture in general as well an an indispensible text within Serbin culture. This book is important for understanding national identity that was founded in the possibility of literary expression, images of other cultures are places at the centre of the literary travelogue, rather than being its remote, undefended and forgotten boundary. For example,

> Nineteenth-century Europe was the scene of the race of individual cultures for their own nationality, and the struggle for culture was a greater necessity than the struggle for the nation, since it was a necessary precondition for the emergence of a nation – hierarchies of cultures and drawing the borders of one's own culture (much more than territory), had the task of determining national identity. That is why the imperialist nations considered themselves world-historical cultures and were perceived as such by others – as in the case of the image of France and England in our travel writers. It was precisely the stereotypes of cultures produced by the «greats» that led to the theory of culture, carrying within it all the «difficulties of imagining other people». As Elaine Scarry points out, the ability to imagine others has a great power precisely in great literature, whose influence conveys not only artistic, but also political ideology (Gvozden, 2014).

When it comes to politics and political ideology, Jovan Dučić was a prominent political figure while staying in Spain on two occasions, the first one immediately after the founding of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and the second during the brutal politicization during the 1940s, until 1941, coincided with its founding. This experience is captured in a specific way in his travelogue directed to the heart of

a Castilian town renowned as the birthplace of two Spanish saints, Santa Teresa de Jesús and San Juan de la Cruz bringing Dučić back to a rich tradition of mysticism and mystical literature, particularly that of 16th-century Spain, a period that holds immense cultural importance for Spanish culture. Both Saint Teresa and Saint John, often referred to as the black saints, lived during the reign of Philip II, who ruled the empire described as «the one in which the sun never sets». Jovan Dučić's travelogue «Letter from Spain – Ávila»

> <...>– as much as it is – is not a letter about Spain, or even about a city, Ávila: it is a story about a woman who is the «soul» of the city, the legend, the Spanish culture, the «soul» of this Dučić discursive study of the Spanish mentality and character. Just as poetry is a woman, so is Ávila, therefore, a woman. «A nun», Dučić would say. Saint Teresa of Ávila (Bošković, 2022: 454).

1. Cultural and poetic «construct» of Saint Teresa of Avila in the travel literature by Jovan Dučić

In his «Letter from Spain – Ávila», Dučić, «<...>whose journey, after all, is a true example of purposeful activity» (Gvozden, 2014) portrays Ávila, along with Toledo and El Escorial, highlighting these locations as pivotal centers of royal authority in a landlocked Spain. This region, characterized by its stark, expansive plains devoid of lush greenery, reflects some of the most extreme influences of the Catholic Church. Dučić expresses his disconnection from this version of Spain, which feels not airy but rather profoundly continental and staunchly religious, suggesting that it is far removed from the Mediterranean charm and instead rooted in the heart of the Iberian Peninsula.

Unfortunately, he did not get to know multiethnic Córdoba or white Seville, Granada as the most beautiful examples in which light and a mixture of Arab and Christian culture penetrate. In contrast, Miloš Crnjanski will delve into the vibrant spirit of Seville and explore the vast cultural panorama of the Mediterranean. For Dučić, Spain seems somber and complex, particularly in his reflections on Toledo, Segovia, Santiago, El Escorial, and Ávila:

> In these old Spanish places where there is only granite and a shadow, everything is expressed by stone, sung by a pillar, pressed by a slab, surmounted by a wall. Spain could never separate beauty from sadness, nor faith from despair. <...>A terrible faith without mercy and a sandy land without beauty have made the tragic soul of the Spanish man. Spanish Catholicism does not have the pagan smile and cheerfulness of Italian Catholicism. In Spain, religion is eerie, fanatic, ferocious. Italian Catholicism is Hellenistic, and Spanish Catholicism is Jewish (Dučić, 2000b: 197).

2. «Letters from the Ionian Sea» – Spain in Jovan Dučić's Mediterranean circle

In his travelogues, most notably in «Letter from the Ionian Sea», and then in other travelogues from Rome, Athens, Jerusalem and Egypt, he reveals the depth of the Mediterranean climate, the layers of its culture and the meaning of religion. Dučić needed journeys that would merge into the book *Cities and Chimeras*, where he would discover a broader horizon of his own cultural identity, his own people, the Mediterranean region, but also religious self-awareness. This proves to be true as

> In the «Letters from Italy» there is a rather stretched and abstract «classical Italy», i.e. classical Rome, which is characterized extremely positively, and whose merits are primarily in the universalism of law and the spread of art, as well as in the transfer of the Greek heritage to European cultures (Gvozden, 2014).

Journeys to Athens, Rome, Ávila, Jerusalem, Cairo represent true discoveries for the mature Dučić, which would be woven into his understanding of the Mediterranean, the relationship between his native Herzegovina and Dubrovnik, the meaning of the sea, the depths, light and the deepest secrets that stand on the border of two worlds. The Mediterranean circle that starts from western Madrid, through Rome and all of Italy to Athens, and ends in Egypt, represents extremely significant places where, before the First World War, during the war, and later on, in the interwar period until the April War of 1941, Dučić was always in designated places that were politically and nationally challenging for the Kingdom of Serbia, as well as for the Kingdom of Yugoslavia (1908, before the Annexation of Bosnia in Rome or during the First Balkan War in 1912, and then in Rome).

Dučić's Mediterranean grew up on the border of his native Trebinje and Dubrovnik, developing culturally towards distant places of the ancient world (Delphi, Athens), Rome and especially the dark Avila burdened by Catholic dogma in the heart of Spain. The deepest roots of Dučić's commitment to the luminous philosophy of the Mediterranean is in the retrospective parts of «Letters from the Ionian Sea», where the fascination with the sea reached back to his earliest childhood. The relationship between land and sea is nowhere more intense and complex in the geographical, cultural, ethnic, state and religious fields than in the area of Dubrovnik and its hinterland on the road to Trebinje.

In this area, the most complex historical circumstances, state and then religious between the Orthodox and Catholic worlds, are refracted. Jovan Dučić understood very well how the land encroaches on the sea and how the Adriatic Sea enters the inland inlets, bringing a different, high culture of the Renaissance and Baroque and Italy, but also a distinct Catholic effort to isolate Dubrovnik from the Orthodox hinterland.

However, geographical, hydrological and cultural circumstances undoubtedly directed Dubrovnik towards the hinterland and Herzegovina, and then the rugged people of rocky Herzegovina to head towards the city and its world marked by a «different» civilization. Dučić emphasizes in his text about Ivo Vojnović the historical context of the relationship between Dubrovnik and the medieval hinterland:

> Up behind Srđ and above Brgat, there was our great Serbian empire and lordship. There were also the courts of the legendary twelve kings of the Moors of Orbin, who were already known about in Dubrovnik from the beginning of the 18th century; and up in Trebinje near Trebišnjica, as in Brzjak in Ras, were the courts of Queen Helen of Anjou. In Brankovina, near the same Trebišnjica, the fiefdom of the Branković dynasty, which was first mentioned here, can still be seen. Dubrovnik also received the water of Trebišnjica from above from that area, which emerges as the Ombla sinkhole near the town of Saint Blaise. All the blood and spiritual sustenance came to this city from above already from the beginning... Between Dubrovnik and the people, and in its background, there was a difference mainly state and political, and only later religious and the cultural ones (Dučić, 2001: 19-20).

Dubrovnik is extremely interesting for Dučić because in «Letters from the Ionian Sea» he describes his childhood in which he got to know the sea, the bays and inlets of the Dubrovnik coast. This was not a geographical knowledge, but rather what we today call a geophilosophical view of a space and its higher, metaphysical determinants. However, when it comes to Dubrovnik, Dučić repeatedly defined his relationship to that Mediterranean gem that was deeply geographically and historically linked to the hinterland with a clearly focused view of Venice.

The duality of this town, which was built on the heritage of the hinterland, its ethnic members, waters and shores, is directed towards Venice in a cultural and religious aspect. Dučić's rich experience of being born in the hinterland of the Adriatic Sea, his trip to this picturesque town, and his encounters with Italy helped him to better and more clearly understand the world of Spain and the Mediterranean echoes that helped him realize the following:

> But those who watched as a child the warm midday sea when the mistral blows, the summer white and motionless sea that shines bigger than the starry sky, could not be melancholy on its shores. It is the sea, more than anything else, that convinces them of the infinity of a beauty before which all others disappear. I also think that the idea of God was conceived in front of the great open sea or in the middle of the desert, because only there could the idea of the immeasurable and eternal be acquired. (underlining is ours) That's why the open sea evokes only a furious love for life in people born by the sea <…>. Faith is pure sentimentality; because there is no idea about God, but a feeling about God, and an imagination about God (Dučić, 2000b: 109).

Hence, Dučić's philosophical and metaphysical ideas were created in the coastal landscapes of his childhood. The quote is a perfect example of how being raised right next to the expansive ocean can alter your life's course. First and foremost, Dučić is an optimist – a man who believes in the future – which we are used to call South-thinker and that blossoms on this Mediterranean litoral. That luminous vision comes most clearly during those illuminating midday sessions with the maestro, when thoughts of the divine intermingle with images of the sea. His considering religious issues has its desert aspect, exposed also in his travel writing «Letters from Palestine» and «Letters from Egypt», placed inside southern Mediterranian boundaries as well.

> In addition to choosing the direction of travel as an act of self-legitimization, for many of our modernists, narrating the journey was also a sign of additional ideological justification of their activity – to place themselves and/or their people in the European family. Finally, every travel writer inevitably reflects the paradox of tradition: its charms depend on the residue it conveys as its own ideology, but if we stopped purifying that residue, the movement would be stopped – writing utopically cancels what gives it meaning. The prose of a true travel writer is not simply descriptive prose, it is also revelatory writing – discovering oneself and others. At the same time, in the last two centuries, travel writers have come far after the «time of discovery» of the cultures they write about, a time that in Serbian literature is associated with Dositej and his era, and in European literature with the so-called «imperialism of the imagination». Hence, the only thing left for the travel writer is to present himself in one way or another as a man of experience, who must somehow be above his contemporaries: in terms of literary value, position, success, material condition; all this most often results in the desire to «aristocratize» one's own position, to escape from «a kind of amateur-absolutist», against whom Jovan Dučić came out once upon a time <...> (Gvozden, 2014).

In relation to Spain, the travelogue[2] dedicated to St. Teresa of Ávila, and «<...>through its poetic figuration city–woman–soul–story, and the power of the legend, from that very Dučić extracted Saint Tere-

[2] See more detailed interpretations of Dučić's experience of Spain and the modernists: Krinka Vidaković Petrov, «Jovan Dučić and the Spanish Modernists». *Hispania Horizon*. Belgrade: Čigoja Print, 2017, 62-87; Vladimir Gvozden. *Jovan Dučić, Travel writer. An essay on imagology*. Novi Sad: Worlds, 2003; Slobodanka Peković. «Travel writing – conditioning of the genre» (20-35). *Book about travel writing – collection of papers*. Belgrade: Institute for Literature and Art, 2001.

sa as the soul of Avila» (Bošković, 2022: 457), is a synthesis of medieval, Renaissance and Baroque culture. For Dučić, the image of St. Teresa of Ávila, is an echo of the sublimity of faith combined with architecture.

> Serving in Spain, as later in some other Mediterranean countries, convinced him that life in that area is burdened by the fact that it is inhabited by «peoples who believe in God differently», express love for their own and hate and the faith (religion) of others, are ready to fanatically suppress other people's culture and religion and equally passionately defend their own. He observed exclusivity, fanaticism, and primitivism in this attitude towards religion (Dimić, Milošević, 2022: 31).

For Jovan Dučić, the Mediterranean circle ended in July 1941 on the shores of the Atlantic Ocean in Lisbon, the most western point of the Mediterranean. The cold ocean currents were to take him forever to the other, new world of USA, far away from Europe that had already been at war. Setting off from his beloved Trebinje and the European cities, Dučić, both physically and spiritually, traveled through the countries of western, southern and central Mediterranean bearing in mind that «traveling is a fundamental human activity» (Gvozden, 2014).

Spain and the entire Mediterranean was, for Dučić, the spiritual, poetic and overall cultural haven, but also the region where he performed the most delicate diplomatic tasks. He found himself again in Madrid where he was an ambassador from 1940 to 1941 and appointed for Spain and Portugal in the Kingdom of Yugoslavia. He was given the difficult task of cooperating with the Spanish government before the start of the war in Yugoslavia, and after the capitulation of the Kingdom of Yugoslavia in April 1941. He did not want to go to London and from Madrid and Lisbon; he went to the USA to Illinois, where he died on April 7, 1943.

Bibliography

Bošković, D. (2022). The other of Discourse, Travelogue, City: Jovan Dučić's and Miloš Crnjanski's Saint Teresa of Avila. In J. Delić (Ed.), *Jovan Dučić: poet and diplomat. Proceedings of the scientific conference held on december 9-10, 2021, Belgrade* (pp. 453-466). SASA, Serbian Academy of Sciences and Arts. Scientific meetings, book ccx, book 20. https://dais.sanu.ac.rs/bitstream/id/59293/bitstream_59293.pdf

Dimić, Lj. and Milošević, M. (2022). Jovan Dučić and the Mediterranean: a Diplomat's View. In J. Delić (Ed.), *Jovan Dučić: poet and diplomat. Proceedings of the scientific conference held on december 9-10, 2021, Belgrade* (pp. 23-43). SASA, Serbian Academy of Sciences and Arts. Scientific meetings, book ccx, book 20.

Dučić, J. (1991). *Diplomatic Papers*. Prosveta.

Dučić, J. (2000a). *Emperor Radovan's Treasure. Mornings from Leutar*. Publishing House «Rad» - Oktoih - Dučić's Poetry Evenings.

Dučić, J. (2000b). The Letters from Ionian Sea - Corfu. The Letter from Spain - Ávila. G. Đogo (ed.). *Cities and Chimeras* (pp. 97-133; pp. 194-220). Publishing House «Rad» - Oktoih - Dučić's Poetry Evenings.

Dučić, J. (2001). Ivo Vojnović. Jovan Dučić. *My companions* (pp. 7-45). N. Petković (ed.). Publishing House «Rad» - Oktoih - Dučić's Poetry Evenings.

Gvozden, V. (2014, May 3). How to read a travelogue. *Business and Finance*. https://bif.rs/2014/05/vladimir-gvozden-kako-citati-putopis/

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ В СССР (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЖУРНАЛА *ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ*)

Светлана Славкова
Болонский университет, Италия

1. Вступление

Настоящее исследование посвящено изучению некоторых характеристик текстов, презентующих западноевропейскую литературу советскому читателю в 30-е и 40-е годы прошлого века[1]. Задачей анализа является описание дискурса скрытой ненависти в языке литературной критики периода сталинского режима, целью которого было оказать идеологическое и эмоциональное воздействие на нового советского читателя. Советское государство обращается не только к дореволюционному искусству и литературе, но и к произведениям мировой культуры. При этом переводятся не любые произведения, а те, которые соответствуют советской идеологии и поддерживают ее, в результате чего формируется бинарная оппозиция «свой – чужой». Именно рамках бинарной оппозиции «свой – чужой» мы попытаемся обнаружить средства пропаганды и манипуляции в области культуры, выявить механизмы проникновения дискурса ненависти в язык литературной критики.

Вхождение мировой литературы в орбиту интересов советского читателя сопровождается паратекстами, публикуемыми в литературных газетах и журналах и призванными сформировать «правильное» восприятие литературного произведения и отношение к нему[2]. Одним из таких журналов и был журнал *Литература мировой революции.* Он выходил в Москве в течение двух лет (1931-1932 гг.) и позиционировал себя как общественно-политический и литературно-художественный журнал: «это был единственный литературный журнал, в котором впервые публиковались фактически все[3] крупные зарубежные писатели» (Василиженко & Удлер, 2009: 97). В результате реорганизации журнал стал выходить под названием *Интернациональная литература* (1933-1943), а впоследствии, с 1955 г. – *Иностранная литература.*

---

[1] Тема и материал настоящего исследования обусловлены участием в проекте *Rewriting European Literatures in Stalin's Russia: Defence of European Culture or Mediation of the Regime's Ideology?*, входящем в программу PRIN (Progetti di rilevante interesse nazionale [Проекты общенационального значения]) итальянского Министерства высшего образования и научных исследований (Ministero dell'Università e della Ricerca).

[2] В целом, в ранние советские годы в читателе видели «объект воздействия ('переделки', 'перековки', 'формовки')» (Добренко, 1997: 32).

[3] На самом деле осуществлялся строгий отбор идеологически «правильных» писателей.

2. Кратко об историческом контексте

Период конца 20-х – начала 30-х годов в западных странах был временем так называемого народного фронта – создавались коалиции политических партий, в основном левого и центристского толка, которые должны были отражать интересы как рабочего, так и среднего класса и были направлены против фашизма и национализма. Для взаимодействия с западноевропейскими странами (и с целью оказать идеологическое влияние и давление на них) Коминтерном было создано множество международных организаций, таких как МОРП, МОРТ, МОПР**,** ВОКС[4], в которых ведущую роль имели советские секции. Многие из международных организаций работали не только с пролетариатом, но и с представителями буржуазии, а в журнале *Интернациональная литература* вплоть до конца 1930-х годов печатались не только сочувствующие и идейно близкие авторы, но и «реакционные» и «консервативные» писатели. «Разумеется, эти публикации снабжались предисловиями, правильно ориентировавшими читателя» (Панов & Панова, 2021: 750). Естественно, в рамках этих контактов культура и литература выполняли идеологические функции, а советские деятели культуры в Европе выступали как «культурные функционеры» и «агенты советской власти» (Clark, 2011: 37-38). Наряду с этим во взаимоотношениях с западноевропейскими интеллектуалами советская власть преследовала свои собственные цели:

> The Party, and the Soviet state generally, had its own agenda, as compared to western European intellectuals – co-optation, whether via conversion to Party membership or, more generally, by declaring some kind of allegiance to, or admiration for, the Soviet Union, and participating in activities sponsored by one or other of its international cultural arms» (Clark, 2011: 38).

Французские деятели культуры, приезжающие в СССР «ничего не зная о теневых сторонах строительства социализма в СССР, обманутые картиной увиденного <…> предоставляли ложные сведения своим читателям и таким образом способствовали распространению и идеализации идей большевизма на Западе» (Миронова, 2017: 51).

3. Корпус текстов и метод исследования

В условиях политической и социальной изоляции советского общества 1930-х годов от внешнего мира критическое осмысление европейских литератур и культурных процессов в целом неизбежно приводило к искаженному представлению о зарубежных культурах в сознании советского читателя. В этом смысле анализ материалов, публиковавшихся в журнале *Литература мировой революции*, позволяет получить представление о том, как зарубежная литература воспринималась советской критикой. В ситуации культурной замкнутости данное издание предоставляло советскому читателю уникальную возможность ознакомиться с художественной литературой стран Западной Европы[5]. Наряду с этим журнал включал специальные рубрики с аналитическими комментариями, такие, например, как раздел «Международная хроника», в рамках которого освещались процессы литературной и, шире, культурной жизни стран Запада.

---

[4] МОРП – международное объединение революционных писателей; МОРТ – международное объединение революционных театров; МОПР – Международная организация помощи борцам революции; ВОКС – всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

[5] В то же время нельзя не учитывать тот факт, что, как уже было сказано выше, подавляющее большинство публиковавшихся текстов принадлежало авторам, которые были близки к коммунистической идеологии и сочувствовали советскому строю.

В настоящей статье анализируются языковые особенности текстов, опубликованных в разделе «Международная хроника», в котором при освещении культурной ситуации во Франции предлагаются презентации и интерпретации литературных произведений французских авторов, а также литературных журналов и театральных постановок. Основное внимание уделяется лексике, в том числе изменению семантики слов, возникновению новых значений и моделей сочетаемости, а также фразеологическим единицам.

Корпус исследования сформирован на основе печатных выпусков журнала, не имеющих оцифрованного варианта; в связи с этим отбор и обработка языкового материала осуществлялись вручную. Методологически работа ориентирована на качественный дискурсивно-семантический анализ и не предполагает применения количественных или статистических методов. Целью является выявление функционально-прагматического потенциала языковых средств и определение их роли в конструировании идеологически маркированных образов «своего» и «чужого».

Отправной точкой исследования служит учет тех трансформаций в системе русского литературного языка, которые были инициированы после 1917 года и к 1930-м годам утвердились во всех сферах общественной жизни. Наиболее существенные изменения затронули лексику и синтагматические структуры русского языка; данные процессы привлекли внимание ряда исследователей, в частности Г. О. Винокура, С. О. Карцевского, А. М. Селищева и других авторов. Кратко отметим также некоторые морфологические, синтаксические и графические средства оформления текста, призванные оказывать идеологическое и эмоциональное воздействие на нового советского читателя.

4. Знаки отчуждения и недоверия и маркеры фальсификации

4.1. Местоименное выражение ‘так называемый’

Использование местоименного выражения ‘так называемый’ в качестве средства уточнения является прежде всего маркером недоверия и сомнения, причем не только личного, индивидуального недоверия, но и недоверия, транслируемого со страниц «официального» литературного журнала. Учитывая доверие читателя к тексту и отсутствие других источников информации и возможностей для ее критического переосмысления, можно рассматривать такие методы как удобный инструмент для создания нужного взгляда на мир.

(1) Этим иным оказалась *так называемая* «пролетарская литература». (ЛМР[6])

(2) Эта *так называемая* «пролетарская» литература описывает нужду рабочих, но в общем затушёвывает реальную классовую борьбу. (ЛМР)

(3) Новейшее открытия в искусстве, так же как и в социологии, непонятны, если не принять во внимание решающий фактор: недавно открытое искусство *так называемых* примитивных народов. (ЛМР)

4.2. Использование иронических кавычек

Подобную роль играют и иронические кавычки в примерах (4) – (7): словосочетание *пролетарская литература* внушает адресату, что речь идет о непролетарской литературе, которая не отража-

[6] Примеры из журнала *Литература мировой революции* отмечены аббревиатурой ЛМР в скобках. Остальные языковые примеры взяты из Национального корпуса русского языка (https://ruscorpora.ru/). Во всех примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

ет интересы пролетариата, наличие *левой идеологии* у французских писателей подвергается сомнению, понятие *хорошего рабочего* связывается безосновательно с пассивностью эксплуатируемого рабочего класса, критическое отношение к Анри Пуляйлю выражается посредством утверждения, что его аргументы аргументами на самом деле не являются.

(4) Его место заняла *«пролетарская литература»* (ЛМР)

(5) Против популизма выступили одновременно правое и «*левое*» крыло французской литературы. (ЛМР)

(6) Восхвалять в наши дни наёмный труд - это значит играть на руку буржуазии, это значит выставлять в качестве примера трудящимся тип «*хорошего рабочего*», то есть того, кого эксплуатируют и кто одобряет эту эксплуатацию… (ЛМР)

(7) Давая в специальной статье исчерпывающую оценку этой дискуссии и подробный анализ «*аргументов*» господина Пуляйля и ему подобных дезорганизаторов молодого пролетлитературного рабочего движения на Западе. (ЛМР)

4.3. Префиксоид *лже-* как маркер фальсификации

В русском языке как маркер имитации и подмены активен также префиксоид *лже-*, который указывает на несоответствие номинации истинному положению вещей. По мнению некоторых исследователей, аффиксоид *лже-* выражает «значение подобия в широком смысле (сопровождаемое либо не сопровождаемое оценочностью), которое может включать в себя и фальсификацию, подделку» (Петрухина & Поляков, 2019: 111). В сочетании с существительными (например, *лженаука, лжегадалка, лжеправедник*) *лже-* ставит под сомнение саму суть явления или понятия. Продуктивность префиксоида проявляется в возможности его присоединения и к глаголам (*лжесвидетельствовать, лжеумствовать, лжемудрствовать, лжетолковать*)[7].

Прозрачность внутренней формы префиксоида *лже-*, отмеченная также в (Земская, 2000: 116), в рассмотренных нами текстах используется для обозначения уверенности в несоответствии семантики прилагательного идеологически правильному пониманию его значения, как в примерах (8) и (9), а также удовлетворения от разоблачения этого несоответствия.

(8) <…> в нашей борьбе против идеологической путаницы и реакционных *лжепролетарских* идеологий. (ЛМР)

(9) Французская секция МОРП развернула <…> решительную борьбу с литературными агентами французского социал-фашизма, разоблачая контрреволюционную сущность журнала «Монд» и *лжепролетарской* литературы_господ Пуляйлей, Бернаров и др. (ЛМР)

В примере (9) обращает на себя внимание также уничижительное обобщенное использование множественного числа фамилий конкретных (критикуемых) французских писателей. В таком контексте этот экспрессивно-стилистический прием подчеркивает желание умалить их значимость и выразить свое презрительное отношение к их творчеству.

[7] Примеры с этими глаголами и с образованными от них отглагольными существительными были найдены в НКРЯ и в сети.

5. Лексика. Изменение значений слов, возникновение новых значений и новой сочетаемости. Переосмысление семантики и контекста употребления слова

На лексическом уровне интересно отметить употребление некоторых слов в новом лексическом значении[8]. Рассмотрим примеры (10)-(12), в которых лексема *элемент* использована в значении обобщенного обозначения группы людей) [9]:

(10) Эта литература классового мира <…> может найти читателей только среди разлагающейся мелкой буржуазии или подкупленных *элементов* рабочего класса. (ЛМР)

(11) <…> отвоевать у враждебных классов некоторые *элементы* и подчинить их себе. (ЛМР)

(12) вы готовы навсегда освободиться от всех окружающих вас оппортунистических и социал-фашистских *элементов*. (ЛМР)

В приведенных примерах само обозначение человека (или группы людей) словом *элемент* подчеркивает его безличие и бессубъектность. По данным *НКРЯ* в 30-е годы существительное *элемент* (чаще всего в форме множественного числа) сопровождается преимущественно определениями с отрицательной коннотацией (классово чуждые, предательские, враждебные), так как оно называло людей, чья политическая, социальная или моральная позиция не соответствовала официальной идеологии. Такое обозначение имело уничижительный оттенок, поскольку отказывало таким членам общества в индивидуальности. Но и в случаях (более редких) использования слова *элемент* в положительном контексте оно могло получать уничижительный оттенок. Так, например, *элементы рабочего класса* воспринимаются не как индивидуальности, а как безликая серая масса. Ср. также пример (13):

(13) Ленин [...] начал игру с социалистами, которая многим показалась неожиданной. [...] Исходя из посылки, что построить социализм можно лишь «целым рядом соглашений», в том числе и с «господами кооператорами и интеллигентами», которые являются «единственным *культурным элементом*», Ленин призвал партийных работников уметь договариваться с мелкобуржуазной демократией. [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)]

6. Коллокации в системе «свой – чужой»

Остановимся теперь на некоторых словосочетаниях, в которых отражаются новые семантические преобразования в системе русского языка, связанные в первую очередь с новой идеологией, которым было положено начало после 1917 года и которые утвердились во всех сферах общественной жизни в 30-е годы XX века. Используемая при этом лексика и фразеология непосредственно связана с задачей оказать идеологическое и эмоциональное воздействие на нового советского

[8] См. о проникновении новых слов в послеоктябрьский период в работе Г. О. Винокура: «Социально-политический обиход обогатился вдруг целым роем новых слов, метко, ударно запечатлевших новые социально-политические понятия и формулы. В этом – и только в этом – основное фразеологическое значение октябрьского переворота» (1923: 110). С. Карцевский (1923) также говорит о новшествах в лексическом составе и в словопроизводстве, отмечая при этом, что «в русской же грамматике не наблюдалось за последние годы никаких сколько-нибудь серьезных сдвигов» (64-65).

[9] Это значение в Словаре Д. Н. Ушакова отмечено как новое: «Человек, личность (нов. разг.). *Сочувствующие элементы. Чуждые элементы. Вредный э. Сватался Ужевкин, ... но я отказала, потому что он ненадежный элемент.* А. Н. Толстой» (Ушаков, 1940: 1416). Оно сохранилось и до наших дней и отмечено в словарях МАС, БТС и в Словаре Т. Ф. Ефремовой.

читателя, которому в первую очередь предлагается базовое противопоставление «хороших, своих» (то есть соответствующих нашим – революционным и коммунистическим – идеалам) писателей и писателей «чужих» (то есть представителей «буржуазной» литературы и искусства, которым чужда идеология пролетариата)[10].

Для этого используются самые разнообразные средства, в том числе глагольные и именные коллокации[11], структура которых предполагает, что один из компонентов свободен, или произволен, а второй в рамках определенного типа текстов или функционального стиля может быть ограничен определенной лексико-семантической группой, имеющей вполне определенные коннотации. Термин коллокация в настоящей работе используется в самом широком его значении: это сочетание двух слов или привычное совместное употребление определенных лексем.

6.1. Именные коллокации

В этом параграфе обратимся к часто встречающимся адъективным словосочетаниям, характерным для текстов «Международной хроники» русскоязычного издания *Литературы мировой революции*, так как посредством этих выражений в основном дается оценка авторов и их творчества, выставок и театральных постановок, имевших место во Франции в самом начале 30-х годов прошлого века.

Ниже мы рассмотрим, каким образом формулируемая путем словосочетаний оценка служит специфическим целям создания образа врага («чужих») в противопоставлении лояльным («своим»). Для иллюстрации приведем несколько примеров со словосочетаниями, имеющими отрицательную коннотацию:

(14) Популизм, оформленный как литературная школа известными *реакционными* писателями <…> (ЛМР)

(15) вести систематическую пропаганду среди *колеблющихся* художников и_писателей с тем, чтобы <…> (ЛМР)

(16) *буржуазный* художник лишён великих идей, необходимых для истинного художественного творчества (ЛМР)

Как видим из приведенных примеров, простое добавление к имени, называющему представителя творческой интеллигенции (‘писатель’, ‘художник’), таких прилагательных, как *буржуазный*, *реакционный* и *колеблющийся*, приводит к смещению акцента с имени на прилагательное, которое начинает играть ключевую роль в номинации и становится ее центральным элементом.

Коллокации с прилагательными *буржуазный, реакционный* сами по себе являются идеологически маркированными терминами, активно использовавшимися в марксистской литературной критике:

---

[10] Результатом такого воздействия является исключительная восприимчивость советских граждан к политическому языку власти и лозунгам, которые проникали в общественно-политическую и даже бытовую жизнь (Ким, 2015: 40).

[11] Подробно о связи коллокаций с устойчивыми несвободными словосочетаниями, фразеологизмами и идиомами, а также о возможности применения статистических методов для выделения устойчивых сочетаний на базе корпусов русского языка см. Хохлова (2008).

(17) *реакционный* литературный манифест «Монда» (ЛМР)

(18) От него издалека уже несло *реакционным* душком (ЛМР)

Как правило, подразумевается, что *буржуазное искусство* противопоставляется *пролетарскому*, которое должно служить не только интересам рабочего класса, но и революционным идеям в принципе – см. пример (19). Поэтому выражение *буржуазное искусство* обладает негативной коннотацией именно в марксистском контексте 20-х и 30-х годов, поскольку оно служит для обозначения искусства, отражающего интересы, ценности и мировоззрение буржуазного класса, противопоставленные интересам и ценностям пролетариата.

(19) В противовес *буржуазному* искусству <…> непрерывная эволюция *пролетарского* искусства должна итти нога в ногу с развитием пролетарской борьбы, начатой авангардом пролетариата. (ЛМР)

Иными словами, в словосочетании *буржуазное искусство* заключена критика искусства, которое не способствует изменению общества с целью достижения социального равенства (т.е. *буржуазный, реакционный* – это не такой, который служит интересам пролетариата), а, наоборот, оправдывает существующий в капиталистических странах порядок, обслуживает элиты этих стран. В результате, уже не важно, какое следует определяемое имя, поскольку акцент с существительного сместился на прилагательное.

Свойственные *чужим* идеи и произведения противопоставлены творческому миру *своих*, который описывается прилагательными с положительной с идеологической точки зрения коннотацией, то есть *своим*. Здесь также используются словосочетания определенной структуры, при которой зависимый компонент ограничен лексико-семантическим классом слов, используются такие механизмы, как смещение основного акцента в словосочетании, переосмысление семантики и контекста употребления одного из компонентов, возникновение новых значений как у стержневого, так и у зависимого компонента.

Если, например, рассмотреть прилагательное *пролетарский*, которое в словаре Д. Н. Ушакова отнесено к имени *пролетарий* в значении ‘лишенный средств производства наемный рабочий в капиталистическом обществе’ (Ушаков, 1939: 956), то видно смещение семантики с простого (нейтрального) отношения к некой социальной группе в сторону положительной оценки имени, к которому прилагательное *пролетарский* присоединяется. Иными словами, сам факт такого сочетания позволяет включить денотат имени существительного в класс *хороших*, *своих*. И далее все, что будет названо *пролетарским*, будет оцениваться положительно – см. примеры (20)-(22).

(20) Но в вопросе создания *пролетарского* искусства мнение наших корреспондентов расходятся. (ЛМР)

(21) <…> не следует всё же забывать, что только рабочий класс способен создать новое искусство, а следовательно – и *пролетарскую* живопись. (ЛМР)

(22) Прежде всего Ассоциация стремится развернуть рабкоровское движение, движение подлинных *пролетарских* писателей, рабочих, рассказывающих о своей жизни и борьбе. (ЛМР)

Становится очевидным, что словосочетания с прилагательным *пролетарский* имеют ярко выраженный идеологический характер. Так, например, *пролетарский писатель* противопоставлялся *буржуазному писателю*, а *пролетарская литература* стала одним из необходимых инструментов для описания жизни рабочего класса, для продвижения его интересов в противовес интересам буржуазного (эксплуататорского) сословия. Таким образом, *пролетарский* приобретает положительную коннотацию и становится маркером того, что имя существительное вводится в некое семантическое поле *своих*. Следующим шагом к обособлению категории *своих* становится связка *пролетарский – революционный*, вплоть до почти синонимического употребления этих прилагательных в похожих контекстах:

(23) Работа, проведённая за последний год <…> в осуществлении резолюции Харьковской конференции, высказавшей уверенность, что намеченные ею мероприятия позволят в ближайшем будущем положить во Франции основу крепкой организации *революционных* и *пролетарских* писателей. (ЛМР)

(24) *Пролетарский* писатель, *пролетарский* художник есть прежде всего человек *революционного* действия. (ЛМР)

(25) *Революционную* литературу, *революционное* искусство надо организовывать. (ЛМР)

В целом, идеологически окрашенные тексты активно используют яркие образы, которые помогают выразить новые, революционные идеи. Иными словами, наблюдается «двоякий способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облекаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями» (Винокур, 1923: 107)

Переосмысление семантики и, вследствие этого, контекста употребления слова можно проиллюстрировать на примере словосочетания *культурный фронт* из примера (26), которое встречается особенно активно в идеологических текстах после октябрьской революции:

(26) Необходимо <…> сотрудничать с профессиональными и рабочими фотографами и вообще со всеми новыми организациями, которые создают то, что скоро можно будет назвать «красным *культурным фронтом*». (ЛМР)

Само по себе, даже без дополнительного контекста, словосочетание *культурный фронт* автоматически переводит нас в семантическое поле борьбы, в данном случае, за идеологическое влияние, а идея борьбы приводит нас к метафоре войны. Ключевым концептом здесь является лексема *фронт*, а местом сражения – культурная жизнь. Иными словами, *культурный фронт* представляет собой метафору борьбы (или войны) на территории культуры. Таким образом выражается идея, что средством решения любых проблем или поставленных задач является противостояние и давление, целью которых является «прорыв фронта». Культурная жизнь превращается в инструмент политики, в оружие, необходимое для достижения поставленных идеологических целей.

Надо отметить, что такое значение лексемы *фронт* в Словаре Д. Н. Ушакова отмечено как новое[12], а само словосочетание стало устойчивым и использовалось на протяжении всего советского периода.

[12] В Словаре Д. Н. Ушакова отмечены следующие два новых значения: 4. *перен.* Объединение каких-н. общественных сил для общих действий в каком-н. направлении (нов.). *Народный ф.* <…> 5. *перен.* Область, сфера, какая-н. отрасль государственной или общественной деятельности (нов.). *...Партия одержала крупнейшую победу на фронте колхозного строитель-*

По данным НКРЯ словосочетание *культурный фронт* до середины 20-х годов не встречалось, а в период с 1924 по 1940 год, наоборот, оно использовалось особенно активно.

Таким образом, можно заключить, что концепт *культурного фронта* объединяет культуру с войной, т.е. культура входит в концептуальное поле войны так же, как и фронт. Культура – это поле действия войны, некое поле боя, а разнообразные проявления культурной жизни становятся инструментом ведения войны, целью которой является внедрение и укоренение коммунистической идеологии.

Во второй половине XX века эта метафора сохранилась, прежде всего именно за счет новой семантики слова *фронт*. При этом расширялась гамма относительных прилагательных, называющих *поле* ведения *войны*: *научный фронт, театральный фронт, трудовой фронт, литературный фронт, идеологический фронт, художественный фронт.*

Более того, вне зависимости от семантики именного определения именно слово *фронт* задает контекстное окружение, как в примерах (27)-(33):

(27) Наоборот, правосудие должно было получить врачебную санкцию на осуждение частого дезертира *с трудового фронта*, да еще в военное время, а главное вышибить у него и ему подобных саму мысль о возможности их защиты медициной. [Г. Г. Демидов. Без бирки (1966)]

(28) В самом деле, почувствовав, что красные дни сверхприбылей прошли, что изношенность фабричного инвентаря и перерыв в снабжении машинами из-за границы несет много трудностей, иные расчетливые предприниматели уже бежали *с производственного фронта.* [В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)]

(29) Не забывайте, что журналистика – передовая линия *идеологического фронта.* [Сергей Довлатов. Компромисс (1981-1984)]

(30) Да, теперь совершенно ясно: идет общая урезка, наступление по всему *пищевому фронту*. [Александр Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941-1948)]

(31) Говорилось: в связи с военной мобилизацией оголился *педагогический фронт.* [Любовь Кабо. Ровесники Октября (1964|1997)]

(32) Объясняется это многими причинами, из которых важнейшими являются следующие: 1) отсутствие работников, как в центре, так и на местах, в виду постоянных мобилизаций *на военный и трудовой фронт* культурных сил. [Задачи Всероссийского Союза Муниципальных Работников в культурно-просветительной области // «Рабочая жизнь», 1920]

(33) На различных фронтах началось буржуазное наступление. На *художественном фронте* оно столь же сильно, как и на других. (ЛМР)

Во всех приведенных выше примерах разные элементы культурной и общественной жизни успешно включены в контекст войны, в том числе за счет типичных для войн понятий (*дезертир* [с фронта], *передовая линия* [фронта], *наступление* [по всему фронту], *мобилизация* [на фронт]) и коллокаций (*бежать* [с фронта], *дезертировать* [с фронта], *оголиться* [фронт], *наступать* [по всему фронту]). В примере (32) словосочетания *военный фронт* и *трудовой фронт* выступают в контекстно-синонимических отношениях.

ства… Культурный ф. (Ушаков, 1940: 1119).

Отметим также богатство палитры эпитетов[13], которые дополняют эмоциональный фон текста и подчеркивают позицию авторов текстов в журнале:

(34) <…> Ассоциация ставит себе целью сделать искусство орудием классовой борьбы, противопоставить его *продажному* и *раболепствующему буржуазному* искусству. (ЛМР)

(35) <…> вести систематическую пропаганду среди *колеблющихся* художников и писателей с тем, чтобы <…> (ЛМР)

(36) С этой *безнадёжно фальшивой* литературой мы должны бороться всеми силами. (ЛМР)

(37) «Монд» занимает *объективно-контрреволюционную* позицию. (ЛМР)

(38) Эти происшествия ещё более ослабляют сопротивляемость *разлагающегося* общества, которое пытается удержаться, хотя ему не на кого опереться кроме духовенства и полиции. (ЛМР)

В примере (39) выбор синтаксического определения к отглагольному имени призван представить действие в наиболее интенсивном его проявлении:

(39) Французские сюрреалисты во главе с Андре Бретоном обратились к руководству ассоциации с просьбой принять их в её состав: ассоциация потребовала от них, однако, *решительного* разрыва с их предыдущей сюрреалистской деятельностью, *публичного* признания допущенных ими ошибок и *безоговорочного* принятия литературно-политической платформы. (ЛМР)

В то же время усиливается категоричность требования и как будто исключается любой компромисс (*решительный* разрыв, *безоговорочное* принятие), добавляется оттенок унижения (*публичное* признание). У читателя формируется впечатление агрессивного давления и репрессивного характера требований, он считывает жесткость и категоричность позиции автора.

6.2. Глагольные коллокации с функциональными глаголами

Устойчивое глагольно-именное сочетание отличается тем, что его исходным пунктом является ориентация на имя: иначе говоря, в зависимости от семантики имени и, что важнее в нашем случае, от лексического поля, к которому оно принадлежит, осуществляется выбор глагольной части. Это связано с тем, что синтаксически зависимое имя несет основную смысловую нагрузку и является семантическим центром, а глагольная часть, которая является семантически недостаточной, выражает грамматические характеристики.

Рассмотрим несколько глагольных коллокаций со словом *борьба*.

(40) Анархисты *ведут борьбу* с демократией потому, что, по их мнению, демократия есть только тирания большинства над меньшинством. [Г. В. Плеханов. Анархизм и социализм (1894)]

(41) Решено было добиться в первую очередь утверждения устава профессионального общества, а потом *повести борьбу* за воскресный и праздничный отдых и восьмичасовой рабочий день. [Областная жизнь (25.06.1914) // «Южная копейка» (Харьков), 1914]

[13] Об активном использовании прилагательных в качестве эпитетов в послереволюционный период см. также (Селищев, 2003: 146-147).

В примере (40) благодаря семантике глагола *вести* словосочетание *вести борьбу* реализует вендлеровское значение деятельности (*activity*)[14], в то время как в (41) *повести борьбу* можно уже отнести к событиям, или к классу *достижений* (*achievements*), так как оно указывает на начальную фазу процесса *вести борьбу*. Морфологически это достигается за счет добавления префикса *по-*, который передает семантику инхоативности. Тем не менее словосочетание *повести борьбу* значительно уступает в частотности коллокации *начать борьбу*:

(42) В первом десятилетии настоящего столетия возмутилась Сербия и первая *начала борьбу* за освобождение; сторону Сербии приняла Россия. [С. Н. Южаков. Англо-русская распря (1885)]

Корпусная проверка в НКРЯ показала, что наибольшей частотностью в период с 1850 до 1917 года при слове *борьба* отличается инхоативный *начинать/начать*. В период же с 1918 по 1940 год наряду с *начать* (который сохраняет наибольшую частотность), расширяется употребление более динамических глаголов, таких как *повести*:

(43) Остатки народников всячески старались помешать распространению марксизма в России, *повели борьбу* против марксистов, стараясь их всячески опорочить. [История ВКП(б). Краткий курс (1938)]

Наряду с существующими инхоативными глагольными коллокациями в послереволюционную эпоху в развивающемся «советском русском языке» появляется, например, словосочетание *развернуть борьбу*, совмещающее в своей семантике начинательность и интенсивность процесса:

(44) Наряду с фабрично-заводскими организациями вся наша печать и в первую очередь низовая с огромной армией рабкоров-ударников должна широко *развернуть борьбу* за качественные показатели, неослабно популяризуя лучшие ударные бригады, лучших браковщиков, отдельных рабочих, отличающихся выработкой продукции хорошего качества, экономным расходованием сырья, активно борющихся или *организующих борьбу* с браком на предприятиях. [Решительнее бороться за качество продукции // «Правда», 1930]

Сдвиг в семантике глагола *развернуть* отражен и в Словаре Д.Н. Ушакова, где значение ‘организовать, учредить, предпринять в широких размерах, использовав все возможности’ (Ушаков, 1939: 1126) отмечено как новое. В журнале *Литература мировой революции* это словосочетание тоже активно используется в контексте идеологического противостояния французским литературным вкусам.

(45) На основе этой резолюции «Юманите» *развернула* в последнее время решительную *борьбу* с журналом «Монд», скатившимся окончательно на социал-фашистские позиции. (ЛМР)

Словосочетания с функциональным глаголом *развернуть* используются в наших текстах в том числе для положительной оценки некоего процесса:

[14] Vendler (1957) выделяет четыре типа лексико-семантических класса глаголов: *states* (глаголы состояния), *activities* (глаголы деятельности), *accomplishments* (глаголы исполнения) и *achievements* (глаголы достижения)

(46) Прежде всего Ассоциация стремится *развернуть* рабкоровское *движение*, движение подлинных пролетарских писателей, рабочих, рассказывающих о своей жизни и борьбе. (ЛМР)

Таким образом, словосочетание *развернуть борьбу*, используемое как в политическом, так и в социальном контекстах для обозначения активизации борьбы за социалистическую идею и против внешней угрозы «справедливейшему в мире государственному строю», является еще одной отсылкой к противостоянию и войне.

Интересно, что в текстах после 1945 года (по данным НКРЯ) распространяется словосочетание *развернуть войну*. Правда, чаще всего оно встречается в разорванном виде:

(47) Товарищ Сталин призвал *развернуть* партизанскую *войну* в тылу немецкой армии, в оккупированных районах «создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [И. И. Минц. Великая Отечественная война Советского Союза (1947)]

(48) Налоговые претензии к «Вымпелкому» и обвинения в «недобросовестной конкуренции» банка «Русский стандарт», самого активного игрока рынка потребительского кредитования, совершенно четко показывают, что силовая часть российской власти готова *развернуть* настоящую *войну* против российского бизнеса. [Мы против властей не бунтуем (2004) // «Эксперт», 20.12.2004]

Словосочетаний, отсылающих к военной тематике, в наших текстах довольно много, они создают экспрессивность высказывания и в то же время придают ему некую агрессивность (встать *на защиту, порвать с врагами рабочего класса, пролетарская армия, отвоеванные позиции, национальная оборона* и пр.).

7. Антитетическое противопоставление и прием контраста

Для послереволюционной публицистики характерно эксплицитное выражение идеологического противостояния своих и чужих, коммунистов и их врагов. Приведем здесь цитату из газеты Правда 1923 года: «Настоящая коммунистическая статья – не только газетная, но и журнальная, не только агитационная, но и научная – отличается исключительной ясностью, четкостью стиля. Она резка и груба, элементарна и вульгарна. – говорят наши враги. Она правдива, искренна, смела, откровенна, беспощадна…» (цит. по Винокур, 1923: 110).

В текстах раздела «Международная хроника» также можно обнаружить такие риторические средства как антонимы, вписанные в антитетические конструкции, с особой выразительностью подчеркивающие противопоставление двух миров: реакционного и революционного, буржуазного и пролетарского:

(49) На различных фронтах началось буржуазное *наступление*. [На художественном фронте оно столь же сильно, как и на других. Возникает новый вид цензуры.] Дело революционных художников развить *контрнаступление*». (ЛМР)

(50) Нельзя же отрицать того, что литература, пропитанная *крикливой экзотикой, упадочным психоанализом, половой распущенностью* и извращениями, вскоре перестанет возбуждать организирую-

щую мысль. С другой стороны, из самой гущи народных масс из молодых классов *носителей будущего*, появились *могучие ростки.* (ЛМР)

Как видно из приведенных примеров, в (49) наступлению противопоставлено контрнаступление, а в (50) литература, пропитанная крикливой экзотикой, упадочный психоанализ и половая распущенность противопоставлены положительному образу народных масс, носителям будущего, могучим росткам новой литературы.

8. Заключение

Как видим, к началу 30-х годов оформляются специальные языковые средства, нацеленные на создание «образа врага» в области культуры и литературы, в частности, путем навешивания ярлыков и создания штампов, привязанных только к определенной категории имен и подчеркивающих идеологическую и социальную чуждость объекта. Результатом такой стратегии должны стать нужная режиму оценка и соответствующее поведение адресата (советского читателя).

Противопоставление «свой» – «чужой» достигается путем переосмысления семантики и контекста употребления уже существующих слов, возникновения новых значений, новой сочетаемости и смещения акцентов в словосочетании, использования морфологических средств. «Чуждые» советскому строю писатели и литераторы определены как *реакционные* и *колеблющиеся, лжепролетарские*, искусство как *буржуазное*, литература *фальшивая*, общество *разлагающееся.* В противовес коллокациям, при помощи которых обозначается «чужой», используются выражения с положительной коннотацией, которые называют «своих», идеологически близких (*пролетарский, революционный писатель / искусство / художник*). Помимо лексических и синтагматических средств отметим также специфические маркеры фальсификаци, знаки отчуждения и недоверия (в том числе графические), а также прием контрастного противопоставления идей и явлений. Все это богатство лингвистических средств и приемов было поставлено на службу идеологического воспитания советского читателя, тем более, что в социуме уже существовала общая установка на неприятие чужого (непролетарского) общества.

Настоящая статья представляет собой первый этап более широкого исследования, посвященного изучению языковых средств, при помощи которых создается представление о культурной жизни в Западной Европе 30-х годов. Следующим этапом анализа станет обращение к текстам журнала *1Интернациональная литература* (1933 – 1943 гг.), что позволит проследить развитие стратегий скрытого воздействия на читателя, идеологической манипуляции и пропаганды, направленных на искажение образа Запада в соответствии с директивами власти.

Литература

Василиженко П. В. & Удлер И. М. (2009). Журнал «Иностранная литература»: история и развитие. *Мировая литература в контексте культуры, 4*, 97-99.

Винокур, Г. О. (1923). О революционной фразеологии (один из вопросов языковой политики). *ЛЕФ, 3*, 106-118.

Добренко, Е. (1997). *Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы*. Академический проект.

Земская, Е. А. (2000). Активные процессы современного словопроизводства. В Е. А. Земская (отв. ред.), *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* (сс. 90-141). Языки русской культуры.

Карцевский, С. (1923). *Язык, война и революция*. Русское универсальное издательство.

Ким, В. И. (2015). Лозунги в политическом языке раннего советского общества (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1924–1925 гг.). *Вестник РУДН. Серия IИстория России, 4*, 34-44.

Ланский, Л. Р. (1969). Периодические издания МБРЛ и МОРПа: «Вестник иностранной литературы», «Литература мировой революции», «Интернациональная литература» (1928-1935). В А. Н. Дубовиков & Л. Р. Ланский (ред.), *IИз истории Международного объединения революционных писателей (МОРП) Т. 81* (сс. 545-604). Наука.

Миронова, Т. П. (2017). Советско-французские связи в сфере литературы в 20-е годы XX века. *Ученые записки Орловского государственного университета, 2*(75), 46-52.

Панов, С. И. & Панова, О. Ю. (2021). Издатели и читатели французской литературы в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. *Новейшая история России, 11*(3), 738-754.

Петрухина, Е. В. & Поляков, Д. К. (2019). Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках. В А. А. Лукашанец (навук. рэд.) *Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне: XVI Міжнародны з'езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018): тэматычны блок* (сс. 98-120). Права і эканоміка.

Селищев, А. М. (2003). *Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*. УРСС.

Ушаков Д. Н. (под ред.) (1939). *Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3*. Гос. изд-во иностр. и нац. слов.

Ушаков Д. Н. (под ред.) (1940). *Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4*. Гос. изд-во иностр. и нац. слов.

Хохлова, М. В. (2008). Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций. *Slavica Helsingiensia*, *34*, 343-357.

Clark, K. (2011). *Moscow, the fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism, and the evolution of Soviet culture, 1931-1941*. Harvard University Press.

Vendler, Z. (1957). Verbs and Times. *The Philosophical Review*, *66*(2), 143-160.

«КРАСНЫЕ РЫБЫ С ПУШИСТЫМ ХВОСТОМ»: НА КАКОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПИШУТ ШКОЛЬНИКИ В ЭСТОНИИ?

Elizaveta Sosnovtseva
University of Tartu

1. Введение

Согласно данным переписи населения 2021 г., опубликованным на сайте Департамента статистики Эстонии, в современной Эстонии русским языком как родным владеет 29 % населения (информация на сайте переписи: https://rahvaloendus.ee/); 23,7 % населения являются этническими русскими (https://rahvaloendus.ee/et/tulemused/rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad). При этом представители русскоязычного населения Эстонии не только говорят на русском языке, но и обладают компетенциями в области чтения и письма. Эта картина особенно характерна для отдельных регионов Эстонии. Подобная ситуация связана с тем, что до 2024–2025 года дети, по желанию родителей, могли получать среднее образование частично на русском языке в школах, учебный план которых предполагал, что преподавание на русском языке может осуществляться 40 % учебного времени. В настоящее время школы Эстонии отходят от подобной схемы: по новому стандарту детям может быть предложено два часа в неделю на изучение домашнего/родного языка (https://www.hm.ee/ru/node/234). Вместе с тем, сейчас дети жителей Эстонии, которые сами родились в Эстонии или были привезены сюда родителями в поздний советский период, сохраняют высокий уровень владения русским языком, не только в его устной разновидности, но и в письменной форме, так как они частично получили образование на языке семьи (Protassova, Yelenevskaya, 2021: 199).

При этом состояние русского языка в Эстонии не остается неизменным: он меняется во времени и активно взаимодействует с эстонским языком. Влияние эстонского языка на русскую речь проявляется в том числе в виде вкраплений (лексических заимствований), которые отражают жизненные реалии (Костанди, 2017). Часть опрошенных информантов признают, что русский язык является для них основным, а уровень владения эстонским, по их мнению, ниже необходимого, таким образом, они существуют в парадигме несбалансированного билингвизма. Кроме того, русский язык метрополии строго кодифицирован, поэтому носители русского языка в Эстонии сами считают термины «эритажный», «домашний язык» синонимами плохого владения языком и его «порчи».

Вместе с тем, социолингвистические исследования (Karpava et al.: 2025) показывают, что в двуязычных семьях родители (во всяком случае, русскоязычные) больше ориентированы на то, чтобы дети к концу школы хорошо владели эстонским языком, так как это связано, в том числе, с дальнейшими образовательными возможностями. Так, родители настаивают, чтобы дети выполняли и обсуждали школьные задания только на эстонском языке; русскоязычная мама говорит, что рекомендует ребенку «пользоваться словарем и учить новые слова» на обоих языках, так как чувствует, что языковая компетенция ребенка снижается (Karpava et al., 2025: 10, 13, 14). В отдельных интервью, взятых студентами Тартуского университета у своих сверстников, их собеседники также

заявляют, что общаются на русском языке только с родственниками и друзьями детства и не видят необходимости в дополнительной поддержке своего уровня владения русским языком. Так, молодые люди из русскоязычных семей, обучавшиеся в школах на эстонском языке, говорят, что используют русский язык в основном для переписки в мессенджерах и общения с родственниками, умеют, но не читают по-русски и не видят необходимости передавать русский язык своим детям. Исследователи отмечают, что в двуязычных русско-эстонских семьях преобладает прагматический подход, предполагающий, что семья поддерживает получение академических знаний детьми исключительно на эстонским языке (Karpava et al., 2025: 16).

2. На каком русском языке говорят русскоязычные молодые люди в Эстонии?

Русский язык относится к языкам с длительной историей кодификации: начавшееся в XVIII веке последовательное издание академических словарей и нормативных грамматик привело к тому, что современный литературный русский язык, зафиксированный в словарях, грамматиках и авторитетных текстах, ассоциируется со строгими нормативными установками, владение которыми считается необходимым для носителей литературного языка. Этот взгляд закреплен в том числе на уровне среднего образования, так как именно заданиям, связанным со знанием языковых норм на уровне грамматики, лексики и орфоэпии, уделяется значительное внимание во время обучения и при итоговой аттестации. Выпускники в России должны не только грамотно выражать свои мысли, но и обладать редакторскими навыками, позволяющими им находить, классифицировать и исправлять ошибки, допущенные при образовании форм слова и синтаксических конструкций. Как кажется, такое тотальное распространение кодифицированного варианта литературного языка должно приводить, в целом, к повышению грамотности. Однако некоторые правила предписывающей (прескриптивной) нормы не учитывают ряда тенденций современного языка, когда употребление в узусе конкретной языковой единицы выходит за пределы строго «школьного» правила (о прескриптивной и дескриптивной норме см. (Касевич, 2005)). Подобное происходит, например, с деепричастными оборотами, которые по определению должны лицензироваться только подлежащим в именительном падеже, однако в узусе распространены случаи, когда наличия экспериенцера в дательном падеже достаточно для употребления деепричастной конструкции (Добрушина, 2020: 15-16). Вместе с тем, как кажется, в обществе формируется представление о ценности нормативно регулируемой формы языка, когда замеченная ошибка может сделать человека объектом порицания.

В такой ситуации повышенного внимания к изучению ошибок и представления о единственно верном варианте речевой реализации той или иной конструкции возникают трудности с определением статуса говорящих на русском языке, чьи языковые компетенции сформировались не до конца, или за пределами образовательной системы метрополии, или в полилингвальном языковом окружении. Для определения групп с разным уровнем владения языком используются понятия «стандартно говорящие» и «нестандартно говорящие», «носители» и «не-носители» языка и другие, которые описывают языковую ситуацию в разных странах и регионах (Мустайоки, Протасова, 2004; Мустайоки, 2011).

Распространение русского языка за пределами России в XX веке и новейшей истории было связано с несколькими волнами эмиграции, распадом Советского Союза, а также миграционными потоками новейшего времени. Существуют исследования, которые показывают, что каждая волна эмиграции имеет свой обобщенный языковой облик, начиная от первой, послереволюционной

волны, когда за рубежом оказывались принципиально двуязычные люди, до современной ситуации, когда даже не в полной мере усвоенный язык принимающей страны является основным ключом для встраивания в жизнь социума (Земская, 2004: 22, 26–27). С другой стороны, выделятся общие изменения в языке эмигрантов первого поколения, которые позволяют судить о «неустойчивых», развивающихся участках языка в целом (Гловинская, 2004: 15-17).

Люди, в той или иной степени владеющие языком, традиционно подразделяются на носителей и неносителей языка. Однако граница между этими группами не может быть строгой (Мустайоки, Протасова, 2004: 6-7). Среди носителей языка представлены люди стандартно говорящие, владеющие кодифицированным вариантом языка и всеми его функциональными разновидностями, а также иные носители языка, не владеющие литературным языком в полной мере в силу возрастных, социальных или территориальных обстоятельств. В частности, нестандартно говорящими признаются и дети, еще не полностью усвоившие систему языка, и взрослые, эмигрировавшие в другие страны, и люди, постоянно живущие за рубежом, но находящиеся в русскоязычной среде. К «неносителям» принято относить людей, изучающих язык как иностранный, и эритажных носителей языка, людей усвоивших и использующих язык в пределах семьи (Мустайоки, 2011: 11-13). Понятно, что четкой границы между эритажными говорящими и нестандартно говорящими носителями, проживающими за пределами страны основного языка, быть не может. Однако, если обращаться к нашему материалу, заметна некоторая разница между речевой продукцией подростков, получающих образование частично на русском языке, и подростков, которые говорят на русском языке только дома, а учатся исключительно в эстонской языковой среде.

В задачи нашего исследования не входит намерение дифференцировать или уточнить эти понятия. Мы задаемся вопросом, какие общие механизмы используют пишущие на русском языке дети, чтобы построить письменные высказывания. С этой целью будут рассмотрены тексты, созданные как учениками так называемых «русских» школ в Эстонии, так и подростков, которые проходят обучение на эстонском языке, а русский, свой домашний язык, выбрали для изучения в качестве второго иностранного языка в школе. Также, в сопоставительном ключе, привлекается речевая продукция русско-немецкого подростка-билингва.

Вопрос, который, как кажется, стоит перед исследователем подобного материала, заключаются в том, чтобы выяснить, насколько понятие языкового стандарта и нормы применимо к речи билингвов и эритажных говорящих. Несмотря на то что для носителей русского языка, в том числе и за пределами России, соблюдение норм литературного языка является приоритетным, вопрос о том, насколько строгие предписывающие нормы являются обязательным ориентиром для говорящих на русском языке в ситуации иного языкового окружения или раннего билингвизма, не имеет однозначного ответа, а порой является травмирующим. Так, эмигранты из России часто жалуются на то, что их язык «портится», а также подвергаются осуждению со стороны других носителей русского языка. Вместе с тем, язык в полилингвальном мире и в окружении других языков подвергается системным изменениям; язык диаспоры складывается под влиянием ряда тенденций, лишь часть из которых связана с региональными особенностями и языком окружения. Мы постараемся показать это на примере текстов, созданных на русском языке подростками в Эстонии.

3. Материал исследования

Итак, в статье проанализированы две группы текстов: первые созданы подростками, получающими образование на эстонском языке (группа 1), вторые — детьми, которые учатся также на эстонском, но с частичным изучением предметов на русском языке (группа 2, речь идет об информантах, которые начали учиться до перехода на новую схему распределения языковых часов или перешли на нее только в сентябре 2025 г.). Все это дети среднего и старшего школьного возраста. Все информанты и их представители дали информированное согласие на участие в исследовании.

В нашем исследовании представлены результаты эмпирических наблюдений и данные, полученные методом сплошной выборки из текстов, написанных эстонскими школьниками. При этом цели, с которыми были написаны эти тексты, а также их темы и объем различаются. Большинство из них создавались с учебными целями — анализируются эссе и сочинения, написанные по заданию учителей русского языка. С этим связан высокий уровень самоконтроля пишущих, однако интересующие нас явления наблюдаются даже в таких текстах. Группа 1 малочисленна: в ней проанализированы тексты 5 информантов, написанные ими в течение 2 учебных лет. Группа 2 представлена существенно большим количеством текстов: это 45 эссе и сочинений, написанных учащимися 6 и 9 классов города Тарту, а также тексты разного объема, описывающие внешность человека, которые школьники писали по фотографиям в рамках анкетирования (эти тексты создавались в Google-формах). Количественный анализ данных не проводится в первую очередь из-за несбалансированности корпуса и несовпадения объема текстов группы 1 и группы 2. Из названных текстов были отобраны наиболее яркие примеры употребления падежных форм, атрибутивных сочетаний и отдельных конструкций.

4. Предложно-падежные формы

В первой группе текстов самыми заметными оказываются явления, связанные с предложно-падежными формами. И русский, и эстонский языки обладают сложными падежными системами, однако для русского языка характерна избыточность падежного маркирования (окончания существительных, полных прилагательных и предлоги), тогда как в эстонском языке в роли падежного показателя выступает чаще всего падежная флексия (роль предлогов и послелогов в эстонском языке существенно отличается от роли предлогов в русском) (Кюльмоя et al., 2003: 52-55). Среди самых распространенных и ожидаемых нарушений оказываются пропуск предлога и отсутствие падежного окончания у полного прилагательного, а также несогласованная атрибутивная конструкция (4):

(1) Я учусь **8 классе**.
(2) **Таллинне** транспорт бесплатный.
(3) Он учился **Таллинна** французском лицее.
(4) Он был **моим прошлый одноклассник**.

Вместе с тем состояние падежной системы у информантов первой группы сохранное: они свободно используют падежные формы существительных и прилагательных (*после школы, отмечаем Пасху, у меня нет домашних животных, много хороших воспоминаний, работает программистом*). Респонденты группы 2 также допускают ошибки в области падежных форм:

(5) Учебник нужен **для подготвлению** (Дат. вм. Род.) к контрольной.

(6) … я наелся **салатам** (орфографическая ошибка или смешение числовых и падежных форм).

(7) Позже я **в вечером** сел готовиться к контрольной по русскому.

В примере (7) представлен случай гиперкоррекции: автор использует предлог перед адвербиализованной формой творительного падежа, таким образом в высказывании происходит смешение двух временных конструкций (В+ВИН. и ТВ.).

Кроме того, обе группы текстов содержат общий набор ошибок в образовании форм существительных и прилагательных:

(8) Я провожу **в дине** в интернете около **1,5 часа** (группа 1).

(9) **В деревене** я хорошо отдохнул (группа 2).

(10) **По приезду** домой я наелся салатам (группа 1).

(11) **День рождение** Эстонии; ее **день рождение**, когда у него **др началось** (1 и 2).

В большинстве приведенных выше примеров речь идет именно об ошибках формообразования и согласования в прямом смысле: авторы неверно выбирают/образуют падежную форму, однако нельзя не отметить, что примеры (10) и (11) находятся в зоне вариативности и регулярно фиксируются в речи носителей языка метрополии (квалифицируются как просторечие). В устной форме современного русского языка словосочетание «день рождение» функционирует как своеобразное существительное среднего рода, а в речи наших информантов не встретилось других вариантов оформления этого словосочетания.

Для сравнения посмотрим на ошибки в употреблении падежей в письменной речи русско-немецкого билингва:

(12) Одного **оборотнём** поймали, все **обортнёмы** станут опять нормальными людьми.

(13) **У фееях** есть блестящий порошок.

(14) Земля покрыта все диким лесом, **озерам** и **рекам**.

(15) В это время отправлялся поезд с разн**оми** животн**оми** в зоопарк в Европу.

(16) Я **выбрала мужчина**, который выглядит как кошка.

Здесь мы наблюдаем более разнообразный репертуар колебаний: в примерах (12)–(13) информант подбирает окончания, не зная типа склонения, в примерах (14)–(15) присутствуют намек на унификацию падежных окончаний во множественном числе, в примере (16) использована «нулевая» (номинативная) форма. Наблюдается высокая вариативность при выборе флексий: автор самостоятельно реконструирует именную парадигму и заполняет лакуны, если не знает, как именно склоняется слово.

В целом, в текстах нашего информанта, являющегося русско-немецким билингвом, несмотря на высокий уровень владения домашним (русским) языком, обнаруживается смешение падежей:

(17) Недалеко **от горах** открыли новый музей; Мебель была еще из тех **временах**; В нутри **домах** можно было про их историю и **жителях** прочитать.

Так, в примере (17) представлены случаи замены родительного и винительного падежа на предложный падеж в формах множественного числа, и только в последнем случае это можно объяснить смешением форм при предлогах *про/о*.

Описывая ранние этапы усвоения речи русско-немецкого двуязычного ребенка, Н. В. Гагарина отмечает, что система словоизменительных форм русского глагола усваивается двуязычным ребенком несколько позже, чем одноязычным, однако успевает закрепиться в употреблении в течение дошкольного периода и подвергается аттриции в меньшей степени, чем система форм существительных. Последние усваиваются дольше и не успевают стабилизироваться до начала воздействия немецкой падежной системы (Gagarina, 2011: 155-156). У нашего двуязычного русско-немецкого взрослого информанта (период наблюдения с 14 до 18 лет) также основные грамматические ошибки связаны именными флексиями: при высоком уровне владения русским языком наиболее часто нестандартные формы встречаются в окончаниях существительных и (особенно) полных прилагательных. На этом фоне видна сохранность падежной системы в текстах эстонско-русских билингвов-подростков, в том числе тех, кто получает образование на эстонском языке.

Значительная часть падежных нарушений, которая фиксируется в текстах детей группы 2, совпадает с теми, которые наблюдаются в письменной и устной речи стандартных носителей русского языка, например: *по окончанию выходных, по приезду домой, через время, после яблок* (имеется в виду процесс чистки яблок), то есть связаны с вариативностью, которая существует в узусе, а не с языковым окружением и ограниченной сферой употребления русского языка эстонскими школьниками. Подобные выводы сделаны в статье (Мальцева-Замковая, Моисеенко, 2014: 289), где проанализированы основные типы ошибок выпускников эстонских школ с русским языком обучения в области глагольного и именного управления. Большую часть этих ошибок авторы связывают с грамматическими процессами в современном русском языке и лишь некоторые некорректные формы соотносят с влиянием эстонского языка (Там же: 293–294).

Вместе с тем, и группа 1, и группа 2 демонстрируют высокую степень сохранности падежной системы, что, как считается, поддерживается сложной системой падежного маркирования в языке окружения (эстонском). Подобные наблюдения сделаны для русского языка в ситуации русско-финского билингвизма Е. А. Власовой: «…недоосвоение морфосинтаксиса проявляется в широкой вариативности корректных и аномальных форм, имеющих характер спонтанных сбоев речевого автоматизма», а «экспансия начальной формы, свидетельствующая о развитии аналитизма, наблюдается довольно редко» (Власова, 2020: 390).

5. Атрибутивные сочетания

В настоящем исследовании не рассматриваются собственно лексические заимствования из эстонского языка в языке русскоязычных жителей Эстонии. Конечно, они фиксируются в речи наших информантов, хотя дети в школьных работах стараются избегать прямых вкраплений, зная, что таковы требования преподавателя. Это видно по исправлениям, когда дети пытаются написать по-русски названия эстонских учреждений и магазинов:

(18) В заключении наверное хочу сказать, что я была бы очень рада, если всё же смогу поступить в Таллиннскую **сисекаитсе «sisekaik[t]se akadeemia»** [Академия внутренней безопасности].

Заимствования разных типов описаны в работах Е. И. Костанди (Костанди, 2017), см., также обзор (Protassova, Yelenevskaya, 2021: 196–200). Функциональные виды вкраплений проанализированы в докторской диссертации А. Деци (Деци, 2025). Вместе с тем, нас интересует другое, также хорошо исследованное в речи носителей русского языка в Эстонии, явление, а именно атрибутивные сочетания. Дело не только в калькировании ряда эстонских словосочетаний, обладающих сходной атрибутивной структурой, сколько в своеобразном «конструировании» нужных понятий и избегании идиоматизации. Наши примеры: *музей по археологии; дом для отдыха (группа 1); посмотреть страшные фильмы; жареные яйца; коричневые волосы (группа 2); судебное дело* — представляют собой разные виды изменения сочетаемости, но при этом встречаются в текстах всех групп информантов.

(19) … мы ходили в поход в лес и в **музей по археологии** (группа 1);
(20) Мы точно поедим в **дом для отдыха** (группа 1);
(21) …позвать подругу на ночёвку и посмотреть **страшные фильмы** (группа 2)
(22) …приготовил себе **жареные яйца** (группа 2)
(23) У меня короткие волосы … и **коричневые волосы** (группа 2)
(24) Девочка Агата смотрит **судебное дело.**

Сочетания типа *коричневые волосы* иллюстрируют стратегию выбора определения с максимально общим значением и широкой сочетаемостью вместо узко закрепленного за этим словосочетанием наименования цвета волос (*каштановый*), которого, кажется, нет в узусе наших информантов. В пограничной зоне находится словосочетание *жареные яйца*, которое конкурируют с *яичницей* в речи всех носителей русского языка. Словосочетания *музей по археологии* и *дом для отдыха* иллюстрируют, как кажется, положение о том, что эритажные говорящие в речи конструируют композициональные словосочетания и предпочитают их использованию фразеологизированных единиц (*музей археологии* и *дом отдыха* в данных примерах, атрибутивные обороты с несогласованным определением). Такого типа конструкции описаны в работе (Выренкова et al., 2014: 7–8) специальным термином *не-кальки*, который подразумевает, что эритажные носители используют приемы толкования и обобщенные модели для создания высказывания. Таким образом, в речи нестандартных носителей языка возникают явления, которых нет ни в русском, ни в эстонском языке.

Однако замену беспредложных некомпозициональных сочетаний на описательные сочетания с предлогом нельзя однозначно связать именно со стратегиями эритажных говорящих. Рост употребительности конструкций с предлогами вместо беспредложных атрибутивных конструкций фиксируется исследователями в русском языке с конца XX века. Примеры: *изменение расписания → изменения в расписании, ссора соседей → ссора между соседями, подарок сестре → подарок для сестры, ему свойственно → для него свойственно* — приведены в работах Е. А Земской; в них же отмечена активность предлога *по*, обозначающего сферу деятельности: *позиция **по** Чечне, план по трубам, конференция **по** Кавказу* (Земская, 2001).

Описательное словосочетание «страшные фильмы» заменяет однозначное выражение (фактически, термин, обозначающий жанр) с несогласованным определением «фильмы ужасов». Это

также иллюстрирует применение стратегии толкования, когда вместо некомпозиционального сочетания эритажные говорящие используют лексемы со свободной сочетаемостью. В случае с примером (24) информант (русско-немецкий билингв) сам объясняет, что выбрал выражение «судебное дело» вместо «процесс», потому что последнее кажется ему иноязычным вкраплением; он конструирует новое выражение, пытаясь «перевести» исходное слово на русский язык. Для этого же информанта характерен выбор определений с максимально обобщенным значением, что может приводить к нарушению сочетаемости:

(25) … у меня на следующие недели **экзамены большие**.

Рассмотренные атрибутивные сочетания показывают, что носители русского языка в Эстонии, которые учатся как частично на русском, так и полностью на эстонском языке, выбирают сходные стратегии конструирования словосочетаний. Эти тенденции, как будет показано в следующем разделе, еще более ярко проявляются при анализе конструкций из нескольких компонентов. Вместе с тем, уже на этом этапе исследования становится очевидно, что для большинства примеров возможна как минимум двойная интерпретация и часть «ошибок» пересекается со случаями вариативности, которые фиксируются в речи стандартно говорящих носителей русского языка.

Трудности в области грамматики и сочетаемости, которые испытывают эритажные говорящие, не являются уникальными. В зоне языковой вариативности оказываются явления, которые вызывают затруднения и у стандартных носителей русского языка, и у тех, кто осваивает русский язык как иностранный. Основные проблемные зоны в русской грамматике для носителей других языков — это приглагольное падежное управление имени, аспектуальность (категория вида, способ глагольного действия и кратность) и залог (преимущественно возвратность и переходность) (Ахапкина, 2011: 308). В противоположность им, наши испытуемые чаще с демонстрируют проблемы в области именного формообразования.

6. Примеры конструирования выражений

В следующем разделе речь пойдет о появлении в текстах наших информантов конструкций, отсутствующих как в русском, так и в эстонском языках. Под конструкциями мы понимаем разной степени устойчивости воспроизводимые сочетания слов, обладающие как связностью на грамматическом уровне, так и некомпозициональной семантикой; общее значение этих сочетаний не выводится из суммы значений отдельных компонентов (Рахилина 2010: 19). Вместе с тем, мы будем учитывать точку зрения, изложенную в (Выренкова et al., 2014: 16–17), что эритажные говорящие стремятся избегать некомпозициональных сочетаний и конструируют «новые» словосочетания в процессе речи, создавая таким образом оригинальные выражения, не вполне соответствующие стандартному языку. Обнаруженные в нашем материале примеры будут рассмотрены последовательно.

(26) Если все это сбудется, то я буду **спокоен со своей прожитой жизнью** (группа 2).

Пример является контаминацией прямого перевода эстонской конструкции *Ma olen rahul minu eluga* «*Я доволен своей жизнью*» и прилагательного *rahulik* «*спокойный*». В пользу влияния эстонского языка

говорит также неконвенциональное использование творительного падежа. Говорить о прямом калькировании в данном случае нельзя, однако зависимость от эстонского языка прослеживается.

Вместе с тем, в русском языке есть выражения *я доволен своей жизнью / я спокоен за свою жизнь*, которые также создают основу для смешения предлогов и падежных форм, в целом обладая сходным значением. Эритажные говорящие избегают прямого калькирования и выбирают стратегию «изобретения» конструкций, отсутствующих в обоих языках.

(27) …учителя сразу практический возможно узнать, они педанты, требовательные и иногда **предвзято относятся с высокими своими полётами**, иногда заносятся.

Влиянием русского языка можно объяснить контаминацию конструкций «*с* [высоты] *птичьего полета*» (вариант: *с птичьего полета*) и «*птица … полета*».

Согласно Национальному корпусу русского языка (www.ruscorpora.ru), атрибутивное слово может быть переменным, но наиболее частотным является именно «высокого». Другие представленные варианты: *невысокого/ другого/ иного/ свободного / орлиного/ высочайшего большого*. Параллельно в эстонском языке существует прилагательное kõrgelennuline (высокопарный, напыщенный, возвышенный) — буквально «высокополетный», а глагол *suhtuma* (относиться) управляет комитативом (kaasaütlev).

Таким образом, ни одна из рассмотренных выше конструкций в русском или в эстонском языке не является непосредственным источником для выражения «*относиться … с высокими своими полетами*», которое подросток конструирует с целью передать значение «*превосходство*» и, формально, «*более высокое социальное положение*» [учителя]. Для обозначения характеристики автор выбирает предложно-падежную форму «С+ТВ.», что допустимо в русском языке, однако не соотносится ни с одним из исходных выражений. Таким образом, выражение конструируется в процессе речепорождения, а не является результатом калькирования.

(28) У меня никогда не было домашних животных но у бабушки были **попигай** рыбы. ~~его звали гриша. у бабушка~~ они были **красные с длинным пушистым хвостом**, и одна золотая рыбка (группа 1).

Приводя этот пример, мы специально показываем не только окончательный вариант предложения, но и те фрагменты, которые подверглись авторедактированию (эти слова зачеркнуты, как и в оригинальном тексте). Сначала ребенок хотел рассказать о попугае, но отказался от этой идеи, кажется, опасаясь интерференции (ср.: эст. PAPAGOI). Это не единственный случай в нашем материале, когда дети меняют текст, чтобы избежать случайного калькирования (в учебной ситуации это может считаться недочетом работы). Поэтому автор рассказывает об аквариумных рыбках, очевидно вуалехвостах, но, не зная этого слова, создает описательное сочетание с творительным падежом в определительном значении. При этом происходит расширение значения прилагательного *пушистый* со словарного «*покрытый пухом*» или «*мягкий, как пух*» до «*пышный, очень широкий, с обилием складок, сборок, зажимов*» (значения даны по Большому толковому словарю русского языка (БТС)), то есть признак характеризует не столько фактуру, сколько объем. Такое употребление допустимо с современном русском языке, но, кажется, применительно к кустам и деревьям («с легкой пышной зеленью, пуши-

стая елка, куст»). Благодаря правке, мы видим, как автор текста конструирует высказывание с необычной сочетаемостью.

(29) Я **добрая вокруг людей**, которые мне нравятся, но дружелюбная я со всеми (группа 1).

Как кажется, возможно влияние эстонского языка, однако можно предположить расширительное употребление предлога *вокруг*. В русском языке предлог ВОКРУГ связан с идеей направленного движения (*обойти вокруг здания*) либо местоположения (*сесть вокруг стола*). Также словари отмечают значение «*по поводу кого-то, чего-то, спор разгорелся вокруг политики*». Наш информант распространяет употребление предлога на контекст со значением «*по отношению к + одушевленное существительное*».

Трудности в интерпретации конструкций, рассмотренных нами в этой главе, связаны с несколькими причинами. Во-первых, большинство примеров представляют собой единичные случаи. Представленный в статье языковой материал является на данном этапе коллекцией примеров, а не репрезентативной выборкой.

Изменения, которые наблюдаются в рассматриваемых конструкциях, могут не иметь однозначного объяснения: это может быть как влияние языка окружения, так и распространение общих тенденций, действующих в современном русском языке (в этом случае отличие от стандартного языка может быть количественным, тенденции могут быть более выражены в языке эритажных говорящих). Кроме того, нельзя исключать заимствования конструкций в готовом виде из инпута, русской речи окружающих людей.

Согласно анализу материалов Корпуса русских учебных текстов (Пужаева et al., 2015), большинство ошибок в области конструкций, которые допускают студенты-носители русского языка, можно связать с контаминацией двух конструкций: это или смешение выражений, близких по значению, или смешение устойчивых выражений, имеющих общую единицу (Пужаева at al., 2015: 396). Два других типа ошибок: контаминация прямого и переносного значения и замена компонента устойчивой конструкции нерелевантным элементом — встречаются значительно реже (Пужаева at al., 2015: 395). Мы видим, что и наши примеры (26-27) представляют собой контаминацию близких по составу и значению оборотов. Однако в речи эритажных говорящих дополнительное влияние оказывает фактор (доминирующего) языка окружения, а также стратегия конструирования некомпозициональных сочетаний, которую склонны применять наши информанты.

7. Некоторые выводы

В исследованиях язык билингвов и эритажных говорящих может представать в виде набора отдельных характерных черт, часто представляемых как ошибочные по сравнению с языком стандартных говорящих. Вместе с тем, вопрос о языковом статусе людей, говорящих на (домашнем) языке в условиях иноязычного окружения, остается открытым. При исследовании даже отдельных явлений в зоне языковых контактов можно заключить, что эритажный язык обладает неким общим набором черт (вариативность падежной системы, лексические и функциональные ограничения, не-кальки).

Однако если мы рассматриваем язык эритажных говорящих в сопоставлении со стандартным языком, то уместным кажется разместить на одной шкале и стандартный кодифицированный язык, и узус стандартно говорящих носителей языка (в том числе монолингвальных), и узус эритажных но-

сителей русского языка. При таком подходе появится возможность учесть не только контактные явления и ошибки, но и основные тенденции, связанные с изменениями в современном русском языке.

Анализ нашего материала показывает, что русский язык подростков в Эстонии отражает процессы и тенденции, характерные для русского языка в целом. Вариативность в их письменной речи связана в значительной степени с предложно-падежной системой русского языка, однако в текстах сохраняется разнообразие падежного маркирования. Дети творчески подходят к процессу порождения текста, конструируя выражения, которых нет ни в русском, ни в эстонском языках. В целом, не выявлено принципиальных различий между текстами первой и второй групп: дети используют стратегии, характерные для эритажных говорящих. Однако при увеличение объема рассматриваемого материала можно ожидать появления количественных различий между текстами разных групп.

Литература

Gagarina N. V. (2011). Acquisition and loss of L1 in a Russian-German biligual child: a case study. В С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (ed.), *Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей* (pp. 137-163). Языки славянских культур.

Karpava S., Ringblom N., Zabrodskaja A. (2025). Translanguaging as a Dynamic Strategy for Heritage Language Transmission. *Languages, 10(2),* 19, 1-21.

Protassova E., Yelenevskaya M. (2021). Stable or Variable Russian? Standardisation versus Pluricentrism. In Christian Noack (ed.), *Politics of Russian Language Beyond Russia* (pp. 187-214). Edinbugh University Press.

Ахапкина Я. Э. (2011). Особенности грамматики письменной речи взрослого инофона с высоким уровнем владения русским языком. В С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева (ed.), *Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей* (pp. 307-318). Языки славянских культур.

Власова Е. А. (2020). Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ. *Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16.2,* 366-396.

Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. (2014). Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык. *Вопросы языкознания, 3,* 3-19.

Гловинская М. Я. (2004). Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции. *Slavica Helsingiensia, 24*, 13-20.

Деци А. (2025). Функции иноязычных вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: сопоставительный аспект. *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis 53*. University of Tartu Press.

Добрушина Е. Р. (2020). Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология, 63,* 9-18.

Земская Е. А. (2001). Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. https://gramota.ru/journal/stati/nauka/aktivnye-protsessy-v-russkom-yazyke-poslednego-desyatiletiya-khkh-veka?ysclid=mge1ayvm1p511985213

Земская Е. А. (2004). Специфика речи русской диаспоры на рубеже XX-XXI века. *Slavica Helsingiensia, 24*, 21-27.

Касевич В. Б. (2005). Еще о языковой норме. *Язык и речевая деятельность. Факультет филологии и искусств СПбГУ, 8*, 9-24.

Костанди Е. И. (2017). Типовой дискурс диаспоры: Русский язык в Эстонии. *Псковский региональный журнал, 2*(30), 38-50.

Кюльмоя И., Вайгла Э., Солль М. (2003). *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Tartu Ülikooli Kirjastus.

Мальцева-Замковая Н. В. и Моисеенко И. М. (2014). Особенности глагольного и именного управления в письменных текстах русских гимназистов Эстонии. *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи,* 285-296.

Мустайоки А. (2011). Почему общение на *лингва франка* удается так хорошо? В Н. Б. Вахтин (ed.), *Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации: сб. статей* (сс. 10-31). Изд-во Европейского университета.

Мустайоки А. и Протасова Е. (2004). Быть русским и говорить по-русски. *Slavica Helsingiensia, 24*, 5-12.

Пужаева С. Ю., Зевахина Н. А. и Джакупова С. С. (2015). Контаминация конструкций в речи нестандартных русскоговорящих на материале корпуса русских учебных текстов. В В. П. Захаров (ed), *Труды Международной научной конференции «Корпусная лингвистика–2015»* (pp. 390-397). Издательство СПбГУ.

Рахилина Е. В. (отв. ред.) (2010). *Лингвистика конструкций*. «Азбуковник».

K TEMATIZÁCII CUDZINY V SLOVENSKEJ PONOVEMBROVEJ PRÓZE[1]

Marta Součková
Prešovská univerzita v Prešove

1. Úvodom

Slovenská literatúra pred rokom 1989 bola prevažne rurálna, ak sa v nej aj objavil topos malo- či veľkomesta (predovšetkým v medzivojnovom období), nadobúdal prevažne negatívne konotácie (napríklad v naturizme). Ponovembroví autori, iste i vďaka zmeneným spoločenským podmienkam (otvorenosti hraníc, globalizácii, urbánnemu a komunitnému rozvoju, migrácii atď.), stvárňujú vo svojich prózach cudzinu i domov, dedinu a mesto, Európu aj iné kontinenty, a to zväčša bez jednoznačnej hodnotovej stratifikácie. Podobne ako v medzivojnovej literatúre sa i v ponovembrovom umení roztvárajú, metaforicky povedané, okná do celého sveta[2] – pribúdajú texty tematizujúce cudzinu, a to nielen prostredníctvom zahraničných metropol (v dielach Ivany Dobrakovovej, Michaely Rosovej, Zusky Kepplovej, Márie Modrovich, Petra Macsovszkého a i.), iného kontinentu (pars pro toto Afrika v textoch Mareka Vadasa), ale tiež špecifických pohraničných oblastí (napríklad v tvorbe Maroša Krajňaka či Aleny Sabuchovej). Na rozdiel od medzivojnových textov sa však protagonisti ponovembrových diel stávajú súčasťou multikultúrnej, pluralitnej spoločnosti, v ktorej vedľa seba koexistujú Slováci, Maďari, Angličania, Fíni a iné národnosti (ako v debute Zusky Kepplovej *Buchty švabachom* z roku 2011), pohybujú sa v cudzom prostredí často slobodnejšie ako doma (napríklad v románe Petra Macsovszkého *Mykať kostlivcami* z roku 2010, tematizujúcom život protagonistu v Amsterdame), prežívajú netradičné vzťahy v ďalekom veľkomeste (Rosovej novela *Dandy* z roku 2011) atď. Priestor cudziny teda prestáva byť exotický a excentrický či zosilňujúci sociálne kontrasty ako v niektorých medzivojnových prózach, zahraničie sa neraz stáva súčasťou každodenného bytia postáv.

2. K tzv. Expatovskej próze

V dnešnom globalizovanom svete viacerí autori nadobúdajú vlastnú skúsenosť či už so štúdiom v cudzine, alebo presťahovaním sa do inej krajiny a žitím v nej. Postavy ich textov sa však nie vždy dokážu «ukotviť», adaptovať v novom prostredí, v ktorom neraz trpia pocitmi neprijatia, až frustrácie. V tzv. expatovskej próze (Zuska Kepplová, Svetlana Žuchová, Ivana Dobrakovová, čiastočne tiež Michaela Rosová a i.) sa domov

> tematizuje prevažne na pozadí dlhodobého pobytu v cudzine a z toho vyplývajúcich pocitov izolácie a sociálneho vylúčenia. <...> Časopriestor cesty a pobytu v cudzine a s tým súvisiaci problém sebaporozumenia subjektu

[1] Táto štúdia vznikla ako súčasť riešenia grantovej úlohy: VEGA (1/0666/22) *Slovenská literárna kultúra po roku 1989 (slovník pojmov, subjektov a inštitúcií)*, ako aj VEGA (2/0127/23) *Slovenská literatúra v medziliterárnych a transkultúrnych súvislostiach*.

[2] Odkazujem tu na zbierku významného slovenského medzivojnového a povojnového básnika a publicistu Ladislava Novomeského *Otvorené okná* z roku 1935.

> je charakteristický najmä pre okruh autoriek z generácie ‚Husákových detí'[3], teda generácie narodenej v sedemdesiatych a osemdesiatych rokoch 20. storočia, ktorá pracuje aj s (n)ostalgiou ako istým nástrojom hľadania kultúrnej identity v postsocialistickom priestore (Passia a Taranenková, 2014: 59-60).

Napríklad Zuska Kepplová[4] vo svojom debute *Buchty švabachom* (2011) zobrazuje skúsenosť mladej generácie, oscilujúcej medzi domovom a cudzinou, ocitajúcej sa v zahraničných metropolách (Londýn, Helsinki, Budapešť a i.), a to nie vždy vo vyhovujúcich podmienkach. Postavy na jednej strane nostalgicky spomínajú na domov, na strane druhej sa usilujú presadiť a usídliť v cudzine. Ocitajú sa však v bludnom kruhu – nedokážu sa asimilovať, ale ani vrátiť späť, nenachádzajú vnútornú rovnováhu ani v inom štáte,

> ich pozícia zostáva nestabilná, je blízka stavu neurčenia a pozastavenia, ktorý má v texte dominantné postavenie. Je to stav existencie medzi domácou kultúrou, ktorá je redukovaná na obmedzený počet jednoduchých banálnych symbolov (Horalky, plzeňské pivo, piesne Daniela Landu a i.), a cudzou kultúrou, v ktorej sa zakorenenie postáv zdá byť nerealizovateľné (Majerek, 2018: 268).

Autorka prepája komplikovanú skúsenosť mladých ľudí s migráciou s rovnako zložitými osobnými vzťahmi (sujetový trojuholník s aj lesbickým vzťahom v druhej časti debutu, symbolicky nazvanej *Trianon – Delta*). Postavy «sú situované do rôznych sociálnych okolnosti, no zároveň obdobných podmienok práce a bývania, ktorý skúsenosť nomádov dvadsiatnikov v konečnom dôsledku podmieňuje viac než abstraktný ideál života v zahraničnej metropole» (Makara, 2024: 411). Kepplová ich zachycuje v neľahkých existenčných a existenciálnych situáciách, vyrovnávajúce sa so samotou či osamením, hľadajúce (a nenachádza-júce) svoje miesto, ale tiež vlastnú identitu a integritu.

Ivana Dobrakovová[5] podobne ako Zuska Kepplová konkretizuje cudzinu už od svojho debutu *Prvá smrť v rodine* (2009), predovšetkým však od druhej knihy, románu *Bellevue* (2010), v ktorom tematizuje postavy a priestor, aké sa v slovenskej próze vyskytujú iba ojedinele. Ide o ústav pre telesne postihnutých na juhu Francúzska a rezidentov, neschopných hýbať sa, v niektorých prípadoch aj hovoriť. Autorka až s naturalistickou otvorenosťou konkretizuje telesné a psychické anomálie tela v priamej narácii protagonistky Blanky. Tá sa rozhodne pracovať ako dobrovoľníčka v Bellevue, no hoci v motivačnom liste píše o svojej túžbe pomáhať vozičkárom, čo odôvodňuje otcovým ochorením, nedokáže si k nim vytvoriť pozitívny vzťah. Naopak, desia ju deformované končatiny, nedokáže sa dívať na odhalené telá, predovšetkým na ich intímne časti:

> Cítila som sa strašne, doslova paralyzovaná hrôzou a nemohúcnosťou, <...> no najťažší bol pre mňa pohľad na tie husté kučeravé chĺpky v rozkroku, nutnosť priznať, že jej pohlavie vyzerá presne tak isto ako pohlavie ktorejkoľvek inej ženy, že napriek škrekom a kŕčom je to stále žena s vagínou medzi nohami. Nevedela som sa ubrániť hnusu, ktorý vo mne vyvolávala, ale pritom som cítila aj akúsi spriaznenosť, blízkosť, neodbytný pocit, že taká som mohla byť aj ja, keby náhoda, či osud (Dobrakovová, 2010: 25-26).

---

[3] Ide o generáciu detí, ktoré sa narodili najmä v normalizačných 70. rokoch 20. storočia v bývalom Československu, kedy bol prezidentom Gustáv Husák.

[4] Zuska Kepplová (1982) je slovenská publicistka a prozaička: po debute *Buchty švabachom* z r. 2011 nasledovala zbierka dvoch noviel *57 km od Taškentu* (2013) a próza zložená z troch častí, *Reflux* (2015).

[5] Ivana Dobrakovová (1982) je slovenská prozaička a prekladateľka z taliančiny a francúzštiny (Elena Ferrante, Emmanuel Carrère, Silvia Avallone a i.). V súčasnosti žije v Turíne, ktorý stvárňuje napríklad v románe *Pod slnkom Turína* v r. 2022. Okrem beletrie (pars pro toto debutovej zbierky poviedok *Prvá smrť v rodine* v r. 2009 a nateraz ostatnej prózy *Iné myšlienky* v r. 2025) vydala tiež knihu o písaní človeka s OCD *A čo sa vám stalo?* (2024).

Blanku odpudzuje cudzia telesnosť, no zároveň nedokáže akceptovať ani svoje vlastné telo; pričom práve stret s vozičkármi je «spúšťačom katastrofy. Vedie Blanku do vojny so sebou samou. Prenáša sa do duševnej sféry, k halucinatórnym hlasom, atakom, najprv smerujúcim do vlastného vnútra a potom prepukajúcim von» (Zajac, 2016: 254). Psychická choroba zmení Blanku na «handrovú bábiku» (Dobrakovová, 2010: 172), protagonistka skončí paralyzovaná, neschopná jesť, hýbať sa, teda zažíva identické situácie, v ktorých predtým pozorovala vozičkárov. Aj keď priestor (cudziny/ústavu) v románe *Bellevue* nedeterminuje konanie postavy natoľko, ako ho určuje jej choroba, miestami nadobúda symbolický význam (kumulovanej Blankinej nenávisti). Samotná lokalizácia ústavu «na kopci nad mestom» (Dobrakovová, 2010: 10) okrem (ironicky vyznievajúcej) «vyhliadky» (franc. bellevue) umožňuje oddeliť rezidentov od obyvateľov Marseille a park okolo budovy je tak len predstieraným rajom. Cez bránu do Bellevue Blanka «prechádza zo sveta zdravých do sveta telesne postihnutých a nakoniec z dôverne známeho domáceho prostredia na Slovensku do francúzskej Marseille, cudzieho štátu, mesta aj inštitúcie» (Klapáková, 2012: 927-928). Prostredníctvom rozpadávajúceho sa jazyka a striedania rôznych naračných foriem autorka naznačuje zmätok postavy, gradáciu jej choroby. Na druhej strane, množstvo rečí (francúzština, angličtina, čeština) evokuje atmosféru prostredia podobne, ako bolo Blankinou motiváciou pre príchod do Bellevue «rozviazať si jazyk!» (Dobrakovová, 2010: 5), naučiť sa francúzštinu. V románe je tak viditeľný pohyb medzi normalitou, každodennosťou a nenormalitou, resp. inakosťou, prezentovaný rozprávačkou, ktorá sa presúva z jednej reality do inej – z domova do cudziny, zo skutočnosti do sveta bludov a halucinácií.

Druhá kniha Michaely Rosovej,[6] novela *Dandy* (2011), tematizuje (podobne ako Kepplovej debut) komplikovaný sujetový trojuholník medzi nepomenovanou rozprávačkou, Olem a Annabelle,[7] situovaný do európskeho veľkomesta (Berlína). Tento je však určovaný patologickým, deštruktívnym (sexuálnym) vzťahom postáv, ako aj excentrickou a extravagantnou povahou novodobého dandyho, zapadajúceho do pluralitného, multikultúrneho komplexu. Konkrétne ulice a miesta (Hakescher Markt, Treptower Park, Alexanderplatz a i.) posilňujú dojem autentického Berlína, no relevantnejšia ako urbánna špecifikácia je lokalizácia sujetu do veľkomesta, v ktorom môžu byť postavy anonymné. V takomto meste sa stratí Oleho cylinder takisto ako vystrihaná hlava Annabelle, tu sa možno ukryť pred cudzími pohľadmi do tmavého klubu alebo zostať nepovšimnutí, osamotení medzi neznámymi v parku. Hoci alternatívne miesta v Berlíne tvoria vhodné pozadie pre deštrukčný vzťah Oleho a nepomenovanej rozprávačky, obe postavy sa už predtým pohybovali vo «veľkom» svete (v Austrálii či Anglicku). Otvorený veľkomestský priestor sa však zužuje do interiérov, galérií, podchodov i skúšobných kabín; pozornosť narátorky sa presúva na vnútorný svet postáv, predovšetkým na ich vzťahy, ktoré odráža i priestor: naklonené domy, špinavé chodby, podzemie, gay klub, metro, park, toaleta a podobne. Exhibicionizmus Oleho, štylizovaného do dandyho, dokumentuje tiež fakt, že protagonista potrebuje verejný priestor na intímny akt – vzrušuje ho potenciálne pozorovanie publikom i tabuizované sexuálne hry. Cudzina však nie je spúšťačom nezvyčajného, až patologického vzťahu, podobne ako Ole nie je príčinou narátorkinej submisivity – obaja si svoju traumu nesú hlboko vo svojom vnútri. Postavy trpia rozličnými strachmi, prameniacimi ich v detstve, no súvisiacimi tiež s hľadaním ich miesta v globalizovanom svete, za hranicami domova. Rosovej novela je tak univerzálnou, tragickou výpoveďou o neschopnosti dnešného mladého človeka milovať:

[6] Michaela Rosová (1984) debutovala románom *Hlava nehlava* v r. 2009; najpozitívnejšie bola reflektovaná jej druhá kniha, novela *Dandy* (2011), výraznú odbornú reflexiu mala tiež jej novela *Vlastná izba* (2019). Rosová píše tiež recenzie, glosy a kritické články o literatúre.

[7] Milan Kendra uvažuje o reprezentácii superega (Annabelle), ega (rozprávačka) a id (Ole), t. j. o dopĺňaní sa postáv (pozri Kendra, 2013).

> Keď sa o štvrtej v noci podnapití vraciame z Madonny a on ma pritlačí ku stene s lakťom zapretým do môjho hrdla, premýšľam, či sa to naozaj bude dať v každej chvíli zastaviť. Či ma nezmrzačí, nezabije, keď tá sila v ňom je zrazu taká cudzia. <...> Znesieme viac, než sa domnievame. Žiadne hranice. <...> Berlín sa napája našou špinavou krvou. Len to jediné, čo robí každý, my robiť nemôžeme (Rosová, 2011: 46).

V tzv. expatovskej próze sa okrem postáv, odchádzajúcich zo Slovenska študovať alebo pracovať do cudziny, objavujú aj cudzinci z rôznych štátov, ktorí prichádzajú do zahraničnej metropoly z rôznych dôvodov. Napríklad novela Svetlany Žuchovej[8] *Yesim* (2006) «je príbehom rovnomennej protagonistky, tureckej prisťahovalkyne, ktorá sa spoločne s rodičmi a bratom udomácňuje vo Viedni» (Klapáková, 2024: 307). Autorka prostredníctvom poetického jazyka vypovedá (podobne ako Kepplová) o neľahkej asimilácii Yesim do iného prostredia, o jej neprijatí (napríklad priateľ ju odmietne predstaviť svojej rodine) či dokonca prepadnutí. Hoci Yesim je úspešnou speváčkou, «umelecké ambície dokáže dať bokom, pretože jej túžby sú veľmi krotké – chce nájsť domov, prežívať ho s niekým, starať sa o niekoho, mať rodinu, deti, prekonať tým samotu, pocit inakosti a žiť vlastne tak, ako žila jej matka, ibaže po svojom» (Taranenková, 2007). Pocity tureckej migrantky v Žuchovej novele (osamotenia, vylúčenosti a i.) sa v mnohom približujú prežívaniu postáv v Kepplovej debute, ale tiež v niektorých ďalších Dobrakovovej prózach (pars pro toto *Toxo* z roku 2013 alebo *Matky a kamionisti* z roku 2018), tematizujúcich život slovenskej protagonistky v talianskych mestách.

3. Východokarpatský areál, pohraničie a iné, snové svety

Špecifický pohraničný priestor, do ktorého neraz zasahujú nadprirodzené javy či bizarné udalosti, stvárňuje vo svojej voľnej trilógii *Carpathia* (2011), *Entropia* (2012) a *Informácia* (2013) Maroš Krajňak,[9] ale tiež Alena Sabuchová v románe *Šeptuchy* (2019).

Práve «východokarpatský hraničný areál» (Passia, 2009), rozprestrený na východe Slovenska i v Podkarpatskej Rusi, sa môže stať «jednou z textovo preukazných stredoeurópskych priestorových metafor, ktorá sa vyznačuje vlastnými, charakteristickými kulisami, vlastnou databázou charakteristických motívov a sujetových riešení» (Passia, 2012: 204). Východokarpatský areál je v Krajňakovej trilógii spojený s lemkovskou[10] či rusínskou problematikou, no takisto s ďalšími s ňou súvisiacimi motívmi (identity, jazyka, minulosti a i.).

Už názov Krajňakovho debutu *Carpathia* vypovedá o dôležitosti priestoru, ktorý je modelovaný prostredníctvom abstraktných, stalkerovských zón: Zóna 0 predstavuje poľskú časť karpatského regiónu, Zóny 1, 2, 3 východ Slovenska a Zóna X Zakarpatskú Ukrajinu. Na jednej strane možno v debute pozorovať autobiografické prvky, na druhej strane autor kreuje alegorický, miestami až surreálny text s odkazmi na arteficiálnu realitu (napríklad intermediálny presah k Tarkovského filmu *Stalker*). V *Carpathii*, no tiež v neskoršej Krajňakovej tvorbe, sú tiež výrazné odkazy na výtvarníkov z daného priestoru či na ich diela (Andy Warhol, Dezider Milly či Nikifor Krynický), založené na reálnych faktoch, kombinovaných s fikciou.

[8] Svetlana Žuchová (1976), slovenská prekladateľka (najmä psychologickej a medicínskej literatúry) a prozaička, získala za svoj debut *Dulce de leche* (2003) Cenu Ivana Kraska a za knihu *Obrazy zo života M.* v r. 2015 Cenu Európskej únie za literatúru.

[9] Maroš Krajňak (1972) zarezonoval v literárnej kritike najmä uvedenou «karpatskou trilógiou», po ktorej sa tematicky «presunul» za hranice strednej Európy v prózach *Pogodowitz* (2017), *Už iba prítomnosť* (2021) či *Situácia dezolácia* (2025).

[10] Lemkovia sú východoslovanské etnikum, ktoré žije v karpatskej časti Poľska, Ukrajiny a Slovenska. Podľa jedného z etnografických konceptov sú podskupinou etnika Rusínov (podobne ako Huculi a Bojkovia).

Aj keď o Krajňakovom debute možno uvažovať i ako o cestopise či regionalistickej próze, *Carpathia zároveň* prekračuje konkrétny priestor, pretože tento nadobúda symbolické významy (pozri Markovič, 2013), mýtizuje sa. Zóny majú svoje vlastné, nemenné pravidlá, ktoré sa nesmú porušiť, inak dôjde ku katastrofám, krajina je spustošená, so zničenými domami a vyľudnenými dedinami. Čas v *Carpathii* plynie veľmi rýchlo alebo spomalene, postavy sa môžu vrátiť späť, zastať v inom období. Na jednej strane má narátor priestorovú aj časovú dištanciu od tragických udalostí (ako dospelý sa presťahoval z karpatského regiónu do mesta; vojnu osobne nezažil, pozná ju len z rozprávania iných), na druhej strane ho stále intenzívne zasahujú, pretože vyrastal v prostredí, kde ich pozostatky nachádza na každom kroku. Príznačná v tomto smere je epizóda, v ktorej natrafí na ľudské kosti pri hľadaní húb a človek, ktorému miesto opisuje, mu porozpráva o svojej účasti na vyzúvaní mŕtveho vojaka: «Možno sa teraz chce takto, po dlhých rokoch, očistiť priznaním. Mám pochopiť, ako sa vtedy žilo. Vzdávam sa empatie a odchádzam» (Krajňak, 2011: 21-22). Protagonista odmietne porozumieť človeku, ktorý sa zachoval neľudsky, nemorálne, nechce byť voči nemu empatický, no zároveň sa usiluje pochopiť, čo sa stalo a prečo ku skratovému konaniu dochádzalo. Vo viacerých scénach dochádza k jeho identifikácii s inými postavami z minulosti, k prijatiu akejsi zodpovednosti za spáchané zlá.

Prelínanie reálnych a snových častí je znakom magickorealistickej poetiky – aj v Krajňakových textoch sa duchovia pohybujú medzi živými, mŕtvi koexistujú so živými alebo sa im zjavujú, bez ohľadu na ich národnosť či okolnosti smrti. Druhá Krajňakova kniha *Entropia* opäť tematizuje dejiny etnika a miesta, tentoraz prostredníctvom haličskej dediny Kurdybanivka, ktorá tu zastupuje dejinné premeny, hrôzy vojny a v súčasnosti je «prototypom prázdnej dediny bez ľudí <...> Kurdybanivka je mŕtva, sú v nej mŕtve domy, ruiny chrámu a školy, neobrobené záhrady a spustnuté sady. Žili tu Poliaci, Ukrajinci, Židia a ich miešanci vo všetkých kombináciách, ale všetci sú preč» (Krajňak, 2012: 120). V tretej knihe, *Informácia*, je v popredí dvojica charakterovo odlišných priateľov Vaxa a Fedyho. Fedy je spätý s Bratislavou (internátom, školou), neskôr s korporáciou; Vaxo sa usiluje uniknúť za hranice (Nemecko či USA) – obe postavy však podobne ako Buko a Forel z druhej knihy, *Entropia*, hľadajú svoje miesto vo svete, vyhraňujú sa voči domácemu priestoru. Zlo v Krajňakovej tvorbe sa prudko vyvíja a práve *Informácia* ho manifestuje azda najvýraznejšie v celej trilógii. Zatiaľ čo v *Carpathii* bolo zlo podmienené vojnovými hrôzami a v *Entropii* zase iracionálne, abstrahované, v *Informácii* sa rozširuje do všetkých oblastí – rovnako nihilisticky je prezentovaný Východ ako Západ, zlyhávajú systémy, aj ten kapitalistický, nefungujú vlaky, internáty, školy, zamestnávatelia, no predovšetkým opäť sklamú ľudia.

Aj Alena Sabuchová[11] vo svojej druhej knihe, románe *Šeptuchy* (2019), zachytáva magický priestor poľsko-bieloruského pohraničia, ktorý niekoľkokrát navštívila aj s fotografom Robertom Tappertom, dopĺňajúcim text pôsobivými, poetickými snímkami. Hoci titul odkazuje na ľudové liečiteľky, Sabuchovej román viac ako o nich vypovedá o regióne Podlasia, do ktorého tieto tajomné postavy patria takisto ako mágia, nadprirodzeno, zariekanie či pohanské povery, premiešané s pravoslávnou vierou. Podlasie stvárňuje Sabuchová čiastočne v intenciách magického realizmu, v ktorom sa živí stretávajú s mŕtvymi či duchmi, realita so zázračnom: «Zázraky však patrili do základného balíčka prežitia. Boli trochu prvou pomocou, keď všetko ostatné zlyhávalo, mohli sme sa na ne ľubovoľne dlho spoliehať» (Sabuchová, 2019: 37). Takisto čas plynie na Podlasí inak ako v meste, nepočíta sa na reálne hodiny a minúty. Na jednej strane možno v Sabuchovej próze identifikovať deväťdesiate roky 20. storočia (postavy majú zošity oblepené obrázkami z Brava, nakupujú v Kauflande, dievčatá nosia mikiny z Kenvela atď.); na strane druhej akoby v Podlasí zastal čas: «Alena

[11] Alena Sabuchová (1989) je slovenská prozaička a scenáristka. Debutovala zbierkou poviedok *Zadné izby* (2016), za svoju druhú knihu, *Šeptuchy*, získala cenu Anasoft litera 2020. V r. 2025 jej vyšiel román *Volajte ma Mandy* o živote hudobníčky v minulom režime.

Sabuchová předkládá čtenáři osobitý konglomerát slovesných obrazů ze současného života na vesnici, kde se prolínají technologické vymoženosti a stigmata moderní civilizace (auta, mobily atd.) s archaickými zvyky i magickými rituály» (Machala, 2020: 77).

Sabuchovú možno zaradiť do druhej línie tzv. nového regionalizmu (Darovec, 2021), t. j. k autorom,

> ktorí periférny región pre seba objavujú, vydávajú sa doň z centra, z mesta. Ich literatúra je potom príbehom cesty – či už reportážnej cesty za poznaním neznámeho, hoci blízkeho sveta slovenského vidieka a/alebo za poznaním seba samého/samej v novom, radikálne odlišnom prostredí (Darovec, 2021: 80).

Tzv. nový regionalizmus je možnou reakciou na stvárňovanie (znovu)objavovaného mesta a cudziny v slovenskej próze nultých rokov 21. storočia, istým návratom k tradícii (nie však folklórno-mýtizujúcej), úsilím zachytiť špecifické genius loci, často nielen s prvkami umeleckej literatúry, ale tiež etnografického dokumentu, reportáže či cestopisu.

4. Iné kontinenty, iné? svety

Okrem európskych metropol či pohraničia tematizujú autori slovenskej prózy aj iné kontinenty – napríklad už spomínaný Maroš Krajňak vo svojej najnovšej próze *Situácia dezolácia* (2025) stvárňuje himalájsku expedíciu troch postáv, ktorá však nie je prostriedkom exotizácie, ale odhaľuje vnútorný svet Žaba, Kucura a Haču, ich traumatizujúce udalosti z detstva či dospelosti. Atmosféru novely vytvárajú aj opisy nepálskych hôr, miest či ľudí súvisiacich s týmto prostredím (šerpov, obchodníkov, no tiež turistov), Krajňak však viac ako o samotnej krajine opätovne vypovedá o bludnom kruhu násilia a zla v dejinách (až do súčasnosti).

Africký kontinent približuje vo svojich prózach[12] *Liečiteľ* (2006), *Čierne na čiernom* (2013), *Zlá štvrť* (2018) či v knihe (nielen) pre deti *Rozprávky z čiernej Afriky* (2004) s empatiou voči tamojšiemu spôsobu života, ale zároveň s odstupom Európana a potrebnou dištanciou spisovateľa Marek Vadas[13]. Vo svojich «afrických» knihách prelína bizarné, snové a realistické situácie, svet živých a mŕtvych, v ktorom sa stiera rozdiel medzi minulým a budúcim, lebo «čas nikam nesmeruje. <...> všetko je schované niekde za dverami» (Vadas. 2018: 10). Autor zobrazuje prostredie, v ktorom je «normálne», že smrť sedí v kúte krčmy a čaká na svoju obeť; že duchovia sa «vracajú na svet, aby si pokecali s rodinou» (Vadas, 2006: 15); ženy vedia čarovať (napríklad vlasom hodeným do vína) a otec nemôže «odísť», kým o týždeň nepríde jeho najstarší syn:

> Ľahol si do hrobu, našiel si pohodlnú polohu a nechal sa zasypať zeminou. Miesto bratia označili kameňmi a fľašou palmového vína, ktorú potom pravidelne vymieňali. Pri nej onedlho vyrástol ibištek s voňavými červenými kvetmi. Dedinčania vedeli, že cez tieto kvety sa kráľ díva na ich svet (Vadas, 2006: 123).

[12] Marek Mitka v týchto súvislostiach konštatuje: «Motiváciu opakovane písať prózy ‚z čiernej Afriky' treba u Vadasa hľadať v jeho osobných sympatiách k obyvateľom a kultúre tohto kontinentu, resp. v jeho početných cestách do krajín subsaharskej Afriky (Nigéria, Gabun, Čad a Kamerun)» (Mitka, 2024: 305).

[13] Marek Vadas (1971) je slovenský tvorca literatúry pre dospelých aj pre deti a mládež, ktorý debutoval v r. 1994 postmodernou prózou *Malý román* a za zbierku poviedok *Liečiteľ* získal cenu Anasoft litera 2007. Písal aj v spoluautorstve s Emanom Erdélyim (*Univerzita* v r. 1996 a *Diabol pod čapicou* v r. 2002). V súčasnosti je šéfredaktorom časopisu *Knižná revue*.

V tomto vzdialenom svete rastú banánovníky, pomarančovníky, palmy, sú tu políčka s maniokom, arašidmi, ľudia tancujú makossu, najlepšia ryba sa volá kanga, výborné jedlo je fufu, horšie sú ohriate paprčky atď. Vadas i prostredníctvom týchto reálií evokuje Afriku, ktorej atmosféru dotvára pomocou jazyka; na druhej strane jeho postavy takisto ako Európania cestujú taxíkom, pijú colu, whisky či rum, fajčia fajku i lacné cigarety a v diaľke za ich morom «trčia obrovské pylóny ropného vrtu» (Vadas, 2006: 51). Vo Vadasových «afrických» prózach je prezentovaný tiež iný mýtus krásy než v Európe či rituály pochovávania mŕtvych, príroda je antropomorfizovaná a ľudia žijú v súlade s ňou. Autorský rozprávač pozoruje tento zvláštny a napriek všetkej biede očarujúci svet s empatiou človeka, ktorý istý čas žil priamo v ňom: «Vzťah reálneho a fantastického autor manifestuje v opozíciách naše – cudzie, známe – neznáme, ale nevzniká pritom dojem ostrého kontrastu, skôr možno hovoriť o eliminovaní jasných hraníc medzi realistickým a magickým,» (Suchánková, 2008: 44).

5. Záverom

Cieľom mojej štúdie bolo naznačiť, akým spôsobom zobrazujú vo svojej tvorbe vybraní autori, debutujúci po roku 1989, topos cudziny. Na poetologické špecifiká jeho modelovania poukazujem prostredníctvom jedného textu (alebo aj viacerých kníh) toho-ktorého autora, o ktorom nemám ambíciu referovať biograficky ani komplexne.

Z analýzy vybraných próz vyplýva, že cudzina sa stáva prirodzenou súčasťou života postáv v ponovembrovej literatúre: protagonisti v tzv. expatovskej próze neraz odchádzajú zo Slovenska kvôli štúdiu či práci alebo začnú žiť v zahraničí s novou rodinou (v textoch Ivany Dobrakovovej), ale aj naopak, do zahraničných metropol prichádzajú aj cudzinci z iných štátov (v novele Svetlany Žuchovej). Bez ohľadu na národnosť postavy trpia pocitmi samoty, izolácie a nedokážu sa asimilovať v novom prostredí, ale ani sa vrátiť domov. Výsledkom je rozčarovanie z nových situácií a nemožnosť nájsť jednoznačné riešenie cudzej krajine.

Možno reakciou na tzv. expatovskú líniu slovenskej literatúry je tzv. nový regionalizmus, v ktorom sa postavy usilujú objaviť periférium a zabudnuté, «iné» svety, neraz v blízkosti hraníc (v románe Aleny Sabuchovej aj v «trilógii» Maroša Krajňaka). Ani oni však nedokážu uniknúť aktuálnym trendom a svojej, resp. kolektívnej minulosti, pohraničie neposkytuje azyl či útočisko pred (akýmikoľvek) problémami. Obdobne Afrika v textoch Mareka Vadasa síce zastupuje iný, vzdialený kontinent, avšak tiež zasiahnutý civilizáciou, no tiež chudobou.

Na základe vybraných próz možno konštatovať, že sa v nich prelínajú rôzne kultúry, prvky starého a nového sveta, postavy tu prekračujú nielen geografické hranice, ale tiež deliace čiary medzi realitou a snom, fyzickou a psychickou chorobou.

Bibliography

Darovec, P. (2020). O únikoch a návratoch (Dominika Madro: Svätyne. Alena Sabuchová: Šeptuchy). *Rozum*, *2*/6, 36-39.

Dobrakovová, I. (2010). *Bellevue*. Marenčin PT, spol. s r. o.

Kendra, M. (2013). Manifestácie túžby. Poznámky k figurácii moderného subjektu v umeleckej próze (M. Rosová: *Dandy*). In M. Součková (ed.), *K poetologickým a axiologickým aspektom slovenskej literatúry po roku 2000* (219-235). Filozofická fakulta PU v Prešove.

Klapáková, M. (2012). Priestor liečebného centra (I. Dobrakovová: Bellevue). In M. Chovanec (ed.), *7. vedecká študentská konferencia* (927-934). Filozofická fakulta PU v Prešove.

Klapáková, M. (2024). Svetlana Žuchová: *Yesim* (2006). In M. Součková a J. Gavura (eds.), *Slovník diel slovenskej literatúry po roku 1989* (307-309). FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Krajňak, M. (2011). *Carpathia.* Trio Publishing, s. r. o.

Krajňak, M. (2012). *Entropia.* Trio Publishing, s. r. o.

Krajňak, M. (2013). *Informácia.* Trio Publishing, s. r. o.

Krajňak, M. (2025). *Situácia dezolácia.* FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Machala, L. (2020). Nové objevy slovenské prózy? (Nad aktuálními knihami Kataríny Kucbelové, Aleny Sabuchové a Verony Štrby Škultéty). In M. Součková (ed.), *K poetologickým a axiologickým aspektom slovenskej literatúry po roku 2000 VI* (73-81). Filozofická fakulta PU v Prešove.

Majerek, R. (2018). K otázke (ne)možnosti prekročenia hraníc v próze Zusky Kepplovej. In M. Součková (ed.), *K poetologickým a axiologickým aspektom slovenskej literatúry po roku 2000 V* (258-271). Filozofická fakulta PU v Prešove.

Makara, M. (2024). Zuska Kepplová: *Buchty švabachom* (2011). In M. Součková a J. Gavura (eds.), *Slovník diel slovenskej literatúry po roku 1989* (409-411). FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Markovič, P. (2013). Maroš Krajňak: CARPATHIA. In J. Gavura, R. Kitta a M. Součková (eds.), *TOP 5 (slovenská literárna a výtvarná scéna 2011 v odbornej reflexii)* (42-47). FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Mitka, M. (2024). Marek Vadas: *Liečiteľ* (2006). In M. Součková a J. Gavura (eds.), *Slovník diel slovenskej literatúry po roku 1989* (304-306). FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Passia, R. (2009). Vstupné poznámky k východokarpatskému hraničnému areálu. In M. Součková (ed.), *K poetologickým a axiologickým aspektom slovenskej literatúry po roku 1989 III* (42-49). Filozofická fakulta PU v Prešove.

Passia, R. (2012). Cudzinec na hranici (východné Karpaty ako ideologický priestor v stredoeurópskych literatúrach 20. storočia). *Slovenská literatúra*, *59*/3, 204-216.

Passia, R. a Taranenková, I. (eds.), (2014). *Hľadanie súčasnosti. Slovenská literatúra začiatku 21. storočia.* Literárne informačné centrum.

Rosová, M. (2011). *Dandy*. Koloman Kertész Bagala a literarnyklub s.r.o.

Sabuchová, A. (2019). *Šeptuchy. Artforum.*

Součková, M. (2009). *P/r/ózy po roku 1989*. Ars Poetica.

Součková, M. (2021). *P/r/ózy po roku 2000*. FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Součková, M. (2023). Alena Sabuchová: ŠEPTUCHY. In M. Součková a J. Gavura (eds.), *TOP 5 (slovenská literárna scéna 2019) v odbornej reflexii)* (138-147). FACE – Fórum alternatívnej kultúry a vzdelávania.

Suchánková, M. (2008). Exotika očami domorodca. *RAK*, *13*/1, 44-46.

Taranenková, I. (2007). Príbeh zanesený balastom slov. Citované 14. septembra 2025, z: https://www.ilitera tura.cz/clanek/20711-zuchova-svetlana-yesim.

Vadas, M. (2006). *Liečiteľ.* L.C.A. Publishers Group.

Vadas, M. (2018). *Zlá štvrť.* Koloman Kertész Bagala.

Zajac, P. (2016). *Slovenské kargo*. Kalligram.

Žuchová, S. (2006). *Yesim*. Koloman Kertész Bagala, člen LCA Publishers Group.

RESTRICTIVE PARTICLES AS DISCOURSE MARKERS IN SOUTH SLAVIC LANGUAGES (CONTRASTIVE STUDY ON THE *AT LEAST* PARTICLES IN BULGARIAN, SERBIAN, CROATIAN, AND SLOVENE)

Martin Stefanov
Sofia University St. Kliment Ohridski

1. Introduction

Being members of a category with fluid semantic, functional and distributive boundaries, the place of particles in language system has been neglected or at least underestimated in traditional linguistic descriptions. This is also reflected by the terminological pluralism regarding their nomination: these lexemes are often placed on large scale between adverbs, connectives, and particles and attributed on another one between the scopes of modality and discourse (pragmatics): *particles*, *pragmatic particles*, *discourse markers*, *modal words*, *discourse connectives*, *pragmatic connectives* etc. (Dedaić and Mišković-Luković, 2010: 1-2; Dražić, 2016: 37-39).

Their most distinctive feature, in contrast to the other parts of speech, is that particles are not part of the proposition, but they still modify it, reflecting the speaker's attitude towards it. That is why, according to M. Dedaić and M. Mišković-Luković, they are rather functional-pragmatic than morphosyntactic category (2010: 4). On the larger canvas of discourse, they also function as a discourse coherence members and, in regard with the definition of D. Schiffrin, can be viewed as «sequentially dependent elements which bracket units of talk» (1987: 31).

Based on their lexical semantics and pragmatic value, particles can be divided into several groups: restrictive (ograničavanje), limitating (limitiranje), exclusive (izuzimanje), focus (isticanje) and adversative (suprotstavljenost) (Ристић, 2009: 129-130). In this study, restrictive particles *поне* in Bulgarian, *barem/bar* in Croatian and Serbian, and *vsaj* in Slovene are object of research interest. Following the integrational theory of language approach, the paper discusses the invariant meaning of the particles *поне*, *bar/barem*, and *vsaj* from the viewpoints of: (i) their lexical semantics today, where it is notable that, compared to diachronic data, there is no or at least neglectable shift in their meaning, (ii) the frequency of their usage in relation to their syntactic position, based on corpora data, and (iii) the way their lexical semantics are obliqued and represented in various syntagmatic functions and connections.

2. Semantic-pragmatic features

Lexical-semantic descriptions of these particles reflect their functional-pragmatic ambiguity with respect to their exclusive, restrictive, focusing, and desirable meaning. All dictionaries mention pretty much the same synonyms: *само*, *най-малко* (Bulgarian), *у најмању руку*, *ако не што друго* (Serbian), *najmanje*, *i najmanju ruku* (Croatian), *najmanj* (Slovene) (*Речник на българския език онлайн*; *Речник Матице српске, књ.1, 1967*; *Hrvatski jezični portal*; *Slovar slovenskega knjižnega jezika*).

According to J. Dražić, in communicative actualization, when *бар* (and this is valid for the *at least* particles in Bulgarian, Croatian, and Slovene too) is focused on the subject or the object, this is represented in a pragmatic limitation to the lowest acceptable / desirable / possible value on a certain scale, but also to a concrete subject from a larger group of entities, in both cases connoting (un)fulfilled expectations. The author also highlights the graduality seme and the semantic valency [+animate] of the verb 'osvojiti' (2016: 41–42)[1]:

Marija je osvojila ***bar*** *srebrnu medalju.*
'Maria won ***at least*** silver medal.'
(lower limit; presupposition: I believe in her, she achieves excellent results → she has probably won even gold medal)
Bar *je Marija osvojila srebrnu medalju.*
'At least Maria won a silver medal.'
(focusing on a certain subject; presupposition: nobody else did → it is enough that somebody did but we expected more subjects)

In addition to Jasmina Dražić's first proposition, it can be added another one with a numeral where the presupposition is more elaborated:

Marija je osvojila ***bar*** *jednu srebrnu medalju.*
'Maria won ***at least*** one silver medal.'
(lower limit; presupposition: I believe in her, she achieves excellent results → she has probably won more than one medal and potentially one of them is even gold medal)

On the other hand, when collocated with a predicate, *бар* focuses on the semantic content of the predicate and separates it from a larger set of potential predicates with probably similar semantic content and, from the viewpoint of the speaker, an important or only possible but probably not satisfying feature is extrapolated ('if anything else' interpretation):

Ali, ***bar*** *znam da, kada me je voleo, voleo me je onako kako nikad niko nikoga nije voleo.*
'***At least*** I know that, while he loved me, he loved me like no one ever loved someone.'
(at least I know, if anything else; minimal condition in this situation)

3. Synonymy and collocative potential

Another issue that should be considered is the existence of more than one particle with that meaning and function in three of the four languages. And while in Bulgarian the use of *поне* and *барем* is a matter of stylistic choice with the latter being highly informal and colloquial, the situation in Serbian and Croatian is much more complicated since *бар/bar* and *барем/barem* are doublet forms. This situation is reflected by the frequency of their usage as represented in the CLASSLA web corpora data (Ljubešić and Kuzman, 2024).

[1] The specific type of limitation that convey 'at least' particles can be seen in contrast to 'only' particles. Cf.: *Maria won only (one) silver medal* or *Only Maria won silver medal* or *It' s only that Maria won silver medal.* More about this type of particles see in Стефчева, 2016.

Поне in Bulgarian has a 271,94 tokens per million while *барем* has only 1,43 tokens per million. In Serbian, *бар* has 163, 52 tokens per million and *барем* 60,82 tokens per million. In Croatian, vice versa, *barem* has 165, 86 tokens per million and *bar* 80,42 tokens per million. This is why all further observations for Bulgarian will be restricted to *поне*, for Serbian – to *бар*, and for Croatian – to *barem*.

Syntactically, the restrictive particles in all four South Slavic languages (*поне*, *бар*, *barem*, *vsaj*) are most frequently used in collocations with numerals, different adverbials, nouns and verbs, with constructions with numerals being several times more frequent in Bulgarian and Slovene than in Serbian and Croatian, according to the data from CLASSLA Web corpora. The top three spots in all languages are the collocations with numerals, prepositional phrases (also with numerical and/or adverbial meaning), and adverbs. This, again, is expected since these parts of the speech represent very well graduality. The following data represents the relative first word to the right, part of speech tag statistics[2]:

поне: NUM: 72,04; ADP: 57, 77; ADV: 37, 63
бар: NUM: 29,46; ADP: 26,77; ADV: 26,73
barem: NUM: 35,93; ADP: 31,00; ADV: 24,01
vsaj: NUM: 99,14; ADP: 65,11; ADV: 53,47

4. Communicative actualization

As commented in Göbel and Wagner's work (2023), in regard with the previously mentioned communicative actualization, there are different terminological decisions that reflect the functional ambiguity of the focus particle *at least* in different collocative contexts: scalar or epistemic, on the one hand, and concessive or evaluative, on the other hand. In the further discussion, we will adopt the terms – *epistemic* and *evaluative*[3] use of the South Slavic restrictive particles. In terms of syntax-semantics mapping of *at least*, previously stated views slightly differ in just one point – weather ad-nominal use can be interpreted evaluatively.

	Nakanishi&Rullmann/Chen	**Biezma**
ad-sentential	EPI (X), EVAL (V)	EPI (X), EVAL (V)
ad-verbal	EPI (V), EVAL (V)	EPI (V), EVAL (V)
ad-nominal	EPI (V), EVAL (X)	EPI (V), EVAL (V)

Table 1: Epistemic and evaluative interpretation depending on the context (Göbel and Wagner, 2023)

Using Nakanishi and Rullmann's (2009) examples, ad-sentential, ad-verbal, and ad-nominal use of *поне*, *бар*, *barem*, and *vsaj* can be seen that way:

[2] It must be added that in Serbian and Croatian the less frequent synonyms *барем* and *bar* are scoring a relative first word to the right part of speech tag between 10 and 12 points.

[3] *Optative* interpretation, discussed in Grosz, 2011, can be considered a subdivision of the evaluative meaning. This topic will be considered later.

Ad-sentential	Ad-verbal	Ad-nominal
At least *Grover ate tuna.*	*Grover* ***at least*** *ate tuna.*	*Grover ate* ***at least*** *tuna.*
Bg. ***Поне*** *Гроувър яде риба тон.*	**Bg**. *Гроувър* ***поне*** *яде риба тон.*	**Bg**. *Гроувър яде* ***поне*** *риба тон.*
Sr. ***Бар*** *је Гровер јео туњевину.*	**Sr**. *Гровер је* ***бар*** *јео туњевину.*	**Sr**. *Гровер је јео* ***бар*** *туњевину.*
Cr. ***Barem*** *je Grover jeo tunjevinu.*	**Cr**. *Grover je* ***barem*** *jeo tunjevinu.*	**Cr**. *Grover je jeo* ***barem*** *tunjevinu.*
Sl. ***Vsaj*** *Grover je jedel tuno.*	**Sl**. *Grover je* ***vsaj*** *jedel tuno.*	**Sl**. *Grover je jedel* ***vsaj*** *tuno.*

Table 2: Communicative actualization of 'at least' depending on the collocative position.

While it is generally true that ad-sentential use is strongly biased toward an evaluative meaning, and that ad-verbal use can be either epistemic or evaluative, ad-nominal use is primarily associated with epistemic meaning, though an evaluative interpretation cannot be excluded (Biezma, 2013). In addition, another factor that further increases interpretive ambiguity in South Slavic languages is the post-positional use of restrictive particles. Cf.[4]:

Bg. *В същото време още десетина марки* ***поне*** *афишираха същото.*
'At the same time **at least** ten more brands stated the same thing.'
Sr. *Куповина таблета, тренутно* ***бар****, врло је незахвална.*
'Tablet purchases, **at least** for now, have declined significantly.'
Cr. *I meni nekako logično zvuči da će im biti lakše ako znaju slova i brojeve* ***barem***.
'It somehow sounds logical to me too that it will be easier for them if they know **at least** letters and numbers.'
Sl. *Ki bi navdušeno prinesel še en zidak modrosti* ***vsaj****, da bi neka ideja začela dobivati neko obliko in koristnost.*
'Who would enthusiastically bring **at least** another piece of wisdom, so that an idea could begin to take on some form and utility.'

The features of word order that differ from the situation in English result in cases where one cannot easily or even positively say if the particle is used ad-nominal or ad-sentential, ad-verbal or ad-sentential, ad-nominal or ad-verbal, etc. As a result, epistemic and evaluative meaning are sometimes very hard to distinguish. That is why the most frequent semantic interpretation of the particles (in non-scalar context) in all South Slavic languages can be paraphrased as 'if anything else'. It can be described that way: the proposition made by the utterance stands on the scale of possible propositions as a minimal acceptable condition between best- and worst-case scenario propositions and the latter being uttered, presupposed, or implied in the previous context. Cf.:

Bg. *Като няма хляб, има* ***поне*** *зрелища.*
'While there is no bread, there are **at least** spectacles.' or
'While there is no bread, **at least** there are spectacles.'
Sr. … *ако је потребно да бирамо, да бисмо нешто учинили, имамо* ***бар*** *слободу избора.*
'… if it's necessary to choose in order to do something, then we have **at least** the freedom of choice.'

[4] If not specifically stated otherwise, all the examples are taken from CLASSLA Web Corpora.

or

'… if it's necessary to choose in order to do something, then **at least** we have the freedom of choice.'

Cr. *Kada bi **barem** kazne bile primjerenije, onda bi čovjek možda i vidio promjene.*

'If **at least** the punishments were more appropriate, then perhaps one would see changes.' or

'If **only** the punishments were more appropriate… / **At least**, if punishments were more appropriate…'

Sl. *Dajte nam **vsaj** možnost, če je že skupaj ne moremo dati sistemu.*

'Give us **at least** a chance, if we cannot give it altogether to the system.' or

'**At least** give us a chance, if we cannot give it altogether to the system.'

5. The three key semantic and pragmatic features

The three key semantic and pragmatic features in ***at least**-constructions*, discussed by Göbel and Wagner (2023), include: the requirement for the higher alternative to be open, the entailment of the prejacent, and the desirability of the ranking of the propositions within the evaluative meaning.

Openness of the higher alternative

As well as in English, in South Slavic languages too a higher alternative is required to be open in epistemic interpretations of the ***at least**-constructions*, which means it is typical for the ad-nominal use, and while it is not obligatory for ad-verbal use, it is possible for the higher alternative to be open, depending on the lexical semantics and implicatures. In ad-sentential use, on the other hand, no higher alternative is required to be left open since it has strictly evaluative meaning:

Ad-nominal

Bg. ***Поне** дузина от ранените се намират в критично състояние.*

'**At least** a dozen of the injured is in critical condition.'

Sr. *Uči nas da je **bar** metar oko nas naš intimni prostor, i sve preko toga možemo dati samo onima kojima život možemo poveriti.*

'[He/She] teaches us that **at least** a meter around us is our intimate space, and we can only give everything beyond that to those whom we can trust with our lives.'

Cr. *Trebala bi pojesti **barem** tanjur dobrih bjelančevina dnevno kako bi bila bolje volje.*

'She should eat **at least** a plate of good protein a day to be in a better mood.'

Sl. *Kar 16 različnih hokejistov je pa je vpisalo **vsaj** točko.*

'As many as 16 different hockey players scored **at least** one point.'

Ad-verbal

Bg. *Още не си се научила да четеш и да разбираш, **поне** вземи си оправи правописа.*

'You haven't learned to read and understand yet, **at least** get your spelling right.'

(correct spelling is ranked between the total lack of literacy and the comprehension skills with the latter being left open)

Sr. *To je vrlo značajno jer **barem** znaš za što točno treniraš.*

'This is very important because **at least** you know what exactly you are training for.'

('if not nothing else' interpretation where there are, if not higher, at least better alternatives open)

Cr. *Ako ništa* ***barem*** *zakažite obraćanje jer i to bi bilo djelotvorno.*

'If nothing else, **at least** schedule a conversion because that would also be effective.'

('if not nothing else' interpretation where there are, if not higher, at least better alternatives open)

Sl. *Ampak* ***vsaj*** *preprečiti je treba take nadaljne dogodke.*

'But further such incidents must be **at least** prevented.'

('if not nothing else' interpretation where there are, if not higher, at least better alternatives open)

Ad-sentential

Bg. ***Поне*** *София не беше толкова самотна.*

'**At least** Sofia wasn't so lonely.'

(She could have been)

Sr. *Но,* ***бар*** *ћу доцније на миру моћи да се посветим ономе што збиља желим да радим.*

'Well, **at least** later I'll be able to dedicate myself in peace to what I really want to do.'

(Right now, I can't but I will be able to do so later)

Cr. ***Barem*** *Jacob nije vjerovao ni riječi od svega ovoga.*

'**At least** Jacob didn't believe a word of all this.'

(He could have believed it)

Sl. ***Vsaj*** *Alonsa imate na tretjem mestu.*

'**At least** you have Alonso in third place.'

(You could have nobody)

5.1. The truth-value of the prejacent

Regarding the necessity of the prejacent being entailed, as summed up by Göbel and Wagner (2023), epistemic meaning is compatible with the prejacent being false depending on types of alternatives involved. In contexts with mutually compatible alternatives, prejacent is true by virtue of being entailed by all higher alternatives. In contexts with mutually exclusive alternatives, the truth-value of prejacent remains in principle open. Evaluative meaning, on the other hand, has been argued to always entail the truth of prejacent. Empirical evidence against the claim that evaluative meaning entails the truth of its prejacent was found (but it depends on whether the assumption that an evaluative interpretation requires higher alternatives to be false is given up – *if anything else*-context).

Epistemic

Bg. *Завършете едно предизвикателство и получете* ***поне*** *бронзов медал.*

'Complete a challenge and get **at least** a bronze medal.'

(if you win silver or gold, it will entail the falsity of winning bronze)

Sr. *Јесте овај Лесковац и мали и сиромашан, али сматрам да је остало још писмених (или* ***бар*** *полуписмених) људи у њему.*

'It is true that Leskovac is small as well as poor, but I think there are still literate (or **at least** semi-literate) people left in him.'

(semi-literariness seen as an entailed by the full literariness feature)

Cr. *Pomislit ćete da su ta „čuda tehnike» posljednji ili* ***barem*** *pretposljednji krik moderne tehnologije.*

'You would think that these «technical marvels» are the last, or **at least** the penultimate, cry of modern technology.'
(penultimate cry of modern technologies being entailed by the last cry of modern technologies – paraphrasing an idiomatic expression)
Sl. *Doslej je **vsaj** prvi odmerek cepiva prejelo več kot 17 milijonov ljudi, tj. tretjina odraslega prebivalstva Združenega kraljestva.*
'So far, more than 17 million people, a third of the UK adult population, have received **at least** the first dose of the vaccine.'
(having received the first dose of a vaccine being entailed by having received second, third, and so on)

Again, in ironical propositions higher alternatives might be placed downwards, like in the first of the next two utterances. Irreal conditional clauses are specific since the truth-value of the proposition entails the truth-value of the exact opposite prejacent proposition, like in the second of the following examples.

Bg. *Щом днес Галъп оповестиха, че ГЕРБ са втори, значи са **поне** трети във временното класиране.*
'If Gallup announced today that GERB is second, then they are **at least** third in the provisional rankings.'
(meaning third, fourth, fifth etc.)
Cr. *A baš su dosadni, ali stvarno. Ne bih još ništa rekao da je **barem** zabavan ili marketinški zanimljiv.*
'And they are really boring, but really. I wouldn't say anything yet if it was **at least** entertaining or interesting for marketing purposes.'
(irreal conditional clause, meaning they are neither funny, nor for marketing purposes)

Evaluative
Bg. *Понякога обаче е трудно преживяното да бъде описано с точните думи. **Поне** имам желание да се опитам.*
'Sometimes, however, it is difficult to describe the experience with the right words. **At least** I am willing to try.'
('if nothing else' context, where the prejacent (wishing to try to describe it) might be entailed by describing it)
Sr. *Рок за пријаве ће вероватно бити крај јуна (бар је тако било до сада).*
'The application deadline will probably be the end of June (**at least** that's what it's been like so far).'
(correcting the prejacent being true by entailing it for a certain period)
Cr. *A tko bi htio građanski rat svojoj zemlji? Nitko! **Barem** nitko normalan.*
'And who would want a civil war in their country? Nobody! **At least** nobody normal.'
(correcting the prejacent being true by entailing it for a certain group of people)
Sl. *Gaja je stara 8 let in ne ve za mojo bolezen. **Vsaj** nisva se še povsem odkrito pogovarjali o tem.*
'Gaja is 8 years old and doesn't know about my illness. **At least** we haven't talked about it completely openly yet.'
(entailing the prejacent and correcting it by adding certain conditions)

5.2. Type of ranking

The third key semantic-pragmatic feature is the type of ranking, where the propositions in the evaluative interpretations of **at least** are strictly ranked by desirability. It is even explicitly stated in the Croatian utterance below. Cf.:

Bg. *Лош спомен ще ми остане и наводнението в Сатовча, което отнесе много декари земеделска земя, но там* ***поне*** *нямаше жертви.*

'I will also have a bad memory of the flood in Satovcha, which washed away many acres of agricultural land, but **at least** there were no victims there.'

Sr. *Пасје време. … Добро,* ***бар*** *је ветар стао.*

'Really bad weather. … Well, **at least** the wind has stopped.'

Cr. ***Barem*** *bih volio vjerovati da je tako.*

'**At least** I'd like to believe that's the case.'

Sl. *Posledično je bilo nekaj oblačnega vremena, v katerem pa je bilo konec koncev čisto prijetno.* ***Vsaj*** *ni bilo problema s škodlivostjo sonca.*

'As a result, there was some cloudy weather, but it was actually quite pleasant. **At least** there was no problem with the harmful effects of the sun.'

6. Optative at least as a specific realization of the evaluative interpretation

As stated by Grosz (2011: 574), *optative at least* (i.e. the *at least* that licenses optatives) is a variant of Nakanishi and Rullmann's (2009) *concessive* (here – *evaluative*) *at least*. The most important question here is whether the particles *поне*, *бар*, *barem*, and *vsaj* have a specific optativity licensing role in the utterances. What is interesting is that, when a modified version of a clause taken from Grosz's work (2011) is used, if the *at least* particle is omitted, the utterances would result in a conditional clause and incomplete utterance in all three western South Slavic languages – Serbian, Croatian, and Slovene. In Bulgarian, on the other hand, it wouldn't reflect the optative interpretation.

Eng. **If at least** she had brought an apple pie.

Bg. **Поне да** беше донесла ябълков пай. → Да беше донесла ябълков пай (still an optative interpretation)

Sr. **Кад** би **бар** донела питу од јабука. → Кад би донела питу од јабука' (irreal conditional clause, incomplete utterance)

Cr. **Kad** bi **barem** donijela pitu od jabuka. → Kad bi donijela pitu od jabuka' (irreal conditional clause, incomplete utterance)

Sl. **Če** bi **vsaj** prinesla jabolčno pito. → Če bi prinesla jabolčno pito' (conditional clause, incomplete utterance)

However, following the examples in *Синтакса српскога језика: проста реченица* (Пипер, 2005: 643), it can be stated that such an interpretation isn't valid for all contexts. For example, in propositions with a gradual adverbial the *at least* particle doesn't always license optative meaning also in Serbian and Croatian. Furthermore, its optative licensing role can depend even on other grammatical categories, such as aspect. Cf.:

Кад би нам се чешће јављала.

Кад би нам се бар понекад јавила (Пипер, 2005: 643).
Kad bi nam se češće javljala.
Kad bi nam se barem ponekad javila.

Here are the same sentences in Slovene:

Ko bi se nam pogosteje / večkrat oglasila.
Ko bi se nam vsaj občasno / kdaj pa kdaj oglasila.

7. Conclusions

As demonstrated above, the analysis of particles in South Slavic languages requires careful consideration of word order and its role in distinguishing epistemic and evaluative meanings. Given that particles may occur in post-position, their syntactic and syntagmatic functions must be precisely identified.

However, an analysis of the first two of the three so-called key features of the ***at least*** *constructions* across all four languages shows that the type of context is even more important. Both, the *higher alternative being open* and the *truth-value of the prejacent*, depend on the scalability of the syntactic context, with the ad-nominal being scalar more often than ad-verbal. In non-scalar contexts, prevails the so-called 'if anything else' interpretation. In evaluative contexts, on the other hand, the ***at least*** *constructions* are strictly ranked by desirability with the 'if anything else' interpretations being most frequent again.

Regarding the optative variant of the evaluative ***at least*** *constructions*, it has been suggested that in Bulgarian, as opposed to Serbian, Croatian, and Slovene, the ***at least*** *particle* (*поне*) is not strictly restricted to licensing optativity in non-scalar contexts, while *бар*, *barem*, and *vsaj* are. On the other hand, its licensing role can be facultative even in the western South Slavic languages when used in context with gradual adverbial.

Bibliography

Biezma, M. (2013). Only one 'at least': Refining the role of discourse in building alternatives. In K. Shwayder (Ed.), *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics, 19*(1): *Proceedings of Penn Linguistics Colloquium 36* (pp. 11-19). Penn Linguistics Club.

Chen, Y.-H. (2018). *Superlative modifiers: Ignorance and concession* (Doctoral dissertation). Rutgers University.

Dedaić, M., and Mišković-Luković, M. (2010). South Slavic discourse particles: Introduction. In M. Dedaić, and M. Mišković-Luković (Eds.) *South Slavic discourse particles* (pp. 1-23). John Benjamins Publishing Company.

Dražić, J. (2016). Partikule u nastavi srpskog jezika kao stranog – kolokacijska perspektiva. In В. Крајишник (Ed.). *Српски као страни језик у теорији и пракси III* (pp. 37-50). Филолошки факултет Београдског универзитета.

Grosz, P. G. (2011). A uniform analysis for concessive at least and optative at least. In N. Ashton, A. Chereches and D. Lutz (Eds.). *Proceedings of SALT 21* (pp. 572-591). Linguistic Society of America. https://doi.org/10.3765/salt.v21i0.2627

Göbel, A. and Wagner, M. (2023). How the position of *at least* affects its interpretation: Experimental data. *Glossa: A Journal of General Linguistics, 8*(1), 1-40. https://doi.org/10.16995/glossa.9273

Slovar slovenskega knjižnega jezika (eSSKJ). (n.d.) Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. https://fran.si/iskanje/eSSKJ/

Ljubešić, N. and Kuzman, T. (2024). CLASSLA-web: Comparable web corpora of South Slavic languages enriched with linguistic and genre annotation. In N. Calzolari, M.-Y. Kan, V. Hoste, A. Lenci, S. Sakti, and N. Xue (Eds.). *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)* (pp. 3271-3282). ELRA and ICCL.

Nakanishi, K. and Rullmann, H. (2009). *Epistemic and concessive interpretation of at least*. Talk presented at Canadian Linguistics Association. https://linguistics.sites.olt.ubc.ca/files/2018/03/2009.Nakanishi_Rullmann.CLA_-1.pdf.

Schiffrin, D. (1987). *Discourse markers*. Cambridge University Press.

Hrvatski jezični portal. (n.d.). Znanje, Srce. https://hjp.znanje.hr/

Речник на българския език (онлайн). (n.d.). Институт за български език. https://ibl.bas.bg/rbe/

Речник српскохрватског књижевног језика, књ. 1 (А – Е). (1967). Матица српска, Матица хрватска.

Пипер, П. (2005). Модалност. In М. Ивић (Ed.). *Синтакса савременога српског језика: проста реченица* (pp. 636-647). Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска.

Ристић, С. (1999). Партикула само у светлу теорије интегралног описа језика. In С. Ристић, М. Радић-Дугонић (Eds.). *Реч, смисао, сазнање: студије из лексичке семантике* (pp. 38-50). Филолошки факултет Универзитета у Београду.

Стефчева, Р. (2016). О партикулама са значењем ограничавања у бугарском и српском језику (на материјалу функционисања партикуле *само*). In М. Ковачевић, Ј. Петковић (Eds.). *Српски језик, књижевност, уметност. Зборник радова са X међународног научног скупа одржаног на Филолошко-уметничком факултету у Крагујевцу (23-25. 2015), Књ. 1 Језик, књижевност, уметности* (pp. 153-167). Филолошко-уметнички факултет у Крагујевцу.

SEMANTIC AND MORPHOLOGICAL DIMENSIONS OF THE NUMBER CATEGORY IN UKRAINIAN NOUNS: A CORPUS-BASED ANALYSIS[1]

Inna V. Stupak
Eberhard Karls University of Tübingen
R. Harald Baayen
Eberhard Karls University of Tübingen

1. Introduction

In modern Ukrainian, the number system is fundamentally binary. However, historical evidence indicates that a three-way distinction — singular, plural, and dual — persisted until the 13th century, with the dual specifically marking pairs or twofold entities. The loss of the dual led to the emergence of a paucal form in contemporary Ukrainian.

In Ukrainian, nouns preceded by paucal numerals exhibit a bivalent morphological representation of the grammatical number. Specifically, nouns following numerals, such as 2, 3, and 4, may appear in either the nominative plural or the genitive singular. The genitive singular is particularly characteristic of neuter nouns of the fourth declension and those that lose their suffix *-yn* in pluralizati (e.g. *2, 3, 4 ghromadianyna* 'citizen' (Ghorpynych, 2004). Semantically, nouns of the fourth declension often denote diminutives (e.g., *košenia* 'kitten') or collectives (e.g., *malia* 'baby', collectively referring to girls, boys, or both).

Cross-linguistically, the paucal category is often considered a subset of plurality, typically realized through plural marking (Corbett, 2000). Harbour's (Harbour, 2014) theory of number suggests that paucal numerals possess bivalent semantic features, positioning them between singular and plural. Crucially, no language employs paucal constructions without also distinguishing singular and non-singular forms, highlighting the foundational role of the singular/non-singular distinction.

This study investigates the semantic and morphological dimensions of the number category in Ukrainian nouns, specifically focusing on how singular, plural, and paucal forms are instantiated in corpus data. The observed semantic proximity between singular and plural nouns in Ukrainian (Stupak&Baayen, 2025a) prompts further investigation into the role of the paucal category. This warrants a detailed analysis of how the Ukrainian number system conforms to or deviates from broader cross-linguistic frameworks. While recent work (Stupak & Baayen, 2025a) employing shift vectors established that singular and plural distributions are influenced by case and semantic class, t-SNE plots nonetheless reveal areas where singular and plural forms exhibit semantic convergence.

This persistent overlap suggests two potential factors: first, that some grammatical nuances of number might not be fully evident with form-specific embeddings; and second, that the Ukrainian paucal

[1] This project has received funding through the MSCA4Ukraine project awarded to the first author and supported by the European Union. Views and opinions expressed are, however, those of the author(s) only and do not necessarily reflect those of the European Union. Neither the European Union nor the MSCA4Ukraine Consortium as a whole nor any individual member institutions of the MSCA4Ukraine Consortium can be held responsible for them.

number specifically contributes to blurring the semantic boundaries between singular and plural, a dynamic not comprehensively captured by conventional embedding analyses.

Taking into account the heterogeneity of the number category and the bivalent morphological structure of nouns preceded by paucal numerals (Vykhovanets & Horodenska, 2004), we hypothesize that morphosyntactic paucal forms convey more nuanced semantic distinctions than simply adopting the meaning of typical plural forms.

2. Corpus Data and Methodology

Our corpus-based analysis employs a multi-faceted approach involving advanced embedding techniques, dimensionality reduction, and clustering algorithms to investigate the semantic and morphological dimensions of number in Ukrainian nouns.

The primary data for this study were drawn from two large Ukrainian corpora. Nouns were classified into semantic classes using the semantic tags by Starko in the General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian (GRAC, v16) (Shvedova et al., 2017), resulting in 21 semantic classes. Semantic embeddings for 28,268 nouns — each having both singular and plural forms — were obtained from the Ukrainian TenTen Corpus Family (for details, see Stupak & Baayen, 2025a, 2025b).

To identify the top 10 most frequently used nouns preceded by paucal numerals for detailed analysis, we utilized the Ukrainian TenTen Corpus. These were then cross-referenced and compared with those semantic classes identified in the GRAC dataset. The common nouns across both datasets — *rik* 'year', *misyats* 'month', and *raz* 'time' — were selected for further analysis due to their recurrent appearance in paucal contexts. Additionally, to examine how a noun's inherent semantics might influence number conceptualization, we included *hrivnya* 'Ukrainian currency', *dolar* 'dollar', *olivets* 'pencil', *kompleks* 'complex', and *doghovir* 'agreement', despite them not exclusively ranking among the top paucal-associated nouns.

For the selected nouns, contexts were extracted from the Ukrainian corpus from the Web (ukTenTen). The collected data were then precisely categorized into one of five patterns based on the preceding numeral: singular (no numeral or «1»), plural (default plural contexts), preceded by 1, preceded by a paucal numeral (2, 3, 4), or preceded by a non-paucal numeral (5 or more).

In particular, month names from the "geo" semantic class (e.g., *sichen* 'January', *lypen'* 'July') are frequently preceded by numerals ranging from 1 to 30, and the noun *rik* 'year' is often used with specific years (e.g., *1985 rik* 'the year 1985'). These combinations occur predominantly in temporal or spatial contexts, such as calendar dates or place markers, and represent 'false quantities'. These are numerals that do not quantify nouns in the traditional sense but rather specify identifiers like days or years. As such, the names of months were excluded from the list of nouns under primary study, as their fixed, non-quantifying usage falls outside the scope of this study on number conceptualization. This granular classification enabled a detailed examination of how different numerical contexts interact with the target nouns.

Once contexts were annotated, contextualized embeddings were extracted for each target noun within its specified pattern. This process leveraged an advanced Ukrainian BERT model from the Hugging Face Transformers library. The final dataset comprises 1,200 contextualized embeddings.

For visualisation, we employed t-Distributed Stochastic Neighbour Embedding (t-SNE; van der Maaten and Hinton, 2008). This technique projected the high-dimensional semantic spaces into a two-dimensional visualization, effectively revealing natural clusters and semantic proximity.

Subsequently, DBSCAN (Density-Based Spatial Clustering of Applications with Noise) was utilized to identify dense clusters of semantically similar word forms, treating outlier points as noise. We then cal-

culated centroids for each analysed pattern (singular, paucal, non-paucal plural) for the nine selected words. Quantitatively, we measured semantic distances using both Euclidean and cosine distances between the averaged embeddings of these forms for specific nouns.

3. Semantic Class Effects and the Influence of Numeral-Noun Constructions

The semantic proximity observed between singular and plural nouns, as highlighted in previous research (Stupak&Baayen, 2025a), suggests a more complex interaction than simple binary opposition. This convergence can be attributed to subtle grammatical uses of number that may extend beyond the scope of traditional word-specific embeddings like Word2Vec or FastText, which primarily capture lexical semantics. Crucially, the interplay with the paucal number in Ukrainian is also a significant factor influencing this semantic convergence (Stupak & Baayen, 2025b).

To gain a deeper understanding of the semantic distributions of nouns across different number categories and semantic classes, the DBSCAN algorithm was applied to the t-SNE embedding space, as partially illustrated in Figure 1 (left and right panels). This method enabled a more detailed analysis of dense semantic regions by assigning a cluster label to each data point based on local density.

Specifically, DBSCAN identified 1,285 noun clusters, with sizes ranging from 2 to 50 nouns. These clusters are primarily organized by lexeme and semantic class, demonstrating that nouns from the same semantic categories (e.g., 'organization', 'quantity', 'tool', 'work') generally tend to cluster together with their corresponding plural forms. However, the t-SNE plane also revealed areas with less clear semantic structure, such as the region highlighted in purple in the right panel of Figure 1. The words found near the origin of these plots include nouns from diverse semantic fields (such as 'quantity', 'money', 'tools', 'plants', 'buildings', and 'documents') and varied grammatical features (e.g., nominative, dative, accusative, and ablative cases).

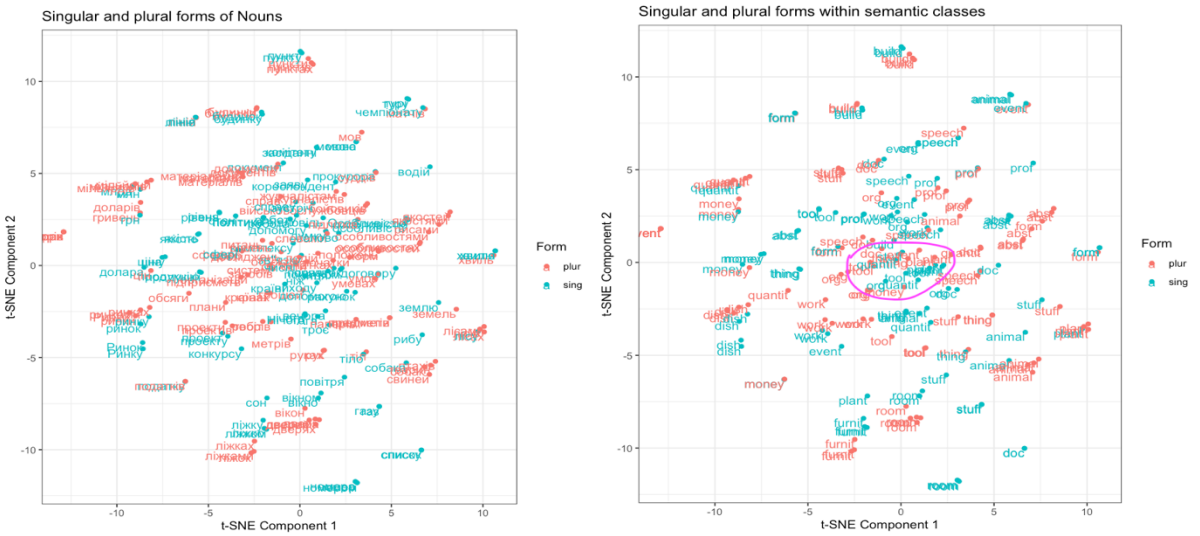

Figure 1. Singular and plural nouns from the center of the t-SNE space are shown in Figure 1 (right plot). The singulars are presented in green, plurals are in red. The left plot illustrates that inflected variants of the same lexeme tend to cluster. The right panel shows that forms of lexemes tend to cluster by semantic class. However, no clear structure emerges near the origin.

The observed overlap between singular and plural forms, particularly in these less structured areas of the t-SNE space, may be influenced by both the preceding paucal numerals and the inherent semantics of the nouns themselves. To investigate this hypothesis, we utilized the Ukrainian TenTen Corpus Family

to compile a list of frequently used numerals preceding nouns. Paucal numbers (typically representing small quantities such as 2, 3, 4) hold prominent positions, specifically ranking second, third, and fifth in terms of frequency among all numerals.

Notably, the top ten most frequently used nouns after paucal numbers closely correspond to those found within the semantic proximity areas identified by DBSCAN. These include categories such as "quantity," encompassing nouns like *rik* 'year', *metr* 'meter', and *prozent* 'percentage'. The next most prominent class is 'money', which encompasses nouns related to currency, such as *hrivnya* 'UA currency' and *dola*r 'dollar'. The dominance of the «quantity» category implies that when paucal numbers are used, they are most often associated with nouns that express quantities or measurements. This alignment supports the hypothesis that numeral-noun combinations, especially those involving paucal numbers, are shaped not only by grammatical rules but also by recurring semantic contexts.

4. Centroid Analysis and Semantic Mapping of Number Categories

To examine whether semantics influence the use of Ukrainian nouns with different numerals and grammatical numbers, we computed centroids. A centroid represents the average contextual embedding of a noun in a specific grammatical construction (e.g., *olivets* 'pencil' after paucal, non-paucal numbers, in singular and plural forms). On the t-SNE plot (Figure 2), the proximity of these points indicates their semantic similarity.

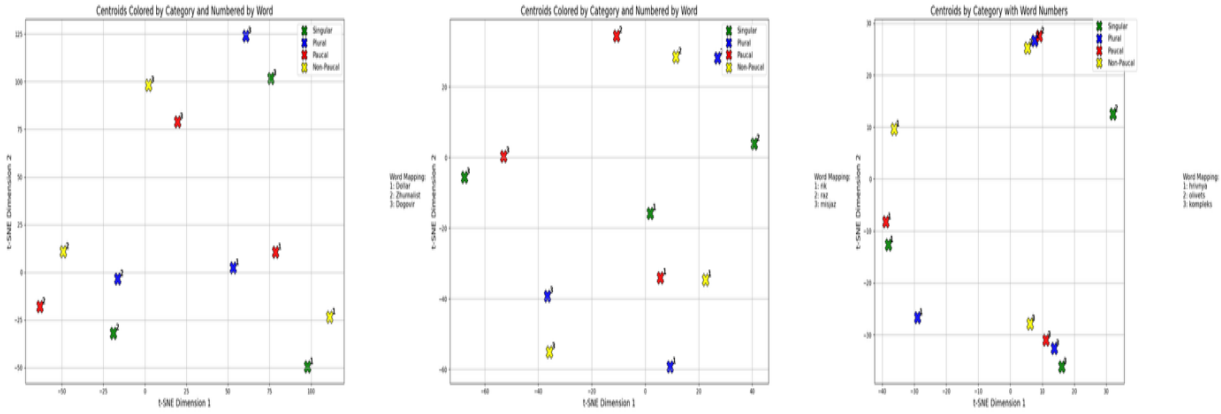

Figure 2. A two-dimensional projection of the resulting centroids for nine Ukrainian nouns colored by category (green for singular, blue for plural, red for paucal (preceded by numerals 2-4), and yellow for non-paucal (preceded by numerals 5 and higher) and numbered by word: dolar *'dollar' (refers to number «1»),* zhurnalist *'journalist' (refers to number «2»), and* dogovir *'contract' (refers to number «3») visualised on the left plot;* rik *'year' (refers to number «1»),* misiats *'month' (refers to number «2»), and* raz *'time/occasion' (refers to number «3») on the middle plot; and* hrivnia *'Ukrainian currency' (refers to number «1»)* olivets *'pencil' (refers to number «2»),* kompleks *'complex' (refers to number «3») on the right panel. The proximity of the points indicates their semantic similarity.*

Figure 2 reveals three main patterns based on noun types, such as financial and professional nouns (left plot), temporal nouns (middle plot), and concrete and countable nouns (right plot). The left panel of Figure 2 shows the centroids for *dolar* 'dollar', *zhurnalist* 'journalist', and *dogovir* 'contract'. These nouns tend to show a consistent semantic differentiation across grammatical number categories. For example, the centroids for singular, plural, paucal, and non-paucal forms for these nouns are clearly separated, indicating that their meanings are distinct in each context.

Figure 2 middle plot displays the centroids for *rik* 'year', *misiats* 'month', and *raz* 'time/occasion'. Like the financial nouns (left panel), these abstract or time-related nouns also exhibit a clear separation of centroids. This separation likely reflects distinct pragmatic functions, including precision, duration, or abstraction, associated with each form.

By contrast, the right centroid plot shows a tight clustering of paucal, non-paucal, and generic plural forms for *olivets* 'pencil' and *kompleks* 'complex', reflecting this semantic interchangeability. For *olivets*, although the singular form (green 2) occupies a unique position, the centroids for the paucal (red 2), non-paucal (yellow 2), and plural (blue 2) forms are nearly co-located. In the cases with *olivets* 'pencil' and *kompleks* 'complex', the core semantic content might remain stable, and the quantity plays a minor role beyond the count.

Notably, that *hrivnia* 'Ukrainian currency', though belonging to the financial nouns as *dolar* (left panel), shows its paucal and singular forms as «nearly co-located». Functioning as the primary medium of everyday transactions, the singular and paucal forms are employed in virtually the same contexts for expressing small-scale counts. Because you can't buy something with just «2, 3, or 4 hryvnia» as a standalone amount, the phrases are consistently used as abstract units of counting. This functional similarity causes the model to map their vector representations as nearly co-located.

In contrast, the dollar has a dual role (Figure 2, left plot). While its paucal form is used for concrete prices, its singular form is frequently used in a distinct, abstract context as an economic benchmark (e.g., *kurs dolara* «the exchange rate of the dollar»). This clear separation of roles (concrete vs. abstract) is what the model learns, resulting in clearly separated centroids for its singular and plural forms.

While *hrivnia* and *dolar* are related to money, the pragmatic roles (the real-world use) of the two currencies in Ukrainian society are different, and this difference is reflected in the language. In essence, the different distribution patterns of *hrivnia* and *dolar* demonstrate how a model's learned representation of language can reflect the nuanced cultural and economic realities of its speakers.

The distribution patterns of nine Ukrainian nouns (Figure 2) reveal that, while the singular consistently maps onto a separate semantic domain, the degree of differentiation within the plural spectrum (paucal vs. non-paucal vs. plural) varies notably across lexemes. This variation seems to be systematically related to the lexical semantics of the noun itself and the pragmatic contexts in which its various number forms are typically employed. Concrete, countable nouns like *olivets* show minimal internal differentiation, whereas more abstract or time-related nouns exhibit finer-grained semantic distinctions aligned with morphosyntactic marking.

This supports the view that the singular is not simply the lower end of a numeric continuum but a qualitatively distinct semantic category, often associated with unique, abstract, or individuated referents. Its usage patterns indicate a different conceptual framing from those involving enumeration or aggregation.

To further quantify and visualize the semantic distinctions among number forms in Ukrainian nouns, we employed two complementary similarity measures: Euclidean distance and cosine distance.

5. Euclidean and Cosine Distances in Number-Based Semantic Variation

This analysis employs two complementary metrics to quantify the relationships between analysed word forms. Euclidean Distance measures the absolute spatial distance between category centroids in the embedding space, with larger values indicating greater semantic divergence between corresponding grammatical categories.

Cosine Distance measures the angular separation between two vectors. It tells us how similar their direction is, which is a strong indicator of contextual or semantic similarity. If two words are used in similar sentences, their vectors will point in a similar direction, resulting in a low cosine distance.

In both analyses, the paucal form (e.g., *dva dolary* 'two dollars') was used as a fixed reference point to compare its semantic proximity to the non-paucal plural (e.g., *5 or more dolariv* 'dollars'), the singular (*dolar, dolara* 'dollar'), and the unquantified plural form (*dolary, dolariv* 'dollars'). Using Euclidean and cosine distance together provides a more complete picture of the relationships between the analysed patterns. One might think of the two measures like two people walking. Cosine distance tells if they are walking in the same general direction. Euclidean distance tells how far apart they are.

Figure 3 visualizes the resulting Euclidean distances between paucal forms and each of the other number categories for a range of Ukrainian nouns:

Paucal vs. Non-Paucal (P vs. NP): The distances between these two categories are the smallest comparing to other categories for most nouns. This indicates that paucal and non-paucal forms are semantically very similar, functioning primarily as units for counting. Nouns like *zhurnalist, dogovir, misiats, olivets* and *kompleks* show minimal distance, meaning paucal and non-paucal uses are most similar semantically. confirming their tight clustering in the centroid analysis. The biggest Euclidean distance for *rik, raz,* and *hryvnia* supports means that their paucal and non-paucal uses are most different.

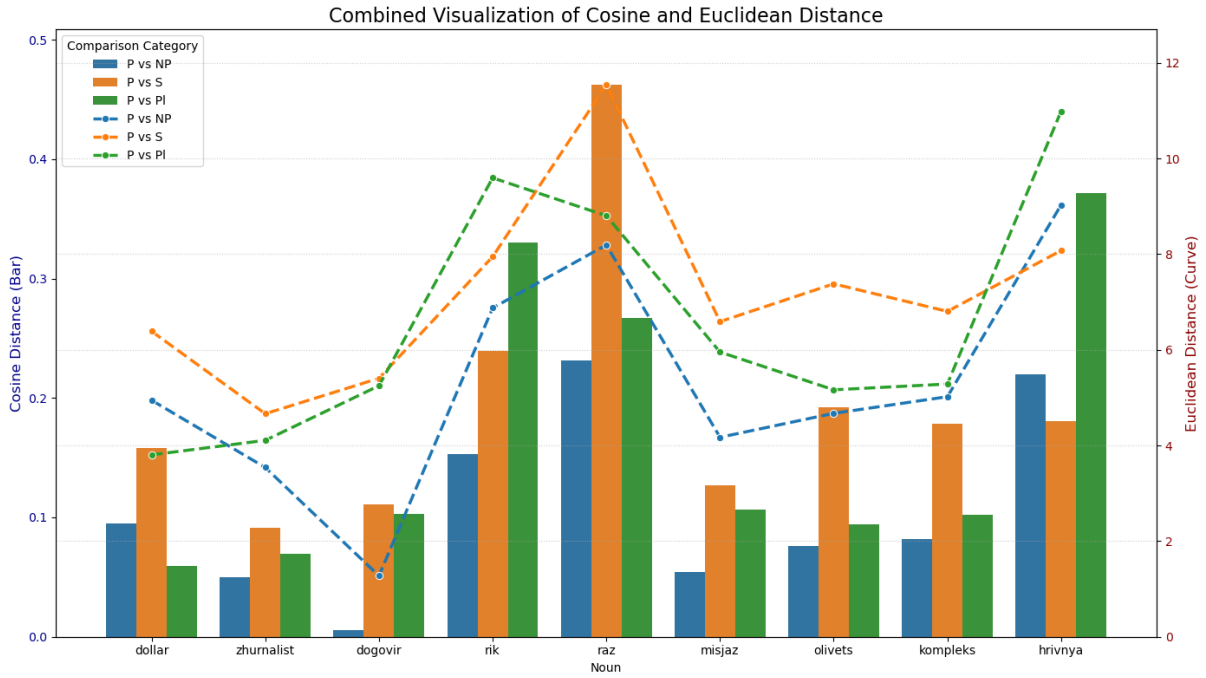

Figure 3. Semantic and Spatial Distances in Ukrainian Nouns by Grammatical Category. This figure presents a combined visualization of two complementary distance metrics for nine Ukrainian nouns. The x-axis shows the nouns, while the y-axes measure the distances. The bar plots (left y-axis) represent the cosine distance, a measure of contextual similarity, between the paucal form (P) and three other grammatical categories: non-paucal (NP), singular (S), and plural (Pl). The line plots (right y-axis) depict the Euclidean distance, a measure of physical separation in the embedding space, for the same comparisons. The consistent color-coding allows for direct comparison of both metrics for each category pair.

Paucal vs. Singular (P vs. S): The largest distances across almost all nouns are consistently found between the paucal and singular forms. This confirms that the singular form is the most semantically dis-

tinct category for most of the nouns studied. Nouns like *dolar*, *raz*, *olivets*, and *kompleks* show a significant semantic jump from singular to any plural form. The *raz* line shows the most pronounced distance from its paucal to its singular form, supporting the earlier analysis that the singular *raz* has a unique, abstract meaning distinct from its use in counting.

Paucal vs. Plural (P vs. Pl): The distances in this category are generally in the middle, falling between the P vs. S and P vs. NP distances. Distances between paucal and plural forms reveal the most variability, indicating that this relationship is highly lexical and context-dependent. For nouns like *dolar* 'dollar' and *zhurnalist* 'journalist', the distance is relatively small, implying that the contextual usage of «two dollars» or «two journalists» closely aligns with the general plural usage of these nouns. This suggests that the plural form holds a more generalized meaning, encompassing both paucal and non-paucal contexts but remaining semantically distinct from the singular.

In contrast, nouns such as *hryvnia*, *raz* 'time/instance', and *rik* 'year' exhibit larger distances, signalling greater semantic divergence. These cases suggest that the quantified paucal forms (e.g., *dva razy* 'twice') often appear in specific, idiomatic, or formulaic constructions, whereas the plural (*razy* 'times') may serve broader, more abstract semantic functions. Similarly, the high distance for *hryvnia* may reflect the contrast between concrete, countable currency units in the paucal form and a more institutional or systemic interpretation of the currency in the plural.

Nouns olivets (5.1645) and *kompleks* (5.2851) show moderate distances, suggesting that paucal is generally closer to plural but still slightly distinct.

Overall, the Euclidean distance results across the analysed patterns indicate that singular contexts (P vs S) consistently exhibit the largest distances, reflecting the semantic distinctiveness of singular forms compared to paucal. Distances for P vs Pl are generally smaller, suggesting that paucal forms tend to align more closely with general plural usage. Non-paucal plurals (P vs NP) show intermediate distances, indicating partial overlap with paucal forms while still displaying some semantic divergence. Words such as *raz*, *rik* and *hrivnya* exhibit the highest distances, highlighting context-sensitive shifts in meaning depending on number, whereas words like *dogovir* show low distances, demonstrating semantic stability across grammatical categories.

While Euclidean distances highlight the spatial separation between category centroids, they do not account for the directional similarity of the vectors in the embedding space. To complement these findings, we computed cosine distances, which capture semantic similarity irrespective of magnitude. Across the same nouns and patterns, cosine distances largely corroborate the trends observed with Euclidean measures:

Paucal vs. Non-Paucal (P vs. NP). One of the clearest patterns is the consistently low cosine distances between paucal and non-paucal forms for most nouns. For instance, *dogovir* 'contract' shows a near-zero distance of 0.006, indicating virtually identical contextual usage. Other nouns, such as *zhurnalist* (a distance of 0.050) and *kompleks* (a distance of 0.082), also exhibit very low distances. This finding strongly supports the idea that these forms are semantically close, primarily functioning as simple counting units. For nouns like *raz* and *hryvnya*, this similarity is particularly high, confirming that quantity plays a minimal role in their core meaning.

Singular vs. Paucal (S vs. P). The highest distance is observed for *raz* 'time/instance', reflecting the strong divergence between its singular and paucal contexts: the singular denotes a single occurrence, whereas the paucal refers to multiple instances, resulting in markedly different embeddings. In contrast, *zhurnalist* exhibits the lowest distance, indicating that singular and paucal contexts are very similar, as

the noun's meaning remains stable regardless of small-scale quantity. For most nouns, including *dolar*, *dogovir*, *misiats*, *olivets*, and *kompleks*, cosine distances are higher than those observed in other patterns, highlighting the semantic distinctiveness of singular forms. *Hryvnia* displays an intermediate distance: although its singular-paucal divergence is higher than for some nouns, it is lower than for *dolar*, suggesting that singular and paucal usages of *hryvnia* are more closely related, likely due to its frequent use in everyday transactional contexts.

Paucal vs. Plural (P vs. Pl). The relationship between the quantified plurals (paucal, non-paucal) and the unquantified plural is highly variable and noun-dependent. For *raz*, the non-paucal and plural forms are very similar (a distance of 0.086), suggesting that the context for «five or more times» aligns closely with the general usage of «times».

In contrast, for *hryvnia*, the higher distances between the unquantified plural and the paucal plural reflect the difference in semantic focus and usage contexts. The unquantified plural often refers to the currency in a general, abstract sense, such as talking about money as a medium or resource, without specifying an exact amount. In contrast, the paucal plural is used for specific, small amounts (typically 2-4 hryvnias) in everyday transactions. This distinction in contextual usage produces different embeddings, which increases the Euclidean or cosine distance between the two forms. Essentially, the meaning of the paucal plural is more concrete and context-bound, while the unquantified plural is more abstract and general, leading to greater semantic separation.

For *dolar*, the cosine distance between the paucal and plural forms is the smallest among the compared patterns, indicating that these two forms are semantically very close. This is likely because in everyday usage, both the paucal and plural forms of *dolar* are primarily used in counting or transactional contexts, where the focus is on quantity rather than any qualitative or abstract distinction. Unlike singular *dolar*, which can carry a more abstract or benchmark meaning (e.g., as a unit of economic reference), both paucal and plural forms occur in contexts describing actual amounts of money. As a result, their embeddings overlap strongly, producing minimal cosine distance.

Some nouns exhibit high semantic consistency across all forms. For *zhurnalist*, all pairwise distances remain below 0.10, indicating that its contexts are remarkably consistent regardless of whether one, a few, or many journalists are discussed. This contrasts with nouns like *raz* or *hryvnia*, whose different number forms appear in more specialized, context-sensitive usages.

The cosine distance analysis both confirms and extends the findings from the Euclidean analysis. The clearest semantic boundary in the Ukrainian number system lies between singular and plural forms. Yet the role of the plural is more nuanced: depending on the noun, it may either align closely with quantified plurals or diverge substantially, reflecting each noun's lexical semantics and pragmatic range. Although *dolar* and *hryvnia* belong to the same semantic class of «money», they differ in their cosine distances across all studied patterns. This stems from their distinct usage contexts and functional roles: *dolar* often serves as an abstract or benchmark unit in economic discourse, particularly in singular form, whereas *hryvnia* is more commonly used in everyday transactional contexts, with singular and paucal forms frequently overlapping semantically. As a result, embeddings for *dolar* show greater divergence between singular and plural usages, while those for *hryvnia* display more moderate distances, especially in comparisons between singular and paucal forms.

6. Conclusion and Discussion

This corpus-based study of the number category in Ukrainian nouns, grounded in distributional semantic analysis, reveals a complex and hierarchically organized system of number-related distinctions. Far from being a simple binary division between singular and plural, the Ukrainian number system emerges as a dynamic interface of morphology, lexical semantics, and pragmatic usage.

A central finding of this study is the semantic distinctiveness of the singular form, which consistently occupies a separate and often isolated region in semantic space. The singular is not merely a numeric value of «one» on a continuum but a qualitatively unique semantic category. It is frequently associated with reference to specific, unique, or abstract entities, and its usage contexts contrast markedly with those involving counting, enumeration, or aggregation. This confirms that singularity in Ukrainian carries its own contextual and cognitive weight.

While the opposition between singular and plural remains the primary semantic axis, our findings reveal that distinctions within the plural domain (paucal, non-paucal, and plural) are lexically determined and pragmatically nuanced. The plural, in particular, exhibits a variable semantic role: it can either align with quantified plural forms or diverge significantly, depending on whether the noun refers to abstract categories, institutional systems, or discrete entities.

The paucal form (used with numerals 2-4) shows greater semantic proximity to the non-paucal plural (used with numerals 5 and higher) than to the singular, aligning with the view that quantified plural forms function primarily as counting units. The alignment with unquantified plurals is more variable, depending on the lexical semantics and typical usage contexts of each noun. For instance, *dolar* shows clear divergence between singular and plural due to its dual abstract and concrete roles, whereas *hrivnia* exhibits near-co-location of singular and paucal forms, reflecting everyday transactional usage.

However, the paucal is not simply a «small-number plural». Its relationship with both the non-paucal and the plural is highly variable and contingent on the lexical and functional properties of the noun. It is not simply a sub-part of either, but a distinct grammatical number that specifies a small, imprecise quantity. Whether it should be classified as an intermediate category between singular and plural — rather than as a subset of plural — remains an open question, though the evidence tentatively points toward its characterization as a distinct grammatical number.

Overall, our findings demonstrate that Ukrainian number semantics cannot be understood solely as a binary singular–plural distinction. Instead, they emerge from the interaction of grammatical number, lexical meaning, and pragmatic usage, with paucal numerals playing a key role in shaping semantic proximity. Distributional semantic models effectively capture these subtle patterns, revealing how language reflects both conceptual and cultural knowledge.

The study's findings support the idea that number is not just a morphological category but is lexically and contextually dynamic. Distributional semantic methods have proven particularly effective in uncovering these patterns, moving beyond prescriptive grammar to provide contextually grounded insights into how number functions in natural language.

Bibliography

Corbett, G. G. (2000). *Number*. Cambridge University Press. https://books.google.hr/books/about/Number.html?id=7jc-pgAFcE0C&redir_esc=y

Ghorpynych, V. O. (2004). *Morfologhija ukrajinsjkoji movy: Pidruchnyk*. Akademija.

Harbour, D. (2014). Paucity, abundance, and the theory of number. *Language, 90*(1), 185-229. https://muse.jhu.edu/article/539649

Laba, Y., Mudryi, V., Chaplynskyi, D., Romanyshyn, M., & Dobosevych, O. (2023). Contextual embeddings for Ukrainian: A large language model approach to word sense disambiguation. In *Proceedings of the Second Ukrainian Natural Language Processing Workshop (UNLP)* (pp. 11-19). Association for Computational Linguistics. https://aclanthology.org/2023.unlp-1.2.pdf

Shvedova, M., von Waldenfels, R., Yarygin, S., Rysin, A., Starko, V., Nikolajenko, T., et al. (2017). *GRAC: General Regionally Annotated Corpus of Ukrainian* [Electronic resource]. Kyiv, Lviv, Jena. https://uacorpus.org/en

Starko, V. (2020). Semantic annotation for Ukrainian: Categorization scheme, principles, and tools. In *Proceedings of the Conference on Semantic Annotation*. https://ceur-ws.org/Vol-2604/paper18.pdf

Starko, V. (2021). Implementing semantic annotation in a Ukrainian corpus. In *Proceedings of the Conference on Semantic Annotation*. https://ceur-ws.org/Vol-2870/paper32.pdf

Stupak, I. V., & Baayen, R. H. (2025a). How much semantics does grammatical number carry in Ukrainian: A distributional semantic approach. In *Slavistic Studies Today*. Peter Lang GmbH. Preprint OSF (to be published in 2026). https://osf.io/preprints/psyarxiv/bafqj_v1

Stupak, I. V., & Baayen, R. H. (2025b). Exploring Morphological Differences between Ukrainian and Russian through the Realization of Paucal Numbers: A Contextual Embedding Approach. *Proceedings of the Midwest Slavic conference, April 4-6, Ohio State University.* Center for Slavic, East European and Eurasian Studies USA. https://kb.osu.edu/handle/1811/106059

van der Maaten, L., & Hinton, G. (2008). Visualizing data using t-SNE. *Journal of Machine Learning Research, 9*, 2579–2605. https://www.jmlr.org/papers/v9/vandermaaten08a.html

Vykhovanets, I. R., & Horodenska, K. H. (2004). *Theoretical morphology of the Ukrainian language: Academic grammar of the Ukrainian language*. University Publishing House «Pulsary».

Online Resources

SketchEngine. https://www.sketchengine.eu/

Ukrainian BERT. Hugging Face Inc. https://huggingface.co/models

ukTenTen 2020. https://www.sketchengine.eu/uktenten-ukrainiancorpus/

«ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ» КАК ЯВЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ПЕРЕВОДА «ЗОНЫ» С. ДОВЛАТОВА

Татьяна В. Тарасенко
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева

1. Введение

В статье рассматриваются «переводческие ошибки» как явление в художественном переводе, порождаемое наличием культурной дистанции между авторским текстом и текстом перевода; распознание в текстах оригиналов языковых единиц, описывающих элементы советской системы, образа жизни. Особое внимание уделено декодированию содержания и переводу языковых репрезентантов, представляющих ситуацию винопития в художественном тексте, обеспечивающих своеобразие художественных текстов С. Довлатова и лежащих в основе его уникального идиостиля.

Э. Косериу связывает подобные «переводческие ошибки» с процессом декодирования авторского текста и перекодирования его на родной язык, говоря, что переводчик может «произвольно производить декодирование, если в тексте оригинала он не находит достаточной опоры для обоснования идентификации обозначаемого» (1989: 69).

Аналогичное рассуждение мы находим у В. Набокова, который в свое время, рассуждая о сложностях художественного перевода в статье «Искусство перевода», вывел целую типологию «переводческих ошибок»:

> «В причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость – и вполне простительная. Следующий шаг в ад делает переводчик, сознательно пропускающий те слова и абзацы, в смысл которых он не потрудился вникнуть или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю. Он не брезгует самым поверхностным значением слова, которое к его услугам предоставляет словарь, или жертвует ученостью ради мнимой точности: он заранее готов знать меньше автора, считая при этом, что знает больше. Третье – и самое большое – зло в цепи грехопадений настигает переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей. За это преступление надо подвергать жесточайшим пыткам, как в средние века за плагиат» (1999: 395).

Как видно, основным критерием для данной типологии является осознанность/неосознанность допускаемого при переводе искажения содержания и одновременно с этим степень трансформации, происходящая с оригинальным языковым материалом. Первую группу составляют ошибки, связанные с недостаточной языковой компетенцией или неверной интерпретацией факта. Второй тип образуют отклонения, возникающие вследствие купирования фрагментов или упрощения значений и приводящие в итоге к обеднению заложенных в оригинале идей. Третий, самый серьезный

тип нарушений перевода писатель связывает с расширением исходной семантики, когда переводчик привносит в текст собственные смыслы, исходит из личностной квалификации явлений и фактов, пытаясь встать на позицию соавтора произведения.

Показательно, что об ошибках второго и третьего вида пишет и М. Кундера, высказываясь по поводу английского перевода его повести «Шутка»: «Издатель вырезал все связанное с размышлениями, убрал музыкальные главы, поменял части романа, буквально перекроив его заново. Другая страна. Я встречаю своего переводчика: он не знает ни единого слова по-чешски. «Как же вы переводили?» Отвечает: «По наитию», и вытащив из портфеля, показывает мне мою фотографию» (2022: 169).

В представленных выше позициях В. Набокова и М. Кундеры не допускается вольный пересказ либо трансформация исходного текста, что в определенном отношении противоречит современной практике перевода, допускающей использование соответствующих стратегий. Тем не менее и такую автоцентричную радикальную точку зрения следует иметь в виду, поскольку она обогащает концептуальное поле перевода.

Менее категоричный взгляд на «вмешательство» в оригинал представлен у Л. Сальмон, итальянского литературоведа, переводчика произведений С. Довлатова, которая связывает появление ошибок и недочетов с использованием той или иной стратегии при работе с текстом: доместикация (domestication), остранение (defamiliarization) или форенизация (foreignization). Выходом, по мнению Л. Сальмон, является в таком случае гибридизация (смешение стратегий), что позволяет избегать асимметрии, ибо «хороший переводчик, как и хороший хирург, работает с разными стратегиями, объединяя их в соответствии с «органическими» характеристиками отдельного текста» (2020: 262).

2. Цели исследования

Целью лингвистического исследования является анализ явления асимметрии как следствия отсутствия изоморфизма между авторским художественным текстом и его переводом – на материале повести С. Довлатова «Зона». В рамках предлагаемого подхода так называемые «переводческие ошибки» интерпретируются с учетом изоморфизма/неизоморфизма исходного художественного текста и текста перевода, что позволяет уточнить их статус, квалифицируя их не только как нарушение нормы, но и как проявление структурно-семантического рассогласования между двумя текстами.

3. Методологическая база

Проведенный лингвистический и переводоведческий анализ категории изоморфизма, ее типологических разновидностей и функциональных характеристик позволил установить отсутствие единой теоретической модели, комплексно описывающей природу соответствующего феномена.

Переводческий изоморфизм целесообразно рассматривать как отношение структурного соответствия между исходным текстом и текстом перевода, проявляющееся на определенном уровне языковой системы и выражающееся посредством специфических лингвистических средств фиксации.

Понимание изоморфизма уточняется через гуманитарную трактовку категорий симметрии и асимметрии; ср. их словарные определения: Симметрия – 1. Правильное расположение частей чего-нибудь по противоположным сторонам от точки, прямой или плоскости; 2. Правильность распо-

ложения частей в составе целого, соразмерность (Русский семантический 2003: 161); Асимметрия – отсутствие, нарушение симметрии, правильного расположения (Русский семантический 2003: 158).

В античной культуре понятия симметрии/асимметрии используют для описания целесообразности, красоты и закономерностей явлений и артефактов, со временем вписывая их в ряд основных инструментов, объясняющих устройство мира. В наши дни данная коррелятивная пара приобретает статус одной из центральных категорий, освоенной современной наукой и ее отдельными отраслями.

Российская лингвистика ввела в свой активный словарь обсуждаемые понятия с момента публикации статьи С. И. Карцевского «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929), представившего примеры лингвистической асимметрии – многозначности/синонимии, – возникающих вследствие расхождения плана выражения и плана содержания языковых единиц. С тех пор симметрия и асимметрия как рабочие понятия функционируют в исследованиях по лингвистике текста и концептологии (Пономаренко, 2005; Зубкова, 2011), в работах, посвященных выявлению понятий родного языка носителя, подходящих для освоения «чужой» культурно-языковой картины мира (Фененко, 2001) и др.

Что касается их освоения в области перевода, укажем в первую очередь на труды В. Г. Гака (1980), который в работе «Об использовании идеи симметрии в языкознании» описал главные языковые разновидности симметрии: статическую, динамическую и гомологическую, позднее предложив рассматривать асимметрию языкового знака в синтагматическом и семиотическом плане. Соответствующие идеи нашли развитие в его монографии «Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований» (Гак, 2010).

Концепция симметрии/асимметрии В. Г. Гака послужила методологической базой для анализа переводов с русского и французского языков, а кроме того, создала основание для дифференцированного описания изоморфных/неизоморфных связей между текстами оригинала и перевода. Типология позволила разграничить «формальную асимметрию» и «семантическое рассогласование», уточнить критерии квалификации переводческих решений как ошибок, смещений или допустимых трансформаций, квалифицировать переводческие трансформации (эллипсис, добавление, конденсацию, развертывание и др.) как системные проявления асимметрии, а не как случайные отклонения.

В переводческом аспекте вопросы асимметрии, кроме того, подробно рассматривались Р. О. Якобсоном (1966) в работе «On Linguistic Aspects of Translation». Австрийский теоретик переводоведения Э. Прунч, комментируя понятие «эквивалентность», подчеркивает, что «Р. Якобсон различает внутриязыковой (интралингвальный), межъязыковой (интерлингвальный) и межсемиотический (интерсемиотический) виды перевода: внутриязыковой перевод, или переименование (rewording), имеет место тогда, когда вербальные знаки интерпретируются и/или передаются с помощью других знаков того же языка. Межъязыковой перевод, или собственно перевод, имеет место, когда происходит интерпретация вербальных знаков посредством знаков другого языка» (2015: 34).

Э. Прунч интерпретирует якобсоновскую типологию перевода как основание для исследования различных режимов симметрии и асимметрии между исходным высказыванием и его интерпретацией, а, следовательно – для переосмысления понятия «переводческая ошибка». Внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический переводы в этом контексте рассматриваются как три уровня возможного расхождения между планом выражения и планом содержания, каждый из кото-

рых задает собственные критерии допустимой асимметрии и собственные зоны риска «ошибочности» трансформаций.

Внутриязыковой (интралингвальный) перевод, понимаемый как переименование, предполагает сохранение относительной симметрии на уровне семантики при потенциальной асимметрии на уровне формы, поскольку знаки одной языковой системы заменяются функционально близкими или интерпретирующими единицами. В таком случае «ошибка» проявляется преимущественно как нарушение семантической или прагматической эквивалентности при внешне минимальной формальной асимметрии, например при неадекватном перефразировании, смещающем смысловые акценты или нарушающем жанрово-стилистические ожидания адресата.

Межъязыковой (интерлингвальный) перевод как «собственно перевод» по определению усиливает асимметрию на уровне формы, поскольку переход к другой языковой системе делает полную структурную симметрию недостижимой. В этом режиме критерий «ошибочности» не может опираться на буквальную симметрию знаков, а должен соотноситься с тем, достигается ли функционально-семантическая и коммуникативная эквивалентность при неизбежном расхождении формальных средств, то есть переводческая ошибка понимается как разрушение минимально необходимого уровня изоморфизма между текстами.

Межсемиотический (интерсемиотический) перевод (в цитате Э. Прунча имеем лишь общую ссылку на данный тип) вводит еще более радикальную асимметрию, поскольку предполагает переход от вербальных знаков к невербальным системам (например, экранизация художественного произведения в кино). Здесь понятие симметрии/асимметрии смещается в плоскость соответствия между семиотическими кодами, а «переводческая ошибка» может трактоваться как несоответствие интерсемиотической интерпретации базовому смысловому и прагматическому инварианту исходного выражения, то есть как утрата ядра коммуникативного замысла при максимально допустимой формальной асимметрии.

О важности идей Р. Якобсона для теории и практики перевода пишет итальянский переводчик и лингвист Л. Сальмон, делая особый акцент на явлении асимметрии: «Среди них находится идея, что сложности, вызванные асимметрией между языками, в свою очередь, являются асимметричными: переводить с языка А на язык Б может оказаться легче или труднее, чем обратный процесс (с Б на А). Главное, Якобсон утверждал в своей статье существование универсального потенциала всех языков озвучить человеческий опыт. Якобсон исходил из того, что языки отличаются в основном «тем, что должны», а не тем, «что могут высказать»; согласно его мнению, лишь поэзия представила бы ограничение переводимости, требуя не перевода, а «творческого переложения» (2020: 147-148).

В целом, соотнесение представленных выше концепций с теорией переводческого изоморфизма и с учетом проблемы эквивалентности перевода помогает обосновать идею о том, что изоморфизм оригинала и перевода не должен быть сведен к сравнению поверхностных форм, поскольку имеет сложный многоуровневый характер.

На одних уровнях (пропозиционально-семантическом) он, в частности, может сохраняться, тогда как на других (синтагматическом, семиотическом) возникает регулируемая и мотивированная асимметрия. Переводческую ошибку поэтому следует усматривать не в каждом случае отклонения от формальной симметрии, а лишь тогда, когда асимметрия между исходным и производным высказыванием (внутриязыковым, межъязыковым или межсемиотическим) настолько существенна, что разрушает допустимый уровень изоморфизма, обеспечивающий эквивалентность интерпретации.

Это, в свою очередь, позволяет выстроить более тонкую шкалу оценивания качества перевода, учитывающую не только буквальное совпадение форм, но и степень функционально-семиотического соответствия текстов.

Завершая теоретический обзор, отметим, что проявление межъязыковой асимметрии рассматривается многими современными специалистами в области теории и практики перевода (Сальмон, 2008; Bellos, 2011; Markou 2009; Esakova, Kol'tsova, 2009).

Так, H. Gholami показывает сложность работы с художественным текстом на примере перевода рассказа А.П. Чехова «Каштанка» на персидский язык, отмечая, что переводчику не удалось сохранить динамику чеховского текста из-за стилистических неточностей и искажения структуры текста. Анализируя фрагмент *Каштанка помнила, что по дороге она себя вела крайне неприлично*, исследователь таким образом комментирует возникающий в результате казус: «В переводе Каштанка была пьяна, однако ясно, Лука Александрыч пил сам, но Каштанку при этом не поил. Каштанка вела себя неприлично от радости, а не потому, что была пьяна. Подобные ошибки из переводов чеховских произведений на персидский язык можно продолжать до бесконечности» (Gholami, 2009: 315).

Т. В. Тарасенко и Э. Керо (2016), выделяют случаи асимметрии, обусловленные, с одной стороны, детерминированными внутритекстовыми связями, что приводит к появлению в переводе дополнений или опущений отдельных семантических компонентов оригинала, а с другой – когнитивными и культурно-специфическими различиями между языковыми сообществами, формирующими широкий социальный контекст перевода. Так, анализ приемов перевода на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» показало, что трудностью становится не только перевод языковой единицы, например, глаголов *выпить, закусить*, но и экспликация тех смыслов, которые вкладывал в них писатель.

4. Материал и метод исследования

Материал данного исследования – повесть С. Довлатова «Зона» и ее перевод на испанский язык, выполненный А. Алкорта и М. Рамиресом (Dovlatov, 2009), что обусловлено культуроемкостью текста и отсюда его богатым потенциалом для выявления переводческих ошибок. Выбор корпуса из 49 текстовых фрагментов (около 5000 слов), репрезентирующих ситуацию винопития, позволяет сосредоточиться на переводе единиц гастрономической культуры, к которой, наряду с пищей, относится и питье как культурно детерминированная практика.

Основным методом анализа является метод семантико-синтаксического анализа. Исследование семантики текста и языковой ситуации опирается на сформировавшуюся в российской лингвистике традицию (Всеволодова, 2000; Мустайоки, 2006), развитую в сопоставительных исследованиях на материале нескольких языков (Ушаков, 2009). При выборе теоретического основания и методики анализа в русле семантического синтаксиса определяющее значение имеют работы Т. В. Шмелевой, задающие понятийный аппарат и процедуры описания пропозициональной структуры высказывания и типов ситуаций (Шмелева, 1988). В качестве единицы для выявления степени изоморфности авторского текста и его перевода с учетом сказанного выбрана семантическая ситуация. Анализируемая в работе ситуация винопития имеет элементарную модель, основу которой составляют пропозиция и ее актантное наполнение (Шмелева, 1988), а именно: субъект, предикат и объект (Бабенко, 2002: 240). Репрезентируемый фрагмент внелингвистической действительности рассматривается в

двух проекциях – в авторском тексте и его переводе, что позволяет описать особенности ее текстовой реализации в сопоставительном аспекте. В обоих случаях семантическая ситуация винопития, а также оформляющие ее предикаты и актанты в целом сохраняют характеристики изоморфности.

5. Результаты исследования

С. Довлатов – один из самых читаемых прозаиков конца XX века. С повестью «Зона» первым познакомился американский читатель в 1982 г., затем российский в 1991, испанский в 2009. Переводы художественных произведений С. Довлатова известны читателям в Великобритании и США, Италии, Испании, Аргентине и Бразилии, Японии и Китае.

Трудность для перевода исследователи творчества С. Довлатова, в первую очередь, связывают с жанровой своеобразием «Зоны», в которой писатель предстает «в разных ипостасях: надзиратель, художник (писатель) и автор, разъясняющий издателю концепцию своего произведения» (Ласточкина, 2012: 38). По мнению Л.С. Стариковой, «Зона» – это полижанровая повесть, построенная по принципам метатектуальности и цикличности, которой присущи «метатекстовые признаки повествования, многообразие авторского присутствия и различных точек зрения» (2014: 104).

Другим препятствием для переводчика «Зоны» становится язык писателя, по нашему мнению, вследствие базирования текста на фоновых знаниях о периоде развитого социализма в СССР 60-х гг. XX века, а также обилия в повести лексики тюремно-лагерной субкультуры. Об этом на страницах повести рассуждает сам писатель:

> Законы языкознания к лагерной действительности – неприменимы, поскольку лагерная речь не является средством общения. Она – не функциональна. Лагерный язык менее всего рассчитан на практическое использование. И вообще, он является целью, а не средством. Лагерный язык – затейлив, картинно живописен, орнаментален и щеголеват. Он близок к звукописи ремизовской школы. Лагерный монолог – это законченный театральный спектакль. Это балаган, яркая, вызывающая и свободная творческая акция. Речь бывалого лагерника заменяет ему все привычные гражданские украшения. А именно – прическу, заграничный костюм, ботинки, галстук и очки. Более того, – деньги, положение в обществе, награды и регалии (Довлатов, 1995: 99).

Н. Жутовская, анализируя перевод Anne Frydman субкультурной лексики в американском тексте «Зоны», пишет о чрезвычайной сложности перевода данного корпуса лексики. «Это вызвано, во-первых, отсутствием многих реалий и обозначающих их слов в языке перевода («чифирь», «фарцовщик»); и во-вторых, ярким национальным колоритом как лексем исходного языка, так и их возможных соответствий в языке перевода» (2012: 344). Переводчик книг С. Довлатова на итальянский язык Лаура Сальмон, рассуждая о возможности смысловой передачи авторского текста, приводит в качестве примера первую фразу из повести «*Чемодан*»: «*В ОВИРе эта сука мне и говорит*» и приводит 15 возможных вариантов перевода:

> Это на первый взгляд простое предложение может быть использовано как «микроучебник» переводоведения. В завязке книги, согласно своему стилю, Довлатов намеренно вызывал в читателе ощущение возобновления в кругу друзей недавно прерванного разговора. В то же время этот «эффект товарищества» был продиктован кропотливыми поисками острой модуляции, характерной для его поколения советской интеллигенции, одержимой словесной безукоризненностью, красотой звуков и изысканной лаконичностью (2020: 239-240).

Одним из выделенных фрагментов внелингвистической действительности, репрезентируемых в «Зоне», является ситуация винопития.

Напитки выступают частью гастрономической культуры, понимаемой как культурно специфичная система норм, принципов и образцов, задающая приемлемые способы приготовления и потребления, набор продуктов и их сочетаний, а также рефлексию над процессами, сопровождающие питье. Гастрономическая культура выполняет регулятивную функцию, функцию маркирования социального статуса, самоидентификации, интеграции, трансляции, а также коммуникативную функцию, что делает ее ключевым механизмом конструирования и поддержания коллективной и индивидуальной идентичности (Капкан, 2016).

В «Зоне» прием алкоголя включен в описание повседневных практик заключенных и охраны, вследствие чего алкогольные напитки осмысляются как национально и социально маркированные культурные референты. Перевод соответствующих языковых единиц на испанский язык требует не только лексической эквивалентности, но и знания норм гастрономической культуры принимающего сообщества, поскольку некорректная их фиксация и интерпретация способны нарушать регулятивный и идентификационный потенциал исходных значений, сформированных на пересечении языковой, культурной и ценностной систем.

Ситуация винопития занимает в повести существенное место: герои повести, служащие на территории зоны, в рабочее время охраняют заключенных, а в свободное время пьют, чтобы избавиться от чувства несвободы: «По Солженицыну лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами» (Довлатов, 1995: 28). По мнению М. А. Савиной, «одной из ключевых характеристик советской действительности в произведениях С. Д. Довлатова является отсутствие свободы» (2023: 117).

Алкогольные напитки «Зоны» подробно рассмотрены в работе «Объекты винопития в повести С. Довлатова «Зона» как национальные реалии и их перевод на испанский язык» (Тарасенко и Керо, 2021). Разнообразие спиртных напитков в повести, по нашему мнению, связано со стремлением автора показать однообразную жизнь солдат-вохровцев вне службы, пытающихся разнообразить ее, в том числе за счет алкоголя:

> Жизнь капитана Токаря состояла из мужества и пьянства. Воплощением мужества для капитана стали: опрятность, резкий голос и умение пить, не закусывая... Дома – теплая водка, последние известия. Холод и тьма за окном. Избу обступили сугробы. Ни звука, ни шороха, выпил и жди. А сколько ждать – неизвестно. Если бы собаки залаяли или лампа погасла... Тогда можно снова налить... (Довлатов, 1995: 125).

Иной причиной разнообразия «алкогольной» темы в произведении является тот факт, что в советской армии служили мужчины разных национальностей: грузин Дзавашвили пьет чачу, эстонец Пахапиль шартрез, а все вместе вохровцы пьют водку или зверобой:

> В ленинской комнате охранники затеяли игру. Она называлась «Тигр идет». Все уселись за стол. Выпили по стакану зверобоя. Затем ефрейтор Кунин произнес: – Тигр идет! Участники игры залезли под стол. – Отставить! – скомандовал Кунин. Участники вылезли из-под стола. Снова выпили зверобоя. После чего ефрейтор Кунин сказал: – Тигр идет! И все опять залезли под стол (Довлатов, 1995: 48).

Результатом анализа текстовых фрагментов исследуемой ситуации в испанском переводе «Зоны» (2009 г.) стало выделения трех групп лексем, при переводе которых наблюдается асимметрия; к таковым отнесены 1) названия спиртных напитков, переведенные с использованием транслитерации, 2) замена лексем *самогон, бормотуха, зверобой* на лексему *vodka*; 3) специфические варианты перевода арготивной лексемы *шнапс*.

Анализ названия алкогольных напитков, переданных в испанском тексте «Зоны» с помощью транслитерации, показал, что это названия иностранных спиртных напитков, заимствованные в русский язык, в значительной степени утратили присущую им первичную семантику: *шартрез* (*Chartreuse)*, *коньяк* (*coñac)*, *портвейн* (*oporto)* и *вермут* (*vermut o vermú)*. По мнению Г. Ю. Багриновского, автора «Словаря спиртных напитков», перечисленные выше советские напитки были низкого качества, имитацией и подделкой оригиналов (Багриновский, 2008), и потому дешевы и доступны для населения. Этот факт никак не прокомментирован авторами перевода, а передача названий транслитераций, с нашей точки зрения, искажает представление испанского читателя о питейной культуре советской эпохи.

Аналогичную переводческую ошибку можно видеть при переводе лексемы «вино» и названий вин: *красное, розовое крепкое, Пино-гри.*

Вино советского производства – спиртовой напиток низкой или средней крепости, получаемый в результате брожения виноградного сока, уступающий по качеству зарубежным аналогам.

Сравним пример из текста оригинала: *«Пино-гри», розовое крепкое, – добросовестно ответил надзиратель, исследуя винную этикетку* (Довлатов, 1995: 52) – и вариант испанского перевода, в котором розовое крепкое вино стало красным: *Pinot gris, tinto fuerte*. При этом Пино гри – это розовое вино; сорт одноименного винограда, который идет на производство преимущественно белых вин, но не красных. Крепость в советском вине повышалась за счет добавления спирта (Багриновский, 2008). По нашему мнению, у лексемы «вино» в испанском варианте перевода сохраняется основной компонент значения (алкогольный напиток), но опускается актуализированный (низкое качество и дешевизна), что нивелирует смысл и снижает художественную ценность перевода.

Транслитерацией передано и название грузинского самогона чачи *(chacha*), хотя его более точным смысловым эквивалентом является лексема *orujo*, обозначающая традиционный напиток Испании, стоящий по способу производству и крепости в одном ряду с итальянской граппой и грузинской чачей.

Вторая группа напитков – это *самогон, бормотуха, зверобой* – переведена одной лексемой *vodka*. Самогон – крепкий спиртной напиток низкого качества, изготавливаемый в домашних условиях посредством перегонки через самодельные аппараты. В советское время самогоноварение считалось уголовно наказуемым преступлением. В повести вохровцы ходят за спиртными напитками, в том числе и самогоном к заключенным в зону:

> На соседней койке, укрывшись, лежал Фидель. Вдруг он сел на постели и заговорил: – Знаешь, что я сейчас делал? Богу молился… Молитву сам придумал. Изложить? – Ну, – произнес Алиханов. Фидель поднял глаза и начал: – Милый Бог! Надеюсь, ты видишь этот бардак?! Надеюсь, ты понял, что значит вохра?!.. Так сделай, чтобы меня перевели в авиацию. Или, на худой конец, в стройбат. И еще распорядись, чтобы я не спился окончательно. А то у бесконвойников самогона навалом, и все идет против морального кодекса… (Довлатов, 1995: 47).

Следствием этого становится своеобразная зависимость военнослужащих от зэков, что обсуждается в повести:

> В зону меня не пустили. Контролер на вахте спрашивает: – Ты куда? – В зону, естественно. – По личному делу? – Нет, – говорю, – по общественному. – За водкой, что ли? – Ну. – Поворачивай обратно! – Ого, – говорю, – вот это соцзаконность! Значит – пускай ее выпьет какой-нибудь рецидивист? И совершит повторное уголовно наказуемое деяние?.. – Ты ходишь за водкой. Общаешься с контингентом. А потом он использует тебя в сомнительных целях. – Кто это – он? – Контингент... У тебя должен быть антагонизм по части зеков. Ты должен их ненавидеть. А разве ты их ненавидишь? Что-то не заметно. Спрашивается, где же твой антагонизм? (Довлатов, 1995: 158).

Писатель подчеркивает, что заключенные в зоне могут пить водку, заниматься самогоноварением, и в этом отношении они более свободны, чем их охрана.

Переводческой ошибкой является также замена русской *бормотухи* на лексему *vodka*. В просторечии *бормотуха* – общее название группы спиртных напитков низкого качества: вина, портвейна, наливки или настойки. В «Зоне» бормотуха – это синоним дешевого алкоголя. Солдатам не важен напиток и его качество, главный критерий – его дешевизна: *Потом мы зашли в кильдим и спросили у Тонечки бормотухи. Она сказала, что дешевой выпивки нет. Тогда мы закричали, что это все равно. Потому что деньги все равно уже кончились. Она говорит: – Вымойте полы на складе. Я вам дам по фунфурику одеколона* (…) *Потом мы выпили немного одеколона. Мы просто утомились ждать. Он страшно медленно переливался в кружки. Вкус был ужасный*…(Довлатов, 1995:156).

В анализируемых фрагментах испанского текста лексема *vodka* функционирует как наименование конкретного напитка, который не имел в виду автор русского оригинала. К тому же оно не содержит семы ‘дешевый’ и, соответственно, не актуализирует оценочный компонент первичного значения, связанный с низким качеством или стоимостью напитка. Тем самым утрачивается маркер сниженной, просторечной лексики, присутствующий в исходном русском выражении, и нейтрализуется стилистическая характеристика высказывания. Подобные переводческие ошибки приводят к тому, что намерение автора показать разнообразие дешевых напитков низкого качества, которыми вохровцы пытаются «украсить» свой досуг, нивелировано.

Особой трудностью для переводчиков стало адекватная передача значения лексемы *шнапс*, маркированной в повести как элемент тюремно-лагерного арго; у С. Довлатова *шнапс* – это *алкоголь*. Автор словаря спиртных напитков Г. Ю. Багриновский считает, что одно из значений *шнапса* – это *водка* (с пометой «общеарготический») (2008: 536). (Исследователи вообще отмечают разработанность в арго фразосемантического поля «Пьянство» (Birikh, 2009:19)).

Как известно, *шнапс* – это оригинальный крепкий спиртной напиток; немецкая водка (20-30 % алкоголя). В тексте ниже описан эпизод, когда у солдат-вохровцев возникает желание выпить. В ходе разговора они вспоминают про доктора Яшвица и медсанбат:

> – Почему бы и не выпить?.. – Надо за бутылкой идти, – сказал Воликов (…) – Явшиц совсем одичал, – заметил Воликов, поглаживая Мамулю (служебную собаку. – Т.Т.), – абсолютно... Прихожу как-то раз. Глотать, мол, больно. А он и отвечает: «Вы бы поменьше глотали, ефрейтор!..» Намекает, козел, что я пью. Небось сам дует шнапс (1) в одиночку. – Не похоже, – сказал я, – дед в исключительной форме. Кирным его не видели. – Поддает, поддает, – вмешался Фидель, – у докторов навалом спирта (…) – Ладно, – сказал Воликов, – так уж и быть. Он достал из-под матраса бутылку вермута с зеленой этикеткой. Вермут был запечатан сургучом (…) Мы выпили из одной кружки. Воликов достал болгарские сигаре-

ты. – Ого, – сказал Фидель, – вот что значит жить без начальства. Все у тебя есть – шнапс (2) и курево (Довлатов, 1995: 110).

Воликов рассказывает о посещении медсанбата и беседе с врачом, который советует ему меньше пить. Петров (Фидель) считает, что врачи из-за доступности медицинского спирта сами обязательно его пьют, а затем одобряет наличие вермута и болгарских сигарет у Воликова, два раза упоминая *шнапс*. В испанском варианте повести в первом случае *шнапс* передан как *aguardiente* (собирательное название для самогона в испаноязычных странах), во втором как *de beber* (выпивка).

В другом примере – *Давай, – подхватил Балодис, – в кильдиме шнапса (3) нет, а у зеков – сколько угодно* (Довлатов, 1995: 158) – данный напиток переведен как *priva,* на молодежном жаргоне обозначающий крепкие спиртные напитки.

Итак, в первом случае в испанском тексте называется конкретный напиток, который не имеется в виду в оригинале; во втором случае лексема передает лишь обобщенное ‘алкоголь’; в третьем – смысловое содержание русской лексемы зафиксировано, но стилистически лексемы оригинала и перевода принадлежат языкам разных субгрупп.

Обратим далее внимание на декодирование содержания и перевод единиц, передающих своеобразие культуры винопития в повести, – это закуска и питейная посуда, составляющие периферию ситуации винопития. Авторский замысел С. Довлатова состоит в донесении до читателя идеи социальной и бытовой несвободы охраняющих заключенных солдат, пьющих дешевые, низкого качества напитки, закуска к которым бывает лишь по случаю: *Потом мы выпили немного одеколона* (…) *Вкус был ужасный, и мы закусили барбарисками* (Довлатов, 1995:156).

Барбариски – один из символов советской гастрономической культуры, небольшие кисло-сладкие леденцы, яркого розового цвета, чуть прозрачные, с ароматом ягод барбариса; дешевые карамельные конфеты. В «Зоне» у солдат хватает средств только на такие конфеты, которые вряд ли можно считать полноценной закуской для крепкого алкоголя, тем более суррогатного качества. В испанском тексте *барбариски* становятся *карамелью* (*caramelo*), что повторяет уже отмеченный ранее тип смысловой потери. Как и при переводе конкретного напитка посредством лексемы *vodka*, номинация конфет с определенными вкусовыми характеристиками и фиксированными физическими параметрами заменяется единицей с обобщенным значением. В результате утрачиваются семантические признаки, связанные с конкретным видом продукта (вкус, форма, размер), что приводит к нивелированию денотативной точности и ослаблению прагматического потенциала исходной единицы. Подобная генерализация нарушает принцип адекватности, поскольку понижает степень детализации и индивидуализации референта по сравнению с авторским текстом.

Следующая гастрономическая реалия довлатовского текста – *холодец*, выступающий в качестве закуски. События, описываемые в примере ниже, происходят перед Новым годом: *Алиханов, щурясь от света, вошел. Сбоку косо возвышалась елка, украшенная мандаринами и продуктовыми этикетками (…) Он подвинул надзирателю фужер и тарелку с дрогнувшим холодцом* (Там же, 1995:51). Русский *холодец* заменен на испанское *gelatina* – с потерей национального колорита реалии, поскольку происходит «замена ожидаемого коннотативного эквивалента (…) нейтральным по стилю, т.е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией» (Влахов and Флорин, 1980: 90). В данном случае транскрипция была бы более точной, сохраняя облик слова-оригинала и хотя бы частично сохраняя память о семантике названия блюда, являющегося частью праздничной, а именно новогодней, национальной гастрономической культуры.

Переводческие ошибки встречаются и при переводе названий питейной посуды.

Примечательно, что некоторые предметы солдатской столовой практически незнакомы современному читателю, так как вышли из повседневного кухонного обихода, например, *борщовая лохань*; ср.: *лохань* – круглая или продолговатая посуда для стирки белья, мытья посуды, сливания жидкости (Ожегов и Шведова, 1992: 341), В авторской концепции «Зоны» данный предмет выступает значимым маркером времени и лагерного быта: именно из лохани вохровцы пьют водку, что призвано подчеркнуть антисанитарную грубую и обезличенную повседневность лагерной жизни, актуализировать смыслы бытовой неприглядности служебной рутины: «На кухне уже пили водку. Ее черпали алюминиевыми кружками прямо из борщовой лохани» (Довлатов, 1995: 46). В испанском тексте *лохань* переведена как *tina* (котел, чан), репрезентантом предмета иного формата и функционального назначения, в результате чего частично утрачиваются культурно-бытовые коннотации оригинальной лексемы.

6. Выводы

Можно считать, что большинство проявлений несвободы в зоне, зафиксированные в художественном тексте С. Довлатова и требующие декодирования для переводчиков и читателей, находящихся за пределами России, представляют для них «чужую», иную национальную культуру периода 60-х годов XX столетия, предполагающие специфическое знание о советской пенитенциарной системе и тюремно-лагерном арго. Это особый вид «чужого», без понимания которого идеи и поэтика литературного произведения не будут усвоены в полном объеме.

В частности, ситуация винопития в «Зоне» – не только тематический, но и структурирующий элемент текста, – оказывается для переводчиков чужеродной, поскольку напитки, закуски к ним и посуда есть культурно нагруженные знаки, маркирующие социальный статус участников, свидетельства неформальных практик общения, повседневного лагерного быта. Дополнительную сложность создает принципиально иная культура винопития в принимающем – испанском – социокультурном контексте. Это приводит к частичному разрушению изоморфизма и, как следствие, к формированию несколько упрощенной по сравнению с оригиналом авторской картины мира.

«Переводческие ошибки» в анализируемом материале являются не столько буквальным искажением значения, сколько проявлением низкой степени изоморфизма между оригиналом и переводом, когда при формально сохраненной пропозиционально-семантический модели ситуации, культурно значимые фактологические, стилистические и оценочные компоненты смысла (дешевизна, низкое качество, субкультурная маркированность алкогольных напитков) оказываются полностью либо частично нивелированными.

Сопоставление «автороцентричной» позиции В. Набокова и М. Кундеры с подходом Л. Сальмон подтверждает точку зрения последней: перевод фрагментов, описывающих гастрономическую культуру того или иного национального коллектива, требует гибридизации – сочетания стратегий доместикации и остранения. Доминирование одной из них без учета идиостиля автора лишь усиливает асимметрию перевода, провоцируя появление ошибок второго и третьего «типа» по набоковской классификации.

Результаты анализа переводческих ошибок ситуации винопития могут быть использованы при разработке многоуровневой модели переводческого изоморфизма, учитывающей не только формально-семантические, но и лингвокультурные параметры качества художественного перевода.

Литература

Бабенко, Л. Г. (2002). *Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь*. Флинта: Наука.

Багриновский, Г. Ю. (2008). *Энциклопедический словарь спиртных напитков: свыше 3500 назв.: история спиртных напитков*. Астрель: АСТ.

Влахов, С., & Флорин, В. (1980). *Непереводимое в тексте*. Международные отношения.

Всеволодова, М. В., (2000). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Издательство Московского университета.

Гак, В. Г. (1980). Об использовании идей симметрии в языкознании. В *Лексическая и грамматическая семантика романских языков* (стр. 41-51). Калининский государственный университет.

Гак, В. Г. (2010). *Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований*. Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Довлатов, С. Д. (1995). *Зона (Записки надзирателя)*. Лимбус Пресс.

Жутовская, Н. М. (2012). Некоторые особенности перевода русской нестандартной лексики на английский язык (на материале перевода романа С. Довлатова «Зона»). *Царскосельские чтения,* 2012, 339-344.

Зубкова, Е. В. (2011). *Симметрия и асимметрия как механизмы самоорганизации концептуальной оппозиции (на примере концептуальной оппозиции ХОЛОД-ТЕПЛО/ЖАР)*. Пермский государственный технический университет.

Капкан, М. В. (2016). *Культура повседневности*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Карцевский, С. О. (1965). Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В В. А. Звегинцев (Ред.), *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях* (стр. 85-90). Просвещение.

Косериу, Э. (1989). Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение. В *Новое в зарубежной лингвистике XXV* (стр. 63-81). Прогресс.

Кундера, М. (2022). *Искусство романа*. КоЛибри.

Ласточкина, Е. В. (2012). Авторская позиция и способы ее выражения в повести С. Довлатова «Зона». *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*, *2*, 34-44.

Мустайоки, А. (2006). *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. Языки славянской культуры.

Набоков, В. В. (1999). Искусство перевода. В В. В. Набоков, *Лекции по русской литературе* (стр. 412-425). Независимая газета.

Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка*: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. Азъ Ltd.

Пономаренко, И. Н. (2005). *Симметрия / асимметрия в лингвистике текста*. Кубанский государственный университет.

Прунч, Э., (2015). *Пути развития западного перевода. От языковой асимметрии к политической*. Р. Валент.

Савина, М. А. (2023). *Сценарии употребления алкоголя в художественной картине мира С. Довлатова и возможности их реконструкции в итальянском переводе* [Unpublished Candidate of Philological Sciences Dissertation]. Новосибирский государственный педагогический университет.

Сальмон, Л. (2008). *Механизмы юмора: о творчестве Сергея Довлатова*. Прогресс-Традиция.

Сальмон, Л. (2020). *Теория перевода*. Ин-т мировой литературы им. Горького РАН.

Старикова, Л. С. (2014). Жанровое своеобразие повести С. Довлатова «Зона». *Движение времени и законы жанра*. В *Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции словесников «Лейдермановские чтения»* (стр. 96-105). Екатеринбург.

Тарасенко, Т. В., & Керо, Э. (2021). Объекты винопития в повести С. Довлатова «Зона» как национальные реалии и их перевод на испанский язык. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, *73*, 114-136.

Тарасенко, Т. В., & Керо, Э. (2016) Повседневная культура и ее элементы в художественном и переводном тексте (На материале переводов на испанский язык романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 3*, 14-26.

Ушаков, С. Г. (2009). Особенности узуса при выражении движения на русском и французском языках. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, *93*, 213-217.

Фененко. Н. А. (2001). *Язык реалий и реалии языка*. Воронежский государственный университет.

Шведова Н. Ю. (Ред.). (2003). Русский семантический словарь*: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений (Т. 3)*. Азбуковник.

Шмелева, Т. В. (1988). *Семантический синтаксис: Текст лекций*. Изд-во Красноярского государственного университета.

Bellos, D. (2011). *Is that a fish in your ear? The amazing adventure of translation*. Penguin Books.

Birikh, A. (2009). Фразеология в русском арго. *Rossica Olomucensia*: *Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*, *48*(1), 17-22.

Dovlatov, S., (2009). *La zona*. (*The Zone: A Prison Camp Guard's Story*). Ikusager Ediciones, S. A.

Esakova, M. & Kol'tsova, Yu. (2009). Культурно-антропологическая асимметрия: аспект подготовки переводчиков. In *La traduction: Philosophie, linguistique et didactique* (pp. 213-216). Université Charles-de-Gaulle.

Gholami, H. (2009). О переводе и его особенностях (в сопоставлении с персидским языком). In *La traduction: philosophie, lingustique et didactique* (pp. 313-316). Universite Charles-de-Gaulle.

Jakobson, R. (1966). On Linguistic Aspects of Translation. In R. A. Brower (Ed.), *On translation* (pp. 232-239). Oxford University Press.

Markou, K. (2009). Межъязыковая асимметрия и проблемы перевода. Интерпретация вторичности информации в болгарском и новогреческом языке. In *La traduction: philosophie, lingustique et didactique* (pp. 129–134). Universite Charles-de-Gaulle

BULGARIAN ADVERSATIVE CONNECTIVES IN GENEALOGICAL AND TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

Ekaterina Tarpomanova
Sofia University St. Kliment Ohridski

1. Introduction

Typologically, there are three major types of coordinating constructions distinguished by linguists: conjunctive, disjunctive, and adversative (Haspelmath, 2004: 5). Adversative constructions express contrast between two situations (the so-called «but» coordination). Bulgarian, similarly to the other Slavic languages, has a variety of connectives that express adversative relation between two situations. Many of them can function both as conjunctions and discourse markers as stated by Fiedler (2008), i.e. to connect clauses in a sentence or segments of discourse. The paper discusses the connectives *а*, *ала, ама*, *ами*, *но*, *обаче*, and *пък* in two aspects: (i) in terms of their origin, the connectives may be viewed as Slavic, usually with cognates in the language family, or Balkan, acquired as loanwords as a result of the prolonged language contacts in the Balkan area; (ii) considering their semantics, connectives can be analyzed according to the type of contrast they encode. The two-fold analysis aims at putting Bulgarian data in Slavic and cross-linguistic context. Finally, the frequency of the adversative connectives in contemporary Bulgarian is presented by extracting their occurrences from the Bulgarian web corpus CLASSLA-web.bg containing 3+ billion of tokens. Adversative expressions, such as *само че* «however» [lit. «only that»], *все пак* «however» [lit. «all again»], are not considered in this study, nor are the obsolete connectives *нежели*, *току*, *камо ли*.

2. Origin of the Bulgarian adversative connectives

In the history of Bulgarian, many adversative connectives are inherited from the rich system of coordinating connectives attested since Old Church Slavonic (OCS), some of the main adversative connectives have been lost first from the vernacular and after that from the literary language, such as же [ʒe] which disappeared in the 17th century, and some reappeared during the Revival, like *обаче* (Мичева, 2013: 30). Two of the main connectives in Bulgarian with general adversative meaning, *а* and *но*, have Slavic origin and cognates in many Slavic languages.

The connective *а* is found in Bulgarian, Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian (BCMS), Slovene, Czeck, Slovak, Polish, Russian, Ukrainian, Belarusian, Upper and Lower Sorbian, Slovincian, i.e. in all Slavic territory with both additive and adversative meaning (Трубачев, 1974: 33). The etymology of the Proto-Slavic conjunction **а* is usually explained (analogically with other conjunctions as **i*) from the case form of the pronominal base IE **e-/o-*, with the reconstruction Proto-Slavic **а* < IE **ēd/ōd*, ablative singular (Трубачев, 1974: 33).

The connective *но* used in contemporary Bulgarian is attested in Old Church Slavonic (OCS) *нъ*, Old Russian *нъ*, Old Belarusian *но*, Old Serbo-Croatian *на*, and is found in contemporary Russian, Belorussian, Ukrainian, BCMS *но* (Трубачев, 1999: 50). In Slovene, the conjunction *no* has both additive and

adversative semantics (closer to Bulg. *а*) and is obsolete (Inštitut za slovenski jezik ZRC SAZU, 2015). Regarding the etymology, the prevailing opinion is that the Proto-Slavic conjunction **нъ* belongs to the nest of IE **ни-* «now, then» (Трубачев, 1999: 50-51). According to the Bulgarian Etymological Dictionary, *но* has been loaned from Russian or (less probable) has been inherited from OCS *нъ* (with vowel clarification *ъ>о*) (Анастасов и др., 1995: 669).

The connective *обаче* is attested in OCS and Old Russian. It is obsolete in most of the contemporary Slavic languages: Russ. *обаче*, BCMS *obače*, Cz. *obáč*, Slovak *obač*. Bulgarian seems to be the only Slavic language in which it reappeared and is still in active use. Most likely it originated from the fusion of two elements: **оба* «both» and the postpositional *-че* with pronominal origin (Трубачев, 1999: 90).

Two of the contemporary Bulgarian adversative connectives have domestic origin, but no equivalents in other Slavic languages: *ами* and *пък*. According to the Bulgarian Etymological Dictionary, the connective *ами* originated from the combination of the conjunction *а* with the personal pronoun in the ethical dative *ми* used mostly in colloquial speech and folklore songs. The connective *ами* has evolved from sentences with contrast relation like *това ми не йе хайдутин, а ми йе тежък търговец* [this is not a rebellion, but an important trader] and represents a unique combination among Slavic languages (Георгиев и др., 1971: 10-11). An alternative etymology is proposed by Skok, who considers that *ами* is a variant of *ама* and is probably related to the Modern Greek particle *αμέ/αμή* [sure (yes)] (Skok, 1971: 32). In this research, *ами* is classified as a domestic connective, since it is not found in any of the other Slavic languages. However, the suggestion of Skok that *ами* has been developed from the loaned connective *ама* cannot be ignored considering the similar phonetic composition of the two connectives. Another argument in support of the hypothesis proposed by the Bulgarian Etymological Dictionary (*ами* < *а* + *ми*) is that *ами* is semantically related to *а* and not to *ама*, whereas the latter is semantically close to *но* (see further). Nevertheless, the origin of *ами* remains unclear and disputable.

The connective *пък* originates from the adverb *пак* [again], with vowel reduction due to lack of stress (Анастасов и др., 1995: 40) and semantic development from the initial adverbial meaning. The adverb is widespread in the Slavic languages: Bulg *пак* [again], BCMS *pak* [again], Russ. (dial.) *пак*, Ukr. (obs.) *пак*, Belarus. (obs.) *пак*, Cz. *pak* [after that; then, in that case], Old Polish, Polabian, Lower and Upper Sorbian, it is attested in OCS *пакъ* and originated from Proto-Slavic **apaky*, with misinterpretation of the initial *а-* as a prefix and deglutination. However, the connective *пък* is unique Bulgarian development. Another connective is believed to have evolved from the same adverb – *па/ра* which is found in Bulgarian (col./dial.), BCMS, Czeck, Slovak, as a weakened version of the adverb OCS *пакъ* in sandhi (Анастасов и др., 1995: 993). Skok argues that in BCMS the drop of the final *-k* from *pak* is due to its interpretation as a deictic particle (Skok, 1972: 583). The connective *па* is not considered in this study as it has additive meaning.

Finally, two of the adversative connectives in contemporary Bulgarian are loanwords from other languages. The connective *ала* is loaned from the Greek *αλλά* [but], which is phonetically close to a Slavic connective with adversative semantics – BCMS *ali* [but], Cz. *ale* [but], Pol. *ale* [but], Ukr. *але* [but] (Георгиев и др., 1071: 8).

The connective *ама* is defined by Skok (1971: 32) as a Balkan Turkism from Arabic origin in the field of syntax (Bulg. *ама* < Turk. *ama* [but] < Arab. *emma* [but, however]). Besides Bulgarian it is found in Romanian, Albanian and BCMS, which is why it is considered as a part of the common Balkan lexicon (Асенова, Детрез, 2021: 301).

To sum up, according to their origin, Bulgarian adversative connectives may be classified as (i) Slavic, with cognates in other Slavic languages, (ii) domestic, with Slavic origin but no equivalents in the languages of the Slavic family, and (iii) loaned from other languages, with two specific cases: *ала* is found only in Bulgarian and has phonetic similarity with the Slavic conjunction *ali/ale*, which, on the other hand, is not used in Bulgarian, and *ама* is loaned in the Ottoman period from almost all languages in the Balkans, except Greek. The distribution of the Bulgarian adversative connectives according to their origin is shown in Table 1.

Slavic	**Domestic**	**Loaned**
а	*? ами*	*ама*
но	*пък*	*ала*
обаче		

Table 1. Origin of Bulgarian adversative connectives

3. Semantics of the Bulgarian adversative connectives

Defining the semantics of the Bulgarian adversative connectives consists in detecting their general adversative meaning and the subtype of the adversative relation they encode. For the semantic subtypes of the adversative relation, I apply Mauri's approach to European adversative constructions (Mauri, 2007), which is close to other linguists' views regarding adversativity in different European languages (cf. Викторова, 1985 for Bulgarian; Zafiu, 2005 for Romanian; Cuenca, Postolea & Visconti, 2019 for Spanish, Catalan, Italian and Romanian, among many others), and in which the adversative relation is divided into three semantic subtypes according to the origine of contrast: oppositive contrast (alternatively called semantic or weak contrast) that expresses simple semantic opposition (1), corrective contrast, in which a negated element is substituted by another one (2), and counter-expectative contrast, in which the second situation negates an expectation generated by the first one (3):

(1) *I worked and you slept!*

(2) *Paul is not studying in his room, but (he is) playing in the garden.*

(3) *Paul is tall, but he is not good at basketball.* (Mauri, 2007).

The oppositive contrast is based on semantic opposition between situations. The two situations are usually reversible, i.e. they can be displaced without changing the general meaning of the sentence and are semantically equal for the interpretation of the sentence, i.e. none of them is decisive for the general meaning. Unlike the oppositive contrast, for the counter-expectative subtype the second situation is decisive for the interpretation of the sentence and the displacement of the two units is rather inappropriate.

In terms of contrast, Slavic languages are known to have specific connectives encoding discontinuity relations, i.e. between situations that are non-sequential, parallel (with both predicates independent or both dependent) and include a change of at least one of the elements of the situation (either the participant(s) or the action) (Mauri, 2007: 186), as in Bulgarian:

(4) *Аз излязох, а ти остана вкъщи.* [I went out and you stayed home.]

Among the adversative subtypes, oppositive and corrective contrast can be analyzed in terms of discontinuity. Some of the Bulgarian adversative connectives are polysemantic and polyfunctional: *пък* is

(i) adversative conjunction, and (ii) emphatic particle; *ама* is (i) adversative conjunction, and (ii) emotional particle; *ами* is (i) adversative conjunction, (ii) filler, and (iii) particle expressing confirmation or negation (depending on its position in the clause and the intonation) (Институт за български език, БАН, н.д.). However, in the study I consider only their function of adversative connectives.

Similarly to the other Slavic languages, Bulgarian does not have a general adversative marker, i.e. expressing all subtypes of the adversative relation (as is *but* in English, *mais* in French, *ma* in Italian, etc.). The conjunction *но* is usually considered as the adversative marker having the broadest contrast semantics, but in fact it is used to denote counter-expectative relation between situations, rarely for oppositive (semantic) contrast and never for corrective contrast. On the other hand, *а* covers all aspects of discontinuity in the field of adversativity, i.e. the oppositive (semantic) and the corrective contrast. When used to denote counter-expectative contrast, *а* adds the personal stance of the speaker (surprise, approval or disapproval, etc.).

(5a) *Морето е по-спокойно, но вълните все още затрудняват плуването.*[1]

[The sea is calmer, but the waves still make swimming difficult.]

(5b) *Морето е по-спокойно, а вълните все още затрудняват плуването.*

[The sea is calmer, but the waves still make swimming difficult.]

(6a) *В надпреварата на 45 км. златен медал спечели Чавдар Караджов, а Кристиан Колев завоюва бронз.*

[In the 45 km race, Chavdar Karadzhov won the gold medal, and Kristian Kolev won bronze.]

(6b) *В надпреварата на 45 км. златен медал спечели Чавдар Караджов, но Кристиан Колев завоюва бронз (и това е голямо постижение за младия спортист).*

[In the 45 km race, Chavdar Karadzhov won the gold medal, but Kristian Kolev won bronze (and this is a great achievement for the young athlete).]

(7) *За тях те са не просто работа, а втори дом.*

[For them, they are not just a job, but a second home.]

The above sentences illustrate the semantic distribution of the connectives *а* and *но* across contexts they occur in. Sentence (5a) presents the typical counter-expectative contrast between two situations, expressed by the connective *но*: situation A («the sea is calmer») generates the expectation that the sea is suitable for swimming, to which situation B («the waves still make swimming difficult») is opposed. In (5b) the connective *но* is replaced with *а*, which adds to the counter-expectative contrast the stance of the speaker and the interpretation of the sentence is enlarged with the presupposition «I expected that the sea will be suitable for swimming, but it is not and this surprises me». Sentence (6a) demonstrates the oppositive contrast, in which the connective *а* occurs and which consists in the simple opposition between the participants in the situation: Chavdar Karadzhov / Kristian Kolev, gold medal / bronze medal. The oppositive contrast is closer to the additive relation and if in such context *но* is used instead of *а*, situation B presented in the second clause (as opposed to situation A) becomes crucial for the interpretation of the whole sentence and the conclusion is based on the second situation. In (7) *а* is used to express corrective contrast: «work» is negated and substituted by «second home». As already stated, *но* is impossible in sentences with corrective contrast.

Regarding the subtypes of the adversative relation, *обаче*, *ама* and *ала* can be seen as synonymous to *но*: they express counter-expectative contrast, cannot be used for corrective contrast, and have limited possibilities to denote oppositive contrast (in contexts that are close to counter-expectative contrast and imply some conclusion based on the second situation).

[1] The illustrative examples are excerpted from the Bulgarian web corpus CLASSLA-web.bg.

(8) *В разказа му нямаше нищо ново, обаче аз го изслушах внимателно за всеки случай.*

[There was nothing new in his story, but I listened carefully just in case.]

(9) *Целите в кръпки, ама имат злато да купят селото барабар с кмета.*

[They're all in tatters, but they have the gold to buy the village along with the mayor.]

(10) *Той повторно изтърка петното, ала на другата заран то пак се появи.*

[He rubbed the stain again, but the next morning it appeared again.]

In the field of adversativity, *ами* is restricted to the corrective contrast and unlike *а* never occurs in contexts with oppositive contrast, so it is not a full equivalent of *а* as discontinuity marker, covering only one of the discontinuity fields.

(11) *Блокират не сим-картата, ами телефона.*

[They block not the SIM card, but the phone.]

As conjunction *пък* can express oppositive contrast, has limited functions as a marker of counter-expectative contrast (similarly to *а* adding personal stance), and is impossible in contexts with corrective contrast.

(12) *Бъзикахме се един ден, че ние пием чая като лекарство, пък те – като ритуал.*

[We were joking one day that we drink tea as medicine, and they drink it as a ritual.]

(13) *Телефонът ми звъни, пък аз имам все още махмурлук...*

[My phone is ringing, and I still have a hangover...]

The subtypes of the adversative relation that each of the analyzed connectives can express are presented in Table 2.

Connective	**Oppositive contrast**	**Counter-expectative contrast**	**Corrective contrast**
но	+/-	+	-
обаче	+/-	+	-
ама	+/-	+	-
ала	+/-	+	-
а	+	+/-	+
ами	-	-	+
пък	+	+/-	-

Table 2. Semantic subtypes of the adversative relation that Bulgarian connectives express

4. Usage and frequency

The adversative connectives in Bulgarian differ in their field of use. The connectives *а* and *но* are stylistically neutral and occur in all registers of both formal and informal communication. Similarly, *обаче* is stylistically neutral, but it has emphatic use highlighting the adversative relation between situations. On the other hand, *ама*, *ами* and *пък* belong to the colloquial register, whereas *ала* occurs only in the (older) literary style. Those usage peculiarities influence the frequency of each connective.

The frequencies are extracted from the Bulgarian web corpus CLASSLA-web.bg, that contains 3+ billion of tokens and is part of the CLASSLA-web comparable corpora of the South Slavic languages, (Ljubešić & Kuzman, 2024). The search formula that has been applied was meant to perform grammatical disambiguation in order to obtain the occurrences of the connectives (annotated as conjunctions). Howev-

er, no quantitative data were obtained for *пък*, because it has been annotated only as particle and not as conjunction. As word, *пък* has 1 405 154 occurrences (0,036% of all tokens in the corpus). The manual preview of the contexts containing *пък* showed that the use as particle prevails considerably over the conjunction.

The frequency of the adversative connectives in the corpus of the Bulgarian web CLASSLA-web.bg is presented in Table 3 and the percentage of the use of the connectives relative to each other is shown in Figure 1.

Connective	**Occurrences**	**Percentage of the tokens**
а	9 893 012	0,25%
но	9 435 408	0,24%
обаче	2 164 251	0,055%
ама	558 858	0,014%
ами	127 022	0,0032%
ала	61 639	0,0016%

Table 3. Number of occurrences of the adversative connectives in the corpus of the Bulgarian web CLASSLA-web.bg and percentage of the tokens in the corpus

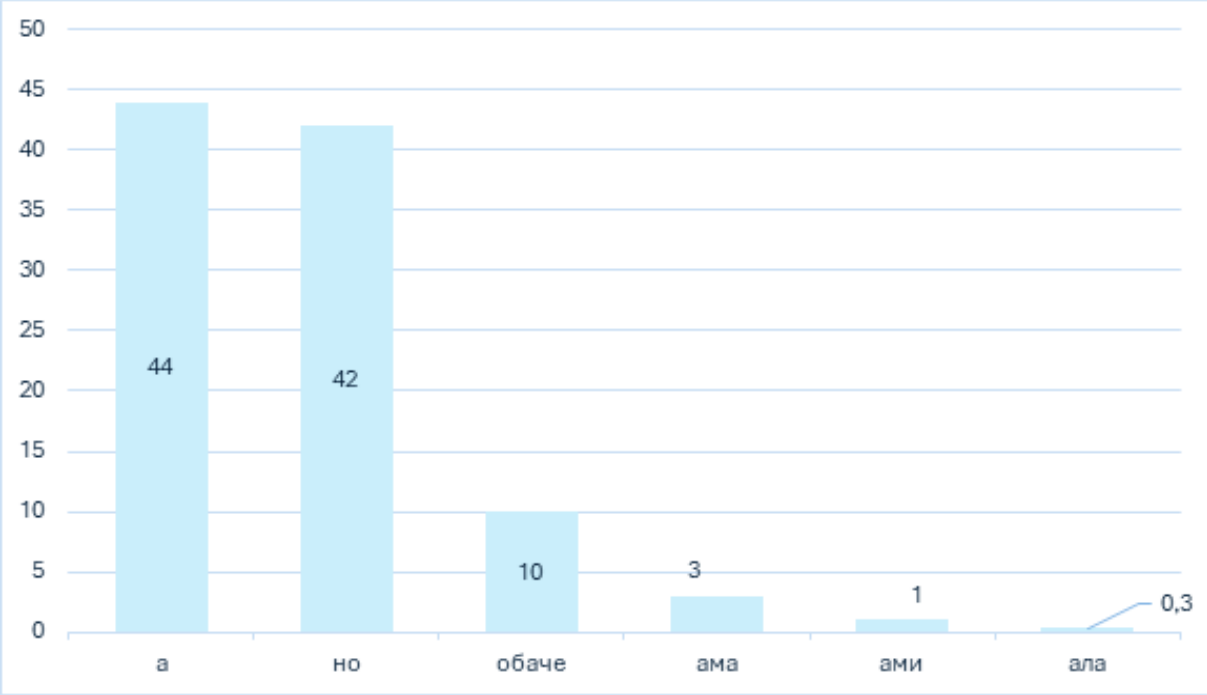

Figure 1. Percentage of use of the connectives relative to each other

The quantitative data show that the most frequent adversative connectives in Bulgarian are *а* (44%) and *но* (42%), followed by *обаче* (10%), whereas the frequency of *ама* (3%), *ами* (1%), *ала* (0,3%) and *пък* is much lower. As compared to each other, the first two connectives – *а* and *но*, seem to have almost equal relative use, which can be interpreted as equal distribution of the subtype of adversative relation they encode. Unlike *обаче*, which is emphatic, *а* and *но* are unmarked for emphasis which also motivates their higher frequency. Additionally, *а* and *но* are monosyllabic and monomorphemic, whereas *обаче* is trisyllabic and bimorphemic, and as it is known, the frequency of use correlates with the morpho-phonological complexity in the sense that high frequency relates to morpho-phonological reduction (Kortmann, 1997: 127; Mauri

2007: 192). The connectives *ама*, *ами*, *ала* and *пък* have restricted fields of use, in which *но*, *а* and *обаче* can also occur, but not the other way around.

5. Conclusion: genealogical and typological considerations

Bulgarian has a variety of adversative connectives with different distribution across functions and semantic subtypes of the adversative relation. The most general and the most frequent connectives that mark contrast in Bulgarian are the most «Slavic» ones, *а* and *но*, which not only have Slavic origin, but are also preserved in many of the contemporary Slavic languages. Another Slavic feature of the Bulgarian adversativity is the separate marking of counter-expectative contrast (*но*), on the one hand, and oppositive and corrective contrast (*а*), on the other. Bulgarian has similarities but also differences with the other South Slavic languages: a very similar functional distribution of the adversative connectives is found in Macedonian – *но* (and *ама*) mark counter-expectative contrast, *а* is used for oppositive contrast, but there are three markers of corrective contrast – *а*, *ами* and *туку*, the most frequent and the most neutral being *туку*, whereas *а* and *ами* are typical for the high style; in BCMS there are two markers of counter-expectative contrast (with different distribution across languages) – *no* and *ali*, *a* marks oppositive contrast, but there are separate markers for corrective contrast – *nego*, *već*. Within the Slavic family, Bulgarian is closest to Russian – both languages use one marker for the oppositive and the corrective contrast and mark separately the counter-expectative contrast, and what is more, use the same connectives – *а* and *но*, respectively. Among the European languages, Bulgarian belongs to the group that has a separate discontinuity marker, together with Macedonian, BCMS, Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, Lithuanian, Hungarian, Chechen, but only in Bulgarian, Russian, Lithuanian, and Chechen the same marker is used for oppositive and corrective contrast (Mauri, 2007: 202-203). Additionally, with respect to the expression of the adversative relation across languages of Europe, Bulgarian does not have a general adversative marker, as opposed to languages like English (*but*), French (*mais*), Italian (*ma*), etc. In a broader cross-linguistic perspective, as a part of the European area, Bulgarian expresses the adversative relation mostly syndetically, by various connectives specialized for the semantic subtypes of adversativity.

Bibliography

Анастасов, В., Димитрова-Тодорова, Л., Дукова, У., Иванов, Й. Н., Михайлова, Д., Младенова, О., Рачева, М., Риков, Г., & Тодоров. Т. Ат. (1995). *Български етимологичен речник. Том IV (минго2–па̀дам)*. Академично издателство «Проф. Марин Дринов».

Асенова, П., & Детрез, Р. (2021). *Речник на общобалканската лексика в книжовните езици*. Университетско издателство «Св. Климент Охридски».

Викторова, К. (1985). Сложни съчинени съединителни и противопоставителни изречения в съвременния български книжовен език. *Известия на ИБЕ*, *XXVI*, 179-229.

Георгиев, Вл., Гълъбов, Ив., Заимов, Й., & Илчев, Ст. (1971). *Български етимологичен речник. Том I (А–З)*. Издателство на БАН.

Cuenca, M. J., Postolea, S., & Visconti, J. (2019). Contrastive Markers in Contrast. *Discours*, *25*. http://journals.openedition.org/discours/10326

Fiedler, G. (2008). Bulgarian adversative connectives: Conjunctions or discourse markers? In R. Lauri (Ed.), *Crosslinguistic Studies of Clause Combining: The multifunctionality of conjunctions* (pp. 79-97). John Benjamins Publishing Company.

Haspelmath, M. (2004). Coordinating constructions: an overview. In M. Haspelmath (Ed.), *Coordinating constructions* (pp. 3-39). John Benjamins.

Институт за български език, БАН. (н.д.). *Речник на българския език*. https://ibl.bas.bg/rbe/

Inštitut za slovenski jezik ZRC SAZU. (2015). *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (2., dopolnjena in deloma prenovljena izd., str. 2 zv.). Cankarjeva založba. http://www.fran.si/130/sskj-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika

Kortmann, B. (1997). *Adverbial subordination. A typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Mouton de Gruyter.

Ljubešić, N., & Kuzman, T. (2024). CLASSLA-web: Comparable Web Corpora of South Slavic Languages Enriched with Linguistic and Genre Annotation. *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)* (pp. 3271-3282). ELRA and ICCL.

Mauri, C. (2007). Conjunctive, disjunctive and adversative constructions in Europe: Some areal considerations. In P. Ramat & E. Roma (Eds.), *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas: Convergencies from a historical and typological perspective* (pp. 183-213). John Benjamins Publishing Company.

Мичева, В. (2013). *Паратактични отношения в историята на българския книжовен език*. Дио Мира.

Skok, P. (1971). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (Knjiga 1). Jugoslovenska akademija znatnosti i umjetnosti.

Skok, P. (1972). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (Knjiga 2). Jugoslovenska akademija znatnosti i umjetnosti.

Трубачев, О. Н. (1974). *Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 1 (А – běšědьlivъ)*. Наука.

Трубачев, О. Н. (1999). *Этимологический словарь славянских языков. Выпуск 26 (*novoikъ(jь) – obgorditi)*. Наука.

Zafiu, R. (2005). Conjuncţiile adversative în limba română: tipologie şi niveluri de incidenţă. *Limba română; structură şi funcţionare; actele celui de al 4-lea Colocviu al Catedrei de Limba Română, 25-26 noiembrie 2004*. Editura Universităţii din Bucureşti.

EUROPE SEEN FROM ITS FRINGES (ANDRZEJ STASIUK, YURI ANDRUKHOVYCH)[1]

Aleksandra Tobiasz
The Institute of Civilisation and Culture, Ljubljana

1. Introduction

«So, in which country does the real geographical heart of Europe beat?» Is there only one heart or more? The correspondent of the Lithuanian Office of Radio Free Europe, Valentinas Mite, responds that many East-Central European countries (at least five: Poland, Ukraine, Slovakia, Lithuania and Belarus) «claim to have the geographic center of Europe on their territory» (2002).[2] As Mite noted, being in the center of the Old Continent has served many countries to approach the West and legitimize their belonging to its civilization, a need which in the eastern parts of Europe has been widely shared, especially at the end of the Cold War and its aftermath. In order to answer the question about the locus/loci of Europe's heart(s), one shall ponder on the borders of the Old Continent, which, however, triggers an array of new questions, especially about its eastern frontier. Would it be on the Don, Elbe or Ural river? (Czyżewski, 2008: 82) Where does Russia belong? Where is the European southern border? Is Central Europe part of the West (Milan Kundera's occidentalization)[3] or the East (Andrzej Stasiuk's orientalization)?[4] Is Central European countries' identity shaped in a constant horizontal «struggle to preserve their <…> Westernness» (Kundera,

[1] This chapter was written under the umbrella of research activities in the programme group P6–0278 (A), 2019–2027 (Research of Cultural Formations), supported and financed by the Slovenian Research and Innovation Agency (ARIS) and implemented at Alma Mater Europaea University.

[2] Valentinas Mite, (22 October 2002), «Europe: Many Countries Vie To Be The Heart - And Soul - Of The Continent,» *Radio Free Europe/Radio Liberty*, www.rferl.org/a/1101144.html (retrieved 19 January 2026).

[3] For the nuanced and more complete view on Kundera's idea of Central Europe which goes beyond a narrow focus on his most famous essay *The Tragedy of Central Europe* and takes into consideration the changing ways the author was rewriting this idea in his many texts and thus its evolution, many dfferent variations of Central European identity see: Iris Llop, «A narrative construction: the idea of Central Europe in Milan Kundera's writings,» in *Imagined Geographies. Central European Spatial Narratives between 1984 and 2014*, eds. Magdalena Baran-Szoltys, Monika Glosowitz, Aleksandra Konarzewska (Stuttgart: ibidem-Verlag, 2018), 27-49. In Kundera's writings which address Central European idea, the author tries to study «a progressive transition from a discourse where the political and ideological ideas have been read as dominant to a literary discourse <…>» (30). Kundera described «the Central European identity not only as a political or cultural idea, but as a narrative construction that can be rewritten in many variations as it continues changing, through the different points of view of the characters.» (40)

[4] As Przemysław Czapliński remarked: «Stasiuk is an anti-Kundera. While the Czech author occidentalizes Central Europe, Stasiuk orientalizes it <…>. Kundera <…> sees Central Europe as a reservoir of beautiful historical treasures, while Stasiuk sees it as a rusted storehouse of socialist industry and as a market stall stocked with imitations of Western products. Whereas György Konrád, Czesław Miłosz, and Danilo Kiš consider it primarily a bourgeois product, for Stasiuk it constitutes a plebeian map.» Przemysław Czapliński, «Shifting Sands: History of Polish Prose, 1945 2015,» in *Being Poland: A New History of Polish Literature and Culture since 1918*, eds. Tamara Trojanowska, Joanna Niżyńska, Przemysław Czapliński and Agnieszka Polakowska (Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2018), 380.

1984: 34) and escape from the East or is it in its unique in-betweenness distinct from both the West and the East and consequently stretching vertically between the North and the South?

The dilemma of how to delineate the coordinates of the region (center or periphery?) and consequently also the continent was internalized by many inhabitants of Central Europe who problematised their self-understandings in relation to space, which became especially explicit while moving and living within different cultural contexts. How do the condition of in-betweenness, movability of borders[5] and movement in European space influence travellers' self-identifications and their concepts of (Central) Europe? The Hungarian writer Sándor Márai, calling himself «the fringe European» and after World War II forced to live in exile in Western Europe and the USA, was also asking himself: «And was I truly European, like a Swiss? A Frenchman? A German?» (Márai, 1996: 255). «But in fact, where does 'a man from the West' begin? Near Ural? By the eastern border of Hungary? By Leitha?» (Márai, 2019: 387). Lack of consensus with regard to the borders of Europe and thus also to the precise location of its midpoint, encourages to shift attention from the physical geography to the imaginative one, from the spatial divisions imposed by geopolitics to «the poetics of space» (Said, 2003: 54–55)[6] and from the regional identity to the «grammars of identity/alterity» (Baumann and Gingrich, 2004: 18–49) underpinning every travel. This change of perspective towards individual experiences of time and space can shed light on the ways the coordinates of Central Europe are reconfigured by undermining the traditional hierarchies of power. The alternative imaginative maps present the region as a polycentric area, which may not necessarily extend between the West and the East, but rather vertically between the North and the South.

With reference to selected literary texts (egodocuments) I will try to emphasise the region's intangible identity, which makes it impossible to pinpoint one center of Europe. The main aim will be to present narrative reconfigurations of individual bonds with (Central) Europe, which, by problematizing the clear spatial division of center-periphery and imaginations of time in terms of linear continuity, go beyond the geopolitical horizontal paradigm West-East. In the contribution, I will present different and changeable ways Andrzej Stasiuk and Yuri Andrukhovych defined themselves and their modes of (non-) belonging in this fluid intermediary sphere in relation to place. Thus, I will be most interested in travel accounts which foreground «spatiotemporal fluctuations» and which have marked the contemporary Central European literature of the last at least thirty years (Konarzewska, 2018: 21).[7]

[5] As Czyżewski noted «it would be difficult to find anything more unstable than national borders. Here one can meet people who without ever changing their place of residence were citizens of three or even four countries. <…> The relativity of borders further emphasises their often absurd course, which defies all norms of rational thinking and proper recognition of reality.» Krzysztof Czyżewski, *Linia powrotu. Zapiski z pogranicza* (Sejny: Pogranicze, 2008), 79.

[6] Said makes here reference to the concept of French philosopher Gaston Bachelard whlo claims that the objective side of a certain space is foreshadowed by its poetically ascribed qualitative dimension composed of values and feelings. «Poetics of space» is in close relationship with interrelated processes of othering and self-identification because «imaginative geography and history help the mind to intensify its own sense of itself by dramatizing the distance and difference between what is close to it and what is far away» (Said, 2003: 55).

[7] Such narratives, as Aleksandra Konarzewska argues, are rich in «elements of uncertainty following 'being in transfer' and various forms of nostalgia». Aleksandra Konarzewska, «Introduction. Central Europe and Its 30 Good Years (1984–2014),» in *Imagined Geographies. Central European Spatial Narratives between 1984 and 2014*, eds. Magdalena Baran-Szołtys, Monika Glosowitz, Aleksandra Konarzewska (Stuttgart: ibidem-Verlag, 2018), 21.

2. From geopolitical horizontal Central Europe to Central European vertical in-betweenness?[8]

Focus on Central European individual experiences implies a distance from the geopolitical tradition of the region's conceptualization composed of many attempts to define its identity in categories of continuity (such as *longue durée* belonging to the Western culture) or cultural unity (Atlantis, «kingdom of thought» erased by the communist wave and forgotten by the West) made by economists, politicians, geographers, historians, dissidents and other intellectuals. Their historical representations had a normative character and, as responses to certain political situations, had as a background visions of the future of the region and Europe. These narratives had a double connotation of «an idealisation of the past and quasi-utopian visions for the future» (Konarzewska, 2018: 10). Naumann's *Mitteleuropa* from the times of the Great War and the renaissance of the idea of Central Europe in the dissident *milieu* in the end of the Cold War are the two important moments within the concept's geopolitical legacy (Dhand, 2018: 6-7). The notion was supposed either to serve or oppose the imperialist interests of greater political powers. The continuation of the geopolitical framework of conceptualizing the region in the twenty-first century manifests in the perception of Central European experience in terms of utopia, myth, an «intellectual heritage,» «kingdom of thought» which could explain «what it means to be European» and thus spiritually reinvigorate European Union devoid of common values, reconstruct European identity by rethinking its ethical foundations (Laignel-Lavastine, 2012: 10, 15, 18).

The geopolitical legacy of the concept of Central Europe, following the horizontal paradigm, defined this area in relation to Western and Eastern Europe, to which it attributed certain values. Whereas the first one «stands for technical progress, wealth, civilization, and democracy, 'the East'—in accordance with classical Orientalism—is associated with backwardness, poverty, obscurantism, and a lack of personal freedom» (Konarzewska, 2018: 11). Notwithstanding value-laden underpinnings, which very often give way to stereotypical definitions, the term Central Europe is still useful, as Konarzewska argues, to describe the area's two qualities: «conceptual transformability and the potential of cultural inclusion.» The first one, enabled by the region's borderland character, seems particularly interesting as it proves the changeability of its many definitions, which vary depending on the chosen criteria (2018: 14-15). This terminological changeability clearly manifests in the contemporary literature, in particular in texts of writers-travellers characterized by «topographic imagination» (Czermińska, 2014: 61-65), thus sensitivity to personal relationship with places. Instead of discerning borders and defining Central Europe in order to answer the question of what the region is or should be, it is worth turning attention to the area's «conceptual transformability» and particular articulations of being a Central European shaped in the time of historical discontinuities and crises. The contemporary literature gives insight into this phenomenological dimension of the region, emerging as a lack of continuity and stability.[9]

In the attempt to replace the geopolitical approach with the geopoetic one, I will distance myself from the visions of Central Europe that emerged among the intellectuals in the 1980s. The shift from the projects of regional identity dependent on a particular historical moment to literary self-identifications

[8] I have already discussed some of the ideas presented here in the article titled «From geopolitics and regional identity to geopoetics and self identification – a trajectory of conceptualization of Central Europe?» *Estudos de século XX. Revista do Centro de Estudos Interdisciplinares da Universidade de Coimbra*, nr 23 (2023): 77-96, available at https://impactum-journals.uc.pt/estudossecxx/article/view/12929 (retrieved 11 September 2025).

[9] Slovene literary scholar Simona Škrabec represents this literary approach to Central Europe which avoids essentializing ways of defining the region present in historical perspective. Simona Škrabec, *Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku*, translated by Rozalya Sasor (Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2013), 31-32.

with a certain space, imbued with sensuous experiences, enables one to notice some reconfigurations of the coordinates of Central Europe from the confinement in the horizontal dichotomy West-East to the vertical openness extending from the North to the South. As Przemysław Czapliński claims, the «Polish geographic-cultural imagination of the threshold of the twentieth and twenty-first centuries shifts from the horizontal axis to the vertical one,» from the West-East line dominant for three hundred years since the Polish partitions to the North-South paradigm in accordance with the recent global changes in which «the vector of history reverses its direction, turning from transatlantic to transpacific.» (Czapliński, 2016: 6-7). The change of paradigms, not unambiguous or one-dimensional, hints at the Central European «conceptual transformability» which allows one to perceive certain places from different vantage points depending on the criteria (for instance, linguistic, religious or sensuous), as places stretched either between the East and the West or rather vertically between the North and the South.[10]

3. (Central) Europes of Andrzej Stasiuk and Yuri Andrukhovych

Both Stasiuk and Andrukhovych distance themselves from geopolitics. Even though their essays in *Moja Europa: Dwa eseje o Europie zwanej Środkową* (*My Europe: Two Essays on So-called Central Europe*) were written in 2000, thus on the wave of Poland's process of integration with the European Union (Kato, 2016: 91-93), the authors' main aim was not to answer the question what Central Europe is or should be but rather what their personal relationship with this area is.[11]

> If I had to invent a coat of arms for Central Europe, I would put twilight in one of its fields and emptiness in some other. The former as a sign of the unobvious, the latter as a sign of the still untamed space. A very beautiful coat of arms with somewhat blurred contours that can be filled in with imagination. Or a dream (Stasiuk, 2007: 114).

Stasiuk's image of Central Europe is underpinned with negative categories such as absence and ambiguity which makes it impossible to give any exhaustive definition of this region. It is marked by the semi-darkness as a result of non-evidence of existence and the emptiness of space due to continuously changing borders. The emblem of Central Europe is thus inevitably personal as it acquires a certain shape only with the help of individual experience and in an imaginative act.

Stasiuk's condition of in-betweenness implies Central European «double distinctiveness» (Czaplińs-ki, 2018: 379-380) (from both Germany and Russia), later, however, finding more connections with the East. He described this status of in-betweenness as a feature which forced Central Europeans to live on «a floating island» or on a «ship subject to the currents and winds of the East-West and vice versa.» Thus, the inhabitants of this indeterminate area had «to live between the East, which never existed, and the West,

[10] Konarzewska gives an interesting example of Switzerland which depending on the perspective can be defined either as a country located between the West and the East (linguistically and culturally between the Romanic influence and the Germanic world) or between the North and the South when certain products and tastes (as a «pre-modern» criterion) are taken into consideration. Then «it can be debated whether Switzerland belongs to the civilization of the European North (the culture of rye, beer, and butter) or South (the culture of wheat, wine, and olive oil).» (2018: 14).

[11] Later in an interview Stasiuk seems to regret having written this essay which put him the label of Central European writer. «Sometimes I kick myself for writing *My Europe* with Jurek Andruchowycz, as it was because of this book that we were pigeonholed as Central European writers.» Uninterested in nonfiction which is supposed to have a truthful message presented in as impartial way as possible, he is more absorbed by reinventing his «private, personal attitude» to certain places. Andrzej Stasiuk, *Życie to jednak strata jest*. Interview with Dorota Wodecka (Warszawa/Wołowiec: Agora SA/Czarne, 2015), (ebook), 98.

which existed excessively.» Stasiuk referred to the already existing in literature oppositional characteristics of the two sides of the Old Continent, one mirroring another, identifying the East with the abundance of space and its «antipode» – the West with the profusion of time (Stasiuk, 2007: 153, 134, 95). Distinct from both of them, Central Europe as a subconscious of the Old Continent – its «id» can remind the western countries of their suppressed fears (Stasiuk, 2004: 119). Being at the fringes thus not regarded as a complex of inferiority but an asset could provide the inhabitants of Western Europe a possibility of a different look at themselves by either throwing a glimpse into the «dark well,» European «id» or by catching their own reflection resembling a parody in a distorted mirror also posed by Central Europe (Stasiuk, 2021: 65).

Following another southward direction, Stasiuk tried to escape the confining horizontal oscillation between the West and the East inherent in political geography shaped by geopolitics. When geography abused by politics in the form of geopolitics becomes «more often a trap than a shelter» a certain relief to imagination «bored with west, east, and north» might bring «the twenty-first meridian east to Greenwich» which «falls into the Ionian Sea somewhere near Epitallo on Peloponnese» (Stasiuk, 2007: 134, 85, 96, 142). Consequently, Stasiuk relocated the center of the Old Continent downward in the southeast direction and closer to the Balkans. (Czapliński, 2018: 379-380). According to Polish literary scholar Jagoda Wierzejska, Stasiuk's southbound orientation shapes his «myth of the South as the basis of the myth of Central Europe,» constitutive of a vertical paradigm in viewing Europe commenced in the 1930s by other Polish writers exploring the Balkans. Their southward travels were supposed to replace the dominant horizontal perspective equivalent to «a trap» of in-betweenness, where small Slavic nations had to face, on the one hand, the «more imperial» East and on the other the «more civilized» West. This shift in coordinates contributed to «a new version of the Slavic or, more precisely, of the Central European myth, because it was extended by the Finno-Ugric and Romance nations, and in some variants even by the Baltic nations.» The complex of inferiority was replaced by an awareness of the uniqueness of historical experiences shared by small nations in the central part of the Old Continent (Wierzejska, 2012: 73-77, 79-80).

Can southbound travel move the region in the northern direction? Is the South another mirror that shows a new reflection of Central Europe as a romantic myth of the North? Interestingly, as the Polish literary scholar Grażyna B. Tomaszewska argues, the second side of Stasiuk's vision of Central Europe, based on the myth of the South, is the romantic myth of the North. Whereas the South would be associated with civilisation, harmony and long tradition, the North shall be identified with barbarism, disorder and ruins as evidence of the discontinuous history. While the South would evoke certain falsity in its seeming security, the North, due to its instability, uncertainty reverberates with more authenticity and in this sense also comes closer to Central Europe (Tomaszewska, 2014: 61-62).

Stasiuk's poetics distances itself from the geopolitical meanings of the concept circulating in the past around the German «Mitteleuropa,» which he viewed as «only the envoy of the hyperreal West» (Stasiuk, 2007: 152) and nowadays in the future-oriented visions of the region. Uninterested in the political projects concerning Central Europe (integration into the EU, catching up with the West) but its different layers of the bygone times, oblivion and memory, Stasiuk avoids the horizontal paradigm of conceptualizing the region. As Magdalena Baran-Szołtys argues, in an attempt to escape this East-West dualism or «return to the times before the split,» Stasiuk's poetics refers to the Habsburg myth and explores the heritage of Galicia.

> In his works from the 1990s, Stasiuk's «Middle Europe» was largely identical to the (post-) Galician space, and takes advantage of the Habsburg heritage in these regions. The reference to Austria-Hungary is one of his

methods to position himself and his imagined Europe outside the East-West opposition (Baran-Szoltys, 2018: 91, 103, 104, 105).

This mythologization of Galicia as a way to reflect on Europe beyond the horizontal paradigm is present not only in Stasiuk's texts but also in Andrukhovych's writings. «Galicia as part of the Habsburg Monarchy is an alternative to the East-West dichotomy and works for both authors as a basis of their construction of a Europe outside this dichotomy» (Baran-Szołtys, 2018: 105).

Andrukhovych thus also distances himself from the geopolitical legacy of Central Europe, which he regards as «the child of Kundera, Miłosz, and Konrád: a strange substance made up only of ideas, senses, mystifications, the American invention of a few disgruntled dissidents.» Aware of standing «at the threshold of its final disappearance» and of Central Europe's «almost» non-existence, the writer approaches the postmodern, thus geopoetic perspective on the region (Andrukhovych, 2018: 84-85). «And all that exists is 'almost,' the complete territory of postmodernism» (Andrukhovych, 2018: 85). Whereas Central Europe in modern times shaped by the geopolitics of totalitarian states resembles a laboratory of ideological changes; the postmodern Central European being is tested in a hermeneutic laboratory of self and becomes «*an experiment of thought*» (Markowski, 2023: 45). While modern Central Europe emerged in the tongs of History,[12] at the crossroads of «all-encompassing ideologies of Pan-Slavism and Pan-Germanism, which would give rise to two totalitarian systems in the 20th century» (Rupnik, 2023: 15); postmodern Central European condition means an escape from the great History to an «imaginary space,» to «a space of possibilities between two sheer impossibilities: between the lost motherland and the reluctant exile, between the unretrievable past and not-yet-assimilated future» (Markowski, 2023: 43, 45). Central European geopolitical in-betweenness with regard to different ideologies and identities has its inner reversed side in the form of «intellectual nomadism»[13], exilic being not only between various cultural contexts but also foreign temporalities.

The linear time of History of the twentieth century in Central Europe took form of «historical destiny», emotionally manifesting in «the Central European fear» which «historically sways between two anxieties:» the Russians and the Germans (Andrukhovych, 2007: 46; Andrukhovych, 2018: 28). Is there a non-horizontal alternative to the Central European oscillation between the two unattainable temporal «abysses:» the past (lost utopia, memory of the bygone times) and the future (promised land of a better life) (Andrukhovych 2007: 41-42; Andrukhovych, 2018: 25-26)?[14] Is it in dwelling in the present moment? Andrukhovych attempts to «free the present» (2007: 42; 2018: 26) with the help of the sensuous experience. Whereas the historical linearity underpinned by geopolitics, dialectics and ideologies of the twentieth century imposed on Central Europe a destiny of horizontal oscillation between nostalgia and utopia; contemporary literature, as a geopoetic redefinition of self in relation to place (mediated by senses), opens the way to the present moment. Within the moment *hic et nunc,* one can regain an active stance, responsibility and reconfigure the bond with the surrounding world. The view from «inside» designates your connectedness,

[12] I make reference here to the title of Jiří Trávníček's book-*V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém* (Brno: Host, 2009) which in Eglish translation would be «In the Tongs of History: Central Europe as a Concept and Problem.»

[13] «Intellectual nomadism» is one of the main characteristics of geopoetics introduced by the Scottish poet Kenneth White. Kenneth White, «What is Geopoetics?», http://www.geopoetics.org.uk/what-is-geopoetics/ (retrieved 18 January 2026). See also Elżbieta Rybicka, «Geopoetyka, geokrytyka, geokulturologia. Analiza porównawcza pojęć», *Białostockie Studia Literaturoznawcze* 2 (2011), 27-30.

[14] «Why is doom just left to us, this being eternally torn between these two monsters, between these imagined chimeras, between the unknown 'once' that no longer is, because it already happened, and yet one more unknown 'once,' that still has yet to be, because it still has not happened?» (2018: 25).

your being involved, your presence – in difference from a separated, torn away, and abandoned abiding 'between.'» Andrukhovych accentuates the importance of the present moment as «the one place where we in reality are, to which we in reality belong» (2018: 26). Focus on the moment *hic et nunc* distances from the dialectical thinking in terms of abstract categories of progress or utopia and rather explores the hermeneutic dimension of time which encompassing both past and future means «the fullness of times – three in one <…> the space of the coexistence of time and eternity» (Andrukhovych, 2018: 50).

Following a shift of accents from time to space or spatializing time,[15] an individual entanglement in the whirls of great History is in the background of one's relationship with a certain spatial context, «a sense of your own belonging to an extraordinary Place on the world map» (Andrukhovych, 2002: 9). The place is put to the forefront and attributed with agency which sometimes even overrides the one pertaining to its observer. As Andrukhovych remarked during one of his trips, «the surrounding benefited him», and he did not mind this. He referred to one poet who underlined the way a place takes advantage of a person – «like a mirror image, the neighborhood needs someone else's gaze in order to appear and reveal its presence» (Andrukhovych, 2002: 5). The role of great History and its overwhelming impact turning an individual into a passive, submissive witness is thus taken by a Place which in literary texts acquires an active role in shaping author's self-identifications. Its importance manifests in Andrukhovych's attempts to combine «bio» and «geo» in his writings: «autobiography which overlaps geography – how to call it? Autogeography? Autogeobiography?» (2014: 9)[16]

Andrukhovych also problematizes the traditional division of Europe, Ukraine into East-West. Asked many times about the difference between western Ukraine and its eastern part, this «complex of Ukrainian geography,» the writer suggested the reorientation of the directions. «Why East and West, and not – let's say – North and South, like for example, in some normal America?» (2002: 84, 87). In this sense, Andrukhovych could follow Stasiuk's reconfiguration of the coordinates of Central Europe from the horizontal and geopolitical paradigm towards the geopoetic vertical line. Moreover, the Ukrainian writer moves the center of the Old Continent eastwards. When writing about Central Europe, this «territorial ephemeron, some kind of geographical ghost,» Andrukhovych in fact had in mind «<…> an East, because in Europe, paradoxically, East is where the Centre is» (2018: 84). Convinced that «the centre is simultaneously nowhere and everywhere» (2018: 86), he located his part of Europe represented by Dzembronia, a village in the Carpathian Mountains not far from Ivano-Frankivsk, in Europe's «farthest territory at the border with Non-Europe, in the exact centre of Europe.» (2018: 71). Margins, a periphery, an edge become in his writings not only the center of Europe but of the entire world. Consequently, Andrukhovych describes Lviv as a city located at an intersection of «two axes, which divide this unnamed space into East-West and North-South,» placing it «at the centre of the world» (2018: 64, 67).

4. Conclusion

With the aim at distancing from the arbitrary geopolitical ideas, imposed regional identities, the concepts of (East-) Central Europe, the article instead tried to approach their phenomenological side, Central European «unique historical and political experience» of life in «the eye of cyclone» of great History (Laignel-Lavastine, 2012: 17-18).[17] Constant changeability of frontiers in the region in the twentieth century

[15] Andrukhovych writes about «now» as a place, time «smeared in the space Moment» (2018: 25).

[16] Elżbieta Rybicka suggested the term of «auto/bio/geo/graphy». Elżbieta Rybicka, *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich* (Kraków: Universitas, 2014), 408–422.

[17] Laignel-Lavastine writes about Central Europe in terms of «the heart of darkness» shaped by constant historical discontinuities.

was accompanied by spatial mobility (mass migrations, exile) and the need to reformulate one's self-understanding in relation to different places. The shift from geopolitics to geopoetics nourishes the change of paradigms in conceptualizing Central Europe, from «the Cold War East-West binary» to the contemporary «post-1989 period» in which «a new axis emerges: that of North-South» (Labov, 2019: 8).

Following the geopoetic approach to Central Europe, which conceptualizes this region in terms of imagined geography, absence, lack of continuity, and ambiguity, it becomes impossible to clearly delineate its borders and thus also the heart of Europe. As Czech legal scholar Jiří Přibáň noted, reflecting on the paradoxical character of Central Europe, «in reality, Europe has neither a centre nor a heart» (2023: 94).[18] The center is relative and peripheral, always movable, which is even more evident in the texts of writers-travellers. Both Stasiuk and Andrukhovych, in their travelogues and essays, problematize the taken-for-granted dichotomies such as center and periphery, West-East or South-North. They undermine the hierarchies underpinned by power, locating the center of the world at its fringes and vice versa.

Stasiuk described his personal existential topography with the help of an imagined pair of compasses. The result was a circle with the center located in a place where he lives now (a small village in the southeastern Polish borderland, Wołowiec), stretching towards Warsaw, where he was born. This map excluded both Germany and Russia («double-distinctiveness») and covered former Galicia, thus including one third of Poland, almost entire Slovakia and some parts of Ukraine, Romania, Hungary, the Czech Republic and Belarus (Stasiuk, 2007: 85-86). However, the writer's later personal topography extended decisively to the East. Having reached the border with China, where he travelled with the aim of gaining a better understanding of his childhood in communist Poland, his Central Europe would stretch far eastwards. Feeling part of the East, any westbound travel means to him a betrayal of his own fate. (Stasiuk, 2014: 38, 39, 43). In Stasiuk's writings, there is a clear shift from the westward orientation to the south-east transfer of the centre towards the Balkan region (Czapliński, 2018: 379-380) and its later extension far in the east towards Asia. Stasiuk's preferred southbound direction or in fact lack of any directions at all becomes an escape from a «tyranny of directions» which means «a fear of the East and a desire of the West» (Stasiuk, 2014: 39) or in another words from geopolitics which imposes on individual the horizontal confinement between the West and the East (Stasiuk, 2007: 134).

With reference to his obsession with political maps, Andrukhovych noted that whenever he finds himself entrapped by the geopolitics, he is always in possession of an antidote for its poisoned arrow – geopoetics (2014: 10). The shift from the horizontal geopolitcal paradigm in defining the region accompanied by the complex of inferiority towards the vertical perspective which enables to embrace the peripheral status as an asset, converting fringes into a center, is not a linear and unidimensional process. Andrukhovych made it even more complex combining two frameworks (entangling and disappearing) in his definition of Central Europe: «And here it is – the absence of any axes, here is the human chaos of existence, 'knots of connections' everywhere, the vertical with the horizontal and vice versa» (2018: 86). Considering that, as he argues, «the most interesting things take place at the margins, at the edges and environs, at painful stitches, at borderlands» (2018: 106), it is worth going back to this region and pose it more questions.

Alexandra Laignel-Lavastine, *Duchy Europy. Wokół dzieła i myśli Czesława Miłosza, Jana Patočki i Istvána Bibó*, trans. Jan Maria Kloczowski (Sejny: Pogranicze 2012), 17-18.

[18] «The paradox of Central Europe is that the peripheries represent its center, while its centers, such as Vienna or Budapest, could be said to be European peripheries in the broader geo-political context.» (Přibáň, 2023: 93)

Bibliography

Andrukhovych, Y. (1999). Time and place, or my final territory. In *My final territory: selected essays* (pp. 80-87). University of Toronto Press.

Andrukhovych, Y. (2002). Okolica i nieobecność. In *Ostatnie terytorium. Eseje o Ukrainie*. Czarne (ebook).

Andrukhovych, Y. (2002). Próba dezinformacji. In *Ostatnie terytorium. Eseje o Ukrainie*. Czarne (ebook).

Andrukhovych, Y. (2002). Tu i tylko tu. In *Ostatnie terytorium. Eseje o Ukrainie*. Wołowiec (ebook).

Andrukhovych, Y. (2007). Środkowowschodnie rewizje. In *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Czarne.

Andrukhovych, Y. (2014). *Leksykon miast intymnych. Swobodny podręcznik do geopoetyki i kosmopolityki*. Czarne.

Andrukhovych, Y. (2018). Carpathologia Cosmophilica. In *My final territory: selected essays*. (pp. 70-79). University of Toronto Press.

Andrukhovych, Y. (2018). The Central-Eastern Revision. In *My final territory: selected essays* (pp. 5-51). University of Toronto Press.

Andrukhovych, Y. (2018). The City-Ship. In *My final territory: selected essays*. (pp. 64-69). University of Toronto Press.

Andrukhovych, Y. (2018). What Language Are You From: A Ukrainian Writer among the Temptations of Temporariness (2002). In *My final territory: selected essays*. (pp. 98-108). University of Toronto Press.

Andrukhovych, Y. and A. Stasiuk. (2007). *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową*. Czarne.

Baran-Szołtys, M. (2018). Andrzej Stasiuk's Galician 'Middle Europe': Half-Dark, Empty, and Boundless. In M. Baran-Szołtys, M. Glosowitz, A. Konarzewska (eds.), *Imagined Geographies. Central European Spatial Narratives between 1984 and 2014* (pp. 87-129). ibidem-Verlag.

Baumann, G. and A. Gingrich (eds). (2004). *Grammars of Identity/Alterity: A Structural Approach*. Berghahn Books.

Czapliński, P. (2016). *Poruszona mapa, Wyobraźnia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Wydawnictwo Literackie.

Czapliński, P. (2018). Shifting Sands: History of Polish Prose, 19452015. In T. Trojanowska, J. Niżyńska, P. Czapliński and A. Polakowska (eds.), *Being Poland: A New History of Polish Literature and Culture since 1918* (pp. 372 406). University of Toronto Press.

Czermińska, M. (2014). Autobiographical Sites. A Proposition Within Geopoetics. *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 2, 5574. https://rcin.org.pl/ibl/Content/51770/PDF/WA248_71006_P-I-2524_czermin-autobiogr.pdf

Czyżewski, K. (2008). *Linia powrotu. Zapiski z pogranicza*. Pogranicze.

Dhand, O. (2018). *The Idea of Central Europe. Geopolitics, Culture and Regional Identity*. Bloomsbury Publishing.

Kato, A. (2016). Rewriting Europe: The Central Europe of Yuri Andrukhovych and Andrzej Stasiuk. *Slavic-Eurasian Studies*, 30, 91102. https://www.academia.edu/49043836/Rewriting_Europe_The_Central_Europe_of_Yuri_Andrukhovych_and_Andrzej_Stasiuk

Konarzewska, A. (2018). Introduction. Central Europe and Its 30 Good Years (1984–2014). In M. Baran-Szołtys, M. Glosowitz and A. Konarzewska (eds.), *Imagined Geographies. Central European Spatial Narratives between 1984 and 2014* (pp. 9-25). ibidem-Verlag.

Kundera, M. (1984). The Tragedy of Central Europe. *The New York Review of Books*, 31 (7), 33-38. https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/MEB404/um/Kundera_1984.pdf

Labov, J. (2019). *Transatlantic Central Europe. Contesting Geography and Redefining Culture beyond the Nation*. Central European University Press.

Laignel-Lavastine, A. (2012). *Duchy Europy. Wokół dzieła i myśli Czesława Miłosza, Jana Patočki i Istvána Bibó*. Pogranicze.

Llop, I. (2018). A narrative construction: the idea of Central Europe in Milan Kundera's writings. In M. Baran-Szołtys, M. Glosowitz and A. Konarzewska (eds.), *Imagined Geographies. Central European Spatial Narratives between 1984 and 2014* (pp. 27-49). ibidem-Verlag.

Márai, S. (1996). *Memoir of Hungary 1944-1948*. Corvina in association with Central European University Press.

Márai, S. (2019). *Dziennik 1967 1976*, vol. 4. Czytelnik.

Markowski, M. P. (2023). A Land of Infinite Possibilities, or the Dialectical Adventures of 'Central Europe'. In T. Kubíček (ed.) *A Kidnapped West: The Laboratory of Twilight* (pp. 41-69). Moravian Library.

Přibáň, J. (2023). The Eternal Return to Central Europe. In T. Kubíček (ed.), *A Kidnapped West: The Laboratory of Twilight* (pp. 91-109). Moravian Library.

Rupnik, J. (2023). Central Europe's Changing Contours. In T. Kubíček (ed.), *A Kidnapped West: The Laboratory of Twilight* (pp. 13-23). Moravian Library.

Rybicka, E. (2011). Geopoetyka, geokrytyka, geokulturologia. Analiza porównawcza pojęć. *Białostockie Studia Literaturoznawcze*, 2, 27-39.

Rybicka, E. (2014). *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Universitas.

Said, E. W. (2003). *Orientalism*. Penguin Books.

Škrabec, S. (2013). *Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku*. Międzynarodowe Centrum Kultury.

Stasiuk, A. (2007). Dziennik okrętowy. In Y. Andrukhovych and A. Stasiuk. *Moja Europa. Dwa eseje o Europie zwanej Środkową* (pp. 83-157). Czarne. Stasiuk, A. (2004). *Jadąc do Babadag*. Czarne.

Stasiuk, A. (2021). *Fado*. Cankarjeva založba.

Stasiuk A. (2014). *Wschód*. Czarne, (ebook).

Stasiuk, A. (2015). *Życie to jednak strata jest*. Interview with Dorota Wodecka. Agora SA/Czarne (ebook).

Tobiasz, A. (2023). From geopolitics and regional identity to geopoetics and self identification – a trajectory of conceptualization of Central Europe? *Estudos de século XX. Revista do Centro de Estudos Interdisciplinares da Universidade de Coimbra*, 23, 77-96. https://impactum-journals.uc.pt/estudossecxx/article/view/12929

Tomaszewska, G. B. (2014). Opukiwanie Niewiadomej. Reinterpretacje romantycznego mitu północy w 'Mojej Europie' Jurija Andruchowycza i Andrzeja Stasiuka. *Literary Process: Methodology, Names, Trends*, 4, 61-67.

Trávníček, J. (2009). *V kleštích dějin: Střední Evropa jako pojem a problém*. Host.

Valentinas M. (22 October 2002). Europe: Many Countries Vie To Be The Heart - And Soul - Of The Continent. *Radio Free Europe/Radio Liberty*. www.rferl.org/a/1101144.html

White, K. (28 April 1989). What is Geopoetics? http://www.geopoetics.org.uk/what-is-geopoetics/

Wierzejska, J. (2012). Mit Południa jako kontrapunkt dla opozycji Wschód – Zachód i podstawa mitu Europy Środkowej. *Porównania. Czasopismo poświęcone zagadnieniom komparatystyki literackiej*, 11, 71-85.

GENERACIJSKA RAZLIKA I LJUBAV KAO PROSTOR REDEFINISANJA IDENTITETA U ROMANU *OTKAKO SAM KUPILA LABUDA* TANJE STUPAR TRIFUNOVIĆ

Jovana B. Todorović
University of Novi Sad (Serbia)

1. Uvod

Ljubav je, i na Istoku i na Zapadu, od stare i antičke književnosti do savremenog doba, jedna od najstarijih i opsesivnih književnih tema. Ipak, shvatanja ljubavi menjala su se kroz vreme te u savremenom društvu kategorija ljubavi gubi na svojoj normativnosti i stabilnosti. Ljubav i intimnost, ranije tradicionalno primarno vezane za instituciju braka, shvaćene kao prostor sigurnosti i usmerene na ideju trajnosti, transformišu se (v. Gidens, 1992) i sve češće postaju prostor ispitivanja mogućnosti i identiteta. U tom pogledu posebno zanimljivi za istraživanje jesu književni narativi koji tematizuju kvir (*queer*), odnosno neheteronormativne ljubavne odnose, a oni u savremenoj, ali i čitavoj srpskoj književnosti, nisu česti.

Roman *Otkako sam kupila labuda* (2019) Tanje Stupar Trifunović (1977) pripada krugu upravo takvih dela i eksplicitno tematizuje ljubavnu vezu između dve žene. Sinhronijski, u kontekstu tematizovanja lezbejske ljubavi, ali sa znatno naglašenijim društvenim i angažovanim aspektom, delu Tanje Stupar Trifunović blizak je roman *Papirne disko kugle* (2017) Dragoslave Barzut (1984), a dijahronijski, reč je o književnoj liniji u koju su se daleko suptilnije upisale spisateljice Jelena Dimitrijević (1862-1945) i Leposava Mijušković (1882-1910), autor romana *Strast* – David Pijade (1881-1942), a krajem sedamdesetih, početkom osamdesetih godina 20. veka spisateljica Biljana Jovanović (1953-1996).

Svojevrsno nastavljanje i transformisanje tematskog kruga, odnosno feminističko-kvir nasleđa Biljane Jovanović izgrađenog u romanima *Pada Avala* (1979) i *Psi i ostali* (1980)[1] uočljivo je već u prvom romanu Tanje Stupar Trifunović, *Satovi u majčinoj sobi* (2014), kao i u romanu *Otkako sam kupila labuda*. I jednu i drugu autorku odlikuje zanimanje za ženska pitanja, žensku subjektivnost i (homo)seksualnost, te deluje prirodno što se roman *Otkako sam kupila labuda*, pored toga što je dobio Vitalovu nagradu, našao i u užem izboru za Nagradu «Biljana Jovanović». Međutim, književni glas Tanje Stupar Trifunović odlikuje poetičan jezik i introspektivan ton, što je svakako povezano sa činjenicom da je reč o autorki koja paralelno s prozom piše i poeziju. Štaviše, motiv lezbejske ljubavi, pored toga što je centralni u romanu *Otkako sam kupila labuda*, svoje mesto ima i u njenom pesničkom opusu; primera radi, u pesmi «Napokon se nešto desilo» iz zbirke *Uspostavljanje ravnoteže* (2002) ili pak u pesmama «U oštro podne», «Padaće» i «Gladna duša kreveta» iz pesničke zbirke *Zmijštak* (2022).

Paratekstualnim elementima autorka svoj kratki ljubavni lirski roman situira u tradiciju svetske ženske književnosti koju predstavljaju Margerit Jursenar (1903-1987) i Margerit Diras (1914-1996). Sam naslov romana funkcioniše kao intertekstualna referenca koja upućuje na citat iz zbirke *Vatre* Margerit Jursenar, koji

[1] Uporednim proučavanjem romana Biljane Jovanović i Tanje Stupar Trifunović bavila se Aleksandra Petrović u radu «(Bez)uspešan povratak majci: romani Tanje Stupar Trifunović i Biljane Jovanović» (v. Петровић, 2024).

Tanja Stupar Trifunović bira i kao prvi od tri motoa kojima se roman otvara: «Leda je govorila: 'Nisam više slobodna da se ubijem otkako sam kupila labuda.'»[2] (Jursenar, 2001: 26). Jasno je da se njome aludira na grčki mit o Ledi i Zevsu, koji je po odnosu moći falocentričan i koji, u zavisnosti od verzija i interpretacija, govori o Zevsovom silovitom zavođenju ili silovanju. Reinterpretacija Margerit Jursenar menja simboliku labuda i pretvara ga u objekat ženske kupovine, transformišući ga u izbor i voljni čin, koji ima svoje posledice i koji redefiniše granice slobode. Takođe, mit o Ledi i Zevsu govori o transgresiji na relaciji božansko-ljudsko-životinjsko, ali i o prevari među bračnim partnerima. Ukratko, mit i reinterpretacija Margerit Jursenar sadrže u sebi teme kojima će se roman *Otkako sam kupila labuda* baviti. Kao što čin kupovine menja Ledu, tako se i naratorka romana Tanje Stupar Trifunović menja kroz vanbračnu aferu i odlukom da «kupi labuda» svesno bira prelaženje granice i transformativni potencijal koji to nosi. Upravo zbog toga ovaj će se rad baviti načinom na koji Tanja Stupar Trifunović oblikuje neheteronormativnu ljubavnu priču, načinom na koji se poigrava s transgresivnošću, odnosno time kako generacijsku razliku i ljubav predstavlja kao prostor redefinisanja identiteta.

2. Starosna razlika kao kvir pozicija: lezbejska ljubav između transgresije i redefinisanja identiteta

Roman *Otkako sam kupila labuda* prvenstveno je roman o ljubavi i načinu na koji se kroz ljubav redefiniše i transformiše identitet pojedinca. Izgrađen je iz specifične narativne pozicije – napisan je u drugom licu jednine, a naratorka tj. fokalizatorka priče jeste sredovečna bibliotekarka, zaposlena u zabačenom ogranku Gradske biblioteke, koja posmatra fotografiju svoje bivše ljubavnice, studentkinje dramaturgije, i priprema se da joj napiše pismo. Funkcija pisma uvek je intermedijatorska. Ono je «spona između dve udaljene tačke, most između pošiljaoca i primaoca» (Gurkin Altman, 1982: 13). U ovom slučaju, pismo naglašava postojanje povezanosti između bivših ljubavnica, ali i emocionalnu i fizičku udaljenost. Kroz obraćanje anonimnom «ti» – objektu pripovedanja, bibliotekarka zapravo prvenstveno vodi dijalog sa samom sobom, istražuje svoja sećanja i emocije, samoanalizira se i ispituje sopstveni identitet, usput prikazujući i životni put i sazrevanje svoje bivše partnerke.

Tanja Stupar Trifunović predstavlja tok ovog ljubavnog odnosa, od njegovog početka do kraha, kao i način na koji je on uticao na budućnost junakinja. Naracija je izrazito introspektivna, ali istovremeno se govori i o telesnosti i seksualnosti, što rezultira smenjivanjem i preplitanjem kontemplativnog i senzualnog tona. Osnovni koncept koji određuje prirodu njihove veze jeste prestup tj. transgresija, što je usko povezano sa erotizmom, jednim od ključnih elemenata narativa. Promišljajući o odnosu seksualnosti i prestupa, Mišel Fuko ističe da je seksualnost «jedini apsolutno univerzalni sadržaj zabranjenog» (1998: 62) i da je ništa ne može ograničiti «zato što je, od svog nastanka i u svom totalitetu, konstantni susret sa granicom» (1998: 64). Suština erotizma je u «nerazlučivom spletu seksualnog zadovoljstva i zabrane» (Bataj, 2009: 87). Čin prekoračenja granice, stupanje na prostor zabranjenog, uzbuđujući je i erotičan. Pritom, prekoračenje neke zabrane ne podrazumeva ukidanje postojanja granice, već «deo uzbudljivosti leži upravo u toj činjenici da se zna gde je granica i da postoji svest o prestupu kao ponašanju koje granicu prelazi, ne gubeći odnos prema njoj» (Тодоровић, 2023: 162-163).

Otkako sam kupila labuda zasniva se na nekoliko transgresivnih obrazaca. Najpre, tematizuje se homoseksualna ljubav koja predstavlja prekoračenje i dalje dominantne heteroseksualne norme. Uz to, bibliotekarka je udata žena i njena veza sa studentkinjom ima status vanbračne afere, što iz religijske

[2] Tanja Stupar Trifunović koristi drugi prevod kao moto: «Leda je govorila: *Otkako sam kupila labuda, više nisam slobodna ubiti se*.» (Stupar Trifunović 2019: 5).

perspektive krši sakrament svete tajne braka, a iz društvene perspektive normu vernosti koju podrazumeva brak kao specifičan društveni ugovor. Njihov odnos u značajnoj meri određuje i starosna razlika. Bibliotekarka ima između četrdeset pet i pedeset godina, što je čini dosta starijom od ljubavnice koja je u trenutku upoznavanja i dalje bila tinejdžerka. Iz narativa se pouzdano saznaje da su se one upoznale «nešto kasnije» (Stupar Trifunović, 2019: 8) nakon bibliotekarkinog četrdeset i petog rođendana i da su se poljubile na studentkinjin dvadeseti rođendan.

Razlika u godinama karakteriše i bibliotekarkin brak – ona je, dok je bila studentkinja, imala aferu sa svojim profesorom, a nakon smrti njegove supruge, venčali su se. Tanja Stupar Trifunović time otvara prostor za jednu od glavnih intertekstualnih referenci kojima se služi – onu o Loliti i Humbertu. Razlika u godinama među partnerima predstavlja se kao kliše i povezuje se s Nabokovljenim delom, najpoznatijim erotskim narativom o odnosu starijeg muškarca i devojčice. Junakinje se same poigravaju s ovom referencom i bibliotekarka čak biva predstavljena kao ženski Humbert:

> Zar ne bi bila rađe kao profesor Humbert? Bolje je spavati s djevojčicama nego ubijati babe i izigravati pravednika. Zar ti i nisi pomalo profesor Humbert? Samo ženski. Bježiš jer ne možeš da zamisliš Lolitu ni sa sobom ni s nekim drugim. <...> Znam i zašto me mrziš iako se svim silama trudim da ne znam. I ja pomalo mrzim profesora Humberta jer mi je obilježio život. U pravu si, sada sam on i isto radim tebi. Uvijek neko prekine naše niti sa djetinjstvom. Neki Humbert zaglavljen između pedofilije i nauke. Obične pedofile bi bilo lakše preboljeti. Humbert, on je nježan, dopadljiv i pun svih tih divnih znanja. Stari podlac. Misliš da je moj muž Humbert? Za mene? A onda je djetinjstvo nestalo. I bezdan je vikao odrastaj. Loliti bi Humbert dosadio. Svakoj Loliti. Svaki Humbert. (Stupar Trifunović, 2019: 26)

Ova intertekstualna referenca služi im i u šaljivoj igri zavođenja: «'Kada je sasvim nestalo poštovanje odraslih? Otkad spavaš s djecom.' 'Ne umišljaj da si Lolita.'» (Stupar Trifunović, 2019: 27). Bibliotekarka pak u onim introspektivnim delovima, čija je funkcija pre usmerena na nju samu nego namenjena primateljki pisma, koristi ovaj par za promišljanje o sopstvenom braku: «Mužu sam govorila da idem na kafu. Bilo mu je drago da negdje izađem. Konačno. A i on je mogao na miru da čita i piše svoje radove. Ostarjelom profesoru Humbertu stara Lolita je išla na živce, ponekad.» (Stupar Trifunović, 2019: 28). Nekad se prema ovoj referenci odnose (auto)ironično, a nekad se ona u razgovoru junakinja pojavljuje kao opšte mesto u razgovorima ljudi koji se bave književnošću i povezuje se sa psihoanalitičkim tumačenjima i edipalnim kompleksom. U tom smislu će, primera radi, studentkinja bibliotekarkinog muža nazivati taticom: «Baš te fino vaspitao. Tatica.» (Stupar Trifunović, 2019: 32). Deluje da se autorka namerno poigrava s potencijalnim psihoanalitičkim tumačenjima, intencionalno protkivajući narativ elementima koji bi poslužili kao signal i uporište takvoj interpretaciji – bibliotekarka izbegava da govori o svojim roditeljima, a kada to učini, predstavlja disfunkcionalnu porodicu, često odsutnog oca i nezadovoljnu majku, a imamo li u vidu važnost figure oca i način na koji je ona povezana sa ženskom željom i dinamikama erotskog života (v. Benjamin, 1988: 85-132), odabir braka sa profesorom može se tumačiti kao vrsta bega, potrage za sigurnošću i afirmacijom koja je izostala. Tanja Stupar Trifunović ipak ne nudi psihoanalizu kao ključ za tumačenje ponašanja junakinja, već je koristi kao vid interkulturalnog repertoara čiji elementi postaju skoro kao citatni okvir koji junakinje istovremeno i potvrđuju i ironizuju. Psihoanalitički diskurs tako nadrasta teorijski okvir koji bi služio za tumačenje i postaje jedan od jezika kroz koje se ljubav kodira u romanu.

Junakinje ni u jednom trenutku ne gube svest o generacijskoj razlici. Naratorka, premda ima oko pedeset godina, poima samu sebe kao staru ženu: «Stara sam za promjene i već polomljena.» (Stupar

Trifunović, 2019: 78). Svoju ljubavnicu vidi kao mlađu verziju sebe i u percepciji i jeziku naglašava razliku u životnom iskustvu. Na primer: «Sa dvadeset sam imala iste snove kao i ti sada, da završim fakultet, putujem po svijetu, pišem.» (Stupar Trifunović, 2019: 8) ili «Govorila si o dvadesetim kao zrelosti i nekom postignuću kada si već uveliko u svijetu odraslih. Meni je bilo smiješno. Sa dvadeset sam još bila dijete kao i ti što si.» (Stupar Trifunović, 2019: 18). Ovo se vidi i u njihovom čitalačkom ukusu, jer su one, kako zapaža Nađa Bobičić, «kao lutke na sceni, koje se međusobno razbacuju citatima iz klasika zapadnog kanona» (Bobičić, 2020) i u tom kontekstu studentkinju odlikuje mladalačka lektira i početni zanosi književnošću, a bibliotekarka taj proces njenog formiranja posmatra sa vremenske distance. Naglašavanje razlike u godinama obeležava čak i njihov humor («Odjebi sa staračkim humorom» (Stupar Trifunović, 2019: 22)) i često je deo razgovora:

> «Plašiš se starosti? Plašiš se biti baba?»
> Voljela si te okrutne igre kada prstom povučeš linije po mojim borama ili riječima po mojim godinama ili pitanjem po mojim strahovima.
> Plašim li se?
> Ogrnula sam kaput na golo tijelo i mlatila s njim po sobi vičući *ja sam stari šišmiš* i imitirajući lepet krila.» (Stupar Trifunović, 2019: 26)

Starosna razlika među partnerkama poredi se sa odnosom majka-kćerka, čime se, takođe, istovremeno potvrđuje i ironizuje psihoanalitička interpretacija. Bibliotekarka nema dece; jednom je ostala trudna, ali je izgubila dete, te bi studentkinja mogla biti neko u kome ona naizgled traži kćerku:

> Neko bi zapazio da je to zato što nemam djece. Ali ti imaš majku sigurno brižniju i bolju od mene. Mislim da su sva ta objašnjenja čista glupost.
> Prvi put kad sam se poljubila s tobom ja nisam osjetila nikakvu majčinsku ljubav nego strast za kakvu prije nisam znala. (Stupar Trifunović, 2019: 10)

Podcrtava se da njihovu vezu ne odlikuje roditeljska naklonost, već erotizam: «O, znam da je i to dio tvojih erotskih fantazija. Mamica koja kažnjava neposlušnu djevojčicu.» (Stupar Trifunović, 2019: 35). Nensi Čodorov, u studiji *Reprodukcija majčinstva: psihoanaliza i sociologija roda* (*The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*), ističe upravo da «lezbejski odnosi imaju tendenciju da rekreiraju emocije i povezanost karakteristične za odnos majka-ćerka» (Chodorow, 1979: 200), što je povezivanje ženske homoseksualnosti sa figurom majke koje je prisutno još kod Frojda, a tu vezu posebno je analizirala Šarlot Vulf (Wolff, 1972) u studiji *Ljubav između žena* (*Love Between Women*). Lezbejska ljubav se tako shvata kao ponavljanje i produžetak veze majka-kćerka, a kako bibliotekarka nema kćerku, veza sa studentkinjom čitala bi se kao rekonfiguracija majčinstva, odnosno kao produžetak emocionalne logike ženskog razvoja.

Adrijen Rič (Rich, 2003) govoreći o lezbejstvu u svom eseju «Prisilna heteroseksualnost i lezbejska egzistencija» («Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence»), uvodi dva ključna koncepta – lezbejska egzistencija i lezbejski kontinuum. I jedan i drugi ističu povezanost između žena se te u tom ključu veza junakinja može sagledati kao povratak žene ženi, upravo zahvaljući generacijskoj razlici. Bibliotekarka raskida s prisilnom heteroseksualnošću i gradi svoj identitet van heteronormativnih struktura. Na taj način posmatran, odnos bibliotkarke i studentkinje može se tumačiti kao čin otpora. Lezbejski odnos im pruža mogućnost drugačije egzistencije, one koja nije ustrojena patrijarhalnom logikom. Tome u prilog idu i koncepti kvir vremena i kvir prostora, koje je razvila Džudit Halberstam (2005) kako bi opisala različite

načine živote i identitete koji se ne uklapaju u polje hrononormativnog. To znači da kvir subjekti žive van društveno nametnute vremenske linije. Bibliotekarka i studentkinja nalaze se u različitim životnim etapama, odlikuju ih različita očekivanja. Uz to, njihova veza ne sledi uobičajeni razvojni tok ljubavne priče – ne vodi ni suživotu ni stabilnosti, ali poseduje veliki transformativni potencijal. Ona razbija linearnost njihovih dotadašnjih života. Bibliotekarka, povezana s iskustvom i zrelošću, ulazi u fazu redefinisanja i samoistraživanja, proživljavajući «drugu mladost» sa studentkinjom. U braku ona deluje pasivno, nezadovoljno i rezignirano pred predvidljivom budućnošću, ali je veza sa studentkinjom menja. Promenom radnog mesta, izmeštanjem iz centra na periferiju, iz osvetljenog prostora u taman i prašnjav, bibliotekarki je nametnut osećaj da njeno vreme prolazi i da joj je kao starijoj ženi nametnut položaj na margini. U tom smislu je važan i trenutak u kome studentkinja ulazi u njen život: «Ti si došla ubrzo potom. Kad mi je dopizdilo. I kad mi se sav svijet skupa sa ljudima oko mene činio kao nekakva loša imitacija života.» (Stupar Trifunović, 2019: 24), odnosno: «Bila sam pomalo sjebana žena koja je proćerdala dobar dio života. Ali to i nije bio tako loš život. Prikriveni život. Kao da sam stalno čekala da počne. I tako gotovo ostarjela. Čekajući. A onda si banula ti.» (Stupar Trifunović, 2019: 33). Mladost, strast i intenzivnost studentkinje postaju podsticaj za povratak sopstvenoj vitalnosti, za preuzimanje aktivne uloge u sopstvenom životu i za osvajanje nove slobode:

> Ali sada počinje vrijeme čarolije. I ludosti. Mislim dok ti svlačim grudnjak i ispred mene se pojavljuju tvoje grudi i ja svaku bradavicu obuhvatam usnama zasebno, u svakoj tražeći dio tebe s kojim želim da se susretnem. Dio sebe kojeg sam mislila da više nema. (Stupar Trifunović, 2019: 11)

Ljubavna veza dveju junakinja otvara alternativni životni prostor koji se protivi patrijarhalnoj i heteronormativnoj koncepciji vremena i prostora. Sastaju se u tuđim, privremenim i skrovitim prostorima svesne da je njihova ljubav nešto što je zabranjeno i što kao takvo treba ostati skriveno: «Krijemo se. Kao kradljivice. Od sebe i od drugih.» (Stupar Trifunović, 2019: 52). Potreba za skrivanjem svakako ukazuje na društvenu percepciju homoerotizma: «'Šta ako neko sazna za nas? Mogli su nas vidjeti.' <...> 'Šta ako moja majka sazna? Samo joj još to treba.'» (Stupar Trifunović, 2019: 12).

Njihova veza traje oko četiri godine i završava se neposredno nakon što studentkinja diplomira. Reč je o kratkotrajnom, ali intenzivnom odnosu u kom prepoznajemo primer onoga što Entoni Gidens, istražujući transformaciju intimnosti, naziva konfluentnom ljubavlju, a koja se javlja u 20. veku nakon seksualne revolucije i predstavlja aktivnu, privremenu ljubav koja se suprotstavlja predstavi romantične ljubavi kao večne i jedinstvene (Giddens, 1992: 61). Partneri u takvoj ljubavi nisu opterećeni idealom trajnosti, već ostaju u odnosu sve dok u njemu vide smisao i pronalaze ispunjenje. Odnos se zasniva na intimnosti, otvorenoj i ravnopravnoj komunikaciji, kao i na visokom stepenu (samo)refleksivnosti i samospoznaje partnera. Bibliotekarka i studentkinja ostaju u vezi onoliko dugo koliko im se potrebe i dinamike poklapaju, pri čemu i jedna i druga taj odnos doživljavaju kao proces samo(re)definicije. Studentkinja dobija novo iskustvo, slobodu i potvrdu, a bibliotekarka iznova otkriva svoju vitalnost i seksualnost. Njihova ljubav je, dakle, transformativna i predstavlja prostor mogućnosti, a ne stabilnosti.

Generacijska razlika po pravilu uslovljava odnos koji se bazira na nejednakosti u pogledu znanja, životnog iskustva i moći, i koji favorizuje stariju osobu. Ipak, koliko god da bibliotekarka zaista ima više životnog iskustva i znanja (što se posebno vidi u razgovorima o književnosti), studentkinja je ta koja nju uvodi u svet novih emocionalnih i čulnih iskustava. Premda ta iskustva jesu nova i transformativna za studentkinju, bibliotekarka je ta koja doživljava značajniju destabilizaciju identiteta, dok je u slučaju lika studentkinje veći akcenat na procesu istraživanja i formiranja identiteta.

Razlika u godinama, koja je transgresivna, zabranjena i kao takva erotična, postaje prostor za preispitivanje normativnog. Njena suština ne leži u očekivanoj asimetričnosti pozicija, već u tome što predstavlja kvir poziciju za koju je karakteristično opiranje svakom vidu fiksacije. Junakinje nisu učvršćene u svojim na prvi mah klišeiziranim ulogama, već se one u tim ulogama smenjuju na vrlo fluidan način i kroz taj proces se transformišu i upoznaju sebe same. Transformativne posledice njihove veze su konkretne. Bibliotekarka će se razvesti od supruga i započeti ljubavnu vezu sa Marijom, ženom koja joj je bliža po godinama i sa kojom uspostavlja zdrav i ispunjavajući odnos, a studentkinja odlazi u inostranstvo i, nakon perioda seksualnog eksperimentisanja i formalnog obrazovanja, ulazi u novu životnu etapu sa Robertom, čovekom za koga planira da se uda i osnuje porodicu.

Najzad, treba istaći da junakinje do kraja romana ostaju neimenovane. Na prvi pogled to bi se moglo shvatiti kao autorsko rešenje kojim se teži univerzalnosti. Neki od književnih kritičari su, povedeni tom idejom univerzalnosti, pokazali sklonost zanemarivanju lezbejstva kao distinktivnog i suštinskog obeležja, naglašavajući da bi to mogla biti bilo koja ljubav. Dragan Babić tako zaključuje: «Umesto jedne ili čak obe protagonistkinje vrlo lako se mogao naći i muški junak/junaci, a delo bi i u tom obliku bilo jednako potresno i uverljivo, naročito kada se ne čita kao opis ženske ili lezbejske ljubavi, već kao opis ljubavi kao takve.» (Бабић, 2020: 225), a Srđan Orsić: «Ne mareći za pol i rod, emotivni naboj i introspekcija koju donosi ovaj roman stvorili su jednu univerzalnu priču, u kojoj se preplelo čitavo mnoštvo malih svetova i sukoba.» (Орсић, 2020: 728-729). Međutim, koliko god da su osećanja koja se nalaze u srži narativa univerzalna, ovakvo isticanje univerzalnosti predstavlja sklizak teren jer umanjuje značaj pisanja o lezbejskoj ljubavi i oslanja se na tradiciju stavljanja ženske homoseksualnosti u drugi plan, posebno kad takvi stavovi dolaze iz muškog pera. Neimenovanje junakinja pre funkcioniše kao narativni postupak kojim se oblikuje način na koji čitalac percipira junakinje. Čitalac je primoran da ih razlikuje na osnovu godina (starija i mlađa junakinja) ili na osnovu profesije (bibliotekarka i studentkinja), što pokazuje da je njihov jedini stabilni distinktivni marker, pored ženskog roda, generacijska tj. Starosna razlika. Ipak, moguće ih je razlikovati i na osnovu pozicija koje imaju u narativu – pozicija «ja» i «ti», one koje piše i one koja je ispisana/upisana, odnosno subjekta i objekta u ljubavnom diskursu. Relacija je značajnija nego imenovanje te time Tanja Stupar Trifunović podcrtava istovremeno koliko je identitet fluidan i relacijski, da se ne oblikuje u izolaciji već kroz kontat sa drugim.

3. Zaključak

Tanja Stupar Trifunović romanom *Otkako sam kupila labuda* ispisuje belinu koja je dugo postojala u srpskoj književnosti, odnosno popunjava prazninu u reprezentaciji istopolne ljubavi i ženskih iskustava izvan heteronormativnih okvira. Autorka gradi narativ o ljubavi između dve žene koji ne samo da osvetljava intimne dimenzije odnosa, već i aktivno destabilizuje ustaljene modele intimnosti i ljubavnih normi. Pritom, ljubav u romanu nije prikazana kao stabilna, trajna ili predvidiva, već kao prostor transformacije, mogućnosti i istraživanja, u kojem junakinje oblikuju, preispituju i redefinišu svoje identitete. Ljubav, dakle, postaje polje samospoznaje i osnaživanja, u okviru kog junakinje pomeraju heteronormativne granice i preuzimaju ulogu aktivnih subjekata.

Generacijska tj. starosna razlika nije predstavljena u skladu s očekivanom nejednakošću koja se tiče životnog iskustva i znanja, te stavlja stariju osobu u poziciju autoriteta i moći, već je predstavljena kao prostor transgresije, istraživanja novih oblika bliskosti i otpora heteronormativnom i hrononormativnom ustrojstvu sveta. Starija i mlađa junakinja, kroz međusobnu ljubavnu interakciju i konflikte, ne samo da preispituju vlastite identitete, već i problematizuju kulturne i društvene norme koje oblikuju poimanje ljubavi,

intimnosti i ženskog subjektiviteta. Pored toga što osvaja novo tematsko polje, Tanja Stupar Trifunović romanom *Otkako sam kupila labuda* otvara pitanje pozicije, reprezentacije i recepcije lezbejske ljubavi u srpskoj i regionalnoj književnosti, koje ima potencijal za dalja istraživanja i kritičko sagledavanje.

Bibliografija

Бабић, Д. (2020). Између књижевности и стварног живота. [*Откако сам купила лабуда*, Тања Ступар Трифуновић]. *Polja*, *65*(522), 225-227. https://polja.rs/wp-content/uploads/2020/05/Polja-522-Sajt-CIR-225-227.pdf

Bataj, Ž. (2009). *Erotizam*. Službeni glasnik.

Benjamin, J. (1988). *The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination*. Pantheon.

Bobičić, N. (2020, 23. mart). Napukline četiri zida, lezbejska ljubav i feranteovska poetika. *Booksa*. https://booksa.hr/kritike/otkako-sam-kupila-labuda

Chodorow, N. (1978). *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. University of California Press.

Fuko, M. (1998). Uvod u prestup. *Reč*, *5*(45), 62-72.

Giddens, A. (1992). *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford University Press.

Gurkin Altman, J. (1982). *Epistolarity: Approaches to a Form*. Ohio State University Press.

Halberstam, J. (2005). *In a Queer Time and Place: Transgender Bodies, Subcultural Lives*. New York University Press.

Jursenar, M. (2001). *Vatre* (J. Aćin, prev.). Rad.

Орсић, С. (2020). Кардиограм љубави и бола [*Откако сам купила лабуда*, Тања Ступар Трифуновић]. *Летопис Матице српске*, *505*(5), 727-730. https://www.maticasrpska.org.rs/letopis/letopis_505_5/16%20Orsic.pdf

Петровић, А. (2024). (Без)успешан повратак мајци: романи Тање Ступар Трифуновић и Биљане Јовановић. *Поља: часопис за књижевност и теорију*, *69*(546), 133-141. https://polja.rs/wp-content/uploads/2024/05/Polja-546-cirilica-133-141.pdf

Rich, A. (2003). Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence (1980). *Journal of Women's History*, *15*(3), 11-48. https://dx.doi.org/10.1353/jowh.2003.0079

Stupar Trifunović, T. (2019). *Otkako sam kupila labuda*. Arhipelag.

Тодоровић, Ј. (2023). Женско тело и сексуалност у роману «Кафе Носталгија» Сое Валдес. *Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе*, *13*(13), 160-176.

Wolff, C. (1972). *Love Between Women*. Harper & Row.

POTENCIAL SIMBÓLICO Y TRADUCTOLÓGICO DE FRASEOLOGISMOS QUE REFLEJAN LA IDEA DE *HONOR* EN EL PLANO SERBIO-ESPAÑOL

Aneta Trivić
Universidad de Belgrado

1. Introducción

Este trabajo se centra en el análisis del concepto de *honor* en los proverbios serbios y españoles, recogidos en diversas colecciones representativas: VUK[1], FRHSJ[2], RMS, RM, DRJ. El corpus analizado está constituido por unidades fraseológicas y proverbios que contienen el lexema *образ* / *obraz* en serbio y por sus posibles equivalentes funcionales en español. La selección se ha realizado a partir de fuentes lexicográficas y paremiológicas reconocidas, tanto generales como especializadas. Para la lengua serbia se han utilizado principalmente los diccionarios: *Rečnik srpskoga jezika* (en adelante RMS), Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika (en adelante FRHSJ) y la colección paremiológica *Srpske narodne poslovice i druge različne kao one u običaj uzete riječi* de Vuk Stefanović Karadžić (en adelanteVUK), por tratarse de obras normativas y de referencia que documentan el uso tradicional y culturalmente relevante del lexema *obraz*. Para la lengua española, el corpus se ha extraído de repertorios fraseológicos y refraneros como el *Refranero multilingüe* del Instituto Cervantes (2009) (en adelante RM) y el Diccionario de refranes de Junceda (en adelante DRJ), complementados con estudios paremiológicos previos. El criterio fundamental de selección ha sido la relevancia semántica de las unidades respecto al campo conceptual del honor, la honra, la moralidad y la vergüenza. Se han incluido únicamente aquellas unidades en las que estos valores aparecen de forma explícita o implícita mediante procesos metafóricos o metonímicos. Asimismo, se ha priorizado la frecuencia y estabilidad de uso, atendiendo a la presencia de variantes diacrónicas y diatópicas, especialmente en el corpus serbio, lo que garantiza la representatividad cultural de los ejemplos analizados.

El estudio de los proverbios resulta especialmente útil para abordar la relación entre la lengua, cultura y mentalidad, dado que estas expresiones condensan de forma concisa y representativa la sabiduría popular, los valores colectivos y los estereotipos culturales de una comunidad. Los proverbios, como unidades lingüísticas y folclóricas, reflejan con notable claridad la historia, el carácter nacional y la cosmovisión de los pueblos que los crean y transmiten.

El presente estudio se inscribe en el marco de la fraseología contrastiva y de la lingüística cognitiva, con especial atención a la teoría de la metáfora y la metonimia conceptuales aplicadas al análisis paremiológico. Nuestro objetivo principal es reconstruir el concepto de *honor* e identificar las características lingüísticas y culturales que lo configuran en el imaginario colectivo de los pueblos serbio y español. Para ello, adoptamos enfoques metodológicos propios del análisis **conceptual** y del **análisis comparativo**. Con este estudio

[1] Vuk Stefanović Karadžić fue un lingüista y reformador serbio del siglo XIX. Llevó a cabo la modernización y simplificación del alfabeto serbio conforme al principio fonético *escribe tal como hablas*. Fue autor de la primera gramática, la primera ortografía y el primer diccionario del serbio moderno. Además, recopiló canciones populares, cuentos y proverbios del folclore nacional, contribuyendo de manera decisiva a su preservación.

[2] El listado de siglas desarrolladas aparece al final del capítulo.

pretendemos contribuir a una mejor comprensión intercultural entre comunidades lingüísticas que, si bien pertenecen a tradiciones distintas –la eslava y la hispánica–, pueden compartir elementos comunes en su concepción de valores fundamentales como *el honor*.

1.1 Procedimiento de análisis

El análisis se ha desarrollado en varias etapas complementarias. En una primera fase, se ha llevado a cabo una identificación y clasificación semántica de las unidades fraseológicas serbias con el lexema *obraz*, distinguiendo entre usos literales y figurativos, y estableciendo su relación con los valores éticos y morales que codifican. Posteriormente, estas unidades se han agrupado en función de las oposiciones conceptuales que estructuran su significado (por ejemplo, arriba/abajo, blanco/negro, duro/blando). Luego se ha realizado un análisis cognitivo orientado a reconstruir las metáforas y metonimias conceptuales subyacentes, tales como *la mejilla es un objeto valioso* o *la pureza física es pureza moral*. Finalmente, en análisis contrastivo y traductológico, se han buscado en español unidades fraseológicas y proverbiales funcionalmente equivalentes, aunque no necesariamente formales, prestando atención a los grados de equivalencia traductológica (total, parcial y nula). Se ha tenido en cuenta que el lexema *mejilla* no posee en español la misma carga semántica que en serbio, por lo que la comparación se ha basado en la equivalencia conceptual y pragmática más que en la correspondencia léxica directa.

2. El concepto. El concepto *honor*

Para establecer conceptos y estereotipos asociados a determinados términos clave de la cultura nacional —en nuestro caso el término *honor*—, utilizamos la metodología y la terminología de la lingüística cognitiva y la etnolingüística en combinación con el análisis léxico-semántico. Desde una perspectiva cognitivista, el término *concepto* se entiende como una construcción mental capaz de representar una amplia variedad de objetos, acciones y funciones mentales. En tanto unidad básica de una cultura puede interpretarse como un conjunto estructurado de significados que el hablante emplea en su uso lingüístico. Asimismo, el término *conceptoesfera* se define como el conjunto de conceptos propios de una nación (Лихачев, 1997 *apud*. Otabek Timurovich, 2020: 348). La *conceptoesfera* de una lengua nacional es tan rica como como la cultura de dicha nación: su literatura, su folclore, su ciencia y sus bellas artes. Además, se correlaciona con la experiencia histórica colectiva y, en particular, con la tradición religiosa (Otabek Timurovich *ibidem*.).

Para Pejanović (2010: 124) el término *concepto* abarca la totalidad del contenido de la unidad lingüística, incluyendo tanto el significado denotativo como el connotativo. Asimismo, refleja las representaciones de los hablantes de una determinada cultura acerca del fenómeno que subyace a la palabra en todo el espectro de conexiones asociativas. Según Ristić (2015: 14), las nociones de *concepto* y *conceptualización* constituyen unidades operativas del léxico mental que corresponden al conocimiento sobre datos objetivos. Estas unidades son activadas por el individuo en el proceso de pensamiento, pensamiento y reflejan su propia experiencia y conocimiento sobre las realidades del mundo que la rodea. No obstante, *el concepto* no se limita únicamente a datos objetivos, sino que incluye también aquello que el individuo supone, asume, piensa e imagina acerca de dichos datos. Los conceptos más relevantes se encuentran codificados en la lengua y sus elementos se manifiestan en distintos niveles lingüísticos

La conceptualización de los significados pertenecientes al ámbito de la moral y honor incluye diferentes lexemas que, por lo general, presentan estructuras polisémicas. Los conceptos más importantes de este ámbito están codificados en el lenguaje y sus elementos se reflejan en varios planes lingüísticos. Desde

el punto de vista del análisis conceptual y contrastivo, resulta especialmente significativo observar cómo los elementos del conocimiento etnolingüístico se transforman en presupuestos lingüísticos que, a su vez, se materializan como componentes culturales la lengua.

Pejanović (2009a, 2010) cree que el concepto *чacm/ čast/ honor* constituye uno de los conceptos etnoculturales clave en la imagen fraseológica del mundo de los hablantes de serbio. En su significado original, el lexema *čast* es un sustantivo abstracto perteneciente al ámbito de la moral y vinculado a la esfera intelectual. Al analizar la verbalización del concepto *čast* en uno de los pueblos balcánicos (los Kuč), Milosavljević (2019) señala que se trata de un constructo cognitivo complejo basado, por un lado, en un principio externo (social), que implica la regulación externa de las relaciones impuesta por la comunidad y, por otro, basado en un principio interno (íntimo), dentro del cual el concepto de honor refleja la responsabilidad personal del individuo frente a las normas morales.

3. Sobre la etimología y la semántica y del lexema ЧАСТ/ ČAST

En la interpretación del significado del lexema *чacm/ čast*[3], y de sus derivados en serbio nos basamos en sus definiciones lexicográficas y en la estructura conceptual elaborada por Ristić (2015), compilada a partir del material del diccionario histórico *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* de Skok (en adelante JAZU) y del RMS. Según Ristić (2015: 155-156) y los diccionarios citados, el primer significado registrado se refiere al reconocimiento y la reputación de que goza una persona o una entidad en el ámbito social y público. Posteriormente *čast* denota un alto cargo oficial, así como un título honorable y prestigioso. Asimismo designa determinadas formas de comportamiento y de trato en el marco de ceremonias y rituales, especialmente en situaciones de presentación y saludo. El lexema también funciona como performativo en actos de habla vinculados a la evaluación, el juramento o, en determinados contextos, el reproche y el insulto. En uno de los significados más recientes documentados *el honor* se equipara con *la honestidad* y se describe como un conjunto de principios morales y éticos que orientan el comportamiento social y personal del individuo.

En cuanto a su significado etimológico, los diccionarios señalan el origen eslavo común del lexema *чacm/ čast* (en diversas lenguas eslavas: ruso *чecm*, polaco *cześć*, checo *čest*, ucraniano *čest*, bielorruso *čest*, búlgaro *čest*, esloveno *čȃst*, eslovaco *česť*). Estos lexemas se derivan del protoeslavo *чecmь*, etimológicamente vinculado al verbo *чьcmu* con el significado de *respetar, valorar.* En el diccionario JAZU este lexema se deriva diacrónicamente del infinitivo protoeslavo *чecmь,* con el significado de 'considerar, valorar, pensar'.

4. Revisión del material fraseológico serbio

El concepto lingüístico de *honor* en serbio presenta una estructura compleja y se eqiuipara a un macroconcepto, que engloba diversos microconceptos. Dentro de este macroconcepto (*honor*) y, más concretamente, dentro del microconcepto *imagen*, Pejanović distingue otros cuatro microconceptos subordinados, a los que denomina «reguladores de la moral patriarcal: preservación de *la mejilla* (honor)». Estos reguladores

[3] Representamos los lexemas serbios de dos maneras, empleando ambos alfabetos: en primer lugar, en cirílico y, a continuación, en alfabeto latino. La lengua serbia utiliza estos dos sistemas de escritura de forma paralela; no obstante, el alfabeto cirílico posee una relevancia histórica y tradicional, mientras que el alfabeto latino predomina en el uso contemporáneo. Ambos alfabetos son de carácter fonético, ya que respetan el principio de correspondencia biunívoca entre grafema y fonema (*una letra por un sonido* siguiendo la regla de Vuk *Karadžić escribe como hablas y lee como está escrito*), y son mutuamente intercambiables: constan de treinta letras y cualquier palabra escrita en uno de ellos puede transcribirse directamente al otro sin que se produzcan cambios en la pronunciación. Tras la mención inicial de ambas grafías, se continuará utilizando exclusivamente el alfabeto latino en las repeticiones posteriores de los lexemas, dado que resulta más reconocible y se ajusta mejor al sistema gráfico del español.

de la moral son: la palabra dada (la promesa), el distanciamiento y la reprimenda, la lapidación, la venganza de sangre y la muerte (Pejanović, 2009a: 87). En el presente análisis, nuestra atención se dirige al lexema *образ/ obraz* (la mejilla), considerado el representante léxico básico y más relevante del concepto *honor*.

En el diccionario RMS, el lexema *obraz* presenta dos significados: a) un lado de la cara, una parte del rostro, y otro que es figurativo: b) honor, orgullo. Los fraseologismos (más precisamente las locuciones) formados a partir de este lexema son numerosos. Sus significados aparecen explicados en el diccionario y todos se basan en el segundo valor semántico del lexema (honor, orgullo). Entre ellos se encuentran: *бацити образ под ноге/ baciti obraz pod noge* (lit. «poner la mejilla bajo los pies») ~ perder el honor[4]; *бити дебелог образа (имати дебео образ)/ biti debelog obraza (imati debeo obraz)* (lit. «ser de/ tener la mejilla gorda») ~ no tener sentido del honor ni de la dignidad, no tener/ sentir vergüenza o bochorno; *(о)кљати, (о)црнити образ/ (o)kljati, (o)crniti obraz* (lit. «manchar/ ennegrecer la mejilla») ~ perder el honor, deshonrar; *осветлати образ/ osvetlati obraz* (lit. «iluminar/ alumbrar la mejilla») ~ destacarse con algún hecho honorable, realizar una acción honorable, hacer algo de lo que uno puede estar orgulloso; *црн ти образ (био)!/ crn ti obraz bio!* (lit. «¡que la mejilla te sea negra!») ~ deberías avergonzarte; *човек од образа/ čovek od obraza* (lit. «hombre de (buena) mejilla») ~ persona honorable, honesta y respetada (RMS).

FRHSJ también subraya la importancia de los significados metafóricos del lexema *obraz*, que desarrollan valores como el honor, la honestidad, la reputación y la dignidad en diversas unidades fraseológicas: *чувати образ/ čuvati obraz* (lit. «guardar/ salvar la mejilla») ~ preservar/ salvar el honor/ la reputación»; *(од)бранити образ/ (od)braniti obraz* (lit. «defender la mejilla») ~ defender el honor, la reputación; *(из)губити образ/ (iz)gubiti obraz* (lit. «perder la mejilla») ~ perder el honor.

Además de estas expresiones metafóricas e idiomáticas (también llamadas locuciones o modismos), existen otras unidades lingüísticas, igualmente metafóricas, pero de estructura sintáctica más compleja (próximas a las unidades textuales) conocidas como refranes y proverbios. Estas unidades no suelen registrarse en los diccionarios generales (monolingües o multilingües), sino en recopilaciones especializadas (los refraneros). La más antigua, conocida y citada es la colección de Vuk Stefanović Karadžić (VUK), quien fue el primero en reunir sistemáticamente proverbios y dichos populares serbios, publicados en el libro *Proverbios populares serbios* (1849). Esta colección recoge la sabiduría popular sobre diversos ámbitos, desde las relaciones humanas y el carácter individual, hasta concepciones sobre la vida, el trabajo y la felicidad. Entre ellos figuran numerosos proverbios que contienen lexema *obraz*, los cuales suelen comentar comportamientos y cualidades vinculados a la moral y la ética. Diversas clasificaciones han sido propuestas para estas unidades; por ejemplo, Pejanović (2009b) distingue entre dos series opuestas: «en una serie están aquellas unidades fraseológicas con lexema *obraz* que reflejan los comportamientos socialmente aprobados, aceptables, deseables, ideales. La otra serie contiene unidades de la semántica opuesta y expresa conductas inaceptables o socialmente condenadas, indeseables, anatematizadas» (2009b: 410).

Los proverbios recopilados por VUK presentan una notable variedad de formas y constituyen conjuntos derivacionales con un núcleo léxico común (*obraz*) (Jovanović, 2006 I: 263). Asimismo, confirman la existencia de sinonimia proverbial, en la que el núcleo temático puede expresarse mediante este lexema, aunque no necesariamente. Estos proverbios describen al hombre honrado o deshonrado, digno o indigno, dispuesto incluso a morir por su honor (*obraz*), cuya pérdida se considera peor que la muerte misma. Algu-

[4] Al igual que en el caso de los lexemas serbios, los fraseologismos y proverbios serbios se presentan en primer lugar en alfabeto cirílico y, a continuación, en alfabeto latino, este último en letra cursiva. Con el fin de facilitar su reconocimiento e interpretación por parte del lector, se incluyen entre paréntesis sus traducciones literales. Cuando los proverbios vuelven a aparecer de forma reiterada a lo largo del texto, se consignan únicamente en alfabeto latino.

nos ejemplos representativos son: *чоек све дава за образ, а образ ни зашто/ čoek sve dava za obraz, a obraz ni za što* (lit. «un hombre da todo por mejilla, pero la mejilla [no la da] por nada»); *све за образ, а образ ни за шта/ sve za obraz a obraz ni za šta* (lit. «todo por la mejilla y la mejilla por nada» [dar, vender]); *за образ даћу сваштa, а образ не дам ни за шта/ za obraz daću svašta, a obraz (ne dam) ni za šta* (lit. «daría cualquier cosa por la mejilla, pero (no doy) la mejilla por nada»). La amplia variación —diacrónica, diatópica o de otro origen— atestigua la estabilidad, vigencia y alta frecuencia de uso de estos proverbios, cuyos significados resultan fácilmente reconocibles y aplicables por los hablantes. Desde la perspectiva de la lingüística cognitiva y la teoría de la metáfora conceptual, se observa el predominio de la metáfora LA MEJILLA ES UN OBJETO VALIOSO (cuya pérdida, venta o intercambio simboliza un colapso moral absoluto y cuestiona la posibilidad de una vida digna).

En otros proverbios de VUK se evidencia la estrecha relación entre los valores morales y emocionales: una persona moral es presentada como buena, empática y noble, amable y cálida, que tiene buena alma e intenciones. Ejemplos como *ђе је образ му је и душа/ đe je obraz tu je i duša* (lit. «donde está la mejilla, también está el alma»); *ко има образа има и душу/ ko ima obraza ima i dušu* (lit. «quien tiene la mejilla tiene el alma también») ilustran la equiparación entre la belleza externa (*la mejilla*) y la belleza interna (*el alma*).

El lexema *obraz/ mejilla* resulta especialmente productivo en proverbios que representan variantes y variaciones[5] de la la fórmula: *ко у небо пљује, на образ му пада/ ko u nebo pljuje na obraz mu pada* (lit. «el que escupe al cielo, se le cae en la mejilla»). Los ejemplos son los siguientes: *кад чоек нада се пљуне, на образ ће пасти/ kad čovek nada se pljune na obraz će pasti* (lit. «cuando alguien escupe por encima de sí mismo, se le caerá en la mejilla»); *ко више себе пљује, на образ му пада/ ko više sebe pljuje, na obraz mu pada* (lit. «quien se escupe encima de sí mismo, eso cae sobre su mejilla); *пљуни врх себе, кад ли на образ/ pljuni vrh sebe kadli na obraz* (lit. «escupe sobre ti mismo, y en la mejilla (terminará)) (VUK). El acto de escupir simboliza el insulto y la transgresión comunicativa, mientras que la mejilla representa el honor y la reputación, reforzando así el contraste entre conducta indebida y sanción moral. El acto o comportamiento descrito en los proverbios pone de manifiesto el incumplimiento de los principios comunicativos básicos, entendidos estos, según Jovanović (2006 I: 263) como una forma de influencia recíproca y de interacción en la que predominan los aspectos formales sobre los emocionales o energéticos. Similarmente, Dimitrijević anota que «cuando una persona se propone escupir a alguien más honorable (superior) que él, él mismo se ensucia moralmente, así que termina escupiéndose a sí mismo» (Dimitrijević, 2015: 422).

Estos proverbios pueden interpretarse dentro de la metáfora orientacional (LO BUENO/ POSITIVO ES ARRIBA Y LO MALO/ NEGATIVO ES ABAJO. En su obra dedicada a los fraseologismos con lexema *obraz* Pejanović (2009b: 411) destaca que además de ejemplos ya enumerados que reflejan la oposición entre *lo alto/arriba* y *lo bajo/ abajo* (*ko u nebo pljuje, na obraz mu pada; kad čoek nada se pljune, na obraz će pasti; ko više sebe pljuje, na obraz mu pada; pljuni vrh sebe, kad li na obraz*), existen otros proverbios que también ilustran esta oposición de una manera explicativa: *бацити/ метнути образ под ноге/ baciti, metnuti obraz pod noge* (lit. «tirar/ meter/ poner la mejila bajo los pies»); *образ тоне под очи/ obraz tone pod oči* (lit. «la mejilla se hunde bajo los ojos»); *н'о му образ на земљу/ р»о mu obraz na zemlju*) (lit. «la mejilla se le cayó al suelo); *ставити образ под гузицу/ staviti obraz pod*

[5] La variante y la variación fraseológica constituyen manifestaciones de una misma unidad fraseológica, ya que comparten una estructura similar, un significado equivalente y pertenecen al mismo registro funcional. La diferencia fundamental entre ambas radica en su grado de fijación y reconocimiento. Las variantes son formas más estables y convencionalizadas, que suelen surgir mediante la sustitución de uno de los constituyentes léxicos de la unidad fraseológica (por ejemplo, *estar / andar en las nubes*). En cambio, las variaciones fraseológicas presentan un menor grado de estabilidad y sistematicidad, son menos reconocidas como formas normativas y se caracterizan por un mayor componente creativo, libre, estilístico y dependiente del contexto, como ocurre, por ejemplo, en los juegos de palabras.

guzicu (lit. «meter la mejilla bajo el trasero»). Con respecto a los ejemplos enumerados, la autora escribe: «la «caída» del rostro/ la mejilla verticalmente es interesante: desde la mejilla/ el rostro en altura (que es el ideal), hasta el rostro que ha caído al suelo» (Pejanović, 2009b: 411). Además constata que estas unidades fraseologicas a menudo están compuestos por varios somatismos, por ejemplo los ojos, el trasero, las piernas etc., lo que confirma la afirmación sobre el antropocentrismo del lenguaje.

Estrechamente relacionado con los conceptos de honor y moralidad es el concepto opuesto, él de vergüenza. Así, en serbio, el que no tiene vergüenza, no tiene la mejilla, o la tiene ensuciada y manchada. El siguiente ejemplo habla de reputación y el lexema *obraz* se refiere al sentimiento de vergüenza: *не гори образ од сунца, већ од поштенијех људи/ ne gori obraz od sunca, već od poštenijeh ljudi* (lit. «el rostro no se quema por el sol, sino por las personas más honestas»), el verbo *quemar* metafóricamente designa la mejilla (el rostro) enrojecida. En los proverbios *образ од образа стиди се/ obraz od obraza stidi se* (lit. «una mejilla (la cara/ el rostro») se avergüenza de otra mejilla»), *ништа се с образом није измијешало/ ništa se s obrazom nije izmiješalo* (lit. «nada se mezcla con la mejilla»), *ако је и доцкан, али је с образом/ ako je i dockan ali je s obrazom* (lit. «aunque sea tarde, es con/ tiene la mejilla»), lexema *obraz* (*la mejilla,* o lo que sería *el rostro* o *la cara* en la lengua española) por la transferencia metonímica (*mejilla* por *honor*) llega a representar la idea prototípica de honestidad, decoro y moralidad. Se trata de un ideal que está por encima de todos los valores que no se puede comparar con nada y cuya ausencia se percibe como gran vergüenza o bochorno.

La colección VUK abunda en proverbios (y sus variaciones) que expresan honestidad como el tema de ética colectiva: *рука руку пере/ мије, а образ обадвије/ ruka ruku pere/ mije, a obraz obadvije* (lit. «una mano lava a la otra y las dos lavan la mejilla»). En ellos está destacada «la relación del individuo con los demás, porque solo en la interacción del sujeto y su entorno <...> el individuo gana honor», o sea la mejilla/el rostro/ la cara limpios figuran como recompensa por las acciones honestas y «y para que esa interacción o acuerdo (entre el individuo y su entorno) ocurra, es necesario que ambas partes se 'laven', purifiquen y se deshagan de las impurezas» (Dimitrijević, 2015: 184). En el diccionario *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika* (en adelante RSANU) el proverbio *од два лица образ не може бити/ od dva lica obraz ne može biti* (lit. «la mejilla / el rostro no puede estar hecho de dos caras») comenta la duplicidad, o sea que gente que es doble/ hipócrita no puede ser honesta al mismo tiempo.

El siguiente grupo de refranes transmite la idea de la pureza moral y espiritual, partiendo de la pureza y belleza físicas hacia una noción abstracta (aquí: la integridad ética): *чисту образу мало воде треба/ čistu obrazu malo vode treba* (lit. «la mejilla limpia necesita un poco de agua'); *вода сваштo опере до црна образа/ voda svašta opere do crna obraza* (lit. «el agua lava todo menos la mejilla negra»). El agua representa la idea de pureza o limpieza y está en contraste con la suciedad, o sea el pecado. Según Dimitrijević (2015: 184) los dos primeros ejemplos pueden considerarse antónimos, porque el primero describe a un hombre honorable cuya mejilla o el rostro no necesita mucha agua porque ya está limpio, y el otro proverbio habla de un hombre malvado, inmoral y deshonesto con un rostro negro que no puede limpiarse fácilmente.

Junto a la oposición *arriba – abajo* (en la metáfora orientacional LO BUENO/ POSITIVO ES ARRIBA Y LO MALO/ NEGATIVO ES ABAJO), Pejanović (2009b: 411) destaca otra oposición en los refranes con lexema *obraz*: *blanco – negro*. De hecho, esta es la oposición primaria y la más importante, porque constituye la base semántica de numerosas unidades fraseológicas (desde modismos, las bendiciones y maldiciones hasta los dichos, proverbios, refranes y juramentos; Pejanović, 2009b: 410). Aparte de los proverbios que incluyen lexema *agua* (*čistu obrazu malo vode treba; voda svašto opere do crna obraza*) ya analizados, Pejanović añade unos ejemplos más: *благо добром чину и свијетлом образу/ blago dobrom činu i svijetlom obrazu* (lit. «bendecidas sean buenas obras

y mejillas brillantes»); *поцрнио му образ ка» и ништа чоеку/ pocrnio mu obraz ka» i ništa čoeku* (lit. «su mejilla se volvió negra, como si nada»). La mejilla blanca simboliza pureza moral, mientras que la negra representa deshonra, vergüenza y somboliza la violación de los principios éticos en una comunidad por parte de un hombre; igualmente otra persona le puede causar el daño moral, profanando su dignidad. De todos modos, la mejilla se puede limpiar/ lavar y no tiene por qué permanecer así de una vez por todas (Pejanović, 2009b: 408–411).

La clasificación tripartita de oposiciones en fraseologismos con lexema *obraz* (*arriba – abajo, blanco – negro*) termina con la oposición *duro – blando* (Pejanović, 2009b: 410-412). Esta oposición, además de los proverbios, es frecuente en locuciones y, especialmente, en comparaciones estereotipadas (Pejanović, *ibidem*). En ellos está presente la conceptualización LO DURO ES MALO Y LO BLANDO ES BUENO, donde lo malo implica lo cruel, sinvergüenza, desalmado, inmoral y lo bueno implica lo ético, justo, honesto. Los ejemplos que demuestran lo malo que es una mejilla dura son: *кожа му је на образу као ђон/ koža mu je na obrazu kao đon* (lit. «la piel de su mejilla es como una suela de zapato»); *кожа му је на образу тврда као у вола/ koža mu je na obrazu tvrda kao u vola* (lit. «la piel de su mejilla es dura como la piel del buey»), *образ му је као опанак/ obraz mu je kao opanak*[6] (lit. «su mejilla es como un opanak»); *девет чарапа има на образу/ devet čarapa ima na obrazu* (lit. «lleva nueve calcetines en su mejilla»). Estos proverbios descriptivos y comparativos guardan una relación antonímica con la expresión *бити (имати) мека образа/ biti (imati) meka obraza* (lit. «ser de (tener) la mejilla blanda»), que se usa para caracterizar a la persona como gentil, bondadosa, éticamente íntegra.

5. Posibilidades traductológicas al español

Las posibilidades de traducción de estos proverbios a la lengua española son diversas; sin embargo, ninguna de ellas incorpora el lexema *mejilla* (obraz), ya que este simboliza la moralidad y la corrección ética exclusivamente en la lengua serbia. El español, por su parte, cuenta con fraseologismos que incluyen lexemas somáticos para designar los conceptos de *honra* y *honor*, como *cara* o *rostro.* Si bien las definiciones lexicográficas de estos lexemas no registran significados directamente vinculados con dichos conceptos abstractos, las unidades fraseológicas (locuciones o proverbios) formadas a partir de ellos evidencian una clara ampliación semántica hacia los dominios de la ética, el honor y la moralidad.

En la escala traductológica —considerando los grados de equivalencia total, parcial y nula— los equivalentes totales resultan poco frecuentes entre los proverbios españoles y serbios que expresan el concepto de honor (u otros afines) mediante el lexema *mejilla* (en serbio) y *cara* o *rostro* en español. No obstante, pueden señalarse algunos casos representativos. Así, la idea de solidaridad se expresa mediante las fórmulas españolas: *una/ la mano lava a la otra, y ambas la cara; una mano lava a la otra, y las dos al rostro; una mano lava la otra y entrambas la cara* (RM) (equivalentes al proverbio serbio *ruka ruku pere/ mije, a obraz obadvije*). De manera similar, la idea de arrogancia o autoinsulto se refleja en expresiones como: *el que/ quien al cielo escupe en la cara le cae, quien al cielo escupe, a/ en su cara le cae, al que/ quien al cielo escupe, a/ en la cara le cae, el que/ quien escupe al cielo en la cara le cae, el que escupe al cielo al rostro le cae* (Nicaragua), *el que escupe pa'l [para el] cielo le cae la saliva arriba* (Cuba), *el que escupe para arriba en la cara le cae* (Colombia) (RM) (correspondientes al serbio *ko u nebo pljuje na obraz mu pada*).

[6] *Опанак* [*opanak]* es un tipo de calzado que forma parte de la indumentaria tradicional serbia, característica de las zonas rurales, y que en la actualidad ha caído en desuso. Elaborado en cuero y carente de cordones, se distingue por la forma de su punta, la cual varía en función de la región.

Auque RM distingue numerosos conceptos clasificados en diferentes campos semántico-conceptuales —como adversidad, amistad, indiferencia, incertidumbre o injusticia—, entre ellos no figuran los conceptos de especial interés para este estudio: *honra, honor, honestidad, dignidad, vergüenza*. En cambio, el DRJ, gracias a su detallada clasificación temática, sí diferencia explícitamente los conceptos de *honor* y *honra* del resto de los conceptos abstractos. Dentro de este grupo se observan diversas metáforas y metonimias conceptuales, entre las que destacan: LA PUREZA EXTERNA/ FÍSICA ES PUREZA INTERNA/ MORAL: *limpio de manos* (serb. *čistih ruku; čistog obraza*); LA HONRA ES UN OBJETO MUY VALIOSO: *más vale morir honrado, que vivir deshonrado; el hombre honrado de su palabra es esclavo*; LA HONRA Y EL DINERO NO SE MEZCLAN: *honra y provecho no caben en un techo*; LA HONRA ES UN OBJETO FRÁGIL: *la honra y el vidrio no tienen más que un golpecillo.*

De manera semejante Panizo Rodríguez (1997) clasifica los proverbios españoles en función del enfoque desde el que se interpreta la honra: alabanzas a la vida honrada (*más vale morir con honra, que vivir con vilipendio; antes poco y honrado que mucho y robado; la vida larga o corta, que sea buena es lo que importa*); aspectos positivos de la honradez (*quien vive como Dios manda, alegre anda; quien hace lo justo, duerme a su gusto; un hombre honrado no tiene más que una palabra*); normas para ser honrado (*ama lo tuyo y respeta lo ajeno, que aquello es miel y esto veneno; hágase lo que sea justo, aunque se hunda el mundo; haz bien, que Dios te ve*); fragilidad de la honra (*el vidrio y la honra del hombre no tienen más que un golpe; la honra suele ser trabajosa de ganar y ligera de perder*); y consecuencias negativas que puede sufrir la persona honrada (*manos limpias, bolsa vacía; no es el camino derecho el más provechoso; honra y deleite no comen juntos; creció el honor y creció el dolor*).

Comparando el corpus paremiológico relacionado con los valores éticos del español y el serbio, Pejović (2013: 276) observa que los valores dominantes en ambas lenguas son la honradez y la honestidad, la solidaridad y la misericordia, el respeto, la justicia, la verdad, la diligencia y la modestia. Los proverbios del campo semántico *honor* y *honra* «suponen que un hombre obre bien y cumpla su palabra» y que «la vida honrada ocupa un lugar muy alto en la escala de los valores éticos» (Pejović, 2013: 276). Ejemplos representativos son: *haz bien y no mires a quien; mejor almohada es la conciencia sana; (el) hombre honrado, antes muerto que injuriado;* junto con proverbios serbios como: *човек све дава за образ, а образ ни за што/ čoek sve dava za obraz, a obraz ni za što* (lit. «un hombre da todo por la mejilla, pero la honra no la da por nada»); *боље је неправо трпљети него неправо чинити/ bolje je nepravo trpljeti nego nepravo činiti* (lit. «es mejor sufrir mal que obrar mal»); *боље је поштено умрijети него срамотно живјети/ bolje je pošteno umrijeti nego sramotno živjeti* (lit. «es mejor morir honestamente que vivir deshonestamente»).

6. Conclusión

El análisis conceptual y traductológico de los proverbios pertenecientes al campo léxico-semántico del *honor* demuestra que se trata de un ámbito altamente desarrollado tanto en la lengua serbia como en la española, lo que confirma el profundo arraigo de este valor en las tradiciones culturales y lingüísticas comparadas.

La reconstrucción del concepto *част/ čast/ honor* en serbio revela que se trata de uno de los elementos fundamentales en la conceptualización antropocéntrica del ser humano y de sus cualidades morales. La función reguladora de los proverbios se manifiesta tanto en su contenido como en su forma, ya que advierten, orientan y educan sobre el comportamiento ético. Desde el punto de vista formal, en serbio predominan los proverbios con el lexema obras/ *mejilla*, que simboliza la honra y, por ello, debe mantenerse limpia, sin manchas, cuidadosamente protegida y altamente valorada. Las unidades fraseológicas que incorporan este lexema se fundamentan en diversos mecanismos lingüísticos y cognitivos, como la polisemia, la

comparación y la motivación metafórico-metonímica. Las metáforas y metonimias cognitivo – conceptuales predominantes son de tipo estructural y orientacional: LO BUENO/ POSITIVO ES ARRIBA Y LO MALO/ NEGATIVO ES ABAJO (*ko u nebo pljuje, na obraz mu pada*), LO DURO ES MALO Y LO BLANDO ES BUENO (*koža mu je na obrazu tvrda kao u vola*), LA MEJILLA ES UN OBJETO MUY VALIOSO (*čoek sve dava za obraz, a obraz ni za što*), LO NEGRO ES MALO Y LO BLANCO ES BUENO (*blago dobrom činu i svijetlom obrazu*), LA MEJILA SE PUEDE PERDER/ MANCHAR (*voda svašta opere do crna obraza*), LA MEJILLA LIMPIA ES EL ALMA LIMPIA (*ko ima obraza ima i dušu*).

El potencial traductológico de estos proverbios al español es muy amplio, aunque el lexema mejilla carece en esta lengua de la carga semántica necesaria para funcionar como símbolo de moralidad y corrección ética. En su lugar, otros lexemas somáticos —como cara, rostro o manos— generan unidades fraseológicas relacionadas con los conceptos de *honra* y *honor*. El corpus analizado demuestra que estos conceptos abstractos se verbalizan también en español mediante metáforas y metonimias conceptuales, entre las que destacan: LA PUREZA EXTERNA/ FÍSICA ES PUREZA INTERNA/ MORAL (*limpio de manos*), LA HONRA ES UN OBJETO MUY VALIOSO (*más vale morir honrado, que vivir deshonrado*), LA HONRA Y EL DINERO NO SE MEZCLAN (*honra y provecho no caben en un techo)*, LA HONRA ES UN OBJETO FRÁGIL (*la honra y el vidrio no tienen más que un golpecillo*).

En la escala traductológica predominan los equivalentes parciales (casi todos los ejemplos extraídos), mientras que los casos de equivalencia total o nula son menos frecuentes. En comparación con el serbio, el español presenta un mayor número de proverbios que oponen el honor al dinero y que subrayan la dimensión religiosa de la vida honrada, destacando el respeto a la palabra dada y a la voluntad divina.

SIGLAS

DLE: Real Academia Española. *Diccionario de la lengua española* (23.ª edición).

DRJ: Junceda, L. (2003). *Diccionario de refranes*, Espasa.

FRHSJ: Matešić, J. (1982). *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Školska knjiga.

JAZU: Skok, P. (1971–1973), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti.

RM: Instituto Cervantes. (2009 -). *Refranero multilingüe*. Centro Virtual Cervantes. https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/

RMS: VV.AA. (2011). *Rečnik srpskoga jezika*, Matica srpska.

RSANU: RSANU XVI (2001): *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*. Institut za srpski jezik SANU.

VUK: = Stefanović Karadžić, V. (1849 ≈ 1977). *Srpske narodne poslovice i druge različne kao one u običaj uzete riječi*. Nolit.

BIBLIOGRAFÍA

Dimitrijević, I. (2015). *Verbalizacija koncepta časti i poštenja u srpskom jeziku* [doktorska disertacija. Univerzitet u Novom Sadu].

Instituto Cervantes. (2009). *Refranero multilingüe*. Centro Virtual Cervantes. https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/

Jovanović, J. (2006). *Knjiga srpskih narodnih poslovica I-II*. Čigoja.

Junceda, L. (2003). *Diccionario de refranes*. Espasa.

Matešić, J. (1982). *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Školska knjiga.

Milosavljević, T. (2019). *Verbalizacija koncepta čast na jezičkoj slici sveta Kuća*. Matica srpska – Društvo članova u Crnoj Gori.

Otabek Timurovich, N. (2020). Concept And Conceptosphere As Objects General And Comparative Linguistics. *International Journal of Progressive Sciences and Technologies*, *24*(1), 345-351.

Panizo Rodríguez, J. (1997). Frases célebres y paremias relativas al honor y a la honradez. *Revista de Folklore*, *17a*(196). https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/frases-celebres-y-paremias-relativas-al-honor-y-a-la-honradez/html/

Pejanović, A. (2009a). Etnokulturni koncept čast u Gorskom vijencu. *Glasnik Odjeljenja umjetnosti CANU*, *knj. 27*, 85-101.

Pejanović, A. (2009b). Konceptualni status lekseme obraz u srpskoj frazeologiji. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, *39*(1), 405-415. Filološki fakultet u Beogradu.

Pejanović, A. (2010). *Frazeologija Gorskog vijenca*. CANU.

Pejović, A. (2013). La expresión fraseológica de los valores éticos y estéticos. *Colindancias*, *4*, 265-273.

Real Academia Española. (s. f.). *Diccionario de la lengua española* (23.ª ed.). https://dle.rae.es/

Ristić, S. (2015). *Gramatički i kognitivni aspekti leksičkog značenja*. Institut za srpski jezik SANU.

RSANU XVI. (2001). *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*. Institut za srpski jezik SANU.

Skok, P. (1971–1973). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (knj. prva A-J). Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti.

Stefanović Karadžić, V. (1977). *Srpske narodne poslovice i druge različne kao one u običaj uzete riječi*. Nolit. (Original publicado en 1849).

VV.AA. (2011). *Rečnik srpskoga jezika*. Matica srpska.

Лихачев, Д. С. (1997). Концептосфера русского языка. In В. П. Нерознака (Ed.), *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология* (pp. 280-287). Academia.

TRADUCCIÓN DE TÍTULOS DE OBRAS LITERARIAS Y CINEMATOGRÁFICAS ESLOVACAS Y CHECAS AL ESPAÑOL[1]

Bohdan Ulašin
Universidad Comenius de Bratislava

1.Introducción

Los nombres propios forman un grupo muy variado caracterizado por carecer de significado genérico y su función principal es identificar una entidad a fin de diferenciarla de otras de su clase (Hladká y Nekula, 2016: 1994). Los prototípicos representantes de la clase de los nombres propios son los topónimos (nombres de objetos fijados cartográficamente en los mapas) o los antropónimos (nombres de personas). Los dos grupos no se suelen traducir a la hora de tomarlos prestados de otras lenguas, en la mayoría de los casos se dejan sin cambios o se adaptan[2]. En el caso de los títulos de las obras literarias y cinematográficas es al revés, casi siempre se traducen.

Los objetivos de este artículo consisten en analizar las traducciones usadas en fuentes relevantes y resumir las pautas que se han seguido en las traducciones de títulos recopiladas, haciendo hincapié en las soluciones distanciadas (alejadas del original, lo que dificulta su identificación) y en los casos que retan al traductor (palabras sin equivalente, juegos de palabras, nombres parlantes, etc.). Se analizarán no solamente las obras traducidas al completo, sino también las obras traducidas parcialmente, especialmente fragmentos o capítulos presentes en los materiales o revistas publicadas por las instituciones oficiales eslovacas (Ministerio de Cultura).

Nos centramos en este subgrupo de nombres propios porque los títulos son la referencia clave para identificar las obras de arte. Esperamos que también gracias a este artículo tengan los eslavistas o expertos en las culturas y literaturas eslavas una guía más para ayudarles a encontrar el equivalente de los títulos de las obras más representativas que forman el patrimonio cultural checo y eslovaco. Asimismo, la segunda razón tiene que ver con la curiosidad del autor de este artículo (eslovaco él mismo) en encontrar cómo han logrado solucionar los traductores hispanohablantes los desafíos que presentan algunos títulos de obras destacadas de las culturas eslovaca y checa.

2. Crematónimos

Los crematónimos son nombres propios de creaciones humanas, como por ejemplo las instituciones (*Červený kríž – Cruz Roja, OSN – ONU*, etc.), las épocas o hechos históricos (*Studená vojna – Guerra Fría*) o los nombres de marcas o de productos (*Samsung, BMW, Google*, etc.). A este grupo pertenecen también los

[1] Este trabajo se inscribe en el proyecto de investigación *El léxico idioétnico y representativo eslovaco como parte de la identidad cultural eslovaca y sus equivalentes en las lenguas románicas (francés, español e italiano)* (APVV-24-0567).

[2] Hay casos en los que conviene mantener transparente la semántica del nombre y traducirlo: inglés *William the Conquerer* > *Viliam Dobyvateľ – Guillermo el Conquistador*, alemán *Dornröschen* > *Šípková Ruženka – Bella durmiente* (véase más ejemplos en Ulašin, 2024: 193-211; Ulašin, 2025: 73-97).

nombres de resultados de la actividad social (Čermák, 2010: 277; Ulašin, 2025: 93-95) que son el objeto de nuestra investigación.

3. Títulos de las obras de arte en general

En muchos casos el título es el sintagma o la frase más importante de una obra (literaria, de arte, música o cine) deliberadamente escogida. Por lo tanto, es importante prestarle la debida atención también a la hora de traducirlo y, en caso de que se haya traducido ya, buscar si existe una traducción aceptada y consolidada y respetar esta traducción en cualquier trabajo al que haga referencia (Moya, 2000: 139).

Hay que tener en cuenta que se trata de un nombre propio que no es libremente sustituible. Por ejemplo, la obra de Ladislav Mňačko *Nočný rozhovor* no se puede traducir por «La conversación nocturna» o *Život bez smokingu* de Bohumil Hrabal por «La vida sin esmoquin» si ya existen las traducciones y estas distan del original (*La noche de Dresde*, Noguer, 1970 y *Mi gato Autíčko,* Galaxia Gutenberg, 2016, respectivamente).

Los títulos de las obras de arte (novelas, poemas, pintura, música, cine, etc.) muchas veces adelantan alguna idea del contenido de la obra titulada (*Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války – Las aventuras del valiente soldado Švejk*, Galaxia Gutenberg, 2008). Otras veces el lector o el espectador redefine el significado del título de la obra tan solo después de leer o verla (p. ej. la obra de Milo Urban *Živý bič – El látigo vivo*, Ciudadela, 2019). Aunque es relativamente independiente, podemos constatar que el título siempre guarda cierta relación con lo titulado, como señalan de Beaugrande y Dressler (citados en Moya, 2000: 140).

Christiane Nord menciona las siguientes seis funciones del título:

1. La función de identificar un texto: *función distintiva*
2. La función de informar de la existencia de un texto: *función metatextual*
3. La función de describir el texto: *función descriptiva o referencial*
4. La función de expresar una evaluación del texto: *función expresiva*
5. La función de establecer un primer contacto entre emitente y receptor: *función fática*
6. La función de atraer la atención de los lectores: *función operativa* (1990: 155)

Las funciones primera, segunda y quinta se dan en todos los títulos y no suelen presentar problemas de traducción. De las tres restantes es la operativa la más sensible a las diferencias culturales entre la cultura de origen y la cultura meta y las soluciones pueden caducar fácilmente con el tiempo (Moya, 2000: 141-142).

4. Obras literarias

Los títulos de las obras literarias eslovacas y checas traducidas enteramente al español dispondrán del nombre de la editorial y del año de la publicación entre paréntesis. Para los lectores interesados recomendamos consultar las siguientes fuentes que nos han ayudado a averiguar los títulos traducidos:

Para la literatura eslovaca cabe destacar la monografía de Mónica Sánchez *Slovenská literatúra v Španielsku* (2020), una publicación que presenta de forma exhaustiva las traducciones de la literatura eslovaca al español y también analiza el contexto histórico y sociocultural de estas. Para la literatura checa existe una base de datos digital, *Databáze překladu české literatury do španělštiny* (Base de datos de traducciones de la literatura checa al español)[3], un recurso informativo muy útil y práctico no solamente para los expertos, sino también para el público general (Lochman Strnadová, 2023: 39-55).Aparte de esta herramienta digital el lector interesado puede encontrar información valiosa acerca del contexto sociocultural de las traducciones checas en los artículos de Luis Pegenaute (2019) y de Miguel Jose Cuenca Drouhard (2023), entre otros.

[3] https://traduczechlit.com/cs [26. 9. 2025]. La última actualización es del 1 de diciembre del 2023.

Dado que se han traducido al español muchas más obras del checo que del eslovaco (y las obras eslovacas son nuestro principal objeto de interés), también hemos incluido en el análisis de las soluciones de traducción los títulos de las obras que no se han traducido íntegramente. No obstante, nos hemos limitado únicamente a tratar las obras traducidas del eslovaco, no del checo. Se trata, por lo general, de fragmentos traducidos con el fin de presentarlos en diversas publicaciones periódicas dedicadas a la literatura eslovaca como es el caso de la Revista de literatura eslovaca, publicada por el Centro de Información Literaria del Ministerio de Cultura (renombrado en 2022 como Centro Literario Eslovaco) y cuyo objetivo es promocionar la literatura escrita en Eslovaquia y subvencionar las traducciones del eslovaco a otras lenguas.

Detrás del título indicamos la fuente de la que hemos tomado el título traducido. Hemos trabajado con las siguientes publicaciones:

(RLE) (2005): *Revista de literatura eslovaca*, *XI, 2*. Bratislava: Literárne informačné centrum.

(LEC) Petrík, V. (2003): *Literatura eslovaca contemporánea.* Bratislava: Slovenské literárne centrum.

Y, por último, decidimos mencionar en tres casos, con fines aclaradores, también la solución a la hora de traducir los títulos de obras eslovacas que no se habían traducido en absoluto. Se trata de traducciones de títulos que ofrece la obra colectiva *Historia de las literaturas eslavas*, en la que colaboraron eslavistas de la Universidad Complutense de Madrid. Publicada en el año 1997 por la prestigiosa editorial Cátedra, es la primera obra que aborda de forma exhaustiva la historia de la literatura eslovaca (y las literaturas eslavas en general) en español. El capítulo sobre la literatura eslovaca fue elaborado por Salustio Alvarado y Kornélia Resutíková[4], en el que, junto al título original, siempre se ofrece la traducción. En nuestro artículo, los tres títulos españoles sacados de esta obra se indican con la abreviatura (HLE).

5. Obras cinematográficas

De las obras de arte, estas son las que posiblemente sean las más conocidas en general (Moya, 2000: 139). Lo que llama la atención en los títulos de películas es que es muy corriente contar con dos títulos diferentes: uno para la distribución española (y con el doblaje de español peninsular), otro hispanoamericano (con el doblaje mexicano), e incluso a veces es posible encontrarse con más versiones (versión argentina):

Šest medvědů s Cibulkou (dir. Oldřich Lipský, 1972) – *Seis osos locos y un payaso* (España) / *Seis osos y el payaso Cebolla* (México) / *Seis osos y un payaso* (Argentina)

Limonádový Joe aneb Koňská opera (dir. Oldřich Lipský, 1964) – *Joe Kolaloca* (España*)* / *Joe Cola-Loca* (Argentina)

También es corriente usar en mayor medida la estrategia de la traducción libre. Se toman en cuenta otros criterios aparte de la fidelidad hacia el original, enfatizando sobre todo la función operativa (Moya, 2000, 147-148). Si bien los ejemplos de las traducciones del checo y del eslovaco se verán más adelante, los casos de la libertad de traducción se pueden ejemplificar en algunas películas de habla inglesa:

Some Like it Hot – Con faldas y a lo loco (España) / *Una Eva y dos Adanes* (México); *Dr. Strangelove – ¿Teléfono rojo? Volamos hacia Moscú* (España) / *Dr. Insólito* (México); *Butch Cassidy and the Sundance Kid – Dos hombres y un destino* (España); *The Shawshank Redemption – Cadena perpetua* (España) / *Sueño de fuga* (México) / *Escape a la libertad* (Argentina); *Die Hard – La jungla de cristal* (España), etc.

[4] La obra contiene también el capítulo dedicado a la literatura checa. Elaborado por el eslavista Alejandro Hermida de Blas, en las páginas 243-370.

Los títulos fílmicos en este estudio vienen en la forma del español peninsular, tal y como aparecen en la plataforma de valoración de películas Filmafinnity[5], que recoge los nombres usados en la distribución en España.

6. Traducciones múltiples de las obras literarias

En el caso de los libros que se tradujeron ya hace años es conveniente ofrecer una traducción nueva porque «… las traducciones tienen fecha de caducidad y dejan de ser buenas con el tiempo —se ha dicho que cada generación necesita una traducción distinta—» (Moya, 2000: 142). Es el momento oportuno también para revisar la traducción del título siempre y cuando deje de ser funcional, aunque muchas veces cambia solo por la preferencia personal del traductor. Por otro lado, el disponer de varias traducciones es sobre todo el caso de las obras famosas de la literatura universal. La literatura checa, y en mayor medida aún la eslovaca, son literaturas pequeñas, hasta exóticas. Hay un número muy limitado de libros que se tradujeron varias veces y a la vez cambiaron el título[6]. Se trata de las obras más consagradas como las que se mencionan a continuación:

1. *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* de Jaroslav Hašek – *El buen soldado Schweik* (Siglo Veinte, Buenos Aires, 1946; trad. Ricardo de Benedetti); *Las aventuras del valeroso soldado Schwejk* (Ediciones Destino, Barcelona, 1980; trad. Alfonsina Janés); *Las aventuras del buen soldado Švejk* (Galaxia Gutenberg, Barcelona, 2008; trad. Monika Zgustová); *Los destinos del buen soldado Švejk durante la guerra mundial* (Editorial Acantilado, Barcelona, 2016; trad. Fernando de Valenzuela), etc.
2. *Válka s mloky* de Karel Čapek – *Guerra con las salamandras* (Revista de Occidente, Madrid, 1945; trad. Carmen Diez de Oñate; Mildred Forrester); *La guerra con las salamandras* (Siglo XXI, México, 2009; Mauricio Amster); *La guerra de las salamandras* (Hiperión, Madrid, 1996; trad. Ana Falbrová)
3. *Obsluhoval jsem anglického krále* de Bohumil Hrabal – *Yo que he servido al rey de Inglaterra* (Destino, Barcelona, 1989; trad. Jitka Mlejnková y A. Ortiz); *Yo serví al rey de Inglaterra* (Galaxia Gutenberg, Barcelona, 2011; trad. Monika Zgustová); *Yo que serví al rey de Inglaterra* (Ada Korn, Buenos Aires, 1989; trad. Mabel Jakov)

7. Traducción fiel

Son traducciones que no suelen presentar problemas, son fácilmente identificables. Sin embargo, es necesario averiguar y usar la traducción correcta, si la desconocemos, porque aquí también podría haber más opciones (relativamente) fieles a partir del original. Por ejemplo: *Nesnesitelná lehkost bytí* (Milan Kundera) – *La insoportable levedad del ser* (Tusquets, Barcelona, 1985; trad. Fernando de Valenzuela), podría traducirse de manera diferente y seguir siendo una traducción igual de fiel. Compárense: *Nesnesitelná lehkost bytí* (Milan Kundera) – *La insoportable levedad del ser* (Tusquets, 1985; trad. Fernando de Valenzuela), y traducciones hipotéticas: **La insostenible levedad del ser* / **La insoportable ligereza del ser* / **La insoportable levedad de la existencia*, etc.

[5] https://www.filmaffinity.com/es (s.f.)

[6] A veces puede ayudar en la fijación del título y en la decisión de no cambiarlo también su adaptación cinematográfica. Al menos suponemos que pudo ser el caso de la obra de Hrabal *Ostře sledované vlaky* que fue traducida idénticamente en Chile (1969), Cuba (1985) y España (1988) y reeditada varias veces, siempre bajo el mismo título «Trenes rigurosamente vigilados» (traduczechlit.com). La película dirigida por Jiří Menzel y basada en la novela homónima de Hrabal ganó el óscar a la mejor película extranjera en 1967. O la película, *La insoportable levedad del ser*, estadounidense del año 1988 y dirigida por Philip Kaufman, también pudo ayudar a no cambiar el título homónimo de la novela de Milan Kundera.

La mayoría aplastante de los títulos de las obras literarias (en las obras de cine también es mayoría, aunque en menor medida) pertenecen a este grupo de la traducción relativamente fiel, por ejemplo:

Zahradníkův rok (Karel Čapek) – *El año del jardinero* (José J. de Olañeta, Palma, 2009; trad. Esteve Serra)

Dopisy Olze (Václav Havel) – *Cartas a Olga* (Versal, Barcelona, 1990; trad. Monika Zgustová)

Živý bič (Milo Urban) – *El látigo vivo* (Ciudadela Libros, Madrid, 2019; trad. Alejandro Hermida de Blas)

Skřivánci na niti (dir. Jiří Menzel, 1969) – *Alondras en el alambre*

A veces se introducen pequeños cambios que aún pueden considerarse como traducciones fieles en sentido amplio:

Na samotě u lesa (dir. Jiří Menzel, 1968) 'En un caserío al lado del bosque' – *Aislados en el bosque*

La frontera entre la traducción fiel y la estrategia siguiente (uso de hiperónimos y adaptaciones) es muy flexible y, por lo tanto, muy difícil de trazar, como se puede ver en el caso de la película:

Panna a netvor (dir. Juraj Herz, 1978) – *La Bella y la Bestia*, el título original es literalmente 'La Doncella y el Monstruo', en español se prefirió optar por el nombre conocido del cuento tradicional francés del mismo motivo (*La Belle et la Bête*)

8. Uso de hiperónimos y adaptaciones (desdistanciamiento cultural, caso de palabras sin equivalente, culturemas)

A veces el título contiene una palabra exótica, típica para la cultura original, que no tiene equivalente en la cultura meta. Se suele traducir usando un hiperónimo, la categoría más genérica:

Posledný odzemok (Ľ. Feldek), *odzemok* 'tipo de danza tradicional eslovaca' – *El último baile* (RLE, 2; trad. Mónica Sánchez Presa)

Otras veces se adapta al usar un concepto funcionalmente equivalente

Rozprávka za päť desiat halierov (Daniel Hevier), *halier* 'centésima parte de la corona eslovaca, moneda nacional antes de euro' – *Un cuento por cincuenta céntimos* (RLE, 22; trad. Alejandro Hermida de Blas)

Obchod na korze (dir. Ján Kadár, Oscar del 1965), *korzo* 'paseo' – *La tienda de la calle mayor*

9. Cambio por un concepto parecido

En algunos casos el concepto original existe también en español, lo cual significa que, a diferencia del caso anterior, no se trata de una palabra sin equivalente. El concepto usado puede ser más frecuente en la lengua meta o ser un concepto más prototípico o de mejor simbolismo en la cultura meta para expresar la intención del autor:

Tri ženy pod orechom (Václav Pankovčín), *orech* 'nogal' – *Tres mujeres bajo el castaño* (RLE, 28; trad. Patricia Gonzalo de Jesús)

Snežienky a biblie (Jozef Urban), *snežienka* 'campanilla de invierno' – *Muguetes y biblias* (RLE, 25; trad. Alejandro Hermida de Blas)

Jak se dělá galerie (Ondřej Chrobák – Rostislav Koryčánek – Martin Vaněk), *galerie* 'pinacoteca, galería' – *Como se hace un Museo* (Nórdica Libros, 2020; trad. Patricia Gonzalo de Jesús)

10. Los nombres propios en el título

Los nombres propios de los protagonistas de la obra pueden aparecer en el título también. Hay cuatro estrategias principales para traducirlas:

10.1. Sin cambios

Dopisy Olze[7] (Václav Havel) – *Cartas a Olga* (Versal, Barcelona, 1990; trad. Monika Zgustová)

Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války (Jaroslav Hašek) – *Los destinos del buen soldado Švejk durante la guerra mundial* (Editorial Acantilado, Barcelona, 2016; trad. Fernando de Valenzuela)

10.2. Adaptación de los nombres propios

Son nombres de la misma etimología que tienen una forma adaptada española que difiere ligeramente de la eslovaca y checa:

S Rozárkou (Vincent Šikula) – *Con Rosalía* (RLE, 9; trad. Salustio Alvarado y Renáta Bojničanová)

Tuláčik a Klára (Erik Jakub Groch) – *El pequeño vagabundo y Clara* (LEC; trad. Ignacio de las Heras Moreno)

Anča a Pepík (Lucie Lomová) – *Anita y Pepe* (Reservoir Books, 2020; trad. Núria Mirabet)

O se puede tratar de diferencias en la transcripción de otros alfabetos, p. ej. del cirílico: *Kolja* (dir. Jan Svěrák, 1997) – *Kolya*

10.3. Traducción de los nombres propios

Se trata de los llamados nombres parlantes en los que la semántica es tan importante que se traduce la parte apelativa a fin de mantenerla transparente, es el llamado epíteto caracterizador (Ulašin, 2024a: 208-209):

Rozprávky uja Klobásu (Július Satinský) – *Cuentos del tío Chorizo* (RLE, 13; trad. Alejandro Hermida de Blas)

Všecko naopak, aneb Těsnošilová Aničkа se žení a Honzík se vdává (Ján Chalupka) – *Todo al revés o Anita Saltacosturas es el novio y Honzík la nonvia* (HLE, 439; trad. Salustio Alvarado)

Perinbaba (dir. Juraj Jakubisko, 1985), composición de *perina* 'edredón, nórdico' + *baba* 'mujer, vieja' – *La dama de las nieves*

Es muy típico el uso de nombres parlantes en los cuentos tradicionales en los que, si existe un protagonista principal de este nombre, tiende mencionarse en el título del cuento (Ulašin, 2024b: 67-83)

České pohádky – španělsko-české vydání (Karel Jaromír Erben – Božena Němcová; Albatros media, 2016; trad. Enrique Gutiérrez Rubio). Aquí aparecen los siguientes títulos de cuentos con los nombres parlantes: *Tři zlaté vlasy děda Vševěda – Los tres cabellos de oro del anciano Todolosabe; Sněhurka – Nievecita; O Smoličkovi – Gafecito y las hadas; Dlouhý, Široký a Bystrozraký – Largo, Ancho y Perspicaz*

Cuentos eslovacos de tradición oral I, II (Pavol Dobšinský; Ediciones Xorki, 2012; 2023; trad. Bohdan Ulašin – Valeria Kovachova Rivera de Rosales): *Lomidrevo alebo Valibuk – Rompetroncos o Tirahayas; Popolvár najväčší na svete – El Ceniciento más grande del mundo; Ľubka a Kovlad – Ľubka y el Rey de los Metales; Janko Hraško– Juanito El Guisante; Nebojsa – Sinmiedo*

[7] La forma checa *Olze* es la forma del caso dativo (complemento indirecto) de la forma del nominativo Olga.

10.4. Eliminación del nombre propio

En ciertos casos el traductor opta por eliminar el nombre propio del protagonista del título. Es relativamente raro, pero registramos también casos así:

Pani Rafiková (Janko Jesenský) 'La señora Rafiková' – *La vicerregenta* (Atenea, 2002; trad. Salustio Alvarado – Renáta Bojničanová)

En este caso la omisión la explican los propios traductores, argumentando que el apellido Rafiková es en eslovaco un nombre parlante, basado en el nombre común *rafika* y quiere decir 'mujer artera, liante y chismosa'. No sería nada fácil encontrar un apellido funcional y sugerente en español[8]. Por fortuna la señora Rafiková era «pani podsudcová», es decir, la esposa del vicerregente. Y la tradición de derivar el estatus del cargo del marido ilustra muy claramente el ambiente pequeñoburgués y provinciano de la época del fin del siglo XIX en el que está ubicada la obra (Alvarado y Bojničanová, 2002: 30-31).

11. Información adicional (explicitud descriptiva)

Es relativamente frecuente añadir información adicional en la traducción del título. Se suele transparentar así bien el género de la obra, bien revelar una parte de la trama, de la característica de los agentes involucrados, etc.:

Krakatit (Karel Čapek) – *La krakatita, una fantasía nuclear* (El Olivo Azul, 2010; trad. Patricia Gonzalo de Jesús)

Povídky z jedné kapsy; Povídky z druhé kapsy (Karel Čapek) literalmente 'Cuentos de un bolsillo; Cuentos de otro bolsillo' – *Cuentos policiacos* (Dragón, Cuba, 1984; trad. n. d.)

Chci, abys byl (Tomáš Halík) – *Quiero que seas: sobre el Dios del amor* (El Herder, 2018; trad. Agustín López – María Tabuyo)

Uršuľa (Vincent Šikula) – *Nadie es un ángel y sin embargo Úrsula* (Ediciones Xorki, 2011; trad. Valeria Kovachova Rivera de Rosales)

Z denníkov (Rudolf Sloboda) – *Apuntes de diarios* (RLE, 11; trad. Salustio Alvarado y Renáta Bojničanová)

Povetrie (Vincent Šikula) – *Aire libre* (RLE, 9; trad. Salustio Alvarado y Renáta Bojničanová)

Štěstí (dir. Bohdan Sláma, 2005) 'Felicidad' – *Algo parecido a la felicidad*

A veces el título es más explícito por la semántica de la palabra española y ofrece así una información más detallada al lector español que al lector eslovaco en su primer contacto con la obra a través del título:

Pôstny menuet (Vincent Šikula) – *Minueto de Cuaresma* (RLE, 9; trad. Salustio Alvarado y Renáta Bojničanová); *pôst* quiere decir 'ayuno' en general, mientras que *cuaresma* explicita que se trata del ayuno de Cuaresma, antes de la Semana Santa

Vody Oravy (Ladislav Mňačko) – *Las aguas del Orava* (HLE, 485; trad. Salustio Alvarado), sabemos que se trata del río Orava y no de la región de Orava (la región en el extremo norte de Eslovaquia) lo que se traduciría sin el artículo (Las aguas de Orava)

[8] Los propios autores consideraban las opciones de traducir *Pani Rafiková* por «la Señora Metomentódez» o «la Señora Correveidílez», pero les parecía un recurso demasiado facilón y rahez (Alvarado – Bojničanová, 2002, 30).

12. Parte del título eliminada

Si bien son menos frecuentes, también existen traducciones de los títulos en los que se suprime una parte que se ve como redundante, no esencial:

Ztracený denník profesora z Essexu aneb podivuhodná zvířena (Olga Černá – Miroslav Šašek) 'El diario perdido del profesor de Essex o la fauna extraordinaria' – *El diario perdido del profesor de Essex* (Gallo Nero Ediciones, 2019; trad. Enrique Gutiérrez Rubio)

Valčík na rozloučenou (Milan Kundera) 'El vals de despedida' – *La despedida* (Tusquets, 1986; trad. Fernando de Valenzuela)

Limonádový Joe aneb Koňská opera (dir. Oldřich Lipský, 1964) – *Joe Kolaloca*

13. Traducciones distanciadas

En los casos de estas traducciones libres siempre hay que sopesar bien los argumentos a favor y en contra de la responsabilidad del traductor de ser fiel al original en detrimento de encontrar un título nuevo que funcione mejor en la lengua meta / cultura terminal:

Pani Rafiková (Janko Jesenský) 'La señora Rafiková' – *La vicerregenta* (Atenea, 2002; trad. Salustio Alvarado – Renáta Bojničanová)

Nočný rozhovor (Ladislav Mňačko) 'Conversación nocturna' – *La noche de Dresde* (1970; trad. Ana Falbrová)

Život bez smokingu (Bohumil Hrabal) 'La vida sin esmoquin' – *Mi gato Autíčko* (Galaxia Gutenberg, 2016; trad. Monika Zgustová)

Smrt krásných srnců (Ota Pavel) 'La muerte de los corzos bellos' – *Carpas para la Wehrmacht* (Sajalín Editores, 2015; trad. Uharte Kepa)

Smrtholka (Lucie Faulerová) composición de *smrt* 'muerte' + *holka* 'chica' – *Salvé a la muerte* (Editorial Huso, 2021; trad. Uharte Kepa)

Postřižiny[9] (Bohumil Hrabal) – *Personajes de un paisaje de infancias* (libro: Destino, 1995; trad. Monika Zgustová)

Los títulos fílmicos suelen traducirse con mucha más libertad, se sacrifica a menudo la traducción *ad litteram* en aras de una pretendida efectividad y operatividad. Así, muchas veces los traductores rebautizan la película motivados por el tema y/o por los agentes involucrados. El título traducido suele ser más explícito (Moya, 2000: 147-148)

Hoří, má panenko (dir. Miloš Forman, 1967) 'Al fuego, mi niña' – *¡Al fuego, bomberos!*

Musíme si pomáhat (dir. Jan Hřebejk, 2000) 'Nos tenemos que ayudar' – *El amor en tiempos de odio*

Adéla ještě nevečeřela (dir. Oldřich Lipský, 1978) 'Adela todavía no ha cenado' – *Nick Carter, aquel loco, loco detective*

Vesničko má, středisková (dir. Jiři Menzel, 1985) 'Mi pueblecito de cabecera' – *Mi dulce pueblecito*

Po strništi bos (dir. Jan Svěrák, 2017) 'Descalzo por el rastrojal' – *Lejos de Praga*

Babí léto (dir. Vladimír Michálek, 2001) 'El veranillo de San Miguel' – *Por siempre joven*

Vratné láhve (dir. Jan Svěrák, 2017) 'Botellas retornables' – *Sueños de juventud*

Bratři (dir. tomáš Mašín, 2023) 'Hermanos' – *Huida hacia Berlín*

[9] Curiosamente, la película homónima checa *Postřižiny* (dir. Jiří Menzel, 1980), basada en la obra de Hrabal, se tradujo al español sin cambios: *Tijeretazos*.

14. La rima

Es el típico reto que tienen que superar y solucionar los traductores, dado que la rima es la típica herramienta con la que los autores dan originalidad al título e intentan captar la atención del público. No siempre es posible traducirla sin perder la descriptividad del título original. En ese caso la típica estrategia consiste en priorizar mantener el significado intacto en detrimento del título rimado:

Lásky jedné plavovlásky (dir. Miloš Forman, 1965) – *Los amores de una rubia*

Šašo Jašo (Daniel Hevier) – *El payaso Jašo* (RLE, 22; trad. Alejandro Hermida de Blas)

En muy pocos casos se logra encontrar un equilibrio entre la forma rimada y el significado acertadamente traducido:

Statky-zmätky (Jozef Gregor Tajovský) 'Posesiones-confusiones' – *Opulencias-incongruencias* (HLE, 460; trad. Salustio Alvarado)

15. Juegos de palabras (cruces léxicos, ocasionalismos, etc.)

Otro desafío es que no siempre resulta posible trasladar a la lengua meta. En varios casos se usa la traducción fiel sin poder mantener la alusión o la conexión a otro concepto:

Kristove šoky (Igor Otčenáš) – *Los choques de Cristo* (RLE, 1; trad. Mónica Sánchez Presa), alusión a *Kristove roky* 'Los años de Cristo', el autor aprovecha la proximidad acústica de las palabras *roky* y *šoky*

Odpočúvaj v pokoji (Ivan Kalina) – *Escucha en paz* (RLE, 1; trad. Mónica Sánchez Presa), alusión a la frase *Odpočívaj v pokoji* 'Descansa en paz', juego consistente en el cambio de *odpočívaj* 'descansa' por *odpočúvaj* 'escuchar a escondidas, pinchar (un teléfono)'

Chliev a hry (Pavol Hrúz) – *La pocilga y los juegos* (RLE, 1; trad. Mónica Sánchez Presa), alusión a *Chlieb a hry* 'Pan y circo', se aprovecha la proximidad de *chliev* 'pocilga' y *chlieb* 'pan'

Chlieb a kry (Pavol Hrúz) – *El pan y los arbustos* (RLE, 1; trad. Mónica Sánchez Presa), alusión a *Chlieb a hry* 'Pan y circo'; aquí se juega con la semejanza entre *kry* 'arbustos' y *hry* 'juegos'

Skladací dáždnik a dáždnikov skladateľ (Daniel Hevier) – *El paraguas plegable y el compositor paragüero* (RLE, 22; trad. Alejandro Hermida de Blas), se pierde la conexión en eslovaco entre *skladací* 'plegable, desmontable' y *skladateľ* 'compositor'

Med-itácie (Peter Repka) – *Med-itaciones* (RLE, 19; trad. Patricia Gonzalo de Jesús), juego de palabras, la primera sílaba de la palabra *meditácie* es idéntica con la palabra eslovaca *med* 'miel'

En ciertos casos afortunados la lengua meta hace posible encontrar una solución en la que no se pierde el elemento lúdico del título:

Vlastný hororskop (Ivan Kadlečík), cruce léxico entre *horor* 'terror, horror' + *horoskop* 'horóscopo' – *Horroróscopo propio* (RLE, 1; trad. Mónica Sánchez Presa)

Z Kafkovho pekloraja. Kafkov druhý život (Milan Richter), composición neológica: *peklo* 'infierno' + *raj* 'paraíso' – *Del ereboparaiso de Kafka. La segunda vida de Kafka*

Ten žena a ta muž (Pavel Kohout), literalmente 'El mujer y la hombre' – *Mi mujer y su marido* (Alianza Editorial, 2010; trad. Fernando de Valenzuela)

16. A modo de conclusión

Los nombres propios forman un subsistema léxico que se caracteriza por tener la forma fija que se tiene que respetar. En el caso de los títulos de obras de arte, que normalmente tienen forma pluriverbal, el

uso correcto es esencial para la identificación exitosa de las referencias que aparezcan en los textos. En el caso de las obras eslovacas y checas el número de las obras traducidas es relativamente escaso. No obstante, indicamos para los lectores la base de datos y las publicaciones en las que se encuentran recopilados todos los títulos de las obras literarias traducidas (hasta el año 2021 para las obras eslovacas y hasta el 2023 para las checas). Y si se diera el caso de tener que traducir las obras por primera vez, este artículo ha intentado resumir las tendencias en el empleo de las estrategias de traducción.

Del análisis de la traducción de los títulos podemos constatar que hay una clara tendencia de traducir de manera (relativamente) fiel los títulos de las obras literarias. En el caso de los títulos fílmicos la traducción libre es más extendida. Aparte de la mayoritaria traducción fiel se emplea también la estrategia de uso de hiperónimos o sinónimos en el caso de los conceptos sin equivalente, que no existen en la cultura meta. Muy parecida es la estrategia consistente en sustituir un concepto por su sinónimo por diversas razones (palabra más frecuente o prototípica en la lengua meta).

La siguiente estrategia consiste en añadir información adicional al título o quitar una parte del título que se considera sobrante. De estas dos variantes predomina claramente la tendencia de añadir información al título traducido para aclarar y dar más detalle acerca del género o de la trama de la obra. Un caso especial lo presentan los nombres propios (antropónimos) dentro de los títulos. Si se trata de nombres de persona que existen en la lengua meta, no se traducen o se suelen adaptar. Los nombres parlantes, a su vez, sí que se traducen casi sin excepción.

Las traducciones distanciadas, traducidas libremente, presentan un reto porque dificultan y a veces imposibilitan la identificación de la obra y tienden a causar frecuentes malentendidos. Por lo tanto, hemos procurado presentar todas las traducciones de este tipo identificadas entre las obras literarias traducidas.

Un caso interesante es el uso de creatividad léxica, plasmada en la rima o en los juegos de palabras. Representa un reto porque trabajan con la función operativa (de atraer la atención en la lengua meta) y la traducción que intente mantener esta creatividad choca con frecuencia con los límites de la lengua meta. A juzgar por los ejemplos analizados son minoritarios aquellos ejemplos de los títulos que contienen rima o algún juego de palabras (cruce léxico, calambur, etc.) también en la lengua meta.

En resumidas cuentas, el objetivo de este artículo ha sido examinar, describir y analizar las traducciones de dicho subgrupo de nombres propios. Esperamos que los modestos resultados de nuestro estudio ayuden a evaluar las soluciones tanto en concreto de los títulos de las obras literarias y de cine eslovacas y checas, como también a proporcionar datos para poder describir y entender mejor las tendencias de traducciones de obras de arte al español en general.

Bibliografía

Alvarado, S., & Bojničanová, R. (2002). Introducción. In *Pani Rafiková, La Vicerregenta* (pp. 9-31). Centro de lingüística aplicada Atenea.

Čermák, F. (2010). *Lexikon a sémantika*. NLN.

Cuenca Drouhard, M. J. (2023). Literatura checa en español publicada en Checoslovaquia 1948-1989. *Acta Universitatis Carolinae*, *2023*(2), 43-53. https://doi.org/10.14712/24646830.2023.22

Hladká, Z., & Nekula, M. (2016). Vlastní jméno. In *Nový encyklopedický slovník češtiny* (pp. 1994-1996). NLN.

Lochman Strnadová, K. (2023). Traductología digital: proyecto de nueva base de datos de traducciones de la literatura checa al español. *Studia Romanistica*, *23*(2), 39-55. https://doi.org/10.15452/SR.2023.23.0007

Moya, V. (2000). *La traducción de los nombre propios*. Cátedra.

Nord, Ch. (1990). Funcionalismo y lealtad: Algunas consideraciones en torno a la traducción de títulos. In *II Encuentros Complutenses en torno a la Traducción* (pp. 153-162). Universidad de Complutense.

Pegenaute, L. (2019). La narrativa checa en España desde 1975: presencias y ausencias. *CLINA: An Interdisciplinary Journal of Translation, Interpreting and Intercultural Communication*, *5*(2), 121-146.

Petrík, V. (2003). *Literatura eslovaca contemporánea*. Slovenské literárne centrum.

Presa González, F., et al. (1997). *Historia de las literaturas eslavas*. Ediciones Cátedra.

Sánchez Presa, M. (2020). *Slovenská literatúra v Španielsku*. AnaPress.

Ulašin, B. (2024a). Adaptácia antroponým cudzieho pôvodu v slovenčine a španielčine. *Časopis pro moderní filologii*, *106*(2), 193-211.

Ulašin, B. (2024b). Dobšinského povesti a problematika prekladu vlastných mien do španielčiny. In *Transcultural Mirrors 1: Literary and Cultural Perspectives* (pp. 67-83). Univerzita Komenského.

Ulašin, B. (2025). Diferencias en el uso de nombres propios españoles y eslovacos. In *La enseñanza-aprendizaje de ELE en Europa Oriental y los países bálticos* (pp. 73-97). De Gruyter.

Vallová, M., & Chovan, P. (2005). *Revista de literatura eslovaca*, *11*(2). Literárne informačné centrum.

Fuentes digitales

Filmaffinity España. https://www.filmaffinity.com/es

TraduCzechLit. https://traduczechlit.com/

КАК НЕ ПУТАТЬ КРУГЛОЕ С ЗЕЛЕНЫМ? АНТИПОСЛОВИЦЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ YOUTUBE[1]

Алина Уразбекова
Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

1. Введение

Лингвистическая креативность языковой личности в полной мере проявляется в современных антипословицах, отражающих актуальные представления человека о мире и протекающих в нем событиях. В данной статье мы сфокусируем наше внимание на пословичных преобразованиях, употребленных в русскоязычных комментариях под видео общественно-политической направленности на следующих YouTube каналах: Антон Хардин @AntonHardin, вДудь @vdud, И Грянул Грэм @i_gryanul_grem, Максим Кац @Max_Katz, МИНАЕВ LIVE @MINAEVLIVE, Обманутый Россиянин @ОбманутыйРоссиянин, Осторожно: Собчак @sobchak, Популярная политика @Popularpolitics, Послезавтра @posle_zavtra, Редакция @redactsiya, Руслан Усачев @usachevshow, Скажи Гордеевой @skazhigordeevoy, Файб @faib, Юрий Швец -- официальный канал @yuryshvets, BBC News - Русская служба @bbcnewsrussian, DW на русском @dwrussian, NEXTA Live @NEXTALive, Om TV @omtvreal и The Breakfast Show @The_Breakfast_Show. Сбор данных для исследования осуществлялся с опорой на ежемесячный обзор журналиста Дмитрия Колезева @Kolezev топ-20 общественно-политических русскоязычных каналов с учетом количества просмотров всех вышедших за рассматриваемый временной отрезок длинных видео, стримов и шортсов. Антипословицы отбирались методом сплошной выборки из массы всех комментариев под самыми просматриваемыми, согласно указанному рейтингу, роликами. Всего было проанализировано 165483 комментария под 22 видео.

Комплексным исследованием антипословиц активно начали заниматься не так давно (Mieder, 1982; Mieder, Tothne Litovkina, 2002; Вальтер, Мокиенко, 2005; Litovkina, 2021 и др.), однако с тех пор интерес к трансформированным фразеологическим образованиям нарастает год к году. Насколько неиссякаем креатив в своем абсолюте, настолько же и безграничны примеры его реализации в новых русских пословицах. И хотя некоторые из них остаются неизменными на протяжении долгого времени, подчеркнем, вслед за Литовкиной, что к пословичным трансформациям мы относим и те, которые были зафиксированы в единичном контексте: «The vast majority of anti-proverbs are the products of the playfulness of a solitary author; they do not catch on, and thus will be found in just one source» [Подавляющее большинство анти-пословиц является плодом игривости единственного автора; они не прижились и, таким образом, будут найдены только в одном источнике[2]] (2017: 16), потому что, как отмечается Мокиенко, «...не отдельные писатели, поэты, журналисты и шоумены преобразуют фразеологизмы индивидуально, но, наоборот, - сам язык, его устойчивые комбинации слов подталкивают автора к индивидуально-авторским преобразованиям, диктуют ему тип творческого обращения со словом. Тем самым основной массив так называемого „индивидуаль-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта FPPV-30-2025 из Фонда поддержки научных исследований UCM.

[2] (Здесь и далее перевод наш - А. У.).

ного" во фразеологии является моделируемым, структурируемым и типологизируемым» (2008: 14). Под антипословицами вслед за состоявшимися в этой области учеными в рамках этой статьи мы будем понимать «пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий <...>, библейские сентенции <...>, вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей <...>, обсценные и бранные паремии <...>, веллеризмы <...>» (Вальтер и Мокиенко, 2005: 8-9) и проч., а также «any jocular proverbs, maxims, and sayings, not necessarily those parodying traditional prototype» [любые шутливые пословицы, сентенции и поговорки, не обязательно пародирующие традиционный прототип] (Kozintsev, 2014: 241), то есть не будем ограничиваться непосредственно видоизмененными пословицами, ведь «anti-proverbs should be deliberate innovations of concise traditional statements of apparent truths with currence among the folk» [анти-пословицы должны быть преднамеренными нововведениями в лаконичных традиционных утверждениях очевидных истин, имеющих хождение в народе] (Reznikov, 2009: 2). И в то же время мы помним: «even if the APs sound like "wisdom", hardly any strategic advice can be derived from most of them» [даже если антипословицы звучат как "мудрость", вряд ли из большинства из них можно извлечь какой-либо стратегический совет] (Kozintsev, 2014: 255).

Появлению антипословиц способствует вовлечение говорящего или пишущего в языковую игру, которую Т. А. Гридина понимает как «одновременно и когнитивный, и психологический, и лингвокультурный, и эстетический феномен, функциональная сущность которого не исчерпывается традиционно выделяемой сферой комического воздействия и уж никак не вписывается в рамки расхожего определения "игра слов"» (2012: 4). И если в прошлые столетия к пословицам могли относится серьезно, воспринимая их как мудрость, передаваемую от поколения к поколению, то в наше время подход к ним и, соответственно, антипословицам, иной, сегодня они «neither correct nor incorrect; neither sound nor unsound, but suitable or unsuitable, reasonable or unreasonable, within specific speech context» [ни правильные, ни неправильные; ни разумные, ни необоснованные, но подходящие или неподходящие, разумные или неразумные в определенном речевом контексте] (Otakpor, 1987: 264-265). Придерживается этого мнения и Мидер, утверждающий, что «proverbs are no longer sacrosanct bits of wisdom laying out a course of action that must be adhered to blindly. Instead proverbs are considered as questionable and at best apparent truths that are called on if the shoe (proverb) happens to fit. When that is not the case, they are freely changed to express opposite points of view» [пословицы больше не являются священной мудростью, излагающей порядок действий, которому следует следовать вслепую. Вместо этого пословицы рассматриваются как сомнительные и в лучшем случае очевидные истины, к которым прибегают, если обувь (пословица) оказывается впору. Когда это не так, они могут быть свободно изменены, чтобы выразить противоположные точки зрения] (1993: 90).

2. Замена компонента

Самым частотным примером употреблением видоизмененных пословиц служат комментарии с фразеологической единицей, в которой пользователь заменил ту или иную лексему. Например,

@ГеоргийИлларионов-я5х Потому что правда глаза режит![3] {Правда глаза колет};

[3] Здесь и далее цитаты из комментариев под видео на каналах YouTube приводятся в авторской орфографии.

@matveyshkurupiy6909 Игра без правил в одну калитку рано или поздно заканчивается тем, что <...> тебя выводят из игры надолго или насовсем. <...> {Игра в одни ворота};
@ольганазаренко-я3ь А не послать бы их туда где Макар коров не пас😂 <...> Мы взрослые люди, и если мы будем прятаться от ихних законов то тогда лучше сразу признаться что ты раб и ссыкло😂 какая разница на каких сайтах я бываю, от этого вреда никому нет, так что будьте смелее, и просто выкиньте это из головы!!! {Куда Макар телят не гонял};
@СергейМаленовский и ещё от стрессов может быть обострение. Я резко заболела, когда объявили карантин, всех позакрывали по домам, магазины и автобусы стали режимными объектами, без масок не впускали, происходили скандалы. Было чувство, что это ещё цветочки, ягодки были, когда без куар кода ты никто, тебя никуда не впустят, в торговый центр допустим{Это еще цветочки, а ягодки впереди};
@GalinaIvleva-q2n Не сплавляй постылого, сплавишь милого, Он вас всех переживет {Не избывай постылого: приберет Бог милого};
@neljaebel3628 Ну что, как вам, за что боролись, то и получаете, я очень рада, бумеранг еще никто не отменял {За что боролись, на то и напоролись};
@ЛисРыжий-б6г Хоронили папу, порвали три гормошки {Хоронили тещу - порвали два баяна};
@КаролинаГусева-в9ь зачем ей было бежать, она наоборот прибегала за деньгами. И сейчас с мертвой овцы хоть шерсти клок. лицемерие и нажива. <...> {С паршивой овцы хоть шерсти клок};
@URI_official <...> Карине терпения, Паше пусть земля будет облочками {Пусть земля будет пухом};
@vadazaria2657 Ципсошник не читатель, ципсошник писатель {Чукча не читатель, чукча – писатель!};
@momomuradshvili9617 Не говори гоп, пока не пройдет лет 5… {Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь}. Речь в данном случае идет о возможном сроке исковой давности по обвинению в оправдании терроризма в комментарии;
@Steph_ka сын будет второй Паша техник скорее всего. С пубертатного возраста тоже его понесёт не туда. От яблони не родится персик {От осины не родятся апельсины}. Отсылка к эпатажному и провокационному поведению артиста, которое, по мнению автора, будет характерным и для его ребенка;

Сюда же можно отнести и случаи, в которых замене подверглись целые части высказывания, то есть исходное выражение было переосмыслено значительно, а его узнавание предполагает запас социокультурных знаний о конкретной человеческой общности:

@tatianamixeffekt479 человек без родины - палка без дерева. Болтает во все стороны, а внутри пустота. Так что... мне кажется, у нас нет выбора, нам нужна Родина. Дай Бог придти к Миру {Человек без родины что соловей без песни};
@lorik4aika Кто о чём, а ленка про сало {Кто о чём, а вшивый о бане};
@vityamba1274 Бог не фраер. Захочет-заберет всё {Бог не фраер, он всё видит / Бог не Тимошка, видит немножко}.

Исходные единицы из последней подгруппы, построенной на бинарных структурах, стали особенно популярной базой для многочисленных вариаций в самых разных языках (см. Litovkina et al., 2021: 100-101).

Говоря о разложениях и обновлениях фразеологизмов, Б. Ю. Норман давал определение языковой игры следующим образом: «Языковая игра в широком смысле слова - это использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного эффекта» (1994: 79). Подобного креативного воздействия удалось достичь пользователям, заменившим компонент исходной структуры с последующей трансформацией значения единицы. Например,

@ВалентинаПетровнаХакимова Это уму не растяжимо что происходит😢 <...> да,жить становится не просто страшно, а очень страшно😢😢😢😢 {Уму непостижимо};
@user-saidbek74 ленивая война тянутель процесса {Лень - двигатель прогресса};
@Валерий-д3г3з Выбирали веселились, посмотрели прослезились. Почти как с зеленским {Пили, ели, веселились; подсчитали – прослезились};
@ИннаПавлова-и5о полегчало Вы с одной мысли на другую скачите еще за других додумываете. <...> Правильный системный мальчик {Наивный чукотский мальчик}.

3. Сокращение компонентного состава

Как известно, опущения в антипословицах описаны довольно подробно. Они включают в себя пропуск одного или нескольких звуков, одного или нескольких слов, знака препинания, сокращение оригинальной пословицы или даже условную аллюзию на оригинал (см. подробнее Litovkina et al., 2021: 77). В нашем корпусе наиболее наглядными оказались следующие примеры:

@dieslike Индивидуализм это - моя хата с краю, я сам по себе, остальные лесом, эксплуатация человека человеком это рабство, СССР победила голод! <...> {Моя хата с краю, я ничего не знаю};
@zeus5849 не понял, это как демократически избранное правительство может быть диктатурой?;) Вы или трусы или крестик {Или крестик снимите, или трусы наденьте};
@Fjfjcljcljh У себя надо навести порядок, а не лезть со своим уставом… {Со своим уставом в чужой монастырь не ходят};
@lenaramminger665 Каждая кухарка и далее по тексту {Каждая кухарка должна научиться (может) управлять государством};
@ЗенаидаЕвсюкова нечего больше сказать, кроме моего имени? <...> Танец ведь танцуют, как минимум 2 стороны {Для танго нужны двое};
@ala2365 ребенок не просто адаптировался, а вообще отлично себя чувствует. А ваши зайки как там на лужайке? {Дал Бог зайку, даст и лужайку[4]};
@Бургунди65 Не мешки таскать. {<V> - не мешки ворочать (таскать), - спина не болит}. О вербальном комментировании обострившейся ситуации, для решения которой не будет предпринято никаких реальных действий.

Отдельно рассмотрим случаи образования окказиональной единицы по узуальной модели фразеологизма. Например,

@askartursunov ну, а какая власть – такой и хинштейн[5] {Каков поп, таков и приход};
@Kostya-mh8yp Первый выпуск, который отвратительно слушать... <...> Дрель мне в уши, миксер мне в глаза {Флаг тебе в руки и барабан на шею};
@ntchrst дивчулям дивчулего {Кесарю кесарево, а Богу Богово};
@Юлия-п3й6о Скажи, кто тебя поставил на пост, и скажу, кто ты.😂 {Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты};

[4] В России в 2023 году была развернута кампания поддержки рождаемости под лозунгом «Тем, кто с зайкой, - помощь с лужайкой...», что сделало выражение общеизвестным.
[5] Речь про Александра Евсеевича Хинштейна, депутата Государственной думы Федерального собрания РФ пяти созывов, ныне и. о. губернатора Курской области.

@Галина-к8с9н <...> Человека можно вытащить из подворотни. Но подворотню из человека никогда {Можно вывезти девушку из деревни, но деревню из девушки – никогда};

@Александр-п7ц8д Не надо круглое с зелёным путать, Америка вьетнамские провинции к себе не присоединяла {Путать Божий дар с яичницей};

@hannabio2770 В России быть - грустно жить 😢 {С волками жить - по-волчьи выть};

@ОльгаКолесник-т3п 😂😂😂😂😂😂😂😂😂😂 - поздно драить палубу - корабль затонул!!! {Поздно пить боржоми, (когда почки отказали)};

@ЮрийЮрий-ъ1б На каждый мотоцикл есть свой дрон @LeoPuvi на каждого дроновода есть свой мотоциклист) {На каждый товар есть свой купец};

@OlesyaDrugaya я ролик не смотрел, но вот что могу сказать.. «ушат грязи и помоев вылил», а на каком основании? <...> {(Пастернака) не читал, но осуждаю};

@МариМари-ц3у Партия сказала: надо, комсомол ответил – есть! А в данное время можно сказать, что страна сказала: надо, а народ ответил: есть!😊 Не умрёте без Ютуба, хоть жить начнем 😂 {Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!} О поддержке блокировки некоторых мессенджеров, сайтов и социальных сетей на территории России.

4. Контаминация

Объединение двух фразеологических единиц мы распознаем как слияние пословиц в том случае, когда это «a twisted proverb that uses more than one phraseological unit; at least one of them is necessarily a proverb or a proverb pattern» [искаженная пословица, в которой используется более одной фразеологической единицы; по крайней мере, одна из них обязательно является пословицей или создана по модели пословицы] (Barta, 2005: 122). Ввиду того, что часть пословицы может заменяться, опускаться или добавляться, подобный подтип антипословиц может относиться к разным группам (см. Litovkina et al., 2021: 121). Обозначим также, что чаще всего смешению подвергаются пословицы и иные фразеологические единицы, входящие в паремиологический минимум языка. Из собранных примеров отметим следующие:

@KastusTV Проще иголку в стоге сена найти, нежели догадаться кто будет следующем гостем Юры) {Искать иголку в стоге сена + легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие};

@эмилиииииииииииии Бальзам для ушей. Спасибо вам обоим🙏, @aleksandrvolkovskij1304 Еще не начал смотреть, но спасибо хочется сказать уже дважды!!! <...> Слушать Андрея - это бальзам для ушей и праздник для мозга ❤️ {Бальзам на душу + музыка для ушей};

@alexmoorekurt3057 Они вообще уже головой рухнулись, чем дальше тем хуже {С дуба рухнуть + головой ударились}.

5. Образование окказионализма с опорой на цитатные ассоциации реминисцентного характера

Большой вклад в разработку теории прецедентных текстов внес Ю. Н. Караулов. Ученый относил к ним «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» (2010: 216). Он определял их как «хрестоматийные», то есть такие, о которых «все равно все говорящие так или иначе знают <…> прочитав ли их сами или хотя бы понаслышке», а знание их полагал показателем принадлежности «к данной эпохе и ее культуре» (ibid.). Важен и сам по себе отбор материала для упоминания,

так как он настраивает на подразумеваемый комментатором лад и формирует заданное отношение к выражаемому содержанию. Нашу идею поддерживает и Л. Цонева, утверждающая следующее: «трансформируя цитату, автор рассчитывает на ее эстетический потенциал в тексте-источнике, как и на ее эффект в новом тексте» (2017: 138). Так, например, русскоязычный читатель легко угадывает отсылки к литературным текстам, входящим в школьную программу:

@harryright2678 Златая цепь на Кате той… {Златая цепь на дубе том. А. Пушкин};
@ВолодимирГордійченко-г4з Путин жил, Путин живёт, Путин будет вечно жить и править системой {Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить. В. Маяковский};
@cloud-px5x На всякого мудреца довольно простоты, даже наивности... А может быть, просто недостаточно образования {На всякого мудреца довольно простоты. А. Островский}. О трактовке позиции оппонента с точки зрения его образованности и эрудированности;

Не будет затруднительным и считать референции к высказываниям бывших лидеров страны:

@as_ledybeauty 😂😂😂другого эльфа с фабрики у них для вас нет, уж извините… {Других писателей у меня для вас нет. И. Сталин} или ссылки на них:
@dsfjkndsjfnsdkjskdjnfkjsdn8501 Ленина на них нет! {Сталина на вас нет!}.

Несложно распознаются аллюзии на популярные рекламные слоганы:

@gaer459 Юмор Максима-бесценен! Для всего остального-прервёмся на не коммерческое объявление {Есть вещи, которые нельзя купить. Для всего остального есть MasterCard.} и традиционные прокламации:
@Elena-ox6cx Будет эффект «Дракон повержен, да здравствует Дракон». Просто на место одного людоеда придёт новый <...> {Король умер. Да здравствует король!} О бесполезности выборов нового главы ввиду доминирования устоявшейся системы над стремлениями отдельного индивида.

6. Буквализация значения

Само существование пословиц и антипословиц тесно связано с понятием метафоры. Нередко оно даже включается в определение термина, как, например, у В. Мидера: «A proverb is a short, generally known sentence that expresses common, traditional and didactic views in a metaphorical and fixed form and which is easily remembered and repeated» [Пословица - это короткое, общеизвестное предложение, которое выражает общепринятые, традиционные и дидактические взгляды в метафорической и фиксированной форме и которое легко запоминается и повторяется] (1985: 118). Причем метафорическое начало инкорпорировано не только в содержание самой единицы, но и в область ее применения. И тем не менее встречаются контексты, в которых актуализируется буквальное значение входящих в состав фразеологической единицы слов, что создает особый лингвистический эффект (см. Norrick, 2007: 302). Например:

@natali_1952 Удивительно, неужели вы, Антон, не знаете, что <...> Не знать этого просто не простительно. Это значит, мы достойны того, что сейчас с нами происходит. Все Иваны не помнящие с кем сразились наши предки в ВОВ {Иван, не помнящий родства};

@My_name_10 да, а началось с того, что всем надели намордники. Согласились почти все. Как в поговорке на чужой роток накинули платок. <...> {На чужой роток не накинешь платок}. Об обязательном ношении масок в период пандемии COVID-19.

В собранных за 2025 год антипословицах расширение компонентного состава представлено единичными случаями, например, @ЮрийОнищенко-з9е Самое тёмное время ночи - перед рассветом {Самое темное время перед рассветом}. Исключительны также образцы, включающие в себя смыслоразличительные морфологические трансформации, как то @My_name_10 да, а началось с того, что всем надели намордники. <...> а далее мы не рабы - рабы немы {Мы не рабы, рабы не мы}. Наконец, автономно представлены уникальные авторские пословицы и поговорки: @exctaVI мдаа, походу куда удочку закинут, там и рыбки клюют …; @Наталия-м7ц7ф В смысле на гребне волны? А вы привыкли серфить, когда океан пересохнет?

7. Заключение

В исследуемом материале процент употребленных в комментариях антипословиц никогда не превышал 2%. Среди всего разнообразия способов образования трансформированных фразеологических структур в комментариях под видео общественно-политической направленности в 2025 году лидируют замена компонента, сокращение компонентного состава, контаминация и образование окказиональной единицы с опорой на цитатные ассоциации реминисцентного характера. Буквализация значения, расширение компонентного состава и авторские пословицы и поговорки представлены единичными случаями. Значимая часть зафиксированных антипословиц отражает окружающую носителей языка реальность; в пословицы-переделки вплетены темы роли Родины в жизни человека, отношения к вновь принятым законам и ограничениям, недоверия власть имущим, трактовки исторических событий и оценки деятельности политиков, а также актуализации мыслей и идей известных писателей. Переформулированное устойчивое выражение встречается в ответных репликах интернет-пользователей как реакция на комментарий другого участника полилога или автора видео, высказывание своего мнения по поводу обсуждаемых событий безотносительно предшествующих замечаний.

Исследование антипословиц значимо по той причине, что сегодня они не только украшают речь и придают динамики реплике, но и помогают выразить искренние чувства и отношения к ситуациям, не называя конкретных происшествий или лиц, не привлекая к личности пишущего нежелательного внимания. Современные антипословицы отражают мнения участников диалога, украшают дискурс и являются маркером «своего» собеседника, разделяющего ценности и приоритеты читающего.

В будущем планируется продолжить разработку исследуемой темы и проследить вектор употребления антипословиц в комментариях под видео общественно-политической направленности в социальной сети YouTube с точки зрения их количества, способов образования и влияния на фразеологический состав как русского, так и других славянских языков.

Литература

Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2005). *Антипословицы русского народа*. Издательский Дом «Нева».

Гридина, Т. А. (2012). *Языковая игра в художественном тексте*. ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т».

Караулов, Ю. Н. (2010). *Русский язык и языковая личность*. Издательство ЛКИ.

Мокиенко, В. М. (2008). Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония). *Przegląd rusycystyczny*, *4*(124), 9-26.

Норман, Б. Ю. (1994). *Грамматика говорящего*. Издательство С.-Петербургского университета.

Цонева, Л. (2017). *Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе*. ИВИС.

Barta, P. (2005). La place des proverbes-valises parmi les proverbes détournés du français. *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Linguistica, 26*, 119-132.

Kozintsev, A. (2014). Notes on Russian anti-proverbs. In A. Baran, L. Laineste y P. Voolaid (Eds.), *Scala naturae: Festschrift in honour of Arvo Krikmann* (pp. 241-258). ELM Scholarly Press.

Litovkina, A. T. (2017). *Teaching proverbs and anti-proverbs*. Univerzita J. Selyeho.

Litovkina, A. T., Hrisztova-Gotthardt, H., Barta, P., Vargha, K., Mieder, W. (2021). *Anti-proverbs in five languages. Structural features and verbal humor devices*. Cham: Springer Nature.

Mieder, W. (1985). Popular views of the proverb. In *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship, 2*: 109-143.

Mieder, W. (1993). *Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age*. Oxford University Press.

Norrick, N. R. (2007). Set phrases and humor. In H. Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn y N. R. Norrick (Eds.), *Phraseologie: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung* (pp. 302-308). Walter de Gruyter.

Otakpor, N. (1987). A note on the logic of proverbs: A reply. *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship, 4*, 263-269.

Reznikov, A. (2009). *Old wine in new bottles: modern Russian anti-proverbs*. Proverbium.

RETHINKING SLOVAK LANGUAGE EDUCATION FOR MINORITIES: ATTITUDES AND PROFICIENCY GAPS AMONG HUNGARIAN-MEDIUM PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN SLOVAKIA[1]

Ildikó Vančo
Anna Oros Bugár
István Kozmács
Constantine the Philosopher University in Nitra

1. Introduction

Slovakia is a multiethnic state in which the largest national minority – the Hungarians – is an autochthonous one. Their presence reflects long-standing historical developments. After the 1920 Treaty of Trianon, Hungarians living in the successor states – Romania, Czechoslovakia (today Slovakia and the Czech Republic), Austria, and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (largely present-day Serbia, Croatia, and Slovenia) – became national minorities. Since then, the Hungarian language has not had nationwide official-language status in these countries[2].

According to the last Slovak census in 2021, 83.82 percent of the participants identified as Slovak by nationality. The largest national minority is the Hungarian community, followed by the Roma, Rusyn and Ukrainian minorities. The official state language is Slovak, and Hungarian is widely spoken in the southern regions. Table 1 displays the population data for the national minorities.

Ethnic group	1991		2001		2011		2021	
	Number	%	Number	%	Number	%	Number	%
Slovaks	4,519,328	85.7	4,614,854	85.8	4,352,775	80.7	4,567,547	83.8
Hungarians	567,296	10.8	520,528	9.7	458,467	8.5	422,065	7.7
Roma	75,802	1.4	89,920	1.7	105,738	2.0	67,179	1.2
Czechs	59,326	1.1	44,620	0.8	30,367	0.6	28,996	0.5
Rusyns	17,197	0.3	24,201	0.4	33,482	0.6	23,746	0.4
Ukrainians	13,281	0.3	10,814	0.2	7,430	0.1	9,451	0.2
Others	22,105	0.4	74,518	1.4	26,284	0.5	34,728	0.6
Unknown					382,493	7.1	295,558	5.4
Total	**5,274,335**		**5,379,455**		**5,397,036**		**5,450,421**	

Table 1. Source: http://pop-stat.mashke.org/slovakia-ethnic-loc2021.htm

[1] This research was supported by Project No. 06R02-20-V01-00002, funded by the **Ministry of Education, Research, Development and Youth of the Slovak Republic.**

[2] Nevertheless, Hungarian is used publicly and may have regional or local co-official status in areas with significant Hungarian communities – today in Slovakia, Ukraine, Romania, Serbia (notably Vojvodina), Croatia, Slovenia, and Austria. The scope and legal basis of this status differ by country and jurisdiction.

2. Problem Statement

In the more than one hundred years since 1920, Hungarian minority communities living outside the borders of Hungary have, by and large, successfully integrated—culturally and economically—into the states where they reside. At the same time, the challenge of ensuring that broad segments of these minorities attain the high level of proficiency in the official state language expected by the majority population remains unresolved; this holds for Ukraine, Romania, and Slovakia alike (see Benő, 2015; Beregszászi and Csernicskó, 2017; Csernicskó et al., 2015; Horváth and Tódor, 2011). In all of these countries, the official language is a compulsory subject in the curriculum of Hungarian-medium schools. Despite this, within Hungarian minority communities, the quality, effectiveness, and pedagogical adequacy of state-language teaching remains a matter of ongoing concern. In recent years, numerous reports, media accounts, and scholarly publications have documented dissatisfaction among Hungarian communities in Romania and Ukraine with the standard of instruction in the countries' official language in Hungarian-medium schools (cf. Benő, 2012; Csernicskó, 2012; Csernicskó, 2015; Már, 2015; Tódor, 2018).

The quality of Slovak-language instruction for the Hungarian minority in Slovakia also constitutes an educational problem that remains unresolved in many respects. The background to this problem is complex and can be traced to multiple factors. A particular difficulty for learners stems from the marked typological distance between the two languages. Hungarian is an agglutinative language: it lacks grammatical gender, and attributive modifiers do not agree with the head noun in either number or case. By contrast, Slovak is a fusional language with three grammatical genders; nouns inflect according to several declensional paradigms across six grammatical cases. Adjectives and pronouns likewise inflect for gender, number, and case, and attributive modifiers must agree with their head nouns in all three categories (while adverbs are not inflected for case or gender).

At the same time, stakeholders generally concur that the primary causes lie in the way Slovak is taught in schools. Although pupils in Hungarian-medium schools study the subject «Slovak Language and Slovak Literature» for five hours per week, curricular content and supporting materials tend to follow first-language models rather than adopting foreign/second-language pedagogies proven in L2 instruction. Meaningful change would require gradual, sequenced steps and research that diagnoses the current situation in order to enable a systemic transformation of Slovak-language teaching. It must also be noted that, to date, broad-based professional cooperation among Hungarian and Slovak experts in language pedagogy, linguistics, methodology, and education policy has not been achieved—nor has effective, close collaboration with practising teachers. Such feedback-driven joint work with classroom educators would be indispensable to achieving positive outcomes in school-based acquisition of Slovak. To this end, there is an urgent need for surveys and studies that would map empirically documentable attitudes towards the acquisition of Slovak as the state (official) language, as well as proficiency levels across regions and grade levels. The study we report here, conducted within the project framework, seeks to help narrow this gap.

3. Project Overview

The Faculty of Central European Studies (Fakulta stredoeurópskych štúdií) at Constantine the Philosopher University in Nitra (UKF) received funding in 2024 for the project 'Preparing Future Teachers of Slovak Language and Literature for Teaching Practice in Hungarian-Medium Schools'. The call was issued by the Ministry of Education, Research, Development and Youth of the Slovak Republic, and the project is implemented under the European Union's Recovery and Resilience Facility (within the Slovak Recovery

and Resilience Plan). The project is designed as a two-year initiative. We began our survey work in 2024 and plan to complete the tasks by the end of 2026.

The project aims to renew the preparation of future teachers of Slovak language and literature for Hungarian-medium schools by: 1) **improving the quality of methodological and linguistic preparation** for teaching Slovak as a second language to members of the Hungarian minority; 2) linking university-level teacher education with the needs of school practice; 3) gaining an in-depth understanding of the specific challenges faced by Hungarian-medium schools—linguistic, attitudinal, cultural, social, and didactic.

3.1. Teaching Programme Context

Hungarian-medium early-childhood (pre-primary) and primary teacher education is housed at the Faculty of Central European Studies in Nitra, whereas prospective teachers of the Slovak language and literature study in the Faculty of Arts. Within the project, a research team composed of instructors and experts from both faculties works jointly to achieve the stated aims and to coordinate activities.

3.2. Project design (2024-2026)

Our project is organised into two main phases. In the first phase, the team conducted an exploratory study in Hungarian-medium primary schools to map current practices, methods, and challenges in Slovak-language instruction. As part of this work, in the schools we carried out classroom observations of Slovak lessons and Slovak-language activities; we conducted focus-group discussions with the teachers; and we administered an attitude survey and a writing assessment to primary pupils (grades 1-4 and grade 5) to gauge their attitudes and assess their Slovak text-production skills in writing. Our study appears to be among the first of its kind in Slovakia: to our knowledge, no prior research has combined an attitudinal survey with a writing-based assessment among early primary-school pupils.

In this article, we report the findings from the exploratory study, combining results from the attitudinal survey and the writing assessment.

4. Linguistic Attitudes

In the social sciences, attitude is typically conceived as a summary evaluation of an object on good–bad dimensions (Ajzen, 2001: 28). In the Theory of Planned Behaviour, attitude toward the behaviour is defined as «the degree to which a person has a favourable or unfavourable evaluation or appraisal of the behaviour» (Ajzen, 1991: 188). Many authors further analyse attitudes into interrelated cognitive, affective, and behavioural components—what we believe about the object, how we feel about it, and how we tend to act towards it— the classic tripartite model (Breckler, 1984: 1191). In sociolinguistics, language attitudes concern orientations towards a language and its speech community; in second-language learning, such attitudes are foundational to learner motivation (Gardner, 1985: 10). For classroom-based acquisition, Dörnyei (1996: 12-14) distinguishes three interacting motivational levels: the language level (e.g., orientation towards the target culture and perceived benefits), the learner level (e.g., need for achievement, self-confidence), and the learning-situation level (course content and methods, teacher-related factors, task and group dynamics). Beyond classroom variables, parental, peer and teacher attitudes towards language learning and the target community exert additional, often substantial, influence on learning outcomes (Larsen-Freeman and Long, 1991: 311-313).

Building on the awareness-raising, attitude-forming, and habit-shaping functions of the primary stage, we deemed it important to explore young pupils' attitudes towards foreign languages. The attitudes

of primary learners develop in a complex manner under the combined influence of family, school, peers, personal experiences, and pedagogical approaches. The school climate plays a particularly salient role in the formation and consolidation of positive or negative attitudes, which may remain consequential later in life. A positive attitude towards languages entails respect for cultural diversity and sustained interest in—and curiosity about—languages and cultures.

5. Methods

Our research team surveyed 995 pupils from 14 primary schools located in Hungarian-speaking areas of Western, Central, and Eastern Slovakia (see Table 3). We visited both urban and rural schools, including one of the Hungarian-medium schools in the capital city.

First-grade pupils were excluded because they proved too young to complete the questionnaire independently. In addition to Grades 2-4, we included grade 5 pupils wherever possible (see Table 4) to capture any shifts at the onset of lower-secondary level.

To meet our aims, we designed a visually appealing questionnaire tailored to the 7-11 age range and to pupils' linguistic and cognitive levels. Complex concepts and response options were simplified to ensure comprehensibility for pupils and to enable us to operationalise the responses. Data collection was conducted in person by members of the research team in each class: items were read aloud, clarified where necessary, and the entire process was supervised to ensure anonymity and the integrity and validity of responses.

The Hungarian-language questionnaire comprised 12 closed and semi-open items. All questions were single-option multiple-choice; in semi-open items, pupils could add brief textual comments or justifications. The first part of the questionnaire measured attitudes (via closed and semi-open questions). The second part contained a productive writing task based on picture description, a well-established procedure in foreign-language pedagogy: pupils were asked to describe a picture depicting an everyday family situation.

School	Number of respondents (N)	(%)
Western Slovakia		
1.	22	2.21
2.	107	10.75
3.	60	6.03
4.	59	5.93
5.	132	13.27
6.	85	8.54
7.	55	5.53
8.	5	0.50
Central Slovakia		
9.	70	7.04
10.	165	16.58
Eastern Slovakia		
11.	35	3.52
12.	78	7.84
13.	78	7.84
14.	44	4.42
Total	**995**	**100.00**

Table 3. Number of respondents by participating educational institution

Grade	(N)	(%)
2	264	26.53
3	271	27.24
4	279	28.04
5	181	18.19
Average	**248.75**	

Table 4. Distribution of respondents by grade level

6. Results of the Attitude Survey

The starting point for this part of our research was to assess the validity of two statements that circulate almost as clichés among Hungarians in Slovakia: '*They already come to school hating Slovak*' and '*They learn English better, of course, because it is taught with better methods*'.

Our research questions were as follows:

- K1. What is the pupils' overall attitude towards the Slovak language?
- K2. To what extent do pupils perceive learning Slovak to be useful?
- K3. How does pupils' relationship with Slovak differ from their relationship with English?

We analysed the questionnaire in thematic blocks, which are introduced in the following subsections.

6.1. Use of Slovak outside school

To map where and to what extent Slovak is present in pupils' lives outside school, we asked four yes/no questions (N = 995): '*Do you have Slovak-speaking friends?*', '*Do you have Slovak family members?*', '*Do you speak Slovak outside school?*', '*Do you attend any extracurricular activity where Slovak is used?*'

Roughly half of the respondents (50.15%) reported having Slovak-speaking friends, and just over one third (37.59%) indicated that they have Slovak family members. A majority (57.79%) said they converse in Slovak outside school, whereas only about one third (33.27%) attend extracurricular activities where Slovak is used.

Although individual responses varied widely, the pupils' immediate social environment is, in general, predominantly Hungarian-speaking. At the same time, a Slovak-language social network does appear both within families (for slightly more than one third of respondents) and in wider circles of acquaintances. These findings counter the assumption that most Hungarian children in Slovakia live in isolation from the Slovak language.

We also draw attention to the fact that, in organised out-of-school activities (extracurriculars), many pupils do not encounter Slovak as a routine medium of interaction. Notable differences emerge across schools and regions: pupils in western regions and in urban settings answered '*Yes*' more frequently (in the capital, the share reached 73%), whereas in eastern regions and in village schools, attendance at extracurricular activities is generally lower.

6.2. Feelings about Slovak and about learning Slovak

The next block explored pupils' feelings towards Slovak and their evaluation of Slovak-language instruction, asking: '*Do you like the Slovak language?*', '*Do you like using Slovak?*', '*Do you like Slovak class?*', and '*Do you think it is good that you are learning Slovak?*'. Response options were 'Yes', 'A little' (with a 'Don't know' option for the last question), and 'No'.

Across items, the combined proportion of 'Yes' and 'A little' exceeded two-thirds for every question; 'No' remained below 20% for each. Below, we summarise patterns by grade.

a) Do you like the Slovak language?

This item probed pupils' subjective emotional stance. The term *«like»* is simple and age-appropriate for young learners, yet it can reflect more complex experiences and attitudes that touch deeper layers of orientation towards the target language. Among second- and third-graders, the share of '*Yes*' responses is just over 53% in both groups, and '*No*' is lowest at these grades (7.95% and 10.33%). By grade 4, positive evaluations decline ('*Yes*' 40.14%), and by grade 5, they drop further (34.81%). The proportion of '*No*' responses peaks in grade 5 (17.68%), while '*A little*' is highest in grades 4 and 5 (46.37% and 47.51%), indicating a more nuanced—potentially ambivalent—orientation towards the language.

b) Do you like using Slovak?

This item examined pupils' experiences and feelings related to communicating in Slovak. When administering the questionnaire, we added the following clarification: *'Think about how you feel when you speak Slovak—either in Slovak class or outside it.'* The pattern broadly parallels the preceding item but is more differentiated across grades. Liking the *use* of Slovak is highest in grade 3 (with '*Yes*' responses reaching 45.02%) and lower in grade 2 (37.88%), likely reflecting more limited opportunities for actual use among younger pupils. By grade 5, the share of '*Yes*' responses declines further (32.04%), while '*No*' peaks in that grade (23.76%). At the same time, the proportion of '*A little*' responses remains comparatively high in grades 4

and 5 (around the mid-forties), suggesting a moderately positive yet not unambiguously enthusiastic stance towards using Slovak.

c) Do you like Slovak-language lessons?

This item probed pupils' feelings towards Slovak-language lessons in institutional settings. It is important to note that in most of the schools we visited, in primary grades, the same teacher taught the majority of subjects, including Slovak; only two schools employed a separate teacher—either with subject-specific qualifications or a particular interest in the subject—who taught Slovak across multiple classes. The results indicate a gradual decline in the popularity of the Slovak class as grade level increases: the share of '*Yes*' responses falls from 61.74% in grade 2 to 39.78% in grade 5. At the same time, the proportion explicitly choosing '*No*' remains at roughly one-fifth in the two upper grades (around 20%).

Taken together, these findings—along with those for items (a) and (b)—paint a complex picture of emotional attitudes towards Slovak, the experience of using the language, and the acceptance of school-based instruction. A general tendency is observable: the proportion of *Yes* responses decreases across grades, while '*No*' and '*A little*' increase. Early experiences appear more positive, and in the lower grades, the role of the class teacher is especially influential. In later grades, motivation seems to shift. Considering age-related developmental factors, the growing volume of curricular content, and the reduced prominence of playful, experience-based learning in the current system, this pattern is neither surprising nor unusually negative.

Regarding the relationship between *liking* the language and *liking its use*, the following observations can be made. In grades 2-3, *liking*—an affective identification—tends to be higher than *liking to use*, implying that pupils may appreciate the language without necessarily enjoying using it; this may reflect limited opportunities to use Slovak outside school or less positive experiences when doing so. In grades 4-5, both indicators decline, but *liking to use* retains its share relatively better, suggesting functional motivation: even if not for enjoyment, some pupils increasingly construe the language as *useful*. This interpretation is also supported by responses to the subsequent question.

d) Do you think it is good that you are learning Slovak?

This item was designed to elicit a more 'objective' perspective from pupils: what they think about the usefulness and role of learning Slovak, i.e., the significance of acquiring the state language in their own lives. Given the more objective framing, instead of '*A little*', respondents could choose '*Don't know*' as their answer. The evaluations are clearly positive and essentially stable across grades: in every grade, roughly three-quarters of pupils answered '*Yes*' (about 74-77%), while '*No*' remained below 10% and '*Don't know*' accounted for approximately 15-20%. These results suggest that pupils recognise the practical value of learning Slovak even when their affective attachment to the language—as reflected in earlier, more subjective items—may be less strong.

6.3. General attitudes towards other languages and English language learning

In addition to Slovak, we examined pupils' general attitudes towards learning languages, with particular attention to English—a high-prestige global language that features in pupils' lives from an early age, although in most schools it becomes compulsory only from grade 3. In response to the question '*Do you like learning languages other than Hungarian and Slovak?*', 77.7% answered '*Yes*', 8.5% '*No*', and 13.5% '*Don't know*'. For English specifically, '*Do you like the English language?*' yielded an even higher share of '*Yes*' responses (84.2%) and '*No*' at 14%; note that this item offered only '*Yes*'/'*No*', so it is not directly comparable to the Slovak attitude item that included '*A little*'. By grade, sympathy for English increases steadily (e.g., '*Yes*' rises

from 74.62% in grade 2 to about 88.4% in grade 5), the reverse of the pattern observed for Slovak. Finally, answers to '*Do you think it is good that you are learning English?*' were also strongly positive: 82.4% '*Yes*', 6% '*No',* and 10.5% '*Don't know*'.

7. Analysing pupils' written production

This chapter examines pupils' written production elicited through a picture-description task designed to probe basic written performance in Slovak. The prompt depicted an everyday family situation. Before writing, we briefly discussed the picture in Hungarian to ensure a shared understanding of the scene. During the task, pupils were not permitted to communicate with one another. To facilitate an easier switch from Hungarian to Slovak, they also received the instructions in Slovak. Pupils were encouraged primarily to produce full sentences, but if they were unable to do so, they could write words or short phrases that came to mind.

All texts produced were included in the dataset ($N = 995$). For each text, we identified the number of sentences and the number of grammatically correct sentences, calculated the number of tokens (word forms) and types (lemma types), and carried out a stepwise analysis of vocabulary by parts of speech. The dataset can, in principle, be disaggregated by grade, school, region, family language, gender, attitudes towards Slovak, and other background variables.

In this study, however, we do not analyse the pupils' texts along all possible dimensions. We deliberately restrict attention to two domains: vocabulary and sentence-formation ability.

It is important to acknowledge that the picture prompt inherently limited the spectrum of words likely to be activated. As such, the method cannot yield an exact assessment of overall proficiency or real-world competence, but it is well-suited for comparative analyses of the defined parameters.

7.1. Vocabulary analysis

We operationalised lexical performance as the number of distinct types produced in the picture-description task.[3] Descriptively, vocabulary size increases from grade 2 to grade 4 and then dips in grade 5, alongside widening individual differences. Mean type counts were 7.5 in grade 2 (median 7; max 33), 14.7 in grade 3 (median 15; max 36), and 16.7 in grade 4 (median 17; max 38), before falling to 14.1 in grade 5 (median 13; max 50), where the largest dispersion was observed.

Regional contrasts are pronounced: pupils from the capital city show the strongest performance (mean 20.2; median 21; max 50), the western region of the country is also higher (mean 15.2; median 15; max 40), whereas the eastern region is markedly lower (mean 11.5; median 10; max 34), and the central region is the lowest (mean 8.9; median 8; max 28).

Out-of-school Slovak use is associated with a sizeable advantage (mean 15.8; median 16; max 50) relative to those not using Slovak outside school (mean 9.7; median 8; max 42)—approximately a six-word gain. Having Slovak family members likewise aligns with higher vocabulary (15.2 vs. 12.0), as does living in a town rather than a village (13.9 vs. 11.5). Attitudes correlate in the expected direction: pupils who *like* Slovak average 14.6 types, compared with 12.3 for 'A *little*' and 11.2 for '*No'*. Pupils reporting Slovak-speaking friends also produce more types on average (14.8 vs. 11.7).

[3] Types are counted at the lemma level; inflectional variants are collapsed. Tokens refer to total word occurrences.

A linear regression model quantifies these relationships ($R^2 = 0.418$), indicating that the included predictors account for about 42% of the variance in vocabulary size—an effect that is strong by social-science conventions (Cohen, 1988).

Significant unique effects ($p < .05$) include grade level (+2.97 words per grade, $p < .001$), urban locality (+4.5 words, $p < .001$), absence of a Slovak family member (−1.1 words, $p = .019$), lack of out-of-school Slovak use (−3.3 words, $p < .001$), and positive attitude towards Slovak (*'Like'*: +1.5 words, $p = .001$). Regional effects remain sizeable after controlling for other factors (Central −5.2, Western +4.3, the capital city +5.0; all $p < .001$).

Notably, two variables that correlate in bivariate analyses—lack of Slovak-speaking friends, and *disliking* Slovak—do not retain significance once other factors are held constant ($p = .16$ and $p = .14$, respectively), implying that their apparent effects are largely absorbed by region, out-of-school use, or grade.

7.2. Sentence-formation competence

We assessed pupils' capacity to produce well-formed sentences in the picture-description task, recording both the total number of sentences and the number of grammatically correct sentences.

The number of sentences rises steadily from grade 2 to grade 4 and then dips in grade 5, mirroring the pattern observed for vocabulary. In grade 2, production is minimal on average (mean 1.3 sentences; median 0, indicating that most pupils did not write a sentence at all), with wide dispersion (0 to 10 sentences) and fewer than one correct sentence on average (≈ 0.9). By grade 3, pupils typically produce about two to three sentences (mean 2.5; median 2; up to 14), with roughly one and a half correct on average (≈ 1.5). Output peaks in grade 4 (mean 4.1; median 4; up to 15), with about 2.1 correct sentences on average. In grade 5, the mean falls to 3.3 (median 2; up to 14), but accuracy improves: pupils still average about 2.1 correct sentences, which is the highest proportionally (approximately two-thirds of the sentences produced are correct).

Regional differences are marked in both quantity and accuracy. In the Eastern region, pupils produce few sentences and few correct sentences (mean ≈1.8 total and 0.8 correct). The Central region shows similarly low levels (≈ 1.6 total; 0.8 correct). The Western region performs substantially better (≈ 3.5 total; 2.0 correct), and the capital city stands out with the strongest results by far (≈ 5.4 total; 4.4 correct), indicating not only more sentences but a higher share of correct ones. This geographic pattern aligns closely with the vocabulary findings.

Sentence productivity and lexical breadth are closely related. Pupils who write sentences exhibit more than double the average vocabulary size compared with those who list only words (about 17.4 versus 7.7 types; medians 17 versus 7). Consistently, the association between the number of sentences and vocabulary size is strongly positive ($r \approx 0.68$), even though it is not perfect: some pupils extend texts by repeating words, whereas others achieve relatively diverse vocabulary in fewer sentences. Overall, greater sentence formation goes hand in hand with richer vocabulary.

8. Summary and implications

Our findings empirically refute the common belief that Hungarian-medium pupils start school with negative attitudes towards Slovak. Early attitudes are predominantly positive, although a modest decline in enthusiasm is visible with progression through the grades. Three robust patterns emerge. First, positive affect decreases gradually with grade level. Second, perceived usefulness remains stably high—about three-quarters in every grade judge it good to learn Slovak, even where lessons or the language itself are

experienced as demanding. Third, pupils already in the lower grades can separate instrumental value from enjoyment: rising '*A little*' responses signal ambivalence rather than rejection. By contrast, English elicits stronger affect—especially in higher grades—reflecting different expectations and classroom methods; this points to the need for targeted motivational strategies in Slovak.

The writing data align with the attitudinal tendencies. In a picture-description task, vocabulary breadth (distinct types) rises from grade 2 to grade 4 and dips in grade 5; sentence output shows the same trajectory, while accuracy peaks in grade 5. Out-of-school use of Slovak, having Slovak-speaking family members, and living in towns are each associated with richer vocabulary and more sentences. Regional disparities are pronounced (the capital city is the highest; the Western region is higher; the Central and Eastern regions are lower).

Pedagogical implications follow directly. Slovak-language instruction should adopt L2-appropriate approaches (e.g., CLIL) that make language a means for acquiring content and acting together. Teaching should cultivate authentic, low-anxiety use; strengthen communicative strategies (including compensation techniques and monitoring); and support pronunciation and spoken production, alongside metalinguistic awareness. Crucially, schools should leverage pupils' stable belief in the value of learning Slovak by pairing it with repeated, meaningful successes in real-world tasks.

Bibliography

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 50*(2), 179-211. https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T

Ajzen, I. (2001). Nature and operation of attitudes. *Annual Review of Psychology, 52*(1), 27-58. https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.27

Breckler, S. J. (1984). Empirical validation of affect, behavior, and cognition as distinct components of attitude. *Journal of Personality and Social Psychology, 47*(6), 1191-1205. https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.6.1191

Benő, A. (2012). Hogyan tanulják a magyar gyerekek a román nyelvet az erdélyi iskolákban? [How do Hungarian children learn Romanian in Transylvanian schools?] *Székelyföld*, *5*, 123-130.

Benő, A. (2015). Multilingualism and education in Transylvania. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, *7*(3), 25-36.

Beregszászi, A., & Csernicskó, I. (2017). Kidobott pénz vagy megtérülő befektetés? Az ukrán nyelv oktatása Kárpátalja magyar iskoláiban. [Waste of money or a worthwhile investment? Teaching Ukrainian in Hungarian schools in Transcarpathia.] *Magyar Nyelvőr*, *114*(3), 212-309.

Csernicskó, I. (2012). *Megtanulunk-e ukránul? A kárpátaljai magyarok* és *az ukrán nyelv* [Will we learn Ukrainian? Hungarians in Transcarpathia and the Ukrainian language]. Ungvár: PoliPrint.

Csernicskó, I. (2015). The problems of teaching Ukrainian in the Hungarian schools of Transcarpathia. In *Modern trends in foreign language teaching and applied linguistics* (pp. 45-53). Beregszász/Berehove.

Csernicskó, I., Huszti, I., & Bárány, E. (2015). Kisebbségi kétnyelvűség és integráció: biztos, hogy a két(tan) nyelvű oktatás a megoldás? [Minority bilingualism and integration: Is bilingual/bilingual-stream education really the solution?] In I. Kozmács (Ed.), *Kétnyelvűségi szöveggyűjtemény* [A reader in bilingualism] (pp. 177-213). Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, Közép-európai Tanulmányok Kara.

Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for behavioral sciences* (2nd ed.). Larwence Erlbaum Associates.

Dörnyei, Z. (1996). Motiváció és motiválás az idegen nyelvek tanításában [Motivation and motivating in foreign language teaching]. *Modern Nyelvoktatás, 2*(4), 5-21.

Gardner, R. C. (1985). *Social psychology and second-language learning: The role of attitudes and motivation*. Edward Arnold.

Horváth, I., & Tódor, E.-M. (Eds.). (2011). *Nyelvhasználat, tannyelv* és *két(több)nyelvű lét* [Language use, language of instruction, and bi(multi)lingual existence]. ISPMN.

Larsen-Freeman, D., & Long, M. H. (1991). *An introduction to second language acquisition research*. Longman.

Már, O. (2015). A román nyelv mint nem anyanyelv oktatása Romániában. [Teaching Romanian as a non-native language in Romania.] *Anyanyelv-pedagógia*, *8*(2). https://doi.org/10.21030/anyp.2015.2.9

Tódor, E.-M. (2018). Románnyelv-oktatás magyar tannyelvű iskolákban: tantervfejlesztéstől a gyakorlati kivitelezésig. [Teaching Romanian in Hungarian-medium schools: From curriculum development to classroom implementation.] *Modern Nyelvoktatás*, *24*(4), 3-16.

УЧИТЕЛЯТ. ФИГУРАТА НА МЕНТОРА У ТРИМА СЛАВЯНСКИ ДРАМАТУРЗИ В КРАЯ НА XIX И НАЧАЛОТО НА XX ВЕК С ПРЕПРАТКИ КЪМ ШЕКСПИР (УИЛЯМ ШЕКСПИР, «УКРОТЯВАНЕ НА ОПЪРНИЧАВАТА» – ИВАН ЦАНКАР – «СЛУГИ», – ПЕТКО ТОДОРОВ – «ПЪРВИТЕ», – АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ – «ЧАЙКА» – «ТРИ СЕСТРИ»)

Venislav VASILEV
Sofia University St. Kliment Ohridski

Ще изкажа предпазливото предположение, че модерното проблематизиране на учителската фигура в европейски контекст на границата на 19-ти и 20-ти век води началото си от «Укротяване на опърничавата» от У. Шекспир, където «учителската стая» е в дома на красивата Бианка, а персоните, представящи се за преподаватели, не са нищо друго, освен нейни ухажори и (полу)тайни «кандидати» за ръката ѝ. Съответно Великият Бард поставя образа през мимикрията и лъжата. За разлика от това, пътуването, което ще предложа, е истина, както и конкретните герои учители. Ще го илюстрирам чрез постепенното преминаване от Запад на Изток (започвайки и завършвайки със световен драматург) и до своеобразното «начертаване» на усмивка по драматургичната карта[1] на света.

Славяните – словенци, българи и руснаци – припознават фигурата на учителя, присвояват я и я видоизменят, придавайки ѝ свой автентичен облик. Тя се метаморфозира напълно – от преструвката с определена лична цел или от кроежа (при У. Шекспир – *«**Транио*** (казва на господаря си Лученцио – б. м., В. В.)**:** *Ставате учител // и давате на малката уроци — // това сте си намислили!»* (1970: 54) към пример за общонароден, но резултативно нееквивалентен идеал (у И. Цанкар и П. Тодоров) и до маргинализацията на образа и асимилирането за напускане на играта, където се губи всякаква стойност (у А. Чехов).

Пиесата на Иван Цанкар «Слуги» е най-късно написаното от произведенията, които проследявам тук – през 1910 г. Оригиналното заглавие е: «Hlapci. Drama v petih aktih».

> Творбата е замислена някъде към 1907 г. в резултат от дълбокото разочарование на автора от местните избори – първите, в които словенците получават правото да гласуват съгласно общите и равни права на етносите в Австро-Унгария – спечелени от клерикалите. Самият той е поканен да участва като кандидат на социал-демократическата партия (Димитров, 2018: 236).

Първоначалната идея е записана със словосъчетанието: «Учителите и словенецът». С драмата се заема през лятото на 1909 г., преди да си тръгне от Виена. Както твърди и Димитров, на 22.10.1909. Цанкар пише до издателя:

> Краят ще е сериозен, но не и трагичен. В четвърто действие съм показал «народно събрание» точно така, каквато е традицията у нас – с викове и бой». И по-нататък: «Имам проблем със заглавието. Отна-

[1] Приложение 1.

чало мислех да е «Нови времена» или «Нов път», но и двете ми изглеждаха някак глупави.» <…> Накрая: «Какво ще кажеш за «Роби»?» След четири дни идва и окончателното заглавие «Слуги» (2018: 236).

Първо и второ действие са основно със сатиричен характер. Трето и четвърто се насочват към по-тесни въпроси, присъщи на интимната природа. А петото е трагично, но не с абсолютния трагичен финал, присъщ на античните трагедии. Димитров представя в книгата и събитията около премиерата, която е последвана с лав(ин)а от отрицателни гласове и хуления. Но това не учудва и автора (Цанкар), тъй като още на 10 септември 1909: *«пише на Швентнер от Сараево: «Направих верен портрет на нашите сегашни твърде нечистоплътни политически отношения. Ако се качи на сцена, ще я освиркат; но трябва да се постави!»* (2018: 236). Димитров (2018) допълва, че в самостоятелно издание пиесата излиза през януари 1910 г., а първата постановка е през 1919 в Триест с режисьор Милан Скърбнишек. Същата година е поставена и в Любляна от режисьора Йосип Шест.

Произведението е затворено в националното. Затова и мога да кажа, че в моя текст става дума за две национални драми, рамкирани от двама световни драматурзи. «Слуги» в някаква степен е политическа сатира на своето време, но с уговорката, че и в днешно време се виждат идентични практики на «управление». Героите са показани със своите положителни и отрицателни черти и това ги категоризира като представители на определени типове и дори тенденции. На преден план Цанкар пародира и иронизира безхарактерния и разколебан словенски народ без каквото и да е единно мнение. Но тук вместо «народ» е по-добре да се каже «на роб», тъй като мнозинството е представено в своята подчинена перспектива, която тотално обезсмисля функциите на либералното движение. Атаката на Цанкар наподобява несъзнателно, емоционално излияние на неспирна лава, заливаща всичко по пътя си без пропуск. В съдържателен план изцяло се осмиват учителите, свещениците, религията, правата на човека. В същото време текат и избори и всички очакват победата на прогреса, хулейки черното духовенство. И щом се случи обратното – започват да се подмазват и умилкват на свещеника, лицемерно изтъквайки го за свой водач и морален коректив. А всъщност те просто не излизат от атмосферата на кръчмарския дух. Само един от учителите – Йерман, се осмелява да не се подчини на времето и средата, отстоявайки принципите си.

Йерман се обръща: Знам я тази молитва. Честта на учителя изисква днес да е бял, а утре черен, както повелява господарят. Изисква още да имаш глава на ластик, за да може безупречно да се кланя на всички четири страни <…> И не на последно място се изисква устата на учителя да е заключена и ключът от ключалката да е окачен на училищната врата (Цанкар, 2018: 192).

Затова, че се противопоставя на идеологическото насилие на управляващата католическа партия и действа бунтовнически срещу социалната и духовна изостаналост, очаквано е наказан с прогонване и отлъчване. Но се срива в пика на своя бунт и накрая въпреки всичко намира «нов живот», независимо от «старото управление» с благословията на мъртвата си майка. Героят не е сам – до него е най-вече Лойзка, също учителка и негова любима.

Подобна е и участта на Петко-Тодоровия даскал Димитър – на финала да бъде с любимата си. Но преди да премина конкретно към следващата творба, ще отбележа, че Франк Волман пръв свързва двете произведения в «Bulharske drama» от 1928 г., където пише:

«Първите» (1907), посветена на епизод от българското културно развитие. Тук личността, <…> носител на просветата – учителят, също води битки с общността и този сблъсък носи знака на модернистичния субективизъм, присъщ и на други пиеси от този период, каквато е драмата <…> «Слуги» (Волман, 2024: 177).

Неслучайно след това същият изследовател ще обедини този тип герой с именната фраза «романтични души», взета от заглавието на първата драма на Иван Цанкар – «Romantične duše» от 1897 г., обосновавайки се така:

<…> тези двама представители <…> захвърлят на сцената своята душа, своята етична славянска чувствителност, преминала през ницшеанското чистилище. <…> резултатите им са сходни: воден е неназовимият копнеж по красота и свобода, а етичният копнеж по свръхчовешкото разбива драматургичния калъп и при двамата. Не по-малко показателен е фактът, че когато решават да представят положителен герой като изразител на този копнеж, и двамата създават пиеси, в които основният персонаж е учител: «Първите» и «Слуги» (2024: 188-189).

Пиесата «Първите» е предпоследната от драматургичния опус на «опрощаващия митофантаст». Наричам го така, тъй като той не само не наказва всички в своето обкръжение (края на 19-ти и началото на 20-ти век), но и прощава на всеки един мит, превръщайки го във фантастика и изкарвайки «престъпното» убийство на преден план (напр. на Рада, на Цена). Обаче тази драма е различна спрямо другите. Първата ѝ публикация е от 1907/08, а окончателната и съществено преработена версия (с добавянето на полския инженер пан Пшесмицки, бездействия наблюдател) е направена на о-в Капри през 1912-та и е отпечатана същата година. Ако драмата «Самодива» (1903) е социална, «побрана» в тесния семеен кръг, и по-конкретно в отношенията «Стилян (син) – Гюрга Самодива (снаха) – баба Петкана (свекърва)», то «Първите» е разположена в широк социален план – един народ, представен в своята йерархия. Така погледнато, Тодоров извървява огледално-отраженчески (обратния) път на Толстой (от Война и мир» към «Ана Каренина»). В «Блянове по модерна драма (Драматическият проект на Петко Тодоров)» Мариета Иванова-Гиргинова също определя пиесата като социална:

В най-социалната драма – «Първите», сякаш има най-много историческа конкретика: «Действието става през половината на миналото столетие в един прибалкански град.» Фразата «през половината» всъщност снижава темпоралната стойност на съобщението и по-скоро задава разполовяването на общността. Далеч по-ясно е било уточнението в началния, отпечатан в «Мисъл», вариант: «Действието става в първите години след Кримската война…» Историческото събитие е изтрито, изчистено в окончателния текст отново във връзка със създаването на смислова многозначност и условност на драматическия наратив. (Иванова-Гиргинова, 2010: 95).

Тя също така определя произведението и като: *«последната завършена пиеса на Петко Тодоров»* (2010: 146) и *«недоизкусурената» драма»* (2010: 243). Неща, с които не мога да се съглася. Обаче това не важи за интерпретацията на Людмила Малинова-Димитрова, която в личен разговор ми сподели, че пиесата може да се разгледа като пародия към управлението на (тогава все още) княз Фердинанд I Български.

Творбата се движи отново в националния контекст на изборите. Гласуването за идването на новото или оставането на старото. Колкото и да не се издава крайният резултат от заглавието, той се усеща с реплики от текста:

> Петко – Той не е какъв да е. Дядо му Димитър на времето си беше пръв чорбаджия тук. <…> Помня и сега как плака цяла нощ баща ми, кога го обесиха. (Тодоров, 1957: 228).
> Даскал Димитър – Аз съм тук първия. Такава е честта на всекиго, който стои в първите редове. <…> И мойта орисия ще е таквази – да минат по трупа ми тези, които вървят след мене. (1957: 262).
> Петко – Вий мислите, ако хвърля патерицата от ръката си, ще изгубя и честното име на баща си? Децата и стоката си, а? (1957: 254).

И да, «младите» побеждават, а Петко не дава само патерицата, а и стоката си, и децата си.

Чорбаджи Петко е интересен персонаж. Той е с аурата на водач с патерица на «старите» чорбаджии със свои подчинени (*«**Даскал Димитър** – <…> Пан Пшесмицки разправя, шляхтичи като вас в Полша и добър ден от робите си не приемали.»* (1957: 233), но с ясното съзнание за предстоящото «младо». А това е поредната метафора за «двубоя» между млади и стари в българската литература. Затова и толкова много променя възприятията си – от защитаването на даскал Димитър през разминаването във вижданията и разбиранията за управление и водене на хората и през приемането му за враг (нищо, че не той е опозиционният лидер, а Добри Терзият, но все пак последната дума излиза от устата на учителя) (*«**Петко** – <…> Дават ми врагът ми да ме съди…»* (1957: 268) до прошката, без да е поискана, за доброто на дъщеря си, пристанала накрая на своя дълго харесван мъж. В този план виждам набелязването на механизма, който ще изкристализира в «Змейова сватба» – Петко да прости на «младия». Преди да продължа, искам да направя уговорката, че по-нататъшните ми наблюдения не целят биографично съпоставяне, а по-скоро показват как «Змейова сватба» може да се приеме като следващ «епизод» на «Първите». В по-ранната драма героят Петко прощава на Димитър и *Милка* (и Минка). Също може да се посочи, че и Стефана, и Петко са чорбаджийски деца (*«**Стефана** – <…> Ти си чорбаджийски син и аз съм чорбаджийска дъщеря. Ако ще губим чорбаджийството си, двама да го губим»* (1957: 263). Изхождайки от практиката на запазване на родовото богатство във философията на чорбаджийството, мога да предположа, че двамата са братовчеди. Трето, подкрепящо моето твърдение, е, че братът на Милка се казва Христо. В същия смисъл пиесата може да се приеме и като съвет към Мина Тодорова – дори и да избере венчавката с Яворов, ще ѝ е простено.

Разликата между двете «затворено национални» пиеси е, че ако тук народът приема учителя Димитър, съгласявайки се в същинския финал на произведението дори да известят църковно за венчавката му, то у Цанкар учителят Йерман бяга със своята любима, за да спаси живота си. Подобно «изпъждане» на училищния представител ще покаже и Чехов.

В «Чайка» и «Три сестри», първата и третата от «квартета» на зрялата му драматургия, има учители. И в двете пиеси това са мъжете на героините с лично име Маша: в «Чайка» – Медведенко, а в «Три сестри» – Кулигин. И двамата не са представени в училищна активна среда около колеги и ученици. Те също така са бездействени наблюдатели, които приемат безгласно или примирено случващото се около тях. Основните разлики помежду им са: 1. че Медведенко обича Маша, за разлика от Кулигин, който споделя на Олга: *«Олечка, мила моя… Аз често си мисля: да не беше Маша, щях да се оженя за тебе, Олечка.»* (Чехов, 1980/81b: 332). И това не бива да ни изненадва, като се вземе под

внимание, че и двамата са учители и така ще са по-щастливи в живота – споделяйки и дом, и работа; 2. как Маша от «Чайка» в четвърто действие вече е с бебе, въпреки че не заобичва Медведенко.

И двете Маши не искат да са в близост до досадните си съпрузи, а и защото са влюбени в други мъже, които ще са в пълната си сила да внесат смут както във външната среда, така и във вътрешния свят на Маша и Маша. Учителите са хората, които винаги ще раздвижат скуката и покоя в света, нищо че Чехов ни ги е представил точно като олицетворения на тези отрицателни качества. Ала суматохата не е само у Чехов: същото, както видяхме, се случва и с Цанкаровия Йерман, и с Тодоровия Димитър. Ще дам пример от «Първите»: *«**Трета жена** – Даскал Димитър разбърка тука»* (Тодоров, 1957: 247). Затова в някои случаи, за да има човешки мир (и в двата смисъла), е по-добре да отпратиш тези «нарушители» безапелационно и възможно най-бързо.

Медведенко няма нищо общо с Маша, освен детето им. Но той е загрижен за него, а тя – не. В книгата си «Да бъдеш шут в играта на съдбата» Людмил Димитров пише:

> <…> съгласно кодификацията на имената си, героите снемат и битово-приказния, силно руски сюжет «Маша и Мечока» («Маша и Медведь»), който, за разлика от Пушкиновата Татяна и мистичния Мечок в съня ѝ, ситуира отношенията им върху основата на взаимното надлъгване и неприязън. Красавицата се гнуси от Звяра, а той никога не се превръща в Принц (Димитров, 2017: 487).

Така че какво ли е това дете…

В по-ранния си текст «Медведь», или русский человек на rendez-vous» Димитров пише за инверсията в приказния първоизточник:

> *Маша не боится Медведенко и не пытается перехитрить его, чтобы тот вернул ее родным. Она живет со своей матерью, а его презирает, независимо от того, что он ее супруг и отец ее ребенка <…> Медведенко – досадный компромисс, связанный с ее материнством. Она не хочет поехать с ним* (Димитров, 2013: 132).

Те са женени поради желанието ѝ за спасение от болката в сърцето. «Учителят Сизиф» я обича, копнее за нея, изминава пеша всеки ден по дванайсет версти (шест на отиване и шест на връщане), за да я види, защото не го свърта вкъщи.

Маша, от своя страна, е трогната от любовта му, но не му отвръща с взаимност, а го «дарява» с равнодушие, понеже той мисли само за пари и за възможните материални успехи:

> Медведенко. <…> На мене ми е много по-трудно. Получавам само двадесет и пет рубли на месец, в емеритурата ми правят удръжки и все пак не нося траур. <…> в действителност аз и майка ми, и двете ми сестри, и братчето ми сме само на една заплата <…> А нали трябва да се яде и пие? <…> Как да свържеш двата края? (Чехов, 1980/81а: 147).

За нея той е фарът, показващ ѝ бягството от «състоянието ѝ» – транса на личността. Ала битката ѝ със земната реалност не включва и други играчи, затова Медведенко остава само наблюдател на всяко нейно «лице», но и защото го пъди като животно, за да не се налага да се прибере вкъщи при детето си, а да остане у Костя да се грижи за стария му вуйчо, тъй като евентуално през него може да я погледне с други, по-ясни очи. Тя е сама в собствената си траурна утопия. Медведенко не може да я «извади» от нея, тъй като на нея вече ѝ е скучен и ѝ е дотегнало от него. Затова и го гони непрекъснато от сцената на живота. Но именно с това идване-отиване се превръща във фигура на

приливно-отливния наблюдател, който съобщава видяното. Той е и «четецът» на Смъртта – в началото забелязва черната одежда на Маша, а към края обръща внимание на вида на разрушаващия се и занемарен градински театър.

Кулигин в началото на драмата е женен за Маша от четири години. Обаче бракът им не е по любов:

> Ирина. <…> Омъжи се на осемнадесет години, когато той ѝ се виждаше най-умният човек. А сега е друго. Той е най-добрият, но не и най-умният. (Чехов, 1980/81b: 294).
> Маша <…> Мене ме омъжиха, когато бях на осемнадесет години, и ме беше страх от мъжа ми, защото беше учител, а аз тогава едва бях свършила училище. Тогава той ми се струваше ужасно учен, умен и важен. А сега вече не е така, за съжаление. (1980/81b: 313).

И все пак, той е по-активната фигура от Медведенко, ала в сравнение с него е и по-глупав:

> Кулигин. <…> Вчера съм работил от сутринта до единадесет вечерта, уморих се и сега се чувствам щастлив. (1980/81b: 293) <…> Аз работя, преподавам в гимназията, давам уроци… (1980/81b: 338).
> Кулигин (приближава се до Ирина). <…> И освен това да ти поднеса като подарък тази книга. (Подава ѝ книга.) Историята на нашата гимназия за петдесет години, написана от мен. Нищо особено, написано от нямане какво да се прави, но ти все пак я прочети. <…> В тази книга ще намериш списък на всички завършили нашата гимназия през тези петдесет години. Feci, quod potui, faciant meliora potentes. (Целува Маша.)
> Ирина. Но ти ми подари веднъж тази книга, на Великден.
> Кулигин (смее се). Не може да бъде! В такъв случай върни ми я обратно или още по-добре – дай я на полковника. Вземете я, полковник. Все някой ден ще я прочетете от скука. (1980/81b: 292).

Това позволява да се направи интересна алюзия, свързана с Великден и «призрака» на бащата. Людмил Димитров пише в същата книга за Маша:

> И тя <…> е омъжена твърде млада против волята си за по-възрастния от нея гимназиален учител. <…> Маша явно дълго време приема Кулигин през ирационалния авторитет на Бащата, което ще се превърне в неин траен комплекс. Влюбвайки се в подполковник Вершинин, тя не усеща вина за това <…> Маша се влюбва в човека, заел мястото на баща ѝ като началник на батареята; тя компенсаторно «съживява» генерала и «завършва» детството си» (Димитров, 2017: 531).

И тук ще добавя, че с уреждането на брака по сметка, Големият Друг (по Лакан) или Татко-то си избира тяло, в което да се всели след смъртта си, за да може да наблюдава всичко, сякаш се е «преродил» на земята. А със сигурност може да се помисли и върху тази 50-годишна училищна история… Дали пък на толкова години не е починал безименият баща на Иринин-ден, 5 май? И това подкрепя метафората за «двойничеството» през огледалото (двете измерения – отвъд(ното) стъклото на огледалото и това в действителността): 50 ↔ 05.

Най-сетне, колкото и Маша да открива в лицето на Вершинин най-близките черти от баща си, нека не се забравя, че и Кулигин също така е облечен в униформен фрак: *«учител в тукашната гимназия. Надворен съветник. (б. пр.: «Граждански чин, съответстващ на полковник.»)»* (Чехов, 1980/81b: 292). А това отново в някаква степен засилва връзката между дядото и зетя (по роднинските наименова-

ния). И тук войната между млади и стари, разгръщана у предните двама драматурзи, заглъхва, за да освободи сцената за мира от/на Чехов.

Заключение

За заключение ще изтъкна, че двама са основните и безспорни драматурзи със световно значение – Шекспир и Чехов. Затова не е изненадващо, че посоката на разсъжденията ми води от единия към другия.

Шекспир, както вече стана ясно, задава тона на модернистичното полемизиране на фигурата на учителя в славянски контекст. Моето изложение се съсредоточава около границата на 19-ти и 20-ти век. И. Цанкар, П. Тодоров и А. Чехов моделират своите учители, «тръгвайки» от европейския ренесансов архетип – преструващия се на учител заради лична облага с цел «практическо»/материално усъвършенстване и благополучие. Славянските класически драматурзи представят учителите си като различаващи се от «средата». Но ако Цанкаровият и Тодоровият са «народни» дейци, то Чеховите (от късната му драматургия) са по-скоро пасивни или «гледащи» само личните си интереси. Изходите също са нееднакви – за разлика от Тодоровия, спрямо когото се наблюдава примирение, приемане и прошка от страна на околните и от «потърпевшите» родители на избраницата му, то Цанкаровият бяга с любимата си, за да се спаси. При Чехов положението е и сходно, но и сериозно отличаващо се. Този от «Чайка» (Медведенко) е пренебрегван и пъден от своята жена, а Кулигин от «Три сестри» не е забелязван и дори е презиран от съпругата си. Първият е верен на своята Маша, докато вторият признава, че на сърце му е повече Олга, по-голямата сестра на жена му – също Маша. Двете Чехови учителски съпруги подхождат с безразличие към своите мъже. А това само по себе си ги прави лесен за премахване/заличаване и незабелязване обект, който никога няма да се превърне в субект.

Колкото и да е «тъжно» усещането за ненужност на фигурата на учителя, точно нейното безпроблемно отстраняване/елиминиране преустановява поколенческата война на идеи, мисли и възприятия, внасяйки утеха и спокойствие.

Библиография

Волман, Ф. (2024). *Българската драматургия*. ИК «Колибри».

Димитров, Л. (2013). «Медведь», или русский человек на rendez-vous. In *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи* (pp. 128-136). Факел.

Димитров, Л. (2017). *Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона*. УИ «Св. Климент Охридски».

Димитров, Л. (2018). Бележки. In Л. Малинова-Димитрова (Ed.), *Избрани пиеси* (pp. 236-239). Факел.

Иванова-Гиргинова, М. (2010). *Бялнове по модерна драма (Драматическият проект на Петко Тодоров)*. Институт за литература – ИЦ «Боян Пенев».

Тодоров, П. (1957). Първите. In К. Зидаров, С. Васев, & П. Данчев (Eds.), *Българска драматургия. Сборник. Първа част* (pp. 221-292). Български писател.

Цанкар, И. (2018). Слуги. In Л. Малинова-Димитрова (Ed.), *Избрани пиеси* (pp. 165-227). Факел.

Чехов, А. (1980/1981a). Чайка. In К. Богданова (Ed.), *Пиеси* (pp. 145-221). «Народна култура» / изд. «Прогрес».

Чехов, А. (1980/1981b). Три сестри. In К. Богданова (Ed.), *Пиеси* (pp. 277-369). «Народна култура» / изд. «Прогрес».

Шекспир, У. (1970). Укротяване на опърничавата. In М. Минков (Ed.), *Комедии* (т. 1, pp. 33-145). «Народна култура».

Приложение 1

EL DESARROLLO DE LA ENSEÑANZA DEL IDIOMA SERBIO COMO LENGUA EXTRANJERA[1]

Milena Vidosavljević
Институт за српску културу Приштина – Лепосавић

1. Introducción

Como Durbaba señala (2011: 91), los inicios de la enseñanza de lenguas extranjeras en los países europeos se remontan a la primera mitad del siglo XIX. En este período histórico se establecieron en Serbia las primeras instituciones educativas que incorporaron la enseñanza sistemática de lenguas extranjeras, entre las cuales se encontraban el latín, el griego, el francés y el alemán, a las que con posterioridad se sumaron el ruso y el inglés.

A partir de la década de 1960 se observa en Serbia el inicio de una investigación sistemática en el ámbito del aprendizaje y la enseñanza de lenguas extranjeras. Como resultado de este proceso, la metodología de la enseñanza de lenguas extranjeras se consolidó progresivamente como objeto de estudio científico, lo que condujo a la institucionalización de la lingüodidáctica como asignatura universitaria en la Facultad de Filología de la Universidad de Belgrado (Durbaba, 2011: 11–12). En este contexto, Krajišnik (2016: 8) señala que ya desde la década de 1950 comenzaron a fundarse en Serbia escuelas especializadas en la enseñanza de lenguas extranjeras, en las que el serbio también se impartía como lengua extranjera, mientras que, a partir de 1976, dicha enseñanza se introdujo en universidades extranjeras. De manera más específica, la enseñanza del serbio como lengua extranjera en la Facultad de Filología de la Universidad de Belgrado se desarrolla de forma institucionalizada desde 1986, año en el que, por iniciativa del Departamento de Lenguas Serbias y Eslavas del Sur, se creó el Centro de Serbio como Lengua Extranjera (Krajišnik y Marinković, 2002: 263). A partir de 1987 se estableció un currículo estructurado para esta modalidad de enseñanza, organizado inicialmente en dos niveles (principiante e intermedio) y ampliado, tres años más tarde, a tres niveles (principiante, intermedio y avanzado) (Krajišnik y Marinković, 2002: 263–264). Asimismo, el Centro desarrolla programas de formación especializados dirigidos a perfiles profesionales específicos, tales como diplomáticos y médicos militares (Krajišnik y Marinković, 2002: 264).

Desde la fundación del Centro hasta la actualidad, se registra un incremento sostenido del número de estudiantes interesados en el aprendizaje del serbio como lengua extranjera, lo que ha requerido una adaptación continua de los programas de enseñanza, tanto a las necesidades del alumnado como a los enfoques contemporáneos de la didáctica de lenguas extranjeras (Krajišnik y Marinković, 2002: 264–265). En una fase inicial, la enseñanza se orientaba predominantemente hacia la adquisición de la estructura gramatical del serbio como lengua extranjera; sin embargo, con el desarrollo de los enfoques comunicativos, se ha otorgado una importancia creciente a la adquisición léxica y al uso funcional de la lengua en diversas situaciones comunicativas, es decir, al desarrollo de la competencia comunicativa (Dešić, 2007: 10).

[1] El trabajo fue escrito como parte del trabajo de investigación científica del NIO en virtud del Acuerdo celebrado con el Ministerio de Ciencia, Desarrollo Tecnológico e Innovación de la República de Serbia, número 451-03-136/2025-03 del 27 de enero de 2025.

En este marco teórico y metodológico, el objetivo del presente artículo consiste en presentar los resultados de investigaciones científicas dedicadas a la enseñanza del serbio como lengua extranjera en Serbia. Asimismo, se ofrece una síntesis del desarrollo histórico de esta modalidad de enseñanza, con especial atención a los manuales y libros de texto, así como a las prácticas contemporáneas de enseñanza del serbio como lengua extranjera en entornos digitales, implementadas mediante diversas plataformas y aplicaciones tecnológicas.

2. Desarrollo de la enseñanza del serbio como lengua extranjera

Como disciplina científica, la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera se consolidó a mediados del siglo XX. En el desarrollo de dicha enseñanza pueden distinguirse dos etapas: la primera, caracterizada por un enfoque asistemático, en la que los profesores desarrollaban sus propios métodos de trabajo y aprendían a partir de la práctica y de la experiencia adquirida. La segunda etapa, de carácter más organizado, se inicia con la creación del Centro de Serbio como Lengua Extranjera en la Facultad de Filología de la Universidad de Belgrado. Posteriormente, se abrieron centros análogos en otros departamentos dedicados al estudio de la lengua y la literatura serbia (Novaković, 2021: 85).

Como Novaković (2021: 85) señala, la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera comenzó a configurarse a mediados del siglo pasado. Las primeras instituciones en las que se inició el estudio del serbio como lengua extranjera, de manera paralela a otras lenguas extranjeras, fueron la Universidad Nacional de Kolarac, el Instituto de Lenguas Extranjeras, entre otras. No obstante, la relevancia de este ámbito científico no fue reconocida de forma inmediata en los círculos lingüísticos de Serbia, y con frecuencia se establecía una distinción entre la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera y la metodología de la enseñanza del serbio como lengua materna.

Durante muchos años, el desarrollo de la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera careció de una sistematización clara, lo que, según Otašević (2014: 21), provocó que el estudio del serbio como lengua extranjera mantuviera un alcance limitado hasta la segunda mitad del siglo XX, teniendo en cuenta que el serbio no figuraba entre las denominadas «lenguas del mundo». Los materiales didácticos destinados a la enseñanza del serbio como lengua extranjera se elaboraban de forma esporádica. Cada profesor diseñaba sus propios materiales didácticos, aplicaba métodos de trabajo individuales y ajustaba su práctica docente a partir de la experiencia, apoyándose, en cierta medida, en manuales de otras lenguas extranjeras, de los cuales extraía ideas, modelos y enfoques para la enseñanza del serbio como lengua extranjera (Krajišnik, 2016: 9).

Novaković (2021: 86) subraya que el año 1986 puede considerarse un punto de inflexión fundamental en el desarrollo de la enseñanza del serbio como lengua extranjera, con la fundación del Centro de Serbio como Lengua Extranjera en la Facultad de Filología de la Universidad de Belgrado. El centro mencionado se concibió inicialmente como una institución destinada a la formación de estudiantes extranjeros que deseaban cursar estudios en la Universidad de Belgrado. La creación del centro estuvo precedida por dos reuniones dedicadas a la problemática de la enseñanza del serbio como lengua extranjera, organizadas en 1984 y 1986. La actividad del centro contribuyó, además, al establecimiento de un enfoque más sistemático y científicamente fundamentado de esta disciplina metodológica. Siguiendo el modelo de la Facultad de Filología de Belgrado, otros departamentos de lengua serbia del país procedieron a la creación de centros similares para el estudio del serbio como lengua extranjera. Así, el Centro de Serbio como Lengua Extranjera fue inaugurado en 2001 en la Facultad de Filosofía de Novi Sad.

Los cursos están orientados a estudiantes de estudios eslavos de universidades extranjeras, a estudiantes extranjeros participantes en programas y proyectos internacionales, a ciudadanos extranjeros que desean estudiar en Novi Sad, así como a cualquier persona extranjera interesada en el aprendizaje del serbio estándar. Asimismo, el Centro de Serbio como Lengua Extranjera y no Materna se estableció en la Facultad de Filosofía de la Universidad de Niš en 2013, mientras que el Centro de Serbio como Lengua Extranjera fue creado en la Facultad de Filología y Artes de la Universidad de Kragujevac durante el curso académico 2015/2016. El creciente interés por la enseñanza del serbio como lengua extranjera, junto con las necesidades de numerosos extranjeros que llegan a Serbia, condujo a la acreditación de programas de máster especializados para la formación de futuros docentes en las facultades de Belgrado, Novi Sad y Kragujevac (Novaković, 2021: 86).

3. Libros de texto para la enseñanza del serbio como lengua extranjera

En los años posteriores a la Segunda Guerra Mundial, se registró un notable interés por la enseñanza del serbio como lengua extranjera. En este contexto, se estableció la cooperación internacional y se firmaron acuerdos bilaterales con numerosos países de Europa, América, África y Asia, lo que contribuyó al creciente interés por los estudios eslavos a nivel internacional. En concreto, «en la composición de los departamentos de eslavos, el serbocroata gozaba de buena reputación y existen datos irrefutables de que en numerosos departamentos ocupaba el segundo lugar, justo detrás del ruso, que legítimamente ostentaba la primacía» (Brborić, 2018: 22).

Como consecuencia de lo anterior, un gran número de extranjeros manifestó interés en aprender serbio como lengua extranjera, tanto por motivos profesionales como por razones personales, lo que dio lugar a la organización de cursos específicos. Al mismo tiempo que aumentaba el número de extranjeros que estudiaban el idioma, crecía también el número de docentes de serbocroata[2] dedicados a su enseñanza. Desde una perspectiva cronológica, Novaković (2023: 182) señala que el período comprendido entre 1960 y 1985 puede considerarse el más fructífero en cuanto a la preparación y publicación de libros de texto (manuales) destinados a este tipo de enseñanza. Desde otra perspectiva, Milutinović (1984: 84) indica que la enseñanza se llevaba a cabo sin una aplicación sistemática de la teoría del proceso de adquisición del lenguaje, lo que influyó en el hecho de que «nuestros profesores muy raramente publicaban sus trabajos» (Vučković, 1984: 10).

No obstante, fueron únicamente dos mesas redondas dedicadas a la enseñanza del serbio como lengua extranjera (1984 y 1986), junto con la apertura de centros de enseñanza del serbio como lengua extranjera en Belgrado (1986), Novi Sad (2001), Niš (2013) y Kragujevac (2015/2016), las que propiciaron que la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera se configurara como un campo científico independiente. A raíz de estos acontecimientos, aumentó el número de lingüistas, investigadores y metodólogos de la enseñanza que, además de publicar libros de texto y manuales, orientaron su atención hacia cuestiones teóricas fundamentales de la didáctica de esta lengua (Novaković, 2023: 182).

Este desarrollo se ve respaldado por la bibliografía de obras publicadas entre 1991 y mediados de 2018, recopilada por Nikolić (2020), que incluye un total de 244 entradas bibliográficas, de las cuales 3 corresponden a monografías y 241 a artículos científicos. Todo lo anterior pone de manifiesto un incremento del interés por la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera, tal como lo confirma Novaković (2023: 182), quien, al analizar los resultados científicos publicados entre mediados de 2018 y finales

[2] adj. Perteneciente o relativo a Serbia y Croacia, común a serbios y croatas (https://dle.rae.es/serbocroata)

de 2022, identificó un total de 87 unidades bibliográficas. El mayor número de publicaciones se registró en 2020 (50), lo cual no resulta casual, dado que en ese año se publicaron las actas del cuarto congreso científico *Српски као страни језик у теорији и пракси* (*Serbio como Lengua Extranjera en Teoría y Práctica*), organizado por la Facultad de Filología de Belgrado, que, junto con los tres congresos anteriores, constituye una referencia metodológica fundamental para los profesionales involucrados en este ámbito de enseñanza (Krajišnik, 2016: 10).

En lo que respecta a los programas de aprendizaje electrónico y en línea destinados a la enseñanza del serbio como lengua extranjera, Novaković (2023: 183) señala que, en los últimos cinco años, han surgido diversos libros de texto electrónicos interactivos orientados a esta finalidad. Estos materiales pueden clasificarse en dos grandes grupos: libros de texto electrónicos interactivos diseñados para el aprendizaje mediante teléfonos móviles y aquellos concebidos para el aprendizaje a través de ordenadores. El primer grupo incluye tres aplicaciones móviles, *Simply Learn Serbian* y *Learn Serbian – 50 Languages*, cuya estructura se aproxima más a la de gramáticas y diccionarios electrónicos que a la de libros de texto propiamente dichos, así como *(Pro)Speak Serbian*, que sí puede considerarse un auténtico libro de texto electrónico. El segundo grupo está compuesto por cuatro libros de texto electrónicos interactivos de Marina Janjić, *Serbian for Beginners*, y por un conjunto de libros de texto estructurados en tres unidades, *Српски – језик мога завичаја (Serbio: el idioma de mi tierra natal)*. El libro de texto *Serbian for Beginners* constituye uno de los primeros manuales en la enseñanza del serbio como lengua extranjera y está diseñado para que los principiantes adquieran con rapidez los fundamentos del idioma y se familiaricen con el entorno lingüístico en su primera experiencia en el área de habla serbia.

4. Artículos científicos y aprendizaje del serbio como lengua extranjera en línea

En lo que respecta a la publicación científica relacionada con el tema mencionado, Vidosavljević (2023: 86) señala que la enseñanza del serbio como lengua extranjera en Serbia es un campo relativamente reciente, al que no se le había otorgado una importancia significativa hasta fechas recientes. No obstante, los cambios sociales, así como los intereses y las necesidades de la sociedad contemporánea, han generado un creciente interés por el serbio entre los ciudadanos extranjeros. Este proceso ha propiciado importantes avances en el desarrollo de libros de texto, materiales didácticos complementarios, la formación especializada del profesorado, así como la organización de congresos en los que se analizan estrategias para la mejora de esta área en la práctica docente.

Los estudios más relevantes sobre el tema mencionado se han presentado hasta la fecha principalmente en el marco de congresos y actas temáticas de la Facultad de Filología de Belgrado, bajo el título *Српски као страни језик у теорији и пракси II, III, IV и V (Serbio como Lengua Extranjera en Teoría y Práctica II, III, IV y V),* celebrados en los años 2011, 2016, 2020 y 2023. Los autores abordan el serbio como lengua extranjera y proponen directrices y enfoques para mejorar este tipo de enseñanza a través del análisis de contenidos gramaticales, culturales y metodológicos. Asimismo, se hace hincapié, entre otros aspectos, en el desarrollo de la competencia comunicativa y la motivación del alumnado, así como en el uso de juegos lingüísticos, canciones, plataformas y aplicaciones; en síntesis, tecnologías innovadoras especialmente relevantes para la enseñanza contemporánea de lenguas extranjeras (Vidosavljević, 2023: 85).

En la medida en que la enseñanza contemporánea de lenguas extranjeras se ve progresivamente influida por las nuevas tecnologías, es decir, plataformas y aplicaciones digitales, los métodos tradicionales de enseñanza del serbio como lengua extranjera experimentan transformaciones significativas. Por consiguien-

te, el aprendizaje del serbio adopta formatos virtuales diferenciados, lo que exige docentes y estudiantes adecuadamente preparados para aplicar métodos y enfoques innovadores.

Con este fin, para los propósitos del presente trabajo, se realizó una búsqueda de artículos científicos previos sobre el serbio como lengua extranjera y el uso de nuevas tecnologías mediante una búsqueda en *Google*. A partir del número limitado de artículos identificados y de sus resultados, se evidencia el desarrollo de la enseñanza del serbio como lengua extranjera en el entorno en línea, así como la necesidad de continuar su perfeccionamiento en consonancia con las innovaciones en el ámbito de la educación digital.

En este contexto, están surgiendo oportunidades para el trabajo en entornos virtuales, tal como lo documentan Subotić y Bjelaković (2011: 282-283), quienes presentan el proyecto Campus Europae (CE), en el que estudiantes de distintos países tuvieron la oportunidad de aprender serbio en un entorno en línea mediante el programa *Hook up*!, mientras que la plataforma *Moodle* se utilizó para el diseño de cursos virtuales. El proyecto surgió como respuesta a la necesidad de los estudiantes de encontrar soluciones a diversas preguntas y dificultades que podían surgir durante su estancia en el extranjero, relacionadas con el aprendizaje del idioma serbio.

En relación con dicho proyecto, Bjelaković y Ajđanović (2011: 291-293) señalan que los cursos en línea de serbio se diseñaron de acuerdo con el *Marco Común Europeo de Referencia para las Lenguas (nivel A1)* y que, además de la plataforma *Moodle*, se emplearon documentos en formato *PDF* para los contenidos textuales, mientras que los ejercicios gramaticales y léxicos se elaboraron mediante el programa *Hot Potatoes*. Asimismo, se desarrollaron materiales didácticos originales destinados a la práctica de la expresión oral, compuestos por imágenes temáticas integradas, dibujos, diapositivas y cortometrajes creados con los programas *Photo Story* y *Movie Maker*. Todas las clases seguían una estructura similar: (1) actividades orales de repaso del contenido previo, (2) presentación del nuevo material visualizado en pantalla, (3) práctica del contenido mediante la pizarra de Skype y actividades orales, y (4) tareas asignadas a los estudiantes (elaboración de ejercicios existentes y producción escrita). Además, se organizaban sesiones semanales de chat en las que los estudiantes se comunicaban por escrito con el tutor y entre sí. Tras cada tres clases y al finalizar el curso, los estudiantes evaluaban el proceso de aprendizaje (Bjelaković y Ajđanović, 2011: 291-293).

Por su parte, Subotić y Dražić (2011: 297) analizan el diseño de un curso en línea de serbio como lengua extranjera a través de *Moodle*. Al describir la concepción e implementación de clases virtuales en el marco del proyecto mencionado, destacan las múltiples posibilidades que ofrece esta plataforma. Los resultados positivos confirman la utilidad y la necesidad de los cursos en línea, especialmente como fase preparatoria para el posterior aprendizaje del idioma en el entorno donde se reside y se desarrollan las clases presenciales. Sin embargo, las desventajas identificadas incluyen el período de impartición de las clases (verano), poco favorable debido a las vacaciones, así como la heterogeneidad de los grupos en cuanto a conocimientos lingüísticos previos y formación filológica, lo que afecta la adquisición uniforme del material y el ritmo del aprendizaje. Asimismo, los autores subrayan que la distancia espacial limita la percepción del grado de comprensión del alumnado, su satisfacción y la necesidad de explicaciones adicionales, elementos que resultan más accesibles en la enseñanza presencial mediante la comunicación no verbal, especialmente en los niveles iniciales del aprendizaje lingüístico.

En apoyo del aprendizaje del serbio como lengua extranjera, Milićević Dobromirov (2020: 475) destaca que las nuevas tecnologías aplicadas a la enseñanza de lenguas extranjeras resultan especialmente atractivas para las generaciones más jóvenes, dado que las aplicaciones empleadas suelen ser visualmente estimulantes y las animaciones recuerdan a los videojuegos, lo que convierte el contenido didáctico en inte-

ractivo y transforma los modelos tradicionales de comunicación en el aula. Como ejemplo de buenas prácticas en línea, la autora menciona el centro *Azbukum* en Serbia, cuyo programa está adaptado a estudiantes desde el nivel A1 hasta el B1.2. Cada lección incluye un repaso del contenido, introducción léxica, textos de lectura y comprensión, ejercicios de comprensión auditiva, contenidos culturales, explicaciones gramaticales, ejercicios prácticos y vídeos seleccionados.

De manera similar, Miljković (2020: 487, 489) presenta el proyecto *Српски Online (Serbio en Línea)*, creado en 2016 para responder a las necesidades de aprendizaje del serbio como lengua extranjera tanto de residentes en Serbia como de estudiantes que viven en el extranjero. Las clases se imparten en línea mediante *Skype*, mientras que un equipo docente desarrolla materiales didácticos de forma autónoma utilizando redes sociales, blogs, artículos digitales, *YouTube* y textos periodísticos. Estos materiales se organizan en *Google Slides* y *Google Docs*, dando lugar a lecciones multimedia que, en conjunto, conforman un libro de texto electrónico personalizado accesible tanto para estudiantes como para docentes. Asimismo, se emplea una pizarra electrónica.

Spasić (2021: 214), en su análisis sobre la aplicación de nuevas tecnologías en la enseñanza del serbio como lengua extranjera, propone cinco herramientas web: *Padlet, MeetingWords, Wordwall, JigsawPlanet* y *ThingLink*. Todas ellas permiten al profesorado asignar tareas y actividades específicas, favoreciendo la participación activa y la motivación del alumnado, ya que los estudiantes pueden crear proyectos en línea de forma autónoma, explorar y combinar elementos visuales y textuales mientras desarrollan sus competencias lingüísticas. En conclusión, la autora subraya que, dado que el objetivo fundamental de la enseñanza de lenguas extranjeras es el desarrollo de la competencia comunicativa, resulta comprensible que los docentes incorporen métodos de trabajo innovadores que posibiliten el logro efectivo de dicho objetivo (Spasić, 2021: 214).

Finalmente, Marković (2023: 187) analiza las posibilidades y particularidades de la enseñanza en línea del serbio como lengua extranjera, con especial atención al desarrollo de las destrezas lingüísticas mediante plataformas especializadas (*Italki, Preply, Verbling*) y aplicaciones de comunicación como *Skype* y *Zoom*. El autor ofrece una visión general de las características de la enseñanza virtual, la selección de herramientas digitales y su grado de aplicación, señalando tanto las ventajas de este tipo de aprendizaje como los desafíos a los que se enfrentan los docentes.

Aunque el serbio pertenece al grupo de lenguas menos demandadas a nivel global, ha logrado consolidar su presencia en plataformas digitales dedicadas al aprendizaje de idiomas. Todo indica que la demanda de clases en línea de serbio, tanto como lengua extranjera como materna, continúa en aumento, por lo que la labor del docente consiste en perfeccionar continuamente sus competencias, seguir las innovaciones del entorno digital y seleccionar de manera adecuada las herramientas y aplicaciones tecnológicas, con el fin de garantizar que la enseñanza del serbio como lengua extranjera sea accesible, funcional, interactiva y motivadora (Marković, 2023: 197).

5. Conclusión

Como Vidosavljević (2023: 88) afirma, la enseñanza del serbio como lengua extranjera presenta numerosas posibilidades de desarrollo en el entorno digital, dado que los docentes optan cada vez con mayor frecuencia por este tipo de enseñanza en lugar del modelo tradicional. En el contexto de la enseñanza en línea, las clases de serbio como lengua extranjera resultan accesibles a estudiantes extranjeros interesados a escala global. En este sentido, para que los docentes puedan implementar eficazmente esta modalidad de

enseñanza, es necesario que posean no solo conocimientos técnicos básicos, sino que desarrollen y perfeccionen de manera continua sus competencias digitales. Por consiguiente, para la creación de materiales didácticos en entornos virtuales, los profesores de serbio como lengua extranjera deben saber localizar, seleccionar, analizar, adaptar y utilizar de forma adecuada diversos contenidos digitales.

A partir de los resultados de publicaciones científicas sobre este tema, los docentes que diseñan cursos en línea de serbio como lengua extranjera tienden a emplear numerosas herramientas digitales que contribuyen a hacer las clases más dinámicas y a incrementar la motivación del alumnado. Efectos visuales, imágenes en movimiento, contenidos de audio y vídeo, variaciones cromáticas, enlaces y otros recursos facilitan la presentación del contenido didáctico de manera innovadora, auténtica e interactiva.

No obstante, la mayoría de los profesores de serbio como lengua extranjera se enfrenta a diversos desafíos al inicio de su trayectoria profesional, tales como la falta de formación específica, la escasez y calidad desigual de los materiales didácticos, la ausencia de libros de texto, planes de clase y programas estructurados, así como dificultades relacionadas con la organización de los cursos y la asimilación del contenido. Cabe señalar que estos aspectos, lamentablemente, no se abordan de manera sistemática en el marco de los estudios académicos básicos de serbio (Vidosavljević, 2023: 89).

Según los resultados de la investigación de Novaković (2023), los profesores comienzan a impartir clases de serbio como lengua extranjera, en promedio, cinco años después de finalizar sus estudios, considerando esta modalidad como una alternativa profesional. En consecuencia, una parte significativa de la enseñanza destinada a estudiantes extranjeros se desarrolla a través de internet. Las razones de esta situación incluyen: (1) el empleo en escuelas privadas, cuya actividad se basa predominantemente en la enseñanza en línea; (2) el autoempleo del profesorado, junto con la imposibilidad de alquilar espacios propios; y (3) el interés de los estudiantes extranjeros por aprender serbio desde sus países de origen. Asimismo, la investigación indica que la enseñanza del serbio como lengua extranjera constituye la principal o única fuente de ingresos únicamente para docentes con más de seis años de experiencia profesional, mientras que el resto se ve obligado a complementar la docencia con otras actividades laborales.

Los datos expuestos ponen de manifiesto que, debido a su complejidad, la enseñanza del serbio como lengua extranjera requiere un período de formación prolongado, a fin de que los docentes puedan reconocer y aprovechar plenamente los beneficios que ofrece este tipo de enseñanza. Los profesores consideran necesaria la creación de una plataforma oficial destinada a la formación y la creación de redes profesionales, así como la organización de programas de formación teórica inicial para docentes principiantes. Por este motivo, con el objetivo de actualizar y profundizar sus conocimientos, los profesores suelen participar en talleres, seminarios y seminarios web impartidos por colegas con amplia experiencia en la enseñanza a estudiantes extranjeros.

Finalmente, para que los profesores de serbio como lengua extranjera puedan impartir una enseñanza eficaz, resulta imprescindible que, además de los conocimientos metodológicos, pedagógicos y psicológicos generales, desarrollen competencias específicas en la metodología de la enseñanza del serbio como lengua extranjera. Asimismo, cualquier forma de intercambio de experiencias con colegas del ámbito de la filología extranjera puede contribuir de manera significativa a la preparación de clases y al diseño de materiales didácticos alineados con los conocimientos previos, las necesidades y los intereses de los estudiantes de origen extranjero.

Bibliografía

Bjelaković, I., & Ajđanović, J. (2011). Onlajn kurs srpskog jezika kao stranog: koncipiranje i realizacija. U: V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi II, Tematski zbornik radova* (pp. 289-296). Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik.

Brborić, V. (2018). Budućnost lektorata srpskog jezika sa osvrtom na prošlost i sadašnjost. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, *48*, 21-30.

Dešić, M. (2007). Dvadeset godina rada Centra za srpski kao strani jezik. U: M. Dešić (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi* (pp. 7-11). Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik.

Durbaba, O. (2011). *Teorija i praksa učenja i nastave stranih jezika*. Zavod za udžbenike.

Krajišnik, V. (2016). Neka pitanja iz metodike nastave srpskog kao stranog jezika. *MELISSA - Museums, Ethics, Library and Information Science, Studies, Archives*, *16*(2), 61-85.

Krajišnik, V., & Marinković, N. (2002). O aktivnostima Centra za srpski kao strani jezik na Filološkom fakultetu u Beogradu. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, *30*(1), 263-266.

Marković, M. (2023). Mogućnosti i realizacija nastave srpskog jezika kao stranog preko interneta. U: V. Krajišnik (ur.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: tematski zbornik radova* (pp. 187-199). Filološki fakultet.

Milićević Dobromirov, N. (2020). Internet kursevi srpskog jezika. U: V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi IV. Tematski zbornik radova* (pp. 117-130). Filološki fakultet.

Miljković, M. (2020). Srpski onlajn – Nove mogućnosti za učenike i nastavnike. U: V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi IV. Tematski zbornik radova* (pp. 487-500). Filološki fakultet.

Milutinović, D. (1984). O specifičnostima ostvarivanja ciljeva nastave srpskohrvatskog jezika kao stranog u Institutu. U: M. Dešić (Ed.), *Okrugli sto «Srpskohrvatski jezik kao strani»* (pp. 84-86). Institut za strane jezike.

Nikolić, M. (2020). Bibliografija srpskog kao stranog jezika (1991-2018). U: V. Krajišnik (ur.), *Srpski jezik kao strani u teoriji i praksi IV* (pp. 593-623). Filološki fakultet.

Novaković, A. (2021). Metodika nastave srpskog kao stranog na početku XXI veka. *Prilozi nastavi srpskog jezika i književnosti*, *X*, 85-110. https://doi.org/10.19090/mv.2023.14.57-74

Novaković, A. (2023). Bibliografija radova iz oblasti metodike nastave srpskog kao stranog jezika (2018–2022). *Živi jezici*, *43*(1), 181-195. https://zivijezici.fil.bg.ac.rs/index.php/zivijezici/article/view/138

Otašević, Đ. (2014). Priručnici za nastavu srpskog jezika kao stranog. *Lingvističke aktuelnosti*, *25*, 21-30.

Spasić, N. (2021). Upotreba veb-alata u nastavi srpskog kao stranog jezika. *Verba iuvenium*, *3*, 209-223.

Subotić, Lj., & Bjelaković, I. (2011). Hook up! – Platforma za učenje stranih jezika. U: V. Krajišnik (ur.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi II. Tematski zbornik radova* (pp. 281-288). Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik.

Subotić, Lj., & Dražić, J. (2011). Informatičko-programska rešenja za koncipiranje onlajn kursa srpskog jezika. U: V. Krajišnik (ur.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi II. Tematski zbornik radova* (pp. 297-304). Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik.

Vidosavljević, M. (2023). Značaj multimodalnosti u onlajn nastavi srpskog kao stranog jezika. *Baština*, *33*(59), 81-91. https://doi.org/10.5937/bastina33-43110

Vučković, P. (1984). Srpskohrvatski jezik i strani jezici u institutu. U: M. Dešić (ur.), *Okrugli sto «Srpskohrvatski jezik kao strani»* (pp. 9-12). Institut za strane jezike.

STRATEGIC NARRATIVES AND MEDIA: RUSSIA'S DISCOURSE IN THE UKRAINIAN CONFLICT

Francisco Manuel Villegas Cara
Universidad de Granada

1. Introduction

The media has long been recognized as a powerful tool in shaping public opinion and political discourse, particularly during conflicts (Szostek, 2017; Fedchenko, 2016; Liu, 2023; Locoman & Lau, 2024). In the context of the Ukraine crisis (2014-2023), Russian state-backed media have played a pivotal role in constructing and disseminating strategic narratives that justify military interventions, delegitimize opponents, and consolidate domestic support. Strategic narratives— «designed or nurtured with the intention of structuring the responses of others to developing events» (Freedman, 2019: 30)—have been instrumental in framing the conflict in ways that align with the Kremlin's geopolitical objectives.

This study explores how strategic narratives in media discourse contribute to the construction of adversarial identities in geopolitical conflicts, drawing on Claessen's (2021) concept of «geopolitical othering,» with particular reference to the Russian case. Given the scope and limitations of the present article, the chapter does not aim to provide an original, systematic empirical content analysis of state-controlled outlets such as Channel One Russia or RT. Instead, it offers a theoretical and critical review of existing scholarly literature, complemented by selected illustrative examples.

By situating this discussion within broader theoretical debates on media manipulation, propaganda, and hybrid warfare (Pomerantsev, 2014; Cottiero et al., 2015; Fedchenko, 2016), the chapter seeks to develop a conceptual and analytical framework for identifying the narrative architecture of contemporary conflicts, including symbolic repertoires, temporal structures, and identity work. While the Russian–Ukrainian war constitutes the primary reference point, the framework proposed here is not conceived as exclusive to Russian media narratives. Rather, it is presented as a potentially transferable analytical tool that could, in future research, be applied to the study of strategic narratives produced by other actors—such as Ukraine or the European Union— particularly in relation to processes of identity construction, legitimation, and geopolitical othering. While these cases fall beyond the empirical scope of the present study, acknowledging the broader applicability of the framework underscores its analytical ambition and theoretical relevance beyond a single national or conflict-specific context.

In the case of the Ukraine crisis, Russian strategic narratives do not operate in isolation; rather, they exist within a carefully orchestrated media ecosystem that blends official rhetoric, semi-official commentary, and user-generated content to reinforce a cohesive worldview. This ecosystem facilitates the convergence of traditional media and digital platforms, as highlighted by Cottiero et al. (2015), who show that television and the Internet operate in a «continual loop,» with televised frames generating measurable spikes in online search behavior and social discourse. Through this symbiotic relationship, narratives constructed by state-aligned media outlets are amplified, recontextualized, and sometimes distorted by pro-Kremlin influencers, troll factories, and algorithmically-driven online communities. These dynamics serve to blur the lines between information, disinformation, and propaganda, contributing to an epistemic environment in

which truth becomes a matter of narrative dominance rather than factual accuracy. As Cottiero et al. note, «whether information appears truthful or not, its frequent repetition ensures that it is remembered and, as a result, employed in the process of opinion formation.» (2015: 538). The deployment of disinformation and fake news further complicates the narrative environment. As Khaldarova and Pantti argue, fabricated stories and manipulated content are not simply by-products of poor journalism but are central tools in a deliberate strategy of media warfare. As they point out:

> At the same time, strategic communications are conditioned by the diffused media ecology in which narratives become evaluated and discussed by various political actors and general public. Conflicts provide fertile territory for controversy and suspicion to appear and the Internet provides ample opportunities for debunking falsehoods and producing counter-narratives. (Khaldarova and Pantti, 2016: 14)

These fabrications serve to delegitimize Ukrainian authorities, show confusion among international audiences, and create parallel realities that undermine consensus on basic facts[1].

During key events such as the annexation of Crimea or the downing of Malaysia Airlines Flight MH17, Russian media outlets produced alternative narratives that diverted blame, questioned evidence, and flooded the information space with conflicting accounts. Such tactics are often discussed under the label of «non-linear warfare,» a term that does not refer to a formal Russian military doctrine but rather to an analytical concept emerging from Russian political and intellectual discourse. As Pomerantsev (2014) explains, the notion is most notably associated with Vladislav Surkov, a key political advisor to President Putin, who explored these ideas in a short science-fiction text published under the pseudonym *Natan Dubovitsky*. In this understanding of conflict, influence is exercised less through direct persuasion than through the systematic production of confusion, disorientation, and cognitive exhaustion, thereby blurring the boundaries between war and peace and between information, disinformation, and propaganda. Pomerantsev points out that «if in the 20th century the Kremlin could only lobby through Soviet sympathizers on the left, it now uses a contradictory kaleidoscope of messages to build alliances with quite different groups» (Pomerantsev, 2014).

The significance of visual and emotional cues in strategic narratives is particularly noteworthy. As Khaldarova and Pantti argue, visual images function as «affective anchors that attach emotions to strategic narratives» (2021: 142), shaping how audiences experience political events. Therefore, these images are embedded within broader discursive frameworks, «as recurring visual tropes connect present events with historical narratives and collective memory in order to generate specific emotional responses (2021: 144). In the Russian media portrayal of the Ukraine crisis, this dynamic becomes particularly evident «in the systematic use of images depicting injured civilians and destroyed infrastructure, through which military aggression is visually constructed and emotionally framed». (Khaldarova & Pantti, 2021: 149).

By invoking the legacy of the Great Patriotic War or framing Ukraine as a failed Western puppet state, Russian media constructs a narrative landscape that legitimizes intervention as a form of protection or moral duty, and therefore «these narratives rationalize policies, boost popularity, and grant legitimacy, thereby extending state hold on power.» (Locoman & Lau, 2024: 3).

A key component of these narratives is the construction of the *Other*—a geopolitical adversary that must be resisted or contained. Claessen's (2021) notion of geopolitical othering provides a useful lens

[1] See also Peter Pomerantsev and Michael Weiss, *The Menace of Unreality: How the Kremlin Weaponizes Information, Culture and Money* (New York: Institute of Modern Russia, 2014), which documents how Russian state media constructed competing explanations during the annexation of Crimea and the downing of Malaysia Airlines Flight MH17 to deflect blame and erode shared facts.

through which to understand how Russian media dichotomizes the international order into antagonistic blocs: the righteous Russia versus the hostile West. This dualistic worldview is echoed in the portrayal of NATO, the European Union, and particularly the United States, which are often depicted as aggressive, expansionist entities bent on encircling and destabilizing Russia. Ukraine, in this context, is not simply a sovereign nation but a proxy battlefield in a larger civilizational struggle. By positioning itself as a besieged fortress defending traditional values and multipolarity, Russia taps into domestic anxieties and fosters a sense of national cohesion against external threats and what is more important «Russian state's current strategic narrative draws heavily on narratives or themes that have been circulating and resonating widely in Russian society for decades.» (Szostek, 2016: 82).

The narrative construction of Ukraine itself is marked by contradiction and ambivalence. On the one hand, it is framed as an integral part of the *Russkiy mir*—the broader Russian world with shared cultural, linguistic, and religious ties. On the other hand, it is portrayed as a wayward territory corrupted by Western influence and extremist ideologies. This dual positioning allows for a flexible discursive strategy: appeals to fraternal unity are invoked when emphasizing the legitimacy of intervention, while depictions of moral and political decay justify punitive measures and military aggression. Tolz and Hutchings note how such narratives oscillate between inclusive imperial nostalgia and exclusionary nationalist rhetoric, revealing the ideological instability at the heart of Russian identity politics, in their words: «the oscillations are driven by attempts to appropriate an eclectic legacy, including pre-revolutionary sources, anti-communist White émigré literature, and writings by Soviet and current intelligence officers» (2023: 358).

Narrative practices in diplomacy, as explored by Faizullaev and Cornut (2017), play a critical role in the Russian media's strategic communication. Narratives are «selective by definition, always in competition with other narratives which emphasise or omit different elements of reality to frame events in a specific way» (2017: 579). Accordingly, the framing of diplomatic events, official statements, and international reactions is carefully managed to project an image of Russia as a rational, sovereign actor unjustly vilified by the West. Even as sanctions are imposed and condemnations issued, Russian media highlights selective voices of support or neutrality in order to build alternative forms of international legitimacy.[2] This selective curation of narratives contributes to what Freedman describes as *strategic narrative contests*, in which states struggle to impose shared interpretations of events and political realities, rather than merely competing over material power or territory (Freedman, 2019), underlining that «information campaigns tend to reinforce existing trends in popular opinion rather than create them, although that may be sufficient to turn a difficult situation into a transformational moment» (Freedman, 2019: 8).

Within the domestic sphere, these media narratives serve a dual function: they not only explain foreign policy to the Russian public but, as stated before, they also reinforce internal cohesion and regime legitimacy. Frye argues that the Kremlin's popularity is not solely dependent on economic performance or institutional effectiveness, but on its ability to articulate a compelling vision of national destiny where «the State media also perform a central function: they disseminate Kremlin propaganda and create the appearance of mass support» (2021: 134). Strategic narratives allow the Russian leadership to present itself as the

[2] A telling case was Russia's presentation of the 2018 Salisbury nerve-agent attack. While the U.K. government publicly attributed the poisoning of Sergei Skripal to Russian operatives, leading Russian outlets such as RT and Sputnik highlighted sympathetic statements from officials in Syria and Venezuela, quoted fringe Western commentators questioning the U.K.'s evidence, and framed the incident as a politically motivated «anti-Russia campaign.» By spotlighting these selective voices and downplaying international condemnations, Russian media constructed an alternative narrative of global neutrality and persecution that reinforced Moscow's image as a rational, wrongly accused actor.

guardian of national sovereignty, the protector of Russian-speaking populations abroad, and the bulwark against a morally decadent West. These narratives resonate particularly in times of crisis, when appeals to patriotism and historical mission can override socioeconomic grievances and political dissent. As Fedchenko shows, Russian propaganda repeatedly connects contemporary conflicts to «heroic» historical narratives—most notably World War II—turning them into the bedrock «of anti-Western discourse and using them to legitimize political and military action» (2016: 163).

In response to international allegations of election interference and cyber operations, Russian media constructed counter-narratives that framed such accusations as part of a broader campaign to discredit and isolate Russia. These narratives often invoked themes of Russophobia, double standards, and Western hypocrisy, thereby flipping the moral frame and presenting Russia as the true victim of information warfare. Similarly, Fedchenko notes that the Kremlin repeatedly frames itself as being engaged in an «information war» with the West, implying a coordinated effort by Western media to misrepresent Russia (2016: 144). This defensive posture is not merely reactive but forms part of a broader communicative strategy in which «information manipulation is understood as an instrument of foreign policy and warfare alike» (Fedchenko, 2016: 146), blending grievance and assertion within a fluid post-Soviet media style.

The complexity of these narrative constructions cannot be fully grasped without a multidisciplinary approach. Strategic narratives emerge through the interaction of political actors, media systems and audiences, which requires analytical tools drawn from narrative theory, media studies and international relations (Miskimmon, O'Loughlin & Roselle, 2013: 5). Moreover, political narratives are embedded in

> symbolic practices that are supposed to resonate, they have to draw on and mobilize a common cultural structure, via appeals to common knowledge of epistemic communities, to the *endoxa* by using presuppositions, insinuations and other pragmatic devices as well as specific argumentation schemes (Wodak, 2015: 36).

This is particularly important in authoritarian or semi-authoritarian contexts, where regimes rely less on overt repression and increasingly on the manipulation of information, indirect media control and the co-optation of elites in order to sustain public support (Guriev & Treisman, 2019). Finally, the global implications of Russia's media strategy must not be overlooked. As the Ukraine crisis evolves into a protracted geopolitical confrontation, the role of narrative becomes increasingly central to international diplomacy, alliance formation, and public opinion. Russian narratives, though often dismissed in the West as propaganda, have found sympathetic audiences in parts of the so called Global South, where skepticism toward Western hegemony and support for multipolarity resonate[3]. The exportation of these narratives—via state-funded broadcasters like RT and Sputnik, or through diplomatic channels and social media—signals an ongoing struggle over the information order in a fragmented global landscape.

This article, therefore, contributes to a growing body of scholarship that seeks to unravel the political logic of narrative warfare. By focusing on the Russian media's handling of the Ukraine crisis, it sheds light on the mechanisms of narrative construction, the emotional and symbolic dimensions of media

[3] Russian messaging around the war in Ukraine has resonated in several Global South states. For example, in March 2022 the South African Department of International Relations emphasized a «balanced» stance and state broadcaster SABC aired commentary echoing Moscow's claim that NATO expansion provoked the conflict. In India, prime-time debates on channels such as Republic TV frequently repeated Russian justifications while Delhi increased discounted oil purchases. Across Latin America, outlets in Bolivia and Nicaragua amplified Kremlin narratives of a «multipolar world,» and during a 2023 BRICS summit Brazil's President Lula da Silva publicly questioned the West's sanctions and called for negotiations on terms Moscow has promoted.

discourse, and the broader strategic aims underpinning communicative practices in contemporary conflict. In doing so, it underscores the urgent need for critical media literacy, cross-cultural analysis, and policy engagement to address the challenges posed by narrative manipulation in an age of hybrid warfare.

2. Theoretical Framework: Strategic Narratives and Geopolitical Othering

2.1 Defining Strategic Narratives

At the turn of the 21st century, political scientists began to revisit the narrative approach as a legitimate analytical framework, prompting renewed debates over its relevance to foundational concerns in the discipline—namely, generalisability, empirical validation, and causation (Bates et al., 1998; Bevir, 2006; Lynch, 2005; Patterson & Monroe, 1998). This reassessment coincided with the growing recognition of narratives not merely as storytelling devices but as potent instruments for structuring political understanding and guiding policy interpretation. As Gackowski and Brylska bring up, «strategic narratives can be recognized as one of the main soft power[4] tools of political and social agents» (2020: 773).

In recent years, the concept of strategic narratives has emerged as particularly significant within this framework (Miskimmon et al., 2013; Roselle et al., 2014). Strategic narratives function as key elements of soft power, as they enable political and social actors to «construct a shared meaning of the past, present, and future of international politics» (Miskimmon et al., 2013: 2). As tools of communication power, these narratives shape how audiences perceive global events and a state's role within them (Roselle et al., 2014: 71). Operating across media systems, strategic narratives embed specific interpretations that audiences may come to accept and internalize. Their dual function —seeking «not only to explain the world, but also to shape it by promoting particular interpretations» (Roselle et al., 2014: 75)— renders them especially powerful, yet analytically challenging. Thus, the study of political narratives and strategic narratives in particular, offers insights not only into how political meaning is constructed and communicated, but also into the mechanisms of influence and identity formation in international affairs. Their inherently temporal and symbolic nature reflects shifts in political self-perception and agenda-setting, while also providing a lens through which to anticipate responses to unfolding events. For this reason, the strategic use of narrative deserves sustained scholarly attention, both for its conceptual richness and for its real-world impact.

Unlike traditional propaganda, which relies on overt falsehoods, strategic narratives often blend factual events with selective framing to construct a persuasive storyline.

Key functions of strategic narratives include:

- Legitimization: Providing moral or historical justification for state actions.
- Othering: «Defining an external enemy to reinforce in-group cohesion» (Claessen, 2021: 84).
- Mobilization: Encouraging public support for policies or military interventions.

In examining contemporary Russia, this method of narrative analysis reveals the underlying intentions, ideological orientations, and internal contradictions of the Putin regime, as political narratives serve to explain, justify, and legitimize political action (Wodak, 2015). The repetition of specific themes and symbolic references helps clarify the administration's core political objectives and provides insight into the

[4] Joseph Nye (2004) defines soft power as the capacity to shape the preferences and actions of others in order to achieve desired outcomes. Unlike hard power, which relies on coercion or material incentives—commonly referred to as «sticks» and «carrots»—soft power operates through attraction and the shaping of the international environment. A country may succeed in global affairs not by force or payment, but because others admire its values, seek to emulate its practices, or aspire to its level of prosperity and openness (Nye, 2004: 5, 11).

rationale behind policy decisions, while also projecting expectations about future challenges (Miskimmon, O'Loughlin & Roselle, 2013).

Narratives are not merely retrospective but forward-looking, organizing political time by selecting and ordering events in ways that reflect shifting identities and agendas (Ricoeur, 1984). How time is framed—what is emphasized or omitted—shapes which agents and causal explanations are fore grounded, thereby structuring responsibility and meaning (Entman, 1993). During moments of political crisis or conflict, unfolding events generate challenges that demand targeted responses. In these situations, political actors construct what are commonly referred to as «issue narratives» or «policy narratives» to define problems, allocate blame, and legitimize particular courses of action (Stone, 2012).

According to Roselle et al. these narratives form one of three main levels of strategic storytelling. Their purpose is to place government decisions within a broader context by clarifying who the key players are, identifying the nature of the conflict or problem, and explaining how a chosen policy path is expected to resolve it. They argue that «strategic narratives employed at one level may affect narratives at other levels, and thus constrain future policy choices and behaviour.» (Roselle et al., 2014: 77).

When the conflict extends to the international stage and reshapes how groups perceive those labelled as «Others,» identity narratives become especially relevant. These narratives help redefine relationships and attitudes toward external actors involved in the conflict and then we face geopolitical othering that «is characterized by the consistent comparison of self-representations to geographically external referents, to which identity, political and civilizational attributes are linked». (Claessen, 2021: 85)

3. Beyond Propaganda: Misinformation as a Tool of Russian Strategic Narratives

The ongoing war in Ukraine since Russia's invasion in February 2022 has underscored the central role Russian media plays not merely as passive channels of government messaging but as proactive creators and amplifiers of strategic misinformation narratives. Russian state-controlled media organizations, such as RT (formerly Russia Today), Sputnik, and major television networks like Channel One, are key agents deliberately crafting and disseminating narratives aimed at shaping public perceptions domestically and internationally.[5]

Russian media employ a multifaceted strategy that extends beyond traditional propaganda by embedding sophisticated misinformation within narratives designed to resonate emotionally and cognitively with their audiences. These media outlets skilfully blend historical references, cultural symbolism, and psychological appeals to construct narratives that justify and rationalize Russian geopolitical actions. This strategic framing is instrumental in cultivating a consistent worldview among audiences, both within Russia and abroad. Furthermore, in contemporary Russia, political language is once again monopolized by media outlets that leave very little room for independent media—acknowledging, at the same time, that the term «independent media» seems at best inappropriate—since they also form an integral part of this reality or discourse, sometimes reinforcing rather than challenging the discursive structures established by power. In doing so, they adhere to rules of the game that are apparently—or formally—inexistent, yet universally accepted.

[5] For example, RT broadcasts in more than 100 countries and claims a weekly audience of 100 million, while Sputnik operates multilingual radio and digital services in over 30 languages. During the 2014 annexation of Crimea and again after the 2022 invasion of Ukraine, both outlets amplified Kremlin talking points—such as portraying the Kyiv government as a «fascist junta» and depicting Western sanctions as an attack on global economic stability—while Russia's Channel One and Rossiya 1 reinforced these narratives for domestic viewers through prime-time news programs and talk shows.

This is one of the ways, according to Wodak, by which the power of discourse can intervene in the sociopolitical sphere: «through control over terminology, that is, control over meaning» (Wodak, 2015: 46). Frequently, this translates into privileged access to the production of the discourse itself, whether through decrees, through media outlets, legislation (Paskhalis et al., 2022), or simply through the way language is used in practice—by creating new terms, reinterpreting old meanings, employing neologisms, and even through the recontextualization or reformulation of existing terminology.

One prominent example of this dynamic is the transformative portrayal of Ukraine within Russian media. Before the Euromaidan protests in 2014, Ukrainian people were predominantly depicted in Russian media as a fraternal nation, sharing cultural and historical bonds. However, following Euromaidan, Channel One and other state-controlled outlets shifted dramatically, actively constructing a narrative that recast Ukrainians as dangerous «Others,» manipulated by hostile Western influences[6]. By positioning Ukraine as morally and politically compromised, Russian media successfully fuelled domestic support for interventionist policies and generated significant antagonism toward Ukraine within Russian society.

The effectiveness of Russian media in disseminating misinformation is enhanced by their strategic use of digital platforms and international broadcasting networks. RT and Sputnik, specifically aimed at international audiences, project antagonistic narratives into targeted countries, exploiting societal divisions and insecurities. These outlets deploy two core narrative strategies: «destruction» and «suppression» originally presented in Wagnsson and Barzanje (2019).

Destruction narratives amplify perceptions of chaos, violence, and societal disintegration within targeted states, while suppression narratives strategically highlight perceived moral decay and cultural degradation. As Deverell, Wagnsonn and Olsson affirm: «Whereas suppression undermines a state's reputation as a 'good', reliable and morally attractive state, destruction erodes its image as solid, strong and capable. Suppression and destruction can go hand in hand.» (Deverell et al., 2021: 18).

By constantly reiterating these themes, Russian media effectively destabilize societal cohesion in their international audiences, creating environments susceptible to manipulation and influence.

Moreover, Russian media outlets actively exploit psychological mechanisms to reinforce misinformation. Employing Bandura's Social Cognitive Theory, Chatterjee (2025) reveals how media narratives are not merely informational but performative, shaping perceptions, behaviours, and societal norms. Through repeated exposure and emotionally charged presentations, Russian media narratives encourage observational learning and internalization among audiences, subtly guiding behaviours and perceptions consistent with Russian strategic interests. She highlights the role of «social networks, interpersonal discussions and digital engagement in reinforcing or contesting media messages.» (Chatterjee, 2025: 19).

Crucially, Russian media narratives do not exist in isolation; they are synchronized and consistently reinforced across multiple media channels, ensuring broad and uniform dissemination. Ventsel et al. (2019) illustrate this synchronization effectively through their analysis of Russian media narratives around the «Zapad» military exercises. By creating indirect yet potent fear-inducing narratives, Russian media generate strategic ambiguity, effectively communicating implicit threats without direct confrontation:

[6] After Euromaidan, public surveys showed that the number of Russians holding positive attitudes towards Ukrainians significantly decreased from 74 percent in September 2012 to 28 percent in November 2014. During the same period, Russians' negative views of Ukrainians grew from 17 to 59 percent (Levada- Center, 2017). In the aftermath of Euromaidan, Russians described the average Ukrainian as 'hypocritical, cunning, furtive, envious, arrogant, avaricious, cruel' (Gudkov, 2014).

> The meaning-making process provoked by fear is oriented to searching for the signifying expression needed for communication – putting it into words and sharing it with others – and thereby possibly mitigating the subjective feeling of fear. (Ventsel et al. 2019: 27)

This approach amplifies the psychological impact of misinformation, strategically destabilizing adversaries and influencing global perceptions. Further emphasizing the deliberate orchestration by media outlets, Gackowski and Brylska (2020) highlight the *Machiavellian* aspect of Russian strategic narratives during the Crimean conflict. Russian media combined misinformation, historical revisionism, and emotional manipulation to construct narratives justifying actions deemed internationally unlawful. This sophisticated approach underscores Russian media's capacity to redefine international norms and morality through carefully constructed misinformation campaigns.

Internally, Russian media demonstrate an intriguing paradox. While many educated Russians express skepticism towards state-controlled television, as noted by Szostek (2016), the foundational narratives disseminated by these media still permeate public consciousness. This paradox reveals the profound, often subconscious influence of persistent misinformation narratives, demonstrating the media's effectiveness at embedding core strategic messages deeply within societal perceptions.

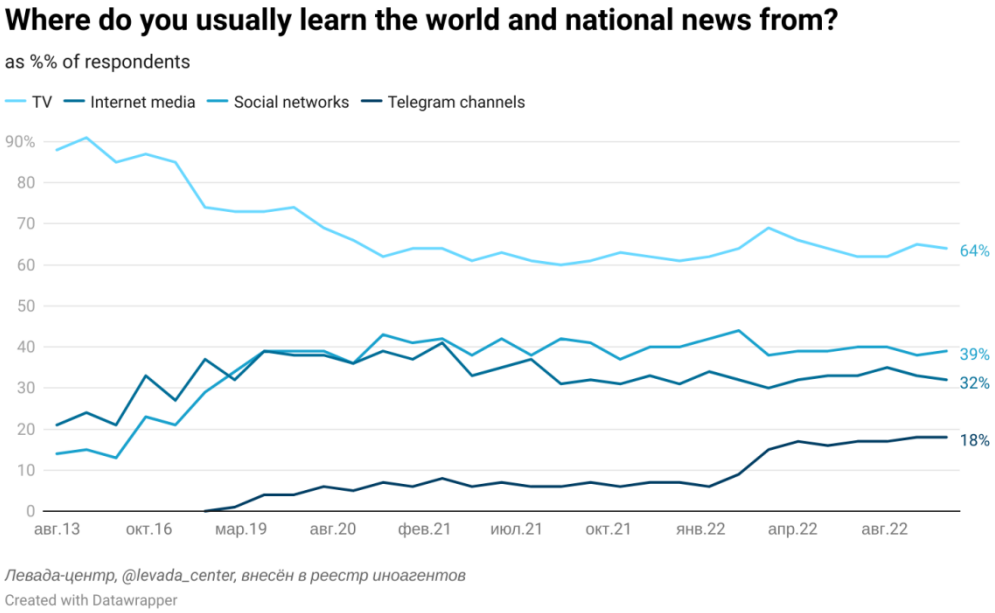

Figure 1: Main Sources of World and National News in Russia (2013 – 2022). Note. *Percentages of respondents identifying each medium as their primary source of news. Adapted from «The Main Sources of Information of Russians,» Levada Center, 10 November 2022, https://www.levada.ru/en/2022/11/10/the-main-sources-of-information-of-russians/*

Ultimately, the role of Russian media in strategic misinformation extends far beyond traditional propaganda. These outlets act as proactive creators and sophisticated disseminators of misinformation, meticulously crafting narratives that shape public perceptions, influence behaviors, and advance geopolitical objectives. [7]

[7] Despite high levels of media literacy, surveys consistently show deep penetration of state narratives inside Russia. According to Levada Center, even after years of declining trust in television—from about 80 % in 2009 — over 60 % of Russians still cite TV as their primary source of political news, and majorities continue to accept core Kremlin frames such as the need to «protect Russian speakers abroad.» This illustrates how foundational messages endure even among audiences who profess skepticism toward state-controlled outlets.

The conflict in Ukraine exemplifies the potency and complexity of these media-driven misinformation strategies, demanding nuanced understanding and sophisticated responses from the international community to counteract their pervasive influence. Several clear examples and discursive devices illustrate how these strategies operate:

1. Ukraine as a Non-existent or Failed State. Dmitry Kiselyov, a prominent anchor of Russian state television, notably declared: «There is no Ukraine. That is only a virtual concept, a virtual country.» This statement exemplifies the narrative used by Russian media to deny the legitimacy of the Ukrainian state and justify Russian intervention.
2. Dehumanization of Ukrainians. Anton Krasovsky, an RT presenter, made extreme remarks including: «There shouldn't be any Ukrainians at all,» and that «the Ukrainian language should be banned.»

These statements seek to dehumanize Ukrainians, facilitating justification for aggressive actions against Ukraine and its people.

3. Ukraine portrayed as a nazi threat. A recurring narrative in Russian media is the characterization of Ukraine as a Nazi state posing a threat to Russia and the world. This narrative has been employed to justify the invasion under the pretext of *denazification*.
4. Control of language and censorship. The Russian government has imposed strict restrictions on how the media refers to the conflict, forbidding terms like «war,» and instead mandating the use of «special military operation.» This linguistic manipulation aims to control public perception of the conflict.

At the same time, failures on the battlefield have compelled Russian media to gradually adjust their initial narratives to justify the evident disconnect between their portrayal and external reality. The invasion initially began with the pretext that Ukraine intended to attack or oppress ethnic Russians in Donbas, subsequently shifting accusations from «Nazis» to «neo-Nazis,» then alleging Ukraine possessed chemical weapons, and later emphasizing the NATO threat and questioning Zelensky's legitimacy as president. More recently, narratives have included direct accusations against NATO and European Union member countries for allegedly prolonging the conflict by supporting Ukraine. This shifting narrative landscape illustrates how Russian media continually reinvent justifications—sometimes in overtly crude or contradictory manners—to maintain credibility domestically and internationally, avoiding descending into grotesque or comic absurdity. Such adaptability underscores the sophisticated yet increasingly desperate nature of these misinformation campaigns (Claessen, 2021; Chatterjee, 2025).

4. Visual Emotional Cues

In the contemporary digital information ecosystem, strategic narratives are no longer built exclusively through speeches, written discourse, or formal statements. They are increasingly shaped, reinforced, and disseminated through visual content—images, memes, videos, and infographics that appeal to emotion, intuition, and shared cultural codes. These visual emotional cues form an integral component of strategic narratives by providing immediacy and emotional salience, shaping collective memory, and reinforcing the identity positions embedded in political storytelling.

The concept of strategic narratives, as previously outlined, refers to the projection of coherent stories by political actors to provide meaning to past, present, and future events. These narratives operate «across identity, issue, and international system levels» (Miskimmon, O'Loughlin, & Roselle, 2013: 8), guiding public interpretation and legitimizing actions. In today's visual-centric media environment, these

narratives are not constructed in purely linguistic or textual forms. Instead, as we have already seen, images operate as narrative instruments themselves, embedding ideological meanings and guiding emotional reactions, often faster and more effectively than words. Visual content helps define heroes and villains, victims and perpetrators, in ways that resonate immediately and persist in the collective imagination.

The war in Ukraine illustrates this shift with striking clarity. As Zecchinon and Standaert (2025) observe in their case study on *Le Monde*, the early weeks of the 2022 invasion were marked not by a lack of information but by an overwhelming flow of visual content. Social media platforms became battlegrounds for visual claims: bombings, rescues, funerals, and heroic defenses, often accompanied by emotionally charged captions. While some of these materials were verified and authentic, many others were used misleadingly—recycled from unrelated conflicts, digitally altered, or decontextualized: «given the speed at which content circulates on the web, this is a crucial dimension: choices don't have time to be debated and matured

at length» (Zecchinon & Stantdaert, 2025: 75). What matters in the narrative construction is not just the authenticity of the image but its placement in a storyline, its capacity to signal blame or virtue, and the emotional response it evokes.

In the Russian media environment examined by Locoman and Lau (2024), visuals were used systematically as part of strategic storytelling. Russian state television repeatedly portrayed its own military actions through images of discipline, order, and humanitarian concern, while Ukrainian and Western counterparts were associated with chaos, destruction, and aggression. Often Ukrainian troops were also reported to have destroyed the World War II memorials and Soviet monuments. If one were to specifically analyse the crimes attributed to the Ukrainian army, it would be clear that they were portrayed as destroying everything that is meaningful for Russian-speaking people. These visual tropes supported broader identity narratives: Russia as a stabilizing force protecting cultural and historical continuity; Ukraine and the West as destabilizers, violating norms and even the «Russki mir»[8]. This dichotomy was not only textual but profoundly visual. Footage of Russian soldiers aiding civilians or standing against bleak backdrops reinforced themes of sacrifice and legitimacy. Conversely, selected images of Ukrainian fighters with nationalist symbols or grainy videos of Western politicians depicted them as radical or duplicitous.

Such visual constructions tie into the broader concept of geopolitical othering (Claessen, 2021), wherein visuals not only mark who is the «Self» and who is the «Other,» but also emotionally encode these distinctions. Strategic narratives gain strength when their claims resonate affectively. A visual such as a crying child amid rubble does not merely illustrate the human costs of war; it demands identification, moral judgment, and emotional engagement, thereby shaping how responsibility and danger are perceived. As Campbell (2004) demonstrates, images of suffering play a central role in constructing the moral economy of conflict by defining who is seen as a victim and who is framed as a threat. In this sense, such visuals function as nodal points within broader narratives of security and violence, organizing meaning rather than operating at the periphery of political storytelling (Hansen, 2011).

Furthermore, the viral nature of contemporary visual content—especially memes—extends the reach and intimacy of strategic narratives. Memes function as micro-narratives: compressed ideological capsules shared through humor, irony, or outrage. Their affective power lies in simplicity and repetition. In the

[8] According to the Russkiy Mir Foundation, the concept of «Russkiy Mir» (Russian World) is framed as a civilizational-ideological space that draws together all those «who cherish the Russian word and Russian culture» regardless of where they live — inside or outside Russia — with the Russian language as a core foundation of its mission. The concept is often employed by the Russian state (notably by Putin) to legitimize its political and cultural influence beyond the Russian Federation's borders: https://russkiymir.ru/fund/press/189507/

context of Ukraine, memes circulated globally that ridiculed Putin, glorified Zelensky, or mourned civilian casualties. Each functioned as a small but potent emotional frame, reinforcing identity positions within the larger geopolitical discourse. As Ross and Rivers argue, memes are not designed to persuade skeptics but to consolidate belief among the already-convinced, thus reinforcing strategic narratives from the bottom up: «Meme creators depend upon the content and stance of the meme fitting with the worldview of their digital community in order for the meme to survive and then spread as new iterations and manipulations» (Ross & Rivers, 2017, p. 2).

Visual content also shapes the timeline of narrative reception. Zecchinon and Standaert (2025) highlight this temporal asymmetry in their study of fact-checking during the Ukraine war: most visual disinformation involved real images paired with misleading captions or context, and despite verification efforts, the emotional impact remained largely intact.[9] Moreover, visual emotional cues play a key role in synchronizing domestic and international audiences around narrative frames. Strategic narratives aim not just to tell a story, but to align public understanding with political goals. In the Russian context, as Locoman and Lau (2024) show, domestic broadcast visuals helped justify military interventions while also signalling internationally a claim to moral high ground. The same image, depending on its platform, caption, or linguistic frame, can serve dual strategic purposes.

In sum, visual emotional cues are not accessory elements to strategic narratives; they are indispensable to their structure, circulation, and impact. They embody and extend the ideological content of a narrative while engaging affective faculties essential for persuasion and memory. In the age of rapid, multimodal communication, any analysis of strategic narratives that neglects the visual dimension risks missing a fundamental mechanism of narrative power. To understand modern propaganda, disinformation, and geopolitical positioning, we must consider not only what is said, but also what is seen—and felt.

5. Conclusion

This study underscores that the decisive force in the Russia–Ukraine information battle is not the mere existence of state-controlled outlets but the strategic narrative itself—a deliberate framing of reality that organizes time, identity, and meaning. Russian actors deploy narratives that weave history, culture, and geopolitics into coherent stories of national destiny and external threat. These stories precede and outlast individual news reports, allowing facts to be reinterpreted rather than simply denied.

Media, in this context, are conduits and amplifiers rather than the core phenomenon. Television broadcasts, online platforms, and visual memes provide the channels through which strategic narratives circulate, but the power lies in the narrative logic: selecting heroes and villains, defining the stakes, and projecting a future –or a rather manipulated past- that justifies present action. Whether through emotional images or carefully chosen language, Russian communication illustrates how narrative frameworks can guide perception even among audiences aware of possible manipulation.

By foregrounding the narrative dimension, this research highlights a broader lesson for international politics. Strategic narratives are not unique to Russia; they are a fundamental instrument of statecraft, shaping how conflicts are understood and how legitimacy is contested. Recognizing this narrative architecture—its symbols, temporal structures, and identity work—is essential for scholars and policymakers seek-

[9] A striking example occurred in April 2022, when widely shared photographs of bodies in Bucha, Ukraine, were falsely claimed by pro-Kremlin Telegram channels to be «actors» or «staged.» Although independent investigators and satellite imagery quickly confirmed the killings had occurred before Russian forces withdrew, the misleading posts spread hours earlier and reached millions of users, demonstrating how emotionally charged visuals can shape perceptions long before fact-checks circulate.

ing to respond to contemporary information warfare. Ultimately, to counter disinformation is to engage at the level of story, where meaning is forged and geopolitical realities are made persuasive.

Bibliography

Bates, R. H., Greif, A., Levi, M., Rosenthal, J.-L., & Weingast, B. R. (1998). *Analytic narratives*. Princeton University Press.

Bevir, M. (2006). How narratives explain. In D. Yanow & P. Schwartz-Shea (Eds.), *Interpretation and method: Empirical research methods and the interpretive turn* (pp. 281-290). M. E. Sharpe.

Campbell, D. (2004). Horrific Blindness: Images of Death in Contemporary Media. *Journal for Cultural Research*, *8*(1), 55-74. https://doi.org/10.1080/1479758042000196971

Chatterjee, A. (2025). Social cognitive mechanisms of Russian media influence. *Journal of Media Psychology*, *37*(2), 155-172. https://doi.org/10.1177/09760911251335623

Claessen, R. (2021). *The making of a narrative: The use of geopolitical othering in Russian strategic narratives during the Ukraine crisis. European Journal of International Relations, 27*(4), 1021-1042. https://doi.org/10.1177/17506352211029529

Cottiero, C., Kucharski, K., Olimpieva, E., & Orttung, R. W. (2015). War of words: The impact of Russian state television on the Russian internet. *Nationalities Papers, 43*(4), 533-555. https://doi.org/10.1080/00905992.2015.1013527

Deverell, E., Wagnsson, C., & Olsson, E. K. (2021). *Destruct, direct and suppress: Sputnik narratives on the Nordic countries. The Journal of International Communication*, *27*(1), 15-37. https://doi.org/10.1080/13216597.2020.1817122

Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication, 43*(4), 51-58. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

Faizullaev, A., & Cornut, J. (2017). Narrative practice in international politics and diplomacy: the case of the Crimean crisis. Journal of International Relations and Development, 20, 578-604. https://doi.org/10.1057/jird.2016.6

Fedchenko, Y. (2016). Kremlin propaganda: Soviet active measures by other means. *StopFake Report*, *1*(1), 1-12.

Freedman, L. (2019). *Ukraine and the art of strategy.* Oxford University Press.

Frye, T. (2021). *Weak strongman: The limits of power in Putin's Russia.* Princeton University Press.

Gackowski, T., & Brylska, K. (2020). 'Machiavellian Russia' in the Crimean conflict: Clarification of strategic narratives analysis method. *Journalism*, *23*(4), 773-788. https://doi.org/10.1177/1464884920928157

Gudkov, L. (2014) The technology of negative mobilisation: Russian public opinion and Vladimir Putin's 'Ukrainian policy'. *Eurozine*. https://www.eurozine.com/the-technology-of-negative-mobilization/

Guriev, S., and Treisman D. (2019). Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives, 33* (4), 100-127. https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.33.4.100

Hansen, L. (2011). Theorizing the image for security studies. *European Journal of International Relations, 17*(1), 51-74. https://doi.org/10.1177/1354066110388593

Khaldarova, I., & Pantti, M. (2016). Fake news: The narrative battle over the Ukrainian conflict. *Journalism Practice*, *10*(7), 891-901. https://doi.org/10.1080/17512786.2016.1163237

Khaldarova, I., & Pantti, M. (2021). Visual images as affective anchors: strategic narratives in Russia's Channel One coverage of the Syrian and Ukrainian conflicts. *Russian Journal of Communication*, *13*(2), 140-162. https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1884339

Levada Center. (2017). Russian–Ukrainian relationship. https://www.levada.ru/2017/06/23/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya/

Levada Center. (2022, November 10). *The main sources of information of Russians.* https://www.levada.ru/en/2022/11/10/the-main-sources-of-information-of-russians/

Liu, Z. (2023). News framing of the 2014–15 Ukraine conflict by the BBC and RT. *International Communication Gazette*, *86*(4), 277-306. https://doi.org/10.1177/17480485231158904

Locoman, E., & Lau, R. R. (2024). Narratives of conflict: Russian media's evolving treatment of Ukraine (2013–2022). *Media, War & Conflict*, *17*(2). https://doi.org/10.1177/17506352241257053

Lynch C. (2005). 'The «R» Word and Perestroika', in Monroe K. R. (ed.), *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science (*pp. 154-66*).* Yale University Press.

Miskimmon, A., Roselle, L., and O'loughlin, B. (2013). *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. Routledge.

Nye, J. S., Jr. (2004). *Soft power and American foreign policy. Political Science Quarterly, 119*(2), 255-270. https://doi.org/10.2307/20202345

Paskhalis, T., Rosenfeld, B., & Tertytchnaya, K. (2022). Independent media under pressure: evidence from Russia. *Post-Soviet Affairs*, *38*(3), 155-174. https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2065840

Patterson, M., & Monroe, K. R. (1998). Narrative in political science. *Annual Review of Political Science, 1*, 315-331. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.315

Pomerantsev, P. (2014), 'How Putin Is Reinventing Warfare', Foreign Policy (5 May 2014). http://foreignpolicy.com/2014/05/05/how-putin-is-reinventing-warfare/

Ricoeur, P. (1984). *Time and narrative (Vol. 1).* University of Chicago Press.

Roselle, L., Miskimmon, A., & O'loughlin, B. (2014). Strategic narrative: A new means to understand soft power. *Media, War & Conflict, 7*(1), 70-84.

Ross, A. S., & Rivers, D. J. (2017). Digital cultures of political participation: internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S presidential candidates. *Discourse, Context and Media*, *16*, 1-11. https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001

Stone, D. A. (2012). *Policy paradox: The art of political decision making (3rd ed.).* W. W. Norton & Company.

Szostek, J. (2016). *News media repertoires and strategic narrative reception: A paradox of dis/belief in authoritarian Russia. New Media & Society***,** *20*(1), 68-87. https://doi.org/10.1177/1461444816656638

Szostek, J. (2017) The power and limits of Russia's strategic narrative in Ukraine: the role of linkage. *Perspectives on Politics*, *15*(2), 379-395

Tolz, V., & Hutchings, S. (2023). Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia's contradictory discourse of imperial identity. *Post-Soviet Affairs*, *39*(5), 347-365. https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2202581

Ventsel, A. & Hansson, S. & Madisson, M. L. & Sazonov, V. (2019). Discourse of fear in strategic narratives: The case of Russia's Zapad war games. *Media War & Conflict. 14*. https://www.jstor.org/stable/27285313

Wagnsson, C., and Barzanje, C. (2019). «A Framework for Analysing Antagonistic Narrative Strategies: A Russian Tale of Swedish Decline.» *Media, War & Conflict, 14*(2), 239-257. https://doi.org/10.1177/1750635219884343

Wodak, R. (2015). *The politics of fear*. SAGE Publications Ltd. https://doi.org/10.4135/9781446270073

Zecchinon, P., & Standaert, O. (2025). The War in Ukraine Through the Prism of Visual Disinformation and the Limits of Specialized Fact-Checking. A Case-Study. *Le Monde. Digital Journalism*, *13*(1), 61-79. https://doi.org/10.1080/21670811.2024.2332609

СЛОВЕНСКИ ОРИЈЕНТ КАО КЊИЖЕВНИ ТОПОНИМ БАЛКАНА

Dragana Vukićević
Faculty of Philology Universite of Belgrade
Snežana Milosavljević Milić
Faculty of Philsophy Universite of Niš

Балкан, промењиво позициониран унутар историјски динамичне границе Исток : Запад одлично илуструје варијантност, неретко опречност тумачења појма Оријент. С једне стране, балканско словенско наслеђе интегрисано у византијски културни миље, конструише се као опозит оријенталном (османском), с друге, из угла западног културног наслеђа, оно је означено као оријентално. Промењив, опречан тип односа манифестује се и из емске перспективе јаких опозиција (словенског, супротног од оријенталног, турског), у поређењу са европском, етском визуром у којој је оријентално интегрисано у балканско словенско. Као део Отоманске империје, Балкан је постао простор проширеног оријенталног утицаја који почиње да се доживљава не само као наметнут, већ и као прихваћен и одомаћен. И ту је тачка разилажења са радикализујућом представом оријенталног као страног другог. У европском контексту, овакав тип сагледавања Оријента[1] спецификум је балканске и иберијске културе, код првих као последице дугог суживота са Турцима (пет векова), а код других са Арапима (осам векова).[2]

У виђењима и представама Запада, нарочито у 19. веку, Балкан се доживљавао по принципу *pars pro toto* као део веће оријенталне целине коју чини Отоманска империја. Доћи на Балкан значило је доћи у Турску. Документарна књижевност сведочи управо о истицању овог оријенталног момента на рачун словенског[3]. Он се нарочито активирао у представама Јужне Србије и Босне и био је под-

[1] У чувеној студији *Оријентализам* Едвард Саид успоставља разлику између појмова Оријент и оријентализам. Оријент се тумачи као интелектуални, политички, културни конструкт (опозит) Запада. «Оријентализам је стил мишљења заснован на онтолошкој и епистемолошкој дистинкцији која се повлачи између «Оријента» и (најчешће) «Окцидента» <…> Укратко, оријентализам се ту схвата као западни стил доминације, реструктурисања и поседовања власти над Оријентом» (Саид, 2008: 11).

[2] О паралелама у контекстуализацији исламске културе (на Балканском и Пиринејском полуострву) пише «пионир научне оријенталистике у Југославији», Фехим Барјактаревић: «Већ сада нас многи разлози потичу на вјеровање да су Турци у најмању руку до једног извијесног степена, на читавом Балкану одиграли доста сличну улогу као Арапи (Маури) у Шпанији, особито као ширетељи исламске културе и баштаници Византа» (Фехим Барјактаревић, 1966: 390).

[3] У студији *Европа у огледалу* Босне Хамза Рицал даје каталог текстова, претежно путописа у којима се описује живот муслимана у Босни: «Написане су стотине научних, путописних, антрополошких и етнолошкх књига о Босни и муслиманима Босне од оних који се баве културом живљења уопће (Антун Ханги: *Живот и обичаји муслимана у Босни и Херцеговини*, Мостар, 1900; Маринко Зекић: *Културни идентитет босанских муслимана*, Сарајево, 2019) до оних што се занимају за специфичне аспекте појединих сегмената у писаном наслијеђу босанских муслимана (Milena Mrazović: *Bosnisches Skizzenbuch*, Dresden, 1900; Maximilian Braun: *Die Anfänge der Europäisierung in der Literatur der moslimischen Slaven in Bosnien und Herzegowina*, Leipzig, 1934 / Зачеци европезације у књижевности словенских муслимана у Босни и Херцеговини». (Рицал, 2023) https://preporod.info/bs/article/37935/evropa-u-ogledalu-bosne.

стакнут и аутоимажима. Због броја Словена који су прешли у муслиманску веру, нарочито је Босна била перципирана као типски оријентални простор.[4]

Променљивост оријенталне парадигме пратићемо упоређивањем различитих профилизација странца, Арапина и Турчина, у српској књижевности. Навешћемо неколико моделативних образаца у којима се однос према њима варирао између пола одбијања и пола привлачења, између осе негације и осе интеграције. Посебну пажњу посветићемо Андрићевим представама Оријента у циклусу прича о фра-Марку Крнети коју чине приповетке: «У мусафирхани» (1923), «У зиндану» (1924), «Исповијед» (1928), «Код казана» (1930).

Анализирајући представу црног Арапина на ширем српскохрватском подручју, српски оријентолог Раде Божовић пише о формулним елементима из арапског народног романа који су се могли препознати и у епској поезији балканских народа (1977: 214). Арапин се појављује као слојевит, синтетички лик, који има, осим историјског, и митско порекло (он је демонично, хтонично биће). У усменој књижевности може бити троглав, замењивати аждају, змаја или Турчина; може бити нападач сватова, отимач девојака, насилник, харачлија (Нада Милошевић Ђорђевић, 1984: 18). Осим негативних конотација, »Арапин се конституише као јунак коме се одаје и признање, баш као што је то случај и са јунацима у нашој ускочко-босанској крајини» (Раде Божовић, 1977: 221). У епској визури, оно што спаја различите представе Арапина увек је његово неспорно јунаштво.

У писаној књижевности позитивна слика Арапа најчешће је био последица популарних романтизованих фикционализација (илустративна је збирка Јована Илића *Дахире*, поједине песме Војислава Илића, али и прва биографија пророка Мухамеда на српском језику *Последњи пророк* Драгутина Илића). Позитивна представа Арапа јавља се и у студији *Србин и његова поезија* Јакова Игњатовића у којој се успоставља директна веза са Словенима: »Ум увијек бистар, воли свој завичај и породицу, за славом тежи, у витешким својствима утјехе налази – ето такав ти је Арап, такав ти је Србин», а затим додаје, »да нијесам Србин, волео би бити Арап, кад не могу бити Арап, најволем бити Србин» (1951: 91).

У јужнословенским књижевностима, у поређењу са фигуром Арапина, много је присутнија фигура једног другачијег оријенталног јунака – Турчина. Процес његовог фикцијског креирања у великој мери је пратио постојеће слике о Турцима – петовековним освајачима Балкана. Епски обликован свет јунаштва и победе контрастриран је реалном. На просторима Балкана, после пада српске средњовековне државе и стварања моћне Отоманске империје, посредством фикцијских светова креирана је алтернативна виртуелна реалност насељена епским јунацима попут Краљевића Марка; што је притисак империјалне силе био већи и позиција покорених Словена субмисивнија, тим је у сфери словенске епике стабилнија била позиција победника који излази на мегдан најјачима, штити жене и нејач, враћа отете девојке, свети сиротињу рају. У контексту изразито национално обојене романтичарске књижевности та слика је постала опште место.

Епски дискурс почива на односу дивљења према јунацима који су бољи од нас чиме је и херојство непријатеља пребачено у вишу сферу. Доминантно епска представа Оријента карактерише нека од највећих остварења у словенској књижевности – дело Вука С. Караџића, Петра Петровића Његоша, епски свет Филипа Вишњића. У муслиманском словенском контексту, међу Словенима који су примили ислам, ратничко и верско (исламско) нису, међутим, супротстављени; управо обрат-

[4] Хамза Рицал издваја најфреквентније представе Босне у документарној прози: у једнима је Босна приказана као тамни вилајет, а муслимани као варвари и деспоти, у другима су они романтизирани, у трећима преовлађује «дискурс оријентализма и балканизма» (Рицал, 2023) https://preporod.info/bs/article/37935/evropa-u-ogledalu-bosne.

но – верска заједница је кохезивни елемент и она се брани; то је водило ка типично балканском парадоксу креирању фигуре епског јунака: победника за једне – пораженог за друге (илустративне су песме о Стојану Јанковићу, Мују Хрњици, Мустај бегу Личком).

Проклетство *homo balcanicus-a*, у дискурсу епске културе, манифестовало се, с једне стране, кроз профилизацију *homo heroicus*-а Милоша Обилића (змајског сина, светог ратника) и, с друге, Марка Краљевића, парадигме двострукости (турског вазала и јужнословенског хероја). Два модела, симболички су маркирана и у антропогеографским истраживањима Јована Цвијића. У студији *Психичке особине Јужних Словена* као типске црте издвојене су *морална мимикрија* и *рајински менталитет* (везан за централни тип Јужних Словена) и *виолентност* карактеристична за тип Динараца[5]. Иво Андрић ставља у полемички контекст дистанцираност Запада од хибридне, мимикријске културе Словена под Турцима. Он пише: «Ви кажете да смо притворни и подмукли. <...> Ви губите из вида да се човек рајетин може само једном исправити пред својим господарима и само једном им рећи истину у лице. Ако то учини данас, он сутрашњег сунца неће видети. Јер ми животом плаћамо своју истину и свој поносни став» (1988: 186).

Као реакција на крупне друштвеноисторијске промене, алтернативни књижевни виртуелни светови поред епског, креирали су још један тип оријенталног јунака. Други тип литерарне имагинације везује се за другачије историјске околносте у којима Турчин више није перципиран као моћни освајач јер је побеђен и протеран – из епске сфере адмирације сели се у другачију сферу: пролазећи кроз мртво чвориште пародије, он постаје смешан јунак. Они који су га се плашили, сада му се смеју. Турско страшно, моћно трансформише се у турско смешно, инфериорно, заостало.[6] На Балкану, нарочито крајем 19. века, комичка, негативна представа Оријента појачавана је контрастима, с једне стране, негативног заосталог Истока – с друге стране, развијеног и модерног Запада.

Свести слику о Турцима на поларизоване представе непожељног моћног (епског) непријатеља и комичког, субмисивног, анегдотског јунака била би врло упрошћена интерпретација сложених имаголошких представа Другог на Балкану. На трагу учења Хоми Бабе (2004), у синтетичкој спрези турског и словенског/хришћанског, у хетерогености колонијалног искуства, издвајамо форме хибридности и мимикрије[7].

---

[5] Петар Џацић у поговору књиге О балканским психичким типовима са изабраним текстовима Јована Цвијића и Иве Андрића, објашњава етнопсихолошке карактеристике које Цвијић уводи: «Рајинска психологија исказује се дволичношћу, склоности ка лажи и подвали, нестабилношћу карактера. У неким видовима рајинска психологија подразумева психолошки одбрамбени механизам идентификације са агресором. Морална мимикрија вид је такве идентификације са агресором» (1988: 225). У наставку он Цвијића тумачи преко Андрићевог читања: «Овде Андрић као да допуњује и употпуњује Цвијића. Сачуван живот «по сваку цену која је скупља од вредности живота самог» указује на праву природу односа рајинске психологије и «животних вредности» . «Скептична Андрићева мисао наглашава да ће и будући нараштаји бити задужени и оптерећени» (Џацић, 1988: 230)

[6] Критичка комичка представа оријенталаца такође је саставни део западних негативних хетероимажа у којима су приказани као: варалице «лишени енергије и иницијативе», склони подлом ласкању, интригама, лукавствима и суровости према животињама, окорели лажови, «летаргични су и сумњичави» и «по свему супротни јасности, директности и племенитости англосаксонске расе» (Саид, 2008: 55). Словенска и европска визура се у тој комичкој карактеризацији делимично допуњују.

[7] Појам мимикрија Хоми Баба уводи да би објаснио амбиваленцију у дискурсу колонијализма: «Ауторитет овог модалитета колонијалног дискурса, који сам назвао мимикријом, према томе, погођен је једном неодређеношћу: мимикрија се јавља као представа разлике која је сâм процес опорицања. Мимикрија је тако знак двоструке артикулације, сложена стратегија реформе, регулације и дисциплине, која, визуализујући моћ, «присваја» Другог (Баба, 2004: 161). Процеси хибридизације везују се за 'негде између' (*in-between spaces*) идентитете, за дестибилишуће спојеве културних разлика. Тим поводом Хоми Баба пише да хибридност не пружа перспективу дубине и истине јер «она није трећи термин који разрешава тензију између

Непосредно по стицању независности, Срби су интегрисали у своју културу многе елементе освајачке стране културе – овај процес усвајања дуго је трајао и био је изразито нестабилан и амбивалентан. Богатији Срби који су трговали са Турцима преузимали су њихове културне моделе; како је турска моћ слабила, из сфере луксузне и недостижне, турска култура се спуштала у поље популарне, општеприхваћене културе; то се рефлектовалао готово у свим аспектима свакодневице: исхрани, обичајима, одевању, архитектури (индикативни су описи такве свакодневице у прози С. Сремца, Ј. Димитријевић, С. Ћоровића, Б. Станковића). Илустративна је семантичка анализа турцизама који се налазе у роману *Нечиста крв* а односе се на: кућу, окућницу, посуђе, намештај, одећу и обућу, накит, јело, пиће, занимања, трговину, друштвене сталеже, родбину, породични живот, музику, особине, осећања, узвике... (Томић, 2015: 243-257).У петовековном постојању на Балкану, отоманска култура није више била на прагу, већ је симболички ушла у словенски дом – словенски оријент је тиме постао једна од модулација отоманског оријента, његов саставни део. Балканско турско је престало да буде страно, удаљено од куће, оно се трансформисало у турско познато, «домаће».

Ако је суживот са Турцима и Арапима приближио становнике Балкана и Пиринејског полуострава у процесима културних хибридизација, он је био и тачка разилажења у односу на западњачки тип односа у којем се оријентално више естетизовало и фикционализовало него што је задирало у сферу свакодневице. Ови процеси естетизације, нису, међутим, мимоишли ни српску књижевност. У студији *Омладина и њена књижевност*, Јован Скерлић у поглављу индикативног наслова *Западни романтичари и исток*, писао је о западњачком, посредованом Истоку:

> Наши романтичари, који су узоре и правила укуса тражили у савремној немачкој књижевности, набрзо су се одушевили том источњачком поезијом, која им је била блиска и разумљива. Наши песници, туркофоби како се само може замислити, парадоксално постали су занети поклоници муслиманске поезије. Неколико стотина година робовања под једном источњачком расом, непосредно суседство са мухамеданским Турцима, учинило је да је Србима источњачка поезија била много ближа и разумљивија него Немцима (Скерлић, 1906: 377).

Босанске севдалинке Скерлић сагледава као варијантни жанр, производ *укрштене словенске и источне поезије* (1906: 377). Он издваја збирку «турско-српских песама» *Дахире* (1891) Јована Илића, «барда источњаштва», насталу «под двоструким утицајем српске народне поезије и немачких романтичара», особито под утицајем Гетеовог *Западно-источног дивана* (Скерлић, 1906: 377).

Оријентално се дакле увлачило у словенско путем књижевности, кроз естетизовану представу света (било епску, било лирску) али словенско оријентално се и живело; оно се није манифестовало само као алтернатнивни конструкт стварности већ као сама стварност.[8] Илустративна су запажања Ивана Шопа у студији индикативног наслова *Исток у српској књижевности*:

> Оријенталним утицајем, источњаштвом, примљеном преко посредника – Турака, била је прожета свака делатност и активност. Живот једног Србина тог времана, без обзира ком сталежу или касној структури припада, одвијао се по једном устаљеном реду који се није много разликовао од истоњачких адета. Од музике, па чак до, на пример, одевања и кулинарства није с могла негирати близина Оријента (Шоп, 1982: 25).

двају култура» (Баба, 2004: 211-212).

[8] У прози с краја 19. и почетка 20. века (Д. Илић, С. Сремац, Б. Нушић, Ј.Димитријевић, С. Ћоровић) дескрипције су стога често прегнантна места у тексту која архивирају етнографске информације.

Ми-перспектива је водила и емпатији – осећају солидарности интензивираном после агресије Аустро-Угарске. Појавио се трећи страни што је довело до кохазије српског и турског.[9] У «ми» Словена Оријенталца уткано је осећање разумевања и прожимања, радикално другачије од уобичајеног епског искључивања другог који је заузео моје место. Нарочито ће проза Борисава Станковића уобличити овај спој словенског и турског као оригиналан културни модел који није ни имагинирање, ни пука «позајмица» ни «пресликавање». Та новина је препозната у редескрипцији оријенталне сензуалности, повезивању чулности (као битне одлика већ формираног оријенталног књижевног дискурса) и емотивности/душевности као обележја словенског писма; спој нагонског телесног и психолошког повезаће Станковићев и Андрићев приступ Оријенту.[10] Оваква фикционализација Оријента одвојила се од псеудоријентализма заступљеног у романтизованим представама истока[11].

У разумевању словенског Оријента Босна је маркирани простор у коме је оријентално наглашено, а степен хибридизације појачан посредством културе Словена који су прихватили муслиманску веру. Стваралаштво Иве Андрића ће постати парадигма новог интегралног (и муслиманског и хришћанског) типа словенске оријенталне књижевности фокусиране на хибридни модел босанске културе. Полазећи од чињенице да се већ у првим Андрићевим приповеткама појављују «све четири средине или верске групе (муслимани, православци, католици и јевреји, нап. С.М.М) које су живеле у Босни […], најчешће испреплетене у животу касабе» (Вучковић, 2011: 202), у наставку рада анализирамо начине обликовања ликова босанских Турака и фра-Марка Крнете као трансфикционалних јунака у поменутој приповедној тетралогији.

Иако засебно публиковане у седмогодишњем временском размаку, приповетке из тетралогије повезане су услед преклапања и уланчавања њихових светова приче, на неколико нивоа: фабуларно-сижејном, хронотопском и нивоу карактеризације. Писац је пратио хронологију догађаја тако што се фрагменти збивања из једне приче помињу у другој, а у четвртој, последњој приповеци, «Код казана», у којој се радња дешава једанаест година након догађаја описних у првој приповеци, главни јунак фра-Марко умире. Оваква концепција нужно претпоставља појаву трансфикционалних јунака; поред фра-Марка, исти ликови Турака јаничара и везировог заменика (Кезмо, Фазло), као групе и индивидуе, јављају се у различитим приповеткама у преклопљеним световима прича. Имајући на уму когнитивистички оквир као методолошки приступ овој категорији јунака, као тежишта анализе издвајамо: физички портрет, понашање и социјалну интеракцију, кинестезику, навике у јелу и пићу, сензотопику наративних светова и облике дискурзивне медијације.

Физичка портретизација Турака се никада не своди на конвенционалне дескриптивне каталоге; израз лица или облик тела, детаљи грађе, увек су уклопљени у оно што лик чини или говори.

---

[9] Тумачење и виђење Турака кроз «ми» позицију доминира у песми Алексе Шантића Остајте овде и односи се на босанске Турке који су се после аустроугарске агресије убрзано исељавали; слично носталгично виђење прошлих времена јавља се и у Сремчевим приповеткама и односи се на Турке који су после српско-турских ратова напуштали Србију (Ибиш ага).

[10] Емоција и ерос, душа и тело, као кључне речи књижевности која тематизује словенски оријент нашли су се, особито у овирима савремених истраживања, у средишту два приступа тексту – афективне наратологије и еротологије.

[11] Милорад Павић пише о псеудоориј ентализаму Војислава Илића инспирисаног јаким утицајем Хајнеа: «реч је о већ запаженој сличности између његовог Истока и 9. песме Интермеца – мотиву бекства у даљине где палме расту лотос цвета, где Ганг шуми» (1971: 105). И збирка дванаест прича из муслиманског живота Рамазанске вечери Бранислава Нушића (1898), написане ијекавицом с посветом Јовану Илићу («код кога је «књигу изучио»), у тумачењу Ивана Шопа већим делом «остаје на разини једне полуроматничарске интепретације Оријента» (Шоп, 1982: 101), с причама у којима се преплиће старо и ново: «ту је робиња, харамски односи, али и железница, школовање бирократије» (Шоп, 1982: 105).

Такав динамизовани опис открива уз физичку и неку карактеролошку или психолошку црту; Кезмо, један из галерије Андрићевих ружних јунака, «угојен и поднадуо од пића», «пућка крезубим устима» у сну, док су пиће, скитња и опијати потпуно изобличили лик Мехмедбега Биоградлије: «руке [му] подрхтавају и лице ужутило; то блиједо лице са опуштеним очним капцима чудно одудара од атлетског тијела» (Андрић, 2004: 291). Инцидентни, непријатни изглед има и путујући лик Турчина Фазла: «Фазло је био необично крупан и снажан, иако жут као дуња у подбулом лицу» (Андрић, 2004: 300).

У поступцима спољашње карактеризације балканских Турака (у свету приче помињу се као «крешевски Турци», «Turcae Cresevienses»), Андрић пажњу посвећује кинестетичким цртама, покретима тела, гестикулацији, ходу и као особеним екстралингвистичким знацима. Овај прелазак са регистра статичне прозопографије на чулну медијацију илуструје хаптичка резонанца у опису Фазловог уласка у собу и положаја писара: «Стресе се соба и шкрипнуше поднице под њима. Писар, који је сједио подвијених ногу у дну собе, сагну се од страха пред ударцима и изгледао је мален као играчка између раскречених ногу Фазлиних и поред огромног фратра <...>» (Андрић, 2004: 301). Кинестезички профил као семиотички знак османског културног хабитуса, приликом увођења лика тамничара Вејсила званог Војвода допуњен је семиотичким маркерима одеће и обуће и виртуелизованом акустиком знака који рецепцијски озвучује фра-Марков ход по калдрмисаном путу ка тамници: «риђ и мршав Турчин, засуканих ногавица, са огромним нанулама на босим ногама» (Андрић, 2004: 301).

Сензорна медијација у функцији карактеризације још је присутнија у поступцима додатне миметичке засићености ликова, у приказу бурних и пренаглашених реакција Турака. Илустративни су примери невербалних, снажних паралингвистичких гестова: дрека и вика ћехаја Фазла, или његово «грцање од љутине». Исидора Секулић је исправно запазила да у Андрићевим приповеткама «дијалог никада није ни дуг ни заплетен. Опис личности је нагао, снажан, као ударање белеге» (1977: 183).

Склоност претеривању и хиперболисаним афективним изливима свој пандан има у приказу јаничарских навика у јелу и пићу са посебним истицањем неумерености. Овај топос у литерарним представама оријенталне културе и образаца понашања[12], несумњиве епске фолклорне генезе, пратио је устаљени миметички репертоар; јака и масна јела, ушећерено воће, пушење на чибуку и испијање ракије и кафе (из филџана), теревенке, свакодневна су телесна задовољства јаничара који посећују крешевски манастир. Угледавши Турке, фра-Марко, у приповеци «У мусафирхани» «одвади половину шећера и кафе па оде да сакрије» (Андрић, 2004: 325), не спречивши их да касније поједу «туце јаја» (Андрић, 2004: 326), уз пословично неоправдане, одглумљене приговоре на састав трпезе. Болесног Турчина, којег ће му Фазло оставити, фра-Марко лечи кајмаком, лимуном, хлебом, водом, млеком, слатким, али и хлебом за причешће верника. Негативну профилисаност густативних микросветова приче допуњују готово карикатурални сценични описи јаничарских телесних и духовних физиономија: «Е, сад скини таву да објесим пушку – шали се Кезмо. Фра-Марко скида таву и почиње да спрема кајгану. Турци сјели, па пуше. <…> Фратар их служи ракијом па кајганом, приставља кафу. Они мљацкају једући и залажу болесника који се нећка. Протежу се, подригују» (Андрић, 2004: 325).

По својој сугестивности издваја се интерсензорни портрет Мехмедбега Биоградлије из приповетке «Код казана», који се «поред ракије <…> трује есраром (врста опојне дроге, нап. С.М.М) и маковим зрњем које узима у мацуну од урми или поморанџине коре.» (Андрић, 2004: 292). Сав у заносу приче, читаоцима посредоване само кроз експресивни, али не и референцијални код, само

[12] О густативно-олфактивним аспектима кулинарске тематике у делу Б. Станковића в. Милосављевић (Милић, 2025: 37).

преко ефекта који у приповедачу изазива, али не и својом садржином,[13] Мехмедбег, као још један тип Андрићевих «јунака-казивача» (Милосављевић Милић, 2021: 35), представљен је кроз чулни портрет и атмосферичке сензације:

> А Турчин је и даље говорио, као човјек чија се машта отела. Његово лице изможђено и блиједо, обасјано јаким сјајем, изгледало је још бљеђе, усне модре, а бркови ријетки и мртви. Али су му очи биле велике, умне и дубоке, пуне сјаја, и оног од казанске ватре и још неког другог, јачег, који је избијао изнутра. (Андрић, 2004: 295).

О том «сплету страсти, перверзије и злочина» Андрићевих босанских Турака које помиње И. Секулић (1977: 184), као «патолошки препотенцираној искривљености бића» (Вучковић, 2011: 203), не говори само њихова склоност ка насиљу и физичкој агресији (ударци које Фазло упућује фра-Марку, ударци песницама сејмена/стражара, убиство фра-Марка), већ и једна особита духовна констелација у којој је «тело нездраво и срце препуно» (Андрић, 2004: 292). Померајући реторичко тежиште увек са коментара свезнајућег приповедача на фокус јунака када је реч о експлицитном вредновању и просуђивању ликова Турака, Андрић је неке од општих вредносних судова исказао посредно, из перспективе фра-Марка; тако ће крешевски фратар испољити неразумевање и анимозитет према «жалосној турској мелодији» јер у њој увек види «потребу за пјевуцкањем и бескрајним лелеком и цвиљењем», као «нарочитим знаком њиховог немира и проклетства» (Андрић, 2004: 292).

Као важни хронотопски маркери Андрићевог оријентализма издвајају се дистинктивни балканско-турски простори. У наведеним приповеткама налазимо типска места словенског оријента: баште (слика рајске баште из Мехмедбегове приче, са шедрванима, хладовином, цвећем, поточићем), тамнице, мусафирхана. У приповеци «У зиндану» фра-Марково спровођење у тамницу наративизује се унутар итинерера са специфичном топонимијом другог света, као пролазак јунака кроз страни и непријатељски простор поробљивача: «Проведоше га кроз стражње двориште, мало и зелено од влаге. Уским ходником прођоше поред једне простране собе у којој се кроз отворена врата видио зачаран оџак и нераспремљена постељина <...>»(Андрић, 2004: 301).

Влага, смрад, тескоба (ћелија је «четири корака дужине»), специфични звуци (лупа нанула, капљање воде), изостанак светлости, доминантне су чулне медијације тамничког сензотопа[14], у коме се укрштају хаптичко-тактилне, акустучне, визуелне и олфактивне сензације различитог порекла: искуственог, фолклорног, документарног.

> Тада фра-Марко с напором диже главу и видје да је мокар и да низа зид цурком тече вода, разлијева се по ћелији и споро отиче кроз рупе поред врата. Скочи и поче да се стреса и поскакује, али нигдје није било сува мјеста. Покушава да стоји само на једној нози, али се брзо замара и све јаче почиње да дрхти. <...> Вода почиње јаче да цури низа зид. Гласови се опет стишавају. <...> Обузима га свега дрхат. <...> још се чуло како капљу ријетке и неједнаке капи са зида <...> Настаде ћутање у ком се чула кап негдје у мраку (Андрић, 2004: 303, 305).

О «турској грађевини» на босанском простору, као о страном и неразумљивом, другом и другачијем, говори и овај приповедачев коментар уметнут у парентезу, у приповеци «У зиндану»: « (Готово код сваке турске грађевине има увијек, мање или више, дозиђавања и преградака, грађених

[13] Више о топосима приче у Андрићевој прози в. Милосављевић Милић (2021: 33).

[14] Термином «сензотоп» означавамо простор света приче у којем преовлађују чулне медијације и мултисензорно искуство субјекта исказа и/или ликова.

да се задовољи нека часовита, прва и најнужнија потреба, без обзира на логику материјала, љепоту или трајност грађевине.)» (Андрић, 2004: 302).

Изражену симболику хетеротопичног простора има мусафирхана, која представља основни топонимски оквир сижеа прве приповетке из циклуса. Као зграду посебне намене, «фратри су поред манастира зидали једну повећу а одијељену собу» у којој су коначили Турци склони «пићу и теревенчењу», како би се очувао «прописан ред и тишина манастирска» (Андрић, 2004: 321). Мусафирхана је топонимски амбигвитетна јер истовремено припада и не припада манастиру и фратрима, као што није у потпуности ни турска. На самом почетку приповетке назначена је дистанца фратара у односу на ову грађевину; нови гвардијан је «президао мусафирхану и одијелио је још боље од манастира» (Андрић, 2004: 321, подв. С.М.М). Додатно, на ову грађевину као на нечисти сензотоп указују фра-Маркови поступци: «Фра-Марко је сваки дан вјетрио и кадио да истјера задах лоја, лука, ракије и зноја што је заостао од посљедњих гостију» (Андрић, 2004: 324). У чулној екстензији иманентној литерарним сензотопима, мусафирхана је, комплементарно семантици топоса нечистог места, носилац дематеријализованог присуства злих сила. Немогућност човековог усидрења као симбол њене просторне нестабилности, понавља се у хетеротопичном простору мусафирхане у којој се сударају и коегзистирају у немогућој симбиотској вези исламска и хришћанска вера, нада у спасење и грех, ерос и танатос, болест и жудња, «католичка мистика и источњачки сензуализам» (Вучковић, 2011: 206). Сцена у мусафирхани, која је за И. Секулић израз «варварске пожуде за женом» (1977: 186), а за Р. Вучковића пример «чулне грозничавости источњачке опсесије женским бићем» (2011: 206), када болесник на самрти Осмо Мамелеција пузећи по поду покушава да додирне женске димије, – својом сугестивношћу виртуелне хаптичке сензације открива у малом сав семантички и естетски распон амбивалентних идентитетских и топонимских знакова Андрићеве слике босанског оријента.

Као што је већ поменуто, интерфигурални аспекти лика и њихов трансфикционални идентитет уведени су различитим приповедним поступцима: на скали функционалности, у карактеризацији су нарација и коментар, као повлашћени модуси објективног екстерног приповедача, мање заступљени, док се већи значај даје опису и интраменталној мисли, односно, вербализованим и невербализованим садржајима лика. Другим речима, читаоцима су ликови Турака најчешће приступачни посредно, преломљени кроз свест или говор фра-Марка као јунака тетралогије.[15] Индикативно је, нпр, увођење групног лика Турака, када се са нарације прелази на приповедану перцепцију:

> Турци су се пењали полако. Фра-Марко одвади половину шећера и кафе, па оде да сакрије. Врати се задуван у мусафирхану, испријечи се на врата и погледа низ брдо. Била су свега тројица; двојица су водила трећега, придржавајући га под пазуха. Једнога познаде: био је Кезмо, јаничар. Друга двојица мора да су странци. Онај болесни је још младић» (Андрић, 2004: 325).

Као у огледалу, фра-Маркова (негативна) перцепција турског света (размишљање о «Мрској Азији гдје је ђаво код куће» (Андрић, 2004: 284)[16] карактерише и њега као учесника у свету приче, открива његов светоназор и психолошки профил. У фра-Марковим исказима удвајају се, проширују

[15] Разлика у начинима представљања ликова Турака видљива је приликом поређења са подробним физичким портретом фра-Марка, датим из позиције свезнајућег приповедача: «Руке му огрубиле и глас охрапавио. Иаонако висок и плећат окрупња и отежа још више. Порастоше му чекињасти брци, преплану у лицу. Још му се чешће уплиће псовка у говор» (Андрић, 2004: 323).

[16] У обрнутом имаголошком вредновању налазимо Мехмедбегов негативни став према хришћанској вери: «Мрачна ствар, крст! » (Андрић, 2004: 294).

или понављају портрети Турака; убеђујући Мемелецију да се покрсти, фра-Марко му прети казнама које га чекају на оном свету: «Зар ћеш, болан, и на онај свијет с оним шкембавим Кезмом? Зар не видиш да се вас надуо од пића и поганлука? Још жив личи на ђавола. Под њим је пакленски капак, куд год иде, па само једног дана кад се отвори, а он усред казана! А ти с њим!» (Андрић, 2004: 330).

Чини се да се фра-Марко највише открива у контакту са двојицом комплексније профилисаних Турака са којима долази у (нежељени) контакт: Мемелецијом и Мехмедбегом. Већ поменута сцена додиривања женских димија предочена је из фокуса главног јунака: «фра-Марко <…> угледа Мемелецију измијењена: зажагрене очи, рука дрхти, спало с њега ћебе, а он се пружа по голу поду» (Андрић, 2004: 329). У приповеци «Код казана» детаљни опис Мехмедбегове физиономије као рефлекса његовог унутрашњег стања («Искочио му го врат, надувен и жут, необично јак и потпуно исте ширине као и глава» (Андрић, 2004: 295)), – предочен је из субјективне визуре:

> Фра-Марко би нехотице подизао поглед са посла и посматрао Турчина. Та забачена глава, то блиједо лице са зеленим сјенкама, запаљене очи, све га је подсјећало на нешто далеко и узвишено: на главу једног свеца коју је видио на слици у некој од римских цркава. Ма колико да се бранио од тога грјешног поређења које га је збуњивало, оно се враћало и наметало неодољиво као напаст. То је глава непознатог светитеља, мученика: исти занос, исти сјај очију и израз узвишеног бола. И да напаст буде потпуна, та глава што подсјећа на светитеља говори, ево, неразумљиве, срамотне и богохулне ствари. Све то долази фра-Марку као ружан сан, пун мучних противречности. (Андрић, 2004: 294).

У асоцијативно-симболичком току фра-Маркових сећања на портрет виђен на једном медаљону за време посете имским катакомбама («Никад више није заборавио тај лик из катакомба»., Андрић, 2004: 283), Мехмедбегов лик се удваја[17] кроз паралелни атмосферички профил и колористичке мотиве: «У црвеном мраку у ком би се најједном нашао, лелујао се под фра-Марком жут круг, као сјај жишка из катакомба, и у њему нејасан мушки профил око којег је узалуд настојао да открије натпис као ореол» (Андрић, 2004: 295).

Неочекивани, оксиморонски сусрет «источњачко-метафизичког демонизма» и «католичке мистике» (Вучковић, 2011: 206) испресецане индивидуалним утопизмом, исходиште је различитих, па и опречних семантичко-стилских проседеа у овој Андрићевој тетралогији. Паралелизам који се као «напаст» наметнуо крешевском викару може се читати и као хумористичко место, као илузија заносу и неочекиваним контемплацијама склоног фра-Марка, или и као знак модернистичке антитетичности јунака[18]: фра-Маркову урођеност у баналност свакодневнице и њене рутине (оправљање каце, садња репе и купуса), смењује понирање у трансцедентале међусветове[19] (размишљање о вери

[17] Накнадна конверзија атмосферичког римског пејзажа босанским пејзажем (« […] једно пополдне грозничавог и тешког римског прољећа, пуно прашине, оморине и непријатног свјетла. Воћке су цвале и фра-Марка је више него икад мучила жеља за Босном и својима»., Андрић, 2004: 282), – мотивисана је ретроспективном епизодом с почетка приповетке «Код казана», док се оживљавање једног давнашњег утиска у фра-Марку («несразмјер између краткоће живота и величине смрти») обзнањује као слутња сопствене смрти.

[18] Овај аспект обликовања фра-Марковог лика посебно је изражен у приповеци «Исповијед». Више о томе в. Милосављевић Милић (2021: 102).

[19] Индикативан је Фра-Марков чулни портрет: «Такне чвор на дрвету или шав на одијелу, а кроз прсте му заструји и испуни га свега тај исти занос, па тако остане укочен, отворених уста и изгубљена погледа. Тако прође доста времена, а кад се прене, не сјећа се да је ишта одређено видио или чуо» (Андрић, 2004: 324).

и ближњима), али и социјална неуклопљеност («Све се више одвајао од осталих фратара», Андрић, 2004: 323).

Из сличне позиције која претпоставља викареву наивност или неотесаност као психолошку предиспозицију, с једне стране, и њој придружени верски идеализам и мистику, може се тумачити лик Мемелеције из приповетке «У мусафирхани». Неуспели покушај покрштавања и чулно обојена реакција Турчина (пљуњуће на понуђени крст), након његове смрти ипак неће одвратити фра-Марка од молитве за душу коју «није могао ни умио да спасе» (Андрић, 2004: 333). И колико год да контрастна симболична визуелизација «великог и тамног манастира и уз њега, бјеље и мање мусафирхане» (Андрић, 2004: 333), сугерише дијапазон непомирљивих полова етичке лествице, идејни аспекти завршнице ове приповетке, у којој Р. Вучковић види «хуманизацију људске природе», као «патетично-утопистичке визије човечанства» која је «у поратним данима била једна од владајућих антрополошких визија света» (2011: 210), амблематично скреће пажњу на сву комплексност Андрићевог Оријента као културне, историјске, географске, али у првом реду литерарне и естетске чињенице.

Везивање Словена за културу Оријента доста је утицало на креирање негативних представа о Балкану као заосталом подручју. Наш рад је писан са циљем да укажемо на специфичности словенског Оријента као књижевног топонима Балкана. Посебно место је дато представнику интегралног оријентализма Иви Андрићу; анализа приповедне тетралогије о фра-Марку Крнети из ране фазе писчевог стваралаштва показала је да се упркос несумњивом имаголошком потенцијалу Андрићеве галерије ликова, њена фигурална поетика не може свести на контраст различитих култура и религија, или «етнографско-историјског миљеа» (Вучковић, 2011: 203), који не чине само литерарни, већ и фактографско-документарни и искуствени аспекти јунака, те да се и на плану приповедних техника у њима успостављао један симбиотички облик као форма интеркултуралног, транскултуралног и интерконфесионалног укрштања на простору босанског Оријента као амбигвитетног књижевног и историјског топонима.

Литература

Андрић, И. (2004). *Мост на Жепи*. Дерета.

Баба, Х. (2004). *Смештање културе*. Београдски круг.

Барјактаревић, Ф. (1966). Турско-исламска баштина Јужних Словена. *Могућности*, *13*, 4-14.

Божовић, Р. (1977). *Арапи у усменој народној песми на српскохрватском језичком подручју*. Филолошки факултет.

Вучковић, Р. (2011). *Велика синтеза*. Филозофски факултет; Алтера.

Игњатовић, Ј. (1951). *Чланци*. Матица српска.

Милосављевић Милић, С. (2021). *Хоризонти приче – Андрићева поетичка тежишта*. Андрићев институт.

Милосављевић Милић, С. (2025). Интерсензорни светови приповедака Боре Станковића. *Филолог*, *16*(31), 37-56. https://filolog.rs.ba

Павић, М. (1971). *Војислав Илић и европско песништво*. Матица српска.

Рицал, Х. (2023). *Европа у огледалу Босне*. https://preporod.info/bs/article/37935/evropa-u-ogledalu-bosne

Саид, Е. (2008). *Оријентализам*. Библиотека 20. век.

Секулић, И. (1977). Исток у приповеткама Ива Андрића. У *Критички радови Исидоре Секулић* (стр. 180-189). Матица српска; Институт за књижевност и уметност.

Скерлић, Ј. (1906). *Омладина и њена књижевност*. Државна штампарија Краљевине Србије.

Томић, Д. (2015). Турцизми у роману Нечиста крв Борисава Станковића. *Годишњак Учитељског факултета у Врању*, *6*, 243-257.

Цацић, П. (1988). Јован Цвијић и балкански психички типови. У Цвијић & Андрић, *О балканским психичким типовима*. Просвета.

Шоп, И. (1982). *Исток у српској књижевности – шест писаца шест виђења*. Институт за књижевност и уметност.

УСПЕХ И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ УРОВНЕВОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ В ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Anna Weigl
Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Germany

1. Введение

Каждый обучающий иностранному языку сталкивался в своей практике с проблемой нежелания обучающихся запоминать предлагаемую информацию, то есть нежелания использовать волевые техники запоминания нового лексического, грамматического и другого материала.[1] Наряду с этим в настоящее время наблюдается ослабление у учащихся навыков запоминания. Ослабевание навыков запоминания связывают с так называемым «эффектом гугла» или цифровой амнезией. Искусственный интеллект выносит процесс запоминания за пределы мозга. Необходимость прилагать собственные усилия, чтобы запомнить ту или иную информацию, теряет свою значимость, в следствие чего возникает все меньше и меньше возможностей для развития памяти. Любая информация всегда доступна, следовательно, нет смысла углубляться, самостоятельно изучать и запоминать что-то. Происходит эффект так называемой «трансактивной памяти». Теория трансактивной памяти (*transactive memory*) была предложена Даниэлем Вегнером еще в 80-ых годах, и данный термин имел значение «групповая память» (Wegner, 1987). Целью трансактивной системы памяти (*transactive memory system* (*TMS*)) – коллективной системы для кодирования, хранения и извлечения информации в социальных системах, – разработанной несколько позднее, являлось улучшение производительности труда (Lewis & Herndon, 2011). Однако сейчас данный термин получил не только иное значение, но и иную коннотацию. С трансактивной памятью связывают прежде всего лёгкость отключения собственной памяти и анализа и перекладывание данных когнитивных задач в область техники. В этой связи многие учёные, прежде всего нейропсихологи, призывают к осторожности, указывая на негативный эффект «трансактивной памяти», ведущий по сути к атрофированию когнитивных функций головного мозга.

Кроме вышеназванного, наблюдаются ещё два фактора, которые негативно влияют на способность запоминания информации: во-первых, мы имеем дело с так называемым «цифровым поколением», одной из характеристик которого является многозадачность (Rosen, 2007), следствием которой в свою очередь является трудность запоминания информации, а во-вторых, постоянная необходимость обработки очень большого потока информации так или иначе приводит к информационному стрессу, который в том числе приводит к ухудшению таких когнитивных функций как память, внимание и речь (Фомина et al., 2019).

Итак, мы имеем дело со следующими тремя факторами, ведущими к ослабеванию навыков запоминания, – эффект трансактивной памяти, многозадачность, информационный стресс. И преподаватель в современных условиях вынужден строить свой учебный процесс с учётом недостаточ-

[1] Данная проблема актуальна не только для преподавания иностранных языков, но и для обучения в целом.

но развитых, а порой и полностью отсутствующих навыков запоминания у учащихся. В связи с этим, теория непроизвольного, то есть неволевого, запоминания, которая в свою очередь связана с теорией уровневой обработки информации, является на сегодняшний день в высшей степени актуальной.

2. Теория уровневой обработки информации

Согласно теории уровневой обработки информации, разработанной канадскими учёными Крейком и Локхартом в 1972-ом году, след памяти (*memory trace*) является побочным продуктом процесса обработки информации (Craik & Lokhart, 1972: 675, 681). Эффективность извлечения информации в этом случае зависит от уровня обработки информации. При этом ими были выделены три уровня глубины обработки информации: формальный (структура слова), фонетический и семантический. Если обработка происходит на глубоком уровне, то успешность запоминания информации возрастает по сравнению с обработкой информации на поверхностном уровне. Крейк и Локхарт не отрицают того факта, что память делится на кратковременную и долговременную, но утверждают, что решающим в эффективности сохранения информации определяется не наличие разного рода памяти, а способ и интенсивность кодификации информации. Глубокая обработка информации происходит в том случае, если обдумывается содержательная сторона понятия, если возникает картина данного понятия или вызываются ассоциации. Чем глубже происходит обработка содержания понятия, тем интенсивнее происходит соединение уже имеющихся в наличии знаний с данным стимулом (Craik & Lokhart, 1972). Крейк и Тульвинг говорят даже о «распределении обработки» (*spread of encoding*), так как новое содержание встраивается во многие связи с уже существующими знаниями (Craik & Tulving, 1975: 268). Наша память обрабатывает информацию на разных уровнях, число которых неограниченно. На поверхностных (перцептивных) уровнях (форма, яркость, сила звука) анализируется структура слова. В экспериментах Крейка и Тульвинга испытуемым, например, предлагалось определить, есть ли в представленных словах буква «е» или какие слова написаны с заглавной буквы, а какие со строчной. Следующий более глубокий уровень обработки информации предполагает фонетический анализ слова. Например, на какой слог рифмуется данное слово. На самом глубоком уровне обработки информации находится семантический уровень, на котором анализируется значение слова. Испытуемые должны были, например, сообщить, какие чувства вызывает то или иное слово – позитивные или негативные. Более легко происходило запоминание слов после семантической обработки нежели после перцептивной (Craik & Tulving, 1975). Таким образом, для лучшего запоминания необходима активизация семантического образа стимула. При этом и семантические задания могут быть разными по своей глубине и соответственно неодинаковыми по своей эффективности.

Модель уровневой обработки информации (levels of processing model), разработанная Крейком и Локхартом в 1972 году, явилась базовой для многих последующих экспериментов в различных областях нейрологии и является ею по сей день (ср., например, работы Friederici et al., 2000; Toichi and Kamio, 2002; Rose, 2010; Peng et al., 2025).

3. Теория непроизвольного запоминания

Очень широкие и дифференцированные исследования в области произвольного и непроизвольного запоминания, в результате которых была разработана теория деятельности, были проведены и опубликованы еще в 1961 году в Харьковском университете Петром Ивановичем Зинченко

(1961). Как его исследования, так и его теория целиком и полностью созвучны исследованиям Крейка и Локхарта, которые те провели более 10 лет спустя. [2]

Ключевой, по нашему мнению, мыслью, сближающей непроизвольное запоминание и теорию уровневой обработки информации, является следующее утверждение Зинченко: «Непроизвольное запоминание является продуктом деятельности, а не результатом непосредственного запечатления воздействующих объектов» (Зинченко, 1961: 156). И далее: «Любое психическое образование – ощущение, представление и т.п. – является не результатом пассивного зеркального отражения предметов и их свойств, а результатом отражения, включённого в действенное, активное отношение субъекта к этим предметам и их свойствам» (Зинченко, 1961: 157). Факты, собранные Зинченко, свидетельствуют о необходимости взаимодействия человека с объектом для его запечатления, запоминания, о недостаточности для этого только воздействия объекта на органы чувств. А его опыты показали, что чем более содержательные связи раскрываются в материале путем того или иного способа деятельности, тем продуктивнее оказывается непроизвольное запоминание (Зинченко, 1961: 216). Чем больше самостоятельности проявляет человек в осуществлении какого-либо способа действия, тем более благоприятные условия создаются для превращения этого способа в специально целенаправленное действие, а в связи с этим и для повышения продуктивности непроизвольного запоминания (Зинченко, 1961: 219). Чем более содержательной является задача, тем большие возможности открываются в повышении продуктивности запоминания (Зинченко, 1961: 236).

---

[2] Крейк и Локхарт ничего не знали об исследованиях Зинченко, так как они были опубликованы на русском языке. И лишь в 2008-ом году Крейк и Локхарт написали статью «Levels of Processing and Zinchenko's Approach to Memory Research», в которой говорится, что они лишь благодаря публикации Мещерякова, вышедшей в 2008 году, узнали об исследованиях Зинченко:

«It was a great pleasure for us to read Dr. Meshcheriakov's very interesting account of the ideas, methods and findings of P.I. Zinchenko and to compare and contrast these ideas with those presented by Craik and Lockhart (1972), Craik and Tulving (1975) and others in the 'levels of processing' tradition.

There can be no doubt that the concepts and experiments on memory formulated and carried out in the tradition of LOP have a great deal of overlap with the work of P.I. Zinchenko (1939, a, b; 1961) published between 10 and 33 years earlier! We acknowledge the failure of scholarship in being unaware of his work at that time and discuss some reasons for the failure in a later section. The similarities between the two approaches are certainly striking. They include the emphasis on mental operations and processes as opposed to structural mechanisms; the idea that memory is better conceptualized as an activity ('remembering') than as a product of previous processing. A second similarity is the emphasis on 'involuntary memory' (Zinchenko) and on the use of incidental orienting tasks in the experiments reported by Craik and Tulving (1975) and others. A third point of agreement is the notion that 'deeper' semantic or conceptual processing is particularly beneficial for high levels of subsequent memory performance – the key role that meaningful comprehension plays in memory. A fourth similarity is the distinction between different types of rehearsal, usually referred to as maintenance and elaborative rehearsal in the current literature, although Craik and Lockhart (1972) somewhat cautiously referred to them as 'Type I' and 'Type II' rehearsal (see also Craik & Watkins, 1973). A further very general commonality is the shared notion that memory must be viewed within an overall cognitive framework; that remembering, attending, comprehending and thinking are all aspects of intelligent experience and behavior. It is worth noting in passing that that this general view was also expressed by William James in 1890. Finally, Meshcheriakov (2008, p.7) lists the factors important to Zinchenko, stressing the interactions between such factors as type of task, the material and the particular person involved; this point bears a strong resemblance to the interactions among subjects, materials, encoding and retrieval proposed by James Jenkins (1979) in his so-called 'tetrahedral model' of remembering» (Craik & Lokhart, 2008: 52).

Свою статью они заканчивают словами: «It is curious, and sad, that Zinchenko's work has not been given the prominence and respect that it clearly deserves. Other Russian theorists – notably Vygotsky and Luria – have received such recognition. We can only hope that the present set of articles in English will go some way to redressing the balance». (Craik & Lokhart, 2008: 60)

Зинченко проводил также эксперименты, сравнивающие эффективность непроизвольного и произвольного, то есть волевого запоминания. Непроизвольное запоминание оказалось более продуктивным, чем произвольное в том опыте, где испытуемые устанавливали содержательные связи между словами, проявляли большую умственную активность. В тех случаях, где непроизвольное запоминание было продуктивнее произвольного, оно оказалось и более прочным (Зинченко, 1961: 332).

4. Теория глубинной обработки информации и теория непроизвольного запоминания с точки зрения нейрологии

Со стороны нейрологии корреляция глубины обработки информации и ее запоминания доказана и является в полной мере объяснимой. Так, ведущий немецкий нейролог Манфред Шпитцер указывает на то, что в нашем мозге обработка информации и запоминание информации является в конечном итоге одним и тем же. Поскольку факт обрабатывается, то есть импульсы передаются от нейрона к нейрону через синапсы в нашем мозгу, эти синапсы изменяются, и содержимое усваивается (ср. Spitzer, 2014: 64). Количество нейронов и синапсов, задействованных в проблеме, зависит от глубины обработки. Эксперименты показывают, что чем интенсивнее людям приходилось думать о слове, тем лучше они его запоминали. По мере того как информация обрабатывается в мозгу, сила синапсов меняется, и этот рост, по мнению Манфреда Шпитцера (2014), в конечном итоге обусловлен тем, что обычно называют обучением.

След памяти, возникающий в качестве побочного эффекта в результате глубокой обработки информации, тем ярче и продолжительнее, чем глубже был проанализирован стимул. Степень потери информации (забывания) зависит также от того, на каком уровне происходила обработка стимула. Более поверхностная обработка ведет к более быстрой потери информации, чем наоборот. Наличие так называемого «следа памяти» подтверждают и данные функциональной магниторезонансной томографии. Об этом свидетельствуют исследования ученых Колумбийского университета Давачи и коллег, в которых фиксируется более активная деятельность коры головного мозга при выполнении заданий на глубоком уровне обработки стимула (Davachi et al., 2003: 2159).

5. Проблема переноса теории глубинной обработки информации в сферу обучения иностранным языкам

Теория глубинной обработки информации получила широкое распространение в теории и практике преподавания иностранных языков. Необходимо, однако, напомнить, что и эксперименты Зинченко, и эксперименты Крейка и Локхарта, подтвердившие данную теорию, проводились на материале *родного* языка испытуемых.

Некоторые исследователи в области обучения иностранным языкам, например, Йоахим Лидтке, хотя и обращают внимание на данный факт:

> «Craik/Lockhart verstehen ihren Entwurf als generelles Gedächtnismodell (‚framework for memory research'), welches anhand von verbalem Material erläutert und unter anderem von Craik/Tulving (1975) mit Hilfe konkreter Testaufgaben empirisch überprüft wurde, **wobei das Sprachmaterial allerdings ausschließlich muttersprachliche Beispiele enthält und fremdsprachliche Aspekte somit unberücksichtigt bleiben**»[3]

[3] Выделение жирным шрифтом наше.

[Свой перевод: «Крейк и Локхарт рассматривают свою разработку как общую модель памяти („framework for memory research"), которая объясняется с помощью текстового материала и была эмпирически проверена Крейком и Тулвингом (1975) с использованием конкретных тестовых заданий, причём языковой материал содержит исключительно примеры на родном языке**,** и**,** таким образом**,** аспекты иностранного языка игнорируются»] (Liedtke, 2016: 454).

Но даже и в этом случае они утверждают, что критерий глубины обработки информации можно перенести и на запоминание иностранных слов, потому что и здесь можно различать все три уровня обработки информации:

«Prinzipiell lässt sich das Kriterium der kognitiven Verarbeitungstiefe gleichwohl auf die Prozesse des fremdsprachlichen Lexikerwerbs übertragen, da sowohl die Form- als auch die Bedeutungsebene der zu erlernenden Vokabeln den von Craik/Lockhart konzipierten Ebenen entsprechen und somit auch hier von einer unmittelbaren Kopplung der Verarbeitungstiefe an die Behaltensleistung ausgegangen werden kann»
[Свой перевод: «В принципе, критерий глубины когнитивной обработки может быть точно также перенесен на процессы усвоения лексики иностранного языка, поскольку как формальный, так и смысловой уровни изучаемой лексики соответствуют уровням, разработанным Крейком/Локхартом, и, следовательно, здесь также можно предположить прямую связь между глубиной обработки и эффективностью запоминания»] (Liedtke, 2016: 455).

Представляется, однако, что возможность переноса теории глубины обработки информации в область овладения лексикой иностранного языка является далеко не бесспорной. Да, действительно, все три уровня обработки информации возможны и в работе с иноязычной лексикой, но возникает вопрос, в какой форме происходят мыслительные процессы при выполнении семантических заданий.

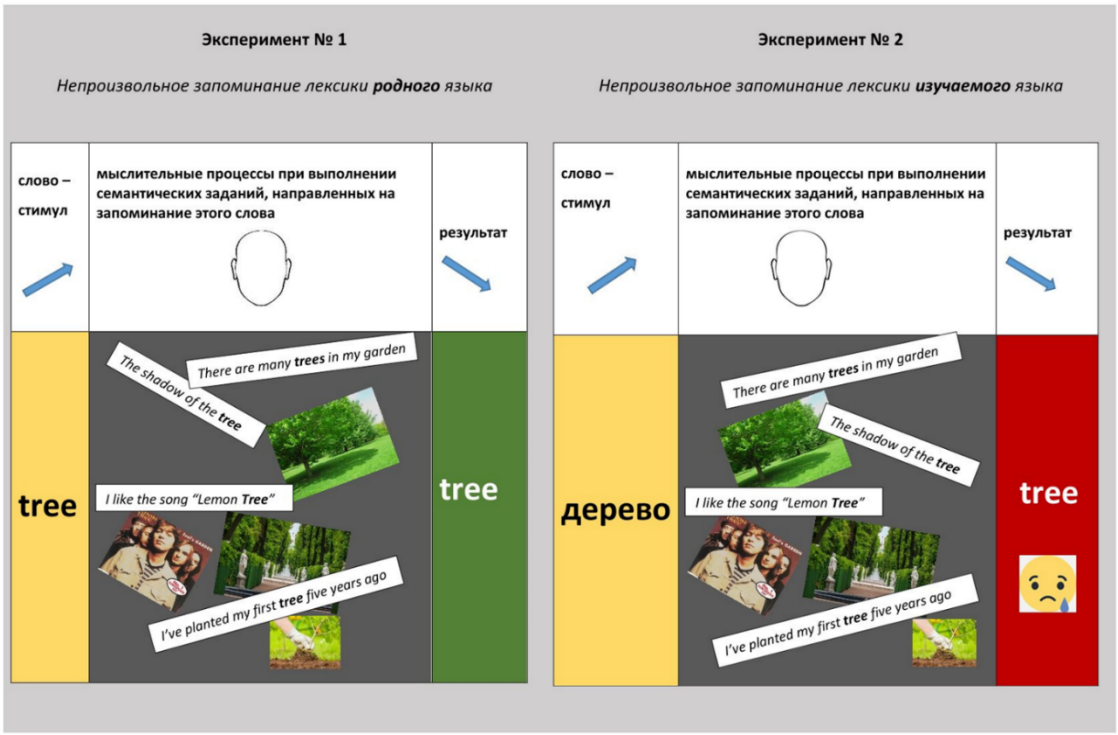
Результаты исследований Рассела Гелберта позволили выявить пять категорий мыслей, среди которых особое место занимает речь: внутреннее видение (через предметы и образы), чувства (радость, гнев, сенсорные чувства от прикосновений), несимволизированные мысли и внутренний разговор. Его исследования также показали, насколько индивидуальным является сочетание данных пяти категорий в каждом отдельном испытуемом (Heavey & Hurlburt, 2008; Hurlburt et al., 2011). О языке как о средстве оформления мысли говорил и Лев Семёнович Выготский (Выготский, 1934). Выполнение лексических заданий на семантическом, то есть на глубоком уровне обработки информации, предполагает большую мыслительную деятельность, которая протекает, кроме прочего, и в словесной форме.[4] Проблема, которая будет препятствовать успешному запоминанию иноязычной лексики, то есть формированию желаемого «следа памяти», состоит, однако, в том, что это будут мысли на *родном* языке обучаемых, а не на изучаемом. Данный факт относится и к тем ситуациям, когда изучение иностранного языка происходит уже на продвинутом, а не на начальном этапе. Осмысление значения слова на иностранном языке происходит исключительно на родном языке – языке-справочнике. Это происходит благодаря «силе» родного языка, уровню развитости связанным с ним нейронных сетей. Частично билингвальные нейросети формируются только лишь в случае

[4] Сравните, например, такие задания, как: Вспомните, когда вы в последний раз надевали вечернее платье? С чем у вас ассоциируется зелёный цвет? Когда и где вы в последний раз видели весёлого человека?

долгого пребывания в стране изучаемого языка, то есть благодаря высокой частотности употребления того или иного слова (Böttger, 2016).

Итак, не вызывает сомнений, что при выполнении заданий, направленных на смысловую, а не на структурную сторону нового слова на иностранном языке, мы выполняем сложные мыслительные задачи, вызывающие большое количество ассоциаций, активизирующих имеющиеся знания. Однако все эти мыслительные процессы протекают на *родном* языке. После выполнения упражнений на глубоком семантическом уровне обучаемые через некоторое время, действительно, с большой степенью вероятности смогут вспомнить, о каких словах шла речь, но смогут воспроизвести их не на изучаемом, а на своем родном языке. Или они вспомнят просто о том, о чем они думали при выполнении упражнений.

Следующая разработанная нами схема иллюстрирует разницу эффекта обработки информации на глубоком уровне в зависимости от того, проводится ли эксперимент на материале родного, в данном случае английского, языка (эксперимент №1), или же он проводится на материале иностранного, в данном случае русского (английский при этом родной), языка (эксперимент №2):

Изображение 1. Эксперименты 1 и 2

Результатом непроизвольного запоминания в эксперименте № 2 будет скорее всего не желаемое слово «дерево», а слово «tree», то есть обозначение данного понятия на родном языке учащегося.

Представленный выше результат эксперимента № 2 носит гипотетический характер. Он основывается на многолетнем опыте преподавания русского языка как иностранного и теоретических выкладках, представленных нами в данной статье.

Заключение

Теория глубинной обработки информации, разработанная в начале семидесятых годов прошлого столетия Крейком и Локхартом, а более 10 лет ранее Зинченко не может на наш взгляд переноситься на запоминание лексики на иностранном языке без учета особенностей мышления, а именно выполнения словесных мыслительных процессов на родном языке, а не на изучаемом. Необходимы эксперименты, которые бы выявили влияние образного и словесного мышления на родном языке на эффективность непроизвольного запоминания лексики на иностранном языке. Поскольку обращение к содержательной стороне слова на иностранном языке стимулирует мыслительные процессы, в которых данная сторона слова неизбежно представлена на родном языке обучаемого, то возможно обращение не к содержанию, а к форме изучаемого слова и семантические задания, связанные именно с формой или звучанием слова, окажутся более эффективными.

Литература

Böttger, H. (2016). *Neurodidaktik des frühen Sprachenlernens. Wo die Sprache zu Hause ist*. Verlag Julius Klinkhardt.

Craik, F., & Lockhart, R. S. (2008). Levels of Processing and Zinchenko's Approach to Memory Research. *Journal of Russian & East European Psychology*, *46*(6), 52-60. https://doi.org/10.2753/RPO1061-0405460605

Craik, F., & Lokhart, R. (1972). Levels of Processing: A Framework for Memory Research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 11, 671-684.

Craik, F., & Tulving, E. (1975). Depth of processing and the retention of words in episodic memory. *Journal of Experimental Psychology: General, 104*(3), 268-294. https://doi.org/10.1037/0096-3445.104.3.268

Davachi, L, & Mitchell, J, Wagner, A. (2003). Multiple routes to memory: distinct medial temporal lobe processes build item and source memories. *Proc Natl Acad Sci U S A*, 100(4), 2157-2162. https://doi:10.1073/pnas.0337195100.

Friederici, A. & Opitz B., Yves von Cramon. D. (2000). Segregating semantic and syntactic aspects of processing in the human brain: an fMRI investigation of different word types (pdf). *Cereb. Cortex*. 10 (7): 698-705. doi:10.1093/cercor/10.7.698. hdl:11858/00-001M-0000-0010-D753-7. PMID 10906316.

Heavey, C., & Hurlburt, R. (2008). The phenomena of inner experience. *Consciousness and Cognition, 17*, 798-810.

Hurlburt, R., & Jones-Forrester, S., Kane, M., Cobo, R., Akhter, S., Heavey, C., & Bensaheb, A. (Collaborators). (2011). *Investigating pristine inner experience: Moments of truth*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511842627

Hyde, T., & Jenkins J. (1975). Recall for words as a function of semantic, graphic, and syntactic orienting tasks. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*, 12(5), 471-480.

Lewis, K., & Herndon, B. (2011). Transactive memory systems: Current issues and future research directions. *Organization Science, 22*(5), 1254-1265. https://doi.org/10.1287/orsc.1110.0647

Liedtke, J. (2017). Zur Theorie der kognitiven Verarbeitungstiefe in Korrelation mit der lexikalischen Lernleistung beim Fremdsprachenerwerb. *Germanica Wratislaviensia*, *141*, 453-466. https://doi.org/10.19195/0435-5865.141.29

Peng, N. & Logie, R., Della Sala, S. Effect of levels-of-processing on rates of forgetting. *Mem Cogn* 53, 692–709 (2025). https://doi.org/10.3758/s13421-024-01599-4

Rose, N. (2010). *A Processing Approach to the Working Memory/Long-Term Memory Distinction: Evidence from a Levels-of-Processing Span Task*" (2010). *All Theses and Dissertations (ETDs)*. 300. https://openscholarship.wustl.edu/etd/300

Rosen, L. (2007). *Me, MySpace and I: Parenting the net generation*. Palgrave Macmillan.

Spitzer, M. (2014). *Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen*. Droemer.

Toichi, M. & Kamio Y. (2002). Long-term memory and levels-of-processing in autism. *Neuropsychologia*. 40 (7): 964–969. doi:10.1016/S0028-3932(01)00163-4. PMID 11900748. S2CID 37972435.

Wegner, D. (1987). Transactive Memory: A Contemporary Analysis of the Group Mind. In B. Mullen, G. Goethals (eds), *Theories of Group Behavior. Springer Series in Social Psychology*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4612-4634-3_9

Выготский, Л. (1934). Мышление и речь. *Психологические исследования*. Социально-экономическое издательство.

Зинченко, П. (1961). Непроизвольное запоминание. Издательство академии педагогических наук РСФСР.

Фомина, Е., & Оленко, Е., Кодочигова, А., Филиппов, Д. (2019). Влияние стресса на когнитивные способности здорового человека: нейрофизиологические аспекты. *Психосоматические и интегративные исследования*. 5: 0402. https://pssr.pro/articles/329

ЕКЗОТИЧНИ ОБИЧАИ И ТРАВМАТИЧНО МИНАЛО: ПОЛСКИТЕ ПРЕДСТАВИ ЗА ИСПАНИЯ В ЛИТЕРАТУРНИТЕ РЕПОРТАЖИ НА КАТАЖИНА КОБИЛЯРЧИК[1]

Kristiyan YANEV
Sofia University St. Kliment Ohridski

1. Въведение и методология

За разлика от литературата, посветена на съседните на поляците народи като чехи, руснаци и немци, която има дълга традиция и рисува сложен и неоднозначен образ на Другия, полските произведения за Испания са значително по-малобройни и по-хомогенни при репрезентацията ѝ. Настоящият текст предлага кратък преглед на знакови образи на иберийската държава в славянската литература от XIX и XX в., които формират две трайни визии – от една страна, представата за екзотична култура и идилична природа, а от друга – обвързването на Испания с кървави конфликти, батални сблъсъци и идеологически противопоставяния. Студията разглежда три литературни репортажа на Катажина Кобилярчик (р. 1980), посветени на Испания, и анализира прехода от очарованието от многоликите и екзотични испански фиести към разследващата журналистика, която избира за свой обект травматичната памет за близкото минало и незарасналите рани в испанското общество. Текстът защитава тезата, че тези две визии за Испания намират своето отражение и в съвременния полски литературен репортаж, който предлага различни форми на (дис)континуитет спрямо тези традиционни репрезентации. Сред тях могат да се отбележат етичният ангажимент на пишещия, който се дистанцира от генерализации и стереотипизации при срещата с Другия; стремежът към полифоничност и уважение на индивидуалните свидетелства; както и вярата във възможната промяна на колективните нагласи и интервенционната сила на литературата при представянето на болезнени и сложни теми.

Настоящият текст защитава тази теза, като предлага литературноисторически контекст, теоретичен преглед на особеностите на жанра на литературния репортаж и съпоставителен литературен прочит на произведенията на Кобилярчик. В първата част от студията е направен кратък литературноисторически преглед на иберийските образи в полската художествена литература от последните два века. Целта на този раздел е да проследи кои автори оформят каноничните визии за Испания и как се утвърждават тези трайни представи, които Кобилярчик продължава и/или проблематизира. Вторият раздел от текста е посветен на теоретичните наблюдения за жанра на

[1] Това изследване е финансирано по Договор BG-RRP-2.004-0008-C01 (дейност 3.3 Международно сътрудничество) за финансиране на проект «Софийски университет – маркер за иновации и технологичен трансфер (SUMMIT)» по стълб 2 «Създаване на мрежа от изследователски висши училища» в рамките на компонент «Иновативна България» от Национален план за възстановяване и устойчивост към програмата за ускоряване на икономическото възстановяване и трансформация чрез наука и иновации.

литературния репортаж, като са синтезирани тези на Йежи Яжембски (Jarzębski, 1997), Пшемислав Чаплински (Czapliński, 2019), Бернадета Дарска (Darska, 2019) и Магдалена Хородецка (Horodecka, 2020). Този жанров и тематичен преглед на особеностите на полския литературен репортаж откроява връзката между изграждането на определени наративи и етичната и социална роля на текста спрямо авторовите събеседници, чиито истории са представени, и читателите, които се запознават с Другостта посредством тези истории. В третата част на студията е направен съпоставителен литературен прочит на трите испански сборника на Катажина Кобилярчик, като се разглеждат основните повествователни стратегии и тематичните доминанти в отделните ѝ произведения. В тях се очертава еволюиращият образ на Испания, който е резултат от придвижването от екзотичната представа за южната страна към болезнената визия за държавата и обитателите ѝ, обременени от травматичното си минало.

2. Полските литературни представи за Испания

Често полските автори, описващи испанската култура или представящи своите пътувания из Иберийския полуостров, акцентират върху различията между полския и испанския свят. Пример за това може да бъде анализът, който Александра Микинка предлага на полски пътеписни текстове от прелома между XIX и XX в. Изследователката отбелязва, че «с постоянно подчертаваната силна привързаност към католицизма приликите между Испания и Полша, забелязани от пътешествениците, се изчерпват[2]» (Mikinka, 2021: 136). Въпреки това Микинка посочва и пример за експлицитно изведена близост между славянския и романския народ – написаният през 1820 г. от Йоахим Лелевел труд «Исторически паралел между Испания и Полша през XVI, XVII, XVIII век» (*Historyczna parallela Hiszpanii z Polską w wieku XVI, XVII, XVIII*, 1820). В него известният учен и политически деец разглежда сходната съдба (защитата на християнската вяра, възходите и държавният упадък и т.н.) между иначе географски, културно и езиково отдалечените държави. В същото време обаче Лелевел «утвърждава всякакви негативни стереотипи за тази страна, представяйки испанците между другото като фанатични защитници на католическата вяра» (Mikinka, 2021: 136).

Такъв противоречив образ може да бъде открит и в друго важно и символично натоварено присъствие на Испания в полската литература през 20-те години на XIX в. – в епохата, в която се заражда Полският романтизъм. В историческата поема «Конрад Валенрод» (*Konrad Wallenrod*, 1828) Адам Мицкевич включва баладата «Алпухара», чийто епически сюжет разказва за смъртта на мавърския владетел Алмансор и победата на християните в Гранада. Традиционните асоциации за конфликта между кръста и полумесеца на Иберийския полуостров обаче са преобърнати и Алмансор е изобразен като трагичен персонаж, чиято подмолна, но саможертвена смърт предвещава съдбата на самия Конрад – литовецът, посветил живота си на плана за разгрома на кръстоносния орден на тевтонците. Самоидентификацията на полския романтически персонаж е с мюсюлманския владетел, а изображението на испанските победители ги асоциира с враговете на полския и литовския народ. Испанският колорит в баладата е издържан в стила на романтическата естетика, като доминират мотивите за болестта, смъртта и отмъщението.

В полската литература от XIX и XX в. иберийската държава често присъства чрез вариации на две основни теми – като екзотична южна дестинация с богат фолклор и разнообразни традиции, но и като пространство на конфликти, религиозни и идеологически сблъсъци. Наличието на

[2] Всички цитати от полски, английски и испански език са в мой превод, бел. авт.

тези две линии може да се открои още в романа «Ръкопис, намерен в Сарагоса» (*Rękopis znaleziony w Saragossie*, първа версия, издадена в Петербург през 1805 г., и втора версия, публикувана в Париж през 1813-1814 г.) на Ян Потоцки. От една страна, рамкиращата история на офицера от френската армия въвежда темата за превземането на Сарагоса и кървавите битки, в които участват и поляците от Наполеоновата армия (т.нар. *Legia Nadwiślańska*) – мотив, който почти век по-късно Стефан Жеромски също разгръща в романа «Пепелища» (*Popioły*, 1902). От друга страна, в романа на Потоцки ръкописът с приключенията на капитана от валонската гвардия Алфонс ван Ворден в планините Сиера Морена описва една екзотична територия, където фантастичното и реалното съжителстват по необясними за наблюдателя начини. Тази първа линия, характеризираща се с екзотизиране[3] и изграждане на тайнствена атмосфера на испанските градове и вековна култура, може да се види и в по-късни текстове като например в лиризираната проза на младополския автор Станислав Пшибишевски, вдъхновена от посещението на Толедо през 1898 г. – в «Андрогини» (*Androdyne,* 1898-1899) и «Толедо» (*Toledo,* 1902), или в испанската лирика на авангардния поет Титус Чижевски от стихосбирката «Кон в облаци» (*Lajkonik w chmurach,* 1936) – като «Сарагоса, Сарагоса» (*Zaragoza, Zaragoza*), «Розите на Андалусия» (*Róże Andaluzji*) и «Гранада» (*Grenada*).

Несъмнено обаче ключово място в рамките на втората линия в литературните изображения на Испания заема гражданската война от периода 1936-1939 г. Тя разделя полското общество, като писатели и читатели заемат противоположни позиции и заявяват симпатии към една от двете воюващите страни[4]. Темата е следена с интерес, а нейната актуалност личи от разнообразието от текстове на полските кореспонденти на иберийския полуостров и от родните реакции на техните разкази, публикувани в пресата и в отделни книжни издания. Малгожата Гашинска-Магера посочва дейността на кореспондентите, които се намират и от двете страни на въоръжения конфликт – в средите на националистите са изпратени Роман Фаянс и Йежи Пшивечерски («Куриер Варшавски») и Йенджей Гертих («Куриер Познански»), докато сред републиканците се озовават Стефан Остен («Глос Народу»), Адам Шикорски («Газета Полска»), Йоанна Гилтулт и Ксавери Прушински («Вядомощи литерацке») (Gaszyńska-Magiera, 2022: 49). Освен от страна на полскоезичните издания в междувоенния период се забелязва и силен интерес към испанските събития в еврейската периодика, която има и свой кореспондент – Ш. Л. Шнайдерман, който прекарва периода от есента на 1936 до пролетта на 1938 г. в Испания и списва своите впечатления на идиш. Въз основа на текстовете на някои от кореспондентите синхронно с иберийския конфликт се появяват и репортажни книги, като две от най-значимите творби се оказват със закъсняла и забавена рецепция в Полша и Испания поради извънлитературни причини – «В червената Испания» (*W czerwonej Hiszpanii,* 1937) на Прушин-

[3] Екзотични, но противоречиво приети от полските автори са и коридите, чиито описания присъстват във всички анализирани от А. Микинка пътеписи от края на XIX и началото на XX в. (Mikinka, 2021: 143).

[4] Прегледът на пресата през второто междувоенно двадесетилетие показва широкия спектър от издателски профили на периодични издания, на чиито страници се отразяват събитията от гражданската война в Испания. Моника Беднарчук (Bednarczuk, 2004) например анализира хумористичните и сатиричните списания, в които се отпечатват карикатури, пародии, епиграми, памфлети и политически шеги, а сред авторите на подобни хумористични текстове са изявени творци като полско-еврейския поет Владислав Шленгел и Юлиан Тувим. Ярослав Цабай (Cabaj, 2022) пък разглежда провинциалните издания като своеобразен *case study* за отгласа от испанските събития и сред издания, които са по-скоро насочени към локални въпроси, но и за различните реакции, причинени от идеологическите симпатии и политическата ориентация на изданията.

ски и публикуваната на идиш «Войната в Испания. Репортаж от вътрешността на страната» (*Krig in Shpanyen: Hinterland*, 1938) на Шнайдерман[5].

Шнайдерман, първият «еврейски военен репортер» (Kozłowska, 2021), се фокусира върху «втория план на революцията» (Koprowska, 2021[6]), т.е. вътрешността на страната и всекидневието на испанците. Макар и да има заявена идейна ориентация и оценка на случващото се, кореспондентът се отказва от тенденциозността и стереотипизацията при представянето на своите наблюдения. Това личи в споменатия от преводачката на сборника спор с редакторите на периодичното издание на идиш, които съкращават и изменят текстовете му: «Смятам, че не пиша за булеварден вестник, а за «Хайнт». Затова и написах своя текст за интелигентен и сериозен читател, който не търси в испанската трагедия евтин боклук, а трагичната действителност» (цит. по Kozłowska, 2021). Тази етична позиция и отказът от сензационност, които се превръщат в ключовите характеристики на литературния репортаж, личат и в отношението към собствените представи при контакта с Другия. Освен актуалните военни събития репортажите на Шнайдерман съдържат и културологично познание за Иберийския полуостров (символите, жестовете, обичаите), при което се наблюдава стремеж към проблематизиране на утвърдените стереотипи за идиличността на испанския «хиндерланд». Както посочва Каролина Копровска (Koprowska, 2021), «неговата стратегия за представяне на Испания, която експонира такива контрастни сравнения, се основава на демаскиране на предразсъдъците и верификация на представите и асоциациите».

От друга страна, Ксавери Прушински е изпратен като кореспондент в републиканската част на Испания от водещото полско културно издание «Вядомошчи литерацке». Събраните му репортажи са публикувани през 1937 г. от издателство «Руй», чийто главен редактор е Мелхиор Ванкович, един от основните междувоенни теоретици на жанра на литературния репортаж[7]. М. Гашинска-Магера разглежда Прушински като личност с противоречиви и неоднозначни възгледи, която остава неоценена в родината си през втората половина на XX в. Неговото «амбивалентното отношение към революцията» и «критичната оценка на участието на Съветския съюз в испанския конфликт» (Gaszyńska-Magiera, 2022: 52) могат да обяснят непълната и закъсняла рецепция в родината му въпреки значимостта на испанските му репортажи. Също както при Шнайдерман, в книгата на Прушински кореспондентската информация за протичането на военните действия (в съответните части «Пътят към Мадрид», «Кървава Сиера», «Битката за Мадрид») е съчетана с усилие да се проумее конфликтът (частта «За да разберем») и испанската менталност и светоглед. Прушински се позовава на Лелевел, който «смята [Испания] за толкова подобна на нашата страна» (Pruszyński, 1937: 58), а в

[5] И двете книги не са преиздавани в периода на Полската народна република (ПНР). Книгата на Прушински е издадена в независимото издателство «NOWA», действащо извън цензурата (т.нар. *drugi obieg*), през 1985 г. и в официалното издателство «Czytelnik» през 1997 г. Първият испански превод, дело на Катажина Олшевска Соненберг и Серхия Тригана, е публикуван седемдесет години след оригиналното полско издание, през 2007 г. (вж. Gaszyńska-Magiera, 2022: 53-55). От друга страна, сборникът с репортажи на Шнайдерман е публикуван на полски език чак през 2021 г. в издателство «Czarne», специализиращо се в издаване на литературни репортажи, в превод на Магдалена Козловска (*Wojna w Hiszpanii. Reportaż z głębi kraju*) и почти синхронно на испански език през 2023 г. в превод на Рода Енелде и Якоб Абекасис (*Guerra en España. Reportajes desde la retaguardia*) в издателство «Báltica Editorial», насочено към източноевропейските литератури.

[6] Цитатите от уводните думи на преводачката Магдалена Козловска и авторката на предговора Каролина Копровска са от електронното издание на книгата, поради което липсва точна страница на позоваването.

[7] За повече информация за «мозаечната теория» за литературния репортаж на Ванкович и смесването на литературни похвати и документалистика вж. Frukacz, 2019. Според авторката «Ванкович дефинира литературните качества на текста не спрямо неговите стилистични характеристики, а като синтез на фактите в многоизмерна (и технически погледнато, отчасти фикционална) история» (Frukacz, 2019: 11).

епилога обръща специално внимание върху полската литература, създала и утвърдила за поколения читатели Наполеоновия мит (при Жеромски) и екзотично-плашещата испанска атмосфера (от балладата на Мицкевич). Неслучайно изглежда решението на автора да завърши «В червената Испания» с разсъждения за наследените от родната култура образи и (не)съзнателно споделяните представи, които невинаги издържат при проверката с действителността. Авторът осъзнава отговорността на литературната репрезентация и необходимостта да се открие нов и по-точен образ на испанската Другост:

> Изпратиха ми от страната специална пратка с книги. Всичко най-важно, което полската литература има за Испания. Сега ги чета наново, защото всички знаем добре това, но ги чета по друг начин. Сякаш в ушите си имам вече звук, тон, това, което наистина е Испания, и сякаш това са клавишите на пиано, върху които натискам този тон, опитвам да го изсвиря <…> Завършвам своя испански труд с литература, с литературност. Не със статистика, не с икономика. Защо? Защото смятам, че преди всичко трябва да се предаде определен тон, звученето, вкусът и колоритът на Испания (Pruszyński, 1937: 343-344).

Не това обаче се случва с образа на Испания и братоубийствения конфликт от края на 30-те години в полската литература след 1944 г. М. Гашинска-Магера посочва, че доколкото темата присъства сравнително рядко в съвременната литература след 1989 г., «мотивът за испанската гражданска война е използван в полската поезия и проза в периода на ПНР преди всичко в произведения с пропагандан характер» (Gaszyńska-Magiera, 2020: 124). Анализирайки романа «Мадам» (*Madame,* 1998) на Антони Либера, чийто сюжет обхваща времето на реалния социализъм и образователните механизми в полското училище, авторката представя сблъсъка на два вида памет и два наратива за гражданската война в Испания. В контрапункт на доминиращата визия, налагана от пропагандата и политическата доктрина, стои втора представа – «създавана и разпространявана с помощта на значително по-скромните средства от противниците на комунистическата власт» (Gaszyńska-Magiera, 2020: 129). Проблемът и с двете противоречащи си изображения обаче е тяхната едноизмерност и субективност – «в нито една от тях не може да се забележи опит за представяне на испанската трагедия по обективен начин, дистанциране от собствените убеждения и вярвания» (Gaszyńska-Magiera, 2020: 129).

3. Литературният репортаж и опитът с Другостта

Може да се аргументира, че диагностицираната от Гашинска-Магера спорадична поява на испанската проблематика в полската фикционална литература е компенсирана от интереса на литературния репортаж към нея. Пример за подобен опит за привличане на читателското внимание към Испания и за постигане на нюансиран образ на иберийската история и култура представляват литературните репортажи на Катажина Кобилярчик. В последното десетилетие авторката публикува поредица от книги с испанска тематика, които разкриват сложния и разнолик облик на страната – «Прах от бонбони. Испански фиести» (*Pył z landrynek. Hiszpańskie fiesty,* 2013), «Струпеи. Испания отваря своите рани» (*Strup. Hiszpania rozdrapuje rany,* 2019) и «Телце. Испания краде своите деца» (*Ciałko. Hiszpania kradnie swoje dzieci,* 2023). Издадени в издателство «Czarne», което е сред водещите в жанра на литературния репортаж, те привличат критическото внимание, а книгата от 2019 г. е отличена с престижната награда «Ришард Капущински» през 2020 г.

Именно литературният репортаж се оказва подходящ жанр за представяне на образа на различието – неговата богата традиция и ключови представители (Ханна Крал, Ришард Капушчински, Мариуш Шчигел, Яцек Хуго-Бадер и др.) откриват пред полския читател етническата, културната, социалната Другост. Магдалена Хородецка определя репортера като «посредник», който разполага с (интер)културни компетенции и антропологическо познание (Horodecka, 2020: 12), позволяващи му да разбере, опише и приближи това различие до родната аудитория. Авторката разглежда «етнопоетиката» на жанра, с което назовава «сбора от средства, конвенции, стратегии и практики на литературното разказване за културното различие» (Horodecka, 2020: 14). Хородецка посочва и етичното измерение на репортерското писане, което предполага «истинност и правдоподобност на представяната информация», както и «възможно най-многостранно представяне на образа на Другия» и «по-малка <…> видимост на субекта» (2020: 16), т.е. на репортера. Полската изследователка обвързва тези измерения с обща тенденция при представянето на културната различност – преходът от универсалистични репрезентации към релативизиращи наративи. В първия случай се наблюдават генерализации; налагане на собствената (етно)културна гледна точка над чуждата; приемането на фрагмент от наблюдаваната действителност за метонимия на цялото (Horodecka, 2020: 19). При втория тип разкази доминира «тенденция към избягване на оценяващи коментари, редукция на видимостта на авторовия субект, конструиране на представяния свят от цитати, събрани по време на «престоя на терен» и произхождащи от разговори с местните» (Horodecka, 2020: 38).

Този релативизъм обаче не изключва възможността литературният репортаж да представя синтез, обобщена истина за разглежданата тема. Бернадета Дарска го определя като «многогласен или полифоничен жанр» (Darska, 2019: 243), в него «индивидуалните истории обикновено се оказват свидетелство не само на единичните съдби, но и запис на опит с универсален характер, вписан в преживяванията на цялата общност» (2019: 241). Изследователката добавя към етичното измерение на работата на репортера и необходимостта да се съхрани паметта, особено там, където «гласовете на жертвите» се конкурират «с гласовете на извършителите» (2019: 244), а обикновено това са лица, които «не принадлежат към привилегированите групи» (2019: 246). Затова и авторът на литературни репортажи често влиза в ролята на довереник за травматични или забравени/забранени истории на индивиди или представители на колективи, които са маргинализирани по различни причини – класови, социални, езикови, расови, политически или идеологически.

В това се състои още една особеност на литературния репортаж, за която пише Пшемислав Чаплински. Литературният историк разглежда трансформацията на жанра, който определя като средищен и «ориентационен[8]» за полската литература, и посочва неговото социално измерение. Тези книги:

[8] Чаплински аргументира това определение по няколко начина – литературният репортаж «като достоверно описание на събитията по света и в Полша засища глада за познание, позволявайки да се ориентираме в действителността»; освен това той «изпълнява ролята на ориентационен център в променената литературна система» (Czapliński, 2019: 34). Ако литературата през XX в. функционира в «рамките на стабилната дихотомия» между «фикционалната литература» и «репортажа», то в началото на новия век тази система е тричленна: «фикционална литература» – «репортаж» – «документална литература». Чаплински обобщава, че «репортажът днес е ситуиран в опозиция не спрямо един, а спрямо два различни типа писане: «придържането към фактите» го разграничава от фикцията, а спазването на изискванията на «красивото» го различава от документалността» (2019: 35).

> препращат към полската действителност[9] и дават надежда за нейното трансформиране, <…> напомнят за по-слабите и разкриват обширните пространства на системно неглижиране, <…> подсказват конкретни действия на институциите, но и активизират читателите… <…> Разкрива[т] – също както социологически проучвания – ролята на обществените дискурси при формирането на позициите на послушание и бунт, тактиките на пасивност и солидарност, отношението към авторитета и властта (Czapliński, 2019: 23).

Това предполага убеждение в интервенционната сила на литературата или поне в нейната способност да осветлява механизмите на колективното поведение и системите на контрол и подкрепа, да нарушава табута и да противодейства на премълчаването, като в същото време не търси сензационността в травматичните преживявания или маргинализацията на личностите, чиито съдби описва.

В опита да изобрази индивидуалното или колективното преживяване литературният репортаж често прибягва до «списъка на обществени метафори, тоест сбора от ключови думи, организиращи колективното мислене» (Czapliński, 2019: 23). Този аспект на репортажния стил е отбелязан и от Йежи Яжембски по отношение на «Империята» (*Imperium,* 1993) на Ришард Капущчински[10] – практиката да посочи единичен аспект, «от който да се направи метафора, носител на мисълта, която прескача от детайла до картината в макромащаб» (Jarzębski, 1997: 82). Според Яжембски подобна метафора става ключова, когато «отразява в себе си нещо от мисленето на хората, които живеят в дадена действителност, когато кондензира тези мисли» (Jarzębski, 1997: 82).

Подобен аспект може да се открие и в трите книги на Катажина Кобилярчик, които реализират до голяма степен етичните измерения на репортерската работа със социални и национални травми, до които репортерът получава досег благодарение на оказаното доверие и споделения личен и колективен опит.

4. Литературните репортажи на Катажина Кобилярчик – между екзотичните обичаи и травматичното минало на Испания

Въпреки че и трите анализирани литературни репортажа имат общ обект на изображение и някои формални сходства, може да се забележи отчетлива еволюция в стила на Кобилярчик и все по-усложнена и нюансирана писателска позиция в по-късните два репортажа («Струпеи. Испания отваря своите рани» и «Телце. Испания краде своите деца»). Тази разлика се вижда още на паратекстово равнище, а както М. Хородецка посочва, дори в релативистичните текстове, осъзнаващи етичните измерения на писането за Другия, се появяват «острови на универсализацията, явен или намекнат оценяващ коментар, наличен например в метафорите, конструкцията на текста или – поне – в заглавието на творбата» (Horodecka, 2020: 40). От една страна, първият сборник с испански репортажи («Прах от бонбони. Испански фиести») навява асоциации за празничност, игривост и екзотика. От друга, двата по-късни текста, в чиито заглавия се забелязва отчетлив паралелизъм, предполагат други внушения. Соматичната метафора («струпеи» за белезите от незарасналите рани; «телце» за бебетата, обект на кражби и нелегална търговия) насочва към травмата в нейните физиче-

[9] Наблюденията му засягат литературни репортажи, посветени на полски социални и политически въпроси, но обобщението може да се приложи и към текстове, които разглеждат чуждестранна проблематика.

[10] Заслужава да се отбележи, че уклонът към афоризми и подобни обобщения и генерализации е критикуван от Хородецка като характерен за универсалистичния тип наративи (Horodecka, 2020: 40).

ски, но и психически измерения, засягаща както отделните индивиди, така и цяла Испания. Освен това фиестите са част от медийно лансирания извън страната образ на екзотика, културен живот и празнично настроение, докато болезненото минало, скрито в премълчаваното от испанците и под красивия природен пейзаж, обикновено остава незабелязано или пренебрегнато от чужденеца, очакващ знойния испански климат и културна привлекателност.

Друга отчетлива разлика между по-ранния репортаж и двата по-късни текста е намаленото (почти до пълна липса) експлицитно заявено авторско присъствие. Наталия Новак предлага формално-съдържателен анализ на първите два испански репортажа на Кобилярчик, като обръща внимание на появяващите се в «Прах от бонбони…» първолично и второлично повествование, което рядко преминава в повествование в трето лице. От друга страна, в «Струпеи…» доминират гласовете на събеседниците, а репортерката е в ролята на «свидетел или реконструиращ описваните събития» (Nowak, 2023: 57). В сборника е рядкост появата на първоличното повествование от страна на репортерката, като Новак посочва, че и в тези случаи се «избягва характерната за този тип повествование липса на обективизъм и акцент върху чувствата на репортера» (2023: 58). Освен това може да се забележи, че експлицитно заявен авторов глас в двата по-късни репортажа се появява предимно във финалните им части, в които събеседниците на Кобилярчик разговарят за настоящето, за търсенето на истина, за законодателните и социалните пречки пред него. Във фрагментите, в които са разказани историите им, диалогичността отстъпва, а репортерката не само не коментира и оценява, но и не разкрива присъствието си.

Това може да се обясни с желанието изтриваната, репресирана или политически изкривявана памет да прозвучи без намеса. Паметта – индивидуална и колективна – е основополагаща и за трите литературни репортажа, макар и по различен начин. В «Прах от бонбони…» това е по-скоро *културната памет* на испанския народ и локалните общности (по Ян Асман), привлекателна за туристите със своята екзотичност, макар и не автентична поради масовия туризъм. В «Струпеи…» и «Телце…» се проявява по-скоро *комуникативната памет* за събития от близкото минало – гражданската война, франкистката диктатура и последвалият я преход, чиито свидетели са все още живи и могат да споделят своя (често травматичен) опит. Ситуацията е изключително усложнена и поради различните фактори, които възпрепятстват утвърждаването на единен исторически наратив за миналото. Според Марта Кобела-Квашневска в испанския контекст става въпрос за «памет, заплетена в политика» и за «плурализъм на паметта» (Kobiela-Kwaśniewska, 2017: 98). В този процес участват конкурентните (*доминиращата* и *маргинализираната*) версии за последните десетилетия, но и *постпаметта* (по М. Хирш) на следващите поколения, които нямат свидетелския опит, но са също засегнати от това минало (Kobiela-Kwaśniewska, 2017: 99-102). Не по-малко важни са и елементите на забрава, които действат на различни равнища (вж. Connerton, 2011: 33-50[11]), както и колективните форми на укриване на истината, приемащи облика на *конспирация на мълчанието* (вж. Zerubavel, 2006).

[11] Пол Конъртън разглежда седем типа забрава, които засягат колективите и имат различна мотивация, обхват и начин на действие. Сред тях са нормативната забрава (*prescriptive forgetting*), чиято «цел е предотвратяването на кръговрата на отмъщение» (Connerton, 2011: 34); забравата, която е «конститутивна при формирането на нова идентичност» (2011: 36); както и репресивното изтриване на миналото (*repressive erasure*), характерно за тоталитарните режими (2011: 41). Сложността на испанския контекст – конкуриращите се форми на памет (официалната и преследваната); франкистката политика към победените във войната; амнистията от 1977 г.; опитите за преодоляване на разделящото наследство на гражданската война и ерата на Франко – може да се види като резултат и от взаимодействието на няколко от тези типа забрава и противостоящите им възпоменателни практики.

В «Прах от бонбони…» авторката избира екзотичния туристически поглед към Испания. Това личи още от мотото: «Отвъд Пиренеите лежи цял континент. Тайнствен, скрит, непознат…» (Kobylarczyk, 2013[12]). Репортерката добре осъзнава ограниченията, които чужденецът среща в досега до Другостта – незнанието на езика («тогава още твърде слабо знаехме испански»; 2013: *Kartagena. Święty blok*), непознаването на местните обичаи («и може би още нещо, трудно е да се каже») и възможността индивидуалното преживяване да се генерализира като обобщение за цялото («понякога е наистина трудно да се отгатне на какво са посветени някои испански фиести»; 2013: *Vilanova i la Geltrú. Pył z landrynek*). Постоянно я съпътства съзнанието за комерсиализацията на туристическата индустрия, от която се опитва да се отдалечи максимално – още в началото на своята обиколка избира не популярния маршрут, а «пътя към вътрешността» (*la ruta por el interior*). Затова е и пренебрежителна към «тълпите пияни американци и австралийци», подмамени от описанията на Хемингуей към Памплона (2013: *Prolog. Ruta por el interior*), както и към туристите, които са «луди по природа, имат вечно настроени часовници», а «никога не знаят кога да ядат, кога да спят, кога да пътуват» (2013: *Pals. Kamień na kamieniu*). Отношението ѝ преминава и в остра ирония («Испания е отдала своите плажове и крайморски градчета като плячка за останалата част на Европа. Всяка година през лятото удвоява своето население, приемайки без оплакване бледорозово месо от Севера»; 2013: *Aiguablava. Kupujcie kokosy, goli barbarzyńcy!*) и самоирония («С една дума: искаме скансен, само че жив»; 2013: *Sant Carles de la Ràpita. Wielki błę-KIT*).

В същото време обаче «Прах от бонбони. Испански фиести» репродуцира всички ключови туристически представи, които чужденецът може да има за Испания – биковете, фиестите, градчетата, които нееднократно са сравнени с лабиринт, а в едно от тях срещат и «малък минотавър» в лицето на улична котка (Kobylarczyk, 2013: *Peralada. Fałszywe przesłanki*). Експресивният повествователен стил често прибягва до сравнения и епитети, както и обобщения, които подчертават културната другост на иберийската страна: «Испания е малко дива, дива и гореща, и известна доза опасност е неразделен елемент от нейните фиести» (2013: *Vilanova i la Geltrú. Pył z landrynek*), «нещо на границата с колективното несъзнавано» (2013: *Calanda. Aż do krwi*), «на фиестите се ходи малко като на война» (2013: *Walencja. Trzy raporty z miasta, które oszalało*). Историята е сведена до любопитни факти и личности, а травматичното минало на страната – гражданската война и франкистката диктатура – се появява само спорадично. По-скоро се набляга върху континуитета на традициите и приемствеността между поколенията: «Ритуалът, който в продължение на пет века е бил прекъснат само два пъти (по времето на битките с Наполеоновите войски и през гражданската война), се осъществи» (2013: *San Vicente de la Sonsierra. Tysiąc uderzeń*). Авторката обобщава склонността към отбелязване на фиестите като особеност на испанския народ, но и я генерализира като форма на съпротива и бунт срещу властта (2013: *Vilanova i la Geltrú. Pył z landrynek*).

От друга страна, отношенията с властта и индивидуалното и колективното преживяване на историята, описани в другите две репортажни книги на Кобилярчик, са значително по-болезнени и травматични. В «Струпеи. Испания отваря своите рани» ключова метафора и рефрен в свидетелствата на събеседниците е именно призивът «да не се отварят старите/зарасналите рани». В контекста на непреработената травма и невъзможността за постигане на идеологическо помирение този повторителен призив посреща полската репортерка многократно – като клише, в което много от

[12] Всички цитати от литературните репортажи на Кобилярчик са от електронните им издания. В текста е посочен разделът, в който се намира цитатът.

нейните събеседници не вярват. Една от причината за това може да бъде специфичната *конспирация на мълчанието*, с която се сблъскват, т.е. съзнанието за наличието на общо и споделено знание, което прикрива срамен или неприемлив за групата момент, какъвто са убийствата по време на войната и репресиите срещу политическите противници. Въпреки че семействата на жертвите често нямат представа за съдбата на своите близки, срещат у околните скрито знание: «но знаели, че [кладенецът с телата] е там и че на дъното му са умрелите» (Kobylarczyk, 2019: *Kwiaty i muchy*); «хората говорели за тези места шепнешком. Забранявали на децата да си играят там» (2019: *Mapa*); «разбира се, много хора слушали, че някъде там, отвъд селото, отстрани, са закопани някакви тела, но за това не се говорело», «дечурлигата крещели: бягай, бягай, тук има трупове» (2019: *Ziemia pamięta*). Причините за това споделено знание и общо мълчание са различни – чувство за вина и подозрение към тези, които повдигат темата («казвали, че не помнят, че имат проблеми с паметта»; 2019: *Człowiek z placu Konstytucji (II)*), страх от допълнителни репресии («Семействата на тези, които били убивани, и тези, които убивали, понякога живеели едни до други в продължение на години. В едно село, в мълчание»; 2019: *Świeże mięso*) или притеснение от възможно наказание. Затова и испанското общество се оказва толкова разделено по въпроса за ексхумациите на масовите гробове или по отношение на монументалния франкистки комплекс в Долината на падналите.

Събеседниците на Кобилярчик реагират по няколко характерни начина на въпроса как да се постъпи с разделящото травматично наследство. От една страна, репортерката наблюдава случаи на непримиримо преследване на истината, а от друга – на категоричен отказ от припомняне на миналото и старите вражди. От трета страна, ѝ споделят опасения, че публичните ексхумации представляват «макабричен телевизионен спектакъл, безсмислено броене на костите» (Kobylarczyk, 2019: *Ziemia pamięta*). Не по-малко тревожни са и случаите на конкуренция в мартирологията, при която роднини и близки на жертви и от двете страни на конфликта претендират за признание и възпоминание. Един от събеседниците на Кобилярчик дори сравнява родния си контекст с този в нейната родина: «Понякога смятам, че Испания и Полша се състезават кой ще има повече мъченици и се страхувам, че засега печелим» (2019: *Kilka pytań*), което свидетелства, че признанието на нечие страдание представлява важен символен капитал, а споровете около историческата политика са проблематична и болезнена тема за много от европейските държави.

Печално обобщение за непреработената травма (метафоричната отворена рана) и разделеното общество представлява и финалът на сборника с литературни репортажи. Полската авторка цитира резултатите от социологическо изследване на паметта за близкото минало, от което личи поляризацията и липсата на консенсус. На въпроса дали миналото вече трябва да се забрави, водещите отговори са:

> Да. В противен случай можем да предизвикаме поредната гражданска война – отговарят тридесет и четири процента от анкетираните.
> Не. Трябва да помним, за да не се повтори никога – отговарят четиридесет и седем процента (Kobylarczyk, 2019: *Ankieta*).

Репортажът «Телце. Испания краде своите деца» продължава някои от темите, засегнати в предишната книга на авторката – за франкистките репресии, за травмата от разделените семейства и колективните механизми на маргинализиране след войната, което личи най-силно в раздела «Лудост и война» (*Szaleństwo i wojna*). Въпреки това проблемът, който засяга, е по-конкретен и свързан с ясна

социална и полова принадлежност на жертвите – Кобилярчик разследва случаите на откраднати от майките им новородени деца, на продажбата на бебета и на стигматизиране на жени, които не се вписват в католическата и националистическа визия за семейството. Общи и за двата сборника «Струпеи…» и «Телце…» са мотивите за колективното мълчание и неговото нарушаване, както и за материалните доказателства (гробове, тела) за престъпленията на миналото. Още в първата споделена история присъства темата за «пакта за мълчание», в който са посветени всички освен самата жертва:

> Само Ана Белен не знае тайната. Всички други знаят. <…> Съседките не ѝ казват. Бащата на Ана Белен ги е заплашил, че ако някой каже дори дума за това, ще си има работа с него. Всички послушно мълчат, а все пак знаят. Минават години, а те мълчат, дори когато Мануел умира (Kobylarczyk, 2023: *Ana Belén. Sekret*).

Съмненията на детето, провокирани от случайни подмятания или дочути слухове, обикновено се отричат, а замесените в «уреждането на детето» – здравни служители, свещеници, монахини – упражняват «вътрешна система на контрол» (Kobylarczyk, 2023: *Francisca. Towar numer 13*), за да са сигурни в запазването на тайната. Също така част от противниците на опитите да се отворят старите архиви на болници, църкви и манастири са мотивирани от сходни подбуди, които движат и тези, които отказват отварянето на масовите гробове на жертвите от гражданската война. Гробът се оказва важен образ и в «Телце…», тъй като за много от родителите, издирващи информация за децата си – обявени за починали в родилното отделение, но за които подозират, че са станали жертва на нелегална търговия – ексхумацията е единственият начин да се потвърдят или отхвърлят подозренията, да се намери спокойствие и душевен мир. За разлика от «Струпеи…», в която един от разделите носи заглавието «Земята помни», в «Телце…» се оказва, че невинаги гробовете съхраняват останките и паметта за миналото (разделът «Земята не помни»).

Както посочва Я. Е. Моравецка, литературният репортаж на Кобилярчик се фокусира върху феномена на «социологическия франкизъм» и отговорността на институции като «църквата, юридическата система и службите по здравеопазването», като в същото време не скрива «вината и отговорността», които падат върху цялото общество, което толерира тази система (Morawiecka, 2024: 249-250). Освен това книгата «попълва важна празнина в полската представа за една «райска» Испания» (Morawiecka, 2024: 254), разкривайки още един аспект на травматичното минало на страната, който в противен случай може да убегне на чужденеца.

5. Заключение

Предложеният анализ аргументира наличието на две представи за Испания, които – без да изчерпват полските литературни изображения на иберийската страна – оформят отчетлива и трайна линия на художествена репрезентация. Забелязва се, че през XIX в. и първата половина на XX в. екзотичната и травматичната визия се развиват паралелно, като в някои текстове («Ръкопис, намерен в Сарагоса», «Конрад Валенрод») дори се проявяват едновременно. През втората половина на миналия век обаче гражданската война се оказва централното събитие, което доминира в голяма част от полските литературни произведения, посветени на Испания. Тези две линии на изображение се оказват важни и за авторите на литературни репортажи, които правят опит да преосмислят стереотипизираните изображения на Другостта и да предложат стратегии за справяне с травматич-

ното минало. Литературните репортажи на Катажина Кобилярчик се вписват в една дълга тематична и жанрова традиция, като същевременно показват продължителния интерес на авторката към Испания и все по-усложнената перспектива, която тя избира към проблематиката. Еволюцията на проблемите и стила на писане отразява прехода от екзотичната визия за Иберийския полуостров към нюансираната картина на страна, разкъсвана от редица проблеми със собственото си минало. В същото време текстовете на Кобилярчик се вписват в общите тенденции на полския литературен репортаж в усилието му да осветли тъмните места от историята и да даде глас на онеправданите и маргинализираните.

Библиография

Bednarczuk, M. (2004). Wojna domowa w Hiszpanii 1936-1939 w krzywym zwierciadle polskich czasopism humorystycznych i satyrycznych. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF. Philologiae*, *22*, 1-17.

Cabaj, J. (2022). Obraz wojny domowej w Hiszpanii na łamach polskiej prasy lokalnej 1936-1939 (na przykładzie czasopism siedleckich). *Rocznik Historii Prasy Polskiej*, *25*(3/67), 43-59.

Connerton, P. (2011). *The Spirit of Mourning. History, Memory and the Body*. Cambridge University Press.

Czapliński, P. (2019). Gatunek orientacyjny. Reportaż polski na przełomie XX i XXI wieku. *Teksty Drugie*, *6*, 19-41. https://doi.org/10.18318/td.2019.6.2

Darska, B. (2019). Wielość głosów. O reportażu świadectw. *Teksty Drugie*, *6*, 240-250. https://doi.org/10.18318/td.2019.6.14

Frukacz, K. (2019). Literary Reportage or Journalistic Fiction? Polish Reporters' Struggle with the Form. *Literary Journalism Studies*, *11*(1), 6-34.

Gaszyńska-Magiera, M. (2020). Warianty pamięci: obraz hiszpańskiej wojny domowej w powieści *Madame* Antoniego Libery. *Politeja*, *17*(2/65), 123-131. https://doi.org/10.12797/Politeja.17.2020.65.09

Gaszyńska-Magiera, M. (2022). W czerwonej Hiszpanii Ksawerego Pruszyńskiego - polskie i hiszpańskie konteksty lektury. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica*, *65*(2), 45-60. https://doi.org/10.18778/1505-9057.65.03

Horodecka, M. (2020). *Pośrednicy. Współczesny reportaż literacki wobec Innego*. Universitas.

Jarzębski, J. (1997). *Apetyt na Przemianę. Notatki o prozie współczesnej*. Znak.

Kobiela-Kwaśniewska, M. (2017). Różne oblicza pamięci historycznej i jej społeczno-polityczne uwarunkowania w dyskursie o przemocy frankistowskiej wobec dzieci republikańskich, z powieścią *Mala gente que camina* Benjamína Prady w tle. *Politeja*, *14*(2/47), 97-113. https://doi.org/10.12797/Politeja.14.2017.47.08

Kobylarczyk, K. (2013). *Pył z landrynek. Hiszpańskie fiesty*. Wydawnictwo Czarne.

Kobylarczyk, K. (2019). *Strup. Hiszpania rozdrapuje rany*. Wydawnictwo Czarne.

Kobylarczyk, K. (2023). *Ciałko. Hiszpania kradnie swoje dzieci*. Wydawnictwo Czarne.

Koprowska, K. (2021). Żółte kolory wojny. In S. L. Sznajderman, *Wojna w Hiszpanii. Reportaż z głębi kraju*. Wydawnictwo Czarne.

Kozłowska, M. (2021). Pierwszy żydowski reporter wojenny. In S. L. Sznajderman, *Wojna w Hiszpanii. Reportaż z głębi kraju*. Wydawnictwo Czarne.

Mikinka, A. E. (2021). «Hiszpania! Jakież czarodziejskie słowo, jakże uroczo brzmi ten wyraz!" Obraz Hiszpanii na przełomie XIX i XX wieku w polskich listach z podróży. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Historicolitteraria*, *21*, 131-146. https://doi.org/10.24917/20811853.21.8

Morawiecka, J. E. (2024). El pluralismo memorial en el reportaje literario *Ciałko. Hiszpania kradnie swoje dzieci* de Katarzyna Kobylarczyk. *Acta Universitatis Wratislaviensis, Estudios Hispánicos*, *32*, 247-256. https://doi.org/10.19195/2084-2546.32.19

Nowak, N. (2023). Warsztat reporterski Katarzyny Kobylarczyk. Analiza książek reportażowych *Pył z landrynek. Hiszpańskie fiesty* oraz *Strup. Hiszpania rozdrapuje rany*. *Infotezy*, *2*(15), 37-65.

Pruszyński, K. (1937). *W czerwonej Hiszpanii*. Rój.

Zerubavel, E. (2006). *The Elephant in the Room. Silence and Denial in Everyday Life*. Oxford University Press.

COLLECTIVE VOICES AS CULTURAL MEMORY IN GULAG NARRATIVES

Sarah J. Young
University College London

1. Collective voices as cultural memory in gulag narratives

Liubov' Bershadskaia's Gulag memoir depicts all the striking prisoners at Kengir in Kazakhstan regularly singing a hymn written by the Ukrainian convicts. This may need treating as artistic license (Barnes, 2011: 320), but insofar as it affirms the de-facto Ukrainian leadership of the Gulag's most notorious rebellion and the wider consensus it achieved, it is not a meaningless exaggeration. Her threefold repetition of «all» accentuates the harmony of the strike: «the entire camp, all 13500 prisoners, sang this hymn in one voice» [*весь лагерь, все 13500 заключённых, пели во весь голос этот гимн*] (Bershadskaia, 1975: 91-2). The lyrics of the song – cited from memory and transliterated from Ukrainian into Russian Cyrillic, to defamiliarizing effect – emphasize the unity of the uprising. Cooperation between nations is foregrounded: «The first rush of freedom / United all peoples» (*Пэршый порыв свободы / Объеднав вси народы*]; «Our battle-cry is 'Freedom / For all peoples'» [*Наше гасло «Свобода / Для усёго народа!»*]. Differences are overcome as, «All the tongues of the world intertwined» [*Воедыно вси мовы сплэлыся*]. The confederation of prisoners across the largest camp systems in the Gulag, is forged in suffering: «Brotherly blood from Vorkuta and Noril'sk, / Kolyma and Kengir / Overfilled the cup of violence» [*Братня кров Воркуты и Норильська, / Колымы и Кингира / Пэрэповныпы чашу насыпыпства*][1].

The song's reference to unity across languages, alongside the curious amalgamation of Ukrainian words written in Russian Cyrillic, is echoed by Aleksandr Kropochkin's description of the delivery of the initial call to join the strike: «The general meaning was understood by everyone, although the speaker's language was some sort of gibberish from the mix of Ukrainian, Belarusian and Moldovan» (2001: 397). These references to different language characterize the uprisings and their mode of cooperation as a form of heteroglossia: the individual languages, even as they begin to merge, retain separate features and – above all – comprehensibility, raising them above the confused Babel that habitually characterizes the cell and barracks in Gulag narratives[2]. Solzhenitsyn's representation of the questions and possibilities raised by different strikers also evokes the presence of multiple speakers to create polyphony:

> Here, there, everywhere you turned there were meetings and orators. Everybody had suggestions of his own. Come on, think – you're permitted to think now: Who gets your vote? What demands shall we put forward? What is it we want? Put Belyaev on trial – that's understood! Put the murderers on trial! – goes without saying. What else? … No locking huts; take the numbers off! But beyond that? . . . Beyond that came the most frightening thing – the real reason why they had *started it all*, what they really wanted. We want freedom, of course, just freedom – but who can give it to us? <…> Well, then – what do we want? To break holes in the walls? To run off into the wilderness? (1978: 297)

[1] My thanks to Uilleam Blacker for his help in translating the final quotation, and for confirming the transliteration issue.

[2] In texts in the Sakharov archive of Gulag memoirs, both «*гам*» (din) and «*галдёж*» (commotion) – signifying «Babel» – are most commonly collocated with «*шум*» (noise), «*крик*» (shout), «*визг*» (shriek), «*ругань*» (abusive language), and «*мат*» (obscenities).

The individuality of voices here is preserved within the collective, all speaking to the same purpose but with personal perspectives on what the strikes should aim for. Here, as elsewhere, the solidarity of the strikers is overwhelmingly foregrounded. Despite several memoirs depicting the bloody end of the Kengir uprising, references to dissent within the prisoner community are rare, and the ultimate failure of the rebellions is frequently underplayed.

Bershadskaia's and Kropochkin's evocations of linguistic variety during the strikes highlight the significance of non-Russian identities in establishing sources of solidarity in the Gulag. Official Soviet rhetoric of the «friendship of peoples» notwithstanding, the de facto policy of russification that at times eroded, at times sought to erase other cultures and peoples, meant that attempting to preserve aspects of one's national or ethnic identity and culture, and finding common cause with others for the same reason, played an important role in surviving incarceration. For Eliezer Nanes (writing under the pseudonym Avraham Netzach), it is others' memories of Jewish culture that enable him to maintain strict Orthodox practice throughout his long imprisonment. From a work supervisor and an office manager who recall their devout Jewish grandfathers, to a renowned killer and brigade leader whose own family died during a famine, and who had good memories of the Jewish family that took him in – and even an NKVD interrogator who tells a similar story – Nanes depicts repeatedly receiving support from unexpected quarters so that he can observe *Shabbat* and even Passover and other Jewish holy days (Netzach, 1979).

Sharing languages becomes the basis of common ground for many prisoners. Menachem Begin describes nationality as one of the «centrifugal forces» in Soviet society, leading to the persistence of local languages (1957: 238). He evokes the multiple languages of the periphery of the Russian Empire to stress that this is not a specifically Soviet problem:

> From the time when the Czarist Russian Government erected the central prison of Vilna called Lukishki, its sturdy walls have been dumb witnesses of many revolutions <…>. Half a dozen languages were engraved on the thick walls, reminders of the revolutionary war against the Czarist regime; of the strivings for national liberation of the Poles and Lithuanians; of the war of the Communists against the Polish and Lithuanian regimes; of the persecution of the Lithuanians by the Poles, and the Poles by the Lithuanians; of the imprisonment of Poles and Lithuanians alike by the new Russian regime. I gave the Hebrew language, too, a place of honour on the concrete walls of Lukishki. (Begin, 1957: 40)

The heteroglossia of the wall that evokes the history of rebellion against violent control in Imperial Russia's colonial possessions forms a diachronic analogue to the multilingual uprisings of 1954.

Language thus becomes a means of expressing and enacting separation from Russian/Soviet power. For those who have no Russian, the sense of separation created by the lack of a common language with their oppressors and fellow prisoners increases their suffering. But for prisoners from other Soviet republics, annexed territories and former imperial possessions, often living in the context of diglossia, the expression of linguistic difference frequently represents the starting point of moral, if not physical, resistance. Jerzy Gliksman sees that difference as something introduced by the interrogator: «I began to notice that there was some impenetrable wall between the investigator and myself, that each of us was really using a different language and that we were therefore unable to understand each other» (1948: 41-2)[3]. For Ukrainian dissidents in the 1960s, the corruption of Russian language, which Valentyn Moroz describes as the «devaluation of the

[3] See also Begin (1957: 24-7).

word» separated from its meaning, becomes a major reason for the rediscovery of Ukrainian as the language of freedom (1974: 65). Leonid Pliushch recalls how that process reveals enmities he had not noticed before:

> Other facts cited by Dzyuba seemed to us at first to be exaggerated, for example, his claim that a person who speaks Ukrainian will be told to speak «human» – that is, Russian. But then, under the influence of Dzyuba's book, I began to speak my native language. At first it was difficult, because my active vocabulary was limited and everyone around me was speaking Russian. One day in a shop I asked a young man, in Ukrainian, to hand me a book. «Can't you speak human?» he snarled. The blood rushed to my head, and right then I became a Ukrainian once and for all. (1979: 114; Dzyuba, 1970).

For Pliushch and his fellow dissidents, reclaiming Ukrainian language is the first stage of resistance to Soviet power because, as Ngũgĩ wa Thiong'o put it in relation to the hegemony of European languages in Africa, «The domination of a people's language by the languages of the colonising nations was crucial to the domination of the mental universe of the colonised» (1986: 16). The interdependence of language and culture means that «language is <...> inseparable from ourselves as a community of human beings with a specific form and character, a specific history, a specific relation to the world.» A return to one's native language is thus the first step in the «search for a liberating perspective within which to see ourselves clearly in relationship to ourselves and to other selves in the universe» (Ngũgĩ 1986: 87)[4].

Pliushch highlights the connection between language and culture as he describes his days in solitary confinement following his arrest in 1972. Singing to himself reveals his bifurcated cultural influences and leads to meditation on the differences between Russian and Ukrainian culture:

> When I was absorbed in memories (usually under the influence of books I had read), I sang Ukrainian songs. If my mood was produced by the present – an interrogation, a newspaper article, or a run-in with the guards – I sang Russian songs. Thoughts about the future evoked Russian and Ukrainian songs in turn. Dreams of freedom led me to sing Ukrainian songs, but thoughts about the *psikhushka* led to Russian songs (1979: 265).

Pliushch is unusual in depicting singing as a solitary activity, even if it suggests inner duality. More frequently, singing is represented as a moment for cultural exchange, as when some Georgian political prisoners arrive at Margarete Buber-Neumann's camp: «They would sit with us in the evenings and sing their melodious Georgian folk songs in a sad undertone. I sang them a German song or two, and then, to their surprise, I sang a Georgian song which [her husband] Heinz had taught me» (1949: 84)[5].

For Zvi Preigerzon, incarcerated in Karaganda and then Vorkuta, communion with another prisoner is primarily an opportunity to talk in Hebrew and exchange Hebrew songs, which the author collects:

> Almost every evening, we walked the same trail along the barbed wire fence speaking Hebrew and singing Hebrew songs. And at sunset, bright colors appeared on the horizon and a pleasant mild breeze arose from the prairie behind the fence. Then the skies turned dark, and the first stars appeared, one after another. Miserable scenery surrounded us – overcrowded barracks, dust, dirt, the hard work of prisoners, their hopes, dreams, and

[4] In the context of the Russo-Ukrainian war, Ukrainian commentator and native Russian speaker Sasha Dovzhyk has described the process of liberation from Russian hegemony in terms that vividly express the violence of occupation and colonization: «Russian is my mother tongue and liberation means ripping it out of my throat» (2023).

[5] See also Buber-Neumann's exchange of hymns and *Marienlied* with two nuns (1949: 92).

> songs. But the heavens above us were vast and clear with bright, blinking stars. And the guard towers of the prison camp loomed over the fading colors of sunset (2022: 75).

On the one hand, the beauty of the surroundings in the temporary light of the sunset cannot overcome the apparent permanence of the Gulag and the misery it imposes, yet on the other, compared to the stars and heavens, it is the Gulag's transitory nature that is emphasized. Meanwhile Preigerzon's quest to collect and learn Hebrew songs through contact with his fellow Jews connects him to an ancient tradition that vies with the cosmos itself. Describing himself as «a son of the People of the Book» (2022: 15), Preigerzon recalls Hebrew's long survival as a written language and emphasizes his own contribution to its oral revival, in both speech and song. He consistently depicts this activity as a sustaining process, which is crucial to his personal identity because it connects him with the collective identity of his ethnicity and faith, and the ancient traditions associated with both.

The role of Hebrew language and song in Preigerzon's memoir is therefore important as a signifier and carrier of cultural memory (Assmann, 2008). Cultural memory – related to the forms of storing of cultural artefacts and thereby falling between memory and forgetting – is normally associated with institutions such as museums and archives (Assmann, 2006). However, in the absence of access to such formal institutions, Soviet prisons and labor camps resemble the situation in oral societies where poets, shamans and so on become guardians of cultural memory (Assmann, 2008). Preizgerzon's delight at finding other Hebrew speakers in the camps, and encouraging other Jewish prisoners to learn or improve their Hebrew, as with Pliushch's embrace of Ukrainian, frees them from the mental control of the Russian authorities, reinforcing their identity as separate from that of the Soviet state and its institutions. By collecting songs he becomes a living archive who carries the tradition. As he makes clear, memorizing the songs becomes an important part of his daily routine, which he describes as his «morning prayers»:

> In Karaganda, my collection of songs was still small, and every morning I recited the same songs. Over the years, I assembled more than a hundred songs, so I divided them between the days of the week. Every day, I sang different songs, including the Shabbat songs. In Vorkuta in 1954, Mordechai Shenkar managed to obtain the siddur, and I learned the Song of Songs by heart. Shenkar also helped me to learn several psalms, especially the Song of Ascents, and I also used them in my prayers (Preigerzon, 2022: 53)[6].

Thus Preigerzon brings together his own memory work with the rituals of faith and the collective memory of Jewish culture[7]. In doing so he emphasizes the significance of song more generally in the Gulag.

In many memoirs by Soviet prisoners, singing is depicted primarily as an arranged activity under the auspices of the camp's cultural-education section (KVCh) which has the potential to save individual musicians and artists both physically and mentally by allowing them to continue their artistic life within official institutions. For Georgii Fel'dgun, following his first concert organized by the KVCh, its benefits extend beyond the performers to the audience as well:

[6] See also Solzhenitsyn (1978: 99-100) describing his use of poetry – and a rosary made by Lithuanian prisoners – to memorize material on the Gulag.

[7] Begin (1957: 201) also describes song in terms of prayer on *etap* to Pechorlag, singing «Lashuv Le'Eretz Avotenu» (Hatikvah) with other Jews.

> All of us, the performers, felt unspeakably happy at that time. We realized that we were a force capable, at least for a few moments, of dispelling the gloom and horror of camp life, of suppressing the feelings of bitterness, despair and hatred that reign here, of awakening in spiritually savage people – free and imprisoned – a spark of humanity....
> This memorable concert had a huge significance for my camp fate. It turned out that mastering the art of playing the violin immeasurably increased the possibility of staying alive (1998: 72-3).

Natalia Sats emphasizes the Gulag as a place where music is lost: «There used to be so much music resounding within me. But now, like toothache, only 'Forgotten, forsaken...' nags in my ears» (1991: 312). It is only as an organizer of theatrical and musical collectives in the camp that she is able to regain access to music. Even so, she draws attention to the incongruity of the music she is making in such surroundings with the chapter title «Jazz behind Barbed Wire»: the Gulag for Sats remains a place where music does not belong (1991: 377)[8]. Elena Markova notes the constraints imposed by the KVCh over the music that could be performed, stressing its role in the russification of the inmates: «The choice of repertoire was strictly controlled. Concert programs were coordinated with the camp authorities. Everything was in Russian, although there were a lot of Ukrainians and people from the Baltics in the penal colony. There were also difficulties with Ukrainian songs – every song was sedition!» (2005: 87-8). The authorities' oversight and limitation of access to music, as either listener or performer, places it at a far remove from the sort of freedom or cultural memory that Pliushch and Preigerzon associate with Ukrainian and Hebrew song.

By contrast, many memoirs identify singing with greater spontaneity among ethnic and national groups, focusing on its ability to create a space of shared belonging in a hostile environment, and its role in resistance to the Gulag regime – with regard to Markova's comment cited above, the authorities were not entirely wrong about Ukrainian song[9]. In the buildup to the Noril'sk strike, Yevhen Hrycyak depicts singing as fortifying the prisoners who face an attack from the criminals:

> The song [Fishermen-boys; Хлопці-риболовці] was picked up by others; the group of singers quickly grew. More and more men wanted to sing, so that another choral group was formed, again spontaneously. Probably for the first time in the history of the Yenisei river, the sound of Ukrainian songs flowed over it. When a singer tired, another took his place, and the singing continued until late in the evening. Our Lithuanian friends also could not control the urge to sing and formed their own choral group. Although we did not understand their language, we sensed that they, just as we, began by singing folk songs, and went on to nationalistic-patriotic songs (1984: 6).

For Julius Margolin, describing an earlier protest at the failure of the camp authorities to enact the amnesty for Poles and Polish Jews after the German invasion of the Soviet Union, song unites the prisoners as they begin their hunger strike:

> At dawn on the 29th, as soon as reveille sounded, 120 people gathered in one barrack. This was the entire Polish population of Osinovka 1. Everyone was in an uplifted and solemn mood. As if reciting a prayer before battle, the Poles and Jews stood up and sang an ancient choral song: «Kiedy ranne wstaja zorze» [Polish: When the sun rises early]. Then they gave the camp boss a package of 120 food tickets. We resolved not to take food or go to work until we attained our release (2020: 271).

[8] See also the chapter 'A Cancan in the Permafrost' in Markova (2005).

[9] Singing is also related to active protest by Kis′ (2020: 258-9).

Jozef Czapski records prisoners from the Polish army, now on Soviet soil, spontaneously singing together to overcome discord:

> In the darkness we listened to those insults and squabbles, humiliated to the core, and suddenly someone began to hum:
>
> Under your wing, Our Father in Heaven,
> Your flock of children entrusts its fate,
> In the hour of need bless and help us
> Keep us from evil when peril is great.
>
> And the whole barn started singing the song with one voice. There was a childlike strain in the singing, full of faith and tears, such an imploring tone in the last line, «For you are our shield, God our Father», and such an instinctive unity among us, that you sensed on an almost physical level the sudden transformation taking place inside each of the men in that stifling barn, all from an old Polish hymn. How many times I later heard it sung in Russia, in the camps, in the army, in Iran or Iraq! It always brought to mind, as if from yesterday, that memory from another world, the memory of that song in the Wołoczyska barn (2022: 10).

The iterative narration encompassing future renditions of the same song unites these prisoners – almost all of whom were subsequently murdered at Katyn – with those who survived to overcome humiliation and defeat as part of Anders' army, restoring their dignity.

Amidst such references to prisoners singing national and folk songs, the memoirs of deportees from the Baltic states following the Soviet occupation, stand out. Dalia Grinkevičiutė's remarkable and harrowing tale of death and survival among a group of Lithuanian deportees on the Arctic island of Trofimovsk in the Lena delta, ultimately testifies to the loss of common feeling caused by the extraordinarily harsh conditions. But earlier in her memoir, in a group initially en route to Altai region, song is a significant source of solace, and is employed to represent the unity of the deportees:

> Everyone would gather around the bonfires – young and old alike. In that great expanse, the fires glimmered like so many specks of light and Lithuanians by the thousand sang to forget their troubles. The forest trembled with their mighty sound. We usually began with the deportee anthem, «Return Us to Our Fatherland». I am neither musical nor sentimental, but this song would shake me to my core, every time. I can't imagine any choir, any music, any melody anywhere sounding more beautiful than the songs the Lithuanian deportees sang on the forested shores of the Angara River. The singing would begin at one bonfire and be picked up at another, then at a third, and so on and on, until the immense forest filled with the anguished Lithuanian melodies. We would find ourselves back in the Lithuania of our dreams, and we would weep. The songs united us, they gave us strength, warned us of the hardships ahead, and inspired the sons and daughters of Lithuania to endure. For one brief moment, the songs drew us closer to our homeland, encouraged us not to lose hope of returning. I don't know how the others felt, but whenever I looked at the deportees gathered in song, I couldn't help wondering how many of them would ever see their homeland again (Grinkevičiutė, 2018: 25).

Alongside the shared emotion that both inspires and is expressed by this spontaneous mass choir, Grinkevičiutė's comment, «I don't know how the others felt», emphasizes the survival, thus far, of individual feeling: these newly deported Lithuanians may fear the future and long for what they have lost, but they have not yet reached the level of homogenization in which all are portrayed as looking, and therefore feeling,

the same. Politician Sandra Kalniete's family memoir similarly associates song with the transport of Latvian deportees to Siberia:

> In a tear-choked voice Janis, Emilija and Ligita sang a folksong: «Fare thee well, my midland country, I will walk your paths no more ...». Eight years later, in March, 1949, my grandmother Milda and my father Aivars sang the same song when they crossed the border of Latvia and began their own *via dolorosa* to Siberia. Many of the memoirs of the deported mention the last song sung on leaving Latvia. Some sang «God bless Latvia», others sang «Blow, wind ...», others – «I'll sing of you, my fatherland» (2009: 63).

In Grinkevičiutė's representation, song bring together separate groups and voices within the same forest, the polyphony augmented over multiple occasions by the iterative narrative. By contrast Kalniete here joins together different contexts and waves of deportation, uniting not only the two sides of her family through song, but also other Latvian memoirs, to create a chorus of texts.

While the emphasis is generally – as in the above examples – on unity of feeling within the national group, at times that harmony is depicted as transmissible to others. Grinkevičiutė later depicts Kespaiko, the sympathetic Estonian stockroom supervisor, as «the only one to see the human beings beneath the rags, the only one not to treat us like cattle or slaves». His response indicates the commonality of feeling across not only different nationalities but also circumstances that led them to this uninhabitable place so far from home:

> At each visit, Kespaiko asks us to sing some Lithuanian songs. He especially likes «How Beautiful Thou Art, Beloved Land of Our Fathers». He bows his head to hide his tears and listens. He sits like that for a long time, while we sing the sad, beautiful songs of our distant homeland. Nor are his the only tears in the room. «Your songs so remind me of Estonia», he says, looking through our tiny window at the colossal emptiness of the tundra. «It's been twenty years. When will I see her again?» (Grinkevičiutė, 2018: 170).

Affinities across different nationalities and minorities are frequently highlighted – and in descriptions of the uprisings, these form the basis of a wider unification of prisoners, as suggested above. By contrast, most memoirs treat the gulf between the Baltic deportees and their (usually) Russian persecutors as unbridgeable. For Hilda Tautvaiša, however, song even has the potential to cut across ideologies and the barrier between victim and perpetrator: «Some groups of women gathered together in the barges and quietly prayed. Once several hundred joined together and sang 'Maria, Maria', a Lithuanian hymn. At that moment the Chekist leader himself descended the steps and listened intently as if he were the most devout» (Tautvaiša, 1968: 27). The reference in the hymn to salvation from slavery indicates the subversive potential of songs as a form of protest that the guards – few of whom spoke the languages of those they were deporting – would not recognize was taking place[10].

The representation of such instances of group singing is significant on both the personal level and, in symbolic terms, nationally. For the individual participating in the choir, the restorative power of song is important, even if this only becomes apparent later, as in the case of one Latvian deportee: «Such singing in unison greatly lifted our spirits and gave us inner strength. <...> It wasn't until many years later that I understood what it had meant to us» (Birznieks, 1999: 297). The feeling of wellbeing is connected to a dignified posture required to sing: «It is difficult to sing in a hunched, submissive position. One must straighten out the back to get the songs out» (Šmidchens, 2014: 325). The degraded poses into which Gulag inmates and

[10] The lyrics are given in Šmidchens (2014: 18).

Soviet deportees are forced through being deprived of essential items of clothing, implements with which to eat, and so on, are familiar from many memoirs[11]. By acting as an antidote to such physical abasement, singing restores agency to individuals. Moreover, singing requires a sense of equality with, and trust in, other members of the choir (Šmidchens, 2014: 324). In an alienating and highly abusive environment over which the deportees have little control, the affirmation of confidence in others through song helps to reestablish equilibrium and a sense of self. Thus song becomes a «weapon of the weak» (Scott, 1985) that may not only manifest resistance by articulating the identity that is under threat, but also strengthens the singers, both physically and morally, individually and as a group.

On the symbolic level, references to folk, national and religious songs sung in such traumatic contexts of fear and uncertainty about the future, act as evocations of cultural memory to assert ethnic or national identity in the face of its attempted erasure. The songs mentioned in such memoirs are not the type of «sorrow songs» that arise from the experience of enslavement (Du Bois, 2007: 167-77), but instead draw on an existing tradition. This is particularly relevant for survivors from the Baltic states, because «The formation of Baltic ethnies coincides with the history of choral singing among Estonians, Latvians, and Lithuanians; in fact, singing, more than any other cultural activity, was instrumental in national group formation», mediating between the individual and the nation (Šmidchens, 2014: 53). Thus, Rūta Upīte associates singing during her deportation with the Midsummer celebrations «traditionally only heard on this one night of the year», emphasizing the group's continuity with their national heritage even as they are being torn away from it (1978: 18). It is notable that Kalniete contextualizes her retelling of the first Soviet troops entering Latvia in June 1940 with reference to the Latgale Song Festival taking place at the same time: «The last regional Song Festival of independent Latvia <...> was fated to take place under the sombre shadow of fearful premonition and go down in history as a festival of grief. This song celebration was forever etched in each participant's memory and eventually became transformed into a painful legend» (Kalniete, 2009: 40)[12]. Song festivals were crucial to the construction of national identities of Latvians, Lithuanians, and Estonians as «singing nations»: «Baltic singing 'ethnies' transformed into singing nations at national song festivals, which established a distinct public culture to carry the message of nationalism» (Šmidchens, 2014: 78). These events act as «venues for people to mesh their actualized individual memories with their ethnic identities» (Rakfeldt, 2015: 514). Kalniete's and Vanaga's emphasis on the interruption of the festival by the occupying Soviet troops becomes emblematic of the entirety of Soviet rule and its assault on Latvian identity.

References to deportees singing in memoirs thus evoke cultural memory to connect themselves to the traditions that have contributed to identity formation. With regard to the changing political meaning of Estonian song festivals, Brüggemann and Kasekamp argue that:

> If «recollection concerns our present efforts to evoke the past» then the Estonian song festivals are a «moment of memory» with which they «consciously reconstruct images of the past in the selective way that suits the needs of [their] present situation». <...> If repetition provides the bond with the (imagined) past, then recollection is a performed way to articulate concerns of the present (2014: 261)[13].

[11] Goffman (1991: 21-3) distinguishes such postures of «personal disfigurement» and humiliation that lead individuals to take on «disidentifying roles» as characteristic of total institutions.

[12] See also Vanaga (2015: 2-3).

[13] Citing Hutton (1993: xxi).

Similarly, the narration of such recollections also relates to the time of writing. For Vanaga, and especially Kalniete, as a prominent political figure in the Latvian independence movement, the context of the «singing revolution» that began in 1987 and led to the independence of all three Baltic states in 1991, is highly relevant as, «Precisely the collective singing that developed into a transnational phenomenon in the 19th century Europe became one of the strongest tools to mobilize people, a symbolic construction of people forming national states» (Laķe and Muktupāvela 2017: 249). Thus these texts frame singing as a form of resistance that will ultimately prevail, even when the songs mentioned, such as Andrejs Jurjāns' «Blow, wind» [Pūt, vējiņi], have no overtly political content[14]. In this way, the memoirs channel the spirit of the independence movement and harness the story of the deportations to the re-emerging national identities.

BIBLIOGRAPHY

Assmann, A. (2006). Memory, Individual and Collective. In R. Goodin & C. Tilly (eds.), *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis* (pp. 210-224). Oxford University Press.

Assmann, J. (2008). Communicative and Cultural Memory. In A. Erll & A. Nünning (eds.), *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* (pp. 109-118). De Gruyter.

Barnes, S. (2011). *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton University Press.

Begin, M. (1977). *White Nights: The Story of a Prisoner in Russia* (K. Kaplan, Trans.). Harper & Row. (Original work published 1957).

Bershadskaia, L. (1975). *Rastoptannye zhizhni: Rasskaz byvshei politzakliuchennoi*. Piat' kontinentov.

Birznieks, A. (1999). I Was Twenty-One (A. Sics, Trans.). In A. Līce (Ed.), *We Sang Through Tears* (pp. 285-308). Jānis Roze.

Brüggemann, K., & Kasekamp, A. (2014). «Singing oneself into a nation»? Estonian song festivals as rituals of political mobilisation. *Nations and Nationalism*, 20 (2), 259-276. https://doi.org/10.1111/nana.12059

Buber-Neumann, M. (1949). *Under Two Dictators* (E. Fitzgerald, Trans.). Victor Gollancz. (Original work published 1948).

Czapski, J. (2022). *Memories of Starobielsk: Essays Between Art and History* (A. Valles, Ed. and Trans.). The New York Review of Books. (Original work published 1987).

Dovzhyk, S. (2023). Mother Tongue: The Story of a Ukrainian Language Convert. *New Lines Magazine*. https://newlinesmag.com/first-person/mother-tongue-the-story-of-a-ukrainian-language-convert/

Du Bois, W. E. B. (2007). *The Souls of Black Folk*. Oxford University Press. (Original work published 1903).

Dzyuba, I. (1970). *Internationalism or Russification?: A Study in the Soviet Nationalities Problem* (M. Davies, Ed.). Weidenfeld & Nicolson. (Original work published 1968).

Fel'dgun, G. (1998). *Zapiski lagernogo muzykanta*. Novosibirskaia gosudarstvennaia konservatoriia imeni M. I. Glinki.

Gliksman, J. (1948). *Tell the West, by Jerzy Gliksman; an account of his experiences as a slave laborer in the Union of Soviet Socialist Republics*. Gresham.

Goffman, E. (1991). *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*. Penguin Books. (Original work published 1961).

[14] «Blow, wind» became an anthem of the Latvian revolution, in part because of its use by Latvian writer Rainis (Jānis Pliekšāns) as the title of his 1914 play (Šmidchens, 2014). Kalniete (2009: 63), mentions the song being sung by deportees in the extract cited above.

Grinkevičiutė, D. (2018). *Shadows on the Tundra* (D. Valiukenas, Trans.). Peirene Press. (Original work published 1997).

Hrycyak, Y. (1984). *The Norilsk Uprising: Short Memoirs* (Z. Matla-Rychtycka, Trans.). Ukrainisches Institut für Bildungspolitik. (Original work published 1980).

Hutton, P. (1993). *History as an Art of Memory*. University of Vermont Press.

Kalniete, S. (2009). *With Dance Shoes in Siberian Snows* (M. Gailītis, Trans.). Dalkey Archive Press. (Original work published 2001).

Kis′, O. (2020). *Survival as Victory: Ukrainian Women in the Gulag* (L. Wolanskyj, Trans.). Ukrainian Research Institute, Harvard University. (Original work published 2017).

Kropochkin, A. (2001). Vospominaniia byvshego katorzhnika SL-208. In A. Solzhenitsyn (ed.), *Pozhivshi v GULAGe: Sb. Vospominanii* (pp. 359-401). Russkii put′.

Laķe, A., & Muktupāvela, R. (2017). The Song and Dance Celebration Tradition as a Brand of the «Singing Nations» of the Baltic Countries: Similarities and Differences. *Filosofija. Sociologija*, 28 (4), 246-256.

Margolin, J. (2020). *Journey into the Land of the Zeks and Back: A Memoir of the* Gulag (S. Hoffman, Trans.). Oxford University Press. (Original work published 1952).

Markova, E. (2005). *Vorkutinskie zametki katorzhanki 'E-105'*. n. pub.

Moroz, V. (1974). *Boomerang: The works of Valentyn Moroz* (Y. Bihun, Ed.). Smoloskyp. (Original work published 1968).

Netzach, A. (1979). *«Subbota»: My Twenty Years in Soviet Prisons*. Moriah Offset Company.

Ngũgĩ wa Thiong'o. (1986). *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African literature*. James Currey.

Plyushch, L. (1979). *History's Carnival: A Dissident's Autobiography* (M. Carynnyk, Ed. and Trans.). Collins and Harvill. (Original work published 1979).

Preigerzon, Z. (2022). *Memoirs of a Jewish Prisoner of the Gulag* (A. Lahav, Ed. and Trans.). Academic Studies Press. (Original work published 1976).

Rakfeldt, J. (2015). Home Environments, Memories, and Life Stories: Preservation of Estonian National Identity. *Journal of Baltic Studies*, *46*(4), 511-542. https://doi.org/10.1080/01629778.2015.1075137

Sats, N. (1991). *Zhizn′—Iavlenie polosatoe*. Novosti.

Scott, J. (1985). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press.

Šmidchens, G. (2014). *The Power of Song: Nonviolent National Culture in the Baltic Singing Revolution*. University of Washington Press.

Solzhenitsyn, A. (1978). *The Gulag Archipelago* (H. Willets, Trans.). Vol. 3. Collins and Harvill. (Original work published 1973).

Tautvaiša, H. (1968). *The Cemetery of Nations in the Siberian Tundra*. n. pub.

Upīte, R. (1978). *Dear God, I Wanted to Live* (R. Liepa, Trans.). Grāmatu Draugs. (Original work published 1977).

Vanaga, M. (2015). *Suddenly, a Criminal: Sixteen Years in Siberia* (M. Voitkus-Lukins, Trans.). FriesenPress. (Original work published 1991).

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ОБЩИХ НАИМЕНОВАНИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ (ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД)

Andrey Zaynuldinov Tiarenkov
Universitat de Barcelona

1. Введение

Предлагаемая тема находится на стыке лингвистической семантики, прагматики, гендерных исследований и социолингвистики. Она предполагает анализ того, какие эмоциональные и оценочные компоненты содержат русские слова, обозначающие мужчин и женщин, и как эти компоненты функционируют в реальных коммуникативных ситуациях. Речь идёт не просто о значении слов типа ***мужчина, женщина, парень, девушка***, но прежде всего о коннотациях слов для мужчин: ***мужик, мужичок, мужлан, муженёк*** и другие; для женщин: ***баба, бабёнка, бабища, барышня, дамочка*** и другие. Такие номинации отражают не только характеристики людей, но и ценностные установки общества, стереотипы, культурные нормы, связанные с полом.

Эмоционально-оценочная семантика на протяжении последних десятилетий как совокупность эмоций, связанных со словом (неодобрение, пренебрежение, восхищение, насмешка, ирония), оценки (положительной, отрицательной, амбивалентной), а также отношения говорящего к объекту стала объектом пристального внимания на материале разных языков (работы Л.А. Киселевой (1968, 1978), Н. Д. Арутюновой (1988), Д.Н. Шмелева (1973), Е.М. Вольф (1985), А. Вежбицкой (1996) и многих других).

Прагмалингвистический аспект изучает условия употребления языковых единиц и их коммуникативные функции. При анализе номинаций мужчин и женщин важно учитывать интенции говорящего (например, ***баба*** – часто для выражения неодобрения; ***девочка*** о взрослой женщине – для снижения статуса), а также коммуникативную ситуацию (официальная/неофициальная; равноправная/иерархическая; дружеская/конфликтная; публичная/частная) и прагматические эффекты (повышение/понижение статуса собеседника, выражение симпатии, демонстрация агрессии, ирония, маркировка гендерных ролей). Подробное представление данного аспекта невозможно без предварительного анализа языкового материала, являющегося предметом настоящей статьи.

Актуальность гендерного подхода в настоящее время не требует дополнительных пояснений, данный подход позволяет по-новому взглянуть на привычные в лингвистике вещи (работы P. Eckert & S. McConnell-Ginet (2013), А.В. Кирилиной (1999)). Гендерная лингвистика изучает язык как репрезентацию социального пола, в рамках которой выделяются следующие аспекты: асимметрия в оценочных номинациях (экспрессивные обозначения женщин чаще связаны с внешностью); существование гендерных стереотипов в языке (женщина – эмоциональная, зависимая, ориентированная на семью; мужчина – сильный, активный, социально значимый) в связи с этим уменьшительные

суффиксы чаще применяются к женским обозначениям (***девочка, мамочка, женушка***), реже – к мужским. Все подобные выводы требуют языкового подтверждения.

Безусловно, в языке отражается менталитет русского народа и его культура в социально-историческая обусловленности, так, например, ***баба*** в древнерусском языке было нейтральным, но затем приобрело негативный оттенок; ***женщина*** долго не употреблялось как нейтральная номинация и закрепилось в языке лишь к XVIII–XIX вв.; лексема ***мужик*** прошла путь от нейтрального социального термина до разговорно-одобрительного.

На синхронном уровне предпосылкой объективации полученных результатов является учет словарных фиксаций лексических и фразеологических единиц в толковых и специальных словарях, а также данных Национального корпуса русского языка.

Существуют значительные различия при дифференциации уменьшительно-ласкательных и ласкательных суффиксов в словарях, указания на которые отмечены в работах Ф.И. Буслаева (1959), А.Х. Востокова (1831), В.В. Виноградова (1972) , Л.А. Киселевой (1978), А.М. Родимкиной (1980) и других. Решение этого вопроса возможно только на основе обширной базы данных, в нашем случае материала *ЭМОС: Словаря эмоционально-оценочной русской лексики и фразеологии* (Зайнульдинов 2005–2025), а также лексикографического описания в БАС, МАС, СО, БТСРЯ, данных НКРЯ (*Национального корпуса русского языка*).

Объектом исследования являются ЛТГ (лексико-тематическая группа) общих наименований лиц, а также ЛТГ наименований близких родственников как языковых единиц (лексических, а также фразеологических) с позиций гендера.

В отношении нашего материала актуальны факторы неофициального общения, дифференциации незнакомых собеседников и близких родственников, общего типа оценочного отношения при учете разницы речевого и языкового значения, а также возрастная и половая корреляция. Этой же дифференциацией определяется структура нашей работы.

2. Прямые значения лексических и фразеологических единиц

Общие наименования лиц ***мужчина*** и ***женщина*** не располагают вторичной оценочной семантикой, не присоединяют оценочных суффиксов, единственное исключение представляет собой лексема ***мужчинка*** с амбивалентным в оценочном плане значении (уничижительное и уменьшительно-ласкательное), употребляемая в разговорным стиле.

Оценочный смысл этим идентификаторам придает сочетание с прилагательным ***настоящий*** – `соответствующий определенным требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал кого-чего-либо` (МАС): ***настоящий мужчина*** – `обладающий мужеством, стойкий, выражающий мужество, силу` (МАС); ***настоящая женщина*** – ` обладающая качествами, присущими женщине, мягкостью, нежностью` (МАС). Данная оценочная семантика основана на понятиях ***мужественности*** – `Присутствие духа в опасности, в беде, храбрость, бесстрашие, душевная стойкость, смелость` (МАС) и ***женственности*** как `мягкости, нежности` (МАС), определяющих данную семантику.

Оценочное значение обусловлено в данном случае синтаксической позицией предиката (Вольф, 1985: 31). Признак `настоящий, истинный, такой, который соответствует лучшим образцам` реализуется при употреблении в позиции предиката значений слов *личность, индивидуальность, человек, интеллигент,* ***мужчина***, ***женщина***. При лексикографическом описании эти значения не фиксируются как узуальные, тем не менее подобная прагмалингвистическая закономерность отмечается

регулярно: «Это – мужчина», «Она – женщина». Значение `лучший образец мужественности или женственности` может отражаться в лексикографическом описании: ***мужчина*** – `// Лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью. «– *Тяжело мне, доктор. Гадко мне – ответил тихо Бобров. – Пустяки, пустяки, идем! Будьте мужчиной, плюньте!»* (Куприн, Молох)` (МАС); ***мужчина*** – `Лицо мужского пола как воплощение определенных свойств, качеств (суровости, твердости, честности) ` (БТСРЯ).

Типом эмоциональной оценки, который системно реализуется в ЛТГ наименований близких родственников, является выражение ласкового отношения. Существует крайне ограниченное количество единиц, выражающих ласковое отношение первичной семантикой: ***батя*** – `1. сущ. м. (прост.) ласк. Мужчина по отношению к своим детям.`

Средний род существительного определяет возможность оценивания лексической единицей, принадлежащей к ЛТГ наименований детей как лиц любого пола: ***дитя*** – `3. сущ. ж. ласк. Ласковое обращение к младшему по возрасту. Первоначально: (устар.) маленький ребёнок. ` *«– Дитя моё, – заговорил он (Лаврецкий): не прикасайтесь, пожалуйста, к этой ране.*» (Тургенев. Дворянское гнездо).

Гораздо больше распространены деривационные (суффиксальные) образования на основе прямых значений лексических единиц, относящихся к рассматриваемым ЛТГ.

При этом редки в русском языке случаи выражения уничижительной отрицательно-оценочной семантики, представленные лексическими единицами ***мужичишка*** – `1. сущ. м. (разг.) пренебр. уничиж. (устар.) Крестьянин (в противопоставлении горожанину) `; ***мужичишка*** – `2. сущ. м. (прост./разг.) пренебр. уничиж. Мужчина. ` «*(Михаил Кузьмич) был неказистый с виду мужичишка: низенький, сухонький.*» (Крутилин. За косогором); ***мужичонка*** – `1. сущ. м. (разг.) пренебр. уничиж. (устар.) Крестьянин (в противопоставлении горожанину).`; ***мужичонка*** – `2. сущ. м. (прост./разг.) пренебр. уничиж. Мужчина. ` «– *Мужичонка мне попался худой, слабосильный – званье одно. Бывало, вышли первый год на пожню – глаза бы не глядели.»* (Абрамов. Братья и сестры); *«И хотя глядел он умно и строго, ходил с достоинством, а говорил, растягивая слова, Фомич понял, что мужичонка этот – круглый ноль.»* (Можаев. Живой!).

Значение пренебрежения может быть выражено присоединением разных суффиксов: ***мужичьё*** – `сущ. с. собир. (устар. прост./разг.) пренебр. Мужики, крестьяне. «*К мужичью он (пан Лохманович) питал нескрываемое презрение.»* (Короленко. История моего современника) `; ***бабьё –*** `сущ. с. собир. (прост./разг.) пренебр. Бабы, женщины. «– *А теперь, бабьё, марш по домам, щи варить!*» (Куприн. Молох); ***мужлан*** – `1. сущ. м. (прост./разг. груб. бран.) пренебр. Невежественный человек. *«– Вломится, этак, какой-нибудь грязный мужлан да и развалится и важничает, а Юрка ему водки подносит, лебезит перед ним»* (Эртель. Записки степняка) `; ***мужлан*** – `2. сущ. м. (прост./разг. груб. бран.) пренебр. Употребляется как бранное слово. «– *Девица чай его пить зовёт, а он нос на сторону. Мужлан ты сиволапый!*» (Мельников-Печерский. В лесах).`

Неодобрение может выражаться за счет переосмысления суффикса в сленге: ***девица*** – `2. сущ. ж. (жарг.) обычно неодобр. ирон. Девушка. Первоначально: (устар.) лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности. ` Использование эмоционально-размерного суффикса *-ищ* (Купина, Скорнякова, 1979: 95) усиливается интенсивность выражения оценочного признака и также формирует пейоративную семантику пренебрежения: ***бабища*** – `сущ. ж. (прост./разг.) пренебр. Рослая и толстая женщина. ` «– *Хоть бы сама отказала, а то через тётку, через толстую эту бабищу.*» (Тургенев. Петушков).

Гораздо более значительную группу представляют собой ласкательные суффиксы *-уля, -уся, -ечк, -еньк, -ушк,* присоединяемые к основам наименований лиц близкого семейного круга и детей: (по отношению к лицам мужского и женского пола, корреляция по возрасту, некоторые формы архаичны). Отмечается высокая степень распространённости данных вокативов (Стернин, 1996: 47).

В рамках прагмалингвистики суффиксальные образования, характеризующие детей, полностью определены положительной эмоциональной оценкой (ласковым отношением), вероятно, в связи выделением мира маленьких детей и той эмоциональной ауры, которая возникает при общении с маленькими детьми (*«смесь нежности, умиления, игривости, несерьёзности»*) (Вежбицкая, 1996: 119).

Здесь выделяются наименования лиц женского пола, корреляция по возрасту: ***доченька, дочечка, дочурка*** – `сущ. ж. ласк. Лицо женского пола по отношению к своим родителям (о ребёнке) `; ***доча*** – `1. сущ. ж. (прост.) ласк. Ласковое обращение к лицу женского пола по отношению к своим родителям.`(специфическая форма, не суффиксальное, усечение); ***девуля*** – `сущ. ж. (жарг.) ласк. и шутл. Девушка, девочка, женщина.` ; ***девица*** – `1. сущ. ж. (устар.). ласк. ***Красная девица*** (в народной словесности, обычно в ласковом обращении). `; ***девчурка –*** `сущ. ж. ласк. Ребёнок женского пола. `; ***жёнушка*** – `сущ. ж. ласк. Женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке (к своему мужу). `; ***бабуля*** – `сущ. ж. (разг.) ласк. бабушка. `, ***бабуся; баба*** (специфическая форма, не суффиксальное, усечение) в значении `бабушка`. Особо следует отметить, что в лексических единицах типа девица, бабка, бабушка и дедушка суффиксы на синхронном уровне не обладают ласкательной семантикой.

Этим единицам противопоставлены наименования лиц мужского пола, корреляция по возрасту: ***сыночек, сына*** (специфическая форма, не суффиксальное, усечение), ***батенька*** – `1. сущ. м. (устар) ласк. Мужчина по отношению к своим детям. `; ***батюшка; дяденька*** – `1. сущ. м. (разг./прост.). ласк. Брат отца или матери, а также муж тётки. `***, дядечка; дядюшка`; деда*** – `сущ. м. (обычно в обращении, в детской речи) ласк. Отец отца или матери.` (специфическая форма, не суффиксальное, усечение; ***дедуля*** – `1. сущ. м. (разг.) ласк. Отец отца или матери.`

3. Переносные значения лексических и фразеологических единиц

Принадлежность первоначального значения к высокому стилю определяет положительную оценочность одобрения вторичной семантики (с корреляцией по возрасту). Здесь также широко представлены наименования лиц мужского пола, корреляция по возрасту: ***сын*** – `5. Кого-чего. высок. Человек как уроженец, обитатель какой-л. местности или представитель какой-л. национальности. *Сын Востока. Сыны славян.* ` (МАС); ***брат*** – `2. сущ. м. (высок.) одобр. Человек, близкий другому по духу, по деятельности, вообще кто-н. близкий. *Братья по перу. Братья по оружию. Все люди – братья.* `; ***отец*** – 3. О лицо, которое отечески заботится о других; покровитель, благодетель. *«Арестанты ме нахвалились своими лекарями, считали их за отцов, уважали их»* (Достоевский, Записки из Мертвого дома); 5. перен. О родоначальнике, основоположнике чего-либо. *«Геродот – отец истории, а Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим».* (Белинский, Литературные мечтания); ***муж*** – `сущ. м. (высок.) одобр. Деятель на каком-н. общественном поприще. *Мужи науки. Государственный муж.* Первоначально: (устар.) мужчина в зрелом возрасте. `; ***братство*** – `сущ. с. (высок.) одобр. То же, что содружество. *Боевое братство.* ` Подобная закономерность типична и при образовании фразеологических единиц: ***братья по оружию*** – `(высок.) одобр**.** Бойцы по отношению друг к другу. ` *«Павлика возмутила грубость Нечичко. Как можно жалеть еду, да еще для своих братьев*

по оружию? Но вслух он не решился возразить: Нечичко был командиром колонны; и не пристало с ним спорить» (Нагибин. Павлик); ***слышу речь не мальчика, но мужа*** – `(книжн.) одобр. Одобрение по поводу разумных, зрелых суждений`. «*(Марина:) Постой, царевич, наконец* я слышу речь не мальчика, но мужа» (Пушкин. Борис *Годунов)* `. Здесь же должна быть рассмотрена лексема ***побратим*** – `Самый близкий, лучший друг` (МАС) *"Может быть, побратимы, и Смоленск уже взяли?"* (Твардовский. Я убит подо Ржевом). При этом фразеологические единицы и устойчивые сравнения могут выходить за пределы высокого стиля: ***будь (будьте) отец, отцом (родным)*** *«– Только уж вы, ваше превосходительство, сделайте милость, будьте отцом родным, защитите».* (Чехов, Беззащитное существо).

Менее значительна в количественном отношении группа наименований лиц женского пола, корреляция по возрасту: ***дочь*** – `сущ. ж. чего. (высок.) одобр. перен. Женщина как носитель характерных черт своего народа, своей среды. *Лучшие дочери народа. Дочь гор. Дочь свободы.* Первоначально: лицо женского пола по отношению к своим родителям. `; ***жена*** – `сущ. ж. (обычно мн.) (устар. высок.) одобр. Женщина. *Славные жёны отчизны.* `, ***как мать*** – `В сравн. *Аграфена Петровна ухаживала за мной, как мать.* (Мамин-Сибиряк, Черт и жизнь Пепко).

От значений, рассмотренных выше, отличается значение `товарищ, единомышленник`, реализуемое в лексемах ***брат*** – `3. (высок.) Товарищ, единомышленник. *Братья по классу*` (СО), ***сестра*** – `2. О женщине, объединенной с, кем-либо общими интересами, стремлениями, общим положением` (БАС), ***собрат*** – `(высок.) Товарищ по занятию, по роду деятельности. *Собрат по оружию*` (СО). Данные значения по своему происхождению соответствуют ТГ названий лиц по признаку близкого родства. Общим значением представленных единиц является обозначение духовной общности, менно поэтому они сопровождаются лексикографической пометой *высок.* Именно принадлежность к высокому стиля отграничивает их от нейтрально-оценочных лексем (наименований лиц) типа *коллега, сотоварищ, сослуживец,* а также от отрицательно-оценочных лексем типа *соучастник, сообщник.*

Наиболее значительным проявлением прагматической семантики является выражение так называемой социальной оценки, противопоставление крестьян и господ в общественном сознании определяет негативную оценочную семантику как мужчин, так и женщин: ***мужик*** – `1. сущ. м. (устар. прост./разг. бран.) пренебр. Невоспитанный, грубый человек. Первоначально: (устар.) крестьянин (в противопоставлении горожанину); (прост.) то же, что мужчина; (прост. устар.) мужчина в зрелом возрасте. «*(Попова:) Вы мужик! Грубый медведь!* (Чехов. Медведь). – *Причём здесь народ… Тот народ, что составляет всю Россию. – тёмный мужик, троглодит, пещерный* человек!» (Куприн. Корь)`; ***баба*** – `1. сущ. ж. (прост./разг.) обычно пренебр. Женщина. Первоначально: (прост.) замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья. *«Базаров также обратил внимание на Одинцову. – Это что за фигура? – проговорил он. – На остальных баб не похожа»* (Тургенев. Отцы и дети); ***мужичка*** – `1. сущ. ж. (устар. прост. бран.) пренебр. Женщина из простого народа, крестьянка. ` *«Воротил он её на село – Знай-де место своё ты, мужичка!»* (Некрасов. В дороге). На основе первичной семантики по отношению к женщинам (тоже корреляция по возрасту) может формироваться вторичное негативно-оценочное значение грубости, невежества, свойственное лексеме ***мужик: мужичка*** – `2. сущ. ж. (устар. разг. бран.) пренебр. перен. О грубой, невежественной женщине.`

В разговорной речи возможно формирование положительно-оценочной семантики при актуализации сем простоты в обращении; ***мужик*** – `3. сущ. м. (прост./разг.). одобр. перен. Положительная характеристика мужчины. *Дацюк – мужик!* (ЭМОС)` (позиция предиката типа ***мужчина***).

Особое значение близкое к выражению ласкового отношения обращение к возлюбленной: ***девочка*** – `сущ. ж. (обычно с мест. *моя* или определением) ласк. перен. Ласковое обращение к возлюбленной. Первоначально: ребёнок женского пола.`

В переносных значениях наименований детей может быть реализована семантика молодости, отсутствия опыта, обычно это значение не маркируется лексикографическими пометами: ***мальчик*** – `// Об очень молодом, незрелом, несерьезном человеке`. *«(Марина) Постой, царевич, наконец я слышу речь не мальчика, но мужа»* (Пушкин, Борис Годунов) (МАС); ***девочка*** – `Ребенок или подросток женского пола. // Об очень молодой, юной, неопытной девушке. (МАС); ***дитя*** – `// о наивном, неопытном человеке. *«Дитя – проговорила Елена, поглядев ему вслед»* (Тургенев, Накануне) (МАС).

В современном общем жаргоне при возрастной корреляции может фиксироваться значение шутки или иронии: ***сынок*** – `1. сущ. м. (жарг.) неодобр. перен. Иронически-шутливое обращение. ` ***девица*** – `2. сущ. ж. (жарг.) обычно неодобр. ирон. Девушка.`

Использование наименований женщин в переносном значении в отношении мужчин обычно крайне негативно, при этом теряется корреляция по возрасту и социальному положению/статусу: ***баба*** – `2. сущ. ж. (разг.) презр. перен. О робком слабохарактерном мужчине, мальчике. Первоначально: (прост.) замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья. ` «*(Паратов:) Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий*» (А. Островский. Бесприданница). «*(Смирнов:) Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба!*» (Чехов. Медведь).

Анализ фразеологического материала с компонентом, относящимся к объекту нашего исследования, определяет при характеристике мужчин семантику избалованности, воспринимаемую негативно: ***маменькин сынок*** – `(разг.) пренебр. Избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек. «*Уже появились в рядах немцев старики из запасных гарнизонов... и мокрогубые мальчишки – маменькины сынки, набранные на скорую руку*» (Тихонов. Единый боевой лагерь); `***папенькин (папочкин) сынок*** (разг.) пренебр. Избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек, сын обеспеченных родителей, которому ничего не надо делать.`

При характеристике лиц женского пола соотнесение со стереотипными мужскими качествами воспринимается негативно: ***мужик в юбке*** – `(разг.) неодобр. ирон. Женщина, выполняющая мужскую работу. ` (ЭМОС), `О женщине, лишенной женственности, имеющей властный, сильный характер. *Марь Иванна – крутая начальница, суровая баба – мужик в юбке, в общем* (БСРРР); ***баба с яйцами*** – `Вульг. 1. Неодобр. Ирон. О мужеподобной женщине с грубыми манерами поведения. *Какая она женщина? Да это мужик, баба с яйцами. Она с удовольствием пила водку, залихватски ругалась матом и в работе не отставала от мужиков, поэтому в поселке ее звали – баба с яйцами* (БСРРР). При смене интенции может актуализироваться положительно-оценочная семантика одобрения: ***баба с яйцами*** – `Вульг. 2. Одобр. Об энергичной, властной и решительной женщине, напоминающей своим поведением сильного мужчину. *Петровна? О, эта баба с яйцами, знаешь, как завод держит. Ее все мужики у нас боятся. Завучем в школе Марья Ивановна, баба с яйцами, – голос командира, поступь солдатская, взгляд прокурора.* (НКРЯ).

Скорее фразеологизмом, оценивающим лиц без отнесения к полу, должна быть признана единица, часто используемая в устойчивом сравнении, несмотря на отсутствие фиксации этого значения толковыми словарями: ***базарная баба*** – `(разг. грубо-прост.) крайнее неодобр./презр. Грубый, вульгарный, крикливый человек.`; ср. ***базарная баба*** – `презр. разг.- сниж. О крикливой, грубой женщине с вульгарными манерами, склонной к скандалам, склокам. Часто в сравнительном обороте`.

«*Чудаковатый ты спорщик. Неужели слов тебе не хватает, , что ты, как базарная баба, мне кукиш показываешь*» (Шолохов, Поднятая целина) (БСРРР).

4. Дружелюбное отношение как вид положительной эмоциональной оценки

Впервые нами было выделено дружелюбное отношение как вид положительной эмоциональной оценки наряду с другими видами положительной эмоциональной оценки: выражением ласкового отношения, одобрением и восхищением (Зайнульдинов, 2007). Если сравнивать с ласковым отношением выражение дружелюбия обладает меньшей степенью интенсивности с учетом социальных, возрастных, психологических факторов в отношении мужчин или женщин, в зависимости от пола оцениваемого лица (Формановская, 1982: 68; Стернин, 1996: 38).

Вокативная функция обращения к незнакомым людям является определяющей при выражении данного вида оценки, в других позициях актуализована первичная безоценочная номинативная семантика. Происходит своеобразный перевод адресатов оценки (в данном случае числе незнакомых лиц) в категорию дружески расположенных лиц и далее, до сравнения с более близкими, родственными отношениями.

Прежде всего должна быть рассмотрена группа лексических единиц, относящихся к ЛТГ наименований лиц по признаку близкого родства, используемых при обращении к лицу, с которым субъект оценки не связан родственными отношениями. Выделяется довольно значительная группа наименований, не осложненных уменьшительно-ласкательными суффиксами, использующихся по отношению к лицам мужского пола: ***сына*** – `2. сущ. м. (разг.) друж. Дружеское обращение к мальчику, подростку, молодому человеку, младшему по возрасту. ` (специфическая форма, не суффиксальное, усечение); ***брат*** – `2. сущ. м. (разг.) друж. Дружеское обращение к мужчине. ` «*(Фамусов:) Что за оказия! Молчалин, ты, брат?*» (Грибоедов. Горе от ума). «*(Карышев Люсе) – А-а. Тогда иное дело... Судьба, она, брат, тоже может с человеком сотворит*» (Астафьев. Пастух и пастушка); ***отец*** – `разг. друж. Обращение к мужчине, обычно пожилому`. «*(Графиня-бабушка:) Что? глух, мой отец, достаньте свой рожок»* (Грибоедов, Горе от ума); «*–Так, парень, пропасть можно.. – Не пропадем, отец. Еще поживем*» (Шукшин. Охота жить); ***батя*** – `2. сущ. м. (прост.) друж. Дружеское обращение к собеседнику. `; «*Дима подал напарнику мешочек с пробой. – Всё, брат, батя. На этом у нас с тобой финиш*» (Белов. Клавдия); ***дядя*** – `сущ. м. (разг./прост.). друж. перен. В сочетании с именем собственным – уважительно о простом немолодом мужчине, а также обращение к взрослому мужчине. *Сантехник дядя Вася. Ну-ка, дядя, подвиньтесь!* Первоначально: брат отца или матери, а также муж тётки. ` «*Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спалённая пожаром, Французу отдана*» (Лермонтов. Бородино); ***дед*** – `сущ. м. (разг.) друж. Вообще старик, преимущественно в обращении. *Приходил какой-то дед.* `; ***дедушка*** – `2. сущ. м. друж. (разг.) Вообще старик, преимущественно в обращении.`

Также довольна значительна группа наименований, использующихся по отношению к лицам женского пола: ***доча*** – `2. сущ. ж. (разг.) друж. Дружеское обращение к девочке, подростку, девушке, младшей по возрасту.` (специфическая форма, не суффиксальное, усечение); ***мать*** – `3. простореч. Обращение к лицу женского пола`. «– *Что ты, мать моя! глуха, что ли! – закричала графиня»* (Пушкин, Пиковая дама); «– *И ты напрасно огорчаешься, мать. – Это приветливое слово сразу ободрило Анфису Гавриловну, и она посмотрела на гостя, как на своего домашнего человека*» (Мамин-Сибиряк, Хлеб). «*Косить-то нынче будете, нет? – Не знаю, мать*» (Распутин. Прощание с Матерой); ***тётя*** – `2. сущ. ж.

(разг.) друж. Дружеское обращение к женщине со стороны ребенка, младшего по возрасту`; ***бабушка*** – `2. Вообще о старой женщине, преимущ. в обращении (разг.)` (СО).

Интересно противопоставление официального наименования *отец*, интимного *папа* и фамильярного *батя*, при этом формы *папа* и *мама*, отражающие высшую степень близкородственных отношений употребляются только в отношении родственников и не используются во вторичной семантике выражения дружелюбного отношения. Также отсутствует выражение отношения дружелюбия для вторичных значений лексем *сын, дочь, сестра.*

Как уже было отмечено выше, обращения к детям сопровождается выражением ласкового отношения как вида положительной эмоциональной оценки в отношении детей вне отнесенности к полу: ***дитя*** – `// Ласковое обращение к юноше, девочке. *«Дитя мое, ты нездорова»* (Пушкин, Евгений Онегин) Первоначально. 1. Ребенок (устар.)` (МАС).

Сходство ласкового и дружелюбного отношения обусловливает возможность использования в функции обращения со значением дружелюбия лексем, выражающих ласковое отношение собственно-лексическим значением при помощи словообразовательных аффиксов: ***бабуля, сыночек, тетенька*** и т.п.

Употребление оценочных образований типа ***браток*** – `2. Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (прост.) ` (СО) отличается от значений, выражающих ласковое отношение, некоторой сниженностью интенсивности воздействия. Группа наименований, осложненных уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами, использующихся по отношению к лицам мужского пола, более значительна: ***внучек*** –`2. сущ. м. (прост./разг.). друж./ласк. перен. Ласковое обращение пожилого человека к мальчику`; ***сынок*** – `2. сущ. м. (прост./разг.). друж./ласк. перен. Ласковое обращение пожилого человека к мальчику, молодому мужчине. «– *Эй, ты куда, мамаша. – А туда ж, – домой, сынок*» (Твардовский. Василий Тёркин). *«– Хозяин у нас, сынок, вроде мебели, тюфяк он. Всему голова здесь хозяйка!»* (Н. Островский. Как закалялась сталь); ***братец*** – `сущ. м. (разг.) друж. Дружеское обращение к мужчине. *«– Мой мичман сказывал, что (горничная) такая форсистая и пригожая девушка… Одно слово, братцы, краля!»* (Станюкович. Пассажирка); «– *Доброй ночи тебе, сердце моё ненаглядное, голубь* горячий мой, *братец родной! – говорила она (Катерина), нежно прижав его (Ордынова) голову к груди своей*» (Достоевский. Хозяйка). `; ***братишка*** – `сущ. м. друж./ласк. Дружеское обращение к нестарому мужчине (разг.) Первоначально: малолетний брат (разг.), а также вообще брат (прост.) *«– Жизнь, братишка, это мудрёная история, если особенно взять не казовые концы и не ее парадную праздничную сторону, а настоящую суть».* (Мамин-Сибиряк. Башка). `; ***браток*** – `сущ. м. (разг.) друж. Дружеское обращение к нестарому мужчине. Первоначально: малолетний брат (разг.), а также вообще брат (прост.) «– *Сколько же тебе пришлось голодать, браток, что ты с одного взгляда отличаешь сытого от голодного?*» (Шолохов. Тихий Дон). *«Ну что ты, что ты, браток! – не зная, чем ему помочь, утешали водителя солдаты»* (Астафьев. Пастух и пастушка); ***братан*** – `сущ. м. (прост./разг.) друж. Дружеское обращение к мужчине. ` ; ***братва*** – `сущ. мн., также в обращении (прост./разг. и сленг) друж. Друзья, товарищи. ` (только в функции выражения дружелюбного отношения); ***батенька*** – `2. сущ. м. (разг.) устар. друж./ласк. Ласковое или дружеское обращение к собеседнику. *«– Э, батенька. Ерунду вы порете! – Почему же ерунду? – спрашиваю я робко*» (Куприн. Последнее слово). *«– Не-ет, батенька, не те времена, чтобы лежать на боку да плевать в потолок. Перестраиваемся, голубчик, перестраиваемся»* (Мамин-Сибиряк. Все мы хлеб едим). `; ***батюшка*** – `2. сущ. м. друж. /ласк. Ласковое или дружеское обращение к собеседнику.`

«– *Эге! – прервал Кирила Петрович, – да ты, знать, не из храброго десятка, чего ты боишься. – Как чего, батюшка, Кирила Петрович, а Дубровского – того и гляди напорешься ему в лапы – он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерёт*» (Пушкин. Дубровский); «*(Бахчеев:) Ну, батюшка, если хочешь с нами, так вставай, напяливай свои штанишки, а мне нечего с тобой языком стучать: и без того золотое время с тобой потерял!*» (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели) `; ***дедуля*** – `2. сущ. м. (разг.) друж./ласк. Вообще старик, преимущ. в обращении. Первоначально: отец отца или матери.`; ***дедка*** – `сущ. м. (обычно в обращении) (прост.) друж. Вообще старик.`; ***дедок*** – `сущ. м. (обычно в обращении) (прост.) друж. Вообще старик.`

Группа наименований, осложненных суффиксами, по отношению к лицам женского пола, менее многочисленна: ***внучка*** – `2. Ласковое (в нашем понимании дружелюбное – А.З.) обращение пожилого человека к молодой девушке, женщине` (СО), ***дочка*** – `сущ. ж. (разг./прост.) друж./ласк. Ласковое обращение пожилого человека к девочке, молодой женщине. Первоначально: (разг./прост.) лицо женского пола по отношению к своим родителям. *«– Откуль будешь, дочка? – лез с вопросом к Люсе любящий всех людей на свете Карышев»* (Астафьев. Пастух и пастушка). `; ***бабуленька, бабуся.***

Особо следует отметить специфику суффикса -к, традиционно не относящемуся ни к уменьшительно-ласкательным, ни к ласкательным суффиксам, именно поэтому лексемы ***дедок, дедка*** малоупотребительны при выражении дружелюбного отношения к незнакомым людям. Вероятно, этот же фактор обусловливает отсутствие значения выражения дружелюбного отношения у лексем ***мамка, бабка, тётка*** в отношении женщин.

Лексемы, относящиеся к ТГ наименований лиц по признаку более дальней степени родства, могут приобретать наряду с выполнением выделительной функции иронический либо уничижительный оттенок значения: *родственничек, племянничек, женишок, зятёк*, который также иногда фиксируется в словаре: *женишок* – `(разг.) Ласкат. или уничижит. к жених.` (СУ) Пример оценочной энантиосемии суффикса: *«Читай, зятёк, почитай – я и тебе скажу: проугрюмился всю жизнь, глядь – помирать надо»* (Шукшин. Письмо).

Близость выражения ласкового отношения и дружелюбия определяет возможность замены одного вида эмоциональной оценки другим, именно поэтому в позиции обращения к лицам, с которыми субъект оценки не связан дружескими отношениями, могут выступать лексемы с ласкательными суффиксами: ***дедушка, дедуля, бабуся, бабуля, дедуля, сестрица, мамаша, тетенька, тетушка, дяденька, дядечка, матушка.***

Интимный характер суффиксальных образований с *-уля, -уся* не позволяет использованию лексем ***мамуля, мамуся, папуля,*** относящихся к ЛТГ самых близких родственников в функции выражения дружелюбия.

Значение выражения дружелюбия коррелирует в первичной безоценочной номинативной семантикой: различиями по возрасту и полу (обращение к пожилому человеку, более пожилого человека к младшему по возрасту, обращение к равному по возрасту), нарушение данных пропозиций провоцирует незапланированный эффект прекращения контакта либо изменение оценочного отношения на противоположный знак. Тем не менее при тесном непосредственном контакте между субъектом и адресатом, обусловленном отношениями дружбы, выявленные различия становится несущественными, реализуя при этом стилистическую роль фона шутки.

Особо следует отметить случаи нарушения подобной корреляции, формирующие собственно-оценочное значение. Так используются лексемы ***батенька, батюшка, маточка***, употребляемые

в значении выражения дружелюбного отношения в соответствии с полом адресата, но вне соответствия с возрастом: *«А вот, батюшка, – как будто даже обрадовалась бабка»* (Белов. За тремя волоками) – в обращении к младшему по возрасту; *«Что это вас, батенька, так давно не видно? – спросил Свежевский»* (Куприн. Молох) – в обращении к ровеснику; *«Помню детскую радость бабушки при виде Нижнего. Дергая за руку, она толкала меня к борту и кричала: – Гляди, гляди, как хорошо! Вот он, батюшка, Нижний-то! Вот он какой!»* (Горький. Детство) – в обращении к внуку; данное отличие иногда фиксируется в лексикографическом описали: ***маточка*** – `2. Ласковое обращение (обычно к лицу женского пола)` (БАС), ***батюшка*** – `2. Разг. Ласково-фамильярное обращение к собеседнику` (МАС).

Также есть примеры лексемы, расширяющие сферу адресатов оценки, эти единицы могут быть отнесены как к лицам женского, так и к лицам мужского пола: ***мамочка*** – `2. м. и ж. сущ. ж. (прост./разг. устар.) ласк. Употребляется как ласковое обращение к мужчине или женщине. ` *«(Чубуков Ломову:) Ах, не размазывайте, ..мамочка! Говорите сразу!»* (Чехов. Предложение). *«Ты на обед сострой пельмешки, Таня. Побольше свининки положи и, знаешь, поджарь их чуточку. Чтобы они, мамочка, смотрели на меня эдакими поросятками розовыми»* (Горький. Трое). *«Беседы их носили печать какого-то особого простодушия и кроткости: .. Послушай, брат Антипатор Захарьевич! Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич!»* (Гоголь. Мертвые души); ***мамуся*** *«(Боркин:) Голубчик Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы все нервничаете, ноете»* (Чехов. Иванов) (словарями не фиксируется – А.З.).

Нужно отметить, что большинство рассматриваемых языковых единиц в вокативной функции представляют собой образования с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами, что, с одной стороны, обусловлено интенсификацией выражения дружелюбного отношения (внесения в него оттенка ласкового отношения), а с другой стороны, определено дифференциацией номинативной и оценочной семантики (ср. отсутствие лексем ***сын, дочь*** в реализации указанной функции при наличии ***сынок, сына, дочка, доча, доченька***).

Что касается общих наименований лиц, выделяется единственный случай выражения дружелюбного отношения ***мужик*** – `2. сущ. м. (прост./разг.). друж. перен. Дружеское обращение к незнакомому человеку. *«И там вступал в разговоры. – Мужики, – прямо обращался он, – кто из деревни?»* (Шукшин. Выбираю деревню на жительство).

5. Выводы

Гендерный подход традиционно определяет историческое принижение роли женщин в общественной жизни, отражаемое в языке. Автор настоящей статьи попытался рассмотреть параллелизм формирования оценочной семантики на материале группы общих наименований лица и ЛТГ наименований лиц по близкородственным отношениям.

Среди видов эмоциональной оценки превалируют выражение ласкового отношения (особо использующегося при характеристиках детей), а также выражение дружелюбного отношения, впервые системно выделенного автором как особый тип эмоциональной оценки.

Отмечено асимметрия при формировании оценочных значений, так, не существует оценочной семантики у лексемы ***жёны*** в высоком стиле, нет формы ***сестринство*** наряду с формой ***братство***. Любопытно отсутствие интимных форм ***папа*** и ***мама***, лексем ***сын***, ***дочь*** при выражении дружелюбного отношения. Особое место занимает феномен формирования собственно-оценочной семантики вне отнесения к возрасту и полу (***батюшка***, ***батенька***, ***мамочка***, ***мамуся***). Автор де-

монстрирует, что значение суффикса -к может препятствовать формированию семантики ласки и дружелюбия как видов эмоциональной оценки (***бабка***, ***тетка***).

В целом в рамках прагмалингвистики (теории речевого воздействия) выяснены некоторые закономерности использования оценочной лексики и фразеологии при учете словарных фиксаций лексических и фразеологических единиц в толковых и специальных словарях.

Включение оценочных вариантов в словники словарей не всегда системно, зависит также от решения вопроса о признании суффиксов так называемой субъективной оценки слово- или формообразующими, типа словаря, учета хронологических критериев, стилистической принадлежности.

Предложенный анализ не является исчерпывающим исследованием уменьшительных, уменьшительно-ласкательных и ласкательных суффиксов, тем не менее выявленные семантические закономерности могут быть использованы при развития концепций лингвокультурологии и стилистики, а также в лексикографической практике и преподавании русского языка как иностранного.

Литература

Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Наука.

Бабкин, А. М., Бархударов, С. Г., Филин, Ф. П., и др. (Ред.). (1948-1965). *БАС: Словарь современного русского литературного языка*. АН СССР.

Буслаев, Ф. И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. Учпедгиз.

Вежбицкая, А. (1996). Личные имена и экспрессивное словообразование. В *Язык. Культура. Познание* (с. 89-200). Русские словари.

Виноградов, В. В. (1972). *Русский язык: Грамматическое учение о слове* (2-е изд.). Госучпедгиз.

Вольф, Е. М. (1985). *Функциональная семантика оценки*. Наука.

Востоков, А. Х. (1831). *Русская грамматика*. Императорская Российская академия.

Евгеньева, А. П. (Ред.). (1957-1960; 1981-1984; 1999). *МАС: Словарь русского языка*. АН СССР.

Зайнульдинов, А. А. (2005-2025). *ЭМОС – Словарь русской эмоционально-оценочной лексики и фразеологии*. Барселона.

Зайнульдинов, А. А. (2007). Эмоциональная оценочность русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря). *Russian Language Journal, 57*, 29–42.

Кирилина, А. В. (1999). *Гендер: лингвистические аспекты*. Институт социологии РАН.

Киселёва, Л. А. (1968). Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка. *Ученые записки Ленинградского пединститута, 281*, 377–414. Ленинград.

Киселева, Л. А. (1978). *Вопросы теории речевого воздействия*. ЛГУ.

Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *БТСРЯ: Большой толковый словарь современного русского языка*. Норинт.

Купина, Н. А., & Скорнякова, М. Ф. (1979). Коннотативность в семантической группе названий лица. В *Классы слов и их взаимодействие* (с. 92–108). УралГУ.

Национальный корпус русского языка. (n.d.). *НКРЯ*. https://ruscorpora.ru

Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (Ред.). (1981). *СО: Толковый словарь русского языка*. АН СССР.

Родимкина, А. М. (1980). *Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: Автореферат канд. филол. наук*. ЛГУ.

Стернин, И. А. (1996). *Русский речевой этикет*. ВОИПКРО.

Ушаков, Д. Н. (Ред.). (1935-1940; 2000). *СУ: Толковый словарь русского языка*. Советская энциклопедия.

Формановская, Н. И. (1982). *Русский речевой этикет: лингвистические и методологические аспекты*. Русский язык.

Химик, В. В. (2004). *БСРРР: Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Норинт.

Шмелёв, Д. Н. (1973). *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. Наука.

Eckert, P., & McConnell-Ginet, S. (2013). *Language and Gender*. Cornell University.

ИНОВАТИВНИ МЕТОДОЛОГИИ ЗА СТИМУЛИРАЊЕ НА КРИТИЧКОТО МИСЛЕЊЕ: АНАЛИЗА НА ПРЕДАВАЊЕТО НА ПРЕДМЕТОТ «МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК – СРЕДНО НИВО»

Blagojka Zdravkovska-Adamova
South East European University
Suada A. Džogović
Haxhi Zeka University
Aleksandra P. Taneska
South East European University

1. Вовед

Во современото живеење сè поактуелно е прашањето за критичкото мислење поради тоа што има огромно значење во секоја сфера од човековото опстојување, особено во време на брзи технолошки промени и на енормна достапност до информации. Станува збор за вештина која му овозможува на поединецот да го разбере светот околу себе, но и да стекнува способности за аргументирано размислување, анализирање и за донесување информирани одлуки.

Анализата на соодветната литература (Facione, 2015; Zdravkovska-Adamova et al., 2024) упатува на тоа дека најопшто критичкото мислење може да се определи како сложен когнитивен процес. Истовремено се однесува и на воспоставување дистинкција меѓу информации и дезинформации, а во насока на формирање логички засновани, аргументирани и информирани ставови. Овој процес опфаќа свесно размислување, ослободено од лични предрасуди и избрзани заклучоци, во насока на разбирање на суштината и релевантноста на достапните податоци.

Освен во другите клучни сфери од човековото опстојување, во рамките на актуелниот високообразовен контекст, критичкото мислење подразбира развој на аналитички способности, логичко расудување и решавање проблеми. Се смета за негов базичен темел, т.е. делува како клучен показател за нивото на образование и за професионалниот успех на поединецот (Arthi & Gandhimathi, 2025: 25). Анализата на наставните програми од високообразовните институции упатува на тоа дека оваа вештина сè повеќе се интегрира во образовните програми за да се подготват студентите за сложени интелектуални и професионални предизвици имајќи предвид дека се смета за една од најважните вештини за академски и професионален успех, но и за интелектуален прогрес. «Во современиот образовен дискурс, критичкото мислење честопати се поставува како универзална цел – сет од вештини кои се очекува студентите да ги развијат и да ги демонстрираат низ сите дисциплини» (Kayyali, 2026: 222).

Во контекст на зголемените глобални предизвици, вклучувајќи ги технолошкиот напредок и пристапот до информациите, студентите треба да бидат обучени да ги оценуваат изворите, да ја анализираат содржината и да донесуваат информирани одлуки. Оваа способност станува уште поважна во период кога вештачката интелигенција, на одреден начин, се доживува и како придобивка, но и како потенцијална закана. Од една страна, нејзината примена носи ефикасност,

автоматизација и пристап до обемни податоци. Од друга страна, отвора и сериозни етички, социјални и когнитивни прашања – како, на пример, губење работни места, манипулација со информации или обезвреднување на индивидуалното размислување. Во такви услови, критичкото мислење станува неопходна вештина за препознавање на веродостојноста на информациите, справување со дигиталните манипулации и за зачувување на човековата посебност и различност, па «Во ера во која доминираат брзите технолошки достигнувања и огромниот прилив на информации, способноста за критичко мислење станува поважна од кога било досега» (Simran, 2025: 242).

Следејќи ги современите трендови за учење и за усвојување јазик, а имајќи ја предвид важноста на критичкото мислење, во наставата по предметот Македонски јазик – средно ниво вклучуваме активности кои значајно придонесуваат за развојот на оваа вештина. Притоа, студентите стекнуваат знаења за лексичките и за граматичките структури. Воедно развиваат и способности за анализа на текстови, процена на веродостојност на информации, изнесување свои ставови кои ги базираат на аргументи. Нашата примарна цел, особено нагласена во наставните програми по предметите што ги предаваме, е стекнатите вештини студентите да ги применуваат во својата понатамошна професионална кариера бидејќи:

> Развивањето на критичко мислење заедно со јазичните вештини го активира потенцијалот за учење, ги усовршува клучните компетенции и за учење и за работни перформанси и ги одразува потребите за модернизација и за оптимизирање на методите на настава на терцијарно ниво (Sieglová, 2017: 189).

Во таа насока, применетите методолошки пристапи треба да се согледаат и низ призма на релевантните теории за усвојување јазик и когнитивен развој од 20. век. На когнитивниот пристап кон јазикот се задржува Чомски (Chomsky, 1986) анализирајќи ја поврзаноста меѓу вродените когнитивни способности и учењето јазик. Крашен (Krashen, 1982) во својата позната хипотеза (Input Hypothesis) ја истакнува важноста на поволните услови при усвојувањето втор јазик.

Посебен предизвик е балансирањето помеѓу традиционалните јазични вежби и современите методи кои поттикнуваат критичко мислење, каде што јазикот не се користи само како алатка за комуникација, туку и како средство за интелектуален развој и за општествен ангажман. Факт е дека во актуелниот образовен процес значајно место се дава на вештините за критичко мислење поради тоа што работодавците го наведуваат како клучна способност. Сепак, во традиционалните методи на предавање јазик акцент се става на усвојувањето на лингвистичките содржини. Современите образовни околности изискуваат одредена балансирана комбинација, при што совладувањето на јазичните елементи ќе биде евалуирано и преку задачи кои придонесуваат за развојот на критичкото мислење.

Имајќи го предвид ова, целта на нашето истражување е да покажеме како иновативните методологии во наставата по предметот Македонски јазик – средно ниво на УЈИЕ придонесуваат и за совладување на јазичниот материјал, но и за поттикнување на овие вештини. Овие пристапи позитивно влијаат и врз когнитивниот развој на студентите и врз нивните перцепции за значењето на оваа важна вештина.

Овој труд ќе придонесе за подобро разбирање на тоа како македонскиот јазик може да се користи како средство за развој на интелектуалните вештини кај студентите, а не само за вербална комуникација. Преку анализа на наставни пристапи и содржини, ќе се истакне потенцијалот на јазикот како алатка за критичко размислување, логичко аргументирање и за креативно изразување.

Ваквиот пристап го зацврстува значењето на наставата по македонски јазик како основа за формирање аналитички индивидуи кои самостојно го осознаваат и го претставуваат интелектуалниот свет.

2. Определување на поимот критичко мислење во современите теории од 21. век– преглед на литературата

Во Европската конвенција за човекови права [European Convention on Human Rights], во членот 10, се наведува дека секој има право на слобода на изразување, а ова право ја вклучува и слободата секоја личност да има свое мислење и да восприма и да пренесува информации и идеи без да биде под влијание на други, врз основа на сопствените способности за критичко мислење.

Критичкото мислење е едно од централните прашања во различни научни дисциплини, а особено место зазема во рамките на современата образовна теорија. Затоа во Рамката за учење во 21. век [Framework for 21st Century Learning] од Партнерството за вештини на 21. век [Partnership for 21st Century Skills] критичкото мислење и решавањето проблеми се идентификувани како едни од неколкуте вештини за учење и за иновации во постадолесцентскиот период. «Овие вештини од 21. век, ја подобруваат и флексибилноста на поединецот што значи дека студентите кои ги стекнуваат во текот на образовниот процес ќе можат да размислуваат на начин кој прифаќа различни ставови и мислења» (Zdravkovska-Adamova et al., 2024: 187).

Според Кагаба Амина (Kagaba, 2025: 114), критичкото мислење е уникатна и високо ценета когнитивна вештина неопходна за 21. век, карактеризирана како едно од «четирите Ц» [four C] заедно со комуникацијата [communication], соработката [collaboration] и креативноста [creativity].

Преку овој кус преглед на литературата кој следува сакаме да ги претставиме најзначајните определби и пристапи за критичкото мислење во современиот контекст, имајќи ги предвид трудовите од последниве петнаесетина години. Посебен акцент ставаме на истражувањата од овој период затоа што токму во овие години се менува и сфаќањето за оваа когнитивна вештина, а особено за нејзиното значење.

Различни теоретски пристапи (когнитивен, прагматичен, социокултурен итн.) му пристапуваат на овој мултидимензионален поим од различен аспект, но секако го потврдуваат значајниот интерес за него. Современите теории нудат различни перспективи, но она што е заедничко за нив е постепеното надминување на ставот дека станува збор исклучиво за интелектуална вештина. Актуелните дефиниции вклучуваат способност за оформување ставови, отвореност за прифаќање нови идеи, истражувачки активности, но и моралност.

Она што генерално е заедничко за современото конципирање на критичкото мислење е дена станува збор за комплексен поим, па при неговото дефинирање авторите вклучуваат други различни когнитивни вештини.

Фацјоне (Facione, 2015: 5) дефинирањето на критичкото мислење го базира на когнитивните вештини како толкување, анализа, интерференција, евалуација, објаснување и саморегулација.

Според Пол и Елдер (Paul & Elder, 2014: 4), критичко мислење е самонасочено, самодисциплинирано, самонабљудувано и самопроверувачко размислување за кое се неопходни стандарди на извонредност и свесно владеење на нивната примена.

Во својот труд, Абраими и соработниците (Abraimi et al., 2015: 275) го дефинираат критичкото мислење како «намерно, саморегулирачко расудување кое резултира со толкување, анализа, евалуација и заклучување, како и со објаснувања на размислувањата на кои се заснова таа процена.»

Лаи (Lai, 2011: 41–42) смета дека критичкото мислење, освен когнитивни вештини, опфаќа и склоности на кои може да се гледа како на ставови или умствени навики. Тие вештини вклучуваат отвореност и фер размислување, испитување, флексибилност, склоност за разумност, желба да се биде добро информиран и почит и подготвеност да се земат предвид и различни гледишта.

Халпер и Дан (Halper & Dunn, 2023: 6) даваат пообемна дефиниција на овој поим, односно:

> Критичкото мислење е примена на оние когнитивни вештини или стратегии кои ја зголемуваат веројатноста за посакуван исход. Се користи за да се опише размислување кое е намерно, образложено и насочено кон целта – вид на размислување вклучено во решавање проблеми, формулирање заклучоци, пресметување веројатност и донесување одлуки, кога мислителот користи вештини кои се обмислени и ефективни за конкретниот контекст и тип на мисловна задача.

Теориската рамка на ова истражување примарно се темели на моделот на Фацјоне (Facione, 2015), но споредбата со поновиот пристап на Халперн и Дун (Halpern & Dunn, 2023) овозможува да се согледа еволуцијата на поимот критичко мислење – од структурна класификација на когнитивни вештини кон нивна контекстуална примена.

Поимот критичко мислење покажува јасен развој од нормативниот модел на Фацјоне (Facione, 2015) кон применетиот пристап на Халпер и Дун (Halpern & Dunn, 2023). Дефиницијата на Фацјоне (Facione, 2015) ги обединува когнитивните вештини и интелектуалните склоности, а Халпер и Дун (Halpern & Dunn, 2023) ја нагласуваат практичната примена, односно свесната употреба на стратегии што ја зголемуваат веројатноста за успешни исходи при донесувањето одлуки и при решавањето проблеми.

3. Развојот на критичкото мислење – клучен предизвик во образованието

Критичкото мислење подразбира когнитивни и метакогнитивни вештини како што се анализа, евалуација, интерпретација и саморегулација, но опфаќа и лични ставови како отвореност, рационалност и спремност за преиспитување на сопствените уверувања. Сите овие способности се суштински и за успехот на поединецот, но и за општеството во целина.

Јасна и недвосмислена е неговата важност во сите сфери на човековото живеење. Тоа е клучно и во рамките на високото образование затоа што студентите ја имаат потребната ментална зрелост за да ги осознаат и да ги усвојат практиките за овие когнитивни способности, но и за да ја согледаат неговата огромна важност. Притоа, развојот на критичкото мислење, неговата евалуација, како и примената на дигитални технологии кои придонесуваат за негов развој и понатаму се наметнуваат како едни од најзначајните предизвици и приоритети. Сè уште се отворени прашањата за тоа како студенти не само да стекнуваат знаења туку и да умеат да ги анализираат, оценуваат и да ги применуваат во различни контексти. Понатаму, важно е и како соодветно да бидат оценувани овие вештини, односно професорите да создадат мерливи инструменти кои ќе овозможат веродостојни оценки. Дигитализацијата и вештачката интелигенција се неминовни, но треба да поттикнуваат когнитивни способности, а не да ги пасивизираат студентите. Во таа насока се и промените на ChatGpt 5, во делот на образованието се направени значителни подобрувања. Преку нив вештачката

интелигенција ќе се користи за подобро разбирање на одделни теми или области, за помош при истражување, притоа имајќи ја предвид загриженоста околу академскиот интегритет.

Образовниот систем сè почесто се соочува со потребата од практични стратегии за поттикнување на овие вештини. Наставните програми, педагошките пристапи и методологиите на оценување треба да се трансформираат во насока на поттикнување и на развој на клучните когнитивни вештини за активно учење, дебата, истражување и решавање на проблеми, т.е. за практична примена на стекнатите знаења. На развојот на критичкото мислење не треба да се гледа само како на академски процес, туку како на оспособување на идните академски граѓани за опстојување во динамични, комплексни и честопати непредвидливи околности. Затоа, неговото поттикнување претставува траен образовен приоритет и суштински влог во иднината на образованието. Во таа насока се потребни и квалитативни и квантитативни истражувања кои ќе бидат фокусирани на поврзаноста меѓу вештините за критичко мислење и стекнувањето долгорочни знаења.

Евалуацијата на критичкото мислење претставува сложен процес кој бара повеќе од проверка на фактографско знаење, а со самото тоа и многу поголем ангажман за професорите. Успешните практики се базираат на различни и доброосмислени методи преку кои се вреднуваат длабочината на размислувањето, способноста за аргументација, примената на логика, можноста да се изложат лични и поткрепени ставови, примената на етичките стандарди. Од особено значење е и почитувањето на дадените инструкции за задачата, што претставува сериозен проблем. Според нашето истражување, ефикасното и реалното оценување е вистински предизвик, особено кога тоа треба да се направи за многумина студенти, во временски определен рок, како што е тоа во нашиот случај.

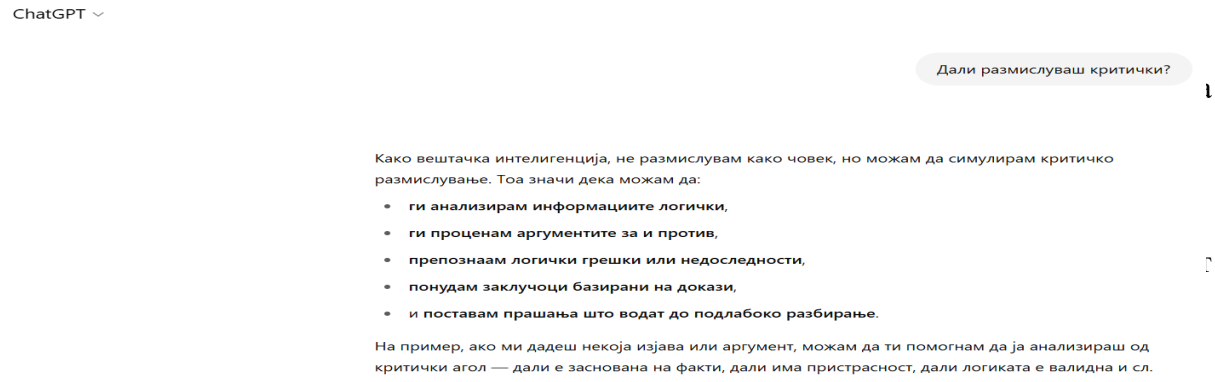
Во време на импулсивен развој на дигиталните технологии посебно внимание треба да се посвети на нивната примена при осмислување на наставни активности кои промовираат критичко мислење. Наш став е дека тие треба да се задолжителен дел бидејќи нудат нови можности за развој на аналитички и мисловни вештини. Но свесни сме и дека, од друга страна, претставуваат предизвик поради преголемиот пристап до информации и зголеменото присуство на дезинформации. Дигиталната писменост е неопходна, а интеграцијата на дигиталните технологии во наставата треба да се води од педагошки цели кои ја поддржуваат автономијата на размислувањето, етичката употреба на информациите и развојот на комплексни когнитивни вештини, што всушност е и основата на критичкото мислење во 21. век.

3.1. Критичкото мислење VS. вештачката интелигенција

Според познатиот кинески бизнисмен и филантроп Џек Ма (Jack Ma), «Образованието е голем предизвик сега. Ако не го смениме начинот на кој предаваме, за 30 години од сега ќе бидеме во неволја» (Whiting, 2018). И тоа е повеќе од јасно.

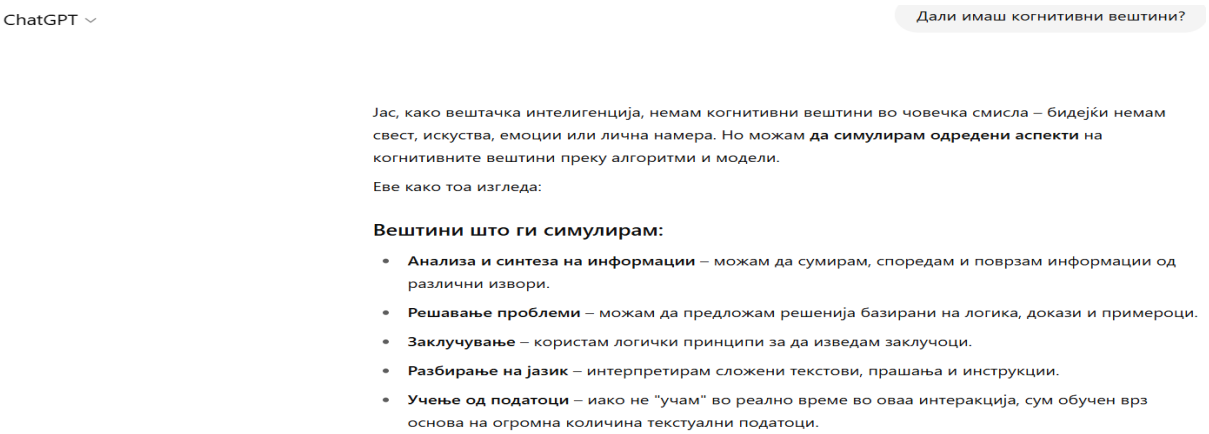
Притоа не можеме целосно да се согласиме со неговиот став дека досегашниот модел на предавање базиран на пренос на знаење целосно треба да се надмине, бидејќи постојат теоретски сознанија и концепти кои студентите мора да ги совладаат како основа за надградување на своите знаења. Сепак, очигледно е дека се потребни промени во пристапот за да се одговори на предизвиците на современото живеење, но, пред сè, на технолошкиот напредок. Не можеме да очекуваме студентите да се натпреваруваат со машините во однос на брзината на обработката на податоците бидејќи тука вештачката интелигенција е ненадминлива. Она што можеме, но и мораме да го направиме, е да ги подготвиме студентите да развиваат вештини кои ќе ги разликуваат од машините: критичко

размислување, креативност, емоционална интелигенција, етичка свест, комуникација и способност за интердисциплинарност. Преку вакви вештини, студентите ќе можат не само да функционираат во дигитализираниот свет, туку и активно да учествуваат во неговото обликување.

Слика 1: Одговор на прашањето на ChatGpt: Дали размислуваш критички?

Следното прашање беше дали поседува когнитивни вештини.

Слика 2: Одговор на прашањето на ChatGpt: Дали имаш когнитивни вештини?

Преку овој одговор јасно се потврдува дека фокусот во високообразовните програми треба да биде насочен кон развојот на когнитивните вештини. На тој начин студентите ќе се изделат како уникатни ентитети кои ќе напредуваат заедно со вештачката интелигенција, а нема да се соочуваат и да се натпреваруваат со неа.

Предвидувањата на Светскиот економски форум се дека роботите ќе заменат околу 800 милиони работни места до 2030. За да се справиме со овој сериозен предизвик, студентите треба да стекнуваат специјални вештини преку кои ќе бидат уникатни и незаменливи. Тука, пред сè, станува збор за когнитивните вештини, т.е. критичкото мислење кое по дефиниција е комплексен поим – опфаќа различни и поинакви когнитивни вештини. Притоа сакаме да нагласиме дека се согласуваме со ставовите дека доколку се користи правилно вештачката интелигенција, таа исклучително е корисна за студентите (Du et al., 2025; Hussain & Ali, 2025; Oliveira et al., 2025; Ward et al., 2024).

4. Методологија на истражувањето и активности за стимулирање на критичкото мислење

Работодавците од земјите членки на ЕУ ги издвојуваат дигиталните способности и критичкото мислење како неопходни компетенции што секој студент треба да ги развие за време на своето образование, бидејќи, независно од избраната професионална насока, овие вештини се од суштинско значење за успешно и за ефикасно работење. Преку нив тие ќе се приспособат на постојаните промени на пазарот на трудот во едно динамично дигитално опкружување, но и полесно ќе се справат со комплексни и мултидисциплинарни задачи.

Имајќи го предвид ова, при ревидирањето на сите наставни програми по предметите од областа на македонскиот јазик на УЈИЕ, во активностите вклучуваме дигитални вештини и задачи кои придонесуваат за развојот на критичкото мислење. Ваквиот пристап бара многу поголем ангажман од професорите и во насока на евалуација на задачите, но и во насока на давање повратен одговор.

Анализирајќи ја релевантната литература во однос на ова прашање, особено корисно ни беше истражувањето на Фацјоне (Facione, 2015) кој ги изделува клучните когнитивни вештини кои ги имаат оние кои покажуваат добри способности за критичко мислење: толкување, анализа, интерференција, евалуација, објаснување и саморегулација. За сите нив авторот го сумира нивниот опис од експертите, ги наведува прашањата кои ги поттикнуваат вештините за критичко мислење, а ги нагласува и субвештините.

Слика 3: Клучни вештини за критичко мислење (Facione, 2015: 5)

4.1. Учесници

Во рамките на ова истражување беа вклучени вкупно 337 студенти. Од нив, 122 се од Кампусот во Скопје, а 215 од Кампусот во Тетово. Сите тие беа регистрирани за предметот Македонски јазик – средно ниво 1 и 2 (МЈСН) на УЈИЕ, во академската 2024/2025. На студентите кои го следат овој предмет, македонскиот јазик не им е мајчин јазик, меѓутоа го знаат на средно ниво.

4.2. Инструменти

Применет е комбиниран методолошки пристап. Квалитативниот дел од истражувањето опфаќа анализа на задачи, систематско набљудување на воспитно-образовните активности во текот на предавањата и работа со фокус-групи за продлабочено разбирање на искуствата и на перцепциите на студентите. Квантитативните податоци се собрани преку стандардизирани инструменти за евалуација на резултатите во однос на клучните когнитивни вештини.

4.3. Процедура

Во однос на методологијата на нашиот труд, веќе споменавме дека ги користиме теоретски сознанија на Фаџјоне (2015) за да структурираме соодветни активности кои ги имплементираме во наставата при усвојувањето на македонскиот јазик. Притоа, под а. ќе го наведеме објаснувањето кое го дава Фаџјоне за секоја когнитивна вештина[1] која придонесува за развој на критичкото мислење, а под б. ќе ја наведеме активност која ја применуваме. Во однос на квантитативниот дел од истражувањето, во одделни графикони под в. ќе ги наведеме резултатите кои ги постигнаа студентите за секоја активност. Податоците се преземени од платформата Гугл класрум [Google Classroom] која е задолжителна алатка на УЈИЕ. На крајот, по секоја когнитивна вештина, даваме сублимирано објаснување.

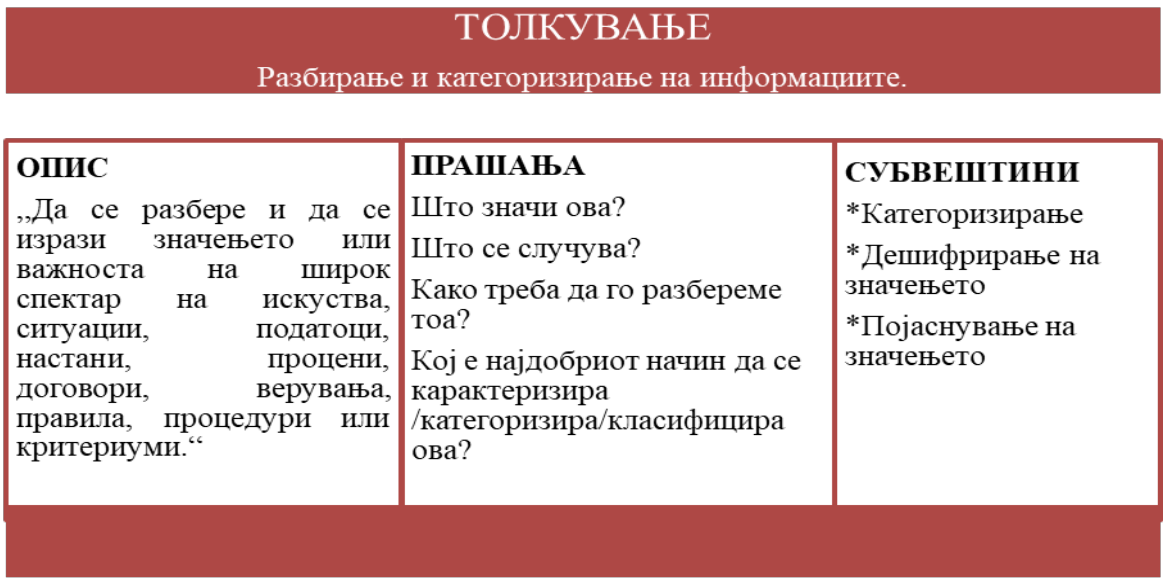
Во графиконите се претставени заедничките резултати и од двата кампуса во Тетово и во Скопје. А во табелата 1 се наведени сумираните резултати од дескриптивната статистика и според когнитивни вештини и според кампус.

Имено, во наставната програма за МЈСН за секоја различна вештина за критичко мислење се наведени соодветната активност и критериумите за нејзина евалуација. При евалуацијата на активностите, сите проценти (10 %) или дел од процентите (5 %) беа поврзани со соодветната когнитивна вештина.

Особено внимание беше посветено на тоа на студентите да им бидат дадени јасни насоки за секоја задача, преку објаснувањата на Гугл класрум и/или во текот на предавањата со строго дефинирани стандарди за оценување (Zdravkovska-Adamova et al., 2024). Студентите имаа определен разумен рок за завршување на активноста. Вежбите кои беа испратени по определениот рок, не беа земени предвид.

4. 1. Толкување (Interpretation)

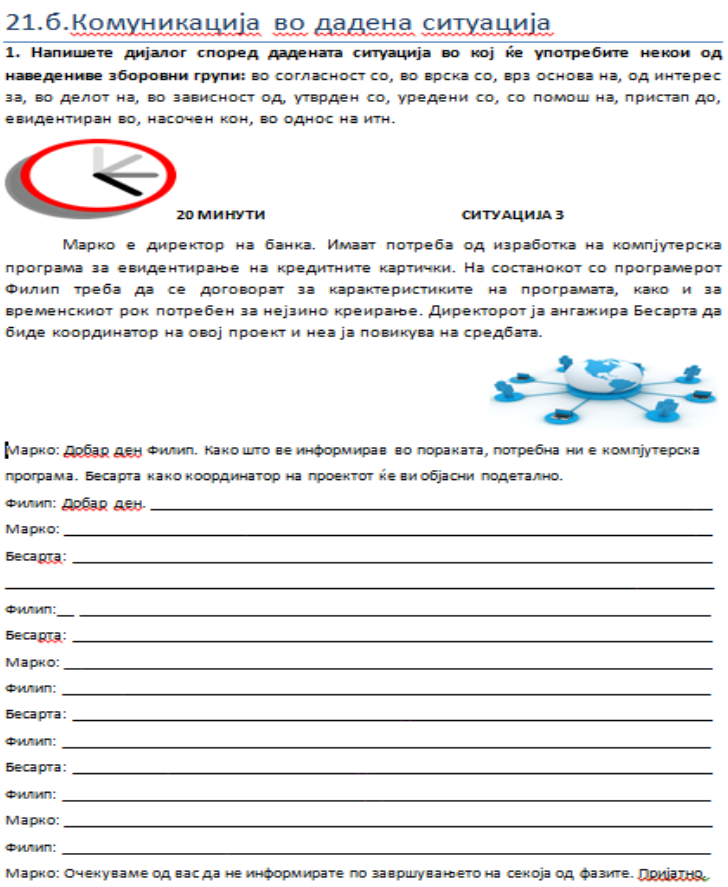
4. 1. а. Објаснувањето дадено од Фаџјоне

Слика 4: Објаснувањето дадено од фаџјоне (толкување).

[1] За секоја когнитивна вештина Фаџјоне главно споменува повеќе прашања, а ние ги наведуваме оние кои сметавме дека се клучни.

4. 1. б. Применета активност

21.б.Комуникација во дадена ситуација

1. Напишете дијалог според дадената ситуација во кој ќе употребите некои од наведениве зборовни групи: во согласност со, во врска со, врз основа на, од интерес за, во делот на, во зависност од, утврден со, уредени со, со помош на, пристап до, евидентиран во, насочен кон, во однос на итн.

20 МИНУТИ **СИТУАЦИЈА 3**

Марко е директор на банка. Имаат потреба од изработка на компјутерска програма за евидентирање на кредитните картички. На состанокот со програмерот Филип треба да се договорат за карактеристиките на програмата, како и за временскиот рок потребен за нејзино креирање. Директорот ја ангажира Бесарта да биде координатор на овој проект и неа ја повикува на средбата.

Марко: Добар ден Филип. Како што ве информирав во пораката, потребна ни е компјутерска програма. Бесарта како координатор на проектот ќе ви објасни подетално.

Филип: Добар ден. _____

Марко: _____

Бесарта: _____

_____

Филип: _____

Бесарта: _____

Марко: _____

Филип: _____

Бесарта: _____

Филип: _____

Бесарта: _____

Филип: _____

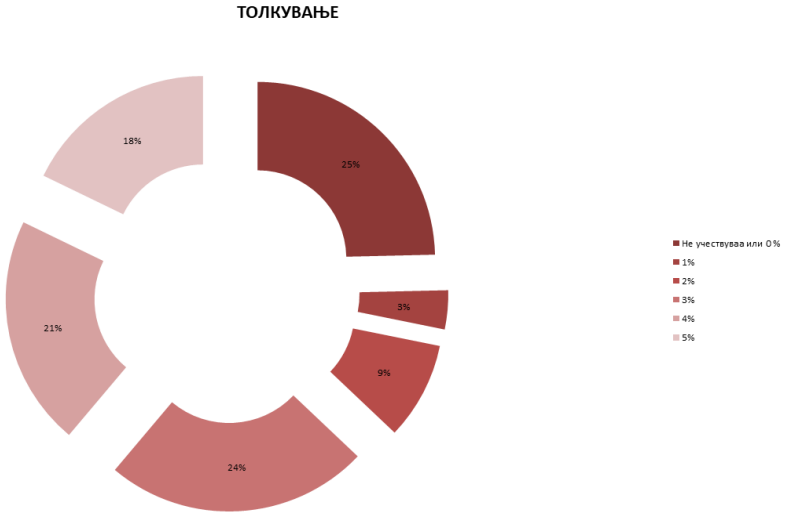
Марко: _____

Филип: _____

Марко: Очекуваме од вас да не информирате по завршувањето на секоја од фазите. Пријатно.

Слика 5: Применета активност (толкување).

4. 1. в. Резултати (Гугл класрум)

Слика 6: Резултати (толкување).

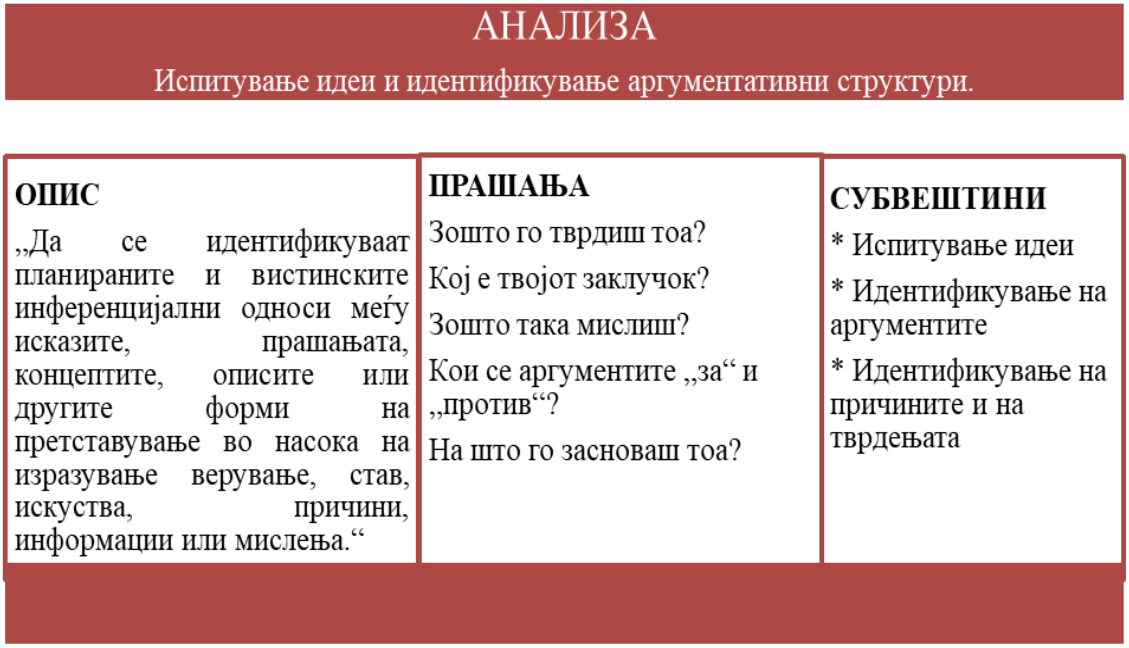
Веќе го споменавме нашиот став во однос на тоа дека не треба да се надминува традиционалниот начин на усвојување јазик. Оваа вежба е потврда за тоа, па е во делот на усвојување и примена во контекст на одреден вокабулар.

Станува збор за зборовни групи кои студентите прво треба да ги преведат на својот мајчин јазик, па на тој начин да го разберат значењето и притоа соодветно да ги толкуваат. Потоа студентите добиваат соодветни ситуации, различни за секој факултет, за кои на час треба да напишат дијалог во кој ќе ги употребат зборовните групи (студентите се делат во фокус-групи врз основа на областа на студии). Притоа треба да изберат јазичен контекст во кој најсоодветно ќе се вклопат.

Евалуацијата на стекнатите знаења е врз основа на индивидуалната активност – секој студент требаше да испрати самостојно изработен дијалог на Гугл кларум. За оваа активност студентите можеа да добијат вкупно 10 %, односно 5 % за учество во фокус-групата (тоа не е претставено во графиконот), а 5 % за примена на когнитивната вештина толкување во рамките на индивидуалната задача. Според резултатите претставени во графиконот 3. 1. в., од вкупно 337 студенти, 254 студенти ја имаа испратено задачата во дадениот рок. Од нив, максимум проценти добија 60 студенти, а 12 студенти минимум (само 1 %). Очекувано, најголемиот број студенти добија 3 и 4 %.

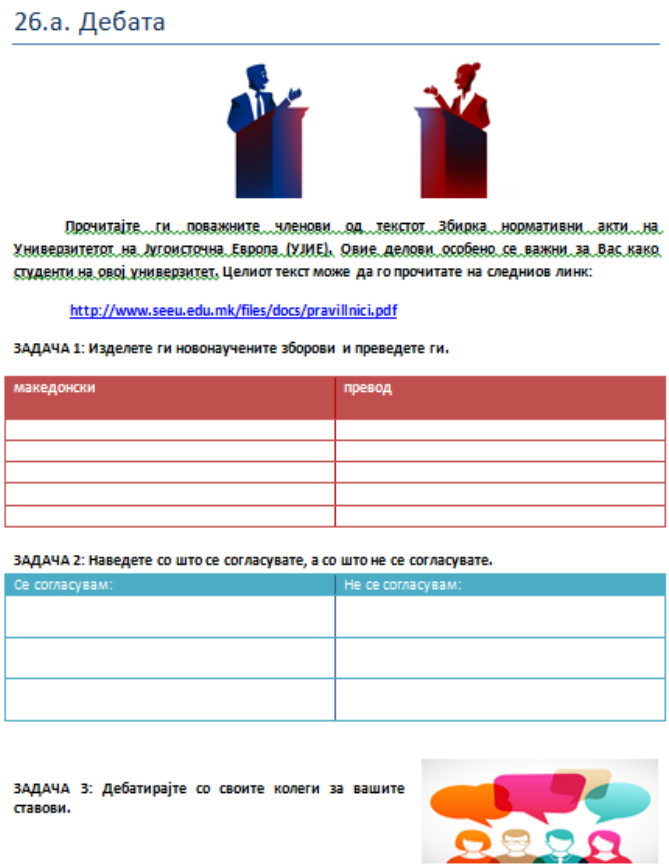
4. 2. Анализа (Analysis)

4. 2. а. Објаснувањето дадено од Фацјоне

Слика 7: Објаснувањето дадено од фацјоне (анализа).

4. 2. б. Применета активност

26.а. Дебата

Прочитајте ги поважните членови од текстот Збирка нормативни акти на Универзитетот на Југоисточна Европа (УЈИЕ). Овие делови особено се важни за Вас како студенти на овој универзитет. Целиот текст може да го прочитате на следниов линк:

http://www.seeu.edu.mk/files/docs/pravillnici.pdf

ЗАДАЧА 1: Изделете ги новонаучените зборови и преведете ги.

македонски	превод

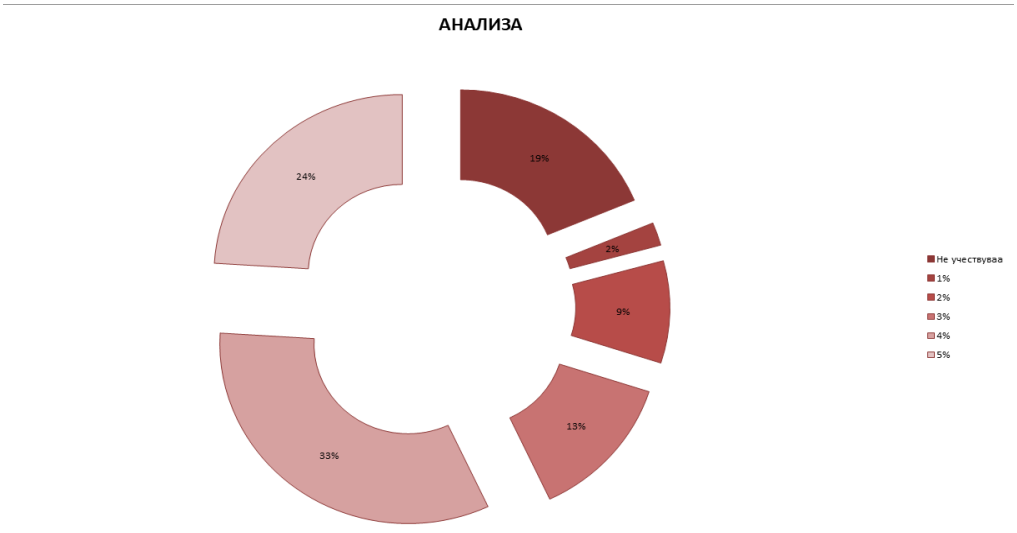
ЗАДАЧА 2: Наведете со што се согласувате, а со што не се согласувате.

Се согласувам:	Не се согласувам:

ЗАДАЧА 3: Дебатирајте со своите колеги за вашите ставови.

Слика 8: Применета активност (анализа).

4. 2. в. Резултати (Гугл класрум)

Слика 9: Резултати (анализа).

Анализата, како когнитивна вештина што значително придонесува за развојот на критичкото размислување, често ја нагласуваат неколкумина научници (Abrami et al., 2015; Dwyer et al., 2014; Lai, 2011; Zdravkovska-Adamova et al., 2024). Следствено, оваа област заслужува наше посебно внимание.

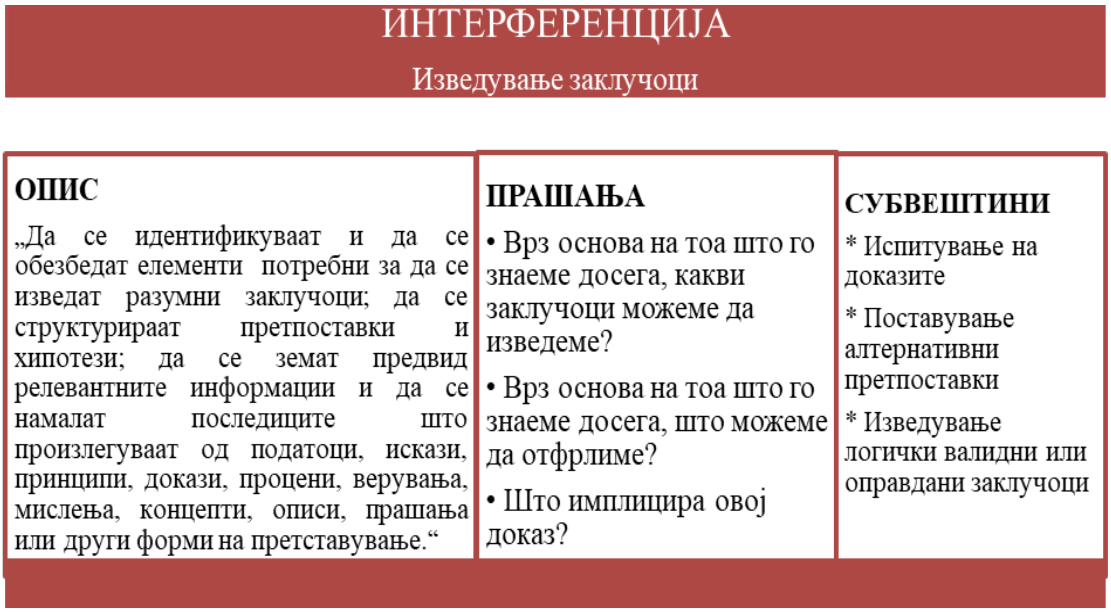
Предвидена активност за неа е дебата во однос на внимателно избрани членови од Правилникот за прв циклус на студии на УЈИЕ. Па така, секундарната придобивка од неа е дека студентите стекнуваат и многу важни сознанија во однос на своите студии, т.е. колку кредити се потребни за премин од една во друга академска година, кога и на кој начин се објавуваат оценките, кои се идните чекори доколку не се задоволни со резултатите, процентот на присуство на предавањата и слично.

Во однос на примарната придобивка – развојот на анализата како когнитивна вештина – од студентите кои беа поделени во групи се бара, откако внимателно ќе ги прочитаат издвоените членови, да образложат со што од напишаното се согласуваат, а со што не, да објаснат врз основа на што го засноваат својот заклучок, а во рамките на дебата со студентите од другите групи веродостојно и издржано да ги бранат своите аргументи.

Максималниот број проценти се однесуваше на два аспекта, 5 % за завршување на дадените вежби во книгата (не е презентирано во графиконот). Другите 5 % се однесуваа на вештините за анализа, односно испитување на идеите, образложување на аргументите и идентификување на причините и тврдењата. Според резултатите претставени во графиконот 3. 2. в., јасно е дека студентите покажаа голем интерес за дебата. Во неа зедоа учество 274 студенти, а 192 добија 4 и 5 %.

4. 3. Интерференција (Interference)

4. 3. а. Објаснувањето дадено од Фацј

Слика 10: Објаснувањето дадено од фацјоне (интерференција).

4. 3. б. Применета активност

23.а. Независносложени реченици

Независносложените реченици спаѓаат во групата на сложени реченици. Составните дел-реченици се независни една од друга.

Се изделуваат следниве видови независносложени реченици:

Составни реченици	Спротивни реченици	Разделни реченици	Исклучни реченици	Заклучни реченици
и	а	или	само	значи
ни	но	или – или	само што	веројатно
ниту	ама	и – и	освен што	сигурно
па	туку	ни – ни	единствено	

1. Напиши пример со дадениот сврзник и преведи го:

И - _____

_____ - _____

НО - _____

_____ - _____

ИЛИ - _____

_____ - _____

САМО ШТО - _____

_____ - _____

ЗНАЧИ - _____

_____ - _____

ЗАДАЧА: Размислете и наведете ги предностите и недостатоците на електронската комуникација. Притоа употребете барем по еден сврзник од сите видови независносложени реченици.

_____

_____

_____

_____

_____

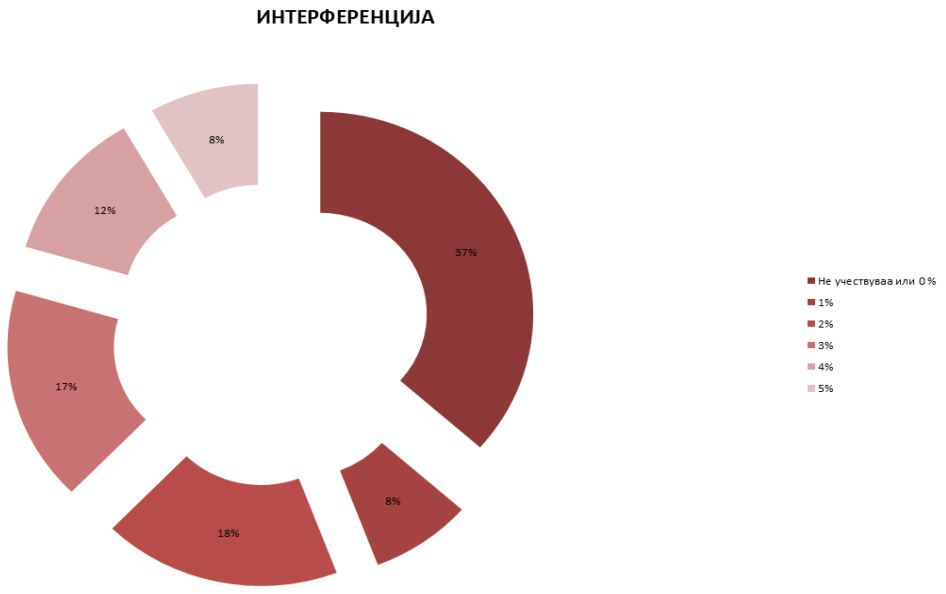
_____

_____

_____

Слика 11: Применета активност (интерференција).

4. 3. в. Резултати (Гугл класрум)

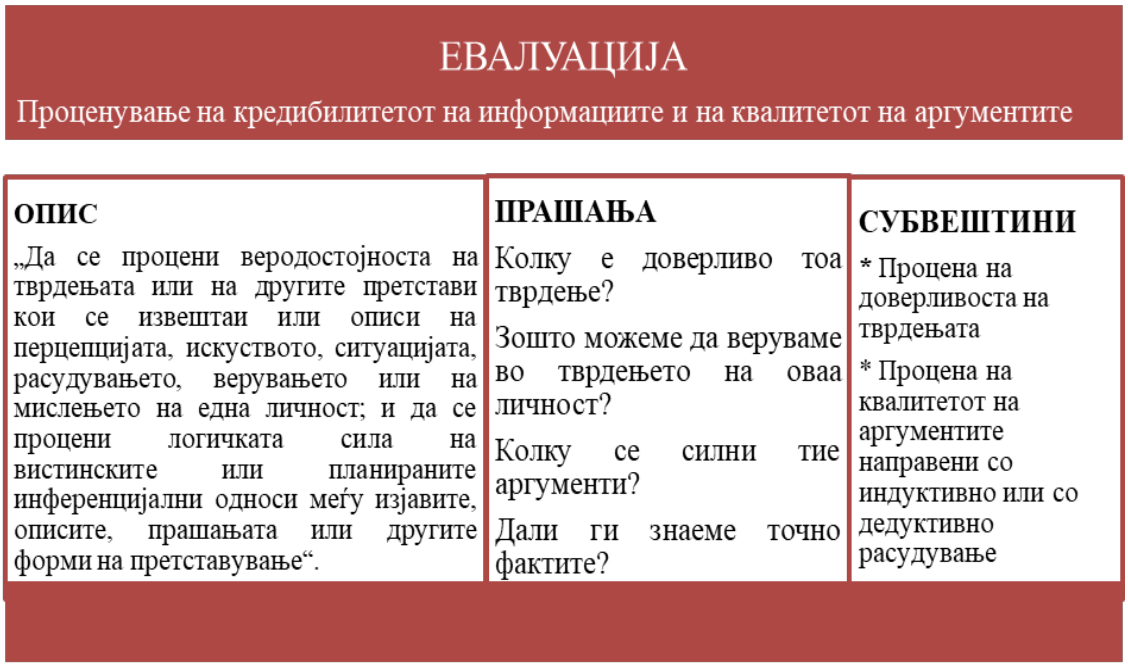
Слика 12: Резултати (интерференција).

Активноста за когнитивната вештина интерференција, т.е. изведување заклучоци, ја комбинираме со усвојувањето на сврзниците за независносложените реченици. Откако ќе ги преведат на својот мајчин јазик, од студентите се бара да ги применуваат во одделни реченици. Во втората фаза се преминува на формулирање аргументирани ставови. Професорот дава релевантни и актуелни извори поврзани со електронската комуникација (кратки статистики, делови од истражувања, ставови на компетентни личности). Врз основа на нив, од студентите се бара да напишат краток текст (индивидуална задача) во кој треба: 1. да идентификуваат факти; 2. да формулираат и да постават една претпоставка/хипотеза; да изведат логичен и оправдан заклучок кој се однесува на предностите и недостатоците на електронската комуникација. Притоа треба да употребат најмалку по еден сврзник од петте видови независносложени реченици.

Од максималните 10 проценти, 5 % беа за вежбите во книгата, а во графиконот се презентирани резултатите за краткиот текст (5 %). Врз основа на задачите можеме да изделиме два главни проблема со кои се соочуваат студентите: 1. имаат тешкотии писмено да ги изразат аргументираните ставови; 2. голем дел од нив задачата ја завршиле преку ChatGpt без притоа да направат каква и да е промена (0 %), па на тој начин покажуваат недоверба во своите капацитети. Генерално, бевме незадоволни од покажаните резултати (графикон 3. 3. в.), па во текот на следната академска година ќе направиме дополнителна подготовка.

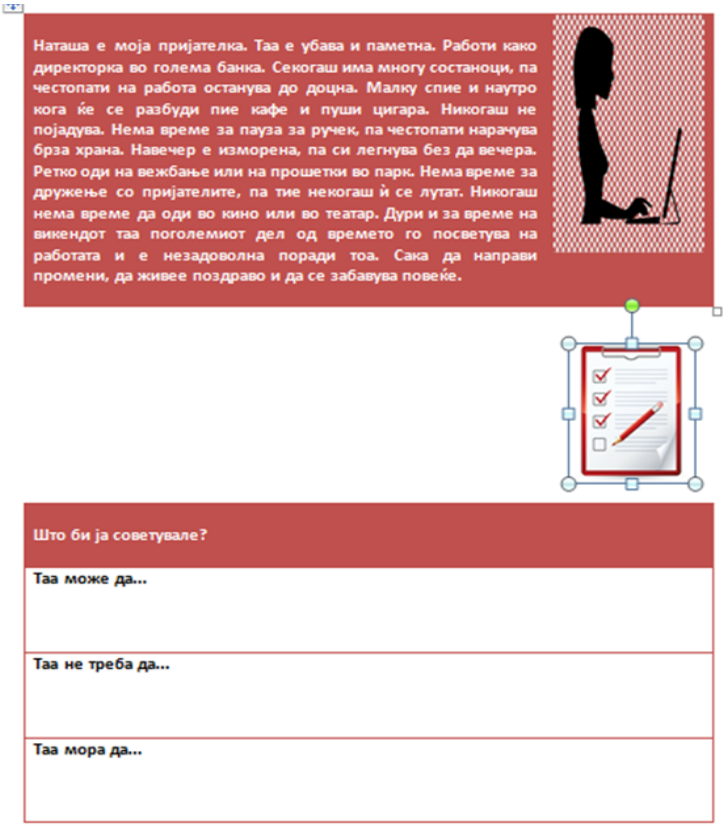
4. 4. Евалуација (Evaluation)

4. 4. а. Објаснувањето дадено од Фацјоне

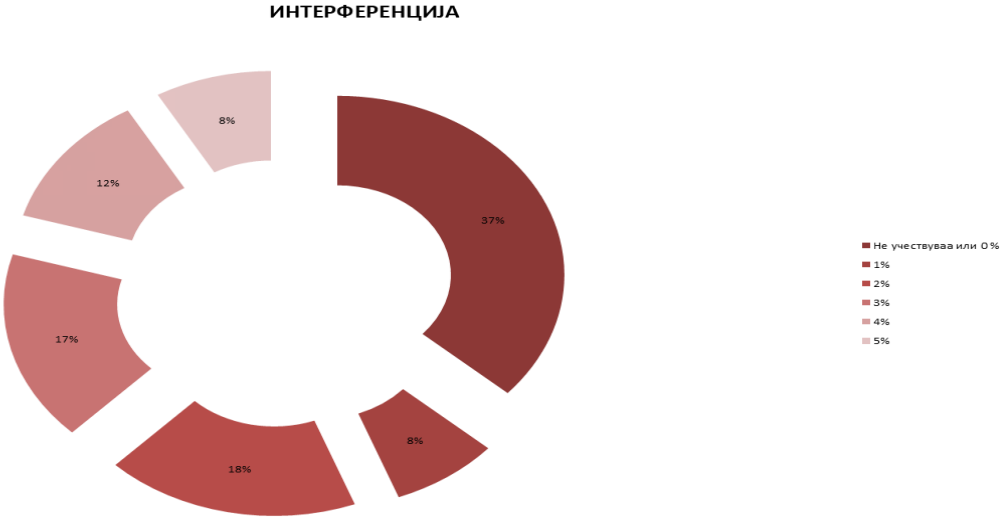
Слика 13: Објаснувањето дадено од фацјоне (евалуација).

4. 4. б. Применета активност

Слика 14: Применета активност (евалуација).

4. 4. в. Резултати (Гугл класрум)

Слика 15: Резултати (евалуација).

Активноста за совладување на евалуацијата како когнитивна вештина која придонесува за развојот на критичкото мислење е комбинирана со повторувањето на модалните глаголи во македонскиот јазик (може, мора и треба).

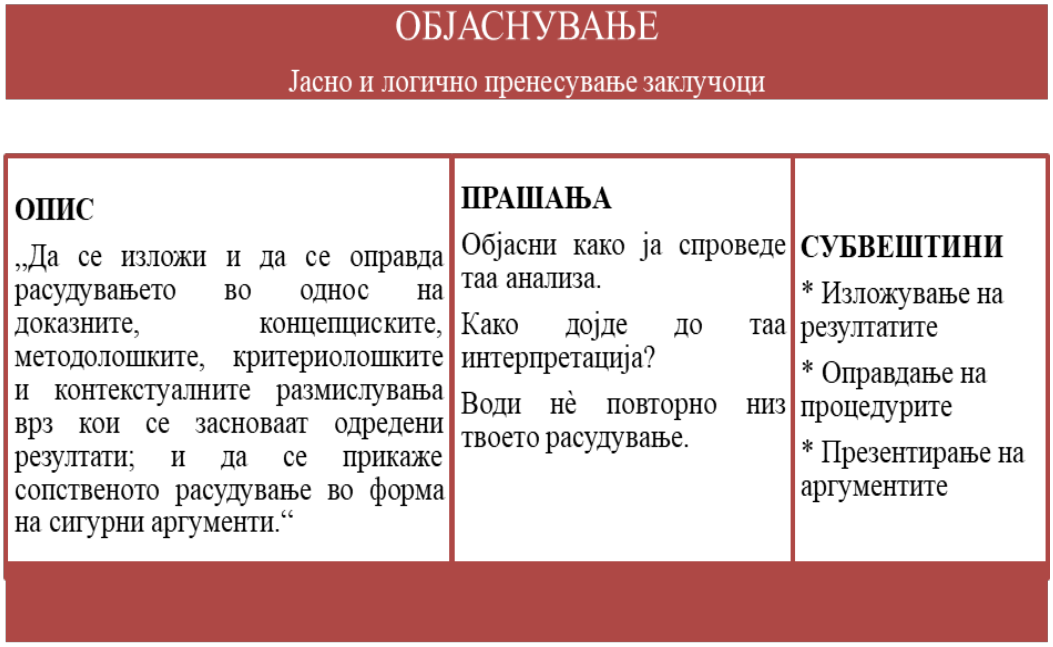
Станува збор за индивидуална активност. Од секој студент се бара внимателно да го прочита краткиот текст за животниот стил на Наташа, па потоа да ја советува како да го подобри својот живот. Односно, врз основа на текстот треба да процени што може и што мора да прави/направи, а што не треба да прави за да има поквалитетен живот. Треба и да го образложат своето тврдење и да наведат што од тоа применуваат во својот живот.

Евалуирајќи ги своите препораки, студентите ги оценуваа и своите секојдневни навики. На тој начин тие го преиспитуваа и својот животен стил, концентрирајќи се на тоа што треба да променат и какви придобивки ќе имаат од тоа. На тој начин активноста им помогна да развијат поголема свесност за личната одговорност и за влијанието на личните одлуки врз квалитетот на животот. Претставува пример за интегриран пристап, каде што јазичните и когнитивните цели се постигнуваат истовремено.

За оваа задача (вежбата во книга и анализата на својот животен стил) студентите можеа да добијат максимум 10 %. Резултатите од графиконот 3. 4. а. потврдуваат дека студентите покажаа одлични способности за евалуација. Даваа издржани и конкретни совети за подобрување на квалитетот на животот на Наташа, а и реално ги оценуваат своите животни навики. Поради тоа, сите студенти што учествуваа, добија над 5 %. Околу 35 % проценти од вкупниот број студенти добија максимални 10 %.

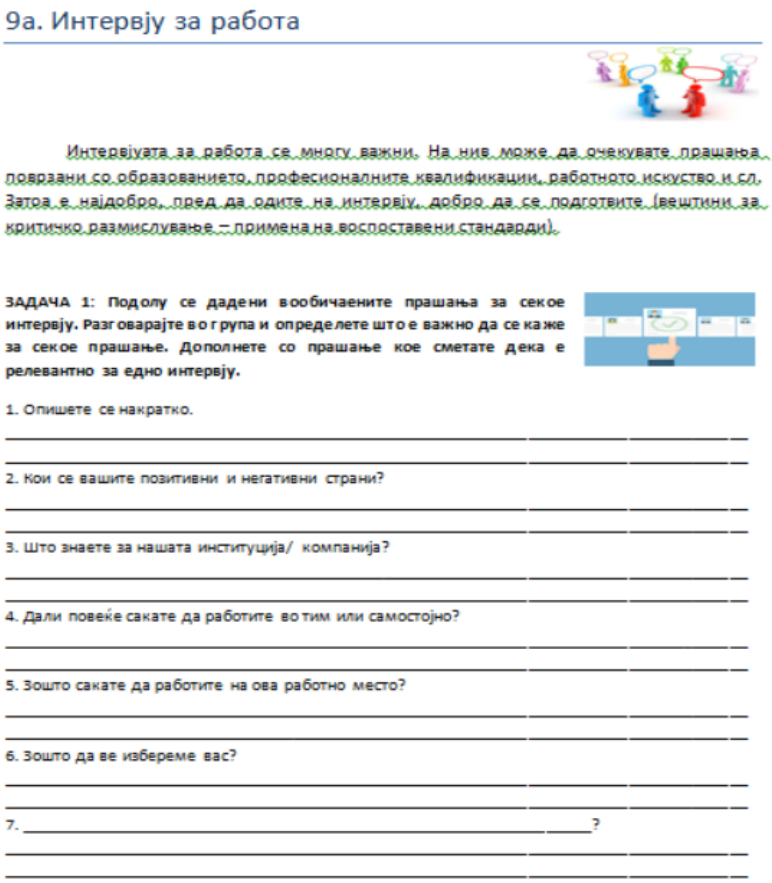
4. 5. Објаснување (Explanation)

4. 5. а. Објаснувањето дадено од Фаџоне

Слика 16: Објаснувањето дадено од фаџоне (објаснување).

4. 5. в. Применета активност

9а. Интервју за работа

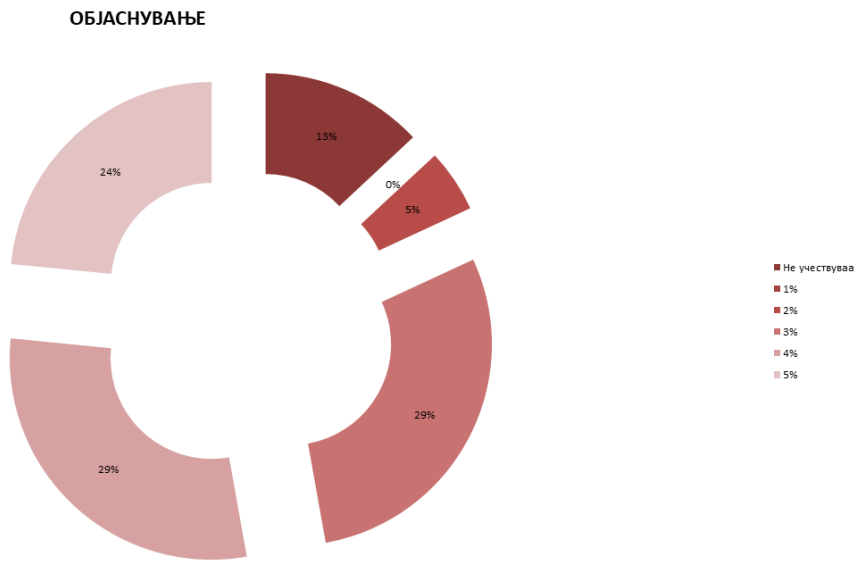
Интервјуата за работа се многу важни. На нив може да очекувате прашања поврзани со образованието, професионалните квалификации, работното искуство и сл. Затоа е најдобро, пред да одите на интервју, добро да се подготвите (вештини за критичко размислување – примена на воспоставени стандарди).

ЗАДАЧА 1: Подолу се дадени вообичаените прашања за секое интервју. Разговарајте во група и определете што е важно да се каже за секое прашање. Дополнете со прашање кое сметате дека е релевантно за едно интервју.

1. Опишете се накратко.
2. Кои се вашите позитивни и негативни страни?
3. Што знаете за нашата институција/ компанија?
4. Дали повеќе сакате да работите во тим или самостојно?
5. Зошто сакате да работите на ова работно место?
6. Зошто да ве избереме вас?
7. _____?

Слика 17: Применета активност (објаснување).

4. 5. в. Резултати (Гугл класрум)

Слика 18: Резултати (објаснување).

При ревидирањето на наставните програми особено внимание беше посветено и на тоа предвидениот материјал да им биде корисен на студентите во текот на нивната професионална кариера.

Затоа за когнитивната вештина објаснување, односно за јасно и логично пренесување заклучоци, беше избрано интервјуто за работа (влезно и излезно). На студентите им беа дадени 6 прашања кои најчесто се поставувани на влезното интервју. Потоа од нив беше побарано да направат одредено истражување на интернет, да преслушаат одредени видеа. Врз основа на стекнатите сознанија, индивидуално ги пишуваа одговорите, а усно ги интерпретираа и ги објаснуваа своите размислувања и аргументи.

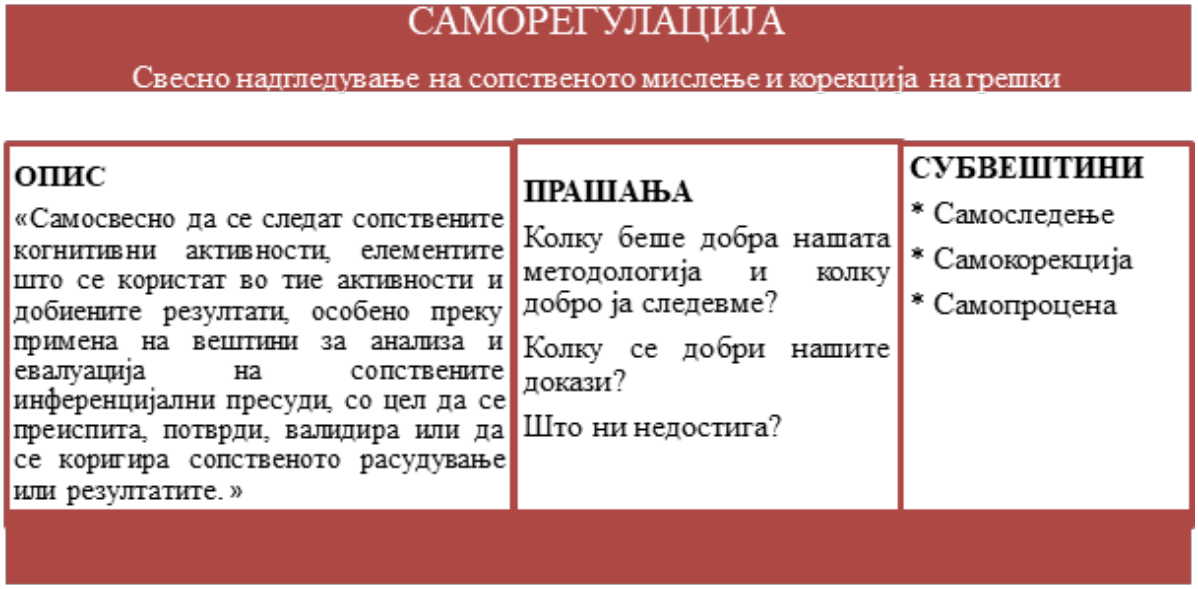
Преку оваа активност студентите ја развиваат способноста за јасно, логично и за аргументирано толкување, што е клучно за успешно претставување на интервју за работа, коешто е реална ситуација во професионалниот свет.

Од предвидените 10 %, половина беа за влезното интервју (резултатите се претставени во графиконот 3. 5. в.), а другите 5 % за излезното интервју кое за повеќемина студенти не беше многу познато.

Професорите покажаа изненаденост и задоволство од: подготвеноста на студентите (внимателно ги имаа прочитано материјалите од Гугл класрум), истражувањето кое го направија, спремноста да дадат креативен одговор на прашањата и од објаснувањето кое го даваа. Поради тоа над 50 % од студентите добија 4 и 5 %. Сметаме дека тоа се должи, пред сè, на свесноста на студентите за значењето на влезното интервју во нивната професионална кариера.

4. 6. Саморегулација (Self-regulation)

4. 6. а. Објаснувањето дадено од Фацјоне

Слика 19: Објаснувањето дадено од фацјоне (саморегулација).

4. 6. б. Применета активност

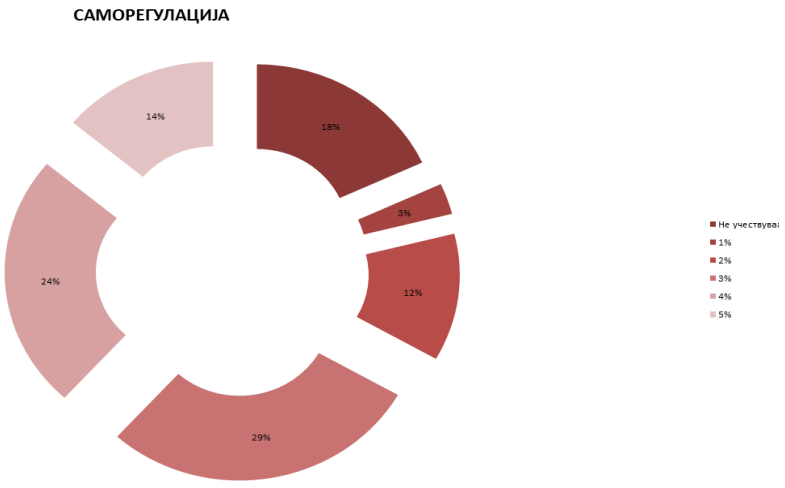
ПРАШАЛНИК ЗА КРИТИЧКА АНАЛИЗА

НА ПИСМОТО ЗА ИЗРАЗУВАЊЕ БАРАЊЕ НА _____ ИД _____

Структура	**Да, има**	**Не, нема**	**Делумно**
Потполни информации за испраќачот			
Потполни информации за примачот			
Има задолжителни делови			
Има јасно изложено барање			
Има наведена причина (придонес)			
Има дадено благодарност			
Техничка среденост на писмото	**Да**	**Не**	**Делумно**
Јасно се изделени сите потребни делови			
Соодветно е означен нов ред			
Чисто и прегледно е напишан текстот на писмото			
Граматика	**Да, има**	**Не, нема**	**Делумно**
Има правописни грешки (правилно пишување на зборовите)			
Стил и јасност	**Има**	**Нема**	**Делумно**
Соодветен избор на зборови			
Јасни реченици			
Има непотребни информации			
Соодветен професионален стил на изразување			

Слика 20: Применета активност (саморегулација).

4. 6. в. Резултати (Гугл класрум)

Слика 21: Резултати (саморегулација).

И пишувањето професионално писмо е важно за нивната понатамошна кариера. Откако дебатираат за предностите и за недостатоците на писмената и на усната комуникација, студентите ја совладуваат структурата на писмото за изразување барање, поточно кои се неговите задолжителни делови. Преку пишувањето официјално писмо, направената критичка анализа и самопроценатa, студентите го подобруваат својот јазичен израз и се оспособуваат за прецизна и ефикасна комуникација во академски и деловен контекст.

Потоа добиваат индивидуална задача да напишат писмо за барање за реализација на практичната работа – што претставува задолжителен сегмент за завршување на нивните студии. Својата задача треба да ја проверат и да ја оценат врз основа на прашалникот за критичка анализа, и тоа во однос на четири сегменти: структура, техничка среденост, граматика и стил и јасност.

Сумираните ставови на професорите се дека студентите не прават разлика меѓу барање како административен документ и професионално писмо за изразување барање, не обрнуваат внимание на техничката среденост и на изборот на вокабуларот и повеќе се базираат на вештачката интелигенција, а не на стекнатите сознанија од предавањата. Прашалникот го пополнуваат махинално, а не во насока на подобрување на писмото. Слабостите ги потврдуваат и резултатите од графиконот 3. 6. в. Имено, студентите можеа да добијат 5 % за писмото (резултатите се претставени во графиконот) и 5 % за коректно пополнување на прашалникот. Ги претставуваме само резултатите од писмото зашто прашалникот генерално не помогна во подобрување на задачата во однос на споменатите 4 сегменти. Можеме да заклучиме дека поголем фокус во следните академски години треба да се стави на професионалната писмена комуникација и на подобрување на саморегулацијата, а, пред сè, на самопроценатa.

4. 7. Дескриптивна статистика – сумирани резултати

Когнитивна вештина / Активност	Кампус	N	M	SD	Min / Max
Толкување (Interpretation)	Скопје	122	72.5	8.3	55 – 89
	Тетово	215	74.8	7.9	57 – 91
Анализа (Analysis)	Скопје	122	76.2	7.5	60 – 92
	Тетово	215	78.4	6.8	62 – 94
Интерференција (Inference)	Скопје	122	64.1	9.6	48 – 85
	Тетово	215	65.3	9.1	50 – 87
Евалуација (Evaluation)	Скопје	122	79.8	6.9	62 – 94
	Тетово	215	81.2	6.4	65 – 95
Објаснување (Explanation)	Скопје	122	77.4	7.7	59 – 92
	Тетово	215	80.1	7.0	63 – 94

Саморегулација (Self-regulation)	Скопје	122	66.3	10.1	45 – 86
	Тетово	215	67.8	9.7	47 – 88

Табела 1. Сумирани резултати од дескриптивната статистика според когнитивни вештини и според кампус

Во табелата се прикажани сумираните резултати од дескриптивната статистика по когнитивни вештини кај студентите од двата кампуса (Скопје и Тетово) кои го следат предметот Македонски јазик – средно ниво (1 и 2). Во табелата се претставени: бројот на испитаници (N), средната вредност (M), стандардната девијација (SD), како и минималните и максималните резултати (Min/Max) за секоја вештина.

За вештините анализа, евалуација и објаснување студентите постигаа одлични резултати, па со тоа се потврдува нивната способност за аргументација, логичко расудување и за изведување заклучоци во практични ситуации (на пример, дебати и интервјуа).

Во однос на вештината толкување студентите постигнаа добри резултати што упатува на солидна способност за примена на вокабулар во соодветен текстуален контекст.

Незадоволителните резултати се однесуваат на когнитивните вештини интерференција и саморегулација, односно упатува на слабостите во однос на писменото формулирање аргументирани ставови, на донесувањето логични заклучоци и на критичка анализа при оценување лично напишан текст. Слабостите се должат и на прекумерната и некритичка примена на вештачката интелигенција (ChatGPT).

Генерално, можеме да заклучиме дека треба да се посвети повеќе внимание на интерференцијата и на саморегулацијата. Резултатите за анализа, евалуација и за објаснување се одлични и го потврдуваат позитивниот ефект на применетите иновативни методологии врз развојот на овие когнитивни вештини.

5. Заклучок

Во современиот свет, вештините за критичко мислење се значајна карактеристика на секоја личност и за секоја сфера, па поради тоа јасно и недвосмислено треба да биде вклучено во сите наставни програми на универзитетско ниво.

Како резултат на нашето истражување, можеме да констатираме дека интегрирањето на иновативните методологии во наставата по македонски јазик ја потврди нашата основна претпоставка – критичкото мислење успешно може да се развива паралелно со јазичната компетенција. На тој начин студентите стануваат аналитички и независни личности подготвени за комплексни предизвици. Ваквиот пристап кон усвојувањето и кон развивањето на јазичните компетенции не само што го зајакнува академскиот развој, туку и ја зголемува конкурентноста на студентите на глобалниот пазар на трудот. Притоа овозможи и објективна процена на стекнатите способности и послужи како основа за понатамошно усовршување на наставните методи и содржини.

Примената на комплексните методологии во наставниот процес има значајно влијание врз квалитетното и долгорочно усвојување на јазикот. Придонесува за систематски развој на интелектуалните вештини, а особено на критичкото и аналитичкото мислење, како и на способноста за решавање сложени интердисциплинарни проблеми. Воедно, ваквите креативни образовни процеси овозможуваат ефективна и соодветна примена на когнитивните вештини, преку интеграција

на новите знаења со постоечките когнитивни структури, што резултира со постојан интелектуален прогрес.

Резултатите од истражувањето добиени преку стандардизираните инструменти ја потврдуваат исклучителната важност на предвидените активности во насока на развивање на критичкото мислење. Преку наодите и сознанијата од квантитативната анализа добивме јасни и мерливи резултати. Тие покажуваат дека примената на иновативни методологии во наставата по предметот Македонски јазик – средно ниво има јасен и позитивен ефект врз развојот на критичкото мислење.

Евидентен е напредокот кај студентите во однос на повеќе когнитивни вештини, особено на анализа, евалуација и на толкување. Со тоа се потврдува развивањето на способноста за аргументација, логичко расудување и јасно изразување ставови во академски и практични контексти.

Резултатите за вештините како интерференција и саморегулација упатуваат на тоа дека на нив е потребно да се посвети дополнително внимание. Укажуваат и на структурни слабости во писменото изведување заклучоци и во критичката самопроцена, што делумно се поврзува со некритичката употреба на вештачката интелигенција.

Сепак, сметаме дека иднината на образованието е пред сериозни предизвици и потребно е:

- создавање релевантни и објективни механизми за евалуација на активностите кои придонесуваат за развој на критичкото мислење;
- внимателно и добро осмислено интегрирање на дигиталните технологии и на вештачката интелигенција, без етички реперкусии;
- обезбедување континуирана обука и поддршка на академскиот кадар за имплементација на овие методи.

Во иднина особено внимание треба да се посвети и на стратегиите кои ќе овозможат соодветен баланс помеѓу традиционалните практики на предавање и на усвојување јазик, од една страна, и современите когнитивни пристапи, од друга страна, за да се осигури квалитетот на наставата. Во услови на експанзија на дезинформации, фокусот мора да остане на развивање автономно, етичко и на креативно мислење кај студентите. Само преку систематски пристап, континуирана адаптација и интердисциплинарна соработка, образовниот систем ќе успее да ја исполни својата клучна мисија – подготовка на генерации кои не само што поседуваат јазични компетенции, туку и вештини за логичко, критичко и за креативно расудување, неопходни за опстојување во дигиталното општество. Само на овој начин ќе придонесеме за формирање активни и свесни академски граѓани кои ќе бидат лидери на постојаниот општествен прогрес.

Литература

Abrami, P. C., Bernard, R. M., Borokhovski, E., Waddington, D. I., Wade, C. A., & Persson, T. (2015). Strategies for teaching students to think critically. *Review of Educational Research*.

Arthi, M. P., & Gandhimathi, S. N. S. (2025). The criticality of critical thinking skills in higher education. *Futuristic Trends in Social Sciences* (IIP Series, Vol. 3, Book 4, Part 4, Chapter 2).

Chomsky, N. (1986). *Knowledge of language: Its nature, origin, and use*. Praeger.

Du, X., Du, M., Zhou, Z., & Bai, Y. (2025). Facilitator or hindrance? The impact of AI on university students' higherorder thinking skills in complex problem solving. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, *22*, 39. https://doi.org/10.1186/s41239-025-00534-0

Dwyer, C. P., Hogan, M. J., & Stewart, I. (2014). An integrated critical thinking framework for the 21st century. *Thinking Skills and Creativity*, *12*, 43-52. https://doi.org/10.1016/j.tsc.2013.12.004

European Convention on Human Rights. (s. f.). https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG

Facione, P. A. (2015). *Critical thinking: What it is and why it counts*. Insight Assessment. https://www.insightassessment.com/product/critical-thinking-what-it-is-and-why-it-counts

Halpern, D. F., & Dunn, D. S. (2023). *Thought and knowledge: An introduction to critical thinking* (6th ed.). Routledge.

Hussain, S., & Ali, F. (2025). The impact of artificial intelligence (AI) on students' academic development. *Education Sciences*, *15*(3), 343. https://doi.org/10.3390/educsci15030343

Kagaba, A. G. (2025). Rethinking education: The role of critical thinking in schools. *Newport International Journal of Current Issues in Arts and Management (NIJCIAM)*, *6*(1). https://doi.org/10.59298/NIJCIAM/2025/6.1.112120

Kayyali, M. (2026). Critical thinking in action: Empirical insights from socio-critical EFL in HE. In P. Férez Mora & Y. Coyle (Eds.), *Pioneering socio-critical approaches in English as a Foreign Language (EFL) research* (pp. 221-250). IGI Global Scientific Publishing. https://doi.org/10.4018/979-8-3373-0040-5.ch008

Krashen, S. D. (1982). *Principles and practice in second language acquisition*. Pergamon Press.

Lai, E. R. (2011). *Critical thinking: A literature review*. Pearson Research Report.

Oliveira, A., Smith, J., & Khan, M. (2025). Exploring the effects of artificial intelligence on student and academic well-being in higher education: A mini-review. *Frontiers in Education*, *10*, 11830699. https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11830699

Partnership for 21st Century Skills – Core Content Integration. (s. f.). https://www.marietta.edu/sites/default/files/documents/21st_century_skills_standards_book_2.pdf

Paul, R., & Elder, L. (2014). *The miniature guide to critical thinking concepts and tools*. The Foundation for Critical Thinking.

Sieglová, D. (2017). Critical thinking for language learning and teaching: Methods for the 21st century. In *Cross-Cultural Business Conference 2017*. University of Applied Sciences Upper Austria, School of Management, Campus Steyr.

Simran, M. (2025). The role of critical thinking in education. *Edumania-An International Multidisciplinary Journal*, *3*(2), 242-247. https://doi.org/10.59231/edumania/9129

Ward, B., Bhati, D., Neha, F., & Guercio, A. (2024). *Analyzing the impact of AI tools on student study habits and academic performance* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2412.02166

Whiting, K. (2018, 20 de septiembre). *Jack Ma wants to go back to teaching*. World Economic Forum. https://www.weforum.org/stories/2018/09/jack-ma-wants-to-go-back-to-teaching/

Zdravkovska-Adamova, B., Džogović, S. A., & Taneska, A. (2024). Application of standards-based assessment for critical thinking skills during language acquisition. *Palimpsest*, *9*(18), 185-196. https://doi.org/10.46763/PALIM24918185za

СБЛЪСЪК С НОВАТА РЕАЛНОСТ – СТРАТЕГИИ НА ГРАФИЧНИЯ РОМАН В *БАЛКАНАЛИЯ* НА САМИРА КЕНТРИЧ[1]

Nedyalko Zhelev
Sofia University St. Kliment Ohridski

1. Въведение

90-те години на XX се оказват повратен момент от най-новата история както на Балканите, така и на цяла Европа. След повече от петдесет години съществуване се стига до разпада на Социалистическа федеративна република Югославия, като заедно с изчезването на конгломерата на политическата карта постепенно започват да се появяват нови самостоятелни държавни единици. Начинът, по който се стига до въпросното събитие, а именно чрез военни сблъсъци на територията на повече от една страна (за разлика от мирното разделение на западнославянската Чехословакия), променя не само атмосферата на Стария континент, но и живота на редица «обикновени» хора. Резултатът е емигрантска вълна от цивилни, особено от страна на мюсюлманското население на Босна и Херцеговина. Търсещите спасение от въоръжените конфликти се насочват или към някоя от разпознаваемите със своята стабилна и развита социална политика скандинавски държави, или към близката Словения, на чиято територия след 7-ми юли 1991 г. са преустановени военните действия[2]. С времето броят на намерилите убежище в първата сред бившите югославски страни, придобила независимост, нараства, докато адаптацията им към новата среда невинаги преминава леко. Религиозните различия, предстоящият преход от социализъм към капитализъм, както и цялостната обстановка на Балканите се оказват проблемни за емигрантите. Заедно с изброеното, невладеенето на словенския език е сред причините за създаването на негативно отношение от страна на местните спрямо доскорошните «сънародници», което довежда и до налагането на употреба на думи с пейоративно значение, които описват преселилите се от Босна:

[1] Статията е част от по-голям научен текст, писан в рамките на научноизследователската дейност, осъществявана по проект «Външен поглед към разпада на Югославия: визуални и наративни стратегии в графичния роман», финансиран от ФСлФ към Софийски университет «Св. Климент Охридски» по програма на МОН «Млади учени и постдокторанти – 2», № РД 19-249/19.06.2024 г.

Докладът е представен на международна конференция, участието в която е финансирано по Договор BG-RRP-2.004-0008-C01 (дейност 3.3 Международно сътрудничество») за финансиране на проект «Софийски университет – маркер за иновации и технологичен трансфер (SUMMIT)» по стълб 2 «Създаване на мрежа от изследователски висши училища» в рамките на компонент «Иновативна България» от Национален план за възстановяване и устойчивост към програмата за ускоряване на икономическото възстановяване и трансформация чрез наука и иновации.

[2] Словенската война за независимост (*Slovenska osamosvojitvena vojna*) или Десетдневната война започва на 27-ми юни и завършва на 7-ми юли 1991 г. като се изразява в ограничени на местно ниво сблъсъци между Югославската народна армия (ЮНА) от една страна и Териториалната отбрана с подкрепата на словенските полицейски единици от друга. След този конфликт на територията на Словения не се достига до други размирици, а по-късно същата година страната е и официално призната за независима (за повече информация вж. Švajncer, 1993; и Janša, 1992).

> Думата «босненец» всъщност се е отнасяла за мигрант, говорещ сърбохърватски, независимо от произхода му или републиката, от която е дошъл. В допълнение към израза «босненци» <...>, са се използвали и етикети с пренебрежителна конотация, каквито са «южняци», «тези отдолу», в Йесенице[3] дори «шведи», след деветдесетте също така и «чефури[4]». (Kalčić, 2005: 199)

Наскоро изгубили дома си, те се оказват нежелани в своя нов такъв, а белегът от различността ще се носи и от бъдещите поколения.

В литературното пространство темата за разпада на Югославия вълнува писатели и читатели близо тридесет години. Събитията от 90-те създават възможност за разглеждане на теми като цикличността на историята, личната, родовата и националната съдба, при които няколко поколения са активни участници в сраженията или пряко засегнати от военния хаос. Междусъседските сблъсъци често биват представени през родната гледна точка. Въпреки това, съществуват и примери, при които чужденецът е този, който разкрива картините на ужаса и насилието. Заедно със способността да бъде неповлияно от странични фактори, външното възприятие носи у себе си идеята за безпристрастност и обективност. Настоящият текст коментира «Балканалия. Да растеш по време на преход» на словенската авторка с босненски корени Самира Кентрич. Произведението е графичен роман, който не се фокусира върху баталното, не възхвалява саможертвата и героизма на сражавалите се, а запознава с последиците от случилото се и то от гледната точка на онези, при които липсва личният спомен за кръвопролитията. От една страна, автобиографичната история може да бъде приета за «родна», тъй като все пак писателката и илюстраторка е от държава бивша членка на Югославия, но от друга, Кентрич автоматично е превърната в чужденка за следвоенния свят на Словения. Междинна е и позицията на авторката от гледна точка на «нивото на засегнатост» от Югославските войни – самата тя не е участвала в тях, не познава истински Босна, но за сметка на това родителите ѝ никога няма да успеят да скъсат с миналото или да оставят травмата от напускането на дома зад гърба си.

Друг аспект, който подчертава отбелязаната позиция на граничност, е и жанровата форма, която словенската авторка избира за своята «Балканалия» – тази на графичния роман. По презумпция текстовете от посочената категория са приемани за «неистинска» литература, повърхностни, както и неспособни да коментират сериозни теми, като тези на войната и травмата. Причината за това разбиране е свързана и с поставянето на знак за равенство между жанра на графичния роман и този на комикса, като вторият от своя страна почти винаги се асоциира с приключенията на супергерои. Чрез анализа на книгата на Самира Кентрич, настоящото изследване си поставя за основна цел да проследи различните възможности за репрезентация на сериозни тематични проблеми и да докаже някои от предимствата, които междинният жанр предлага, спрямо традиционните наративни форми. Преди да бъдат приведени примери от самото произведение, ще бъда разяснени някои от

---

[3] Град в Словения (бел. авт.)

[4] Думата «чефур» е придобила популярност в словенски език, като не е необходимо обяснение при употребата ѝ сред местните. Определението, което изследователката Шпела Калчич дава е следното: «Думата чефур се появява за първи (а също така и за последен) път в Речника на книжовния словенски език през 1991 г., където е използвана със синонимно значение на «южняк» <...>. Във връзка с думата се появяват много спекулации, които извеждат етимологията ѝ от чифут (турски *Cühut* и арабски *Yähud* – юд.). *Нито една от спекулациите не успя да потвърди тезата си, но не може да се отрече, че и двата термина, чифут и чефур*, имат сходна история на употреба в Словения: като обида спрямо различния в словенското пространство» (Kalčić, 2005: 199). *Въпросната употреба се е запазила и след 90-те години, а чефур се приема за словенска културна реалия и думата остава непреводима на някои езици (като пример може да се посочи книгата на съвременния словенски писател, също с южняшки корени, Горан Войнович – «Чефурите вън»* (*Čefurji raus!*) от 2008 г.).

основните разлики между графичния роман и комикса, за да се подчертаят близостта до литературното у първия, както и способността му да представя изображения на една от тежките литературни теми – тази на войната и последиците от нея.

2. Начала на транзицията от комикс към графичен роман

Историята на повествователната форма на графичния роман преминава през различни фази, за да достигне до съвременния си облик. В книгата си «Графичният роман: въведение» (*The Graphic Novel: An Introduction*, 2015) Хюго Фрей и Ян Батенс проследяват отделните фази на развитие на жанра[5]. Първият важен момент, който двамата автори отбелязват, е периодът от 1945 г. до 1967 г., или назованият от тях «комикс за възрастни преди графичния роман», когато настроенията варират от «морална паника до сензация в попарта» (Baetens and Frey, 2015: 27). В миналото комиксът «се е радвал» на негативно отношение, заради страха от това по какъв начин влияе върху своите читатели. В «Проекции: Комиксите и историята на разказването на сюжети през двадесет и първи век» (*Projections: Comics and the History of Twenty-First-Century Storytelling*, 2012) Джаред Гарднър дава като пример за това мнение изследването «Съблазняване на невинните» (*Seduction of the Innocent*) от 1954 г. на психиатъра Фредрик Вертман, според когото:

> комиксите ефективно отравят умовете, особено на по-младите, впечатляващи се читатели, откривайки пряката връзка между бума на комикси по вестникарските будки в страната [Америка, бел. авт.] и нарастването на младежките престъпност и насилие, широко докладвани в следвоенния период. (Gardner, 2012: 70)

Подкрепяйки общите настроения от края на 40-те години на XX век, Вертман се оказва дотолкова убедителен, че тогава все още младата комикс индустрия, едва двадесетгодишна, е «принудена да въведе система за самоцензура, за да предотврати съвсем реалната заплаха от наложена от правителството цензура» (Gardner, 2012: 70). Коментираната от Гарднър самоцензура се изразява в тематичен обрат, при който се наблюдава преминаване от екстремните жанрове на хоръра и криминалното към «по-безопасните» като романтичното, войната и супергероичното. Стигматизацията на комиксите се превръща в мотиватор, който провокира техните автори да «оспорят маргиналната позиция, от която са започнали» (Baetens and Frey, 2015: 36). 50-те години на XX век се оказват периодът, когато комикс индустрията, която е провокирала враждебно отношение със своите криминални или хорър истории, започва да публикува и текстове, които впечатляват със «своята специална изтънченост: историческите и военни комикси, публикувани в *Two fisted Tales* и *Front Line Combat*» (Baetens and Frey, 2015: 35). Отличително спрямо досегашния момент е наративното им съдържание, а както отбелязва Джозеф Витек в книгата си «Комиксите като история» (*Comic books as History*):

---

[5] При коментара си за историята на графичния роман и комикса, както и за разликите между двата жанра, настоящият текст се придържа към рамката, предложена от Хюго Фрей и Ян Батенс, но това не означава, че не приема други, или, че въпрос не е анализиран от други изследователи. Интересът към произведения, които смесват изображение и текст, не стихва, като може да се твърди, че темата продължава да се развива и коментира. В подкрепа могат да се посочат текстове като «Комиксите като история» (Witek, 1989) на Джозеф Витек, колекцията от есета, които Даниел Стайн и Ян-Ноел Тон групират в «От комикса до графичния роман» (Stein and Thon, 2013), проследявайки историята и еволюцията на графичните наративи, както и редица други.

> Развлекателните военни комикси, с текст, оформление и често завършено изкуство от редактора Харви Кърцман не съдържаха… графични кървища. За сметка на това те бяха първите антивоенни комикси в историята <...>, (Witek, 1989: 37)

а историята и илюстрациите във въпросните показват ангажираността на Кърцман към историческа точност и решимостта му да създава произведения, които, по негови собствени думи: «биха показали «абсолютния ужас и безсмислие на войната» (Witek, 1989: 37). Подходът на Харви Кърцман демонстрира, че след Втората световна война и войната в Корея, комиксите могат да бъдат и социално ангажирани, а не само (по твърдението на Вертман) «съблазнител на невинните». Чрез представянето на конфликта по достоверен и исторически начин се подчертава безсмислието на войната, както и фактът, че не всички жертви са причинени от вражеско насилие, а в много от случаите са резултат от грешна преценка или грешка.

Така след поставеното начало на «сериозността» на комиксите, през 1955 г. се появява «Господарската раса» (*Master's race*, 1955) на Бърни Кригщайн, комикс, който от мнозина се смята за класика, включително и от Арт Спигелман[6]. За първи път в подобен тип произведение се разглежда темата за нацистките лагери на смъртта (десетилетия преди появата на «Маус»), а Фрей и Батенс отбелязват, че «Господарската раса» е «предшественик на начина, по който съвременните графични романисти разглеждат всички възможни теми, включително историята и геноцида» (Baetens and Frey, 2015: 36).

След преминаването на следвоенната криза отшумява и «заплахата» от комиксите, като постепенно се променя и отношението спрямо тях. В книгата си «За комиксите и хората: Културна история на американските комикси» (*Of Comics and Men: A Cultural History of American Comic Books*), историкът Джийн-Пол Габийе отбелязва, че «началото до средата на 60-те години на миналия век се наблюдава общ ренесанс на комиксите за супергерои, като всички големи издателства или преоткриват герои, или създават нови» (Gabilliet, 2010: 58). Настоящият текст няма за цел да проследи историята на графичния роман от края на световните войни до наши дни. Очертаните етапи от развитието му онагледяват някои от общите схващания за жанра, както и трудностите, през които е преминал. Тематичният обхват на текстовете от този тип варира от хоръра и криминалното, през еротичното и супергероичното, достигайки и до табуизираните геноцид и неонацизъм. Но какво всъщност различава комикса от графичния роман? Въпросът се оказва труден дори за едни от най-емблематичните артисти в областта на тази литературна категория – Арт Спигелман и Алън Мур. Според Спигелман терминът «графичен роман» е неработещ, а самият автор определя своя «Маус» просто като комикс (за повече информация вж. Spiegelman, 1999), докато Мур асоциира термина със «скъп комикс» (Kavanagh, 2000).

3. Комикс или графичен роман? Основни разлики

В «Графичният роман: въведение» Фрей и Батенс разглеждат разликите между двете понятия на четири нива – форма, съдържание, формат (оформление на страниците и повествованието) на публикуване и методите за дистрибуция и производство. *Формата* при графичния роман се отличава със своите сложност и разнообразие (Baetens and Frey, 2015: 8). Под термина «форма» двамата изследователи приемат оформлението на страницата и наратива, а не стила на изображение, кой-

[6] За повече информация във връзка с коментара на Спигелман «Господарската раса» вж. Spiegelman (jul. 14, 2002).

то безспорно също е от значение. По този критерий комиксите притежават общопозната от десетилетия структура, която се изразява в поставени в решетки изображения, които организирано се преплитат хоризонтално и вертикално, като «би трябвало да се четат в последователен ред – тоест, по последователен начин – и които определят предполагаемия «естествен» наративен статус на медията» (Baetens and Frey, 2015: 9). Така страница по страница комиксите разказват история, която се изразява в последователното декодиране на изображения. Разбира се, графичните романи, могат да следват същия принцип, но в някои от случаите не го правят, заради стремежа на своите автори към оригиналност. Дори повече, в стремежа си да бъдат оригинални, част от творците предпочитат да използват «грозен» или «непохватен» стил, на който приписват «първостепенно значение за постигане на личностен и уличен авторитет» (Baetens and Frey, 2015: 9)[7]. Основна отличителна черта при графичните романи се явява и авторовият глас. За разлика от комиксите, където се създава впечатление, че историята се разказва от само себе си, при графичния роман присъствието на разказвача е ясно забележимо (вербално, а често и визуално). Тази специфика е частично обвързана и с второто ниво – *съдържанието***.**

Тематичният подбор се оказва характеристика на разминаване спрямо двата металитературни жанра, като за уникалността на графичния роман допринася и присъщата му (авто)биографичност. Логично, честата поява на супергероизъм в комиксите, трудно може да бъде обвързана с личната история на автора, а освен автобиографичната линия, причина за избягването на подобни сюжети при графичните романи е и насочеността спрямо определен тип публика: «Съдържанието е ‘за възрастни’, не в смисъла на порнографско, а в смисъл на ‘сериозно’ и твърде сложно – или просто безинтересно – за непълнолетната аудитория…» (Baetens and Frey, 2015: 10)

Освен че избягват образите на супер герои, много от произведенията на разглеждания жанр се заявяват като репортажи или съдържат елементи на документално и исторически правдиво повествование[8] (като примери могат да се приложат работите на Харви Кърцман, «Балканалия» на Самира Кентрич и други). Коментирайки темата за войните в Босна и Херцеговина и репортажността, ярък пример са произведенията на Джо Сако: «Безопасна зона Горажде: Войната в Източна Босна, 1992-1995» (*Safe Area Goražde: The War in Eastern Bosnia*, 1992-1995, 2000), «The Fixer: История от Сараево» (*The Fixer: A Story from Sarajevo*, 2003), «Краят на войната: Профили от Босна, 1995-1996» (*War's End: Profiles from Bosnia*, 1995-1996, 2005). В тях присъстват всички посочени до момента критерии, които разграничават графичния роман от комикса – в стила на репортажа е представена авторовата история, чрез която се разглежда сериозна проблематика като Югославските войни. Сако е важна фигура в света на графичния роман, а настоящият текст неслучайно обръща внимание към неговото творчество, тъй като то може да послужи за съпоставка с «Балканалия» на Кентрич, или да бъде открита своеобразна комуникация (може би и случайна) между двамата автори. Трябва да се подчертае, че и по този принцип графичният роман може да се доближава до комикса, като не е задължително фикцията да бъде винаги изключена от сюжета:

[7] Като пример за подобен тип графичен роман Фрей и Батенс посочват творчеството на канадката Джули Дусе (за повече информация вж. Doucet, 1999)

[8] В някои случаи може да се наблюдават и илюстрации, които са направени по реални документи/ снимки. Пример може да се открие още на първите страници на графичния роман «Танго Сараево» (*Sarajevo Tango*) на белгийския автор Херман Хътън, където е поместена картина, представяща насилието от страна на военни на територията на Босна и Херцеговина по време на Югославските войни от 90-те години на XX век (за повече информация вж. Huppe, 1995: 14).

> Би било жалко да се забиваме в автобиографията, свидетелството, мемоарното и историята, когато обсъждаме творческите възможности на графичния роман, сякаш запазването от фикцията и въображаемото би означавало преклонение пред «лекотата и бягството от реалността» на комиксите. <...> няма причина да се твърди, че графичният роман може да достигне зрялост единствено чрез заобикаляне на реторичните трикове на фикционалната среда. (Baetens and Frey, 2015: 13)

По отношение на последните два компонента от парадигмата на Фрей и Батенс, изразяващите разликите между разглежданите металитературни жанрове – *форматът (оформление на страниците и повествованието) на публикуване и методите за дистрибуция и производство*, диференцията може да бъде открита дори и без да се познава съдържанието или наративният подход на конкретно произведение. Обикновено, по своето оформление графичните романи се доближават до книгата и избягват публикуването на части. Доближават се повече до съвременните романи по броя страници/ обема и кориците си, а също така в тях не могат да бъдат открити рекламни материали (честа практика при комиксите). Обикновено се разграничават от културната индустриализация при комиксите, където герой или идея се превръщат в безкрайно повтаряща се поредица. Публикуването «накуп» от своя страна осигурява възможността за повторно публикуване, което също ги доближава до стандартните разбирания за роман.

Спрямо публикуването и методите за дистрибуция и производство, в някои случаи комиксът може да бъде открит не само в специализирани книжарници, но и на вестникарски щандове и будки, докато насочеността и «мястото за сдобиване» с графичния роман рядко подлежи на вариации.

Представеното разграничение между двата металитературни жанра не претендира за изчерпателност, нито отрича друг тип разделение[9]. Посочени са само някои от основните им отличителни черти, като отново трябва да се подчертае, че самият термин «графичен роман» или «роман за възрастни» не е приет безпрекословно от всички критици или автори. Също така, за някои «пуристи» по темата не съществуват различни дефиниции на определението, докато според други «графичният роман е нещо, което се променя непрекъснато, макар и не винаги в един и същи ритъм, което освен това се характеризира с културните вариации» (Baetens and Frey, 2015: 21).

4. Новата реалност на Балканите

Във въведението на настоящия текст беше споменато, че през края на миналия и началото на настоящия век Югославските войни се оказват обект на интерес както за автори от страните бивши членки на федерацията, така и за такива, за които конфликтът «е чужд». Освен традиционните теми на героизъм, жертва, травма и др., се появяват различни вариации и спрямо повествователния глас в прозата. Читателят може да се запознае с различни истории, както през призмата на фронтовaци и активно воюващи, така и през тази на цивилни (категории на традиционно смятаните за пасивни деца и жени), както с повествование, което коментира случващата се сега война, така и с такова, което споделя опита от последствията или семейната драма. Романи като «Хотел Тито» на хърватската писателка Ивана Бодрожич или «Югославия, моя страна» на словенеца Горан Войнович проследяват вътрешния свят на най-младите, които са изправени пред ужаса на непознатата за тях до този момент война. В това отношение «Балканалия. Да растеш по време на преход» не е иновативно, но отличителното при нея е именно жанровата ѝ характеристика – тази на металитературния

[9] Във връзка с развоя на двата жанра, както и някои разлики между тях вж. Stein and Thon (2013).

жанр на графичния роман. Чрез формата на комикса и по-конкретно благодарение на саморефлективните изображения на авторката може да се проследи развиващото се чувство за идентичност у повествователката. Комбинацията от подходи при представянето на ситуацията в следвоенна Словения, както и автобиографичността у сюжета, осъществяват възможност пред читателя да извърви пътя на израстване, който и самата Кентрич е преминала. В коментара си за графичните романи от биографичен тип изследователката Марта Кулман, отбелязва, че причината за очарованието на този тип комикси се крие в «уникалното пресичане между автобиографичния разказ и особеностите на комбинацията текст/изображение, като повдига интригуващи въпроси за авторството, автентичността и представянето на травмата» (Kuhlman 2017: 2007). Именно проблемността на обхванатото от сюжета историческо време се оказва фактор за уместното смесване между текст, изображение и лична история, или по термина, който Джилиън Уитлок използва, оказва се добра възможност за създаването на «автографика»[10].

Произведението проследява израстването на дете, част от четиричленно семейство с босненски произход, което е принудено да напусне родната Босна, търсейки спасение в независима Словения. Написан и илюстриран от самата авторка, романът представлява лична история за израстването като чужденец в една непозната среда. Новата ситуация изисква адаптация от малки и големи, а десетгодишната Самира бързо научава да различава доброто от злото.

Дори и заглавието на произведението да насочва към първоличен повествовател, който е подрастващ, началото е поставено не с детската съдба, а от историята на родителите (макар и слабо разгърната). Героите на Кентрич трябва да приемат промяната като основна част от тяхното ново аз – сменят своето босненско мюсюлманско обкръжение с католическо словенско, от някогашни овчар и жена, която може да изтъче килим вътрешните мигранти са принудени да се превърнат в съставната част на всяка капиталистическа държава – работническата класа. Предоставената информация за родителите, както и честите сравнения на тяхната съдба с тази на самата повествователка, се оказва значима поради няколко причини. От една страна, се подчертава разрушителната сила на войната – възрастните напускат родната Босна, принудени от обстоятелствата. Дори и да знаят, че на територията на Словения военните размирици са приключили, то за тях предстои битка от друг тип, тази за признание от страна на местните: «Нашите тук не са си у дома. Тук работят, за да изучат дъщерите си. Владеят слабо езика и обичаите не са им близки. Чужденци са.» (Кентрич 2015: 32) От друга, разликите със собствените родители допълнително усложняват процеса на асимилация на техните деца, тъй като е невъзможна подкрепа и пълно разбиране между възрастни и невръстни. Самира и сестра ѝ Амела не познават Босна, не познават друга реалност, за тях Словения не е чужда, както е за останалата част от семейството:

> На нас двете с Амела това не ни тежи. Ние все още нямаме друго минало, тук е всичко, от което се нуждаем, тук сме у дома. Чувстваме се добре и заговаряме всекиго, който минава покрай нас. Така същата

[10] *Autographics* е термин, който предлага авторката Джилиън Уитлок и включва в себе си значението за графични романи, които съдържат автобиографични романи, а на страниците им може да се види и самия автор. Този тип произведения са саморефлексивни, като могат и да включват главния герой в «моменти на рисуване и/или писане; изображението и текстът не винаги си съответстват, което поставя под въпрос твърденията за автентичност или иронично ги подсилва, а карикатуристът може да постави на преден план манипулацията на няколко времеви рамки, за да сгломи разказа» (Kuhlman, 2017: 2007). За повече информация във връзка със специфичния поджанр на автографиките вж. Whitlock (2006: 965-979).

винаги е пълна с хора, малки и големи, които сме поканили вътре и които обичаме. Те са нашият дом и колкото са повече, толкова повече домът ни се превръща в родина. (Кентрич, 2015: 32)

Липсата на опит у детето, а в известна степен и типичната за ранната възраст наивност, провокират въпроси от порядъка на: «Но наистина… защо нашите са потърсили по-добро бъдеще за нас тук, не е ли навсякъде в Югославия еднакво хубаво?» <…> От гледната точна на подрастващия питането звучи логично, докато възрастният може да го сметни дори за иронично, като различната перцепция е породена от липсата на опит.

С времето детето расте, променя се, и става все по-възприемчиво за събитията от заобикалящия го свят, който от своя страна не преминава през драстична промяна. Чефурите си остават носители на всички проблеми за местните, дори и в много от случаите видимо да не съществуват разлики между двете категории граждани на бивша Югославия. Доказателство се открива при коментара на авторката за досега ѝ с училището, или по-точно с учителката и нейното отношение към босненските деца: «Не ѝ харесва, че не се държим като на гости. Държим се като у дома си! Това я безпокои, защото ни различава от истинските словенчета само по имената» (Кентрич, 2015: 45). Следващото споменаване на институцията също е обвързано с отношението спрямо «несловенчетата», които могат да получат отлична оценка единствено ако изрецитират онова, което преподавателката очаква от тях: «Югославия е развиваща се страна, защото южняците са мързеливи и изтощават напредналата Република Словения, която без нас, от Юга, отдавна би била високо развита държава» (Кентрич, 2015: 45).

Решението на Самира е да не изпълнява неизречените очаквания, дори това да се отрази на успеха ѝ, което може да бъде разтълкувано като бунт срещу негативното отношение и съзнателен отказ от фалшива асимилация.

Настоящият текст спомена някои от текстовете на Джо Сако не само заради общата тема за щетите, които Югославските войни нанасят. Творчеството на Кентрич и Сако отговаря в по-голяма степен на посочените критерии за графичен роман, отколкото за комикс – по-голям обем, присъстващ в повествованието повествовател (вербално и визуално), оформление, което се доближава до традиционния роман и др. За сметка на това може да бъде открита разлика по отношение на изображението и техниките на илюстрация. В «The Fixer: История от Сараево» например, малтийско-американският карикатурист и журналист използва само бялото, черното и сивото при своите изображения. От своя страна, словенската авторка добавя и червения цвят. Символиката на избрания е ясна, а неизречената комуникация между двете произведения може да бъде разглеждана като своеобразен континуитет на «Балканалия» спрямо «The Fixer»: ако Сако е репортерът, който наблюдава отблизо случващото се във военна Босна, то Кентрич, чийто графичен роман е написан след приключването на конфликтите, символично вплита кръвта и страданието на всички загинали в Югославските войни от началото на 90-те години на XX век. Сако използва големите мрачни изображения, за да демонстрира нищожността на отделния човек пред катастрофизма на времето, докато Кентрич създава семеен албум, за да покаже, че общата трагедия е изградена от множество по-малки. Чуждостта на американеца на Балканите е видима, докато за словенката с босненски корени тя придобива две измерения – от една страна, винаги ще остане неблагодарната «южнячка», заради своето име и семейна история, докато от друга, с напредването на възрастта ще разбере, че е била чужда и в собственото си семейство, именно заради въпросната неизживяна история.

5. Заключение

Графичният роман като жанр успява да представи нов тип изображение. Чрез баланса между вербалното и визуалното, както и множеството кадри, които предлагат възможност за създаване на автентична атмосфера, автори като Самира Кентрич, Джо Сако и Арт Спигелман успяват бързо да пренесат читателя в пресъздадените от тях светове. На преден план е разказана история, докато на заден се акцентира върху детайла – обстановката във военна Босна или независима Словения, семейната драма и травмата. Съвкупността от литературни и металитературни елементи успява да създаде усещането за съпреживяване на авторовия емоционален свят.

Библиография

Baetens, J., & Frey, H. (2015). *The graphic novel: An introduction*. Cambridge University Press.

Doucet, J. (1999). *My New York diary*. Drawn & Quarterly.

Gabilliet, J.-P. (2010). *Of comics and men: A cultural history of American comic books*. University Press of Mississippi.

Gardner, J. (2012). *Projections: Comics and the history of twenty-first-century storytelling*. Stanford University Press.

Huppe, H. (1995). *Sarajevo Tango*. DANI.

Janša, J. (1992). *Premiki: Nastajanje in obramba slovenske države, 1988-1992*. Mladinska knjiga.

Kalčić, Š. (2005). «To je tko, kt en Johan, recimo en Johan, ampak je Musliman»: Bošnjaški diskurzi o islamu v Sloveniji. *Razprave in gradivo*, *47*, 190-222.

Kavanagh, B. (2000). *Northampton/«Graphic novel»*. http://www.blather.net/projects/alan-moore-interview/northhampton-graphic-novel/

Kuhlman, M. (2017). The autobiographical and biographical graphic novel. In S. E. Tabachnik (Ed.), *The Cambridge companion to the graphic novel*. Cambridge University Press.

Spiegelman, A. (1999). *Art Spiegelman: Comix, essays, graphics and scraps*. Sellerio Editore.

Spiegelman, A. (2002, 14 de julio). Ballbuster. *The New Yorker*. https://www.newyorker.com/magazine/2002/07/22/ballbuster

Stein, D., & Thon, J.-N. (2013). *From comic strips to graphic novels: Contributions to the theory and history of graphic narrative*. De Gruyter.

Švajncer, J. (1993). *Obranili zgodovino. Teritorialna obramba Slovenije v vojni za svobodo in samostojno Slovenijo*. Viharnik.

Whitlock, G. (2006). Autographics: The seeing 'I' of comics. *Modern Fiction Studies*, *52*(4), 965-979.

Witek, J. (1989). *Comic books as history: The narrative art of Jack Jackson, Art Spiegelman and Harvey Pekar*. University Press of Mississippi.

Кентрич, С. (2015). *Балканалия. Да растеш по време на преход*. Парадокс.

LAS SALAMANDRAS (NO) CENSURADAS: ANÁLISIS DE CENSURA EN LA PRIMERA EDICIÓN ESPAÑOLA DE LA GUERRA CON LAS SALAMANDRAS DE KAREL ČAPEK

Lukáš Zlatanovič
Universidad Palacký de Olomouc

1. Introducción: la censura en el estado franquista

La obra de Karel Čapek empezó a entrar en el ámbito cultural español apenas desde la mitad del siglo pasado, siendo *Válka s Moloky* la primera obra completa publicada en España en 1945. Por tanto, la época de su publicación en España nos indica que podemos esperar un texto rigurosamente revisado y censurado, dado que en el franquismo temprano habitualmente se limita la difusión de información y arte. Antes de acceder a tratar la obra en sí, enfoquémonos entonces a delimitar los temas y ámbitos literarios que sufrían de los intentos de ser suprimidos por parte del estado.

Ya en el año 1980 se publica en España un estudio cuantitativo de Manuel Abellán, en el cual el autor recopila de forma estadística la literatura censurada durante el franquismo. Lastimosamente, el enfoque de la publicación se mantiene en literatura doméstica y en ningún momento se aventura en las aguas de autores importados, sin embargo, incluye la explicación de temas, o si se quiere círculos temáticos, habitualmente censurados; esta explicación es, para nosotros, de un valor indiscutible. Según Abellán se puede distinguir un marco de cuatro características principalmente restringidas y suprimidas por el aparato estatal, y son las siguientes (Abellán, 1980: 88-89):

1. La moral sexual, entendida como prohibición de cualquier formulación que se podría percibir como un atentado al pudor y buenas costumbres
2. Opiniones políticas
3. Uso de lenguaje indecoroso
4. La religión como la institución portadora de valores humanos y divinos.

Es evidente el hincapié que se le hace a la moralidad rigurosa franquista, ya que en el primer lugar Abellán especifica la moralidad sexual. A parte de los cuatro puntos mencionados, el autor reafirma unos capítulos más adelante también la tendencia amplia de prohibir los autores generalmente hostiles al régimen. Es importante mantener estos criterios en mente para poder posteriormente calificar cómo se han manifestado en la traducción de Čapek.

En cuanto a pensar en cómo se aplicaban los principios de funcionamiento de la censura, es decir el mecanismo censor, tenemos que mencionar los nombres de al menos tres instituciones estatales: Delegación Nacional de Prensa, Delegación Nacional de Propaganda y Vicesecretaría de Educación Popular. Las tres son instituciones claves, pero la tercera es la que más nos interesa, es allí donde empieza el proceso del llamado Servicio de Censura (de la Lima Grecco, 2019: 124-125). Este Servicio se entiende más bien como el proceso

de etapas por las que tenía que pasar el texto antes de ser publicado. En primer lugar, la Vicesecretaría obtuvo el manuscrito y es aquí, donde frecuentemente se modificaban detalles, como el formato, precio o el número de tiradas. Después el texto pasó directamente a las manos de los censores, cuyo producto sería una «hoja de censura», un informe detallado de modificaciones necesarias que se enviaría al autor y editor de la obra (Ibid.).

Abellán también afirma que cierta arbitrariedad de los criterios también representa un problema. Dada la falta de limitaciones concretas, no había modo de determinar en qué medida se debía aplicar el criterio, por lo tanto, el resultado final se veía muchas veces influido por la mentalidad del mismo censor. Según Abellán incluso se podía observar que la censura ejercida en las Delegaciones Provinciales, alejadas de las grandes urbes, sería más dura. Otra cualidad determinante podía ser «el nombre y el peso comercial de la casa editorial que iba a publicar la obra.» (Abellán, 1980: 91-92)

1.1 Tipos de censura en cuestión: censura directa e indirecta

La idea común de la censura en el primer plano es lo que podríamos llamar censura directa (a veces también es posible encontrar el término «censura textual»). Esta denominación comprende todo tipo de intervención del aparato censor dentro del propio texto y su contenido: puede tratarse de cambios visibles por razones ideológicas que corresponden con las cuatro categorías mencionadas arriba; asimismo puede tratarse de omisiones de referencias consideradas inaptas para la lectura del público, un ejemplo típico pueden ser escenas sexualizadas. Por otro lado, la censura indirecta (a veces también llamada «contextual»), representa una serie de mecanismos secundarios, cuyo fin es habitualmente limitar y restringir el alcance y la difusión de la obra. Esto en efecto significa que se trata de manipular el precio del tomo de forma artificial:

> De hecho, algunas obras de contenido cuestionable se permitieron siempre y cuando su publicación se hiciera en ediciones de alto coste (tapas duras, gran número de páginas que elevaba su coste por la escasez del papel, etc.) presuponiendo así que el «vulgo», poco preparado para su lectura por el bajo nivel intelectual y su faceta fácilmente impresionable, quedaría inevitablemente excluido del acceso a la lectura de estas obras. (Pérez del Puerto, 2016: 41)

A pesar de que los mecanismos de la censura indirecta son muchas veces difíciles de rastrear, se pueden establecer al menos cuatro modos de su funcionamiento que utilizaremos más adelante (de la Lima Grecco, 2019: 127):

1. Restricciones de papel
2. Exposición limitada
3. Tirada limitada
4. Formato de lujo

El coste elevado del papel en la época significó una herramienta útil para el aparato censor. El impacto innecesario que tuvo la publicación de cualquier tomo sobre la producción de papel podía verse como razón suficiente de restringir su impresión (Ibid.), asimismo (de acuerdo con el cuarto punto) la

editorial pudo ser forzada a sacar algún tomo en un «formato de lujo», con tapa dura, formato grande etc., lo cual elevaba significativamente el precio del libro en el mercado[1].

Con la exposición (punto número dos) entendemos sobre todo la publicidad: los anuncios en el espacio público son también objetos del enfoque censor. Además, el medio de comunicación masivo de la época, es decir, el periódico, es el elemento más detalladamente vigilado por las leyes de prensa. Y son justo los periódicos, donde habitualmente en las últimas páginas hallamos la sección publicitaria, con anuncios de cosas de naturaleza diversa, incluyendo los libros. A parte de publicidad, los periódicos populares también solían llevar un apartado cultural, precisamente para tratar nuevos acontecimientos en el mundo de letras, incluyendo el acto de promocionar o reseñar nuevas publicaciones literarias. Vamos a explotar esta información más adelante.

Por lo contrario de la exposición, el tercer punto, la tirada limitada, es una práctica que es difícil de rastrear. A diferencia de hoy, en la mitad del siglo pasado los tomos publicados no necesariamente llevaban impreso el número de ejemplares producidos y obtener semejante información no es del todo posible, dado que, por ejemplo, las editoriales que publicaron los libros (nuestros objetos de investigación) llevan décadas sin funcionar.

El último punto relativo a la teoría de la censura franquista sería la censura eclesiástica y su influencia en el aparato censor, sin embargo, dado que para el asunto de este artículo no es estrictamente necesario adentrarnos a este ámbito, vamos a prescindir de ello y pasamos a ver las manifestaciones de censura en *La guerra de las salamandras*[2].

2. *Guerra con las salamandras:* La falta de la censura textual

Para iniciar esta parte central del artículo es necesario resaltar el hecho principal e inesperado: *Guerra con las salamandras*, edición de 1945, no presenta ningún rasgo de censura a nivel de modificación del texto o su significado. Este capítulo servirá sobre todo para demostrar este hecho y hacer evidentes los fragmentos ejemplares del texto que son temáticamente susceptibles a ser censurados según los estándares de censura, no obstante, se presentan en el texto en su forma no modificada. Se identifican tres aspectos temáticos de la obra que son potencialmente censurables y corresponden de alguna forma con la lista de categorías susceptibles a la censura creada por Abellán. Estas tres categorías son: el indecoro sexual, la crítica abierta de la superioridad y la crítica eclesiástica. A continuación, vamos a dedicar un subcapítulo a cada una de estas problemáticas.

2.1. El indecoro sexual

La rigidez total en las expresiones de desnudez o conducta sexual es típica para la ideología moral del franquismo. A pesar de que *La guerra de las salamandras* no tiene de ningún modo como su fin general la sexualidad o la exposición exagerada del cuerpo humano, entre los capítulos número 6 y 7 de la primera parte observamos una cantidad notable de referencias hacia ello, con el objetivo de complementar la naturaleza de algunos personajes. Estos dos capítulos consisten en un episodio breve en el cual vemos

[1] Ejemplos de esta práctica serían algunas obras de Ramón María del Valle-Inclán o Honoré de Balzac. Véase (Pérez del Puerto, 2016)

[2] Las primeras ediciones publicadas en España a partir de 1945 salieron con el nombre de *Guerra con las salamandras*, posiblemente debido a que se tradujeron de la edición inglesa (*The War with the Newts*). Sin embargo, todas las ediciones desde los años 70 hasta el día presente salieron con el nombre modificado como *La guerra de las salamandras*. Por lo tanto, para referir de manera general a la obra concreta de Čapek, se usa en todo el artículo la denominación actual, generalmente más conocida y aceptada.

a cuatro jóvenes, dos chicos y dos chicas, todos de familias de alto nivel, pasando vacaciones juntos en un yate. Por la naturaleza más bien liviana de estos personajes, los capítulos contienen bastantes enlaces hacia la desnudez, actividad erótica o sexo, cosas no aceptables por la moralidad católica, con la que se rige el estado franquista del momento. Aquí vienen tres pequeños fragmentos que podemos considerar más representativos para las razones ilustrativas; primero sacamos los tres momentos en cuestión del texto checo y después de la edición de 1945:

> … například ta Judy na jachtě, taková bohatá holka – já přece vím, že Fred chodí do její kabiny. Každou noc, prosím, <…> to by tak bohaté děvče nemělo dělat. Míním děvče z takové rodiny jako Judy.
> <…>
> A ta děvčata snad nemusela tak vysoko zvedat sukně. To už přece nebyly jenom nohy.
> <…>
> «To už mám vymyšleno. Koupala bych se a zpívala bych na skále.
> «V pyžama?»
> «Bez,» řekl drahoušek. (Čapek, 2009: 42-44)[3]

> … Por ejemplo: aquella Judy que está en el yate, una muchacha tan rica; yo sé que Fred entra en su camarote todas las noches <…> una muchacha tan rica no debe hacer eso. Quiero decir una muchacha de una familia como la de Judy.
> <…>
> Y las muchachas quizá no necesitaban haberse subido las faldas tan arriba. Pero no fué solamente las piernas.
> <…>
> –Ya he pensado en eso. Me bañaría y cantaría sobre las rocas…
> –¿En pijama?
> –No, sin él –dijo la bella–. (Čapek, 1945: 64-67)

Las tres situaciones están presentadas con la mayor precisión posible. La traducción no presenta formas de modificación del texto y describe los contextos con el mismo nivel de erotismo. Lo que viene a ser sorprendente es lo que descubrimos aquí gracias a la tesis de Cuenca Drouhard, hecha en la Universidad Carolina de Praga. El trabajo se dedica a las influencias culturales en la traducción checo-española en la segunda mitad del siglo pasado y como tal rosa también los primeros capítulos de *Las salamandras* en un análisis comparativo de algunas de las ediciones posteriores a la de 1945. En su comparación del texto checo con la primera edición española traducida directamente del checo, es decir, la de 1972, Cuenca Drouhard se da cuenta que todas las partes correspondientes a las citadas aquí, y también muchas otras, se omitieron completamente o aparecen sutilmente modificadas en la versión española. Al parecer, la edición de 1972 «viste» sus personajes: el pijama se modifica decentemente a ser un vestido azul con rayas y, sobre todo, la muchacha nunca sugiere quitárselo; menciones de desnudez pasan a ser menciones de soledad; las chicas ya no muestran las piernas, lo único que hacen en la misma situación es «reñir» (Cuenca Drouhard, 2014: 72-74). De este modo vemos, por ejemplo, esta modificación ridícula (2014: 73):

> (ed. 1945):
> – ¿En pijama?

[3] En el caso del texto checo se usa la edición conjunta de varias obras de Čapek publicada en 2009. El texto de *Válka s Mloky* en este tomo viene a ser una reedición textual de la publicación original del 1937, la cual es más difícil de conseguir.

– No, sin él–

(ed. 1972)
– Con el vestido azul a rayas?
– Sí.

Gracias a Cuenca Drouhard también descubrimos un caso de censura por omisión que busca evitar las menciones de la desnudez de los caníbales, cuando la frase «Měl by být… beze všeho, jako ti lidožrouti» (Čapek, 2009: 45) se convierte en «Él no llevaría… nada absolutamente, como los caníbales» (Čapek, 1945: 69) y posteriormente en «Iría vestido… pues como van los caníbales» en 1972 (Cuenca Drouhard, 2014: 78).

Podríamos decir que la *Ley de Prensa e Imprenta* de 1966, la cual trajo una supuesta suavización o incluso abolición de censura, evidentemente no tuvo mucho efecto. Basándonos solo en lo expuesto, parece que la versión posterior salió bastante más censurada a nivel textual que la versión anterior, lo cual no necesariamente es el caso a nivel de censura indirecta, como veremos.

2.2. La crítica abierta de la superioridad

La novela en cuestión proporciona muchas posibles críticas, ya sea hacia el carácter humano con su necesidad de dominar, o más concretamente hacia las ideologías del siglo XX; la época de su creación no deja que la novela pase por alto del nacismo y fascismo, ideologías que llevan teorías de superioridad como su parte inherente. Este tipo de críticas se hace más evidente en la última de las tres partes de la novela, titulada homónimamente como el libro entero. Tanto en checo como en la edición más antigua española, el cuarto capítulo de la tercera parte se denomina *Der Nordmloch*, y como ya el mismo nombre indica, trae consigo un toque apuntado hacia el chovinismo alemán. El capítulo no es muy extenso y trata sobre el descubrimiento hecho por un científico ficcional alemán Hans Thüring, según el cual las salamandras bálticas del tipo nórdico, muestran rasgos más avanzados que las demás, desarrollados gracias al ambiente alemán, hecho del cual en la novela se apodera la prensa alemana extensivamente; en la versión original, Čapek utiliza varios términos con los cuales señala y critica la sobreposición de la salamandra alemana que ridiculiza cualquier otra, por ejemplo:

… prý je o něco světlejší, kráčí vzpřímeněji.
<…>
… odlišný a vyšší rasový typus, nesporně nadřazený všem jiným Salamandrům.
<…>
S opovržením se psalo o zdegenerovaných mlocích mediteránních, zakrnělých tělesně i mravně.
<…>
Od Velemloka k německému Nadmloku. (Čapek, 2009: 153):

… era algo más ligera de color, andaba más recta.
<…>
… tipo racial más elevado y divergente, indiscutiblemente salamandras.
<…>
Describían con desprecio a la degenerada salamandra mediterránea, desmedrada física y moralmente.
<…>

De la salamandra gigante a la supersalamandra alemana. (Čapek, 1945: 243)

Si tomamos en cuenta la posible tardanza de la traducción y los preparativos necesarios para la publicación de la obra, inevitablemente llegamos a la conclusión de que la editorial española habrá trabajado en la emisión de la novela ya durante la Segunda Guerra Mundial, en la cual España se posicionaba claramente al lado de Alemania nazi (Moreno Juliá, 2015); a pesar de no haberlo sellado en papel, la cercanía ideológica entre España, Alemania e Italia es evidente, por lo que a lo mejor resulta inesperado ver que semejante crítica de las ideologías de superioridad, además apuntada directamente hacia Alemania, se publicó sin una mínima transformación censora.

Incluso apartando la vista del enfoque alemán, nos damos cuenta, que la traducción conserva el ataque, dentro de la alegoría literaria, a «la degenerada salamandra mediterránea», en la cual se sobreentiende la salamandra española también. Esta mención podría haber sido fácilmente omitida o incluso sustituida por cualquier otra esfera geográfica, porque, en el desarrollo de la historia más adelante, el hecho de que se mencione la salamandra específicamente mediterránea no tiene ninguna repercusión en absoluto. Este es uno de los argumentos más fuertes que efectivamente nos puede llevar a la posible conclusión que la revisión censora no solo fue leve en este caso, sino que fue omitida por completo.

2.3. La crítica de la iglesia

Lo que también nos dejaron claros los criterios de Abellán es que cuestionar el papel de la iglesia como el portador de valores humanos y divinos también constituiría un motivo suficiente para aplicar medidas de censura. Sin embargo, una vez más podemos observar que esta medida no se cumplió en la novela de Čapek. Es verdad, que la obra como tal no lleva muchas menciones respeto a la religión, no obstante, el sexto capítulo de la tercera parte (titulado *La advertencia de X*) tiene un cruce importante con el tema eclesiástico. Dentro de la novela, un tal X viene a ser un autor anónimo de procedencia eclesiástica, que publica un texto corto, un panfleto, cuyo único objetivo es movilizar la humanidad en contra de las salamandras, las que a estas alturas representan seres inteligentes y «humanizados» y por lo tanto peligrosos en el estado conflictivo en el que se encuentra el mundo. A continuación, podemos ver de nuevo unas frases sacadas directamente de *La advertencia de X*:

Ve jménu kultury, ve jménu křesťanství a lidstva se musíme osvobodit od Mloků. <…> Buď utvořena Liga Národů proti Mlokům! <…>, aby uzavřela Světovou unii, nebo aspoň spolek všech křesťanských národů proti Salamandrům! Dnes je osudný okamžik, kdy se pod strašlivým tlakem mločího nebezpečí a lidské …para fundar una Unión mundial, o por lo odpovědnosti může podařit, nač nestačila světová válka se všemi svými nesmírnými oběťmi: zřízení Spojených Států Světa! Dejž to Bůh! (Čapek, 2009: 163)

En nombre de la cultura, de la cristiandad y de la Humanidad debemos libertarnos de las salamandras. <…> ¡Formemos una sociedad de naciones contra las salamandras! <…>, para fundar una Unión mundial, o por lo menos una Sociedad de todas las razas cristianas contra las salamandras. Hoy es el momento vital, cuando enfrente de la terrible amenaza de las salamandras y de la responsabilidad humana podría conseguirse algo que no se consiguió por la Guerra Mundial con todos sus inmensos sacrificios: la formación de los Estados Unidos del Mundo. ¡Que Dios lo quiera! (Čapek, 1945: 260-261)

El problema aquí es el llamado eclesiástico por la destrucción de las salamandras, lo que supone que la iglesia actúe de algún modo en contra de los valores humanos. El hecho que el anónimo X no se dirige a humanos, sino a salamandras, puede percibirse también como un ataque a la selectividad de la iglesia y su condición elitista en los estados autoritarios de la época: las salamandras, en este momento de la novela, significan una entidad equiparable a la raza humana, es decir, un llamado por su destrucción puede ser visto también como una explícita expresión de odio con motivo racial.

3. *Guerra con las salamandras* censurada indirectamente

Ya hemos matizado brevemente el tema de la censura empleada de manera indirecta, es decir, no se impone al texto como tal, sino que modifica de alguna forma las condiciones de su publicación o limita su venta. Se trata de alguna forma de una «zona gris» entre la censura directamente empleada al texto de la obra y la omisión de supresiones censoras. De la Lima Grecco también apunta que esta zona gris asimismo incluye alguna negociación en el eje autor-censor, es decir, era posible que, para evitar mayores modificaciones en el texto, algún que otro autor cedía a que el texto fuera solo de una disponibilidad limitada. (de la Lima Grecco, 2019: 131) En otras palabras, los censores tenían una variedad de herramientas secundarias para limitar la difusión de algunas ideas sin tener que necesariamente recurrir a las supresiones textuales.

Como se había mencionado en el apartado sobre la teoría de la censura indirecta, una de las herramientas de posible uso sería permitir la publicación de la obra solo en condiciones de alto coste, es decir, en material de calidad, tapa dura o cantidad elevada de páginas. Sin embargo, no parece que alguna de estas medidas se haya aplicado en *Guerra con las salamandras*, edición 1945. El libro es de tamaño pequeño, un formato de 12 por 18 centímetros; es de tapa blanda y el texto está impreso sobre papel común, no contiene ilustraciones y la portada solo contiene una imagen en blanco y negro. En fin, la edición se ve de calidad más bien común, por lo cual parece que no se había aplicado ninguna restricción secundaria en este aspecto.

3.1. Nota sobre las traductoras y la editorial

La novela se tradujo desde el inglés por Carmen Díez de Oñate y Mildred Forrester y se publicó en Madrid. Los nombres de las dos traductoras constan también en las ediciones de 1950 y de 1964, las que, según la información escasa que pude obtener respeto a los ejemplares, vienen a ser simplemente reediciones del mismo texto, presentadas en otras colecciones. Interesantemente, al introducir sus nombres en el catálogo de la BNE, no surge nada más que las tres ediciones de *Guerra con las salamandras*, lo cual da por hecho que aparentemente no se trata de autoras o traductoras muy productivas. Hay al menos dos posibilidades viables respeto a la carencia de información sobre las traductoras. Primero: por supuesto, es perfectamente posible que se trate de personajes inactivos en el mundo literario salvo aquella única traducción, pero desgraciadamente no se pudo encontrar cualquier información secundaria respeto a las traductoras, como para verificar quienes son. Segundo: son nombres ficcionales, alter egos de cualquiera que tradujo la novela y que por algún motivo no consideró oportuno (o no le ha sido posible) adjuntar su identidad a la obra. El juego de seudónimos es común y corriente bajo las condiciones de opresión política, y, además, existe la especulación igual respeto a una de las ediciones posteriores. Miguel Cuenca Drouhard sugiere la posibilidad que José Diéguez, traductor de la edición de 1972, es en realidad un seudónimo de Anna Falbrová, traductora de una edición anterior. (Cuenca Drouhard, 2014: 65-66)

Dejando aparte el problema de las traductoras, miremos ahora la editorial. Guerra con las salamandras se editó en la editorial Revista de Occidente que viene a ser franquicia del periódico homónimo, fundado

por José Ortega y Gasset en 1923, mientras que la editorial empezó su función un año más tarde, según el catálogo de la Biblioteca Nacional de España. En éste mismo se pueden encontrar más de 120 títulos, donde la Revista de Occidente consta como editor, no obstante, mientras que el periódico del mismo nombre cesó su función entre los años 1936 y 1963, la editorial emitió acerca de 20 títulos como mínimo en estas mismas fechas[4], por lo que vemos que ésta no canceló su actividad por completo, aunque aparentemente operó en un margen diminuto.

3.2. La falta de publicidad

De acuerdo con lo prometido, vamos a rastrear el ejercicio de la limitación publicitaria en el caso de Guerra con las salamandras. Tras haber afirmado que a nivel textual la novela no sufre cambios intencionales, hay que ampliar nuestra óptica al entorno extratextual también y tratar de ver rasgos de la edición de 1945 en otras fuentes, y lo más aparente es, sin duda alguna, buscar rastros en la prensa contemporánea. Hay que aclarar que los periódicos significan el medio de comunicación masiva de la época, por lo cual representan también el espacio publicitario con el máximo alcance y son entonces la fuente más representativa a la hora de averiguar lo que se expone en el espacio público.

Y bien, al tratar de buscar anuncios respeto a la publicación de *Guerra con las salamandras*, no se encontró ninguna. Se explotó todo el material de hemerotecas digitales accesibles, con el marco temporal de los años 1944 y 1946, para evitar algún tipo de retraso o adelanto en anunciar la obra respeto a la fecha de su publicación. Se combinó la búsqueda automática de distintas palabras claves, en combinación con la búsqueda manual en los materiales de poca legibilidad, en los cuales existe el riesgo elevado de omisión por el sistema automatizado. No obstante, en las fechas correspondientes no se encontró ninguna mención de la publicación de *Guerra con las salamandras*, lo cual puede tener dos explicaciones.

El primer argumento podría ser que la editorial Revista de Occidente no advertía de sus libros en los periódicos o en el espacio público de ninguna manera. Esta teoría se puede desmentir con relativa facilidad: el diario *Nueva Rioja* contiene referencias a la editorial en cuestión en algunas ocasiones del mismo año 1945. Por ejemplo, la sección «Rincón de las letras» de 1 de mayo 1945 contiene el siguiente texto: «La «Revista de Occidente» piensa editar una serie de libros dedicados al estudio del folklore hispano y en esta serie de volúmenes, los periódicos madrileños han señalado como primero el «Manual de Folklore» del insigne especialista Luis de Hoyos y Sáinz.» («Rincón de las letras», 1945a: 6)

Es una mención con un motivo claramente nacional, pero aun así nos sirve de evidencia que la Revista de Occidente no es omitida en la prensa, o al menos no lo es cuando se refiere a un tema de evidente orgullo nacional. Otro momento que podemos rescatar del mismo diario y de la misma sección, incluso publicada el mismo año dice lo siguiente: «Se anuncia que aparecerá en breve un tomo de ensayos del insigne pensador Manuel García Morente. Llevará por título «La vocación de nuestro tiempo para la filosofía» y podemos adelantar que será editado por la Revista de Occidente y recogerá trabajos del ilustre filósofo <…>» («Rincón de las letras», 1945b: 4)

Además, el mismo José Ortega y Gasset es un nombre bastante mencionado en el mismo periódico. Tan solo unas líneas arriba de lo últimamente citado, aparece la siguiente mención: «Ortega y Gasset trabaja

[4] No me atrevo a declarar aquí cantidades exactas, ya que los datos resultan algo confusos: en el catálogo general de la BNE se pueden encontrar títulos en cuyas fichas consta el nombre de la editorial en distintas mutaciones, como por ejemplo Revista de Occidente o Rev. de Occidente. Dadas estas ligeras discrepancias, no puedo acreditar con total seguridad la cantidad de títulos publicados bajo la editorial y no logré obtener el dato en otras fuentes, sin embargo, la mínima cantidad posible de rescatar a través del catálogo son 123 títulos, de los cuales 21 se publicaron en el período desde 1936 hasta 1963.

actualmente en el epílogo a la «Historia de la Filosofía,» de Julián Marías.» (Ibid.: 4). Este mismo «Rincón de las letras» incluso le dedica todo un apartado al filósofo español en diciembre del mismo 1945, dedicándole, por decir un ejemplo, estas palabras: «No cabe duda que en el pensamiento español contemporáneo, la figura de José Ortega y Gasset tiene primicias de dire[c]tor.» («Rincón de las letras», 1945c: 6)

Se hace aparente entonces, que no solo Revista de Occidente sino también la figura de su fundador son términos presentes en el espacio público en 1945 y no parecen sufrir alguna forma de supresión, con lo cual podemos descartar la idea de que no se dio advertencia sobre *Guerra con las salamandras* a causa de la ausencia de menciones de la editorial como tal. Además, si bien establecimos que Revista de Occidente publicó algo más que 20 títulos entre el 1936 y 1963 (aunque puede que hayan más), resultaría raro que dos de ellos fueran anunciados, pero otro (correspondiente a las mismas fechas) no.

La negación del primer argumento nos lleva a suponer el segundo: *Guerra con las salamandras* sufrió algún tipo de censura indirecta, es decir, al no encontrar ninguna mención de la obra en las fechas establecidas, podríamos concluir que su exposición fue limitada, a no decir completamente prohibida. Sin embargo, en este apartado cabe resaltar dos observaciones más.

Lo primero que quiero mencionar es que no es del todo verdad que el periodismo español no contiene ninguna mención de la edición de 1945 de la obra en cuestión. Resulta casi divertido o irónico, pero siete años más tarde, en abril 1952, una lectora madrileña de iniciales M. L. D. F. envió una pregunta a la redacción de *Pueblo: Diario del Trabajo Nacional* y recibió su respuesta correspondiente en el apartado dedicado a las preguntas de los lectores, número del 16 de abril 1952:

> ¿Hay publicada en España alguna novela de Karel Capek?, nos pregunta la señorita M. L. D. F., de Madrid. «Revista de Occidente» editó hace pocos años «Guerra con las salamandras», en su colección «Novelas extrañas.» («Examen de Estado: Los miércoles contestamos a las preguntas de nuestros lectores sobre cultura general», 1952: 9)

Esta pequeña conversación es peculiar principalmente por dos motivos. En primer lugar, si existía alguna regla de no promover la obra en el espacio público, aparentemente bastó con preguntar para obtener la información sobre ésa, o, a lo contrario, siete años es un período suficiente como para que una regla así caiga en el olvido y la novela se vuelva simplemente un artículo del mercado. En segundo lugar, durante los años entre la primera publicación de *Guerra con las salamandras* y la pregunta de la lectora citada arriba, la editorial Aguilar publicó una reedición del texto, concretamente en 1950, según el catálogo de la BNE. Es interesante ver que dos años después de la publicación de la segunda edición, el redactor que escribió la respuesta solo habla de la edición más vieja. Otra mención sobre la primera edición viene de *Hoja Oficial del Lunes*; en un ejemplar de septiembre 1966 está incluida la reseña de *R.U.R.* y *El juego de los insectos*, otras obras de Čapek nuevamente publicadas en España: «La guerra de las salamandras, dado a conocer por Editorial Revista de Occidente, presentó en España a Karel Capek <…>» («Nuevos libros», 1966, p. 17) Por un artículo así también se hace evidente que desde 1966 las obras del autor checoslovaco empiezan a tener un alcance mayor: como vemos, se publican obras nuevas a las cuales se dedica un espacio considerable en el diario. Por supuesto, no sabemos lo que les había hecho la censura a las nuevas publicaciones, lo cual nos lleva al siguiente párrafo.

La segunda observación que me gustaría dejar aquí clara sirve para apoyar mi teoría respeto a la censura indirecta de la primera edición. Es el hecho que la edición del año 1972, es decir, la edición que sabemos que fue censurada textualmente, está plenamente promovida en la prensa de las fechas

correspondientes a su publicación. Un ejemplo bien claro lo encontramos otra vez en *Pueblo: Diario del Trabajo Nacional*, el cual no solo menciona la nueva edición de *La guerra de las salamandras*, sino que, en julio 1972, halaga directamente la grandeza de la obra, publicando una reseña de Luis Núñez Ladeveze. El texto es una columna bastante extensa y habla de «una novela de Karel Kapek[5] que los historiadores de la «ciencia ficción» gustan citar entre los antecedentes próximos y dignificadores del género.» (Núñez Ladeveze, 1972, p. 32) Sin embargo, en toda la reseña es evidente el trato de evitar la naturaleza política de la obra y se limita a describir su carácter del género de ciencia ficción.

En este momento ya no cabe duda en la diferencia clara: mientras que no tenemos ningún rasgo sobre la edición de 1945 en el momento de su publicación, la de 1972 está promovida casi ilimitadamente, según parece, posiblemente gracias a su modificación censora. El Instituto Nacional del Libro Español incluso incluye este título en su *Biblioteca de autores modernos*, lista de títulos nuevos publicada en el periódico del dicho instituto. Basándonos en los argumentos propuestos, podemos suponer con una base fuerte, que la primera edición de *Guerra con las salamandras* fue censurada secundariamente, en el sentido de limitar su exposición pública. Un dato que causa mucho interés en este sentido es el número de tirada de la primera edición, porque ayudaría a complementar el esquema de disponibilidad del tomo, desafortunadamente, no he encontrado ninguna manera posible de asegurar este dato.

4. Para concluir: *Guerra con las salamandras como lectura de élites*

Será oportuno dedicar las últimas palabras de este artículo al último dato que lleva impreso el libro publicado en 1945 – su precio. La cifra de 12 pesetas impresa en la portada trasera del libro puede suponer un coste elevado, teniendo en cuenta que el salario de un obrero común no superaba 250 pesetas, según los datos disponibles en el Instituto Nacional de Estadística.

El libro por tanto queda prácticamente solo en el alcance de miembros de la élite social franquista, lo cual se puede documentar también en la inscripción hecha con la mano del lector en el tomo concreto que se usó para esta investigación.[6] A parte de las impresiones del libro, la inscripción también incluye fecha y lugar – agosto 1953, Zarauz – una ciudad frecuentada para veranear por las altas capas sociales del estado franquista.

Bibliografía

Abellán, M. L. (1980). *Censura y creación literaria en España (1939-1976)*. Península. http://archive.org/details/censuraycreacion0000abel

Čapek, K. (1945). *Guerra con las salamandras* (C. Díez de Oñate & M. Forrester, Trads.). Revista de Occidente.

Čapek, K. (2009). *Válka s mloky, Krakatit, Povídky z jedné kapsy, Povídky z druhé kapsy, Bajky a podpovídky, Proč nejsem komunistou*. Československý spisovatel.

Cuenca Drouhard, M. J. (2014). *Influencia del polisistema cultural español en la traducción de la literatura checa durante la segunda mitad del siglo XX*. Univerzita Karlova. https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/56902

de la Lima Grecco, G. (2019). Más allá de la pluma censora: Las zonas grises en torno a la censura literaria durante el Primer Franquismo. *Estudos Ibero-Americanos*, *45*(2), 121-133. https://doi.org/10.15448/1980-864X.2019.2.31096

[5] Fijémonos en la ortografía incorrecta del nombre Čapek.

[6] El tomo contiene el sello con el escrito de «Biblioteca de dr. Ángel F. Méndez», por lo que podemos suponer que doctor Méndez (por el título ya de por sí miembro de la élite social) es el autor de la inscripción.

Examen de Estado: Los miércoles contestamos a las preguntas de nuestros lectores sobre cultura general. (1952, abril 16). *Pueblo: Diario del Trabajo Nacional, n. 3924*.

Moreno Juliá, X. (2015). *La División Azul: Sangre española en Rusia, 1941 - 1945* (1. ed. en esta nueva presentación). Crítica.

Nuevos libros. (1966, septiembre 26). *Hoja Oficial del lunes, n. 1435*.

Núñez Ladeveze, L. (1972, julio 4). Salamandras y ciencia-ficción. *Pueblo: Diario del Trabajo Nacional, n. 10215*, 32.

Pérez del Puerto, Á. (2016). *La censura católica literaria durante la Posguerra española: Traspasando las fronteras de la ideología franquista*. University of Tennessee.

Rincón de las letras. (1945a, mayo 1). *Nueva Rioja, n. 2034*, 6.

Rincón de las letras. (1945b, julio 31). *Nueva Rioja, n. 2111*, 4.

Rincón de las letras. (1945c, diciembre 4). *Nueva Rioja, n. 2219*, 6.

WOMEN AND FRIENDSHIP: THE POETIC WORKS OF ELŻBIETA GLAIZE (CA. 1772-1840) IN THE CONTEXT OF THE SENTIMENTAL FASCINATION WITH FRIENDSHIP[1]

Kamila Żukowska
University of Lodz

Przyjaźni, darze łaskawego nieba,
- Ty jedna ludzi wspierasz ręką szczerą!
F. Karpiński, Przyjaciółki nieszczęśliwe

The most famous Polish Enlightenment newspaper, *Monitor*, devoted an entire issue in 1766 to the phenomenon of friendship, which in the eighteenth century became one of the most highly valued human relationships (*Monitor*, 1766: 251-258). At the very beginning of the article, the anonymous author writes:

> Zdaje mi się, iż wielu czytelników daremną pracą nazwą pisać o przyjaźni. Ci którzy się na niej nie znają, rzeczą tak łatwą i tak powszechną osądzą, iż według nich żadnego w tej mierze oświecenia nie potrzeba. Mała i pogardzona cząstka myślących ludzi, im bardziej w poznaniu serc i umysłów biegła, tym sprawiedliwiej o istności przyjaźni wątpiąca, za mało skuteczną i prawie niepodobną rzecz uzna wracać czasy Orestów i Piladów, tak przeciwne naszym, iż je między bajki policzono. (*Monitor*, 1766: 251-252)[2].

The author of the article is aware of the widespread use of the term «friendship», but at the same time laments that true friendship no longer exists. Polish Enlightenment writers eagerly echoed this sentiment (e.g., Krasicki, 1844: 12, 44-45; Karpiński, 1806: 265; Szymanowski, 1803: 143-144). Interest in friendship reached its peak in the final decades of the eighteenth century and the beginning of the nineteenth, when friendship underwent a kind of sentimental sacralization: following Western models, not only were numerous temples dedicated to friendship, but even a Slavic goddess of friendship, *Przyja*, was invented to serve the cult, said to have been worshiped by the Slavic ancestors of the Poles alongside other deities (*Vilnius Dictionary,* 1861: 1289)[3]. However, the figure of *Przyja* is only a literary invention and a historical mystification rather than an authentic deity from historical Slavic mythology.

The longing to establish authentic relationships with others, the recognition of the importance of community, and the perennial desire for transcendence all contributed to the Enlightenment's new ways of

[1] The article is a result of the interdisciplinary grant IDUB B2511313000321.07, «Early Modern Polish Conceptions of Friendship in Relation to European Ideas: A Comparative Analysis», carried out in 2025 at the University of Lodz.

[2] «It seems to me that many readers will call it a vain effort to write about friendship. Those who do not know it will judge the matter so easy and so common that, in their opinion, no enlightenment is needed in this regard. The small and despised fraction of thinking people, the more advanced in knowing hearts and minds, the more justly doubt the existence of friendship, considering it too ineffective and almost impossible to restore the times of Orestes and Pylades, so contrary to our own that they have been counted among fables».

[3] According to the definition, Przyja was to be «a Slavic goddess of friendship and favour, invoked by those who wished to befriend someone».

understanding and practising friendship. These developments also opened the discourse of friendship to groups and individuals previously marginalised or excluded—such as women (Montaigne, 2013: 110-111) and members of the lower estates (*Monitor,* 1766: 258).

An example of adapting poetic models to new cultural realities is the work of the Lviv poet from the bourgeois milieu, Elżbieta Glaize (ca. 1772-1840). In her collection *Pierwiastki mojej muzy* (*The Elements of My Muse*) published in Lviv in 1801, she included a dozen or so poems devoted to friendship. These works illustrate the transformations the notion of friendship underwent under the influence of Jean-Jacques Rousseau's thought and sentimentalism, and they also represent late Enlightenment literary production, deeply shaped by the earlier activity of Franciszek Karpiński in Galicia.

This article aims to outline the image of friendship emerging from Glaize's work in poems such as *Przedmowa do mojej przyjaciółki, Do przyjaźni, Chroń się!, Do A…, która się na niewierność swego skarżyła kochanka, Do mojej przyjaciółki, Do mojej szacownej przyjaciółki J. L.* (*Preface to My Friend, To Friendship, Protect Yourself!, o A…, Who Complained About Her Lover's Infidelity, To My Friend, To My Esteemed Friend J. L.)* and to link it with Enlightenment reflections on friendship—especially with sentimentalism, which privileged *feeling* as a disposition of the heart. The preference for the heart over the intellect, and for the state of nature over culture, allowed individuals marginalised in the classical and philosophical discourses of friendship of previous eras to find their place in a reality where social boundaries were beginning to blur[4].

This article is divided into three parts. In the first, I present the profile of the Lviv poetess. In the second, I sketch the two traditions of writing about friendship in the Enlightenment. In the third, I analyse selected poems by Glaize through the prism of the sentimental understanding of friendship, which most closely corresponds to the poetic sensibility of the author of *The Elements of My Muse*. I will seek to demonstrate how Glaize reconfigures the cultural discourse of friendship into a distinctly feminine poetics, in which the values of a young girl from the provinces resonate.

1. Life and work of Elżbieta Glaize, a forgotten poet from Lviv

Elżbieta Glaize, the author of a collection published at the Wilhelm Wichman Printing House in 1801, has recently become the subject of a few articles (Samborska-Kukuć, 2022: 555-569; Żukowska, 2025: 43-61). For this reason, we will limit ourselves to presenting the most important information about her life and literary activity.

The author was born around 1772 in Warsaw as the daughter of Jakub Glaize and Teresa née Jeżewska. The poet's father was probably the son of the well-known François Glaize, a French upholsterer at the Saxon court, who arrived at Augustus II's court, most likely from Dresden (Bender, 1997: 257-271). The poet's father did not belong to the noble class and engaged in various occupations - he was the plenipotentiary of Michał Wielhorski's estates in Volhynia, which partially explains the family's move to Galicia (Aleksandrowska, 1966: 467), later became a professor of French at the State Academy in Lviv, the owner of a boarding house for noble youth, and again, a plenipotentiary of the estates of Szczęsna Działyńska, the addressee of *Pierwiastki mojej muzy* (Żukowska, 2025: 45).

The poet grew up in a milieu of bourgeois intelligentsia, which included Wacław Hann, a philosophy professor and writer who came from Vienna, and who taught poetry both to the author of *Pierwiastki*

[4] Reference was made to friendship arising from the state of nature during the French Revolution. See, for example, Marat's *L'Ami du peuple* or the youthful works of A. Mickiewicz, who saw revolutionary potential in friendship (*Pieśń Filarecka*, *Oda do młodości*). (Ziolowicz,2024: 51–68).

mojej muzy and to Antonina Bratkowska née Mrozowicka, the author of *Uczucia i igraszki* (Lviv, 1801) (Finkel & Starzyński, 1894: 74-75). Glaize married in 1808 a Lviv official, Karol Walker (Walcker), who died of tuberculosis in 1825 (*Gazeta Lwowska*, 1825: 740). The poet's only son died in childhood (Samborska-Kukuć, 2022: 559). After her marriage, Elżbieta Walkerowa followed her father's example and ran a boarding house for young women. The author of *Pierwiastki mojej muzy* died in 1840 of pneumonia (*Gazeta Lwowska*, 1840: 152). The poetry collection published in 1801 remains Glaize's only known work, although she has also been attributed with the authorship of a devotional book[5].

The volume *Pierwiastki mojej muzy* exemplifies youthful creativity, in which traces of both other authors' influences and poetic exercises are visible. The works are thematically diverse, but - apart from a few reflective poems such as *Do Boga* (*To God*) or *Do snu* (*To Sleep*) - they testify to social contacts and the significance the poet attributed to relationships with other people. The collection predominantly contains poems devoted to friendship and female friends (*Przedmowa mojej przyjaciółce* (*Preface to My Friend*), *Do mojej kochanej przyjaciółki T...P...* (*To My Beloved Friend T...P...*), *Do mojej przyjaciółki E. J.* (*To My Friend E. J.*), *Do Anielki* (*To Anielka*), *Na pochwałę Spencera* (*In Praise of Spencer*) and, less frequently, to family members (*Na powrót mojej matki* (*On My Mother's Return*), *Do ojca mojego w dzień imienin jego* (*To My Father on His Name Day*), which are often occasional pieces. The poet focused on expressing the emotions accompanying events, such as parting from family and friends, or the joys of everyday life arising from sharing happy news, shopping, or conversation with close ones.

The themes of emotion, melancholy, and longing were particularly valued in the sentimentalist trend, to which the poet explicitly refers. This is evidenced not only by several poems using conventional, sentimental names (*Filon do strumieni* (*Filon to the Streams*), *Korynny dumka* (*Korynna's Lament*), *Do Damona* (*To Damon*), but also by the quotation preceding the collection: *il faut une âme pure, et des goûts innocents* (*one must have a pure soul and innocent tastes*) from Jacques Delille's *L'Homme des champs, ou les Géorgiques françaises* (Strasbourg 1800), which was translated in 1817 by Ksawery Chomiński as *Człowiek wiejski albo georgiki francuskie* (*The Rural Man or the French Georgics*) (Vilnius). Delille's works, praising simple life close to nature, were also translated by other sentimental poets, Karpiński (1806: 1-108), Alojzy Feliński (1823), and indirectly, by Kajetan Koźmian (1830). Furthermore, familiarity with Delille was especially common among women, who copied fragments of his poetry into their diaries (Załuska, 1934: 1).

The young poet (Glaize was in her twenties when *Pierwiastki mojej muzy* was published) was therefore familiar with the latest literary trends, and her interest in literature was inherited from her father, who possessed in his library the most important literary and philosophical publications of the eighteenth century (*Catalogue des livres de la Bibliothèque de Monsieur Jaques Glaize Professeur de l'Academie de Leopol, et conseiller du Roi de Pologne* 1796). The poet's erudition is evident in borrowed works, adaptations, and poetic paraphrases appearing in *Pierwiastki mojej muzy*. Beyond Delille, Glaize's models were also women - the Viennese author Gabriele Baumberg, author of the published work *Sämmtliche Gedichte* (Vienna 1801), and Sappho;the poem *Córka do matki* (*Daughter to Mother*) from Glaize's collection is inspired by *fragment 102* of the Lesbos poet's work, who in the Enlightenment became a figure representing unhappy love[6].

[5] The attribution of the devotional work *Bóg najwyższe dobro* (Wrocław 1806) to Glaize by Estreicher is probably incorrect (1874: 34-35). This work was first published anonymously in Wrocław, and later editions also maintain this attribution. Furthermore, in this collection of prayers, the author consistently addresses the reader using the masculine grammatical form (Żukowska, 2025, pp. 47–48)

[6] The image of Sappho as the scorned lover of the unfaithful Phaon was popularised by Ovid's *Heroides*, which were published in Polish only in 1733 by W. Chróściński as *Rozmowy listowne, albo raczey wzaiemna heroin greckich z kawalerami korrespondencya.*

A significant influence on Glaize's work was also Karpiński, who in 1780 published in Lviv *Zabawki wierszem i przykłady obyczajne* (*Exercises in Verse and Moral Examples*), containing the famous cycle of idylls, which brought him fame throughout the country and made him a leading poet of the sentimental circle, turning Lviv into a local center of sentimental creativity. The author mentions Karpiński in *Przedmowa do mojej przyjaciółki* (*Preface to My Friend*):

> Marcjusz i Karpiński śpiewali miłości;
> Pozwól bym w tym poetów choć naśladowała:
> Pierwszy kochał swą Laurę a drugi Justynę;
> Łatwiej chwycić ten przykład nie mogąc wziąć inne <...>[7]

Glaize's poetry thus testifies to the assimilation of the most important trends of the late Enlightenment, including the reception of classical poets, the works of Karpiński, and other popular authors of the period from both Poland and Europe (Ignacy Krasicki, Gabriele Baumberg, Voltaire, Jacques-Charles de Ranchin de Montredon). It also demonstrates the remarkable erudition of a young woman from a bourgeois milieu at a time when such knowledge was attributed only to select Polish noblewomen.

2. Discourses on friendship: the old Polish tradition, classicism, and sentimentalism

Interest in friendship during the Enlightenment was not new to Polish culture. Already in the *Dictionary of the Polish Language of the 16th Century* (*Słownik polszczyzny XVI wieku*), the word *przyjaźń* (*friendship*) appears over 600 times in three meanings: the most common being a relationship based on sincerity and closeness, a relationship with God, and as a synonym for the bond between a woman and a man (IJP PAN, n.d.). The prevalence of thinking about friendship is also confirmed by literary sources from the period, such as fragments of *Zwierzyńiec* by Mikołaj Rej or works by Jan Kochanowski[8].

In the centuries preceding the Enlightenment, intellectuals viewed friendship according to ancient philosophy, which approached friendship in a specific axiological and practical order, as confirmed by Polish Renaissance prints[9]. An interesting example of the period's interest in friendship is the treatise written under a pseudonym, *O przyjaźniach i przyjaciołach* (*On Friendships and Friends*, ca. 1611-1616), which modern scholars attribute to Jan Szczęsny Herbut (pseudonym Andrzej Maczuski), one of the leaders of the Zebrzydowski Rokosz (Bodniak, 1934: 399-400). This work, probably written during Herbut's imprisonment in the Kraków castle after the Battle of Guzów (he was initially sentenced to death), synthesises the views of ancient philosophers on friendship, which, according to the author, he «truly did not receive» (the author sent desperate letters to family and friends requesting his release).

The lack of earlier Polish editions of these fictionalised letters of ancient heroines was likely due to ecclesiastical censorship (see Żukowska 2025). An example of a poetic adaptation of Ovid's work can be found in the poems by W. Reklewski (*Safo*, *Safo o Faonie*) from the volume *Pienia wiejskie* (1811).

[7] Marcius and Karpiński sang of love; /Allow me to imitate the poets at least in this: /The first loved his Laura, the second his Justyna; /Easier to follow this example than to take another <...>.

[8] See, for example, M. Rej *Kapitulum XII* from *Żywot człowieka poczciwego* (1859: 188-199) and *Wykład cnoty* by J. Kochanowski (1825: 416-419).

[9] Plato and Aristotle emphasised the role of reason and virtue as necessary conditions for establishing friendship, as well as its elitist character and, to some extent, its overarching purpose – the self-perfection of individuals serving the attainment of knowledge and fulfilment (in pre-modern times, the Latin *Corpus Aristotelicum* was predominantly used). Cicero and Plutarch placed greater emphasis on the happiness and joy that friendship brings to people (Plutarch, 1557; Cicero, 1805). In this sense, the Roman understanding of friendship is similar to modern sensibilities.

Moreover, already in 1557, an anonymous adaptation of a fragment of Plutarch's *Moralia Przyjaciela od pochlebcze jak rozeznać* (*The Friend: How to Discern a Flatterer*) appeared in Poland, adapted to local cultural conditions (echoes of this reading are especially visible in Rej's *Żywot człowieka poczciwego* (*The Life of an Honest Man*). Later, Łukasz Górnicki addressed the same topic in his treatise *Dworzanin polski* (*The Polish Courtier*):

> Czemu zabiegając oni uczeni starzy pisali o tym, jako prawdziwego przyjaciela rozeznać od pochlebce. Ale coż to pomoże, gdyż takich wiele jest, a snadź im i liczby nie masz, ktorzy znają to jaśnie, iż im pochlebują, a wdy na pochlebce są łaskawi, a na owe patrzyć nie mogą, którzy im prawdę mówią, a częstokroć zda się im, iż ten, kto chwali i pochlebuje, nie do końca jakoby doraża, ani wszytkiego wypowieda, więc oni sami dokładają i plotą tak wiele o sobie, iż pochlebca by najniewstydliwszy sromać sie musi (Górnicki, 1566, p. 99)[10].

In the Renaissance and later in the Baroque, there was a strong interest in the problem of true and false friendship, related to the belief that a false friend could cause not only disappointment but primarily the moral downfall of a person. Emphasis on the ethical value of friendship, creating an intellectual community with it, and the conviction that a friend can help us perfect our own nature, did not vanish with the passing centuries and became part of Enlightenment thought on friendship[11].

During the Enlightenment, at least two traditions of understanding friendship can be distinguished. The first represents a marriage of classical views on friendship, which from the Middle Ages until the early 19th century persisted throughout Europe, among others through the reissues of classical authors writing on friendship[12]. Echoes of these texts are particularly visible in poets from the circle of King Stanisław August Poniatowski, who focused on describing the abstract qualities of friendship understood as a value given to man by God, emphasised in the didactic treatise of Karpiński, important for Glaize, who often employed in his prose tools developed by the classical tradition (Karpiński, 1806: 258)[13]. According to Adam Naruszewicz, one of the leading poets of the Stanislawian circle, true friendship has a divine origin:

> Szacowny darze łaskawych bogów,
> Słodki uroku śmiertelnych,
> Święta przyjaźni! zstąp z górnych progów,
> Użycz twych promieni dzielnych.
> Twój zastrzał złoty kogo przeszyje
> I czystym ogniem ochłonie,
> Wdzięcznych mu pociech pasmo się wije,
> Życie mu w jasnych dniach tonie.
> W twych więzach miléj źrzódło swobody;
> Sam czas szanuje twe prawa;

[10] Why did the old learned men write about this, how to discern a true friend from a flatterer? But what use is it, since there are so many of them, and perhaps you cannot even count those who know well that they are being flattered, and yet are pleased with flattery, and cannot endure those who tell them the truth; and often it seems to them that the one who praises and flatters does not fully intend it, nor expresses everything, so they themselves add and spin so much about themselves that even the most shameless flatterer would have to be ashamed.

[11] W. Pawlak has recently written on the Renaissance *res publica literaria* and the friendship of intellectuals (2015: 63–83).

[12] In the Enlightenment, *Moral Letters* by Seneca were published (1781), Cicero's *Laelius* from 1607 was reprinted (1805), Andrzej Maczuski's treatise was republished (1817), and Jean-Jacques Rousseau's letter *On Friendship* was translated into Polish (1818).

[13] T. Kostkiewiczowa wrote more on this topic, emphasising the use of different rhetorical tools in relation to Karpiński's prose (1964: 41-42).

Innym odbiera, do twej urody
Nowego blasku przydawa.
Tobie i zmienna miłość zazdrości,
Hartując statkiem kochanie.
W tobieby znalazł wszytkie lubości,
By człek w niewinnym żył stanie (Naruszewicz, 2009: 57)[14].

Polish Horace is echoed by Józef Epifani Minasowicz, one of the editors of *Monitor*:
Skąd przyjaźń?

Co dobre - z nieba. Tam się urodziła,
tam Przyjaźń miała siedlisko.
Na ziemi, dzikie losu jest igrzysko;
Więc skarga do niej się wzbiła -
I zeszła przyjaźń, i jej balsam boski
Zagoił rany; uspokoił troski;
I pielgrzymuje po ziemskim okresie:
Ale że z nieba - niebo z sobą niesie (Minasowicz, 1844: 147)[15].

In poetry drawing on the philosophical tradition of past centuries, the conviction emerged that true friendship is rare, because falseness and concern for self-interest dominate everyday life:

Uciekam się — rzekł Damon — Aryście, do ciebie,
Ratuj mnie, przyjacielu, w ostatniej potrzebie:
Kocham piękną Irenę. Rodzice i ona
Jeszcze na moje prośby nie jest nakłoniona».
Aryst na to: «Wiesz dobrze, wybrany z wśród wielu,
Jak tobie z duszy sprzyjam, miły przyjacielu.
Pójdę do nich za tobą!» Jakoż się nie lenił:
Poszedł, poznał Irenę i… sam się ożenił (Krasicki, 1844: 12)[16].

For this reason, one of the main duties of friendship is sincerity. Truth should be spoken without excessive satisfaction, as Karpiński emphasised:

Przyjaźni najpierwszą własnością jest szczerość między przyjaciółmi. Ona razem jest cechą poczciwego człowieka, jest poręką słów jego i myśli, a świadków nie potrzebuje. Szczerości obietnice są skutkiem, jej dary naby-

[14] O venerable gift of gracious gods, / Sweet charm of mortal hearts, / Holy Friendship! descend from lofty heights, / Lend the radiance of thy noble parts. / Whom thy golden dart shall pierce, / And cool with fire so pure, / A thread of grateful joys shall weave around, / Their life in radiant days secure. / Within thy bonds, dear spring of liberty; / Time itself respects thy law; / From others thou dost take, yet add anew / To thy beauty a shining awe. / Even fickle Love envies thee, / Tempering affection's tender flame; / In thee all pleasures might be found, / That man might live in innocence's name.

[15] Whence comes Friendship? / What is good – from heaven. / There it was born, / there Friendship had its dwelling. / On earth, the playground of fate is wild; / Thus a plea to it arose – / And Friendship descended, and its divine balm / Healed the wounds; soothed the cares; / And journeys through the earthly span: / But since it comes from heaven, it brings heaven with it. /

[16] I flee – said Damon – to you, Aryst, / Save me, friend, in my last need: / I love beautiful Irene. Her parents and she / Are not yet persuaded by my requests.' / Aryst replied: 'You know well, chosen among many, / How I favor you from my soul, dear friend. / I will go to them for you!' He did not delay: / He went, met Irene and… married himself.

ciem, rodzi się w sercu a przebywa w ustach. Przyjaciel przyjacielowi w szczerości prawdę mówić powinien [….] wszelako, ilekroć przymuszonym jesteś otwarcie ją powiedzieć, pokazuj, że to czynisz niechętnie; tak jak się dotykasz rany, przynaglony tylko potrzebą uleczenia (Karpiński, 1806: 260)[17].

In the classical conception of friendship, examples of ideal friendship connecting ancient heroes were emphasized. Reference was made to Pylades and Orestes (*Monitor,* 1766: 252) and Damon and Pythias (tragedy by Ignacy Chodźka) - ancient heroes willing to give their lives for the sake of friendship[18]. As one issue of *Zabawy Przyjemne i Pożyteczne* stated: "suffering for a friend is to crown one's glory with an immortal wreath» (1772: 165)[19].

In all cited works, friendship is understood abstractly, and texts devoted to friendship are limited to listing the qualities it should possess and the beneficial effects it has on human nature[20]. Even consoling arguments are abstract, as in Naruszewicz's poem *Do przyjaciela smutnego* (*To a Sad Friend*), inspired especially by Seneca's Stoicism:

Przestań się troskać, mój Janie kochany!
Co Bóg niewrotnym stanowiąc wyrokiem,
Wiecznymi w koło oprowadził ściany;
Tam człek nie sięgnie ni myślą, ni okiem.
Darmo się trapi żeglarz w morskiej fali,
Kiedy ćma ślepa nie da styrem władać;
Gdy się śmierć mokra gwałtem w okręt wali:
Jeźli opatrzył wszystko, gdy miał wsiadać <...>.
Jedyna w razie takowym ochłoda.
Że wiatr nie zawsze zapalczywy wieje.
On rzuca kotwę nim ucichnie woda,
A ty się dobrej nie puszczaj nadzieje <...> (1835: 147-148)[21]

In the classical view, friendship is a matter of intellect and culture and can beneficially influence human development.

---

[17] The primary quality of friendship is sincerity among friends. It is also a characteristic of an honest person, a guarantee of his words and thoughts, and requires no witnesses. Promises of sincerity follow from it; its gifts are the achievement, and it is born in the heart and expressed on the lips. A friend should speak the truth to a friend in sincerity <…>. However, whenever you are compelled to speak openly, do so reluctantly, as if touching a wound, only driven by the need to heal.

[18] *Wzór szczerej przyjaźni. Damon i Fincya* (*The Model of Sincere Friendship. Damon and Fincya*) by Ignacy Chodźko from 1757. Let us note the sentimental reconfigurations of these models, for example, the tearful comedy *Adelson i Salwini* (Adelson and Salvini) published in Warsaw in 1794, which was a translation of F. T. M. de Baculard d'Arnaud's *Épreuves du sentiment*.

[19] This quote comes from *Uwagi i maksymy moralne hrabi Szwedzkiego Oxenstyrna* (*Moral Remarks and Maxims of Count Swedish Oxenstierna*), one of the most popular works of reflective and moral literature of the eighteenth century.

[20] I would like to thank Prof. T. Kostkiewiczowa for drawing attention to this feature of the classical discourse on friendship.

[21] Stop worrying, my beloved John! / What God has decreed by irrevocable judgment, / Has set in motion eternal walls; / There man cannot reach, neither in thought nor sight. / In vain does the sailor fret upon the sea wave, / When the blind moth cannot steer the helm; / When death, wet and violent, crashes upon the ship: / If He has provided all when it was time to embark <...>. / The only comfort in such a case, / Is that the wind does not always blow fiercely. / He casts the anchor before the waters grow still, / And do not let go of a good hope <...>.

The second tradition of understanding friendship arises from the popularity of texts by Jean-Jacques Rousseau and, more broadly, French culture, from which sentimental currents reached Poland. This tradition does not replace the classical model but complements it with a practical approach to friendship. In this new view, friendship is no longer a matter of intellect but arises from feeling and sympathy. These dispositions stem from human nature, in which everyone is born equal. This Rousseau-inspired conviction appears in the aforementioned issue of *Monitor*, with words that could not appear in the elitist discourse of classicism: «Friendship depends on mutuality, so in such bonds of rich and poor, master and servant, there is no difference» (1766: 257-258).

A feature of a sensitive person, the ideal promoted by sentimentalism, was: «Assigning special significance to mementos, giving symbolic meanings to objects and places, external expressions of emotional states through gestures, shedding tears, sighs» (Kostkiewiczowa, 1996: 570). This sentimental model, dominant at the end of the 18th century, contributed to a cult of friendship as a natural human relation, present in late Enlightenment poets such as Karpiński, who in *Do przyjaciela* (*To a Friend*) writes of «śpiewaniu słodyczy przyjaźni świętej» (singing the sweetness of sacred friendship) (1896: 29); Stanisław Trembecki, who in *Na dom nowy* (*To the New House*) calls Józef Poniatowski's estate a «świątynią przyjaźni i pokoju» (temple of friendship and peace) and the owner himself «*Przyjacielem ludzkości*» (a friend of humanity) (Trembecki 1858: 152); and Kniaźnin, who in *Żale Orfeusza nad Eurydyką* (*Orpheus' Lament for Eurydice*) addresses friends sharing his grief as if they had experienced the loss themselves:

> Luba drużyno, przyjaciele moi!
> Pocieszcie jeśli możecie.
> Ale żal jątrzyć każdy się z was boi;
> I cieszyć nawet nie śmiecie <...>.
> Płyńcie, łzy gorzkie, ale zbolałemu
> Folgę smutniejszą dajecie.
> Nie tamujcie ich towarzysze mili!
> Pozwólcie, niechaj wypłyną.
> Niech moja żałość niesłychana kwili:
> Łzy jej pociechą jedyną.
> Filonie! Słodka twej przyjaźni rada
> Pierwszy raz u mnie daremną:
> Abym nie płakał, próżno mi przekłada
> Ten który płacze wraz ze mną (177-178)[22].

The affirmation of friendship in sentimentalism stems from the valorisation of feeling, which can transform into a shared empathy with others, indicating that the individual is not left to themselves. A characteristic of true friendship is its constancy, even during the absence of a friend:

> Pozwól się przyjacielu na łono twe rzucić,
> Ucałować, przypomnieć tej przyjaźni świętej,

[22] Dear company, my friends! / Comfort me if you can. / But each of you fears to stir my grief; / And you do not even dare to rejoice <...>. / Flow, bitter tears, yet to the sorrowful / You bring only a sad relief. / Do not hold them back, dear companions! / Let them flow. / Let my unheard lament wail: / My tears are the only consolation. / Filon! The sweet counsel of your friendship / Is for the first time in vain with me: / That I should not weep, is futile, / He who weeps along with me tries in vain.

W młodych leciech w konwikcie tak czule powziętej <...> (Niemcewicz, 1838: 127)[23].

Friendship is ritualized, with its own gestures and symbols that attest to its connection with nature, as in Karpiński's poem *Z okoliczności jabłoni przeze mnie szczepionej w Brzostowicy* (*On the Occasion of the Apple Tree I Grafted at Brzostowica. At the Estate of Stryjeński, a Friend*) (Karpiński, 1830: 456):

Połóż kamień przy jabłoni,
Cośmy ją razem szczepili,
Siadać będziemy koło niej.
Siąść z przyjacielem najmilej.

Posadź żonę, szczęście twoje,
Nad nas dwoje, któż ci szczerszy?
Podziel to jabłko na troje,
Jeść będziemy owoc pierwszy

Powiedz twemu Zygmuntowi,
Gdy nań spadnie ta włość cała,
Niech co rok święto odnowi
Przyjaźni, co nas wiązała.

Że te jabłka imię mają,
Niech przyjaciołom swym powie.
Niech im nas przypominają:
To się Franciszek, a to Jan zowie[24].

We can state that both the classical and the sentimental models of friendship coexisted in the Enlightenment era (toward its close, the sentimental image began to dominate). However, it is sometimes difficult to clearly distinguish between the two currents, although the classical conception of friendship is more frequently employed in literature from the Stanisławian circle, whereas sentimentalism—undoubtedly due to the fame achieved by Karpiński—dominates literature written outside Warsaw, often celebrating rural life and the later stages of Enlightenment cultural development. These conditions are fully met in Glaize's poetry.

3. The image of friendship in *Pierwiastki mojej muzy*

According to Teresa Kostkiewiczowa, one of the features of the sentimental approach to literature is the belief that literature can cultivate authentic human bonds (1996: 568). This is precisely why, at the end of the eighteenth century, it became common to include dedications and poems in personal memoirs, which

[23] Allow me, friend, to throw myself into your embrace, /To kiss, to recall this sacred friendship,/ So tenderly nurtured in our youthful years at the religious seminary <…>.

[24] Place a stone by the apple tree / That we grafted together, / We shall sit beside it. / To sit with a friend is most pleasant. / Plant your wife, your happiness, / Above the two of us, who is more sincere? / Divide this apple into three, / We shall eat the first fruit together. / Tell your Zygmunt, / When this entire estate falls to him, / Let him renew each year / The friendship that bound us. / Since these apples bear a name, / Let him tell his friends. / Let them remind them of us: / This one is Franciszek, that one is called Jan.

served as material traces of goodwill and memory. This trend was also reflected in literature, in which works «to a friend» increasingly appeared. Glaize's collection confirms the existence of a cult of friendship in the Enlightenment – of over fifty works contained in the collection, almost twenty are devoted to friendship and female friends (interestingly, only four concern love). Most of the poems are marked with the initials of the women to whom Glaize wrote, which suggests that the poems included in *Pierwiastki mojej muzy* were likely dedicated to real persons and refer to specific situations (for example, the purchase of a new coat in the work *Na pochwałę Spencera*). Some of them may have been created with the intention of being entered in a diary.

In Glaize's work, there are even two dedications concerning friendship: the first, written in prose, is addressed to Szczęsna Działyńska, whom the poet presumably met through her father, the plenipotentiary of a noblewoman. Although the poet thanks Działyńska for being «*pod łaskawą opieką jej drogiej przyjaźni*» (under the gracious care of her dear friendship) (Glaize, 1801: n.p.), the reader's attention is drawn to the conventional character of the dedication, which reveals the distance typical of the client-patron relationship (according to Aristotle's conception, this type of «friendship» can be called *amicitia utilis*): «*Zamiar mój jest jedynie ten, ażeby okazać JW. Pani Dobrodzejce chociaż mały dowód wysokiego szacunku i szczerego przywiązania, które dla NIEJ powzięłam, (od pierwszego momentu, gdy byłam szczęśliwa poznać JW. Panią Dobrodziejkę) i które czas utrwalił i umocnił*»[25].

In a much frivolous tone, there is the *Dedykacja do mojej przyjaciółki oddając jej wiersze moje* (*Dedication to My Friend, Giving Her My Poems*) (Glaize, 1801: 2-3):

> Ten wiersz ci czasem o mych zdarzeniach nadmieni.
> Wiele wyczytasz także w tym maleńkim dziele,
> Co mi kiedy pociechę lub smutek sprawiło;
> Przed Tobą czucia moje wyrażałam śmiele,
> A tak, co w myśl mi wpadło, wszystko się kreśliło.
> Nie żądam tu pochwały, krytyk się nie boję,
> Bo wiem, że ty z dobrocią będziesz mnie sądziła:
> Miłeć będą te bzdurki, dlatego, że moje,
> Więc wybaczysz, jeżelim czasem pobłądziła.
> Mocne w Twym przywiązaniu mając zaufanie,
> Wiem, zachowasz ten dowód przyjaźni dla siebie[26].

The poet emphasises that the value of her poetry lies in authenticity, which she regards as more important than artistic perfection, the ideal of classical poetics. Moreover, Glaize stresses that she does not need to censor her emotions because she can entrust everything to her friend – including the «trifles» (the poet did not specify to whom the text was addressed). In this dedication, the most important features of sentimental friendship are revealed: trust, a sense of closeness, and the ability to share joy and sorrow. The

[25] My intention is solely to show Your Ladyship, at least in a small way, the high respect and sincere attachment I have held for YOU since the very first moment I was fortunate enough to meet Your Ladyship, a feeling that has only been strengthened and confirmed over time.

[26] This poem sometimes mentions my experiences to you / You will also read much in this little work / That has once given me comfort or sorrow; / Before you I have boldly expressed my feelings, / And so whatever came to my mind, all was drawn. / I ask for no praise here, nor fear the critic, / For I know that you will judge me with kindness: / These trifles will be dear, because they are mine, / So you will forgive me if I sometimes erred. / Having firm trust in your attachment, / I know you will keep this token of friendship for yourself.

dedication (though containing a trope of modesty) leaves no room for fear of criticism or self-deprecation – *Pierwiastki mojej muzy* becomes a valuable record of emotions, and thus a «token of friendship» that Glaize bestows on an anonymous woman. Sentimental friendship ensures support and understanding from people sharing the same values, which for women experiencing the «fear of authorship» in earlier centuries could have an emancipatory dimension (Gubar & Gilbert, 1979: 66).

The importance of friendship in human life is emphasized in the poem *Do przyjaźni* (*To Friendship*), which is a fairly faithful translation of a work by Voltaire (from *Discours sur l'Homme*, 1734):

> Dla serc złych i zepsutych przyjaźń niestworzona
> Jedna żądza duszy z zbytkiem pozwolona;
> O ty święta przyjaźni, śmiertelnych rozkosze,
> Zmień w dobro te złe, które z nieba woli znoszę:
> Towarzyszko mych kroków, z tobą mi najmilej:
> Ty ze mną w każdej porze wszędzie, w każdej chwili:
> Bez ciebie człek samotny, z twoją zaś pomocą
> Udziela swą istotę i działa twą mocą.
> Tyś bóstwo dla serc prawych i pasją mądrego,
> Przyjaźni, niech mną rządzi moc imienia twego! (Glaize, 1801: 59)[27].

While Voltaire's vision of friendship was classical, largely based on Cicero's *Laelius*, the poet emphasizes the emotional dimension, in which the heart is the center of feeling, as in *Do mojej szacownej przyjaciółki J. L.* (*To My Esteemed Friend J. L.*)[28]:

> Ty która dobrym sercem, miłą łagodnością
> Umiałaś ująć sobie wszystkich co cię znają,
> Gdy się dłużej nie możem cieszyć twą bytnością;
> Wspomnij czasem tych, co cię tak szczerze kochają.
> Szacowna ma Johasiu przyjm te uściskanie,
> Z nim przyjaźni prawdziwej szczere zapewnienie:
> Me serce ciebie kochać nigdy nie przestanie <...>
> Wiesz, że twą przyjaciółką, a w nadgrodę tego,
> Niech będę upewniona, żeś dla mnie życzliwą:
> Przyjaźń Twoja jest celem żądania mojego;
> Tę chcę zyskać, i ciebie oglądać szczęśliwą (Glaize, 1801: 87-88)[29].

---

[27] For evil and corrupt hearts, friendship is not made / One desire of the soul is granted in abundance; / O holy friendship, delight of mortals, / Turn to good the evil I endure by heaven's will: / Companion of my steps, with you I am happiest: / You are with me always, everywhere, at every moment: / Without you, man is alone, yet with your help / He shares his being and acts by your power. / You are a deity for the upright heart and the passion of the wise, / Friendship, let the power of your name rule me!

[28] F. Karpiński expressed this most fully in the poem dedicated to A. Naruszewicz, *Sumienie* (Conscience): *„Pójdę do serca mego, i tam troski moje / Na łonie przyjacielskim cokolwiek ukoję»* (*I will go to my heart, and there my worries / In the friendly bosom I will somewhat soothe*) (Karpiński, 2005: 108).

[29] You, who with a good heart and gentle kindness / Could win all who know you, / When I cannot enjoy your presence longer; / Remember sometimes those who love you so sincerely. / Esteemed Johasia, accept this embrace, / Along with it, the sincere assurance of true friendship: / My heart will never cease to love you <...> / You know I am your friend, and / Let me be assured that you are kind to me: / Your friendship is the goal of my desire; / I wish to gain it, and see you happy.

From the perspective of sustaining friendship, it is important to nurture the memory of close ones and recognise that periods of separation need not break the bond. For Enlightenment people, maintaining material «traces» of relationships with others was a source of nostalgic experience, a bittersweet feeling. On the role of memory in the eighteenth century and the attention to symbols, Jean Starobinski writes:

> This memorative sign is related to a partial presence which causes one to experience, with pleasure and pain, the imminence and the impossibility of complete restoration of this universe which emerges fleetingly from oblivion. Roused by the memorative sign, the conscience comes to be haunted by an image of the past which is at once definite and unattainable (1966: 93).

From a female perspective, Glaize's poems show how a young girl copes with separation, often without influence over decisions made by others. Remembering the time spent with friends could be a moment of respite and comfort in her daily life, especially since memory in sentimentalism has a «sacred» and enduring status despite the passage of time.

Interestingly, the poet also shows a tension between friendship and love, also visible in other Enlightenment texts[30]. She compares both feelings, favouring friendship: "*Sława to piękne wspomnienie, serca ludzkie nie nasyci;/Miłość jest to zachwycenie; przyjaźń szczera serce szczyci*» (Glaize, 1801: 62)[31].

In *Do A…, która się na niewierność swego skarżyła kochanka* (*To A…, Who Complained of Her Lover's Infidelity*), she uses irony to underscore her friend's romantic disappointment:

> Mówisz, że Michał jest wiarołomnym?
> Już wiesz o jego dawnej podłości?
> Mów raczej Michał jest bardzo skromnym;
> Zdradza – lecz za to soboty pości (Glaize, 1801: 30)[32]

In the work with the telling title *Chroń się!* (*Protect yourself!*), the poet writes about the restless and destructive power of love:

> Miłość zdradliwa, kiedy serce opanuje,
> Z początku zbyt słodkimi cieniami nas łudzi;
> Pomału bierze wolność, spokojność rujnuje:
> Najsroższa nasza męka litość w niej nie wzbudzi (Glaize, 1801: 30)[33].

The poet warns against treacherous love and places friendship with other women above it, because friendships are more lasting, do not destroy, and do not provoke violent emotions – they bring comfort. In Glaize's work, sweetness and delicacy, which are part of the sentimental vision of friendship, have ethical and aesthetic value – they help to endure suffering and make life beautiful. At the same time, friendship

---

[30] Besides the aforementioned fable by Krasicki, *Przyjaciel* (*The Friend*), it is worth mention the anonymous idyll *Zdrada miłości* (*The Betrayal of Love*) from *Zabawy Przyjemne i Pożyteczne* (1773: 3-12), Karpiński's work *Przyjaciółki nieszczęśliwe* (*Unfortunate Female Friends*) (2005: 162), and the poem *O przyjaźni w porównaniu jej z miłością* (*On Friendship in Comparison with Love*) by A. Feliński (1821: 148-149).

[31] *Fame is a beautiful memory, it does not satisfy human hearts; / Love is a delight, friendship elevates the heart.*

[32] You say that Michał is treacherous? / Do you already know of his past wickedness? / Say rather that Michał is very modest; / He betrays – yet he fasts on Saturdays.

[33] Deceptive love, when it takes hold of the heart, / At first deceives us with overly sweet shadows; / Gradually it seizes freedom, ruins tranquility: / The harshest of our sufferings arouses no pity in it.

allows for a full experience of community and reduces loneliness, aligning with the sensibility of the late Enlightenment, shaped primarily by the social literature of Jean-Jacques Rousseau.

Conclusion

Glaize's work illustrates a trend that emerged in the second half of the eighteenth century, when the classical model of friendship was replaced by the sentimental model, derived from the writings of the Geneva philosopher and sentimentalist theorists turning toward the state of nature as a remedy for pervasive self-interest and the pursuit of profit (in Poland, discussed by Karpiński and Szymanowski). This was of great significance for women, since classicism, based on the texts of ancient philosophers, entirely marginalised women or outright excluded the possibility of women forming friendships (see, e.g., Montaigne). In contrast, sentimentalism valued emotions stereotypically associated with femininity as an important tool for a fuller understanding of the world. In this current, friendship was seen as a rare but exceptionally valuable feeling, allowing the sharing of both suffering and joy. It was precisely in this climate of the cult of friendship, reinforced by the reception of Rousseau and French culture, that Glaize's work could emerge. In this respect, the Viennese poet Gabriele Baumberg appears to be the writer most similar to Glaize. Both authors shared a unique sentimental sensibility, using their poetry to carve out a distinct space for female expression within the literary conventions of the time

Glaize's poetry exemplifies the development and transformation of the sentimental model: the poetess shifts this focus to female experience, making friendship among women a space of spiritual community, consolation, and durability. In her conception, the bond with a female friend is superior to love, often portrayed as a source of suffering and betrayal. Through friendship, women can support and advise one another. By emphasising these values, Glaize's poetry not only fits within the broader Enlightenment interest in friendship but also expands the horizon of sentimentalism to include an entirely new female perspective, previously almost absent in Polish literature. By emphasising these values, Glaize's poetry not only fits within the broader Enlightenment interest in friendship but also expands the horizon of sentimentalism to include an entirely new female perspective, previously almost absent in Polish literature.

Bibliography

Aleksandrowska, E. (1966). Elżbieta Glaize. In E. Aleksandrowska & T. Mikulski (Eds.), *Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut»* (p. 467). Państwowy Instytut Wydawniczy.

Bender, A. (1997). François Glaize – francuski tapiser pracujący w połowie XVIII w. dla polskich mecenasów, nowe ustalenia. *Roczniki Humanistyczne, 45*, 257-271.

Bodniak, S. (1934). Andrzej Maczuski i Jan Szczęsny Herbut. *Pamiętnik Literacki, 31*, 399-400.

Bratkowska z Mrozowickich, A. (1801). *Uczucia i igraszki*. W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Catalogue des livres de la Bibliotheque de Monsieur Jaques Glaize Professeur de l'Academie de Leopol, et conseiller du Roi de Pologne. (1796). W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Cyceron. (1805). *Rozmowa o przyjaźni z przekładaniem Bieniasza Budnego na język ojczysty, wydrukowanym niegdyś w Wilnie u Jana Karcana roku 1607*. W Drukarni Księży Jezuitów.

de Montaigne, M. (2013). *Próby* (T. Boy-Żeleński, Trans.). Wolne Lektury. https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/proby/

Estreicher, K. (1874). *Bibliografia polska XIX stulecia* (T. 2: G–L). Akademia Umiejętności.

Feliński, A. (1821). O przyjaźni w porównaniu jej z miłością. In A. Feliński, *Pisma własne i przekładania wierszem* (pp. 148-149). W Drukarni przy ulicy Świętojańskiej.

Feliński, A. (1823). *Ziemianin czyli ziemiaństwo francuskie Jakuba Delila przez Alojzego Felińskiego wierszem polskim przełożone*. [s.l.].

Finkel, L., & Starzyński, S. (1894). *Historia Uniwersytetu Lwowskiego*. Z Drukarni E. Winiarza.

Glaize, E. (1801a). Chroń się! In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy* (p. 30). W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Glaize, E. (1801b). Do A…, która się na niewierność swego skarżyła kochanka. In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy* (p. 30). W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Glaize, E. (1801c). Do Jaśnie Wielmożnej Szczęsnej z Woroniczów Hrabiny Działyńskiej. In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy*. W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Glaize, E. (1801d). Do mojej przyjaciółki. In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy* (pp. 61-62). W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Glaize, E. (1801e). Do mojej szacownej przyjaciółki J. L. In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy* (pp. 87-88). W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Glaize, E. (1801f). Do przyjaźni. In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy* (pp. 59-60). W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Glaize, E. (1801g). Przedmowa do mojej przyjaciółki. In E. Glaize, *Pierwiastki mojej muzy*. W Drukarni Gust. Wilh. Wichmana.

Górnicki, Ł. (1566). *Dworzanin polski*. Drukował Maciej Wirzbięta.

Karpiński, F. (1806a). Ogrody. Poema przez L'abbe Delille napisane. Z francuskiego przetłumaczone roku 1783. In F. Karpiński, *Dzieła Franciszka Karpińskiego. Edycja nowa i zupełna. Tom III* (pp. 1-108). W Drukarni Księży Pijarów.

Karpiński, F. (1806b). Rozmowy Platona z uczniami swoimi. Część I. In *Dzieła Franciszka Karpińskiego. Edycja nowa i zupełna. Tom IV* (pp. 183-280). W Drukarni Księży Pijarów.

Karpiński, F. (1830). Z okoliczności jabłoni, przeze mnie szczepionej w Brzostowicy. U szefa Stryjeńskiego, przyjaciela. In F. Karpiński, *Dzieła Franciszka Karpińskiego* (p. 456). W Drukarni Stereotypowej.

Karpiński, F. (1896). Do przyjaciela. In F. Karpiński, *Pisma wierszem i prozą* (pp. 129-130). Druk S. Lewentala.

Karpiński, F. (2005). Sumienie, Przyjaciółki nieszczęśliwe. In F. Karpiński, *Wiersze wybrane* (pp. 105-111, 162). Instytut Badań Literackich.

Kniaźnin, F. (n.d.). Żale Orfeusza nad Eurydyką. In *Poezje Franciszka Dyonizego Kniaźnina ręką własną pisane. T. I część I* (p. 79). [N.n.].

Kochanowski, J. (1825). Wykład cnoty. In *Dzieła Jana Kochanowskiego wierszem i prozą. Tom I* (pp. 416-420). U Wilhelma Bogumiła Korna.

Kostkiewiczowa, T. (1996). Sentymentalizm. In T. Kostkiewiczowa (Ed.), *Słownik literatury polskiego oświecenia* (pp. 566-574). Ossolineum.

Koźmian, K. (1830). *Ziemiaństwo polskie. Poema w czterech pieśniach*. W Drukarni Bibliotecznej w Puławach.

Krasicki, I. (1844). Przyjaciel, Przyjaciele. In I. Krasicki, *Bajki* (pp. 12, 44-45). Nakładem i drukiem N. Kamieńskiego i spółki.

Maczuski, A. (1817). *O przyjaźniach i przyjaciołach. Pismo wydane w Dobromilu według wszelkiego do prawdy podobieństwa między rokiem 1530 a 1540*. Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego.

Naruszewicz, A. (1835). Do przyjaciela smutnego. In A. Naruszewicz, *Poezje 1* (pp. 147-148). Breitkopf et Haertel.

Nekrolog E. Glaize. (1840). *Gazeta Lwowska, 25*, 152.

Niemcewicz, J. U. (1838). Powrót posła. In *Dzieła poetyczne wierszem i prozą J. U. Niemcewicza* (p. 126). Breitkopf i Haertel.

Pawlak, W. (2015). „Amicorum colloquia absentium»: Przyjaźń i epistolografia w humanistycznej „respublica litteraria». In P. Borek & M. Olma (Eds.), *Epistolografia w dawnej Rzeczypospolitej* (pp. 63–83). Collegium Columbinum.

Plutarch. (1557). *Przyjaciela od pochlebcze jak rozeznać*. Dziedzice Marka Szarfenberga.

Przyjaźń. (1766). *Monitor, 34*, 251-258.

Rej, M. (1859). *Żywot człowieka poczciwego*. Nakład Wydawnictwa Biblioteki Polskiej.

Reklewski, W. (1811). Safo, Safo o Faonie. In W. Reklewski, *Pienia wiejskie* (pp. 18-20, 34-35). W Drukarni Gröblowskiej.

Rousseau, J. J. (1818). O przyjaźni. *Pamiętnik Warszawski, 12*, 236-238.

Samborska-Kukuć, D. (2022). Elżbieta Glaize Walkerowa i jej debiutancki tomik „Pierwiastki mojej muzy» (1801). *Ruch Literacki, 4*(373), 555-569.

Słownik literatury XVI wieku. (n.d.). Przyjaźń. https://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/96282/

Słownik wileński. (1861). Przyja. https://eswil.ijppan.pl. https://eswil.ijppan.pl/index.php

Spis osób we Lwowie zmarłych. (1825). Dodatek do „*Gazety Lwowskiej», 57*, 740.

Starobinski, J., & Kemp, W. S. (1966). The idea of nostalgia. *Diogenes, 14*(54), 81-103.

Szymanowski, J. (1803). Kajmak. In *Pisma rozmaite współczesnych wierszem i prozą* (pp. 131-144). W Drukarni nr 646 przy Nowolipiu.

Trembecki, S. (1858). Na dom nowy księcia Kazimierza Poniatowskiego. In *Poezje Stanisława Trembeckiego 2* (p. 152). Nakład i Druk Karola Pollaka.

Uwagi i maksymy moralne hrabi Szwedzkiego Oxenstyrna. (1772). *Zabawy Przyjemne i Pożyteczne, 5*, 30-168.

Załuska, A. (1934). *Poezja opisowa Delille'a w Polsce*. Skład Główny w Kasie im. J. Mianowskiego.

Zdrada miłości. (1772). *Zabawy Przyjemne i Pożyteczne, 8*, 3-12.

Ziołowicz, A. (n.d.). Filologia klasyczna i przyjaźń. U źródeł filomackiej towarzyskości. In A. Baronow & J. Ławski (Eds.), *Romantyczność i filologia. Wileńskie kręgi Adama Mickiewicza* (pp. 51-68). Wydawnictwo Prymat.

Żukowska, K. (2025). Homage to female friendship. The poetry of Elizabeth Glaize (ca. 1772-1840) and the Sapphic tradition. *Die Welt der Slaven, 70*, 43-61.

POLIFUNKCIONALNOST POETSKOG TEKSTA U NASTAVI SRPSKOG KAO NEMATERNJEG/STRANOG/ZAVIČAJNOG JEZIKA

Dušanka Zvekić-Dušanović
Univerzitet u Novom Sadu
Jelena Ajdžanović
Univerzitet u Novom Sadu

1. Uvod

1.1. *Metodika nastave srpskog jezika i književnosti* može se smatrati bazičnom naučnom disciplinom, čija se poddisciplina lingvometodika (nastava jezika) razgranava na: metodiku nastave srpskog kao maternjeg, metodiku nastave srpskog kao stranog, metodiku nastave srpskog kao nematernjeg (drugog) jezika, metodiku nastave srpskog kao zavičajnog jezika i metodiku nastave srpskog kao jezika okruženja i obrazovanja (Janjić, 2018: 9-11). *Metodika nastave srpskog kao maternjeg jezika* ostvaruje se u Srbiji i namenjena je domicilnom stanovništvu, učenicima čiji je maternji jezik srpski. *Metodika nastave srpskog kao nematernjeg jezika* usmerena je ka obrazovanju nacionalnih manjina (kojima je srpski drugi jezik). *Metodika nastave srpskog kao stranog jezika* namenjena je stranim državljanima drugih nacionalnosti koji iz različitih potreba uče srpski jezik, odvija se u specijalizovanim centrima za učenje srpskog jezika kao stranog. *Metodika nastave srpskog kao jezika okruženja i obrazovanja* bavi se učenicima kojima je srpski jezik strani (pre svega migrantski učenici i deca stranaca) i koji svoje školovanje u jednom trenutku treba da ostvare u srpskim školama. *Metodika nastave srpskog jezika kao zavičajnog* namenjena je deci srpskih iseljenika, nastava se izvodi van naše zemlje (ili u formi onlajn-kurseva).[1]

Izuzev *metodike nastave srpskog kao maternjeg jezika*, sve ostale grane usmerene su ka govornicima kojima srpski nije (ili nije jedini) maternji jezik. Nastava ovih drugih grana suočava se sa sledećim činjenicama i izazovima: a) maternji[2] jezik učenika, prema tipološkim i genetskim svojsvima, može biti blizak ili veoma različit u odnosu na srpski jezik, što ima upliva na pristup nastavi srpskog jezika i na očekivani tempo i nivo ovladavanja srpskim jezikom; b) vladanje srpskim jezikom može biti veoma neujednačeno, te se u nekim okolnostima susrećemo s apsolutnim početnicima, a u drugim se može računati na određeni, čak i visok nivo poznavanja srpskog jezika i c) različit uzrast učenika koji započinju učenje srpskog jezika.

1.2. Stav prema zastupljenosti i ulozi književnih tekstova u nastavi drugog[3] jezika varirao je tokom istorije – od baziranja učenja stranog jezika na tekstovima klasične literature, preko negiranja potrebe da književni tekst uopšte bude uključen u učenje stranog jezika, sve do njegovog povratka u nastavu stranog jezika, ali s novom funkcijom i principima selekcije. Naime, od pojave komunikativnog pristupa 70-ih godina

[1] M. Janjić skreće pažnju na teškoću definisanja statusa srpskog jezika u govornim navikama ovih učenika, odnosno odgovora na pitanje da li je on zavičajni, porodični, nasleđeni ili maternji, ili se on doživljava kao drugi ili strani jezik (2018: 12).

[2] Kod učenika koji srpski jezik uče kao zavičajni, pod maternjim jezikom će se, ovom prilikom, podrazumevati jezik okruženja. Iako terminološki nije u potpunosti adekvatan, budući da pod maternjim jezikom pojedini iseljenici podrazumevaju srpski jezik, učenicima koji pohađaju nastavu srpskog jezika on je često jezik kojim slabije vladaju u odnosu na jezik okruženja, koji može biti dominantan.

[3] U ovom radu termin 'drugi jezik' obuhvataće i nematernji i strani i zavičajni jezik.

XX veka sve do danas, smatra se da u nastavi značajnu ulogu imaju autentična dokumenta kako bi se jezik učio u realnoj komunikaciji. Književni tekstovi predstavljaju specifičnu vrstu autentičnih dokumenata koji sadrže elemente kulture jednog naroda i komunikativne situacije izvornih govornika. Težište je od tada na principima selekcije i načinima obrade. Što se kriterijuma selekcije tiče, u literaturi se ističe potreba da se vodi računa o: jezičkom (da bude primeren nivou znanja jezika), psihološkom (da bude primeren uzrastu i interesovanjima učenika), metodološkom (da bude podesan za nastavu) i književnom kriterijumu (da ispunjava književne kvalitete).[4] Ipak, treba imati u vidu da, pored zagovornika korišćenja književnih tekstova u nastavi stranog jezika, postoje i oni koji se tome protive. Argumenti koje potonji navode mogu se razvrstati na: lingvističke (književni tekstovi su jezički previše složeni, mnogi odstupaju od standardnog jezika), kulturne (njihov kulturni kontekst je previše specifičan, može biti nepristupačan jer odražava nepoznate kulturne perspektive), pragmatičke (književni tekstovi nemaju praktičnu upotrebnu vrednost, nemaju mesta u nastavi koja ide u pravcu sociolingvističke upotrebe i komunikativne kompetencije) i strah nastavnika (nastavnici nisu dovoljno obučeni za upotrebu književnih sadržaja). Navodeći stavove koji su zastupljeni u relevantnoj literaturi, sistematičan pregled argumenata za upotrebu književnosti u nastavi stranih jezika, kao i onih protiv njih predočili su Panajotović, Parezanović i Ćuk (2022: 14-16) konstatujući da «većina ovih argumenata protiv upotrebe književnosti zapravo su argumenti protiv neadekvatno odabranih književnih materijala, a ne protiv same književnosti» (2022: 15-16). U radovima u kojima se razmatra uloga književnog teksta u nastavi srpskog kao stranog jezika ističe se njihov značaj za upoznavanje kulturnih specifičnosti (Tomić & Litričin Dunić, 2020: 523-530; Stojanović Frechette, 2020: 541-552), a uz to se često ukazuje i na mogućnost njihove upotrebe kao predloška za učenje i uvežbavanje gramatike i leksike, kao i za razvijanje sve četiri jezičke veštine (Redli, 2011: 305-316; Nestorović, 2016: 347-355; Matrusova, 2016: 357-377; Perišić, 2016: 255-276; Turanjanin Nikolopulos, 2020: 511-521; Novaković & Božić, 2023: 359-372). Pojedini su usmereni na razvijanje sposobnosti razumevanja pročitanog teksta, odnosno na razvijanje čitalačke pismenosti (Mrkalj, 2011: 7-18; Redli 2023: 75-94), razmatra se mogućnost i potreba adaptacije, prilagođavanja tekstova za potrebe različitih nivoa učenja srpskog jezika (Mrkalj, 2016: 357-37; Perišić, 2016: 255-276; Novaković & Božić, 2023: 359-372), analizira se zastupljenost književnih tekstova u udžbenicima za srpski kao strani jezik (Stamenković, 2020: 501-509), književni tesktovi prisutni u udžbenicima porede se s ishodima koje predviđa *Zajednički evropski okvir* za određeni nivo (Perišić, 2017: 233-249). U radovima koji su posvećeni ulozi poezije, odnosno pesama u nastavi srpskog kao stranog jezika, pored kulturoloških i jezičkih elemenata, ističe se i njihov specifičan praktični i motivacioni potencijal (Redli, 2011: 305-316; Matrusova, 2016: 379-385), značaj auditivnih i vizuelnih komponenata, koji nastavu čine raznovrsnijom i efektivnijom (Stojanović Frechette, 2020: 541-552), predočavaju se mogućnosti povezivanja ne samo znanja iz jezika i književnosti, već i istorije, religije, tradicije, slikarstva i geografije, čime znanja postaju sveobuhvatna, funkcionalna i dugotrajna (Tomić, 2023: 349-358).

1.3. Miroslav Mika Antić (Mokrin, 1932 – Novi Sad, 1986) bio je svestrani umetnik, osim književnošću (prvenstveno poezijom), bavio se slikarstvom, novinarstvom i filmom. Najznačajnija poetska dela, sada već klasična, namenjena su različitim uzrastima, od najmlađih do odraslih. Mika Antić je poseban senzibilitet imao prema deci (pišući prijemčljivim jezikom o temama bliskim najmlađima), adolescentima (razumevajući dileme i probleme toga uzrasta) i odraslima (prvenstveno opisujući Vojvodinu i život u njoj). Sabrana dela su mu objavljena 1998. godine u 15 tomova. Dobitnik je brojnih priznanja, njegovo ime nosi

[4] Detaljnije o kriterijumima izbora književnih tekstova i o literaturi koja se ovim pitanjem bavi može se naći kod D. Zvekić-Dušanović (2024: 561-562).

više škola, a u Novom Sadu je od 2007. ustanovljena i manifestacija *Antićevi dani* u okviru koje se dodeljuje Nagrada *Miroslav Antić* za najbolju pesničku knjigu objavljenu u prethodnoj godini.

1.4. Ovom prilikom pokazaćemo na koje je načine moguće uključiti poetske tekstove Miroslava Mike Antića u nastavu srpskog jezika kao drugog jezika, fokusirajući njihovu ulogu u razvijanju različitih jezičkih veština, ali i u, istovremeno i podjednako značajno, upoznavanju s kulturnim kontekstom – kulturnim sprecifičnostima, oslikanim u njima. Pesma može u nastavnom procesu biti predložak za razvijanje lingvističke i komunikativne kompetencije. Odabrani tekstovi će poslužiti kao osnova za usvajanje nove leksike i osmišljavanje leskičkih vežbi, uočavanje određenih strukturnih obrazaca i formi i pravljenje vežbi za ovladavanje datim gramatičkim pravilima, pravljenje pretkomunikativnih i komunikativnih vežbi (npr. mini dijalozi) i, konačno, ali svakako ne i manje bitno, isticanje kulturnih specifičnosti (npr. kulturnospecifična leksika, izrazi i sl.). Ovo, svakako, uz, ipak, dominantnu primenu principa komunikativne metode – «Znanje jezika, odnosno vladanje jezikom, podrazumeva funkcionalnu upotrebu jezičkih sadržaja čiji je cilj komunikacija» (Redli, 2023: 4).

2. Metodički prilozi uz obradu odabranih pesama Miroslava Mike Antića

Na samom početku postavlja se pitanje kriterijuma za izbor tekstova koji se mogu koristiti u nastavi srpskog jezika kao drugog. Budući da oni, naravno, nisu jednoobrazni, već, naprotiv, raznovrsni (uzrast, tema, leksička sredstva ostvarena u njima, gramatičke forme i sl.), odabir jednog od njih ili više njih usmerava tok i način njihove upotrebe u nastavnom procesu. Ovoga puta, kao krovni, osnovni parametri izabrani su kriterijum uzrasta i nivoa vladanja jezikom. Uzimajući prvi kriterijum, definisali smo i razdvojili tri grupe: (1) mlađi uzrast koji obuhvata polaznike predškolskog uzrasta i one koji pripadaju prvom ciklusu osnovne škole (od 1. do 4. razreda), zatim (2) srednji, odnosno drugi ciklus osnovne škole (od 5. do 8. razreda) i (3) stariji uzrast – treći ciklus školovanja (srednja škola) i odrasli. Kada je reč o drugom kriterijumu, pošlo se, očekivano, od nivoa propisanih *Zajedničkim evropskim okvirom* (ZEO, 2003) – početni (A1 i A2), srednji (B1 i B2) i visoki nivo (C1 i C2) vladanja srpskim jezikom kao drugim. Premda je ponekad teško ukrstiti kriterijum uzrasta i nivoa znanja (nema uvek podudaranja), u ovom radu iz celokupnog stvaralačkog opusa Miroslava Mike Antića odabrani su tekstovi (tri pesme) koje pretpostavljaju usklađenost ovih dvaju kriterijuma: mlađi uzrast – nivoi A1 i A2, srednji uzrast – nivoi B1 i B2, stariji uzrast – nivoi C1 i C2.

2.1. Pesma *Nezgoda* – mlađi uzrast – A2 nivo

Pesma je tematski pogodna za mlađi uzrast (do 4. razreda osnovne škole) i može se obrađivati s učenicima koji ovladavaju nivoom A2. Poželjno je da već poznaju oblike perfekta (dovoljno je i na nivou razumevanja) i odredbu za mesto iskazanu lokativom s predlogom *u*. U pesmi se pojavljuju gramatičke strukture koje prevazilaze taj nivo, ali, uz odgovarajući slikovni materijal i prethodnu pripremu, učenici će razumeti njenu suštinu, što je dovoljno za razgovor u vezi sa pesmom i kao osnov za izradu različitih zadataka i vežbi.

Pre prezentacije pesme potrebna je odgovarajuća priprema i nastavnika i učenika. Nastavnik treba da pripremi ilustracije/slike na kojima se nalaze životinje i predmeti ključni za razumevanje pesme: *petao*, *pilići*, *bunar*.

Učenici su na nekom od prethodnih časova dobili zadatak da nacrtaju dvorište ili da pronađu sliku/fotografiju dvorišta. Nastavnik može suziti zadatak na seosko dvorište, a može i prepustiti svakom učeniku da donese sliku po svom izboru. Zadatak koji su učenici dobili poslužiće u uvodnom delu časa kao priprema

za slušanje pesme *Nezgoda*. Oni pokazuju slike, imenuju predmete i životinje (i eventualno osobe) koje se nalaze u dvorištu (*Ovo je/su*...). U ovoj fazi časa uvežbava se poznata leksika (po potrebi nastavnik ili drugi učenici pomažu u imenovanju pojmova sa slika), uvežbava se model određivanja mesta lokativom s predlogom *u* (*U dvorištu je/su*...).

Različiti crteži/slike dvorišta mogu poslužiti za razgovor u kojem se uočavaju sličnosti i razlike među njima. Ovaj razgovor se može voditi u uvodnom delu časa, odmah po pokazivanju crteža/slika, može se ostaviti za završni deo časa ili čak odvojiti kao tema za sledeći čas. Kroz takav razgovor učenici dobijaju priliku da saopšte svoja znanja i iskustva, kao i da čuju od drugih učenika njihova. Treba ih podsticati da jedni drugima postavljaju pitanja. Razlike među učeničkim iskustvima dragocene su za stvaranje interkulturnog dijaloga (ruralne/urbane sredine, različite države/regije, različite funkcije dvorišta – dekorativno, za odmor, zabavu, ekonomsko...).

Neposredno pre prezentacije pesme, nastavnik semantizuje reči *petao*, *pilići* i *bunar* pokazujući unapred pripremljene slike. Najavljuje pesmu koja govori o tome šta se desilo u jednom dvorištu. Učenici je slušaju preko zvučnog zapisa, u izvedbi D. Lakovića, poznatog izvođača dečjih pesama.[5] Nastavnik procenjuje da li je potrebno i da pročita pesmu.

Nezgoda	Nakon slušanja nastavnik postavlja pitanja za proveru razumevanja saslušane pesme:
Kroz dvorište juče srećni tata petao s pilićima svojim prvi put prošetao. Pravio se važan. Krilima je lupao. Pa u bunar upao i sav se okupao. Smejali se pilići, čulo se do neba: «Baš si, tata, šeprtlja! Tako ti i treba! »	*Koje se životinje pojavljuju u ovoj pesmi?* *Gde su oni bili?* *Šta se desilo tata petlu?* *Šta su rekli pilići?* *Za koga kažemo da je* «šeprtlja»*?* Opisno objašnjenje na srpskom: *onaj ko je nespretan, zbunjen* ili prevod na jezik kojim učenici bolje vladaju.

Tabela 1: Pesma Miroslava Mike Antića Nezgoda.

U pesmi se pojavljuju izrazi *praviti se važan* i *tako ti i treba*, česti u svakodnevnom govoru dece. Nastavnik postavlja pitanja kojima učenike navodi na otkrivanje njihovog značenja. Na primer:

Zašto je tata petao pao u bunar? Šta je on radio? Da li je gledao kuda ide? Pokažite kako je tata petao šetao po dvorištu. Tata petao se pravio važan. Kada kažemo da se neko «pravi važan»? Na primer, ako neko govori svima kako je

[5] Pesma se može naći na:https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=tQVk6ICZQlc&ab_channel=JaccoledC

jako lep, jako pametan, priča svima o skupim stvarima koje ima... Da li je lepo praviti se važan? Zašto se tata petao pravio važan? Da li je to bilo ružno? Zašto?

Tata petao nije pazio, nije gledao kuda ide, pa je upao u bunar. Kada neko ne pazi, može mu se desiti neka nezgoda, nešto loše. Mi onda mislimo da je nezgodu zaslužio, da je sam kriv što mu se to desilo i kažemo «Tako ti i treba». Da li je lepo nekome reći «Tako ti i treba»? Zašto? To može da znači da se radujemo što se nekome desila nezgoda? A da li je to lepo?

Pesma je pogodna za usvajanje novih reči tematski vezanih za nazive domaćih životinja i njihovih mladunaca.

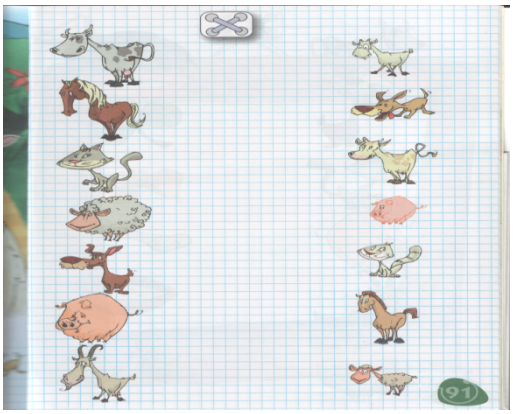
Nastavnik podseća učenike da se u pesmi spominju pilići. To su mladunci, «deca». Pokazuje ilustraciju[6] i daje instrukciju: *Povežite odrasle životinje sa njihovim mladuncima, «decom»*. Učenici, po potrebi uz nastavnikovu pomoć, imenuju odrasle životinje i njihove mladunce.	

Tabela 2: Ilustracija odraslih životinja i njihovog mladunčeta (bebe životinje).

Sledeći zadatak pripada tipu «pronađi uljeza». U pitanju je leksička vežba. Nastavnik na unapred pripremljenom materijalu prikazuje nizove, a učenici u svakom nizu otkrivaju uljeza. Treba objasniti zašto ta životinja ne pripada nizu.

štene, mače, pile, ovca
krava, konj, ćurka, pas, mačka
pače, prase, pile, gušče, ćure
konj, ovan, jarac, koza, mačak
koza, mačka, ovca, krava, konj

U sledećem zadatku vežba se odnos hiponimije i hiperonimije. Učenici dobijaju zadatak da klasifikuju životinje prema različitim kriterijumima: *Koje životinje imaju četiri noge? Koje imaju dve noge? Koje imaju perje? Koje imaju dlaku?...* Zadatak je lakši ukoliko postoji vizuelni materijal. Nazivi životinja se svrstavaju u tabele. Moguće ga je raditi po grupama, a može biti i takmičarskog karaktera *Ko će navesti najviše...* Na ovaj se može nadovezati zadatak igrovnog tipa *Pogodi koja je ovo životinja*. Jedan učenik opisuje životinju koju je zamislio, oponaša njen glas... Ostali učenici pogađaju o kojoj životinji je reč. Učenik koji pogodi, opisuje drugu životinju.

U završnom delu časa nastavnik ponovo pušta pesmu. Učenici se podstiču da i oni pevaju.

[6] Ilustracija je preuzeta iz: Dobrić, N. & Maksimović, B. (2005). *Učimo srpski* 1. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

2.2. PESMA *ŠTA JE NAJVEĆE* – SREDNJI UZRAST – B2 NIVO

Ova je pesma pogodna za obradu sa učenicima koji ovladavaju B nivoom znanja srpskog jezika, sa učenicima viših razreda osnovne škole i srednjoškolcima. Ona može biti osnov za razgovor o temama vezanim za ljubav prema majci (roditeljima, nekoj drugoj veoma bliskoj osobi...), odnosu roditelja i dece... Pogodna je i za bogaćenje rečnika i za raznovrsne gramatičke vežbe (prvenstveno za učenje i uvežbavanje komparativa i superlativa i za ovladavanje tvorbom i pravilnom upotrebom glagola različitog vida).

Šta je najveće	U njega ptice dolete. U njega putevi svrate.	Jedino ako mama u moje oko došeta,
Nebo je nešto beskrajno, duboko i široko, pa ipak, kao od šale, stane u svako oko.	U njega uplove brodovi. Dogegaju se kuće i trgovi. U njega dojure autobusi i dotrče svi moji drugovi.	tad nema mesta za nebo, za ptice, za mora široka, jer mama je veća od neba i veća od celoga sveta.
Jer oko je veće, i veće, i najveće od svega. Veće od grada. Od brega. I veće od moga tate. U njemu može da živi neznanih svetova bezbroj.	Jer oko je kao sva mora. I još jedanput toliko. Njega nikada nije prepešačio niko, ni oplovio niko, ni obleteo niko.	I veća od oba oka. https://antologija.in.rs/sta-je-najvece-miroslav-mika-antic-video-tekst/

Tabela 3: Pesma Šta je najveće (srednji uzrast i B2 nivo).

Ovom prilikom opredelile smo se da, polazeći od teksta ove pesme, prikažemo jednu od mogućnosti unapređivanja znanja o glagolskom vidu, tvorbi perfektivnih glagola prefiksacijom i primene glagola odgovarajućeg vida u kontekstu. Zadatak je predviđen nakon obrade pesme, odnosno nakon što su učenici čuli pesmu, razumeli je, usvojili novu leksiku i o njoj se već vodio razgovor. Materijal odgovara nivou B2, što podrazumeva da već poseduju osnovna znanja o postojanju glagolskog vida u srpskom jeziku, sposobnost uočavanja razlike između glagola imperfektivnog i perfektivnog vida frekventnih glagola u tipičnom kontekstu. Osmišljen je tako da postupno, korak po korak, vodi učenike. Predviđeno je da učenici rade samostalno na nastavnom listiću ili pomoću nekog tehničkog sredstva koji omogućava da se radi zadatak po zadatak. Za izradu svakog zadatka određeno je izvesno vreme (2–4 minuta). Uslov za prelazak na sledeći zadatak jeste pravilno urađen prethodni. Zato je neophodna provera/potvrda da je zadatak uspešno urađen. Pored unapređivanja vladanja pravilnom upotrebom glagolskog vida, ovaj materijal ima i funkciju osamostaljivanja učenika pri učenju, razvijanja sposobnosti samostalnog uočavanja, zaključivanja i primene naučenog. Predavačka funkcija nastavnika, u kojoj on prenosi gotove informacije, pri čemu su učenici često pasivni, zamenjuje se funkcijom u kojoj je nastavnik kontrolor ili savetnik pri izradi zadataka.

1) Pažljivo pročitaj sledeće stihove i podvuci reči koje počinju sa *do-*.

U njega ptice dolete.
U njega putevi svrate.
U njega uplove brodovi.
Dogegaju se kuće i trgovi.
U njega dojure autobusi
i dotrče svi moji drugovi.

2) Na linije (u kolonu A) prepiši reči koje si podvukao/podvukla i pored svake (u kolonu B) napiši istu tu reč bez *do-*.

A		B
_____	–	_____
_____	–	_____
_____	–	_____
_____	–	_____

3) Sada imaš dve grupe glagola: A i B. Odaberi jedan od navedenih glagola i napiši ga na linije u odgovarajućem rodu i broju:

Ptice su ceo dan _____ iznad krovova.
Patke su se celo popodne _____ po dvorištu.
Moj pas je dva sata _____ komšijsku mačku.
Na času fizičkog deca su _____ pola sata.

4) Kojoj grupi pripadaju glagoli koje si upotrebio/upotrebila u rečenicama? _____

5) Podvuci u tim rečenicama reči koje odgovaraju na pitanje *Koliko dugo*? Da li i uz glagole iz kolone A možeš upotrebiti reči koje odgovaraju na to pitanje? _____

6) Dopuni rečenice rečima koje nedostaju:

Glagoli iz kolone _____ označavaju radnje koje traju, to su nesvršeni glagoli (imperfektivni). Glagoli iz kolone _____ označavaju radnje čije je trajanje ograničeno na jedan trenutak, to su svršeni glagoli (perfektivni). Glagoli prema trajanju radnje (glagolskom vidu) mogu biti _____ i _____.

7) Glagoli su postali svršeni tako što im je dodat prefiks *do-*. Pronađi u pesmi i druge svršene glagole koji su nastali dodavanjem prefiksa i napiši ih na linije:

u- _____, pre- _____,
o- _____, ob- _____.

8) Pronađi glagole u sledećem tekstu. Nesvršene (imperfektivne) glagole označi jednom bojom, a svršene (perfektivne) nekom drugom bojom.

Marija je celo popodne radila domaći zadatak, ali ga nije do kraja uradila. Napravila je pauzu. Gledala je neki film, ali je zaspala i nije ga odgledala do kraja. Spavala je sve do jutra.

Dopuni rečenice rečima koje nedostaju:

Ceo tekst je napisan u _____ (navedi glagolski oblik). U ovom tekstu ima glagola _____ i _____ vida. Znači da glagolski oblik _____ ne treba izjednačavati s _____ vidom glagola.

9) Dopuni tekst glagolima: *pisati, opisati, dopisivati se, napisati, dopisati, potpisati se, upisati se, prepisati:*

Deca su dobila zadatak da _____ pismo jednom svom drugu ili drugarici. Ana je odlučila da _____ Mariji, svojoj drugarici iz Srbije. One ____ već dve godine _____. Ana se ovog leta preselila u novu kuću pa je rešila da je _____. Pošto zna da Marija voli da čita, odlučila je da iz jedne knjige _____pesmukojajojsejakosvidela.Ana_____ovejeseni_____ i u muzičku školu, pa je na kraju i to _____. _____ sa «Tvoja drugarica Ana iz Švedske».

10) Od glagola *plivati* načini svršene tako što ćeš mu dodati prefikse *do-, od-, pre-, za-, pro-*. Svaki glagol upotrebi u rečenici:

_____
_____
_____
_____
_____
_____

Tabela 4: Tabela sa deset zadataka za usvajanje i uvežbavanje glagolskog vida.

2.3. Pesma *Vojvodina* – stariji uzrast – C2 nivo

Pesma *Vojvodina* jeste rodoljubiva lirska pesma. Tema, pesničke slike, bogata simbolika čine je pogodnom za odrasle polaznike koji vladaju nivoom C1, tj. za one koji se u datom trenutku nalaze na C2 nivou. Gramatičke strukture u stihovima ove pesme trebalo bi da su na ovom nivou već usvojene, što implicira lakše razumevanje samoga teksta. Isto tako, polaznici na C2 nivou osposobljeni su da razumeju širi opseg dužih i zahtevnijih značenja, da prepoznaju skrivena značenja. Ipak, stihovi obiluju nepoznatim rečima, specifičnom, dijalekatskom leksikom kojom se denotiraju predmeti, pojmovi vezani za ovaj kraj. U tom smislu, upotreba ovog poetskog teksta, polaznicima pruža mogućnost da razumeju karakteristike

iskaza iz regionalnog govora. Dalje, s obzirom na to da se u pesmi, uslovljeno osnovnom temom – ljubav prema svom kraju, dočarava krajolik, ali i način života, peva se o nacionalnoj i verskoj strukturi stanovništva, njihovim običajima, ona predstavlja i odličan osnov, predložak za upoznavanje polaznika sa kulturološkim specifičnostima. Usvajanje stranog jezika uključuje i pronicanje u opšte kulturne modele jedne zajednice – komunikativna kompetencija u centar mora staviti i kulturu (Perišić Arsić, 2018: 96). U poetskim tekstovima ogleda se prožimanje kulture i jezika, i uticaj kulture na jezik. Stoga, kako R. Dragićević s pravom ističe, uvođenjem ovakvih i sličnih sadržaja (frazeologizmi, izreke, poslovice, ali i sadržaji iz savremene kulture – replike iz filmova, reklame, popularne pesme) u nastavu srpskog jezika kao drugog moguće je približiti posebnosti srpskog jezika uslovljene specifičnostima nacionalne kulture (2011: 83). Podjednako je važna i donekle druga perspektiva – na osnovu tekstova ovoga tipa polaznici se upoznaju sa kulturom i tradicijom srpskog naroda (Spasić & Novaković, 2024: 77). Obrada pesme *Vojvodina* pruža mogućnost da polaznici upoznaju kulturnu baštinu, običaje, stil života (Perišić Arsić, 2018: 96) na ovim prostorima. Ovo, naravno, osim toga što polaznicima omogućuje da bolje upoznaju i razumeju izvorne govornike srpskog jezika, unapređuje njihovu lingvističku kompetenciju s obzirom na to da kulturne posebnosti, specifičnosti dobijaju svoj jezički izraz (Perišić Arsić, 2018: 96).

Kao pripremu za čas na kojem se obrađuje poema *Vojvodina*, polaznici su prethodno dobili zadatke kako bi se upoznali sa autorom stihova, ali i sa Vojvodinom, kao osnovnim motivom u njima. Podeljeni su u dve grupe. Jedna je grupa imala zadatak da pripremi referat o životu i stvaralaštvu Miroslava Mike Antića, a druga da pripremi referat o Vojvodini. Dobili su i smernice za izradu referata – referat o Miroslavu Antiću: vreme i mesto rođenja i smrti, raznovrsnost umetničkog stvaralaštva, geografski i kulturni kontekst života i rada, lična obeležja; referat o Vojvodini: geografski položaj, prirodna bogatsva i životinjski svet, tipovi naselja, nacionalna i verska kultura. Predviđeno je da svaki referat traje 5-7 minuta. Pre početka časa nastavnik postavlja fotografije (v. Prilog 1) – Miroslava Mike Antića i Vojvodine. Dok ulaze u učionicu, učenici razgedaju slike, a u pozadini se čuje instrumentalna muzika (Janika Balaž i orkestar – splet instrumentala *Kad zaigra srce u primaša*). Na osnovu činjenica iznetih u referatima učenici dobijaju potreban kontekst koji omogućuje da dožive stihove pesme *Vojvodina*. Već u uvodnom delu časa uključene su različite vrste umetnosti, što doprinosi tome da se učenici prepuste materijalu, da ih on prožme, a cilj nije memorisanje već globalno razumevanje i emotivni doživljaj. Potom, učenici slušaju tekst.[7]

[7] Izvor: https://www.youtube.com/watch?v=5Wg0mpyFkNs&ab_channel=MiroslavMikaAnti%C4%87.

Vojvodina (odlomci) Volim je od štala do neba i od blata do pšenice. Toplu od ciganskih gudala i blagdanskih očenaša. Vršidbenu i zadušničku, smeđu kao devojačke pletenice. Tu zemlju čardaša, čaša i bezemljaša. ... Volim je, jer svi smo široki i obični kao ova ravnica, jer smo i veliki i prokleti na ovim zelenim travama. I milioni rumenih suludih zvezdanih ptica večito će lepršati nad našim umornim glavama. ... Muču steoni vinogradi. Peni se jesen u kacama. Rđaju po bespućima vetrovi sa kutnjacima masnim od slanine. ... Širok Dunav. Široke pustare. Široko garavo oko.	Od svetog Čarnojevića do svetog skeledžije na Tisi, Oče naš u opancima, u katancima i lancima, Oče naš iže jesi i iže nisi. ... I volim je prosjačku, pred crkvama, nedeljama, u ritama. I svatovsku, astragansku, neucveljenu bolovima. I Vojvodinu vašarsku i harmonikašku. Čas raspusnu, čas pitomu. I birtijašku što osvanjiva štucajući pod stolovima. ... Lete nad Fruškom gorom, nad tornjevima, nad đermovima nakolmovani paorski anđeli bez krila i oreola. Lete do zvezda i vraćaju se sa zvezda lepi, mrtvi i šašavi, sa ufitiljenim brkovima, u gaćama od šest pola.	Jao ravnico! Jao česnico! Jao vodo i travo! Jao sve moje drveno od krstova i krvavo, i prljavo, i pravo. Jao žuto od snopova, od mrtvaca, od sunca i od sveća! I jao šareno od vina, od violina, od sukanja i cveća. ... Volim te što si prosta, sirova, divlja tako, i tako mnogo luda! Volim te. Volim. Oprosti. Od ponosa i stida, od đinđuva i vaški, ti, ljuljaško i rako, žut zubat smeh ne skrivaj! Pevaj pijano racki, madžarski, totski, vlaški, rusinski, bunjevački i lički preko dalekih njiva. https://www.ravnoplov.rs/vojvodina-miroslav-mika-antic/

Tabela 5: Odlomci poeme Vojvodina Miroslava Mike Antića.

Pesma, kako je ranije istaknuto, obiluje nepoznatim rečima, tako da učenici sigurno nisu razumeli mnoge njene delove, što i nije cilj nakon prvog slušanja. Zbog toga razgovor se vodi o opštim utiscima o pesmi:

Kakvo raspoloženje u vama izaziva ova pesma? Kakva su pesnikova osećanja prema Vojvodini? Koje se reči ponavljaju u pesmi? Kakvu Vojvodinu voli pesnik? Koja sve njena lica voli? Kakav utisak na vas ostavlja uzvik: Jao? Šta on govori o pesnikovim osećanjima? Odaberite jednu reč koja bi, po vašem mišljenju, najviše odgovara ovoj pesmi.

Učenici predlažu reči koje nastavnik ispisuje na tablu i traži da se obrazlože, na primer: *ljubav, tuga, sreća, razdraganost, melanholija, seta, siromaštvo, bogatstvo, jednoličnost, raznovrsnost, šarenilo, suprotnosti...* Oni se na ovaj način pripremaju za detaljnije razumevanje i analizu pesme.

U narednoj fazi očekuje se samostalan rad učenika. Pred sobom imaju odlomke pesme i tekst sa objašnjenjima nepoznatih reči (v. Prilog 2).[8] Lekseme se navode redom kojim se pojavljuju u pesmi – to omogućuje učenicima da ih lakše pronađu u tekstu, te posledično brže čitanje stihova. Tekst čitaju u sebi, a priloženi rečnik im pomaže u detaljnijem razumevanju pesme. Ova faza traje dok većina učenika ne kaže da je spremna za razgovor.

Nakon što učenici pročitaju pesmu, može se započeti detaljniji razgovor o njoj, sagledavanje njenih elemenata iz različitih perspektiva. U ovoj fazi od učenika se očekuje i upotreba novih, do tada nepoznatih reči. Razgovor može započeti uočavanjem i izdvajanjem suprotnosti, kontrasta kojima pesnik objedinjuje Vojvodinu.

Kako učenici pronalaze kontraste, tako ih nastavnik ispisuje na tabli:

Vojvodina u kontrastima:

blato	–	*pšenica*
ciganska gudala	–	*blagdanski očenaši*
vršidba	–	*zadušnice*
Čarnojević	–	*skeledžija*
rite	–	*astragan*
raspusna	–	*pitoma*
ponos	–	*stid*
vaške	–	*dinđuve*
ljuljaška	–	*raka*

Razgovor se vodi o svakom pojedinačnom kontrastnom paru, o tome šta oni simbolizuju. Pružaju se smernice za razgovor tako što se formulišu tri osnovna para koji denotiraju pojmove koje simbolizuju kontrastni parovi: siromaštvo – bogatstvo (BLATO:PŠENICA; RITE:ASTRAGAN i sl.); tuga – radost (RAKA:LJULJAŠKA i sl.); prošlost – sadašnjost (ČARNOJEVIĆ:SKELEDŽIJA i sl.).

Razgovor se dalje vodi o tome na koja sve čula pesma deluje. S tim ciljem, ali i šire kako bi im se približili osnovni motivi u pesmi, nastavnik pokazuje slike Vojvodine, vezane za različite tipove njenih osobenosti:

Prostor: *ravnica, njive, nebo, reke, vinogradi, Fruška gora....*

Boje:

smeđa (oranica, zemlja, njiva, blato, devojačke pletenice, drveni krstovi...)

plava (reka, nebo)

zelena (trava)

crna (oko)

žuta (snopovi žita, sunce, sveće, mrtvaci, zubi...)

šareno (suknje, cveće...)

[8] Prilikom određivanja značenja reči konsultovan je RSJ (1967-1976).

Objekti i predmeti: *štale, oltar, crkve, tornjevi, đermovi....*

Zvuci Vojvodine: *molitve, čardaš, harmonika, violine, narodne pesme (srpske, mađarske, slovačke, rumunske, ličke, bunjevačke, ciganske...), vetar*

Ukusi Vojvodine: *slanina, grožđe, vino, česnica.*

Čas se privodi kraju povezivanjem fotografija sa sadržajem obrađene pesme, uz slušanje muzike različitih naroda Vojvodine. Polaznici razgovaraju o fotografijama i na taj način proširuju svoje znanje o geografskim, kulturološkim i istorijskim specifičnostima Vojvodine.

3. Zaključak

Metodika nastave jezika kao drugog (nematernjeg, stranog ili zavičajnog) jezika suočava se s mnogim izazovima – neujednačenost u pogledu tipoloških i genetskih svojstava prvog jezika učenika, njihov različit uzrast i nejednak nivo vladanja jezikom. S obzirom na navedeno, te na posebnost jezika književnih tekstova (zasnovanu na njegovoj estetskoj (poetskoj) funkciji), u literaturi se nailazi na stav da tekstove ovoga tipa treba izostaviti iz nastave stranog jezika. Argumenti koji se navode tiču se elemenata koji otežavaju recepciju i razumevanje književnih (poetskih) tekstova, Naime, oni jezikom, stilom i kulturno specifičnim svojstvima mogu biti teško razumljivi i nepristupačni, te kao takvi, ne doprinose razvoju ni jezičke, ni komunikativne kompetencije učenika. U ovom radu, međutim, polazimo od stava da književne tekstove (pa i poetske), s obzirom na to da svi ranije istaknuti problemi mogu biti uspešno prevaziđeni pažljivim izborom adekvatnog književnog materijala, treba uvoditi u nastavu stranog jezika jer mogu imati raznovrsnu funkciju u ovladavanju jezikom i kulturnim specifičnostima. Da je ovakvo polazište opravdano, potvrđujemo navođenjem nekih mogućnosti obrade pesama Miroslava Mike Antića u nastavi srpskog jezika kao drugog, na različitim uzrastima i na različitim nivoima poznavanja srpskog jezika. Iz celokupnog stvaralačkog opusa ovog autora odabrane su tri pesme koje su poslužile kao predložak za osmišljavanje raznovrsnih vežbi i zadataka za razvijanje leksičke i gramatičke kompetencije učenika, te upoznavanje s kulturološkim elementima. Na osnovu odabranih stihova osmišljeni su raznovrsne leksičke i gramatičke vežbe (tekst pesme *Nezgoda* koristimo kao predložak za usvajanje novih reči iz tematske klase *domaće životinje i njihovi mladunci*; stihovi pesme *Šta je najveće?* predstavljaju, između ostalog, osnovu za vežbe za ovladavanje građenjem i pravilnom upotrebom glagola različitog vida) i za upoznavanje kulturoloških specifičnosti (u poemi *Vojvodina* pesnik dočarava krajolik, ali i način života, nacionalnu i versku strukturu stanovništva, njihove običaje, što pruža mogućnost strancima da proniknu u kulturne modele zajednice). Predloženi postupci pokazuju da poetski tekstovi mogu poslužiti kao predložak za razvijanje svih jezičkih veština i upoznavanje s kulturnim kodom zajednice čiji jezik se usvaja, te da bi mogli, i trebalo bi, biti uključeni u nastavu srpskog jezika kao drugog već od početnih nivoa učenja jezika. Pristup književnom delu može biti različit, te se predložene aktivnosti mogu varirati u skladu s mogućnostima i interesovanjima učenika.

Literatura

Dragićević, R. (2011). Lingvokulturološki pristup u nastavi srpskog jezika kao stranog. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 2* (pp. 81-93). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Janjić, M. (2018). *Metodika nastave srpskog kao zavičajnog jezika*. Akademska srpska asocijacija. [štampano ćirilicom].

Matrusova, A. (2016). Pesme u nastavi srpskog kao stranog jezika. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 3* (pp. 379-385). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Mrkalj, Z. (2011). Razumevanje pročitanog. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 2* (pp. 7-18). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Mrkalj, Z. (2016). Korišćenje različitih tipova tekstova u nastavi srpskog kao stranog. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 3* (pp. 357-377). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Nestorović, Z. (2016). Književni tekstovi u nastavi srpskog kao stranog (primeri obrade). In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 3* (pp. 347-355). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Novaković, A., & Božić, M. (2023). Upotreba književnog teksta u nastavi srpskog kao stranog jezika (primer obrade). In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 5* (pp. 359-372). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Panajotović, A., Parezanović, T., & Ćuk, M. (2022). Upotreba književnih sadržaja u nastavi stranih jezika. *Reči: Časopis za jezik, književnost i kulturu*, *14*(15), 11-23.

Perišić Arsić, O. (2018). Različiti aspekti kulture u udžbenicima srpskog jezika kao stranog. In I. Živančević-Sekeruš (Ed.), *Deveti međunarodni interdisciplinarni simpozijum. Susret kultura* (pp. 95-105). Filozofski fakultet u Novom Sadu.

Perišić, J. (2016). Upotreba književnog teksta u nastavi (srpskog kao stranog) jezika. *Metodički vidici*, *7*, 255-276. [štampano ćirilicom].

Perišić, J. (2017). Autentičnost tekstova u nastavi srpskog kao stranog jezika na višim nivoima učenja. *Metodički vidici*, *8*, 233-249. [štampano ćirilicom].

Redli, J. (2011). Upotreba autentičnih pesama u nastavi srpskog jezika kao stranog. In D. Točanac & S. Gudurić (Eds.), *Primenjena lingvistika danas – između teorije i prakse* (pp. 305-316). Društvo za primenjenu lingvistiku Srbije, Filozofski fakultet u Novom Sadu, Filološki fakultet u Beogradu. [štampano ćirilicom].

Redli, J. (2023). Funkcionalni pristup tekstovima u nastavi srpskog kao nematernjeg jezika na naprednom nivou postignuća. *Metodički vidici*, *14*(2), 75-94. [štampano ćirilicom].

RSJ. (1967-1976). *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika* (Vols. 1-6). Matica srpska; Matica hrvatska. [štampano ćirilicom].

Spasić, N., & Novaković, A. (2024). Mesto i funkcija pesama u nastavi srpskog kao stranog jezika. *Filolog*, *15*, 64-83. [štampano ćirilicom].

Stamenković, S. (2020). Književnost u nastavi srpskog kao stranog jezika. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi IV* (pp. 501-509). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Stojanović Frechette, O. (2020). Kulturna istorija kroz istoriju popularne muzike. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi IV* (pp. 541-552). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Tomić, A., & Litričin Dunić, D. (2020). Književni tekstovi kao izvor kulturoloških sadržaja u nastavi srpskog jezika kao stranog. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi IV* (pp. 523-530). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Tomić, A. (2023). Korelacijsko tumačenje poezije u nastavi srpskog kao stranog jezika na primeru Sveti Sava Vojislava Ilića. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi: Tematski zbornik radova 5* (pp. 349-358). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

Turanjanin Nikolopulos, B. (2020). Književni tekst u nastavi srpskog kao stranog jezika. In V. Krajišnik (Ed.), *Srpski kao strani jezik u teoriji i praksi IV* (pp. 511-521). Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, Centar za srpski kao strani jezik. [štampano ćirilicom].

ZEO. (2003). *Zajednički evropski okvir za žive jezike: Učenje, nastava, ocenjivanje* (D. Bogojević, N. Živković, B. Ilić, G. Terzić, & B. Vujačić, Trans.). Ministarstvo prosvjete i nauke.

Zvekić-Dušanović, D. (2024). Književni tekst u nastavi srpskog kao nematernjeg jezika. In R. Dragićević (Ed.), *Savremeno proučavanje srpskog jezika i književnosti i drugih slovenskih jezika i književnosti kao maternjih, inoslovenskih i stranih* (pp. 559-569). Savez slavističkih društava Srbije. [štampano ćirilicom].

Prilog 1: Fotogrografije uz obradu pesme Vojvodina.

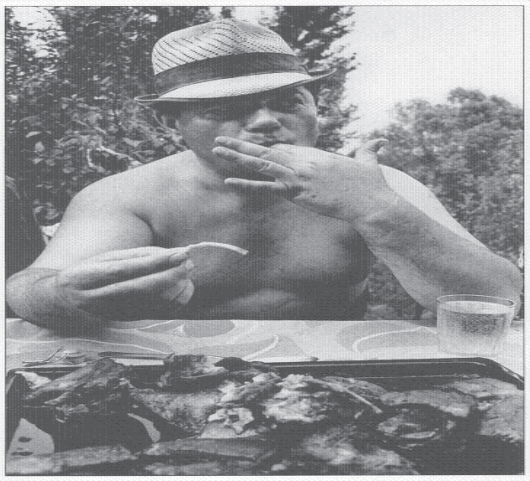
VINOGRADI U JESENJE
Na Banstolu, 1983.

Planduju vinogradi u gustoj sunčevini:
rudi berba, cik i kolo, i pesma neka veselo rumena...

DERAM
U okolini Kisača, 1986.

Bunaru u ataru tek će proleće doneti nečiju žednu usnu

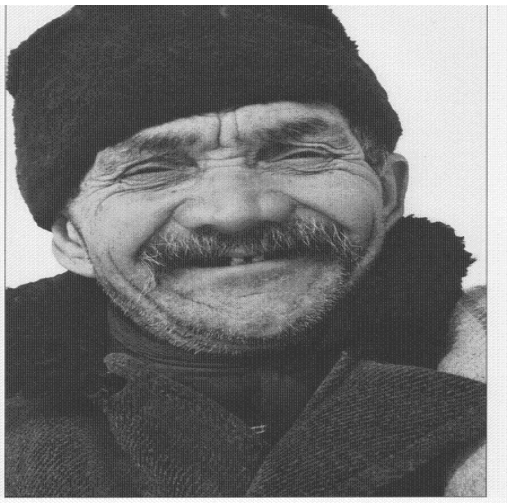
GOZBA
Susek, 1980.

Sve prste „opija" koliko mu je pečenje slasno,
a kad ga još zalije špricerom,
biće dvostruko — „podmazan":
bolje od bilo kojeg kombajna!

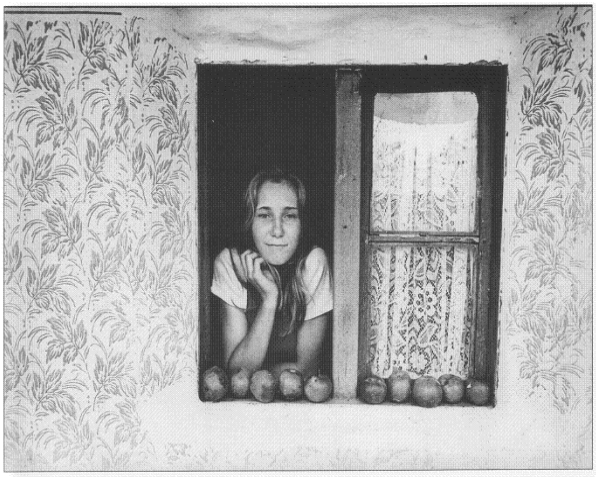
KACE
1974.

Bez kace nema valjana ni prisola ni rasola,
ni mrsa ni kisela kupusa – a kako bez svega toga preziniti zimu?...

BRKA
Kovilj, 1962.

„E, kad sam bio mlad, ni' mi trebalo ni sunca,
ta, baš noćom sam bio najvreliji,
a sad brez šubare – nikud!...“

RUMENA KÖ JABUKA
U Bačkom Petrovcu, 1972.

A s lebrnjeg pendžera zaista se vidi sva prednja avlija,
samo što u njoj njenog momka nije...

Prilog 2: Objašnjenje nepoznatih reči u pesmi Vojvodina.

štala, ž.r. – seoska zgrada za stoku (obično za konje i goveda)

gudalo, s.r. – štap kojim se svira na gudačkim instrumentima

blagdanski, blagdanska, blagdansko – koji se odnosi na blagdan, praznični, svečan

Očenaš – osnovna hrišćanska molitva Bogu (prema rečima «Oče naš» kojima ta molitva započinje)

vršidbeni, vršidbena, vršidbeno – koji se odnosi na vršidbu

vršidba, ž.r. – vršenje žita, izdvajanje zrnja od zrelog žitnog klasja

zadušnički, zadušnička, zadušničko – koji se odnosi na zadušnice

zadušnice, ž.r. – dan posvećen uspomeni na mrtve

čardaš, m.r. – mađarski narodni ples brzih, temperamentnih pokreta

bezemljaš, m.r. – onaj koji nema svoje zemlje za obradu

steoni, steona, steono – koja nosi tele, bremenita (o kravi)

kaca, ž.r. – okrugli drveni sud opasan obručima, otvoren s gornje strane

rđati, rđam – prekrivati se rđom, oksidisati

kutnjaci, m.r. – zubi smešteni u zadnjem delu vilice

pustara, ž.r. – nenaseljena i neobrađena prostrana travnata ravnica

garav, garava, garavo – koji je boje gara, crn, taman

Čarnojević – Arsenije III Čarnojević, srpski patrijarh koji je krajem XVII veka predvodio seobu Srba preko Dunava na teritoriju Vojvodine, tadašnju Ugarsku

skeledžija, m.r. – skelar, onaj koji prevozi skelom

skela, ž.r. – splav ili lađa koja se kreće duž jakog užeta, služi za prevoz ljudi, tereta, vozila

opanak, m.r. – seljačka laka plitka obuća, obično od isprepletenih kožnih kaiševa i povinutim vrhom

iže – u molitvi: Oče naš iže jesi na nebesjah – Oče naš koji jesi na nebesima

prosjački, prosjačka, prosjačko – koji odaje siromaštvo, bedu

rita, ž.r. – pocepan komad odeće, dronjak, krpa; poderana odeća, prnja

astraganski, astraganska, astragansko – koji je od astragana, skupocenog krzna od runa mladih jaganjaca astrahanske ovce

neucveljen, neucveljena, neucveljeno – koji nije ucveljen, koji nije ožalošćen, rastužen

vašar, m.r. – skup velikog broja prodavaca i kupaca u nekom mestu koji se održava povremeno u određene dane u godini, sajam

harmonika, ž.r. – muzički instrument koji se sastoji od klavijature s dirkama s desne strane i tastature s dugmadima s leve strane povezanih mehom u sredini

raspustan, raspusna, raspusno – koji sebi dozvoljava preteranu slobodu, raskalašan

birtijaški, birtijaška, birtijaško – kafanski

toranj, m.r. – kula ili drugo visoko srazmerno usko zdanje

đeram, m.r. – primitivan uređaj za vađenje vode iz bunara

nakolmovan, nakolmovana, nakolmovano – uvijen u kovrdže, lokne

paorski, paorska, paorsko – seljački

oreol, m.r. – svetao, zlatni kružni pojas oko glave kao simbol sveca

ufitiljen, ufitiljena, ufitiljeno – uvrnut, uvijen kao fitilj

fitilj, m.r. – pamučna vrpca, traka u petrolejskoj lampi, sveći

pola, ž.r. – (ovde) širina kakve tkanine;

«gaće od šest pola» – široke bele pantalone, deo vojvođanske muške nošnje
česnica, ž.r. – pogača ili pita koja se mesi za Božić
snop, m.r. – povezani skup stabljika požnjevenog žita
prost, prosta, prosto – jednostavan; razumljiv; prirodan
sirov, sirova, sirovo – (ovde) grub, surov
đinđuva, ž.r. – veštački biser, manje vredan nakit, bižuterija
vaška, ž.r. – vrsta insekata koji žive kao paraziti na čoveku i životinjama sišući im krv
raka, ž.r. – grob
Rac, m.r. – stariji, nekad pogrdni, mađarski naziv za Srbina
Tot, m.r. – mađarski pogrdni naziv za Slovaka
Vlah, m.r. – (ovde) pripadnik rumunske nacionalne manjine u severoistočnoj Srbiji
Lika, ž.r. – predeo u jugozapadnoj Hrvatskoj